

ISSN 2078-8975

Выпуск / Issue
№ 4 (52) Т.1 / 2012

ВЕСТНИК BULLETIN

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Биология
История
Математика
Науки о земле
Педагогика
Политические науки
и социология

Психология
Физика
Филология
Философия
Экономика
Юриспруденция

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2012 № 4 (52) Т. 1

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А., д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (г. Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (г. Новосибирск, Россия).
Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., проректор по информатизации КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Бабищ М. – д-р юр. наук, проф. Баня-Лукского университета (г. Баня Лука, Сербия).
Дружинин В. Г., д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (г. Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. – проф. природно-математического факультета Сербского университета (г. Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – д-р филол. наук, Сеульский национальный университет (г. Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., главный редактор, председатель.
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.
Бибилло В. Н. – д-р юр. наук, проф. (Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.
Зеленин А. А. – д-р полит. наук, проф.
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, доцент.
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф.
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор.
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Соколова Я. – канд. филол. наук, проф. (Словакия).
Черненко Т. Г. – д-р юр. наук, проф.
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф.
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф.
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Редактор выпуска – *З. А. Кунашева*
Компьютерная верстка – *В. А. Шерина*

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2012 № 4 (52) T. 1

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin, Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
K. E. Afanasyev, Dr. of Physics and Mathematics, Vice-Rector for Informatization of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. Babic, Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Serbia).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov, Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich, Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-in-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik, Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic, Prof. at the Faculty of Science and Mathematics of the University in Pristina, President of Impex Company (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin, Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa, Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova, Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin, Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

K. E. Afanasyev – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Editor-in-Chief – Chair.
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof.
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof. (Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof.
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof.
A. A. Zelenin – Dr. of Political Science, Prof.
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof.
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof.
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Associate Prof.
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof.
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor.
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
Ya. Sokolova – Candidate of Philology, Prof. (Nitra, Slovakia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof.
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof.
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof.
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof.
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof.

Issue editor – *Z. A. Kunasheva*
Computer layout – *V. A. Sherina*

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПН ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 1212.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
http://www.kemsu.ru/kemsu_info/science/bulletin.htm

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150
Каталог российской прессы «Почта России» – 51944

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration:
ПН ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 1212.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm.en>

Publisher Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

42150 – in the United catalogue “The Press of Russia”
51944 – in the Catalogue of the Russian press “The Post of Russia”

Free access to the Bulletin is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Bulletin is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

<http://elibrary.ru>

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

БИОЛОГИЯ

- 8 **Ковалевский А. В., Ильяшенко В. Б., Лучникова Е. М.** Распространение рода береговые ласточки *Riparia* в Кемеровской области
- 13 **Ковригина Л. Н., Степанюк Г. Я.** Корреляции между признаками строения стебля и показателями продуктивности у шестирядных и двурядных сортов ячменя
- 20 **Петункина Л. О., Свиркова С. В., Маевская Н. А., Старцев А. А.** Физиологическая оценка устойчивости овса
- 24 **Шереметов Р. Т., Уфимцев В. И.** Оценка влияния температуры на радиальный прирост сосны обыкновенной (*pinus sylvestris l.*) в условиях техногенного воздействия

ИСТОРИЯ

- 29 **Волчек В. А.** Имперская политика в отношении административно-территориального деления Сибири в середине XIX века
- 32 **Гаврилов С. О., Мищенко Л. В.** Становление и развитие системы прокуратуры РСФСР в период формирования советского политического режима (1917 – начало 1920-х гг.)
- 36 **Горелов Ю. П.** Последние месяцы Русско-японской войны (1904 – 1905 гг.). Портсмутский мир
- 40 **Горелов Ю. П.** Сибирь в Русско-японской войне (1904 – 1905 гг.): историография проблемы
- 43 **Заболотская К. А.** К вопросу об использовании исторического опыта и подготовки кадров историков в контексте проведения года российской истории
- 46 **Зиняков Н. М.** Кузнечное производство г. Тобольска XVII – XVIII вв. (металлографическое исследование хозяйственного инвентаря)
- 52 **Зиняков Н. М.** Черная металлургия и кузнечное ремесло в экономике средневековых городов Казахстана
- 57 **Корнева Л. Н.** Наука и культура в нацистской Германии в оценке германских историков
- 63 **Корнева Л. Н., Арапина С. В.** Идеология «народного сообщества» как форма и средство консолидации нацистского режима в Германии (на примере деятельности германского трудового фронта)
- 67 **Ликстанов И. М.** Обеспечение антибольшевистскими правительствами законности в тюрьмах Восточной Сибири в годы Гражданской войны (1918 – 1919 гг.)
- 71 **Литягина А. В.** Ментальность и её исследование историками в постсоветский период (1990 – 2000 гг.)
- 78 **Михайлов Ю. И.** Металлический инвентарь могильника у д. Ростовка

BIOLOGY

- 8 **Kovalevsky A. V., Ilyashenko V. B., Luchnikova E. M.** The distribution of martin *Riparia* genus in Kemerovo region
- 13 **Kovrigina L. N., Stepanyuk G. Ya.** The correlations between stalk structure features and crop-producing power indices in six-row and two-row barley cultivars
- 20 **Petunkina L. O., Svirnova S. V., Maevskaya N. A., Startsev A. A.** Physiological estimation of oats' resistance
- 24 **Sheremetov R. T., Ufimtsev V. I.** Estimation of temperature effect on the radial growth of the pine forestry (*Pinus Sylvestris L.*) in technogenic influence

HISTORY

- 29 **Volchek V. A.** The imperial policy concerning the administrative-territorial division of Siberia in the middle of the XIX century
- 32 **Gavrilov S. O., Mischenko L. V.** Development of public prosecution system in formation of the Soviet political regime (1917 – early 1920 s.)
- 36 **Gorelov Yu. P.** The last months of the Russian-Japanese war (1904 – 1905). Portsmouth Peace Treaty
- 40 **Gorelov Yu. P.** Siberia in the Russian-Japanese war (1904 – 1905): historiography
- 43 **Zabolotskaya K. A.** On the usage of historical experience and training historians in the context of the Russian History Year
- 46 **Zinyakov N. M.** Forging production of Tobolsk XVII – XVIII centuries (metallographic household equipment research)
- 52 **Zinyakov N. M.** Black metallurgy and blacksmith in the economy of medieval cities of Kazakhstan
- 57 **Korneva L. N.** Science and culture in nazi Germany in the assessment of german historians
- 63 **Korneva L. N., Arapina S. V.** The ideology of "people's community" as a form of and the tool consolidation of the nazi regime in germany (by the example of the German labour front)
- 67 **Likstanov I. M.** Provision of the anti-bolshevik governments of the rule of law in the prisons of Eastern Siberia in the years of the civil war (1918 – 1919 s.)
- 71 **Lityagina A. V.** Mentality and its research by historians in postsoviet period (1990th – 2000th)
- 78 **Michailov Y. I.** The metallic inventory of cemetery Rostovka

- 83 **Мишенин С. Е.** Институционализация промышленного железнодорожного транспорта в Западной Сибири во второй половине XX века
- 88 **Мороз Е. В.** Религиозно-критическая концепция тоталитаризма в зарубежной историографии 30-х годов XX века
- 94 **Овчинников В. А.** Особенности возникновения кучумовской женской общины Томской епархии Русской православной церкви в начале XX века.
- 97 **Ростов Н. Д.** Участие воинов-сибиряков во все-народном движении помощи фронту в годы Великой Отечественной войны
- 104 **Шайдунов В. Н.** К вопросу о формировании еврейской общины Сибири в дореформенный период
- МАТЕМАТИКА**
- 110 **Макарчук Р. С.** Численное исследование процессов входа и погружения плоского цилиндра в несжимаемую жидкость методом сглаженных частиц
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ**
- 115 **Хайретдинов М. С., Авроров С. А., Воскобойникова Г. М., Седухина Г. Ф.** Оценивание геоэкологического риска от массовых взрывов с помощью сейсмических вибраторов
- ПЕДАГОГИКА**
- 122 **Аракелова А. О.** К вопросу о становлении общего музыкального образования и воспитания в рамках системы музыкального образования в период с 1917 по 1930 годы
- 125 **Губанова М. И., Ковалева И. В.** Методическое обеспечение деятельности школ по организации профильного самоопределения старших школьников
- 131 **Кириянова Л. Г.** «Туристская дестинация» как комплексный концепт и ключевой элемент туристской системы
- 136 **Печёрина О. В., Жуков Р. С.** Совершенствование процесса подготовки профессиональных кадров в сфере физической культуры и спорта в условиях вуза
- ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ**
- 141 **Кисляков М. М.** Социально-экономические проблемы адаптации регионального политического маркетинга
- 146 **Матвеева Е. В.** Проблема глобального изменения климата и ее отражение в программах российских политических партий
- 149 **Митин А. А.** Левые молодёжные организации как фактор воспроизводства политической системы
- 154 **Омеличкин О. В.** Проблема ненасилия в политической этике
- 158 **Омеличкин О. В.** Гражданское неповиновение и выборы
- ПСИХОЛОГИЯ**
- 162 **Ланина Е. М.** Интересы и мотивы выбора профессии учащимися специальных коррекционных образовательных учреждений VIII вида
- 167 **Ляхова М. А.** Особенности ценностных компонентов жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи
- 83 **Mishenin S. E.** Institutionalization of industrial railway transportation in Western Siberia in second half of XX-th century
- 88 **Moroz E. V.** The religious-critical conception of the totalitarianism in the foreign historiography in the 1930 s
- 94 **Ovchinnikov V. A.** The specific of the foundation the kuchumovskaya woman's cloister of the tomskaya bishopric of the russian orthodox church in the beginning of XX century
- 97 **Rostov N. D.** Participation of siberian soldiers in the movement of military aid during the great patriotic war
- 104 **Shaydurov V. N.** On the issue of the formation of the Siberian jewish community in the prereform period
- MATHEMATICS**
- 110 **Makarchuk R. S.** Numerical simulation of entry and submerging of a 2d cylinder into incompressible liquid using smoothed particle hydrodynamics
- EARTH SCIENCE**
- 115 **Khairtdinov M. S., Avrorov S. A., Voskoboinikova G. M., Sedukhina G. F.** Evaluation of geo-ecological risk from the mass explosions by seismic vibrators
- PEDAGOGY**
- 122 **Arakelova A. O.** To the issue of establishing of musical education and upbringing in the framework of the system of musical education during 1970 – 1930
- 125 **Gubanova M. I., Kovaleva I. V.** The methodical maintenance of schools activity on the pupils profile self-determination organization
- 131 **Kiriyanova L. G.** Destination as a key element of tourism system and as a complex concept
- 136 **Pecherina O. V., Zhukov R. S.** The improving of personnel in physical education and sport training in high school
- POLITICAL SCIENCE AND SOZIOLOGIE**
- 141 **Kislyakov M. M.** Social-economical problems of adaptation of regional political marketing
- 146 **Matveeva E. V.** Problem of global change of the climate and its reflection in programs of the russian political parties
- 149 **Mitin A. A.** Left youth organizations as factor of reproduction of political system
- 154 **Omelichkin O. V.** Non-violence issue in political ethics
- 158 **Omelichkin O. V.** Civil disobedience and elections
- PSYCHOLOGY**
- 162 **Lanina E. M.** The interests and career choice motives of Type VIII special correctional educational institutions' students
- 167 **Lyakhova M. A.** Value component peculiarities of life strategies of university students raised without parents' family

- 175 **Неяскина Ю. Ю.** Характер профессиональной деятельности как фактор, обуславливающий особенности временной перспективы личности военнослужащих по контракту
- 182 **Опарина Н. М.** Психологические основы мотивации учебных достижений
- 185 **Проконич О. А., Яницкий М. С., Браун О. А.** Особенности временной перспективы различных культурно-ценностных типов
- ФИЗИКА**
- 192 **Алтишулер О. Г., Колесников О. М., Павлова Т. Ю.** Сравнение субъективных и объективных оценок компьютерного тестирования
- ФИЛОЛОГИЯ**
- 198 **Бутакова Л. О.** Значение слова как достояние индивида (на примере этически значимых лексем *правда / ложь*)
- 205 **Голев Н. Д.** Статус и место асемантических элементов в морфодеривационной структуре слова. Статья 2. Системно-структурный, функциональный и генетический факторы
- 211 **Гришина Н. В.** О некоторых особенностях синонимии производных слов
- 215 **Кадола Т. А.** Текстуальные характеристики наименований городских торговых объектов
- 219 **Клейменова В. Ю.** Достоверность фикционального мира современной литературной английской сказки
- 224 **Лебедева Н. Б.** Ситуатема как динамическая, полиситуативная и полисобытийная структура глагольной семантики
- 227 **Тваржинская О. В.** О базовых презумпциях обыденной интерпретации поэтического текста
- 232 **Тоцилина Ю. Н.** Стереотипы о германии в сознании жителей сибирского федерального округа Российской Федерации
- ФИЛОСОФИЯ**
- 238 **Жукова О. И., Пушненкова С. А.** Аксиологический кризис и поиск общечеловеческих ценностей в современном социокультурном пространстве
- 243 **Иванова О. С.** Формы социального насилия первобытного общества
- 246 **Корягин В. В.** Материальные и идеальные аспекты природы информации
- 250 **Красиков В. И., Сандаг Энхтуяа.** Индийская и китайская историко-философские последовательности
- 257 **Черненкова А. В.** Проблема индивидуального и общественного здоровья в аспекте социальной ответственности
- 259 **Шафоростов А. И.** Онтологический аспект веры
- ХИМИЯ**
- 264 **Казакин Е. И., Лапсина П. В., Додонов В. Г., Пугачев В. М.** Влияние температуры процесса восстановления карбоната никеля на характеристики ультрадисперсного никеля
- 267 **Лапсина П. В., Додонов В. Г., Пугачев В. М., Казакин Е. И.** Получение ультрадисперсного кобальта восстановлением кристаллического карбоната кобальта
- 271 **Мирошников П. В., Рагулин В. В., Полтавец В. И.** Стабилизация каркаса в слое ледяных гранул
- 175 **Neyaskina Yu. Yu.** Professional activity type as a formative factor of the servicemen's time perspective peculiarities
- 182 **Oparina N. M.** Psychological basis of academic achievement motivation
- 185 **Prokonich O. A., Yanitskiy M. S., Braun O. A.** Peculiarities of temporal perspective of different cultural and values types
- PHYSICS**
- 192 **Altshuler O. G., Kolesnikov O. M., Pavlova T. Yu.** A comparison of subjective and objective assessment of computer testing
- PHILOLOGY**
- 198 **Butakova L. O.** Word meaning as property of the individual (an analysis of the ethically significant words *truth / lie*)
- 205 **Golev N. D.** Non-semantic elements' status and rank in morphoderivational word structure paper 2: systemic and structural, functional and genetic factors
- 211 **Grishina N. V.** Some special features of derivatives synonymy
- 215 **Kadolo T. A.** Textuality of the names of city trading objects
- 219 **Kleimenova V. Yu.** Fictional world of modern English art fairy tale as trustworthy issue
- 224 **Lebedeva N. B.** Situateme as a dynamic, polysituational and polyeventive verbal semantics structure
- 227 **Tvarzhinskaya O. V.** Base presumptions of ordinary interpretation of the poetic text
- 232 **Tochilina Yu. N.** The stereotypes of Germany in the consciousness of the inhabitants of the Siberian Federal district of the Russian Federation
- PHILOSOPHIE**
- 238 **Zhukova O. I., Pushnenkova S. A.** Axiological crisis and search for universal values in the actual social and cultural space
- 243 **Ivanova O. S.** Forms of social violence in the primitive society
- 246 **Koryagin V. V.** Material and ideal aspects of the nature of information
- 250 **Krasikov V. I., Sandag Enkhtuya.** Indian and Chinese historical-philosophical sequences
- 257 **Chernenkova A. V.** Problem of individual and public health in aspect of social responsibility
- 259 **Shaforostov A. I.** Ontologic aspect of belief
- CHEMISTRY**
- 264 **Kagakin E. I., Lapsina P. V., Dodonov V. G., Pugachev V. M.** The influence of the temperature of nickel carbonate reduction process on the characteristics of ultradisperse nickel
- 267 **Lapsina P. V., Dodonov V. G., Pugachev V. M., Kagakin E. I.** Receiving ultradisperse cobalt by reduction of crystal cobalt carbonate
- 271 **Miroshnikov P. V., Ragulin V. V., Poltavtsev V. I.** Stabilization of the frame in the layer of ice pellets

- 275 **Тиньков О. В., Полищук П. Г., Артеменко А. Г., Огниченко Л. Н., Кузьмин В. Е.** Анализ влияния структурных факторов на острую токсичность органических кислот и их производных
ЭКОНОМИКА
- 279 **Вержицкий Д. Г., Часовников С. Н.** Формирование понятия «экологический рынок» и его роль в современных условиях
- 284 **Драганчук Л. С.** Рынок образовательных услуг и его регулирование
- 290 **Жиронкин С. А.** Содержание регулирования структурных преобразований экономики России
- 294 **Кочнев А. И.** Налогообложение как инструмент стимулирования богатства населения
- 298 **Метелева М. А.** Построение программной системы как способ повышения эффективности управления экономикой региона
- 303 **Мухачёва А. В.** Качество жизни населения как научная категория: теоретические подходы к определению
- 307 **Новиков Н. И., Новикова Г. В.** Планирование системы поддержания производственно-технологической работоспособности металлургического предприятия
- 313 **Резник С. Д., Сазыкина О. А., Фомин Г. Б.** Особенности и пути оптимизации системы управления высшим учебным заведением
- 319 **Резник С. Д., Фомин Г. Б.** Формирование резерва управленческих кадров высших учебных заведений
- 324 **Старикова Л. Н., Сагдеева Л. С.** Инновационность экономики региона как предпосылка повышения качества человеческого капитала
- 331 **Степанов И. Г., Шарнин А. В.** Основные компоненты механизма реализации стратегического плана социально – экономического развития муниципального образования
- 333 **Степанов И. Г., Шарнин А. В.** К вопросу о формировании стратегии развития социальной сферы муниципального района
- 338 **Халиулина В. В., Шабашева С. В.** Здоровье – важная составляющая трудового потенциала
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
- 342 **Гаврилова А. В.** Сибирское правосудие в первой половине XIX века (на примере Томского губернского суда)
- 345 **Казанцев И. А.** Особенности договора доверительного управления наследственным имуществом
- 348 **Казанцева А. Е.** Возможные наследники по праву представления
- 351 **Попова Д. Г.** Услуга как объект гражданских прав и ее соотношение с категорией «социальная услуга»
- 359 **Информация для авторов**
- 361 **Подписка на «Вестник КемГУ»**
- 275 **Tinkov O. V., Polishchuk P. G., Artemenko A. G., Ognichenko L. N., Kuz'min V. E.** The analysis of structural factors influence on the acute toxicity of organic acids and their derivatives
ECONOMY
- 279 **Verzhitsky D. G., Chasovnikov S. N.** The formation of the term 'ecological market', and its role in the modern conditions
- 284 **Draganchuk L. S.** Educational services market and its regulation
- 290 **Zhironkin S. A.** The content of Russian economy's structural regulation
- 294 **Kochnev A. I.** Taxation as a method of people's wealth stimulation
- 298 **Meteeva M. A.** Creating programs system as the way to increase the efficiency of regional economy management
- 303 **Muhacheva A. V.** Quality of life as a scientific category: theoretical approaches to determining
- 307 **Novikov N. I., Novikova G. V.** Planning the system of maintaining the industrial-technological working capacity of a metallurgical enterprise
- 313 **Reznik S. D., Sazykina O. F., Fomin G. B.** Peculiarities and ways of the university management system optimisation
- 319 **Reznik S. D., Fomin G. B.** Forming the university managerial staff reserve
- 324 **Starikova L. N., Sagdeeva L. S.** Innovativeness of regional economy as a prerequisite for the improvement of human capital quality
- 331 **Stepanov I. G., Sharnin A. V.** The main components of the mechanism for implementing the strategic plan for the socio - economic development of the municipality
- 333 **Stepanov I. G., Sharnin A. V.** Development strategy of the municipal social services
- 338 **Khaliulina V. V., Shabasheva S. V.** Health as the important component of labor potential
LAW
- 342 **Gavrilova A. V.** Siberian Justice in the first half of the XIX century (the example of Tomsk provincial court)
- 345 **Kazantsev I. A.** The specialities of entrusted management of property contract
- 348 **Kazantseva A. E.** Possible heirs by right of representation
- 351 **Popova D. G.** Service as a subject of civil rights and its relationship with category «social services»
- 359 **Information for authors**
- 361 **Subscribe to Bulletin of KemSU**

БИОЛОГИЯ

УДК 598.284 (571.17)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РОДА БЕРЕГОВЫЕ ЛАСТОЧКИ *RIPARIA* В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

А. В. Ковалевский, В. Б. Ильяшенко, Е. М. Лучникова

THE DISTRIBUTION OF MARTIN *RIPARIA* GENUS IN KEMEROVO REGION

A. V. Kovalevsky, V. B. Ilyashenko, E. M. Luchnikova

В связи с разделением береговой ласточки на собственно береговую *Riparia riparia* (Linnaeus, 1758) и бледную *Riparia diluta* (Sharpe et Wyatt, 1893) нами была предпринята попытка выявить, какой вид обитает в регионе. Как показали исследования 2009 – 2011 гг., на территории Кемеровской области в настоящее время обитают оба вида. В результате сравнения измерений крыла было выявлено, что до резкого сокращения численности в конце 80-х гг. на территории области уже обитала бледная ласточка, несмотря на то, что в литературе тех лет отмечается только береговая ласточка. Анализ коллекционного материала и данные отловов свидетельствуют о том, что бледная ласточка распространена по всему среднему течению р. Томь, береговая ласточка достоверно отмечена только на одной колонии в среднем течении Томи.

Since the martin genus is divided into sand martin proper *Riparia riparia* (Linnaeus, 1758) and pale martin *Riparia diluta* (Sharpe et Wyatt, 1893), we attempted to reveal which kind lives in region. As the researches of 2009 – 2011 have shown, both species live in Kemerovo region now. The results of comparing wing measurements show that before the sharp reduction of the number in the late 1980s the pale martin inhabited the area, in spite of the fact that only the sand martin is reported in the literature of those years. The collection material analysis and catching data prove that the pale martin lives all along the middle current of the river Tom', while the sand martin was reliably reported in only one colony in the middle current of the Tom'.

Ключевые слова: распространение, численность, *Riparia riparia*, *Riparia diluta*.

Keywords: area of distribution, number of species, *Riparia riparia*, *Riparia diluta*.

Введение

В настоящее время в большинстве фаунистических сводок береговая ласточка *Riparia riparia* (Linnaeus, 1758) и бледная ласточка *Riparia diluta* (Sharpe et Wyatt, 1893) рассматриваются в качестве самостоятельных видов [1; 2; 3; 4; 5; 6]. В связи с этим возникла необходимость установить современное распространение обоих видов в Кемеровской области. Кроме этого, за последние 20 лет в долине среднего течения р. Томь значительно сократилась численность гнездящихся пар, многие мелкие колонии исчезли, а от крупных остались лишь фрагменты. Поэтому нами была предпринята попытка «реконструировать» принадлежность ласточек к той или иной форме до сокращения численности на основании записей измерений крыла в прежние годы.

Материал и методы

В основу работы положены результаты отловов береговушек во время кормёжек непосредственно на биостанции КемГУ «Ажандарово» (54°45' с. ш.; 87°02' в. д.) и на колониях по берегам р. Томь в Крапивинском районе вблизи биостанции в 1983 – 1984; 2009 – 2011 гг. и в Кемеровском районе в окрестностях д. Пугачи в 2010 – 2011 гг. Всего было отловлено 2202 береговушки обоих видов.

Отлов птиц с последующим кольцеванием производился паутинными сетями, установленными перед гнёздами ласточек и в местах их кормёжки. Цевки и клювы измерялись штангенциркулем, длина клюва измерялась от переднего края ноздрей до конца клюва, высота клюва – на уровне переднего края ноздрей. Для

уточнения распространения видов был просмотрен коллекционный материал зоологических коллекций кафедры зоологии и экологии КемГУ и Зоологического музея ТГУ. Также была проанализирована литература по распространению ласточек в Кемеровской области.

Основная часть

Т. Н. Гагина отмечает, что в области обитает только один подвид *R. r. riparia* [7, с. 5 – 18]. В связи с разделением береговушки на два вида [1; 2; 3; 4; 5; 6], нами была предпринята попытка установить, какой именно вид обитает в исследуемом районе. Следует отметить, что ситуация с гнездованием береговушки в последнее время существенно изменилась. Обширное сведение лесов в 1979 – 1984 гг. привело к заиливанию берегов и последующему зарастанию береговых обрывов р. Томь. В результате большинство колоний исчезло, а от крупных остались лишь отдельные фрагменты. В 2009 г. впервые за последние 10 лет береговушки стали регистрироваться в сетевых отловах непосредственно на территории биостанции, причём оба вида в примерно равных пропорциях. В поисках колоний были обследованы прилегающие территории долины Томи. Напротив биостанции, на противоположном берегу р. Томь, была обнаружена вновь заселённая колония численностью около ста пар. На этой колонии, а также расположенной ниже по р. Томь на левом берегу, небольшом фрагменте бывшей крупной колонии, где раньше проводились работы, был организован отлов и мечение ласточек. Было выяснено, что левобережная колония заселена исключительно *R. diluta*. Правобережная ко-

лония оказалась совместной (с одной стороны, преимущественно *R. diluta*, с другой – *R. riparia*).

До 80-х годов XX века береговушки были массовыми гнездящимися птицами в области [8, с. 14 – 43]. В настоящее время *R. riparia* и *R. diluta* – обычные и гнездящиеся виды, сокращающие свою численность в Кемеровской области. В районе биостанции КемГУ «Ажандарово» располагалось несколько колоний общей численностью 13 – 14 тыс. пар [9, с. 49 – 53], на которых с 1975 по 1984 гг. проводилось массовое кольцевание, в настоящее время обнаружено всего две колонии общей численностью 300 – 500 пар.

Значительная морфологическая дифференциация видов (см. табл.) позволила нам предпринять попытку на основании регистрационных записей прежних лет «реконструировать» видовую принадлежность особей из Ажандаровской колонии – самой крупной в долине Томи до 90-х годов и, пожалуй, наиболее обстоятельно изученной. В основу были положены измерения крыльев ласточек, отловленных на этой колонии В. Б. Ильяшенко в период 1983 – 1984 гг. (всего около 1000 экземпляров).

Таблица

Морфометрические данные, измеренные на живых птицах в 2010 – 2011 гг.

	<i>Береговая ласточка R. riparia</i>							
	<i>Взрослые</i>			<i>молодые</i>			<i>все</i>	
	<i>N</i>	<i>мин-макс</i>	<i>средн.</i>	<i>N</i>	<i>мин-макс</i>	<i>средн.</i>	<i>N</i>	<i>средн.</i>
вес* г	334	12-19	14,5±0,1	24	11,5-14,5	12,7±0,2	458	14,2±0,1
крыло мм	364	99-113	107,1±0,2	39	94-108	102±0,5	513	106,1±0,2
хвост мм	361	41-58	52,6±0,1	38	42-53	47,1±0,4	497	51,8±0,1
цевка мм	193	9,0-11,5	10,3±0,03	5	9,7-11,2	10,4±0,2	198	10,3±0,03
клюв, длина мм	197	3,8-5,3	4,7±0,02	5	4,3-4,8	4,5±0,1	202	4,7±0,02
клюв, высота мм	197	2,0-2,6	2,2±0,01	5	1,9-2,3	2±0,1	201	2,2±0,01
	<i>Бледная ласточка R. diluta</i>							
	<i>Взрослые</i>			<i>молодые</i>			<i>все</i>	
	<i>N</i>	<i>мин-макс</i>	<i>средн.</i>	<i>N</i>	<i>мин-макс</i>	<i>средн.</i>	<i>N</i>	<i>средн.</i>
вес* г	317	9,4-17,8	12,9±0,1	64	9,7-13,5	11,4±0,1	470	12,5±0,1
крыло мм	431	92-108	101,7±0,1	68	90-106	98,9±0,4	643	100,7±0,1
хвост мм	374	40-62	48,7±0,1	68	37-50	45,1±0,3	537	48,1±0,1
цевка мм	134	9,1-11,3	10,0±0,03	3	10,2-10,7	10,5±0,2	137	10±0,03
клюв, длина мм	134	3,5-5,0	4,4±0,02	3	4,1-4,6	4,4±0,2	137	4,4±0,02
клюв, высота мм	133	1,8-2,7	2,1±0,01	3	1,9-2	1,9±0,03	136	2,0±0,01

* – в расчётах также учитывались самки перед кладкой яиц.

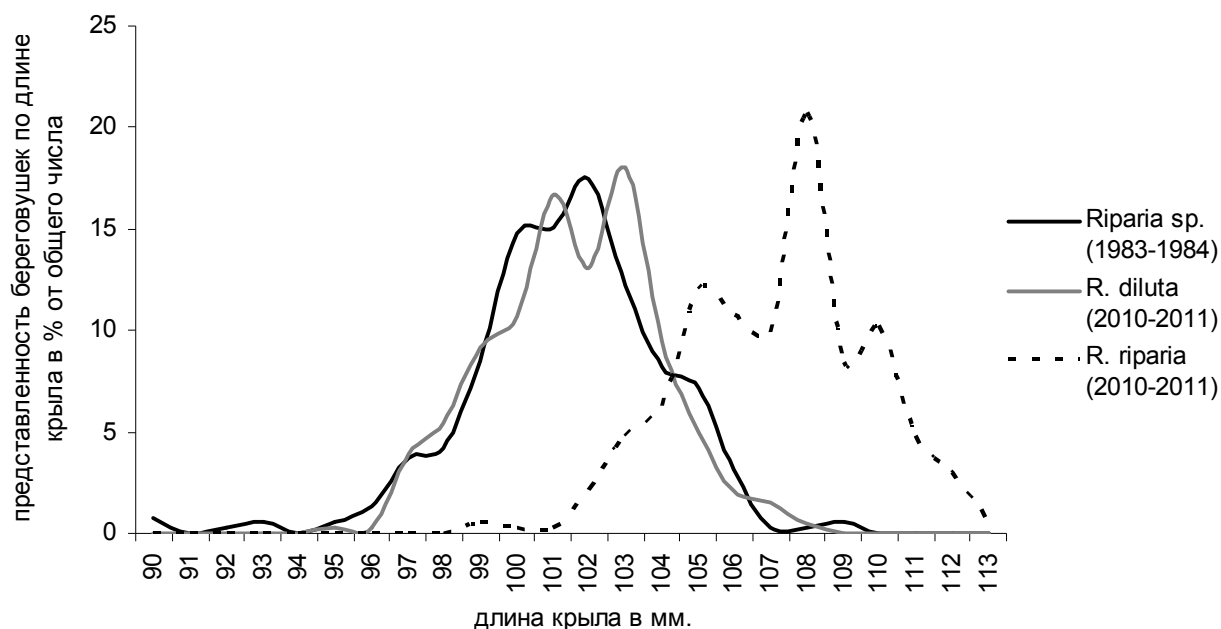

Рис. 1. Распределение взрослых береговушек, отловленных в разные годы по длине крыла

Проведенный анализ (рис. 1) показал, что характер распределения взрослых особей ласточек по длине крыла в 1983 – 1984 гг. практически идентичен таковому для взрослых особей *R. diluta* за 2010 – 2011 гг.

Крупный размерный класс, с длиной крыла свыше 110 мм, характерный для *R. riparia*, в данных за 1983 – 1984 гг. отсутствует вообще.

На основании этого анализа можно предположить, что в прежние годы интенсивному обследованию была

подвергнута колония именно бледной ласточки *R. diluta*. Не случайно и в настоящее время здесь были отловлены особи только этого вида.

Тем не менее в коллекции кафедры зоологии и экологии КемГУ хранится небольшая серия экземпляров ласточек, добытых в среднем течении р. Томь, но без указания, на какой именно колонии, среди которых есть несколько особей, принадлежащих виду *R. riparia*.

Таким образом, в период, предшествующий зарастанию берегов, характеризующийся максимальной численностью береговушек, на исследуемом участке обитали оба вида, но если про Ажendarовскую колонию можно утверждать, что она была образована бледной ласточкой *R. diluta*, то про других ничего конкретного сказать нельзя.

В целом распространение того или иного вида по области остаётся неизвестным, предположительно на северо-западе области преобладает *R. riparia*, на юго-востоке – *R. diluta* [10, с. 75 – 87], однако в коллекции Зоологического музея ТГУ имеется тушка *R. diluta*, добытой вблизи д. Алаево (Юргинский район). В окрестностях д. Пугачи (Кемеровский район) обнаружена колония бледных ласточек. В районе биостанции КемГУ «Ажendarово» (Крапивинский район), как уже было сказано выше, на левом берегу находится фрагмент от некогда крупной колонии *R. diluta*, на правом – совместная.

Помимо долины р. Томь, при наличии подходящих биотопов, береговушки отмечены на гнездовании по склонам в Кузнецком Алатау [7, с. 5 – 18; 11; 12, с. 45 – 103; 13, с. 1 – 11], Горной Шории [14, с. 63 – 80; 15,

с. 90 – 93] и на севере области, в том числе на р. Кия [11; 16, с. 311 – 333].

Началу осенних миграций береговушек предшествует довольно продолжительный послегнездовой период. Он характеризуется широкими кормовыми передвижениями, массовым скоплением птиц в определённых кормовых местах и местах ночёвок. В дальнейшем кормовые перемещения приобретают более энергичный характер, и расстояние между колонией и местами кормежек увеличивается, движение приобретает преимущественно одно направление.

Над территорией биостанции к середине июля появляются молодые особи обоих видов, различий в сроках их появления не выявлено (рис. 2; 3), к концу июля ласточки обычно перестают регистрироваться (рис. 4), а в начале августа покидают места гнездовий.

В целом, по данным ежедневных четырёхчасовых (по 2 часа утром и вечером) наблюдений, проводимых В. Б. Ильяшенко в 1983 г, максимальное число птиц летит в конце июля – начале августа. Затем наблюдается постепенный спад и заканчивается почти 3 сентября. Несколько птиц наблюдали 27 сентября и двух птиц 4 октября. Подобные поздние, после большого перерыва, регистрации ласточек наблюдались и в другие годы, обычно характеризовавшиеся длительной тёплой осенью. Не исключено, что в такие годы часть ласточек может совершать обратные кормовые кочевки к местам гнездования. В первой и второй декадах сентября стояла тёплая сухая погода; насекомых, видимо, было достаточно, что и задержало птиц в пути. Возможно, что это были самые поздние выводки.

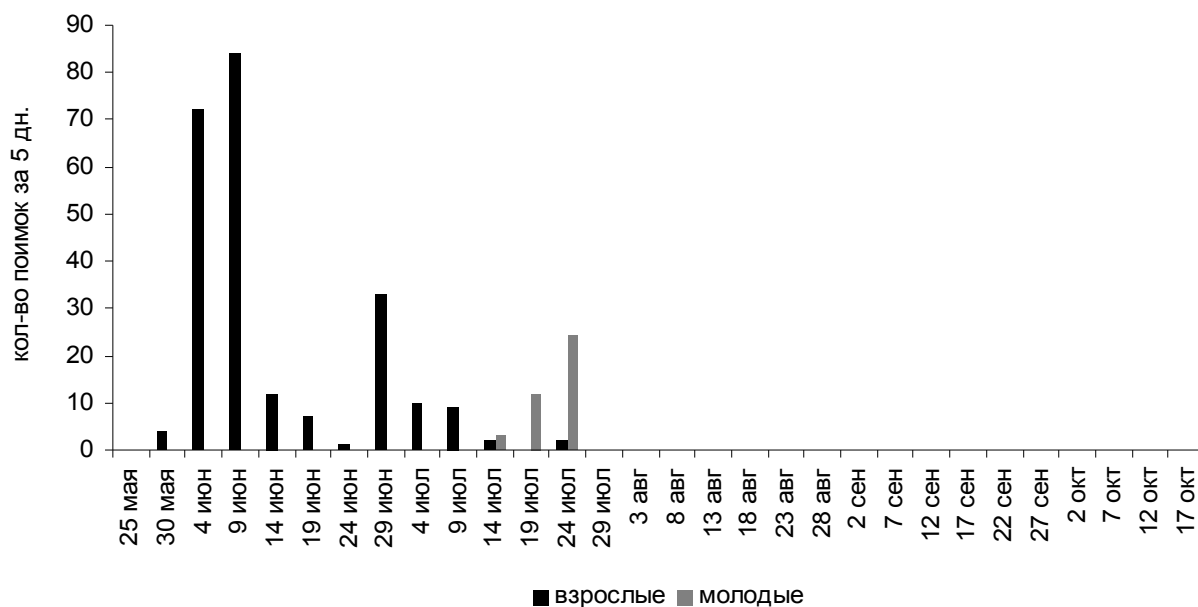

Рис. 2. Сравнительная динамика численности взрослых и молодых береговых ласточек *R. riparia* по данным сетевых отловов в 2011 г.

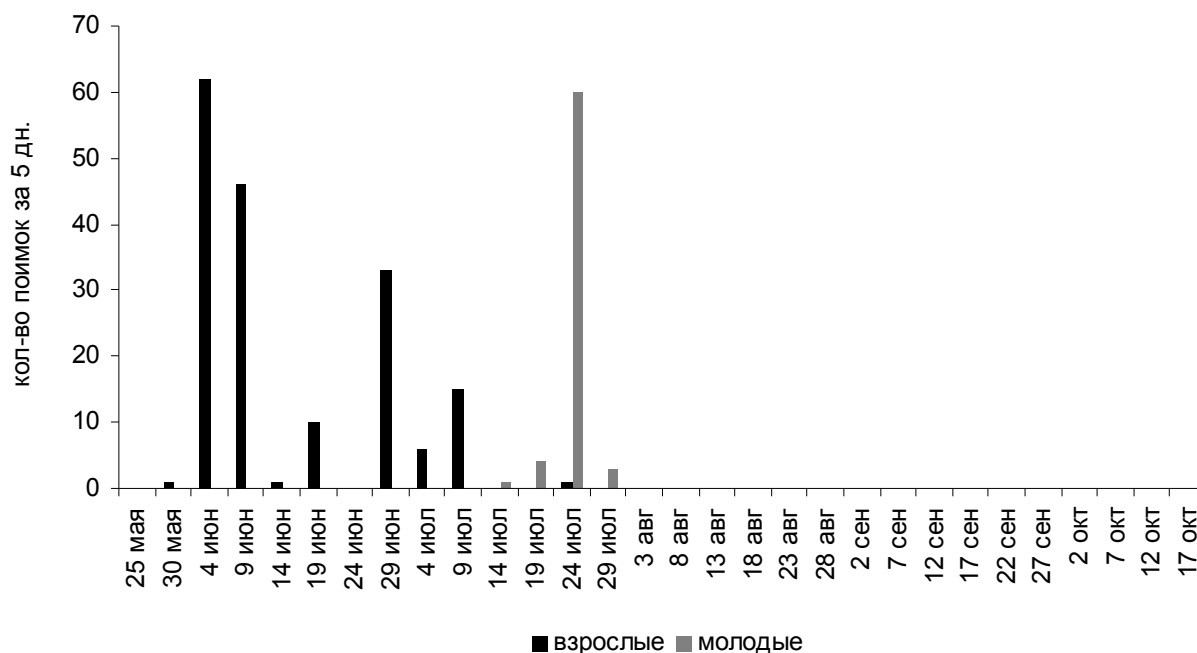

Рис. 3. Сравнительная динамика численности взрослых и молодых бледных ласточек *R. diluta* по данным сетевых отловов в 2011 г.

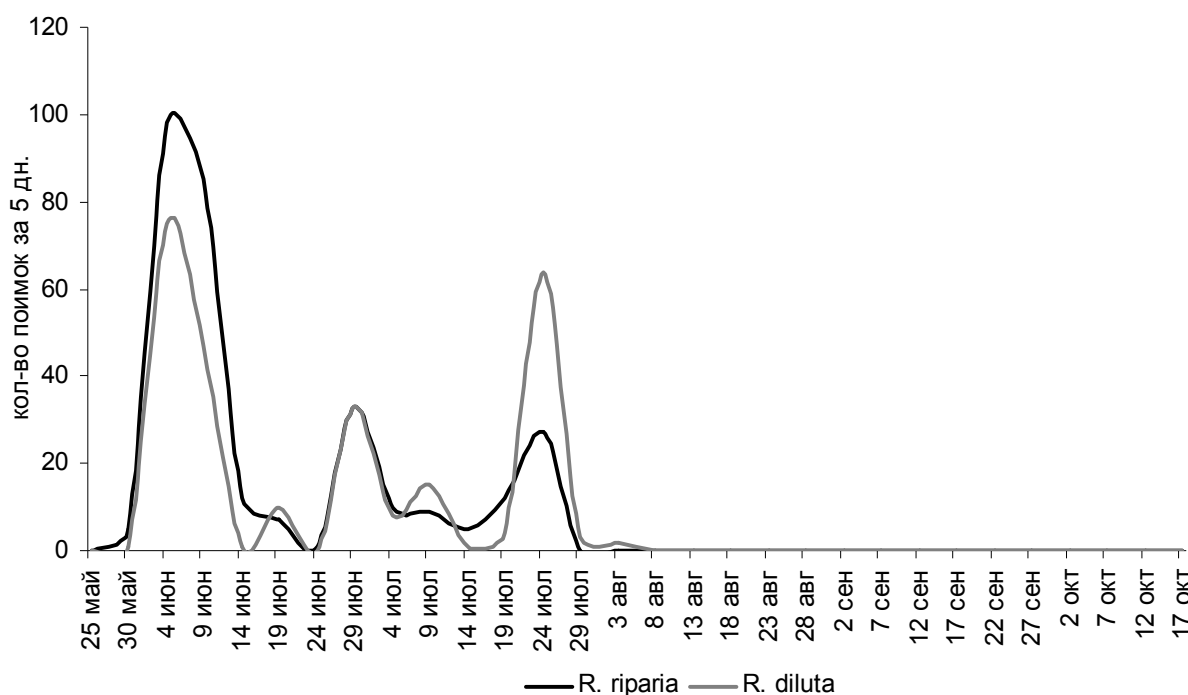

Рис. 4. Динамика численности береговой и бледной ласточек в 2011 г.

Закключение

Как показали исследования, на территории Кемеровской области в настоящее время обитают береговая ласточка *R. riparia* и бледная ласточка *R. diluta*. Анализ коллекционного материала и данные отловов свидетельствуют о том, что *R. diluta* распространена по всему среднему течению р. Томь, *R. riparia* достоверно отмечена только на одной колонии в Крапивинском районе. По результатам сравнения измерений крыла было вы-

явлено, что до резкого сокращения численности в конце 80-х гг. на территории области уже обитала *R. diluta*, несмотря на то, что в литературе тех лет отмечается только *R. riparia*. Больших различий в сроках появления молодых особей у обоих видов не выявлено.

Несмотря на проведённые исследования, эти виды требуют дополнительного изучения: до сих пор неизвестно, какой именно вид обитает на северо-востоке области по берегам р. Кия, в предгорьях Кузнецкого Алатау, Горной Шории и Салаирского края.

Литература

1. Коблик, Е. А. Список птиц Российской Федерации / Е. А. Коблик, Я. А. Редькин, В. Ю. Архипов. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 256 с.
2. Степанян, Л. С. Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области) / Л. С. Степанян. – М.: Академкнига, 2003. – 808 с.
3. IOC World Bird List version 2.11 [Электронный ресурс] // worldbirdnames.org: сайт. – 2012. – Режим доступа: <http://www.worldbirdnames.org/index.html> (дата обращения 28.01.2012).
4. The Clements Checklist of Birds of the World [Электронный ресурс] // birds.cornell.edu: сайт. – 2012. – Режим доступа: <http://www.birds.cornell.edu/clementschecklist/downloadable-clements-checklist> (дата обращения 28.01.2012).
5. Avibase – the world bird database [Электронный ресурс] // avibase.bsc-eoc.org: сайт. – 2003 – 2012/ – Режим доступа: <http://avibase.bsc-eoc.org/species.jsp?lang=RU&avibaseid=60C6206B17E5D1FC> (дата обращения 28.01.2012).
6. The Howard and Moore Checklist [Электронный ресурс] // <http://handmbirds.myspecies.info>. – Режим доступа: <http://handmbirds.myspecies.info/content/howard-and-moore-corrigenda> (дата обращения 28.01.2012).
7. Гагина, Т. Н. Птицы Салаиро-Кузнецкой горной страны (Кемеровская область) / Т. Н. Гагина // Вопросы экологии и охраны природы. – Кемерово, 1979.
8. Белянкин, А. Ф. Птицы равнинной части Кемеровской области / А. Ф. Белянкин // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1999.
9. Полушкин, Д. М. Современное состояние поселений ласточки-береговушки в среднем течении реки Томи / Д. М. Полушкин, А. Ф. Белянкин, Т. А. Нужнова // Проблемы экологии позвоночных Сибири. – Кемерово, 1978.
10. Ковалевский, А. В. Материалы по осеннему пролёту мелких воробьинообразных птиц в долине среднего течения реки Томь / А. В. Ковалевский, В. Б. Ильяшенко // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2010. – Вып. 15.
11. Васильченко, А. А. Птицы Кемеровской области / А. А. Васильченко. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 488 с.
12. Васильченко, А. А. Орнитофауна Северо-востока Кемеровской области / А. А. Васильченко // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2005.
13. Гагина, Т. Н. Орнитофауна заповедника «Кузнецкий Алатау» / Т. Н. Гагина, А. А. Васильченко // Биоценотические исследования в заповеднике «Кузнецкий Алатау». – Новосибирск, 1996.
14. Белянкин, А. Ф. Фаунистический список птиц Шорского национального парка / А. Ф. Белянкин // Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы. – Кемерово: Кузбасс, 2003.
15. Ваничева, Л. К. К орнитофауне Шорского национального парка / Л. К. Ваничева // Вопросы орнитологии. – Барнаул, 1995.
16. Белянкин, А. Ф. Птицы Яшкинского района / А. Ф. Белянкин, Н. В. Климова // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. – Т. 1: Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы Кемеровской области / Ин-т угля и углехимии СО РАН. – Кемерово, 2004.

Информация об авторах:

Ковалевский Александр Викторович – аспирант кафедры зоологии и экологии КемГУ, инженер биостанции КемГУ «Ажандарово», 8(3842) 58-07-46, passer125@yandex.ru.

Kovalevsky Alexander Viktorovich – post-graduate student at the Department of Zoology and Ecology of KemSU, engineer at the *Azhendarovo* Biological Station of KemSU.

Ильяшенко Вадим Борисович – кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии и экологии, КемГУ, 8(3842) 58-07-46, vadilj@kemsu.ru.

Ilyashenko Vadim Borisovich – Candidate of Biology, Associate Professor at the Department of Zoology and Ecology of KemSU.

Лучникова Екатерина Михайловна – кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии и экологии, КемГУ, 8(3842) 58-07-46.

Luchnikova Ekaterina Mikhailovna – Candidate of Biology, Associate Professor at the Department of Zoology and Ecology of KemSU.

КОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ ПРИЗНАКАМИ СТРОЕНИЯ СТЕБЛЯ И ПОКАЗАТЕЛЯМИ ПРОДУКТИВНОСТИ У ШЕСТИРЯДНЫХ И ДВУРЯДНЫХ СОРТОВ ЯЧМЕНЯ

Л. Н. Ковригина, Г. Я. Степанюк

THE CORRELATIONS BETWEEN STALK STRUCTURE FEATURES AND CROP-PRODUCING POWER INDICES IN SIX-ROW AND TWO-ROW BARLEY CULTIVARS

L. N. Kovrigina, G. Ya. Stepanyuk

В статье обсуждаются особенности корреляций между признаками стебля и элементами продуктивности у двурядных и шестьюрядных ячменей.

The peculiarities of correlations between stalk features and crop-producing power features in two-row and six-row barley are discussed in the article.

Ключевые слова: ячмень, продуктивность, строение стебля, корреляции.

Keywords: barley, crop-producing power, stalk structure, correlations.

Ячмень – важнейшая зернофуражная культура Кемеровской области. В настоящее время в производстве преобладают двурядные сорта ячменя. Однако многорядные ячмени Сибири отличаются высокой пластичностью и продуктивностью, устойчивы к пониженным температурам, являются существенным резервом в увеличении производства фуражного зерна и могут широко использоваться в региональных селекционных программах [8, с. 263 – 269].

В литературе есть данные об особенностях корреляций элементов продуктивности у двурядных и шестьюрядных ячменей [4; 2, с. 101 – 104], взаимосвязях показателей продуктивности, размеров и некоторых

анатомических признаков стебля у двурядных сортов [1, с. 22 – 27], однако практически отсутствует анализ особенностей корреляционных зависимостей между структурой стебля и продуктивностью у образцов из разных подвидов рода *Hordeum* L.

Цель работы: сравнить корреляции между признаками структуры стебля и показателями продуктивности у двурядных и шестьюрядных образцов ячменя.

Объем изученной коллекции составлял тридцать образцов сибирской селекции (табл. 1): 22 сорта, 4 перспективных селекционных линии и 4 староместных образца.

Таблица 1

Перечень изученных образцов ячменя

Происхождение	Название образца	
	многорядные	двурядные
Омская область	к-4967 местный, к-8399 местный, Омский 85, Тарский 1	Новоомский, Омский 80, Омский 86, Омский 13709, Сибирский 2
Томская область	к-4210 местный, к-4211 местный	-
Новосибирская область	-	Ача, Баган, Обской
Красноярский край	Агул, Агул 2, Енисей, А 253611, А 793369	Кедр, Красноярский 1, Красноярский 80, Лазурит, Ц 282528, Ц 462677
Иркутская область	Заларинец, Иркут, Неван	Неполегающий

Исследования были проведены в 1997 г. с благоприятными гидротермическими условиями.

Образцы выращивали на опытном поле Кемеровского научно-исследовательского института сельского хозяйства по принятой в зоне исследований агротехнике.

Морфоанатомический анализ проведен на кафедре ботаники Кемеровского госуниверситета.

При изучении строения стебля у 20 – 25 растений каждого образца, убранных в фазу полной спелости, измеряли длину соломины от верхней границы зоны кушения до колоса (Дл), верхнего (Дл_в), двух нижних (Дл₁, Дл₂) и суммарную длину средних междоузлий (Дл_{ср}) в см, диаметр нижних междоузлий (Д₁, Д₂, Д₃) в мм. Затем рассчитывали предложенные И. Н. Гальченко (Дл/Д₁) и В. А. Горшковой (Дл₂/Д₂) индексы устойчивости к полеганию [5, с. 53 – 60].

Для анатомического анализа было выбрано первое надземное междоузлие, от структуры которого зависит устойчивость к полеганию. Его строение изучали на постоянных препаратах поперечных срезов, сделанных

в средней части. Препараты анализировали при помощи светового микроскопа «Биолам Р-16» при увеличении объектива ×3,2 и окуляра ×4; ×15. Под микроскопом подсчитывали число слоев склеренхимы и паренхимы (С_с, С_п), число проводящих пучков внешнего и внутреннего круга (П_с, П_п). Затем при помощи рисовального аппарата РА – 7 зарисовывали схемы срезов. Диаметры междоузлия (Д_м), полости (Д_{пл}), толщину склеренхимы, паренхимы и стенки соломины (Т_с, Т_п, Т_{ст}) измеряли на схемах поперечных срезов в мм. Площадь междоузлия, выполненной части, проводящих пучков внешнего и внутреннего круга (S_м, S_{ст}, S_с^п, S_п^п) определяли весовым методом с использованием торсионных весов (ВТ) и выражали в мм.² После этого рассчитывали выполненность стебля (S_{ст}/S_м, %), долю проводящих тканей в выполненной части стебля (S^п/S_{ст}, %), общее число проводящих пучков (П), суммарную площадь проводящих тканей (S^п).

Продуктивность растений оценивали по следующим показателям: длина колоса (Дл_к, см), число (З_к, шт.) и

масса (M_3 , г) зерен в колосе, масса 1000 зерен (M). Была проведена также оценка густоты продуктивного стеблестоя (Pr , шт/м²), определен урожай зерна с единицы площади (Y , г/м²) и продолжительность вегетации (B , дни).

При обработке данных вычисляли средние для образцов значения признаков, а затем определяли межсортные корреляции ($r_{0,05}$) отдельно для двурядных и многорядных ячменей. Степень согласованности изменчивости отдельных признаков и их комплексов оценивали с помощью коэффициента детерминации (R^2). Математическую обработку проводили с помощью программ Statistica 6.1 и Excel.

Известно, что позднеспелые формы более продуктивны, чем скороспелые, но в Сибири ограничены возможности получения физиологически спелого зерна у позднеспелых и даже среднеспелых форм из-за пони-

женных ресурсов тепла и ранних заморозков [4]. В нашем опыте сопряженность показателей продуктивности с уровнем скороспелости у многорядных образцов была незначительной ($R^2 = 0,02$), парные коэффициенты корреляции – низкими ($r_{0,05} = -0,09...0,25$). Для двурядных образцов характерна более высокая зависимость продуктивности от продолжительности вегетационного периода ($R^2 = 0,24$). Высокоурожайные, крупнозерные образцы с длинным продуктивным колосом выделяли среди сортов и селекционных линий разных групп спелости, так как уровень корреляций отдельных признаков с периодом вегетации не был высоким ($r_{0,05} = 0,01...0,55$). Позднеспелые двурядные ячмени отличались повышенным числом зерен в колосе ($r_{0,05} = 0,77$).

Таблица 2

Корреляции ($r_{0,05}$) между элементами продуктивности у двурядных и шестирядных сортов ячменя

Признаки	B	$Дл_k$	$З_k$	Y	Pr	M	M_3
$Дл_k$	$\frac{0,44}{0,05}$						
$З_k$	$\frac{0,77}{0,25}$	$\frac{0,52}{0,93}$					
Y	$\frac{0,01}{0,08}$	$\frac{0,4}{0,57}$	$\frac{0,41}{0,52}$				
Pr	$\frac{-0,36}{-0,11}$	$\frac{-0,04}{0,26}$	$\frac{-0,09}{0,11}$	$\frac{0,73}{0,61}$			
M	$\frac{0,55}{-0,09}$	$\frac{0,13}{-0,16}$	$\frac{-0,01}{-0,07}$	$\frac{-0,64}{0,42}$	$\frac{-0,58}{-0,07}$		
M_3	$\frac{0,50}{0,16}$	$\frac{0,69}{0,45}$	$\frac{0,69}{0,51}$	$\frac{0,55}{0,88}$	$\frac{-0,16}{0,17}$	$\frac{-0,15}{0,60}$	
R^2	$\frac{0,24}{0,02}$	$\frac{0,19}{0,30}$	$\frac{0,18}{0,28}$	$\frac{0,31}{0,38}$	$\frac{0,18}{0,10}$	$\frac{0,16}{0,11}$	$\frac{0,26}{0,33}$

Примечание: в числителе – двурядные, в знаменателе – шестирядные образцы. Обозначения признаков – в тексте.

По результатам изучения в Кузнецкой котловине коллекции двурядных среднеспелых сибирских и европейских ячменей в качестве ведущих элементов продуктивности (по возрастанию значимости) Заушинценой А. В. [4] были названы число продуктивных стеблей на 1 м², масса 1000 зерен и число зерен в колосе. Урожайность изученных нами двурядных сортов зависит (табл. 2), в первую очередь, от густоты продуктивного стеблестоя ($r_{0,05} = 0,73$), во вторую – от массы 1000 зерен ($r_{0,05} = -0,64$), в третью – от массы зерна в отдельном колосе ($r_{0,05} = 0,55$). Последний показатель связан в равной мере с длиной колоса и числом зерен в нем ($r_{0,05} = 0,69$).

По данным Заушинценой А. В. [4], с урожайностью многорядных ячменей в области тесно коррелируют такие показатели, как число зерен в колосе и продуктивных стеблей на 1 м², приоритетность которых зависит от метеословий вегетации. В представляемой в данной работе группе сибирских шестирядных ячменей урожайность определялась, в первую очередь массой зерна с колоса ($r_{0,05} = 0,88$), во вторую – густотой продуктивного стеблестоя ($r_{0,05} = 0,61$), в третью – числом зерен в

колосе и его длиной ($r_{0,05} = 0,52...0,57$). Формирование более густого стеблестоя у двурядных ячменей компенсируется продуктивностью отдельного колоса у шестирядных, что подтверждает литературные данные [6, с. 153 – 154]. Число зерен в колосе и его длина тесно коррелируют между собой ($r_{0,05}=0,93$), а масса зерна с колоса сильнее зависит от крупности зерна ($r_{0,05}= 0,60$), чем от этих показателей ($r_{0,05} = 0,45...0,51$). Различия в составе корреляционной плеяды урожайности (при сравнении наших данных с литературными) обусловлены спецификой происхождения сравниваемых образцов, а доминирующая роль отдельных элементов – успешной селекцией в соответствующем направлении.

В региональных моделях сортов оговариваются не только параметры продуктивности, группы спелости, но и особенности архитектуры сортов [3, с. 11 – 17]. В связи с этим были рассмотрены корреляции между вегетационным периодом и структурой стебля. Согласно нашим данным (табл. 3), у двурядных сортов зависимость между размерами стебля, отдельных междоузлий и продолжительностью периода вегетации была незначительной ($R^2 = 0,11$). Лишь по двум признакам

отмечены относительно высокие коэффициенты корреляции ($r_{0,05} = -0,63...-0,65$), свидетельствующие о том, что среди более скороспелых образцов можно выделить формы с оптимальной для Сибири длиной соломины (около 70 см), но у них обычно формируется длинная колосоножка, что может негативно сказаться на устойчивости к полеганию или к пониканию. В группе шестирядных ячменей сопряженность размеров стебля и

продолжительности вегетации еще ниже, чем у двурядных ($R^2=0,09$). Высоких значений коэффициентов корреляции ($r_{0,05} > 0,7$) между обсуждаемыми показателями не выявлено. Однако в отдельных случаях скороспелость может сочетаться с увеличением длины нижнего междоузлия ($r_{0,05} = -0,58$), что нежелательно в плане устойчивости к полеганию.

Таблица 3

Корреляции ($r_{0,05}$) между элементами продуктивности и признаками стебля у двурядных и шестирядных сортов ячменя

Признаки	Дл _к	З _к	У	Пр	М	М _з	В
Дл	$\frac{-0,43}{0,33}$	$\frac{-0,56}{0,18}$	$\frac{0,16}{0,38}$	$\frac{0,40}{0,53}$	$\frac{-0,27}{-0,22}$	$\frac{-0,36}{0,12}$	$\frac{-0,65}{-0,21}$
Дл1	$\frac{0,26}{-0,05}$	$\frac{0,11}{-0,25}$	$\frac{0,17}{-0,31}$	$\frac{0,10}{-0,42}$	$\frac{-0,08}{0,02}$	$\frac{0,07}{-0,20}$	$\frac{-0,25}{-0,58}$
Дл2	$\frac{0,30}{0,10}$	$\frac{0,41}{-0,12}$	$\frac{0,36}{0,23}$	$\frac{0,09}{0,13}$	$\frac{-0,30}{0,06}$	$\frac{0,30}{0,15}$	$\frac{-0,09}{-0,25}$
Дл _в	$\frac{-0,13}{0,42}$	$\frac{-0,67}{0,19}$	$\frac{-0,36}{0,64}$	$\frac{-0,04}{0,52}$	$\frac{0,15}{0,23}$	$\frac{-0,46}{0,43}$	$\frac{-0,63}{-0,40}$
Дл _{ср}	$\frac{-0,49}{-0,08}$	$\frac{-0,29}{0,06}$	$\frac{0,24}{-0,23}$	$\frac{0,38}{0,07}$	$\frac{-0,26}{-0,45}$	$\frac{-0,18}{-0,29}$	$\frac{-0,20}{0,30}$
Д ₁	$\frac{0,60}{0,60}$	$\frac{0,00}{0,55}$	$\frac{0,00}{0,72}$	$\frac{-0,36}{0,26}$	$\frac{0,02}{0,33}$	$\frac{0,50}{0,69}$	$\frac{-0,03}{0,04}$
Д ₂	$\frac{0,50}{0,57}$	$\frac{-0,14}{0,47}$	$\frac{0,13}{0,72}$	$\frac{-0,20}{0,47}$	$\frac{-0,17}{0,19}$	$\frac{0,47}{0,56}$	$\frac{-0,19}{0,05}$
Д ₃	$\frac{0,03}{0,67}$	$\frac{-0,44}{0,60}$	$\frac{-0,26}{0,78}$	$\frac{-0,31}{0,54}$	$\frac{0,14}{0,14}$	$\frac{0,06}{0,60}$	$\frac{-0,12}{0,08}$
Дл ₂ /Д ₂	$\frac{0,07}{-0,58}$	$\frac{0,43}{-0,73}$	$\frac{0,27}{-0,65}$	$\frac{0,15}{-0,46}$	$\frac{-0,17}{-0,20}$	$\frac{0,11}{0,33}$	$\frac{0,03}{-0,44}$
Дл/Д ₁	$\frac{-0,61}{-0,48}$	$\frac{-0,26}{-0,49}$	$\frac{0,11}{-0,53}$	$\frac{0,48}{0,07}$	$\frac{-0,14}{-0,44}$	$\frac{-0,53}{-0,66}$	$\frac{-0,29}{-0,18}$
R ²	$\frac{0,16}{0,20}$	$\frac{0,15}{0,18}$	$\frac{0,05}{0,31}$	$\frac{0,08}{0,15}$	$\frac{0,04}{0,07}$	$\frac{0,12}{0,22}$	$\frac{0,11}{0,09}$

Примечание: в числителе – двурядные, в знаменателе – шестирядные образцы. Обозначения признаков – в тексте.

В ряде работ описаны зависимости между размерами стебля и продуктивностью у ячменя [1, с. 22 – 27], однако практически все наблюдения проводились в европейской части России. Среди показателей продуктивности степень сопряженности с параметрами стебля у изученных нами двурядных ячменей убывает в ряду: длина колоса ($R^2 = 0,16$), число зерен в колосе ($R^2 = 0,15$), масса зерна с колоса ($R^2 = 0,12$), продуктивный стеблестой ($R^2 = 0,08$), урожайность ($R^2 = 0,05$), масса 1000 зерен ($R^2 = 0,04$). Причем длина колоса и масса зерна в нем больше у образцов с более толстой (в нижней части) соломиной ($r_{0,05} = 0,50...0,60$) и низкими значениями индекса Гальченко ($r_{0,05} = -0,61...-0,53$). Озерненность выше у форм с короткими колосоножками ($r_{0,05} = -0,67$) и укороченной соломиной ($r_{0,05} = -0,56$). Сопряженность остальных признаков продуктивности и размеров стебля – низкая ($R^2 < 0,25$). Положительным является факт отсутствия прямой зависимости между длиной соломины и урожайностью образца, однако бо-

лее высокорослые формы могут отличаться сниженной продуктивностью колоса.

В группе шестирядных ячменей сопряженность показателей продуктивности и размеров стебля выше ($R^2 = 0,19$) и убывает в ряду: урожайность ($R^2 = 0,31$), масса зерна с колоса ($R^2 = 0,22$), длина колоса ($R^2 = 0,20$), число зерен в нем ($R^2 = 0,18$), густота продуктивного стеблестоя ($R^2 = 0,15$), масса 1000 зерен ($R^2 = 0,07$). Урожайность, длина и озерненность колоса больше у относительно толстостебельных форм ($r_{0,05} = 0,47...0,78$), что часто сочетается с низкими значениями индексов, предложенных И. Н. Гальченко и В. А. Горшковой, ($r_{0,05} = -0,53...-0,65$) и удлинённой колосоножкой ($r_{0,05} = 0,64$). У отдельных многорядных ячменей, отличающихся повышенной густотой продуктивного стеблестоя, формируются относительно длинные стебли ($r_{0,05} = 0,53$) с утолщенными нижними междоузлиями ($r_{0,05} = 0,54$). Взаимосвязь между массой зерна с колоса и толщиной междоузлий стебля ($r_{0,05} = 0,56...0,62$), а также с индексами устойчивости в

данной группе сильнее ($r_{0,05} = -0,53...-0,66$), чем у двурядных образцов.

В плане устойчивости к нагрузкам, возрастающим при увеличении размеров и массы колоса, важны не только длина и толщина стебля, но и развитие отдельных его зон, поэтому были проанализированы корреляции между параметрами стебля (табл. 4). Устойчивы к

полеганию формы с толстыми нижними междоузлиями, на которые ложится основная нагрузка надземной массы [5, с. 53 – 60]. В наших исследованиях измерялся диаметр трех нижних междоузлий. Эти признаки тесно связаны между собой ($r_{0,05} = 0,82...0,96$), как и длина первого и второго междоузлий ($r_{0,05} = 0,76...0,79$).

Таблица 4

Корреляции ($r_{0,05}$) между признаками стебля у двурядных и шестирядных сортов ячменя

Признаки	Дл	Дл ₁	Дл ₂	Дл _в	Дл _{ср}	Д ₁	Д ₂	Д ₃	Дл ₂ /Д ₂	Дл ₂ /Д ₁
Дл										
Дл ₁	<u>0,35</u> 0,06									
Дл ₂	<u>0,31</u> 0,36	<u>0,79</u> 0,76								
Дл _в	<u>0,32</u> 0,61	<u>0,32</u> 0,24	<u>0,07</u> 0,55							
Дл _{ср}	<u>0,66</u> 0,46	<u>-0,28</u> -0,47	<u>-0,20</u> -0,45	<u>-0,35</u> -0,37						
Д ₁	<u>0,21</u> 0,45	<u>-0,02</u> 0,26	<u>0,09</u> 0,67	<u>0,35</u> 0,73	<u>-0,02</u> -0,35					
Д ₂	<u>0,30</u> 0,60	<u>-0,16</u> 0,21	<u>0,07</u> 0,69	<u>0,31</u> 0,81	<u>0,13</u> -0,26	<u>0,95</u> 0,93				
Д ₃	<u>0,35</u> 0,69	<u>-0,42</u> 0,01	<u>-0,25</u> 0,48	<u>0,26</u> 0,79	<u>0,37</u> -0,06	<u>0,82</u> 0,87	<u>0,90</u> 0,96			
Дл ₂ /Д ₂	<u>0,06</u> -0,20	<u>0,77</u> 0,78	<u>0,82</u> 0,53	<u>-0,11</u> -0,15	<u>-0,29</u> -0,33	<u>-0,46</u> -0,15	<u>-0,50</u> -0,23	<u>-0,73</u> -0,45		
Дл ₂ /Д ₁	<u>0,36</u> 0,11	<u>0,26</u> -0,32	<u>0,14</u> -0,56	<u>-0,09</u> -0,43	<u>0,33</u> 0,68	<u>-0,82</u> -0,83	<u>-0,72</u> -0,66	<u>-0,60</u> -0,52	<u>0,51</u> 0,01	
R ²	<u>0,13</u> 0,20	<u>0,20</u> 0,19	<u>0,17</u> 0,33	<u>0,07</u> 0,32	<u>0,11</u> 0,17	<u>0,29</u> 0,41	<u>0,30</u> 0,43	<u>0,33</u> 0,39	<u>0,29</u> 0,15	<u>0,24</u> 0,27

Примечание: в числителе – двурядные, в знаменателе – шестирядные образцы. Обозначения признаков – в тексте.

У двурядных ячменей длина соломины зависит в основном от суммарной длины средних междоузлий ($r_{0,05} = 0,66$) и слабее сопряжена с длиной нижних ($r_{0,05} = 0,31...0,35$) и верхнего ($r_{0,05} = 0,32$). Корреляции между длиной и диаметром междоузлий отрицательные и невысокие ($r_{0,05} = -0,01...-0,42$), т. е. в данной группе есть формы с укороченными и утолщенными нижними междоузлиями. Длина соломины также мало зависит от толщины нижних междоузлий ($r_{0,05} = 0,21...0,35$), поэтому среди них есть образцы с различным сочетанием длины стебля и толщины его в нижней части. Увеличение диаметров нижних междоузлий, приводит к снижению значений индексов ($r_{0,05} = -0,60...-0,82$), что характерно для более устойчивых форм [5, с. 53 – 60]. Между показателями устойчивости существует положительная корреляция средней силы ($r_{0,05} = 0,51$).

Длина соломины у шестирядных образцов в большей степени зависит от вытянутости верхнего ($r_{0,05} = 0,61$), нежели средних ($r_{0,05} = 0,46$) и нижних ($r_{0,05} = 0,06...0,36$) междоузлий. Размеры (длина) двух нижних междоузлий тесно связаны между собой ($r_{0,05} = 0,76$), слабее – с верхним ($r_{0,05} = 0,24...0,55$) и средними ($r_{0,05} = -0,45...-0,47$). При анализе корреляционной структуры признаков у данной группы ячменей

выявлена нежелательная с точки зрения устойчивости к полеганию прямая зависимость между диаметром и длиной одноименных ($r_{0,05} = 0,69$ – для 2-го междоузлия) и различных метамеров стебля (длина верхнего – диаметр второго и третьего). У более высокорослых образцов утолщена нижняя часть соломины ($r_{0,05} = 0,60...0,69$), что позитивно сказывается на устойчивости к полеганию. Индексы, предложенные В. А. Горшковой и И. Н. Гальченко не коррелируют между собой: у образцов с утолщенной нижней частью соломины второй – понижен ($r_{0,05} = -0,52...-0,83$), а соотношение длина/диаметр первого префлорального междоузлия практически не изменяется. Увеличение длины нижних междоузлий приводит к возрастанию индекса, описанного в работах В. А. Горшковой ($r_{0,05} = 0,53...0,78$), а средних – индекса Гальченко ($r_{0,05} = 0,68$). Характеризуя одно и то же свойство (устойчивость к полеганию), рассматриваемые индексы отражают разные особенности архитектуры растений: пропорции стебля в целом и его нижней части.

При анализе двурядных и многорядных образцов обнаружена более тесная зависимость между размерами соседних, нежели отдаленных, метамеров стебля. Выявленные корреляции свидетельствуют о возможно-

сти сравнительной оценки образцов по размерам одного из нижних междоузлий. В то же время нельзя судить по междоузлию одной зоны о размерах междоузлий других зон стебля.

У двурядных и у шестирядных ячменей корреляционная структура признаков стебля отличается. Среди первых больше образцов с укороченными нижними и верхним междоузлиями, оптимальными значениями индексов устойчивости. Есть также формы, у которых формируется длинная утолщенная в нижней части соломина. Среди шестирядных ячменей больше высоко-рослых толстостебельных образцов с длинными колосожками. Но в этой группе сложнее вести отбор форм с короткими и утолщенными нижними и верхним междоузлиями.

Продолжительность периода вегетации в группах двурядных и многорядных ячменей слабо сопряжена с анатомическими признаками ($R^2 = 0,06...0,04$ соответственно), следовательно, в разных группах спелости встречаются образцы с признаками, характерными для прочных стеблей.

В литературе встречаются немногочисленные данные о связи признаков структуры стебля с продуктивностью растений [1, с. 22 – 27].

Сопряженность комплекса анатомических признаков стебля и продуктивности (табл. 5) изученных двурядных образцов – невысокая ($R^2 = 0,11$), однако рассмотрение отдельных элементов продуктивности показывает варьирование коэффициента детерминации от 0,04 (число зерен в колосе) до 0,25 (длина колоса). Длинноколосые образцы характеризуются повышенной площадью проводящих тканей и проводящих пучков, расположенных в паренхиме ($r_{0,05} = 0,73...0,75$), увеличенной толщиной паренхимы ($r_{0,05} = 0,63$) и числом проводящих пучков в ней ($r_{0,05} = 0,69$), небольшим числом слоев механического кольца ($r_{0,05} = -0,70$). Масса зерна в колосе выше у форм с большим числом проводящих пучков внутреннего круга ($r_{0,05} = 0,76$). Корреляции остальных показателей продуктивности с анатомическими признаками – слабые или средние ($r_{0,05} < 0,70$), поэтому в этой группе выделяются отдельные образцы, у которых высокие значения элементов продуктивности сочетаются с толстой стенкой стебля, высокой выполненностью, широким механическим кольцом, хорошо развитой проводящей тканью.

В группе шестирядных ячменей сопряженность показателей продуктивности и анатомии стебля ($R^2 = 0,20$) выше, чем двурядных ($R^2 = 0,12$), причем зависимость сильнее выражена по массе зерна с колоса ($R^2 = 0,32$) и с делянки ($R^2 = 0,31$). Для более урожайных образцов характерно увеличение числа и площади проводящих пучков ($r_{0,05} = 0,59...0,89$), размеров медуллярной лакуны ($r_{0,05} = 0,70$), снижение выполненности стебля. ($r_{0,05} = -0,64...-0,65$). Длинноколосые, высокоозерненные формы отличаются увеличенным числом ($r_{0,05} = 0,64...0,83$), а крупнозерные – повышенной площадью проводящих пучков ($r_{0,05} = 0,57...0,63$).

Возможность отбора образцов с оптимальным выражением не одного, а комплекса структурных признаков определяется степенью и характером их скоррелированности между собой.

У изученных нами двурядных ячменей увеличение размеров поперечного сечения междоузлия (табл. 6) сопровождается возрастанием толщины стенки соломины ($r_{0,05} = 0,84$), суммарного объема проводящих тканей ($r_{0,05} = 0,88$), толщины склеренхимного кольца ($r_{0,05} = 0,81$), паренхимы ($r_{0,05} = 0,77$), числа и площади проводящих пучков внутреннего круга ($r_{0,05} = -0,69...0,90$). Однако увеличиваются и размеры полости ($r_{0,05} = 0,94$), поэтому выполненность нижнего междоузлия может снижаться ($r_{0,05} = -0,22$), как и доля проводящих тканей ($r_{0,05} = -0,52$) в нем. В этой группе выделяются отдельные относительно тонкостебельные формы с небольшой лакуной и более высокой выполненностью ($r_{0,05} = -0,52$), с небольшой лакуной и толстой стенкой ($r_{0,05} = 0,61$), причем увеличение размеров выполненной части стебля происходит в основном за счет паренхимы, нежели склеренхимы ($r_{0,05} = 0,98...0,74$ соответственно). Общая площадь проводящих тканей зависит от площади пучков внутреннего круга сильнее, чем от внешнего ($r_{0,05} = 0,99...0,83$), связь с числом пучков гораздо ниже ($r_{0,05} = 0,51$). Количество пучков на поперечном срезе междоузлия определяется, в первую очередь, их числом в склеренхиме ($r_{0,05} = 0,88$), во вторую – в паренхиме ($r_{0,05} = 0,70$). Выявлена высокая зависимость между площадью и числом проводящих пучков внутреннего круга ($r_{0,05} = 0,72$), средняя – внешнего ($r_{0,05} = 0,60$).

Сопряженность большинства анатомических показателей между собой у шестирядных ячменей ниже, чем у двурядных (табл. 6). У более толстостебельных форм увеличены размеры полости и площадь проводящих тканей ($r_{0,05} = 0,86...0,89$), у большинства из них больше толщина стенки, паренхимы, число пучков в паренхиме ($r_{0,05} = 0,59...0,63$), у некоторых – толщина склеренхимы и общее число проводящих пучков ($r_{0,05} = 0,49$). Сочетание таких признаков, как число слоев склеренхимы и паренхимы, выполненность стебля, доля проводящих тканей, число пучков в склеренхиме может быть различным ($r_{0,05} = 0,01...-0,35$). Образцы с небольшой полостью – тонкостебельные ($r_{0,05} = 0,89$), с небольшим числом проводящих пучков в паренхиме и в целом, небольшой площадью проводящих тканей ($r_{0,05} = 0,64...0,72$), повышенной выполненностью ($r_{0,05} = -0,73$), с различной выраженностью остальных признаков ($r_{0,05} = 0,07...-0,27$). Увеличение размеров выполненной части стебля происходит за счет паренхимы ($r_{0,05} = 0,99$), склеренхимы ($r_{0,05} = 0,93$) и проводящих тканей ($r_{0,05} = 0,77...0,79$). У некоторых из них повышена выполненность ($r_{0,05} = 0,49$), число слоев склеренхимы ($r_{0,05} = 0,49$), площадь проводящих пучков в склеренхиме ($r_{0,05} = 0,47$), у отдельных – другие показатели. Число пучков и площадь проводящих тканей увеличиваются сильнее за счет внутреннего ($r_{0,05} = 0,94$), чем внешнего круга ($r_{0,05} = 0,75$). Суммарная площадь проводящих тканей мало зависит от числа пучков, т. е. определяется их размерами. Выполненность сильнее зависит от размеров полости ($r_{0,05} = -0,73$), чем стенки стебля ($r_{0,05} = 0,49$). У образцов с повышенной выполненностью увеличено число слоев паренхимы ($r_{0,05} = 0,75$), а число проводящих пучков, наоборот, снижено.

Корреляции ($r_{0,05}$) между элементами продуктивности, размерами и анатомическими признаками стебля у двурядных и шестирядных сортов ячменя

При- знаки	Дл _к	З _к	У	Пр	М	М _г	Дл	Дл ₂	Дл _в	Дл _{ср}	Д ₂	Дл ₂ /Д ₂	Дл/Д ₁
Д _{пл}	0,52 0,54	0,20 0,55	0,28 0,70	-0,30 0,33	-0,40 0,30	0,64 0,65	0,03 0,33	0,34 0,55	-0,12 0,65	-0,01 -0,32	0,24 0,92	0,10 -0,32	-0,27 -0,76
Т _{ст}	0,56 -0,09	-0,04 -0,13	0,22 0,22	-0,05 0,02	-0,35 0,39	0,39 0,24	0,39 -0,07	0,15 0,51	-0,02 0,09	0,33 -0,35	0,64 0,22	-0,34 0,43	-0,62 -0,41
Т _с	0,12 -0,11	-0,07 -0,19	0,08 0,06	-0,34 -0,28	-0,61 0,08	0,43 0,20	0,28 -0,09	0,25 0,51	-0,10 -0,08	0,24 -0,23	0,54 0,12	-0,16 0,54	-0,50 -0,32
С _с	-0,70 0,27	-0,21 0,16	-0,21 -0,04	-0,33 0,07	-0,23 -0,05	0,01 -0,18	0,07 -0,02	-0,11 -0,05	-0,06 -0,15	0,21 0,10	0,17 -0,15	-0,15 0,11	-0,02 0,09
Т _п	0,63 0,11	0,01 0,10	0,23 0,22	0,03 0,03	-0,22 0,25	0,35 0,23	0,40 -0,03	0,12 0,46	-0,01 0,10	0,32 -0,29	0,61 -0,22	-0,35 0,37	-0,61 -0,39
С _п	0,43 0,04	-0,21 0,02	0,14 -0,08	0,40 -0,13	0,01 0,27	-0,09 -0,05	0,12 -0,28	-0,28 0,03	0,30 -0,13	0,04 -0,25	0,51 -0,18	-0,59 0,27	-0,62 -0,13
П _с	-0,04 0,69	-0,30 0,64	0,08 0,52	0,12 0,06	0,16 0,22	0,03 0,55	0,40 0,17	0,17 -0,26	0,01 0,35	0,28 0,01	0,24 0,18	0,05 -0,45	0,03 -0,26
П _п	0,69 0,78	0,21 0,70	0,41 0,88	-0,22 0,45	-0,10 0,32	0,76 0,80	0,12 0,41	0,52 0,33	-0,09 0,67	-0,05 0,19	0,37 0,75	0,21 -0,43	-0,40 -0,52
П	0,35 0,83	-0,10 0,75	0,28 0,85	-0,04 0,36	0,06 0,32	0,44 0,80	0,36 0,37	0,39 0,15	-0,04 0,64	0,18 -0,15	0,36 0,64	0,14 -0,50	-0,18 -0,49
S ^п _с	0,37 0,32	-0,34 0,35	0,32 0,59	0,06 0,01	-0,21 0,57	0,43 0,67	0,65 -0,24	0,18 0,26	-0,18 0,23	0,63 -0,54	0,50 0,41	-0,19 -0,13	-0,27 -0,67
S ^п _п	0,75 0,35	0,09 0,34	0,34 0,77	-0,14 0,27	-0,28 0,62	0,63 0,79	0,35 -0,07	0,41 0,62	-0,19 0,40	0,25 -0,61	0,35 0,63	0,06 0,08	-0,36 -0,76
S ^п	0,73 0,35	0,04 0,35	0,35 0,76	-0,12 0,24	-0,28 0,63	0,63 0,79	0,41 -0,09	0,39 0,59	-0,19 0,39	0,32 -0,62	0,38 0,62	0,02 0,06	-0,35 -0,78
S _{ст} /S _м	-0,03 -0,47	-0,35 -0,50	-0,23 -0,64	0,19 -0,23	0,23 -0,25	-0,39 -0,65	0,31 -0,25	-0,25 -0,21	0,26 -0,44	0,19 0,11	0,41 -0,63	-0,49 0,45	-0,45 0,45
S ^п /S _{ст}	-0,04 -0,09	0,01 -0,10	0,21 0,33	0,49 0,04	0,38 -0,42	-0,17 0,14	0,04 -0,37	0,13 -0,13	-0,34 0,02	0,14 -0,39	-0,56 0,01	0,47 -0,24	-0,57 -0,14
R ²	0,25 0,20	0,04 0,18	0,07 0,31	0,06 0,05	0,09 0,14	0,20 0,32	0,11 0,06	0,03 0,15	0,16 0,14	0,20 0,12	0,18 0,24	0,09 0,12	0,18 0,25

Примечание: в числителе – двурядные, в знаменателе – шестирядные образцы.

Обозначения признаков – в тексте.

Между корреляционными матрицами анатомических признаков у изученных групп ячменей было выявлено сходство, которое заключается в наличии прямых зависимостей между толщиной стебля и размерами полости, числом и площадью проводящих пучков в паренхиме, между размерами выполненной части стебля и развитием в ней паренхимы и объемом проводящих тканей, между общим объемом проводящих тканей и площадью проводящих пучков внутреннего круга. Подобные корреляции были выявлены ранее Степанюк Г. Я. [7], изучавшей анатомию стебля у сортов и гибридов двурядных ячменей. Очевидно, они являются результатом многолетней селекции в направлении изучения толстостебельных форм, устойчивых к полеганию, проводимой без учета сопряженности размеров поперечного сечения стебля с развитием выполненной части соломины и тканей в ней. Уровень и направление корреляций остальных показателей между собой отличались у многорядных и шестирядных ячменей, поэтому среди них выделяются образцы с различным сочетанием анатомических признаков.

Анализ взаимосвязей анатомических признаков и размеров главного стебля (табл. 5) показал их слабую детерминированность у двурядных ячменей ($R^2 = 0,10$). Несколько выше уровень сопряженности таких морфологических показателей, как длина соломин ($R^2 = 0,11$)

и индекс Гальченко ($R^2 = 0,18$): у более длинностебельных образцов повышена площадь проводящих пучков внешнего круга ($r_{0,05} = 0,65$), низкий индекс Гальченко характерен в основном для форм с более развитой (по числу слоев и толщине) паренхимой ($r_{0,05} = -0,62... -0,61$).

У шестирядных ячменей сопряженность анатомических признаков с размерами стебля в целом ($R^2 = 0,14$) и по большинству отдельных показателей повышена в сравнении с двурядными. Слабее выражена зависимость между длиной стебля и строением нижнего междоузлия ($R^2 = 0,06$), следовательно, оптимальная в плане механической прочности структура соломины может быть характерна для форм, отличающихся по высоте. У образцов с длинным первым междоузлем площадь проводящих пучков повышена ($r_{0,05} = 0,59...0,62$), а с длинными средними, наоборот, снижена ($r_{0,05} = -0,54... -0,62$). Многорядные ячмени с длинной колосоножкой характеризуются увеличением числа проводящих пучков ($r_{0,05} = 0,64...0,67$) и размеров полости ($r_{0,05} = 0,65$) в нижней части стебля. Формы с низкими значениями индекса Гальченко отличаются большими размерами полости ($r_{0,05} = 0,65$) и повышенной площадью проводящих тканей ($r_{0,05} = -0,76...-0,78$). Учитывая особенности сопряженности размеров стебля и его анатомического строения в нижней части у двурядных и

многорядных ячменей, селекция в направлении оптимального морфотипа в этих группах должна вестись с использованием различных источников. Низкий общий уровень взаимозависимостей признаков внутреннего

строения соломины и ее длины – причина высокого структурного разнообразия образцов в пределах обеих групп.

Таблица 6

Корреляции ($r_{0,05}$) между анатомическими признаками стебля у двурядных и шестирядных сортов ячменя

При- знаки	$D_{пл}$	D_m	$T_{ст}$	T_c	C_c	T_n	C_n	P_c	P_n	P	S^u_c	S^u_n	S^u	$S_{ст}/S_m$	$S^u/S_{ст}$
$D_{пл}$															
D_m	$\frac{0,94}{0,89}$														
$T_{ст}$	$\frac{0,61}{0,19}$	$\frac{0,84}{0,61}$													
T_c	$\frac{0,73}{0,07}$	$\frac{0,81}{0,49}$	$\frac{0,74}{0,93}$												
C_c	$\frac{0,03}{-0,27}$	$\frac{-0,01}{0,01}$	$\frac{-0,06}{0,49}$	$\frac{0,42}{0,56}$											
T_n	$\frac{0,51}{0,20}$	$\frac{0,77}{0,63}$	$\frac{0,98}{0,99}$	$\frac{0,60}{0,91}$	$\frac{-0,17}{0,49}$										
C_n	$\frac{-0,41}{-0,19}$	$\frac{0,13}{0,23}$	$\frac{0,53}{0,81}$	$\frac{0,01}{0,74}$	$\frac{-0,38}{0,70}$	$\frac{0,63}{0,82}$									
P_c	$\frac{-0,10}{0,23}$	$\frac{-0,06}{0,11}$	$\frac{0,01}{-0,20}$	$\frac{0,21}{-0,26}$	$\frac{0,28}{0,14}$	$\frac{-0,04}{-0,16}$	$\frac{-0,07}{0,01}$								
P_n	$\frac{0,68}{0,72}$	$\frac{0,69}{0,59}$	$\frac{0,49}{0,01}$	$\frac{0,51}{-0,04}$	$\frac{0,04}{-0,08}$	$\frac{0,44}{0,03}$	$\frac{0,03}{-0,09}$	$\frac{0,28}{0,49}$							
P	$\frac{0,26}{0,64}$	$\frac{0,30}{0,49}$	$\frac{0,24}{-0,07}$	$\frac{0,41}{-0,12}$	$\frac{0,23}{-0,01}$	$\frac{0,19}{-0,04}$	$\frac{-0,04}{-0,07}$	$\frac{0,88}{0,75}$	$\frac{0,70}{0,94}$						
S^u_c	$\frac{0,38}{0,51}$	$\frac{0,58}{0,60}$	$\frac{0,72}{0,47}$	$\frac{0,67}{0,38}$	$\frac{0,16}{0,30}$	$\frac{0,68}{0,42}$	$\frac{0,24}{0,30}$	$\frac{0,60}{0,20}$	$\frac{0,53}{0,20}$	$\frac{0,71}{0,23}$					
S^u_n	$\frac{0,78}{0,64}$	$\frac{0,90}{0,86}$	$\frac{0,85}{0,79}$	$\frac{0,72}{0,67}$	$\frac{-0,11}{0,23}$	$\frac{0,81}{0,76}$	$\frac{0,21}{0,50}$	$\frac{0,13}{-0,05}$	$\frac{0,72}{0,44}$	$\frac{0,45}{0,31}$	$\frac{0,77}{0,73}$				
S^u	$\frac{0,74}{0,64}$	$\frac{0,88}{0,86}$	$\frac{0,86}{0,77}$	$\frac{0,74}{0,66}$	$\frac{-0,07}{0,24}$	$\frac{0,82}{0,74}$	$\frac{0,22}{0,49}$	$\frac{0,21}{-0,03}$	$\frac{0,71}{0,42}$	$\frac{0,51}{0,31}$	$\frac{0,83}{0,78}$	$\frac{0,99}{0,99}$			
$S_{ст}/S_m$	$\frac{-0,52}{-0,73}$	$\frac{-0,22}{-0,35}$	$\frac{0,31}{0,49}$	$\frac{-0,11}{0,50}$	$\frac{-0,15}{0,59}$	$\frac{0,42}{0,49}$	$\frac{0,80}{0,75}$	$\frac{0,08}{-0,30}$	$\frac{-0,20}{-0,60}$	$\frac{-0,04}{-0,57}$	$\frac{0,25}{-0,18}$	$\frac{-0,01}{-0,06}$	$\frac{0,03}{-0,07}$		
$S^u/S_{ст}$	$\frac{-0,49}{-0,01}$	$\frac{-0,52}{-0,20}$	$\frac{-0,47}{-0,31}$	$\frac{-0,52}{-0,31}$	$\frac{-0,22}{-0,12}$	$\frac{-0,41}{-0,41}$	$\frac{-0,17}{-0,26}$	$\frac{0,47}{0,01}$	$\frac{-0,06}{0,11}$	$\frac{0,32}{0,08}$	$\frac{0,07}{0,35}$	$\frac{-0,18}{0,10}$	$\frac{-0,14}{0,13}$	$\frac{0,06}{-0,29}$	
R^2	$\frac{0,32}{0,26}$	$\frac{0,40}{0,32}$	$\frac{0,39}{0,35}$	$\frac{0,32}{0,30}$	$\frac{0,04}{0,14}$	$\frac{0,35}{0,35}$	$\frac{0,12}{0,26}$	$\frac{0,12}{0,08}$	$\frac{0,25}{0,20}$	$\frac{0,20}{0,19}$	$\frac{0,32}{0,20}$	$\frac{0,41}{0,35}$	$\frac{0,42}{0,35}$	$\frac{0,10}{0,23}$	$\frac{0,12}{0,05}$

Примечание: в числителе – двурядные, в знаменателе – шестирядные образцы.
Обозначения признаков – в тексте.

Таким образом, для изученных многорядных и двурядных образцов ячменя характерна низкая сопряженность комплексов признаков, отражающих различные направления селекции, поэтому среди них выделяются образцы с разнообразным сочетанием элементов продуктивности, размеров и анатомической структуры стебля.

Степень корреляционных зависимостей выше между признаками одного комплекса, которые характеризуют различные системы (вегетативную и репродуктивную) или уровни организации (органный и тканевой).

Изучаемые группы ячменей отличаются по степени сопряженности комплексов и отдельных признаков. У двурядных ячменей выше уровень сопряженной изменчивости всех комплексов показателей с продолжительностью периода вегетации, а у шестирядных – размеров и структуры стебля с элементами продуктивности и между собой.

При использовании изученных образцов в селекции необходимо учитывать специфические для многорядных и двурядных ячменей корреляционные зависимости.

Литература

1. Голова, Т. Г. Анатомо-морфологические особенности сортов ячменя различных биотипов / Т. Г. Голова // Достижения, перспективы селекции и семеноводства зерновых культур в Центрально-Черноземной зоне: науч. тр. НИИСХ ЦЧП им. В. В. Докучаева. – Каменная степь, 1990.
2. Заушинцева, А. В. Генетические источники для реализации основных направлений селекции ячменя в Сибири [Текст] / А. В. Заушинцева // Тр. по прикл. бот., ген. и сел. – 2009. – Т. 165.

3. Заушинцева, А. В. Обоснование параметров модели сортов ячменя и способы ее реализации в процессе селекции [Текст] / А. В. Заушинцева // Селекция, семеноводство и технология возделывания сельскохозяйственных культур: сб. науч. тр. Кемеровской обл. НИИ СХ. – Кемерово, 2001.
4. Заушинцева, А. В. Селекция ярового ячменя в условиях Кузнецкой котловины Западной Сибири [Текст] / А. В. Заушинцева: автореф. дис.... д-ра биол. наук. – Кемерово, 2001. – 47 с.
5. Ковригина, Л. Н. Морфологические показатели устойчивости ячменя к стеблевому полеганию / Л. Н. Ковригина // Вестник КемГУ. – 2002. – Вып. 2(10).
6. Парфенова, В. А. Селекционная оценка шестирядных и двурядных форм ячменя / В. А. Парфенова // Селекция сельскохозяйственных культур на скороспелость, холодостойкость, зимостойкость: мат. научно-метод. конф. – Новосибирск, 2008.
7. Степанюк, Г. Я. Изменчивость анатомических признаков ячменя (*Hordeum vulgare* L.) в условиях лесостепи Кемеровской области / Г. Я. Степанюк: автореф. дис.... канд. биол. наук. – Барнаул, 2010. – 21 с.
8. Сурин, Н. А. Генетические ресурсы ярового ячменя сибирской селекции / Н. А. Сурин, Н. В. Зобова, Н. Е. Ляхова // Тр. по прикл. бот., ген. и сел. – 2009. – Т. 166.

Информация об авторах:

Ковригина Любовь Никифоровна – кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой ботаники, КемГУ, lnkovrigina@mail.ru.

Kovrigina Lyubov Nikiforovna – Candidate of Biology, Associate Professor, Head of the Department of Botany of KemSU.

Степанюк Галина Ямгудиновна – кандидат биологических наук, ассистент кафедры ботаники, КемГУ, 8(3842)58-0-66, gstepanjuk@ngs.ru.

Stepanyuk Galina Yamgutdinovna – Candidate of Biology, Assistant Lecturer at the Department of Botany of KemSU.

УДК 581.1:633.13(571.17)

ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ ОВСА Л. О. Петункина, С. В. Свиркова, Н. А. Маевская, А. А. Старцев

PHYSIOLOGICAL ESTIMATION OF OATS' RESISTANCE L. O. Petunkina, S. V. Svirnova, N. A. Maevskaya, A. A. Startsev

Статья посвящена исследованию физиологических показателей устойчивости растений к засухе, засолению, высоким температурам. Подчеркивается значимость лабораторных методов исследования. Выделены и рекомендованы к использованию в селекции генетические источники индивидуальной и комплексной устойчивости к экстремальным факторам среды.

Article is devoted to research of physiological indicators of plant resistance to drought, salinity and high temperatures. The significance of laboratory research methods is emphasized. The genetic sources of individual and integrated resistance to extreme environmental factors have been identified and are for use in breeding.

Ключевые слова: коллекция овса, засуха, засоление, устойчивость, генетический источник.

Keywords: collection of oats, drought, salinity, resistance, stability, genetic source.

Широким ареалом обладает зернофуражная культура – овёс. Это связывают с богатством экотипов и их хорошей приспособленностью к условиям окружающей среды. Овёс часто используют первой культурой при освоении новых земель и завершающей культурой севооборота, определяя его в агротехническом отношении в худшие условия по сравнению с другими зерновыми культурами.

Одним из лимитирующих урожай почвенных факторов является засоление, которому подвержена одна четвертая часть почв планеты. Засолённые почвы в Сибири занимают достаточно обширные территории – 8,8 млн га. [1, с. 163 – 170, 2, с. 13 – 14], способные увеличиваться за счёт вторичного засоления. Такие почвы имеются и в Кемеровской области (57 тыс. га) [3, с. 57 – 59, 4, с. 5 – 6]. Засоление почв не исключает их хозяйственного использования, однако урожаи культур, произрастающих на таких почвах, значительно снижаются. В связи с этим возникает необходимость применения

дорогостоящих мелиоративных приёмов улучшения солонцов или решать задачу селекционным путём.

Для резко континентального климата, в зоне которого расположена Кемеровская область, характерна засуха. По мнению сибирского физиолога растений В. И. Полонского [5, с. 12 – 20], засуха – это длительный бездождливый период, сопровождающийся снижением относительной влажности воздуха, влажности почвы и повышением температуры, когда не обеспечиваются нормальные потребности растений в воде. Наибольший вред для зерновых культур оказывают засухи в весеннее и летнее время, когда происходит формирование у растений генеративных органов и опыление цветков. Замечено, что в Кемеровской области, как и в Сибири в целом, жёсткие весеннее-летние засухи повторяются с периодичностью 4 – 5 лет, а засухи слабой интенсивности наблюдаются почти ежегодно [5, с. 12 – 20, 6, с. 12 – 20]. Это обуславливает необходимость селекции засухоустойчивых сортов. Наибольшее признание среди физиологов растений получил взгляд о ведущей роли

температурного фактора в комплексном воздействии на растительный организм.

Повышаются требования к подбору сортов овса для возделывания в условиях стресса. Они должны обладать высокими адаптивными свойствами и быть пригодными для возделывания в экстремальных условиях производства. Под термином «адаптация» подразумевается процесс изменений в структуре и функциях организма, которые обеспечивают возможность его выживания при воздействии неблагоприятных экологических факторов [6, с. 12 – 20; 7]. Критерием оценки адаптационной способности сортов является их устойчивость к засолению, засухе и другим факторам.

В системе адаптивной селекции особое внимание уделяется поиску, сохранению, идентификации и использованию генетических источников. При этом, наряду с полевым изучением исходного материала, всё более значимыми становятся методы лабораторного исследования культурных растений.

Целью данной работы было изучение солеустойчивости, засухоустойчивости и жаростойкости коллекционных сортов овса лабораторными методами.

Материал и методы исследований

Исследования проведены в лаборатории физиологии растений Кемеровского государственного университета в 2012 году. Изучены физиологические показатели у 12 сортов овса из коллекции Всероссийского научно-исследовательского института растениеводства имени Н. И. Вавилова: Фобос (Кемеровская, Омская, Московская обл.), Ровесник (Кемеровская, Новосибирская обл.), Мегион (Тюменская, Кемеровская обл.), Журавлёнок, Талисман, Малыш (Тюменская обл.), Борот (Ленинградская обл.), СДС Baler (Канада), Azur (Чехия), Pallinum, Vista (США), Tagra (Австралия).

Для мобильности селекционной работы при поиске генетических источников соле-, засухо- и жароустойчивости предпочтительно изучение ряда физиологических показателей у растений на ранних этапах роста и развития. Для этого устойчивость диагностировали по общепринятым и апробированным методам: по степени набухания семян [8], по колеоптильному биотесту [4, с. 5 – 6, 9, с. 243 – 248] и вымываемости электролитов методом Н. Н. Кожушко [10, с. 32 – 42], в модификации Т. В. Олейниковой [11, с. 23 – 32], гидролизу статолитного крахмала [12, с. 43 – 47] и методом проростков [2, с. 13 – 14, 13, с. 3 – 7].

Для оценки солеустойчивости по степени набухания семян отбирали пробы по 50 штук сухих семян, их взвешивали и погружали в марлевых мешочках в раствор NaCl концентрации 2,65 % на 24 часа. После этого семена просушивали фильтровальной бумагой и взвешивали. По изменению массы семян определяли скорость набухания их в NaCl. Набухание в осмотике рассчитывали в процентах от набухания в воде.

Для колеоптильного биотеста у проростков каждого сорта отбирали отрезки колеоптиля длиной 5 мм по 10 штук помещали в чашки Петри с 10 мл 7 % раствора NaCl и по 10 штук с 10 мл дистиллированной воды (контроль). Чашки помещали в термостат при температуре 24°C. Через трое суток измеряли длину биотестов в опыте и контроле и рассчитывали прирост в % к контролю.

При оценке солеустойчивости по вымываемости электролитов из тканей навеску листьев каждого сорта проростков овса в 1 грамм нарезали одинаковыми от-

резками в 0,5 см и помещали в стаканы с 50 мл дистиллированной воды, выдерживали их в термостате 2 часа при температуре 40°C. Затем определяли вымываемость электролитов на кондуктометре. Повторно выход электролитов определяли после кипячения проб и выражали в виде отношения вымываемости электролитов из живых листьев к вымываемости электролитов прокипяченных листьев в процентах.

Определение засухоустойчивости овса осуществляли методом проростков. Пробу семян каждого сорта в количестве 25 штук раскладывали на фильтровальную бумагу, закатывали в рулоны, помещали в химические стаканы с раствором сахарозы (3,8 %), контроль – в дистиллированную воду. В течение недели выдерживали в термостате при постоянной температуре (22°C). По истечении 7 дней определяли количество проросших семян, измеряли длину проростков и корней.

Жаростойкость сортов определяли по методу Ф. Ф. Мацкова [14, с. 54 – 60]. От каждого испытуемого сорта овса брали по 10 листьев. Листья срезали с одного и того же яруса и связывали из них небольшие равные пучки, которые погружали в воду, предварительно подогретую до 40°C. Через 30 минут из каждого пучка отбирали первые пробы листьев для дальнейшего определения их реакции на заданную температуру и временно (до окончания воздействия на растения всех градаций температуры) помещали в чашки Петри (отдельные для каждого сорта) с холодной водой. Затем температуру горячей воды повышали до 50°C и помещали в неё пучки листьев на 10 минут, после чего процедуру отборки пробы листьев повторяли. Затем повышали температуру воды до 60°C, помещали в неё пучки и выдерживали их в течение 10 минут. По истечении этого времени производили отбор проб. После этого холодную воду в чашках Петри заменяли на 0,2 % раствор NaCl. Через 15 минут листья вынимали из чашек и раскладывали на фильтровальной бумаге, по степени их побурения определяли степень воздействия испытанных температур: чем сильнее поврежден лист, тем обширнее область побурения вследствие проникновения кислоты внутрь тканей и образования феофитина. Площадь пятен на единицу времени служит критерием определения жаростойкости листьев.

Исследование жаростойкости представленных сортов осуществляли также по методике определения степени гидролиза статолитного крахмала в клетках корневого чехлика проростков под воздействием обезвоживания. Оценку количества крахмала проводили по 5-балльной шкале и рассчитывали его в баллах. Для этого проростки прогревали в воде в течение 1 часа при температуре 36°C. Для проверки жизнеспособности клеток корня после прогревания срезы корней окрашивали в растворе нейтрально красного (концентрации 1: 10000) в течение 2 минут, а затем помещали в 1 М раствор сахарозы.

Результаты исследований

Механизм толерантности функционирует прежде всего на уровне клетки. При этом большую роль играет осмотическая регуляция. Исследованиями В. И. Полонского [6, с. 12 – 20] определено, что в условиях засухи активизируется синтез различных стрессовых белков, в том числе белков, удерживающих воду и ионы. Известно, чем сильнее набухают семена, тем выше их устойчивость к осмотикам. Накопление осмотических активных веществ в клетке обеспечивает высокую водоудер-

живающую способность цитоплазмы. По степени набухания семян выделено 2 группы сортов овса. В первой группе отмечено увеличение массы семян в осмотике от 83,6 – 92,4 % относительно контроля. В эту группу включены: Журавлёнок, Малыш, Мегион, Pallinum, СДС Baler (табл. 1). Меньшее увеличение массы (от 68,5 до 70,7 %) отмечено у сортов второй группы: Фобос, Борот, Тагра. Поэтому первая группа сортов более устойчива, чем вторая.

Самая большая разница между сухими и набухшими семенами выявлена у сортов: Ровесник, Мегион, Малыш, Pallinum. Средняя разница в массе у них составила 1,62 г. Самая низкая разница в массе (1,09 г) выявлена у сортов: Борот, Талисман, Журавлёнок, Vista. Сорта Фобос, Тагра, СДС Baler, Azur входят в группу со средней разностью в массе, равной 1,32 г (табл. 1).

Наибольшая степень проницаемости мембран наблюдалась у сортов – Фобос, Журавлёнок, Мегион, СДС Baler и составила от 58,6 до 67,4 %. Это свидетельствует о большей повреждаемости клеток. Сорта с показателями от 19,9 до 26,5 % отнесены к группе устойчивых, так как характеризуются низкой вымываемостью электролитов (табл. 1).

Методом колеоптильного биотеста выявлены устойчивые к почвенному засолению российские сорта: Борот, Ровесник, Журавлёнок и канадский сорт СДС Baler. У них прирост колеоптилей составил 27,3 – 50 % по отношению к контролю. Менее устойчивы к засоле-

нию оказались сорта, у которых прирост колеоптилей был ниже 10 – 20 % по отношению к контролю.

Результаты опытов по определению жаростойкости представлены в таблице 2. Анализируемые на жаростойкость сорта ранжированы в 3 группы в зависимости от реакции испытуемого сорта на влияние высокой температуры. Первая группа включает в себя сорта со средней устойчивостью к высоким температурам: Фобос, СДС Baler, Журавлёнок. Эти сорта имели среднюю степень повреждения листьев высокой температурой (от 50 % до 58 %) и высокий уровень содержания статолитного крахмала. Вторая группа характеризовалась устойчивостью ниже среднего и сформирована сортами Тагра, Vista, Pallinum, Azur и Талисман. Для этих сортов определено высокое содержание статолитного крахмала (70 – 85 %).

Третья группа образована сортами Мегион, Борот, Ровесник, Малыш. Для данных сортов характерна высокая степень поражения листьев (85 – 95 %) и низкое содержание (3 степень) статолитного крахмала. Таким образом, сорта этой группы можно считать неустойчивыми к высокой температуре.

В эксперименте по диагностике засухоустойчивости образцов овса было выявлено, что сорта Талисман, СДС Baler обладают высокой всхожестью, а Малыш, Борот, Pallinum, Ровесник имели всхожесть ниже 50 % (табл. 3).

Таблица 1

Диагностика солеустойчивости сортов овса коллекционного питомника, 2011 г.

Название образца (сорт, линия)	Происхождение	Набухание семян, %	Колеоптильный биотест, в % к контролю	Вымываемость электролитов, %
Журавлёнок	Россия	92,4	27,3	67,4
Малыш	Россия	86,5	20,0	25,6
Мегион	Россия	85,9	10,0	59,0
Ровесник	Россия	76,2	35,0	33,2
Талисман	Россия	72,7	20,0	25,6
Борот	Россия	70,3	50,0	23,6
Фобос	Россия	68,5	25,0	65,7
Azur	Чехия	88,0	20,0	26,5
Pallinum	США	89,3	13,3	24,9
СДС Baler	Канада	83,6	33,3	58,6
Тагра	Австралия	70,7	-	33,3
Vista	США	77,4	-	19,9

Таблица 2

Оценка жаростойкости сортов овса коллекционного питомника, 2011 г.

Сорт	Степень повреждения листовой пластинки, %	Содержание статолитного крахмала, в баллах	Степень устойчивости
Фобос	50	5	средняя
Журавлёнок	50	4	средняя
СДС Baler	58	5	средняя
Azur	70	4	ниже среднего
Pallinum	70	5	ниже среднего
Талисман	70	5	ниже среднего
Vista	70	5	ниже среднего
Тагра	85	5	ниже среднего
Малыш	95	3	низкая
Борот	95	3	низкая
Мегион	85	3	низкая
Ровесник	85	3	низкая

Действие стрессового фактора (модельная засуха) при проращивании семян и развитии проростков в растворе сахарозы повлияло на длину их корней и ростков. Наблюдение за проросшими семенами в течение недели показало, что в варианте опыта с водой длина ростков и длина корней выше, чем в варианте с сахарозой. Средняя длина проростков в контрольных условиях составила 5,47 см против 3,24 см опытного варианта. Наилучшие биометрические результаты получены у сортов: Журавлёнок, Малыш, СДС Baler (70 – 80 % по отношению к контролю). Самые короткие проростки отмечены у сортов: Фобос, Azur, Pallinum (2,3 – 2,9 см). Самую

длинную корневую систему имели Талисман, Журавлёнок, СДС Baler, Tagra, самую короткую – Фобос, Мегион, Pallinum.

Анализ результатов по оценке засухоустойчивости овса позволил ранжировать сорта на группы. К засухоустойчивым отнесены сорта: Журавлёнок, Малыш, СДС Baler, к среднеустойчивым – Талисман, Vista, Ровесник, Мегион, Pallinum, Tagra. А сорта Фобос, Борот и Azur оказались не устойчивыми к засухе (таблица 3).

Таблица 3

Оценка засухоустойчивости сортов овса коллекционного питомника, 2011 г.

Название образца (сорт, линия)	Всхожесть, %		Длина проростков, см		Отношение опыт/контроль *100	Степень устойчивости
	контроль (вода)	опыт	контроль	опыт		
Фобос	76	92	5,7	2,6	40	неустойчивый
Azur	60	68	5,6	2,3	41	неустойчивый
Борот	-	-	6,3	3,0	42	неустойчивый
Мегион	72	76	6,8	3,6	53	среднеустойчивый
Ровесник	-	-	6,4	3,5	54	среднеустойчивый
Талисман	84	84	5,2	4,1	60	среднеустойчивый
Vista	100	68	5,5	3,3	60	среднеустойчивый
Pallinum	-	-	3,6	2,9	60	среднеустойчивый
Tagra	92	48	5,2	3,3	60	среднеустойчивый
Журавлёнок	80	68	4,7	3,4	70	устойчивый
Малыш	-	-	5,0	3,6	72	устойчивый
СДС Baler	96	88	5,6	3,3	80	устойчивый

Заключение

В ходе лабораторного эксперимента у овса выявлены сортовые различия по степени соле- и засухоустойчивости и жаростойкости. В качестве генетических источников солеустойчивости определены сорта:

– Журавлёнок, Малыш, Мегион (Тюменская, Кемеровская обл.), Pallinum (США), СДС Baler (Канада) по степени набухания семян;

– Борот (Ленинградская обл.), Ровесник (Новосибирская, Кемеровская обл.), Журавлёнок (Тюменская обл.), СДС Baler (Канада) по росту coleoptилей;

– Фобос (Кемеровская, Омская, Московская обл.), Журавлёнок (Тюменская обл.), СДС Baler (Канада) по степени проницаемости мембран.

Перспективными по жаростойкости выявлены Фобос (Кемеровская, Омская, Московская обл.), Журавлёнок (Тюменская обл.), СДС Baler (Канада).

По степени засухоустойчивости ценность представляют генетические источники: Журавлёнок, Талисман (Тюменская обл.), СДС Baler (Канада), Azur (Чехия).

По обобщенным результатам лабораторной диагностики физиологических показателей среди образцов овса коллекционного питомника определены и рекомендованы для использования в селекционных программах в качестве генетических источников с комплексной устойчивостью к засолению, обезвоживанию и высоким положительным температурам сибирский сорт Журавлёнок и СДС Baler из Канады.

Литература

1. Семендяева, Н. В. Происхождение, свойства и мелиорация солонцов Западной Сибири / Н. В. Семендяева // Проблемы почвоведения в Сибири. – Новосибирск, 1990.
2. Коваль, В. С. Оценка коллекции ячменя на солеустойчивость / В. С. Коваль, Г. В. Давыдова // Научно-технический бюллетень ВИР. – Л., 1991. – Вып. 207.
3. Чуманова, Н. Н. Солеустойчивость коллекционных сортов овса / Н. Н. Чуманова // Сельскохозяйственная наука и её влияние на развитие агропромышленного комплекса Кузбасса. – Кемерово, 1994.
4. Сартакова, С. В. Оценка солеустойчивости ячменя / С. В. Сартакова, А. В. Заушинцева, Л. О. Петункина // Доклады РАСХН. – 1997.
5. Полонский, В. И. Оценка зерновых злаков на устойчивость к неблагоприятным экологическим факторам / В. И. Полонский, Н. А. Суринов. – Новосибирск, 2003.

6. Полонский, В. И. Физиологические основы оценки селекционного материала. / В. И. Полонский. – Красноярск, 2007.
7. Сурин, Н. А. Селекция ячменя в Сибири / Н. А. Сурин, Н. Е. Ляхова. – Новосибирск, 1993. – 292 с.
8. Методические указания по определению солеустойчивости ячменя / ВИР. – Л., 1980. – 14 с.
9. Синельникова, В. Н. Способ диагностики солеустойчивости злаков по ростовой реакции колеоптильных биотестов / В. Н. Синельникова, Г. В. Удовенко // Методы оценки устойчивости растений к неблагоприятным факторам окружающей среды. – Л., 1976.
10. Кожушко, Н. Н. Выход электролитов как критерий оценки засухоустойчивости и особенности его использования для зерновых культур / Н. Н. Кожушко // Методы оценки устойчивости растений к неблагоприятным условиям среды / под ред. Г. В. Удовенко. – Л., 1976.
11. Олейникова, Т. В. Определение засухоустойчивости сортов пшеницы, ячменя, линий и гибридов кукурузы по прорастанию на растворах сахарозы с высоким осмотическим давлением / Т. В. Олейникова, Ю. Ф. Осипова // Методы оценки устойчивости растений к неблагоприятным условиям среды / под ред. Г. В. Удовенко. – Л., 1976.
12. Баданова, К. А. Диагностика засухо- и жаростойкости растений по изменению содержания статолитного крахмала / К. А. Баданова, В. В. Левина // Методы оценки устойчивости растений к неблагоприятным условиям среды / под ред. Г. В. Удовенко. – Л., 1976.
13. Петункина, Л. О. Диагностика устойчивости растений к засолению и засухе методом проростков / Л. О. Петункина // Флора и растительность антропогенных нарушенных территорий. – Кемерово, 2008. – Вып. 4.
14. Мацков, Ф. Ф. Распознавание живых, мёртвых и повреждённых хлорофиллоносных тканей растений по реакции образования феофитина при оценке устойчивости к экстремальным воздействиям / Ф. Ф. Мацков // Методы оценки устойчивости растений к неблагоприятным условиям среды / под ред. Г. В. Удовенко. – Л., 1976.

Информация об авторах:

Петункина Людмила Олеговна – кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники, КемГУ, petunkina@pochta.ru.

Petunkina Lyudmila Olegovna – Candidate of Biology, Associate Professor at the Department of Botany of KemSU.

Свиркова Светлана Валерьевна – кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры ботаники, КемГУ, svsvirkova@jandex.ru.

Svirkova Svetlana Valeryevna – Candidate of Agricultural Science, Senior Researcher, Associate Professor at the Department of Botany of KemSU.

Маевская Надежда Александровна – студентка 5 курса биологического факультета, КемГУ, ptichka072@bk.ru.

Maevskaya Nadezhda Aleksandrovna – 5th-year student at the Biological Faculty of KemSU.

Старцев Алексей Алексеевич – аспирант кафедры ботаники, КемГУ, staralex128@jmail.ru.

Startsev Aleksey Alekseevich – post-graduate student at the Department of Botany of KemSU.

УДК 630*561.24:582.47

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ТЕМПЕРАТУРЫ НА РАДИАЛЬНЫЙ ПРИРОСТ СОСНЫ ОБЫКНОВЕННОЙ (*PINUS SYLVESTRIS* L.) В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Р. Т. Шереметов, В. И. Уфимцев

ESTIMATION OF TEMPERATURE EFFECT ON THE RADIAL GROWTH OF THE PINE FORESTRY (*PINUS SYLVESTRIS* L.) IN TECHNOGENIC INFLUENCE

R. T. Sheremetov, V. I. Ufimtsev

Изучено влияние температуры на радиальный фактор как один из важных экологических факторов, определяющих прирост сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.) на отвалах угольных предприятий Кузбасса. Проведен анализ корреляционных связей радиального прироста со среднемесячной температурой и суммами положительных температур как вегетационного, так и предшествующего ему осенне-зимнего периода в условиях техногенного воздействия.

This article focuses on temperature effect as one of the important ecological factors defining the growth of the pine forestry (*Pinus sylvestris* L.) coal deposits dumps in Kuzbass. The correlation of a radial growth and average monthly temperature and positive temperatures sums, both in the vegetative period and in the autumn-winter time, has been analyzed in technogenic influence.

Ключевые слова: Кузбасс, сосна обыкновенная, годичный прирост.

Keywords: Kuzbass, pine forestry, yearly growth.

Введение

Экологическая роль лесов проявляется в регулирующем эффекте, заключающемся в создании благоприятных условий для жизни человека и нормального функционирования экосистем [7]. В Кемеровской области уровень промышленного производства, основу которого составляет угледобывающая промышленность, достиг в настоящее время своего максимального развития за всю историю существования региона. Одной из главных экологических проблем Кузбасса является наличие значительных площадей нарушенных земель, возникших вследствие добычи полезных ископаемых. Восстановление экологических и хозяйственных функций нарушенных ландшафтов является необходимым условием сохранения качества окружающей среды для безопасного и комфортного проживания населения Кузбасса.

Многолетние исследования нарушенных земель в Кузбассе дали возможность изучить процессы формирования и функционирования техногенных ландшафтов, оценить экологические условия различных экотопов, проследить развитие сукцессионных процессов и разработать рекомендации по проведению рекультивации нарушенных земель [3].

В настоящее время на нарушенных ландшафтах Кузбасса имеются лесонасаждения, достигшие 35-летнего возраста. Биологические особенности растений, входящих в их состав, обусловлены различиями экологии и происхождения.

Для укрепления теоретической и практической базы для масштабных работ по рекультивации необходимо проводить всесторонний экологический мониторинг созданных лесонасаждений. Одним из направлений экологического мониторинга может служить исследование реакции таких фитоценозов на изменения текущих погодных условий, возникающих в результате изменений климата последних десятилетий. Изменения температурного режима и увлажнения создают иные условия, характерные для других природно-климатических и географических районов. Это может существенным образом повлиять на сезонный цикл роста, скорость прохождения фаз и др. и в конечном итоге на продуктивность и устойчивость лесонасаждений.

Исследовать реакцию древесных на современные изменения погодно-климатических условий позволяют молодые сосновые леса, произрастающие на породных отвалах угольных месторождений, которые составляют значительную площадь искусственно созданных лесонасаждений на территории области, около 10 тыс. га. Влияние экологических факторов в условиях техногенного воздействия можно проследить на годовичном радиальном приросте как показателе продуктивности сосновых насаждений. Поскольку средняя продолжительность жизни сосны в естественных условиях может достигать нескольких сотен лет, а сосновые лесонасаждения в Кузбассе в основном достигли 20 – 30-летнего возраста, то исследования в этом направлении будут характеризовать ответную реакцию сосны на начальном этапе развития.

В целом сосновые насаждения на рекультивированных отвалах произрастают здоровые и потенциально долговечные, а ухудшения жизненного состояния связаны с антропогенными и технологическими факторами, устранение которых возможно благодаря опти-

мальной организации всех этапов рекультивации, оптимизации схем посадок сосновых культур, защиты созданных насаждений от пожаров [5, с. 33 – 37].

Исходные данные и методы

В наших исследованиях рассмотрена динамика годовичного прироста сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.). Особенности динамики, сходства и различия роста радиального годовичного кольца сосны обыкновенной изучались на 4-х временных пробных площадях (ВПП) площадью от 0,1 до 0,2 га, расположенных на отвалах угольных разрезов в Кемеровском районе. На каждой пробной площади проводилась таксация древостоя методом средней модели [1]. Для изучения динамики прироста на каждой пробной площади проводился отбор радиальных кернов на высоте 1,3 м у 5 модельных деревьев, по два керна от каждого дерева. Затем с помощью бинокля МБС-1 измерялась ширина годовичных колец с точностью до 0,1 мм и рассчитывались их индексы по методу В. Е. Рудакова [4, с. 75 – 79]. Определение средних значений годовичного прироста сосны проводилось за последние 9 лет (с 2000 по 2008 гг.), и их точность определялась с помощью математической статистики (MS Excel® и Statistica 6).

Результаты

За период с 2000 по 2008 гг. средний прирост сосны обыкновенной на отвалах Кузбасса составил 3,59 мм. Изменчивость толщины годовичного кольца характерна всем площадкам. В динамике прироста сосны обыкновенной за исследуемый период на отвалах выявлены существенные различия в величине сформированных годовых колец и их тенденции динамики, особенно на отвалах шахты Волкова. На отвалах Черниговского и Кедровского разрезов хорошо выражена устойчивая тенденция снижения прироста.

Динамика прироста сосны обыкновенной за исследуемый период на отвалах различных угольных предприятий различаются, особенно на ВПП № 3. На отвалах Черниговского (ВПП № 1, 2) и ВПП № 4 разрезов хорошо выражена устойчивая тенденция снижения прироста. На ВПП № 3 наблюдается, наоборот, тенденция возрастания прироста. Асимметричная динамика, видимо, объясняется различным возрастом насаждений и сомкнутости крон [6, с. 37 – 38].

Возрастная изменчивость связана с прохождением особыми определенных этапов, на которые накладываются сезонные изменения, обусловленные годовичным циклом. Время в значительной мере предопределяет степень воздействия экологических факторов. Теснота связи с метеорологическими факторами зависит от возраста [2]. Различия в возрасте насаждений отражаются в величине разности годовичного прироста сосен, произрастающих на различных площадках. Оценка сходства и различий толщины годовичного кольца сосны обыкновенной на отвалах угольных предприятий Кузбасса приводится в таблице 1.

В результате анализа полученных данных выявлено, что на отвалах угольных предприятий Кузбасса наблюдается определенная асимметричность динамики годовичного прироста сосны. Различия отмечены не только по годам, но и между площадками. Использование критерия достоверности Стьюдента при оценке сходства и различия прироста сосны позволило выявить существенные различия величины сформированных годовых колец у сосен, высаженных на отвалах угольных пред-

приятный Кузбасса. Видимо, десятилетнее различие возраста при прочих равных условиях для молодых сосновых насаждений на отвалах является значимой причи-

ной, вызывающей существенные различия величины годовичного прироста.

Таблица 1

Сходства и различия толщины годовичного прироста сосны обыкновенной на отвалах угольных предприятий Кузбасса

Пробные площади	Средняя толщина кольца, мм	Разность средних толщин кольца, мм	Ошибка разности средних толщин кольца, мм	Критерий Стьюдента
№ 2 – № 1	4.03	0.17	0.512	7.87
№ 3 – № 1	2.68	2.82	0.410	6.54
№ 4 – № 1	4.50	0.97	0.511	8.99
№ 2 – № 3	2.59	2.70	0.337	7.70
№ 2 – № 4	4.51	1.14	0.455	9.92
№ 4 – № 3	4.46	3.84	0.336	13.27

Взаимосвязь радиального прироста сосновых насаждений с температурой воздуха

При исследовании степени влияния на прирост сосны тепловых условий исходным положением было принято предположение об адекватности действия ресурсов тепла на прирост. Роль тепла во времени изменчива не только в пределах периода вегетации. Поэтому неравноценность их влияния на прирост сосны оценивалась, как за отдельные сроки, так и за весь исследуемый период. Расчеты коэффициентов парной корреляции между индексами прироста и температурой проводились отдельно по месяцам и их суммарными величинами, т. е. с различными формами представления метеорологических параметров: средними, суммарными и индексными.

Как было отмечено выше, ресурсы тепла изменчивы во времени, кроме того, в период вегетации потребности в тепле в процессе роста и развития растений не остаются одинаковыми. Представление о неравноценно-

сти влияния температуры на прирост сосны дает таблица 2.

Наибольшее влияние на текущий прирост сосны в период вегетации оказывает температура мая и августа. Причем влияние температуры мая незначительно, но превышает влияние августа: 32 – 44 % и 23 – 29 % (коэффициент детерминации). Необходимо отметить, что влияние тепла на прирост начинает усиливаться еще в апреле и может продолжаться в июне. Температура предшествующих осенне-зимних месяцев привносят свой вклад в формирование годовичного кольца, отражая условия перезимовки и подготовительного этапа вегетации.

Сравнение полученных результатов указывает на относительно неравнозначное влияние на прирост тепловых ресурсов отдельных месяцев. Осенью наибольшее влияние оказывает октябрь, вклад которого оценивается от 29 до 37 %. Несколько меньшее влияние оказывает февраль, который является одним из самых холодных месяцев зимы – 12 – 31 %.

Таблица 2

Коэффициенты парной корреляции индексов прироста сосны обыкновенной со средней месячной температурой воздуха и месячными суммами осадков

Месяц	№ 1		№ 2		№ 3		№ 4	
	Т	Х	Т	Х	Т	Х	Т	Х
IX	0.34	-0.03	0.22	-0.02	0.27	0.12	0.27	0.07
X	-0.61	0.03	-0.56	-0.06	-0.59	-0.14	-0.54	-0.08
XI	-0.38	-0.05	-0.39	-0.10	-0.44	-0.04	-0.59	0.22
XII	-0.42	0.13	-0.34	0.20	-0.36	0.02	-0.40	0.09
I	0.26	0.52	0.32	0.42	0.25	0.31	0.01	0.29
II	0.53	-0.14	0.51	0.03	0.56	0.02	0.34	-0.04
III	0.28	0.54	0.23	0.67	0.09	0.59	0.22	0.50
IV	-0.48	-0.37	-0.40	-0.15	-0.49	-0.14	-0.51	-0.10
V	0.57	0.25	0.66	0.12	0.66	0.12	0.60	0.22
VI	0.58	0.13	0.47	0.02	0.59	0.08	0.64	0.07
VII	0.18	-0.38	0.23	-0.54	0.11	-0.51	-0.07	-0.61
VIII	0.51	-0.26	0.54	-0.36	0.46	-0.36	0.48	-0.18

Таблица 3

Коэффициенты парной корреляции индексов прироста сосны обыкновенной с нарастающей средней месячной температурой воздуха и суммами осадков

Месяц	№ 1		№ 2		№ 3		№ 4	
	T	X	T	X	T	X	T	X
IX-X	-0.60	-0.01	-0.57	-0.11	-0.58	0.03	-0.51	0.03
IX-XI	-0.53	-0.04	-0.52	-0.11	-0.57	-0.01	-0.66	0.16
IX-XII	-0.75	0.09	-0.68	0.09	-0.74	0.01	-0.84	0.26
IX-I	-0.26	0.34	-0.18	0.29	-0.26	0.17	-0.47	0.37
IX-II	-0.01	0.28	0.05	0.32	0.00	0.19	-0.26	0.37
IX-III	0.05	0.54	0.10	0.65	0.02	0.49	-0.21	0.60
IX-IV	-0.05	0.35	0.01	0.54	-0.07	0.39	-0.29	0.51
IX-V	0.04	0.37	0.11	0.41	0.02	0.32	-0.20	0.46
IX-VI	0.13	0.41	0.19	0.37	0.11	0.33	-0.12	0.36
IX-VII	0.15	0.17	0.20	0.07	0.12	0.04	-0.11	0.03
IX-VIII	0.19	0.06	0.25	-0.09	0.15	-0.13	-0.07	-0.05

Исходя из того обстоятельства, что прирост определяется не только теплом отдельных месяцев, но и их совокупным влиянием, были проанализированы коэффициенты парной корреляции с нарастающими суммами средних месячных температур воздуха с сентября предшествующего года по август текущего (табл. 3).

Наибольшее влияние на прирост сосны оказывает суммарное влияние периода с сентября по декабрь включительно, т. е. температурный режим осени и начала зимы. Доля влияния на будущий прирост сосны этого этапа оценивается от 46 до 71 %, что в целом соизмеримо с влиянием августа-сентября.

Определенный интерес представляет вопрос о совокупном влиянии текущего и предшествовавшего месяца. Ресурсы тепла в период вегетации изменчивы, кроме того, потребности сосны в тепле в процессе роста также не остаются постоянными. Оценка суммарного теплового влияния текущего и предыдущего месяца в теплое время года представлена в таблице 4.

Таблица 4

Коэффициенты парной корреляции индексов прироста сосны обыкновенной с суммой средней температуры воздуха текущего и прошедшего месяца

Месяц	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
V+IV	0.20	0.20	0.14	0.20
VI+V	0.46	0.65	0.58	0.45
VII+VI	0.11	0.03	0.19	0.01
VIII+VII	0.26	0.06	0.27	0.12
IX+VIII	0.73	0.67	0.72	0.69

Максимальное влияние на прирост сосны оказывают суммарные тепловые ресурсы августа и сентября, в меньшей степени – мая и июня. Доля этого влияния мая и июня составляет 20 – 45 %, а последних месяцев теплого периода – августа и сентября – оценивается от 45 до 53 %.

Сумма положительных температур характеризует тепловые условия текущего времени и выражает тепловые ресурсы, обусловленные радиационным и тепловым балансом территории. Распределение температуры летом вследствие влияния подстилающей поверхности и условий рельефа в регионе отличается от зонального. В период вегетации тепловые ресурсы мая обеспечивают от 11 до 25 % годового прироста сосны. Однако основную долю прироста определяют тепловые ресурсы августа – от 40 до 45 %. Необходимо отметить, что теснота связи сумм положительных температур августа ниже, чем совокупного влияния величины средних температур августа и сентября (табл. 5).

Таблица 5

Коэффициенты парной корреляции индексов прироста сосны обыкновенной с суммой положительных температур воздуха

Месяц	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
V	0.41	0.50	0.44	0.33
VI	0.21	0.39	0.36	0.30
VII	0.01	-0.19	0.03	-0.12
VIII	0.64	0.64	0.67	0.63
V – VIII	0.50	0.43	0.59	0.37

Выводы

1. Вклад тепловых условий в годичный прирост сосны обыкновенной на отдельных этапах осенне-зимнего и вегетационного периодов не равноценный. Существенные различия проявляются по температуре и между исследованными площадками.

2. Наибольшее значение в осенне-зимний этап имеют температурные условия октября, когда средняя месячная температура колеблется от 5 до 0°C (в среднем 33 %).

3. В зимнее время наибольшее влияние оказывает температура февраля, который часто бывает самым холодным месяцем в году (22 %). В целом наиболее су-

существенным для динамики годичного прироста имеют температурный режим осени и начала зимы (59 %).

4. Исследования влияния температурных условий текущего и предшествующего месяцев осенне-зимнего времени значимых корреляционных связей с приростом не выявили.

5. Значение термических условий отдельных этапов вегетационного периода для годичного прироста существенно различается. Наибольшее значение для прироста имеет температура мая (38 %) и августа (26 %). Существенного влияния температуры июня и июля, а также суммарного вклада температуры за период с мая по август не выявлено. Значимый вклад в прирост со-

сны вносит суммарная величина средних температур мая и июня (31 %) и еще больший – августа и сентября (49 %).

6. Оценка тесноты связи годичного прироста с суммой положительных температур показала, что влияние тепловых ресурсов августа (43 %) более чем в два раза превышает влияние мая (18 %).

7. Выявленные особенности связи основных термических параметров на динамику годичного прироста сосны обыкновенной на отвалах угольных предприятий Кузбасса могут быть использованы при планировании и проведении фитомелиорации нарушенных ландшафтов.

Литература

1. Анучин, Н. П. Лесная таксация / Н. П. Анучин. – М.: Лесная промышленность, 1977. – 512 с.
2. Баранник, Л. П. Биоэкологические принципы лесной рекультивации / Л. П. Баранник. – Новосибирск: Наука, 1988. – 89 с.
3. Восстановление экосистем на отвалах горнодобывающей промышленности Кузбасса / А. Н. Куприянов, Ю. А. Манаков, Л. П. Баранник; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т экологии человека. – Новосибирск: Гео, 2010. – 160 с.
4. Рудаков, В. Е. Методы изучения колебаний климата на толщину годичных колец // Доклады АН АРМССР, 1981.
5. Уфимцев, В. И. Состояние сосновых насаждений на рекультивированных отвалах Кузбасса / В. И. Уфимцев // Флора и растительность антропогенно нарушенных территорий: сборник научных трудов Кемеровского отделения РБО; под ред. А. Н. Куприянова; КемГУ, КРЭОО «Ирбис». – Вып. 7. – Кемерово, 2011
6. Уфимцев, В. И. Особенности динамики годичного прироста сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.) на отвалах угольных предприятий Кузбасса / В. И. Уфимцев, Р. Т. Шереметов // Флора и растительность антропогенно нарушенных территорий: сборник научных трудов Кемеровского отделения РБО; под ред. А. Н. Куприянова; КемГУ, КРЭОО «Ирбис». – Кемерово, 2011. – Вып. 7.
7. Экологическое состояние лесов Кузбасса / Л. П. Баранник, В. П. Николайченко, А. Ф. Сагалаев и др. – Кемерово: КРЭОО «Ирбис», 2005. – 135 с.

Информация об авторах:

Шереметов Рашид Туракулович – кандидат географических наук, научный сотрудник отдела ИЭЧ СО РАН, 8(384-2) 51-50-38, rashit-sheremetov@ramblr.ru.

Sheremetov Rashit Turakulovich – Candidate of Geography, researcher at the Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the RAS.

Уфимцев Владимир Иванович – аспирант, ведущий инженер-технолог ИЭЧ СО РАН, 8-905-965-05-67, uwv2079@gmail.com.

Ufimtsev Vladimir Ivanovich – post-graduate student, senior engineer at the Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the RAS.

ИСТОРИЯ

УДК 353

ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ДЕЛЕНИЯ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

В. А. Волчек

THE IMPERIAL POLICY CONCERNING THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DIVISION OF SIBERIA
IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY

V. A. Volchek

В статье анализируются меры российского правительства по совершенствованию административно-территориального деления восточных окраин империи в 50-е – первой половине 60-х годов девятнадцатого столетия как следствие осознания полной включенности данных территорий в состав государства.

The article focuses on the measures introduced by the Russian government to improve the administrative-territorial division of the Empire's eastern outlying districts in the 1850s – early 1860s after realizing the full inclusiveness of these territories in state structure.

Ключевые слова: административно-территориальное деление, Сибирский комитет, правительственные проекты, их воплощение в жизнь.

Keywords: administrative-territorial division, the Siberian committee, governmental projects, their realization.

В конце первой четверти девятнадцатого столетия российский имперский центр полностью осознал, что административно-территориальное деление восточных окраин империи требует особого внимания. Следствием этого явились преобразования в данном направлении, проведенные I Сибирским комитетом по инициативе М. М. Сперанского. К середине XIX в. регион в целом разделялся на Западную и Восточную Сибирь. Западная Сибирь делилась на 3 части: Тобольскую и Томскую губернии и так называемые внешние округа Киргиз-Кайсацкой степи. Восточная Сибирь состояла из 6 частей: Иркутской и Енисейской губерний, Кяхтинского градоначальства, Камчатской, Забайкальской и Якутской областей. При этом Забайкальская и Якутская области были выделены из состава Иркутской губернии только 11 июля 1851 г., и их начальники подчинялись непосредственно восточносибирскому генерал-губернатору.

В 1852 г. был создан так называемый II Сибирский комитет, который должен был осуществлять общее управление регионом, координировать деятельность министров и других центральных органов власти. Его создание являлось прямым подтверждением того, что центр в это время озаботился проблемами управления восточными окраинами. Они стали рассматриваться как важное звено государства. Под его юрисдикцию попадали все окраины к востоку от Уральского Хребта, включая Казахстан (как тогда говорили Киргизские степи) и Среднюю Азию.

Уже в проекте записки с планом работ Сибирского комитета 25 сентября 1852 г. его председатель князь А. И. Чернышев предложил для обсуждения ряд изменений административно-территориального деления Сибири:

– во-первых, предлагалось учреждение в Иркутской губернии двух новых уездов (округов) – Верхоненского и Балаганского – с открытием для них новых окружных

городов в селении Верхоненском и заштатном городе Балаганске;

– во-вторых, необходимым виделось создание отдельного земского управления в Тункинском ведомстве Иркутского округа;

– в-третьих, необходимо было новое «переграничение» округов в Томской губернии для упорядочения их как в отношении площади территории, так и в количестве населения (в связи с этим окружной город Колывань предлагалось перевести в заштатный и учредить новый город в селе Кийском. Стояла задача определения границ, учрежденных до этого Забайкальской области и Кяхтинского градоначальства. Стоял вопрос об изменении в устройстве внешних округов Киргиз-Кайсацкой степи [1].

Три первых предложения предполагалось обсудить при рассмотрении новых штатов для Сибири, по двум последним необходимо было получить сведения и мнения от местных генерал-губернаторов.

3 ноября 1853 г. Сибирский комитет рассмотрел представление Министерства внутренних дел об утверждении проекта плана Кяхтинского градоначальства, составленного генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым, и постановил передать данный проект на Высочайшее утверждение [2].

Через три года рассматривался вопрос об утверждении проекта плана Забайкальской области, учрежденной указом 1 июля 1851 г. из Верхнеудинского и Нерчинского округов Иркутской губернии. Причем генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев представил проект плана не только с правильно нанесенными границами округов, но и российско-китайской границы. Уже 30 марта 1859 г. Сибирский комитет рассмотрел и передал на Высочайшее утверждение проект герба Забайкальской области.

23 октября 1856 г. Сибирский комитет изучил внесенное морским министерством представление об изменении Положения об управлении Камчатской обла-

стью, утвержденного еще 10 января 1851 г. За прошедшие 5 лет Камчатская область, включавшая в тот момент Петропавловский и Гижигинский округа и селение Анадырское, значительно расширила территорию за счет присоединения Удского края, Аяна, Сахалина и всего приморского берега к югу от Аяна, а центр управления областью переместился из Петропавловска к устью Амура. В связи с этим генерал-губернатор Восточной Сибири предложил дополнить Положение и штат управления Камчатской области, а в морском министерстве были составлены проекты изменения Положения и штатов, в которых предполагалось осуществить следующие меры:

1. Переименовать Камчатскую область в Приморскую, так как прежнее название не соответствовало настоящему составу региона.

2. Назначить местопребыванием военного губернатора области Николаевск (при устье Амура).

3. Увеличить штаты, по сравнению с утвержденными 10 января 1851 г.

Сибирский комитет одобрил данный проект и представил на Высочайшее утверждение, которое произошло 31 октября 1856 г. [3].

14 октября 1857 г. Сибирский комитет обсудил вопрос о переименовании города Кийска Томской губернии. Генерал-губернатор Западной Сибири сообщил об открытии города Кийска и Кийского округа 22 июля 1857 г. (в день тезоименитства жены Александра II императрицы Марии Александровны) и ходатайствовал о переименовании Кийска как первого вновь учрежденного города в царствование Александра II в Александровск или Мариинск. Сибирский комитет не встретил препятствий к этому и передал данный вопрос на усмотрение императора, который выбрал второй вариант названия.

Первая половина 60-х годов была богата на административные преобразования, что было связано с повышенным вниманием к восточным окраинам.

12 сентября 1862 г. было утверждено представление о возведении селения Акмолы в степень окружного города. По сообщению генерал-губернатора Западной Сибири, в этом селении, находящемся в области сибирских киргизов, кроме поселенной сотни казаков в последнее десятилетие, вследствие успешного развития торговли на караванном пути из Ташкента и Коканда в Петропавловск, водворилось значительное число торговцев и разночинцев. Для способствования развитию торговли генерал от инфантерии А. О. Дюгамель считал необходимым возвести Акмолу на степень уездного города и учредить в нем полицейское управление, чтобы поддерживать порядок и охранять безопасность торговцев и их имущества. Расход на содержание Акмолинского полицейского управления в размере 228 руб. сер. в год предполагалось покрыть за счет сумм, оставшихся от некомплекта волостей, а в будущем – городскими сборами от развивающейся торговли.

21 января 1863 г. Сибирский комитет рассматривал вопрос о предоставлении Кабинету части земель Приамурского края в качестве компенсации за земли Нерчинского горного округа, отошедшие в 1851 г. в казачье ведомство при переводе 27136 душ крестьян в казаки Забайкальского казачьего войска. В 1856 г. тогдашний министр уделов граф Перовский, обратив внимание на значительный ущерб от этой передачи, предложил вознаградить Кабинет путем передачи в его собственность

части земель левого берега Амура, и император такое предложение одобрил. В 1859 г. Кабинет вошел в Сибирский комитет с ходатайством о предоставлении Нерчинским заводам права искать, разведывать и разрабатывать во вновь приобретенном крае золотые россыпи, серебряные и другие рудные месторождения. Данное ходатайство было передано тогдашнему генерал-губернатору Восточной Сибири графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому, который предложил присоединить к ведомству Нерчинских заводов земли по левому берегу реки Шилки от впадения в нее реки Горбицы до слияния Шилки с Аргунью. Данная территория площадью около 12 тыс. кв. верст была известна золотоносностью в верховьях рек, впадающих в Шилку и Амур. Кроме того, Муравьев-Амурский признавал за Кабинетом право на определенный процент дохода от частной золотопромышленности в Амурском крае, которая была разрешена в 1862 г. Однако Кабинет попросил отложить разрешение данного вопроса до 1862 г., чтобы исследовать богатства вновь присоединенного края. К началу 1863 г. этот процесс завершился, и министр императорского двора (граф Адлерберг) предложил присоединить к Нерчинскому горному округу участок земли, предложенный Н. Н. Муравьевым-Амурским, и реку Амазар с притоками, за исключением земель, необходимых для наделения казачьих селений Амурской линии. Исправляющий должность генерал-губернатора Восточной Сибири не нашел никаких препятствий для этого, и Сибирский комитет постановил утвердить за Кабинетом право распоряжаться описанным выше участком земли для добычи в нем золота.

23 марта 1864 г. на заседании Комитета был поставлен вопрос о разграничении двух новых частей Нерчинского округа. В соответствии с постановлением Государственного совета от 17 декабря 1862 г. население всех горных округов, в том числе Нерчинского, было передано в гражданское ведомство, поэтому для заведования означенными горнозаводскими людьми было учреждено отдельное земское управление. Для устройства этого управления главное начальство Восточной Сибири предложило отделить от Нерчинского округа ту часть, которая подлежала передаче в ведение нового земского управления. 21 января 1863 г. Сибирский комитет постановил предоставить исправляющему должность генерал-губернатора Восточной Сибири определить на месте подробное разграничение двух новых частей округа, и 23 марта 1864 г. генерал-майор Корсаков представил в Сибирский комитет проект карты Забайкальской области с предполагаемыми границами обеих частей Нерчинского округа. В состав нового округа, в котором было образовано земское управление, предполагалось включить Дучарскую, Александровскую, Шилкинскую волости и Маньковскую инородческую управу. В другой части Нерчинского округа (собственно в Читинском округе) оставались Успенская, Усть-Ильинская и Татауровская волости. Сибирский комитет счел, что предложение главного начальства Восточной Сибири удовлетворяет цели равномерного распределения населения округа в административном отношении и утвердил его.

23 марта 1864 г. Сибирский комитет утвердил предложение генерал-губернатора Западной Сибири о мерах к устройству заштатного города Павлодара, образованного переименованием станицы Коряковской ведомства

Сибирского казачьего войска, которое сводились к следующему:

1. Дозволить селиться в Павлодаре всем лицам свободного состояния (в том числе киргизам, азиатским выходцам и чалоказакам) с правом приписки к этому городу в купцы, мещане и ремесленники по правилам, определенным для городов Кокбекты, Копала и Сергиополя.

2. Купцы города Павлодара, расположенного подобно Семипалатинску и Усть-Каменогорску на Сибирской таможенной линии, имели право производить во внешних округах Семипалатинской области и Области сибирских киргизов розничную торговлю без взятия особых свидетельств.

3. Остальные льготы, предоставленные причисленным к степным городам Семипалатинской области, на Павлодар не распространялись из-за отсутствия результатов.

Учрежденный в 1864 г. Особый комитет «для составления проекта административного разделения Азиатской России» предложил упразднить Оренбургское генерал-губернаторство, образовать Степной военный округ и предоставить начальнику этого округа права генерал-губернатора.

30 августа 1864 г. Сибирский комитет сообщил генерал-губернатору Западной Сибири о намерении императора уже летом будущего 1865 г. сосредоточить главное управление всюю киргизской степью в лице одного и того же начальника, подчинив ему Оренбургскую губернию, области оренбургских и сибирских киргизов, Семипалатинскую и Сыр-Дарьинские линии, Туркестан и прочие вновь покоренные территории, Уральское, Оренбургское и Сибирское казачьи войска и вообще все войска и военные учреждения, находящиеся в пределах данной местности, а также города Омск и Петропавловск, а округ внутренних киргизов и города Семипалатинск и Усть-Каменогорск причислить к Томской губернии. Местопробывание главного начальника вновь образованного в этом составе края предполагалось установить в Оренбурге до того времени, когда окажется возможным перенести его в другой, более центральный пункт. Необходимость такого преобразования аргументировалась тем, что при существующем порядке заведование киргизской степью разделено между оренбургским и западно-сибирским генерал-губернаторами, хотя обе территории находятся почти в одинаковых условиях, населены одним и тем же народом и заняты войсками, имеющими одинаковую цель – охранение пределов подвластной степи от вторжения азиатских соседей.

С отделением от Западной Сибири киргизской степи император, приняв во внимание, что с присоединением к Восточной Сибири Амурского и Уссурийского краев Главное ее управление затрудняется в способах и порядке надзора над обширными местностями, признал необходимым отделить от Восточной Сибири Енисейскую губернию и присоединить ее к Западной Сибири, образовав западно-сибирское генерал-губернаторство из 3 губерний (Тобольской, Томской и Енисейской), перенеся Главное управление Западной Сибири из Омска в Томск.

В записке о преобразовании управления Сибирью Н. Н. Муравьев-Амурский предлагал вообще сократить территорию, находившуюся под властью генерал-губернаторов, исключив из нее Тобольскую и Томскую

губернии, распространив на них общие начала управления. «Упразднение генерал-губернаторств (наместничеств) означало признание достаточно высокой степени интеграции данного региона в систему общеперского законодательства и общеперских учреждений».

Тем не менее, указав на главные основания предполагаемых преобразований, император повелел собрать сведения и истребовать соображения местных начальств к 1 января 1865 г. По получении данных сведений и соображений предполагалось внести их в Сибирский комитет и разработать проекты необходимых указов и законоположений.

16 сентября 1864 г. генерал-губернатор Западной Сибири направил военному губернатору Семипалатинской области, томскому и тобольскому гражданским губернаторам просьбы представить к 15 октября свои откровенные мнения по данной проблеме.

Первым уже 2 октября 1864 г. отозвался томский губернатор, который обратил внимание на имеющееся в Томске крайнее затруднение не только в поиске приличных помещений для присутственных мест, но и в найме квартир частными лицами. В связи с отсутствием в городе свободных каменных зданий не все губернские присутственные места помещались в каменных зданиях, а окружные присутственные места помещались в наемных домах. В случае перевода в Томск ГУЗС губернатор предлагал исходотайствовать всем его чиновникам особые квартирные деньги.

20 октября 1864 г. свое мнение по данному вопросу составил военный губернатор Семипалатинской области. Он считал существующую систему управления сибирской киргизской степью, колонизованной русским населением, наиболее удобной и соответствующей местным условиям. Образование же единой области из областей семипалатинских и сибирских киргизов при громадном составе области в 10 округов и 7 городов без отделения Алатавского и Семипалатинского округов с городами Семипалатинском, Усть-Каменогорском и Павлодаром привело бы к тому, что областное правление, разрабатывая разнородную массу предметов, распределенных в других губерниях между несколькими специальными учреждениями, окажется не в состоянии вести дела с отчетливостью и успехом. В связи с этим семипалатинский военный губернатор предлагал передать Семипалатинский округ с городами Семипалатинском, Усть-Каменогорском и Павлодаром в ведомство Томской губернии, киргизов Малой Орды подчинить суду по общим законам Империи, а киргизов Туркестанского военного округа подчинить действию военных судов.

На основе данных мнений генерал-губернатор Западной Сибири 6 ноября 1864 г. направил свой отрицательный отзыв, в котором указал, что соединение сибирской и оренбургской степей не принесет большой пользы киргизам, а центральному правительству будет стоить больших непроизводительных расходов. Вместо этого он предлагал образовать отдельное самостоятельное управление из Алатавского округа, всего зачуйского пространства и Сыр-Дарьинской линии. Если же образование отдельного степного управления является делом решенным, то вместо Оренбурга главным административным пунктом он предлагал сделать Омск, а города Омск, Петропавловск, Павлодар, Семипалатинск и Усть-Каменогорск причислить к Тобольской и Том-

ской губерниям, или во избежание чересполостности и столкновения с казачьим населением, присоединить к Сибирскому казачьему войску. Все дела по частной золотопромышленности Енисейской губернии предлагалось передать в Алтайское горное правление на том же основании, как оно заведует делами частной золотопромышленности Томской губернии, в результате чего дела по золотопромышленности будут разбираться в специальном учреждении без увеличения состава ГУЗС. С переводом учреждений из Омска, населенного преимущественно служащими и отставными чиновниками военного и гражданского ведомства, он обратится в станицу. В целом предполагаемые преобразования по Западной Сибири должны были стоить правительству 926285 руб. Как видим, в процессе обсуждения выявились серьезные противоречия между центральными и местными органами власти, которые не позволили принять окончательное решение по этому вопросу.

Некоторые, более мелкие дела решались местными органами власти, без вмешательства Сибирского комитета. Например, в 1860 г. была изменена граница между Верхонским и Киренским округами в связи с заселением в черте первого крестьян, состоящих в последнем. Крестьяне переехали туда в 1811 г. с разрешения иркутского начальства и с тех пор вопрос о принадлежности к округу не ставился. Спустя полвека, крестьяне просили оставить их в Киренском округе, т. к. это для них более удобно. Верхонский земский суд признал изменение границы разумным и Совет Главного управления Восточной Сибири принял решение о переносе границы на р. Горбикань.

Литература

1. РГИА. – Ф. 1265. – Оп. 1. – Д. 132. – Л. 9 об. – 10 об.
2. РГИА. – Оп. 13. – Д. 12. – Л. 276 об. – 277.
3. РГИА. – Д. 15. – Лл. 379 – 381, 388 – 389.
4. ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 5650. – Л. 19 – 22.

Информация об авторе:

Волчек Владимир Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, ректор КемГУ, 8 (384-2) 45-04-57, VolchekSND@mail.ru.

Volchek Vladimir Alekseevich – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History, Rector of of Kemsu.

УДК 340.15(075.8)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОКУРАТУРЫ РСФСР В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА (1917 – начало 1920-х гг.)

С. О. Гаврилов, Л. В. Мищенко

DEVELOPMENT OF PUBLIC PROSECUTION SYSTEM IN FORMATION OF THE SOVIET POLITICAL REGIME (1917 – EARLY 1920S)

S. O. Gavrilov, L. V. Mischenko

В статье рассматриваются проблемы развития законодательства о советской прокуратуре, проблемы ее организационного оформления и практической деятельности в 1917 – 1920-х гг.

The problems of the development of the legislation on the Soviet Public Prosecution system as well as the issues of its organization and practical activities in 1917-1920s are considered.

Ключевые слова: прокуратура, юстиция, прокурорский надзор.

Keywords: Public Prosecution system, justice, public prosecutor's supervision.

В 1863 г. было упразднено Кяхтинское градоначальство. 20 декабря 1863 г. в Главном управлении Западной Сибири было начато дело о причислении деревни Новоподзорной из Енисейской губернии к Томской. При обмежевании в 1862 г. земель Боготольской волости Мариинского округа Томской губернии оказалось, что часть местности, лежащей между Томской и Енисейской губерниями, по карте первой значится принадлежащей Енисейской губернии, а по карте последней – Томской. В этом пространстве находилось три деревни, числившиеся в Ачинском округе, – две по р. Урюпу, а одна – в северо-западной части, и крестьяне последней имели общее поземельное владение с крестьянами Боготольской волости. В связи с этим генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель предложил провести в данной местности границы для отделения Томской губернии от Енисейской с причислением крестьян деревни Новоподзорной в Боготольскую волость Томской губернии. В марте 1864 г. генерал-губернатор Восточной Сибири дал на это согласие.

В целом, анализируя политику правительства в отношении административно-территориального деления восточных окраин в 50-е – первой половине 60-х годов девятнадцатого столетия, можно сделать вывод о том, что она свидетельствовала о признании данных территорий неотъемлемой частью Империи. Это было связано как с повышенным вниманием к данному региону, так и с поиском оптимальной структуры административно-территориального деления.

Развитие российской государственности, совершенствование российского законодательства является одной из важнейших проблем, стоящих перед современным обществом.

Среди наиболее актуальных проблем современности одно из главных мест занимает проблема формирования гражданского общества, совершенствования демократического устройства современной России.

Прокуратура, представляющая собой орган высшего надзора за исполнением законов, прошла длительный и сложный путь развития. Ее место в системе государственных органов не может и не должно определяться произвольно.

Конец старой Российской прокуратуры 24 ноября 1917 г. явился и началом истории развития новой. Эти страницы истории, связанные с расширением предмета прокурорского надзора, становлением и развитием функций прокуратуры, вечно актуальной проблемой ее централизации, совершенствованием законодательства о прокурорском надзоре, – никак не потеряли своей актуальности.

В связи с этим нельзя не обратиться к характеристике прокурорского надзора, возникшего в сложную и противоречивую эпоху создания новых судебных органов, базировавшихся на классовой, политической, революционной борьбе, в процессе трудного развития нашего общества – на естественном для этого периода «бойцовском» характере обвинения, уголовного преследования, обвинительном и «наступательном» уклоне в деятельности прокурора.

Декрет о суде № 1, подведший черту под развитием дореволюционной прокуратуры, относится к законодательным актам, которыми проводились в жизнь идеи марксистской теории применительно к государству. Суть их в следующем: победивший пролетариат не может просто овладеть государственной машиной и пустить ее в ход для собственных целей, как это делали до него господствующие классы или соперничающие с ними группы; не может потому, что буржуазная государственная машина является политическим орудием порабощения трудящихся.

В докладе на I конгрессе Коммунистического Интернационала в марте 1919 г. В. И. Ленин отмечал, что истинный демократизм, то есть равенство и свобода, неосуществим без достижения цели, которую ставили себе все социалисты, – уничтожения государственной власти. Только советская организация государства в состоянии действительно разбить сразу и разрушить окончательно буржуазный чиновничий и судебский аппарат, являвшийся наибольшей помехой проведению демократизма в жизнь для трудящихся [4, с. 8].

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин дифференцированно подходили к решению задачи уничтожения старой государственной машины, а именно: выделяли в ней бюрократически-военные органы и ее «угнетательские» элементы. Первые – «угнетательские, несправедливо буржуазные» (к ним относились и суды, и прокуратура) подлежали безусловной ликвидации и замене. Вторые, которые Ленин называл «учетно-регистрационным аппаратом» (банки, синдикаты, почты и пр.), следовало не разбивать, а взять готовыми у капитализма с отсечением от них того, что их «капиталистически уродует».

Но логика декрета «О суде» № 1 такова, что в структуре подлежащего слову государственного аппарата указано не только на ликвидацию, но и на замену бюрократически-военных элементов, в частности судов. Очевидно, что суды не относились к «рутинным» органам: без них, как и без права, Советское государство не могло функционировать. Поэтому старые суды упразднялись декретом и заменялись новыми, советскими.

Дореволюционная прокуратура же упразднялась без замены ее новой советской прокуратурой. В архивных документах не содержится объяснений столь различного подхода к судьбе прокуратуры и судов. Представляется, что Совнарком рассматривал прокуратуру именно как орган классового угнетения, функции которого могли выполняться новым государственным аппаратом и без нее.

Декретами о суде, принятыми в 1918 году СНК и ВЦИК, иными правовыми актами была предпринята попытка решить проблему выполнения функций упраздненной прокуратуры другими органами.

Наблюдение за расследованием преступлений и исполнением приговоров было отнесено к компетенции вновь созданных судов. Более четырех лет продолжался и эксперимент по созданию института обвинителей в суде. В соответствии с декретом «О суде» № 1 обвинителями могли выступать все неопороченные граждане обоого пола, пользующиеся гражданскими правами. Декрет «О суде» № 2 ввел наряду с общегосударским общественное обвинение, которое осуществлялось членами коллегий правозаступников при местных Советах. Декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г. поддержание обвинения в суде было возложено на членов коллегии правозаступников, которые избирались исполкомами местных Советов и получали заработную плату как должностные лица. Тем самым вводилось государственное обвинение в суде. Положением о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. были учреждены коллегии обвинителей при отделах юстиции, члены которых назначались губисполкомами. Эксперимент был прекращен в связи с созданием прокуратуры, на которую возлагались и другие указанные выше функции [7, с. 407].

Необходимость решения задач социального, экономического, правового, организационного и иного характера, осуществления функций государства на новой политической и экономической основе привела к созданию, после упразднения действовавших до октября 1917 года, и иных, государственных структур. Одной из первых таких структур в правоохранительной сфере были органы ВЧК. Как отмечают авторы той поры, помимо иных задач «ЧК принял на себя надзор за соблюдением всех декретов и привлечение к ответственности всех лиц, их нарушающих» (Инструкция Чрезвычайным комиссиям, § 9). В связи с изменением положения в стране, а также переходом к строительству новых отношений в обществе и государстве отмечается, что борьба с должностными правонарушениями становится «по плечу» органам «нормальной администрации и судебно-следственным органам» [8, с. 5].

На это обстоятельство указала Всероссийская конференция РКП (б) (1921 г.) в резолюции по вопросу «О революционной законности». В ней, в частности, отмечалось, что строгая ответственность должностных лиц

органов власти и граждан за нарушение созданных советской властью законов и защищаемого ею порядка должны сопровождаться усилением гарантий прав личности (п. 17). С этой резолюцией связывается и принятие политического решения о создании прокуратуры нового типа с функциями гаранта законности.

1921 – 1922 гг. можно назвать периодом интенсивного становления законодательства нового государства; принятия Уголовного, Гражданского, Земельного кодексов, иных законов, что обострило необходимость создания государственного органа, который обеспечивал бы надзор за соблюдением законов, особенно на местах. В докладе наркома юстиции УССР Буздалина на I съезде деятелей юстиции Украины в январе 1922 г., например, отмечалась необходимость установления строгого контроля за законностью в деятельности местной администрации и борьбой с произволом. В дискуссии многие высказывались за упразднение губернских отделов юстиции и замену их прокуратурой, независимой от местной власти [5, с. 4].

В докладе заместителя наркома Н. В. Крыленко на IV съезде деятелей юстиции (1922 г.) уже шла речь о прокуратуре как об органе, на который возлагались бы обвинение в суде, общий надзор, руководство следствием, а также предупреждение правонарушений. Именно поэтому прокурор «должен быть вполне независимым от тех органов, которые могут помешать ему осуществлять возложенные на него функции» [1, с. 11].

В первом проекте декрета «О Государственной прокуратуре», опубликованном 1 января 1922 г., предполагалось, что прокуратура станет частью Наркомюста на правах его отдела, а основные вопросы своей деятельности будет решать через коллегию НКЮ. Во главе отдела должен стоять прокурор республики – член коллегии НКЮ, назначаемый Президиумом ВЦИК. Народных прокуроров назначает и увольняет Коллегия НКЮ. В результате влияние ведомственных и местных органов власти через органы юстиции на прокуратуру сохранялось.

Проект декрета «О Государственной прокуратуре» подвергся резкой критике. Отмечалось, что «авторы проекта не решились дать большую самостоятельность прокурорам, потому что, развивая эту идею до логического конца, они пришли бы к выводу о необходимости очень большого сужения объема деятельности губотюстов», тогда как «стражем закона» на местах являются именно отделы юстиции. Жизнь же побуждала заменить этот коллегиальный орган, весьма зависимый от губернских органов власти, единоличным, находящимся в непосредственной подчиненности НКЮ и свободным от местных влияний [6, с. 1 – 2]. Предлагалось также подчинить прокуратуре следственный аппарат нарсуда и ЧК с тем, чтобы каждое заключительное постановление следователя шло на утверждение прокурору, который и определит подсудность дела. Н. В. Крыленко считал, что «прокурор республики должен быть выше членов коллегии НКЮ и иметь непосредственное отношение к ВЦИКу». Он предлагал слить должность прокурора республики с должностью наркома и сделать последнего по должности прокурором республики, ведающим отделом прокуратуры [3, с. 2 – 4].

Таким образом, на этом этапе вопрос о прокуратуре как самостоятельной государственной структуре, не входящей ни в какую из систем юстиции, не ставился.

Проект Положения об учреждении прокуратуры, подготовленный Наркомюстом, был внесен 13 мая 1922 г. На III сессию ВЦИК IX созыва. И здесь, как известно, основная дискуссия возникла вокруг статьи 5, устанавливающей, что прокуроры на местах подчинены только прокурору республики, минуя исполкомы. Сессия не согласилась с тем, что назначение, увольнение, перемещение и отстранение прокуроров должно производиться также только прокурором республики [2, с. 36 – 39].

Такая реакция сессии сегодня становится особенно понятной, если учесть, что члены ВЦИК – это прежде всего местные работники Губисполкомов, которые опасались «ущемления» их власти независимыми прокурорами. По докладу Н. В. Крыленко, сессия большинством голосов приняла решение передать законопроект в качестве материалов в специальную комиссию из членов ВЦИК для разработки нового проекта декрета. Рязанов, выступая на сессии, сказал, что он сделал следующий вывод из проекта: власть прокурора республики ставит наркома юстиции вне всех остальных наркомов, подчиняя его непосредственно ВЦИК, а не СНК, что многим представлялось недопустимым.

Думается, что главным просчетом при решении государственно-правовых вопросов такого характера в тот период было полное игнорирование классической, оправдавшей себя во многих правовых государствах теории разделения властей. Поэтому и прокуратура, по сути, контрольный орган законодательной власти, основное назначение которой – надзор за соблюдением законов представителями и исполнительной, и судебной властей, тем не менее создавалась вначале в составе органа исполнительной Наркомюста, а затем судебной – Верховного Суда. Это не могло не сказаться негативно на развитии самой прокурорской системы, а также на процессе формирования и укрепления законности.

Положение о прокуратуре было принято 28 мая 1922 г. III сессией ВЦИК. На прокуратуру возлагались следующие функции:

1. Осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц.
2. Непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов, дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью Госполитуправления.
3. Поддержание обвинения на суде.
4. Наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей.

Во главе прокуратуры, в качестве прокурора республики, становится народный комиссар юстиции, в непосредственном подчинении которого находится входящий в состав Наркомюста отдел прокуратуры.

Военные прокуроры состоят при военных и военно-транспортных трибуналах.

Интересен порядок назначения прокуроров автономных республик. Устанавливалось, что прокурор республики назначается и отзывается Центральным Исполнительным Комитетом этой республики и располагает всеми правами по надзору за исполнением законов в пределах автономии, «кроме вопросов общегосударственного законодательства, по которым прокуратура автономных республик подчинена и подотчетна проку-

рору РСФСР». Отметим и то, что в данном Положении на прокурора в суде возлагалась функция поддержания обвинения, хотя анализ последующих его норм показывал, что речь шла все-таки о надзоре за соблюдением законов.

В ст. 13 говорится и о поддержании обвинения (п. «е»), и об «опротестовании в кассационном порядке приговоров и определений, выносимых судом, а также опротестовании в порядке высшего судебного контроля вошедших в законную силу приговоров судов первой инстанции и кассационных решений Советов народных судей» (п. «ж»), что, очевидно, выходило за рамки обвинения и раскрывало сущность надзора, а не обвинения. Уместно обратить внимание и на то обстоятельство, что понятие «высший контроль» (надзор) вводится уже в самом первом законе о советской прокуратуре, а не в Конституции СССР 1936 г., как это утверждают некоторые авторы. Характер задач, функций и полномочий прокуратуры свидетельствуют о неслучайности введения этого понятия.

Отметим и попытки дифференцированного подхода при построении системы органов прокуратуры.

При образовании органов Прокуратуры РСФСР все губернии подразделялись на три разряда, с учетом которых определялась штатная численность прокуратур. К группе первого разряда отнесены 11 прокуратур, второго – 40, третьего – 9. Московская и Петроградская прокуратуры были вне разрядов. В первой группе штат губернской прокуратуры устанавливался в 35 человек (в том числе 11 оперативных работников), во второй – 30, в третьей – 25.

С учетом особенностей территории РСФСР, этнографических, экономических и политических особенностей отдельных регионов вскоре возникла необходимость в создании в некоторых из них областных прокуратур. Последние, с одной стороны, объединяли бы деятельность губернских прокуратур, входящих в состав этих областей, а с другой – служили бы связующим звеном между ними и прокуратурой республики.

Надзорные и организационные полномочия областных прокуроров, структура аппаратов облпрокуратур определялись Положением об областных прокуратурах, введенным в действие приказом прокурора РСФСР от 13 июля 1923 г. Так, в состав Уральской облпрокуратуры, учрежденной 15 октября 1923 г., входили прокуратуры Екатеринбургской, Пермской, Омской и Челябинской губерний.

С созданием Союза ССР и принятием общесоюзных законов организационные начала функционирования прокуратуры получили дальнейшее развитие. Согласно первым Основам судостроительства Союза ССР и союзных республик, прокуратуры строились на началах централизма и подчинения исключительно прокурору республики, действовали на основании издаваемых республиками положений. Прокурор республики был подотчетен и подведомственен исключительно верховным органам своей республики. Основами также определялось, что во главе прокуратуры в качестве прокурора республики стоит народный комиссар юстиции данной республики. Иначе говоря, и на этом этапе не возникал вопрос об отделении прокуратуры от органов исполнительной власти. Между тем вхождение прокуратуры в состав Наркомата юстиции размывало организационные отношения прокуратур «по вертикали». Это проявлялось в непосредственном обращении с запроса-

ми губернских и областных прокуроров в отделы НКЮ. В результате различные отделы министерства направляли на места прокурорам нескоординированные, разноречивые разъяснения. Отдел прокуратуры тем самым терял информацию и непосредственность руководства нижестоящими органами. Аналогичные последствия наступали, когда военные и военно-транспортные прокуроры обращались с запросами прямо в отдел прокуратуры НКЮ, минуя помощника прокурора республики при Верховном трибунале, которому они подчинялись, что нарушало общий ход работы и вносило разноречивость в систему руководства их деятельностью.

Процесс становления и развития функций, основных направлений деятельности прокуратуры шел одновременно с совершенствованием организационной структуры ее функциональных подразделений.

Первоначально структура отдела прокуратуры Наркомюста РСФСР была установлена Положением о народном комиссариате юстиции от 1 февраля 1923 г. В него входили подотделы: 1) общего управления и личного состава прокурорского надзора; 2) общего надзора; 3) надзора за органами следствия, дознания и местами лишения свободы; 4) государственного обвинения со следственной частью.

Как видим, структура аппарата прокуратуры изначально была организована по функциональному признаку. В аппарате губернских прокуратур предусматривалось: 1) отделение общего надзора; 2) отделение государственного обвинения и надзора за органами дознания и следствия (в том числе ОГПУ); 3) секретариат, на который возлагался учет, назначение и перемещение личного состава прокуратуры, статистика и отчетность, финансово-хозяйственная часть, общая регистратура, выдача справок и связи прокуратуры по вопросам, не относящимся к функциям отделений.

Территория губернии, с учетом штатных и других условий, состояния законности, разбивалась на участки, в которые входили 1 – 3 уезда, получающие порядковые номера. В них назначались помощники прокурора губернии, выполняющие все функции прокуратуры.

Последнее обстоятельство рассматривалось как организационное средство преодоления местнических воздействий.

Важно отметить, что в содержание общего надзора включалось наблюдение за местами лишения свободы как специфическими объектами надзора, а расследование преступлений рассматривалось как единая государственная функция, независимо от того, какими органами оно осуществлялось.

Отметим особо, что концепция прокурорского надзора рассматриваемого периода развивалась исключительно в рамках авторитарной системы, и процедура рассмотрения протестов прокурора, отмены таких актов осуществлялась в иерархическом, а не в судебном порядке. В условиях усиливающихся тенденций формирования командно-административной системы эта функция прокуратуры не получила должного развития и организационного обеспечения. Не случайно и отделы в прокуратурах, занимавшиеся этими вопросами, ограничились систематизацией и пропагандой законодательства, а надзор за законностью нормативных правовых актов растворился в общем надзоре прокуратуры, занимая, не по вине прокуроров, второстепенное место.

Литература

1. Доклад Н. В. Крыленко о прокуратуре на IV съезде деятелей юстиции 27 января 1922 г. // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 5.
2. Известия ВЦИК. – 1922. – № 132.
3. Крыленко, Н. В. К критике проекта о прокуратуре / Н. В. Крыленко // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 3.
4. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. – Т. 33.
5. Политическая работа прокуратуры (по материалам отчетов и ревизий за I полугодие 1925 г.) // Еженедельник советской юстиции. – 1925. – № 41.
6. Саврасов, Л. По поводу декрета о государственной прокуратуре / Л. Саврасов // Вестник советской юстиции. – 1922. – № 2.
7. Свод Установлений РСФСР. – 1920. – № 83.
8. Эстрин, А. Наркомюст и органы борьбы с преступностью / А. Эстрин // Еженедельник советской юстиции. – 1924. – № 1.

Информация об авторах:

Гаврилов Станислав Олегович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, КемГУ, 8(3842) 58-42-25, gavrosh66@mail.ru.

Gavrilov Stanislav Olegovich – Doctor of History, Professor at the Department of Legal History of KemSU.

Мищенко Любовь Вениаминовна – аспирант, КемГУ.

Mischenko Lyubov Veniaminovna – post-graduate student at KemSU.

УДК 94(47).083.4

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904 – 1905 гг.). ПОРТСМУТСКИЙ МИР Ю. П. Горелов

THE LAST MONTHS OF THE RUSSIAN-JAPANESE WAR (1904 – 1905). PORTSMOUTH PEACE TREATY Yu. P. Gorelov

Статья посвящена последним месяцам Русско-японской войны. Анализируется состояние войск, социально-политическая обстановка внутри враждующих держав, особенности заключённого Портсмутского мира.

The article is devoted to the last months of the Russian-Japanese war. The condition of the troops, the sociopolitical situation inside the warring powers and the features of the Portsmouth Peace Treaty are analyzed.

Ключевые слова: Русско-японская война, Портсмутский мир.

Keywords: Russian-Japanese War, Portsmouth Peace Treaty.

Любая война заканчивается миром. Однако его заключение зависит не только от состояния вооружённых сил, но и от социально-политической обстановки внутри враждующих держав. О том, что мир стал актуальной необходимостью для властей России и Японии говорят последние месяцы Русско-японской войны.

Поражение русских под Мукденом вновь подтвердило отсталость военной организации страны. К тому же армия была морально подавлена проигранными боями. Военный корреспондент П. Н. Краснов, будущий генерал, так писал об этом: «Вместо того, чтобы прятаться и укрываться, необученные солдаты идут на штурм толпами. Русская кавалерия не скачет, а движется со скоростью пехоты. Врагу достаются невзорванными важные стратегические объекты» и т. д. [23].

После Мукдена А. Н. Куропаткин был снят с поста главнокомандующего и в марте 1905 г. заменён генералом от инфантерии, бывшим войсковым атаманом Приамурских казачьих войск, а также командующим Приамурским военным округом и Первой Маньчжурской армией Н. П. Линевичем [10, с. 2]. Однако и этот престарелый военачальник практически не предпринимал

никаких активных действий для успешного окончания неудачной для России войны. Сам А. Н. Куропаткин, прощаясь с войсками, поблагодарил за ратный труд все части. Однако особенно высоко он отметил солдат и офицеров Омского, Тобольского, Томского, Барнаульского, Иркутского, Красноярского, Енисейского полков. Главком сказал, что даже после потери двух третьих своего состава они оставались боевыми подразделениями и всегда продолжали бой [7]. Из 48 сибирских полков, участвующих в японской кампании, при нём 34 были награждены Георгиевскими знамёнами [17]. Генерал в тексте своего обращения прямо заявил, что в поражениях есть его личная вина. Он осуждал себя за слабое техническое обеспечение войск, недостаточную подготовку инициативных кадров, а также недооценку физкультурной деятельности в оборонной работе [5].

Последним крупным событием войны стало морское сражение в Цусимском проливе. Весной 1905 г. к проливу для оказания помощи русским войскам и остаткам флота прибыла эскадра адмирала З. П. Рожественского. Однако и она не способна была выиграть современ-

ную войну, т. к. большая часть кораблей была устаревшей и тихоходной.

В начале мая 1905 г. русские корабли вошли в Цусимский пролив, где их поджидал японский флот. Соотношение сил было далеко не в пользу русской эскадры: 134 выстрела в минуту с 40 русских кораблей против 360 выстрелов со 120 японских. Это обстоятельство и тактические ошибки Рождественского определили исход сражения, которое по истечении двух суток удачно для себя завершили японские моряки. Адмирал Того Хэйхатиро 14 мая уничтожил свыше 30 % русских кораблей, 15 мая из боевого строя им выведено уже 85 % судов. У русских уцелело шесть кораблей: 4 крейсера и два эсминца, которые сумели прорваться во Владивосток. Цусимская катастрофа стала окончательной потерей Россией господства на море, а также возможных успехов в Маньчжурской войне [13].

В воспоминаниях кузбассовца С. Я. Чечикова, служившего вместе с писателем С. А. Новиковым (автор романа «Цусима». – Ю. Г.) на броненосце «Орёл», отмечается, что основная масса моряков доблестно выполняли свой долг. Сам Чечиков артиллерист-наводчик, многократно раненный осколками, был захвачен врагом в плен. Вылеченный японцами, он по возвращении на Родину за храбрость получил Георгиевский крест и две медали [9; 12, с. 180]. Его земляк П. П. Петушков принимал участие в сражении на броненосце «Победа», за мужество был награждён Георгиевским крестом и медалью. Умело действовал на броненосце «Ретвизан» моряк из г. Гурьевска (Кемеровская обл.) Г. А. Степанов, за ратный труд он получил три Георгиевских креста и медаль [11, с. 95 – 97].

Несмотря на героизм солдат и моряков, Россия за год войны потеряла свыше 70 кораблей, из них 37 броненосцев и крейсеров. Практически страна осталась без военно-морского флота [13]. В таких условиях бессмысленность сухопутных военных действий становилась очевидной. Поражения на суше и на море изменили политическую ситуацию в стране и в мире. Перевес японцев стал свершившимся фактом. Нужны были новые солдаты, но их подготовка требовала значительных средств и времени.

Весной 1905 г. российские газеты отмечали, что год конфликта стоил России 700 млн рублей, а чтобы воевать дальше, необходима армия численностью 800 тысяч человек, которая будет стоить стране 1 млн 600 тыс. рублей. Страна не в состоянии выдержать такое бремя. Между тем постоянным явлением в империи становились стачки и беспорядки. Продолжая эту тему, газеты писали: «Пришло время выбирать: или продолжать войну без надежды на успех, или закончить её с тем, чтобы спасти Отечество и возродить Родину».

За мир с Японией выступала и большая часть крупных промышленников. Пресса отмечала, что по предложению нефтяного заводчика А. Нобеля частное совещание промышленников потребовало от правительства скорейшего заключения мира даже на условиях частичной потери русских территорий (Владивостока, о. Сахалина). Журнал «Русское богатство» указывал: «Пора остановиться, нет смысла воевать из-за Кореи, мы её отдавали Японии в момент начала конфликта. Из-за Маньчжурии, но царь обещал вернуть её Китаю. В целом победа России приведёт к тому, что Япония станет постоянным врагом империи, а это вы-

зовет увеличение военных расходов у нищего населения [23, с. 138 – 163].

Вскоре предпринимателей поддержали видные земские деятели на своих столичных съездах и совещаниях (ноябрь 1904 г., май 1905 г. и др.), их лидеры – губернские гласные, профессора учебных заведений и аристократы западной ориентации Г. Е. Львов, П. Д. Долгоруков, Д. И. Шаховский, С. Н. Трубецкой и др., требовали от царя быстрее заключения мира, создания правительства, ответственного перед народом, выдвижения на руководящие посты людей, способных наладить расстроенную войной экономику и финансы [3, с. 74 – 78].

С весны 1905 г. с новобранцами в армию всё больше попадает агитационных листовок, осуждающих войну. Среди них много большевистских, таких, как «К солдатам», «Царь и бог», «К деревенской бедноте» и других. По Сибирскому региону идёт волна антивоенных митингов. Для их разгона применяют казачьи команды [15, с. 4; 2, с. 113, 115; 21]. По данным командующего СибВО генерала Н. Н. Сухотина, с января 1905 г. под полицейским надзором в округе находилось 4 тысячи 526 человек, в частях появились чёрные списки неблагонадёжных военных, которых ограничивали в повышении по службе [16, с. 261]. Поражение в войне, начавшееся разложение армии и быстрый рост революционных выступлений заставлял царизм искать мира.

Япония также не могла продолжать войну, так как была крайне истощена. Соотношение сил к концу войны складывалось не в её пользу. Огромная Россия на фронтах имела 750 тысяч человек, около 400 пушек и пулемётов (вместо 36 на начало войны) и глубинную оборону. По Транссибирской магистрали постоянно подтягивались новые подкрепления. Япония имела около 500 тысяч солдат, в обескровленной стране проводились мобилизации нестроевых возрастов. Среди них находились даже старики и подростки. После Мукдена японцы практически отказались от наступательных действий [8, с. 164, 165, 214].

Враг к этому времени потерял каждого четвертого солдата. Ища выход из создавшегося положения, Япония в два раза стала увеличивать призыв новобранцев, доведя его до 90 тысяч человек. Кроме того, мобилизовала резервистов старших возрастов (до 37 лет), но их осталось всего 25 тысяч. Поэтому большого пополнения вражеской армии собрать не удалось. В стране, как и в России, боялись мятежей. Японские солдаты были недовольны тем, что, по сравнению с мирным временем, для их семей на 30 % выросли цены на продовольственные, на 40 % – на топливо, на 50 % – стоимость жилья и т. д. [19, 20].

Исследователь В. А. Апушкин много внимания уделяет последним месяцам этой войны. Из его сообщения видно, что три русские армии встали у г. Телина и р. Сунгари. Японцы пятью армиями в две линии расположились рядом. Войска усиливались подкреплениями. Лагерь противников располагались на 50-километровом отрезке в палатках, практически рядом. Они стояли в рощах, обнесённых земляными насыпями и ивовыми изгородями. Враги купались в одних и тех же водоёмах, там же стирали бельё и не трогали друг друга.

Основным событием этого времени был майский партизанский рейд отряда генерала П. И. Мищенко по тылам японцев с мизерными военными результатами. Русские уничтожили несколько интендантских складов,

800 подвод с продовольствием, две роты солдат, захватили 234 пленника и два пулемёта. Успешнее действовали японцы. Дивизия генерала Харагучи в июле разгромила партизан русского генерала Ляпунова и целиком захватила Сахалин. Однако затяжной войны не выдерживали экономика и ресурсы обеих сторон [1, с. 204 – 207].

Война стоила России около двух миллиардов рублей, Японии – практически столько же (свыше двух миллиардов йен), но налоговое бремя в России возросло на пять процентов, а в Японии – на восемьдесят пять [16, с. 298]. В десяти основных сражениях с обеих сторон было задействовано свыше 1 миллиона человек, каждый пятый был убит или ранен. Страны лишились большого количества морских экипажей (особенно Россия) и кораблей (табл.).

Япония первой (в мае 1905 г.) секретно обратилась к президенту США Т. Рузвельту с официальной просьбой о посредничестве в заключении мира. Рузвельт согласился быть посредником в её переговорах с Россией. Мирные переговоры проходили в американском Портсмуте. Русскую делегацию возглавлял С. Ю. Витте, японскую – министр иностранных дел Комура. Портсмутский трактат был подписан 23 августа (5 сентября) 1905 г. Россия признавала преобладающее влияние Японии в Корее, обе стороны обязались одновременно эвакуировать свои войска из Маньчжурии. Россия уступила Японии аренду Порт-Артура и прилегающих территорий, передала Японии в аренду свои концессии и построенные хозяйственные объекты, железную дорогу между Порт-Артуром и Чанчунем, Южный Сахалин от пятидесятой параллели, а также богатые рыбные промыслы вдоль берегов дальневосточных русских владений и т. д.

Согласно статье № 13, все военнопленные обеих сторон возвращались на Родину. За их эвакуацию отвечали специальные комиссары. Понесённые расходы на содержание своих пленных оплачивала каждая из стран. Твёрдая позиция России и невозможность продолжать войну из-за истощения ресурсов заставили Японию отступить от требования контрибуции и передать ей всего о. Сахалина [24, с. 160 – 168]. Большая заслуга в заключении мира на приемлемых для России условиях принадлежала С. Ю. Витте, удостоенного царём за умелое проведение переговоров титула графа.

Однако Портсмут, где шли переговоры, от командования Маньжурских армий не было приглашено представителя. Не был запрошен и сам главком по поводу целесообразности такого мира. Правая русская общественность осудила С. Ю. Витте за его «преступную уступчивость» и заклеила его злым прозвищем «граф Полу-Сахалинский». По мнению генерала А. И. Деникина и участника переговоров дипломата Н. Я. Коростовца, это обвинение совершенно несправедливое, в особенности принимая во внимание, что уступка половины Сахалина сделана была царем, а не Витте. Сам он проявил большое искусство и твердость в переговорах и сделал всё, что мог в тогдашних чрезвычайных условиях Царский манифест о мире вышел 1 октября 1905 г. Николай II в документе оценил стойкость и храбрость обеих сторон и объявил о прекращении войны с Японией [6, л. 18].

Подводя итоги, можно сказать, что обе враждующие державы так до конца и не выполнили своих намеченных планов по усилению своего влияния на побережье Тихого океана. Примеры нашему выводу – вооружённые конфликты между Россией и Японией, которые регулярно происходили в первой половине XX века [18, с. 28, с. 60 – 62].

Таблица

Основные сражения и потери Русско-японской войны [22, с. 101, 265, 310 и др.]

<i>Событие</i>	<i>Дата</i>	<i>Русские силы</i>	<i>Японские силы</i>	<i>Потери русских</i>	<i>Потери японцев</i>	<i>Результат</i>
Чемульпо	1904 г., 8 февр.	Крейсер «Варяг», канонерка «Кореец», капитан Руднев, 52 ствола, 7 торпед. аппаратов.	6 крейсеров, 8 эсминцев, адм. Уриу, 182 ствола, 43 торпед. ап- парата.	2 корабля, 122 чел. убит. и ран.	1 миноно- сец, повреж- дено 2 крейсера.	Русский флот поте- рял 2 кораб- ля.
Порт- Артур	1904 г., 8 февр.	Запертые в Порт- Артуре 17 кораблей, адм. Старк.	16 кораблей, адм. Того.	5 броненосцев, 5 крейсеров, 56 чел. убит. и ран.	58 чел. убит. и ран.	Русский флот поте- рял более 50 % кораб- лей.
Тюренчен	1904 г., 11 мая.	19000 чел., ген. За- сулич.	34000 чел., ген. Куроки.	2200 чел. убит. и ран.	898 чел. убит. и ран.	Русские от- ступили от Тюренчена.
Высоты Ноньхонь	1904 г., 26 мая.	12000 чел., ген. Стессель.	40000 чел., ген. Оку.	500 чел. убит. и ран.	4304 чел. убит. и ран.	Русские от- ступили в Порт-Артур.
Вафангоу	1904 г., 14 – 15 июня.	35000 чел., ген. Штакельберг.	40000 чел., ген. Оку.	1500 чел. убит. и ран.	1200 чел. убит. и ран.	Русские от- ступили от Вафангоу.
Ляоян	1904 г., 11 – 21 авг.	152000 чел., ген. Ку- ропаткин.	130000 чел., маршал Ояма.	16500 чел. убит. и ран.	24000 чел. убит. и ран.	Русские отошли к Мукдену.

<i>Событие</i>	<i>Дата</i>	<i>Русские силы</i>	<i>Японские силы</i>	<i>Потери русских</i>	<i>Потери японцев</i>	<i>Результат</i>
Шахэ	1904 г., 22 сент. – 4 окт.	7 корпусов, 195000 чел., ген. Куропаткин.	150000 чел., маршал Ояма.	Свыше 40000 чел. убит. и ран.	Свыше 40000 чел. убит. и ран.	Русские не смогли начать наступление, оставили позиции.
Оборона Порт-Артура	1904 г., 8 февр.- 2 янв. 1905 г.	Гарнизон св. 50000 чел., ген. Стессель.	Свыше 100000 чел., ген. Ноги.	Ок. 45000 плен., из них 18000 ран.	110000 чел. убит. и ран., 30 кораблей выведено из строя.	Русские потеряли военно-морскую крепость.
Мукден	1904 г., 6 – 24 февр.	Ок. 30000 чел., ген. Линевич.	271000 чел., маршал Ояма, из них 30% войск прибыло из Порт-Артура.	89000 чел. убит. и ран.	71000 чел. убит. и ран.	Русские отступили от Мукдена.
Цусима	1904 г., 27 – 28 мая.	Около 40 кораблей, 288 орудий, адм. Рождественский.	Свыше 120 кораблей, 910 орудий, адм. Того.	85 % кораблей, 5 тыс. убито и утонуло, св. 6 тыс. попало в плен.	3 миноносца, 654 чел. убито и ран.	Уцелело 6 русских кораблей (4 крейсера и 2 эсминца).

Литература

- Апушкин, В. А. Русско-японская война 1904 – 1905 гг. [Текст] / В. А. Апушкин. – М.: Русское товарищество, 1910. – 214 с.
- Барнаул. Летопись города [Текст]. – Барнаул: Кн. изд-во. – 2005. – Ч. 1. – 222 с.
- Богучарский, В. Хроника русской жизни [Текст] / В. Богучарский // Образование. – 1905. – № 6.
- Военная газета. – 1906. – 18 марта.
- Военная газета. – 1906. – 9 марта.
- Военный сборник. – 1906. – № 4.
- ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф.595. Оп.3. Д.220. Л.18.
- Деникин, А. И. Путь русского офицера [Текст] / А. И. Деникин. – М.: Современник, 1991. – 300 с.
- Дятлов, В. Герой Цусимы – гость кемеровчан [Текст] / В. Дятлов // Кузбасс. – 1968. – 21 июля.
- История Русско-японской войны [Текст] / под ред. М. Е. Бархатова, В. В. Функе. – СПб., 1908 – 1910. – Т. 6.
- Кацюба, Д. В. Наши земляки – участники Русско-японской войны [Текст] / Д. В. Кацюба // Разыскания. – 1992. – № 2.
- Коростовец, И. Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году [Текст] / И. Я. Коростовец // Былое. – 1918. – № 1.
- Ласкин, А. Герой Цусимского сражения [Текст] / А. Ласкин // Кузбасс. – 1967. – 9 апреля.
- Мысли по поводу гибели русских тихоокеанских эскадр [Текст] // Мир божий. – 1905. – № 7.
- Новосибирск. 100 лет. События. Люди. [Текст]. – Новосибирск: Наука, 1993. – 472 с.
- Ольденбург, С. С. Царствование императора Николая II [Текст] / С. С. Ольденбург. – М.: Феникс, 1992. – Т. 1. – 300 с.
- РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1284. Оп. 194. Л. 9.
- Ростов, Н. Д. Вы верой и правдой служили России [Текст] / Н. Д. Ростов // Бюллетень академии воен.-ист. наук. – 2001. – № 3.
- Русско-японская война 1904 – 1905 гг. и геополитические проблемы современной России [Текст] // Материалы областной науч.-историч. конференции 26 марта 2004 г. – Новосибирск: Сибирское соглашение, 2004. – 136 с.
- Сибирская жизнь. – 1904. – 25 ноября
- Сибирская жизнь. – 1904. – 3 декабря
- Харботл, Томас. Битвы мировой истории [Текст] / Томас Харботл // Словарь: [пер. с англ.]. – М.: Внешсигма, 1993. – 576 с.
- Южаков, С. Н. Политика [Текст] / С. Н. Южаков // Русское богатство. – 1905. – № 3
- Южаков, С. Н. Точный текст мирного Портсмутского трактата [Текст] / С. Н. Южаков // Русское богатство. – 1905. – № 10.

Информация об авторе:

Горелов Юрий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры России, КемГУ, 8(3842)75-62-40.

Gorelov Yuri Pavlovich – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History and Culture of KemSU.

СИБИРЬ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ (1904 – 1905 ГГ.): ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Ю. П. Горелов

SIBERIA IN THE RUSSIAN-JAPANESE WAR (1904 – 1905): HISTORIOGRAPHY

Yu. P. Gorelov

Статья посвящена историографии проблемы деятельности сибиряков по оказанию помощи российской армии в годы Русско-японской войны. Рассмотрены следующие этапы историографии: труды дореволюционных авторов, работы советских историков, публикации исследователей постсоветского периода.

The article is devoted to the historiography of Siberians assisting the Russian army during the Russian-Japanese war. The article covers the following stages of historiography: pre-revolutionary works, Soviet historians' works, the works of the post-Soviet period.

Ключевые слова: историография, Русско-японская война, Сибирь.

Keywords: historiography, the Russian-Japanese war, Siberia.

Война – серьёзное испытание политических, экономических, военных, организаторских и моральных сил общества. В Русско-японской войне такому испытанию была подвергнута и Сибирь, особенно кадры военной, научной, медицинской интеллигенции. Это был особый период в деятельности сибиряков, когда необходимо было в тяжелейших условиях военного времени все свои силы, знания, опыт отдать всесторонней помощи российской армии, попавшей в тяжёлое положение. Однако организационная, административная, благотворительная и другая жертвенная работа сибирских властей и населения на оборонные нужды в специальной литературе рассматривалась недостаточно.

Историография рассматриваемой проблемы возникает в дореволюционное время в ходе самой войны. В своём развитии она прошла несколько самостоятельных периодов, тесно связанных с общими направлениями в исследовании отечественной истории. Руководствуясь уже сложившейся периодизацией, выделим следующие этапы: первый – работы дореволюционных авторов (конец XIX – нач. XX в.); второй – работы советских историков (1917 – 1993); третий этап – постсоветский, связан с экономическими и идеологическими изменениями, затронувшими всё общество с конца 1980-х годов.

На первом этапе, учитывая военные потребности страны, анализировались отдельные примеры в работе населения по укреплению обороноспособности дореволюционной армии. Со статьями и публикациями выступали крупные военачальники, учёные, общественные деятели, журналисты, медицинские работники. В изложении событий Русско-японской войны выделяются статьи В. В. Вересаева, И. А. Белоконского, М. И. Драгомилова, В. И. Каннеля, Н. Н. Ковальского, К. Л. Пиотровского, В. А. Теплова, Н. П. Черепнина, В. И. Немировича-Данченко и других. Авторы показывали причины войны, её идеологическое обеспечение, отмечали имеющийся военный опыт России, давали оценочные характеристики русским и вражеским частям, их завоевательным планам, описывали героизм и жертвенность отрядов Красного Креста [6, 3, 10, 16, 17, 24, 35, 36]. Эти первые работы интересны тем, что в них очерчен почти полный спектр основных проблем, которые затем стали предметом изучения большинства отечественных и зарубежных историков-профессионалов. В то же время они не дают представления о деталях «черновой» всенародной благотворительной работы сибирских регионов. В ранних работах в научном обороте часто фигурирует слово «попечительство». Из

энциклопедических словарей видно, что оно означает разнообразную социальную помощь государственным ведомствам дореволюционной России. В нашем случае – это оказание всенародной помощи Военному министерству.

Глубиной и остротой военных событий, в том числе связанных с Сибирью, в этом ряду выделяется много томное сочинение истории Русско-японской войны под редакцией М. Е. Бархатова и В. В. Функе, подаренное царской семье. Работа затрагивает практически большинство организационных и оборонных вопросов, показывает как значительное количество подвигов сибиряков на фронте, так и их самоотверженный труд в тылу. В том числе авторы пишут об особенностях мобилизации войск, трудовом подвиге при организации переправ через оз. Байкал, при эвакуации раненных в тыл, обслуживании армейских питательных пунктов, при обеспечении частей фуражом, продовольствием, имуществом и т.д. Однако, на наш взгляд, в работе раскрыты глубинные причины, приведшие русскую империю к неожиданному для всего мира поражению. Этой работе присущ описательный характер событий, а также замалчивание ряда острых социальных проблем, вызванных Русско-японской войной [14].

Одной из таких проблем была неподготовленность к войне высшего командного состава. Общее представление о русском генералитете даёт работа учёного Н. А. Рубакина, который, благодаря проведённому статистическому анализу, пришёл, на наш взгляд, к совершенно правильному выводу, что по своим знаниям, опыту и возрасту большинство русских военачальников не способны были выиграть современную войну [29].

О поведении сибирских солдат на полях сражений сообщал в своих очерках военный историк М. К. Соколовский. Однако в них преобладает отрывочный фактический материал, не дающий полной картины напряжённых фронтовых будней [33].

Огромное значение изучению этой войны придавал В. И. Ленин. Он искал практические пути осуществления пролетарского переворота и неслучайно считал, что войны ведутся не только армиями, но и целыми народами, что связь между военной организацией страны и всем её экономическим и культурным строем никогда не была столь тесной, как в эпоху империализма. Он сделал вывод, что поражение на фронте способно привести к гражданской войне. Примеры тому – его работы: «Падение Порт-Артура», «Царский мир» и другие. Наряду с глубоким анализом планов сторон, хода военных действий и факторов, приведших Россию к пора-

жению, в этих работах прослеживается ярко выраженный классовый подход, пропагандистская работа по развалу армии и русского самодержавия и другая идеологизированная проблематика, перешедшая затем в советскую историографию [19, Т. 8. с. 170 – 174; Т. 9. с. 126 – 136; 151 – 159, 230; Т. 10. с. 251 – 255].

Вместе с тем 1917 г. не остановил развития отечественной историографии. Это был лишь год смены политического режима. Поэтому до конца 20-х годов продолжали существовать различные историографические направления. Среди них: либеральное, консервативное, марксистское. Лишь в 30-е годы марксистская идеология становится единственно верной в изучении Русско-японской войны и других проблем отечественной истории. Примеры тому – работы и монографии Д. М. Позднеева, Д. Склярова, А. И. Сорокина, И. Я. Бедняка [25, 32, 34, 2]. В угоду сталинскому режиму, особенно после побед в Великой Отечественной войне, в таких монографиях появляются конъюнктурные оценки происходящих событий с уклоном на критику империалистических планов и идеологий противоборствующих сторон, отмечается агрессивность их внешней политики. С другой стороны, этими авторами оправдывается деятельность революционеров по развалу российской армии, поощряется классовый интерес к изучению военного искусства, к организации разных форм борьбы не только с внешним врагом, но и с внутренним (то есть эксплуататорскими классами). Увлечённость классовым догматизмом привела к тому, что в советской исторической науке появляется множество забытых тем, среди них и общечеловеческие: о заботе сибирского населения и меценатов о русской армии, об их участии вместе с земскими благотворительными организациями в помощи «прогнившему режиму».

С конца 50-х гг. история Русско-японской войны стала освещаться более интенсивно. Этому способствовали перемены в обществе после XX съезда КПСС, юбилейные даты, связанные с русскими революциями, а также агитационно-пропагандистская деятельность военных историков и их профессиональных коллективов. Среди работ выделяются: солидное исследование истории Русско-японской войны Института военной истории под редакцией И. И. Ростунова, монографии о русской армии и флоте Л. Г. Бескровного, о Цусимском сражении В. А. Костенко, о подвиге крейсера «Варяг» Р. М. Мельникова и другие [4, 15, 18, 20]. Несмотря на то, что в них содержится ценный цифровой материал, раскрываются многие исторические аспекты по созданию оборонного комплекса страны, героическому труду командного состава в организации работ по защите Отечества, помощь сибирского тыла освещена незначительно, приоритет по-прежнему отдан классовому принципу изучения истории.

Новый этап историографии начинается с середины 80-х годов. Его особенности обусловлены начавшейся в стране перестройкой, политикой гласности, а затем и лишением КПСС монополии на власть. Эти изменения привели к раскрепощению исторического мышления, создали благоприятные условия для изучения той

сложной и трагической эпохи. Слом идеологических барьеров позволил увеличить количество круглых столов, симпозиумов, конференций, способствовал появлению на русском языке работ ведущих учёных Запада. В публикациях этого периода меньше содержится идеологии и пропаганды, зато больше даётся полных и объективных материалов о событиях накануне и во время Русско-японской войны. Их авторы – историки, учёные, писатели, журналисты Н. Б. Аюшин, В. Глушков, Е. Долгов, А. Шаравин, И. В. Деревянко, В. А. Золотарёв, И. А. Козлов, Ю. Н. Иванова, Д. Б. Павлов, А. А. Падерин, Ю. М. Рошупкин, А. В. Шишов и другие [1, 8, 9, 12, 13, 22, 23, 26, 37] – показывают не только недостатки царских вооружённых сил, но и положительный опыт, накопленный в попечительских, социальных, оборонных мероприятиях государства и населения в поддержку русской армии. Именно в таком ключе написана книга С. Н. Семанова, посвящённая флотоводцу С. О. Макарову [31]. В ней содержится немало любопытных наблюдений о военно-политической обстановке в стране, о работе по укреплению обороноспособности Дальнего Востока, о героизме военнослужащих и населения при защите Порт-Артура. Близкими проблемами отмечена работа Н. Б. Аюшина [1], который анализирует состояние военно-морских укреплений втянутого в войну региона. Заслуживает внимания работа В. Глушкова, Е. Долгова, А. Шаравина [8], которые на значительном фактическом материале несколько иначе, чем другие исследователи, оценивают подготовку России к войне. Из статьи видно, что страна огромные средства тратила на военные учения, организацию разведки, создание укрепрайонов, усиление флота и морских крепостей. Авторы считают, что в этом была огромная заслуга нелюбимых в советской историографии наместника Дальнего Востока Е. И. Алексеева и его друга статс-секретаря А. М. Безобразова.

О том, что война для большинства россиян стала народной, пишут Ю. Н. Иванова, Н. Д. Ростов, Л. Веклич, Г. В. Еремин и другие [13, 28, 5, 11]. Особенностям социально-бытового и пенсионного обеспечения военнослужащих этого времени посвящён материал учёного А. А. Падерина [23].

Совсем недавно, к 100-летию Русско-японской войны, в Новосибирске вышел научный сборник. События тех лет рассматриваются в нём в контексте геополитических проблем современной России. Особое место среди изданных материалов занимают публикации известных сибирских авторов М. В. Шиловского, В. И. Баяндина, Ю. А. Фабрики и других, которые посвящены сибирякам – участникам этой войны [30].

Изученная нами литература позволяет говорить о том, что тема только начинает освещаться в современной историографии, и в целом обобщающих работ о заботе сибирского населения об армии в Русско-японскую войну автором выявлено недостаточно. Груз идеологического наследия в сознании исследователей слишком тяжёл, чтобы быстро от него освободиться.

Литература

1. Аюшин, Н. Б. Дальневосточный форпост России [Текст] / Н. Б. Аюшин // Военно-исторический журнал. – 1996. – № 4.

2. Бедняк, И. Я. К вопросу о перерастании японского капитализма в монополистическую стадию и характер Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. [Текст] / И. Я. Бедняк // Япония: вопросы истории. – Институт востоковедения. – М., 1959.
3. Белоконский, И. П. Лубочная литература о Японско-русской войне [Текст] / И. П. Белоконский // Образование. – 1905. – № 1.
4. Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. [Текст] / Л. Г. Бескровный. – М., 1973.
5. Веклич, Л. У флотской славы есть сибирские корни [Текст] / Л. Веклич // Красная Звезда. – 1996. – 19 октября.
6. Вересаев, В. В. Рассказы о войне [Текст] / В. В. Вересаев // Мир божий. – 1906. – № 5.
7. Гефнер, О. В. Военные в социокультурном пространстве г. Омска (1870-е – 1903 гг.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. В. Гефнер. – Омск, 1999.
8. Глушков, В. Считаются с сильными [Текст] / В. Глушков, Е. Долгов, А. Шаравин // Армейский сборник. – 2001. – № 1.
9. Деревянко, И. В. Шпионов ловить было некому [Текст] / И. В. Деревянко // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 12.
10. Драгомилов, М. И. О действиях японской армии [Текст] / М. И. Драгомилов // Вестник Европы. – 1904. – № 7.
11. Ерёмин, Г. В. Мокшанский полк на сопках Маньчжурии [Текст] / Г. В. Ерёмин // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 10.
12. Золотарёв, В. А. Русско-японская война 1904 – 1905 гг. [Текст] / В. А. Золотарёв, И. А. Козлов. – М., 1990.
13. Иванова, Ю. Н. Прекраснейшие из храбрых [Текст] / Ю. Н. Иванова // Военно-исторический журнал. – 1994. – № 3.
14. История Русско-японской войны [Текст] / под ред. М. Е. Бархатова, В. В. Функе. – СПб., 1908 – 1910. – Т. 1 – 6.
15. История Русско-японской войны [Текст] / под ред. И. И. Ростунова. – М., 1977.
16. Канель, В. Я. Война и эпидемии [Текст] / В. Я. Канель // Русская мысль. – 1904. – № 7.
17. Ковальский, Н. Н. С земским отрядом на Дальний Восток [Текст] / Н. Н. Ковальский // Русская мысль. – 1905. – № 7.
18. Костенко, В. А. На Орле в Цусиму [Текст] / В. А. Костенко. – Л., 1968.
19. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений [Текст] / В. И. Ленин. – М., 1982. – Т. 8. – С. 170 – 174; Т. 9. – С. 126 – 136, 151 – 159, 230; Т. 10. – С. 251 – 255.
20. Мельников, Р. М. Крейсер «Варяг» [Текст] / Р. М. Мельников. – Л., 1975.
21. Немирович-Данченко, В. И. Сестра милосердия [Текст] / В. И. Немирович-Данченко // Сибирская жизнь. – 1904. – 25 июля.
22. Павлов, Д. Российская контрразведка в годы Русско-японской войны [Текст] / Д. Павлов // Отечественная история. – 1996. – № 1.
23. Падерин, А. А. Государство на страже своих защитников [Текст] / А. А. Падерин // Военно-исторический журнал. – 1997. – № 5.
24. Пиотровский, К. Л. Борьба за Тихий океан [Текст] / К. Л. Пиотровский // Мир божий. – 1905. – № 5.
25. Позднеев, Д. М. Япония: военно-экономическое описание [Текст] / Д. М. Позднеев. – М., 1924.
26. Ращупкин, Ю. М. Иркутский военный округ (1884 – 1917 гг.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. М. Ращупкин. – Иркутск, 1999.
27. Ремнёв, А. В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX вв. [Текст]: автореф. дис. ... докт. ист. наук / А. В. Ремнёв. – СПб., 1997.
28. Ростов, Н. Д. Вы верой и правдой служили России [Текст] / Н. Д. Ростов // Бюллетень Академии воен.-истор. наук. – 2001. – № 3.
29. Рубакин, Н. А. Военная бюрократия в цифрах [Текст] / Н. А. Рубакин // Русская мысль. – 1907. – № 1.
30. Русско-японская война 1904 – 1905 гг. и геополитические проблемы современной России [Текст] // Материалы областной науч.-историч. конференции 26 марта 2004 г. – Новосибирск., 2004.
31. Семанов, С. Макаров [Текст] / С. Семанов. – М., 1986.
32. Складов, Д. Экономическая политика японского империализма в Маньчжурии [Текст] / Д. Складов. – Л., 1934.
33. Соколовский, М. К. Исторический очерк 12-го Сибирского резервного полка, ныне вошедшего в состав 44-го Сибирского стрелкового полка. 1711 – 1911 гг. [Текст] / М. К. Соколовский. – Барнаул, 1911.
34. Сорокин, А. И. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война [Текст] / А. И. Сорокин. – М., 1948.
35. Тепляков, В. А. Англия и США в русско-японском конфликте [Текст] / В. А. Тепляков // Русский вестник. – 1904. – № 10.
36. Черепнин, Н. П. Полвека забот о раненных [Текст] / Н. П. Черепнин // Русский вестник. – 1904. – № 10.
37. Шишов, А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов [Текст] / А. В. Шишов. – М., 2001.

Информация об авторе:

Горелов Юрий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры России, КемГУ, 8(3842)75-62-40.

Gorelov Yuri Pavlovich – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History and Culture of KemSU.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ИСТОРИКОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОВЕДЕНИЯ ГОДА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

К. А. Заболотская

THE USAGE OF HISTORIC EXPERIENCE AND TRAINING HISTORIANS IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN HISTORY YEAR

K. A. Zabolotskaya

В статье анализируется воздействие исторического опыта на мировоззрение населения России в контексте проведения года российской истории и подготовки кадров историков.

The article analyses historic experience impact on the Russian population outlook in the context of the Russian History Year and training historians.

Ключевые слова: исторический опыт, объективность и достоверность исторических источников, профессионализм кадров историков.

Keywords: historic experience, objectivity and authenticity of historical sources, historians' professionalism.

Передовые умы России всегда активно интересовались историей своей страны. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить хотя бы такие имена, как М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, А. М. Горчаков, А. И. Герцен, А. А. Зиновьев, А. И. Солженицын. Все они тяжело переживали внутренние неурядицы России и были озабочены перспективами ее развития. В 1990 г., почти на исходе XX в. А. И. Солженицын опубликовал одну из своих замечательных статей под названием «Как нам обустроить Россию» [16]. В данной статье А. И. Солженицын обращается к историческому опыту России и доказывает целесообразность его использования в современных условиях. Опыт, безусловно, бывает разный. Особенно, если учесть, что его отражение и в официальных, и в личных документах не всегда полностью соответствует реальной действительности.

Исторический опыт, накопленный любой страной, ее история всегда оказывает воздействие на формирование менталитета населения. Не случайно такой крупный историк, как академик И. Д. Ковальченко постоянно подчеркивал социальный характер исторических знаний, рассматривал их как часть общественно-научной мысли; считал необходимым выяснить социальную значимость концепции, возможности ее влияния на решение задач общественной жизни. И. Д. Ковальченко считал также необходимым обращать «внимание и на соотнесение выводов историка с проблемами современности» [22, с. 158].

Такую позицию, к сожалению, занимали и занимают не все. Руководители молодого советского государства с первых лет его существования не придавали должного значения познанию и использованию накопленного страной исторического опыта. Свидетельством тому является начавшееся уже в конце 1918 – начале 1919 гг. реформирование исторического образования и изгнание в 1922 г. за пределы страны ряда маститых отечественных историков («философский пароход»). Казалось бы, в условиях начавшейся иностранной интервенции и гражданской войны, охвативших большую часть территории страны, следовало сосредоточить все силы на изгнании из России иностранных интервентов, используя в том числе и исторический опыт войны 1612 и Отечественной войны 1812 годов, остановить братоубийственную войну и восстановить гражданский мир. А в это время (конец 1918 – начало 1919 гг.) в крупнейших университетах закрывают исторические (историко-филологические) и юридические факультеты и

создают на их базе факультеты общественных наук – ФОНы, где истории страны отводилась весьма скромная роль [17, с. 822]. В 1921 г. для подготовки идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук создаются институты красной профессуры [2, с. 410]. В 1931 г. в Москве на базе историко-филологического факультета МГУ, созданного и вскоре выведенного из состава университета, появляется Московский институт философии, литературы, истории (МИФЛИ) [21].

В 1933 г. в Ленинграде, на базе выделенного из состава ЛГУ историко-лингвистического факультета, создается Ленинградский историко-философский лингвистический институт (ЛИФЛИ) [24].

Проведенные реформы не повысили качество подготовки профессиональных историков, скорее, ограничили возможности плодотворного развития исторической науки. Большой ущерб кадровому потенциалу профессиональных историков нанесли политические репрессии и прежде всего так называемое «Академическое дело», по которому к суду и следствию была привлечена большая группа как весьма солидных, так и молодых, но уже известных историков – академики С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский; историки А. И. Андреев, С. В. Бахрушин, Л. В. Черепнин, Н. М. Дружинин, М. Н. Тихомиров и другие [11, 20]. Некоторые из них после непродолжительного ареста были освобождены (Н. М. Дружинин, М. Н. Тихомиров), другие приговорены к длительным срокам заключения с последующей высылкой. Так, С. Ф. Платонов был выслан в Самару, Е. В. Тарле – в Алма-Ату, Н. П. Лихачев – в Астрахань, М. К. Любавский – в Уфу, С. В. Рождественский – в Томск, С. В. Бахрушин – в Семипалатинск, А. И. Андреев – в Енисейск, В. И. Пичета – в Вятку – сроком на 5 лет [6, Т. I, Т. II]. Благодаря «Академическому делу» одни историки преждевременно ушли из жизни, другие были надолго лишены возможности плодотворно заниматься наукой, т. к. были изолированы от крупных библиотек и архивохранилищ.

О богатом историческом опыте страны ее руководители вспомнили только в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Тогда вновь зазвучали имена наших героических предков, и в 1942 – 1944 гг. были учреждены ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Ушакова, Нахимова [18, с. 946].

Великая Отечественная война победоносно завершилась, и мы вновь на уровне руководства страны и

общества перестали обращаться к нашему историческому опыту. Ситуация стала меняться только в последнее время. На экранах ТВ появились передачи «Суд истории», «Исторический процесс», участники политических дискуссий стали чаще обращаться к примерам из нашей прошлой истории. И вот, наконец, 9 января 2012 г. президент Российской Федерации Д. А. Медведев издал Указ № 49 «О проведении в Российской Федерации года российской истории» [19]. И здесь мы подходим к вопросу, ради которого была задумана эта статья. Насколько готовы россияне, и прежде всего историки России, к такому очень важному и, бесспорно, нужному для страны мероприятию? Проведение года российской истории задумано «в целях привлечения внимания общества к Российской истории и роли России в мировой истории» [19]. Иными словами, проведение года российской истории должно привлечь внимание общества к изучению и использованию уроков истории – накопленного опыта социально-экономического и политического развития как внутри страны, так и на международной арене. Любой исторический опыт ценен, если он достоверен, точнее, объективна и достоверна характеризующая его информация, содержащаяся в исторических источниках. Таким образом, эффективность проведения года российской истории, его влияние на формирование менталитета современного российского общества будет зависеть как минимум от двух определяющих факторов – объективности и достоверности источниковедческой базы, ее доступности для исследователей, извлечения из источников накопленного исторического опыта; во-вторых, от способности специалиста-историка выявить (найти) такие исторические источники, их грамотно проанализировать – извлечь исторический опыт, т. е. от уровня его профессионализма. И если первый фактор в значительной степени определяется состоянием внутриполитической обстановки в стране, то второй – качеством подготовки специалиста-историка.

Не будем углубляться в далекое прошлое и обратимся к оценке этих факторов – источниковедческой базы и профессионализма историка в новейший период отечественной истории.

Объективная оценка накопленного исторического опыта должна опираться на представленную базу исторических источников, которыми располагает исследователь. В советское время это условие не всегда можно было обеспечить по разным причинам. В первую очередь, это зависело от сохранности документов, содержащих необходимую информацию. В текущих (ведомственных) и даже в государственных архивах не всегда обеспечивались необходимые условия хранения: температурно-влажностный режим и пожарная безопасность. Архивы часто располагались в зданиях церквей, монастырей, подвалах, складских и других непригодных помещениях. В результате происходила утрата документов, представляющих ценные исторические источники. Документы погибали не только от нарушений условий хранения, пожаров, затопления помещений и других чрезвычайных событий. В условиях тоталитарной системы имело место сознательное уничтожение ряда документов постоянных сроков хранения, имевших большую научную и практическую значимость.

Не избежали этой участи даже отдельные категории документов, хранящихся в архивах органов учреждений

государственной безопасности [1, с. 33, 63, 150; 12, с. 36 – 37]. Поэтому, оценивая извлеченный исторический опыт, историк должен прежде всего исходить из того, насколько полна и репрезентативна источниковедческая база, гарантирующая объективность и достоверность информации, освещающей этот опыт.

Сложившаяся в условиях советской власти монопартийная система, достаточно быстрое сращивание партийного и государственного аппаратов привели к тому, что приоритетными источниками по всем проблемам истории советского общества стали документы, образовавшиеся в лоне правящей партии – РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. Они же стали служить эталоном оценки информации других документов советской эпохи. В учебнике по источниковедению истории СССР, вышедшем в 1981 г. в издательстве высшей школы, подчеркивается, что документы КПСС в подавляющем большинстве являются результатом коллективного творчества, проходят стадии предварительных обсуждений, «...уже в процессе создания этих документов осуществляется своеобразный анализ тех сведений, оценок и утверждений, которые в них содержатся...». На этом основании делается вывод о том, что «...партийные документы для историков советского общества служат важным критерием для проверки идейной направленности и достоверности других источников» [7, с. 361].

Одно только это обстоятельство требует основательного критического подхода к концепциям и оценкам, созданным на основе документов советской эпохи, включая документы КПСС, поскольку достоверность содержащейся в них информации нуждается в подтверждении.

Ограничимся всего двумя примерами. В январе 1937 г. в Москве проходил судебный процесс по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра». В числе подсудных было несколько человек из Кузбасса – Б. О. Норкин, начальник «Кемеровокомбинатстроя», его заместитель Я. Н. Дробнис, главный инженер треста «Кузбассуголь» М. С. Строилов и другие. М. С. Строилов был специалистом горного дела высокого класса, имел ряд ценных рационализаторских предложений, а в июле 1935 г. за ценное руководство работой и перевыполнение плана добычи угля был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Согласно приговору по этому делу, все подсудимые были обвинены в диверсионной, вредительской, шпионской антисоветской деятельности, срыве плана производства, ухудшении качества продукции [14, с. 210 – 216]. На февральско-мартовском пленуме ЦКВКП(б) 1937 г. М. С. Строилов и другие лица, проходившие по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра», неоднократно характеризовались как вредители. Даже на прямой вопрос о М. С. Строилове один из руководителей угольной промышленности Кузбасса М. Л. Рухимович, награжденный в 1935 г. одновременно со Строиловым, без всяких сомнений заявил с трибуны Пленума: «Строилов – шпион, как известно из показаний» [15, с. 9]. Информация о виновности М. С. Строилова, таким образом, нашла подтверждение в партийных документах и, следовательно, не нуждалась в проверке на достоверность. Истина была установлена спустя 50 с лишним лет после реабилитации в 1988 г. М. С. Строилова и других участников этого процесса [14, с. 234 – 235].

Пример необоснованности оценки достоверности информации на базе партийных документов можно привести и из сравнительно недавнего времени.

В апреле 1986 г., после аварии на Чернобыльской АЭС, по решению политбюро ЦК КПСС для ликвидации ее последствий была создана под председательством Н. И. Рыжкова оперативная группа (комиссия), в которую направлялась вся информация о воздействии радиации, в том числе об обнаружении признаков лучевой болезни у населения, включая детей. Протоколы комиссии были сразу же засекречены, а скудные сведения, поступавшие из нее в средства массовой информации, были довольно оптимистичными и, как выяснилось позднее, существенно расходились с реальной ситуацией. Только после запрета деятельности КПСС журналисту Алле Ярошинской удалось получить доступ к протоколам комиссии Н. И. Рыжкова, после чего она написала: «...главный и самый страшный изотоп, вылетевший из горла реактора (Чернобыльской АС-К3), как раз и отсутствует в таблице Менделеева. Это – ложь 86. Обман столь же глобален, сколь глобална сама катастрофа» [23]. Таким образом, мы вновь убеждаемся в том, что далеко не каждый документ, созданный в партийных структурах (в данном случае сведения комиссии Н. И. Рыжкова для средств массовой информации), могут использоваться для оценки достоверности аналогичных сведений из других источников.

Новый всплеск интереса к отечественной истории, особенно к ее «белым пятнам» и «фигурам умолчания», наблюдается в годы перестройки. Справедливости ради, следует сказать, что инициировали этот процесс не историки, а публицисты. В их статьях, как правило, отсутствовали убедительные ссылки на источники информации, но тем не менее появилось много сомнительных предположений и домыслов, получивших широкое распространение и опасных тем, что они часто воспринимались как реально существовавшие события. Обилие публицистических статей по истории нашей страны в текущей периодике [3, 8, 10], появление целого ряда публицистических сборников – «Иного не дано» [5], «Погружение в трясину» [13], «В своем отечестве пророки» [4] – оказали большое влияние на мировоззрение читающей части населения. Сложнее обстояло дело с извлечением и использованием из ставшего более доступным документального наследия исторического опыта, который оказывался чаще негативным, нежели положительным. В сложившейся ситуации закономерно возникает вопрос, почему историки как бы посторонились и уступили основное поле деятельности публицистам? Они не были готовы к подобному развитию событий или чувствовали большую ответственность за появление новых оценок?

Ответ на этот вопрос мы частично находим в опубликованной в 1989 г. статье академика И. Д. Ковальченко «Исследование истины само должно быть истинно», в которой автор, опираясь на цитату из сочинений

К. Маркса и Ф. Энгельса «не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным», выдвигает перед историками ряд условий, направленных на решение этой проблемы. По мнению И. Д. Ковальченко «... ни постановка самых актуальных проблем, ни расширение доступа историков к новым материалам при всей их несомненной важности сами по себе, без повышения теоретико-методологического и конкретно-научного уровня общественно-научных исследований не приведут к существенным сдвигам в развитии исторической науки» [9, с. 171].

Соглашаясь полностью с И. Д. Ковальченко, от себя только добавим, что без высокого уровня профессионализма невозможно обеспечить истинный путь познания исторической действительности, извлечь объективные уроки истории (исторический опыт) и использовать его при решении актуальных задач современности. В конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века при относительно благоприятных условиях для развития исторической науки историки оказались не готовыми полностью обеспечить истинный путь познания исторического прошлого и вольно или невольно позволили публицистам взять на себя миссию оценки исторического опыта и создать с его помощью не всегда объективное общественное мнение.

Сегодня политическое руководство страны намерено вновь привлечь внимание россиян к историческому опыту, объявив 2012 год годом российской истории [19]. Хорошо, если бы подобное обращение происходило не от случая к случаю, в критические минуты истории, а стало постоянной традицией. Тогда исчезла бы необходимость пребывать постоянно в поиске национальной идеи, поскольку поколения, воспитанные на лучших примерах отечественной истории, всегда становятся патриотами своей страны.

Но вот снова возникает вопрос, насколько готово общество и кадры профессиональных историков к проведению этого мероприятия?

События последних месяцев (выборы в Государственную думу и выборы президента Российской Федерации) показали, что общество неоднозначно воспринимает события и оценки, относящиеся к нашей далекой и очень близкой истории. Что же касается подготовки кадров преподавателей и ученых историков, то росту их профессионализма вряд ли способствуют реформы общеобразовательной и высшей школ, проводимые в последние годы. Переход на 4-летнюю подготовку специалистов в области отечественной и международной истории (бакалавриат), сокращение наборов на исторические факультеты приведет к снижению качества подготовки историков. И тогда снова встанет вопрос, почему же мы плохо изучаем наш большой исторический опыт и не воспитываем на нем новые поколения россиян?

Литература

1. Бакатин, В. В. Излечение от КГБ / В. В. Бакатин. – М., 1992.
2. Большая российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 11.
3. Бурганов, А. История – мамаша суровая / А. Бурганов // Дружба народов. – 1988 – № 6.
4. В своем Отечестве пророки? Публицистика перестройки: лучшие авторы 1988 года. – М.: Кн. палата, 1989. – 248 с.
5. Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – 675 с.
6. История России XX века. Библиографический словарь. – Саратов, 2005. – Т. I, II.

7. Источниковедение истории СССР. – М.: Высшая школа, 1981.
8. Капустин, М. П. От какого наследства мы отказываемся / М. П. Капустин // Октябрь. – 1988. – № 4, 5.
9. Ковальченко, И. Д. Исследование истины само должно быть истинно. Заметки о поисках исторической правды / И. Д. Ковальченко // Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. – М.: Высшая школа, 1989.
10. Лацис, О. Угроза перестройки / О. Лацис // Знамя. – 1088. – № 2.
11. Павленко, Н. И. «Академическое дело». Историки под прицелом ОГПУ / Н. И. Павленко // Наука и жизнь. – 1989. – № 11.
12. Петров, Н. В. Первый председатель КГБ Иван Серов / Н. В. Петров // Отечественная история. – 1997. – № 5.
13. Погружение в трясину. – М.: Прогресс. – 703 с.
14. Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. – М.: Издательство политической литературы, 1991.
15. Стенограмма февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦКВКП(б) // Вопросы истории. – 1994. – № 2.
16. Солженицын, А. И. Как нам обустроить Россию: брошюра / А. И. Солженицын // Комсомольская правда. – 18 октября 1990.
17. Советская историческая энциклопедия. – М., 1973. – Т. 14.
18. Советский энциклопедический словарь. – М., 1980.
19. Указ президента Российской Федерации Д. А. Медведева № 49 от 9 января 2012 г. «О проведении в Российской Федерации года российской истории» – Режим доступа: <http://www.webground.su/topic/2012/01/09/t203>.
20. Цомутали, А. Н. Цомутали // Репрессированные геологи. – М.; СПб, 1999.
21. Шарапов, Ю. П. Лицей в Сокольниках. Очерки истории МИФЛИ / Ю. П. Шарапов. – М., 1995.
22. Шикло, А. Е. Проблемы историографии и преподавательской деятельности в научном наследии И. Д. Ковальченко / А. Е. Шикло // Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. – М., 1997.
23. Ярошинская, А. Сорок секретных протоколов кремлевских мудрецов / А. Ярошинская // Известия. – 1992. – 25 апреля.
24. <http://ru.m.wikipedia.org/wiki/ЛИФЛИ>.

Информация об авторе:

Заболотская Калерия Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, КемГУ, 8(384-2) 58-09-88, noi@historu.kemsu.ru.

Zabolotskaya Kaleria Aleksandrovna – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History of KemsU.

УДК 903.054

КУЗНЕЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО Г. ТОБОЛЬСКА XVII – XVIII ВВ. (металлографическое исследование хозяйственного инвентаря)

Н. М. Зиняков

FORGING IN TOBOLSK IN THE XVII – XVIII CENTURIES (the metallographic study household equipment)

N. M. Zinyakov

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ №10-01-00293а.

В статье анализируется состояние кузнечного производства в городе Тобольске в XVII – XVIII веках по данным металлографического анализа хозяйственного инвентаря. Рассматривается номенклатурный состав археологических находок и технология их производства.

The article examines the condition of forging in Tobolsk in the XVII – XVIII centuries revealed in the metallographic analysis of household equipment. The nomenclature of the archaeological finds and the technology of their production are discussed.

Ключевые слова: город Тобольск, хозяйственный инвентарь, технология обработки железа и стали.

Keywords: the city of Tobolsk, household equipment, iron and steel processing technology.

Кузнечное «железное» дело является ярким показателем уровня развития материальной культуры городского населения. Изучение металлических коллекций позволяет установить спектр хозяйственных занятий, степень развития местного ремесленного производства, круг торговых взаимоотношений горожан, источники поступления сырья и готовой продукции. В связи с этим важно и научно значимо изучение ремесленного дела городов, в частности, кузнечного производства.

Процесс становления первых городов Сибири и их ремесленного производства характеризовался значительными особенностями. Наиболее важными из них были следующие:

1. Развитие сибирских городских поселений происходило под воздействием городской культуры Европейской России.

2. В основе формирования сибирских городских посадов находились группы населения, пришедшие в Сибирь из-за Урала.

3. Сибирь длительное время оставалась экономически и материально зависимой от метрополии.

4. Период формирования сибирского города охватывал более 100 лет.

Будучи основаны как административные и военные центры, первые сибирские города только к концу XVII века стали превращаться в центры культуры и ремесленного производства [8, с. 80, 254].

С конца XVII – начала XVIII века начался новый период в развитии Тобольска, связанный со становлением местной промышленности и превращением его в крупный ремесленный центр Сибири [1, 76].

В эти же годы по соседству, на Урале, происходило формирование нового горно-рудного и металлургического производства мануфактурно-заводского типа, при котором в технологии черной металлургии появлялись элементы двухстадийного производства: выплавки чугуна и кричного передела. Наличие крупного промышленного района рядом с Тобольском становилось важным фактором развития ремесла и торговли последнего.

Свидетельством динамики ремесленного производства в Тобольске является статистика городского населения. Так, в 1624 г. Тобольск имел 324 двора. Численность посадского населения составляла 1217 человек. Через 10 лет население города выросло до 3800 человек [8, с. 9; Кочедамов В. И., 1978, с. 75]. В 1736 г. в Тобольске было уже 3105 дворов, в которых проживало 23000 человек (Кочедамов В. И., 1978, с. 64).

С ростом населения города увеличивалось число специалистов, занятых производством промышленных товаров. Одновременно расширялась номенклатура специальностей ремесленников. Документальные источники свидетельствуют, что в 1624 г. в Тобольске работало 42 ремесленника восемнадцати специальностей; в 1655 – 84 ремесленника двадцати семи специальностей; в 1698 – 97 человек по тридцати двум специальностям; в 1720 г. – 655 человек шестидесяти четырех направлений [2, с. 120].

Совершенно очевидно, что в социально-экономической структуре города кузнецы занимали особое положение, обусловленное тем, что практически не существовало отрасли хозяйства, где не требовалась бы продукция кузнечного производства. Главными потребителями кузнечных изделий были: котельники, серебряники, плотники, столяры, токари, бочкари, кадочники, оконничники, санники, судостроители, кожевники, сапожники, кирпичники, каменщики, шорники, портные, промысловики и др. [2, с. 120, 281]. Большой объем продукции потреблялся в домашней хозяйстве. Кроме того, г. Тобольск XVII – XVIII вв. являлся крупным военным центром. Производство и починка оружия также были делом кузнецов.

Исходя из сказанного, следует вывод, что в XVII – XVIII вв. металлообрабатывающее производство в Тобольске занимало существенную нишу, было широко востребовано и имело перспективы дальнейшего развития. В связи с этим важен вопрос об уровне развития кузнечного ремесла. Ответ на этот вопрос дает металлографическое исследование кузнечной продукции того времени. Среди всех разновидностей металлоизделий наиболее показательной категорией являются предметы

хозяйственного инвентаря. Тобольская коллекция хозяйственного инструментария довольно разнообразна и позволяет выявить достигнутый на тот момент уровень обработки металла местными кузнецами. Тем более, что практика предъявляла к данной категории изделий повышенные эксплуатационные требования, и мастера в процессе производства применяли, как правило, наиболее сложные и эффективные методы обработки металла.

Металлографическому изучению подвергнуты 10 предметов Тобольской коллекции, полученных в ходе раскопок Тобольского посада, среди них: топор, гвоздодер, тесло, резец по дереву, две металлические оковки (лезвия) деревянных заступов, три фрагмента кос-горбуш и фрагмент мотыги (рис. 1).

В изучаемое время топоры являлись необходимыми инструментами на крестьянском и городском подворье, в плотницком деле и строительстве.

Исследователь О. Н. Вилков в свое время обратил внимание на замечание писателя Л. Н. Толстого, что «русский человек владел топором, как волк зубами», и подчеркнул, что это определение в полной мере относилось к сибирскому человеку. В XVII – XVIII вв. плотником здесь, в той или иной степени, был каждый: поселенцы рубили избы, амбары, хлевы, бани и другие постройки. Топоры широко использовались и при выполнении заданий правительственной администрации: заготовке леса, строительстве и ремонте острогов, правительственных зданий, дорог, мостов, плотин, изготовлении судов [2, с. 280 – 181].

Металлографическое изучение хозяйственного инструмента русского населения начато работами известного российского археолога Б. А. Колчина, вышедшими в середине XX в. [10; 11]. Автор публикаций, проведя широкие микроструктурные исследования, раскрыл основные технологические особенности железообрабатывающего производства древней Руси X – XII в. и Новгорода Великого X – XV вв.

Список работ, посвященных исследованию хозяйственного инструментария XVII – XVIII вв., невелик. Среди них – статья Л. С. Розановой с анализом топоров XV – XVII вв. из печорского Заполярья [14, с. 208 – 217]. Технологические характеристики отдельных видов инструментов сибирского происхождения содержатся в научных публикациях автора настоящей статьи [3 – 7].

Существовавший административный порядок иллюстрирует, например, Грамота на Верхотурье воеводе князю Дмитрию Пожарскому (1625 г.): «А как лес на острожное дело зимою припасут, и на весну б однолично велели на Верхотурье острог и башню делати. А плотников бы есте на то острожное дело нанять» [13, с. 378].

Особое внимание правительство уделяло созданию и развитию сибирского хлебопашества. Одним из направлений в решении этого вопроса было снабжение русских поселенцев необходимым инвентарем, в перечень которого обязательно входили топоры. В лесистой местности они были необходимы для расчистки пашни. О значимости топоров и контроле за их поставкой говорит Отписка верхотурского воеводы Алексея Загряжского тобольскому воеводе князю Роману Троекурову (1607 г.): «В нынешнем, господине, в 115-м году июня в 17 день, по государеву цареву и великого князя Василия Ивановича всея Руси указу, присланы, госпо-

дине, с Москвы... в три города: на Верхотурье, в Тобольск, на Березов... на пашенных крестьян 64 топора... да 28-м топоров послано, господине, в Тобольск с атаманом Тугарином Федоровым с товарищи. А достальных, господине, 36-ть топоров в Тобольск не доставлено, потому что те топоры на Верхотурье в расходе до государева указа» [13, с. 232].

Топор. Морфологические характеристики изученного изделия типичны для русских топоров XVII – начала XVIII вв. Топор – клиновидного сечения, с уплощенным обухом, несколько вытянутым в сторону рукояти. В средней части, со стороны рукояти, фиксируется слабая бородка. Рабочее лезвие закруглено, пятка слегка

оттянута. Проух – небольшой, треугольный. Размеры топора: длина – 12 см; ширина лезвия – 10,4 см; длина проуха – 4,8 см; ширина проуха – 2,1 см.

Микроструктурное изучение топора из Тобольской коллекции выявило следующую технологическую схему. Пакетную заготовку, состоящую из пластин железа и стали, вытягивали в полосу, затем сгибали посередине на специальном металлическом вкладыше (для получения проуха), соприкасающиеся половины сваривали и формировали лезвие. Последней операцией являлась мягкая закалка лезвия (рис. 1, 2514; 2, 3, 4).

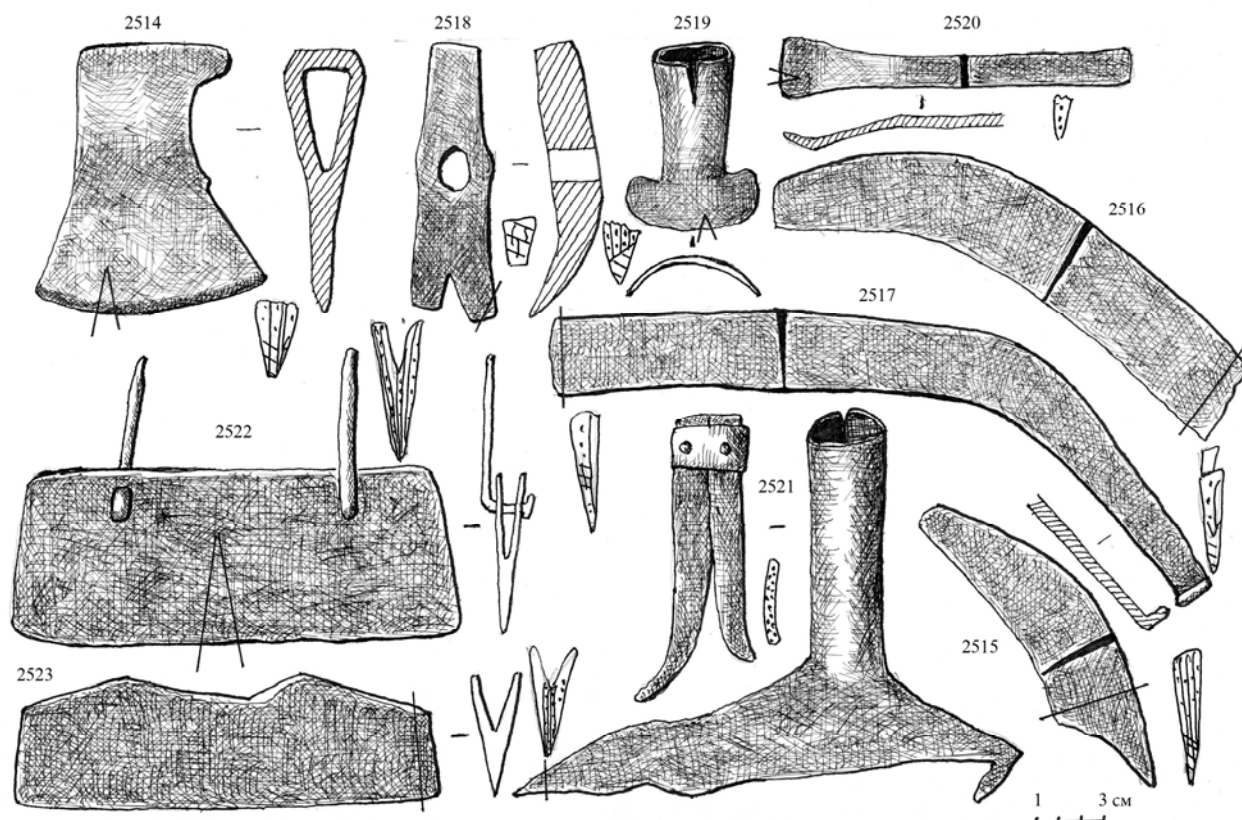

Рис. 1. Хозяйственный инструмент. Технологические схемы

Тесло – являлось специализированным деревообрабатывающим инструментом, применявшимся для выдалбливания разнообразных углублений при изготовлении лодок, корыт и т. п. Изученный экземпляр имеет вертикальную полусомкнутую втулку и широкое закругленное лезвие (рис. 1, 2519). Тесло найдено вместе с легкой, круглого сечения, коленчатой рукоятью. Судя по небольшой длине рукоятки, инструмент был рассчитан на работу одной рукой с небольшим размахом. Находка тесла в тайном подземном лазе позволяет предположить и возможность «непрофильного» использования инструмента при прокладке подобных коммуникаций.

Размеры тесла: длина – 7,4 см; ширина лезвия – 6 см; диаметр втулки – 3,8 см.

Технология производства изученного тесла включала два основных этапа. На первом этапе посредством обычных приемов пластической обработки металла в горячем состоянии из пакетной малоуглеродистой заготовки формировались втулка и полоса лезвия. На втором этапе на конец образовавшегося лезвия наваривали лезу

из высокоуглеродистой стали (рис. 2, 3, 4). Рабочему краю инструмента придавали желобообразную форму. Последней операцией являлась мягкая закалка кромки лезвия. Структура термически обработанной стали – сорбитообразный перлит.

Резец. Конструкция резца состоит из небольшой плоской рукояти, переходящей в слегка изогнутое лезвие. Кромка лезвия имеет незначительное закругление (рис. 1, 2520). Судя по конструкции, основное применение резца было при изготовлении деревянной посуды. Не исключено и употребление его на токарном станке при обточке внешней поверхности деревянной заготовки.

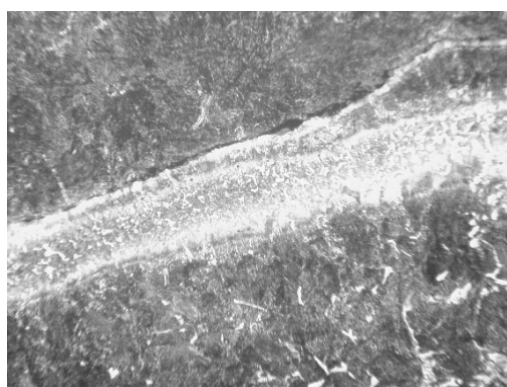
Металлографический анализ показал, что резец изготовлен из низкоуглеродистой стали с помощью обычных методовковки металла в горячую (рис. 2, 5).

Молоток-гвоздодер. Форма молотка-гвоздодера была выработана еще древнерусскими кузнецами и почти без изменений существует по настоящее время. Инструмент состоит из бойка для забивания гвоздей и плавно изогнутого раздвоенного носка для их изъятия. В

средней части головки расположено небольшое округлое (1,4x1,6 см) отверстие для крепления рукояти. Архаичный характер отверстия указывает на генетическую связь инструмента с древнерусскими экземплярами. Малый размер крепежного отверстия обусловлен тем, что деревянная рукоять крепились не

как обычно, непосредственно к головке молотка, а насаживалась на металлический черенок, вбитый в отверстие инструмента (рис. 1, 2518).

Размеры бойка: длина – 12,6 см; ширина носка – 3,8 см.

50x

1

50x

2

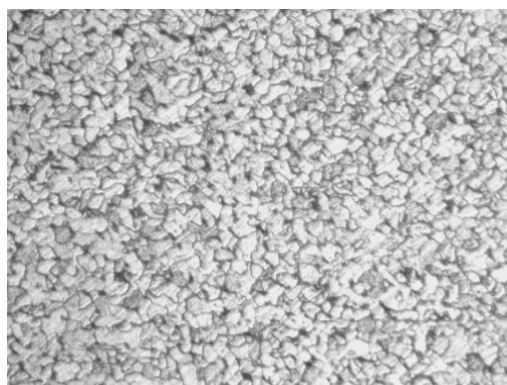
50x

3

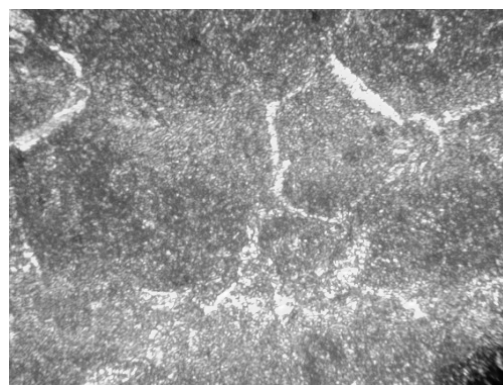
50x

4

100x

5

300x

6

Рис. 2. Микроструктуры

1, 2 – топор, анализ 2514; 3, 4 – тесло, анализ 2519; 5 – резец, анализ 2520; 6 – молоток, анализ 2518

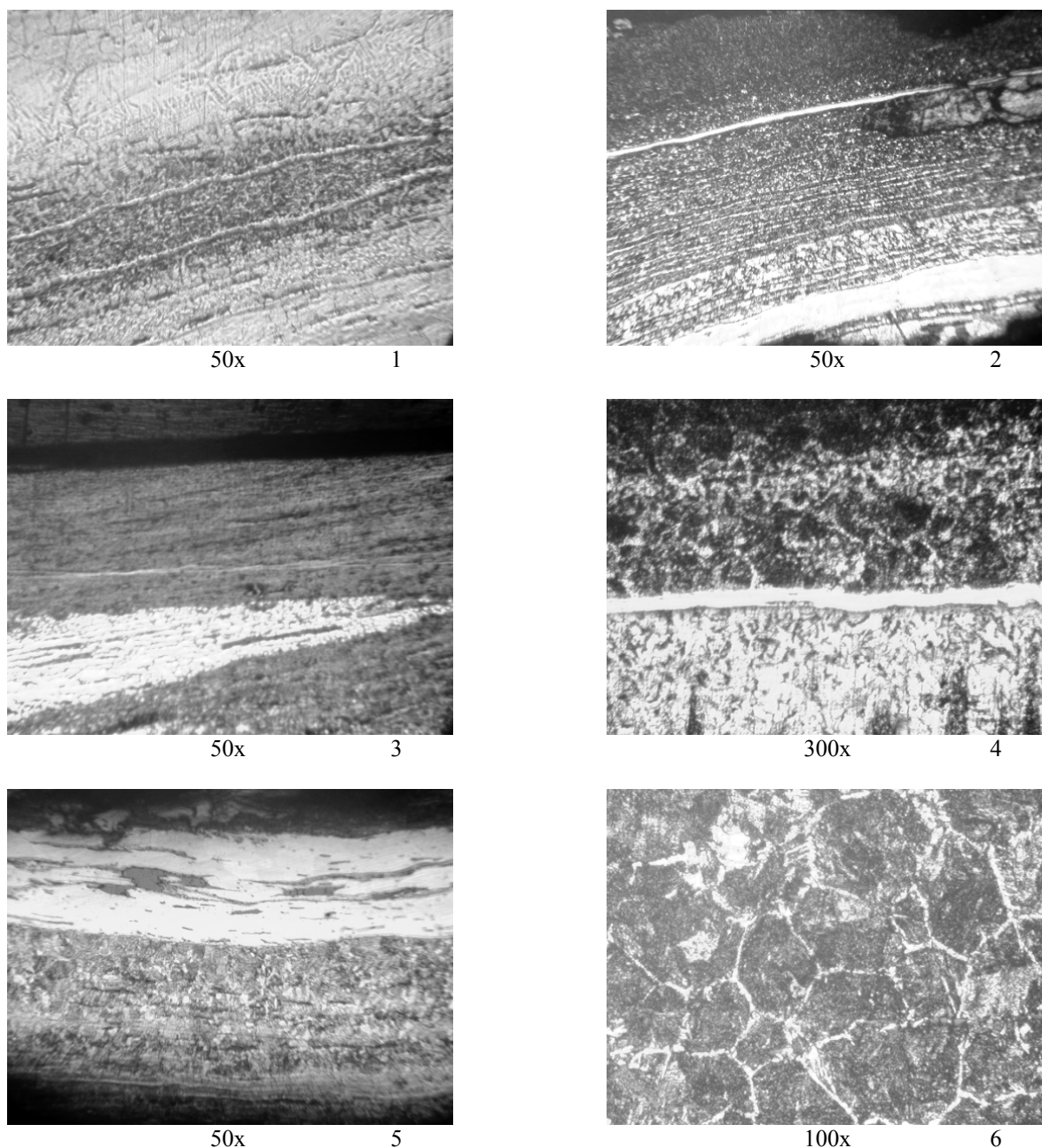

*Рис. 3. Микроструктуры
1 – заступ, анализ 2522; 2 – заступ, анализ 2523; 3 – коса, анализ 2516, 4 – коса, анализ 2515; 5 – коса, анализ 2517; 6 – мотыга, анализ 2521*

Металлографическим анализом выявлено, что молоток-гвоздодер изготовлен из стальной заготовки с помощью чередующихся приемов горячейковки. Отверстие пробивалось пробойником округлого сечения. Последней операцией являлась закалка изделия в мягкой закалочной среде. Структура закаленной стали – сорбит (рис. 2, 6).

Заступы. Согласно русскому словарю XI – XVII вв. заступ – это род окованной железом деревянной лопаты. Как уменьшительное к нему использовалось понятие заступец: «У гроба святого стоит муж млад... держит обеими руками заступец вверх железом» [15, с. 308 – 309].

В Таможенных книгах сибирских городов XVII в. этот вид товара именован терминами «заступы» и «заступы железные большие огородные» [16, с. 77 – 78].

Согласно письменным источникам, производством заступов занимались мастера по железу – кузнецы. Свидетельством тому, например, является указание московских властей устюжским мастерам (1653 г.) при выполнении казенных заказов сделать 1100 заступов «з деревьем» [12, с. 410]. В другом документе сообщается, что в 1674 г. устюжский кузнец Фома Команев привлекался для работы на городскую администрацию, в ходе выполнения которой сковал ряд изделий, в том числе «оковал лопату» [12, с. 408].

Микроструктурному исследованию подвергнуты две оковки заступов, обнаруженных в тобольской коллекции. Оковки имеют вытянутую трапецевидную форму. Режущая грань располагалась на самой длинной стороне изделия. Выше лезвия находилась «V»-образная щель для крепления деревянной лопасти заступа. К деревянной лопасти металлическая оковка крепилась

двумя гвоздями, вбитыми с противоположных сторон и изогнутых в сторону черенка.

Размеры оковок: длина – 20 см и 19,2 см; высота – 7,9 см и около 7 см (рис. 1, 2522, 2523).

Производство оковок заступов произведено по единой технологической схеме. Вначале изготавливались две пластины необходимых размеров, толщина которых составляла 4 – 6 мм. Исходным материалом служила заготовка из многослойного пакета. Приготовленные пластины сваривались по одному краю и с помощьюковки в горячую формовали лезвие. Все кузнечные работы проведены мастером высокой квалификации (рис. 3, 1, 2).

Косы-горбуши. В русских памятниках косы-горбуши встречаются довольно часто. Они были обязательной принадлежностью домашнего инвентаря, особенно в хозяйствах, занимавшихся животноводством. Косы использовались для сенокосения при заготовке кормов. Письменные источники свидетельствуют о широком распространении животноводства среди жителей Тобольского посада. О значении указанной отрасли хозяйства в XVII – начале XVIII вв. свидетельствует «Чертежная книга Сибири» С. Ремезова, где на плане города Тобольска представлены два скотских выгона по обеим сторонам Тобольска (выше и ниже по течению р. Иртыш), а также покосы в пойме Иртыша и Тобола [9, рис. 3].

Технологическому исследованию подвергнуто три довольно крупных фрагмента кос, позволяющих судить о их форме и конструкции. По внешнему виду изученные косы близки древнерусским инструментам. Они состоят из узкого, почти прямого, лезвия, изогнутого носка и вытянутой, сужающейся к концу, черенковой части – пятаки с выступом (рис. 1, 2515 – 2517).

Косы насаживались на деревянные рукояти. Судя по археологическим находкам, в Новгороде рукояти делались короткими, коленчатыми и круглыми в сечении. Крепились косы, как и в настоящее время, посредством металлического кольца и клина.

Размеры кос: реконструируемая длина – 44 см; ширина – 3,3 см; 3,6 см; 4,1 см; толщина – 4 мм; 4 мм; 5 мм.

Микроструктурное изучение шлифов, взятых на полном поперечном сечении кос, показало, что кузнецы при их изготовлении применяли сложные технологические схемы: 1 – наварка стального лезвия на двухслойную основу (феррит и феррито-перлит) полотна (рис. 1, 2516; 3, 3); 2 – сварка полотна из железа и стали (двухслойная сварка) (рис. 1, 2517; 3, 5); 3 – ковка изделия из многослойного пакетного металла (рис. 1, 2515; 3, 4). Готовые изделия подвергались мягкой закалке. Такой режим термической обработки снижал хрупкость металла и в наибольшей степени соответствовал необходимым требованиям эксплуатации инструмента.

Литература

1. Вилков, О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке / О. Н. Вилков. – М., 1967.
2. Вилков, О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI - начала XVII вв. / О. Н. Вилков. – Новосибирск, 1990.
3. Зиняков, Н. М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири / Н. М. Зиняков. – Кемерово, 1997.
4. Зиняков, Н. М. Технологические традиции древнерусских кузнецов в свете металлографических исследований археологических материалов Сибири XVI – XVIII вв. / Н. М. Зиняков // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2002.
5. Зиняков, Н. М. Кузнечное производство Барабы в XI – начале XVIII века по металлографическим данным / Н. М. Зиняков // Археология Южной Сибири. – Новосибирск, 2003.

Мотыга. Являлась ручным земледельческим орудием, употреблявшимся для прополки, рыхления почвы, окучивания. Наряду с заступом, мотыга относится к основным орудиям огородничества. В русском языке синонимом мотыги является слово «тяпка» Конструктивное развитие мотыг от эпохи средневековья к новому времени шло по линии увеличения площади рабочей лопасти. Анализ известного материала позволяет предположить, что оформление конструкции, представленной изученным экземпляром, произошло в XVIII в.

Существующая в коллекции мотыга сохранилась фрагментарно. Она состоит из широкой рабочей лопасти и перпендикулярно расположенной к ней несомкнутой втулки. Шов втулки у основания укреплен металлической накладкой с заклепками (рис. 1, 2521).

Технология производства мотыги была достаточно проста и в основном сводилась к обычным приемам пластической обработки металла в горячем состоянии. Посредством её на одном конце заготовки формовалась втулка, на другом – рабочая лопасть с лезвием. В качестве исходного материала служила среднеуглеродистая сталь.

Таким образом, металлографические исследования хозяйственного инструмента Тобольского посада XVII – XVIII вв. позволяют прийти к следующим выводам:

1. Население посада города Тобольска обладало набором разнообразных инструментов, находивших применение в различных отраслях городского хозяйства XVII – XVIII вв. На данный момент коллекция их разнообразна, но недостаточно многочисленна. Очевидно, что номенклатурный состав инструментов будет пополнен в ходе дальнейших археологических раскопок.

2. В условиях становления и развития города и городского ремесла тобольские кузнецы в сфере металлообработки использовали и продолжали традиции древнерусских кузнецов, проявившиеся в конструктивных формах, видах и технологии выпускаемых изделий.

3. Тобольские кузнецы владели широким набором технологических операций, в том числе: свободной кузнечной ковкой, двухслойной и многослойной сваркой, наваркой стального твердого лезвия на более мягкую основу, термической обработкой стали и некоторыми приемами холодной обработки металла (клёпка, обрубка, обточка).

4. В сфере технологии металлообработки Тобольска проявлялось ощутимое влияние заводской промышленности, особенно бурно развивавшейся с начала XVIII в. на соседнем Урале. Это влияние сказалось в сокращении доли сварных схем, характерных для более раннего периода, нередко их упрощении, замене их на производство более простых и дешевых изделий. Совершенно новым явлением было появление в Тобольске неизвестной ранее номенклатуры изделий из чугуна.

6. Зиняков, Н. М. Чернометаллические изделия поселения Изюк-1: технологическая характеристика / Н. М. Зиняков // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005.
7. Зиняков, Н. М. Технология производства чернометаллических изделий Кузнецкого острога / Н. М. Зиняков // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2008.
8. История Сибири с древнейших времён до наших дней: в 5 т. – Т. 2. – Л., 1968.
9. Кабо, Р. М. Города Западной Сибири / Р. М. Кабо. – М., 1949.
10. Колчин, Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси / Б. А. Колчин. – М., 1953.
11. Колчин, Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого / Б. А. Колчин // Труды Новгородской археологической экспедиции. – Т. 2. – М., 1959.
12. Мерзон, А. Ц. Рынок Устюга Великого / А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. – М., 1960.
13. Миллер, Г. Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. – Т. 2. – М., 2000.
14. Розанова, Л. С. Железные предметы XV – первой половины XVII вв. из Припечорья: технологические характеристики и исторический контекст / Л. С. Розанова, Н. Н. Балина, В. С. Стоколос // Древние ремесленники Приуралья. – Ижевск, 2001.
15. Словарь русского языка XI – XVII вв.. – Вып. 5. – М., 1978.
16. Таможенные книги Сибирских городов XVII в., вып. 5. – Новосибирск, 2003.

Информация об авторе:

Зиняков Николай Максимович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, КемГУ, 8 (3842) 51-52-64, nmzinyakov@rambler.ru.
Zinyakov Nikolay Maximovich – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology of KemSU

УДК 903.46

ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ И КУЗНЕЧНОЕ РЕМЕСЛО В ЭКОНОМИКЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ КАЗАХСТАНА Н. М. Зиняков

BLACK METALLURGY AND BLACKSMITH'S WORK IN THE ECONOMY OF KAZAKHSTAN MEDIEVAL CITIES N. M. Zinyakov

В статье рассматривается состояние черной металлургии и кузнечного ремесла в условиях средневекового города Южного Казахстана. Проведен анализ основных факторов, определявших процесс развития данных отраслей производства.

The article discusses the condition of black metallurgy and blacksmith's work in the medieval cities of South Kazakhstan. The main factors determining the development of these branches of production have been analyzed.

Ключевые слова: средневековый город, городские ремесла, производство и обработка железа и железоуглеродистых сплавов.

Keywords: medieval city, urban crafts, manufacturing and processing of iron and iron-carbon alloys.

Эпоха средневековья в земледельческих районах Семиречья и Южного Казахстана характеризовалась формированием торгово-ремесленных центров-городов, являвших собой новый этап в социально-экономическом и культурном развитии общества. В научной литературе в настоящее время не существует единой формулировки понятия «город». Чаще всего формулировка понятия «город» обусловлена хронологическими и географическими факторами [20, с. 5 – 7; 1, с. 10 – 11; 10, с. 20 – 24; 18, с. 29 – 31; 17, с. 64 – 65; 9, с. 66 – 69]. Проблемы средневекового города нашли наиболее глубокое отражение в работах К. М. Байпакова. Он определяет город как «место концентрации населения, центр производственного, культурного и интеллектуального потенциала» [5, с. 126]. Автору данной статьи наиболее близко понятие средневекового города, предложенное немецким экономистом и историком Максом Вебером [7, с. 7 – 18]. С его точки зрения, город – это населенный пункт, характерными чертами которого являются:

1) замкнутость поселения;

2) значительное число жителей (количественный признак);

3) обширность территориального расположения (территориальный признак);

4) преобладание промышленной и торговой деятельности жителей;

5) разносторонность промышленной и промысловой деятельности;

6) наличие городской хозяйственной политики;

7) представление собой крепости и военного центра.

Согласно современным исследованиям [2; 3; 4; 6], в обозначенном регионе насчитывалось около 100 городов, сконцентрированных в четырех районах: в долине реки Сырдарьи, на северных склонах Каратау, юго-западном и северо-восточном Семиречье. Значительная часть известных ныне городов упоминались еще в арабо-персидских источниках IX – XIII вв.: в трактатах Ибн Хордадбега, ал-Макдиси, Кудамы, Махмуда Кашгарского, ал-Хорезми, Нершахи, ал-Идриси, Якута, персидском анонимном источнике «худуд ал-алам» [8, с. 72 – 92].

Арабо-персидские источники нередко характеризовали города как большие, средние или малые, не указывая критериев классификации. Наличие городских поселений разной величины подтверждается и археологическими материалами. Так, в Присырдарьинском регионе археологи констатируют три группы городов. Крупные города, площадью более 30 га (Испиджаб, Арсубаникет, Отрар, Кедер, Шавгар, Сауран, Янгикент, Сыгнак, Сюткент, Джэнд) насчитывали до нескольких десятков тысяч жителей. Например, в Испиджабе насчитывалось 40 тысяч человек, в Отраре – 16 тысяч [16, с. 454 – 455]. Города второй – средней группы – имели площадь от 15 до 30 га и насчитывали 5 – 10 тысяч человек населения. Наиболее многочисленна была третья группа – малых городов (Газгерд, Манкент, Будухкет и др.), население которых достигало лишь 3 – 4 тысячи человек [16, с. 454 – 456].

На северных склонах Каратау располагались города Баладж, Саудакент, Кумкент, Уросоган, Сузак. Из них наиболее крупным являлся Баладж, раскинувшийся на 43 га [5, с. 260 – 265, 301].

В юго-западном Семиречье к крупным городам относились Тараз, Атлах, Навакет, Боласагун. Группу средних городов составляли Текабкет, Сус, Мирки, Аспара, Кенджак, Сарыг, Хараджуван, Шельджи. Малыми городами были Джуикат, Нижний Барсхан, Дех Нуджикет, Адахкет, Джикиль, Хутухчин, Берукет, Джамукат, Кулан [16, с. 456 – 457; 3, с. 258 – 29].

В северо-восточном Семиречье находилось несколько крупных городов, площадь которых составляла более 30 га: Каялык (население от 10 до 13 тысяч человек), Ики-Огуз (4760 – 5600 человек). Как средние и малые города известны: Тальхир (3500 – 4200 человек), Сумбе (1870 – 2200 человек), Акмола, Алмату. При этом значительную часть укрепленных городищ, площадью менее 10 га, исследователи относят к группе сельских поселений [6, с. 75 – 76].

История городов Семиречья и Южного Казахстана складывалась по-разному. Вместе с тем можно выявить некоторые закономерности их развития. Процессы урбанизации, начавшиеся в первые века нашей эры, затронули прежде всего территории Южного Казахстана как наиболее развитые в экономическом отношении. К VI – началу VII вв. здесь уже существовал ряд политических, торгово-ремесленных и культурных центров, в том числе Испиджаб, Тараз, Отрар, Шавгар, Суяб, Навакет, Кулан. В VIII – IX вв. началось формирование городов в северо-восточном Семиречье. В низовьях Сырдарьи в процессе оседания кочевников, прежде всего огузов и кыпчаков, возникли Янгикент, Джэнд, Сыгнак. Процесс активного развития городских культур во всех регионах Южного Казахстана и Семиречья продолжался до начала XIII века. После монгольского нашествия городские культуры деградировали, а в ряде случаев исчезли вообще.

Анализ археологического материала и письменных источников свидетельствует, что город эпохи средневековья был центром прежде всего мелкого товарного производства. Ремесленники, работавшие на заказ или на рынок, и торговцы, реализовывавшие готовую продукцию, являлись главными субъектами городской экономики того времени. Средневековый город выступал одновременно и в качестве производителя, и в качестве потребителя товаров. Жизнь города базировалась на сочетании экономически различных типов

производителей. Известно, что на Востоке даже бытовало мнение, что городом можно назвать лишь тот населенный пункт, где насчитывалось не менее 32 ремесел. В этом мнении присутствует значительная доля истины. Однако выражение не следует воспринимать буквально. Число 32 на Востоке нередко употреблялось для выражения множественности [12, с. 150, 152].

Воспроизвести реконструкцию структуры ремесленных специальностей, бытовавших в средневековом городе, вполне возможно на основании археологических находок: остатков мастерских, оборудования, инструментов, сырья, полуфабрикатов, заготовок, бракованных изделий, отходов производства в виде шлака, фритты, обрезков, готовой продукции. По свидетельству этих материалов, становится очевидно, что среди ремесленных специальностей наиболее распространенными были ткачи, гончары, кузнецы, медники, ювелиры, стеклоделы. В целом названную группу специальностей можно назвать системообразующей (градообразующей), так как она значилась практически в каждом городе.

Находки ганча, извести, кыра свидетельствуют о наличии мастеров, занимавшихся добычей, обжигом и последующей обработкой необходимых минералов. Важными видами деятельности были занятия угольщиками и зольщиками. Продукция первых была необходима металлургам, кузнецам, литейщикам, чугунищикам, медникам, ювелирам, вторых – стеклоделам, гончарам (для поливы), мастерам по выделке кыра, мыловарам.

Письменные источники позднего средневековья свидетельствуют, что в крупных городах проживали также кожевники, портные, шубники, шорники, валяльщики войлока, мыловары, свечники, красильщики, маслобойщики, хлебопеки, кондитеры, мельники, крупорушники, строители, деревообделочники, камнетесы, кирпичники, трепальщики хлопка, чесальщики хлопка, оружейники, колчанщики, лучные мастера и др. [22; 15].

В промышленном мелкотоварном производстве господствовал ручной труд, носителем которого был самостоятельный ремесленник-производитель. Он являлся хозяином собственной мастерской, где работал сам с учениками и подмастерьями. Для обозначения мастерской средневековые документы Средней Азии используют два термина – «дуккан» и «ханут». Первый – персидско-таджикского происхождения, второй – арабского. Оба термина являются синонимами и обозначают мастерскую и лавку (Беленицкий А. М. и др., 1973, с. 297). Торговые лавки иногда фиксируются в ходе археологических раскопок. Так, в одном из кварталов Кедера обнаружено несколько лавок, находившихся на некотором удалении друг от друга [3, с. 47].

Успехи в развитии городского ремесла обуславливали становление устойчивых рыночных связей. Формой организации торговли были городские рынки, обозначаемые в источниках персидским термином «bazar». Городской рынок выполнял роль экономического центра, где местные жители производили обмен продукцией ремесленного и сельскохозяйственного производства. Рынки играли важнейшую роль в экономике городов, стимулируя развитие мелкотоварного ремесленного производства. Особенностью функционирования рынков Семиречья и Южного Казахстана являлось их участие также во внешней, международной торговле, осуществлявшейся по трассам Великого Шелкового

пути [4]. Рынки, как важнейшие узлы городов, отмечались и в маршрутных средневековых арабских географов.

Среди известных географов того времени городов особое место занимал Испиджаб, являвшийся крупным окружным центром. В сочинениях средневековых авторов он изображается как крупный торговый город, рынки которого располагались и в «медине» и в «раба-те» (Ибн Хаукаль), среди них были «крытые рынки» и «рынок полотна» (ал-Макдиси). Характеризуя общие объемы торговли, ал-Истахри подчеркивает, что рынки Испиджаба «переполнены» [8, с. 78 – 80]. Ал-Макдиси сообщает, что в таких – «больших» – городах, как Тараз, Джамукет, Атлах, Азахкет, существовало по несколько рынков, а в «малых» (Джикиль, Дех Нуджикет, Баладж) – по одному. Среди городов «средних» размеров ал-Макдиси отметил только один Хурлуг и в нем, тем не менее, несколько рынков [8, с. 81 – 82].

Главной фигурой ремесленного производства являлся мастер – «устан», собственник ремесленной мастерской. Известный востоковед В. В. Бартольд квалифицирует термин «устан» как персидское слово, вошедшее в арабский язык и обозначающее понятие «учитель». Другой неперменной фигурой ремесленной мастерской являлся ученик – «шагирт». Институт ученичества был общераспространенным явлением, соответствовавшим характеру организации производства. Практиковавшаяся при этом форма обучения получила в литературе название «промышленное ученичество» [24, с. 1 – 80]. Промысловое ученичество имело практический характер: ученик обучался непосредственно в мастерской («у станка») под руководством своего мастера. Иначе и не могло быть, поскольку технология ремесла основывалась не на научных знаниях, а на опыте и наблюдениях мастеров, аккумулированных трудом многих поколений. Эмпирическое познание было тайной, хранившейся в узком кругу лиц. Однако без передачи накопленного опыта ученикам достигнутое техническое умение умирало бы вместе с мастером.

Динамика ремесленного производства способствовала совершенствованию его организационных форм. В конечном счете появились объединения ремесленников определенных профессий. Ремесленные организации, именуемые «сунуф», упоминаются уже при описании Самарканда предмонгольского времени, что позволило исследователю А. М. Беленицкому отнести их зарождение к домонгольскому периоду (Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г., 1973, с. 301).

Согласно имеющимся источникам, объединения ремесленников на Востоке именовались различными терминами. На Ближнем и Среднем Востоке они обозначались арабскими словами «синф» или «аснаф» (форма множественного числа от «синф») и «ахи» [11, с. 243 – 247; 13, с. 123]. Термин «синф» действительно встречается в материалах Самарканда домонгольского времени и Самарканда и Бухары последующих столетий, в Иране, в официальных документах XII в. [22, с. 173; 19, с. 130]. Понятие «синф» имело несколько значений: «сорт, разновидность, специальность» и смысловое определение – «цех» (Беленицкий А. М. и др., 1973, с. 130). Этимология слова «ахи» восходит к арабскому языку и переводится как «брат мой». Первоначально этот термин использовался по отношению к членам мусульманского братства. В последующем, в связи с развитием ремесленных объединений и основывавшихся

на определенных духовных постулатах, «ахи» стали представлять собой и вид организации общественно-экономической деятельности мусульман – ремесленного производства. Значительная часть ремесленников Средней Азии (Бухара, Фергана, Ташкент, Пянджикент, Гыджуван, Каратаг) в конце XIX – нач. XX вв. была объединена в ремесленные организации, носившие название «касаба» (Мукминова Р. Г. отмечает использование этого термина в Бухаре и Самарканде в XVI в.). Слово «касаба» происходит из арабского языка и имеет несколько значений: «приобретать, добывать, зарабатывать, получать выгоду». В научной литературе Средней Азии термин «касаба» было принято переводить в значении «цех» [23, с. 311; 22, с. 173]. В Хорезме в конце XIX – начале XX вв. ремесленники одной профессии именовались термином «ульпагар», что от арабского «ульфат» означало «дружба, симпатия, близость», иначе – «товарищество по профессии». В смысловом значении, по мнению исследователей, оно соответствует термину «цех» [13, с. 123].

Изучение письменных материалов Казахстанско-Среднеазиатского региона позволяет констатировать, что упоминаемые в источниках названия ремесленных организаций представляют собой разные простейшие формы объединений городских ремесленников, не сопоставимые с организационными формами цеховых структур Западной Европы [14, с. 161 – 169]. Многообразие форм ремесленных организаций было обусловлено особенностями политического и социально-экономического устройства государств и городов данного региона.

На начальной стадии развития ремесла ассоциации ремесленников играли прогрессивную роль. Личные контакты, неформальные связи мастеров способствовали повышению профессионального уровня ремесленников, совершенствованию орудий ремесленного производства, развитию ремесленной техники и технологии. Существование ремесленных объединений было одним из главных факторов экономического подъема в регионе в предмонгольский период.

Среди многочисленных городских ремесел ведущее место занимали металлургия и металлообработка. Уровень развития последних определял технический строй всей экономики изучаемой эпохи. Кузнецы создавали необходимые орудия труда и инструменты для различных видов ремесленного производства, строительства, транспорта, сельского хозяйства, домашних промыслов. Они же обеспечивали воинов защитным и наступательным вооружением. В связи с этим интересно проанализировать состояние металлургической и металлообрабатывающей промышленности региона в условиях X – начала XIII вв. – периода расцвета городской культуры Семиречья и Южного Казахстана. Для решения вопроса произведены специальные металлографические исследования кузнечной продукции, полученной в ходе археологических раскопок городов Семиречья. Особенностью же памятников Южного Казахстана является плохая сохранность изделий из черного металла ввиду высокой концентрации солей в почве, что не позволило произвести их металловедческий анализ. Однако территориальная близость районов, наличие политических, торговых и культурных связей между ними дают основание для экстраполяции полученных результатов по Семиречью и на Южно-Казахстанский регион. При этом вполне вероятно, что кузнечное ремесло Южного

Казахстана, в особенности крупных городов (Испиджаб, Отрар, Кедер и др.), могло иметь даже более высокие характеристики.

Использованный для металлографического исследования ассортимент кузнечной продукции достаточно широк и разнообразен. В номенклатуре изделий насчитывается более 80 наименований, в том числе: кузнечный инструмент – наковальни, молотки, клещи, зубила, пробойники, гладилки, гвоздильни, напильники; деревообрабатывающий инструмент – топоры, тесла, топоры-тесла, струги, топоры, стамески, резцы, пилы; рабочие инструменты камнерезов – кирочки двухсторонние, удлиненные зубила (скарпели), шпунты, клинья, молоточки; инструменты сапожного и швейного дела – ножи сапожные, шилья, проколки, ножницы, иглы; землеобрабатывающие орудия – лемехи, кетмени, кирки, чоты, мотыжки, серпы, косы; строительные принадлежности – гвозди, костыли, скобы, крюки для волочения бревен; принадлежности конской сбруи и животноводства – удила, стремена, пряжки, кольца, пробои для тороков, накладки на луку седла, подковы, гвозди, тавро, ножницы для стрижки овец, путы; домашняя утварь – ножи, светцы, плошки, крюки, пробои, цепи запорные, кресала, замки, ключи, фигурные накладки для сундуков, пряжки для пояса, крючки для пояса, ручки дверные и сундучные, тазики; инструменты для гончарного дела – гончарные ножи; торговые принадлежности – гири, весы; предметы вооружения – сабли, кинжалы, боевые ножи, наконечники стрел, наконечники копий, панцирные пластины, шлемы, металлические накладки на колчаны. Характерной особенностью многих категорий изделий является их внутри-типовое разнообразие.

Металлургическое производство в регионе развивалось по трем направлениям: 1 – сыродутный способ получения железа с последующей обработкой металла в твердом состоянии; 2 – доменное производство чугуна и литье чугуна в специально приготовленных формах; 3 – тигельное производство гиперуглеродистой литой стали, признаки структуры которой находили свое отражение в узорчатом рисунке на поверхности изделия.

По свидетельству археологических источников, доминирующее положение в черной металлургии занимал сыродутный способ получения железа, основанный на высокотемпературном процессе восстановления металла из руд. В ходе одной плавки металлурги получали от 3,5 до 8 кг готового металла в виде округлого хлебного каравайя или около 4,5 до 10 канонических маннов. Выплавленный сыродутным способом металл поставлялся на рынок в виде сырых криц, с разрубками для контроля качества либо отдельных сегментов (в случае, когда крица разрубалась пополам). Свидетельством тому являются находки целых криц и их сегментов, а также сообщение Абдаллах ибн Тахира о том, что в начале IX века города по течению Сырдарьи ниже Ташкента вносили ежегодную подать правителю Хорасана и Мавераннахра, в составе которой было 1300 сегментообразных кусков кричного железа [21, с. 31]. Металлографическое изучение криц показало, что по своему составу они представляли собой мягкое железо либо углеродистую сталь с различной концентрацией углерода, обладавшую лучшими механическими качествами по сравнению с обычным железом.

Доменное производство чугуна представляло собой важнейший сектор экономики. Средневековые мастера

успешно использовали его положительные технологические свойства (низкая температура плавления, хорошая жидкотекучесть) для отливки определенной категории изделий, качественное производство которых из других материалов было практически невозможно. Судя по находке на городище Талгар, металлургическая продукция представляла собой достаточно массивный слиток, отлитый в специальной изложнице.

Получение булатной стали было основано на расплавлении металла (основными компонентами выступали чугун и кричное железо) в огнеупорных тиглях. Судя по малочисленности находок, данной технологией владел узкий круг лиц. Получаемые плавильщиками слитки булата находили основное применение в производстве клинкового оружия, реже – режущего инструмента.

Металлообрабатывающее производство состояло из двух подвидов – чугунолитейного и кузнечного и было направлено на удовлетворение потребностей в металлических изделиях всех сфер экономики и домашнего быта. По объему и ассортименту продукции лидирующее положение занимало кузнечное ремесло. Чугунное литье охватывало лишь определенную узкую производственную сферу, поставляя на рынок изделия для сельского хозяйства – лемехи и предметы домашней утвари – котлы, жаровни, ступки. Тем не менее наличие и развитие двух подвидов металлообрабатывающей промышленности в регионе в период средневековья создавало известные технические и технологические предпосылки для появления и осуществления тигельного способа получения литой (булатной) стали.

Результаты лабораторных исследований показали, что основным материалом в производстве кузнечных изделий служила сырцовая сталь с неравномерным распределением углерода по сечению, получаемая в виде крицы в ходе сыродутного процесса. Значительно реже использовалась специально приготовленная (цементованная или науглероженная) высокоуглеродистая сталь. Как свидетельствуют источники, процесс науглероживания металла был хорошо известен кузнецам. Используя данную технологию, местные мастера отдавали предпочтение не сквозной, а поверхностной цементации, при которой стальной слой образовывался только у поверхности поковки.

Крайне редко в качестве исходного сырья при изготовлении орудий применялась гиперуглеродистая (булатная) сталь. Из источников известно, что булатная сталь в основном использовалась для производства клинкового вооружения, однако находки такового в археологических коллекциях городов Казахстана отсутствуют.

Достаточно редко (12 %) дляковки качественных изделий кузнецы применяли простое железо. Значительно чаще железо использовалось при изготовлении так называемых «некачественных ковок» – удила, стремена, накладок, панцирных пластин, наконечников стрел и т. п.

Основой технологии кузнечного производства былаковка металла в горячем состоянии, с помощью которой заготовке придавали необходимую форму. Холоднаяковка применялась эпизодически, только в качестве упрочняющей операции, например при проковке кромок лезвий для увеличения твердости металла. Ковка в горячую требовала соблюдения определенного интер-

вала температур, что предполагало соответствующие профессиональные навыки мастеров.

Металлографические исследования показали, что в производстве «качественных» кузнечных изделий мастера применяли несколько технологических схем: 1) целиком из стали – 64 % изделий; 2) целиком из железа – 12 %; 3) одностороннее и двухстороннее поверхностное науглероживание – 9,6 %; 4) двух-четырехслойная сварка железа и стали, либо малоуглеродистой и высокоуглеродистой стали – 7 % изделий. С целью упрочения металла дополнительно использовались различные режимы термической обработки – мягкая и твердая закалка. Анализы показывают, что кузнецы умели производить закалку как всего изделия целиком, так и только кромки лезвия.

Одним из видов кузнечной технологии было горное паяние медью. Данный технологический прием был выявлен при изучении навесных замков. Замковое устройство представляло собой сложный механизм, собранный из отдельных деталей и работавший как единое целое. При изготовлении замков мастера применяли комплекс технологических операций: ковку в горячую и в холодную, сварку, клепку, закалку и горное паяние медью. Судя по хорошему качеству пайки, без сомнения, кузнецы в ходе работы использовали специальные флюсы для очистки поверхности металла паяных швов.

Отличительной особенностью металлообрабатывающего производства Семиречья X – начала XIII вв. являлось использование тигельной гиперуглеродистой стали ледебуритного класса, обладающей уникальной структурой и специфическими свойствами. Еще одной характерной чертой городского кузнечного ремесла Семиречья являлось специфическое использование конструктивных схем двухслойной и многослойной сварки. В частности, сварные технологии классического вида, основанные на сварке железа и стали, не получили здесь особого распространения. Немногочисленные образцы, откованные по сварной конструктивной схеме, свидетельствуют об отсутствии устоявшихся

традиций в такого рода деятельности. Практически все исследуемые сварные поковки изготовлены по индивидуальной технологии.

В металлообрабатывающем производстве изучаемого региона особое место занимало литье чугуна. Под литьем в металлургии понимают процесс получения законченного изделия заливкой жидкого металла в соответствующую форму. Исходный металл литейщики получали от металлургов в виде слитков, один из которых обнаружен на городище Талгар, либо использовали для этой цели чугунный лом. Чугун отличается от стали не только более высокой концентрацией углерода, но и специфическими технологическими свойствами – более низкой температурой плавления, хорошими литейными качествами, малой способностью к пластической деформации (не поддается ковке). Технологический анализ чугунных изделий позволяет прийти к следующему заключению. В литейном производстве городов Казахстана мастера использовали белый, половинчатый и серый чугун. При этом подавляющая часть отливок относится к группе белого доэвтектического (низкоуглеродистого) чугуна, что свидетельствует о выплавке железоуглеродистого сплава в небольших по объему домницах с невысокой рабочей камерой. Использование чугуна в металлообрабатывающем производстве средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана – факт весьма примечательный. В данной сфере промышленности местные мастера на несколько столетий опередили городских ремесленников Западной и Восточной Европы.

Таким образом, исследование материалов по заявленной проблеме позволяет заключить, что в средневековых городах Южного Казахстана и Семиречья периода расцвета существовали необходимые социальные и экономические условия для успешного развития черной металлургии и кузнечного ремесла, оказывающих мощное воздействие на экономический подъем в регионе в предмонгольское время.

Литература

1. Аскаров, А. А. Типы оседлых поселений бронзового века и истоки урбанизации на юге Узбекистана / А. А. Аскаров // Древние города. – Л., 1977.
2. Байпаков, К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути / К. М. Байпаков. – Алматы, 1998. – 214 с.
3. Байпаков, К. М. Городище Куйрыктобе – город Кедер / К. М. Байпаков. – Алматы, 2005. – 183 с.
4. Байпаков, К. М. Средневековый город Каялык / К. М. Байпаков, Д. А. Воякин. – Алматы, 2007. – 224 с.
5. Байпаков, К. М. Средневековые столицы Жетысу / К. М. Байпаков. – Алматы, 2009. – 319 с.
6. Байпаков, К. М. Средневековые города и поселения северо-восточного Жетысу / К. М. Байпаков, Т. В. Савельева, К. Чанг. – Алматы, 2005. – 187 с.
7. Вебер, М. Город. – Петроград, 1922. – 135 с.
8. Волин, С. Л. Сведения арабских источников IX – X вв. о долине реки Талас и смежных районах / С. Л. Волин // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. – Алма-Ата, 1960.
9. Воробьев, М. В. Город в раннесредневековой Японии / М. В. Воробьев // Древние города. – Л., 1977.
10. Гуляев, В. И. Города-государства древних майя / В. И. Гуляев // Древние города. – Л., 1977.
11. Гордлевский, В. Из жизни цехов в Турции / В. Гордлевский // Записки коллегии востоковедов при азиатском музее АН СССР. Вып. 2. – Л., 1927. – Т. II.
12. Дарский, Э. Устав цеха живописных дел мастеров (конец XIV – начало XV вв.) / Э. Дарский // Мастера искусств об искусстве. – М., 1965.
13. Джаббаров, И. М. Ремесло узбеков южного Харезма в конце XIX – начале XX вв. / И. М. Джаббаров // Занятия и быт народов Средней Азии. – Л., 1971.
14. Зиняков, Н. М. Городское ремесло и городские ремесленники Семиречья и Южного Казахстана в эпоху средневековья / Н. М. Зиняков // Казахстан и Евразия сквозь века. – Алматы, 2010.
15. Иванов, П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов / П. П. Иванов. – М.; Л., 1954. – 328 с.
16. История Казахстана. – Алматы, 1996. – 538 с.

17. Кляшторный, С. Г. Древние города Монголии / С. Г. Кляшторный // Древние города. – Л., 1977.
18. Кузищин, В. И. К проблеме римского города / В. И. Кузищин // Древние города. – Л., 1977.
19. Курпалидис, Р. М. Официальные документы XII в. о социальном составе городского населения Ирана / Р. М. Курпалидис // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. – М., 1980.
20. Массон, В. М. Типология древних городов и исторический процесс / В. М. Массон // Древние города. – Л., 1977.
21. Массон, М. Е. К истории черной металлургии Узбекистана / М. Е. Массон. – Ташкент, 1947. – 62 с.
22. Мукминова, Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. / Р. Г. Мукминова. – Ташкент, 1976. – 233 с.
23. Пещерова, Е. М. Гончарное производство Средней Азии / Е. М. Пещерова. – М.; Л., 1959. – 395 с.
24. Симолин, А. А. Договор промыслового ученичества / А. А. Симолин // Ученые записки Императорского казанского университета. Кн. 10. – Казань, 1910.

Информация об авторе:

Зиняков Николай Максимович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, КемГУ, 8 (3842) 51-52-64, nmzinyakov@rambler.ru.

Zinyakov Nikolay Maximovich – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology of KemSU

УДК 941 (430)

НАУКА И КУЛЬТУРА В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ОЦЕНКЕ ГЕРМАНСКИХ ИСТОРИКОВ

Л. Н. Корнева

SCIENCE AND CULTURE IN NAZI GERMANY: GERMAN HISTORIANS' ASSESSMENT

L. N. Korneva

В статье анализируется немецкая историография нацистской политики в области науки и культуры. Внимание акцентируется на проблеме исторического континуитета.

German historiography of Nazi policy in science and culture is analyzed in the article. The problem of historical continuity is emphasized.

Ключевые слова: немецкая историография, нацистская Германия, наука, культура, приспособление, тоталитаризм.

Keywords: German historiography, Nazi Germany, science, culture, adjustment, totalitarianism.

Области просвещения, образования и науки были объектом пристального внимания нацистов. Система тоталитарного государства облегчала проникновение нацистских идей во все стороны общественной жизни, способствовала воспитанию немцев в духе так называемого «народного сообщества». Изучение механизма тоталитарного государства немецкими историками стимулировало исследование его влияния на науку и культуру. Одновременно это было тесно связано с политико-моральным вопросом о мере ответственности различных социальных слоёв общества за преступления нацистов.

Целью настоящей статьи является анализ достижений немецких учёных в этой области, определение тенденций развития немецкой историографии, анализ дискуссионных и малоисследованных проблем истории германского фашизма. В 70 – 80 годы XX века в ФРГ особенно большой интерес был проявлен к таким областям исследования, как роль медицины, анатомии, психиатрии, юриспруденции, социальных наук, педагогики, поскольку именно эти области оказались тесно связанными с нацистской идеологией и политикой. В эти годы историки провели детальные исследования положения отдельных наук при нацизме, отмечая одностороннее развитие тех её направлений, которые были связаны с военным производством [13].

Современные немецкие авторы рассматривают состояние науки в нацистской Германии под углом зре-

ния континуитета и/или разрыва с предыдущими периодами. Эту проблему они анализируют, уделяя внимание связям с предыдущим демократическим режимом в Германии – Веймарской республикой. Что касается влияния на науку идеологии и политики, то оно сравнивается, преимущественно, с кайзеровской Германией 1889 – 1914 гг. Такое внимание континуитету связано с проверкой мнения о снижении уровня научных исследований в нацистской Германии.

Научные общества, институты и университеты не сопротивлялись нацистской «кадровой политике» расового и политического толка, введению принципа фюрерства и утрате автономии. Особенно пострадали университеты. Среди учёных была распространена позиция приспособления к режиму, которая проводилась либо принудительно, либо добровольно. Как считает М. Грюттер, приспособление явилось самым широко распространённым феноменом в отношениях между наукой и нацизмом [7, с. 135 – 153].

В большей степени свою независимость от НСДАП сохранили институты научного общества кайзера Вильгельма (ныне – общество Макса Планка). При смене президента общества в Веймарской республике и далее от известного немецкого физика Макса Планка к Карлу Бошу в 1936 г. сохранялась некоторая преемственность: Бош, как и Планк, был известен своей критической позицией по отношению к национал-социалистам. Они, например, пытались доказывать Гитлеру вред и опас-

ность для науки политики изгнания учёных. В последующие годы Бош более или менее открыто использовал своё влияние для противодействия политике режима. Вместе с тем и он в 1937 г. был вынужден уступить давлению нацистского министра образования и науки с целью усиления принципа фюрерства и изгнания своих не чисто «арийских» заместителей. Роль сената научного объединения опустилась до уровня совещательного органа. Историками отмечается всё большее вмешательство в научную жизнь государственных органов, в частности, ведомства по 4-летнему плану во главе с Герингом, готовившем страну к войне.

Негативные явления стали сказываться по мере выпадения нацистского «Третьего рейха» из международного сообщества: стали затрудняться или прерываться международные контакты, усилилась политизация руководящего персонала, началось сокращение финансирования институтов с точки зрения их «нужности» или «важности». Как пишут немецкие авторы Хельмут и Армен, «фаворитами оставались только нужные для войны физика, химия, техника» [4, с. 385]. Оценивая позицию естествоиспытателей, авторы считают, что физики и многие другие учёные дисциплинированно исполняли свои функции, но убеждения, что их государство «правильное», у них не было. Одновременно «важными» считались евгеника и Институт антропологии, которые имели контакты с концентрационным лагерем Освенцим. В составе института были специальные отделения (например, отдел по евреям), которые занимались расово-биологическими вопросами. Учёные этого института оказались замешаны в расовых преступлениях нацистов [4, с. 396 – 397]. Углубленный анализ деятельности институтов, входивших в научное общество кайзера Вильгельма, показывает, что, несмотря на отъезд ряда видных учёных из нацистской Германии, институты сохранили довольно высокий уровень исследований, особенно в области естественнонаучных дисциплин. В 1937 г. были открыты новые институты: лимнологический институт, институты физики атмосферы, биофизики [4, с. 390]. В целом позиция учёных академических институтов и университетской профессуры по отношению к национал-социализму характеризуется как капитуляция перед ним [10].

Историк М. Сцёллэзи-Янзе анализирует работы учёных в области обеспечения «автономии» немецкого хозяйства от конъюнктуры мирового рынка. Она обращает внимание на то, что ещё в Веймарской республике государство уделяло много внимания этой проблеме – в смысле создания в перспективе «военноспособного» хозяйства. При государственной поддержке возникла целая система исследовательских учреждений из промышленных лабораторий, высших школ и институтов, работавших в этом направлении.

Касаясь политики нацистов в области науки, Сцёллэзи-Янзе отмечает, что она была продолжена в прежнем направлении, но «с разной степенью усердия. Нацистский режим разрушал то, что противостояло его идеологии, но в своей основе процесс «онаучивания» не откатился назад» [20, с. 170]. Нацистским государством была продолжена и усилена поддержка однобоких и ориентированных на автаркию исследований в области экономического развития страны. Автор отстаивает точку зрения о том, что развитие науки не обязательно связано с демократизацией и гуманизацией общества.

Этот процесс при отказе от различного рода норм становится деструктивным, антигуманным и несущим смерть, что и произошло при национал-социализме.

На всех ступенях разработки экономических программ в них участвовала крупная промышленность. Исследовательница считает, что тем самым крупные концерны впадали в зависимость от государства, на что указывает опыт химического концерна «ИГ Фарбенин-дустри». Положение концернов она показывает как зависимое от нацистского курса и больше как жертву нацистской политики. Вместе с тем многочисленные работы по тому же концерну «ИГ Фарбен» других учёных свидетельствуют о том, что он играл подчас инициативную роль во взаимоотношениях с нацистским режимом [2].

Гуманитарные науки также подверглись деформации, связанной, главным образом, с геополитическими и расовыми притязаниями нацистов. Особенно это касалось исторической науки. Учёные признают, что в этой области приспособление исторической науки к потребностям режима произошло довольно быстро. Однако долгое время в ФРГ превалировала точка зрения, что этот «оппортунизм» не был напрямую связан с господством в высшей школе антидемократического мировоззрения. Согласие с режимом было поверхностным и не означало прямой поддержки целей нацистов и его идеологии. Гораздо большую роль в этом приспособлении играли идеализм, а также прямая подчинённость науки нацистскому режиму (либеральный историк Г. Ротфельс). Имело место, таким образом, частичное оправдание исторической науки за сотрудничество с нацистами. Вплоть до середины 60-х гг., как отмечали демократически настроенные авторы (В. Абендрот), попытки изучения позиции высшей школы при нацизме наталкивались на сильное сопротивление [19, с. 13].

Позднее оправдательный взгляд стал пересматриваться, особенно в связи с появлением биографий видных историков, а также при изучении истории отдельных университетов и работавших там историков. При этом речь шла не только об историках – специалистах по новой и новейшей истории, но и занимавшихся древностью и медиевистикой. При этом основная масса исследователей 70 – 80 гг. подтверждали наличие довольно широкого поля приспособленчества исторической науки к национал-социализму.

Одной из первых крупных работ на эту тему стала книга либерального историка К. Шёнвэльдер «Историк и политика. Историческая наука при национал-социализме» [18]. Работа базируется на архивных источниках и анализе обширных материалов публикаций историков и исторической периодики 1933–1945 гг. (около 770 названий книг и статей). В центре её исследования при этом находится политическая история и взаимное влияние исторического познания и нацистской действительности. Особое внимание автор уделяет анализу вопроса об отношении историков к внешней и военной политике Гитлера.

Книга Шёнвэльдер закрывает своим исследованием одно из белых пятен в проблеме положения исторической науки при нацизме, в особенности – сообщества консервативных историков. Книга построена по хронологическому принципу и в ней показано, по каким пунктам во взглядах историков на современные им события 1933 – 1945 гг. имелись согласие или противоре-

чия; какая эволюция происходила у историков по мере развёртывания нацистской политики.

Выводы Шёнвэльдера чётко структурированы по главам и в конце книги. Её выводы звучат неутешительно для исторического сообщества периода национал-социализма. Так, автор пишет, что с приходом Гитлера к власти большинство историков ожидали внешне-политического подъёма Германии, которому должен предшествовать внутренний успех – и это должно быть сделано новыми методами и требовало «сплочения нации». Преобладающим среди историков было мнение о необходимости авторитарной власти [18, с. 63].

Историки фактически не противодействовали вмешательству властей в жизнь университетов и «чистке» вузов от «нежелательных» элементов. Пострадали прежде всего преподаватели либеральных и демократических взглядов. Что касается консерваторов, то в основном их оценки истории и современности сохранялись. Довоенная внешняя политика оценивалась как оправданная и необходимая, а аншлюс Австрии – как высший пункт немецкого единения, а также шаг к новому порядку в Европе. «Тот факт, что он осуществлялся под знаком фашизма, оценивалось либо положительно, либо игнорировалось», – пишет Шёнвэльдер [18, с. 137]. Во время войны была предпринята попытка вовлечь более именитых историков в поддержку политической линии нацистов и оправдать войну. При этом не считалось необходимым превращать университеты в пропагандистские учреждения НСДАП [18, с. 88 – 89].

Шёнвэльдер констатирует, что с 1933 по 1945 гг. в целом сохранялся континуитет исторических исследований. В то же время произошло приспособление научных вопросов и ответов на них к доминирующим тенденциям времени и использование науки для целей войны и порабощения. Так, большинство историков, занимавшихся Восточной Европой, поддержали идею «крестового похода» против «еврейско-большевистско-азиатской» угрозы европейской свободе и культуре. Критические голоса были, и даже в публикациях, но они оставались в меньшинстве [18, с. 268].

Со стороны нацистского руководства преобладало стремление не к подавлению исторической науки, а к интеграции её консервативно-националистической части, к сотрудничеству с университетской наукой. Для власти было достаточным готовность учёных политически поддержать режим. Ею поощрялись исторические изыскания в области таких идеологем, как «раса», «народное тело», «рейх», «образ фюрера» – в общем, из арсенала не столько национал-социалистов, сколько предшествующих немецких «младоконсерваторов» и «народников». Историки также напрямую сотрудничали с государственными и партийными органами в качестве научных сотрудников, советников, референтов и т. п. при подготовке различных планов, выставок, особенно в области «нового порядка» в Европе [18, с. 275]. Автор приходит к выводу о существовании в Третьем рейхе политического ангажмента историков, независимо от возраста и специализации, который способствовал «историческому» оправданию национал-социалистической политики.

В 90-х гг. последовал ряд полемических публикаций о континуитете историографии Третьего рейха и ранней ФРГ, например в оценке исторических взглядов одного из основателей послевоенной западногерманской историографии Карла Дитриха Эрдмана [3].

Процесс «историзации» национал-социализма (уход в прошлое вместе с поколением свидетелей) более ярко высветил роль гуманитарных, в частности, исторических наук, в поддержке нацизма. Эту тему было решено обсудить в специальной секции 42-го конгресса германских историков, проходившего в сентябре 1998 г. во Франкфурте-на-Майне. Это было тем более важно, что речь шла об историках, сыгравших выдающуюся роль в развитии западногерманской историографии. Как пишут авторы: «Дебаты о прошлом германских историков при национал-социализме являются дебатами по истории ранней ФРГ» [6, с. 12]. В выступлениях учёных освещалась деятельность различных исследовательских групп и институтов, функциями которых являлись поиски подтверждения в немецкой истории притязаниям нацистов на господство в Средней и Восточной Европе. «Сегодня, – пишут авторы издания, – мы располагаем корпусом источников, следуя которым (можно говорить) о большем, чем до сих пор было известно, числе историков, служивших национал-социализму» [6, с. 16].

Особенно большую роль в обоснование нацистами ликвидации «национальной чересполосицы» в Восточной Европе сыграли исследовательские группы так называемого «Остфоршунга» (Исследование Востока). Там трудились такие видные учёные, как А. Бракман, Г. Аубин, а также впоследствии известные историки ФРГ Г. Ротфельс, Т. Шидер, Т. Оберлендер и др. (доклад В. Моммзена) [6, с. 183 – 214]. В заключение своего выступления Моммзен заявил, что «...созданы интеллектуальные предпосылки, которые сегодня делают возможным критически судить наших историографических отцов и дедушек» [6, с. 210].

Действительно, в начале XXI века исследования по исторической профессуре оказались в поле пристального внимания. Более подробно активную работу историков при нацизме в области изучения «борьбы народов на Востоке» осветил И. Хаар. Он в очень невыгодном свете представил «кумиров» либералов послевоенной Германии – историков К. Эрдмана, В. Конце, Т. Шидера и др. Оказалось, что практически все историки – современники нацизма, оставшиеся в Германии (за исключением людей, действовавших в подполье), так или иначе содействовали режиму. Осуждение Хаар вызвал тот факт, что после войны упорно замалчивалось то обстоятельство, что Г. Ротфельс – глава послевоенного либерального направления западногерманской историографии – накануне прихода нацистов к власти был сторонником реакционно-консервативной концепции «натиска на Восток» [9]. На страницах журнала «Ежеквартальник современной истории» была продолжена полемика на эту тему. Глава социально-критической исторической школы ФРГ, ученик Ротфельса – Г. А. Винклер обвинил И. Хаар в плохом обращении с источниками [22].

Интересно, что признание факта активного сотрудничества основателей западногерманской историографии с нацистским режимом произошло со значительным опозданием, если сравнивать с работой восточногерманского историка-марксиста В. Бертольда, который ещё в конце 50-х – начале 60-х гг. осуждающе писал на тему сотрудничества историков с нацизмом [1].

В журнале «Ежеквартальник современной истории» отмечается повышенное внимание к уточнению пози-

ций отдельных деятелей науки и культуры в отношении к национал-социализму. Их карьера рассматривается в рамках, в которые укладывались как осуждение некоторых действий нацистов, так и приспособление к режиму (статьи о немецком астрономе Хекмане, историке Ротфельсе, писателе Юнгере, философе Клагесе, композиторе Орффе и др.). Так, Т. Шнайдер, анализируя творчество и позицию известного философа Клагеса, отмечает, что прославление им «героического» начала в человеке широко использовалось нацистской пропагандой, особенно во время войны [21]. Работы историков последнего десятилетия XX – начала XXI века показывают усиление критического осмысления поведения общественно значимой элиты при национал-социализме.

Нацистским целям стало служить и искусство, и эстетика. Для последующего развития немецкой историографии в этом направлении имела принципиальное значение работа Петера Райхеля об «обманчивом сиянии Третьего рейха». 1990-е годы оказались отмеченными повышенным интересом историков и культурологов к теме политизации искусства и литературы, её континуитета и дисконтинуитета в условиях нацистского режима.

Длительное время в европейском общественном мнении господствовала точка зрения о полном крушении немецкой культуры в период нацистской диктатуры. Это было связано с оценкой нацизма как погружения Германии в варварство, а также с обстоятельствами Второй мировой войны. В связи с очевидным «фруковдством» нацистами культурой и её связью с пропагандой, историки и искусствоведы отказывали культурной жизни Германии этого периода в каком-либо развитии. Констатировался полный разрыв с богатейшими традициями страны в этой области. В такой оценке проявилось огромное влияние критики нацистской политики со стороны всемирно известных немецких писателей-эмигрантов.

В современной историографии до сих пор нет единой точки зрения по вопросу об отношении нацистского режима к историческому и культурному наследию Германии. Остаётся спорным вопрос о создании при Гитлере специфической нацистской культуры. Вопрос об отношении «немецкой классики» и нацизма является давно дебатруемым вопросом об общественной роли духовной, культурной и научной элиты Германии в XX столетии в целом, и при национал-социализме в частности.

Больше внимания стало уделяться формированию взглядов нацистов на культуру в период Веймарской республики. Авторы отмечают, что культурная политика нацистов формировалась в ожесточённой борьбе с культурными течениями Веймарской республики. Историк Фастман в книге, посвящённой деятельности нацистской палаты культуры, показывает, что деятели нацистского «Культурбунда» утверждали, что культура Веймарской республики оказалась «отчужденной от политики и от народа» и это отчуждение должно быть устранено [8, с. 5]. Свою задачу нацисты видели в устранении свободы творчества, свойственной либеральному обществу и «направлении» творческих сил представителей культуры в русло «традиционной, народной культуры». Историк также разбирает те принципы, на которых должна была строиться политика Палаты

культуры, созданной после 1933 г., выделяет их пропитку расовыми идеями.

Другой автор, Харманд, подверг скрупулёзному анализу взгляды на культуру, которые проповедовали нацисты. Он пишет, что они не означали полного разрыва с культурой предшествующего периода. Культурные идеи нацистов во многом пересекались с консервативными и народными утопиями немецкой идеологии – с их верой в народных вождей и грёзами о грядущем тысячелетнем рейхе [11].

Нацистские идеологи и «специалисты» по культуре мечтали также о создании «своей», специфически нацистской культуры, как некоего синтеза «народной» и «классической» немецкой культуры, сплавленной одновременно с чёткими формами их пропаганды по созданию в Германии «народного сообщества» и нового «Великого рейха» (Третьего рейха). Политика нацистов в области культуры состояла не только из отрицания «расово-чуждых» элементов внутри неё. Она также предусматривала сохранение, прославление и, по возможности, привлечение на службу своим идеям немецкого классического культурного наследия в области литературы, музыки, изобразительного искусства и архитектуры, подчеркивают авторы исследований в этой области.

В рамках ответа на вопрос: что же привлекало немцев к нацистам – современная историография культурной политики стала больше внимания уделять попыткам нацистских идеологов использовать для себя классическое культурное наследие Германии. Особенно это касается такого богатого культурными традициями города, как Веймар. После войны этот город Гёте и Шиллера для мировой общественности стал известен и своим соседством с печально знаменитым лагерем Бухенвальд. Историки пытаются ответить на вопрос: имеется ли какая-либо внутренняя связь между двумя этими явлениями? В книге «Третий Веймар. Классика и культура при национал-социализме» они раскрывают обстановку культурной жизни Веймара накануне и после прихода нацистов к власти [5].

Авторы статей показывают, что в Веймаре в течение 1920-х гг. наблюдалось противостояние консервативного, немецко-национального «духа Веймара» и политического, либерального, республиканского Национального собрания – «веймарского духа» («духа Веймарской республики»). Сами нацистские «эксперты от культуры» понимали, что перед ними стоит довольно сложная задача достижения «единения духа и политики». В этом направлении многое сделали Вильгельм Фрик (с 1930 г. – нацистский министр народного образования и внутренних дел Тюрингии, а с 1933 г. – имперский министр внутренних дел). Начиная с середины 1920-х гг., нацистские деятели осуществляли регулярные паломничества в этот город и превращали его в «сцену» нацистского движения. Овладение Веймаром было важно для нацистов и с политической точки зрения: ведь именно здесь была провозглашена республика, идеологически тесно связанная с ценностями французского Просвещения и революции. Гауляйтер Тюрингии Ф. Заукель (впоследствии – «Генеральный уполномоченный по привлечению рабочей силы» для Третьего рейха), молодой руководитель «Гитлерюгенда» Б. фон Ширах и другие видные нацисты делали всё, чтобы выстроить мосты между культурой прошлого и национал-социалистическим движением, чтобы обозначить по-

следнего как преемника классического немецкого наследия. Нацисты намеревались выстроить здесь «новую классику», опираясь на союз с традиционной общественной элитой Тюрингии. Этот союз действительно уже обозначился в 1930 г., когда нацисты вошли в состав правительства, а с 1932 г. возглавили его. К этому времени культурный истеблишмент Веймара был ориентирован в национально – консервативном духе. В культурном поле утвердилось мнение, что со времен классицизма Веймар является «сердцем немецкой культуры». Всё это облегчало переход городских слоёв на рельсы «народного, национал-социалистического» движения [5, с. 9].

Сам Гитлер не раз подчёркивал, что, подобно Байрейту (родовое поместье немецкого композитора Вагнера), который нацисты превратили в культовое место поклонения немецкой музыке, Веймар будет «городом национал-социалистического возрождения».

С момента прихода нациста Фрика в правительство Тюрингии стало ясно, что начинается закат либеральной культурной политики. Это видно на примере острой борьбы с модернистской школой конструктивизма «Баухауз», окончившейся в пользу «классики» консерваторов и нацистов [5, с. 343]. Типичным явлением для отношений между «духом» и «властью» во времена нацизма считались конфликты между ними. В действительности же картина была более пёстрой. Её можно выразить различными категориями: «унификация», «приспособление», «сопротивление», «дистанцирование». То же относится и к Веймару. Последние исследования показывают, что те культурные процессы, которые инициировали нацисты после 1933 г., начали развиваться в Веймаре задолго до них, и большая часть культурной элиты мыслила категориями Третьего рейха. В качестве примера можно было бы привести активную деятельность на общественном и культурном поприще Тюрингии главы немецко-национальных и народных объединений А. Бартеля. С большой публицистической силой он обрушивался на «еврейство» в немецкой литературе [5, с. 16].

Стратегической целью нацистов (Заукеля и др.) было создание «нового, национал-социалистического Веймара», который с помощью классической литературной и философской традиции должен был стать центром нацистского культурного ландшафта. Этим целям служили намерения по строительству «Гауфорума», расширение музея Гёте, а также строительства «зала памяти Ницше» и др. В 1934 году отмечалось 175 лет со дня рождения Шиллера, и это стало поводом для первой большой нацистской инсценировки поклонения классике в Веймаре. В ходе её наследие поэта широко интерпретировалось в духе «национальной революции», провозглашённой Гитлером.

Было бы ошибочно считать консервативную культуру Вильгельмовского периода Германии и «культурную революцию справа» периода Веймарской республики «предысторией» гитлеровской диктатуры в области культуры. Но нельзя не заметить, что существовали определённые связующие линии между ними. Видимо, не совсем случайно и существование рядом друг с другом города «немецкой классики» и концентрационного лагеря Бухенвальд, как крайнего выражения «отбрасывания» всего «чуждого немецкому духу и культуре». Некоторые слои культурной элиты Веймара проявили готовность к сотрудничеству с нацистами в

более тесном плане. Известно, что оркестр Немецкого национального театра давал и в самом театре, и на выезде т. н. «закрытые» концерты для охраны концентрационного лагеря Бухенвальд [5, с. 349]. Известный немецкий писатель-гуманист Томас Манн констатировал ещё в 1932 году (юбилейном году Гёте), незадолго до прихода нацистов к власти в Тюрингии, что здесь, в Веймаре, господствует «совершенно своеобразное смешение гитлеризма и Гёте» [14, с. 71]. Эта тенденция продолжала сохраняться и развиваться и при нацистской власти.

Современные авторы опровергают ранее широко распространённое мнение, что музыка в Третьем рейхе, в отличие от литературы и изобразительного искусства, в наименьшей степени подверглась давлению со стороны нацистского режима. Считалось даже, что в этой области искусства нацистский режим достиг большого успеха. Историки и культурологи более углублённо показывают, каким образом нацистские искусствоведы трактовали в угоду себе и этот вид искусства. Нацисты изымали и запрещали те её формы, которые они считали враждебными «народному духу» и «народному обществу». Авторами отмечается высокий уровень политизации Вагнеровского музыкального фестиваля, превращение взглядов и музыки Вагнера (так же, как и взглядов философа Ницше) в «векторные идеи» национал-социализма. В то же время специалисты отмечают сохранение и даже развитие эстетики вагнеровской музыки, особенно его исторических опер. Более того, вагнеровское влияние частично прослеживалось и на эстетическом оформлении нацистского движения и режима [17, с. 20, 49, 53, 147, 273 и др.].

Проблема модернизма в музыке проявилась у нацистов в двух аспектах: первый – в изгнании большинства известных немецких композиторов XX века по расовым мотивам или за принадлежность к авангардизму; второй – в торможении овладением молодым поколением композиторов действительно новыми формами музыки. Борьба с «модернизмом» в этой сфере была достаточно жёсткой, и современные формы музыки, включающие в себя атональность, диссонансы и др., были запрещены как еврейские и разлагающие формы [16, с. 329 – 330]. В результате понизился уровень представляемых на конкурс музыкальных партитур, отставание от музыкального развития на международном уровне.

Немецкие авторы отмечают, что напрямую на службу национал-социализму было поставлено песенное творчество немецких композиторов. Песня о Хорсте Весселе – «герое-мученике» нацистского движения была приравнена к национальному гимну. Нацистский режим поощрял написание и исполнение песен героико-патриотического плана с ритмичной музыкой. Их было легко петь хором и в строю. В песнях также сквозили любовь к природе, народу, матери. Наибольшей популярностью пользовались песни композитора Г. Баумана. Как позднее вспоминала одна из руководителей «Союза немецких девушек», «нацистское государство было и диктатурой песни. Мы постоянно пели: при вхождении в деревню, в лагере, на праздниках, на утренниках... Иногда я спрашиваю себя, кто на меня больше повлиял – А. Гитлер или Г. Бауман, и склоняюсь в пользу последнего» [12, с. 5]. Авторы исследования песенного творчества при нацизме ярко показывают, как нацисты использовали тяготение молодёжи к

песне, традиции немецкого хорового пения, «овладевали душой народа».

Книги и статьи немецких авторов свидетельствуют, что у представителей искусства и литературы оставалось мало шансов избежать национал-социалистической унификации. В них показывается, насколько было легко или трудно писателям и поэтам преодолеть авангардизм в процессе компромисса с нацистским нормативно-утопическим пониманием модерна в искусстве, с его терминологией «народности», «общности», «нового рейха».

Особенно сильно подверглись «чистке» по политическим и расовым мотивам радио и кино. То же самое касается и изобразительного искусства, в котором для художественного модерна не оставалось пространства. Лишь архитектура избежала тотального наступления против модернизма: здесь и в жилых, и в

производственных комплексах, и в «новых современных музеях» использовались элементы модернистской архитектуры [15].

В целом на германскую историографию взаимодействия власти с научными и культурными организациями Германии сильное воздействие оказал процесс «историзации» нацизма, т. е. его переход из современной истории в историю прошлого. В этой области исследования наиболее сильно проявилась ревизия взглядов. Она развивалась в двух направлениях: с одной стороны, – в смягчении оценок относительно культурной жизни нацистской Германии только как проявления варварства; с другой стороны, – в открытии «неудобных» страниц истории сотрудничества известных деятелей науки и культуры с нацизмом, которые по каким-либо соображениям длительное время замалчивались.

Литература

1. Бертольд, В. «... голодать и повиноваться». Историография на службе германского империализма: [пер. с нем.] / Бертольд. – М., 1964.
2. Боркин, А. Преступление и наказание ИГ Фарбениндуэстри: [пер. с англ.] / А. Боркин. – М., 1981. Сэсюли, Р. ИГ Фарбениндуэстри: [пер. с англ.] / Р. Сэсюли. – М., 1948;
3. См., напр. книгу: Kröger M. / Thimme R. Die Geschichtsbilder des Historikers Karl Dietrich Erdmann. Vom Dritten Reich zur Bundesrepublik. – München, 1996 и полемику вокруг неё в журнале Geschichte in Wissenschaft und Unterricht (GWU), 48, 1997.
4. Albrecht, H. Die Kaiser-Wilhelm Gesellschaft im Dritten Reich (1933–1945) / H. Albrecht // Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm-Max Plank-Gesellschaft. Hrsg. Von Rudolf Vierhaus und Bernhard von Brocke. – Stuttgart, 1990.
5. Das Dritte Weimar: Klassik und Kultur im Nationalsozialismus / hrsg. Von L. Ehrlich... – Köln; Weimar; Wien; Boehlau, 1999.
6. Deutsche Historiker im Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Schulze, O. G. Oexle. – Frankfurt am Main, 1999.
7. Enzyklopädie des Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Benz, H. Graml, H. Weiß. – München, 1998.
8. Fastmann, U. J. Reichskulturkammer. Aufbau, Funktion / U. J. Fastmann. – Aachen, 1995.
9. Haar, I. Historiker im Nationalsozialismus. Deutsche Geschichtswissenschaft und der «Völkstumskampf» im Osten / I. Haar. – Göttingen, 2000.
10. Heiber, H. Universität unter Hakenkreuz. Teil I: Der Professor im Dritten Reich / H. Heiber. – München, 1991; Teil II: Die Kapitulation der Hohen Schulen. – München, 1992 – 1994.
11. Hermand, J. Der alte Traum vom neuen Reich. Völkische Utopien und Nationalsozialismus / J. Hermand. – Frankfurt am Main, 1994.
12. Lieder in Politik und Alltag des Nationalsozialismus/ G. Niedhart; hrsg. G. Broderick. – Frankfurt am Main, 1999.
13. Lundgreen, P. Wissenschaft im Dritten Reich / hrsg. P. Lundgreen. – Frankfurt am Main, 1985.
14. Mann, Th. Meine Goethezeit. In Gesammelte Werke in 13 Bänden. Bd. 13 / Th. Mann. – Frankfurt am Main, 1974.
15. Moderne und Nationalsozialismus im Rheinland: Vorträge des interdisziplinären Arbeitskreises zur Erforschung der Moderne im Rheinland / hrsg. Von Dieter Breuer, G. Cepl-Kaufmann – Paderborn; München u.a., 1997.– Kapitel III, IV.
16. Niemöller, K.W. Das Problem der Modernität in der Musik nach 1933 / K. W. Niemöller // Moderne und Nationalsozialismus im Rheinland...
17. Richard Wagner im Dritten Reich: ein Schloss Elmau-Symposium / hrsg. Von S. Friedländer, J. Rüsen. – München, 2000.
18. Schönwälder, K. Historiker und Politik. Geschichtswissenschaft im Nationalsozialismus / K. Schönwälder. – Frankfurt am Main, 1992.
19. Strauss, H. u. a. Die Emigration der Wissenschaften nach 1933 / hrsg. H. u. a. Strauss. – München, 1991.
20. Szöllösi-Janse, M. Universitäten und Wissenschaften im Dritten Reich / M. Szöllösi-Janse; hrsg. Von Bernd Sösemann // Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. Einführung und Überblick. – Stuttgart; München, 2002.
21. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (VfZ), 49. – Jahrgang, 2001.
22. Winkler, H. A. Hans Rothfels – ein Lobredner Hitlers?: Quellenkritische Bemerkungen zu Ingo Haars Buch «Historiker im Nationalsozialismus» / H. A. Winkler // VfZ, 49. – Jahrgang, 2001, S. 645; VfZ, 50. – Jahrgang 2002.

Информация об авторе:

Корнева Лидия Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, КемГУ, 8(3482) 35-74-82, korneva_21@mail.ru.

Korneva Lidiya Nikolaevna – Doctor of History, Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations of KemSU.

ИДЕОЛОГИЯ «НАРОДНОГО СООБЩЕСТВА» КАК ФОРМА И СРЕДСТВО КОНСОЛИДАЦИИ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА В ГЕРМАНИИ

(на примере деятельности германского трудового фронта)

Л. Н. Корнева, С. В. Арапина

THE IDEOLOGY OF "PEOPLE'S COMMUNITY" AS THE FORM AND THE TOOL OF CONSOLIDATION OF THE NAZI REGIME IN GERMANY (the example of the german labour front)

L. N. Korneva, S. V. Arapina

В статье рассматривается сущность концепта нацистской идеологии «народного сообщества» на примере деятельности Германского трудового фронта.

The article focuses on the essence of the Nazi ideology of "people's community" concept as exemplified the German labour front.

Ключевые слова: национал-социализм, Германский трудовой фронт, «народное сообщество», социальная политика, «Сила через радость».

Keywords: national-socialism, German labour front, "people's community", social policy, "Power through joy".

Тоталитарно-авторитарные государства XX века, отвергая западные либерально-демократические ценности и опираясь преимущественно на диктаторские методы правления, стремились в то же время обеспечить себе и добровольную поддержку граждан. Не стал исключением в этом плане и нацистский режим в Германии. Его руководство в лице, прежде всего Гитлера, намеревалось осуществить грандиозные планы преобразования германского общества, Европы и мира в соответствии со своими расовыми и экспансионистскими планами. Для этого было недостаточно обеспечить массовую базу только для завоевания власти. Требовалось её дальнейшее обеспечение, в котором важная роль (наряду с пропагандой и террором) отводилась социальным мероприятиям. Теоретической основой социальной политики нацистов стал концепт т.н. «народного сообщества» (Volksgemeinschaft). Целью настоящей статьи является анализ политики нацистов в области создания «народного сообщества», определение направлений его развития и границ осуществления на примере деятельности самой массовой организации в системе Третьего рейха «Германского трудового фронта».

Нацисты пропагандировали создание в стране во главе с «фюрером» «народного государства» (Volksstaat), призывая к ликвидации социально-классовых перегородок и кастовости. Суть провозглашённых нацистами идей опиралась на лежащие в его основе такие парадигмы, как «народническое» мировоззрение, идеи социального прусского государства, прусско-юнкерского милитаризма и др. «Идеи Гитлера питались народными утопиями относительно возможности построения в Германии некоего идеального национального общества. Большая часть народа мечтала об этом, и часто сверху, от властей, насаждалось понятие «рейха» как братства немцев, где все работают на общее благо» [1, с. 11 – 12]. Нацисты заимствовали у народнического движения Веймарской республики (фёлькиш-группы) сам термин «народный», его символу в качестве свастики и приветствие «хайль». Именно в этот период «началась фальсификация и перерождение национальной мысли (Das Denken) в народническо-расистском и антисемитском направлениях» [2, с. 22].

Существенной чертой пропаганды стала «эмоционализация» политики, ярко выразившаяся в социально-революционных притязаниях фашистов на создание

«народного сообщества». Наиболее резкие её черты проявились в антисемитизме и создании картины «еврейско-большевистского мирового заговора». Абстрактные фантазии и лозунги XIX-го века: «устранение нанесенного евреями ущерба германской нации», «девреизация» (общества) и пр. в условиях государственной доктрины нацистов привели к принятию расовых законов 1935 г., устранявших евреев из общественной и политической жизни, к ограничениям в социально-экономической области, а во время войны – к депортациям и Холокосту. Народное сообщество, таким образом, мыслилось и осуществлялось как расово-арийское [3, с. 53 – 92, 140 – 160].

В программе создания национального «народного сообщества» ведущая роль отводилась привлечению на свою сторону немецкого рабочего класса, издавна находившегося под влиянием социал-демократических идей, идеологии интернационализма и организованного в мощные профсоюзы. Вот почему незамедлительно после прихода к власти нацистов последовал разгром традиционных рабочих партий и объединений. Но этого было недостаточно: требовалось «привлечь как можно больше рабочих на свою сторону... завоевать их расположение, мотивировать их готовность к производительному труду, т. к. без трудящихся, вопреки их сопротивлению, было бы невозможно осуществить гигантскую программу вооружений» [4, с. 232]. Особенно большую роль в становлении изучения рабочей политики нацистов сыграла основательная работа английского историка Т. Мэзона «Рабочий класс и народное сообщество» [5]. Она положила начало исследованию экономического, политического положения рабочего класса при нацизме, политике режима по «умиротворению» трудящихся посредством активизации социальной работы, а также его принудительной интеграции в нацистские организации.

Ведущая роль в осуществлении идей Гитлера и нацистской партии о «классовом сотрудничестве» в Третьем рейхе отводилась Германскому трудовому фронту ДАФ (Deutsche Arbeitsfront, DAF), который просуществовал с 10 мая 1933 г. до 8 мая 1945 г. «Целью Германского трудового фронта является образование действительно народного и эффективного сообщества всех немцев», – говорилось в указе фюрера от 24 октября 1934 г. «О сути и цели Германского трудового фронта» [6, с. 185 – 187]. Согласно нацистским принципам «народного сообщества», Трудовой фронт

объединил в себе рабочих и предпринимателей и должен был обеспечивать бесконфликтные трудовые отношения. ДАФ являлся носителем массового национал-социалистического общества «Сила через радость». Возглавил Трудовой фронт Роберт Лей.

Благодаря роспуску профсоюзов и присвоению их материальных ценностей, а также обязательному членству в этой организации «немцев головы и кулака», ДАФ почти сразу стал самой массовой организацией в нацистском государстве и являлся одной из наиболее мощных структур в системе Третьего рейха. Из 25 млн 300 тыс. рабочих и служащих Германии в Германский трудовой фронт к 1939 г. входило примерно 22 млн индивидуальных членов. Кроме того, 8 млн членов насчитывали организации, примыкающие к ДАФ [7, с. 66]. «Р. Лей, таким образом, почти достиг своей цели – включения в организацию всего трудоспособного населения Третьего рейха. Германский трудовой фронт превратился в гигантскую организацию, бросающую вызов различным министерствам и ведомствам и часто претендуя на полный контроль в социально-экономической сфере» [8, с. 16]. Построенные им в рамках «Трудового фронта» спортивные, культурные и другие организации немало сделали для привлечения людей, и особенно рабочих, на сторону нацистов, их примирения с фашистской диктатурой.

В соответствии с нацистским принципом фюрерства, закон «О порядке национального труда» от 20 января 1934 г. объявлял владельца предприятия его «вождём», а рабочих и служащих – «дружиной». На Германский трудовой фронт возлагались задачи подготовки списков кандидатов в совет экспертов при «доверенных по труду», в «суды чести» и по трудовым вопросам [9, с. 46 – 48]. Однако эти задачи не были подкреплены полномочиями, благодаря которым ДАФ мог оказать реальное влияние на трудовые отношения. Регулятором отношений между ДАФ и государственными структурами стало т. н. «Лейпцигское соглашение» Трудового фронта от 21 марта 1935 г. с министерствами экономики и труда о сферах их компетенции в трудовых отношениях и создании совместных консультативных органов [10, с. 105].

Политика в области заработной платы имела особое значение для сотрудников ДАФ, т. к. напрямую влияла на взаимоотношения рабочего и работодателя. ДАФ не имел реального механизма для повышения заработной платы. Тем не менее Р. Лей провозгласил необходимость более высокого заработка. Биограф Лея замечает, что акты министерства труда и экономики содержат многочисленные примеры вмешательства сотрудников ДАФ, направленные на повышение заработной платы [11, с. 186]. Материалы также свидетельствуют, что, чем теснее та или иная отрасль была связана с производством вооружения, тем благоприятнее было положение с заработной платой. В книге Р. Хахтмана об условиях работы и заработной плате в промышленности Третьего рейха отмечена почти полная занятость рабочих после 1936 г. и особенно после 1942 г., что, в свою очередь, было связано с потребностями в вооружении (автор приводит данные по машиностроению) [12, с. 345].

Детальный контроль и регулирование платы со стороны государства использовались нацистской пропагандой как доказательство создания народного сообщества, где господствует справедливая плата за

производительный труд. В то же время историк отмечает существование большой дифференциации в оплате неквалифицированных рабочих, женщин и иностранных рабочих.

В развитии заработной платы и условий работы после 1936 г. автор видит много общего с условиями производства 20-х гг. Веймарской республики, прерванными кризисом 1929 – 1936 годов. Подсчёты Хахтмана показывают, что реальные еженедельные доходы рабочих были в 1938 г. ниже, чем в 1929 г., за исключением работавших в сфере вооружения, в то время как рабочее время всё время удлинялось. «Конечно, – пишет автор, – это обстоятельство пытались сгладить за счёт социальных расходов предприятия, но ... эти расходы были значительно меньше доходов предпринимателей» [12, с. 283].

С целью повышения социального статуса рабочего ДАФ развивал организацию профессионального обучения и повышение квалификации рабочих. В этом вопросе национал-социалистический режим многое позаимствовал у Веймарской республики. В то же время нацистами была проделана большая новаторская работа в части комбинирования на рабочем месте теоретического обучения с практическими навыками. Р. Лей считал, что необходимость в профессиональном обучении неизбежно возникнет, т. к. спланированная Гитлером программа массированного вооружения потребует огромного числа высококвалифицированных рабочих. Расширенная программа профессиональной подготовки под контролем ДАФ могла удовлетворить эту потребность. Связанная с тоталитарной идеологией национал-социализма, система профессионального образования способствовала восстановлению военной силы Германии и подготовке к войне.

Для расширения возможностей вмешательства в дела предприятий и в жизнь рабочего с 1934 г. в ДАФ начала действовать кампания «Имперское производственное соревнование». Для ДАФ производственные соревнования были серьезным шагом в оказании влияния на профессиональное обучение, что соответствовало требованиям создания «народного сообщества». Руководители Трудового фронта стремились интегрировать рабочий класс и другими способами. Этой цели, например, служили «суды чести». Они рассматривали факты нарушения «социальных обязанностей» как членами коллектива, так и предпринимателями. Также существовали «особые суды чести и дисциплины» для сотрудников ДАФ. В 1937 г. «суды чести и дисциплины» ДАФ рассмотрели около 29 тыс. дел, в 1938 г. – около 17 тыс. Такое сокращение дел сотрудники Фронта объясняли уменьшившейся криминальностью и улучшением работы сотрудников самой организации [13, с. 46].

Германский трудовой фронт включил в сферу своей деятельности также вопросы социального страхования. Эту функцию он унаследовал от бывших профсоюзов, присвоив, прежде всего, денежные средства страховых и пенсионных касс разогнанных профсоюзов. Предоставляя поддержку немцам, которые были безработными, недееспособными, травмированными, или тем людям, которых коснулось несчастье, ДАФ завоевывал доверие трудового населения и расширял сферы своей компетенции. Но эти пособия предоставлялись немцам дифференцированно, что существенно уменьшало круг получателей пособий. Денежная выплата, которую получали нуждающиеся люди, могла зависеть от того, как

долго выплачивались членские взносы ДАФ и насколько член Трудового фронта был идеологически выдержан. В этой области социальной политики Третьего рейха тоже наблюдалась преемственность и расширение сфер страхования, но она реализовывалась в рамках расового и идеологического мировоззрения нацистов. Те, кто не подходил под расовые критерии национал-социалистов или подозревался в «антигосударственной» деятельности, теряли гражданские права и права на социальное страхование. Тем самым оставлялись без защиты и «неугодные» арийцы.

При Германском трудовом фронте было создано также Управление «Красота труда». Оно отвечало за техническое и художественное оформление предприятий с целью сделать рабочее место приятнее и привлекательнее. Необходимо отметить, что основы для проведения такого рода мероприятий были заложены еще в период существования Веймарской республики [4, с. 235]. Перед отделом «Красота труда» были поставлены задачи проверки всех без исключения рабочих мест с точки зрения их поддержания в хорошем состоянии и норм гигиены. Рабочие места приводились в соответствие с задачами улучшения освещения, вентиляции, отопления, санитарии мест общего пользования. Ставились также задачи красочного пропагандистского оформления производственных помещений, украшения заводских дворов, улучшения условий проживания рабочих в общежитиях и т. п. [14, с. 19].

В сферу компетенции ДАФ входило и строительство жилья. Национал-социалисты поддерживали идею о том, чтобы одной семье принадлежал дом, по возможности, окруженный садом и деревянным забором, где немцы в здоровой атмосфере могли иметь большую семью. Нацисты много говорили об устранении старого противоречия между городом и селом и стремились объединить преимущества того и другого, обосновывая это тем, что немецкие рабочие должны войти в соприкосновение с «почвой», чтобы усилить свою расовую основу [15, с. 152]. Компетенция в жилищном строительстве предоставляла дополнительную возможность вмешаться в личную жизнь немцев. Кроме того, жилищное строительство играло большую роль и в заботе о повышении производительности труда, и в заботе о приросте и благосостоянии населения. Большие квартиры, по мнению нацистов, должны были способствовать основанию больших здоровых семей, нужных впоследствии и для освоения «жизненного пространства».

Наибольшей популярностью у немцев и известностью за границей пользовалась организация досуга, созданная на базе Трудового фронта «Сила через радость» – КдФ (*Kraft durch Freude, KdF*). Саму идею нацисты переняли частично у бельгийцев и голландцев, но преимущественно – у организации досуга итальянских фашистов под названием «После работы». В задачи «КдФ» входила организация отпусков, путешествий для рабочих и служащих; помощь в организации лекций на самые различные темы; проведение спортивных мероприятий; оказание помощи рабочим в культурном проведении свободного времени путем организации народных праздников, совместных походов на природу, групповых посещений театров, варьете, опер, кино и т. д. Лей говорил по этому поводу: «Было бы ошибкой полагать, что рабочий день нужно организовать до мельчайших деталей, а о 16 часах свободного времени можно и не думать... Насущная задача сегодняшнего

дня – сохранить нервы народа. Нервный народ не может устоять перед атаками судьбы. Закалка нервов и проведение досуга – суть задачи культурно-массовой организации «После работы...» [16, с. 82]. «КдФ» занималась организацией свободного времени немецкого рабочего с целью повышения производительности труда, оказания идеологического, психологического и организационного воздействия на рабочих, что должно было содействовать созданию немецкого трудового «народного сообщества». Одновременно организация досуга должна была избавить Р. Лея от страха перед опасностью инакомыслия, которая существовала, по его убеждению, из-за наличия свободного времени в частной жизни немецкого рабочего.

Наиболее успешно со своей задачей справлялось Управление путешествий, экскурсий и отпусков. О массовости и популярности такого вида отдыха свидетельствуют следующие данные: если в 1934 г. число участников отпускных поездок составляло 2,3 млн чел., то в 1938 г. – уже 10,3 млн чел. Конечно же, такая массовость стала возможна благодаря субсидиям, предоставляемым Германским трудовым фронтом [17, с. 501]. «КдФ» демонстрировала заботу государства о трудящихся Германии, ее деятельность порождала настроение воодушевления, радости, довольства жизнью. Одновременно «КдФ» применяла отработанные формы пропаганды с целью воспитания трудящихся в духе национал-социализма, вовлечения их в активную деятельность по реализации целей национал-социалистического режима. Консолидации немецкого общества способствовала также программа создания «народного автомобиля» (*Volkswagen*), инициированного лично Гитлером в 1936 г. и под эгидой ДАФ. «Каждый немец без различия классов, положения и собственности может стать покупателем Фольксвагена. Минимальный взнос, включая страхование, составляет 5 рейхсмарок в неделю» – сообщал Лей [18, с. 347].

Резюме

1. Деятельность ДАФ представляет «светлую сторону» нацистской диктатуры, так называемое «обманчивое сияние» (Райхель) Третьего рейха. Не подлежит сомнению, что нацистская идея создания в Германии «народного сообщества» с перспективой разрушения классовых и сословных перегородок стала мощным стимулом поддержки гитлеровской диктатуры со стороны немецких трудящихся.

Споры в историографии вызывают вопрос о степени добровольности и принуждения к «народному сообществу», а также о степени новаторства нацистов в этой области. Так, историк Г. Поль отдаёт перевес воздействию социально-уравнительных взглядов Гитлера и национал-социализма в сравнении с практикой террора, ссылаясь на деятельность «красного гауляйтера» Бюркеля в промышленной Саарской области, преимущественно населённой рабочими-католиками. Здесь очень активную деятельность развернул «Трудовой фронт», создававший хорошие условия для подъёма социального статуса рабочих, и которые были поэтому весьма лояльны к нацистскому режиму, и «этот регион не очень нуждался в особой активности гестапо, кроме выселения остаточного и раздробленного сопротивления коммунистов и социал-демократов» [19, с. 43].

С такими оценками, особенно действий гестапо в отношении рабочих, не совсем согласен историк Л. Айбер, проводивший исследования в Гамбурге. Он

утверждает, что здесь гестапо держало под строгим контролем политическую благонадёжность рабочего населения, имея разветвлённую сеть шпииков и опираясь в своей работе не столько на доносы «простых граждан», сколько на государственные и нацистские организации, имевшие свои специальные службы для контроля над населением [20, с. 185, 189].

К. Х. Рот оценивает рабочую политику нацистов как «классовую политику сверху», которую проводило руководство НСДАП при «опоре на согласие экономических и военных кругов, на покорность министерской бюрократии – и таким образом насильственно интегрировало рабочий класс в нацистскую систему». Структуры ДАФ должны были служить «умиротворению» рабочих. Он подчёркивает, что идеи нацистов не были в полном смысле новаторскими. Нацистские руководители «экспериментировали с тогдашними общими программами международной трудовой и индустриальной социологии» [20, с. 246 – 279]. Оспаривая тезис Поля о серьёзности социально-уравнительных взглядов нацистов, Рот справедливо указывает, что главным для нацистов оставалась подготовка «империалистической ревизионной войны», которой и подчинялись новейшие эксперименты в области рабочей политики [20, с. 249].

2. Степень континуитета и новаторства в социальной политике. Нацисты, без сомнения, продолжили развитие социальной политики и выступили преемниками в этой области Кайзеровской Германии и Веймарской республики. Кроме того, они активно использовали зарубежный опыт западных стран. Следует согласиться с констатацией историка Райхеля, что нацисты в области создания «народного автомобиля», строительства автобанов, доступного жилья и др. отнюдь не были пионерами. Он пишет, что нацисты «придали этому, объективно протекавшему почти во всех странах Запада процессу, динамическую силу и пропагандистскую энергию» [4, с. 235]. Многие действия в этой области имели функциональное значение: увеличить численность населения в свете «борьбы за жизненное пространство», привлечь к режиму молодых инженеров в связи с программой вооружений и т. п. [4, с. 274]. Разделяют эту точку зрения и другие видные специалисты по нацистскому государству [21, с. 75 – 91].

3. Что касается вопроса о потенциале и границах термина «народное сообщество» применительно к нацистской диктатуре, то, согласно новейшим исследованиям, пример деятельности Трудового фронта показывает, что, несмотря на сохраняющуюся иерархию в Третьем рейхе, для молодых представителей рабочего

класса, включая женщин, возрастали шансы социальной мобильности и повышения статуса хотя бы в структурах ДАФ, не говоря о других многочисленных нацистских организациях. Гитлеру, таким образом, удалось частично сгладить классовый раскол общества по сравнению с Веймарским периодом. Нельзя также сбрасывать со счетов эмоциональное чувство «ожидания» будущего «социального равенства», которое неустанно пропагандировалось вплоть до середины войны [22 с. 14 – 15].

4. Самая существенная граница «сообщества» – расовая составляющая. Определяющую роль играет включённость или, наоборот, «невключённость» в сообщество. Последнее – прежде всего для евреев, которые лишались гражданских прав, социальной поддержки и зачастую имущества в пользу «друзей народа» (Volksgenossen) – членов «народного сообщества». Затем последовало расширение границы исключения из «фольксгемайншафт» и для других «расово неполноценных».

5. «Народное сообщество» во время войны во многом стало простым конструктом нацистской пропаганды. Роль Трудового фронта свелась к функции подручного нацистской военной и политической верхушки. Определяющим рычагом в управлении «друзьями народа» нацистского государства становится террор. Социальная поддержка немцев обеспечивалась принудительным трудом военнопленных, насильственно угнанного гражданского населения оккупированных территорий и ограблением завоёванных стран и народов. Большая часть награбленных ресурсов уходила в сферу потребностей военной промышленности и связанных с ней структур. Но немалая часть имущества и денег перераспределялась в пользу мало или низкооплачиваемых немецких «фольксгеноссен», а также в пользу вдов и сирот, повышения во время войны пенсий, доплаты рабочим за сверхурочное время и др. социальные льготы [23, с. 66 – 71]. Наряду с грабежом подвластных народов, инструментом такого перераспределения стало налогообложение богатой части населения. Всё это «теоретически» обосновывалось нацистами как проявление «идеи равенства», а на самом деле служило предотвращению возмущения населения, примирению его с тяготами войны.

6. Конструкт «народное сообщество» может быть использован для анализа того, как в Германии до и после 1933 г. в организаторском и психологическом плане использовалось глубоко укоренившееся стремление народа к национальному единению.

Литература

1. Hermand, J. Der alte Traum vom neuen Reich. Völkische Utopien und Nationalsozialismus / J. Hermand. – Weinheim, 1995.
2. Mommsen, W. Deutscher Nationalismus im 19. und 20. Jahrhundert / W. Mommsen // Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. Einführung und Überblick // Hrsg. v. B. Sösemann. – Stuttgart, München, 2002.
3. Корнева, Л. Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985 – 2005) / Л. Н. Корнева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007.
4. Reichel, P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus / P. Reichel. – München-Wien, 1992.
5. Mason, T. Arbeiterklasse und Volksgesellschaft. Dokumente und Materialien zur deutschen Arbeiterpolitik 1936 – 1939 / T. Mason. – Opladen, 1975.
6. Organisationsbuch der NSDAP. – München, 1936.
7. Siegel, T. Leistung und Lohn in der nationalsozialistischen «Ordnung der Arbeit» / T. Siegel. – Opladen, 1989.

8. Арапина, С. В. Проблемы социальной политики национал-социализма 1933 – 1939 гг. / С. В. Арапина // Европейские исследования в Сибири. – Томск, 2000.
9. Reichsgesetzblatt. Herausgegeben vom Reichministerium des Innern, Gesetzsammlungsamt. – Berlin, 1934.
10. Арапина, С. В. Роберт Лей и создание Германского трудового фронта / С. В. Арапина // Из истории международных отношений и европейской интеграции: межрегиональный научный сборник, посвященный памяти профессора В. А. Артемова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – Вып. 2. – Т. II.
11. Smelser, R. Robert Ley: Hitlers Mann an der «Arbeitsfront». Eine Biographie / R. Smelser. – Paderborn, 1989.
12. Nachtmann, R. Industriearbeit im „Dritten Reich“: Untersuchungen zu den Lohn- und Arbeitsbedingungen in Deutschland 1933 – 1945 / R. Nachtmann. – Göttingen, 1989.
13. Marrenbach, O. Fundamente des Sieges. Die Gesamtarbeit der Deutschen Arbeitsfront von 1933 bis 1940 / O. Marrenbach. – Berlin, 1941.
14. Amtliches Nachrichtenblatt der Deutschen Arbeitsfront und der Nationalsozialistischen Gemeinschaft „Kraft durch Freude“. – Berlin, 1935.
15. Schildt, A. Wohnungspolitik / A. Schildt // Drei Wege deutscher Sozialstaatlichkeit: NS-Diktatur, Bundesrepublik und DDR im Vergleich / Hrsg. von H.-G. Hockerts. – München, 1998.
16. Alltag unter Hitler / Hrsg. von W. Schneider. – Berlin, 2000.
17. Thamer, H. - U. Verführung und Gewalt. Deutschland 1933 – 1945 / H.-U. Thamer. – Berlin, 1986.
18. История Германии: учебное пособие для студентов вузов: в 3 т. – Т. 3: документы и материалы. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005; 2 изд. – М.: Изд-во Университет, 2008. Более подробно: Арапина, С. В. Деятельность «Германского трудового фронта» в рамках реализации идеи «народного автомобиля» // Новейшая история Германии. Труды молодых ученых и исследовательские центры. Сборник статей. – М.: КДУ, 2007.
19. См. Klaus-Michael Mallmann / Gerhard Paul. Das zersplitterte Nein. Saarländer gegen Hitler. – Bonn, 1989.
20. Terror, Herrschaft und Alltag im Nationalsozialismus. Probleme einer Sozialgeschichte des deutschen Faschismus / W. Röhr; Hrsg. B. Berlekamp. – Münster, 1995.
21. Корнева, Л. Н. Национал-социализм как модернизация / Л. Н. Корнева // Германская историография национал-социализма..., а также Корнева, Л. Н. Вождь и «народное сообщество» в Третьем рейхе (по страницам книги Норберта Фрая «Государство Гитлера» / Л. Н. Корнева // Учёные записки факультета истории и международных отношений. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004.
22. Kershaw, J. «Volksgemeinschaft». Potenzial und Grenzen eines neuen Forschungskonzept / J. Kershaw // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – Heft 1, Januar 2011.
23. Aly, G. Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus / G. Aly. – Frankfurt am Main, 2005.

Информация об авторах:

Корнева Лидия Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, КемГУ, 8(3482) 35-74-82, korneva_21@mail.ru.

Korneva Lidiya Nikolaevna – Doctor of History, Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations of KemSU.

Арапина Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, КемГУ, 8(3482) 75-41-13, arapina77@mail.ru.

Arapina Svetlana Vladimirovna – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations of KemSU

УДК 94(581.5):329.052.343.812”1918/1919”

ОБЕСПЕЧЕНИЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИМИ ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ ЗАКОННОСТИ В ТЮРЬМАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918 – 1919 ГГ.)

И. М. Ликстанов

THE ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENTS' PROVISION OF THE RULE OF LAW IN THE PRISONS OF EASTERN SIBERIA IN THE YEARS OF THE CIVIL WAR (1918 – 1919)

I. M. Likstanov

В статье рассмотрен режим содержания заключённых в тюрьмах Восточной Сибири. Определены основные формы нарушения прав арестованных. Проанализированы меры властей, общественности, самих заключённых по обеспечению законности содержания.

In the article the author considers the regime of detention in prisons of Eastern Siberia. The main forms of the prisoners' human rights violation are defined. Government's, society's and prisoners' The measures undertaken by the authorities, the community and the prisoners themselves to ensure the lawfulness of detention are analyzed.

Ключевые слова: тюрьма, режим, насилие, заключённые, власти, законность, общественность, следствие.

Keywords: prison, regime, violence, prisoners, authorities, lawfulness, the community, investigation.

Длительное время история Гражданской войны отождествлялась со многими мифологемами, от которых до сих пор трудно уйти. Одна из них связана с жестоким обращением в местах заключения антибольшевистских правительств на территории Сибири.

В этой связи следует упомянуть, что противники большевиков унаследовали нормативную базу, название и соответствующих органов. На территории Сибири, контролировали белые, были отменены декреты Советской власти. Было возобновлено действие законов Российской империи с незначительными изменениями, внесёнными Временным правительством в 1917 г.

Высшим руководителем мест заключения был министр юстиции. Он же по российской традиции являлся генерал-прокурором. Ему подчинялся начальник Главного управления мест заключения (ГУМЗ). При А. В. Колчаке он был наделён правами товарища (заместителя) министра юстиции.

Министром юстиции у А. В. Колчака в 1919 г. был профессор права юридического факультета Томского университета Георгий Густавович Тельберг (27 сентября 1881, Царицын, Саратовская губ., Российская империя – 23 февраля 1954, Нью-Йорк, США) [18, с. 51]. Начальником ГУМЗ был Пётр Карлович Гран (18 ноября 1869 – 1941, Бухарест, Румыния). Он имел большой опыт государственной службы. П. К. Гран был Томским, затем Иркутским губернатором. С 1913 по 1917 гг. он возглавлял ГУМЗ, имел классный чин действительного статского советника [14, с. 231; 19, с. 189 – 193; 20, с. 230 – 231; 23, с. 228 – 229].

Между тем о жестокостях обращении с заключёнными писали многие авторы, в том числе и современники. В. П. Голионко прямо писал, что политические заключённые находились «вне закона». Их, по его словам, убивали «по прихоти любого белогвардейца» [16, с. 95].

Информированный о местных реалиях, Главнокомандующий войсками союзников в Сибири французский генерал М. Жанен в мае 1919 г. рекомендовал управляющему Министерством иностранных дел И. И. Сукину: «Для восстановления престижа адмирала было бы лучше не увеличивать количества людей, гниющих без суда в тюрьмах» [17, с. 119].

До сих пор тема обеспечения законности в местах заключения на территории «белой» Сибири не стала предметом изучения историками. К сожалению, в главе «Гражданская война на востоке России» новейшего издания под названием «Исторической энциклопедии Сибири» нет ничего по нашей тематике [25, с. 429 – 433]. Её автор (Д. Г. Симонов) сосредоточил всё внимание на освещении действий вооружённых сил белых. Нет ни слова по этой теме и в статье Н. А. Скориковой [26, с. 217 – 223].

Действительно, режим содержания в местах заключения был чрезвычайный. Можно назвать две основные сферы, в которых происходили нарушения прав заключённых. Во-первых, это содержание без предъявления обвинения. Начальник Главного управления мест заключения (ГУМЗ) Министерства юстиции, действительный статский советник П. К. Гран 2 июля 1919 г. направил циркуляр управляющим губерниями и областями. Он обратил внимание на то, что тюрьмы переполнены. Многие заключённые длительное время содержались без предъявления обвинений и проведения следствия. Почти треть из них (65 %) числились за следственными комиссиями. П. К. Гран обратился к руководителям губерний и

областей с просьбой «озаботиться» этим вопросом и ускорить его решение [6, л. 60].

По данным ГУМЗ, по состоянию на 30 июля 1919 г. тюрьмы Сибири были рассчитаны на 15 тыс. мест. На самом деле в них содержалось 31903 заключённых. Среди них – 5098 красноармейцев и 8935 лиц, арестованных в связи со свержением советской власти. Примечательно, что 2500 человек находилось в тюрьмах без указания причины ареста [10, л. 122].

В этой связи уместно напомнить о том, кем, когда и зачем были созданы следственные комиссии. Вечером 20 июня 1918 г. в Омске состоялось заседание Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. Присутствовали депутаты Всероссийского Учредительного собрания Б. Д. Марков, М. Я. Линдберг, а также В. О. Сидоров, не было депутата Всероссийского Учредительного собрания П. Я. Михайлова. В тот день ими было принято постановление «О следственных комиссиях». Их создавали «для рассмотрения вопросов об обысках, выемках и внесудебных арестах, произведённых в период свержения советской власти «в порядке охранения государственного строя и общественной безопасности».

В состав комиссий по назначению губернских (областных) комиссаров по административным делам с решающим голосом входили: в губернских городах председатель и два его товарища (заместителя) и не менее девяти членов. Кроме того, в состав комиссий с правом совещательного голоса могли входить не более четырёх представителей от профессиональных организаций и столько же от всех политических партий. В уездных городах с решающим голосом – председатель и один его товарищ и не менее четырёх членов. С правом совещательного голоса могли входить по два представителя от профессиональных организаций и всех политических партий.

Комиссиям были предоставлены права:

- 1) освобождения лиц, задержанных без достаточных оснований;
- 2) право дальнейшего содержания под стражей до трёх месяцев тех лиц, предшествующая деятельность которых будет признана явно угрожающей государственному строю или общественной безопасности;
- 3) право производства обысков, выемок и арестов через решение «подлежащих» органов власти.

В экстренных случаях: обнаружение лиц, опасных своими действиями общественному спокойствию и установленному порядку, и при наличии основательного опасения возможности этих лиц скрыться или скрыть доказательства их виновности военные патрули и отряды, а также чины милиции имели право на немедленное производство обысков и арестов. Затем они были обязаны представить сведения и доказательства правильности произведённого обыска или ареста следственной комиссии не позднее 24 часов с момента задержания или обыска.

Освобождение лиц, принадлежащих к составу исполнительных комитетов и революционных трибуналов, комиссаров, чинов милиции и вообще лиц, занимавших ответственные должности в организациях советской власти, производится следственной комиссией только по утверждению её постановления по этому вопросу губернским (областным) или уездным комиссаром по административным делам. Тем же порядком производилось освобождение красногвардейцев и лиц,

задержанных с оружием в руках, не переданных военному начальству. Освобождение из-под стражи производилось по постановлениям следственной комиссии по признанию задержанных не опасными для государственного строя и общественного спокойствия, причём в случае надобности комиссия могла выяснять обстоятельства задержания путём допроса свидетелей.

Фактическое освобождение из-под стражи по постановлению комиссии возлагалось комиссией на одного из её членов. Дела о лицах, виновных в совершении деяний, предусмотренных общеуголовными законами и обязательными постановлениями, подлежали передаче следственным властям и мировым судьям для судов [26, с. 12 – 13].

Обращает на себя внимание тот факт, что законодатель не оговаривал участие в работе таких комиссий профессиональных юристов. Не этим ли обстоятельством объясняется столь высокий процент заключённых, которые числились за этими комиссиями длительное время. Эти люди не получали обвинения, в их отношении не велось следствие.

Во-вторых, в отношении арестованных применялось насилие. В этой связи характерен следующий документ. Управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий 1 февраля 1919 г. направил секретное письмо министру внутренних дел. В качестве приложения была копия донесения исполняющего дела начальника Красноярской тюрьмы Петрова о «незаконмерных» действиях коменданта Кнаппа. Он систематически нарушал права должностных лиц тюрьмы, вообще не признавал авторитета властей. Начальник тюрьмы высказал просьбу об устранении Кнаппа. В письме была также копия докладной записки врача названной больницы от 27 января 1919 г. о побоях, нанесённых трём женщинам-заключённым. Врач Оношкевич-Яцына просил оградить вверенных ему больных от избиений Кнаппа [4, л. 227, 229].

Чешский комендант бил не только больных женщин. В воспоминаниях М. Сафьянова рассказывается о том, как он бил плетью заключённых по животу и требовал, чтобы они стояли как «зольдаты» [12, л. 7]. По воспоминаниям Н. Х. Молчанова, один из надзирателей в разговоре с ним откровенно назвал Кнаппа «ужасной сволочью» [22, с. 34].

Однако надлежащие меры не были приняты. В своём рапорте Енисейскому губернскому тюремному инспектору от 22 сентября 1919 г. начальник Красноярской губернской тюрьмы сообщил о том, что 16 сентября 1919 г. Кнапп без разрешения тюремной администрации выдал военному контролю двух арестантов [5, л. 242 об.].

Нами выявлено три вида попыток установления законности в отношении лиц, находящихся в заключении. Во-первых, определённые меры принимали органы государственной власти. В соответствии со ст. 10 – 11 Устава уголовного судопроизводства Российской империи чины прокуратуры были обязаны периодически посещать все места заключения, проверять формальную законность причин задержания и в случае незаконности немедленно освобождать арестованных. 9 июля 1919 г. об этом своим подчинённым напомнил министр юстиции Г. Г. Тельберг. Он по российской традиции был и генерал-прокурором [15, с. 461]. Однако нам ещё не удалось найти подтверждения таких посещений.

Вопросами законности содержания под стражей было призвано заниматься особое «межведомственное» совещание по разгрузке и эвакуации тюрем Сибири. Его образовали 28 июля 1919 г. по предложению министра юстиции, профессора права Г. Г. Тельберга. Первое заседание этого формирования состоялось 31 июля 1919 г. Оно прошло под председательством начальника ГУМЗа П. К. Грана. Было решено предоставить таким комиссиям на местах право проверки законности содержания. В исполнение принятого решения уже 4 августа в губернии и области были отправлены телеграммы о создании таких комиссий. Они должны были работать под председательством губернских (областных) тюремных инспекторов. В их состав вошли военный врач, представитель МВД и начальник тюрьмы [9, л. 52, 63].

Уже 5 августа 1919 г. под председательством управляющего Иркутской губернией П. Д. Яковлева прошло первое организационное заседание комиссии по проверке законности содержания заключённых в тюрьме [21, с. 137]. В состав комиссии вошли: губернский тюремный инспектор (председатель), начальник губернской тюрьмы, представитель начальника военного гарнизона, председатель следственной комиссии. Решили, что комиссия будет работать в Иркутской и Александровской тюрьмах. Комиссия была созвана после обхода управляющим губернией Александровской (4 августа) и Иркутской (5 августа) тюрем. Заключённые просили его разрешить получать от родственников деньги, хлеб, белье, книги [24, 15 авг.]. Об этом было сообщено в газете.

Вскоре такая комиссия выехала в Александровский централ и пересыльную тюрьму. Среди проверявших был председатель Иркутской губернской следственной комиссии К. М. Крылов. Об этом посещении мест заключения рассказала 21 августа 1919 г. одна из сибирских газет [24, 21 авг.].

Есть примеры результативности работы таких комиссий. В частности, особая комиссия по проверке содержания заключённых и по разгрузке Красноярской тюрьмы собиралась 27 сентября 1919 г. На бланке заведующего Енисейской губернской тюремной инспекцией она записала своё постановление об освобождении Т. С. Костылевой. Женщина была арестована 3 января 1919 г. за отсутствие надлежащего вида на жительство. Она была препровождена этапами от Надеждинска Пермской губернии до Красноярска. Члены комиссии предписали передать её милиции. Там ей должны были выдать правильно оформленный вид на жительство [3, л. 4-4 об.].

Во-вторых, судьбой заключённых могла обеспокоиться общественность. 22 июля 1919 г. Иркутская городская дума обсудила внеочередное заявление гласного С. И. Шепшелевича. Он сообщил об избиении в Иркутской тюрьме в ночь на 7 июля 1919 г. нескольких заключённых за отказ петь вечернюю молитву. Дума квалифицировала деяние как преступление, назвала его «величайшим позором» и вынесла протест. Гласные обратились к управляющему губернией П. Д. Яковлеву с настоятельной просьбой детального расследования. Они просили привлечь к ответственности исполнителей и вдохновителей того, что случилось.

Реакция управляющего губернией была формальной. 2 сентября 1919 г. он обратился в административное отделение Иркутского окружного суда. П. Д. Яков-

лев посчитал, что действия гласных затрагивает вопрос, находящийся вне компетенции городской думы. При этом следовала ссылка на ст. 4 приложения к ст. 58 «Городского положения». Руководитель губернии просил отменить постановление думы. Об этом же 9 сентября 1918 г. управляющий губернией доложил прокурору Иркутской судебной палаты [8, л. 8 – 9]. Прокурор Иркутской судебной палаты А. Петухин-Кошелев отменил упомянутое постановление Иркутской городской думы 18 октября 1919 г. [8, л. 2 – 3, 21 об.]. При этом никого из чиновников не взволновал сам факт избения заключённых, который остался безнаказанным.

Пытались защитить свои права и сами арестованные. Они обращались с прошениями в различные инстанции. Ведомственным органом ГУМЗ, надзиравшим за местами лишения свободы, была тюремная инспекция. Иркутский губернский тюремный инспектор только за два дня (9 и 13 мая 1919 г.) передал товарищу прокурора Иркутского окружного суда прошения от 125 заключённых [1, л. 4, 28]. В августе 1919 г. Иркутским тюремным инспектором состоял статский советник Степанов [9, л. 57].

Эти прошения касались, главным образом, отсутствия следственных действий по их делам. Это имело место для обвинений в совершении как уголовных, так и политических преступлений. Так, с 5 мая по 24 ноября 1919 г. не велось следствие по делу Ф. Ф. Ковалева, подозреваемого в совершении убийства. Всё это время он

содержался в Иркутской тюрьме, откуда и направил свою жалобу чиновнику особых поручений МВД В. Н. Альбинскому [11, л. 14].

Следует отметить, что уровень правовой информированности арестантов и меры по её повышению со стороны администрации мест лишения свободы были недостаточными. На это обратил внимание начальник Главного управления местами заключения П. К. Гран. В сентябре 1919 г. он сообщил прокурору Иркутской судебной палаты о том, что ему поступают прошения заключённых о скором рассмотрении их дел. Начальник тюремного ведомства просил прокурора ещё раз объяснить своим подчинённым, что такого рода прошения надо адресовать в окружные следственные комиссии [2, л. 3].

Доведённые до отчаяния арестованные прибегали и к радикальным мерам самостоятельного влияния на власть. Начальник Красноярской губернской тюрьмы поручик Винтер доложил 17 сентября 1918 г. Енисейскому губернскому комиссару о том, что двое заключённых объявили с этого дня голодовку. Причина такого решения заключалась в том, что им не предъявили обвинения [7, л. 74].

Таким образом, даже в условиях Гражданской войны антибольшевистские власти в Восточной Сибири предпринимали определённые шаги для обеспечения законности в подведомственных тюрьмах, смягчения режима содержания заключённых. Однако этих мер оказалось явно недостаточно.

Литература

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 245. Оп. 1. Д. 1723.
2. ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 82.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 1762. Оп. 1. Д. 1.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 147. Оп. 3. Д. 1.
5. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 10. Д. 16.
6. ГАРФ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 1.
7. ГАРФ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 24а.
8. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 30.
9. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 32.
10. ГАРФ. Ф. 874. Оп. 5. Д. 119.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р. 1362. Оп. 1. Д. 324.
12. Центр хранения исторических документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК). Ф. 64. Оп. 5. Д. 623.
13. Алтайская мысль. 1919.
14. Гахов, В. Д. Гран Пётр Карлович / В. Д. Гахов // Новосибирск: Энциклопедия / пред. научно-ред. совета В. А. Ламин. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003.
15. Гинс, Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918 – 1920: впечатления и мысли члена омского правительства / Г. К. Гинс. – М.: Крафт+, 2007.
16. Голионко, В. П. В огне борьбы / В. П. Голионко. – М.: Госполитиздат, 1958.
17. Жанен, М. Колчаковщина / М. Жанен // Из белых мемуаров / под ред. Н. А. Корнатовского. – Пг.: Красная газета, 1930.
18. Звягин, С. П. Тельберг Георгий Густавович / С. П. Звягин // История "белой" Сибири в лицах: биограф. справочник / сост. С. П. Звягин. – СПб.: Нестор, 1996.
19. Звягин, С. П. Начальник Главного управления мест заключения Министерства юстиции Российского правительства в 1919 г. П. К. Гран / С. П. Звягин // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: межрегион. научно-практ. конф. 29 – 30 ноября 2007 г. Ч. 1 / отв. ред. А. П. Полуэктов. – Новокузнецк, 2007.
20. Ликстанов, И. М. Новые факты биографии начальника Главного управления мест заключения Министерства юстиции Российского правительства П. К. Грана / И. М. Ликстанов // История белой Сибири: сб. науч. ст. / ред. С. П. Звягин. – Омск: Стивэс, 2011.
21. Ликстанов, И. М. Участие управляющего Иркутской губернией П. Д. Яковлева в решении проблем тюрем региона в 1918 – 1919 гг. / И. М. Ликстанов // VII чтения, посвящённые памяти Р. Л. Яворского (1925 – 1995): материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (21 апреля 2011 г.) / отв. ред. Л. А. Полякова. – Новокузнецк: КузГПА, 2011.

22. Молчанов, Н. Х. В красноярском подполье (1918 – 1919 гг.) / Н. Х. Молчанов // Годы огневые. – Красноярск, 1962.
23. Сергиенко, В. А. П. К. Гран: страницы биографии / В. А. Сергиенко // История белой Сибири: сб. науч. ст. / ред. С. П. Звягин. – Омск: Стивэс, 2011.
24. Сибирская жизнь. – 1919.
25. Симонов, Д. Г. Гражданская война на востоке России / Д. Г. Симонов // Историческая энциклопедия Сибири «А» – «И» / гл. ред. В. А. Ламин. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009.
26. Скорикова, Н. А. Иркутские будни при «белой власти» / Н. А. Скорикова // История белой Сибири: материалы VII Междунар. науч. конф. (Кемерово, 28 – 29 сентября 2009 г.) / ред. С. П. Звягин. – Кемерово: КемГУ, 2009.
27. Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского временного правительства, издаваемое управлением делами комиссариата. – Омск. – № 1.

Информация об авторе:

Ликстанов Иван Михайлович – соискатель кафедры новейшей отечественной истории, КемГУ, 7-960-900-22-22, likcom@mail.ru.

Likstanov Ivan Mikhailovich – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History of KemsU.

УДК 930 (94) 081/083

МЕНТАЛЬНОСТЬ И ЕЁ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИКАМИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1990 – 2000-е гг.)

А. В. Литягина

MENTALITY AND ITS RESEARCH BY HISTORIANS IN THE POST-SOVIET PERIOD (1990– 2000 s)

A. V. Lityagina

В статье рассматриваются особенности изучения ментальности населения России и отдельных её регионов в трудах историков 1990 – 2000-е гг., возможности продуктивного использования данного понятия для освещения социальных процессов, трудности исследовательского поиска и результаты историографических наработок.

The peculiarities of studying the mentality of the population of Russia and some of its regions by the Russian historians of the 1990s – 2000, the possibilities of productive use of the given notion for interpretation of social processes, and some historiography findings are considered in the article.

Ключевые слова: ментальность, ценности, отечественная история, историография.

Keywords: mentality, value, native history, historiography.

Появление в историческом лексиконе понятия "ментальность" связывается с именами Марка Блока и Люсьена Февра, основавших в 1929 году в Париже журнал "Анналы экономической и социальной истории". Взгляды анналистов приобрели широкую известность уже перед Второй мировой войной, но активная разработка истории ментальностей как интегральной части социальной истории развернулась с 60-х годов. «Изучение ментальностей – закономерный и логичный результат исканий наиболее выдающихся историков современности. Показательна эволюция таких крупных медиевистов, как Ж. Дюби или Э. Леруа Ладюри: составив себе имя в качестве исследователей социальной и аграрной истории, они обратились затем к изучению ментальностей – неотъемлемого и в высшей степени существенного аспекта социальной истории, без уяснения которого непонятна, с их точки зрения, и сама социальная история» [21, с. 78 – 79].

Советские медиевисты, комментаторы идей анналистов Ю. Н. Афанасьев, А. Я. Гуревич, Ю. Л. Бессмертный эффективно адаптировали категорию ментальности для анализа целых пластов исторической реальности [3, 4, 7, 22, 23 и др.]. Вслед за историками термин быстро освоили философы и психологи, культурологи и социологи. Выдающимися событиями в сфере исторической науки стало появление работ

М. М. Бахтина, трудов Тартусской школы семиотики, издание альманаха "Одиссей" [5, 30] и т. д.

Популярным является определение ментальности, которое содержится в работах А. Я. Гуревича, обозначающее, как он пишет, «социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности». [21, с. 75] Действительно, говоря кратко, ментальность – социально-психологические установки, способы восприятия конкретного социума, манера чувствовать и думать. Ментальность выражает привычки, пристрастия, коллективные эмоциональные шаблоны. Ментальность включает в себя ценностные ориентации, но не исчерпывается ими, поскольку характеризует собой глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания. Ценности осознаваемы, они выражают жизненные установки, самостоятельный выбор святынь. Ментальность же восходит к бессознательным глубинам психики. Захватывая бессознательное, она выражает жизненные и практические установки людей, устойчивые образы мира, эмоциональные предпочтения, свойственные какому-либо сообществу. Данное понятие соединяет в себе аналитическое мышление, развитые формы сознания с полуосознанными культурными шифрами [29, с. 25].

Цель данной статьи – охарактеризовать отечественную историографию ментальности в 90-е гг. – 2000 годы и выявить основные тенденции изучения данной проблематики российскими историками.

Взяв на вооружение имеющиеся теоретические наработки по ментальности, историки в постсоветский период вновь обратились к изучению аспектов ментальности. Стоит сказать, что при этом было на что опереться из исследовательских наработок прошлых лет. В 70-е, 80-е годы XX в. были сделаны первые шаги в сторону расширения исследовательского спектра тем – от социально-экономической тематики до духовной. В частности, стали изучаться вопросы, связанные с общественной психологией. Во главе этого нового исследовательского направления стали специалисты по сибирскому крестьянству – М. М. Громыко, Н. А. Миненко и др., посвятившие свои труды изучению крестьянского поведения и мировидения [20, 37, 39]. Тогда же появились новаторские исследования М. М. Громыко и В. П. Бойко о социально-психологических особенностях сибирского купечества [19, 8, 9].

В 90-е гг. XX в., усилился интерес историков к предпринимательству, к купечеству. Исследователи наряду с торгово-промышленной деятельностью деловых людей прошлого анализировали их общественную, благотворительную деятельность, затрагивали вопросы их духовного мира [48, 51, 52, 6, 10]. По-новому начинают выглядеть предприниматели прошлой эпохи, во многом отличаясь от характеристик этого слоя из прежних советских книг. Ставится вопрос о неоднозначности социально-психологического портрета купцов, их сложном духовном мире [47, 49, 44].

В эти же, 90-е гг. XX в. появляется ряд работ, в которых рассматривается сложность методологического и теоретического плана проблематики ментальности, делаются попытки характеристики психологических особенностей социальных слоёв, классов и общностей с уже очень активным применением термина «ментальность» и «менталитет» [25, 32 – 36]. Появились исследования как по ментальности отдельных слоёв населения, так и по изучению социально-психологического аспекта революционного кризиса. Авторскую концепцию революционных событий 1917 г. изложил в своей книге В. Булдаков. При этом он во многих случаях удачно интерпретировал поведение рабочих, крестьян, солдат с точки зрения эмоционально-психологических установок, ментальности. По сути, через психологию масс автор анализирует революционный переворот, смену власти. Кризис в стране, который возник в результате Первой мировой войны, паралича власти, создал благоприятные предпосылки к установлению большевистской диктатуры. В. Булдаков показал, каким образом ментальные установки масс были использованы политиками для утверждения нового типа власти, своей власти. Так, автор отмечает: «Специфичность соотношения эмоционального и рационального в крестьянском движении позволяла властям при истощении запаса его пассионарности управлять общинной психологией в своих интересах» [11, с. 113]. И далее автор точно указывает, что это, как и в других случаях, было возможно до определённых пределов. В книге показана психология населения смутного времени. Именно через неё автор приходит к положениям, противоречащим многим марксистским догматам о причинах, характере, ходе Октябрьской революции 1917 г. Так, он пишет:

«Вопрос о внутренней направленности движения и реальных ценностных установках российского пролетариата будет оставаться запутанным до тех пор, пока исследователи станут исходить из простейшей посылки: рабочие, как и все, боролись за физическое выживание, стремясь к воссозданию психологически наиболее удобных для себя социально-патерналистских условий; всё их «антибуржуизм» носило декларативный или ситуационно-эмоциональный характер» [11, с. 99 – 100]. Исследование, безусловно, стало новаторским, веховым в области исследования ментальности народа в сложные исторические периоды.

Значительным вкладом в разработку темы ментальности крестьянства России начала XX в. стала монография О. Г. Буховца. Автор выявил наличие огромного массива ценных источников для историков, занимающихся исследованием крестьянской ментальности, отложившихся в десятках фондов Российского государственного исторического архива [12, с. 80 – 88]. Исследование показывает успешность применения методов математической статистики при работе с массовыми документами, несущими информацию по общественному сознанию. Вывод о синкретизме крестьянского сознания, его многослойности [12, с. 225] порождает новые вопросы перед историками, занимающимися изучением ментальности, о чём ниже пойдёт речь. Впрочем, в книге О. Г. Буховца понятия «ментальность» и «массовое сознание» используются как синонимы, и это в определённой мере защищает отстаиваемые автором положения и выводы.

Думается, благодаря гибкости и нестрогости определения понятия «ментальность» историки с большим интересом включились в изучение данного феномена, публикуя статьи, обсуждая на конференциях, издавая монографии, работая над диссертациями. При этом высвечивались наиболее проблемные, дискуссионные и развивающиеся стороны исследований по ментальности. Так, например, В. Л. Кожевин отметил, что «для историка революции оперирование категорией "ментальность" затруднено тем обстоятельством, что поведение масс в условиях революционного кризиса в значительной степени детерминировано идеологическими лозунгами и установками. Поэтому здесь возникает еще одна очень серьезная проблема – проблема взаимодействия двух различных уровней коллективных представлений» [27, с. 79]. Действительно, в революционную эпоху действия народных масс всегда на пределе и даже за пределом своих устойчивых, неотрелексированных стереотипов поведения и мышления, формировавшихся на протяжении веков, резко возрастает роль подвижных, изменчивых, рационализированных элементов коллективного сознания. Перед исследователем может встать вопрос, а что именно относится к влиянию ментальности, и что – к влиянию идеологии? Отметим, что, по нашему мнению, возможно наличие нескольких детерминант социального поведения не только в революционный период, но и в другие переломные для судеб людей эпохи. Если ментальность понимать именно так, как определяет В. Л. Кожевин («неотрелексированное содержание глубинных слоев сознания»), а это достаточно узкая трактовка, так как включается лишь уровень внесознательного в структуру ментальности, то, помимо последней, на социальное поведение так же активно действуют другие факторы: география, климат, природа, геополитика, не говоря уже об идеологии.

Вышеуказанный автор, как бы подводя некоторые итоги исследования ментальности в 90-е гг XX в., с сожалением сетовал, что «на сегодняшний день безболезненно конструировать модели революционного взрыва 1917 года, опираясь на понятие российской ментальности или менталитета русского народа, может позволить себе только философия. ... Историческая наука пока же не выработала сколько-нибудь четких и верифицируемых представлений об этом феномене, а заимствование последних извне ... без предварительного перевода на язык собственной дисциплины лишено всякого смысла» [27, с. 82 – 83].

Однако, несмотря на наличие такого пессимистического взгляда, исследования по ментальности населения России начала XX в. получили в своё продолжение и развитие. Мы склонны объяснять активную исследовательскую работу в историографии этого направления более широким пониманием ментальности историками, которое предполагает не сводить данное понятие только к неосознанному, а видеть в нём и наличие подвижных структур, рациональных, осознаваемых. Именно такая широкая трактовка термина и позволяет проводить подобные работы.

Нельзя отрицать и того факта, что историкам удаётся во многих случаях показывать действительно глубокие пласты подсознания, фиксируемые в различных источниках. В солидных работах по социальной истории обращение к ментальности населения, её анализ, органично дополняют воссозданные реалии прошлого. Так, макроисторическое исследование Б. Н. Миронова, впервые изданное в 1999 г., содержит раздел по ментальности городских низов России в имперскую эпоху [38]. Автор показал, что психология мещан во многом была схожа с психологией деревенских жителей. Был приведён ряд убедительных свидетельств современников о таких реалиях в малых и средних городах России. Отмечалось, что у крестьян и городских низов был общий фольклор (пословицы, поговорки), сходные нравы, традиции, предрассудки и развлечения.

При этом, «чем меньше был город и чем больше его жители занимались сельским хозяйством, тем меньше горожане отличались от крестьян во всех отношениях, в том числе и по своему менталитету» [38, с. 332]. После проведения великих реформ 1860-х гг. система ценностей крестьянства и городских низов переживала трансформацию, в их поведении наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма [38, с. 332]. Однако процесс формирования ценностной системы и норм, соответствующих модернизации, был непростым и длительным. Автор, таким образом, пришёл к выводам, с которыми весьма трудно спорить.

Большую исследовательскую работу по изучению менталитета социальных низов провела О. С. Поршнева [42, 43]. Поставив своей целью изучить менталитет рабочих, крестьян и солдат в годы Первой мировой войны, автор использовала междисциплинарный синтез, методы смежных гуманитарных наук: социальной и исторической психологии, социологии, культурной антропологии, философии, лингвистики, количественные методы анализа массовых документов. О. С. Поршнева на основе документов разного характера, в том числе источников личного происхождения, фольклорного материала, коллективных писем и обращений, статистических данных удалось показать новые тенденции

в эволюции ментальности указанных слоёв общества, коррозию прежних ценностей и, одновременно, устойчивость традиционалистских парадигм сознания. В диссертации показаны действительно мысли и чувства людей, живших в сложный исторический период империалистической войны и революционных ситуаций. В работе, по сути, выявлено, как разрушались прежние базовые ценности в сознании населения, такие, как монархия, церковь [42, с. 132]. В то же время у крестьян сохранялась общинная ментальность [42, с. 133]. Автор выявила, что в среде рабочих возобладали три ценности: защита Отечества, экономическое улучшение и демократизация политического строя, проследила подготовку массовых настроений рабочих в пользу государственного регулирования производства и распределения продукции в масштабах страны. В работе выявлена и морально-психологическая готовность солдат к революции накануне февраля 1917 г. В данной диссертации вроде бы очерченными оказались те ментальные сдвиги у российского населения в указанный период, которые способствовали смене политического строя в стране.

Наряду с появлением такого рода исследований по ментальности, выходили работы, где шло сетование на отсутствие четкой методики анализа, достаточно обоснованных подходов к изучению, что нет теории, нет бесспорных, законченных выводов. Так, о теоретических проблемах и методологических трудностях изучения ментальности четко указал М. Кром [28, с. 181 – 185]. Этот автор отметил уязвимые места работ историков по данной тематике. Обращаясь к книге О. С. Поршневой, М. Кром указал на использование исследовательницей солдатских писем, где выражалось недовольство жестокой дисциплиной, плохим питанием, обмундированием и т. д. Далее М. Кром пишет о том, что действительно может вызывать вопросы и дискуссии: «Нисколько не умаляя ценности сделанных Поршневой наблюдений, хотелось бы заметить, что проанализированные ею письма содержат не какие-то «установки сознания», а живую реакцию людей на обстановку, в которой они находились» [28, с. 184 – 185].

Однако, несмотря на спорные моменты, научный опыт О. С. Поршневой был подхвачен в постсоветское время в историографии по анализу ментальных установок населения. Историки стремились показывать структуру самосознания, его базовые ценности, их эволюцию, коррозию, обновление и появление новых установок. Исследователи вычленяют предпочтения населения, их смену, сосуществование одних, старых, с другими, инновационными. Многочисленные вопросы перспективного развития теории ментальности, методологического инструментария её изучения отодвигаются на второй план, не выходя, впрочем, из поля зрения гуманитарных наук и являясь актуальными и в настоящее время. В то же время наработки исторической науки по теории ментальности вкупе с результатами исследований и инструментарием философии, социальной психологии и культурной антропологии, социологии, культурологии, лингвистики на сегодняшний день предоставляют определённые возможности исследования общественного самосознания, отдельных его элементов. Схожесть понятий «самосознание», «сознание», «ментальность» положительным образом влияет на желание историков заниматься исследованием ценностных ориентаций населения, их эволюции. И

это происходит в условиях, когда в современных исторических диссертационных исследованиях на тему менталитета можно обнаружить полный разрыв в понимании сущности и структуры этого понятия. Менталитет изучается философами [15, 24, 54, 55], социологами [16], психологами [17], культурологами [56], и в их работах присутствует различное толкование понятия и даже понятий (в некоторых работах ментальность и менталитет разделяются и имеют различное содержание). Есть и нечто общее, в чём исследователи единодушны. Во всех работах указывается на обязательное присутствие в ментальном сознании уровня *внесознательного*. Более того, есть и крайняя позиция, согласно которой ментальные установки могут быть выражены только на неосознанном уровне. Так, современный исследователь Д. В. Полежаев делает упор именно на это, давая авторское определение вышеуказанного понятия: это устойчивая во времени большой длительности система внутренних глубинно-психических социокультурных установок общества, формирующаяся и изменяющаяся как под влиянием внешних воздействий, так и путем внутренне обусловленного саморазвития, и функционирующая на уровне *внесознательного* [40]. Всё разнообразие в понимании ментальности, обоснование различных точек зрения на его природу, содержание, структуру и уровни свидетельствуют о бурном развитии данной проблематики, о широком исследовательском просторе и перспективах в этом направлении, о том, что фундаментальные гуманитарные работы по теории ментальности ещё впереди.

Между тем современная историческая наука, исследуя сферу мыслей и чувств населения прошлого, активно трудится в данном направлении, опираясь на некоторые не опровергнутые суждения относительно ментальности. Обязательным элементом ментальности является наличие базовых ценностей. Ценность – термин, используемый в философии и социологии для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных объектов и явлений, отсылающий к миру должного, целевого, смысловому основанию, Абсолюту [18, с. 1200]. Они трактуются как порождаемые культурой и позволяющие задавать системы приоритетов, способы социального признания, критерии оценок. Ценностные ориентации – это прежде всего предпочтения или отвержения определенных смыслов как жизнеорганизующих начал и готовность или неготовность вести себя в соответствии с ними [50, с. 1215]. В этом отношении содержание, вкладываемое в понятие «ценностные ориентации», соответствует изначальному значению слова «ориентация» (лат. *oriens, orientis* – восток) как имеющему значение определения своего положения в пространстве прежде всего по отношению к востоку – доминантно означенной точке восхода Солнца, но переносимом в смысловое пространство, а через него – и в социальное.

Ценностные ориентации, таким образом, задают общую направленность интересам и устремлениям общества и личности; иерархию предпочтений и образцов, целевую и мотивационную программы; уровень притязаний и престижных предпочтений; представления о должном. Изучение ценностей как обязательного элемента ментальности с выше обозначенным содержанием, является в исторической науке возможным и актуальным. Самые различные источники, от делопроизводственной документации, осевшей в фондах Минис-

терства внутренних дел, губернатора и губернского присутствия, городских дум, мещанских управ, жандармерии и полиции, до мемуаров и фольклора, могут нести и несут информацию об отношении представителей разных социальных слоёв к тем или иным событиям, фактам, институтам, должностным лицам, к различного рода деятельности. По документам можно выявить как систему приоритетов, их общепризнанность и желанность или, напротив, не совсем общепризнанность и не совсем желанность, так и изменения в этой системе, смену предпочтений.

Не опровергнутым является и положение о том, что более всего ментальность проявляется в поведении людей. Ну, а изучить поведение людей прошлого на основе достаточного количества источников историкам подвластно. Все вышеназванные возможности исторического исследования вопросов ментальности населения способствуют появлению новых трудов по данной проблематике.

В 2000-е гг. получила своё продолжение работа учёных на различных форумах, посвящённых изучению и обсуждению специфики этносов, культур и ментальности. Так, регулярно стали проводиться конференции в Красноярске, посвящённые сибирскому субэтносу, вопросам духовной и материальной культуры [46].

Некоторые аспекты трансформации традиционного сознания в прединдустриальном городе прослеживает С. К. Лямин [31]. Автором была выявлена сильная инерция традиционного мышления населения провинциального города в 60 – 70 гг. XIX в., поведение горожан в русле корпоративности и патриархальности. Правомерна и постановка вопроса об отношении горожан к собственности и обогащению в условиях набравшей темпы модернизации. Ключевым моментом в рассмотрении ментальности населения в эпоху разрушения традиционного общества и утверждения нового, модернизационного социума является анализ ориентаций предпринимательства на расширение капитала, торгово-производственной деятельности, нацеленной на получение сверхприбыли. Получение прибыли – центральная ценность буржуазного общества и изучение исследователями отношения к ней в российских условиях напрямую показывает особенности местной ментальности или отсутствие таковых. В работе С. К. Лямина рассмотрена хозяйственно-экономическая деятельность купечества и мещанства и её воздействие на развитие представлений о собственности и богатстве. Хронологические рамки, взятые автором для исследования, предполагают те выводы, к которым приходит автор. 60 – 70 гг. XIX в. – короткий период после отмены крепостного права и наращивания темпов модернизации. Всё ещё было впереди: ускорение социально-экономического развития, рост производства, вызревание капиталистических отношений и ценностей. Город и в самом деле в эти годы был прединдустриальным. Поэтому и не удивляет вывод в диссертации об отношении к обогащению у торгово-промышленных слоёв как о традиционном; богатство рассматривалось «как сокровище, которое можно случайно приобрести и легко утратить» [31, с. 17]. Буржуазный дух, констатирует автор, вместе с капиталом последующим поколениям не передавался. Таким образом, в историческом исследовании высвечиваются определённые грани ментальности населения в прединдустриальную эпоху.

Трудности утверждения буржуазных ценностей рассматривает в своем исследовании А. В. Сергеев [45]. Автор констатирует «антибуржуазный менталитет российского общества (как интеллигенции, так и «просто-народья»), который чуждался культа богатых людей, культа наживы» [45, с. 19]. Конечно, не все задачи удалось решить исследователям в своих работах по ментальности с равным успехом. В диссертации А. В. Сергеева более убедительно показана традиционная психология провинциального крестьянства и менее обоснованными являются положения о ментальности интеллигенции, применительно к которой автор показывает лишь виды и характер деятельности, увлекаясь изложением поведения социального слоя.

Обоснованный подход к изучению менталитета, его изменений у провинциального городского населения в конце XIX – начале XX вв. используется в исследовании А. В. Бушмакова [13]. Исследователь указал, что следовал в общих принципах своей работы методике А. Я. Гуревича и в этой связи попытался вычленил некоторый набор категорий, образующих картину мира, базовых ценностей, некую сетку координат и проследил отношение к ним населения провинциального города в интересующий период. Базовыми ценностями были выбраны власть, религия, семья, деньги. Избрание именно этих ценностей для анализа их состояния в структуре самосознания горожан является понятным с учетом того периода, который рассматривается в исследовании. Конец XIX – начало XX вв. – это весьма содержательная эпоха для российских провинций по направлениям и характеру инноваций во всех сферах жизни общества. Модернизация означала изменения во всех элементах социальной системы и поэтому внимательное обращение к указанным базовым человеческим ценностям, связанным с государственностью, духовностью, материальным благополучием и организацией жизни индивидов, должно показать психологические установки населения, их особенности в изменяющемся мире. И в диссертации А. В. Бушмакова ставится вопрос об отношении к деньгам и богатству у горожан как наиболее явный показатель неприятия ценностей буржуазного общества. Автор сделал вывод о том, что «как сравнительно образованные и благополучные в материальном плане верхи провинциального российского города, так и его борющиеся за выживание низы, даже в первые десятилетия XX века, были ещё весьма далеки от идеала «кредитоспособного добропорядочного человека, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель» [13, с. 22]. Ценность прибыли даже активно отторгалась значительной частью городских жителей. В целом в данной работе повторяется вывод о том, что в провинциальном российском обществе рациональная ментальность индустриального времени ещё не сложилась.

Историко-конфессиональный (православный) взгляд на духовно-нравственное состояние русского общества представлен в диссертации А. А. Алексеева [1]. И хотя исследование напрямую не ставит задачу изучения менталитета российского общества в дореволюционный период, при рассмотрении общественного сознания автор работы, по сути, характеризует ментальные изменения, когда пишет, что уже с 90-х годов XIX века в обществе формировался безрелигиозный взгляд на мир. «Время религии начинало восприниматься обществом как уходящее в прошлое» [1, с. 18]. Автор выяв-

ляет духовно-нравственный кризис российского общества в конце XIX – начале XX в., что, как нам кажется, соответствует историко-конфессиональному, а именно – православному взгляду на самосознание населения. Безусловно, в ментальности значительной части российского общества происходили определённые изменения, связанные с секуляризацией жизни, ростом светской культуры и образования, коммерциализацией всех сфер, но эти изменения соответствовали модернизации, а в кризисе находились установки традиционного общества и культуры, что неизбежно при распространении новых ценностей, норм и образа жизни.

В последнее время стали появляться исследования по менталитету населения Западной Сибири в рассматриваемый период. В работе Т. А. Кижасовой заявлено изыскание по теме менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губ. в годы Первой мировой войны. Закономерная связь двух понятий дала возможность соединить их в данном историческом исследовании, в формулировке объекта и предмета, а также цели работы [26]. Автор выявила наличие патриотизма и монархизма в сознании крестьян, падение религиозной обрядности, отношение к войне как к неподвластному стихийному бедствию. Были избраны базовые ценности – Родина, религия, власть – и выявлялось отношение крестьян к ним, а также к начавшейся Первой мировой войне.

Отметим, что полученные авторами исследований выводы иногда противоречат друг другу. Так, если О. С. Поршневой обосновывается разрушение ценности монархии в глазах крестьянства [42, с. 121 – 123], то, по данным Т. А. Кижасовой, напротив, предпочтение монархизма в сознании данного социального слоя сохранялось.

Продуманный подход изучения городской ментальности Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. представлен в работе Е. А. Андреевой [2]. Автор во введении указала, что рассматривает ментальность в широком смысле, как структуру сознания с наличием нескольких пластов, не вполне однородных по своему составу. Перед взором исследователя оказываются как долговременные элементы ментальности, так и более подвижные. Сфокусировав свой взгляд на базовых для народной ментальности вопросах – богатство и бедность, свои и чужие, престижность и солидарность, – автор в социально-культурном аспекте показывает ментальные установки населения в рассматриваемый период. Выявляется неоднозначность восприятия в обществе таких категорий, как бедность и богатство, в зависимости от причин, породивших это явление (если бедность по лени, нерадивости – это осуждалось, если богатство нажито нечестным трудом – также вызывало отрицательную оценку), поливалентность их оценки на общественном уровне и амбивалентность – на индивидуальном, сложная, в конечном итоге выходящая на христианские нравственные ориентиры, структура ментальных проявлений в обществе по отношению к различным жизненным категориям, людям и их поступкам [2, с. 62 – 107].

Особняком в ряду исследований по ментальности стоят работы, которые специально посвящены изучению протестных настроений, ментальности масс в период какого-либо переломного события (войны, революции). Так, монография В. Ю. Титова посвящена менталитету крестьянского протеста в Восточной Сибири с

80-х гг. XX в. по 1920-е гг [53]. Автор рассматривает протестные отношения крестьянства в повседневной жизни. На наш взгляд, данная книга изобилует богатым фактическим материалом по жизнедеятельности крестьянства в рассматриваемый период и отражает творческий исследовательский поиск по проблеме ментальности. Правомерно суждение рецензентов на эту монографию о том, что «целью книги является скорее изучение роли протеста в крестьянском менталитете» [14, с. 154]. Возникают вопросы о соотношении применяемых категорий ментальности в исследовании «менталитет протеста», «протест в менталитете», «менталитет общинника». Слово «менталитет» употребляется довольно часто, но в разном контексте, с различным смыслом. Например, фраза о том, что «неоспоримое влияние имел менталитет окружающих, условия жизни, которые вызывали вполне понятный народный протест» [53, с. 122 – 123] и дальнейшие рассуждения автора могут озадачить читателя вопросом – о каком же всё-таки менталитете идёт речь?

Подводя итоги обзору историографии по указанной проблематике в постсоветский период, можно сделать следующие выводы. Закономерным является рост интереса отечественных историков к теме ментальности и появлению новых работ в этом направлении в непростой для отечественной исторической науки период, когда вместе с крушением социализма ушли в прошлое прежние методологические установки, наступил кризис исследовательских парадигм мышления с устоявшимся набором подходов, приёмов и методик анализа исторического процесса. Объяснение всех аспектов прошлого экономической детерминированностью, абсолютизация фактора экономических отношений как главных, определяющих все стороны социального развития после отказа стран от строительства коммунизма в русле марксистско-ленинской концепции были поставлены под вопрос в плане своей состоятельности. В таких условиях внимание историков к роли общественной психологии, сознания и стереотипов мышления в историческом развитии объективно должно было возрасти. Творческий, исследовательский поиск в освещении эволюции общества, факторов, определяющих эту эволюцию, влияющих на её особенности, закономерно приводит к теме ментальности. Закономерно поэтому появление работ, переосмысляющих революционные потрясения в стране, их причины и характер, трудов, где демонстрируются попытки объяснить события по-новому, с учётом коллективных эмоциональных шаблонов, предпочтений, конкретного психологического восприятия событий, явлений, реальности в целом различными социальными слоями. Рассмотренные нами работы показывают определённые тенденции в исследовании историками ментальности. Объектом анализа учёных становятся как отдельные классы и слои населения в плане социально-психологических установок, крестьянство, рабочие, солдаты, предприниматели, так и на-

селение в целом, имеющее общие условия жизни (провинциальные, городские, сельские). Историки, беря на вооружение широкую трактовку понятия «ментальность», активно привлекают различные виды документов, массивы архивных и опубликованных источников, несущих в себе информацию о духовных устремлениях людей, их ценностях, их реакции на события и вызовы эпохи. Почти все рассмотренные выше труды посвящены изучению сознания в эпоху модернизации, когда разрушаются уклады традиционного общества и укореняются новые ценности и предпочтения. И это также закономерно, так как трансформация общества из прединдустриального в индустриальное представляет собой одну из интереснейших проблем мировой истории. Освещение ментальности населения в период распространения модернизационных социальных норм благодаря появившимся трудам названных авторов позволяет глубже понять характер исторического процесса, особенности цивилизационного развития, образа жизни.

Все вышеперечисленные исследования по ментальности как на общероссийском материале, так и на региональном, являются на сегодняшний день продуктивным этапом развития данного направления в отечественной исторической науке. Причём продуктивным, на наш взгляд, этапом они будут являться и в том случае, если в науке произойдёт всестороннее и глубокое осмысление термина «ментальность», его сути, насколько она неподвижна и, напротив, насколько изменчива. Вероятно, появятся основательные исследования, в соответствии с которыми будет ясно, можно ли говорить о «коренной ломке менталитета» применительно, скажем, к периоду пятидесяти лет, как это сейчас встречается в исследованиях.

Говоря о перспективах развития данного направления в исторической науке, представляется возможным говорить о долговременном утверждении внимания историков к такому аспекту социальной истории как ментальность. Это вызвано как потребностями самой науки, так и реалиями сегодняшней жизни, когда сознание человека подвергается всевозможным атакам информационного общества, и поэтому весьма актуальным является вопрос о том, что происходит с ментальностью в переломную историческую эпоху. Ментальность – важная составляющая часть повседневности прошлого, быта, образа жизни, культуры, гендерных вопросов и ряда других тем, изучение которых в нашей науке ещё только начинается. Говоря об отложившихся исторических исследованиях по ментальности, мы можем признать, что достигнутые в них результаты дают нам знания как по внесознательному уровню социальной психологии, так и по пограничной области неосознанного и осознанного, и раскрывают существенную сторону социальной истории, которую невозможно игнорировать, воссоздавая прошлое.

Литература

1. Алексеев, А. В. Духовно-нравственное состояние русского общества конца XIX – начала XX веков; историко-конфессиональный (православный) взгляд: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Алексеев. – М., 2008.
2. Андреева, Е. А. Ментальность городского населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Андреева. – Томск, 2009. – 345 с.
3. Афанасьев, Ю. Н. Вчера и сегодня французской "Новой исторической науки" [Текст] / Ю. Н. Афанасьев // Вопросы истории. – 1984. – № 8.

4. Афанасьев, Ю. Н. Историзм против эклектики: Французская историческая школа "Анналов" в современной буржуазной историографии / Ю. Н. Афанасьев. – М.: Мысль, 1980. – 277 с.
5. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 541 с.
6. Беспалова, Ю. М. Ценностные ориентации предпринимательства в России (на материалах западносибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX вв.) / Ю. М. Беспалова. – СПб.: Изд-во С-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 1999. – 128 с.
7. Бессмертный, Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции / Ю. Л. Бессмертный. – М.: Наука, 1991. – 235 с.
8. Бойко, В. П. К вопросу о социальной психологии крупной российской буржуазии второй половины XIX в. [Текст] / В. П. Бойко // Из истории буржуазии в России. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1982. – 156 с.
9. Бойко, В. П. Социально-психологические особенности сибирской буржуазии второй половины XIX века (по мемуарным источникам) [Текст] / Бойко В. П. // Вопросы истории дореволюционной Сибири. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1983.
10. Бойко, В. П. Томское купечество конца XVIII – XIX веков / В. П. Бойко. – Томск: Водолей, 1996. – 320 с.
11. Булдаков, В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. Булдаков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 965 с.
12. Буховец, О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX в.: новые материалы, методы, результаты / О. Г. Буховец. – М.: Мосгорархив, 1996. – 398 с.
13. Бушмаков, А. В. Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Бушмаков. – Пермь, 2006.
14. Ващук, А. С. Менталитет крестьянского протеста в Восточной Сибири. Середина 1880-х – 1920-е годы [Текст] / А. С. Ващук, А. П. Коняхина // Россия и АТР. – 2005. – № 1.
15. Вейт, А. А. Российский менталитет как предмет философско-антропологического исследования : автореф. дис. ... канд. философ. наук / А. А. Вейт. – Пермь, 2006.
16. Ветрова, О. А. Особенности влияния искусства на менталитет русского человека: автореф. дис. ... канд. социол. наук / О. А. Ветрова. – Курск, 2004
17. Воловикова, М. И. Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете: автореф. дис. ... д-ра псих. наук / М. И. Воловикова. – М., 2005.
18. Всемирная энциклопедия: Философия. – М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
19. Громыко, М. М. К характеристике социальной психологии сибирского купечества [Текст] / М. М. Громыко // История СССР. – 1971. – № 3.
20. Громыко, М. М. Труд в представлениях сибирских крестьян XVIII – первой половины XIX в. [Текст] / М. М. Громыко // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. (классовая борьба, общественное сознание и культура). – Новосибирск: Наука, 1975.
21. Гуревич, А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии [Текст] / А. Я. Гуревич // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – М., 1989.
22. Гуревич, А. Я. Проблемы средневековой народной культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1981. – 359 с.
23. Гуревич, А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1990. – 395 с.
24. Еромасова, А. А. Ментальность русского человека как феномен национальной культуры (философско-антропологический анализ): автореф. дис. ... докт. философ. наук / А. А. Еромасова. – СПб., 2007.
25. Зубкова, Е. Ю. Ментальное измерение истории: поиски метода [Текст] / Е. Ю. Зубкова, А. И. Куприянов // Вопросы истории. – 1995. – № 7.
26. Кижаева, Т. А. Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. А. Кижаева. – Барнаул, 2006.
27. Кожевин, В. Л. Российская революция 1917 г. и ментальность больших социальных групп: проблемы изучения [Текст] / В. Л. Кожевин // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 3.
28. Кром, М. Отечественная история в антропологической перспективе [Текст] / М. Кром // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. – М.: АИРО – XX, 2003.
29. Культурология. XX век. Энциклопедия. – Т. 2. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 447 с.
30. Лотман, Ю. М. Воспитание души / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург.: Искусство – СПб, 2005. – 624 с.
31. Лямин, С. К. Менталитет населения прединдустриального города 1860 – 1870-х гг. (по материалам Тамбова): автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. К. Лямин. – Тамбов, 2003.
32. Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): материалы Междунар. конференции. – М.: РОССПЭН, 1996. – 439 с.
33. Менталитет и культура предпринимателей России XVII – XIX вв. – М.: ИРИ, 1996. – 215 с.
34. Менталитет и политическое развитие России: тезисы докл. научн. конф. – М.: ИРИ, 1996. – 149 с.
35. Менталитет россиянина: история проблемы. Материалы 17-й Всероссийской заочной научной конференции. – СПб.: Нестор, 2000. – 238 с.
36. Ментальность россиян. – М.: Имидж-контакт, 1997. – 474 с.
37. Миненко, Н. А. К изучению семейной этики сибирского крестьянства второй половины XVIII в. [Текст] / Н. А. Миненко // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. (классовая борьба, общественное сознание и культура). – Новосибирск: Наука, 1975.

38. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). – Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 548 с.
39. Островская, Л. В. Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири (народный вариант православия) [Текст] / Л. В. Островская // Общественный быт и культура русского населения Сибири XVIII – начала XX вв. – Новосибирск: Наука, 1983.
40. Полежаев, Д. В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа: автореф. дис. ... д-ра философ. наук / Д. В. Полежаев. – Волгоград, 2009.
41. Поликарпов, В. С. История нравов России. Восток или Запад / В. С. Поликарпов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 575 с.
42. Поршнева, О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – 1918): дис. ... д-ра. ист. наук / О. С. Поршнева. – Екатеринбург, 2000. – 359 с.
43. Поршнева, О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2000. – 414 с.
44. Преображенский, А. А. Московский купец середины XIX века о времени и о себе [Текст] / А. А. Преображенский // Менталитет и культура предпринимателей России XVII – XIX вв. – М.: ИРИ, 1996.
45. Сергеев, А. В. Менталитет российского провинциального общества на рубеже XIX – XX вв. (на материалах Вятской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Сергеев. – Ижевск, 2007.
46. Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы VI Всерос. науч.-практ. Интернет-конф. на сайте sib-subethnos.narod.ru (15 янв. – 31 мая 2010 г.). – Красноярск, 2010.
47. Скубневский, В. А. Барнаульские купцы Суховы – предприниматели и меценаты: историко-социологический очерк [Текст] / В. А. Скубневский // Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1993.
48. Скубневский, В. А. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX вв. / В. А. Скубневский, А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2001. – 241 с.
49. Социология. Энциклопедия. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1312 с.
50. Скубневский, В. А. Роль купечества в развитии народного образования Барнаула во второй половине XIX – начале XX вв. [Текст] / В. А. Скубневский // Культурное наследие Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1994.
51. Старцев, А. В. Меценаты. Штрихи к социальному портрету алтайского купечества [Текст] / А. В. Старцев // Алтайский сборник. – Барнаул, 1991. – Вып. 14.
52. Старцев, А. В. Общественная и культурная деятельность предпринимателей Алтая [Текст] / А. В. Старцев // Предпринимательство на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1993.
53. Титов, В. Менталитет крестьянского протеста в Восточной Сибири (середина 1880-х – 1920-е гг.) / В. Титов. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2003. – 212 с.
54. Трофимов, В. К. Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект): автореф. дис. ... д-ра. философ. наук / В. К. Трофимов. – Екатеринбург, 2001.
55. Цигвинцева, Г. Л. Особенности формирования и функционирования менталитета русского народа: автореф. дис. ... канд. философ. наук / Г. Л. Цигвинцева. – Пермь, 2005.
56. Южалина, Н. С. Менталитет как социокультурная целостность: автореф. дис. ... канд. культурологи / Н. С. Южалина. – Челябинск, 2003.

Информация об авторе:

Литягина Алла Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина, 8-962-822-09-81, alityagina@yandex.ru.

Lityagina Alla Vladimirovna – Candidate of History, Associate Professor at the Department of World History of the Shukshin Altai State Academy of Education

УДК 902.2

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ИНВЕНТАРЬ МОГИЛЬНИКА У Д. РОСТОВКА

Ю. И. Михайлов

THE METALLIC INVENTORY OF ROSTOVKA CEMETRY

Yu. I. Mikhailov

Основное содержание статьи посвящено результатам исследованиям декоративного оформления топоров – кельтов, наконечников копий и ножей могильника «Ростовка». Metallurgy of Rostovka used high bronze skillfully. United groups of metallurgists were connected with centres of metal production. The phenomenal sign of this centre is geometry ornaments, which are evidences of another phenomenal sign – a painting school.

This article is devoted to the results of investigating the ornament of celt-axes, spearheads, daggers and impressive sculptures of Rostovka cemetery. The metallurgists of Rostovka used high bronze skillfully. United groups of metallurgists were connected with centres of metal production. The phenomenal sign of this centre is geometry ornaments, which are evidences of another phenomenal sign – a painting school.

Ключевые слова: сейминско-турбинский феномен, топоры – кельты, наконечники копий, ножи, скульптурные навершия.

Keywords: Seyma-Turbino phenomenon, celt-axes, spearheads, daggers, impressive sculptures.

В обобщающей работе, посвященной проблеме сейминско-турбинского транскультурного феномена, Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых сочли целесообразным использовать понятие «центр металлообработки». Его материальным выражением предлагается считать «компактный комплекс типологически и химически своеобразного металла, включенного в рамки одного могильника». Кроме того, предполагается, что производство в рамках центра металлообработки могло быть связано с деятельностью мастеров какой-либо конкретной (племенной, клановой) группировки, оставившей тот или иной крупный некрополь. Наряду с этим допускается возможность существования двух и более центров металлообработки, выделяемых на основании инвентаря различных могильников или же группировок погребальных комплексов в составе одного могильника. Продукция мастеров, принадлежавших к одной структурно организованной группе, практически не расходилась за ее пределы и оставалась в кругу тесно связанных между собой людей [14, с. 216].

Предметом исследования в настоящей публикации стали материалы могильника у д. Ростовка, совокупность металлических изделий которого, как считают Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, позволяет говорить о существовании центра металлообработки. Прежде чем перейти к непосредственному анализу ростовкинских металлических изделий, считаем необходимым отметить два весьма существенных положения. Авторы допускают известную свободу в толковании «центра металлообработки» как социокультурного феномена. Это либо вся совокупность погребальных комплексов отдельного могильника, либо группировки погребальных комплексов в пределах некрополя. В частности, как считают исследователи, клановыми группировками оставлен Турбинский могильник. Кроме того, Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых предполагают, что, исходя из особой «общественной психологии», сейминско-турбинские племена охотно включали в свою культуру элементы иных культур и в то же время фактически ничего не передавали из своих основных достижений – оружие, сплавы, технологии. В перечень «этнического оружия», которое не передавалось инкорпорантам и аборигенам, входили наконечники копий с вильчатым стержнем, кельты и кинжалы с металлической рукояткой. Табу на использование подобных изделий было столь могущественным, что остановило даже тех, кто разорял могилы Ростовки [14, с. 274, 275]. Представленная в работе классификационная схема металлических изделий сейминско-турбинского круга на данный момент остается достаточно продуктивной. В соответствии с предлагаемым классификационным подходом Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых выделили конечные типологические разряды (КТР) на основании данных химико-технологического анализа, морфологических особенностей отдельных категорий изделий и специфику их орнаментального оформления. С учетом абсолютного преобладания оловянных бронз в ростовкинских комплексах, нас непосредственно будут интересовать последние два критерия, а точнее, те случаи,

когда они выступают в качестве взаимосвязанных признаков.

В составе всей серии металлических предметов из могильника «Ростовка» обращают на себя внимание находки, демонстрирующие специфический прием декоративного оформления полукруглого ушка валиками. Существенно, что этот прием не встречается в западных памятниках сейминско-турбинского круга, но является общим для ростовкинских изделий, относящихся к различным типологическим разрядам. Так, в частности, ушки всех ростовкинских копий орнаментированы валиками, хотя эти изделия имеют конструктивные различия, в частности, связанные с наличием или отсутствием крюка. В составе планиграфически выраженных вещевых комплексов могильника копья обнаружены вместе с кельтами, некоторые из которых также имеют сходный прием оформления ушка. Так, под останками коллективного захоронения в мог. 8 найдено три предмета: одноушковый кельт (ушко без отверстия, отлито не полностью и покрыто валиками), вильчатый наконечник копья с «крюком» и ушком, оформленным валиками. Еще один вильчатый наконечник копья из этого комплекса снабжен двумя ушками со сходной орнаментацией [8, с. 16, рис. 18 – 1, 2, 5]. Отметим, что материалы могильника свидетельствуют о местном изготовлении вещей с рифлеными ушками. На восточной кромке могилы 21 обнаружено скопление литейных форм, две из которых предназначались для изготовления кельта с рифленным ушком [8, с. 30, 31, рис. 38 – 1, 3, 4].

Наличие двух ушек на втулке наконечника копья из мог. 8 – достаточно редкая морфологическая особенность, сближающая эту находку с литейной формой для наконечника копья, которая была обнаружена на Иртыше. Относительно последней предполагается, что первоначально было вырезано одно гнездо для ушка (гладкого?), а затем, после поломки первого, правое ушко [14, с. 72, рис. 36 – 4]. Негатив правого ушка, судя по рисунку, украшен характерными насечками. Более узкое перо иртышского наконечника имеет вытянутые пропорции. Копье с «крюком» из мог. 8, по классификации Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, относится к разряду КД – 10, который представлен преимущественно ростовкинскими экземплярами, а также наконечником с р. Чарыш. Вильчатый наконечник копья с р. Чарыш имеет ушко, украшенное насечками и крюк – багор с «рифлением» по контуру. От классических сейминско-турбинских наконечников он отличается более узким пером [3, с. 65, 66, рис. 151 – 2]. Рифленое ушко имеет еще один вильчатый наконечник с узким облобанным пером из Западной Сибири [14, с. 32 – 4].

Форма для отливки кельта с рифленным ушком из комплекса у мог. 21 была включена в разряд К – 20, как и литейная форма для кельта с Иртыша. На негативе ушка иртышского экземпляра имеются характерные «насечки». К этому же разряду был отнесен кельт из урочища «Зарни-Яг» (Коми), который также снабжен рифленным ушком [14, рис. 17 – 4; 18 – 2, 5]. Интересующий нас морфологический признак (рифленое валиками ушко) сближает ростовкинскую и иртышскую

литейные формы с кельтами, снабженными двумя ложными рифлеными ушками из Кижирова и Косихи. Но еще больший интерес представляет форма для отливки кельта из Самусь IV, у которой негатив ушка имеет насечки [14, рис. 78 – 3 – 5]. К этому же типологическому ряду относится створка литейной формы для кельта с ложными орнаментированными валиками ушками с поселения Танай – 4, исследованного в Кузнецкой котловине [2, с. 78, рис. 2]. Характеризуя морфологические особенности самульско – кижировских топоров – кельтов, Е. Н. Черных и С. В. Кузминых указали на трансформацию деталей конструктивных в декоративные. Исследователи специально отметили, что традиционно подобная особенность рассматривается как признак хронологический. Ложные ушки топоров-кельтов в сочетании с еще достаточно очевидными ребрами по краю фаски и орнаментальными узорами сейминско-турбинского типа свойственны изделиям переходных типологических разрядов [14, с. 147].

Узкое длинное перо наконечников копий, по общему мнению специалистов, – более поздний хронологический признак, отличающий данную категорию изделий от собственно сейминско-турбинских бронз. В связи с этим существенно мнение о том, что длинный наконечник с очень узким пером, обнаруженный южнее Омска имеет ушко в виде фигурки хищника кошачьей породы [14, с. 67]. Если рассматривать данную конструктивную и декоративную особенность в общем контексте, то специфическая разделка фигурки животного (ее поверхность покрыта углубленными линиями – нарезками) вполне соответствует декоративному приему (ушко, украшенное «валиками»), представленному на ростовкинских и самульско-кижировских изделиях. Есть все основания допускать, что разделка поверхности выступала как технико-стилистический прием для передачи волосяного покрова изображенного животного. С учетом этого разделенные на пряди гривы лошадей на выгнутообушковых ножах из Ростовки и Сеймы также можно рассматривать как один из вариантов проявления общего декоративного приема. Об этом же свидетельствуют ножи со слабо выгнутой спинкой обушка из Елунино и Усть-Муты [3, рис. 150 – 1, 4]. У этих изделий навершия рукоятей в виде конских голов с разделенной на пряди длинной гривой образуют композицию в виде полукруга, которая имеет соответствия в культурно и территориально близких выгнутообушковых ножах из мог. Цыганкова Сопка. У последних кольцевидные навершия рукоятей орнаментированы валиками [3, с. 62, 63, рис. 119 – 1, 2]. С ростовкинскими рифлеными ушками елунинские изделия объединяет существенная, в данном случае, технологическая особенность – декоративная разделка валиками была изначально заложена в негативах литейных форм. Навершия из Ростовки и Сеймы, а также фигурка животного на втулке омского наконечника копья, демонстрируют использование этого декоративного приема на восковых моделях.

Изложенные наблюдения позволяют сформулировать направление поиска, связанное с определением статуса сложных и элементарных декоративных форм. Между орнаментированными ушками и их ложными подобиями с тем же декором, следуя общей логике, должно видеть преемственность и различие хронологического порядка. В то же время вероятное соответствие между лошадиными гривами и рифлеными кольцевид-

ными навершиями собственно сейминско-турбинских типов ножей представляется не столь однозначным и очевидным. По этой причине приведем следующие наблюдения. Так, например, манера рельефного изображения конской гривы на навершии ножа из Ростовки композиционно сочетается с рифленым ободком «постановочной площадки» и орнаментированной валиками рукоятью, что вполне соответствует общему декоративному приему, представленному на бронзовых изделиях этого могильника. Согласно тщательному анализу, проведенному И. В. Ковтуном, разделенная на пряди грива обозначена только с левой – «лицевой» стороны композиции, причем самим «прядям» задана декоративная строго радиальная проекция [4, с. 139, 140]. На наш взгляд, это *радиальное* расположение прядей вполне точно соответствует декоративному оформлению полукруглых ушек наконечников копий и кельтов рельефными валиками. Что же касается различий в декорированных композициях на одном и том же изделии, то это общее свойство сейминско-турбинских бронз особенно явно выраженное на фасках кельтов [1, с. 106]. Показательно, что на втулке одного из ростовкинских копий (мог. 33) одну из сторон украшал пояс из трех валиков, а другую оформлял только один валик [8, с. 69]. По нашему мнению, ребристые гривы лошадей, рифленые ушки кельтов и копий, а также округлые навершия ножей, украшенные валиками, демонстрируют различные варианты единого декоративного приема в рамках сейминско-турбинской традиции.

Вместе с тем необходимо отметить, что рельефные гривы конских головок на алтайских ножах контрастируют с гладкой гривой конской головы на каменном жезле из предположительно культурно родственного комплекса у пос. Шипуново [3, рис. 127]. Подобно тому, как гладкие гривы парных конских фигурок на выгнутообушковом ноже из окрестностей Омска [10, рис. 14, 15] отличают их от изображений на ростовкинском и сейминском ножах. Наконец, «прорезная» грива на конноголовом втульчатом навершии вообще не имеет пока аналогий [10, рис. 19]. Гладкие и разделенные на пряди гривы – иконографические варианты, которые, вероятно, существовали синхронно. Во всяком случае, парные фигурки лошадей на андроновских серьгах из Чесноково – I и Мыншункур демонстрируют параллельное бытование рифленого и гладкого оформления конской гривы.

Перечисление тех или иных иконографических соответствий для скульптурных миниатюр в металле и камне может быть продолжено, но и без этого очевидна еще одна актуальная проблема. Мы имеем в виду культурно-хронологическое соотношение каменных и металлических изображений в вещевых комплексах лесостепной зоны юга Западной Сибири в эпоху бронзы. В рамках настоящей публикации она, разумеется, не может быть решена, но попробуем обратить внимание на следующее. Каменные антропоморфные миниатюры и предметы с фаллическими изображениями из пос. Самусь IV имеют рельефное оформление в виде «валиков», которое, что весьма существенно, можно рассматривать как технико-стилистическую особенность. Рельефные валики украшают навершия одного из жезлов шипуновского комплекса каменных изделий [3, рис. 129]. На наш взгляд, подобная манера оформления объемных изображений из камня обнаруживает сходство, а вероятнее всего, культурную близость с декора-

тивными приемами на бронзовых изделиях Ростовки и из комплексов елунинской культуры.

Чтобы избежать упрека в формальном подходе к анализу художественной металлопластики и, в частности, в абсолютизации такого признака, как украшенное валиками ушко изделия, обратим внимание на следующую особенность. На негативах створок литейной формы для топора-кельта из ростовкинской мог. 21 ушко с валиками композиционно соединено с пояском, который оформляют две цепочки мелких треугольников обращенных вершинами друг к другу. Предполагается, что в этой литейной форме отливались кельты подобные тому, что был найден в квадрате Д – 18. Кроме того, в квадрате Ж – 20 найдены три обломка литейной формы для кельта с аналогичным пояском по негативу втулки [8, с. 75, рис. 38, 52 – 1]. Кельты с подобной орнаментацией нам неизвестны в других сейминско-турбинских памятниках. Что же касается ростовкинских изделий, то на фотографии ножа с конем и лыжником сделанной, И. В. Ковтуном, просматривается один из участков рифленой поверхности ободка рукояти, оформленный треугольными насечками [4]. Весьма отчетливо подобная цепочка треугольников, обращенных вершинами вверх, сходным образом декорирует ободок навершия рукояти ножа с парными фигурками лошадей из окрестностей Омска. Кроме того, рукоять этого ножа украшена еще двумя вертикальными цепочками треугольников обращенных, вершинами друг к другу [10, рис. 15]. Аналогичный декоративный прием представлен на рукояти одного из ножей с рифленным кольцевидным навершием из елунинского могильника «Цыганкова Сопка» [3, рис. 119 – 1]. Два горизонтальных пояса, оформленных цепочками мелких треугольников обращенных вершинами друг к другу украшают костяное навершие из окрестностей с. Победа (Верхнее Причумышье), которое авторы публикации уверенно соотнесли с кругом елунинских древностей [6, с. 117, рис. 3 – 1]. Таким образом, орнаментальные пояски, составленные цепочками мелких треугольных зубчиков еще одни специфический декоративный прием, характеризующий сейминско-турбинские бронзы Среднего Иртыша и лесостепного Алтая.

Судя по имеющимся данным, рифленый, или зубчатый, контур округлой объемной формы выступал как художественно-семантический прием, который был присущ целому кругу синхронных культурных традиций первой половины II тыс. до н. э. В частности, особо выделим композицию на роговой пластине подковообразной формы из мог. «Стрелка». Примечательна поза «бегущих» животных и их расположение на пластине по условному замкнутому кругу. По мнению Д. Г. Савинова, заполированная сторона пластины (с нагибом влево) является лицевой [11, с. 115 – 117, рис. 3]. Автор находки специально отметил прием передачи зубчиками «взъерошенной шерсти», что вызывает ассоциации со стоящей гривой лошади на ноже из Ростовки, которая, как уже отмечено выше, рельефно передана с левой – лицевой стороны.

Прием адаптации морфологических особенностей вещи из чужого культурного арсенала Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых усматривают в одном из ростовкинских ножей [8, с. 23, рис. 28]. По мнению специалистов, нож был отлит из оловянной бронзы, видимо, на месте, но по чужеродной модели [7, с. 194]. В связи с этим сошлемся на металлический кинжал из Галичского кла-

да, рукоять которого завершается змеиной головой с открытой пастью. Для этого изделия О. В. Кузьмина предположила «турбинское литье» и «абашевский сюжет» [5, с. 100]. Художественные приемы оформления ростовкинских бронз демонстрируют не только внутреннее единство, но и тесные связи с особенностями древнего изобразительного творчества лесостепной зоны Западной Сибири. Эти связи в каждом конкретном случае выступали как заимствование, адаптация или, напротив, культурное влияние. В бронзовых изделиях из могильника «Ростовка» представлены изобразительные приемы декоративной разделки поверхности, которые, с учетом их присутствия на негативах литейных форм, судя по всему, принадлежат к ремесленной традиции населения, оставившего этот памятник. Вполне вероятно, что это население имело смешанный состав. Но, несомненно то, что за производственной традицией Ростовки стояло какое-то специализированное объединение. Поэтому, применительно к особенностям декоративного оформления ростовкинских бронз, можно использовать понятие «изобразительная школа». Разумеется, его использование носит в известной мере условный характер, но отметим следующее. Применительно к сейминско-турбинским декоративно оформленным бронзам можно говорить о том уровне культурного развития, в рамках которого художественное производство (вещей) еще не стало производением искусства. Отливка художественных форм выступала как одно из умений наряду с плавкой металла, отливкой и ковкой изделий утилитарных. Однако, поскольку центр металлообработки был связан с деятельностью тесно организованной (специализированной) группы мастеров, которые разработали и практиковали общие технико-стилистические и декоративные приемы, то, следовательно, изобразительное творчество подобного корпоративного объединения вполне соответствует содержанию термина «школа».

В одном из своих специальных исследований согдийских серебряных изделий Б. И. Маршак указал на то, что сходство в малозаметных приемах выполнения деталей и целых образов достаточно надежно позволяет относить вещи к произведениям мастеров с традицией, восходящей к общим учителям, т. е. мастеров одной школы. В таких приемах сильна формальная сторона и менее всего сказываются представления заказчиков. Наиболее четко формальная сторона выступает в трассировке линий и разделке поверхностей [7, с. 16, 17]. Даже если предположить, что изделия сейминско-турбинских типов предназначались для весьма узкой сферы потребления, то это еще не означает, что отсутствовал социальный заказ как таковой. Несомненно, сама традиция декоративного оформления престижных изделий скульптурными изображениями была определена именно внешними по отношению к ремесленному производству требованиями. В то же время малозаметные на первый взгляд декоративные приемы могли быть связаны с предпочтениями непосредственных производителей. С их «фирменными» технико-стилистическими приемами.

Декоративные валики на ушках и цепочки треугольных зубчиков на конструктивных деталях бронзовых изделий были лишь эмблематическими особенностями традиции ростовкинской «школы», за которой стоит более глубокое содержание. В рамках этого круга мастеров осуществлялась творческая переработка художе-

ственных образов в духе культурно-исторических реалий сейминско-турбинского хронологического горизонта.

Ростовкинская изобразительная «школа» – явление не уникальное для времени коренных перемен не только в технологической сфере, но и в самой организации производства, в том числе производства художественного. Иконографический канон и серийность орнаментальных и иных изобразительных образов (ср. ножи из Елунино-I и Усть-Муты) специфически окрашивают художественную практику в новых исторических условиях. На юге Западной Сибири технологии, связанные с использованием оловянных бронз, могут служить важным индикатором культурных процессов. Формы для отливки кельтов с рифлеными ушками в комплексе Самусь IV свидетельствуют о местном производстве, продолжающем традицию декоративного оформления престижных изделий ростовкинских мастеров. Специализированное художественное производство могло сформироваться, вероятно, только в условиях процессов внутренней специализации в той отрасли производства, с которой оно было непосредственно связано. Но не менее важным фактором были новые формы общественной жизни и, как следствие этого, – усложнившаяся потребности ритуальной сферы. В более развитых культурных традициях металлические изделия существенно потеснили другие категории ритуальных атрибутов. Там же, где вещное оформление ритуала в значительной мере сохраняло архаические черты, появление изделий из бронзы свидетельствует об усложнении и новом содержании ритуальной практики. Показа-

тельно, например, что среди металлических изделий черновского этапа окуневской культуры примерно половина легирована оловом [13, с. 243]. Ссылаясь прежде всего на материалы Черновой VIII, Е. А. Миклашевич предположила существование в окуневском обществе категории лиц («художники для ритуалов»), выполнявших специальную функцию – раскрашивание тел, погребальных одеяний, изваяний, плит для похорон и других ритуалов. Возможно, эта «профессия» была наследственной [9, с. 24, 25].

Характеризуя окуневскую изобразительную практику, исследователи свободно оперируют весьма емким и трудноопределяемым понятием «стиль» [12, с. 92 – 103]. Может быть, для некоторых случаев следует ограничиться менее масштабными определениями и обратиться к культурно-историческому контексту изобразительной практики. Сказанное непосредственно относится и к исследованиям, посвященным анализу «сейминско-турбинского стиля». Торчащая грива коня и круглая шапочка лыжника, безусловно, являются важными иконографическими деталями ростовкинской скульптурной композиции, но известно, что признаки, определяющие первое впечатление от предмета, путешествуют вместе с сюжетами по городам и странам [7, с. 17]. В то же время некоторые малозаметные приемы декоративной отделки, как мы попытались показать, имели несравненно более локальный характер распространения и могут свидетельствовать о зарождении и развитии изобразительных приемов, связанных с деятельностью профессионально организованной группы мастеров.

Литература

1. Бадер, О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы / О. Н. Бадер. – М.: Наука, 1970. – 176 с.
2. Бобров, В. В. Бронзовые изделия самусьско-сейминской эпохи из Кузнецкой Котловины / В. В. Бобров // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1.
3. Кирюшин, Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири / Ю. Ф. Кирюшин. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. – 294 с.
4. Ковтун, И. В. Древнейшие скульптурные изображения лошадиных «причесок» в Северной и Центральной Азии / И. В. Ковтун // Тропой тысячелетий: к юбилею М. А. Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008.
5. Кузьмина, О. В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры / О. В. Кузьмина // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб.: Европейский Дом, 2000.
6. Кунгуров, А. Л. Проблемы изучения древней и средневековой истории / А. Л. Кунгуров, В. В. Горбунов. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2001.
7. Маршак, Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевики / Б. И. Маршак. – М.: Наука, 1971. – 191 с.
8. Матющенко, В. И. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска / В. И. Матющенко, Г. В. Сеницина. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1988. – 136 с.
9. Миклашевич, Е. А. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника «Лебяжье» / Е. А. Миклашевич // Вестник САИПИ. – 2003 – 2004. – Вып. 6 – 7.
10. Молодин, В. И. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бутровщичества XXI века) / В. И. Молодин, А. В. Нескоров // Археология, этнография и антропология Евразии. – Вып. 3 (43). – 2010.
11. Савинов, Д. Г. Окуневские могилы на севере Хакасии / Д. Г. Савинов // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981.
12. Савинов, Д. Г. Некоторые аспекты теоретического изучения петроглифов (по материалам Центральной Азии и Южной Сибири) / Д. Г. Савинов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2 (38). – 2009.
13. Хаврин, С. В. Металлические изделия окуневской культуры / С. В. Хаврин // Окуневский сборник 2. культура и ее окружение. – СПб.: СПбГУ, 2006.
14. Черных, Е. Н. Древняя металлургия Северной Евразии / Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых. – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Информация об авторе:

Михайлов Юрий Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры России, КемГУ.

Mikhailov Yuri Innokentievich – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History and Culture of KemsU.

УДК94(571.1):656.2.07”1950/2000”

**ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

С. Е. Мишенин

**INSTITUTIONALIZATION OF INDUSTRIAL RAILWAY TRANSPORTATION IN WESTERN SIBERIA
IN THE SECOND HALF OF XX CENTURY**

S. E. Mishenin

Статья посвящена оформлению подотрасли «железнодорожный транспорт в Западной Сибири». В центре внимания автора – формы организации транспортных структур и логика развития транспортных предприятий. В материале аргументируется момент признания автономности промышленного железнодорожного транспорта, выявляются основные формы его организации и управления, а также логика развития. Обращается внимание на позиции отставания промышленного транспорта от магистрального в контексте развития противоречий всей советской системы.

The article is devoted to the organization of the sub-sector of a railway transportation in Western Siberia. The author focuses on the forms of the transport structures organization and the logic of transport companies development. The time of recognition of industrial railway transportation autonomy is marked, the basic forms of its organization and management, as well as the logic of its development are revealed. The author emphasizes the position of the industrial transport as posterior of the main-line transport in context of the Soviet system's general contradictions development.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, объединенные погрузочно-транспортные управления (ОПТУ), межотраслевые промышленные предприятия железнодорожного транспорта (МППЖТ).

Keywords: railway transportation, incorporated loading-transport departments, the inter-industrial enterprises of railway transportation.

Советская система – историческое явление. У нее было немало проблем. Но одним из достижений было стремление упорядочить общественные связи, чем облегчить движение к политической цели. Хотя – нельзя не признать, что эта цель – особенно в последнее десятилетие существования СССР, все более теряла общезначимый характер. Движение все больше проходило формально, по затухающей инерции. Но и в этом формальном движении система вышла на общезначимое, которое требует внимания и оценки. Такой процесс нуждается в организационном, правовом и понятийном оформлении, т. е. их институционализации. Процесс этот идет с разной скоростью в разных сферах и пространствах. Отслеживание его – одна из задач исторического знания. Потребность в ее решении связана не только со стремлением полнее познать в развивающемся многообразии исторический процесс, но и с тем, чтобы экономить усилия при организации подобного процесса в отношении очередных объектов институционализации.

Примерно 1200 предприятий Кемеровской области в середине 1960-х – 1980-х гг. пользовались услугами железнодорожного транспорта [1, л. 98; 2, л. 31]. До настоящего времени историки уделяли то или иное внимание предприятиям, отраслям, процессу производства той или иной продукции, железным дорогам как главным перевозчикам этой продукции. Но то, как и кто доставлял эту продукцию от заводского склада к магистральной сети – оставалось вне внимания. Этот сюжет принадлежит к одним из наименее изученных сюжетов в отечественной историографии.

Цель статьи состоит в том, чтобы доказать, что промышленный железнодорожный транспорт как подотрасль железнодорожного транспорта оформился в 1960-е – 1980-е гг. В качестве задач выделим две: представим процесс формирования структур организации промышленного железнодорожного транспорта в Западной Сибири и обозначим логику его развития. Главным процессом этого времени было осуществление и развитие экономической реформы 1965 г., которая логично подвела к необходимости рыночной трансформации всей системы.

Методологической основой разработки этой темы послужили методы структурного и функционального анализа, принципы историзма, детерминизма и поведенческого подхода.

Особенность архивных источников в том, что специальных фондов структур промышленного транспорта в Западно-Сибирских архивах не формировалось. Документы оказались рассредоточенными по разным фондам (Кемеровского, Новосибирского, Омского обкомов КПСС, Западно-Сибирской и Кемеровской железных дорог, угольных комбинатов, объединений и т. д.). Они представлены, главными образом, справками, а также статьями в центральной отраслевой и местной периодической печати. Анализ материала подвел к следующим позициям.

Промышленные предприятия в советской системе размещались с учетом развития сети железных дорог как главных перевозчиков продукции. До 1960-х гг. вывоз готовой продукции промышленных предприятий на

железнодорожные станции системы Министерства путей сообщения (МПС) СССР осуществлялся каждым предприятием, трестом или комбинатом самостоятельно. Для этого в их структуре были специальные транспортные подразделения со своим транспортом. Учитывая объем и значимость вывозимой и привозимой продукции, в плановом порядке, по согласованию с министерствами и ведомствами, определялось: либо они ориентировались на конкретные станции (а там могли иметь свои грузовые площадки), либо располагали своими подъездными путями со своим подвижным составом и иными обслуживающими их структурами. В этом случае предприятия своим подвижным составом доставляли груз до близлежащей магистральной станции и передавали его МПС СССР.

Только в Кемеровской области подъездные пути находились в ведении 40 министерств и ведомств [3, л. 8; 4, л. 1]. Основная часть грузоотправителей была представлена сравнительно небольшими предприятиями. Их многочисленные малодетальные железнодорожные цехи (84 % от общего количества) выполняли лишь 10 % объема перевозок, а отвлекали до 40 % материальных и трудовых ресурсов промышленного железнодорожного транспорта. Им не под силу было содержать современный парк подвижного состава, обустраивать свои подвижные пути, обеспечивать стабильно функционирующий фронт погрузочно-разгрузочных работ [5, 16].

В условиях роста промышленного производства и объема перемещаемых грузов, увеличения числа транспортных подразделений у промышленных, строительных и торговых организаций, советское руководство стало обращать внимание на производственную инфраструктуру, неотъемлемой частью которой становился транспорт. Выход из положения виделся в процессе укрупнения многочисленных транспортных единиц. Это стимулировало поиск путей к кооперации малодетальных транспортных цехов [5, с. 16]. Это вполне согласовывалось с идеями хозяйственной реформы 1965 г. и особенно с идеей концентрации производства и управления, которая активно осуществлялась с начала 1970-х гг. Применительно к промышленному железнодорожному транспорту, это связывалось с двумя обстоятельствами.

Во-первых, ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное Постановление «Об улучшении работы промышленного железнодорожного транспорта» за № 338 от 2 июля 1971 г. [6, с. 53 – 57; 7, 3]. Это постановление констатировало новую реальность во взаимодействии железнодорожного транспорта с промышленностью в СССР и поручило Госстрою СССР с участием Совета Министров союзных республик, министерств и ведомств СССР разработать комплекс новых нормативных документов для промышленного транспорта. С учетом этого стали формироваться структуры организации промышленного железнодорожного транспорта и их штатные расписания, разрабатываться основные направления комплексного развития промышленного транспорта на 1972 – 1980 гг., схемы размещения отраслевых и межотраслевых баз депо, ремонтного подвижного состава, межотраслевых баз централизованного заводского ремонта дизелей всех типов, путевых машин, грузоподъемных кранов, экска-

ваторов, бульдозеров, автопогрузчиков и других механизмов, в том числе – в Западной Сибири [8, 5].

Во-вторых, с 1972 г. начал издаваться специализированный отраслевой журнал – «Промышленный транспорт». Он был призван выявлять транспортные проблемы основных отраслей материального производства, быть площадкой обмена опытом по их решению как в СССР, так и за его пределами.

Были выработаны три основные схемы, или направления, работы по объединению транспортных цехов: принятие на баланс МПС СССР подъездных путей промышленных предприятий, создание объединенных погрузочно-транспортных управлений (ОПТУ), образование межотраслевых промышленных предприятий железнодорожного транспорта (МППЖТ) [9, с. 15; 10, с. 3; 11, с. 28]. Они были опробованы на протяжении 1960-х – 1980-х гг.

Под первую схему подпали малодетальные подъездные пути, на которых не осуществлялись технологические перевозки. Они подлежали передаче железным дорогам. В 1960-х гг. (точнее, с 1962 г. [12, с. 7]) эта работа проводилась довольно успешно. Начиная с 1970-х гг., положение изменилось [5, с. 16]. В условиях перехода к системе хозяйствования, заложенной реформой 1965 г., железным дорогам стало не выгодно обслуживание малодетальных путей – слишком низка была там фондоотдача [12, с. 6]. В результате передача подъездных путей на баланс железных дорог, по существу, прекратилась [5, с. 16]. Это подтверждают и следующие данные по СССР. За 1960 – 1985 гг. с баланса промышленных предприятий на баланс МПС в целом по СССР было передано около 22 тыс. км подъездных путей, не имеющих технологических перевозок. Из них за 1963 – 1965 гг. было передано 14 тыс. км, за следующие 15 лет (1966 – 1980 гг.) – еще 6 тыс. км, а за 1981 – 1985 гг. – только 1960 км [8, с. 5].

Сохранение малодетальных железных подъездных путей и транспортных цехов стало одной из причин консервации отсталости экономической и в целом общественной системы, а также одним из многочисленных факторов ее развала.

Ко второй группе были отнесены крупные транспортные цеха предприятий черной, цветной металлургии, угольной промышленности [13, с. 2; 9, с. 15]. Для этого образовывались структуры типа объединенного погрузочно-транспортного управления – ОПТУ. Они вбирали в себя малые ПТУ и транспортные цеха предприятий, трестов. Было заложено два варианта этой формы, различающиеся тем, есть ли в составе клиентов предприятия (юридические лица) других ведомств.

В Западной Сибири первый опыт организации подобных структур был еще в 1966 г. в рамках борьбы за концентрацию и кооперирование производственных связей в форме объединенного транспортного цеха на базе железнодорожного цеха Новокемеровского химического комбината (НКХК, впоследствии ПО и позже ОАО «Азот»). Но, как признавали документы, в 1966 г. эта форма была слишком «сыра», чтобы ее широко распространять [14, л. 51]. Но уже в начале 1970-х гг. эта идея стала «рабочей». В стране малые предприятия железнодорожного транспорта были объединены в 280 объединенных железнодорожных транспортных хозяйств [10, с. 3].

В Западной Сибири она получила широкое распространение только в угольной промышленности Кемеровской области. Сначала это были ПТУ (ОПТУ) комбинатов «Кузбассуголь» и «Кузбасскарьеруголь». После очередного укрупнения структур угольной промышленности транспортное обслуживание предприятий осуществляли по той же схеме. Были организованы ПТУ ПО «Южкузбассуголь» (Мыски), Междуреченское ПТУ ПО «Кемеровоуголь» и др. [15, л. 1].

Третий вариант укрупнения структур промышленного транспорта предполагал образование межотраслевых хозрасчетных промышленных предприятий железнодорожного транспорта (МППЖТ). Сначала они входили в систему республиканских министерств автомобильного транспорта общего пользования и обслуживали предприятия и организации промышленного района, независимо от их ведомственной принадлежности. Такая форма рассматривалась как наиболее совершенная организация промышленного транспорта [11, с. 28].

Прообразом такой формы организации промышленного железнодорожного транспорта стали объединенные железнодорожные хозяйства – ОЖДХ транспортных управлений СНХ, возникшие в конце 1950-х гг. В их составе было Единое административное управление, курировавшее деятельность подъездных путей всех промышленных предприятий. Потом начали образовываться объединенные железнодорожные хозяйства – ОЖДХ – с Единым административным управлением. Они объединяли, как правило, маломощных, технически маломощных грузоотправителей. Но базой таких структур обычно были предприятия с крупными транспортными подразделениями.

В числе первых в СССР в 1960 г. на станции Березники Пермской области было образовано Березниковское ППЖТ [16, с. 156 – 157; 17, с. 4]. Всего в СССР к 1976 г. было организовано 238 таких объединений [11, с. 28; 18, с. 2]. После ряда реорганизаций на начало 1987 г. в СССР действовало 160 ППЖТ. Они были образованы в РСФСР, УССР, БССР и Армянской ССР и обслуживали 5,7 предприятий более 100 министерств и ведомств [19, с. 3 – 4].

В Западной Сибири этот процесс начался позже. В 1961 г. на базе транспортных цехов промышленных предприятий было создано Омское предприятие промышленного железнодорожного транспорта (ОмППЖТ) [20, с. 20] и Новосибирское межотраслевое предприятие железнодорожного транспорта № 1 [21, л. 5 – 19, 121 – 122, 134]. В этом регионе система управления МППЖТ была организована следующим образом. Первоначально организационным центром был Новосибирск. В 1965 г. сложилось Новосибирское (как Сибирское [22, л. 57; 23, с. 1; 24, с. 2; 25, с. 1]) территориальное объединение [предприятий промышленного железнодорожного транспорта Новосибирской, Кемеровской, Омской и Томской областей, а также Алтайского края [26, с. 3]. В его в составе были:

– 6 ППЖТ в Кемеровской области [27, л. 1], где создание их началось с 1973 г. и продолжалось до середины 1980-х гг. Это – Беловское [28, л. 19 – 21; 29, с. 2], Южно-Кузбасское (Мыски) [30, с. 2 – 3] и др. В Кемерово в 1986 г. на базе железнодорожного цеха Кемеровского коксохимического завода Министерства угольной

промышленности СССР было создано межотраслевое ППЖТ [31, л. 9 – 11];

– 3 предприятия в Новосибирской области (МППЖТ № 1 (на базе станции Новосибирск-Западный), НППЖТ № 2 на базе станции Чемская, МППЖТ № 3 на базе станции Новосибирск-Восточный [22, л. 57; 23, с. 1; 24, с. 2; 25, с. 1; 30, с. 2 – 3];

– по 1 ППЖТ в Омской, Томской областях и Алтайском крае [32, л. 138, 141; 33, с. 3].

Отдельно существовало Тюменское территориальное объединение предприятий промышленного железнодорожного транспорта (ТО ППЖТ) [Тюменской области] в составе сначала двух предприятий: Тюменского [30, с. 2 – 3] и Тобольского [34, с. 3]. Последним в Западной Сибири в 1988 г. было образовано Сургутское ППЖТ Тюменского ТО ППЖТ [35, с. 2].

Таким образом, если в масштабах страны численность ППЖТ сокращалась, то в Западной Сибири наблюдалась противоположная тенденция, что было связано с незавершенностью первоначальной индустриализации региона.

Первоначально наиболее крупные ППЖТ были организованы в объединение «Промжелдортранс» Министерства автомобильного транспорта РСФСР. Они обслуживали более чем 3 тыс. промышленных предприятий и организаций [9, с. 15; 11, с. 26]. Однако эти структуры все более стали отстаивать местные узковедомственные интересы предприятия, не всегда учитывали необходимость сотрудничества с МПС СССР, в частности, не проявляя заинтересованности и в росте грузоподъемности отдельного вагона, рационального составления его маршрута. В результате следовали авралы на подъездных путях, рост простоя вагонов, не повышался средний вес поезда, не рос оборот вагона.

Выход нашли в создании специализированной ветви МПС СССР – промышленного железнодорожного транспорта во главе с главком МПС СССР «Промжелдортранс» [36, л. 4]. Это было осуществлено на основе Постановления Совета Министров СССР № 312 от 20 апреля 1978 г. А в 1979 г. МПС СССР приняло для нового образования «Отраслевое положение» [16, с. 157; 37, с. 2].

Службы ОПТУ и ППЖТ соответствовали службам магистрального железнодорожного транспорта, но размеры ответственности, кадровый состав и материально-техническая обеспеченность были скромнее [38, л. 1, 28].

ОПТУ и ППЖТ были хозрасчетными предприятиями. Каждое из них имело свой счет в Госбанке СССР и Стройбанке [39, л. 1]. Производственными показателями ОПТУ являлись грузоперевозки в тоннах, грузооборот – в тонно-километрах, простой вагонов – в вагоно-часах. Расчеты за грузоперевозки с клиентами производились в тонно-километрах [40, с. 1]. Только не следует забывать, что советский хозрасчет означал расчет не с реальными, непосредственными потребителями, а с государством, исходя из его норм. Поэтому во главе стояли интересы государства, а точнее, тех сил, которые стояли за этим государством.

Из многих ППЖТ страны ЦК КПСС отмечал опыт ППЖТ в Красноярском крае, Владимирской, Новосибирской областях [4, л. 3].

Итак, в 1960-х – 1970-х гг. были заложены основы организации промышленного железнодорожного транспорта в формах отдельных транспортных цехов, ПТУ (ОПТУ) и ППЖТ (МПЖТ). Большие и масштабные организационные мероприятия были возможны потому, что это позволила монополия государственная собственность на основные средства производства. В результате советской экономической системы промышленный железнодорожный транспорт получил устойчивый подотраслевой статус. Перспективными рассматривались две последние. Из них наиболее слабым звеном рассматривались ПТУ (ОПТУ). В этой структуре проявились в наиболее острой форме основные проблемы промышленного железнодорожного транспорта. Они автору видятся в следующем.

Во-первых, по своему техническому и технологическому оснащению промышленный транспорт отставал как от магистрального, так и от потребностей грузополучателей и грузоотправителей. Поэтому здесь отмечалась недостаточная механизация труда. В частности, ОПТУ рассматривалось не как основное производство, а как вспомогательное. Для магистрального железнодорожного транспорта это был смежник. А в государственной политике акцент делался на механизацию, потом комплексную механизацию и автоматизацию основных производственных процессов.

К тому же в недалеком прошлом плохое развитие путевого хозяйства [38, л. 52] было связано с тем, что значительная часть предприятий строилась задолго до середины 1960-х гг., в 1930-е – 1940-е гг., когда об обороте грузов второй половины XX века понятия не имели. Да и строились промышленные пути в условиях форсированных процессов, с минимальными затратами. Механизация погрузки угля достигала только 17 % [41, л. 43]. О невысоком уровне механизации работ и наличии механизмов в ОПТУ говорила и небольшая доля инженеров и техников в штате предприятия, например: 3 инженера и 9 техников на 379 человек по службе движения [38, л. 52]. Не случайно на чрезвычайные разгрузочные работы привлекались даже подростки [41, с. 13]. Объективно при всех своих стремлениях ОПТУ должно было ждать момента, когда ее предмет деятельности станет особенно значимым для союзного руководства. И только после этого можно было надеяться на существенные реконструктивные процессы.

Во-вторых, большинство транспортных цехов оставались малодейственными. На 1985 г. в народном хозяйстве СССР насчитывалось свыше 17 тыс. железнодорожных цехов. Но на 80 % протяженность подъездных путей не превышала 5 км. Половина из них содержали на своем балансе 1 – 2 локомотива и обрабатывали в сутки до 10 вагонов. Производительность в таких цехах была в 4 – 4,5 раза ниже, чем в среднем на промышленном железнодорожном транспорте [8, с. 5]. Они выполняли только 15 % общего объема погрузочно-разгрузочных работ и перевозок промышленного железнодорожного транспорта. В то же время 9 % железнодорожных цехов, имеющих протяженность железнодорожных путей более 25 км, выполняли 75 % всего объема погрузочно-разгрузочных работ и перевозок [10, с. 3]. Содержание этого хозяйства было сложным делом. Транспортные издержки составляли до 12 % всех затрат на выпуск продукции [42, с. 1].

В-третьих, определяющим оставалось экстенсивное развитие. При этом ресурсы «вымывались», а «советский вариант» «революции в доходах» стимулировал работников на поиск более оплачиваемой работы. Соответственно, тяжелый, недостаточно оплачиваемый труд на ряде рабочих мест в ОПТУ отпугивал потенциальных работников. К занятию в этих профессиях не привлекали низкие тарифные ставки. Потом к этому добавился и такой фактор, как невозможность обеспечения нуждающихся (по официальным раскладкам) работников квартирами. ПТУ испытывали дефицит рабочей силы, особенно по таким профессиям, как кочегары, помощники машинистов, сцепщики и составители, а также путевые рабочие. Но, если с рабочими, занятыми тяжелым ручным трудом, администрация ОПТУ испытывала дефицит, то с ИТР, техниками и служащими – перекомплект [43, л. 7].

В-четвертых, еще одной проблемой работы промышленного железнодорожного транспорта, особенно ПТУ, стала недогрузка вагонов. Типичным стал недогруз вагонов до технической нормы на складах и пропуск этого нарушения со стороны приемосдатчиков подъездных путей. Положение не могли исправить работа руководства станций с руководством ОПТУ, рейды групп народного контроля. Причины его были различными. Называют и невыполнение плана по добыче угля. В этом случае недогруз вагонов был маскировкой неудовлетворительной работы предприятия: количеством отправляемых вагонов маскировали их неполную загрузку. Документы называют еще две причины: неудовлетворительную организацию работ при выгрузке угля, поломку и ремонт различных механизмов [43, л. 7].

В-пятых, негативной чертой работы ОПТУ стали перепростой вагонов. Нарушались нормы простоя вагонов, особенно с грузами леса, цемента, инертной пыли, а по времени обработки вагонов особенно были уязвимы ночные часы, праздничные и выходные дни [43, л. 29]. Беспокоило руководства станций увеличивающееся количество «больных» вагонов, которыми вынуждены были забивать подъездные пути. Ни грузополучатели, ни грузоотправители не стремились ремонтировать их, а норм для ощутимого и персонального штрафования в советском законодательстве не было [44, с. 1]. Особенно трудоемки были работы по выгрузке: выше и по норме, и по реальному выполнению работ [41, л. 29 – 30].

Это – в масштабах страны. Такая же картина складывалась и в ее регионах. Так, в г. Кемерово 180 предприятий имели свой железнодорожный транспорт, но 150 из них пользовались им эпизодически. Здесь насчитывалось 27 отдельных железнодорожных цехов, более 100 локомотивов, 417 км путей. На них работало 4 тыс. человек. Производительность труда здесь была в 4 раза ниже, чем по промышленному железнодорожному транспорту региона, а по локомотивному хозяйству – в 10 раз [4, л. 2]. Более 700 таких предприятий (или 80 % от их числа) не выполняли норму простоя вагонов, а некоторые завывали в 4 – 5 раз. К числу таких предприятий в Кемеровской области относились Кемеровский завод химических продуктов, «Ленинскимпром», Кемеровская механизированная колонна № 53, Кузбасское управление «Вторцвет-

мет», Кемеровский горплодоовощторг, ПО «Азот», ОЖДХ-2 «Стройиндустрия», НПО «Карболит» и др. В 1986 г. каждый 3-й вагон находился на подъездных путях предприятий под погрузкой и выгрузкой на 30 % больше отведенного нормой. Это увеличивало оборот вагона в целом по дороге на 1,04 часа [41, л. 2].

В-седьмых, была и такая практика, как максимально завышенный заказ на порожняк (на случай его недопоставки), а в случае снижения добычи или производства – односторонний отказ от вагонов [41, л. 18; 43, л. 15]. В этом случае «крайним» оказывалось ОПТУ: ему приходилось проводить дополнительные маневровые работы на путях, дополнительно координировать работу с магистральными подразделениями МПС.

Как в этих условиях развивалась подотрасль? Первое время удалось поддерживать соответствие между оснащенностью предприятий и оборудованием, особенно ППЖТ: многое строилось и оснащалось всем необходимым от «0». Это помогало достигать рационализации в рамках нового образования в использовании вагонного и локомотивного парков, ускорять оборот вагонов. Так, за 1961 – 1971 гг. этот показатель удалось снизить в 2 раза – с 22 до 12 часов.

Но уже в 1970-е гг. положение изменилось в сторону ухудшения – технологическая дисциплина и экстенсивный путь развития сделали свое дело – ремонтная база ППЖТ стала ухудшаться, малая строительная база

не позволяла самостоятельно вести новое строительство и реконструкцию. Нарушалось финансирование. Приписки и фиктивные договора снижали преимущества объединенного транспортного хозяйства [21, л. 5 – 19, 135 – 137].

В 1985 г. развитие железнодорожного транспорта, как магистрального, так и промышленного, отставало от наращивания промышленных мощностей [45, л. 146], а развитие промышленного железнодорожного транспорта – от уровня оснащения магистрального [4, л. 1]. Половина локомотивного транспорта стало мало-мощным, 900 км (40 % общей протяженности подъездных путей) было уложено рельсами легкого типа. Не развита была длина приемо-отправочных путей промышленных станций, это не позволяло принимать длинносоставные поезда. Отставала механизация погрузочно-разгрузочных работ [4, л. 1].

Таким образом, за последние десятилетия своего существования советская система выдвинула вполне логичные формы организации подотрасли, но так и не смогла преодолеть одного из своих пороков: невнимания к инфраструктуре. Если в начале своего существования это было вполне достаточно и необходимо для обеспечения форсированного развития, то в последнее десятилетие стало источником проблем, которые советская система так и не смогла решить.

Литература

1. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 48. Д. 92. Л. 98.
2. ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 1042. Л. 31.
3. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 57. Д. 33. Л. 8.
4. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 57. Д. 200. Л. 1.
5. Миронов, В. М. [Выступление на «Круглом столе» журнала «Промышленный транспорт» на тему: «Совершенствовать структуру управления промышленным транспортом»] / В. М. Миронов // Промышленный транспорт. – 1978. – № 7.
6. О развитии железнодорожного транспорта в 1971 – 1975 гг.; Об улучшении работы промышленного железнодорожного транспорта; О повышении минимального размера заработной платы и увеличении ставок и окладов среднеоплачиваемых рабочих и служащих железнодорожного транспорта и метрополитенов и о мерах по закреплению кадров на железнодорожном транспорте: Постановления ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС от 2 июня 1971 г. [Изложение] // Справочник партийного работника. – Вып. двенадцатый / редкол.: К. М. Боголюбов, П. Г. Мишунин, Е. З. Разумов, Я. В. Сторожев. – М.: Политиздат, 1972.
7. Гельман, А. С. Весомый вклад проектировщиков и ученых / А. С. Гельман, С. Д. Чубаров // Промышленный транспорт. – 1977. – № 10.
8. Чубаров, С. Д. Эффективность комплексного развития промышленного железнодорожного транспорта / С. Д. Чубаров, В. Е. Табаричев // Промышленный транспорт. – 1986. – № 2.
9. Семенов, Г. Г. [Выступление на «Круглом столе» журнала «Промышленный транспорт» на тему: «Совершенствовать структуру управления промышленным транспортом»] / Г. Г. Семенов // Промышленный транспорт. – 1978. – № 7.
10. Берников, Л. Н. Промышленный транспорт в девятой пятилетке / Л. Н. Берников // Промышленный транспорт. – 1972. – № 1.
11. Минюхин, В. И. Перспективы объединенных хозяйств промышленного транспорта / В. И. Минюхин, Н. Н. Павлюк // Железнодорожный транспорт. – 1976. – № 8.
12. Вишневецкий, И. Д. Активизировать передачу малодетальных подъездных путей / И. Д. Вишневецкий // Промышленный транспорт. – 1973. – № 10.
13. Ивакин, В. Алтайская прицепка к маршруту пятилетки / В. Ивакин // Гудок. – 1967. – 30 мая.
14. ГАКО. Ф. П-126. Д. 62. Л. 51.
15. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 57. Д. 201. Л. 1.
16. Шиманович, Г. М. История грузовой службы Свердловской железной дороги 1936 – 2001 гг. / Г. М. Шиманович, Г. М. Штейнфер. – Екатеринбург: СВ-96, 2003.
17. Гиндин, М. Г. Предприятия Московского отделения промышленного железнодорожного транспорта / М. Г. Гиндин // Промышленный транспорт. – 1974. – № 5.
18. Минюхин, В. И. Объединения – будущее промтранспорта / В. И. Минюхин // Гудок. – 1976. – 4 февр.

19. Совершенствование организации работ на промышленном транспорте [Передовая] // Промышленный транспорт. – 1987. – № 1.
20. ИАОО. Ф. П-9681. Оп. 1. Д. 1215. Л. 20.
21. ГАНО. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 1926. Л. 5 – 19, 121 – 122, 134.
22. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 77. Д. 139. Л. 57.
23. Гудок. – 1979. – 27 апр.
24. Гудок. – 1987. – 27 янв.
25. Гудок. – 1990. – 2 нояб.
26. Минюхин, В. И. Совершенствовать работу межотраслевых транспортных хозяйств / В. И. Минюхин // Промышленный транспорт. – 1972. – № 3.
27. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 60. Д. 116. Л. 1.
28. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 38. Д. 170. Л. 19 – 21.
29. Николаев, Н. Должность по наследству / Н. Николаев // Гудок. – 1991. – 13 февр.
30. Гудок. – 1988. – 3 февр.
31. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 60. Д. 67. Л. 9, 11.
32. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 77. Д. 139. Л. 57.
33. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 85. Д. 285. Л. 138, 141.
34. Тулеев, А. Поворот к живому делу / А. Тулеев // Гудок. – 1986. – 17 авг. / Партийная жизнь: шаги перестройки.
35. Гудок. – 1991. – 21 февр.
36. Делюкин, В. Были премии, стали штрафы / В. Делюкин // Гудок. – 1988. – 5 сент.
37. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 32. Д. 127. Л. 4.
38. Аникин, И. Экономика промышленного транспорта [Рец. на кн.: Дмитриев, А. В. Экономика промышленного железнодорожного транспорта: учебное пособие для студентов вузов железнодорожного транспорта по специальности «Промышленный транспорт» / А. В. Дмитриев, В. И. Зеленков, В. В. Клигман, А. Д. Шишков. – М.: Транспорт, 1981] // Гудок. – 1981. – 24 дек.
39. ГАКО. Ф. Р-177. Оп. 13. Д. 715. Л. 1, 28.
40. ГАКО. Ф. Р-177. Оп. 13. Д. 1055. Л. 1.
41. Дмитриев, В. Нет у переправы хозяина / В. Дмитриев, В. Клигман. // Гудок. – 1987. – 27 окт.
42. ГАКО. Ф. Р-177. Оп. 13. Д. 715. Л. 52.
43. Резервы промышленного транспорта // Гудок. – 1967. – 21 марта.
44. ГАКО. Ф. Р-177. Оп. 13. Д. 841. Л. 7.
45. ГАКО. Ф. П-15. Оп. 35. Д. 1. Л. 146.

Информация об авторе:

Мишенин Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, КемГУ, 8-903-068-76-76, s-e-m-57@mail.ru.

Mishenin Sergey Evgenyevich – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Contemporary Russian History of KemsU.

УДК [930.1:321.6]

РЕЛИГИОЗНО-КРИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Е. В. Мороз

THE RELIGIOUS-CRITICAL CONCEPTION OF THE TOTALITARIANISM IN THE FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF THE 1930S

E. V. Moroz

В статье анализируется процесс формирования в 1930-е годы религиозно-критической концепции тоталитаризма. Основное внимание уделяется работам известных представителей этой концепции: А. Файлера, П. Тиллиха, В. Гуриана, Эдгара Александра. Через раскрытие содержания этих работ выделяются основные методологические подходы и оценки в изучении тоталитаризма.

The paper analyzes the process of formation of the religious-critical conception of totalitarianism in the 1930s. It focuses on the works of prominent representatives of this conception: A. Feiler, P. Tillich, W. Gurian, Edgar Alexander. After disclosing of the contents of these works the main methodological approaches and assessment in the study of totalitarianism are highlighted.

Ключевые слова: тоталитаризм, историография, религия, диктатура, фашизм, коммунизм.

Keywords: totalitarianism, historiography, religion, dictatorship, fascism, communism.

В 1930-е гг. в зарубежной историографии получило распространение религиозно-сравнительное объяснение тоталитаризма. Попытки объяснения властных режи-

мов, основанных на идеологии, при помощи религиозных понятий и категорий встречаются у различных авторов. Подобная точка зрения на тоталитаризм была

широко распространена в дискуссиях исследователей о современных им диктаторских режимах. В восприятии советского коммунизма и германского нацизма современниками были замечены и описаны религиозные черты этих диктатур. Даже в первых работах по проблеме диктатуры была сделана попытка выделить данный аспект.

Так, уже в предисловии к опубликованному в 1935 г. в США сборнику «Диктатура в современном мире» (представляющему пример систематизированного сравнительного научно-политического анализа различных диктаторских режимов) редактор Г. С. Форд указал, что установленные на сегодня режимы власти, в отличие от диктатур старого типа, стремятся создать сходную религии узаконенную идеологию: «Диктаторы настоящего времени не происходят от тиранов и деспотов прошлого... диктаторы сегодня имеют новую и сильную технику массового контроля в виде пропаганды через радио, кино, прессу, образование и светскую религию их собственного производства» [2].

В статьях сборника для обоснования сравнительного анализа диктатур на первое место были выделены сходные черты религий и современного режима власти. Свое основное внимание авторы обращают на структурно-функциональный аспект исследуемых форм власти [2, с. 19, 93, 98, 102, 151]. М. Лернер в статье «Модель диктатуры» указывает, что в дополнение к власти диктаторские общественные движения получили и материальные привилегии. Первичным источником мотивации стало «небесное видение» новых, иерархических и несовершенных элементов «очищенного общества» – «небесным центром которого является диктатор» [2, с. 1 – 23].

Подобная точка зрения встречается в статье Г. Кона «Коммунистическая и фашистская диктатура». Американский исследователь чешского происхождения делает ударение на происхождения диктатур после Первой мировой войны, когда сложилась своеобразная постдемократическая ситуация. Он также подчеркивает, что режимы фашистского типа сознательно продолжают элементы Французской революции: с Французской революцией их связывают взаимовыходящие традиционные линии – именно благодаря им национализм как высшая легитимизационная инстанция занял место религии. Из-за этого христианское легитимизированно-авторитарное государство в Австрии не причисляют к типам фашистских режимов [2, с. 141 – 160]. При очень обстоятельном анализе для идеологического различия между двумя основными типами современных диктатур Кон употребляет довольно абстрактные определения. Это объясняется тем, что Кон говорит не об «идеологии» – он приписывает им квазирелигиозный характер. Так он излагает тему «мессианского» направления фашизма и коммунизма, которые находятся, с одной стороны, в западне мистического воплощения нации в харизматическом фюрерстве, с другой – в систематической выработке социальных и исторических теорий [2, с. 154]. Из-за абсолютной уверенности в неограниченной осуществимости целей для Кона коммунизм носит характер «религиозной или псевдорелигиозной эсхатологии» [2, с. 156]. Но центральное положение занимает сравнение режимов диктатур с религиями.

Идея о религиозности тоталитарных режимов изложена в работах немецкого экономиста, эмигранта А. Файлера. Еще до эмиграции, после посещения

СССР, он опубликовал книгу, в которой была высказана мысль о том, что религиозный характер советского коммунизма проявился в его решительной враждебности к религии [4, с. 221 – 232].

Файлера интересовали прежде всего экономические аспекты большевистского эксперимента. В центре его внимания были проблемы: доходы, промышленная политика, аграрный коммунизм и положение рабочих и крестьян. Принимая во внимание значение кампании по борьбе с церковью, Файлер не мог не посвятить этой конфронтации старой веры с новой отдельный раздел. Борьбу со «старой церковью» он рассматривает как стремление освободить место в головах и душах людей для марксизма, которое прежде было занято христианской верой. При анализе монополистической позиции новой доктрины Файлер думает о религиозном феномене. Марксистское учение становится обязательной путеводной нитью всей духовной жизни в Советской России, в которой «нет свободы мысли, кроме этой новой религии» [4, с. 226].

Ещё подробнее, чем религиозным положением марксистской идеологии, автор занялся структурой большевистской партии, сходной с церковной. При этом он прежде всего обратил внимание на методы вовлечения в ряды партии и распространения веры среди подрастающего поколения. Наряду с этим было уделено внимание подготовке «низшего клира новой церкви», а именно: партийные школы, в которых на основе догм готовились функционеры местного уровня [4, с. 227]. Файлер приводит своё впечатление об этой выдуманной системе идеологической доктрины в картине яростно нетерпимой «новой церкви»: «Планомерное превращение детей в граждан нового государства, исполненных фанатизма и фанатической веры... это действительно новая церковь, которая планомерно проникает в сердца и головы» [4, с. 231].

Файлер отвёл важное место тоталитарной партии в коммунистическом режиме в своей типологии тоталитарного государства – факт, который указывает на духовную связь между ранней критикой большевизма и развившейся позже критикой тоталитаризма.

После эмиграции в США в 1933 г. А. Файлер в одной из своих статей продолжил исследование религиозности тоталитарных режимов [5, с. 53 – 69]. Так же, как М. Лернер, А. Файлер уделяет внимание тому, как и правые, и левые диктатуры создают общую основную структуру современного режима. Общее в этой структуре – это существование новых главенствующих партий, обладающих «схожими религиозными чертами» [5, с. 59 – 61].

Что касается принципов сравнительного анализа, то они достигаются, согласно Файлеру, в структурных и функциональных параллелях в области организационных методов и механизмов власти, которые являются заинтересованным способом сближения тоталитарных режимов. Файлер понимает «церковно-социологическое образование по аналогии с неограниченным могуществом монополистических государственных институтов в пределах подчиненных им систем» [16, с. 400]. Занимает его также и «понимание функционирования учреждений законности» [16, с. 400], проблема элитного образования в «политических церквях» [5, с. 60]. Современные деспоты имитировали, считает Файлер, испытанное в церковной области разделение населения на клириков и дилетантов. Как и доступ к

статусу клирика, так же ограничено членство в тоталитарных партиях. Допущение к членству в партии, «как и членство в монашеском ордене, должны пройти этапы подготовки» [5, с. 59]. В обороне или защите своего в некотором смысле религиозного кредо современные партии даже еще более нетерпимы, «чем церковь во времена инквизиции и уничтожения еретиков» [5, с. 61]. Новую концентрацию силы в современных диктатурах Файлер выделяет из церковно-исторической и универсально-исторической перспективы. «Впервые в истории Западной Европы, власть государства и церкви была объединена таким образом, что партия определяла одновременно политику и обладала признаками государства» [5, с. 61].

Такой религиозно-сравнительный способ рассмотрения тоталитаризма органично включился в общий контекст академической критики диктатуры. Он опирался и на проведенный в США в 1939 г. симпозиум о тоталитарном государстве, на котором отмечался переход к научному исследованию тоталитаризма [14]. Проблемы религиозности тоталитарных режимов были затронуты в выступлениях Ф. М. Маркса и К. Хейеса.

По Ф. М. Марксу, тоталитарные идеологии заполнили вакуум, возникший из-за падения престижа религии, – уверенностью веры, чтобы с корнем вырвать современного массового человека из привычной среды с целью подавления сопротивления [14, с. 1, 36]. Католический американский историк К. Хейес проводил на том же заседании совершенно те же линии связи между появлением новых видов тоталитаризма и эпохальной тенденцией секуляризации, как и немецкий эмигрант Ф. М. Маркс [14, с. 91 – 102]. К. Хейес оценивает тоталитаризм не только как полностью новую форму диктаторского господства, но и как радикальный разрыв непрерывности в развитии западной культуры.

Хейес устанавливает связь между современным режимом диктатуры и упадком традиционной религиозности, видя отчетливо эпоху упадка. Он подчеркивает, что в течение последнего столетия распространяются антихристианские тенденции, ведущие к секуляризации. Тем не менее автор дает понять, что, как и в прошлом, каждая цивилизация может возвратиться к уверенному фундаменту в религиозных ценностях. Хейес исходит из того, что «притягательная сила христианства заключается в том, что оно дает человеку веру, которая помогает ему выжить в сложных условиях жизни» [14, с. 95]. «Интеллектуальная религия» – как вера человечества или наука – сама по себе слишком абстрактна и, чтобы предложить действительно мощное возмещение общественного упадка в религиозных обязательствах, нужна заинтересованность большого количества людей. Напротив, явление «материалистического коммунизма» и определяющий его сущность режим диктатуры узаконил абсолютный и неоспоримый признак – народ должен получить то, что он хочет [14, с. 93].

Для Хейеса, генетическое универсально-историческое явление тоталитаризма как следствие секуляризации – это мысль о том, что действие нужно понимать религиозно-психологическим способом. В резюме автор пишет, что новизна тоталитаризма – «особенное отличительное свойство вида» (*differentia specifica*) [14, с. 96]. Историк указывает на мобилизованные таким режимом эмоциональные силы и страсти, которые отмечаются в этом контексте: «коммунистический и на-

цистский режимы являются в определенном роде неким подобием церквей» [14, с. 100].

Наиболее ярко исторические конструкции связи между тоталитаризмом и секуляризацией встречаются у теологов или религиозных интерпретаторов тоталитаризма [13, с. 113]. Примером этого является опубликованная в ноябре 1934 г. статья эмигрировавшего из Германии в США протестантского теолога П. Тиллиха «Тоталитарное государство и призывы Церкви» в журнале «Социал Ресеч» («Social Research») [15, с. 405 – 433].

Статья Тиллиха – это особенная смесь из экономического и социокультурного, структурного анализа. Возникновение тоталитарного государства явилось структурным последствием всемирного кризиса «позднего капитализма», вызванного социальной нестабильностью и явлением дезинтеграции. Трудно согласиться с мнением Тиллиха, что в Восточной Европе и Средней Европе существует мощная тенденция в пользу антидемократических авторитарных решений, которые вели бы в этих регионах к полному вытеснению демократической мысли, а также к восстановлению агрессивных и авторитарных систем.

Для Тиллиха, достижение власти нацизмом стало результатом кризиса «позднего капитализма». Тиллих не разделяет оптимизма о наступлении мирового революционного избавления, который превалировал в марксистских и прогрессивных кругах того времени. Цепь событий, продолжал Тиллих, которые привели к современному кризису, началась с Первой мировой войны, за которой последовал экономический кризис послевоенного периода. Это, совместно с сопутствующим подъемом «революционного секуляризма» (марксистские государства и движения), произвело регенерацию центральной проблемы позднего капитализма. Но человеческий ответ кризису был драматически неадекватным, так как «единственным портом, который был найден в том шторме – было национальное государство» [15, с. 409].

Эти обстоятельства объясняют, пишет теолог, почему увеличивающееся количество людей желали принять значительное сокращение индивидуальных и групповых свобод во имя благосостояния целой нации. Такие отношения вели к созданию тоталитарного государства, так как «только авторитарная концепция всех сил и исключение всех сопротивляющихся тенденций обеспечивает гарантию эффективности милитаристского национализма» [15, с. 411].

Эти благоприятствующие тоталитаризму тенденции получили решающее обострение только в Германии и Советском Союзе, где тоталитарное государство существует не только в теоретическом рассмотрении, но и практически реализовано, – к такому выводу приходит Тиллих в своей статье [15, с. 412 – 415]. Что имеет в виду Тиллих, называя Германию и Советский Союз тоталитарными? Италия для него была лишь двусмысленно таковой. В сущности вся экономическая, политическая, культурная и образовательная жизнь была захвачена государством без конституционных или каких-либо других ограничений. Индивид более не имел каких-либо прав. Ничего не было сказано Тиллихом о диктатурах или однопартийных системах.

Существуют мнения, что решающим различием между демократической и тоталитарной системами является централизация и регламентация политической,

общественной и культурной жизни. Безусловное подчинение всех сфер жизни при неограниченном авторитете государства требовало бы создания такого порядка, который «привел бы отдельного человека к полному или комплексному подавлению» [15, с. 413]. Тиллих характеризует эти новые формы мировоззрения через религиозно-сравнительную традицию изучения тоталитарного феномена.

Вместе с тем антидемократическая теория приводит тоталитарную систему неизбежно к конфликту с церковью, так как требование безусловности узаконившегося мифа противоречит сути церковного провозглашения [15, с. 416]. Так как речь шла бы в этом конфликте о безусловных принципах, считает Тиллих, то в тоталитарном государстве существовала попытка разделения политической и духовной сфер. Думается, что эта идея теолога была иллюзорной. Тиллих считает, что церковь будет придерживаться противоположного полюса от тоталитаризма.

В логике интерпретации тоталитаризма как последствия «поздне-капиталистических» процессов дезинтеграции Тиллих видит абсолютно новый феномен эпохи в тоталитарном государстве. У Тиллиха присутствует революционная динамика современного тоталитаризма – как у многих исследователей этого феномена в 30-е гг. Тиллих видит тоталитарные тенденции в Советском Союзе, но основным объектом его анализа является Третий рейх, прежде всего в сфере борьбы церкви и государства.

В его оценке права действующих в Германии теологов выше по отношению к государственным или партийным требованиям тотальности. Осенью 1934 г. Тиллих, оценивая едва заметный церковно-политический конфликт в Третьем рейхе как принципиальное, эпохальное событие, пишет: «...жизнь и смерть в борьбе» – т. е. между церковью и тоталитарным государством [15, с. 418].

Кроме этого, он решает даже на своеобразный прогноз: «Ортодоксальное протестантство, подобно католицизму, сломит тоталитарную систему» [15, с. 433].

Пожалуй, самый значительный вклад в обсуждение религиозных черт тоталитарных систем, которое началось в 1930-е гг., внес аналитик В. Гуриан, эмигрировавший из Германии после прихода нацистов к власти. В эмиграции В. Гуриан жил и работал в разных странах, в том числе и в США.

Основная идея, что диктаторским режимам присущи черты религий, встречается уже в книге В. Гуриана о большевизме 1931 г. В этой работе автор характеризует большевизм как «учение исцеления», «которое является современным, потому что оно верит в то, что сможет достичь мира и спасения человечества с помощью политических мер и экономических преобразований» [6]. Правда, автор понимает большевизм только во вторую очередь как идеологическое, но в первую очередь – как «политически-социально действующее явление» [6, с. 5]. Это показывает, что во главу своей концепции он ставит не большевистскую доктрину [6, с. 162 – 184].

В. Гуриан в 1931 г. едва ли не первый предложил интерпретацию советского коммунизма «как нового вида религии» [6, с. 12], оказавшую сильнейшее влияние на научную дискуссию. И хотя Гуриан не понимал «большевизм как полное производное марксизма» [6, с. 5], он предпринял анализ мировоззренческого фундамента, лежащего в основе большевизма [11, с. 59 –

70]. Гуриан настойчиво предостерегал от недооценки важных ведущих функций идеологии в области поддержания власти. Большевизм – это не идеологическая оболочка для голых властных интересов, не «простой метод удержания власти», а «мировоззрение в строгом смысле слова» [6, с. 163].

Как мировоззрение он много больше, чем просто политическая программа или социальная доктрина. По мнению Гуриана, большевизм в конечном счёте базируется на метафизико-религиозном фундаменте, «который определяет его политико-социальные воззрения» [6, с. 185]. Этим антропологическим ядром была вера в то, что единственным смыслом и целью человеческого существования является «организация земного общества и необходимых ему экономических и производственных отношений» [6, с. 175]. Своей враждебностью к иным формам веры диалектический материализм выступал в роли «новой религии, пришедшей на смену прежней религии, прежде всего христианства» [6, с. 175]. Безоговорочная вера в «самодостаточность производящего человечества» превращала большевизм в «альтернативную церковь, которая пыталась воздвигнуть на земле новую «вавилонскую башню»: социалистическое общество, будучи изобильным благодаря своей внутренней гармонии и своему созиданию, не нуждалось в спасителе, так как ему казалось бессмысленным, что человек и человечество могут ещё в чём-нибудь нуждаться» [6, с. 180].

Понимание большевизма как новой религии становится ещё более очевидным там, где Гуриан проводит прямую связь с буржуазным обществом. Большевизм ни в коей мере не находится в абсолютном антагонизме к современному буржуазному обществу, а в известном смысле является даже его продуктом, т. к. он довёл «практический материализм» буржуазного образа жизни до логического конца, нивелировав дистанцию по отношению ко всему духовному и религиозному [6, с. 187 – 192]. Притягательная сила большевизма в современном мире, по мнению Гуриана, основывается на том, что он вознёс отрицание трансцендентности в ранг основ будущего общества тем, что уничтожил частную сферу, до сих пор функционирующую как остаток нематериальных ценностей [6, с. 187]. Тем самым, буржуазный жизненный уклад был освобождён от своей «фундаментальной двусмысленности». С этой точки зрения большевизм являлся «продуктом и судом над буржуазным обществом. Он показал, к чему это ведёт, если действительно осуществить мировоззрение буржуазного общества» [6, с. 192].

Поэтому критика большевизма не может исходить из его борьбы против буржуазного общества. Для эффективности необходимо рассматривать религиозно-мировоззренческие основы большевизма как учения о спасении. Посредством сопоставления политических и социальных обещаний с действительностью, характеризующейся расширением системы террора и растущим бюрократизмом, советско-коммунистическое господство даёт пример «несостоятельности всех учений о спасении», «которые обещают освобождение на земле» [6, с. 195].

Х. Хюртен оценил главное произведение Гуриана в 1932 г. как свидетельство «искренности католицизма» [11, с. 56], а У. Лакер заявил, что предложена «совершенно новая точка зрения на большевизм, отличающаяся от традиционных тирад против «безбожного

большевизма» [12, с. 180]. О признании, которое нашла книга Гуриана, не в последнюю очередь свидетельствует её перевод на четыре европейских языка.

Обвинения в религиозности современных диктаторских режимов можно найти в «Немецких письмах» начала 1935 г. (опубликованы в Швейцарии). Гуриан пытается обосновать утверждаемое им основополагающее тождество структур национализма и большевизма, исключая общее противопоставление обеих форм господства религии и церкви, чтобы в заключение показать одну и ту же антирелигию обоих диктаторских режимов, а именно – самообожествление [1, с. 306, 378, 380].

В книге Гуриана «Борьба за церковь в третьем рейхе» речь идет о борьбе за церковь национал-социализма как «скрытую» эрзац-религию [7, с. 46]. В качестве общего понятия режима формула «политических религий» возникает в докладе Гуриана о тоталитарном государстве, сделанном в «Американской католической философской ассоциации» только в конце декабря 1939 г. В отличие от работ, появившихся в начале 50-х годов, понятие «политическая религия» еще не функционирует как ключ к понятию тоталитаризма. Оно является одним из определяющих признаков, благодаря которым отличаются друг от друга современные тоталитарные системы от традиционных форм автократии [8, с. 50 – 66]. На место традиционных обоснований политического господства в тоталитарном государстве выступает неограниченное положение элиты, находящейся у власти, – как более легитимный, всеобъемлющий «элемент системы» [8, с. 59 – 62]. В ходе всеобъемлющего стремления к имманентному, политико-социальный строй все более абсолютизируется на легитимную сферу, замкнутую на самой себя. Апогей этого развития Гуриан видит в религиозном возвеличивании политики, характерном для тоталитарного государства. Как он утверждает в докладе о подъеме тоталитаризма в Европе, сделанном в 1942 г., идеологические массовые движения идентифицировали политику и религию настолько, что они сделали политику основой и смыслом человеческого существования [10, с. 303]. Политические религии марксистского и радикально-националистического типа одинаковы по сути, однако отличаются тем, что в марксизме, с его идеей всеобщей справедливости, имеется и собственное представление о политике. С этим мнением Гуриана трудно согласиться, так как у нацизма тоже было свое представление о политике.

В публицистической статье «Направления современной политики» Гуриан объясняет, что толкование тоталитарного распространения политики на все сферы жизни является проявлением прежде всего полного подчинения низлежащих тоталитарной власти. По мнению правящей элиты, идеологически-программное содержание тоталитарной доктрины, является вторичным по отношению к ее властной и легитимной функции [9, с. 322]. В этом абсолютизировании политического строя, мотивированном исключительно властными структурами, заключается для Гуриана сущность тоталитарных систем: «Государство и религия объединяются, но преобладающий фактор в этой смеси – власть государства» [8, с. 65].

Это толкование политических религий как продукта универсального стремления к имманентному соответствует в некотором смысле высказываниям Фогелина о самостоятельности и замкнутости политико-религиоз-

ных обществ в историческом развитии Европы [17, с. 48]. Фактически в книге «Большевизм» (1952 г.) при применении концепции тоталитарных религий Гуриан ссылается на трактат Фогелина «Введение в советский коммунизм» [11, с. 319]. Так как оба эмигранта – Гуриан и Фогелин – преподавали политологию в американских университетах с конца 30-х гг., они встречались в одной и той же академической среде. Гуриан познакомился с политико-теоретическими трудами Фогелина [9, с. 319], и вполне объяснимо, что, несмотря на разную аргументацию, Гуриан обращается в 1939 г. к понятию «политическая религия», сформулированному Фогелином.

Э. Фогелин, австрийский политический теоретик, эмигрировавший в США, в период с 1942 по 1958 г. работал в университете штата Луизиана. Фогелин в 30-е гг. считал, что тоталитаризм будет главной угрозой и самой мощной опасностью в мире в предстоящие годы. Он является представителем религиозно-феноменологической критики тоталитаризма.

В концепции Фогелина тоталитаризм как современное общественное движение интерпретируется признаками политической религии. Фогелин понимает современные общественные движения как «внутримировые религии», которые, в отличие от «религий избавления», божественное не выводят за свои границы, а «основу мира» ищут и находят «в опорах частей мира» [17, с. 17]. «Внутримировые сообщества» развились в ходе национально-христианских изменений, усвоили религиозно-политические формы и символический язык, а также вынесли из «реализма» возвышенное содержание мира. Вместо лежащих по ту сторону трансцендентных религий – во внутримировых религиях спасением множества является «земное положение дел совершенного рода человеческого» [17, с. 51]. Это – краткое содержание понимания политических религий Э. Фогелином. Таким образом, автор понимает подъем общественных движений как проявление и симптом глубоко скрытого духовного кризиса западной цивилизации, который перетерпит определенную потерю трансцендентности и эпохальную секуляризацию [17, с. 6].

Фогелин развивает свое объяснение политической религии в контексте идейно-исторического рассмотрения, основное внимание которого уделяется развитию отношений между религией и государством в европейской цивилизации. Фогелин рассматривает каждое новообразование в глубоко скрытых укладах западной цивилизации, которая по своей форме, по его выражению, «сама почти вся без исключения состоит из первоисточников» [17, с. 57]. Согласно Фогелину, не позднее XVII века сформировался политико-религиозный символический язык, который позднее, пропитанный другим внутренне присущим миру содержанием, придал современным общественным движениям их специфический отпечаток [17, с. 49].

Фогелин полагает, что развитие западно-христианской церкви, постоянно продвигающейся во всех направлениях, и даже линии связи между символическими формами политико-религиозного единства культур могут иметь значение [17, с. 55 – 58]. Благодаря этому становится ясна принципиальная проблематика подхода Фогелина к политическим религиям. Непосредственно после «аншлюса» Австрии он эмигрирует в США, где продолжает исследовать «внутримировые

сообщества» в перспективе истолкования, исходным пунктом которого являются идейно-исторические аспекты критики тоталитаризма.

Между этими явлениями проводятся взаимосвязи и линии соединения, они часто интересны, но оказываются не всегда убедительно обоснованы. Трудно согласиться с Фогелиным, что рассмотрение религии фараона Эхнатона – с этого Фогелин начинает свое исследование «Политические религии», – может способствовать глубокому пониманию тоталитаризма – феномена XX века.

В результате аргументация феномена тоталитаризма становится вне времени и пространства [17, с. 70]. Политические религии современности показаны Фогелиным как допустимое придание формы, они, как подлинное основное зло западной цивилизации, идентифицируются с изоляцией общемирового духа «от его корня в религиозности» [17, с. 6].

Было бы недопустимым замкнуться на прямой связи таких параллелей в мышлении и формулировках, так как описание идеологических движений и диктаторских режимов религиозными категориями было так широко распространено в конце 30-х гг., что оказалось возможным привести к почти идентичным точкам зрения разных авторов, высказывавшихся независимо друг от друга.

Интересным образом А. Эммерих, другой ведущий представитель антитоталитарной католической историографии, в 1937 г. изложил свое – скорее публицистическое, чем научное – толкование господства Гитлера, в котором он отводит религиозной точке зрения центральное место. Эмигрант А. Эммерих под псевдонимом Эдгар Александр развенчал миф Гитлера, определил национал-социализм как «новую политическую религию», а также как «новогерманский Магометизм» или как «новую религию власти» [3, с. 320 – 337].

Исходным пунктом этих характеристик является мнение, что тоталитарные притязания новой веры являются худшим центральным движущим моментом национал-социалистической политики. С фанатическим упорством нацисты преследовали оппонентов, распространяли собственное мировоззрение через пропаганду и при помощи грубой силы, внедряли национализм «до самой глубокой сферы человеческой жизни, религии». Благодаря полной подчиненности политической власти идеологии, подкрепленной притязаниями на абсолютизм, «национализм приспособлял политику к религии» и «переводил политический долг немецкого народа в религиозные обязательства» [3, с. 323].

Ярким выражением квазирелигиозного фундамента диктатуры Гитлера является для Александра миссионерское избирательное сознание самого фюрера. Положение Гитлера как вождя основывалось на «идее мирового спасителя» [3, с. 322]. Религиозные притязания на абсолютизм идеологии национал-социализма направлялись прежде всего против христианской религии, вытеснение и замена которой националистическим содержанием являлось центральной идеей «мировоззренческой политики» Третьего рейха.

Из-за непримиримых мировоззренческих противоречий конфликт национал-социалистического режима с христианской церковью имеет для Александра характер борьбы «не на жизнь, а на смерть» [3, с. 324] – способ видения церковно-политических событий в Третьем рейхе, который был распространен среди религиозно

настроенных эмигрантов, таких, как Тиллих и Гуриан. Александр объясняет различие между христианским Евангелием и национал-социализмом как противоположность между природным и христианским законом любви и принципом ненависти, возведенным Гитлером в высший закон жизни.

Более интересным в работе Александра является то, что автор использует свою интерпретацию Третьего рейха как сознательное восстание против закона и «Бога в этом мире», чтобы бросить взгляд на идеологически противоположный закон «Рейх без Бога», благодаря чему его толкование национал-социализма получает необходимые элементы для сравнения государственного строя [3, с. 334 – 336]. При этом Александр встречает в основе то же самое различие, которое сформулировал В. Гуриан в «Немецких письмах»: интернациональное движение безбожия, читай – «коммунистическое», побороло христианское понятие бога «открыто и прямо». Напротив, национал-социализм прятал свою безусловную враждебность по отношению к христианской религии под покровом «положительного христианства». Стремление Гитлера вывести суть христианского учения из жизни немецкого народа является для автора «Мифа Гитлера» «искусной попыткой маскировки, которую знает движение безбожия» [3, с. 334]. Абсолютно общее противодействие новых мировоззренческих диктатур большевизма и национал-социализма христианской религии является в глазах Александра идентичностью, перед которой бледнеют все различия между обеими системами как второстепенные. Он констатирует: «Русская империя без Бога отличается от третьего рейха “избавителя” Гитлера только по цвету, но не по смыслу и принципиальному содержанию своей веры» [3, с. 336].

Конечно, такой способ рассмотрения национал-социалистического господства, исходящий из теологических предпосылок, предоставляет мало связующих пунктов для серьезного исторического или научно-политического анализа этого диктаторского режима. При этом такие тематические аспекты, как культы и ритуалы, служащие самоизображению национал-социалистического режима, или тенденция к сакральности господства фюрера были – даже на незначительном аналитическом уровне – уже отмечены Эдгаром Александром и некоторыми другими современными авторами как центральнообразующие элементы национал-социалистического господства.

Очевидно, что критика тоталитаризма, основанная на религиозном сравнении, а также привнесение религиозно-теологических категорий для понимания политических феноменов является одним из направлений зарубежной историографии тоталитаризма. Следует подчеркнуть, что целью исследования представителей данного направления является тоталитаризм не как новая форма политического господства, а как новый процесс секуляризации. Причем такое понимание тоталитаризма – это не специфика церковного понимания проблемы, а одна из тенденций развития зарубежной историографии тоталитаризма.

Таким образом, в 30-е годы формируется религиозно-критическая концепция анализа тоталитаризма в зарубежной историографии. Рассмотрение тоталитаризма с религиозных позиций представляет интерес в анализе генезиса историографии тоталитаризма. Основные вопросы о социально-психологической функции господ-

ствовавших идеологий, разработанные представителями религиозно-критической концепции, оказали опре-

деленное влияние на последующую историографию тоталитаризма.

Литература

1. Deutsche Briefe. Ein Blatt der katholischen Emigration. Bd. I: 1934 – 1935, Bd. II: 1936 – 1938 [Text] / Hrsg. H. Hürten / Veröffentlichungen der Kommission für Zeitgeschichte, Reihe A: Quellen 6, 7. – Mainz, 1969. – Bd. I.
2. Dictatorship in the Modern World [Text] / Ed. G. S. Ford. – Minneapolis: The University of Minnesota Press, 1935. – 179 p.
3. Edgar, Alexander. Der Mythos Hitler [Text] / First ed. Alexander Edgar. – Zürich, 1937. Theorien über den Faschismus / Hrsg. E. Nolte. – Köln, 1976. – P. 320 – 337.
4. Feiler, A. Das Experiment des Bolschewismus [Text] / A. Feiler. – Frankfurt am. M.: Frankfurter Societä, 1929. – S. 221 – 232.
5. Feiler, A. Der totalitäre Staat [Text] / A. Feiler / Hrsg. E. Jesse // Totalitarismus im 20 Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung. – Baden-Baden: Nomos, 1996. – S. 53 – 69.
6. Gurian, W. Der Bolschewismus: Einführung in Geschichte und Lehre [Text] / W. Gurian. – Freiburg, 1932 / First ed. – St. Louis: Herder Book Co. 1931. – 337 s.
7. Gurian W. Der Kampf um die Kirche im Dritten Reich [Text] / W. Gurian. – Luzern: Vita Nova, 1936. – 124 s.
8. Gurian, W. The Totalitarian State [Text] / W. Gurian // Proceeding of the American Catholic Philosophical Association. – 1939. – V. 15. – P. 50 – 66.
9. Gurian, W. Trends in Modern Politics [Text] / W. Gurian // The Review of Politics. – 1940. – № 2. – P. 318 – 336.
10. Gurian, W. The Rise of Totalitarianism in Europe [Text] / W. Gurian // Annual Report of the American Historical Association III. 1942. – P. 297 – 304.
11. Hürten, H. Waldemar Gurian und die Entfaltung des Totalitarismusbegriffs [Text] / H. Hürten // “Totalitarismus” und “politische Religionen”. Konzepte des Diktaturvergleichs / Hrsg. H. Maier. – Paderborn, München, Wien, Zürich, 1996. – S. 59 – 70.
12. Laqueur, W. Mythos der Revolution. Deutungen und Fehldeutungen der Sowjetgeschichte [Text] / W. Laqueur. – Frankfurt a. M.: Fischer Verlag, 1968.
13. Nolte, E. Die historisch-genetische Version der Totalitarismustheorie: Ärgernis oder Einsicht? [Text] / E. Nolte // Zeitschrift für Politik. – 1996. – № 43.
14. Symposium on the Totalitarian State. November 17, 1939 [Text] // Proceedings of American Philosophical Society. – Philadelphia: American Philosophical Society, 1940. – V. 82. – № 1. – 103 p.
15. Tillich, P. The Totalitarian State and the Claims of the Church [Text] / P. Tillich // Social Research. – 1934. – № 1. – P. 405 – 433.
16. “Totalitarismus” und “politische Religionen”. Konzepte des Diktaturvergleichs [Text] / Hrsg. H. Maier. – Paderborn; München; Wien; Zürich, 1996. – 442 s.
17. Voegelin, E. Die politischen Religionen [Text] / E. Voegelin. – Wien: Bermann-Fischer, 1938. – 65 s.

Информация об авторе:

Мороз Елена Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, КемГУ, 8(3842) 58-37-52, morozkem@yandex.ru.

Moroz Elena Vladimirovna - Doctor of History, Professor at the Department of Legal History of KemSU.

УДК 271

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КУЧУМОВСКОЙ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ ТОМСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В НАЧАЛЕ XX В.

В. А. Овчинников

THE SPECIFICS OF THE KUCHUMOVSKAYA WOMEN'S CLOISTER FOUNDATION IN THE TOMSK BISHOPRIC OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE EARLY XX CENTURY

V. A. Ovchinnikov

Статья посвящена истории основания Кучумовской Алексеевской женской общины. На ее примере проанализировано влияние переселенческого движения в Сибири в начале XX в. на процесс возникновения женских общин.

The article is devoted to the history of the foundation of the Kuchumovskaya Alekseevskaya woman's cloister. The influence of the migration activity in Siberia in the early XX century on the foundation of the women's cloisters has been analyzed.

Ключевые слова: женская община, монашество, Русская Православная Церковь, переселенческое движение, Сибирь.

Keywords: women's cloister, monasticism, Russian Orthodox Church, migration activity, Siberia.

Массовое переселение в Сибирь в начале XX в. затронуло сферу конфессиональных отношений, контролируемую государством. Переселенцы на новых землях оказались в ситуации дискомфорта [9, с. 130 – 131]. Они могли быть поселены в отдаленности от действующих православных храмов, подселены в старообрядческие деревни, размещены рядом с поселениями иных конфессионально-этнических групп. В записке П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина точно отражена ситуация «конфессионального дискомфорта» переселенцев: «Просьба о церкви там, где ее еще нет, повторялась во всех посещенных нами поселках. Трудности новых условий, ставящие переселенцев лицом к лицу с дикой природой, создают вообще в переселенческих деревнях особое, в отличие от покойной и даже иногда ленивой жизни старожилов и казачьих селений. Выстроенный храм становится центром поселка и напоминает переселенцам о родине, где они жили хотя и бедно, но в атмосфере, согретой религиозными и историческими преданиями, и откуда попали в край богатый, но чужой и дикий» [8, с. 44].

Одна из женских общин юга Западной Сибири – Кучумовская Алексеевская, была основана по желанию крестьян-переселенцев из чувашей, которые хотели обустроить свою жизнь на новом месте, в т. ч. преодолеть конфессиональный дискомфорт. Община, открытая в местности, населенной инородцами, ссыльными сектантами, переселенцами, отвечала миссионерским задачам РПЦ в регионе. Поэтому в отчете Томского комитета Православного миссионерского общества Кучумовская община была отмечена как обитель религиозно-просветительской направленности [6, с. 214].

В связи с переселенческим движением, развитием золотопромышленности, работой Транссибирской железнодорожной магистрали, Мариинский уезд в начале XX в. активно осваивался. Ряд поселков, в т. ч. п. Кучумовский, были основаны переселенцами-чувашами из Казанской губернии [2, л. 5 об.]. Крестьяне-переселенцы Томской губернии, Мариинского уезда, Златогорской волости, участка Усть-Кайзаского, поселка Кучумовского на сельском сходе 28 октября 1910 г. в числе 42 домохозяев из 60, имеющих право голоса, единогласно приняли решение пожертвовать 12 девицам, которые поставили избу в одной версте от поселка и желали построить «приходской Монастырь», 15 десятин земли в вечное владение под монастырь [2, л. 1, 4-4 об.]. «А именно в местности около речки Малый Кансаса с одной стороны протекает Малый Кайсаса. А с другой стороны протекает Большая Кайсаса...» [2, л. 1, 4 об.]. Приговор удостоверил подписью и печатью Кучумовский сельский староста Марков.

Ситуация с образованием общины была осложнена тем обстоятельством, что ее основательница монахиня «Александровского Кошлоушского чувашского женского монастыря» Казанской епархии Вера, получив 25.09.1910 г. отпуск на один год для совершения паломничества в Иерусалим от Казанской Духовной консистории, уже в конце 1910 г. появилась в поселке Кучумовский Томской губернии с намерением образовать женскую общину и переманила вслед за собой послушниц вышеуказанного монастыря [11, с. 179]. На начальном этапе дело приняло непростой характер: Казанская Духовная консистория, опираясь на сведения Мариинского полицейского управления, сообщила в Томскую Духовную консисторию о факте невозвращения мона-

хини Веры и ее попытке организовать женскую общину (которую в письме именовали сборищем) и настоятельно просила воздействовать на монахиню и послушниц с целью возвращения обратно в монастырь.

Томская церковная власть не стала принимать спешных решений, а на протяжении 1910 – 1911 гг. детально изучала вопрос, привлекая для этого благочинных округов № 7, 11, совет братства Св. Дмитрия Ростовского [2, л. 1, 6 – 7].

И. д. благочинного № 7 священник Виктор Лавров получил первые сведения об общине от местного священника села Усть-Искитимского и сообщил их в ноябре 1910 г. в совет братства святого Дмитрия Ростовского рапортом от 22 ноября 1910 г. № 1046 и в Томскую Духовную консисторию рапортом от 8 декабря 1910 № 1126 [2, л. 5]. Он докладывал, что по соседству с Усть-Искитимским приходом близ поселка Усть-Кайзаский в тайге Мариинского уезда «основывается, по-видимому, православная женская община» в составе 12 лиц женского пола – монахинь и послушниц под управлением старшей сестры Веры. Все они – чувашки; для устройства общины арендуют у поселка 15 десятин земли и, по получению общественного приговора, сестра Вера предполагает обратиться к Архиепископу Макарию за благословением на учреждение общины. Уточнялось, что лежащий в непосредственной близости от избранного сестрами места поселок Усть-Кайзаский не принадлежит к приходу села Усть-Искитимского, находясь на границе уездов и на границе двух благочинных округов. И возможно, что поселок и вообще вся эта местность не принадлежит ни к какому приходу [2, л. 1].

На имя архиепископа Томского 31 января 1911 г. поступило прошение о благословении на учреждение общины в честь царевича Алексея сестер. Бывшие послушницы монастыря Казанской епархии, оправдывая свой переезд «теснотой» в обители, имея «природное дарование к церковному богослужению», вели богослужения в построенной своими трудами избе. Они также указывали, что попросили руководить ими монахиню Веру, и она приняла просьбы и ... «нас как птенцов без матери и гнезда находится в настоящее время с нами». Крестьяне поселка Усть-Кайзаса поддерживали намерения сестер и постановили выделить 15 десятин земли [2, л. 2-2 об., 4-4 об.].

И. о. благочинного № 7 священник Виктор Лавров с рапортом архиепископу Макарию от 6 марта 1911 г. предоставил прошение сестер и приговор общества о выделении земли. Он еще раз уточнил, что жители ближайших поселков переселенцы – родом из Казанской губернии инородцы-чувашки; ближайший храм в селе Усть-Искитимский находится от них на расстоянии 40 верст за рекой Томь; пути сообщения весьма плохие, и почтовый адрес их неизвестен. Приговор сельского схода он предоставил без утверждения надлежащим начальством по причине неизвестности почтового адреса и из-за того, что возникающую общину невозможно оставить с таким скудным земельным обеспечением. Священник надеялся на возможность исходатайствовать земельный надел для общины из казенных или кабинетских земель [2, л. 5 об.].

Но церковная власть не торопилась принимать решение. Выяснением обстоятельств и необходимости создания общины занимался Совет Братства Св. Дмитрия Ростовского.

В 1910 – 1914 гг. последовало несколько повторных прошений об открытии общины. Из них следовало, что одной из причин создания общины являлось то, что сестры, желающие вести иноческий образ жизни, плохо владели русским языком. Жители поселка также были заинтересованы в совершении служб на родном языке. В благочинии № 7 чувашским языком владел только диакон в селе Поперечно-Искитимский Григорий Федоров [2, л. 6]. По свидетельству благочинного 11 округа протоиерея Владимира Поливанова, монахиня Вера имела богослужебные книги на чувашском языке, по которым в праздничные и воскресные дни совершала службы в молитвенном доме.

Алексеевская женская община в поселке Кучумовском Мариинского уезда была учреждена с религиозно-просветительской целью указом Синода только 3 мая 1916 г. [10, с. 357; 6, с. 213 – 214]. В отчете православного миссионерского общества за 1916 г. было указано, что есть надежда на развитие и пользу общины (6, с. 213). В ведомости о монастырях и общинах Томской епархии за 1916 г. в женской общине числились 1 монахиня, 13 послушниц [3, л. 13]. Судьба насельниц общины после революции неизвестна. По свидетельству местных жителей, часть сестер доживала свой век в окрестных поселках.

Численность уже осевших на юге Западной Сибири вследствие ссылки и переселения в XVIII – XIX вв. католиков, лютеран, мусульман, иудеев, молокан, субботников и представителей других сект увеличилась в результате переселенческих реформ в начале XX в. В 1885 г. из 1134748 чел. обоего пола народонаселения Томской губернии, по официальным данным, 17 тыс. были язычниками, 29179 магометанами, 35417 раскольниками, 201 лютеранами, 6659 католиками, 4501 иудеями [4, с. 25]. Д. Н. Беликов в своем труде «Томский раскол» подробно описывает постепенное развитие в Томской епархии духоборчества, молоканства, субботничества, скопчества, хлыстовщины, иудаизма. Значительная часть иудеев и сектантов Томской губернии была сосредоточена в Мариинском округе/уезде и его административном центре – г. Мариинске, который по первой всеобщей переписи населения 1897 г. насчитывал 8216 жителей (4251 муж. и 3965 жен.). Мощный поток старообрядцев-пересе-

ленцев хлынул в Мариинский уезд в конце XIX – начале XX вв. [7, с. 79; 1, с. 411].

В Томской губернии в 1911 г. переселенцев неправославного исповедания насчитывалось 273393 чел., что составляло 7,5 % от общего количества [9, с. 130 – 134]. В результате на территории Мариинского уезда появились поселения с инославным населением. Например, в декабре 1908 г. соединенный приходской сход крестьян римско-католического исповедания Тюхтетской волости Мариинского уезда Томской губернии, представляющей интересы около 500 семейств, постановил ходатайствовать о выделении ссуды на строительство костела в с. Тюхтет [9, с. 135].

Поэтому в этой ситуации действия чувашей-переселенцев также были направлены на преодоление конфессионального дискомфорта, в т. ч. путем помощи женской общине, стремлением к совершению богослужений на родном языке и наличию «своего» священнослужителя для сохранения православной веры и этнической самобытности. Епархиальное начальство осторожно, но заинтересованно относилось к такой инициативе снизу, т. к. ситуация с укреплением и распространением веры в силу вышеуказанных обстоятельств принимала проблемный характер. Открытие Кучумовской общины не было особенным для Сибири, т. к. женские общины по инициативе групп сестер при поддержке благодетелей создавались и в других районах, охваченных переселенческим движением в начале XX в. На Алтае была основана Синюхинская община вблизи села Колыванского. Вслед за переселенцами из мест, оставленных ими, тянулись и монахини – так было в случае с Кучумовской общиной и с Синюхинской общиной – к митрополиту Макарию обратились две рясофорные монахини Царевококшайского Богородице-Сергиевского женского монастыря Анна Степанова и Надежда Савенкова для организации общины в Змеиногорском крае [5, с. 513]. В соседней Енисейской епархии в 1915 г. Синодом были учреждены в Ачинском уезде у оз. Инголь Скорбященская и в Минусинском уезде Покровская женские обители. Усиление миссионерской деятельности в регионах с инославным населением полностью соответствовало задачам Русской православной церкви в Сибири и решениям миссионерских съездов начала XX в.

Литература

1. Ермолаев, А. Н. Уездный Мариинск. 1856 – 1917 гг. / А. Н. Ермолаев. – Кемерово, 2008.
2. ГАТО. Ф. 170. Оп. 8. Д. 48.
3. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598.
4. Мисюрев, А. А. Краткий историко-статистический очерк Томской епархии / А. А. Мисюрев. – Томск, 1897.
5. Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1915 год // Томские епархиальные ведомости (далее ТЕВ). – 1916. – № 15. Неофиц. часть.
6. Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1916 г. // ТЕВ. – 1917. – № 10. Неофиц. часть, общецерковный отдел.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб., 1905.
8. Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. – СПб., 1911.
9. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII – XX вв. – Новосибирск, 2009.
10. ТЕВ. – 1916. – № 12. Офиц. часть.
11. Цыпайкина, М. В. Из истории православия на территориях, прилегающих к городу Березовский (бывших Арсениевской, Барзасской и Подонинской волостей) / М. В. Цыпайкина // Разыскания. Историко-краеведческий альманах. – Вып. VI. – Кемерово, 2004.

Информация об авторе:

Овчинников Владислав Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, КемГУ, 8-913-306-00-10, ovchinnikov@kemsu.ru.

Ovchinnikov Vladislav Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Russian History of Kemsu.

УДК 947.084.8(571)

УЧАСТИЕ ВОИНОВ-СИБИРЯКОВ ВО ВСЕНАРОДНОМ ДВИЖЕНИИ ПОМОЩИ ФРОНТУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н. Д. Ростов

SIBERIAN SOLDIERS' PARTICIPATION IN THE MILITARY AID MOVEMENT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

N. D. Rostov

В годы Великой Отечественной войны вместе с трудящимися Сибири воины-сибиряки приняли активное участие в сборе средств на постройку боевой техники, оказание помощи семьям фронтовиков. Статья посвящена организации этой работы в воинских частях, соединениях и учреждениях Сибирского военного округа и Забайкальского фронта. В условиях войны эта деятельность являлась важным фактором формирования патриотического сознания военнослужащих и сплочения воинских коллективов.

During the Great Patriotic War Siberian soldiers took part in the process of money collection for military technique construction and soldiers' families aid. The article is about the organization of this work in regiments and institutions of the Siberian Military District and the Trans-Baikal Front. This work was a very important factor of patriotic awareness of soldiers during the war.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, воины-сибиряки, помощь фронту, воинские части.

Keywords: the Great Patriotic War, Siberian soldiers, military aid, regiments.

Командование воинских частей и учреждений, местные партийные и государственные органы проводили целенаправленную работу по формированию у воинов патриотического сознания. Важнейшим методом в достижении этой цели являлось привлечение воинов к участию во всенародном движении помощи фронту и детям фронтовиков. Бойцы, командиры, политработники, жены командно-начальствующего состава активно участвовали в создании народного фронта обороны, организовывали воскресники, сдавали свои сбережения в фонд строительства вооружения.

С первых дней пребывания на фронте в полках 38-й Сибирской истребительно-авиационной дивизии развернулось движение по отчислению 10 % денежного довольствия в фонд обороны социалистической Родины. Весь летно-технический и командный состав постановил: «Все как один отчислять 10 % своей заработной платы в фонд обороны страны». Многие командиры после окончания митингов вносили наличными по 150, 200, 250 руб. [89, л. 15, 16].

В августе 1941 г. во всех подразделениях и частях 41-й запасной стрелковой бригады прошли митинги и собрания, на которых красноармейцы и командно-начальствующий состав приняли решение о ежемесячном отчислении одно- и двухдневного заработка в фонд обороны до окончания войны. «Мы поможем своей Родине не только средствами, но мы обязуемся отлично овладеть военной техникой, чтобы в любую минуту выступить против гитлеровской банды», – заявили на митинге бойцы и командиры воинской части № 557 [79, л. 7, 8]. На 29 августа 1941 г. воинами 16-го запасного гаубичного артиллерийского полка в фонд обороны было внесено 18009 руб. наличными и 32450 руб. облигациями госзаймов [88, л. 21]. В ноябре и декабре 1941 г. личным составом 35-й запасной стрелковой

бригады в фонд обороны было собрано 128700 руб. и на постройку авиаэскадрильи – 371000 руб. По соединению на денежно-вещевую лотерею воины подписались на 296000 руб. [76, л. 159].

27 ноября 1941 г. красноармейцы и младшие командиры административно-хозяйственного отделения штаба 35-й запасной стрелковой бригады подписались на 360 руб. и выступили с инициативой о сборе средств в соединении на постройку танка [77, л. 93]. В своем обращении к воинам соединения они писали: «Танк на наши деньги будет беспощадно давить фашистскую нечисть... Он будет мстить за кровь советских людей. За поруганных матерей и сестер, за расстрелянных братьев и отцов» [77, л. 99]. Особенно успешной была подписка в 86-м запасном стрелковом полку. На денежно-вещевую лотерею воины полка подписались на 113000 руб. [76, л. 159]. В декабре 1941 г. командиры, политработники и вольнонаемные бригады приняли решение ежемесячно отчислять в фонд обороны однодневный заработок [76, л. 155]. От личного состава 104-го запасного стрелкового полка 39-й запасной стрелковой бригады с октября по декабрь 1941 г. в фонд обороны поступило деньгами, облигациями и вещами на 58942 руб. [33, л. 43].

Активно участвовали в сборе средств на постройку танковой колонны «Комсомолец Забайкалья» воины 7-го учебного танкового полка. В ноябре 1941 г. в 1-м батальоне полка на постройку танковой колонны было собрано наличными 5812 руб. и 1790 руб. облигациями [71, л. 77]. Только за один вечер в 3-м танковом батальоне было собрано 1200 руб. [71, л. 79]. С 1 по 26 декабря 1941 г. от бойцов и командиров 21-го запасного лыжного полка 23-й запасной лыжно-стрелковой бригады в фонд обороны поступило 9880 руб. [81, л. 175].

В 1941 г. в фонд обороны и постройки вооружения войнами 13-го отдельного запасного полка связи было собрано 80 281 руб. наличными и 30000 руб. облигациями госзаймов. В 1941 г. на строительство танковой колонны и самолетов было собрано 16331 руб. В 1943 г. в фонд обороны войнами было сдано деньгами 162644 руб. и 136955 руб. облигациями. В 1944 г. на 3-й государственный военный займ войны полка подписались на сумму 348 000 руб. [65, Л. 12, 12 об.].

На 1 февраля 1942 г. войнами 7-го учебного танкового полка в фонд обороны было собрано 135387 руб. наличными и 6715 руб. облигациями. На постройку эскадрильи «Комсомолец Забайкалья» и танковой колонны – 28064 руб. наличными и 4975 руб. облигациями [72, л. 48]. На 4 августа 1942 г. войны 4-го отдельного учебного танкового полка подписались на 2-ю денежно-вещевую лотерею на 101730 руб., из них наличными 52011 руб. [69, л. 135]. С 16 по 25 октября 1942 г. на танковую колонну имени 25-й годовщины Октябрьской социалистической революции войнами 16-го запасного гаубичного артиллерийского полка было внесено 43490 руб. [89, л. 7].

Активно участвовали в сборе средств на строительство вооружения для Красной Армии и войны Омского гарнизона. «Военнослужащие одной из воинских частей Омска, – сообщает газета «Омская правда», – на воскреснике заработали около 4000 рублей». По общему решению, эти деньги были перечислены на создание танковой колонны для Красной Армии [53]. Войны-сибиряки 35-й запасной стрелковой бригады в 1942 г. собрали 148000 руб. на танковую колонну имени 24-й годовщины ВЛКСМ [67, л. 70].

В декабре 1942 г. личным составом 24-го запасного истребительно-авиационного полка Забфронта на строительство танковой колонны было внесено свыше 10 000 руб., сумма подписки на денежно-вещевую лотерею составила более 45000 руб. [68, л. 6]. В январе 1943 г. Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин направил боевой привет и благодарность войнам-забайкальцам, собравшим на строительство вооружения для Красной Армии 23123802 руб. [13]. Благодарность Верховного Главнокомандующего получили и войны СибВО, собравшие на приобретение вооружения для Красной Армии 7446000 руб. [4]. 17 января 1943 г. в 120-м запасном стрелковом полку 25-й запасной стрелковой бригады прошел полковой митинг, на котором войнам были зачитаны письмо и благодарность И. В. Сталина личному составу округа за собранные средства на строительство вооружения для Красной Армии [73, л. 52 об.]. По окончании митинга курсант Бондарчук на строительство вооружения внес 100 руб., курсант И. М. Стренюк поддержал инициативу своего товарища и из личных сбережений внес 650 руб. А всего в этот день в полку было собрано 180000 руб. наличными [73, л. 52 об.].

На 1064700 руб. в течение трех часов 10 июня 1943 г. подписались на 2-й государственный военный заем войны 4-го отдельного учебного танкового полка. Курсантка 1-го батальона Октябрьская М., пришедшая учиться в часть механиком-водителем добровольцем, заявила на митинге: «Я 50000 руб. внесла на постройку танка и сейчас подписываюсь на 50000 руб. Пусть наши рубли станут дополнительными танками, самолетами, пушками и обрушатся на головы немецко-фашистских мерзавцев» [70, л. 46]. В январе 1943 г. на строительст-

во авиаэскадрильи «Боевые подруги» войны 5-й отдельной учебной стрелковой бригады собрали 28000 руб. Кроме того, на строительство вооружения для Красной Армии было собрано по бригаде 200000 руб. Жены командиров фронтовиков внесли 14000 руб. [75, л. 20]. В 1943 г. военнослужащие, находящиеся на излечении в госпитале № 2475 г. Тюмени, собрали деньгами и облигациями 91750 руб. на эскадрилью «Тюменский комсомолец» [36, л. 23 об.]. За 1943 г. войнами СибВО в фонд обороны было собрано свыше 33 млн руб. наличными 27 млн 175 тыс. руб. облигациями [66, л. 23, 24].

В сборе денежных средств на строительство вооружения для Красной Армии активное участие принимали работники местных органов военного управления и допризывная молодежь. За 1942 г. только работниками Алтайского крайвоенкомата в фонд обороны было собрано и переведено на текущий счет в Госбанк деньгами – 10069 руб. и облигациями государственных займов на сумму 500 руб. [19, л. 154]. «С великим патриотическим сознанием к нашей любимой Родине будем выполнять лозунг нашего великого предка Козьмы Минина: «Ничего не жалко для победы над врагом!» – записали в решении общего собрания офицеры и вольнонаемные Алтайского крайвоенкомата 31 мая 1944 г. [19, л. 237 об.].

Во время проведения призыва допризывников 1925 г. р. в Алтайском крае, по неполным данным, было собрано на танковую колонну «Алтайский колхозник» 249836 руб. [19, л. 26]. Призывник из сельскохозяйственной артели «Победа» Тарбагайского аймака Бурят-Монгольской АССР Ф. Болюнев, вступая в ряды Красной Армии, внес в Госбанк 100000 руб. на строительство самолета. В своем письме к Наркому обороны сибиряк сообщил, что его отец сражается на фронте, а теперь и он становится бойцом и будет вместе с отцом сражаться против фашистов. Нарком выразил благодарность молодому патриоту за заботу о Воздушных Силах и сообщил, что его просьба удовлетворена – построенный самолет будет назван «Комсомолец Бурят-Монголии» [49].

Не отставали от своих мужей-фронтовиков и жены командно-начальствующего состава. 4 февраля 1942 г. в горвоенкомате г. Тюмени состоялось собрание жен военнослужащих, на котором единогласно было принято решение: «Постоянно отчислять на постройку танковой колонны «Боевые подруги» 10 % зарплаты» [45]. В декабре 1942 г. жены командно-начальствующего состава 24-го запасного истребительно-авиационного полка внесли на строительство танковой колонны 7000 руб. и на денежно-вещевую лотерею подписались на 5000 руб. [68, л. 6]. В ночь с 13 на 14 апреля 1942 г. в штабах, в домах комначсостава и клубах 41-й запасной стрелковой бригады были организованы слушания по радио сообщения о выпуске государственного военного займа. С 6.30 до 7.00 были проведены массовые мероприятия с участием всего личного состава. Всего по бригаде в фонд обороны было внесено 171500 руб. облигациями, 61650 руб. – наличными, на помощь детям, пострадавшим от военных действий, было внесено 14777 руб. [78, л. 47, 50]. На военный заем 1942 г. летно-технический состав и жены комначсостава 23-го запасного бомбардировочного авиационного полка подписались на сумму 1 417765 руб. [68, л. 141, 142].

Ко Дню 8 марта 1942 г. жены комначсостава 20-го запасного авиационного полка для воинов Северо-Западного фронта собрали деньги, закупили 100 кг сухофруктов, 50 кг конфет, 30 кг махорки, 10 кг табака, 100 кусков туалетного мыла и 100 катушек ниток с иголками и отправили в действующую армию [92, л. 24]. Жены комначсостава 24-го запасного истребительного авиационного полка в декабре 1942 г. внесли на строительство танковой колонны 7 тыс. руб., личный состав полка на строительство колонны собрал свыше 10 тыс. руб. [67, л. 6].

В апреле 1943 г. только на территории Алтайского края проживало 26596 семей командно-начальствующего состава. Из них эвакуированных 13 043 [18, л. 45 об.]. В декабре 1942 г. на общем собрании жен командно-начальствующего состава, проживающих в Октябрьском районе города Барнаула, был обсужден вопрос о помощи фронту. Боевые подруги внесли на постройку вооружения 5000 руб. и обратились с призывом ко всем женщинам края последовать их примеру [2]. Жены командиров и бойцов Красной Армии г. Омска, стахановки завода № 173 и Кормиловского района, колхозницы Ульяновского района области в 1942 г. выступили с инициативой организации сбора средств на танковую колонну «Боевые подруги» [30, л. 75]. На 20 июня 1942 г. на строительство танковой колонны «Боевые подруги» в Омской области было внесено 2,8 млн руб. [32, л. 9].

Жены фронтовиков и командно-начальствующего состава СибВО, следуя примеру трудящихся, выступили с инициативой сбора средств на авиаэскадрилью «Боевые подруги». За несколько дней января 1943 г. они собрали и сдали в Госбанк 790000 руб. [4]. Жены командно-начальствующего состава и фронтовиков Читинского гарнизона собрали 65000 руб. на постройку самолета «Боевые подруги Забайкалья» [50]. Инициативу жен командно-начальствующего состава СибВО о сборе средств поддержали районные комитеты партии и райисполкомы Западной Сибири. В январе 1943 г. личным составом горрайвоенкоматов, семьями командно-начальствующего состава и призванными Алтайского края на танковую колонну «Алтайский колхозник» было собрано 406772 руб., на авиаэскадрилью «Боевые подруги» – 1452206 руб. Только по Каменскому району за 3 – 4 дня было собрано 604000 руб. деньгами и 37000 руб. облигациями государственных займов [18, л. 26 об.]. Жены командно-начальствующего состава 26-й Алтайской запасной стрелковой бригады на 28 февраля 1943 г. собрали наличными на строительство авиаэскадрильи «Боевые подруги» 73098 руб., на строительство танковой колонны 13293 руб., на подарки бойцам 6854 руб. и внесли облигациями государственных займов на строительство авиаэскадрильи 58160 руб. [74, л. 44].

В фонд обороны в 1943 г. семьями командно-начальствующего состава, проживающими на территории Алтайского края, было собрано 1996724 руб., в том числе на авиаэскадрилью «Боевые подруги» – 590272 руб. Жены командиров Уварова, Постревич и другие вносили от 3000 до 3500 руб. [18, л. 157]. 13 января 1943 г. на строительство авиаэскадрильи «Боевые подруги» жены командиров и фронтовиков 5-й отдельной учебной стрелковой бригады внесли 14000 руб. [75, л. 20]. В 16-й окружной снайперской школе на 3-й государственный военный заем командир

1-го учебного батальона Копаницын С. Г. внес 1100 рублей [87, л. 14]. В 1944 г. в фонд строительства вооружения начальник 16-й окружной снайперской школы подполковник Михайлов М. М. внес 2000 руб., а его жена 150 руб. А всего боевые подруги на 3-й государственный военный заем внесли 1625 руб. [87, л. 15, 17 об.].

Женами офицеров-фронтовиков Омской области за первые три года Великой Отечественной войны в фонд обороны было собрано 2330000 руб., в том числе на постройку танковой колонны «Боевые подруги» – 1,5 млн. Делегация Омского гарнизонного женсовета вместе с председателем Патэс дважды выезжала на фронт с подарками воинам-сибирякам [34, л. 43, 50].

1 мая 1945 г. в своем обращении к членам женсовета, женам и матерям фронтовиков Куйбышевского райвоенкомата г. Омска Маршал Советского Союза Жуков Г. К. писал: «Сердечно благодарю за ваше теплое приветствие... Вместе с вами радуюсь великим победам, вместе с вами горжусь славными подвигами, которые совершают на поле боя наши воины. Среди них немало и сибиряков, прославивших свои боевые знамена еще в боях под Москвой и Бобруйском... Слава о их героических делах останется жить в нашем народе навсегда» [56].

Ярким проявлением патриотизма сибиряков явился сбор средств на постройку именных боевых машин. Колхозница артели «Путь к коммунизму» Советского района Красноярского края Орлова Т. А. обратилась в крайком ВКП(б): «Мой муж-танкист сражается с врагами Родины на фронтах Отечественной войны. Воодушевленная победами Красной Армии и горячо желающая помочь ей, я сдала в Госбанк 40000 руб. своих трудовых сбережений на строительство боевого танка. Пусть мой муж Иван Орлов на грозной машине несет смерть гитлеровским бандитам и ускорит окончательный разгром немецких оккупантов». На внесенные Т. А. Орловой средства был построен танк № 888 и передан командиру танкового взвода И. Орлову [47, с. 258]. На фронтах Великой Отечественной сражался иркутянин Г. М. Остапенко. Его жена Анна Ивановна, председатель Котинского сельсовета Иркутского сельского района внесла 60000 руб. на строительство артиллерийских орудий [22, л. 41].

В декабре 1942 г. славный сибиряк И. М. Зуев из г. Тобольска, желая сделать новогодний подарок воинам Красной Армии, внес 20000 руб. своего выигрыша на строительство танка «Тоболька». В своей просьбе о передаче танка сибирской дивизии он писал: «Пусть этот танк будет такой же грозой для немцев, как наши славные сибиряки» [64].

На средства золотоискателей Дарасуна был куплен самолет «Шилкинский старатель» и по их просьбе он был передан земляку командиру гвардейского истребительного авиационного полка подполковнику А. П. Соболеву, который в августе 1945 г. доложил своим землякам, что на этом самолете он совершил 90 боевых вылетов и сбил 4 самолета [41]. В 1943 г. мозжухинские сельчане Кемеровской области на одном из собраний колхозников решили собрать средства на покупку самолета для действующей армии. На собранные средства колхозников на Чкаловском авиационном заводе г. Новосибирска был приобретен самолет, который называли «Мозжухинский колхозник» [42]. Рабочие и служащие Омского завода № 174 на свои средства и свои-

ми силами изготовили 20 танков Т-34. Боевые машины были переданы фронтовикам как танковая колонна «Сибиряк» [35, л. 31]. Колхозники с. Баженово Омской области на свои средства купили самолет своему земляку Герою Советского Союза Золотареву С. П. Только в 1944 г. сибиряк сбросил с этого самолета на противника свыше 400 т бомб [59, с. 160].

Важным вкладом в усиление боевой мощи армии и флота стало участие трудящихся Сибири в сборе средств на строительство боевой техники и вооружения для Красной Армии. Это движение зародилось в июле 1941 г. Его инициаторами на Алтае выступили комсомольцы г. Рубцовска. За несколько дней они собрали более 30000 рублей деньгами и облигациями на строительство танковой колонны «Комсомолец Алтая» [16, с. 146]. В первые дни Великой Отечественной войны инициаторами сбора средств на постройку эскадрильи самолетов в Новосибирской области стали комсомольцы Нарымского округа. Первые десять построенных самолетов в начале 1942 г. были переданы летчикам [25, л. 10]. Зимой 1942 г. командование 18-го гвардейского авиационного истребительного полка в письме трудящимся области выразили благодарность за новые самолеты и сообщили, что на полученных ранее самолетах гвардейцы сбили 46 самолетов, подбили 10 [25, л. 11].

Трудящиеся Сибири принимали активное участие и в сборе денежных средств на строительство танковых колонн. Жители Кемеровской области собрали 97 120000 руб. на вооружение танкового корпуса. 7-й Кузбасско-Нежинский механизированный корпус прошел боевой путь от Курска до Берлина и Праги [63]. Танковые колонны «Омский колхозник» и «Алтайский колхозник», построенные на средства трудящихся Алтая и Омской области, в составе гвардейского танкового соединения вступили в свой первый бой с фашистами в июле 1943 г. на Курской дуге. В числе первых они ворвались в поверженный Берлин [58]. В сражениях Великой Отечественной войны участвовали танковые колонны «Советская Якутия», «Советская Бурятия», «Якутский комсомолец» и др. [62].

Наравне со взрослыми, активное участие в сборе средств на строительство танков приняли и дети Сибири. 160886 руб. собрали на танк «Малютка» дети Омской области, в том числе 9000 руб. – пионеры и школьники г. Омска [10, с. 55, 56; 51, с. 64; 52, с. 26]. Танк Т-60 «Малютка», механиком-водителем которого была Е. А. Петлюк, в составе танковой колонны «Омский колхозник» принял участие в сражении на Курской дуге. С боями он дошел до Берлина [48]. 8121 рубль собрали на строительство боевых машин учащиеся Барнаульской школы № 1 [6]. Танк «Омский физкультурник», построенный на средства, собранные учащимися школы № 113 г. Омска, по просьбе школьников был вручен выпускнику школы чемпиону СССР по конькам Ю. Головченко [55]. В 1942 г. на постройку танка «Юный патриот Бурят – Монголии» школьники Бурятии собрали 124398 руб. [9, с. 318]. На строительство танковой колонны «Красноярский пионер» пионеры Красноярского края внесли 674000 руб. [48, с. 108].

Только за 9 дней января 1943 г. трудящиеся Алтайского края внесли в Госбанк 50483 руб. на строительство танковой колонны «Алтайский колхозник» [3]. Мужественно сражался с врагом на Курской дуге танк «Александр Грязнов», построенный на средства кол-

хозников и трудящихся Тюменцевского района Алтайского края [2]. На строительство танковой колонны «Комсомолец Забайкалья» читинскими комсомольцами было собрано 892335 руб. Только за первый день боев танковая колонна уничтожила 52 танка противника, 32 автомашины и истребила до 2 тыс. солдат и офицеров [39, л. 255 об.].

На 20 декабря 1942 г. по 15 районам Омской области на танковую колонну «Омский колхозник» было собрано 3 млн руб. [31, л. 72]. На 6 ноября 1942 г. служащими и вольнонаемными 24 райвоенкоматов Алтайского края было собрано на строительство танковой колонны им. 25-летия Великой Октябрьской социалистической революции 77691 руб. [17, л. 233 об.]. На строительство танковой колонны «Красноярский комсомолец» по 38 районам Красноярского края и Хакаской автономной области было собрано 9800561 руб. Секретарь комсомольской организации колхоза «Гудок» Советского района К. Шумкова внесла 121000 руб. [46, л. 108]. На 20 марта 1943 г. трудящиеся Читинской области собрали около 35 млн руб. на танковую колонну «Колхозник Забайкалья» и 2764000 руб. на постройку танковой колонны «Комсомолец Забайкалья» [37, л. 2, 3].

1 января 1943 г. газета «Восточно-Сибирская правда» опубликовала письмо воинов-танкистов с благодарностью за построенные танки «Иркутский комсомолец»: «4 новых танка «Иркутский комсомолец» мы передаем нашим лучшим экипажам, в составе которых находятся танкисты-сибиряки, уроженцы районов вашей области, – писал командир танкистов Рябов. – Завершаем иркутских комсомольцев, что всю силу этих танков, их пушек и пулеметов обрушим на подлых захватчиков» [12].

В конце 1942 г. повсеместно в Сибири развернулся сбор средств на строительство кораблей для Военно-Морского Флота. Речники г. Омска на первом воскреснике имени Героя Советского Союза И. Кузина в декабре 1942 г. заработали 4074 руб. на строительство торпедных катеров «Иртыш», «Тюменский рабочий» и др. [54]. В январе 1943 г. молодежь Алтая собрала 5721151 рублей на постройку боевой техники и обратилась с просьбой в ЦК ВКП(б) построить на них торпедные катера [7, 11]. Только комсомольцы и молодежь Зонального района Алтайского края за время войны собрали и сдали в фонд Главного Командования 78000 руб. на строительство торпедных катеров и танковой колонны [7].

В широком патриотическом движении по сбору средств в фонд обороны активное участие приняли комсомольцы и несоюзная молодежь Алтая. На строительство танковой колонны и соединения торпедных катеров ими было собрано 21421000 руб. 3 апреля 1943 г. руководитель алтайской делегации Л. Агапов на заводе в г. Тюмени передал в торжественной обстановке морякам-балтийцам первые пять торпедных катеров, построенных на средства комсомольцев и молодежи Алтая: «Алтайский комсомолец», «Молодой алтаец», «Пионер Алтая», «Комсомолец Ойротии», «Барнаульский комсомолец» [5]. Всего в годы Великой Отечественной войны на Балтике воевало 11 торпедных катеров, имевших в своем названии слово «Алтай», 9 из них были построены за счет средств, собранных молодежью и трудящимися края. Ими было уничтожено 10 фашистских боевых кораблей. По водоизмещению уничто-

женные корабли противника превосходят все корабли Алтая, вместе взятые, в 30 раз [44, с. 76]!

На 14 мая 1943 г. комсомольцы и молодежь Новосибирской области собрали на строительство боевых кораблей 6 653367 руб. [28, л. 32]. 15 мая 1943 г. бюро Новосибирского обкома ВЛКСМ рассмотрело вопрос постройки подводной лодки и звена истребителей и передачи их морякам-североморцам. Бюро приняло решение просить Наркома ВМФ адмирала Кузнецова Н. Г. приобрести на собранные средства подводную лодку, которой присвоить имя «Новосибирский комсомолец». Приказом Наркома ВМФ строящейся для Северного флота подводной лодке типа «М» было присвоено имя «Новосибирский комсомолец» [26, л. 18]. Решением бюро Новосибирского обкома ВЛКСМ от 20 июля 1943 г. для торжественной передачи подводной лодки «Новосибирский комсомолец» на флот была направлена делегация в составе В. Гончарова, Т. Н. Никитина, Т. Г. Протопопова. 10 августа делегация новосибирских комсомольцев торжественно вручила морякам-североморцам подводную лодку [27, л. 12]. В первом боевом походе, состоявшемся в сентябре 1943 г., отличился и экипаж подводной лодки «Новосибирский комсомолец», потопив немецкий транспорт водоизмещением в 7000 тонн [23, л. 6]. 3 октября 1943 г. от имени трудящихся Новосибирской области в адрес командира 3-го дивизиона подводных лодок Северного флота Героя Советского Союза капитана 1-го ранга И. А. Колышкина и экипажа подводной лодки Новосибирским обкомом ВКП(б) были направлены поздравления с первой победой [29, л. 94]. В июне 1943 г. в состав боевых сил Балтийского флота вступил торпедный катер № 96 «Иртыш», построенный на средства омичей. Его командиром был назначен старший лейтенант А. Д. Шемякин. Катер участвовал в освобождении островов Выборгского залива, высаживал десанты, отражал нападения фашистских кораблей [57].

14 сентября 1943 г. открыли свой боевой счет и алтайские торпедные катера. В морском бою, в котором участвовали торпедные катера «Пионер Алтая», «Молодой алтаец», «Герой Советского Союза Федя Фомин», «Пионер Алтая» потопил фашистский сторожевой корабль [60, л. 5]. О первой победе экипажа торпедного катера «Пионер Алтая» газета «Комсомольская правда» писала: «Катер прорвался сквозь сплошную стену огня и выпустил по врагу торпеду. Раздался сильный взрыв. Поврежденное судно погрузилось в воду... Экипаж катера,... построенного на средства пионеров далекого Алтая... с честью оправдывает доверие юных пионеров» [43].

Весь экипаж «Пионера Алтая» был отмечен государственными наградами. Командир Попков Н. Е., старшина группы мотористов В. М. Староверов, боцман В. А. Максимов были награждены орденами Отечественной войны. Командир отделения мотористов Н. А. Пономарев, моторист И. А. Шафрин, старший радист А. Г. Малышев и пулеметчик А. А. Щукин – орденами Красной Звезды. Ученик моториста 16-летний Костя Мишряшин был награжден медалью «За отвагу» [44, с. 9]. В своем первом письме к комсомольцам и молодежи Алтайского края катерники от всей души благодарили за боевой подарок. «Мы обещаем Вам – писали они, – не щадя ни крови, ни самой жизни, бить в море немецкие корабли» [60, л. 5].

Сообщив о трагической гибели экипажа торпедного катера «Герой Советского Союза Федя Фомин», катерщики заверили комсомольцев и молодежь Алтая, что «...силы и средства, затраченные Вами, не пропадут даром» [60, л. 6]. После митинга, на котором был принят текст письма, прошло комсомольское собрание, посвященное отличившемуся в бою пулеметчику А. В. Щукину знак особой признательности матери Алексея Анастасии Ивановне было направлено благодарственное письмо, которое подписал Герой Советского Союза командир 4-го дивизиона торпедных катеров капитан 3-го ранга С. А. Осипов [60, л. 5].

День Военно-Морского Флота в июле 1944 г. экипаж подводной лодки «Новосибирский комсомолец» встретил своей новой победой, пустив на дно Баренцева моря 3-й по счету фашистский корабль. Теперь на счету сибирской малютки было 2 потопленных немецких транспорта общим водоизмещением в 13000 тонн и сторожевой корабль [23, л. 38, 43]. В августе 1944 г. подводная лодка была переведена на Черноморский флот. И после ремонта в г. Потти вступила в состав боевых сил флота [24, л. 66]. Семьи североморцев, проживающие в Новосибирской области, были взяты на учет и им была оказана помощь [29, л. 71].

Активно участвовали в сборе средств в фонд обороны и фронтовики. В 74-й (2-го формирования) Краснознаменной стрелковой бригаде в первый день сбора средств в январе 1943 г. младший лейтенант Мишкишов внес 600 руб., старший лейтенант Андрейчук – 1000 руб. Бойцы и командиры подразделения старшего лейтенанта Контренко внесли 30000 руб. Воины-сибиряки настойчиво просили построить на собранные средства 76 мм противотанковую батарею и прислать к ним в подразделение, чтобы беспощадно громить немецких оккупантов [1, л. 13]. 8 июня 1943 г. в 67-м гвардейском Кемеровском стрелковом полку 22-й гвардейской стрелковой дивизии в течение полутора часов весь личный состав подписался на государственный военный заем. Сумма подписки составила 302 % к месячному фонду зарплаты. Это позволило полку занять первое место в соединении [21, л. 3].

Летчик-сибиряк М. Гордеев из своих сбережений на строительство боевого самолета внес 10000 руб. и призвал своих земляков из Балеysкого района Читинской области поддержать его почин [38, л. 1]. Выпускник Забайкальской военно-авиационной школы лейтенант Г. Т. Чайко с воздушным стрелком сержантом Шишкиным К. вылетел на фронт на купленном самолете ИЛ-2 с письмом к И. В. Сталину. Деньгами помогли старший авиамеханик сержант П. Бобров, моторист младший сержант В. Тарасов. Сибиряки были зачислены в 175-й гвардейский авиационный штурмовой полк 14-й воздушной армии 2-го Прибалтийского фронта. С надписью на борту: «Куплен на личные сбережения экипажа» за 4,5 месяца до окончания войны сибиряки совершили 52 боевых вылета [61, с. 411, 412]. Выпускник 1-го Томского артиллерийского училища полковник Белозерцев Василий Филиппович так рассказал об инициативе сбора средств на вооружение в отдельном истребительно-противо-танковом дивизионе 149-й стрелковой дивизии летом 1943 г.: «Мы самым настоящим образом купили себе батарею противотанковых длинноствольных 45 мм пушек... Деньги собирали всей батареей. Телеграмму послали Сталину. И получили от

него благодарность и новенькие, только что с завода, пушечки – гордость дивизиона» [8, с. 139].

Старший лейтенант Таптыгин И., ранее работавший в одном из колхозов Змеиногорского района Алтайского края, узнав, что колхозники и колхозницы родного Алтая организовали сбор средств на постройку танковой колонны, решил присоединить к их взносам и свои собственные средства. Он внес в фонд строительства танковой колонны «Алтайский колхозник» 100 руб. [4].

С 1 января по 27 марта 1943 г. на вооружение Красной Армии от воинов 26-й Алтайской запасной стрелковой бригады поступило 2 186380 руб. [74, л. 154]. В период комплектования 150-й стрелковой дивизии сибиряков-добровольцев летом 1942 г., бойцами 3-го Кемеровского стрелкового полка в фонд обороны было внесено наличными 2478 руб. [20, л. 2]. При проведении подписки на денежно-вещевую лотерею курсант 119-го запасного стрелкового полка 39-й запасной стрелковой бригады Кутафин сказал: «У меня два сына на фронте. Я поеду из нашей семьи третьим. Буду беспощадно мстить фашистскому зверю за нашу Родину, за замученных братьев, сыновей и дочерей» [33, л. 10]. В ходе проведения подписки на денежно-вещевую лотерею воины соединения подписались на 229239 руб. и внесли наличными – 47200 руб. [33, л. 11].

Воины-забайкальцы на второй государственный заем к июню 1943 г. подписались на сумму 99999060 руб. В 1942 г. сумма подписки составила 85768025 руб. В 1944 г. воины-забайкальцы внесли в фонд обороны 28564090 руб., в том числе 21418836 руб. облигациями госзаймов [14, с. 78].

В 1943 – 1944 гг. курсанты, преподаватели и командиры, рабочие и служащие 1-ого Омского военно-пехотного училища внесли на строительство танковой колонны 60595 руб. наличными и 353330 руб. облигациями [15, с. 93]. На 8 апреля 1944 г. воинами 41-й запасной стрелковой бригады Запфронта в фонд обороны было собрано 1341386 руб. Из них наличными 114646 руб. и 1226740 облигациями [78, л. 29]. В феврале – марте 1943 г. курсанты и командный состав Ленинградского артиллерийского училища зенитной артиллерии на строительство гаубичной батареи

«Томский артиллерист» собрали 68232 руб. наличными и 164395 руб. облигациями [93, л. 17]. В 1944 г. курсанты и преподаватели 1-го Омского военно-пехотного училища на строительство танковой колонны «Фрунзевец» собрали 64816 руб. наличными и 21410 руб. облигациями, заслужив благодарность Верховного Главнокомандующего [86, л. 92 об.]. Курсанты 26-й снайперской школы 6 мая 1945 г. завершили подписку на 4-й государственный военный заем, сумма которого составила 227490 рублей. Кроме того, наличными было внесено 11715 руб. [40, л. 73]. За первые три месяца 1945 г. воинами 21-го запасного стрелкового полка 23-й запасной стрелковой дивизии в фонд обороны было внесено облигациями на 90000 руб. и вручено облигаций на 152000 руб. [82, л. 31].

Примером высокого патриотизма являются результаты подписки на 4-й Государственный военный заем 1945 г. в 289-м запасном стрелковом полку 43-й Красноярской запасной стрелковой дивизии. При месячном фонде зарплаты воинов-комсомольцев 63757 руб., сумма подписки составила 134154 руб. [80, л. 142]. На 7 ноября 1944 г. сумма подписки на 4-ю денежную вещевую лотерею по частям 41-й запасной стрелковой дивизии составила 169650 руб., из них 102900 руб. наличными. В том числе: офицерами – 44975 руб. и 7200 руб. – вольнонаемными и членами семей [78, л. 102]. В фонд обороны и строительства вооружения для Красной Армии летно-техническим составом 20-го запасного авиационного полка было собрано 300000 руб., за что Верховным Главнокомандующим личному составу полка была объявлена благодарность [91, л. 26].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны, участвуя во всенародном движении помощи фронту, воины-сибиряки внесли значительный вклад в усиление боевой мощи Красной Армии. Участие военнослужащих и членов их семей в движении способствовало успешному решению задач боевой учебы в запасных и учебных частях и учреждениях Сибири. Оно оказывало мобилизующее воздействие на сознание военнослужащих, жен командно-начальствующего состава, укрепляло боевой дух воинов и способствовало укреплению единства армии и народа.

Литература

1. Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ). НВФ. 6197/11.
2. Алтайская правда. – 1942. – 23 декабря.
3. Там же. 1943. – 3 января.
4. Там же. 14 января.
5. Там же. 21 апреля.
6. Там же. 20 июня.
7. Там же. 29 октября.
8. Белозерцев, В. Нас породнила дуга / В. Белозерцев // На всю оставшуюся жизнь... Воспоминания воинов-бийчан, ветеранов тыла. – Бийск: Науч.-изд. центр БигПИ, 1994.
9. Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: сб. документов. – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1975.
10. Венки славы. – Т. 5: Курская дуга. – М., 1984.
11. Вечерний Барнаул. – 1994. – 10 декабря.
12. Восточно-Сибирская правда. – 1943. – 1 января.
13. Там же. 26 января.
14. Воины – забайкальцы на страже Родины: из истории Забайкальского военного округа. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968.
15. В Сибири рожденное. Страницы истории Омского высшего общевойсковой командного дважды Краснознаменного училища им. М. В. Фрунзе. – Омск: Омское кн. изд-во, 1987.
16. Гаврилов, Н. С. Алтай в Великой Отечественной войне / Н. С. Гаврилов. – Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1990.

17. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.П-5155. Оп. 2. Д. 4.
18. Там же. Д. 7.
19. Там же. Д. 14.
20. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-15. Оп. 8. Д. 33.
21. Там же. Д. 50.
22. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 1. Д. 762.
23. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Там же. Ф.П-4. Оп. 8. Д. 584.
24. Там же. Д. 597.
25. Там же. Ф.П-190. Оп. 1. Д. 100.
26. Там же. Д. 103.
27. Там же. Д. 104.
28. Там же. Оп. 2. Д. 654.
29. Там же. Оп. 7. Д. 662.
30. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 3136.
31. Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3336.
32. Там же. Д. 3438.
33. Там же. Д. 3444.
34. Там же. Д. 3725.
35. Там же. Д. 3913.
36. Государственный архив общественных политических объединений Тюменской области (ГАОПОТО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1142.
37. Государственный архив Читинской области (ГАЧО). ГАЧО. Ф.П-3. Оп. 10. Д. 3.
38. Там же. Ф.П-3. Оп. 1. Д. 2184.
39. Там же. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 508.
40. Там же. Ф.П-165. Оп.-1. Д. 18.
41. Забайкальский рабочий. – 1963. – 17 августа.
42. Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 22 февраля.
43. Комсомольская правда. – 1943. - 28 сент.
44. Кобелев, А. Атакует эскадра «Алтайцев» / А. Кобелев // Алтай. – 1991. – №4.
45. Красное знамя. – 1942. – 7 февраля.
46. Красноярский центр хранения и изучения документов новейшей истории (КЦХИДНИ). Ф. 26. Оп. 3. Д. 555.
47. Логвинов, В. К. В бой идут сибиряки. Красноярцы на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу / В. К. Логвинов. – Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1972.
48. “Малютка” – танк и малютка Ада // Вечерний Омск. – 1987. – 13 ноября.
49. На боевом посту. – 1943. – 20 января.
50. Там же. 18 апреля.
51. Омская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Т. 1.: Омская партийная организация в первый период Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – ноябрь 1942 гг. – Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1960.
52. Омская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Т. 2.: Омская партийная организация в период коренного перелома и окончательной победы над врагом. Ноябрь 1942 – декабрь 1945 гг. – Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1961.
53. Омская правда. – 1942. – 30 янв.
54. Там же. 16 декабря.
55. Там же. – 1943. – 17 января.
56. Там же. – 1945. – 17 июня.
57. Там же. – 1975. – 27 марта.
58. Омские танки на берлинской мостовой // Вечерний Омск. – 1981. – 31 октября.
59. По путям-дорогам фронтовым. – Омск: Омское кн. изд-во, 1994.
60. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.М-1. Оп. 47. Д. 5.
61. Сквозь годы боевые: воспоминания иркутян – участников Великой Отечественной. – Иркутск: Вост.-Сиб. издательская компания, 2000.
62. Социалистическая Якутия. – 1975. – 19 апреля.
63. Танки Кузбасса пришли в Берлин // Кузбасс. – 1945. – 23 ноября.
64. Тобольская правда. – 1943. – 1 января.
65. Центральный архив Министерства обороны РФ. Там же. Ф. 13-го отд. запасного полка связи. Оп. 536651. Д. 1.
66. Там же. Ф. 160. Оп. 116675. Д. 6.
67. Там же. Ф. 210. Оп. 3168. Д. 77.
68. Там же. Д. 97.
69. Там же. Ф. 3648. Оп. 592199. Д. 3.
70. Там же. Д. 4.
71. Там же. Ф. 3659. Оп. 364458. Д. 4.
72. Там же. Оп. 364453. Д. 5.
73. Там же. Ф. 8227. Оп. 458904. Д. 10.
74. Там же. Ф. 8228. Оп. 113807. Д. 1.

75. Там же. Ф. 8230. Оп. 90317с. Д. 1.
76. Там же. Ф. 8238. Оп. 65570. Д. 1.
77. Там же. Д. 3.
78. Там же. Ф. 8245. Оп. 114993. Д. 4.
79. Там же. Оп. 114925. Д. 2.
80. Там же. Ф. 8247. Оп. 90264. Д. 8.
81. Там же. Ф. 8300. Оп. 88553. Д. 1.
82. Там же. Ф. 8300. Оп. 88565. Д. 1.
83. Там же. Ф. 8245. Оп. 114925. Д. 2.
84. Там же. Ф. 8245. Оп. 114993. Д. 4.
85. Там же. Ф. 8245. Оп. 115289. Д. 4.
86. Там же. Ф. 60054. Оп. 35110. Д. 1.
87. Там же. Ф. 60804. Оп. 36134. Д. 57.
88. Там же. Ф. 10562. Оп. 1. Д. 16.
89. Там же. Д. 19.
90. Там же. Ф. 20101. Оп. 1. Д. 3.
91. Там же. Ф. 22022. Оп. 145126. Д. 8.
92. Там же. Ф. 22022. Оп. 145121. Д. 9.
93. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2264.

Информация об авторе:

Ростов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры рекламы и культурологии, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, 8-913-217-26-11, ndrostov@mail.ru.

Rostov Nikolay Dmitrievich – Doctor of History, Professor at the Department of Advertising and Culture Studies of I. I. Polzunov Altai State Technical University.

УДК 94(470) “19”

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ СИБИРИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В. Н. Шайдуров

TO THE ISSUE OF THE SIBERIAN JEWISH COMMUNITY FORMATION IN THE PRE-REFORM PERIOD

V. N. Shaydurov

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность)», шифр № 2012-1.1-12-000-3001-017.

В статье рассматривается начальный период формирования еврейской общины в Западной Сибири, который в историографии не получил детальной разработки. На основе архивных материалов представлен анализ государственной политики Александра I и Николая I в отношении еврейского населения Сибири и ее последствия к середине XIX в.

The article deals with the starting period that saw the formation and development of the Jewish community in Siberia. This period has not been thoroughly studied in historiography. The analysis represented is based on archival data and elaborates on governmental policies by Alexander I and Nicholas I towards Jews living in Siberia as well as the consequences of the policies by the mid XIX century.

Ключевые слова: еврейская община, еврейский вопрос, Сибирь, переселение.

Keywords: Jewish community, the Jewish question, Siberia, migration.

В отечественной историографии сложилась традиция начинать историю еврейской общины Сибири с 1836 г. Это было связано с включением региона в общегосударственную политику по решению еврейского вопроса.

Одним из первых эту тему затронул В. Н. Никитин в своем исследовании «Евреи земледельцы» (СПб., 1887). Одна из глав работы была посвящена неудачному переселению евреев в Тобольскую губернию и Омскую область при Николае I. Несомненной заслугой автора является введение в научный оборот архивных документов из фондов Министерства внутренних дел.

Правда, им не были сделаны ссылки в тексте, но сопоставление материалов из соответствующих фондов не оставляет в этом никакого сомнения. На основании многочисленных источников Никитин не только представил подробную картину разработки проекта и нюансы его реализации, но и попытался объяснить его неожиданное свертывание. В отличие от исследователей последующих лет, он не дал количественных данных о переселенцах-евреях этого времени, сославшись лишь на текст манифеста 1837 г., запретивший переселение и проживание иудеев в Сибири, согласно которому в Сибирь пожелало переселиться «1317 совершеннолетних

мужских душ (кроме самовольно ушедших в Сибирь, – а верного числа их никто не знал) [6, с. 207].

В начале XX в. вышли в свет новые работы, в которых приводятся разные данные об итогах переселения 1836 – 1837 гг. В 1905 г. в Петербурге вышла работа Г. Б. Белковского «Русское законодательство о евреях в Сибири», в которой автор не мог обойти стороной вопрос о еврейском переселении 1835 – 1836 гг. Рассуждая о запретительных мерах 1837 г., он указывал на то, что они не были распространены на тех, «которые успели добровольно поселиться в течение 1836 г. Их всего-то было 1367 человек» [1, с. 11]. Если Никитин в своем исследовании опирался на архивные данные, то Белковский в качестве источника использовал статью Ф. В. «Евреи в Сибири», опубликованную в журнале «Восход» [20].

В работе Ю. Островского «Сибирские евреи» (СПб., 1911) также упоминается переселенческая кампания. Не приводя конкретных данных о переселившихся, автор пишет, о «пожелании переселиться 1317 душ евреев» [7, с. 13].

Наконец, в разделе «Право жительства евреев в Сибири» М. М. Мыш дает историческую справку о евреях в Сибири. Их появление связано с кампанией 1835 – 1836 гг., когда «в течение 1836 г. пожелали переселиться из разных губерний 1217 евреев» [5, § 247]. Приводя данные о числе желающих переселиться, автор ссылается на текст высочайше утвержденного положения Комитета министров «О приостановлении переселения евреев в Сибирь» от 5 января 1837 г. Однако в тексте положения приведены иные сведения: «на сии участки в течение 1836 г. пожелании переселиться 1317 душ евреев» [8].

В монографиях исследователей уже конца XX – начала XXI вв. присутствуют упоминания о ранних страницах истории сибирских евреев (Н. Галашова, Ю. Гончаров, Л. Кальмина, Н. Орехова и др.). Однако авторы, как правило, ссылаются на работы своих дореволюционных предшественников, не подвергая приводимые ими сведения не только критике, но и сравнению. Явные разночтения относительно результатов одного и того же события заставили нас обратиться к этой теме и попытаться разобраться в событиях первой половины XIX в., приведших к возникновению новой региональной группы – сибирских евреев.

Незаселенные пространства Сибири на протяжении XVII – XIX вв. привлекали внимание властных структур и различных категорий населения. Еще в 1763 г. предполагалось направить часть иностранных колонистов в Сибирское генерал-губернаторство, предоставив им для водворения пространства Барабинской степи [9]. Правда, этот проект так и не был реализован: колонистов, в первую очередь, выходцев из германских государств, селили в Поволжье, Прибалтике и под Петербургом.

В середине марта 1810 г. Комитет министров на своем заседании заслушал записку министра внутренних дел О. П. Козодавлева. В ней докладчик представил проект курляндского дворянина, советника Курляндского губернского правления Г. Ф. фон Фелькерзама о переселении евреев из Курляндии в Тобольскую губернию [16, л. 148 об. – 149]. Однако правительство на тот момент не сочло необходимым рассматривать эту проблему, а потому было принято решение «по выслуша-

нии сих проектов ... оставить без уважения» [16, л. 149].

Для МВД вопрос о еврейском населении в Сибири в первой четверти XIX в. возникал не единожды. В этот период евреи оказывались за Уралом в результате исполнения судебных приговоров и направлялись туда в качестве ссыльных. Так, в 1814 г. сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель сообщал министру внутренних дел О. П. Козодавлеву о мерах, принятых иркутским гражданским губернатором Н. И. Трескиным относительно евреев-поселенцев (поселенцами являлись лица, отбывшие срок в ссылке или на каторге и оставленные в Сибири на проживание под надзором полиции. – В.Ш.) [19, л. 1]. Местные власти столкнулись с тем, что евреи «по роду их жизни удалены от всякого хозяйства и по развратному поведению не могут быть полезны тамошнему краю» [19, л. 3]. Для исправления нравов евреев и цыган было предложено отправлять тех, кто не имел ремесленных навыков, на казенное поселение в отдаленные от Иркутска селения Иркутского и Нижнеудинского уездов. Волостные правления обязаны были иметь за ними строжайший контроль, а сельские старшины принуждать их к различного рода сельским занятиям. Уклонение от работ грозило поселенцам через Земский суд направлением на винокуренные заводы. С этого момента евреи невольно стали играть важную роль в данной отрасли пищевой промышленности региона.

Приезд Александра I на уральские заводы позволил местным властям начать радикальную борьбу с «еврейским злом». Уже 19 декабря 1824 г. появилось секретное предписание, по которому, с целью предотвращения хищения евреями драгоценных металлов и «растления местного населения», запрещено было иудеям селиться в уральских казенных и частных заводах и Алтайском горном округе. Мероприятия по искоренению еврейства проводились одновременно по линии Министерства финансов и Министерства внутренних дел. В упомянутом документе министру финансов Е. Ф. Канкрину было дано указание «о евреях, чтобы отнюдь не были терпимы на горных заводах» [15, л. 9]. Последнему надлежало сообщить об этом управляющему Министерством внутренних дел. Уже неделю спустя, через управляющего Кабинетом ЕИВ графа Д. А. Гурьева содержание секретного документа было доведено до сведения горных начальников Кольваново-Воскресенских, Нерченских и Екатеринбургских заводов.

В конце января 1825 г. на имя Гурьева поступили первые отчеты от начальника Кольваново-Воскресенского горного округа П. Д. Фролова и начальника Екатеринбургских горных заводов О. Осипова о евреях на подконтрольной территории. Так, О. Осипов сообщил в Петербург о том, что «проживавшие в здешнем городе [Екатеринбурге. – В. Ш.], коих найдено шесть человек из оногo, уже высланы, а в Горнощитском мраморном заводе, как командир сего завода и гранильной фабрики ... донес, таковых не оказалось» [15, л. 14].

Более основательно подошел к выполнению поручения П. К. Фролов, который принялся изыскивать евреев не только на горных заводах и рудниках, но и в деревнях приписных крестьян, куда те могли попасть «по делам питейного сбора» [15, л. 15-15 об.]. В том же донесении графу Гурьеву Фролов задался вопросом:

«Что делать с евреями, принявшими христианство?» Это наталкивает на мысль о наличии в округе евреев-выкрестов, с которыми начальнику приходилось сталкиваться по тем или иным делам, которых приказано было не подвергать высылке [15, л. 19].

9 декабря 1825 г. западносибирский генерал-губернатор П. М. Капцевич сообщал в Сибирский комитет о проживавших в Омской области евреях и мероприятиях, которые планировалось осуществить в отношении этой группы. Сохранившиеся документы, в частности, решения Совета Главного управления Западной Сибири, позволяют говорить о том, что отношение местных властей и общества к ссыльным евреям было негативным. В них, например, указывалось, что «Семипалатинская Ратуша очень невыгодно на их [евреев. – В. Ш.] счет отзывалась, да и Петропавловский городничий также не ручался за благонадежное их поведение» [17, л. 3 об.].

Губернские власти оказались в непростой ситуации: им необходимо было отселить евреев не только от горных заводов Алтайского горного округа, но и населенных пунктов приграничной Сибирской линии. Основываясь на упомянутом секретном предписании, губернские власти приняли решение: «Всех евреев, находящихся ... по паспортам и в округах проживающих без оных, выслать в места прежнего жительства, и впредь не пускать их на Линию, за чем приказать городским и Земским полициям строго надблести причисленных же в мещане и крестьяне и имеющих домообзводство поселенцев» [17, л. 4-4 об.]. В дальнейшем предполагалось отселить евреев из Семипалатинска и Петропавловской крепости во внутренние районы Тобольской и Томской губерний и просить Тобольский приказ о ссыльных, «чтобы он в будущее время не присылал уже как на Линию, так равно иные места, кои близки к горным заводам» [17, л. 5-5 об.] ссыльных иудеев.

В 1829 г. эта кампания получила свое дальнейшее развитие. Евреи г. Колывани обратились к начальнику Алтайского горного округа с просьбой разрешить им поселиться на территории округа, но получили категорический отказ [4, л. 130].

Таким образом, уже в 1820-е гг. в Сибири реализовывались мероприятия, нацеленные на ограничение прав еврейского населения. Но, запрещая евреям проживать в некоторых районах Сибири, власти тем не менее оставляли их тут в качестве поселенцев, а потому запретительные меры не могли исключить евреев из числа сибирских обывателей. По данным МВД, уже к 1834 г. в Сибири проживало «18 купцов, мещан, цеховых и городских рабочих 659, а в Омской области поселенцев 13» [13, л. 4] иудейского исповедания.

К середине 1830-х гг. в черте оседлости резко ухудшилось положение еврейского населения, переселенного во второй половине 1820-х гг. из сельской местности в города и местечки: скученность не позволяла большинству евреев найти себе заработок. Об этом неоднократно докладывали с мест в Петербург. В апреле 1835 г. Николай I утвердил «Положение о евреях», которое должно было, по мнению его разработчиков, улучшить положение еврейского населения. В частности, одним из основных аспектов нового положения стало стремление «разгрузить» города черты оседлости от излишней массы неимущего еврейского населения за счет переселения его в сельскую местность. К этому

времени в России был накоплен достаточный опыт сельской инородческой колонизации: в 1760-е, 1780-е, 1800-е гг. появилось большое количество немецких, болгарских, греческих колоний в Поволжье, Новороссии, Прибалтике и других регионах. Новые поселения возникали на пустующих окраинных землях. В Европейской России незанятых земель практически не осталось. Поэтому власти вынуждены были направлять миграционные потоки на окраины государства.

В условиях бюрократизации государственного аппарата в период правления Николая I в разработку мер по решению еврейского вопроса в середине 1830-х гг. были вовлечены различные учреждения. Избавить города черты оседлости от избыточного еврейского населения можно было посредством переселения на окраины. Тем более, что опыт создания еврейских земледельческих колоний на Юге России к тому моменту был.

Одним из ключевых органов по подготовке и проведению переселения евреев в сельскую местность стало министерство финансов. В его функции входило не только выделение переселенцам дорожных средств, но также подготовка мест водворения. В частности, губернским казенным палатам было дано распоряжение выдавать евреям-переселенцам прогонные деньги, устраивать на квартиры и пр. Об этом же надлежало сообщить казенным палатам Тобольской губернии и Омской области, а также генерал-губернатору Западной Сибири.

Основным местом водворения евреев должна была стать Сибирь, несмотря на то, что местные власти еще со времен губернаторства М. М. Сперанского крайне негативно относились к ним. По представлению министра финансов Е. Ф. Канкрин, 12 ноября 1835 г. Николай I распорядился выделить для поселения евреев 5 свободных участков казенных земель в Тобольской губернии (Тарский округ: отрезки от татар Юрт-Черналинских 2212 дес.) и Омской области (Омский округ: между селом Кулачинским и деревней Хариной два участка – 3254 и 3446 дес., между деревнями Хариной и Захламиной – 3184 и 3056 дес.) площадью в 15154 дес. [12, л. 1-1 об.]. Канкрин рассчитывал в течение осени 1835 – зимы 1836 гг. закончить подготовительные действия и начать переселенческую кампанию уже весной 1836 г. На этом этапе в действие включилось Министерство внутренних дел, которое должно было посредством губернских чиновников донести до еврейского населения информацию о начале переселенческой кампании и ее условиях. Таким образом, Министерство финансов и Министерство внутренних дел становились центральными учреждениями по исполнению монаршей воли. Надо сказать, что к тому моменту в канцелярии МВД скопилось большое количество прошений от еврейских обществ различных губерний, в которых содержались просьбы об улучшении положения евреев. Наибольшее количество прошений исходило от евреев прибалтийских и белорусских губерний. Так, например, на имя министра внутренних дел Д. Н. Блудова поступило прошение от еврейских семейств г. Митава Курляндской губернии, в которой просители жаловались на «великие неудобства пропитывать себя законным образом» [12, л. 3].

О перенаселении евреями городов и невозможности ими содержать свои семьи указывал в своей записке витебский генерал-губернатор Дьяков, указывая, напри-

мер, на то, что «купеческие и мещанские промыслы за неимением достаточного числа покупателей и потребителей должны ограничиваться только мелочной торговлей, которая едва стоит содержания лавки; ремесленники, коих между евреями множество, не имеют работы. В одном только Могилеве, сколько известно, более 600 портных, тогда как достаточно 100-й доли сего числа по общей массе людей, имеющих нужду в их мастерстве» [12, л. 44-44 об.].

Многие еврейские семьи стремились любыми путями вырваться из нищеты, в которой они оказались по милости царской власти, а потому в еврейских общинах к середине 1830-х гг. сложились внутренние предпосылки к включению в переселенческий процесс.

Но далеко не все в еврейских общинах являлись сторонниками переселения на новые места. Одними из противников этого процесса выступили кагалы. В своей записке на имя А. Х. Бенкендорфа генерал-майор Дребуш указывал, что «они (евреи. – В. Ш.) приняли как благоденствие Всемиловейшее дозволение им сделаться хлебопашцами Тобольской губернии..., но встречают в том затруднение со стороны еврейских кагалов» [12, л. 50]. Кагалы вместе с градской и земской полицией старались скрыть от евреев соответствующий указ. Дело в том, что в явное противоречие вступили положение указа и фискальная практика: кагалы требовали от желающих переселиться уплаты всех необходимых податей и недоимок, тогда как высочайший указ списывал с переселенцев все недоимки по уплате податей [12, л. 50 об.]. Но переселиться желали, в первую очередь, те евреи, которые не могли материально устроить свою жизнь в прежней общине, но действия кагалов ставили их в более затруднительное положение.

Надо сказать, что «Положение о евреях» носило общий характер, многие из тезисов требовали дальнейшего разъяснения и детальной проработки. Это привело к тому, что в недрах чиновного аппарата сформировалось несколько подходов относительно переселения евреев из городов в сельскую местность. Первое мнение было озвучено министром финансов Е. Канкриным, согласно которому переселять евреев необходимо на выделенные казной земли в Сибири за счет казенных средств. Эта позиция достаточно последовательно прослеживается в ведомственной переписке между Министерством финансов, с одной стороны, и прочими ведомствами (Министерством внутренних дел и Министерством государственных имуществ), с другой стороны.

Особое мнение было высказано по этому вопросу генерал-адъютантом Дьяковым, занимавшем в 1836 г. пост главноуправляющего Витебской, Могилевской и Смоленской губерниями. Он соглашался с необходимостью улучшить положение евреев в черте оседлости, о чем было сообщено в записке, составленной в Витебске 19 июля 1836 г. По его мнению, в белорусских губерниях достаточно свободных земель для водворения евреев-хлебопашцев. Так, он предлагал «заблаговременно и не ожидая просьб назначить в Витебской и Могилевской губернии пустопорожние и оброчные казенные земли участками от 200 дес. и более; о назначении объявить еврейским обществам в городах и местечках, чтобы знали, где могут поселяться согласно положению 1835 г.» [12, л. 46]. Действия эти предполагалось реализовывать силами Министерства внутренних дел и ка-

зенных палат, подведомственных Министерству финансов.

Еще одна позиция была озвучена в докладной записке начальника IV округа корпуса жандармов генерал-майора Дребуша. Так же, как и Дьяков, он считал, что ухудшение положения евреев связано с мерами, принятыми в 1823 г., что ввергло их в нищету и лишило «всех средств к пропитанию себя с многочисленными семьями» [12, л. 50]. В записке Дебуш подробно изложил свое видение механизма переселения на отведенные в Сибири земли, которое фактически должно было оказаться в руках Корпуса жандармов (на местах – штаб-офицеров Корпуса). Это мнение было поддержано начальником Корпуса графом А. Х. Бенкендорфом. Таким образом, налицо было столкновение интересов разных ведомств и персон.

Оба документа попали в руки министра внутренних дел Д. Н. Блудова. Последний – с сопроводительной запиской от Бенкендорфа. Блудов же решил переложить ответственность за принятие окончательного решения на министра финансов Е. Канкрину, которому оба документа были переданы на рассмотрение. При этом Блудов почтительно писал Бенкендорфу, что по получении от министра финансов ответа, он непременно уведомит его о дальнейшем ходе дела [12, л. 57].

Позиция министра финансов Канкрин была неизменной: в своем ответе Блудову от 26 августа 1836 г. он писал, что, основываясь на имеющихся в министерстве сведениях, считал невозможным выделение земель в белорусских губерниях, т. к. свободных земель нет [14, л. 59 об.]. Что же касается предложений генерал-майора Дребуша, то они также не могут быть приняты, т. к. уже выработаны принципы снабжения еврейских переселенческих команд деньгами и установления контроля за их передвижением к месту водворения. Эти принципы были изложены в письме Блудову еще в мае 1836 г. [12, л. 17 – 20].

Таким образом, определилось общее мнение по вопросу переселения евреев в Сибирь.

Весной 1836 г. началась переселенческая кампания, как это планировалось в Министерстве финансов. Немногочисленные группы евреев направились из черты оседлости, преимущественно Могилевской губернии, в Сибирь. Уже первые контакты переселенцев с губернскими властями по пути движения выявили неготовность последних к приему переселенческих групп: евреи, будь то в Симбирске или во Владимире, просили о выделении им помощи, а местные власти вступали в длительную переписку с Петербургом, запрашивая инструкций к действию. Проблема была решена радикально: от Е. Канкрин поступило распоряжение казенным палатам о выделении необходимых средств и одежды для еврейских переселенцев [12, л. 102]. Таким образом чиновники решали проблемы переселенцев по мере их возникновения.

В середине декабря 1836 г. Канкрин направляет Блудову очередное письмо. В нем он подвел промежуточный итог переселенческой кампании 1836 г. В частности, он указывал, что «из дел департамента государственных имуществ видно, что в течение нынешнего 1836 г. пожелало переселиться из разных губерний на упомянутые для них казенные участки до 1317 душ» [14, л. 107]. В канцелярии Министерства внутренних дел на тот момент находились списки потенциальных переселенцев из различных белорусско-литовских гу-

берний, насчитывавшие более 3 тыс. чел. [подсчитано по: 13, л. 84-131 об.; 14, л. 56-76 об.]. Эти результаты настолько вдохновили министра финансов, что он заявил о своем намерении в следующем году выделить уже десять участков для водворения евреев в Омском и Петропавловском округах общей площадью 13363 дес. [12, л. 107 об.]. Для переселенцев уже планировались деньги в губернских и областных казенных палатах. Со своей стороны Министерство внутренних дел посредством губернаторов должно было сообщить об этом еврейским обществам, а также уведомить о том генерал-губернатора Западной Сибири.

22 декабря 1836 г. состоялось очередное заседание Комитета министров, на котором рассматривался в том числе и вопрос о развитии еврейского переселения в Сибирь на основании внесенного предложения министра финансов Е. Канкрин. Комитет министров принял решение «на утверждение распоряжения испросить Высочайшее соизволение» [12, л. 120-120 об.].

Уже 5 января 1837 г. Николай I наложил на положение Комитета министров резолюцию: «Переселение евреев в Сибирь приостановить» [12, л. 120 об.]. Это перечеркнуло все предпринятые ранее различными ведомствами действия. В специальной литературе неоднократно звучал вопрос: почему Николай I изменил свою позицию в переселенческом вопросе. Как нам кажется, негативную роль в подобном развитии событий сыграл министр внутренних дел граф Д. Н. Блудов, который в своих сохранившихся записках на высочайшее имя неоднократно выступал против поселения евреев в Сибири. Из упомянутых записок и сопроводительных к ним документов следует, что Блудов неоднократно имел с императором беседы на данную тему, которые получали свое дальнейшее воплощение в различных документах, в том числе получивших высочайшее одобрение. Главное, по мнению Д. Н. Блудова, – не допустить возникновения негативного влияния евреев на немногочисленное русское православное и инородческое население. Для этого необходимо было всеми возможными путями не допускать увеличения числа евреев в Сибири, а имевшихся обращать в православие.

Как бы то ни было, переселение евреев в Сибирь было не просто приостановлено. Вскоре последовало распоряжение о возвращении всех переселенческих партий на прежнее место жительства или направлении их в Херсонскую губернию, где их водворением должно было заняться недавно созданное Министерство государственных имуществ во главе с графом П. Д. Киселевым. Распоряжение об этом было направлено Блудовым всем губернаторам, через чьи губернии могли проходить еврей-переселенцы. Ответные рапорты губернаторов позволяют оценить реальные масштабы переселенческой кампании. Согласно им, на конец 1836 – начало 1837 года на пути в Сибирь было не более 100 евреев, воспользовавшихся дарованным им правом водвориться в Тобольской губернии. Все они были направлены в Херсон.

Однако одна группа переселенцев успела прибыть в Тобольскую губернию в конце 1836 г. Пришедшее распоряжение Блудова вызвало замешательство у губернских властей. В Петербург 5 июля было направлено донесение, что еще до 5 января 1837 г. в Сибирь прибыла партия евреев из Могилевской губернии и Белостокской области численностью 36 душ обоего пола [13, л. 165-166]. Возник вопрос: что делать? Потребовалось

вмешательство Николая I, который передал решение этого вопроса в руки самих евреев. Статс-секретарь Танеев писал по этому поводу Д. Н. Блудову: «Государь Император рассмотрев всеподданнейшую записку ... от 8 июля ... изволил считать несправедливым евреев сих вновь переводить. Но Его Императорское Величество повелевает предоставить им или переселиться в Херсонскую губернию или остаться на месте с подтверждением правилам принятым отныне для евреев в Сибири находящимся» [13, л. 185]. Воспользовавшись этим правом, 32 еврея решили остаться в Сибири, и только четверо приняли решение вернуться в Европейскую Россию.

Этот сюжет заставляет усомниться в сложившемся в литературе стереотипе о том, что более 1 тыс. евреев переселилось в Сибирь в 1836 г. Работа с архивными фондами дала нам любопытное дело, которое проливает свет на дальнейшую судьбу осевших в Омской области евреев.

В середине 1840-х гг. 32 омских еврея напомнили о себе. Это было связано с делом об освобождении их от податей и повинностей. В январе 1843 г. последовало Высочайшее повеление Николая I на решение Комитета министров по представлению министра государственных имуществ графа П. Д. Киселева: «Дозволить сим евреям остаться навсегда на отведенном им в омской области участке земли, а затем участок сей исключить из оклада» [10, л. 14]. Так, они получили 480 дес. удобной земли в бесплатное пользование сроком на 25 лет.

В ноябре 1853 г. западносибирский генерал-губернатор Г. Х. Гасфорд докладывал министру государственных имуществ графу П. Д. Киселеву о просьбе доверенных от евреев Шимона Лейбина и Мордуха Минского разрешить им переселиться в Екатеринославскую губернию. В записке было указано, что речь идет о тех самых 32 евреях, которым было разрешено поселение в Омской области в 1837 г. Прожив в Сибири 16 лет, они столкнулись с рядом проблем. Так, указывалось, что они не имеют возможности заниматься в прежних размерах хлебопашеством и скотоводством вследствие притеснения их от водворявшихся переселенцев из великороссийских губерний. Кроме того, сказывались последствия запретительного законодательства: «при постоянном уменьшении в здешнем крае евреев, они встречают крайнее затруднение как в образовании своих детей по иудейскому закону, так и в выдаче в замужество дочерей» [11, л. 2].

Переселение в Новороссию должно было, по их мнению, решить эти проблемы. Евреи готовы были двинуться в путь по получении разрешения за собственный счет. В Петербурге не стали возражать, согласившись с тем, что «переход их [евреев. – В. Ш.] в Екатеринославскую губернию будет соответствовать цели правительства относительно уменьшения в Сибири числа евреев» [11, л. 2 об.]. При этом в ведомстве П. Д. Киселева выдвинули свои условия: *переселение за свой счет; не требовать от государства новых налоговых льгот, внести на обеспечение своего водворения в Новороссию за каждое семейство 175 руб. серебром на счет Попечительского комитета об иностранных поселенцах Южной России* [11, л. 13].

Летом 1854 г. Гасфорд докладывал в Петербург, что по объявлении условий евреи заявили об отсутствии у них достаточных средств для переселения, а потому

вынуждены остаться на жительство в Сибири [11, л. 14-14 об.].

Практический результат переселенческой кампании 1835 – 1836 гг. был неоднозначен. Главным результатом можно признать введение официального запрета на переселение и проживание евреев в Сибири. Разработанные Д. Н. Блудовым «Правила» определили принципы жизни немногочисленной еврейской общины Сибири. В первую очередь, они касались ссыльных и каторжников, оказавшихся на этой территории. Именно каторга и ссылка во второй трети XIX в. стали основным источником пополнения сибирского еврейства: на 1849 г. в Тобольской губернии проживало 785 душ обоего пола [2, с. 37], а в Томской губернии – 1482 души обоего пола [3, с. 82], т. е. всего за 15 лет официальная численность еврейства в двух сибирских губерниях выросла почти в 3 раза. Одним из основных мест средоточия еврейской жизни Западной Сибири стал к середине XIX в. г. Каинск, в котором, по оценке современника, «большая часть жителей ... евреи, переселенные за сделанные ими преступления и более за контрабанду» [3, с. 95].

В середине XIX в. ссылка и каторга начинают постепенно терять свое значение в формировании еврейской общины Сибири. Так, одним из департаментов Министерства юстиции Еврейскому комитету в марте 1860 г. была подготовлена справка, в которой указывалось, что «в течение минувшего года Судебными палатами приговорено евреев: к высылке в Сибирь на поселение – 12, на жительство – 12, к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства – 40 и к заключению в работные дома 35 человек...» [18,

л. 81-81 об.]. Даже с учетом пришедших с ними немногочисленных членов семей этот источник не может рассматриваться как один из ведущих в формировании еврейской общины в Сибири.

Оказавшись в Сибири, евреи были выброшены за рамки привычного для них правового поля черты оседлости. В местах нового проживания они оказались одновременно в нескольких юридических плоскостях: с одной стороны, на них стремились распространить те же нормы, что действовали в пределах черты оседлости, с другой стороны, они попадали под юрисдикцию Устава о ссыльных, и, кроме того, они оставались подданными Российской империи со всеми вытекающими последствиями. Юридическая неразбериха дополнялась множеством циркуляров, инструкций, решений, высочайше утвержденных мнений и прочих правовых актов более частного характера.

Как следствие, еврейское население в Сибири оказывалось в наиболее бесправном положении, и требовались колоссальные усилия, чтобы не только добиться юридической справедливости, но и заставить местные власти ее соблюдать.

Таким образом, к началу пореформенного периода в Сибири, несмотря на противодействие властей, шел активный процесс формирования еврейской общины. Ссылка, а позднее естественный прирост, стали основными источниками для этого процесса. Отличные от черты оседлости условия жизни, незнание сегрегации заставляло евреев стремиться к эмансипации, обретая свое место в экономической и социокультурной жизни Сибири.

Литература:

1. Белковский, Г. Б. Русское законодательство о евреях в Сибири / Г. Б. Белковский. – СПб., 1905.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Т. XVII. – Ч. 1: Тобольская губерния. – СПб., 1849.
3. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Т. XVII. – Ч. 2: Томская губерния. – СПб., 1849.
4. Государственный архив Алтайского края. Ф. 3. Оп. 1. Д. 575.
5. Мыш, М. М. Руководство к русским законам о евреях / М. М. Мыш. – СПб., 1914.
6. Никитин, Н. В. Евреи земледельцы / Н. В. Никитин. – СПб., 1887.
7. Островский, Ю. Сибирские евреи / Ю. Островский. – СПб., 1911.
8. Полное собрание законов Российской империи: изд. II. – Т. 12. – Ч. 1. – № 9843.
9. Полное собрание законов Российской империи: изд. I. – Т. 18. – № 18880.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9352.
11. Там же. Ф. 383. Оп. 16. Д. 20045.
12. Там же. Оп. 29. Д. 959.
13. Там же. Ф. 960.
14. Там же. Д. 962.
15. Там же. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2728.
16. Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 20.
17. Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 260.
18. Там же. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 51.
19. Там же. Ф. 1285. Оп. 3. Д. 273.
20. Ф. В. Евреи в Сибири // Восход. Кн. 9. СПб., 1887.

Информация об авторе:

Шайдуров Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Санкт-Петербургский государственный горный университет, +7-950-024-8687, s-w-n@mail.ru.

Shaidurov Vladimir Nikolaevich – Candidate of History, Associate Professor at the department of History of the St. Petersburg State Mining University, St. Petersburg.

МАТЕМАТИКА

УДК 519.6

**ЧИСЛЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ВХОДА
И ПОГРУЖЕНИЯ ПЛОСКОГО ЦИЛИНДРА В НЕСЖИМАЕМУЮ ЖИДКОСТЬ
МЕТОДОМ СГЛАЖЕННЫХ ЧАСТИЦ**
Р. С. Макаrchук

**NUMERICAL SIMULATION OF ENTRY AND SUBMERGING OF A 2D CYLINDER INTO
INCOMPRESSIBLE LIQUID USING SMOOTHED PARTICLE HYDRODYNAMICS**
R. S. Makarchuk

В статье исследуются процессы входа, погружения и последующего всплытия плоского кругового цилиндра в бассейне, заполненном однородной несжимаемой жидкостью, методом сглаженных частиц. Особое внимание уделяется вычислению гидродинамических сил, действующих на цилиндр, и нагрузок, испытываемых твердыми вертикальными стенками бассейна.

The article is devoted to numerical simulation of processes of a 2D circular cylinder entry into an incompressible liquid filling the basin, its subsequent submergence and exit with Smoothed Particle Hydrodynamics. Special attention is paid to computation of hydrodynamic forces on the cylinder and loads on the vertical walls of the basin.

Ключевые слова: метод сглаженных частиц, свободная граница, несжимаемая жидкость, гидродинамические нагрузки, погруженное в жидкость тело, схема расщепления

Keywords: SPH, free surface, incompressible fluid flows, hydrodynamic loads, immersed body, split-step scheme.

Изучение особенностей течений жидкости со свободными границами является актуальной задачей и имеет большое прикладное значение, поскольку такого рода течения встречаются повсеместно. Достаточно привести в качестве примеров такие сложные физические процессы, как накат волны на наклонный берег, взаимодействие волн с береговыми и донными сооружениями, погруженными в жидкость телами: задачи глиссирования, посадки гидросамолетов на поверхность водоемов и т. д. Исследованию процессов взаимодействия твердых и упругих тел с жидкостью посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых: Л. И. Седова, Г. В. Логвиновича, В. В. Пухначева, А. А. Коробкина, А. Г. Терентьева, Э. И. Григolyuka, А. Г. Горшкова, М. В. Норкина, В. И. Юдовича, Г. Г. Шахверди, Н. Wagner, R. Zhao, O. Faltinsen, M. Greenhow, W. M. Lin, X. Zhu и др. Практический интерес в таких задачах представляют как кинематические характеристики течений – поле скоростей, положение свободной границы, так и динамические – поле давления, величины гидродинамических нагрузок на твердые границы области течения или погруженные тела. Использование классических численных методов (как эйлерового, так и лагранжевого типа) для проведения вычислительных экспериментов связано с определенными трудностями. Основная проблема первых состоит в сложности постановки граничных условий в связи с заранее неизвестным положением свободной границы. Недостаток вторых – аварийный останов программы при пересечениях ребер ячеек сетки, возникающих в случае больших деформаций области расчета. В связи с этим в последнее время все большую популярность стали набирать бессеточные лагранжевые методы, одним из наиболее известных представителей которых является метод сглаженных частиц [1, с. 1013 – 1024; 2, с. 375 – 389].

Существует множество работ, в которых представлены кинематические картины течений, полученные в ходе численного моделирования с применением метода сглаженных частиц, и лишь немногие из них посвящены вычислению поля давления, поскольку именно получение динамических характеристик является одной из основных слабых сторон метода. В настоящей работе особое внимание уделяется расчету поля давления и последующему вычислению гидродинамических сил, действующих на погруженное в жидкость тело, и нагрузок на твердые границы области течения. Инструментом проведения вычислительного эксперимента служит метод сглаженных частиц [3, с. 8417 – 8436], использующий модель несжимаемой жидкости и схему расщепления по физическим факторам [4, с. 745 – 762] для интегрирования по времени закона движения сплошной среды – системы уравнений Навье-Стокса. Использование модели несжимаемой жидкости для определения пиковых нагрузок на затупленное тело (круговой цилиндр в настоящей статье) в момент его входа в жидкость, как отмечается в работе [5, с. 159 – 185], не позволяет получить достоверные результаты, однако дальнейший процесс погружения описывается весьма хорошо.

Рассматриваемая в статье задача формулируется следующим образом. В бассейн длиной 1 м, заполненный жидкостью с плотностью $\rho = 1000 \text{ кг/м}^3$ и коэффициентом кинематической вязкости $\nu = 10^{-6} \text{ м}^2/\text{с}$ до уровня 0,3 м, падает абсолютно твердый плоский круговой цилиндр плотностью $\rho_b < \rho$ с радиусом основания $r = 0,055 \text{ м}$. Высота падения цилиндра определяется положением его центра масс $x_c = (0,5; 0,855) \text{ м}$ в начальный момент времени $t = 0 \text{ с}$. Задача обладает свойством симметрии относительно прямой, проходящей через центр масс цилиндра ортогонально покоящейся сво-

бодной поверхности жидкости в начальный момент времени. Симметричность постановки задачи означает, что моменты сил, действующих на цилиндр, равны нулю. Тем не менее задача решается в полной двумерной постановке.

Движение жидкости (занимающей область Ω) в бассейне подчиняется следующему векторному уравнению:

$$\frac{d\mathbf{u}}{dt} = -\frac{1}{\rho} \nabla p + \nu \Delta \mathbf{u} + \mathbf{f}, \quad (1)$$

где $\mathbf{u}(\mathbf{x}, t)$ – вектор скорости, $\mathbf{x}(t)$ – радиус-векторы точек области Ω , $p(\mathbf{x}, t)$ – давление, ρ – массовая плотность жидкости, ν – коэффициент кинематической вязкости, $\mathbf{f}$ – вектор плотности массовых сил. Помимо уравнения (1) для несжимаемых сред поле скоростей должно так же соответствовать условию соленоидальности:

$$\nabla \cdot \mathbf{u} = 0. \quad (2)$$

Для решения системы уравнений (1)-(2) необходимо задать начальные и граничные условия. Пусть $\Gamma = \Gamma_1 \cup \Gamma_2 \cup \Gamma_3 \cup \Gamma_4$ – граница области Ω , где Γ_1 – свободная граница (поверхность жидкости в бассейне), Γ_2 и Γ_3 – вертикальные стенки бассейна, Γ_4 – дно бассейна. Тогда граничные и начальные условия записываются следующим образом:

$$\begin{cases} \mathbf{p}_n(\mathbf{x}, t)|_{\mathbf{x} \in \Gamma_1} = \mathbf{T}(\mathbf{x}, t) \cdot \mathbf{n} - p_{\text{атм}} \mathbf{n}; \\ \mathbf{u}(\mathbf{x}, t)|_{\mathbf{x} \in \Gamma_2 \cup \Gamma_3 \cup \Gamma_4} = \mathbf{0}, \end{cases} \quad (3)$$

$$\mathbf{u}(\mathbf{x}, t)|_{t=0} = \mathbf{u}_0(\mathbf{x}). \quad (4)$$

Здесь $\mathbf{n}$ – вектор внешней нормали к свободной поверхности, $\mathbf{T}(\mathbf{x}, t)$ – тензор вязких напряжений, $\mathbf{p}_n(\mathbf{x}, t)$ – вектор напряжений на свободной поверхности в направлении внешней нормали, $p_{\text{атм}}$ – атмосферное давление.

К системе уравнений (1)-(2) с граничными и начальными условиями (3)-(4) для перемещения малых объемов жидкости (частиц) необходимо добавить следующее уравнение и начальные условия:

$$\begin{aligned} \frac{d\mathbf{x}}{dt} &= \mathbf{u}, \\ \mathbf{x}(t)|_{t=0} &= \mathbf{x}_0. \end{aligned}$$

Систему (1)-(2) будем решать численно методом сглаженных частиц. Основу метода составляет формула усреднения функции по Стеклову:

$$f(\mathbf{x}) = \int_D f(\tilde{\mathbf{x}}) W(\mathbf{x} - \tilde{\mathbf{x}}, h) dD, \quad (5)$$

где $\mathbf{x}, \tilde{\mathbf{x}} \in D \subset \mathbf{R}^d$, d – размерность задачи. Здесь и далее предполагается зависимость области интегрирования D от переменной $\mathbf{x}$. Функция W называется функцией ядра, kh – радиус ее носителя, h называется радиусом сглаживания или сглаживающей длиной, а значение коэффициента k зависит от конкретного вида функции.

Проведение вычислительного эксперимента требует перехода к дискретным аналогам уравнений динамики жидкости (1)-(2). С этой целью вся область расчета представляется набором расчетных узлов, между которыми нет жестких топологических связей, характерных, например, для конечно-элементных сеток. Вместо этого используется понятие ближайших соседей. Множество ближайших соседей i -й частицы с центром $\mathbf{x}_i$ определя-

ется как $P_i(t) = \{ \mathbf{x}_j \in \mathbf{R}^d \mid \rho(\mathbf{x}_i, \mathbf{x}_j) \leq h \}$, ρ – некоторая метрика в $\mathbf{R}^d$. Функции формы строятся по данному множеству частиц, которое в разные моменты времени в общем случае различно. Используя множество ближайших соседей в качестве набора узлов интегрирования, приходим к дискретному представлению формулы (5):

$$f(\mathbf{x}) = \int_D f(\tilde{\mathbf{x}}) W(\mathbf{x} - \tilde{\mathbf{x}}, h) dD \approx \sum_{j=1}^n f(\mathbf{x}_j) W(\mathbf{x} - \mathbf{x}_j, h) \Delta D_j,$$

где ΔD_j – связанный с j -й частицей объем, n – число частиц в области D . Ввиду отсутствия связанной сетки, в методе сглаженных частиц задача определения объема частицы не может быть решена геометрически, подобно тому как это делается в бессеточных методах, основанных на слабой форме уравнений движения (MFEM, NEM и др.). Вместо этого объем частиц принято вычислять по формуле $\Delta D_j = m_j / \rho_j$, где массы m_j задаются в качестве начального условия и сохраняют постоянные значения в течение всего времени расчета.

Функция ядра W является одним из ключевых понятий метода сглаженных частиц, и от ее выбора напрямую зависят результаты численных расчетов. Функции ядра, получившие наибольшее распространение, при расчете задач со свободными границами часто являются причиной образования групп (кластеров) частиц по всей области расчета, что оказывает серьезное влияние как на вычисляемые кинематические, так и динамические характеристики изучаемых процессов. Причина заключается в немономотонном поведении первых производных функции ядра, значения которых стремятся к нулю по мере приближения к центру области носителя, что приводит к ослабеванию сил отталкивания (градиент давления) между парами частиц по мере их сближения, обеспечивая благоприятные условия для их кластеризации. Решением этой проблемы может стать использование для аппроксимации градиента давления такой функции ядра, поведение первой производной которой на всей области ее носителя будет монотонным, что, соответственно, обеспечит монотонное возрастание отталкивающих сил между парами частиц по мере их сближения. Такой подход был предложен в работе [6]. В связи с тем, что в настоящей работе для проведения численных расчетов используется сплайн 4-й степени с радиусом носителя, равным $5/2h$, для вычисления давления в работе предлагается функция ядра подобного вида, нормализованная для плоского случая:

$$W(q) = \frac{60}{931\pi h^2} \begin{cases} (5/2 - q)^4 - (3/2 - q)^4, & 0 \leq q < 3/2; \\ (5/2 - q)^4, & 3/2 \leq q < 5/2; \\ 0, & q \geq 5/2, \end{cases}$$

где $q = \|\mathbf{x} - \tilde{\mathbf{x}}\| / h$.

Несмотря на то, что вычисление градиента давления на основе предлагаемой функции ядра позволяет регуляризовать расчетную "сетку" внутри области течения, во многих задачах возникают все же проблемы, связанные с близким расположением частиц свободной поверхности к внутренним частицам среды. Такое расположение обусловливается недостаточным количеством ближайших соседей с внешней, по отношению к жидкости, стороны свободной границы, и сказывается на

точности вычисления характеристик течения для этих частиц, что приводит к осцилляциям давлений в приграничных областях. С целью избегания подобных эффектов предлагается алгоритм корректировки свободной границы, заключающийся в добавлении в правую часть уравнений движения дополнительных сил отталкивания, действующих на частицы свободной поверхности. В работе предлагается использование потенциала упругих шаров:

$$\Pi(r) = \begin{cases} 1/2K(r-r_0)^2, & r \leq r_0; \\ 0, & r > r_0 \end{cases}$$

где K – коэффициент жесткости взаимодействующих упругих шаров (в нашем случае частиц жидкости), r – расстояние между ними, r_0 – радиус действия потенциала. Предложенный подход позволяет стабилизировать вычисления поля давления и получить достоверные кривые гидродинамических нагрузок. Результаты численного решения ряда модельных задач методом сглаженных частиц с использованием вышеупомянутых модификаций приведены в работе [7, с. 447 – 464].

Для определения перемещения цилиндра используется второй закон Ньютона. Внешние силы (за исключением силы тяжести), действующие на цилиндр, определяются по формуле:

$$\mathbf{F}_s = - \int_{\Gamma} p \mathbf{n} d\Gamma + \int_{\Gamma} \mathbf{T} \cdot \mathbf{n} d\Gamma,$$

где первый интеграл в правой части – поверхностные силы давления, второй интеграл – силы вязкого трения, Γ – поверхность цилиндра, $\mathbf{n}$ – вектор внешней нормали к поверхности цилиндра, p – давление, $\mathbf{T}$ – тензор вязких напряжений. Интегралы вычисляются по формулам прямоугольников.

В вычислительных экспериментах принимают участие цилиндры плотности $\rho_b = 250 \text{ кг/м}^3$, $\rho_b = 500 \text{ кг/м}^3$ и $\rho_b = 750 \text{ кг/м}^3$. Общее количество частиц, использованных в численных расчетах, составило 14515, из которых 11940 частиц служили для представления заполняющей бассейн жидкости, 439 граничных и 1796 виртуальных частиц применялись для постановки условий на неподвижных твердых границах бассейна, 68 граничных и 272 виртуальные частицы моделировали поверхность цилиндра. Полученные методом сглаженных частиц результаты вычислительных экспериментов сравниваются с результатами численных расчетов методом СР, представленными в работе [8], и данными лабораторных экспериментов [9]. На рисунке 1 приведены картины течений при входе и погружении в жидкость цилиндра плотности $\rho_b = 500 \text{ кг/м}^3$ в момент времени $t = 0,03 \text{ с}$, на рисунке 2 – в момент времени $t = 0,12 \text{ с}$. Момент касания цилиндром свободной поверхности жидкости в бассейне берется за начальный момент времени $t = 0 \text{ с}$.

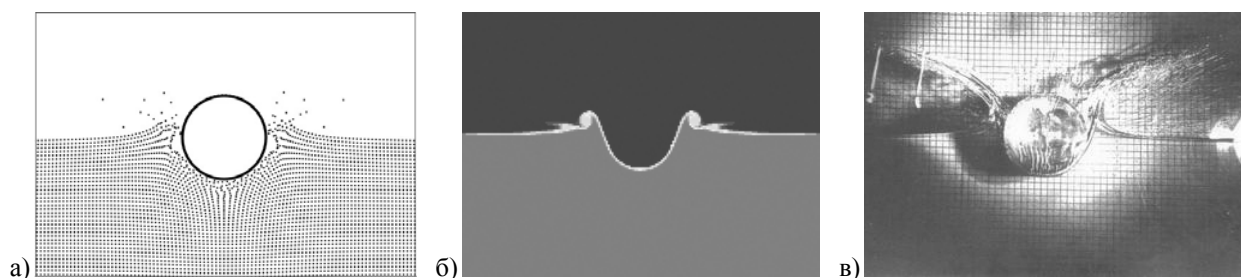

Рис. 1. Картины течения в момент времени $t=0.03 \text{ с}$: а) результаты автора, б) результаты метода СР, в) лабораторные снимки

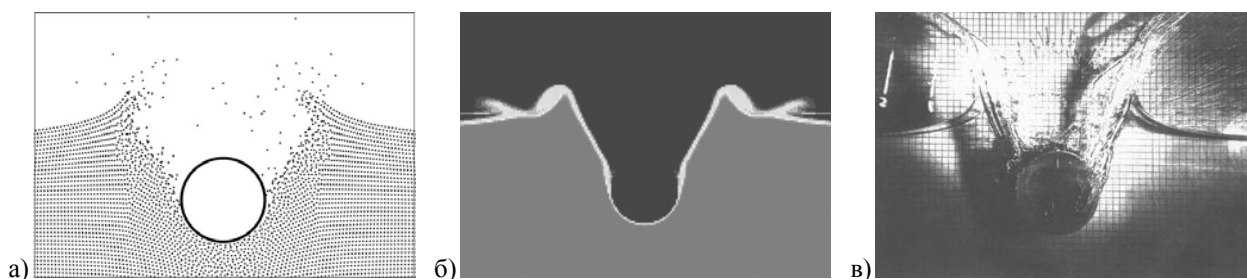

Рис. 2. Картины течения в момент времени $t=0.12 \text{ с}$: а) результаты автора, б) результаты метода СР, в) лабораторные снимки

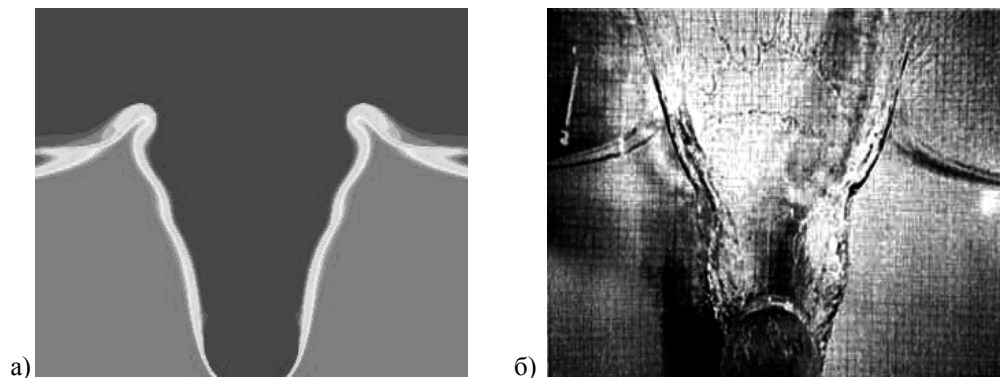

Рис. 3. Картины течения в момент времени $t=0.11$ с для цилиндра плотностью $\rho_b = 1000$ кг/м³ :
а) результаты метода СИР, б) лабораторные снимки

Из рисунка можно увидеть, что метод сглаженных частиц достаточно адекватно описывает процесс погружения тела в жидкость, однако, в отличие от результатов метода СИР и снимков экспериментов, струи, возникающие по обе стороны от цилиндра и образующие стенки каверны, имеют склонность к направлению в сторону цилиндра. Тем не менее подобную ситуацию можно также наблюдать и в численных расчетах методом СИР, но уже в случае цилиндра плотностью $\rho_b = 1000$ кг/м³ (рис. 3).

На рисунке 4 представлен график зависимости глубины погружения цилиндра в жидкость от времени. Здесь глубина H есть разность начального невозмущенного положения свободной поверхности жидкости в бассейне ($y_s = 0.3$ м) и вертикальной координаты нижней точки поверхности цилиндра. Пунктирная кривая – результат, полученный методом сглаженных частиц авторами статьи, непрерывная кривая – методом СИР в работе [8], квадратами на графике отмечены результаты эксперимента [9]. Можно отметить определенное расхождение в результатах, полученных различными методами, увеличивающееся со временем, которое можно объяснить тем, что в математической модели не учитывается сопротивление воздуха при падении цилиндра.

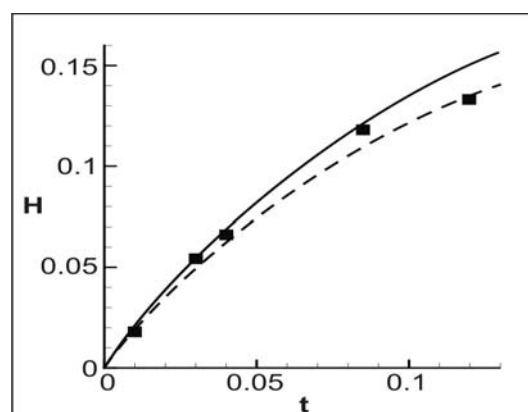

Рис. 4. Зависимость глубины погружения цилиндра от времени

На рисунке 5 приведены хронограммы гидродинамических нагрузок (а) и уровень жидкости (б) на правой стенке бассейна: кривая 1 соответствует цилиндру плотностью $\rho_b = 250$ кг/м³, кривая 2 – цилиндру плотностью $\rho_b = 500$ кг/м³ и кривая 3 – цилиндру плотностью $\rho_b = 750$ кг/м³. Максимальные значения нагрузок на стенки бассейна (на рисунках обозначенные $\max_1$ и $\max_2$) соответствуют моментам максимального заплеска на них волн, а уровень заплеска тем выше, чем больше масса цилиндра, погружение которого способствовало формированию этих волн.

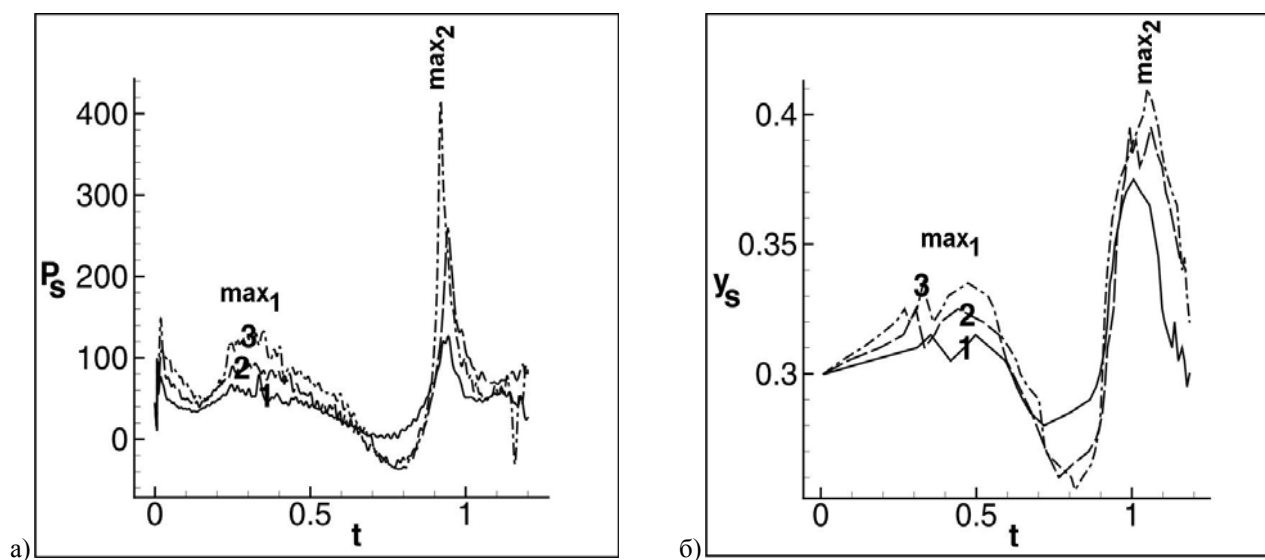

Рис. 5. Хронограммы гидродинамических нагрузок (а) и уровень жидкости (б) на правой стенке бассейна

Рассмотрим процессы погружения и всплытия цилиндров в бассейне с жидкостью более подробно. За время падения цилиндр плотностью $\rho_b = 250 \text{ кг/м}^3$ не приобретает импульса, достаточного для его полного погружения в жидкость. В процессе погружения цилиндра образуется каверна, ограниченная с обеих сторон струями жидкости. Из этих струй впоследствии формируются волны, расходящиеся от цилиндра в направлении стенок бассейна. На рисунке 5 (б) этим волнам соответствуют первые максимумы (обозначенные $\max_1$). Одновременно с этим цилиндр, достигнув своего предельного нижнего положения, начинает подниматься. После достижения цилиндром наивысшей точки подъема (рис. 6, а) цилиндр повторно погружается в жидкость, в результате чего происходит формирование вторых волн, движущихся в направлении вертикальных стенок бассейна. Этим волнам соответствуют вторые максимумы на рисунке 5 (б), обозначенные $\max_2$.

В случае цилиндра плотностью $\rho_b = 500 \text{ кг/м}^3$ приобретаемого им импульса достаточно для его полного погружения в жидкость – каверна, образующаяся в процессе погружения, схлопывается над цилиндром, формируя небольшую кумулятивную струю. Схлопывание каверны происходит после достижения цилиндром предельного нижнего положения на первом цикле погружения. Как и в предыдущем случае, из образовавшихся в процессе входа цилиндра в жидкость струй происходит формирование первых волн, которые движутся в сторону стенок, ограничивающих бассейн. В процессе последующего подъема по обе стороны от цилиндра происходит формирование вторых волн. Свой вклад в это вносит так же жидкость, которая поднимается вместе с цилиндром и затем стекает с его поверхности. Повторное погружение цилиндра завершает этот процесс.

Механизм формирования вторых волн в случае входа в жидкость цилиндра плотностью $\rho_b = 750 \text{ кг/м}^3$ отличается от двух ранее рассмотренных случаев. Приобре-

тенного цилиндром импульса достаточно для его достаточно глубокого погружения в жидкость. За это время успевают произойти процессы распада струй, образующихся при входе цилиндра в жидкость, и схлопывания каверны над цилиндром, который в этот момент еще продолжает погружение. В результате распада струй образуются первые волны, движущиеся в направлении стенок бассейна. Схлопывание каверны является причиной образования кумулятивной струи, которая, распадаясь, формирует вторые волны. В ранее рассмотренных случаях вторые волны формировались в процессе повторного погружения цилиндра в жидкость.

На рисунке 6 представлены зависимости от времени положения центров масс цилиндров (а) и гидродинамических сил, действующих на цилиндры (б). Следует обратить внимание на то, что в отличие от сил, действующих на цилиндры с плотностью $\rho_b = 250 \text{ кг/м}^3$ и $\rho_b = 500 \text{ кг/м}^3$, на интервале примерно от 0,2 с до 0,8 с гидродинамическую силу, действующую на цилиндр плотностью $\rho_b = 750 \text{ кг/м}^3$, можно считать приблизительно постоянной. Это связано с тем, что цилиндр на данном промежутке времени максимально погружен в жидкость, однако процесс схлопывания каверны над цилиндром не дает ему возможности начать всплытие. Гидродинамические силы достигают своих максимальных значений в моменты максимального погружения цилиндров в жидкость (помимо момента удара цилиндра о поверхность жидкости), минимальных значений – в моменты наибольшего их подъема.

Результаты вычислительных экспериментов демонстрируют эффективность применения метода при решении задач, где основной интерес представляют не пиковые нагрузки на погружающиеся тела, а процессы волнообразования и гидродинамические нагрузки на конструкции, расположенные вблизи мест их входа в жидкость.

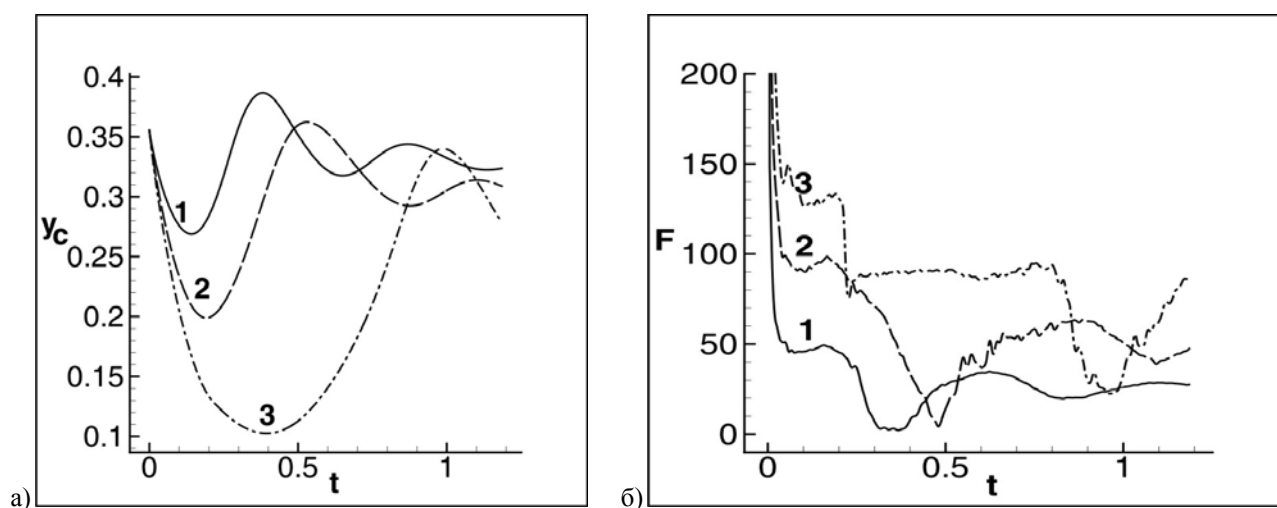

Рис. 6. Зависимость от времени положения центров масс цилиндров (а) и гидродинамической силы, действующей на цилиндры (б)

Литература

1. Lucy, L. B. A numerical approach to the testing of the fission hypothesis / L. B. Lucy // Astron. J. – 1977. – 82 (12).
2. Gingold, R. A. Smoothed particle hydrodynamics: theory and application to non-spherical stars / R. A. Gingold, J. J. Monaghan // Mon. Not. R. Astr. Soc. – 1977. – 181.
3. Lee, E.-S. Comparisons of weakly compressible and truly incompressible algorithms for the SPH mesh free particle method / E.-S. Lee, C. Moulinec, R. Xu, D. Violeau, D. Laurence, P. Stansby // J. Comput. Phys. – 2008. – 227.
4. Chorin, A. J. Numerical solution of the Navier–Stokes equations / A. J. Chorin // Math. Comput. – 1968. – 22.
5. Korobkin, A. A. Initial stage of water impact / A. A. Korobkin, V. V. Pukhnachov // Ann. Rev. Fluid Mech. – 1988. – 20.
6. Johnson, G. R. SPH for high velocity impact computations / G. R. Johnson, R. A. Stryk, S. R. Beissel // Comput. Method. Appl. M. – 1996. – 139.
7. Afanas'ev, K. E. Calculation of hydrodynamic loads at solid boundaries of the computation domain by the ISPH method in problems with free boundaries / K. E. Afanas'ev, R. S. Makarchuk // Russ. J. Numer. Anal. – M., 2011. – Vol. 26. – № 5.
8. Zhu, X. Application of the CIP Method to Strongly Nonlinear Wave-Body Interaction Problems / X. Zhu // Doctoral thesis for the degree of doctor ingenior. – 2006. – Режим доступа: <http://ntnu.diva-portal.org/smash/get/diva2:122822/FULLTEXT01> (дата обращения: 10.08.2012).
9. Greenhow, M. Non-linear free surface effects: Experiments and theory / M. Greenhow, W. M. Lin // Rep. No. 83-19, Dept. of Ocean Engineering, MIT, Cambridge, MA. – 1983. – Режим доступа: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA161079> (дата обращения: 10.08.2012).

Информация об авторе:

Макарчук Роман Сергеевич – старший преподаватель кафедры ЮНЕСКО по НИТ КемГУ, 8 (384-2) 58-32-89, e-mail: mak@kemsu.ru.

Makarchuk Roman Sergeevich – senior lecturer at the Department of UNESCO on NIT Kemerovo State University.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 622.271:351.77

ОЦЕНИВАНИЕ ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКОГО РИСКА ОТ МАССОВЫХ ВЗРЫВОВ С ПОМОЩЬЮ СЕЙСМИЧЕСКИХ ВИБРАТОРОВ

М. С. Хайретдинов, С. А. Авроров, Г. М. Воскобойникова, Г. Ф. Седухина

EVALUATING THE GEOECOLOGICAL RISK CAUSED BY THE MASS EXPLOSIONS WITH SEISMIC VIBRATORS

M. S. Khairtdinov, S. A. Avrorov, G. M. Voskoboinikova, G. F. Sedukhina

Работа выполнена в Институте вычислительной математики и математической геофизики СО РАН (Institute of Computational Mathematics and Mathematical Geophysics SB RAS) при поддержке грантов РФФИ № 10-07-00387-а, № 11-07-10000-к, №12-01-00773-а.

Предложен и экспериментально изучен новый подход к оцениванию геоэкологических рисков от массовых техногенных взрывов (карьерных, полигонных и др.) с учетом влияния метеорологических и геологических условий на основе использования сейсмических вибраторов, отвечающих требованиям геоэкологической безопасности и высокой повторяемости результатов исследований.

The new method of estimating the dangerous seismoacoustic effects caused by technogenic explosions (in quarries, military ranges etc.) with the account meteorological and geological conditions based on the use of seismic vibrators, meeting the requirements of geoeological safety and high repeatability of results, is offered and experimentally studied.

Ключевые слова: карьерные взрывы, сейсмоакустические поля, геоэкологический риск, сейсмический вибратор, геолого-метеорологические условия.

Keywords: quarry explosions, seismoacoustic fields, geoeological safety, seismic vibrator, geological and meteorological conditions.

Введение

Проблема прогнозирования геоэкологического воздействия разного типа массовых техногенных взрывов – короткозамедленных карьерных [1, с. 554 – 563], полигонных [2, с. 3 – 12] – на окружающую природную среду и социальную инфраструктуру является весьма актуальной. Известно, что основные геоэкологические эффекты таких взрывов связаны с сейсмическими и акустическими воздействиями, формированием и распространением пылевого облака, электрических импульсов, воздушной ударной волны. Наибольший интерес представляет изучение сейсмического и акустического эффектов массовых взрывов, которые определяют целостность промышленных и жилых объектов, ударное воздействие на биообъекты. Подобные эффекты ранее рассматривались рядом авторов [1]. В то же время следует отметить их слабую изученность от внешних факторов – направления и силы ветра, температурной инверсии, состояния турбулентности атмосферы, а также рельефа окружающей местности. С учетом влияния отмеченных факторов возникает необходимость *прогнозирования* геоэкологического риска от техногенных взрывов. В данной работе упор сделан на изложение методологического подхода и результатов экспериментальных исследований по оцениванию ветровой зависимости эффектов распространения сейсмических и акустических волн от массовых взрывов.

Методологический подход к оцениванию геоэкологических эффектов от массовых взрывов, предлагаемый в данной работе, базируется на применении сейсмических вибраторов в качестве источников, имитирующих взрывы, но обладающих намного меньшей мощностью в сравнении с ними. При этом достигаются высокие экологическая чистота и повторяемость экспериментов в отличие от взрывов. Это обусловлено высокими метрологическими силовыми и частотно-временными характеристиками вибрационных источников [3]. Протяженные зондирующие сигналы от вибраторов в пунктах приема сворачиваются в короткие корреляционные (вибрационные) сейсмограммы, являющиеся аналогами взрывных сейсмограмм.

Обоснованием к использованию предлагаемого подхода к прогнозированию с помощью сейсмических вибраторов являются два важных сейсмофизических феномена:

1. Эквивалентность сейсмических волновых полей, порождаемых взрывами и вибраторами. Это доказано экспериментально с использованием принципа взаимности «источник–приемник» [4, с. 28 – 34].

2. Способность вибраторов порождать одновременно как сейсмические, так и акустические колебания. Такая способность данного класса источников доказана

ранее теоретически и многочисленными экспериментами [5 – 8].

Изучение сейсмоакустических эффектов от сейсмических вибраторов и взрывов

1. *Эксперименты с сейсмическими вибраторами.* Ранее было показано, что сейсмические и акустические волны, порождаемые мощными вибраторами типа ЦВ-100, ЦВ-40, совместно могут распространяться на десятки километров от источника [6, с. 422 – 431]. С целью оценивания количественных эффектов влияния ветра на распространение акустических колебаний в районе Быстровского полигона, была развернута сеть из автономных сейсмических станций «Байкал», расположенных по кругу с радиусом 6 км, в центре которого располагается вибратор ЦВ-40 (рис. 1). В качестве датчиков использовались трехкомпонентные сейсμοприемники типа СК-1П, обозначенные на рисунке треугольниками. Рис. 1 иллюстрирует возможности одновременной регистрации сейсмических и акустических волн от сейсмического вибратора. Здесь в качестве результатов регистрации и обработки приведены вибрационные кореллограммы, получаемые как результат корреляционной свертки между опорным сигналом, повторяющимся по форме зондирующий сигнал, и зарегистрированным исходным сигналом. Получаемые при этом вибрационные кореллограммы являются аналогами импульсных сейсмограмм и иллюстрируют вступления сейсмических волн (волны первых вступлений) на временах прихода 0.96 – 1.05 с и акустических волн (вторичные волны) на временах прихода 16 – 19.5 с. Под последними подразумеваются сейсмические волны, регистрируемые на сейсмодатчиках как результат проявления процесса акустосейсмической индукции, развивающейся в приповерхностном волноводе [5, с. 664 – 667; 8, с. 92 – 102]. Сущность его состоит в том, что распространяющаяся вдоль дневной поверхности Земли акустическая волна возбуждает поверхностную сейсмическую волну (волну наведенной сейсмичности), скорость распространения которой совпадает со скоростью акустической волны. Соответственно, такая волна регистрируется сейсмическими датчиками по 3 компонентам X, Y, Z. В дальнейшем такой тип волн будем называть *сейсмоакустическими*.

Как следует из рис. 1, сейсмоакустические волны хорошо выражены на сейсмограммах при условии совпадения направлений ветра и фронта распространения акустической волны. На рисунке направление и сила ветра показаны стрелкой и равны в данном случае 2 – 4 м/с. Такая особенность распространения акустических волн известна в акустике как явление роста эффективной скорости звука и уменьшения затухания при попутном ветре [9].

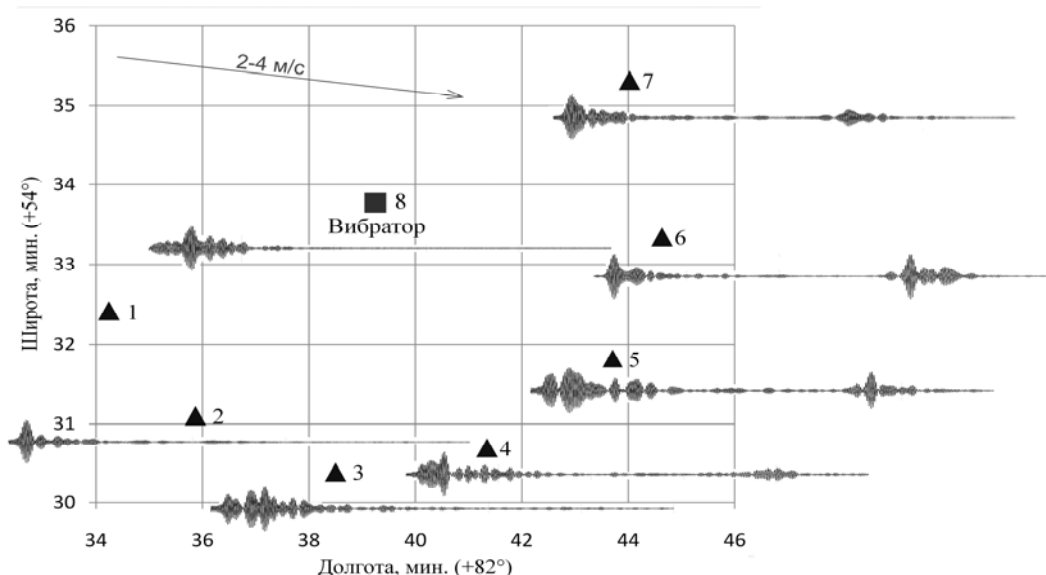

Рис. 1. Схема расстановки сейсмостанций «Байкал» с трехкомпонентными датчиками СК1-П и СМЕ-3011, расположенными по окружности радиусом 6 км. Приведены вибрационные кореллограммы, иллюстрирующие вступление сейсмических и сейсмоакустических волн. Стрелкой показано направление ветра

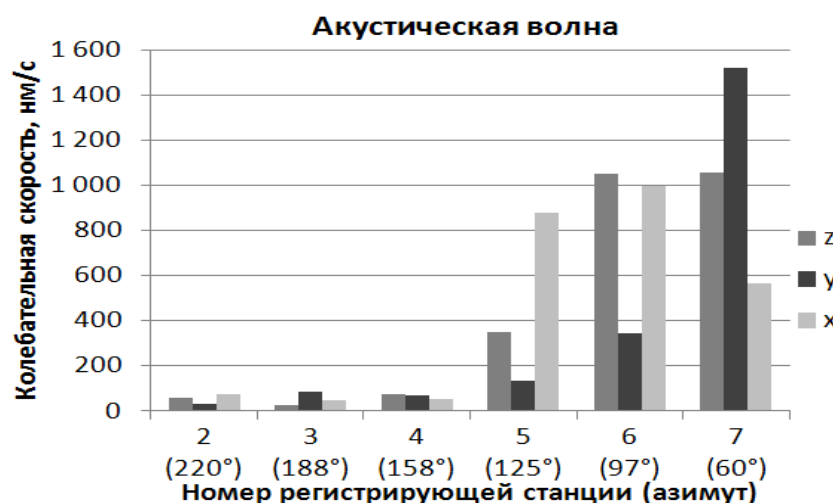

Рис. 2. Гистограммы амплитуд сейсмоакустических волн от сейсмического вибратора ЦВ-40 с круговой расстановкой сейсмодатчиков с радиусом 6 км от источника

В рассматриваемом случае на рис. 1 сейсмоакустические волны ярко выражены с подветренной стороны на датчиках 4, 5, 6, 7 и отсутствуют с противоположной, что определяет роль метеоусловий в дальнем распространении акустических волн. При этом важными являются количественные характеристики вариаций уровней волн с учетом метеоусловий. Они могут быть охарактеризованы азимутальными гистограммами амплитуд сейсмоакустических волн, отражающими распределение последних в пространстве по отношению к направлению ветра. Такие гистограммы, построенные по отношению к рассматриваемому случаю регистрации (рис. 1), приведены на рис. 2. По оси абсцисс здесь представлены номера датчиков с соответствующими азимутами в градусах.

Подобная гистограмма отражает особенности процессов взаимодействия физических полей разной природы: сейсмических, акустических и метеорологических. Количественно акустический эффект как функция

метеопараметров характеризуется значением углового сектора θ и акустической энергией E_a , которая концентрируется в его пределах. Другой характеристикой является соотношение максимального $A_{\max}$ и минимального $A_{\min}$ уровней акустических волн в пределах сектора в 360 град., характеризующее перераспределение энергии акустических волн в пространстве. Очевидно, что эти параметры, в свою очередь, сложным образом зависят от ряда таких факторов, как мощность источника, направление и сила ветра, явление температурной инверсии, турбулентность атмосферы, сложность рельефа местности и др. В частности, из рис. 2 следует, что сектор нарастания уровня сейсмоакустических волн при указанных на рис. 1 направлении и силе ветра 2 – 4 м/сек занимает около 60 град. При этом перепад уровней волн $A_{\max}/A_{\min}$ достигает в среднем 50 раз. Приведенный результат следует рассматривать как результат имитационного моделирования, показывающий, что метеозависимый акустический эффект даже от слабого

ветра необходимо учитывать при оценивании геоэкологической опасности взрывов для окружающей природной и социальной инфраструктуры.

2. *Эксперименты с карьерными взрывами.* По аналогии с экспериментами с вибратором (рис. 1) изучалась ветровая зависимость сейсмоакустических волн,

порождаемых карьерными взрывами Кузбасса. В качестве примера на рис. 3 представлена схема регистрации карьерного взрыва массой взрывчатого вещества (ВВ) 100 т на разрезе «Виноградовский».

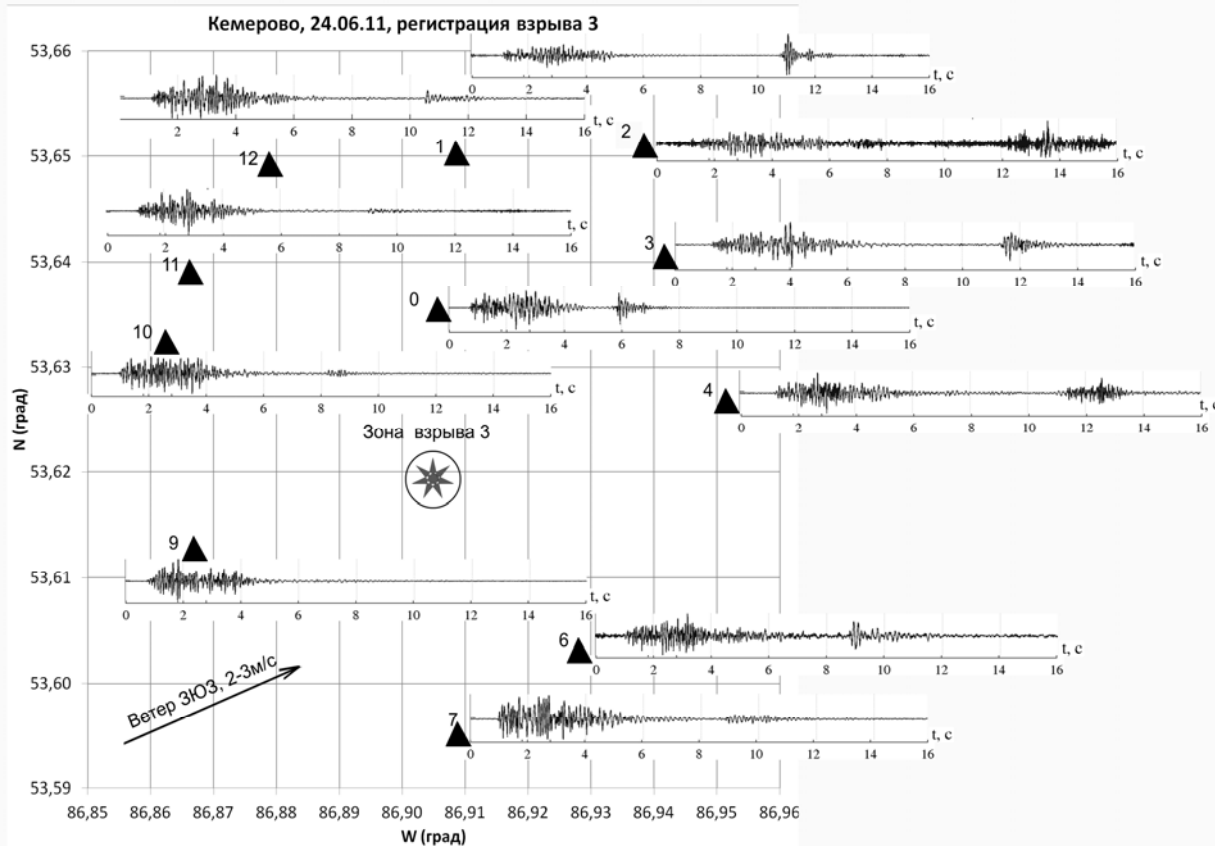

Рис. 3. Сейсмоакустические записи карьерного взрыва для случая круговой расстановки сейсмодатчиков. Датчики помечены треугольниками. Место взрыва обозначено звездочкой. Направление ветра показано стрелкой

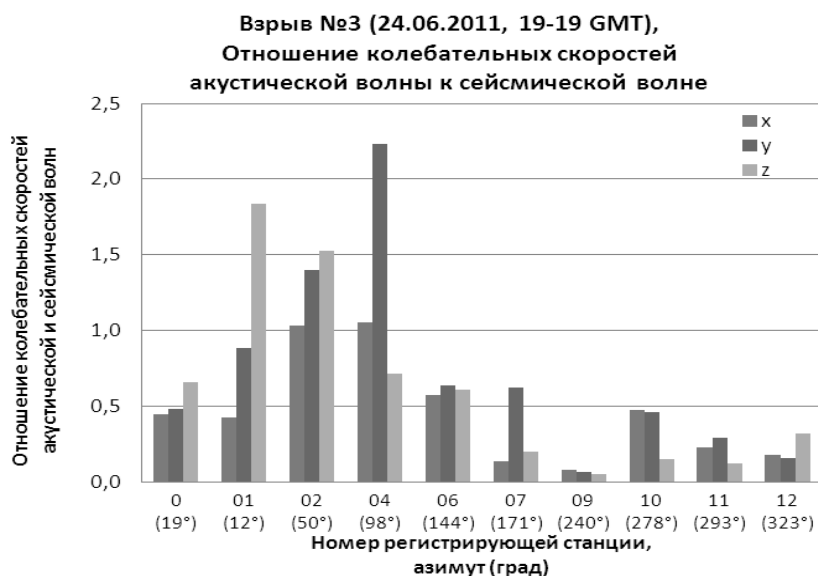

Рис. 4. Гистограммы парных соотношений амплитуд сейсмоакустических и сейсмических волн от карьерного взрыва с тротиловым эквивалентом 60 т для случая круговой расстановки сейсмодатчиков относительно источника

На схеме пункты расстановки регистрирующей аппаратуры в виде мобильных сейсмостанций «Байкал» в комплексе с трехкомпонентными сейсмодатчиками GS-3C обозначены треугольниками под номерами 0 – 12. Датчик под нулевым номером располагался непосредственно возле взрыва. Место взрыва обозначено звездочкой. Как результат регистрации, на рис. 3 представлены записи головных (сейсмических), сосредоточенных в диапазоне (0.5 – 1.1) с, и сейсмоакустических в диапазоне 9 – 11.8 с. По аналогии с сейсмограммами от вибратора ЦВ-40 представленные волны отражают метеозависимый акустический эффект от карьерного взрыва: преобладающие сейсмоакустические волны регистрируются на датчиках 1 – 6, расположенных с подветренной стороны по отношению к взрыву. Соответственно, на датчиках с наветренной стороны (датчики №№ 7 – 12) эти волны проявляются намного слабее либо вообще отсутствуют. Количественное соотношение между уровнями сейсмоакустических и сейсмических волн P определяется гистограммой парных отношений, приведенной на рис. 4. Здесь по оси абсцисс приводятся номера датчиков и их соответствующий азимут.

Как следует из рисунка, сейсмоакустические волны по уровню могут превышать сейсмические, в рассматриваемом случае до 2-х раз. Для данных условий проведения взрыва и регистрации угловой сектор нарастания акустических волн составляет около 70 град, а соотношение преобладающих и минимальных уровней акустических волн достигает одного порядка.

Результаты экспериментальных исследований показывают, что ветровое усиление акустических волн влечет за собой возрастание уровней поверхностных сейсмических волн, поскольку последние, как показано в [6], индуцируются акустическими волнами. По такой схеме взаимодействия волн может развиваться усиленный геоэкологический эффект сейсмоакустического воздействия на окружающую среду.

3. *Оценивание геоэкологического воздействия сейсмоакустических волн.* Результаты экспериментов по выявлению метеозависимых акустических эффектов позволяют описать их с помощью функции направлен-

ности $F(\theta)$, которая может быть оценена по функции нарастания уровней акустических волн в пределах заданного углового сектора. В этом случае правомочно говорить об эффекте фокусировки акустосейсмических колебаний по пространству. Тогда акустическое давление, характеризующее воздействие воздушной волны, может быть представлено с учетом [1] в виде:

$$P = 0.47K \cdot R^{-1/5} \cdot F(\theta), \quad (1)$$

где коэффициент K зависит от физико-механических свойств горных пород и возрастает от 0.5 до 1.5 при увеличении крепости пород; $R = r/q^{1/3}$, где r – абсолютное эпицентральное расстояние от взрыва в метрах, q – масса заряда взрывчатого вещества (ВВ). В случае короткозамедленного взрыва большого числа скважин в качестве величины q выбирается масса ВВ в группе скважин.

С учетом приведенного соотношения метеозависимые эффекты распространения акустических волн от вибрационных источников в разном частотном диапазоне могут быть использованы для оценивания зональности сейсмоакустического геоэкологического воздействия на социальную инфра-структуру путем пересчета результатов измерений обоих полей к мощности взрывов.

Экологическое воздействие карьерных взрывов оценивается *удельной плотностью энергии*:

$$E = \frac{1}{\rho c} \int_0^T p^2(t) dt. \quad (2)$$

Здесь ρc – удельное акустическое сопротивление воздуха, равное 42 г/(см²·с); $p(t)$ – акустическое давление, регистрируемое на выходе акустического датчика; T – длительность акустической волны.

Допустимые акустические воздействия на объекты социальной инфраструктуры определяются табулированными значениями удельной плотности энергии в единицах Дж/м², приведенными в таблице 1. Как видно из таблицы, для человека безопасной является величина удельной плотности энергии до 3 Дж/м².

Таблица 1

Охраняемый объект	Критическое значение удельной энергии $\epsilon_{кр}$, Дж/м ²	
	разрушительной	безопасной
<i>Сейсмическая волна</i>		
Здание жилое, взрыв однократный.	2600	1000
Здание производственное, взрыв однократный.		1500
<i>Воздушная волна</i>		
Оконное стекло толщиной 2 – 3 см.	80	15
<i>Взрывной шум (раздражающее действие)</i>		
Человек		3

Значение энергии волнового импульса рассчитывается по экспериментально полученным записям. В качестве примера ниже приводится оценка удельной плотности энергии для взрыва массой 270 т, зарегистрированного в точке на удалении 6.8 км и в азимутальном направлении, соответствующем максимуму акустического давления. Акустическая волна (акустограмма) от взрыва регистрировалась с помощью пьезо-

датчика давления с коэффициентом преобразования $K_A = 200$ мкВ/Па.

В качестве примера на рис. 5 приведен вид такой акустограммы, представленной двумя верхними записями. Первая запись получена без фильтрации, вторая – с применением вейвлет-фильтрации для устранения флуктуационных ветровых помех.

Оценка максимума давления составила $p_{\max}=15.9$ Па. Для сравнения акустическое давление от вибратора ЦВ- 40 на удалении 6 км (рис. 1) составило $p=0.013$ Па, т. е. в 1223 раз меньше, чем от взрыва. Это доказывает экологическую чистоту вибраторов как инструментов для проведения экспериментальных исследований. Значение удельной плотности энергии рассчитывалось

согласно (2) с использованием записи акустограммы на участке существования акустической волны, равной 4 с. Полученная здесь оценка удельной плотности энергии составила 0.5 Дж/м^2 , что в 6 раз ниже допустимой для человека (таблица 1).

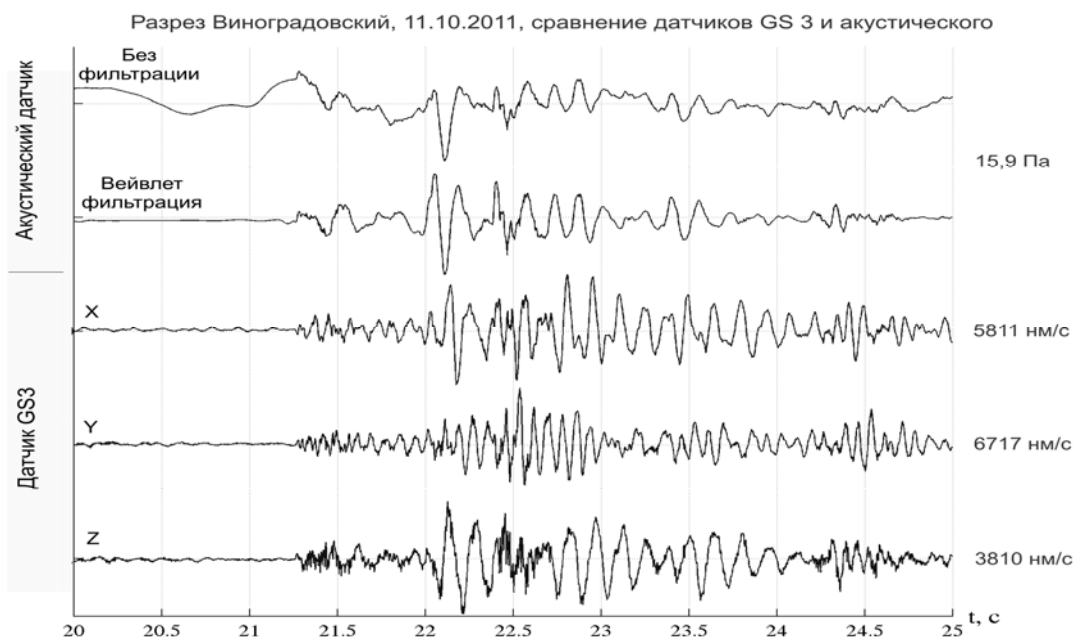

Рис. 5. Записи карьерного взрыва (разрез «Виноградовский») массой 270 т на удалении 6.8 км

Два верхних графика (рис. 5) соответствуют акустограммам, зарегистрированным с помощью акустического датчика, три нижних графика соответствуют сейсмограммам, зарегистрированным трехкомпонентным сейсмодатчиком GS-3C по компонентам X, Y, Z. Справа от записей приводятся амплитудные значения волн, представленные в единицах колебательной скорости (нм/с), для акустического датчика – в единицах давления (Па).

Следует отметить характер вступления акустических волн, представленный на рис. 5: участок слабого вступления (21.3 – 22) с сменяется вступлением мощного цуга на интервале 22 – 24.5 с. Это отражает явление интерференции короткозамедленных взрывов, которое может приводить к многократному усилению акустического и сейсмического эффектов.

Три нижние записи на рис. 5 отражают вступления сейсмических волн по компонентам X, Y, Z от датчика GS-3C. Амплитуды этих волн представлены справа от графиков в значениях колебательной скорости (нм/с). Из приведенного рисунка отчетливо видна коррелированность (максимум функции взаимной корреляции составляет 0,55 по компоненте Z) последних с акустической волной, что свидетельствует об их тесной природе распространения.

Заключение

Предложена и экспериментально реализована методика изучения влияния сейсмоакустических эффектов от массовых техногенных взрывов – короткозамедленных карьерных, полигонных и др. – на окружающую природную среду и социальную инфраструктуру. Подход основан на использовании сейсмических и акустических колебаний сейсмических вибраторов, отвечаю-

щих требованиям геоэкологической безопасности. Такие источники гарантирует высокую повторяемость результатов исследований в отличие от взрывов. Это позволяет оценивать геоэкологические риски от взрывов в зависимости от гео- и метеоусловий и параметров взрывной технологии с учетом масштабного пересчета.

Результатами экспериментов показано, что существующие на сегодня низко- и высокочастотные типы сейсмических вибраторов и компактные автономные сейсмостанции типа «Байкал» в комплекте с трехкомпонентными малогабаритными сейсмодатчиками типа GS-3C позволяют регистрировать сейсмоакустические волны в диапазоне частот от 5 до 100 Гц. Это позволяет с необходимой детальностью изучать особенности распространения волн в районах вибросейсмических полигонов и промышленных карьеров в широком спектре частот и на разных азимутальных направлениях с учетом геолого- и метеоусловий и параметров взрывной технологии.

На основе экспериментов выявлены эффекты фокусировки акустосейсмических колебаний по пространству и интерференции во времени, многократно усиливающие геоэкологическое воздействие массовых взрывов на окружающую среду. В частности, показано, что даже при слабом ветре 2 – 4 м/с соотношения максимальных и минимальных уровней акустических волн в зависимости от азимута достигают 50 и более раз, а сами акустические воздействия сопоставимы с сейсмическими. Наблюдающееся в экспериментах явление интерференции короткозамедленных взрывов во времени и пространстве, приводящее к 5-кратному и более усилению сейсмоакустических волн, дополнительно усиливает разрушительное воздействие последних.

Литература

1. Адушкин, В. В. Геоэкологические последствия массовых химических взрывов на карьерах / В. В. Адушкин, А. А. Спивак, С. П. Соловьев // Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология. – 2000. – № 6.
2. Авроров, С. А. Распределённая обработка данных в иерархических системах и сетях / С. А. Авроров, М. С. Хайретдинов // Научный вестник НГТУ. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. – № 2.
3. Алексеев, А. С. Активная сейсмология с мощными вибрационными источниками / А. С. Алексеев, Н. И. Геза, Б. М. Глинский и др.; отв. ред. Г. М. Цибульчик. – Новосибирск: Гео, 2004. – 387 с.
4. Глинский, Б. М. Экспериментальные исследования по калибровке сейсмических трасс в Западной Сибири и Алтае-Саянском регионе / Б. М. Глинский, А. Ф. Еманов, В. В. Ковалевский и др. // Вестник НЯЦ РК. – 2004. – Вып. 2 (18).
5. Алексеев, А. С. Эффект акустосейсмической индукции при вибросейсмическом зондировании / А. С. Алексеев, Б. М. Глинский, С. И. Дряхлов и др. // Доклады АН. – 1996. – Т. 346. – N. 5.
6. Glinskii, B. M. Relationship of wave fields from powerful vibrators with atmospheric and geodynamic processes / B. M. Glinskii, V. V. Kovalevskii, M. S. Khairtdinov // Geology and Geophysics. – 1999. – Vol. 40. – No. 3.
7. Заславский, Ю. М. Излучение сейсмических волн вибрационными источниками / Ю. М. Заславский. – Нижний Новгород: Институт прикладной физики РАН, 2007. – 200 с.
8. Ковалевский, В. В. Исследование акустосейсмических волновых полей, генерируемых поверхностными сейсмическими вибраторами / В. В. Ковалевский // Акустический журнал. – 2005. – Т. 51.
9. Исакович, А. М. Общая акустика / А. М. Исакович. – М.: Наука: Физматлит, 1973. – 496 с.

Информация об авторах:

Хайретдинов Марат Саматович – доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник ИВМиМГ СО РАН, Новосибирск, 8(383)330-87-43, marat@opg.sccc.ru.

Khairtdinov Marat Samatovich – Doctor of Technical Science, Professor, chief researcher at the Institute of Computational Mathematics and Mathematical Geophysics of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk.

Авроров Сергей Александрович – кандидат технических наук, младший научный сотрудник ИВМиМГ СО РАН, Новосибирск, 8(383)330-87-43, sergey.avrorov@gmail.com.

Avrarov Sergey Alexandrovich – Candidate of Technical Science, junior researcher at the Institute of Computational Mathematics and Mathematical Geophysics of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk.

Воскобойникова Гюльнара Маратовна – научный сотрудник ИВМиМГ СО РАН, Новосибирск, 8(383)330-87-43, gulya@opg.sccc.ru.

Voskoboinikova Gyl'nara Maratovna – researcher at the the Institute of Computational Mathematics and Mathematical Geophysics of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk.

Седухина Галина Фёдоровна – научный сотрудник ИВМиМГ СО РАН, Новосибирск, 8(383)330-87-43, galya@opg.sccc.ru.

Sedukhina Galina Fedorovna – researcher at the Institute of Computational Mathematics and Mathematical Geophysics of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk.

ПЕДАГОГИКА

УДК 78

**К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ОБЩЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ВОСПИТАНИЯ В РАМКАХ СИСТЕМЫ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ПЕРИОД С 1917 ПО 1930 ГОДЫ**

А. О. Аракелова

**TO THE ISSUE OF ESTABLISHING GENERAL MUSICAL EDUCATION
WITHIN THE SYSTEM OF MUSICAL EDUCATION IN 1917 – 1930**

A. O. Arakelova

В статье обозначены основные особенности одного из направлений системы музыкального образования – общего музыкального образования и воспитания, его развитие в период с 1917 по 1930 годы. Делается обзор образовательных учреждений, осуществлявших общее музыкальное образование и воспитание, и содержание образовательных программ, реализовавшихся в этих образовательных учреждениях в названный период.

The article defines the major features of general musical education as one of the areas within the system of musical education and its development in 1917 – 1930. The author presents the survey of educational institutions which provided general musical education and the outline of their educational programmes within the specified period.

Ключевые слова: музыкальное образование, общее музыкальное образование и воспитание, музыкально-просветительская деятельность, консерватория, Народная консерватория, рабфак, музыкальная школа, музыкальный техникум.

Keywords: musical education, general musical education, musical educational activities, conservatory, Public Conservatory, workers' faculty, music school, music training school.

Развитие системы музыкального образования в период с 1917 по 1930 годы происходило бурно, одна реформа сменялась другой, и уже к середине 30-х годов система приобрела те очертания, которые лишь уточнялись на протяжении следующих десятилетий XX века. Предшествовали этому и необычайный расцвет русской культуры второй половины XIX начала XX века, и наличие разветвленной сети музыкальных учебных заведений по всей стране с вполне оформленными целями и задачами, и развитие зародившихся в последние десятилетия XIX века двух направлений в области музыкального образования (профессионального музыкального образования и общего музыкального образования и воспитания), и воплощение в практику новаций, в том числе идеи о непрерывном образовании А. В. Луначарского, продолжавших традиции прошлого и в то же время ставших созвучными новому времени (например создание музыкального университета).

В обозначенный период вопросы культурного строительства и просвещения входили в функции Народного комиссариата просвещения (с 1917 до 1929 года его возглавлял А. В. Луначарский – публицист, историк искусства и литературы, видный политический деятель, а затем А. С. Бубнов – партийный работник, занимавшийся вопросами культурного строительства в стране).

Путь культурных преобразований в стране был первопроектным, а отсюда его противоречия и сложности. Вместе с тем необходимо отдать должное тому сложному периоду – культура и образование стали важнейшими сферами общественной деятельности. Прошлые достижения не уничтожались на корню, хотя и подверглись болезненной идеологической ломке. Важнейшей задачей культурного строительства тех лет стала коренная перестройка прежней системы просве-

щения в целом, ликвидация безграмотности населения. При этом образование и воспитание народа рассматривались как основа культуры советского общества.

В бурную жизнь страны с первых же дней советской власти окунулись Б. Л. Яворский, с его идеями реформы музыкального образования, Б. Асафьев и многие другие деятели музыкального искусства.

Что характерно, непростое взаимодействие двух направлений в системе музыкального образования второй половины XIX века (профессионального музыкального образования и общего музыкального образования и воспитания) сказалось и на выстраивании всей системы музыкального образования в XX веке, и на его содержании, и даже на формировании различных государственных управленческих структур. При этом развитие музыкального образования всегда рассматривалось в контексте развития музыкального искусства в целом.

Вопросы музыкального образования были настолько актуальными для того времени, что для их решения создавалось несколько государственных управленческих структур, образовывались различные комиссии, советы, проводились съезды, совещания и т. д.

В июле 1918 года при Наркомпросе были созданы художественные отделы — Литературный (ЛИТО), Театральный (ТЕО), Изобразительных искусств (ИЗО) и Музыкальный (МУЗО), что позволило значительно шире развернуть работу по массовому художественному просвещению (термин «художественное просвещение», как некое общее понятие, указывающее на сферу деятельности в области любого вида искусства, широко применялось в тот исторический период).

Основной задачей МУЗО была провозглашена задача приобщения трудящихся к сокровищам музыкальной культуры. Заведующим МУЗО с 1918 по 1921 годы был Артур Лурье (композитор). С 1921 по 1925 годы, по

приглашению возглавлявшего Наркомпрос А. В. Луначарского, Музыкальный отдел возглавлял Б. Л. Яворский. В работе МУЗО активное участие принимали сестры Гнесины и многие другие деятели музыкального искусства того времени.

В МУЗО были созданы еще и свои подотделы – Специального музыкального образования, Общего музыкального образования, Концертный, Академический и Издательский. В поле нашего внимания попадает подотдел Общего музыкального образования (ОМО), поскольку именно его деятельность была связана с развитием в системе музыкального образования его второго направления – общего музыкального образования и воспитания.

Деятельность ОМО была направлена на массовое музыкальное просвещение (избранному нами понятию «общее музыкальное образование и воспитание» в качестве идентичных будут использоваться те определения, которые были общеупотребимыми в рассматриваемый исторический период и по содержанию были идентичны предложенному нами понятию (например, используемые Б. Л. Яворским и Н. Я. Брюсовой определения «музыкальное просвещение», «народное музыкальное образование» и др.)), что было обусловлено не только необходимостью реализовывать и претворять в жизнь идеологические установки того времени, но также и тем, что возглавила этот отдел Н. Я. Брюсова, одна из создателей и идеологов Народных консерваторий начала XX века.

Уже в первые месяцы советской власти основное внимание было сосредоточено на организации концертов и массовых музыкальных мероприятий. Однако, по воспоминаниям Н. Я. Брюсовой, «концерты эти носили явно халтурный характер. Готовили их наспех, программы были случайные, построенные тоже наспех, исполнение не всегда было на высоте. Казалось, что те, кто требовали такой спешки от устроителей концертов, не считали нужным заботиться об их художественности, – для рабочих масс достаточно и того, что им давали вообще какие-то концерты!» [1, с. 49].

Идеологической и практической платформой музыкально-просветительской работы ОМО, некой опорной точкой, был опыт Народных консерваторий. Однако деятельность Народных консерваторий имела узкопросветительский характер, тогда как реалии нового времени требовали иных масштабов. Речь шла уже не просто о Народных консерваториях, в которых все-таки систематически учились несколько сот учащихся, заинтересовавшихся музыкой и желающих получить своего рода законченное общее музыкальное образование, а об организации работы по музыкальному просвещению широких масс. Поэтому деятельность ОМО была направлена на:

- открытие по всей стране целого ряда Народных консерваторий, различного вида самодеятельных кружков, общедоступных музыкальных школ, создание самодеятельных творческих коллективов;

- подготовку соответствующих руководителей и педагогов, поскольку, по воспоминаниям Н. Я. Брюсовой – «надо было руководить работой педагогов с различной подготовкой и опытом, ибо для миллионов новых слушателей и любителей музыки надо было привлечь к работе не отдельных передовиков, а массы рядовых музыкальных работников» [1, с. 51];

- проведение музыкально-просветительских лекций, концертов с репертуаром, состоящим как из произведений классической, так и народной музыки;

- издание методических брошюр и листовок по музыкальному просвещению, библиографических указателей, сборников песен и хоров.

Проблем было много, но самая главная – отсутствие кадров. Н. Я. Брюсова писала, что «можно было непосредственно связаться с рвущимися к просвещению народными массами. Возможности ограничивались только силами самих организаторов всех этих начинаний... именно это и было самой большой трудностью. Недоставало людей для проведения намечаемых мероприятий в жизнь» [1, с. 52].

Задача массовой подготовки кадров для музыкально-просветительской деятельности требовала особых организационных форм. В 1920 году между ОМО и ректором Московской консерватории М. М. Ипполитовым-Ивановым была достигнута договоренность об открытии в консерватории факультативных курсов «Сознательное восприятие музыки» и «Методика слушания музыки». Для консерватории того времени, сохранявшей именно академические музыкальные традиции прошлого, названия курсов были весьма своеобразными, но, поскольку их факультативность ни к чему не обязывала, согласие было получено. Однако время распорядилось более радикально – в 1921 году, по инициативе профессора консерватории Г. П. Прокофьева, теоретика фортепианного исполнительства, в консерватории был открыт инструкторско-педагогический отдел (позднее факультет), а в его учебный план был включен ряд предметов для подготовки педагогов и инструкторов по общему музыкальному образованию и воспитанию.

Во многом благодаря именно Н. Я. Брюсовой, возглавлявшей ОМО до 1921 года, в образовательных учреждениях общее музыкальное образование и воспитание стало активно развиваться не в одном, а в двух направлениях: в общеобразовательной школе и специальных музыкальных учебных заведениях (на специально созданных факультетах, отделениях).

Постановлением Коллегии Наркомпроса от 25 июля 1918 года музыка впервые в истории общей школы вошла в учебный план как необходимый элемент общего образования детей, на равных началах со всеми другими предметами. А 16 октября 1918 года А. В. Луначарским были подписаны «Основные принципы единой трудовой школы», в которых школьным предметам «лепка», «рисование», «пение» и «музыка» отводилась чуть ли не первостепенная роль [2].

Взгляды Н. Я. Брюсовой полностью совпадали с воззрениями других деятелей музыкального искусства, в первую очередь, Б. Л. Яворского и Н. Финдейзена: разработанная Б. Л. Яворским методика включала в себя активизацию восприятия, музицирование (хоровое пение, игру в оркестре), движение под музыку – то есть детское музыкальное творчество; практическая педагогическая деятельность Н. Финдейзена в общеобразовательной школе основывалась на коллективном творческом музицировании – постановках с детьми опер, создании оркестров.

Забегая вперед, можно сказать, что у Н. Я. Брюсовой и Б. Л. Яворского позже появился последователь в лице Д. Б. Кабалевского. Можно по-разному относиться к разработанной Д. Б. Кабалевским и распространенной

в 70-е годы его системе музыкального воспитания, основанной на «трех китах» – песне, марше, танце. Но нельзя не согласиться, что автор этой системы также обращается к синтезу музыки, слова и движения, помогающему ребенку постичь музыкальный язык.

Наиболее эффективной формой массового народного музыкального просвещения было избрано хоровое исполнительство, в чем прослеживаются идеи Б. Л. Яворского еще начала XX века, подхваченные Б. Асафьевым.

Хоровое пение рассматривалось как деятельность некоей организации, представляющей спаянный, дисциплинированный коллектив, который своим участием в концертах, демонстрациях, празднествах создает определенное приподнятое настроение, объединяет чувства масс. Именно поэтому хоровое пение рассматривалось как важнейший фактор музыкального просвещения. Всячески поощрялись большие хоровые коллективы (иногда достигающиеся в своем составе 3000 человек) – объединенные хоры заводов, фабрик, клубов и т. д. В эти же годы замечается рост самостоятельных (кружковых) духовых и народных оркестров, в том числе объединенных, численность которых иногда достигала 1000 человек (в Ленинграде для проведения массовых празднеств хоровые кружки стали объединяться в общегородскую хоровую организацию с 1919 года, с 1920 года оркестры народных инструментов стали объединяться в великорусские оркестры, объединение духовых оркестров было чуть позже – с 1924 года).

Надо отметить, что более фундаментальное образование в области общего музыкального образования и воспитания слушатели стали получать на созданных в 20-е годы рабфаках – в 1923 году был открыт в Москве музыкальный отдел Единого художественного факультета при ВХУТЕМАСе, в 1929 году он был переподчинен Московской консерватории, а в 1931 году рабфак был открыт в Ленинградской консерватории. Задачей рабфаков была подготовка молодежи из рабочих и крестьян к поступлению в средние и высшие музыкальные учебные заведения в области исполнительского, музыкально-теоретического педагогического и инструкторско-педагогического направлений. Срок обучения на рабфаке составлял 3 – 4 года, а в перечень предметов входили и общеобразовательные предметы (42 часа в неделю), и музыкальные (9 часов в неделю) – музыкальная грамота, гармония, слушание музыки, хоровое пение, ритмика, фортепиано и дополнительно для инструкторско-педагогического отделения – методика хорового пения, методика музыкальной грамоты, методика обучения игре на русских народных инструментах, методика управления хором и оркестром.

В 1927 году в Москве открылась Воскресная рабочая консерватория с двухгодичным сроком обучения, явившаяся результатом развития идеи рабфака. В этой консерватории обучались в основном те, кто имел лишь незначительные навыки по владению музыкальным инструментом на любительском уровне. Аналогичные консерватории были открыты на Украине и в Белоруссии.

С 1924 года, одновременно с созданием рабфаков, стали открываться инструкторско-педагогические отделения на II ступени специальных музыкальных школ (бывших музыкальных училищ, позже – музыкальных техникумов). Обучающиеся на этих отделениях осваи-

вали общие музыкально-теоретические, исполнительские предметы (игра на народном музыкальном инструменте, ансамблевое и оркестровое исполнительство, фортепиано), а также методику работы с оркестром, введение в дирижерскую и регентскую технику. В основе идеологии инструкторско-педагогических отделений лежало стремление к подготовке музыкантов не только владеющих игрой на одном из музыкальных инструментов, но и знающих клубную деятельность, то есть умеющих осуществлять музыкально-просветительскую работу. Уже к концу 1930-х годов в рамках самостоятельного творчества в стране практически повсеместно действовали различные музыкальные ансамбли, оркестры (в основном народные), хоровые коллективы. Только в Ленинграде в 1928 году работало свыше 100 самостоятельных коллективов, в которых участвовало около 1500 человек.

Кроме того, согласно программам Московской и Ленинградской консерваторий 1930 года, в этих учебных заведениях также была предусмотрена подготовка исполнителей на народных музыкальных инструментах и руководителей народных оркестров [3, с. 66 – 72].

Таким образом, к 1930-м годам был заложен фундамент для дальнейшего развития общего музыкального образования и воспитания.

Во-первых, были сформированы определенные структуры, ориентированные на подготовку специалистов в области музыкально-просветительской деятельности:

- музыкальные курсы, рабфаки и Воскресные рабочие консерватории, которые давали элементарные знания в области музыкального исполнительства и теории музыки;
- инструкторско-педагогические отделения музыкальных техникумов как среднее профессиональное образование;
- инструкторско-педагогические отделения консерваторий как высшее профессиональное образование.

Во-вторых, в профессиональном музыкальном образовании заявил о себе один из самых востребованных в дальнейшем видов музыкального искусства – исполнительство на народных музыкальных инструментах и руководство оркестром народных инструментов.

Таким образом, общее музыкальное образование и воспитание в первые годы советской власти получило широкое распространение и оказало большое влияние как на развитие музыкальной самостоятельности, так и на состояние профессионального музыкального образования, которое в это время также набирало темп в своем развитии.

Попытки подотдела ОМО слишком стремительно перешагнуть к новым представлениям о музыке, слишком большая уверенность в том, что именно музыкальная самостоятельность масс, основанная в первую очередь на народной песне, приведет их к новым представлениям о мире и новому качеству жизни, была характерна для того периода. Многим руководителям современных музыкальных кружков кажется извечно существующей работа с детьми в области общего музыкального образования и воспитания посредством хорового пения, слушания музыки и внедрения народной песни во все виды музыкальных занятий. На самом же деле для того времени эти методы были новшеством, впервые введенным Народной консерваторией и впоследствии широко развитым подотделом ОМО.

Литература

1. Брюсова, Н. Массовая музыкально-просветительная работа в первые годы после Октября / Н. Брюсова // Советская музыка. – 1947. – № 6.
2. От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г. // Народное образование. – 1999. – № 10.
3. Программы Московской и Ленинградской консерваторий и методические письма. – М.: Наркомпрос РСФСР, 1930.

Информация об авторе:

Аракелова Александра Олеговна – кандидат искусствоведения, доцент, заместитель директора Департамента науки и образования Минкультуры России, заслуженный работник культуры РФ, 8(495) 628-22-31, info@mkrf.ru.

Arakelova Aleksandra Olegovna – Candidate of Art Criticism, Associate Professor, Deputy Director at the Department of Science and Education of the Russian Ministry of Culture, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation.

УДК 140.8(470+571) «19»

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛЬНОГО САООПРЕДЕЛЕНИЯ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

М. И. Губанова, И. В. Ковалева

THE METHODOICAL MAINTENANCE OF SCHOOLS ACTIVITY ON THE PUPILS PROFILE SELF-DETERMINATION ORGANIZATION

M. I. Gubanova, I. V. Kovaleva

Статья раскрывает основной комплекс мер, средств и способов деятельности общеобразовательных учреждений по организации профильного самоопределения старших школьников.

The article analyses the basic measures, means and ways of the organization activity schools of profile self-determination pupils.

Ключевые слова: профильное самоопределение, организация, взаимодействие, информационно-методическое обеспечение.

Keywords: profile self-determination, organization, interaction, information and methodical providing.

В научно-методической литературе термин «обеспечение» определяется как процесс осуществления чего-либо через создание комплекса специальных мер, средств, способов, помогающих в реализации реальных возможностей социальной системы и нацеленных на ее регулирование, функционирование и дальнейшее развитие. Следовательно, обеспечение в широком смысле – это непрерывный процесс создания, изменения, адаптации окружающих человека социально-культурных, материальных условий для его существования, развития, деятельности. В этом смысле *методическое обеспечение организации профильного самоопределения школьников* – направление деятельности специалистов в области образования по профессиональному содействию образовательным учреждениям, целью которого является создание комплекса *специальных мер, средств и способов*, позволяющих им организовать профильное самоопределение школьников. Мы считаем, что функционально методическое обеспечение способствует определению (отбору и выбору) и освоению (теоретическому и практическому) педагогами ресурсов, позволяющих получить положительный результат в организации профильного самоопределения школьников, а именно осознанность и ответственность выбора самим школьником дальнейшего профиля обучения.

В теоретическом и экспериментально-практическом аспектах для этого необходимо было:

1) определить, создать и экспериментально проверить комплекс специальных мер, средств, способов, позволяющих организовать профильное самоопределение

школьников в общеобразовательных учреждениях (далее ОУ);

2) обеспечить своевременную и адресную информационную и психологическую поддержку деятельности педагогов по организации профильного самоопределения школьников;

3) отслеживать и анализировать результативность методического обеспечения деятельности ОУ по организации профильного самоопределения школьников.

Для решения первой задачи в ходе опытно-экспериментальной деятельности мы выявили типичные затруднения педагогов в проектировании своей фасилитационной деятельности. Прежде всего, это вопросы, касающиеся не только важных профессиональных качеств учителя-фасилитатора, но и методические аспекты актуализации и реализации этой новой для многих педагогов роли, функции, позиции. Значимой считаем и конкретизацию участниками эксперимента выводов о том, проблема выбора профиля обучения для большинства школьников является следствием различных причин и обстоятельств. Среди выявленного множества тревогу и особого внимания педагога заслуживают:

– узость, неполнота знаний школьников о самих себе, о мире профессий, возможных путях продолжения своего образования;

– невысокая степень потребности в выявлении школьниками своих способностей, склонностей, интересов и, в целом, в реализации профильного самоопределения;

– нередко отсутствие осознанных мотивов выбора;

– ограниченность проявления способности к саморазвитию, самоактуализации, самореализации и самооценке;

– недостаточность сформированности ключевых компетенций, которая не позволяет большинству школьников совершить самостоятельный и ответственный выбор профильного обучения.

В начале теоретико-педагогического эксперимента сложными для восприятия педагогов, проектирования необходимых изменений были основные постулаты теории К. Роджерса, само понятие и феномен «фасилитация», характеристика основных аспектов фасилитации (алгоритм В. С. Леднева).

В контексте нашего исследования предполагалось, что деятельность учителя-фасилитатора направлена на создание благоприятных условий для повышения уверенности школьников в своих силах, стимулирование, инициирование потребности в самостоятельной продуктивной деятельности, тем самым, облегчая им выбор профиля обучения и побуждая к самостоятельному и ответственному выбору самим старшим школьником траекторий поиска, индивидуальных маршрутов реализации избранных вариантов, прогнозирование возможных результатов, последствий, рисков.

В процессе совместной с педагогами поисково-информационной деятельности были определены и разработаны информационные ресурсы по организации профильного самоопределения школьников [2, с. 10 – 14]. Так весьма значимой мерой мы считаем определение структуры и циклограммы деятельности ОУ по организации профильного самоопределения школьников. К средствам отнесены: методические рекомендации для педагогов по организации профильного самоопределения школьников, «деловой портфель» для каждой категории педагогов. Способы охватывали исследование по методикам: «Мониторинг фасилитационной деятельности педагогов» и «Оценка результатов реализации ин-

формационно-методического сопровождения профильного самоопределения старших школьников», мониторинг сравнения индивидуальной образовательной траектории (далее ИОТ) школьников с выбором дальнейшего профиля обучения, а также анкетирование школьников «Удовлетворенность профильным обучением». Считаем необходимым, охарактеризовать подробнее, все составляющие информационно-методического обеспечения исследуемого процесса.

Информационно-методическое обеспечение организации профильного самоопределения старших школьников в ОУ реализовалось на каждом из трех этапов, определенных С. Н. Чистяковой: пропедевтическом, основном, завершающем.

Пропедевтический этап предполагал выявление интересов, способностей, и определение образовательных запросов школьников. На данном этапе проводилось общее знакомство школьников с типами учреждений профессионального образования. Предварительная диагностика интересов, склонностей, способностей школьников осуществлялась с помощью анкетирования, тестирования, собеседований, использования фокус-групп и других методов.

Основной этап деятельности предусматривал формирование профильных намерений школьников и обучение их способам принятия решения в выборе профиля обучения. Для этого проводились мероприятия по профильной ориентации школьников, процедуры диагностики профильных намерений, моделирование и анализ различных видов образовательной деятельности школьников.

Завершающий этап подразумевал уточнения профильных намерений школьников посредством их участия в профильных практиках.

Структура деятельности ОУ по организации профильного самоопределения школьников представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Структура деятельности ОУ по организации профильного самоопределения старших школьников

Основные направления деятельности ОУ по организации профильного самоопределения школьников отражались в годовой циклограмме и были направлены на формирование ИОТ школьников, ее корректирова-

ние и уточнение. Так, в начале учебного года в ОУ проводились совместные мероприятия с учреждениями дополнительного образования и учреждениями, осуществляющими профориентационную работу, с целью

информирования школьников о перспективных направлениях развития регионального рынка труда и различных вариантах получения профильного образования в городе Кемерово. При необходимости для корректировки ИОТ школьников с учетом переменчивости планов самоопределения осуществлялось моделирование и проведение различных видов образовательной деятельности: предметные недели, олимпиады, конференции, интеллектуальные игры, марафоны и т. д. В течение учебного года анализировались и сравнивались результаты мониторинга состояния ИОТ школьников и выбора ими дальнейшего профиля обучения.

Важно отметить, что организация профильного самоопределения школьников в ОУ – целенаправленная совместная работа всего педагогического коллектива. Результат такой деятельности во многом зависел от определения функциональных обязанностей для каждой категории педагогов (заместители директора по учебно-воспитательной работе, научно-методической работе (далее соответственно по УВР, НМР), учителя-предметники, классный руководитель, социальный педагог и психолог).

Функциональная дифференциация информационно-методического обеспечения, отраженная в циклограмме деятельности педагогического коллектива ОУ по организации профильного самоопределения школьников требовала разработки методических рекомендаций для каждой категории педагогов. Предложенные нами методические рекомендации позволяли педагогам не только осуществлять фасилитационную деятельность по организации профильного самоопределения школьников, но и сформировать свой «деловой портфель» (далее портфель), обеспечивающий содержательный и организационный аспекты данного процесса. Портфель содержал инвариантную часть (нормативно-правовые документы, регламентирующие организацию профильного самоопределения школьников, должностные инструкции педагогов) и вариативную, которая зависела от функциональных обязанностей педагогов по организации профильного самоопределения школьников: перспективные, тематические планы и конкретных организационных форм взаимодействия, диагностический инструментарий, раздаточные, аналитические материалы и т. п.

Так «портфель» заместителей директоров по УВР, НМР содержал инвариантную часть и вариативную: план совместной деятельности учреждений образования по профориентационной работе, Положения о педагогическом, школьном и методических советах, кабинете по профориентационной работе в ОУ, аналитическую документацию, мониторинговые исследования и т. д. Грамотное использование «портфеля» позволяло заместителям директоров координировать и управлять деятельностью педагогического коллектива для организации профильного самоопределения школьников в ОУ. Для координации и управления деятельностью ОУ они использовали традиционные формы: проведение педагогических советов, совещаний, круглых столов, организация педагогов для работы в школьных методических объединениях (далее ШМО), совместных мероприятий по профориентационной деятельности с учреждениями дополнительного образования, Областным центром профориентации молодежи и Центром занятости населения города Кемерово и т. д.

«Портфель» учителя-предметника содержал инвариантную часть и вариативную: учебные программы, программы курсов по выбору, профильных практик, лабораторных практикумов, практико-ориентированные задания, практические рекомендации по организации профильного самоопределения школьников на уроках и во внеурочной деятельности и т. д. Содержательный и организационный аспекты «портфеля» дали возможность учителям-предметникам:

- способствовать формированию готовности школьников к профильному самоопределению, мотивации к обучению в профильных классах и целенаправленной познавательной учебной деятельности посредством выбора школьником видов деятельности, форм контроля и предъявления результатов деятельности с учетом индивидуальных потребностей и возможностей;

- содействовать освоению и использованию школьниками в учебной деятельности, познавательной практике межпредметных понятий и универсальных учебных действий (регулятивных, познавательных, коммуникативных) и самостоятельного построения ИОТ, что способствовало приобретению первоначального опыта профессиональной деятельности в профильных пробах и практиках;

- активизировать применение школьниками в ходе изучения учебных предметов умений по получению новых знаний, их преобразовывать в учебных, учебно-проектных, социально-проектных ситуациях обеспечивали приобретение ими представлений о жизненных и социальных ценностях, в том числе связанных с дальнейшим профильным самоопределением [3].

Классные руководители формировали свой «портфель», который позволял отслеживать, анализировать изменения профильных намерений школьников, проводить мониторинг учебных достижений и фиксировать результаты в портфолио школьников. Содержание «портфеля»: инвариантная часть и классный журнал, план воспитательной работы с указанием мероприятий по организации профильного самоопределения школьников в классе, планы уроков учителей-предметников, протоколы родительских собраний, разработки классных часов, родительских собраний, материалы для диагностики, анкетирования и оценочные тесты, социальный паспорт класса, в котором были обозначены профильные намерения школьников, рекомендации по формированию и корректированию ИОТ школьников, программа работы классного руководителя и т. д.

Социальные педагоги в процессе профильного самоопределения школьников выявляли психологические, педагогические, медицинские проблемы школьников группы риска, поэтому в их «деловой портфель» входили: циклограмма работы, график тематических групповых и индивидуальных консультаций, программы семинаров, лекций, тренингов, обеспечивающих ответственность выбора школьниками профиля обучения, документация по учету правонарушений, данные по изучению социального состава семей школьников, методические рекомендации для родителей, классных руководителей и учителей-предметников по решению проблем, связанных с профильным самоопределением школьников, а также должностные инструкции и нормативные документы.

«Портфель» психолога содержал: график консультаций, материалы по профдиагностики и профориентационной работе со школьниками, методические реко-

мендации для школьников, родителей, классных руководителей, учителей-предметников и инвариантную часть. Содержательный аспект «портфеля психолога» способствовал применению экспресс-метода для получения оперативной информации по изменению профильных намерений школьников.

Для обеспечения своевременной информационной и психологической поддержки деятельности педагогов по организации профильного самоопределения школьников нам необходимо было создать единую информационную среду на сайтах МБОУ ДПО «Научно-методический центр» и ОУ. Для этого на сайте МБОУ ДПО «НМЦ» были размещены:

- банки цифровых образовательных ресурсов Web-сред;
- научно-методические ресурсы, включая опыт ОУ, педагогов по организации профильного самоопределения школьников;
- интерактивные среды, в рамках которых происходит сетевое взаимодействие профессиональных сообществ, методических объединений для решения проблем организации профильного самоопределения школьников;
- сервисы обучения (электронная приемная вопросов педагогов, тематические консультации, мастер-классы и т. п.). Создание единой, гибкой, открытой и развивающейся информационной и образовательной сред способствовало распространению опыта по организации профильного самоопределения школьников посредством системы сетевого взаимодействия педагогов, размещения опыта в печатных изданиях.

С целью выявления и анализа результатов оказания методической помощи в деятельности педагогов ОУ по организации профильного самоопределения школьников в начале и по завершению опытно-экспериментальной работы (2008 и 2012 гг.), мы использовали методику «Мониторинг фасилитационной деятельности педагогов по организации профильного самоопределения старших школьников». Приведем анализ результатов по данной методике, согласно которой критериями оценки педагогической фасилитации избраны:

- уровень подготовленности учителей-предметников к фасилитационной деятельности по организации профильного самоопределения старших школьников;
- профессиональные качества учителя-фасилитатора.

В качестве инструментария для изучения спроса и потребностей учителей мы использовали анкеты, составленные В. И. Зверевой. Анализ результатов анкетирования учителей позволил нам не только оценивать уровень подготовленности к фасилитационной деятельности, но и выявить наличие профессиональных качеств учителя-фасилитатора.

Количество педагогов, принявших участие в анкетировании, согласно данным диагностики составили 270 человек из 29 ОУ. На рисунке 2 отображены данные, позволяющие оценить и сравнить уровень подготовленности учителей-предметников к фасилитационной деятельности в 2008 и 2012 гг. *Показатель 1* – наличие собственной педагогической концепции, *показатель 2* – владение теоретической подготовкой в области педагогических наук, *показатель 3* – осуществление научно-методической деятельности. Из

приведенных данных видно, что уровень подготовленности учителей-предметников по данному критерию возрос: количество учителей, имеющих педагогическую концепцию, владеющих теоретической подготовкой в области педагогических наук и ведущих научно-методическую деятельность увеличилось соответственно на 35,4 %, 47,7 % и 50,3 %.

Для выявления наличия профессиональных качеств учителя-фасилитатора мы использовали в качестве инструментария методику В. И. Зверевой «Диагностика личностных качеств учителя» и метод независимых экспертов. Данные, полученные в результате применения вышеперечисленного инструментария, представлены в таблице 1.

Из приведенных данных таблицы 1 видно, что количество учителей, владеющих профессиональными качествами учителя-фасилитатора, увеличилось: наличие адекватной самооценки у педагогов возросло на 37,3%, количество учителей, стремящихся к самообразованию – на 24,2 %, наличие коммуникативной культуры, творческих и организаторских способностей – повысилось соответственно на 37,0 % и 15,3 %.

Таблица 1

**Профессиональные качества
учителя-фасилитатора**

<i>Показатели</i>	<i>Количество, %</i>	
	<i>2008 г</i>	<i>2012 г</i>
Наличие адекватной самооценки у педагога	55,1	92,4
Стремление к самообразованию	53,4	77,6
Наличие коммуникативной культуры и педагогического такта	45,3	82,3
Наличие творческих и организаторских способностей у педагогов	66,1	81,4

Для мониторинга и анализа результатов деятельности ОУ по организации профильного самоопределения школьников в г. Кемерово за 2008 и 2012 гг., мы использовали разработанную нами методику «Оценка результативности информационно-методического обеспечения организации профильного самоопределения старших школьников». Респондентами являлись школьники из 29 ОУ, принявших участие в государственной (итоговой) аттестации выпускников IX классов в новой форме (далее ГИА-9) и выбравших дальнейший профиль обучения. На рисунке 3 представлены данные по результатам использования данной методики.

Из данных видно, что количество школьников, сделавших ответственный выбор профиля обучения в 2012 году увеличилось на 39,8 %, количество школьников, которые ошиблись в выборе профиля обучения в 2012 году снизилось на 30,2 %, количество родителей, оказывающих поддержку школьникам в выборе профиля обучения увеличилось на 19,7 %, количество ОУ, в которых осуществляется информационно-методическое обеспечение организации профильного самоопределения школьников увеличилось на 59,7 % и количество ОУ, сотрудничающих с учреждениями, обеспечивающими профориентационную работу увеличилось на 52,1 %.

Сравнительный анализ данных, представленных на рисунке 3 позволил сделать вывод о том, что положительным результатом деятельности ОУ по организации профильного самоопределения школьников являлась потребность в самостоятельном и ответственном выборе самим школьником профиля обучения. Для замера самостоятельности и ответственности выбора школьником профиля обучения мы использовали следующий инструментарий: мониторинг сравнения индивидуальной образовательной траектории (далее ИОТ) школьников с выбором профиля обучения, анкетирова-

ние старшеклассников «Удовлетворенность профильным обучением».

В мониторинге и анкетировании участвовали школьники, проходившие аттестацию в новой форме из 29 ОУ города Кемерово. Для проведения мониторинга мы соотнесли следующие данные: какие курсы по выбору изучали школьники, какие предметы выбирали для сдачи на ГИА-9 и какой профиль обучения планировали в 10-м классе. Количественные результаты мониторинга представлены в таблице 2.

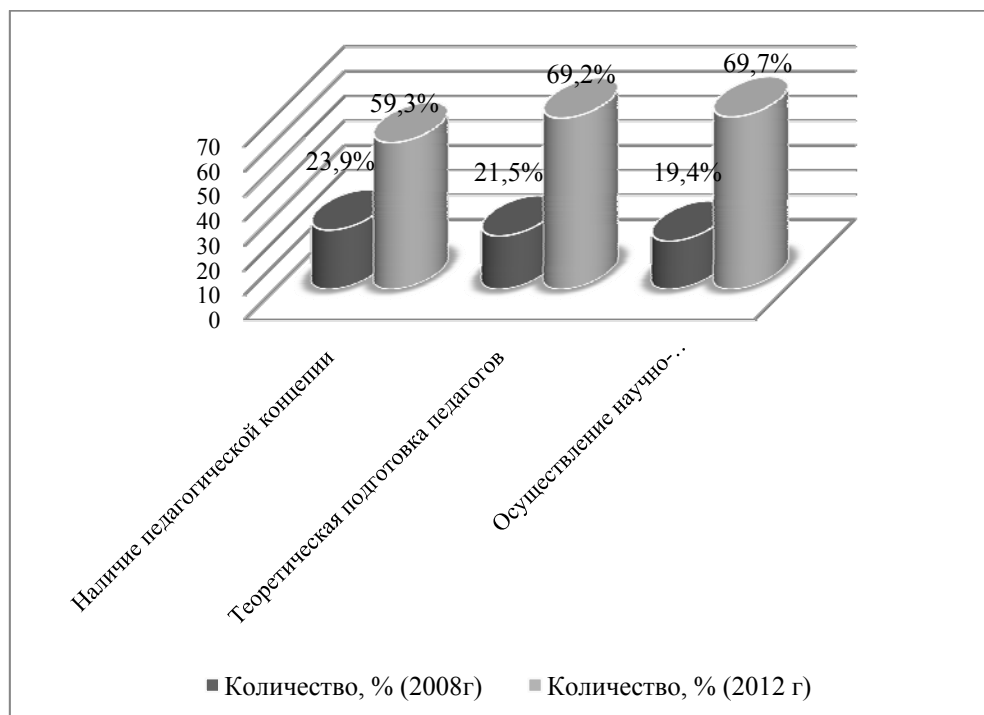

Рис. 2. Уровень подготовленности учителей-предметников к фасилитационной деятельности

Рис. 3. Результаты методики «Оценка результативности информационно-методического обеспечения организации профильного самоопределения старших школьников»

Результаты мониторинга сравнения ИОТ школьников с выбором профиля обучения

<i>Результаты</i>	<i>Количество, %</i>	
	<i>2008 г</i>	<i>2012 г</i>
Соответствие между изученными курсами по выбору и выбором профиля обучения	30,4	76,6
Несоответствие между изученными курсами по выбору и выбором профиля обучения	60,3	24,2
Выбор школьниками обучения в универсальных классах	10,0	0
Выбор школьников для изучения предметно-ориентированных курсов	88,9	56,6
Выбор школьников для прохождения профориентационных курсов	12,0	44,5

Таблица 3

Результаты анкетирования старшеклассников «Удовлетворенность профильным обучением»

<i>Результаты</i>	<i>Количество, %</i>	
	<i>2008 г</i>	<i>2012 г</i>
Осваивается материал, который полезен и интересен для будущей профессиональной деятельности	33,3	73,4
Целенаправленно идет подготовка в выбранный вуз (техникум и др.)	36,4	86,2
Реализация профильных предметов и курсов по выбору осуществляется качественным преподавательским составом	46,4	87,2
Обучение проходит по ИОТ	23,4	71,5
Уменьшается перегрузка школьника	45,0	81,5
Сложное освоение содержания профильных предметов	67,7	45,9
Уверенность школьников в выборе профиля обучения	37,5	77,5

Анализ результатов, представленных в таблице 2, показывает, что в 2012 году на 46,2 % увеличилось количество школьников, у которых наблюдалось соответствие между изученными курсами по выбору и выбором профиля обучения; до 24,2 % сократилось количество школьников, у которых выявлено данное несоответствие; на 32,3 % увеличилось количество школьников, прошедших профориентационные курсы. На основании анализа результатов нами сделан вывод о том, что увеличение количества школьников, у которых ИОТ в 9 классе совпадает с выбором профиля обучения объясняется наличием умений соотносить свои потребности с возможностями, проектировать свое профессиональное будущее, а также расширением вариативности их предпрофильной подготовки.

Анкетирование старшеклассников в десятых, одиннадцатых классах позволило объективно оценить по уровню удовлетворенности организацией профильного обучения уровень ответственности выбора ими профиля обучения. Обработанные результаты анкетирования отображены в таблице 3.

Анализ ответов старшеклассников позволяет констатировать, что сегодня профильное обучение в школах организовано на достаточно высоком уровне, так в 2012 году 73,4 % школьников учатся с интересом, стараясь учиться как можно лучше. К идее профильного обучения в старшей школе старшеклассники относятся практически однозначно: 86,2 % школьников не просто поддерживают идею профильного обучения, а заинтере-

ресованы в продуктивности ее реализации. Уверенность в своем выборе профиля обучения наблюдается у 77,5 % старшеклассников. Главным информационным источником о возможностях получения образования для старшеклассников на данный момент являются учителя-предметники. Этот показатель выделили 73,4 % школьников. По результатам анкетирования можно сделать вывод: в целом школьники удовлетворены организацией профильного обучения, а, значит, выбор ими профиля обучения был самостоятельным и более ответственным.

Итак, для методического обеспечения деятельности ОУ по организации профильного самоопределения старших школьников:

- определены, созданы и экспериментально проверены специальные меры, средства, способы, позволяющие организовать профильное самоопределение школьников в ОУ;

- оказана информационная и психологическая поддержка деятельности педагогов по организации профильного самоопределения школьников;

- отслежены и проанализированы результаты методического обеспечения деятельности ОУ по организации профильного самоопределения школьников. А результатом методического обеспечения деятельности ОУ мы считаем более глубокое осознание и реализацию потребности школьников в самостоятельном и ответственном выборе своего профиля обучения.

Литература

1. Гусева, Р. П. Методическая готовность преподавателей к созданию комплексного учебно-методического обеспечения образовательного процесса / Р. П. Гусева // Среднее профессиональное образование. – 2003. – № 3.
2. Рекомендации по организации профильного обучения на основе индивидуальных учебных планов обучающихся: Приложение к письму Минобразования России от 20. 04. 2004 № 14-51-102/13 // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. – 2008. – № 4.
3. Чистякова, С. Н. Профессиональное самоопределение: выбор профиля обучения и профессии / С. Н. Чистякова, Н. Ф. Родичев. – М: Академия, 2010.

Информация об авторах:

Губанова Маргарита Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, профессор межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ, 8 (3842) 58-29-55, kasatkina@kemsu.ru.

Gubanova Margarita Ivanovna – doctor of pedagogical sciences, KemSU.

Ковалева Ирина Викторовна – аспирант Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования, 89039406305, naukanmc@mail.ru, irinakovalyova13@mail.ru.

Kovaleva Irina Viktorovna – post-graduate student, Scientific-methodic centre of Kemerovo.

УДК 338.486

«ТУРИСТСКАЯ ДЕСТИНАЦИЯ» КАК КОМПЛЕКСНЫЙ КОНЦЕПТ И КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ТУРИСТСКОЙ СИСТЕМЫ

Л. Г. Кирьянова

DESTINATION AS A KEY ELEMENT OF TOURISM SYSTEM AND AS A COMPLEX CONCEPT

L.G. Kiryanova

В статье анализируется ключевое понятие современного туристского дискурса – «туристская дестинация». Предлагается комплексная модель «туристской дестинации» как концепта. Выделяется 5 основных взаимосвязанных и взаимообусловленных аспектов понятия «дестинация»: географическо-территориальный, инфраструктурный и ресурсный аспект, маркетинговый, социальный и управленческий.

This article discusses the key concept of the modern tourist's discourse – "tourist destination". A comprehensive model of tourist destinations "as a concept. Released 5 major interrelated and band aspects of "destination": the geographical and territorial, infrastructure and resource aspect, marketing, social and managerial.

Ключевые слова: туристская дестинация, определение дестинации, туризм.

Keywords: Tourism destination, destination definition, tourism.

Туризм по своему определению тесно связан с территориями. Ключевым элементом туристской системы является территория, которая привлекает туриста, куда он совершает свою поездку и где проводит какое-то время – дестинация.

Понятие «дестинация» происходит от латинского «местонахождение» и является одним из основных терминов понятийного аппарата зарубежных исследователей и практиков туризма уже около 30 лет. В российской науке и практике понятие «дестинация» является относительно новым, однако получающим все большее признание и активное использование (особенно в рамках экономики и менеджмента туристских территорий).

Несмотря на широкое распространение само по себе понятие «дестинация» практически не становилось предметом отдельного анализа в туристской литературе. Однако с точки как науки, так и эффективного управления принципиально важным является анализ природы, структуры и содержания самого понятия «дестинация».

Приведем несколько определений понятия «дестинация» наиболее известных и авторитетных зарубежных и российских исследователей туризма.

В литературе «дестинации» часто определяется как территория, куда приезжает турист, но имеет ли эта

географическая территория административные границы или это не имеет значение? Дестинация рассматривается как совокупность аттракций, инфраструктуры и людей, но как эти составляющие связаны между собой? Можно ли назвать дестинацией территорию, обладающую значительными туристскими ресурсами или необходимо что-то еще? Если определять дестинацию как продукт, то есть ли разница между маркетингом дестинаций и маркетингом товаров и услуг? Большинство определений не дают ответа на все эти вопросы.

Рассмотрим две наиболее комплексных, с нашей точки зрения, концепции «дестинации». Первая была предложена одним из самых цитируемых теоретиков туризма – Лью А. еще в 1987 г. [8]. Он предлагает рассматривать дестинацию с трех позиций – идеографической, организационной и когнитивной. Идеографический аспект представляет совокупность конкретных «материальных» отличительных особенностей территории: природных (климат, ландшафт, растительный и животный мир), связанных с человеком (культура, инфраструктура, образовательные возможности, шопинг, уровень цен, местные жители и пр.) и смешанных (пляжи, парки, горнолыжные курорты). Организационный аспект указывает на пространственные (размер дестинации – от отдельной достопримечательности до страны или даже континента) и временные особенности

дестинации (развитие дестинации во времени). Под когнитивным аспектом ученый понимает восприятие туристом дестинации, его чувства и ощущения во время пребывания, степень вовлеченности. Однако не смотря на тот факт, что статья Лью А. остается одним из наиболее комплексных анализов понятия дестинация (аттракция в терминологии самой статьи) у нее есть целый ряд слабых сторон. В модели не учитывается тот факт, что туристский продукт является многосоставным и представляет собой совокупность различных аттракций и их взаимодействий. Взаимосвязь, взаимодействие и взаимовлияние разных составляющих дестинации (инфраструктура, аттракции, отношение местных жителей и пр.) и их влияние на конечный продукт, который «покупает» турист не рассматривается Лью. Автор исклю-

чает из рассмотрения и систему управления дестинацией. Лью А. также не учитывает тот факт, что дестинация как продукт формируется в сознании потенциального туриста еще до его визита – в виде имиджа, который и выступает мотиватором/демотиватором поездки. В рамках когнитивного аспекта он рассматривает только те ощущения туриста, которые возникают во время его пребывания в дестинации. По сути Лью А. не рассматривает маркетинговую составляющую дестинации. Не анализирует ученый и территориально-географические аспекты дестинации – из его модели не ясно, является ли дестинация конкретной территорией или вообще не имеет привязки к географии.

Таблица

Определения понятия «дестинация» в отечественной и зарубежной литературе

<i>Автор</i>	<i>Определение</i>
Лейпер Н.	Конкретная территория, которую турист выбирает для посещения и проводит там какое-то время, территория, на которой происходят основные процессы взаимодействия туриста с туристской инфраструктурой [1, с. 87].
Купер С., Флетчер Д., Гилберт Д., Шеперд Р., Ванхилл С.	Совокупность услуг и средств, сформированных чтобы удовлетворять потребности туристов [2].
Всемирная туристская организация	Физическое пространство, где турист проводит минимум одну ночь. Дестинация имеет физические и административные границы, которые определяют систему менеджмента дестинации, имидж и восприятие, которые определяют ее рыночную конкурентоспособность [3, с. 1].
Ричи Б., Кроуч Д.	Конкретная территория с административными границами: страна, макро-регион (совокупность нескольких стран), провинция или штат внутри страны, город, уникальная территория типа национального парка, мемориала [4, с. 151].
Никитина О.А.	Географическая территория, характеризующаяся высокой концентрацией туристских ресурсов, а также располагающая необходимой обеспечивающей и вспомогательной инфраструктурой [5].
Павлова Э.Н.	Некая социально-географическая местность, которую конкретный турист или целый сегмент туристского спроса выбрал в качестве цели поездки, которая располагает всеми необходимыми учреждениями, организациями, средствами размещения, обслуживания и инфраструктурой развлечений [6].
Зорин А.И.	Объект регионального проектирования в представлении территориальных, рекреационных систем разных уровней: страна-регион-ландшафт-центр-предприятие-маршрут [7, с. 26].

Еще один комплексный анализ понятия «дестинация» был представлен скандинавским исследователем В. Фрамке [9]. Исследователь констатирует факт, что являясь одним из наиболее часто используемых терминов «дестинация» так и не получила комплексной экспликации в научной литературе. Фармке выделяет два основных подхода к пониманию дестинации в туристской литературе – «классический», или бизнес-ориентированный, и социокультурный. В своем анализе В. Фрамке не ставит целью синтезировать два подхода и создать комплексную модель, учитывающую многоаспектность понятия «дестинация». Автора интересует, как экономисты и социологи по-разному оценивают географические границы дестинации, ее «контент», необходимость кооперации и поведение туристов. В итоге Фрамке В. констатирует, что дестинация – это совокупность интересов, различных видов деятельности, услуг, инфраструктуры аттракций, которые формируют идентичность места. У дестинации есть статический аспект – место, территория, и динамический аспект – совокупность различных агентов, продуктов и услуг, варьи-

рующих в зависимости от спроса туристов. Сам исследователь справедливо замечает, что его работа лишь очерчивает контуры проблемы и понятие «дестинация» требует дальнейшего анализа.

Признавая весомый вклад исследователей туризма, основываясь на их выводах, а также многочисленных определениях дестинации, проведем более глубокий и комплексный анализ понятия «дестинация». Важным является разработка комплексной междисциплинарной модели туристской дестинации, учитывающей многоаспектность данного феномена, взаимосвязь его элементов.

В рамках нашей комплексной модели выделим 5 основных взаимосвязанных и взаимообусловленных аспектов понятия «дестинация»: географическо-территориальный, инфраструктурный и ресурсный аспект, маркетинговый, социальный и управленческий.

Первый – географическо-территориальный. Традиционно дестинация понимается как конкретная географически определенная территория – город, страна, остров и др. Если люди не совершают путешествие из

своей территории проживания в другую территорию, то самого явления «туризм» как такового не возникает.

Впервые понятие «дестинация» было использовано в одной из самых распространенных моделей системы туризма модели известного ученого Н. Лейпера [8]. Она предполагает 5 ключевых взаимосвязанных элементов (см. рис.):

- туристы;
- как минимум один регион генерации туристов.

Это регион, в котором проживает турист и где начинается и заканчивается путешествие;

– транзитный регион. Территория, через которую турист должен проехать, что бы добраться до места назначения;

– как минимум одна туристская дестинация. Территория, которую выбирает турист для поездки;

– туристская индустрия. Обеспечивает туристские потоки.

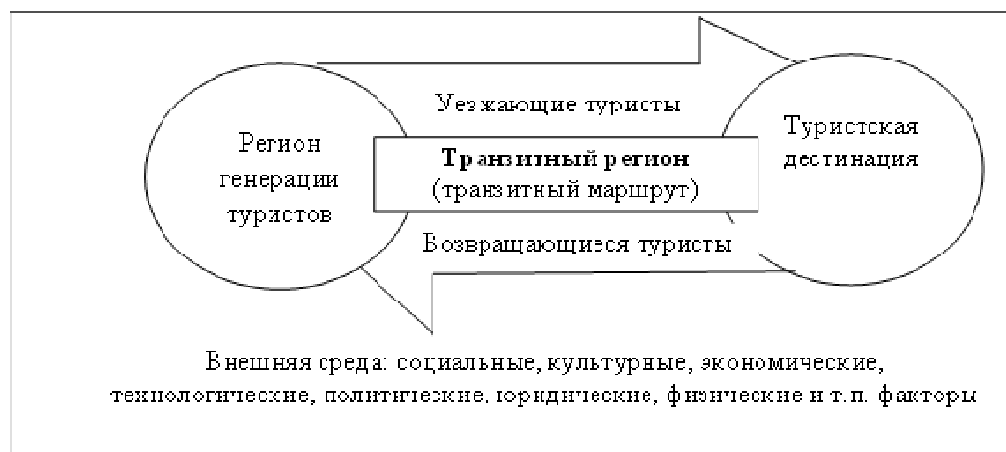

Рис. Модель системы туризма Н. Лейпера

Согласно Лейперу, туристская дестинация – это конкретная территория, которую турист выбирает для посещения и проводит там какое-то время, территория, на которой происходят основные процессы взаимодействия туриста с туристской инфраструктурой [1].

Автор одного из самых известных словарей по туризму Медлик С. [10] указывает что, дестинации – это страны, регионы, города или другие территории, которые посещают туристы. На протяжении года их инфраструктура на постоянной основе используется жителями, а часть времени в году или весь год она также приобретает временных пользователей – туристов. Важность конкретной географической территории как туристской дестинации определяется, по мнению Медлика, тремя факторами – доступностью, аттракциями и инфраструктурой.

Предложенная Лейпером Н. система является очень схематичной и упрощенной. Принципиально важным является тот факт, что даже в рамках территориально-географической трактовки понятия дестинации следует учитывать ее иерархичность. В рамках одной дестинации (как конкретной территории) может существовать несколько более мелких дестинаций (мест туристского интереса), что вызывает движение туристских потоков уже внутри дестинации. За одну поездку турист может посетить несколько регионов (например, автобусные туры по Европе), тогда в систему уже включается несколько дестинаций и возникает множество вариантов транзитных регионов.

Путешествия как с одной дестинацией, так и с несколькими могут быть различного масштаба и структуры. Вариации отражают степень распределения или концентрации активности туриста в стране, время проведенное (соответственно и потраченные средства) в

разных частях страны, тип и уровень сервиса, востребованный там туристом.

Таким образом, дестинации могут быть первичными и вторичными. Первичная дестинация является территорией непосредственного интереса туриста, именно ее привлекательность инициирует путешествие. На территории первичной дестинации происходит потребление основного туристского продукта. Вторичная дестинация представляет собой место, в котором неизбежна остановка по пути к первичной дестинации, либо ее территориальная близость к первичной дестинации провоцирует туриста на дополнительную поездку на 1 – 2 дня. В зависимости от изначального маршрута туриста дестинации могут быть как первичными, так и вторичными. Например, Новосибирск может быть первичной дестинацией для деловых туристов, а может и вторичной («остановка в пути») на пути в Томск. Однако есть дестинации, основу которых составляет именно факт близости к крупным дестинациям и транспортным путям, их продукт не может вызвать самостоятельного интереса у туриста. Такие вторичные дестинации ориентируются на привлечение большого числа туристов, но на короткое время.

Инфраструктурный и ресурсный аспект дестинации предполагает, что дестинация – это не просто территория, куда едут туристы, а территория, располагающая определенными аттракциями и соответствующей туристской инфраструктурой.

Инфраструктура туристского региона – это подсистема, обеспечивающая оказание территорией туристских услуг: транспортное обслуживание, гостиничное обслуживание, сфера общественного питания, развлекательно-зрелищная сфера и спортивно-оздоровительный сервис, экскурсионное обслуживание, финансовое обслуживание, информационное обеспечение и под-

держка, средства и системы связи, производство сувенирной продукции и изделий народного промысла, производство туристской и спортивной продукции, розничная торговля, сфера бытовых услуг.

Однако инфраструктура является лишь сопутствующим продуктом дестинации, турист приезжает не ради инфраструктуры. Для дестинации принципиально важным являются ее туристские ресурсы.

Разберемся в двух принципиально разных понятиях «туристские ресурсы» и «туристские аттракции». Туристские ресурсы хорошо изучены в российской научной литературе в рамках рекреационной географии, географии туризма и туристского ресурсосведения (Квартальнов В., Николаенко Т., Сазыкин А., Зорин А., Кусков А. и др.). При наличии определенных разногласий все ученые сходятся в том, что туристские ресурсы территории – совокупность природно-климатических, культурно-исторических, социально-экономических объектов и явлений, способные вызвать туристский интерес.

Однако само по себе наличие на территории туристских ресурсов не делает территорию привлекательной для туристов. Ресурсы еще должны стать аттракциями. Термин «аттракции» только получает свое распространение в российской туристской литературе и практике, как и само понимание того, что ресурсы не являются сами по себе частями туристского продукта территории. По определению одного из классиков туризма Д. МакКоннела, туристские аттракции – это отношения между туристом, достопримечательностью и рынком [11]. Аттракция имеет место только, если она значима для туристов и представляет для них интерес. Понятие «туристские ресурсы» шире понятия «туристские аттракции». Ресурсами считаются любые элементы территории (природные, культурные и пр.) которые могут быть туристскими аттракциями (так называемые потенциальные аттракции), в отличие от реальных аттракций, которые активно привлекают туристов. Важно отметить, что в рамках современного туризма аттракциями могут стать и элементы городской инфраструктуры – магазины, бизнес-центры, конгресс-центры, развлекательные комплексы и пр.

Туристские аттракции открывают еще один аспект понятия «дестинация» – *маркетинговый аспект*. Важнейшим аспектом дестинации является именно фактор ее привлекательности для туриста. Дестинация – это не просто географическая территория, обладающая определенным набором туристских ресурсов, а территория привлекательная для туриста. При этом не сама по себе территория как физическое место привлекает туриста. Туриста привлекает то, что находится на этой территории, то, что способна эта территория дать туристу. Дестинация – это совокупность инфраструктуры и услуг, которые подобраны и увязаны таким образом, чтобы соответствовать потребностям и ожиданиям туристов.

В этом ключевое отличие понятий «туристский регион» и «туристская дестинация». Понятие «туристский регион» в большей степени отражает географический и инфраструктурный аспект развития туризма. Это имеющий конкретные границы туристско-рекреационный район, «территория, обладающая туристско-рекреационными ресурсами, условиями, необходимой степенью развития туристско-рекреационной инфраструктуры и отличающаяся от других районов специализацией на определенных видах туризма и рекреации» [12]. Понятие «дестинация» несет в себе в первую оче-

редь маркетинговый аспект и предполагает, что дестинация – это интегрированный комплексный маркетинговый продукт, который предлагается и потребляется туристом [13]. Именно определенная эмоциональная связь туриста с территорией делает ее туристской дестинацией. Территория становится дестинацией, только если ее посещают туристы.

В рамках маркетингового аспекта ключевым элементом дестинации становится сам турист. Важнейшим аспектом понятия «дестинация» является рассмотрение дестинации в раках системы отношений спроса и предложения. Фактически, дестинация – это динамический продукт, результат спроса туристов на определенные ощущения и способности акторов дестинации удовлетворить эти потребности или найти новый сегмент на туристском рынке.

Важно отметить, что продукт в туризме – это не туристские ресурсы, а ощущения, которые получает турист через потребление комбинации этих ресурсов [4]. Один из ведущих исследователей проблем управления в туризме Бухалис Д. описывает туристские дестинации как сочетание туристских продуктов, которые предлагают туристу интегрированный комплекс ощущений [14]. Ученый отмечает, что дестинация – это географическая территория, которая рассматривается туристом как единое целое, вне зависимости от реальных границ и административных\ политических решений. Идентичность дестинации формируется не административными границами, а через бренд и сформированный в сознании туриста имидж. Важны отношения туриста и дестинации. Эти отношения формируют соответствующий имидж дестинации, а имидж, в свою очередь, вновь привлекает этого или других туристов.

Дестинация – это интегрированный комплексный продукт, в основе которого лежат потребности, ожидания и восприятие туриста, а туристская инфраструктура лишь обеспечивает удовлетворение этих потребностей.

Маркетинговый аспект расширяет представление о дестинации как о просто территории. Дестинации существуют не только физически, но и ментально в сознании реальных и потенциальных туристов. Дестинация – это определенный концепт, который может субъективно интерпретироваться туристами в зависимости от их целей путешествия, маршрута, культурной принадлежности, социального статуса и прошлого опыта.

Дестинация как продукт представляет не только то, что «на входе» (инфраструктура, аттракции), но и то, что «на выходе» (восприятие этих аттракций туристами, их эмоции, чувства, отношения). Дестинация продолжает существовать в сознании туриста (в форме внутренних и транслируемых внешнему миру воспоминаний и ощущений) и после того, как он уже покинул конкретный туристский регион и не имеет непосредственного контакта с аттракциями.

Впечатления, которые дестинация предлагает туристу, формируются целой группой самостоятельных участников рынка, каждый из которых оказывает непосредственное влияние на общее качество и восприятие туристом путешествия как целостного продукта – представителями туристического рынка (авиакомпании, туроператоры, отели, рестораны, туристские аттракции пр.), представителями сопутствующих рынков (индустрия развлечения, отдыха и пр.), руководством дестинации (органы власти, частно-государственное партнер-

ство, туристские информационные офисы и пр.), общественным сектором (дороги, здравоохранения, система безопасности и пр.), местными жителями и др. Очевидно, что для формирования целостного продукта, востребованного туристом, развитие дестинации должно осуществляться в рамках единой стратегии, различные интересы акторов туристского рынка должны быть максимально уравновешены в целях повышения конкурентоспособности дестинации.

Дестинация должна и выступает объектом управления (*управленческий аспект* понятия «дестинация»). Управление дестинацией, согласно определению Всемирной туристской организации, это скоординированный менеджмент всех элементов, которые формируют дестинацию (аттракции, инфраструктура, доступность, продвижение, стоимость) [3].

Управление дестинацией предполагает связывание часто очень разрозненных элементов, для того, что бы предоставить туристу целостный конкурентоспособный продукт. Это позволяет избежать дублирование усилий в сфере продвижения, информирования туристов, развития инфраструктуры и пр. Субъектом управления выступают специализированные государственные, общественные, частно-государственные институты, которые отвечают за развитие дестинации и повышение ее конкурентоспособности.

Управленческий аспект дестинации тесно связан с географическо-территориальным. Как объект управления дестинация должна иметь конкретные географические границы, в идеале (для управления) совпадающие с определенными административными границами. Однако, как уже было сказано, дестинация определяется восприятием туриста, поскольку именно под его потребности дестинация и формируется. В большинстве случаев границы дестинации в восприятии туриста и административные границы совпадают. Например, Вена, Франция, Россия как туристские дестинации являются еще и конкретными административными единицами.

Однако существует много случаев, когда границы дестинации и административные границы не совпадают. В таких случаях возникает потребность в нестандартном подходе к управлению дестинацией. Так, например, в Австрии существует очень развитая туристская дестинация – Зальцкаммергут. Это район озер в окрестностях Альп, который получил статус курортного региона еще в 19 веке. Зальцкаммергут – сложившийся бренд. Однако современное административное деление Австрии привело к тому, что Зальцкаммергут находится на территории 3 разных административных единиц (земель) – Штирии, Зальцбурга и Верхней Австрии. Несмотря на такое положение было принято решение об организации единого органа, который бы занимался продвижением Зальцкаммергут как единой дестинации – Зальцкаммергут туризмус. Итогом такого верного стратегического хода и отказа от традиционного соотношения дестинации с конкретными административными границами стал тот факт, что Зальцкаммергут является на настоящий момент третьей по популярности дестинацией Австрии.

Социальный аспект понятия «дестинация» указывает на то, что дестинация – это не просто место туристского интереса, это территория, где люди живут и работают. Это комплекс социальных, экономических,

культурных взаимоотношений и практик, который сложился вне рамок развития туризма. Дестинация – это ежедневное взаимодействие интересов местных жителей, местной культуры, природы и интересов туристов. Превращение территории в туристскую дестинацию имеет как положительные так и негативные последствия для местного сообщества. Одна из основных целей менеджмента дестинации – обеспечение устойчивого развития.

Суммируя вышеперечисленные аспекты понятия «туристская дестинация» отметим, что не любая территория, куда едут туристы, может быть названа дестинацией. Существует ряд критериев, которым должна удовлетворять территория:

- территория должна обладать совокупностью культурных, физических и социальных характеристик, которые формируют единую комплексную уникальную, различимую и узнаваемую туристами региональную идентичность;

- комплексный туристский продукт, базирующийся на широком спектре ресурсов, продуктов и услуг. На территории должно быть больше, чем просто одна аттракция;

- территория должна располагать необходимой для развития туризма инфраструктурой, позволяющей удовлетворить потребности туристов в проживании, питании, развлечениях, безопасности и пр.;

- территория должна обладать необходимыми ресурсами для поддержания и развития своих туристских аттракций в соответствии с интересами и запросами туристов;

- должна существовать система, позволяющая туристу «купить» дестинацию – туроператоры, информационные центры и пр.;

- регион должен быть транспортно доступен для туристов;

- у территории должен быть соответствующий орган (государственный или общественный), отвечающий за менеджмент и продвижения дестинации;

- население территории должно стать частью продукта дестинации, а также включиться в процесс его создания;

- туризм является неотъемлемой интегрированной частью социально-экономического развития территории.

Подводя итог, мы можем отметить, что дестинация это физическое пространство, которое выбирает турист для посещения и в котором проводит время с целью получения впечатлений, ощущений от взаимодействия с аттракциями территории. Она представляет собой туристский продукт, который включает аттракции, соответствующую инфраструктуру и сопутствующие услуги туристам. Дестинация как единый продукт потребляется туристом под единым брендом. Она имеет физические и административные границы, которые позволяют сделать ее объектом управления, однако не всегда административные границы совпадают с границами дестинации в сознании туристов, что накладывает специфику на систему управления. Маркетинговую конкурентоспособность дестинации определяет восприятие туриста, интересы и потребности которого определяют степень привлекательности туристской территории. Туристские дестинации формируются множеством акторов, в число которых входят и местные жители. Дестинации могут быть разных размеров –

от целой страны, региона, острова, до города, деревни и даже отдельного парка развлечений.

Предлагая комплексную модель понятия «дестинация» мы ставили целью показать, что понимание туристской дестинации как концепта лежит над дисциплинарными границами. Это многосоставной концепт, каждый аспект которого находится в тесной взаимосвя-

зи с другими. Для исследований в сфере туризма, вне зависимости от дисциплинарной принадлежности (маркетинг, социология, менеджмент, география и др.) принципиально важным является четкая экспликация ключевого понятия – «туристская дестинация».

Литература

1. Leiper, N. Tourism Management. 3^d ed. / N. Leiper/ – Sidney: Pearson Education Australia, 2004. – 326 p.
2. Cooper, C. Tourism: Principles and practices / C. Cooper, J. Fletcher, D. Gilbert, R. Shepherd, S. Wanhill. – Harlow, UK: Pearson, 2005. – 736 p.
3. A practical guide to tourism destination management. – Madrid: WTO, 2007. – P. 1
4. Ritchie? B. The competitive destination: a sustainable tourism perspective / B. Ritchie, G. Crouch. – Cambridge: CAB International, 2003. – 291 p.
5. Никитина, О. А. Управление формированием интегрированных санаторно-курортных комплексов в регионе: дис. ... д-ра экон. наук / О. А. Никитина. – СПб., 2009. – 368 с.
6. Павлова, Э. Н. Дестинация как концепт развития региональной системы непрерывного профессионального туристского образования: дис. ... д-ра пед. наук / Э. Н. Павлова. – М., 2009. – 618 с.
7. Зорин, А. И. Дестинация / А. И. Зорин, И. В. Зорин. – М.: ВЛАЦ, 2009.
8. Lew, A. A. A framework of tourist attraction research / A. A. Lew // Annals of Tourism research. – 1987. – № 14 (4).
9. Framke, W. The Destination as a Concept: A Discussion of the Business-related Perspective versus the Socio-cultural Approach in Tourism Theory / W. Framke // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. – 2002. – № 2 (2).
10. Medlik, S. Dictionary of travel, tourism and hospitality. 2nd ed. / S. Medlik. – Oxford: Butterworth-Heinemann, 1993. – 273 p.
11. MacCannel D. The Tourist. A new Theory of the Leisure Class. – Berkeley; University of California Press, 1976. – 264 p.
12. Джанджугазова, Е. А. Маркетинг туристских территорий / Е. А. Джанджугазова. – М.: Академия, 2006. – 224 с.
13. Кирьянова, Л. Г. Маркетинг дестинаций как современный подход к управлению туристским регионом / Л. Г. Кирьянова // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6.
14. Buhalis, D. Marketing the Competitive Destination of the Future / D. Buhalis // Tourism Management. – 2000. – № 21 (1).

Информация об авторе:

Кирьянова Лилия Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации Национального исследовательского Томского политехнического университета, +7(3822) 701-838, kiriyanova@tpu.ru.

Kiriyanova Liliya Gennadiyevna – PhD, associate professor at Department of Culture Studies and Social Communications, Tomsk Polytechnical University.

УДК 372.879.6

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В УСЛОВИЯХ ВУЗА

О. В. Печёркина, Р. С. Жуков

IMPROVING THE TRAINING OF SPECIALISTS IN PHYSICAL EDUCATION AND SPORT IN HIGH SCHOOL

O. V. Pecherina, R. S. Zhukov

В статье представлены некоторые пути совершенствования процесса подготовки профессиональных кадров в сфере физической культуры и спорта в условиях вуза на основе представлений учителей физической культуры, работающих в общеобразовательных учреждениях.

The article presents some ways to improve the training of specialists in the sphere of physical culture and sports in high school on the basis of inviting and introducing physical education teachers, working in secondary schools.

Ключевые слова: выпускник вуза, физическая культура, профессиональная подготовка, педагогические практики, профессиональные знания и умения, уровень подготовленности выпускников.

Keywords: high school graduates, physical education, vocational training, teaching practice, professional knowledge and skill, graduates' professional level.

Актуальность исследования

Современные экономические условия, переосмысление роли и функций физической культуры и спорта определяют новые требования к подготовке физкультурных кадров. Сегодня речь идёт не просто о развитии профессионально значимых качеств личности будущего педагога, а о его способностях к самостоятельному инновационному труду. Но усложнение системы подготовки высококвалифицированных кадров не уменьшает число проблем, требующих решений внутривузовского уровня, которых довольно много. Составной частью профессиональной подготовки будущего специалиста по физической культуре и спорту являются профессионально-педагогические умения, наряду со знаниями они входят в общую структуру педагогической деятельности. Об уровне профессионально-педагогической подготовки кадров по физической культуре мы можем судить не только по количеству и содержанию педагогических знаний, но и по наличию профессионально-педагогических умений, приобретённых на основе знаний и путём упражнений, т. е. практического, осмысленного применения знаний в конкретных условиях профессиональной деятельности [3, 8].

Требования к профессиональной подготовке выпускника предъявляются самой практикой физической культуры. Для успешной подготовки кадров требуется, чтобы студент не был пассивным потребителем преподаваемых ему знаний, а сам активно включался в их поиск в процесс формирования умений и навыков. Видимо, девиз: «Учись учиться» необходимо превращать в реальность создания условий, обстановки, освоения технологии самообразования и т. п. Поэтому на всех уровнях формирования выпускников вуза должен соблюдаться принцип глубокой подготовки, развития способности к самообразованию. В основе обучения должен лежать принцип формирования творческой социальной активности будущих специалистов в области физической культуры и спорта [4, 50 – 55; 10].

Особое значение в закреплении и углублении приобретённых на учебных занятиях знаний и формировании профессиональных умений имеют педагогические практики. Они являются неразрывной частью учебно-воспитательного процесса, обеспечивают органическое соединение теоретической подготовки студентов и опыта практической деятельности с реальным контингентом. Опыт свидетельствует о том, что в процессе практики необходимо ставить и решать следующие основные задачи: приобщение студентов к воспитательной деятельности, формирование у них профессиональных умений и навыков; воспитание профессионально-личностных качеств, потребности в профессиональном самообразовании; воспитание любви и уважения к профессии; убеждённости в необходимости физической культуры и спорта в жизни и деятельности каждого человека; умений развивать у учащихся социальную активность средствами физкультурно-спортивной деятельности [5; 7].

Профессиональные знания, умения, необходимые будущему педагогу, методы их формирования в процессе обучения в вузе и в процессе прохождения студентами педагогической практики изучали О. А. Абдуллина, В. И. Загвязинский, В. А. Кан-Калик, Н. В. Кузьмина, Ю. Н. Кулюткин, А. А. Леонтьев, Н. Д. Никандров, А. И. Пискунов, З. И. Равкин, В. А. Сластенин, А. И. Щербаков и др. [1; 2, 13 – 17].

Практика обостряет проблему самообразования, самоподготовки и самосовершенствования. Это важнейшие моменты – прочувствовать роль профессионального самообразования, самовоспитания в начале своей педагогической карьеры. Проблемы физического самосовершенствования будущих педагогов рассмотрены в исследованиях В. И. Ульянова [9].

Анализ литературы показал, что проблема профессиональной подготовки будущих специалистов в области физической культуры и спорта – одна из наиболее важных в педагогической науке [6]. Свидетельством этому могут служить многочисленные и разноаспектные исследования О. А. Абдуллиной, С. И. Архангельского, В. А. Канн-Калика, Н. В. Кузьминой, И. П. Раченко, В. А. Сластенина, А. И. Щербакова, в том числе и саратовских ученых Л. Г. Вяткина, Г. И. Железовой, Г. К. Париновой, Н. В. Тельгетской и др. Особенно возрос интерес к данной проблеме в последние годы, об этом свидетельствуют исследования В. И. Андреева, В. А. Болотова, Н. М. Борытко, Е. В. Бондаревской, А. А. Вербицкого, Н. Е. Воробьева, С. М. Годника, Н. Б. Крыловой, С. В. Кульневича, А. В. Мудрика, Н. К. Сергеева, В. В. Серикова, А. В. Хуторского и других авторов.

В современной психолого-педагогической литературе можно выделить следующие вопросы, раскрывающие проблему профессиональной подготовки кадров:

- определение целей, задач и содержания профессионально-педагогического образования в вузе;
- обоснование учебно-методического обеспечения подготовки кадров;
- исследование закономерностей формирования профессиональной культуры и становления его личности как субъекта педагогической деятельности;
- анализ результатов вузовского педагогического образования.

Таким образом, многоаспектность изучения проблемы подготовки кадров ещё раз подчёркивает значимость её для педагогической науки.

Нами была сформирована промежуточная цель исследования: наметить пути совершенствования процесса подготовки профессиональных кадров в сфере физической культуры и спорта в условиях вуза на основе представлений учителей физической культуры, работающих в общеобразовательных учреждениях Кемеровской области.

В организованном нами анкетном опросе приняло участие более 100 учителей физической культуры в возрасте от 26 до 45 лет, работающих на базах общеобразовательных школ, где студенты факультета физической культуры и спорта Кемеровского государственного университета проходят различные виды практик или были трудоустроены.

Результаты исследования

На вопрос: «В какой степени выпускники вузов готовы к профессиональной деятельности в сфере физической культуры и спорта?» 70 % педагогов ответили, что готовы лишь частично, 25 % человек посчитали, что выпускники вузов полностью готовы к профессиональной деятельности и 5 % затруднились с ответом.

На следующий вопрос: «Приобретают ли выпускники вузов необходимые знания по документообороту образовательного учреждения?», половина учителей ответили «скорее не приобретают», 35 % ответили «скорее

да», 10 % опрошенных считают, что выпускники приобретают знания по документообороту в полном объеме и только 5 % затруднились с ответом.

Ответы на третий вопрос, который также был обращён к учителям физической культуры: «Обладают ли выпускники коммуникативными, организаторскими, конструктивными и гностическими способностями?» представлены в таблице 1.

Таблица 1

Ответы учителей физической культуры на вопрос: «Обладают ли выпускники вузов коммуникативными, организаторскими, конструктивными и гностическими способностями?»

Способности	Ответы (%)	
	да	нет
Коммуникативные	90	10
Организаторские	80	20
Конструктивные	75	25
Гностические	60	40

По мнению опрошенных педагогов, большинство выпускников обладают коммуникативными способностями, 80 % учителей считают, что выпускники обла-

дают организаторскими способностями, следующую позицию занимают конструктивные умения – 75 %, 60 % учителей считают, что выпускники обладают гностическими умениями. Таким образом, можно отметить некоторую противоречивость в ответах учителей, видимо, это связано с тем, что обычно у каждого отдельного выпускника лидирующую позицию занимает тот или иной компонент.

В таблице 2 представлены результаты ответов респондентов на вопрос, в котором предлагалось оценить уровень развития некоторых профессиональных качеств выпускников вуза. В результате анализа ответов можно отметить, что 55 % учителей физической культуры считают, что у выпускников на высоком уровне находятся знания избранного вида спорта, также отмечены умение обучать и способность к саморазвитию. На наш взгляд, это связано с тем, что выпускники вуза не совсем адаптировались к работе учителя физической культуры, также для саморазвития необходимо какое-то время, чтобы осмыслить и понять, что в процессе профессиональной деятельности специалиста физической культуры и спорта всегда будет присутствовать объективная необходимость для самосовершенствования, стремления к новому и получения актуальной информации.

Таблица 2

Ответы учителей физической культуры: «Оцените уровень развития следующих качеств выпускников вуза» (%)

Качества	Высокий	Средний	Низкий	Затрудняюсь с ответом
Знание избранного вида спорта	55 %	45 %		
Умение обучать	45 %	50 %		5 %
Способность к саморазвитию	30 %	60 %	10 %	

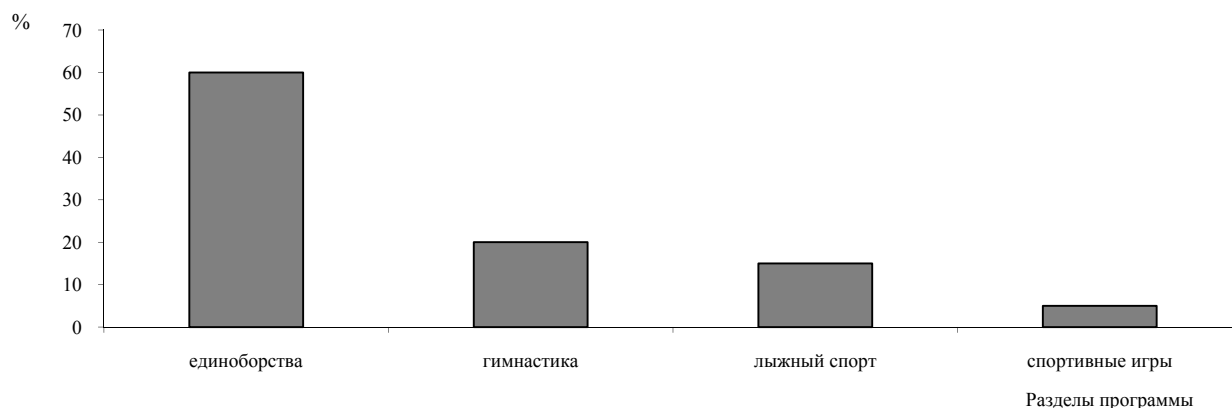

Рис. 1. Ответы учителей по физической культуре на вопрос: «Преподавание каких разделов программы по физической культуре представляет для Вас наибольшую трудность?»

Также был задан вопрос: «На ваш взгляд, способен ли выпускник вуза формировать мотивацию у детей к занятиям физической культурой и спортом?» Практически все (90 %) учителя ответили, что выпускник вполне способен формировать мотивацию у детей к занятиям физической культурой, только 3 % ответили отрицательно и 7 % педагогов затруднились с ответом.

Шестой вопрос, обращённый к учителям, звучал так: «Преподавание каких разделов программы по физической культуре представляет для Вас наибольшую трудность?» Из результатов опроса следует, что самым

сложным в преподавании является раздел единоборств, это можно объяснить, во-первых, тем, что небольшое количество часов отводится этой дисциплине во время обучения в вузе, во-вторых, что данный вид спорта в школе недостаточно развит (рис. 1). Вторую позицию по трудности в преподавании занимают такие разделы, как гимнастика и лыжный спорт. Соотношение количества опрошенных учителей, у которых возникают трудности в преподавании этих дисциплин, практически одинаково, это связано с тем, что не во всех школах существует необходимая материальная база. Сложность

в проведении практических занятий по разделу гимнастики может быть связана и с тем, что довольно часто возникают травмы у учащихся при выполнении упражнений или комбинаций, например, при кувырках вперёд или назад, при выполнении опорного прыжка и т. д., и педагогу не всегда удаётся осуществлять индивидуальную страховку. При проведении лыжной подготовки также существуют некоторые сложности: во-первых, зачастую нет заинтересованности у самих учащихся, во-вторых, в наших сибирских климатических условиях в последние годы характерны низкие температуры воздуха именно в период, который приходится на 3-ю четверть, когда программой по физической культуре предусмотрена лыжная подготовка, самому педагогу тяжелее настроить учащихся на занятия лыжной подготовкой на улице. Наименьшие трудности учителя испытывают в преподавании раздела спортивных игр.

На следующий вопрос «Как Вы считаете, каково отношение выпускников вузов к своей работе?», большинство учителей физической культуры (80 %) ответили, что выпускники относятся к своей работе достаточно добросовестно, 15 % опрошенных считают, что выпускники работают с полной отдачей сил, очень добросовестно и только 5 % отметили недобросовестное отношение выпускников к работе. Таким образом, можно отметить, что большая часть выпускников вуза работают с желанием и полной отдачей, помимо уроков они активно включаются во внеурочную деятельность физкультурно-спортивной направленности, проводят занятия в спортивных секциях по различным видам спорта, организуют соревнования, тем самым привлекая учащихся к регулярным занятиям спортом.

Также учителям физической культуры было предложено ответить на вопрос: «Может ли выпускник вуза адекватно определить величину нагрузок для учащихся при проведении занятий?» Из числа опрошенных 70 % учителей считают, что выпускники могут адекватно определить величину нагрузки на уроке, 20 % посчитали, что не могут, и 10 % затруднились с ответом. Определять величину нагрузки обучают студентов ещё в ву-

зе во время прохождения профессионально-ориентированной практики, так студент приобретает опыт в проведении занятий и определении величины нагрузки, тем самым учится адекватно оценивать, насколько учащийся готов выполнить то или иное содержание занятия.

Ответы на вопрос, который также был обращён к учителям физической культуры: «Потребность в какой информации наиболее остра для выпускников вузов?» представлены в таблице 3.

Очевидна наибольшая потребность выпускников в информации по программно-методическому обеспечению предмета «физическая культура», далее следует потребность в информации о нормативно-правовых основах образовательной деятельности. Некоторые учителя считают, что у выпускников имеется потребность в информации по организации здоровьесберегающего сопровождения и по формам контроля за состоянием школьников.

На вопрос: «Готовы ли выпускники разрабатывать документы перспективного, текущего и оперативного планирования по физической культуре?», большая часть учителей (60 %) ответили, что скорее умеют, 30 % считают, что студенты не умеют разрабатывать документы планирования и 10 % затруднились с ответом. Такой процент готовности связан с тем, что студенты уже на старших курсах во время прохождения практики составляют документы планирования, независимо от избранного вида спорта. То есть уже во время учёбы и практики студенты приобретают достаточно глубокие знания по планированию.

«Какие виды учебно-познавательной деятельности студентов кажутся Вам более продуктивными при приобретении и осмыслении знаний, при закреплении знаний, для применения знаний на практике, для контроля знаний?», – так звучал очередной вопрос, ответить на который предлагалось с помощью таблицы, при этом респондентам необходимо было зафиксировать ответы по каждому столбцу (таблица 4).

Таблица 3

**Ответы учителей физической культуры на вопрос:
«Потребность в какой информации наиболее остра для выпускников вузов?»**

<i>Вопросы</i>	<i>Ответы (%)</i>
По программно-методическому обеспечению предмета «физическая культура».	45
По нормативно-правовым основам образовательной деятельности.	40
По формам контроля за состоянием школьников.	10
По организации здоровьесберегающего сопровождения воспитательно-образовательного процесса.	5

Таблица 4

**Ответы учителей физической культуры на вопрос
о видах учебно-познавательной деятельности студентов**

<i>Виды учебно-познавательной деятельности</i>	<i>При приобретении и осмыслении знаний</i>	<i>При закреплении знаний</i>	<i>Применение знаний на практике</i>	<i>При контроле знаний</i>
Подготовка к семинару.	20 %	20 %	15 %	-
Составление конспектов урока.	40 %	-	50 %	-
Подготовка и участие в конференциях.	10 %	40 %	15 %	80 %
Педагогический анализ занятия.	30 %	40 %	20 %	20 %

Результаты опроса показывают, что при приобретении и осмыслении знаний учащимися учителя считают более продуктивным составление конспектов уроков, далее отмечают педагогический анализ занятия, подготовку к семинару и последнюю позицию занимает подготовка и участие в конференциях. При закреплении знаний к наиболее результативным видам учебно-познавательной деятельности студентов респонденты отнесли подготовку и участие в конференциях (40 %), а при контроле знаний 80 % опрошенных назвали участие в конференциях. При применении знаний на практике наименьший процент набрали варианты подготовки к семинарам и участия в конференции (15 %), а 50 % участников опроса отдали предпочтение составлению конспектов уроков. Исходя из данных, можно констатировать, что, независимо от видов учебно-познавательной деятельности студентов, все виды в большем или меньшем процентном соотношении необходимы студенту.

На предложение: «Оцените, пожалуйста, в целом состояние готовности выпускников к профессиональной деятельности», 30 % ответили, что состояние «удовлетворительное», 50 % считают, что готовность выпускников хорошая и 20 % опрошенных учителей отметили отличную подготовку к профессиональной деятельности.

Заключительный вопрос: «Какие изменения в организации процесса подготовки профессиональных кадров в сфере физической культуры и спорта Вы могли бы предложить?» дал единодушные ответы респондентов. Так, 95 % учителей физической культуры считают, что какие-либо существенные изменения не требуются, а 5 % респондентов считают, что стоит больше внедрять в учебный процесс вузов учебных, педагогических и производственных практик, а также увеличить количество часов практических занятий.

Резюмируя вышесказанное, мы пришли к выводу, что ряд специалистов связывают низкий уровень методической и практической подготовленности выпускников вузов по направлению «физическая культура» с недостатками в организации процесса профессиональной подготовки. Среди основных причин: слабость меж-

предметных связей дисциплин направления; отсутствие постоянной связи в закреплении теоретических знаний и в процессе собственно практической деятельности студентов. На наш взгляд, в связи с возросшими требованиями подготовки высококвалифицированных кадров очевидным становится недостаток практических занятий, которые должны концентрированно сочетать в себе основные элементы предстоящей профессиональной деятельности.

Одним из основных направлений совершенствования подготовки профессиональных кадров в области физической культуры и спорта является совершенствование программ по различным видам практик, увеличение количества часов при прохождении практик, тем самым студенты-практиканты больше приобретают опыта работы в сфере физической культуры и спорта, получают возможность проводить встречи с учителями физической культуры, а также с работниками учреждений дополнительного образования (ДЮСШ, СДЮСШОР и др.), участвовать в научно-методических и научно-практических конференциях, семинарах, мастер-классах. Другими важными направлениями совершенствования подготовки профессиональных кадров сферы физической культуры и спорта являются совершенствование общепедагогической подготовки, организация научно-исследовательской деятельности студентов, ориентированной на приобретение ими навыков творческой работы с педагогическими фактами, овладение принципами и методами их сбора, оценки и анализа.

Таким образом, совершенствование подготовки кадров в области физической культуры является актуальной проблемой отечественной высшей школы, требующей для своего эффективного решения применения новых подходов, разработки соответствующих образовательных технологий на основе интеграции теоретического и практического компонентов общепедагогической подготовки студентов, стимулирования научно-исследовательской деятельности и расширения межпредметных взаимосвязей педагогических дисциплин.

Литература

1. Абдуллина, О. А. Общепедагогическая подготовка учителя в системе высшего педагогического образования: учебник для пед. спец. высш. учеб. заведений [Текст] / О. А. Абдуллина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1990. – 141 с.
2. Горленко, В. П. Цели педагогической практики: проблемы обоснования [Текст] / В. П. Горленко // Педагогика. – 1999. – № 4.
3. Лернер, И. Я. Процесс обучения и его закономерности [Текст] / И. Я. Лернер. – М.: Знание, 1980. – 160 с.
4. Николаев, Л. Ученик, превзойди учителя [Текст] / Л. Николаев // Теория и практика физической культуры. – 1996. – № 2.
5. Педагогическая энциклопедия [Текст]. – М., 1965. – Т. 2. – 864 с.
6. Сластёнин, В. А. Общая педагогика: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений [Текст] // отв. ред. В. А. Сластёнин. – М.: ВЛАДОС, 2003. – Ч. 2. – 228 с.
7. Розов, В. К. Педагогическая практика [Текст] / В. К. Розов. – М.: Просвещение, 1981. – 86 с.
8. Тихонов, А. М. Особенности затруднений учителей физической культуры в педагогической деятельности [Текст] / А. М. Тихонов. – СПб., 1992. – 64 с.
9. Ульянов, В. И. Методические основы профессиональной направленности физического воспитания будущих учителей: учебное пособие [Текст] / В. И. Ульянов. – Пятигорск, 1996. – 183 с.
10. Якиманская, И. С. Развивающее обучение [Текст] / И. С. Якиманская. – М.: Педагогика, 1979. – 230 с.

Информация об авторах:

Печёрина Оксана Владимировна – старший преподаватель кафедры теоретических основ физической культуры, КемГУ, 8-906-933- 93-27, tofk@kemsu.ru.

Pecherina Oksana Vladimirovna – Senior Lecturer at the Department of Physical Culture Theory of Kemsu.

Жуков Родион Сергеевич – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретических основ физической культуры, КемГУ, 8(3842) 58-23-56, tofk@kemsu.ru.

Zhukov Rodion Sergeevich – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Physical Culture Theory of Kemsu.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 353. 2 (066)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА

М. М. Кисляков

SOCIAL-ECONOMICAL PROBLEMS OF ADAPTATION OF REGIONAL POLITICAL MARKETING

M. M. Kislyakov

В статье автором рассматриваются социально-экономические проблемы адаптации регионального политического маркетинга к условиям регионов. К числу основных проблем автор относит объективное неравенство регионов по уровню социально-экономического развития, наличие разных типов социально-экономической политики в регионах, разный уровень и качество жизни граждан региона, проблемы безработицы, улучшения условий труда, обеспечения жильем, получения качественной медицинской помощи и образования. По мнению автора, адаптация регионального политического маркетинга может рассматриваться как процесс, как состояние, как результат. Конечным результатом адаптации должно стать с учетом специфики регионов практическое внедрение как отдельных элементов политического маркетинга, так и всей его системы, а также повышение эффективности государственного и местного управления.

The author of the article considers social-economic problems of regional political marketing adaptation to the conditions of the region. The main problems discussed are: objective inequality of regions according to the level of social-economic development, availability of various types of social-economic policy in regions, different level and life quality of the citizens, unemployment problems, improvement of working and housing conditions as well as medical care and education. According to the author adaptation of regional political marketing can be considered as a process, state and result. The final result of adaptation should be, taking into account specificity of regions, the practical implementation of separate elements of political marketing, so as of the entire system, as well as improvement of the efficiency of state and local government.

Ключевые слова: социальная адаптация, проблемы и результаты адаптации политического маркетинга.

Keywords: social adaptation, problems and results of adaptation of political marketing.

В современной научной литературе проблемы адаптации рассматриваются под разным углом зрения. Философы и психологи видят в адаптации процесс приспособления. Зарубежные психологи и социологи рассматривают социальную адаптацию как процесс и состояние одновременно. Российские ученые, в частности новосибирская исследовательница Л. В. Корель, изучает адаптацию как статистическое равновесие между социальной системой и ее окружением, как процесс и как состояние. Л. В. Корель выделяет отличительные черты адаптации. К ним она относит:

1) адаптация рассматривается как процесс, при котором субъект приспосабливается к новой среде;

2) под адаптацией понимается результат приспособительного процесса;

3) адаптация связывается с какой-то целью, к которой стремится субъект;

4) адаптация (адаптивность) предполагает соответствие между целями и достижением в процессе деятельности результатами;

5) адаптация используется для обозначения отношения равновесия между субъектом и средой;

6) адаптация это и процесс развития самого субъекта адаптации [1, с. 39 – 40].

На современном этапе развития российского общества, утверждает Л. В. Корель изменяется содержание процесса адаптации населения к рынку в связи с осуществлением модернизационных проектов. Происходит переход от традиционных способов адаптации к современным рациональным способам. К числу таких способов можно отнести занятие малым бизнесом, включе-

ние в деятельность открытых акционерных обществ, что естественно приводит к изменению социального статуса граждан, изменению их отношения к политике, к политическому участию и политической деятельности. Автором обосновывается положение о том, что в обществе имеется потенциал роста, но и существуют пределы развития.

Процесс социальной адаптации касается всех социальных групп и слоев общества и протекает достаточно сложно и трудно. Как показывают социологические исследования, проведенные в регионах России, большинство россиян пока еще так и не приспособились к новым рыночным отношениям.

В регионах России идет процесс формирования новых политических отношений между органами власти и гражданским населением. Они постепенно приобретают элементы сотрудничества. Однако следует заметить, что для деятельности региональных органов власти характерна определенная закрытость. Это обстоятельство сдерживает налаживание партнерских отношений между властными структурами и рядовыми гражданами региона.

Для части российских граждан, проживающих в регионах, политический маркетинг представлялся, особенно в начале 90-х годов прошлого столетия, малопонятным явлением. Но постепенно граждане на практике уяснили для себя, что такое политический маркетинг.

Как же происходит процесс адаптации регионального политического маркетинга к условиям конкретных регионов?

Прежде всего следует заметить, что процесс адаптации регионального политического маркетинга происходил и происходит в условиях переходного периода от авторитарного к демократическому политическому режиму, в условиях проведения реформ во всех сферах жизни российского общества. Как известно в нашей стране коренным образом изменилась и экономическая и политическая система. Мы перешли к многоукладной, рыночной экономике. В нашей стране получила развитие многопартийность, традицией стали альтернативные выборы, признается идеологическое многообразие и плюрализм мнений, точек зрения. Все эти изменения сказываются на всех этапах внедрения и реализации технологий политического маркетинга.

Технологии политического маркетинга в регионах России начали использоваться в середине 90-х годов. К концу 90-х годов политический маркетинг стал нормой политической жизни регионов. В начале XXI века он становится системой и основной формирования новой системы регионального политического управления и местного самоуправления. Однако следует заметить, что пока эта новая система политического управления в регионах не стала достаточно действенной и эффективной. Это связано с тем, что существуют условия, факторы сдерживающие развитие политического маркетинга на региональном уровне.

В каждом регионе создаются свои правила игры на электоральном рынке, имеется специфика проведения политико-административной реформы. Исходя из того, каковы запросы регионального политического рынка, таковы должны быть и методы, технологии его изучения, а затем распространение политического товара.

В регионах России своеобразно формируется спрос на политический товар. При этом политический спрос может быть повышенным, устойчивым или вообще от-

сутствовать. Задача продавцов политического товара, состоит в том, чтобы предпринять определённые усилия и навязать покупателям политический товар.

Проблемы адаптации регионального политического маркетинга как открытой неравновесной системы, с нашей точки зрения, следует рассматривать с позиций политико-социологического подхода и как относительное равновесие между региональной политической системой и экономической, социальной и духовной средой, как состояние, как процесс и как результат.

Как относительное равновесие между политической системой и экономической средой региона адаптация политического маркетинга может быть основой политической и экономической стабильности.

Как *относительное равновесие* между региональной политической системой и социальной средой адаптация политического маркетинга может рассматриваться в качестве связующего звена между социальными группами и органами власти.

Как относительное равновесие между региональной политической системой и духовной средой адаптация политического маркетинга может способствовать развитию культуры и образования в регионе.

Состояние адаптации регионального политического маркетинга может быть неизменным и динамичным.

Характерными чертами процесса адаптации регионального политического маркетинга могут быть: во-первых, определение цели процесса приспособления; во-вторых, достижение соответствия между целями и результатами; в-третьих, оценка эффективности использования политического маркетинга в регионе.

Конечный результат процесса приспособления политического маркетинга к условиям региона, на наш взгляд должен состоять в том, чтобы учесть специфику условий в регионе и внедрить на практике как отдельные технологии, так и всю систему политического маркетинга и в итоге привести к повышению эффективности политического управления и местного управления в регионе.

Достижение соответствия между целями и результатами процесса приспособления должно проявиться в том, чтобы система политического маркетинга в регионе начала реально функционировать и способствовать изменению содержания системы политического управления.

Эффективность использования системы политического маркетинга в регионе должна отразиться на форме и содержании организации и проведения выборов, приближении органов власти к реализации интересов и потребностей граждан региона, а также привести к повышению политической активности граждан региона.

На наш взгляд, можно выделить четыре этапа адаптации регионального политического маркетинга к условиям региона. *Первый этап* – выделение проблем адаптации. *Второй этап* – выяснение причин существующих проблем адаптации. *Третий этап* – определение направлений, путей, средств и методов адаптации регионального политического маркетинга к условиям регионов. *Четвертый этап* – непосредственно реализация технологий политического маркетинга.

При этом формы адаптации могут быть эволюционными и радикальными. Эволюционные формы предполагают постепенные изменения в содержании регионального политического маркетинга. Радикальные

формы предполагают качественные изменения в содержании регионального политического маркетинга.

Содержание процесса адаптации регионального политического маркетинга можно рассматривать в узком и широком смысле слова.

В узком смысле слова это процесс приспособления технологий регионального политического маркетинга к условиям регионов. В широком смысле слова это процесс приспособления всей системы регионального политического маркетинга к условиям региона.

Более подробно остановимся на этапах адаптации. *Первый этап* – выделение проблем адаптации. В числе основных трудностей адаптации регионального политического маркетинга можно выделить следующие проблемы: социально-экономические, политические, правовые, нравственные и психологические.

Второй этап адаптации – выяснение причин, существующих проблем.

Причины существующих проблем в регионе связаны с общими процессами переходного периода, осуществляемого в нашей стране, со сменой экономической и политической системы. А также с изменением экономического, социального и политического статуса большей части населения страны, а также с особенностями социально-экономического, социально-политического и духовного развития регионов.

Третий этап – определение направлений, путей, средств и методов адаптации.

Основные направления адаптации технологий регионального политического маркетинга и всей его системы могут быть следующие:

Во-первых, это разработка и использование новых методов проведения адаптации.

Во-вторых, осуществление процесса адаптации.

В-третьих, анализ результатов процесса адаптации регионального политического маркетинга.

Исходя из основных направлений можно определить пути, средства и методы процесса адаптации.

Возможны два основных пути адаптации:

- выбор наиболее эффективных маркетинговых технологий, приемлемых для данного региона;
- внедрение эффективных технологий на практике.

Средства и методы адаптации регионального политического маркетинга могут быть следующие: традиционные и инновационные.

Традиционные методы: приспособление, достижение соответствия между целями и результатами.

Инновационные методы: использование современных технологий, в частности, Интернет, нахождение оптимального сочетания между традиционными и новыми методами адаптации.

Четвертый этап адаптации регионального политического маркетинга – на данном этапе происходит реальный процесс использования технологий политического маркетинга с учетом конкретных особенностей региональных избирательных кампаний и проведения политико-административной реформы.

Необходимо также формировать новый механизм адаптации регионального политического маркетинга. При формировании нового механизма адаптации необходимо опираться на существующие политические институты в регионе, с учетом инфраструктуры (политической и правовой среды) и имеющихся ресурсов (административных, финансовых, информационных, технологических).

В качестве факторов, сдерживающих процесс адаптации политического маркетинга к условиям регионов, исследователи прежде всего выделяют социально-экономические.

Это связано с тем, регионы России объективно неравны по уровню социально-экономического развития. В регионах России имеют место разные модели проведения социально-экономической политики. На это обстоятельство указывает исследователь Г. В. Марченко. Он считает, что в регионах можно выделить 6 моделей социально-экономической политики:

Во-первых, это «консервативно-коммунистическая» политика, сущность которой заключается в сдерживании роста цен и доходов населения.

Во-вторых, «национально-либеральная», при которой региональные власти пытаются следовать в русле либерального реформирования со всеми его издержками.

В-третьих, «интернационально-либеральная» модель, при которой региональные власти пытаются реализовать особый статус регионов как свободных экономических зон, включившись лишь в мировые хозяйственные связи.

В-четвертых, это «лоббистская» социально-экономическая модель, которой придерживаются региональные власти, имеющие своих представителей, выдвинутых на важных государственных постах.

В-пятых, «сепаратистская» модель, представители которой просто вытрясают из федеральных властей особые привилегии под угрозой выхода из состава России.

В-шестых, патерналистская или патронная модель которой придерживаются руководители наиболее экономически и финансово несостоятельных и инвестиционно непривлекательных регионов [2, с. 132].

Разные типы социально-экономической политики проводимой в регионах России, неизбежно приводят к созданию разных возможностей для решения социальных проблем. От решения социальных проблем в регионах во многом зависит и решение социально-политических проблем. Все эти процессы прямо или косвенно влияют на становление и развитие регионального политического маркетинга. Как показывает политическая практика начавшиеся в начале 90-х годов прошлого столетия, реформы в России и регионах, наложили свой отпечаток на многие процессы в стране, в том числе и на становление и развитие регионального политического маркетинга.

Проведенные в начале XXI века, комплексные социологические исследования показывают, как российские граждане оценивают те социальные события, которые произошли за период с 1991 г. по 2001 г. Наиболее отрицательно россияне оценили два события – это финансовый кризис августа 1998 года и процесс приватизации. Так, если финансовый кризис августа 1998 г. отрицательно оценило 89% опрошенных, то процесс приватизации отрицательно оценили 84,6 % россиян. Процесс либерализации цен и переход к рыночной экономике в 1991-1992 гг. отрицательно оценили 54,4 % россиян [3, с. 3]. Социологические исследования проведенные в 2011 г., подтвердили общее негативное отношение россиян к процессам приватизации и либерализации цен. Так по данным ВЦИОМ более 70 % россиян отрицательно оценили процесс приватизации и более 50 % процесс либерализации цен.

Приведённые цифры говорят о том, что начатые в 90-е годы XX века реформы и продолженные в начале 2000-х годов, не дали положительных результатов, что естественно привело и к возникновению ряда проблем в развитии регионального политического маркетинга.

В 90-е годы XX века сложно решалась проблема повышения уровня и качества жизни россиян. Медленно шел процесс повышения размеров заработной платы. Не всегда на должном уровне был уровень потребления продовольственных и промышленных товаров. Имели место трудности в обеспечении россиян благоустроенным жильём. Невысоким оставался уровень развития образования, здравоохранения, культуры.

Одна из главных проблем периода проведения реформ – это подъём уровня и качества жизни россиян. Основным показателем уровня жизни – величина заработной платы и платёжеспособность граждан. Уровень заработной платы большинства россиян оставался невысоким. В чём причины? Можно выделить несколько причин. Это низкие темпы роста промышленного и сельскохозяйственного производства. Это значительный износ промышленного и сельскохозяйственного оборудования и другие. Кроме того, шел процесс становления и развития большинства предприятий в связи с переходом на новые рыночные отношения. Изменение форм собственности, появление нового класса собственников, наличие монополий, отсутствие конкуренции всё это затрудняло развитие новых экономических отношений как в целом по стране, так и в регионах. В качестве примера того как трудно шёл процесс развития новых экономических отношений может служить Кемеровская область. В Кузбассе как известно развиты три основные отрасли промышленности: угольная, металлургическая и химическая. Все эти три отрасли находились в упадке до июля 1997 г., т. е. до момента когда произошли изменения в руководстве областью. В соответствии с указом Президента РФ Б. Н. Ельцина вместо М. Б. Кислюка исполняющим обязанности губернатора был назначен А. Г. Тулеев. Только с октября 1997 г., в Кузбассе, начались позитивные изменения как в развитии промышленности, так и в других сферах жизни региона. Почему стали возможными позитивные изменения? Прежде всего, это связано с усилением контроля со стороны областной администрации за ходом проведения реформ в регионе. Кроме того, принципиально изменились подходы по управлению экономикой региона. За короткие сроки были ликвидированы сотни посреднических организаций в угольной, металлургической и химической отраслях промышленности. Изменились взаимоотношения между региональной властью и руководителями предприятий. Отношения начали строиться на основе подписанных соглашений о сотрудничестве. В этих отношениях власти и руководители прописывали права и обязанности сторон, санкции в случае нарушений основных положений соглашений.

В конечном итоге все принятые меры привели к устойчивому и динамичному развитию экономики региона. К 2010 году Кемеровская область из дотационного региона превратилась в регион донор. Достигнутые результаты в экономике региона позволили улучшить качество жизни граждан региона. Это проявилось в том, значительно сократилась численность безработных в регионе, граждане региона имеют возможность получения квалифицированной медицинской помощи, получения образования, повышения культурного уровня.

Все эти факторы находятся в неразрывном единстве и воздействуют на процесс труда одновременно. Элементы, составляющие основу условий труда.

Первая группа – санитарно-гигиенические элементы (микроклимат, освещённость, шум, вибрация, состояние воздействующей среды, ультра звук, разнообразие излучения, контакт с водой, токсичными веществами, общая и профессиональная заболеваемость), составляющая внешнюю среду в рабочей зоне.

Вторая группа – психофизиологические элементы (физическая нагрузка, нервно-психическое напряжение, монотонность работы, рабочая поза), обусловленные процессом труда.

Третья группа – социально-психологические элементы (психологический микроклимат, социальные характеристики).

Четвёртая группа – эстетические элементы (Художественно – конструкции качества рабочего места, интерьер, применение функциональной музыки).

Как же учитывались основные факторы, влияющие на условия труда, и что было сделано, чтобы улучшить эти условия?

В исследуемый период, например, в Кемеровской области решались следующие вопросы:

- экологическая проблема;
- сокращение доли физического труда;
- создание здорового психологического микроклимата в трудовых коллективах.

За период с 1997 г. по 2010 г. в Кузбассе получили развитие все основные отрасли промышленности, сельское хозяйство, транспорт. Кузбасс сегодня имеет наиболее развитую систему социальной защиты населения при этом особое внимание власти региона обращают на улучшение уровня и качества жизни пенсионеров, инвалидов, студентов, работников бюджетной сферы. Достаточно сказать, что заработная плата работников бюджетной сферы за последние пять лет, по данным областного управления статистики, выросла более чем в полтора раза. В 2007 г. среднемесячная заработная плата выросла в 7,4 раза, в том числе реальная заработная плата (за вычетом ежегодной инфляции) – в 2,7 раза. Реальные доходы населения возросли в 2,6 раза [4, с. 54]. В Кемеровской области, как отмечают эксперты, постепенно снижается смертность населения и повышается рождаемость. Достижение таких результатов стало возможным только благодаря усилиям, предпринятым властями, руководителями предприятий.

Особое значение в жизни каждого человека имеют условия, в которых ему приходится трудиться. От того каковы условия труда во многом зависит здоровье, работоспособность человека, его отношение к труду, степени удовлетворённости им. Условия труда влияют на эффективность производства, в целом на уровень жизни и развитие личности, в том числе и политическое. Наличие благоприятных условий труда способствует повышению политической активности граждан, в частности, их участия в выборах. Так, например, если на выборах в Законодательное собрание области в марте 1994 г. явка избирателей, по данным областной избирательной комиссии, составила 34,05 %, то в 2008 г на выборах в Совет народных депутатов Кемеровской области, она составила 68,42 %, т.е. возросла более чем в 1,5 раза [5, с. 1].

В научной литературе выделяются три группы факторов влияющих на условия труда:

- социально-экономические факторы (нормативно-правовые, социально-психологические, общественно-политические);
- технико-организационные факторы (средства труда, кредиты и продукты труда, технологические процессы, организация труда, организация управления);
- естественно-природные факторы географические, биологические, геополитические.

В каждом конкретном регионе существуют специфические условия труда. Они создаются в зависимости от того какова материально-техническая база, т. е. уровень экономического развития региона.

За период с 1997 г. по 2011 г. в Кузбассе получили развитие все основные отрасли промышленности, сельское хозяйство, транспорт. Кузбасс сегодня имеет наиболее развитую систему социальной защиты населения, при этом особое внимание власти региона обращают на улучшение уровня и качества жизни пенсионеров, инвалидов, студентов, работников бюджетной сферы. Достаточно сказать, что заработная плата работников бюджетной сферы выросла в полтора раза. В Кузбассе постепенно снижается смертность населения и повышается рождаемость. Достижение таких результатов стало возможным только благодаря усилиям, предпринятым властями, руководителями предприятий.

Особое значение для процесса адаптации регионального политического маркетинга имела и имеет проблема снижения уровня безработицы. Как и в целом по России, так и в большинстве регионов России, наблюдается процесс постепенного снижения числа безработных. Так, например, в Кемеровской области количество безработных уменьшилось, но незначительно. В целях сокращения уровня безработицы в Кузбассе обращалось внимание на строительство новых предприятий и развитие малого и среднего бизнеса.

Очень важный момент в процессе адаптации регионального политического маркетинга к условиям региона это рациональное использование его технологий. Нужен творческий подход к использованию всего набора имеющихся технологий политического маркетинга. При этом важно учитывать уровни, особенности избирательных кампаний. На наш взгляд для того, чтобы приспособить региональный политический маркетинг к условиям региона необходимо выяснить насколько возможна адаптация его системы и основных инструментов, в число которых входят региональный политический товар, цена этого товара, места распространения, особенности продвижения в конкретном регионе.

Как показывает политическая практика приспособить и внедрить систему регионального политического маркетинга в регионах позволяет с одной стороны желание региональной администрации повысить эффективность политического управления, с другой стороны готовность граждан региона поддержать это желание.

Таким образом, можно утверждать, что процесс адаптации регионального политического маркетинга носит взаимообусловленный характер и должен развиваться как сверху, так и снизу и в конечном итоге способствовать решению основных социально-экономических проблем в регионе. Это должно выразиться в том, чтобы граждане региона имели работу, достойную зарплату, жилье, могли получить образование и качественную медицинскую помощь, а также возможность повысить уровень общей гражданской культуры.

Главным результатом процесса адаптации политического маркетинга к конкретным условиям региона должно стать повышение эффективности государственного и местного управления, а также повышение политической активности граждан региона, приобщение их к политическому участию и политической деятельности по реализации региональных и федеральных проектов.

Литература

1. Корель, Л. В. Социальная адаптация населения Сибири к рынку: критерии и факторы [Текст] / Л. В. Корель, М. А. Шабанова, О. В. Шарнина, Ю. Б. Чистякова. – Новосибирск, 1993.
2. Марченко, Г. В. Регион как объект и субъект государственной политики в России [Текст] / Г. В. Марченко // Регион как субъект политики и общественных отношений. – М.: МОНФ, 2000.
3. Ильичев, В. Анатомия русской души. Десятилетие отечественных реформ в расшифровке социологов [Текст] / В. Ильичев // Известия. – 2002. – 16 апреля.
4. Исламов, Д. Кузбасс созидающий [Текст] / Д. Исламов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011.
5. Текущий архив Избирательной комиссии Кемеровской области; Кузбасс, 2008, 18 октября. Протокол об итогах голосования по выборам депутатов Кемеровского областного Совета народных депутатов.

Информация об авторе:

Кисляков Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономической истории Кемеровского института (филиала) РГТЭУ, 8-904-575-62-33, M.Kislyakov@mail.ru.

Kislyakov Michail Michailovich – candidate of historiceal Sciences, assistant- professor, professor of the chair of social- economic history of Russian State University of Trade and Ecenomy (Kemerovo Branch).

ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ
В ПРОГРАММАХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Е. В. Матвеева

THE PROBLEM OF GLOBAL CLIMATE CHANGE AND ITS REFLECTION
IN THE PROGRAMMES OF THE RUSSIAN POLITICAL PARTIES

E. V. Matveeva

В статье рассматривается проблема глобального изменения климата и возможности ее решения на уровне национальных государств. Особое внимание отводится вопросам реализации принципов Киотского протокола в Российской Федерации, а также деятельности и программам российских политических партий в решении проблем глобального изменения климата.

The problem of global climate change and the issue of their solution at the state level are considered in the article. The special attention is allocated to questions of The Kyoto Protocol principles realization in the Russian Federation, as well as the activities and programmes of the Russian political parties targeted at solving the problem of global climate change.

Ключевые слова: экологические проблемы, проблема глобального изменения климата, климатические изменения в Российской Федерации, экологические разделы программ политических партий России.

Keywords: environmental problems, the problem of global climate change, climatic changes in the Russian Federation, ecological sections of the Russian political parties' programmes.

Внимание европейских государств все больше в последние два десятилетия обращено в сторону решения экологических проблем, при этом особое значение среди целого комплекса экологических проблем уделяется проблеме глобального изменения климата. Результатом многолетних усилий международного сотрудничества национальных государств стало принятие нескольких основополагающих международных документов в этом направлении: «Концепции устойчивого развития» (1992), «Рамочной конвенции по изменению климата» (1994), «Киотского протокола» (1997).

Целью статьи явился анализ перспектив и последствий реализации важнейшего документа в области глобального изменения климата – Киотского протокола, на уровне Российской Федерации. Основой проведенного научного исследования стал проведенный автором анализ экологической ситуации в России в условиях глобального изменения климата, оценка значимости экологической составляющей в программах российских политиков и политических партий по итогам избирательного цикла 2011 – 2012 гг.

Обратимся к проблеме реализации основополагающих принципов Киотского протокола Российской Федерации, достигнутым результатам и сохраняющимся проблемам.

Согласно Киотскому протоколу, тридцать восемь индустриально развитых стран обязались сократить к 2008 – 2012 годам выбросы CO₂ на 5 % от уровня 1990 г. В 2007 г. Европейская комиссия предложила уменьшить вредные выбросы к 2020 году на 30 % по сравнению с 1990-м годом, при условии, что и другие страны последуют этому примеру. Подробных расчетов последствий инициативы для казны Брюсселя тогда сделано не было. Впрочем, позднее ЕС взял на себя одностороннее обязательство сократить выбросы парниковых газов к этой дате на 20 %. В 2010 г., с учетом кризиса, приведшего к заметному уменьшению промышленной активности во всех 27 странах объединения, стало ясно, что сравнительно небольшое дополнительное финансовое усилие позволит достичь и 30 % показателя [7]. Обращает на себя внимание и тот факт, что не все национальные государства, крупнейшие загрязнители воздуха, взяли на себя обязательства по сокращению выбросов углекислого газа и ратифицирова-

ли Киотский договор. США по-прежнему не подписали Киотский протокол, не участвуют в программе по сокращению выбросов парниковых газов и все развивающиеся государства, в том числе Индия и Китай, вносящие значительный «вклад» в загрязнение атмосферы парниковыми газами.

Неоднозначно оцениваются перспективы участия России в Киотском протоколе. Часть экспертов (бизнес-элиты, часть политической элиты в лице представителей партии «Единая Россия» [3]) ожидают весомых выгод от продажи квот и реализации проектов совместного осуществления. Они утверждают, что Россия не скоро исчерпает запас квот для развития собственных энергетических мощностей и промышленных производств. Отмечается значительный потенциал энергосбережения, который даст дополнительный эффект. Другая часть экспертов, в лице ученых Российской академии наук [5], прогнозируют в будущем замедление экономического роста из-за необходимости сокращать энергоёмкие технологии производства, модернизировать промышленность. Все эти доводы ещё более усилились в период экономического кризиса. На встрече Президента РФ Д. А. Медведева с руководством РАН и представителями научного сообщества 15 декабря 2009 г. крупнейшими учеными России была озвучена позиция относительно последствий климатических изменений для мира и России. Учеными РАН, в числе которых С. М. Алдошин, Ж. И. Алферов, А. Ф. Андреев, А. Л. Асеев, А. И. Григорьев, В. В. Костюк, В. В. Козлов, Н. П. Лаверов, Г. А. Месяц, А. Д. Некипелов, В. А. Садовничий, Ю. А. Израэль и другие было отмечено, что в вопросе климатических изменений «надо занимать взвешенную позицию, не брать на себя трудноосуществимых обязательств по снижению промышленных выбросов. Но переход на современную промышленную технику, снижающую расходы топлива, существенно бы изменил ситуацию» [8, с. 3].

Политические партии России также по-разному относятся к экологическим проблемам, и к проблеме глобального изменения климата. В 2004 г. депутатами российского парламента был ратифицирован Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Документ поддержали 334 депутата, 73 проголосовали «против», 2 – «воздержались». Большинство

проголосовавших за принятие Киотского протокола являлись депутатами фракции «Единая Россия». Приведем несколько высказываний представителей разных политических партий Российской Федерации на вопрос ратификации Киотского протокола в России. В. Zubov, член фракции «Единая Россия», заявил, что, «если парниковый эффект не влияет на изменение климата, то, по крайней мере, Россия получит дополнительные экономические «плюсы» [5].

По мнению представителей других оппозиционных партий, входивших в Государственную думу четвертого созыва (КПРФ и ЛДПР), подписание подобных соглашений угрожает национальным интересам России [5]. По высказыванию П. Романова (фракция КПРФ), занимавшего в 2004 г. должность первого зампреда думского комитета по экологии, партия не поддерживает «спорный документ», поскольку он угрожает национальным интересам России. П. Романов заявил, что КПРФ выступает против торговли квотами. По его мнению, с момента ратификации Киотского протокола за Россией будет осуществляться более строгий контроль, и страна утонет в штрафах и санкциях.

Фракция ЛДПР обратила внимание на экономическую составляющую данного документа. А. Островский (фракция ЛДПР) заявил, что ратификация протокола приведет к падению уровня экономики в России на 1 % в год. В итоге Россия будет платить за чужие квоты. Несмотря на подобные заявления депутатов от оппозиционных фракций и мнение ведущих ученых России, Киотский протокол был ратифицирован.

На Конференции ООН по климату, прошедшей в декабре 2009 г., Д. А. Медведев обозначил социально-экономические задачи, стоящие перед Российской Федерацией в ближайшие десять лет. «Россия будет стремиться сократить рост эмиссии парниковых газов к 2020 г. на 25 % по сравнению с уровнем 1990 г., сократив снижение выбросов к 2020 г. более чем на 30 млрд тонн. Одним из направлений достижения этой цели должно стать снижение доли газа в потреблении первичных топливно-энергетических ресурсов. Рост цен на газ на внутреннем рынке приведет к 2030 г., с одной стороны, к снижению доли газа в потреблении первичных топливно-энергетических ресурсов до 46 – 47 %, а с другой – к более активному его использованию. Кроме того, принято решение о поэтапном увеличении в энергобалансе доли возобновляемых источников энергии до уровня 1,5 % в 2010 г., 2,5 % – в 2015 г., 4,5 % – к 2020 г. Снижение выбросов парниковых газов в электроэнергетике будет осуществляться за счет увеличения доли атомной энергии в энергобалансе. Доля электроэнергии, производимой на атомных станциях России, увеличится к 2030 г. на 25 % [12]. 15 апреля РФ представила мировому сообществу данные о выбросах парниковых газов в стране с 1990 по 2007 гг. Согласно представленным данным, «рост выбросов продолжился, но составил примерно около 1 % в год. Кроме того, впервые в нашей стране было подсчитано поглощение CO₂ лесами, не входившими в Лесной фонд РФ (земли сельскохозяйственного назначения). Например, в 2007 г. этот показатель составил примерно 1,2 млрд т/г. Это больше, чем все выбросы парниковых газов за год в Германии» [10].

В будущем России необходимо предпринимать дальнейшие меры по повышению энергоэффективности и развитию инновационной, низкоуглеродной экономи-

ки, что должно привести к снижению объемов выбросов парниковых газов. Вместе с тем последствия климатических изменений ощущаются уже сейчас, а в будущем будут только усиливаться, поэтому уже сегодня необходимо приспосабливаться и минимизировать негативные воздействия одних и максимально использовать выгоду от других. Поэтому еще одним приоритетным направлением деятельности для России должна стать разработка и последующее внедрение соответствующих адаптационных мер в экономике, чтобы снизить негативные воздействия климатических изменений.

В частности, в рамках реализации мероприятий ратифицированного в Российской Федерации Киотского протокола, 23 июля 2010 г. Минэкономразвития утвердил «Перечень проектов, осуществляемых в соответствии со статьей 6 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата», в который вошли 15 проектов совместного осуществления из 40 поданных на конкурс. В результате из 15 проектов-победителей почти половину представляет нефтегазовый сектор («Газпромнефть», «Роснефть» и др.), их доля в ожидаемом совокупном сокращении выбросов составляет 47 %. Еще 19 % приходится на долю промышленных выбросов парниковых газов (хладона-23 и гексафторида серы). За счёт осуществления проектов по повышению энергоэффективности в промышленности ожидается обеспечить только 16 % снижения. Остальные 10 % приходится на проекты по развитию крупных ГЭС. Из 10 поданных проектов повышения энергоэффективности на производстве одобрены только три, а из всех проектов по развитию возобновляемой энергетики не был одобрен ни один [6]. Подобные скромные результаты Российской Федерации в снижении выбросов парниковых газов свидетельствуют о недооценке государством российского потенциала как в области создания проектов совместного осуществления, так и пробуксовке развития государственных механизмов поддержки и стимулирования внедрения возобновляемой энергетики.

Согласно Международной программе «Леса Киото», Правительство России до 2010 г. выделило 1,5 млрд рублей из Федерального бюджета на создание в субъектах Российской Федерации лесных плантаций во исполнение Киотского протокола. Наиболее активно «леса Киото» сажали в Нижегородской, Саратовской, Ульяновской областях [2, 13]. Однако экологические проблемы названных регионов за прошедшие годы в названных областях только продолжали ухудшаться. Если смотреть статистические данные по России, то температура за последние 100 лет в среднем выросла на 1° С. В Национальном докладе по проблемам изменения климата, подготовленном Минэкономразвития России в соответствии с Планом мероприятий по подготовке к принятию решения о ратификации Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата на 2002 – 2003 гг., представлены весьма неутешительные прогнозы. В подготовке доклада принимали участие Росгидромет, Минэнерго России, МИД России, Минтранс России, Минсельхоз России и ряд других министерств. Национальный доклад был подготовлен также с использованием материалов Института глобального климата и экологии Росгидромета и РАН, Главной геофизической лаборатории Росгидромета, Всероссийского института сельскохозяйственной ме-

теорологии, РАО «ЕЭС России», Института энергетических исследований РАН, Бюро экономического анализа. Целью доклада явилось изложение по возможности объективной информации, касающейся различных аспектов изменения климата и связанных с этим процессом угроз для социально-экономического развития российского государства.

Согласно представленному в докладе прогнозу, к середине XXI в. возможно значительное повышение средней годовой температуры воздуха на 3 – 4° С в Западной Сибири, на 2 – 3° С на севере России и вдоль арктического побережья. На Дальнем Востоке возможно умеренное потепление на 1 – 2° С, в остальных регионах увеличение температуры воздуха будет незначительным. Имеющиеся данные указывают на то, что темпы роста температуры воздуха могут увеличиться, при этом потепление будет более сильным в зимний период, в то же время как в теплый период года изменение климата может быть весьма незначительным (см. таблицу) [3].

Предстоящие изменения климата будут иметь значительные природные, экономические и социальные последствия на территории России. В качестве негативных последствий потепления климата на территории России, представляющих угрозу ее социально-экономическому развитию, могут рассматриваться: деградация вечной мерзлоты, смещение границ климатических зон, рост годового стока в бассейнах рек, увеличение питания подземными водами, неравномерность распределения количества осадков холодного и теплого периодов, рост процессов опустынивания и др. В частности, площадь вечной мерзлоты сократится на 12 – 15 %, ее граница сместится к северо-востоку на 150 – 200 километров; увеличится глубина сезонного протаивания, в среднем, на 20 – 30 %, а на Арктическом побережье и в отдельных районах Западной Сибири – до 50 %. Антропогенное потепление приведет к обострению проблем, связанных с устойчивостью и надежностью сооружений на вечной мерзлоте. По имеющимся оценкам более четверти стандартных жилых пятиэтажных зданий в Якутске, Воркуте и Тикси, построенных в 1950 – 1970-х гг., могут стать непригодными к эксплуатации уже в ближайшие одно-два десятилетия.

Таблица

**Прогноз изменения температуры
в России к середине XXI в.**

Регион	Прогноз увеличения среднегодовой температуры, °С
Центральный регион	0,5-1,0
Северо-Западный регион	0-1,0
Север	2,0-3,0
Арктическое побережье	2,-3,0
Западная Сибирь	3,0-4,0
Якутия	2,0-3,0
Дальний Восток	1,0-2,0
Средняя Азия	0,5-1,0

В связи с потеплением ожидается рост повторяемости неблагоприятных краткосрочных явлений (внеурочных периодов аномально теплой погоды и заморозков, сильных ветров и снегопадов), общее увеличение осадков и стока в бассейнах Волги и Каспийского

моря, Невы и Ладожского озера, Оби, Енисея и Лены, а также их изменчивости из-за уменьшения весенне-летних осадков увеличится вероятность засух и усилятся опустынивание в Калмыкии, Астраханской, Волгоградской, Ростовской областях. Продолжится уменьшение общего содержания озона в атмосфере и соответственно возрастание доли ультрафиолетового излучения (в районе Сибири отмечается снижение концентрации озона на 15 – 30 %), что ухудшит состояние здоровья населения.

В качестве положительных эффектов потепления климата могут рассматриваться: экономия энергоресурсов, увеличение продуктивности сельского хозяйства, снижение затрат в строительстве и на транспорте, удлинение срока эксплуатации Северного морского пути и др. По имеющимся оценкам, к середине XXI в. продолжительность отопительного периода может сократиться на 1 – 2 недели в средней полосе России, и на 3 недели и более – в северных регионах, при этом за счет более теплых зим дефицит тепла в отопительный период уменьшится на 10 – 15 % [3].

Несмотря на проведенные мероприятия в Российской Федерации климатические изменения, как в мировом масштабе, так и в нашей стране продолжают. Становится очевидным, что посадкой деревьев, установкой очистных сооружений и фильтров на промышленных предприятиях, развитием инновационных технологий проблему не решить. Необходима переоценка экологических проблем на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В этой ситуации возникает острая потребность в создании в Российской Федерации партий «зеленых» или экологических партий. Но ни находящаяся у власти политическая элита, ни лидеры общественных экологических организаций не ставят перед собой такой задачи. Сегодня мы наблюдаем, что принятие новых поправок в Федеральный закон РФ «О политических партиях» [1] существенным образом упростило возможности регистрации политических партий, в том числе экологической направленности. Но позволит ли это возродиться экологическим партиям, канувшим в политическую историю в 1990-е гг.? Без поддержки со стороны государства вряд ли.

Обращаясь к анализу программных заявлений кандидатов в президенты Российской Федерации в избирательной компании 2011 – 2012 гг., мы не находим ни одного заявления политиков, затрагивающих вопросы экологии, политических заявлений, направленных на решение экологических проблем на международном, федеральном и региональном уровнях.

В программах российских парламентских и непарламентских партий или полностью отсутствуют, или практически не прописаны разделы, посвященные вопросам охраны окружающей среды. Например, партия «Единая Россия» в разделе «Переход к инновационной экономике» предлагает приоритетное развитие таких перспективных направлений, как атомная и термоядерная энергетика [10]. Такой подход в экономической сфере, на наш взгляд, только усугубит экологическую ситуацию в российских регионах, где в перспективе планируется строительство новых АЭС и термоядерных электростанций.

Единственная парламентская партия, в программе которой присутствует экологический раздел – это партия «Справедливая Россия» (раздел «Экология и среда

обитания»). Свои основные задачи партия видит в участии государства в экологическом обучении детей, ужесточении законодательства по охране водных богатств страны, внедрению современных методов утилизации мусорных отходов и охране «зеленых поясов» крупных городов [9]. Сопоставляя между собой экологические разделы программ партии «Справедливая Россия» 2011 г. и 2003 г., мы наблюдаем сокращение приоритетов государства в области экологии на международном уровне, перенесение акцентов сугубо на российскую почву.

Заслуживает внимания программа партии «Яблоко», где в специальном разделе «Охрана окружающей среды» партия выдвигает следующие экологические задачи: обеспечение экологически безопасных условий для проживания людей, рациональное использование и охрана природных ресурсов, экологизация промышленного и территориального развития, формирование экологического сознания [11].

Подводя итоги, необходимо отметить, что на протяжении последних двух десятилетий внимание российских политических институтов направлено на решение социально-экономических и политических проблем России, причем проблемам охраны окружающей среды практически не уделяется должного внимания. При этом ни в одной из программ действующих партий не рассматриваются пути решения проблемы глобального изменения климата. В этой связи требуется серьезная переоценка важности экологической составляющей в политике всех участников современного политического процесса России (органов федеральной, региональной и муниципальной власти, политических партий, общественных движений и организаций), взаимодействие названных участников в выработке новых подходов и модели устойчивого развития государства в условиях процессов модернизации. При этом особое место необходимо уделить созданию эффективной и авторитетной российской экологической партии.

Литература

1. Бурматов, В. Закон «О политических партиях» достаточно серьезно изменит политическую ситуацию в РФ / В. Бурматов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://er.ru>. (дата обращения 25.03.2012).
2. В Саратовской области принята программа развития лесной отрасли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.woodsale.ru>. (дата обращения 25.03.2012).
3. Грицкевич, И. Г. Глобальное изменение климата и его проявления и последствия для России: социально-экономические и экологические аспекты / И. Г. Грицкевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.escoecosys.ru>. (дата обращения 25.03.2012).
4. Госдума ратифицировала Киотский протокол [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/347159.html>. (дата обращения 25.03.2012).
5. Кузьмин, В. О климате по науке / В. Кузьмин // Российская газета. – 2009. – 16 декабря
6. Названы первые 15 российских проектов совместного осуществления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bellona.ru>. (дата обращения 25.03.2012).
7. Озеров, Е. Поможет ли кризис оздоровить планету / Е. Озеров // Вся Европа.Ru. – 2010. – № 6.
8. Президент РФ в Российской академии наук // Наука в Сибири. – 2009. – № 49 – 50.
9. Предвыборная программа 2011 г. партии «Справедливая Россия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mironov.ru/spr/our_program. (дата обращения 25.03.2012).
10. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/02/02/edinros.html>. (дата обращения 25.03.2012).
11. Программа Демократической партии «Яблоко» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Union/Program/vved.html>.
12. Снижать выброс парниковых газов Россия будет за счет сокращения доли потребления газа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lenizdat.ru>. (дата обращения 18.08.2010).
13. Шарики, Б. В. В Орловской области появится программа «Леса Киото» / Б. В. Шарики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prgazeta.ru>. (дата обращения 25.03.2012).

Информация об авторе:

Матвеева Елена Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, КемГУ, 8-951-186-80-82, mev.matveeva@yandex.ru.

Matveeva Elena Viktorovna – Candidate of Political Science, Associate Professor at the Department of Political Science of KemSU.

УДК 329.058(470+571)

ЛЕВЫЕ МОЛОДЁЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ВОСПРОИЗВОДСТВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

А. А. Митин

LEFT-WING YOUTH ORGANIZATIONS AS FACTOR OF POLITICAL SYSTEM REPRODUCTION

A. A. Mitin

В статье исследуются особенности левой молодёжной политики в Российской Федерации. Автор рассматривает её как фактор политической социализации и адаптации молодежи, стремится показать, как молодёжная полити-

ка наряду с государственной становится условием сохранения политической преемственности в формировании политических ценностей и традиций, соблюдения принципа альтернативности и равного доступа участия различных политических актеров.

In clause features of the left youth policy in the Russian Federation are investigated. The author considers it as the factor political социализации and adaptations of youth, aspires to show, as the youth policy alongside with state becomes a condition of preservation of political continuity in formation of political values and traditions, observance of a principle of alternativeness and equal access of participation of various political actors.

Ключевые слова: молодёжная политика, левые молодёжные организации, политический процесс, политическая система, политические ценности, идеология.

Keywords: youth policy, left youth organizations, political process, political system, political values, ideology.

Молодёжная политика, как элемент обеспечивающий функционирование современного государства, появилась относительно недавно, но уже заняла прочную позицию в обеспечении стабильности функционирования политической системы современного государства. Однако на современном этапе российская молодёжь вынуждена адаптироваться к изменяющимся условиям без широкой поддержки со стороны государства. В этой связи возникает потребность в планировании и реализации молодёжной политики в программах молодёжных движений и политических партий на региональном уровне, нацеленной на формирование активной гражданской позиции, политического участия, а также социально-экономических интересов молодого поколения. В настоящее время весьма актуальным представляется изучение проблем молодёжной политики, методов и подходов, используемых молодёжными движениями и организациями, политическими партиями левой политической направленности.

Изучение левых молодёжных организаций обусловлено и рядом причин объективного характера. Современная молодёжь очень рано оказывается перед выбором своих политических предпочтений: представители разных молодёжных организаций стремятся привлечь в свои ряды молодёжь, начиная со старших классов школы. Это ведет к тому, что молодёжь как социальная группа оказывается разделённой на группы, нередко с разной идеологией. Между тем, понимание того, что молодёжь не может быть единой, нет до сих пор ни у государства, ни у партий, ни у других социально-политических институтов. При этом в самой молодёжной среде есть несколько субкультур (хиппи, панки, скины, наци и другие), разница в 5 – 6 лет – это уже поколенческая разница, наконец, внутри молодёжи есть и образовательные границы (интересы студента вуза и студента среднепрофессионального учебного заведения серьёзно расходятся) [1, с. 4].

В российской молодёжной среде сегодня представлены все направления молодёжной политики – от монархического до анархистского. Левое молодёжное движение весьма разнородно и является одним из самых массовых в нашей стране. Одни молодёжные организации стараются быть максимально публичными для вербовки своих сторонников, другие используют только Интернет и в редких случаях местные средства массовой информации. Во многом эти движения, вне зависимости от своей ориентации, действуют без учёта интересов общества, а то и вопреки этим интересам.

Участие молодых людей в политических процессах может рассматриваться в качестве индикатора эффективности и общей действенности государственной молодёжной политики, общественных институтов, политических партий, основным вектором направления которых является интеграция молодёжи в общество и

оказание всесторонней поддержки для ее дальнейшей самореализации.

Понятие «левая молодёжная политика» появилось и оформилось во второй половине XX в. Отметим, что проблемами молодёжи занимались и ранее, но молодёжная политика, понимаемая как система взаимоотношений государства и молодого поколения, возникла только во второй половине XX в. как ответная реакция на усиливающееся участие молодёжи в общественной жизни, появление новых молодёжных организаций и форм политического протеста, присущего этим движениям.

В рамках политической науки научные исследования левой молодёжной политики начались сравнительно недавно, и связано это было с изменением социально-политического устройства нашей страны на рубеже 1980 – 1990 гг., подготовкой проекта закона СССР по молодёжной политике. Основное внимание исследователей в этот период было сконцентрировано на осмыслении путей и форм молодёжной активности после распада ВЛКСМ и определении тенденций развития молодёжного движения. В последние годы многие аспекты избранной проблемы получают всё большее освещение в трудах политологов, социологов, историков. Но, с другой стороны, из-за изменчивости процесса образования или распада той или иной левой организации, эта тема требует дальнейшего изучения.

Молодёжное левое движение – самобытное явление, оно выделяется среди других движений по левому политическому спектру. Деятельность левых молодёжных организаций редко попадает не только во внимание исследователей, но и в выпуски новостей как федерального, так и регионального уровня. Среди неформальных политизированных движений наибольшей популярностью среди молодёжи пользуются молодые ультраправые неофашистские организации – «скинхеды» или «бонхеды». Это новое явление не вписывается в историю нашей страны – страны победителя фашизма.

Существует некоторая путаница в определении субъектов «левой молодёжной политики»: тех, кого следует относить к «левым» и «молодым». Затрудняет научный поиск и политическое наследие СССР. В отечественных исследованиях «молодым» до 1990-х гг. считался руководитель моложе 60 лет, а к «левым» некоторые СМИ вплоть до настоящего времени относят практически любые политические силы, начиная от либерального «Яблока», заканчивая национал-патриотическими объединениями и их лидерами.

В определении понятия «молодой» в России сформировалось несколько подходов. Согласно одному из них, идущего из советских времен, к молодёжи относили всех лиц моложе 27 лет, потому что именно до этого возраста можно было состоять в ВЛКСМ. Другой под-

ход, сформированный в соответствии с законодательством Российской Федерации, к молодёжи следует относить молодых людей до 30 лет [2, с. 4]. Третий подход относит к молодёжи тех, кому меньше 35 лет, т. е. категория «молодой специалист». Возьмём за основу в определении понятия «молодой» правовой подход, согласно которому к молодёжным организациям следует относить лиц моложе 30 лет, при этом с исключением для руководителей этих организаций, возраст которых может быть несколько выше названных рамок.

Дискуссионный характер имеет определение понятия «левые». На протяжении постсоветского периода в российской политической науке получили развитие два подхода. Первый подход к понятию «левые» относит практически все политические силы, не принявшие демократические перемены и реформы 1990-х гг., в том числе национал-патриотические силы (что не свойственно, например, для европейской и североамериканской традиций). Второй подход к понятию «левые» причисляет политические силы, главным принципом своих политических программ которые считают социальную справедливость. По нашему мнению, именно вопросы социальной справедливости являются ключевыми при характеристике левых общественных организаций и политических партий. Поэтому второй подход, как нам представляется, раскрывает сущность понятия «левые», такую его черту, как интернационализм, понимаемую в программах социал-демократических организаций Европы как часть принципа солидарности и дистанции от национал-патриотических сил. Тем более, что отношение к равенству народов присутствовало как в трудах основоположников марксизма, на основе которого было сформировано левое движение большинства стран, так и в программах немарксистских, «народнических» политических организаций – те и другие определяли облик левого движения в XIX и XX веке [3, с. 24].

«Взрослый» левый фланг пережил за последние годы несколько трансформаций. Здесь было и почти абсолютное доминирование КПРФ в 1996 – 2003 годах, и повышенное дробление этого фланга в 1993 – 1995 гг. и 2004 – 2006 гг., и новые реалии 2007 года, которые закрепились и изменились с учетом «больших федеральных выборов» с фактической биполярностью в левом центре – «Справедливая Россия» против КПРФ [4, с. 59]. Однако среди «взрослого» левого фланга практически всегда доминировали умеренные левые. За исключением ситуации 1991 – 1993 годов, когда обрели силу леворадикальные организации, крупнейшей из которых можно признать РКРП. Такая же ситуация сложилась в молодежном левом движении – оно отличается довольно значительной дробностью. В нем, как долгое время во «взрослом» движении, есть наиболее сильная структура – ориентирующийся на КПРФ «Союз коммунистической молодежи РФ» (с февраля 2011 г. «Ленинский коммунистический союз молодёжи РФ»).

«Справедливая Россия» – ещё одна парламентская партия, позиционирующая себя как левоцентристская, придерживающаяся социал-демократической идеологии и идей так называемого «модернизированного социализма». 1 октября 2009 года была учреждена еще одна левая молодежная организация на основе партии «Справедливая Россия» – Всероссийская общественная организация «Молодые социалисты России». Новая ор-

ганизация объединила молодежные движения «Российской партии жизни», «Народной партии», «Социал-демократической партии России», партии «Родина», «Российской партии пенсионеров», общественных организаций «Мир слабослышащих», «Гражданское общество», лидеров «Российского аграрного молодежного союза». В состав «Молодых социалистов России» вошли молодежные движения, прекратившие свою деятельность как партии (партия «Зеленые» и партия «Социальной справедливости», многочисленные студенческие движения). Достаточно спорным вопросом остается насколько партия «Справедливая Россия» и ее молодежная организация «Молодые социалисты России» может относиться к левому флангу. Стоит лишь заметить, что Сергей Миронов тесно сотрудничал с партией «Единая Россия» и полностью поддерживал политический курс проводимый Президентом РФ Дмитрием Медведевым и премьер-министром Владимиром Путиным до своей отставки из Совета Федерации в начале 2011 г.

Появление же настоящей, а не искусственно созданной молодежной организации – это свидетельство зрелости политической партии, при которой создается одна или несколько молодежных организаций, показатель того, что лидеры этой партии надеются на существование своей партии, по крайней мере, за пределами одного избирательного цикла.

Припартийная молодежная организация чаще всего опирается на структуры партии «взрослой», и чем разветвленнее и глубже партийная структура, тем больше шансов у молодежной организации. Но левоцентристские политпроекты в такой разветвленной структуре обычно не нуждались вовсе – подчас они и вовсе вели работу в регионах «вахтовым» методом: на каждые выборы приглашали заезжую команду политтехнологов [5]. И был он тем ниже, чем туманнее выглядели перспективы партии, на которую организация ориентировалась, в конце концов, любая припартийная молодежная организация рассматривается активистами как важный канал вертикальной мобильности, хотя на практике это и не всегда так [6]. Поэтому, даже имея возможности для строительства сильной молодежной организации, партийные функционеры ею просто не пользовались.

На молодежную левую среду гораздо меньше повлияли националистические настроения, у активистов молодежных организаций не возникло желания контактировать с национал-патриотическими организациями. Конечно, представители подобных взглядов есть и среди левых организаций, однако они практически никогда не имели массовой поддержки [7, с. 229]. В то же время протест молодых левых против участия в митингах «Движения против нелегальной иммиграции» или, несколько раньше, в 2005 году, против подписанного депутатами Госдумы РФ так называемого «Письма 500», можно действительно считать массовым. Можно назвать три причины такого поведения.

Первую мы обозначили при определении термина «молодой», согласно которой взрослая левая оппозиция сформировалась именно как не принявшая перемен, в то время как молодежные левые организации все больше становятся ближе к классическим левым.

Вторая причина – для молодых активистов не так важна возможность участия их организации в выборах и достижении ее лидерами высот в государственной

иерархии, как для старших активистов (лидеров политических партий). При этом в России долгое время действовали сильные организации, например Русское Национальное Единство (РНЕ), пусть и не допускавшиеся до выборов, но которые могли привлекать к себе значительную часть молодых людей, придерживающихся националистических взглядов.

Третья причина: рядом с собственно левым движением всегда существовало такое специфическое политическое явление, как «Национал-большевистская партия». Будучи одним из самых активных участников политического процесса в молодежном движении, она привлекала к себе тех молодых людей, которым ближе «лево-правые» идеологические конструкции [8, с. 23].

В нашей стране все леворадикальные организации можно классифицировать как следующие группы:

- Молодежные коммунистические организации, представленные радикальными комсомольцами: «Авангард Красной Молодежи» (АКМ), «Революционный Коммунистический союз молодежи (большевиков)» (РКСМ (б) и троцкистскими группами – Российская секция «Комитета за рабочий интернационал», «Революционная рабочая партия» и рядом более мелких организаций.

- «Новые левые», к числу которых может быть отнесено «Автономное действие», и радикальные экологи из «Хранителей радуги». Организации являются своеобразным мостом между коммунистическим и анархическим секторами левых политических сил.

- Анархические организации – «Конфедерация революционных анархо-синдикалистов», «Международная ассоциация трудящихся», «Ассоциация движений анархистов» и др.

Радикальные комсомольцы, являясь по своей сути молодежными организациями при небольших компартиях, например, РКСМ (б) – комсомол «Российской коммунистической рабочей партии» и АКМ – молодежное крыло «Трудовой России», идеологически очень сильно зависели от старших товарищей. В целом молодежные организации были согласны с основными положениями советского марксизма о построении социализма в отдельно взятой стране и о двух этапах этого строительства. Положительно оценивая опыт СССР по строительству социализма, радикальные комсомольцы из РКСМ (б) испытывают сильное идеологическое влияние европейских маоистов из бельгийской «Партии труда» и германской «Марксистско-Ленинской коммунистической партии» [9, с. 16]. Именно под влиянием последних двух организаций комсомольцы разделяют мнение о том, что, начиная с Хрущева, в СССР началось перерождение политической системы, приведшее в конце концов к реставрации капитализма. В публикациях газеты «Бумбараш 2017» и других партийных изданиях наблюдался, особенно в период руководства организацией Павлом Былевским, устойчивый интерес к опыту «Фракции Красной Армии» [10, с. 23]. Однако в последние несколько лет с экстремистским уклоном внутри организации РКСМ (б) ведется борьба. Это связано с судебным процессом над двумя участницами организации Надеждой Ракс и Ларисой Романовой, осужденных по обвинению в участии в террористической деятельности (так называемое «Дело новой революционной альтернативы») [11, с. 14]. Радикализм АКМ вызывал недовольство у руководства «Трудовой России»,

что привело в дальнейшем к разрыву отношений между двумя организациями. Часть «акмовцев», вслед за лидером Сергеем Удальцовым, покинула «Трудовую Россию», обвинив руководство последней в нежелании переходить к «прямому революционному действию».

Троцкистские группы представлены на территории России двумя крупными организациями – «Социалистическое сопротивление», представляющее русскую секцию «Комитета за рабочий интернационал» и «Революционную рабочую партию» (РРП). Обе они возникли в результате раскола «Комитета за рабочую демократию и международный социализм», созданного в годы перестройки английскими троцкистами. Количество троцкистских организаций уступает комсомольцам, однако отличается лучшей идеологической подготовкой. Они разделяют все основные положения марксизма: построение коммунистического общества, уничтожение товарно-денежных отношений и классов, необходимость диктатуры пролетариата и т. д. Имея связь с европейским «левым» движением, российские троцкисты стараются перенять его опыт. В наибольшей степени это удалось «Социалистическому сопротивлению», которое, в отличие от РРП, не страдает характерным для троцкистских организаций сектантством и догматизмом и готово сотрудничать со всеми молодежными «левыми» организациями. Помимо традиционного для марксистских организаций интереса к проблемам рабочего класса, «Социалистическое сопротивление» уделяет внимание и молодежи. Одно время газета этой организации публиковала следующий подзаголовок: «Для трудящихся и молодежи, борющихся за свои права» [12, с. 21]. В начале 2005 г. «Социалистическое сопротивление» издало специальный выпуск газеты «Левый авангард» – «Студоборона», посвященный анализу грядущей реформы образования [13].

Своеобразным «мостом» между марксистскими и немарксистскими левыми организациями являются «новые левые». Крупнейшей организацией российских «новых левых» являлся независимый студенческий профсоюз «Студенческая защита» [14]. Ныне он утратил свое бывшее влияние. К числу действующих сейчас организаций можно отнести радикальных экологов «Хранители радуги» и «Автономное действие», которое из анархо-коммунистической организации эволюционирует в сторону либертарного социализма. «Новые левые» являются порождением молодежного бунта 60-х годов прошлого века. В идеологическом плане они опираются на наследие франкфуртской философской школы (Т. В. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм), французского экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, А. Камю), идеологов национально освободительного движения (Ф. Фанон, Э. Че Гевара), экосоциалистов (А. Горц, М. Букчин), лидеров студенчества 1960-х (Р. Дучке, Д. Кон-Бендит, Э. Хоффман).

На сегодняшний день, формально крупнейшей организацией анархистов является «Ассоциация движений анархистов» (АДА). Она возникла в результате объединения групп, недовольных политикой, проводимой КАС. АДА объединяет ряд более или менее крупных организаций и индивидуальных членов. Организационные принципы АДА слишком аморфны, что приводит к ее малой работоспособности. На более четких принципах строится работа «Конфедерации революционных анархистов-синдикалистов» – российской

секции «Международной ассоциации трудящихся» (КРАС-МАТ).

Сущность политической системы общества наиболее ярко проявляется в её функциях. Одна из них – выявление и представительство интересов различных субъектов политических отношений. Без селекции, чёткого определения и выражения на политическом уровне данных интересов никакая политика невозможна. Левые молодёжные организации как нельзя лучше это демонстрируют. Молодёжная политика левых молодёжных организаций осуществляется через организацию рабочих, «пионерские» лагеря в разных регионах и Всероссийский конкурс «Песни сопротивления», различные музыкальные концерты, рок-фестивали, спортивные мероприятия, зимние лагеря. Именно в это время набираются новые члены, вручаются партбилеты.

Двадцать лет в стране ведётся массированная антикоммунистическая и антикоммунистическая пропагандистская кампания. Естественно, возникает вопрос: почему в таких условиях молодёжь, уже не заставшая советский период и, следовательно, не подвергавшаяся воздействию советского воспитания и советской пропаганды, продолжает приходить в левые организации? С одной стороны, это «тоска» по великой стране, которую они никогда не видели, а с другой – справедливое возмущение и гнев в ответ на резкое социальное расслоение общества.

Левое молодёжное движение в нашей стране отличается большой разнородностью как в идеологических программах, так и в стратегии и тактике протеста. В своём становлении и развитии оно преодолело тяжелый переходный период к рыночным отношениям и обесценивание коммунистических ценностей в общественном сознании, заново открывая старые формы самоорганизации и работы. От «старых левых» их молодые коллеги отличаются прежде всего ярко выраженными леворадикальными взглядами. КПРФ, как наследница и правопреемница опыта КПСС, наиболее многочисленная из всех левых партий, сыграла значительную роль в складывании современной российской политической сцены, в том числе и её молодёжного отделения «Ленинского коммунистического союза молодёжи РФ».

В период с 1996 по 2003 годы КПРФ являлась лидером «взрослого» левого спектра. До 1996 г. и после 2004 г. наблюдается раскол на левом фланге, дробление молодёжных организаций. Основное отличие ЛКСМ от большинства левых организаций в менее радикальных принципах деятельности. Создававшийся как продолжение советского ВЛКСМ, ЛКСМ отличается недостаточной социальной мобильностью молодых кадров для замены партийной элиты, служащей скорее для улич-

ных протестных действий и обеспечения массовости на митингах и демонстрациях, проводимых КПРФ.

Здоровое и крепкое общество невозможно без взгляда в будущее при активном участии молодёжи. Партийным лидерам необходимо учитывать накопленный позитивный опыт работы с молодёжью советского периода. К сожалению, в современном молодёжном движении доминируют группы, ориентирующиеся на властную вертикаль и удовлетворение потребностей находящейся у власти политической элиты, имеющей солидные финансовые вливания со стороны государства.

В этом контексте идеологические предпочтения политической активной части молодёжи служат своего рода барометром общественных настроений. Молодёжная политика многих левых организаций направлена на активное вовлечение молодёжи в общественную жизнь, решает конкретные проблемы детей и молодёжи. Многие из них сотрудничают с социальными службами, ведут пропаганду здорового образа жизни, организуют спортивные мероприятия, способствуют национально-культурному возрождению страны, летнему отдыху детей, решению жилищных проблем и т. д.

Опыт последних лет показывает, что государственные институты стремятся создавать неблагоприятные условия для политического участия левой молодёжи, воспринимая их как часть оранжевой угрозы. Динамика развития левого молодёжного движения носит оптимистический характер, и существуют дальнейшие перспективы её развития. Со стороны государства необходимо создать механизм, обеспечивающий режим наибольшего благоприятствования для деятельности молодёжных и детских общественных объединений, реализующих на практике социально значимые проекты и программы, выстроить грамотную целостную государственную стратегию, создать и привести в действие комплексную программу развития молодёжи. Формирование положительных авторитетных молодёжных организаций также будет способствовать созданию мирного взаимодействия населения. Важно также и налаживание системы досуговой и культурной деятельности молодого поколения.

Участие молодёжи в деятельности левых молодёжных организаций, с одной стороны, может быть эффективным фактором её политической социализации и адаптации, а с другой – необходимым условием сохранения политической преемственности и формирования актуальных политических ценностей и традиций, соблюдения принципа альтернативности политического участия различных молодёжных организаций, в формировании эффективной молодёжной политики.

Литература

1. Данилин, П. А. Новая молодёжная политика: 2003 – 2005 / П. А. Данилин. – М.: Европа, 2006.
2. Федеральный Закон от 28 июня 1995 № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений», принят Государственной думой 26 мая 1995 года (в редакции федеральных законов от 21.03.2002 № 31-ФЗ, от 29.06.2004 № 58-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ).
3. Великая, Н. М. Становление социал-демократического движения в современной России: историко-социологические аспекты / Н. М. Великая, Б. П. Гуселетов // Соис. – 2010. – № 11.
4. Швейцер, В. Я. Становление социал-демократической идеологии в России. Государство и общество в условиях глобализации: взгляд слева / В. Я. Швейцер; отв. ред. А. А. Галкин. – М.: Оверлей, 2003.
5. Аверин, Ю. П. Молодёжь Москвы в условиях реформирования общества и экономики / Ю. П. Аверин, Г. Н. Бутыркин [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.mos.ru/cgi-bin. (дата обращения 13.02.2012).
6. Лапкин, В. Ценностные размежевания и социально-политическая дифференциация в России / В. Лапкин, В. Пантин // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 4.

7. Славин, Б. Ф. «Правое» и «левое» в российской социал-демократии. Социал-демократы Европы в начале XXI века: время перемен: сборник статей / Б. Ф. Славин; отв. ред. Б. С. Орлов. – М.: РАН ИНИОН, 2006.
8. Гуселетов, Б. П. Политические реформы в СССР и эволюция левых сил в современной России / Б. П. Гуселетов. – М., 2006.
9. Левыкин, Д. Наши силы растут / Д. Левыкин // Бумбараш 2017. – 2003. – № 1.
10. Петр, К. Партизаны Западной Германии / К. Петр // Детонатор. – 2002. – № 2.
11. Шапинов, В. Вооруженная борьба. Правые и «левые» ошибки и ленинская теория / В. Шапинов // Бумбараш 2017. – 2002. – № 1.
12. Троцкий, Л. Д. Преданная революция / Л. Д. Троцкий. – М.: НИИ культуры, 1991.
13. Электронное издание «Рабочая демократия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rwp.ru>. (дата обращения 25.01.2012).
14. Федоренко, Е. Женщины и социализм / Е. Федоренко // Нет – значит, нет!. – 2001. – № 6.

Информация об авторе:

Митин Александр Александрович – аспирант кафедры политических наук, КемГУ, 8-903-047-42-25, james_cold@mail.ru.

Mitin Aleksander Aleksandrovich – post-graduate student at the Department of Political Science of KemSU.

УДК 323.25

ПРОБЛЕМА НЕНАСИЛИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ

О. В. Омеличкин

NON-VIOLENCE ISSUE IN POLITICAL ETHICS

O. V. Omelichkin

В статье анализируются прошедшие в России протестные акции с точки зрения теории ненасилия. Рассматриваются основные идеи и принципы ненасилия, разработанные в политической этике.

The paper focuses on the protest actions in Russia from the viewpoint of the non-violence theory. The major ideas and principles of non-violence elaborated in political ethics are discussed.

Ключевые слова: протест, ненасилие, моральная правота.

Keywords: protest, non-violence, moral rightness.

В последнее время в России прошли массовые акции протеста, связанные с итогами парламентских и президентских выборов. Следует подчеркнуть, что данные акции носили мирный характер и отмечены сдержанностью как со стороны властей, так и оппозиции. Однако в подобных случаях всегда существует угроза несанкционированных действий и провокаций со стороны экстремистских сил. Поэтому представляется необходимым обратиться к теории ненасилия, чтобы рассмотреть особенности данной модели протестного поведения и извлечь определенные уроки из происшедших событий. Это особенно важно для демократического будущего страны.

Ненасилие можно рассматривать как этическую установку, выражающуюся в принципиальном отказе от насилия для достижения политических целей. Она демонстрирует несогласие с властью в виде отказа ей в поддержке и сотрудничестве.

Идея ненасилия в той или иной степени содержится во всех религиях мира. В Нагорной проповеди она выражается словами: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую... Вы слышите, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я говорю вам: любите врагов ваших» (Мф 5, 38 – 39, 43 – 44). Впрочем, всегда находились аргументы, оправдывающие применение насилия для защиты жизни или торжества справедливости. Имеет место и обычное несовпадение меж-

ду абстрактным моральным принципом и политической практикой.

В этой связи небезынтересно обратиться к классической теории ненасилия. В ряду мыслителей, занимавшихся данными проблемами, мы выделим М. Ганди, для которого ненасилие было, по сути, единственной фундаментальной истиной, его кредо. Он возвел ненасилие в вечный закон человеческого вида. Оно рассматривалось как выражение духовности, любви и доброй воли. Ганди писал: «...Бомбу нельзя уничтожить контрбомбой, также как насилие нельзя уничтожить контрнасилием. Человечество может избавиться от насилия только путем ненасилия. Ненависть может быть побеждена только любовью. Ответная ненависть служит лишь распространению и усилению ненависти» [1, с. 203]. Вот путь активной борьбы со злом и неблагоприятными обстоятельствами. Близкие, но содержательно иные идеи высказывал Л. Н. Толстой, который также призывал крестьян не отвечать насилием на творимое самодержавием и помещиками зло и угнетение и добиваться своих целей и конечного освобождения путем непротivления силе. При этом он указывал на необходимость изменения и самосовершенствование самого человека, а не внешних условий его жизни и общественного положения. Тем самым он лишил саму проблему освобождения какого-либо политического смысла и переводил ее исключительно в моральную плоскость.

В своей статье «Паломничество к ненасилию» М. Л. Кинг выделил основные аспекты философии не-

насилия: во-первых, ненасильственное сопротивление – это не метод для слабых, это действительно сопротивление. Его не используют из страха или бессилия. Это путь сильных людей. Оно является не пассивным непротивлением злу, а активным, прежде всего духовным ему сопротивлением; во-вторых, с помощью ненасилия не стремятся победить или унижить противника. Это лишь средство для пробуждения у него морального стыда и достижения взаимопонимания и примирения. Его целью является создание общности; в-третьих, атака здесь направлена против сил зла в большей степени, чем против тех людей, которым пришлось творить это зло и которые сами стали его жертвами; в-четвертых, оно характеризуется готовностью принимать страдание без возмездия, принимать удары противника, не отвечая на них. Никто не ищет возможности уклониться от наказания; в-пятых, оно стремится избегать не только внешнего физического воздействия, но и внутреннего насилия духа. Ему свойственен отказ не только стрелять в противника, но и ненавидеть его. Центром ненасилия является принцип любви и понимания; в-шестых, ему присуще осознание того, что на стороне справедливости находится весь мир. Ненасилие пронизано верой в будущее [2].

Проблема ненасилия занимает важное место в современной политической теории. Нередко оно рассматривается как синоним этики, поскольку выступает как содержательное определение добра [3, с. 72]. Ненасилие рассматривается при этом как наиболее реальный путь к справедливости. Кроме того, оно наделяется способностью преобразовать не только отдельного человека, но и массы людей, общественные институты и взаимоотношения государств. По этому поводу мы поддерживаем мнение тех ученых, которые полагают, что ненасилие при всем его значении может представлять только отдельную область этического. Другую его сторону составляет политическая борьба со злом, активная защита людей и их достоинства во имя добра и справедливости.

В основе данной позиции лежит разграничение зла, которое причиняет определенная политическая система или институт, и жизни конкретных людей, которые совершают это зло и одновременно являются его жертвами. Поэтому ненасильственная борьба с системой и ее беспощадная критика не должна переходить в борьбу с людьми, в нее вовлеченными. Во всяком случае, она не должна унижать их достоинство и носить исключительно обвинительный характер. Конечно, при этом приглушается вопрос о личной ответственности политиков за чинимые ими неблагоприятные поступки. Но одновременно создается возможность мирного разрешения конфликтов без ущерба для репутации власти и достижения приемлемых для всех компромиссов. Такая позиция, по мнению исследователей, лишает носителей власти присвоенного ими чувства морального превосходства, обусловленного их позиционированием в глазах нейтральной общественности в качестве признанных представителей политического порядка и законности. Противники данного порядка обычно представляются в деструктивной роли подстрекателей к насилию и разрушению. Поэтому в гражданской позиции ненасилия происходит легитимизация политического протеста, и оппозицией приобретает моральное право на критику существующего режима без ущерба для всего общества.

Ненасилие есть основа для согласования политических интересов и достижения взаимопонимания сторон в условиях позиционных конфликтов. Мы согласны с Р. Нибуrom, который пишет: «...Ненасильственное принуждение относится к тем типам принуждения, которые дают величайшие возможности для формирования в социальной жизни гармоничного соотношения моральных и рациональных факторов. ...Оно позволяет сохранить в зоне конфликта моральные, рациональные и сотруди́ческие отношения, тем самым не уничтожая, а увеличивая нравственный потенциал ситуации» [4, с. 397].

Следует подчеркнуть, что главным основанием для политики ненасилия является невозможность достижения целей иным, т. е. насильственным способом действия. Об этом говорил и М. Ганди. Но другим таким основанием является возможность достижения данных целей наименее затратным и гуманным по сравнению с насилием способом – путем мирных требований и переговоров. Реальность такого подхода делает политику ненасилия желательной и предпочтительной. Это не прямой захват власти, а особая программа изменения политических отношений (с помощью духовного очищения), которое заканчивается реформой или мирной передачей власти [1, с. 196].

Политика ненасилия строится на фундаменте веры в нравственные силы человека. Как бы ни был он притеснен и унижен, обманут или напуган, в нем остаются чувства и представления о добре и справедливости. Ведь людей обычно не просто угнетают. Они одновременно позволяют поработить себя и смиряются с этим. Они подчиняются несправедливому порядку и даже находят удовлетворение в его стабильности и гарантированных потребительских стандартах. Люди постепенно теряют чувство собственного достоинства и самостоятельность. В некотором смысле они сами становятся опорой несправедливой политической системы. И чтобы освободиться от постоянного гнета власти и мелких житейских обстоятельств, они должны начать с самих себя, с преодоления своих страхов. В этом изменении сознания и самоутверждении человека и заключается начало его политического освобождения и в конечном счете, преодоление господствующего в обществе насилия.

Известный правозащитник и политик В. Гавел выступал против принципа насильственной смены системы или правительства как условия общественных преобразований. Все это нечто поверхностное, вторичное, что само по себе еще ничего не гарантирует. В действительности же любой насильственный политический переворот недостаточно радикален. Необходимо изменить самого человека, восстановить его достоинство и права [5, с. 277 – 278].

Теоретические аргументы В. Гавела прокомментировал Б. Г. Капустин. Необходимость такого нравственного очищения людей и их последующего объединения продиктована задачей формирования свободного и дееспособного субъекта политических преобразований. Такой субъект может быть сформирован только снизу, только собственными усилиями. При этом единственно возможные жизнеспособные формы ассоциирования людей могут сложиться только в частной их жизни, поскольку поле публичной политики полностью «зачищено» властями от неугодных элементов. Тем самым все официальные политические организации при-

обращают в глазах людей фиктивный или манипулятивный характер и отвергаются ими. В новых протестных объединениях на уровне гражданского общепития люди обретают нравственные силы и желания для активного сопротивления лживому и репрессивному политическому режиму. При этом любые решения и действия (даже бытовые и культурные), несовместимые или объективно представляющие угрозу для существования системы, приобретают значительный политический эффект. В результате этого протеста постепенно формируются и собственно политические формы и методы сопротивления [6, с. 369 – 372].

Сам В. Гавел указывал, что перспектива «экзистенциальной революции» состоит прежде всего в *нравственной реконструкции общества*, означающей радикальное обновление подлинного отношения человека к тому, что он называет «человеческим распорядком» (не только политическим). В него включается новый опыт бытия, обновленное положение в обществе и мироздании, по-новому понятая ответственность, обретение духовности по отношению к другому человеку и к человеческому сообществу и т. д. Политические результаты этого могут проявиться в создании таких структур, которые будут исходить в большей степени из *человеческого содержания*, чем из тех или иных формальных политических отношений и гарантий. Они реабилитируют такие ценности, как доверие, открытость, ответственность, солидарность, любовь. Данные структуры будут ориентированы не на «технический» аспект исполнения власти, а на суть этого исполнения. Они должны быть открытыми, динамичными и небольшими и не препятствовать возникновению структур иного рода. Такие структуры автор представляет не в виде органов или институтов, но в виде сообществ. Заформализованным традиционным политическим организациям (например, массовым партиям) он предпочитает организации, возникающие по случаю и сходящие со сцены по достижении конкретных целей [5, с. 306 – 307].

Заметим, что отказ в дееспособности традиционным политическим институтам и организациям и упование автора на малые политические сообщества, основанные на личных связях и доверии, представляются в условиях массового общества не вполне реалистическими. В то же время можно поддержать идею автора о том, что подобные структуры должны возникать исключительно снизу, как следствие подлинно общественной самоорганизации и коллективного действия. Он справедливо подчеркивает при этом значение принципов самоуправления и самоконтроля.

Главным оружием борьбы против деморализованной репрессивной системы, основанной на принуждении, лжи и фальши, по мысли В. Гавела, является правда. Она становится важным фактором борьбы с властью даже в том случае, когда касается не политических вопросов, а предметных представлений о жизни. Любая правда, относящаяся к различным областям жизни, подрывает систему и доверие к ней. Поэтому посттоталитарная или недемократическая система воспринимает ее как угрозу своему существованию. А носители правды, сколь бы малочисленны они ни были, подвергаются преследованиям. С другой стороны, на основе правды и моральной правоты происходит объединение людей и их вступление в пространство политического противостояния власти. Таким образом, правда превращается в непосредственную политическую силу и формирует

оппозицию, которая в любой момент может перейти к активным гражданским акциям [5, с. 237 – 239].

Таким образом, ненасилие есть борьба со злом, с репрессивным режимом, с антигуманной политикой и удушающей реальностью. Но это борьба особого рода, не связанная с применением насилия. Поэтому ненасилие выступает как особая и действенная политическая сила, опирающаяся на прочные моральные основания. М. Ганди говорил о ненасилии не слабого, но сильного. Это, прежде всего, духовная сила, сила духа, направленная на общественные преобразования. Данные преобразования связаны с изменениями в сознании и политической позиции как управляющих, так и управляемых. При этом для выражения политической воли и интересов должны широко использоваться необходимые процедуры и политические институты современной демократии. Ненасилие также обеспечивает вполне прагматическое достижение политических целей, только иным по сравнению с насилием способом.

Существуют и иные теоретические подходы. Так, Е. Л. Дубко рассматривает ненасилие как архаическую этическую позицию, которая не годится для современной цивилизации. Это философия жертвы и страдания, выражение бессилия, политический утопизм. Ненасилие полемически характеризуется как форма социальной девиации, отказ от борьбы, смирение и пассивность, и в конце концов потворство злу [7, с. 288 – 289].

В политической практике ненасилия должны быть объединены различные аспекты. Во-первых, оно предполагает установку на совершение добра, а не на увеличение количества зла в обществе. Оно положительно характеризует мотивы и нравственные качества протестующих. Одновременно такая позиция характеризуется известной осторожностью и разборчивостью в применении всего многообразия допустимых и недопустимых к использованию политических средств. Ведь и самые добрые намерения отнюдь не гарантируют желаемые результаты. Тем более, что они могут сочетаться с неправовыми средствами.

Поэтому, во-вторых, очень важно обеспечивать неприменение насильственных методов и средств политической борьбы. Она должна опираться на демократические нормы и процедуры и согласовываться с существующими законами. Особенно недопустимы преступления против жизни, достоинства граждан, их прав (в т. ч. и на собственность) и свобод. Но также запрещено посягать на коллективные права народов или отдельных групп и общие принципы государственного устройства. Должен быть установлен определенный баланс интересов и взаимных обязательств между властями и протестующими, а также определенные правила игры, которые будут неукоснительно соблюдаться всеми участниками политического процесса.

Наконец, ненасилие есть определенное свойство результатов политики, связанного с уменьшением социального зла и утверждением приоритета свободы. Причем данное обстоятельство должно быть признано всеми заинтересованными сторонами. Акции ненасилия не должны способствовать росту человеческой агрессии, недоверию и нарушению социальных связей. Они не могут разрушать политические институты демократии и отменять действующие законы. Но данные действия могут предлагать альтернативные политические проекты, способные в глазах инициаторов расширить границы политической свободы, заменить существую-

щие правила и обеспечить более эффективное регулирование общественных процессов. Поэтому они могут содержать в себе элементы политического или психологического принуждения, с необходимостью сопровождающие любые политические изменения. Но при этом право всех субъектов на самостоятельное мнение и поведение не ставится под сомнение.

Ненасилие может рассматриваться как определенная тактика политической борьбы и включать в себя вполне технологические моменты. Проведение подобной линии предполагает соблюдение определенного набора правил политического взаимодействия: 1) признание правомерности альтернативной позиции, ее связи с жизненными интересами людей; 2) необходимость постоянного гражданского диалога, общественных дискуссий и обмена мнениями; 3) допустимость политических компромиссов, поиск взаимоприемлемых решений и выходов из конфликтной ситуации; 4) вовлечение оппонентов в процессы сотрудничества, укрепление социальных связей и забота о будущем данных отношений.

Данные требования с необходимостью должны быть соблюдены при проведении различных акций протеста и гражданского неповиновения. Отметим, что при организации массовых митингов протеста по итогам выборов на Болотной площади 10 декабря 2011 г. и 4 февраля 2012 г., на проспекте Сахарова 24 декабря 2011 г. и в других местах поведение участников носило мирный характер и проходило в рамках закона. Столь же корректно и сдержанно вели себя силы правопорядка. Это очень благоприятные симптомы растущей гражданской зрелости населения и демократичности институтов власти. Тем самым создаются возможности для политического диалога и взаимопонимания. Тем не менее события 5 марта на Пушкинской площади показали, что остаются силы, заинтересованные в беспорядках и открытых конфликтах.

Литература

1. Ганди, М. Речи и статьи о ненасилии и ненасильственном сопротивлении / М. Ганди // Мораль в политике. Хрестоматия. – М., 2004.
2. Кинг, М. Л. Паломничество к ненасилию / М. Л. Кинг // Ненасилие: философия, этика, политика. – М., 1993.
3. Гусейнов, А. А. Этика ненасилия / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 1992. – № 3.
4. Нибур, Р. Сохранение моральных ценностей в политике / Р. Нибур // Мораль в политике: хрестоматия. – М., 2004.
5. Гавел, В. Сила бессильных / В. Гавел // Мораль в политике: хрестоматия. – М., 2004.
6. Капустин, Б. Г. Моральный выбор в политике / Б. Г. Капустин. – М., 2004.
7. Дубко, Е. Л. Политическая этика: учебник для вузов / Е. Л. Дубко. – М., 2005.
8. Уровень протестных настроений [Электронный ресурс] // Доминанты. Поле мнений: социологический бюллетень. – 2012. – № 10. – 15.03.2012. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom1210/d121003>.

Информация об авторе:

Омеличкин Олег Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, КемГУ, 8(3842) 54-49-33, comel@kemsu.ru.

Omelichkin Oleg Viktorovich – Doctor of Political science, Professor at the Department of Political Science of Kemsu.

Как показывают данные различных опросов, большинство россиян считают, что президентские выборы прошли без мошенничества, подлога, фальсификаций и т. д. Подобные реальные случаи не могли существенно повлиять на итоговые результаты выборов. Что касается парламентских выборов, то здесь ситуация иная: больше тех, кто отмечает наличие таких случаев на избирательных участках. Не случайно, по данным Фонда «Общественное мнение», на 11 марта 2012 г., 30 % респондентов лично испытывали недовольство, готовность участвовать в акциях протеста, и только 63 % не разделяли подобные настроения [8]. Таким образом, протестный потенциал общества продолжает оставаться довольно высоким.

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

- ненасилие является оружием угнетенной стороны, не обладающей политическими ресурсами, но отнюдь не смилившейся со своим положением и стремящейся изменить политическую ситуацию, не умножая зла и насилия в обществе;

- политика ненасилия связана с формированием субъекта гражданского действия, характеризующегося нравственным сознанием, мужеством, терпением, солидарностью и политической активностью;

- данная политика оказывает существенное воздействие на власть, способствуя дискредитации ее политики, последующему изменению ее позиции и признанию справедливости требований низов;

- акции ненасилия влияют на общественное мнение, вызывая сочувствие и солидарность у людей, впечатленных моральной аргументацией и бескорыстием действий несогласных, их готовностью к самопожертвованию.

ГРАЖДАНСКОЕ НЕПОВИНОВЕНИЕ И ВЫБОРЫ

О. В. Омеличкин

CIVIL DISOBEDIENCE AND ELECTIONS

O. V. Omelichkin

В статье рассматриваются особенности прошедших в России протестных акций, состав их участников и требования. Проанализированы основные черты и принципы гражданского неповиновения, формы их проявления в современной политической практике.

The paper discusses the particular features of the recent protest actions in Russia, the characteristics of the participants and their claims. It explores the main features and principles of civil disobedience and the forms of their manifestation in current political process.

Ключевые слова: выборы, гражданское неповиновение, митинги протеста.

Keywords: elections, civil disobedience, protest rallies.

В декабре 2011 г. и в последующие месяцы произошли события, поставившие под сомнение прочность существующей политической власти в России. Гражданские митинги на Болотной площади и проспекте Сахарова в Москве, аналогичные акции в других городах показали недоверие определенной части населения по отношению к властям и итогам выборов. Активизация гражданского самосознания и рост протестных настроений актуализировали проблему гражданского неповиновения как формы активного сопротивления и вызвали необходимость ее изучения.

Гражданское неповиновение обычно трактуется как выраженное в политической форме намеренное нарушение закона, направленное на изменения в официальной политике и корректировку законодательства. В качестве теоретических источников данной идеи выступают эссе Г. Торо «О долге гражданского неповиновения» (1849 г.), в котором показано, что отказ от уплаты налогов может быть средством противодействия несправедливой политике государства, работы М. Ганди, посвященные борьбе с колониализмом в рамках кампании сатьяграхи («сила правды»), статьи и выступления М. Л. Кинга, направленные на устранение расовой дискриминации в отношении чернокожих американцев и др.

Дж. Ролз рассматривает данную теорию применительно к более или менее справедливому демократическому государству, в котором все же случаются отдельные серьезные нарушения. При репрессивном режиме подобное сопротивление затруднено по вполне понятным причинам. В результате демократического протеста возникает определенный конфликт. Обязанность граждан подчиняться законам, принятым законодательным большинством, приходит здесь в противоречие с необходимостью защищать гражданские свободы и справедливость. В результате возникает особый вид несогласия, проявляющийся в легальных демонстрациях и нарушениях закона, предназначенных для создания судебных прецедентов. Вслед за Х. Бидо ученый так определяет гражданское неповиновение: это публичное, ненасильственное, сознательное политическое действие, противное закону, которое обычно совершается с целью изменений законодательства или политики правительства. Поступая таким образом, человек апеллирует к чувству справедливости большинства сообщества и заявляет о том, что принципы социальной кооперации между свободными и равными людьми не соблюдаются [1, с. 321].

Гражданскому неповиновению, по Дж. Ролзу, присущи следующие черты. Во-первых, оно может быть прямым и косвенным в отношении несправедливых законов. Некоторые из них нельзя нарушать, чтобы доказать их несостоятельность. Тогда прибегают к другим доводам и формам протеста. И даже отрицательные решения суда не заставляют граждан отступить. Во-вторых, это, безусловно, политический акт не только в том смысле, что он адресован большинству, удерживающему политическую власть, но также и потому, что он управляется и оправдывается политическими принципами, которые регулируют конституцию и социальные институты вообще. В-третьих, это публичный акт, который совершается открыто и с уведомлением населения. В-четвертых, гражданское неповиновение – ненасильственный акт. Оно пытается избежать насилия, особенно по отношению к людям, не из принципиального отвращения к использованию силы, но потому, что это окончательная суть данной позиции. Ведь любое нарушение прав и свобод других людей затемняет гражданский характер этого акта самозащиты. В-пятых, при этих действиях сохраняется общая приверженность существующему порядку. Она проявляется в открытой и ненасильственной природе этого акта, в готовности принять правовые последствия поведения. Тот же, кто прибегает к насилию, не считает существующую политическую систему справедливой и разумно устроенной и пытается избежать наказания [1, с. 321 – 323].

Гражданское неповиновение отличается, по мнению Дж. Ролза, от отказа по убеждениям – неподчинения более или менее прямому правовому предписанию или административному порядку. Пример – отказ пацифистов служить в вооруженных силах. Прежде всего, отказ не является формой обращения к чувствам большинства. Кроме того, он не обязательно базируется на политических принципах, а может быть основан на религиозных взглядах [1, с. 324]. Однако в реальной ситуации эти формы сопротивления могут быть трудно-различимы.

Говоря о понятии «ненасилие» применительно к гражданскому неповиновению, Б. Г. Капустин видит в нем три основных смысла: во-первых, под ним можно понимать намерения практиков гражданского неповиновения, их собственную установку действовать ненасильственно. В этом случае можно совершенно отвлечься от реальных последствий таких действий; во-вторых, оно может быть понято шире – как определенный характер действий неповиновующихся, применяемые ими методы и средства борьбы (на это обращает вни-

мание Ю. Хабермас), а также формы их организации (Х. Арендт) и цели (Р. Холл); в-третьих, оно видится в реальных последствиях борьбы, включая воздействие на противоположную сторону и «третьих лиц». Очевидно, что в некоторых случаях действия протестующих вполне могут допускать насилие. Поэтому ученый выступает против отождествления гражданского неповиновения с «чистым» ненасилием [2, с. 376 – 378].

Оправдание гражданского неповиновения Дж. Ролз видел в том, что его причиной должны выступать явные и серьезные нарушения принципов свободы и равенства возможностей. При этом обычные апелляции к политическому большинству и правовые средства исправления ситуации оказались безрезультатными. Но в ситуации, когда множество групп имеют объективные основания для сопротивления, должен устанавливаться определенный предел, не позволяющий привести к серьезным беспорядкам и нарушениям законности. От самих протестующих требуется координация действий и согласие со сдерживающими ограничениями. В этом проявляется их ответственность перед обществом и забота о его благе.

С. Хук называет следующие условия, которым должно соответствовать гражданское неповиновение:

- 1) ненасилие как осуществление христианского завета не причинять вреда другим;
- 2) не прибегать к гражданскому неповиновению, пока не использованы все другие легальные методы выражения протеста и пока нет полной уверенности в том, что они не могут удовлетворить требования протестующих;
- 3) участники неповиновения с готовностью принимают все наказания, вытекающие из нарушения ими законов, даже тех, которые они считают аморальными и несправедливыми;
- 4) акции гражданского неповиновения направлены на решение только моральных проблем, причем наиболее крупных из них;
- 5) если мнения относительно этих проблем расходятся, то акциям должна предшествовать или даже заменять их широкая общественная дискуссия;
- 6) должны иметься ясные рациональные обоснования выбора именно данного времени и места для проведения акций, равно как и их целей;
- 7) необходим учет «исторической уместности» проведения кампании, т. е. осознание того, не наносит ли она урон общим (демократическим) ценностям и конституционным основаниям общественной жизни.

В своих комментариях Б. Г. Капустин отмечает, что в общем виде данные условия вполне уместны и допустимы как благоразумные советы и пожелания, но в конкретных политических ситуациях как моральные принципы они сомнительны и малопродуктивны [2, с. 392 – 402].

Гражданское неповиновение включает проведение массовых политических акций, противоречащих закону, но носящих ненасильственный характер. Оно привлекает внимание общественности к несправедливым нормам и действиям властей. Это демонстративный отказ в доверии конкретным государственным институтам. Он осуществляется в активных (правонарушения) и пассивных (несоблюдение требований) формах. Наиболее распространенные виды протестных действий – митинги, бойкоты, забастовки и т. д. Подобные действия обычно подавляются с помощью силы и судебных

преследований. При этом участники акций готовы понести наказание, рассчитывая в то же время на поддержку большинства общества. Результатом подобных акций могут стать отдельные изменения в законодательстве или более широкие политические реформы.

Очевидно, что гражданское сопротивление направлено на приведение в действие принципов справедливости, обращено к разуму и совести оппонентов и предполагает наличие доброй воли у всех участников политического процесса. Поэтому оно обладает несомненным воспитательным эффектом. Данные акции призваны убедить власти в нравственной правоте и чистоте помыслов протестующих, стремящихся улучшить политические отношения в обществе. Однако в этих акциях содержится не только моральный компонент, но и агитационное воздействие, и элементы психологического давления. Они могут представлять определенную угрозу для свободы и использоваться в неблагоприятных целях. Их надо оценивать по тому, способствуют ли они укреплению социальных связей в обществе и политическому решению проблем, устраивающему все стороны, или нет.

Надо иметь в виду, что ненасилие обычно является оружием людей, которым противостоят значительно превосходящие их силы. Нередко они составляют меньшинство общества или группы, систематически подвергающиеся политической дискриминации. Перспективы их действий обусловлены тем, что в демократическом обществе принципы справедливости получили публичное признание и массовую поддержку. Поэтому акции гражданского неповиновения являются по существу политическим обращением к обществу, высказанным в незаконной форме. При этом несогласные рассчитывают на понимание со стороны сограждан и даже на определенное юридическое снисхождение за допущенные ими нарушения законов. Если же морального согласия и демократических механизмов в обществе нет, акции гражданского неповиновения будут рассматриваться властью как реальная угроза политическому порядку и допускают суровое наказание. Но моральная ответственность за это должна лечь не на тех, кто протестует, а на тех, кто дает повод для возмущения.

Гражданское неповиновение представляет собой определенную разновидность оппозиционной деятельности. Оно отказывает существующей власти в праве выступать от имени всего общества по всем вопросам и подвергает сомнению принятые ею решения. Нередко это движение предлагает альтернативные решения и новые проекты, по каким-либо причинам неприемлемые в данный момент для власти. При этом протестующие явным образом нарушают существующие правила и законы, и это обстоятельство является формальным поводом для подавления подобных выступлений и наказания виновных. Уже это означает признание неповиновения в качестве реальной политической силы. В конечном итоге подобные действия могут привести к модификации власти, обновлению ее персонального состава и корректировке политического курса.

Движению гражданского неповиновения присуща определенная самостоятельная организация. Это обусловлено тем, что выражение политического протеста даже в условиях демократических режимов, по сути, ограничено или запрещено и не может осуществляться

в рамках существующих и признанных структур. Системные партии и другие объединения обычно не поддерживают подобные выступления. Поэтому для выражения своей позиции и оказания влияния на власть граждане должны создавать самостоятельные сообщества для согласования и координации своих действий. В них же разрабатывается определенная политическая программа и выдвигаются общие требования. Организуются различные постоянные и открытые формы политической агитации и распространения информации для оказания воздействия на общественное мнение и т. д.

Можно согласиться с мнением специалистов, которые отмечают, что гражданское неповиновение – это не любое публичное, ненасильственное и нравственно обоснованное неподчинение властям. Это неправовой протест в отношении государственных структур, к которым признаются политические обязательства. Таким образом, ему изначально присущ внутренний конфликт. С одной стороны, признается необходимость сохранения определенного порядка и легитимность власти, с другой – провозглашается неизбежность политических реформ, а неверные решения властей подвергаются резкой критике и не выполняются.

Главная цель гражданского неповиновения заключается в воздействии на общество. Оно оказывает влияние на общественное сознание, демонстрируя возможность несогласия с властью, разоблачая ее лицемерия и лжи, мифа о ее непогрешимости и всегдашней правоты. Оказывается, что правда может быть и на другой стороне, и ее можно открыто высказывать. Решения же властей могут быть небезупречными, а действия их корыстными. Данное движение выдвигает альтернативные предложения и проекты, отражающие чаяния людей. При этом оно не претендует на знание абсолютной истины и ничего не навязывает обществу. Нередко эти взгляды носят весьма абстрактный и неопределенный характер. Оно только борется за право высказывать свое мнение и иметь собственную позицию по важнейшим вопросам нашей жизни.

Однако в ходе гражданского неповиновения могут применяться и насильственные действия. Речь идет о крайних ситуациях, когда протестующие сталкиваются с прямым и циничным злом, при котором сохранение нейтралитета равнозначно его поддержке или признанию. В таких случаях прибегают к прямым действиям, которые могут иметь насильственный характер для использующей притеснения стороны. Это может быть единственной возможностью быть услышанными и защитить достоинство людей. Кроме того, любое сопротивление означает применение силы и принуждение по отношению к противнику. И в этом – широком – смысле оно может квалифицироваться как политическое насилие. С точки зрения мотивов или выбранных средств политической борьбы, оно остается в плоскости ненасилия. Но его результатами могут быть различные политические преобразования и реформы системы управления и контроля, изменения в законодательстве и замена политического персонала. Для господствующего режима это могут быть весьма нежелательные явления, нарушающие его планы. Определенный урон может быть нанесен также правопорядку, экономике и производству, различным материальным объектам и бытовым интересам граждан. Таким образом, в известном смысле

последствия неповиновения нередко оборачиваются насильем с точки зрения политической практики.

Говоря о принципиальном различии между такими формами принуждения, как насилие и ненасильственное сопротивление (или гражданское неповиновение), Р. Нибур отмечает: «Разница состоит в том, что разрушение хотя и является здесь неизбежным, но не является преднамеренным следствием ненасильственного принуждения. Основное различие между насилием и ненасилием состоит не в степени причиненного разрушения, хотя и по степени одно может значительно отличаться от другого, а в агрессивности одного и негативизме другого. Ненасилие является в сущности своей отказом сотрудничать. Оно выражается в отказе участвовать в обычных общественных процессах». Оно может означать отказ платить налоги правительству (неповиновение), отказ иметь дело с определенной социальной группой (бойкот) или отказ оказывать обычные услуги (забастовка). «Поскольку это пассивная и негативная форма сопротивления, ее последствия могут быть очень позитивными. Безусловно, она налагает ограничения на объекты своего дисциплинирующего воздействия, лишая их возможности поступать так, как они хотят» [3, с. 387].

Власти вынуждены так или иначе реагировать на протестные выступления. Эта реакция может выражаться как в подавлении протестных выступлений, так и в определенном учете требований граждан. В результате могут reformироваться политические структуры, изменяться нормативная база и персональный состав власти, корректироваться политическая линия, отменяться ошибочные решения. Все это ведет к демократизации и плюрализации политической жизни, поскольку утверждает принципиальную допустимость альтернативных мнений и проектов.

Можно согласиться с Дж. Ролзом, который утверждал, что «гражданское неповиновение (как и отказ по убеждениям) – это одно из стабилизирующих средств конституционной системы, хотя и незаконное по определению». Осуществляемое с должной умеренностью и обоснованностью, оно помогает поддерживать и укреплять справедливые институты. Сопrotивляясь несправедливости в рамках верности общему порядку, оно сдерживает политические нарушения и исправляет их. Готовность людей прибегнуть к гражданскому неповиновению в случаях отклонений от справедливости привносит, таким образом, стабильность в демократическое государство. Ученый писал: «Хотя этот способ действий, строго говоря, противоречит закону, тем не менее это морально корректный способ поддержания конституционного режима» [1, с. 336, 337].

В этой связи необходимо проанализировать основные причины и цели, которые преследовали участники протестных мероприятий в России зимой 2011 – 2012 гг., их соответствие общим принципам и результативность. Очевидно, первым вопросом, на который надо ответить, является вопрос о составе участников протестных действий. На этот счет политические оппоненты высказывают противоположные мнения – от экстремистов и подкупленной из-за рубежа несознательной молодежи до лучшей части нашего общества. Результаты социологических опросов показывают, что на площади выходили достаточно образованные и информированные люди со средним уровнем доходов, подавляющее большинство которых нельзя заподозрить

в хулиганстве или корысти. Так, по данным Левада-Центра, это люди среднего возраста, преимущественно мужчины, около 80 % из них имеют высшее (небольшая часть – незаконченное высшее) образование. Среди них около 40 % – специалисты, 15 % – руководители различного ранга, по 11 % – студенты и пенсионеры, 9 % – владельцы собственного бизнеса, 7 % – рабочие. Свыше 70 % опрошенных материально вполне обеспечены. Политические взгляды участников распределяются следующим образом: демократы – 30 %, либералы – 27 %, коммунисты – 18 %, национал-патриоты – 14 %, социалисты/социал-демократы – 10 %, «зеленые» – 6 %. Примерно 95 % поддерживали требование аннулировать результаты выборов в Государственную думу и назначить новые выборы. Столько же – за наказание виновных в фальсификации итогов выборов и за принятие нового демократического законодательства о партиях и выборах [4].

Таким образом, речь идет не об узкой социальной прослойке и не о молодежной политической моде, а о сознательных гражданах, обеспокоенных судьбами демократии и будущим нашей страны и требующих политических реформ. Они выступают против лжи и фальсификаций и поддерживают идею о необходимости конструктивной оппозиции. Они требуют от власти справедливости, честности и уважения к народу. В условиях недостаточной укорененности демократических правил и форм политической борьбы граждане вынужденно выбрали конфликтную форму политического поведения. При этом многие действующие лидеры оппозиции не находят у них поддержки. Более важным является суть поднимаемых проблем. Проведение подобных мероприятий является показателем критических настроений какой-то части общества и свидетельствует о формировании у населения навыков самостоятельного гражданского участия.

Сложным остается вопрос о реальных причинах для протестных выступлений. В качестве главной называют многочисленные нарушения на парламентских (в первую очередь) и президентских выборах. Действительно, даже глава государства признал наличие подобных нарушений. Здесь можно было бы поставить точку и полностью осудить подобную практику. Но жизнь показывает, что нарушения встречались всегда и везде. Поэтому надо принимать во внимание также характер и масштаб нарушений. В настоящее время многие сигналы оппозиции не нашли документального подтверждения. Есть основания полагать, что возможные нарушения (которые необходимо выявлять и устранять, наказывая виновных) принципиально не повлияли на результаты выборов и не ставят под сомнение общую их легитимность. Проводившиеся перед выборами опросы примерно соответствуют их результатам. Поэтому протест, возможно даже неосознанно, был направлен, как нам кажется, против отживших принципов функционирования власти в России, ее коррумпированности и оторванности от населения, недостаточной эффективности проводимой политики. Допущенные на выборах фальсификации сыграли при этом роль возмущающего внешнего повода.

Литература

1. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск, 1995.
2. Капустин, Б. Г. Моральный выбор в политике: учебное пособие / Б. Г. Капустин. – М., 2004.

Важно отметить, что люди положительно оценивали свое участие в проводимых акциях. Думается, что это связано с развитием в них гражданского самосознания и чувством морально-политического единения. Поэтому несколько странно звучат слова патриарха Кирилла: «Православные люди не выходят на демонстрации, их голосов не слышно, они молятся в тиши монастырей, в домах...». Мы говорим о правомерности справедливых протестов. Важную роль здесь играет растущая вовлеченность граждан в политическую жизнь страны и возможность выразить свое мнение по поводу политических событий. Сами массовые акции протеста и способы распространения политической информации (Интернет, социальные сети) привлекли многих своей новизной и самостоятельным характером. Отметим и высокое чувство ответственности участников. На митингах не было никаких серьезных эксцессов и нарушений общественного порядка.

ВЦИОМ в январе 2012 г. представил данные об отношении россиян к митингам протеста. Их поддерживают 35 % опрошенных, причем 11 % готовы участвовать в них. Не одобряют 24 %, но из них 19 % считают, что люди имеют право в них участвовать. Индифферентно относятся к ним 32 % респондентов. При этом 45 % россиян считают, что акции протеста должны обязательно быть санкционированными и проходить в рамках закона. В то же время 36 % полагают, что власти не должны препятствовать несанкционированным акциям, объясняя это правом на свободу слова и собраний. 8 % выступают за пресечение любых протестных акций как дестабилизирующих обстановку [5]. Таким образом, больше тех, кто поддерживает подобные действия при сохранении общественного порядка.

Полагаем, что данные акции протеста достигли своих целей. Сигналы формирующегося в стране гражданского общества были властью услышаны. Это касается как проведения президентских выборов (установка камер наблюдения, прозрачные урны и т. д.), так и целого пакета предполагаемых изменений, затрагивающих порядок регистрации партий и кандидатов, выборность губернаторов, обновления избирательной системы и т. д. Однако косвенным подтверждением все еще существующей ориентации власти на использование административного ресурса является последовавшее после выборов увольнение губернаторов ряда областей, связанное с низкими результатами правящей партии в этих регионах. Тем не менее, можно говорить о возросшей ответственности власти перед населением, проявившейся, в частности, в корректном отношении к участникам митингов на Болотной площади и проспекте Сахарова.

Данные действия, на наш взгляд, будут способствовать укреплению политической системы страны, широким политическим реформам и обновлению политического курса, серьезным кадровым перестановкам. И, главное, они благоприятствуют развитию и повышению активности гражданского общества в России. Тем самым создаются предпосылки для постоянного диалога власти и населения.

3. Нибур, Р. Сохранение моральных ценностей в политике / Р. Нибур // Мораль в политике. Хрестоматия. – М., 2004.
4. Опрос на митинге 4 февраля // Пресс-выпуск. 13.02.2012. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/13-02-2012/opros-na-mitinge-4-fevralya>.
5. Протестные митинги: выходить на улицу можно, но – в рамках закона! // Пресс-выпуск № 1933. – 23.01.2012. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112355>.

Информация об авторе:

Омеличкин Олег Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, КемГУ, 8(3842) 54-49-33, comel@kemsu.ru.

Omelichkin Oleg Viktorovich – Doctor of Political science, Professor at the Department of Political Science of Kemsu.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.628 - 056.37

ИНТЕРЕСЫ И МОТИВЫ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ УЧАЩИМИСЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ КОРРЕКЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ VIII ВИДА *Е. М. Ланина*

THE INTERESTS AND CAREER CHOICE MOTIVES OF TYPE VIII SPECIAL CORRECTIONAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS' STUDENTS *E. M. Lanina*

В статье анализируются результаты исследования мотивов профессионально-трудовой деятельности подростков с нарушением интеллектуального развития, определяется необходимость осуществления целенаправленной психолого-педагогической работы по формированию мотивации к трудовой деятельности в условиях специального коррекционного образовательного учреждения.

The paper analyzes the results of a study of motives of professional employment in adolescents with impaired intellectual development. The need for targeted psychological and educational work on the formation of motivation to work in a special remedial educational institution is justified.

Ключевые слова: нарушения интеллекта, мотивация к трудовой деятельности, профессиональные интересы, специальное коррекционное образовательное учреждение.

Keywords: breach of intelligence, motivation to work, professional interests, special correctional educational institution.

В условиях современного общества проблема формирования мотивации к трудовой деятельности должна решаться на основе выбора специальности по склонностям, возможностям и способностям и соответствовать интересам общества и конкретного человека. В связи с этим процесс профессионального самоопределения приобретает особую важность, что определяет направления, формы и методы психолого-педагогической работы, направленной на формирование и развитие мотивации к трудовой деятельности.

Работа, направленная на формирование мотивации к трудовой деятельности, в подростковый период обеспечивает подготовку к выбору профессии и оказывает помощь в самоопределении, то есть не только знакомит с профессиями, но и формирует необходимые установки, профессиональную направленность учащегося, мотивацию к определенным видам трудовой деятельности [3].

Мотивацию к трудовой деятельности и, как следствие, профессиональную направленность, мы рассматриваем как обусловленную отношением человека к профессиональной деятельности установкой личности на

развитие качеств, необходимых для успешного труда по избранной профессии.

Формирование мотивации к трудовой деятельности – это прежде всего формирование устойчивых профессиональных интересов, адаптивных форм поведения в трудовом коллективе, уважительного отношения к человеческому труду и продуктам трудовой деятельности.

Исходя из вышеизложенного, мы провели специальное изучение особенностей проявления мотивации к трудовой деятельности учащихся старших классов коррекционных школ VIII вида и мотивов выбора ими профессии.

В своем исследовании мы исходили из известных психологических положений о том, что интерес к определенному объекту или действию является сильным побуждением личности к активной деятельности, способствует повышению качества усвоения знаний, стимулирует работоспособность, играет исключительную роль в осуществлении коррекции психического развития учащихся с нарушением интеллектуального развития.

Учитывая, что в целом интересы детей с нарушением познавательной сферы своеобразны, следовательно, они имеют ряд специфических особенностей, в частности, недостаточно выражен интеллектуальный компонент. В своем исследовании мы стремились определить диапазон профессиональных интересов учащихся V – IX классов коррекционных школ, мотивы и источники этих интересов с учетом их интеллектуального дефекта.

В исследовании были использованы различные приемы и методы изучения интересов учащихся общеобразовательных школ, апробированные в работах отечественных психологов [1]: метод косвенных бесед с учащимися, беседы с учителями и родителями, анкетирование, наблюдение, анализ успеваемости по профессионально-трудовому обучению, естественный эксперимент.

Изучением было охвачено 300 учащихся специальных коррекционных школ VIII вида города Кемерово, которые в дальнейшем были включены в экспериментальную группу (150 детей-сирот, 150 детей, воспитывающихся в условиях семьи).

Несмотря на критическое отношение отдельных авторов к методу анкетирования при изучении интересов лиц с нарушением интеллекта, мы сочли возможным использовать его в индивидуальном предъявлении, исходя из следующих соображений:

– прежде всего, этот метод позволяет провести наиболее массовое обследование учащихся при соблюдении идентичных условий эксперимента, что полностью соответствует цели нашего исследования – выявить наиболее типичные особенности проявления профессиональных интересов старших учащихся специальных коррекционных школ VIII вида, их диапазон, источники;

– сочетание этого метода с другими позволило в определенной мере раскрыть суть этих интересов.

Составляя вопросы анкеты, мы стремились обеспечить доступность учащимся их содержания, а также полноту информации в ответах. В перечень вопросов были включены вопросы, отражающие отношение подростков к определенным видам профессионально-трудовой деятельности, интересы подростков, способы получения информации о профессиональной деятельности.

Полученные данные были проанализированы в нескольких аспектах, количественный анализ полученных данных представлен в таблице 1.

Прежде всего, мы обратили внимание на диапазон профессиональных интересов учащихся специальных коррекционных школ. Было названо 42 профессии различных сфер, которые можно, допуская некоторую условность, объединить в следующие группы:

1. Профессии, которые имеют отношение к материальному производству: слесарь, столяр, тракторист, токарь, строитель и др.

2. Профессии обслуживающего труда: повар, парикмахер, продавец и др.

3. Профессии, понимаемые учащимися как военные: «подводник», «ракетчик», космонавт, летчик, милиционер, моряк и др.

4. Профессии, связанные с интеллектуальным трудом: конструктор, корреспондент, учитель, воспитатель, врач, геолог и др.

5. Профессии сферы искусства: художник, музыкант, артист, балерина.

6. Административные должности: директор, начальник.

Таблица 1

Группы профессий и распределение профессиональных интересов учащихся специальных коррекционных школ

№	Группа профессий	Названо профессий	К-во названных	Из них в VI классе	Из них в VII классе	Из них в VIII классе	Из них в IX классе
1	Материальное производство	11	118	14	24	30	50
2	Обслуживающий труд	12	98	26	28	21	23
3	«Военные» профессии	5	18	10	4	4	-
4	Интеллектуальный труд	8	54	23	13	16	2
5	Сфера искусства	4	4	1	3	-	-
6	Административные должности	2	8	1	3	4	-

Данные этой таблицы дают также возможность проследить некоторые особенности проявления профессиональных интересов в зависимости от возраста учащихся.

Так, обращает на себя внимание результат сравнения данных таблицы по VI и IX классам. У учащихся старших (VIII – IX) классов диапазон интересов суживается и охватывает те профессии, которые им известны или о которых они имеют довольно конкретное представление. В основном это профессии материального производства и сферы обслуживающего труда. И только два ученика назвали профессии врача и воспитателя, о которых, как показала беседа, у них есть пред-

ставление, хотя критически соотнести их со своими возможностями они не смогли.

Учащиеся шестых классов назвали самые разнообразные по содержанию, условиям труда, уровню подготовки профессии – от конструктора и космонавта до грузчика. Ответы учащихся на восьмой вопрос анкеты дали нам материал для анализа мотивов осуществления трудовой деятельности учащихся, поскольку, как известно, мотив входит в характеристику интереса как один из самых существенных его компонентов.

Следует отметить, что практически все учащиеся испытывали значительные затруднения при ответе на этот вопрос.

Основная масса учащихся называли отдельные, несущественные качества профессии или выдвигали в качестве мотива к осуществлению трудовой деятельности желание работать вместе с родителями; интерес к профессии шофера, водителя трамвая, троллейбуса учащиеся объясняли желанием много ездить; к профессии летчика – желанием летать; портного – шить на швейной машине и т. п.

Незначительное количество учащихся (54 учащихся из 300) сумели назвать более объективные мотивы своих профессиональных и трудовых интересов, подчеркивая существенные качества профессии и даже ее значимость. Но даже в тех случаях, когда давалось более содержательное объяснение мотивам трудовых и про-

фессиональных интересов, имело место значительное несоответствие интересов и возможностей учащихся. Так, желание быть учителем, воспитателем часто выражали учащиеся с очень низкой успеваемостью; художником – ученик VII класса, который совершенно не умел рисовать и т. п.

Девятый вопрос анкеты был включен с целью определения источников информации учащихся о профессиях; в какой-то мере он позволил судить о состоянии работы по формированию мотивации к трудовой деятельности в коррекционной школе VIII вида.

Количественный анализ полученных данных представлен в таблице 2.

Таблица 2

Источники получения информации о профессиях подростками с нарушением интеллекта

<i>Источники информации</i>	<i>К-во учащихся, назвавших источники информации</i>	<i>Из них в VI классе</i>	<i>Из них в VII классе</i>	<i>Из них в VIII классе</i>	<i>Из них в IX классе</i>
Уроки в школе	82	9	12	21	40
Чтение книг	11	6	-	4	1
Рассказы знакомых	138	37	43	33	25
Кино	22	5	8	6	3
Театр	2	1	1	-	-
Музей	1	-	1	-	1
Радио	1	1	-	-	-
Телевиденье	27	8	6	9	4
Занятия в кружках	2	1	-	-	1
Источник не указан	13	7	4	2	-

Как видно из таблицы, учащиеся получают информацию о профессиях из самых разнообразных источников, среди которых наиболее распространенными, особенно для детей, воспитывающихся в условиях семьи, являются рассказы родных и близких.

В данном случае проявляется преимущество традиционно сложившегося опыта работы семейного формирования трудовой мотивации в сравнении со школой, только начавшей развиваться. Это наблюдалось и при исследовании профессиональной устойчивости выпускников коррекционных групп ПУ.

Данные таблицы позволяют также наблюдать возрастные изменения в характере определения источников информации о профессии. Учащиеся девятых классов считают такими источниками прежде всего уроки в школе и рассказы родных и знакомых. Учащиеся шестых классов назвали различные источники, некоторые из которых они не смогли объяснить в процессе беседы.

В процессе подготовки к основному исследованию мы стремились также определить степень соответствия высказанных учащимися профессиональных мотивов содержанию профессионального обучения в школе.

Следует отметить, что только 82 учащихся из числа опрошенных (300 опрошенных) выразили интерес к той профессии, которую они получают в школе.

Безусловно, полученные анкетные данные отражают особенности мотивации к трудовой деятельности, мотивы и конкретную направленность профессиональных интересов учащихся старших классов коррекционных школ VIII вида, однако они недостаточны для раскры-

тия особенностей, характерных для мотивационной сферы подростков с нарушением интеллекта.

Для получения данных, позволяющих судить о степени осознанности высказанных учащимися трудовых мотивов и профессиональных интересов, мы проводили с этими же детьми экспериментальные беседы.

По форме процесс анкетирования представлял собой вариант модификации клинической беседы, использованной для выявления понимания подростком разных ситуаций, причин и зависимостей и т. п. Эта беседа представляет собой серию взаимопроверяющих и уточняющих вопросов, вытекающих из ответов ребенка и позволяющих опосредствованно, косвенно выявить фактическое понимание и отношение ребенка к вопросу.

Как известно, психологи рассматривают беседу как важный метод психологического изучения личности. И хотя этот метод не лишен субъективности, применение его при экспериментальном исследовании способствует дополнению и уточнению сведений, полученных при использовании других методов, что наиболее необходимо для работы с детьми, имеющими нарушение интеллектуального развития.

В основу содержания проводимых нами бесед были положены следующие данные об учащихся:

- анализ успеваемости по профессионально-трудовому обучению;
- характеристика учителя труда;
- данные о профессиях родителей и их трудовых успехах.

Беседа проводилась индивидуально.

Выбор учащихся проводился следующим образом. Прежде всего были исключены из числа испытуемых те учащиеся, которые не сумели справиться с анкетой, т. е. ответили не на все вопросы, либо ответы их свидетельствовали о низком уровне понимания вопроса.

Кроме того, беседа проводилась только с теми учащимися, профессиональный интерес которых имел реальную возможность для реализации в условиях школьного обучения, т. е. был направлен на профессии, предусмотренные учебным планом школы. Факт несоответствия профессиональных интересов с изучаемой в данное время профессией не влиял на отбор учащегося для беседы. Учет этих показателей при отборе испытуемых позволил путем сопоставления данных беседы с характеристиками учителей и показателями успеваемости по профессионально-трудовому обучению судить о степени осознанности учащимися высказанных интересов, их мотивации к трудовой деятельности и профессиональной направленности.

Следующим этапом отбора испытуемых было сопоставление двух независимых характеристик (классного руководителя и учителя профессионально-трудового обучения). При несоответствии характеристик (например, классный руководитель дает положительную характеристику учащемуся, указывая на его трудолюбие, аккуратность, прилежание, а учитель профессионально-трудового обучения отмечает лень, небрежное отношение к работе, невключенность в трудовой коллектив) мы не включили таких учащихся в число испытуемых.

Отмежевываясь от всех более или менее осложненных вариантов, мы стремились тем самым создать условия для объективного изучения особенностей мотивационной сферы подростков с нарушением интеллектуального развития.

В ходе беседы мы учитывали данные двух характеристик (в случае их относительного соответствия) и результаты анализа успеваемости учащегося по профессионально-трудовому обучению. Это позволило нам иметь более полное представление об уровне сформированности мотивации к трудовой деятельности, направленности личности учащегося, его представлении о названной профессии и отношении к ней, о мотивах ее выбора и главное – установить, насколько осознанным и продуманным является проявленный интерес к профессии. В беседу включались косвенные и прямые вопросы (с преимуществом первых).

Ряд авторов, указывая на преимущество использования косвенных вопросов в экспериментальной беседе, рекомендует не ставить вопросов, требующих готовых выводов, а путем выявления отношения испытуемого к отдельным фактам, событиям делать вывод об интересующих качествах личности, т. е. стремиться к тому, чтобы испытуемый в ходе экспериментальной беседы не высказывался непосредственно о себе, а выявлял себя, высказываясь о других людях или предметах, отношение к которым показательно для него и существенно с точки зрения стоящей перед исследованием задачи.

Данные о профессии родителей, их трудовых успехах использовались в тех случаях, когда учащиеся мотивом трудовой деятельности и профессиональных интересов выдвигали желание работать по специальности отца или матери, работать совместно с ними или же в качестве источника информации выдвигали наблюде-

ние за работой родителей, их рассказы. Использование этих данных активизировало беседу, делало ее более доступной, конкретной.

Результаты бесед позволили установить, что диапазон и разнообразие профессиональных интересов учащихся старших классов специальной коррекционной школы еще не свидетельствуют о высоком уровне их развития.

Называя интересующие их профессии, учащиеся, особенно шестых классов, исходили из поверхностного представления о них, не могли раскрыть мотивов своих профессионально-трудовых интересов. Стремясь уточнить уровень сформированности мотивации к трудовой деятельности и степень развития высказанного учащимися профессионального интереса, определить, является ли он эпизодическим или более стойким, личностным, мы предлагали учащемуся подобрать для товарища, младшего школьника наиболее интересную профессию, сказать, чем она интересна, что должен уметь делать профессионал. В тех случаях, когда испытуемый указывал в анкете профессию отца или матери как наиболее интересную, мы путем косвенных вопросов по заданной ситуации уточняли, насколько серьезным и сознательным было это заявление. Например, из списка предприятий и указанных вакансий (столяр, повар, слесарь и т. п.) предлагали выбрать желаемое для себя назначение на работу по окончании школы или создать из учащихся класса бригаду для работы в учреждении, предприятии, подобрав себе и каждому члену бригады интересные виды труда и т. п. Следует отметить, что подростки практически не называли указанные в анкете профессии и виды труда, соответствующие этой профессии.

Уточнение мотивов трудовой деятельности и профессионального интереса в процессе беседы свидетельствовало также о низком уровне осознания интереса, ориентированности на какую-либо конкретную доступную профессию. Как правило, учащиеся проявляли интерес лишь к каким-то внешним сторонам профессии, что, как известно, не говорит о наличии мотивации к трудовой деятельности и профессиональных интересов, а является показателем интереса к профессии. Разграничение этих двух понятий принципиально, так как о развитии мотивации к труду свидетельствует активная познавательная деятельность в связи с интересующей профессией. При данном подходе мотивация к труду выступает как результат формирования личности и как важный стимул ее развития.

Наличие мотивации к трудовой деятельности и профессиональных интересов, их осознанность, стойкость мы проверили, сопоставляя высказывания учащихся в анкете с данными независимых характеристик (классного руководителя и учителя профессионально-трудового обучения) о трудовой направленности, активности учащихся и успешности в выполнении трудовых поручений, данных дневников психолого-педагогического сопровождения.

Действительно существенными мы считали те интересы, когда совпадала высокая оценка по профессионально-трудовому обучению с положительной характеристикой классного руководителя и учителя профессионально-трудового обучения, данными дневника психолого-педагогического сопровождения. В характеристиках и дневнике психолого-педагогического сопровождения учитывались данные об увлечениях,

трудовых делах, связанных с профессией, вызывающей интерес ребенка. Обобщенный количественный анализ полученных данных представлен в таблице 3. Таким образом, если даже учесть некоторый допуск условности в количественных данных, то можно отметить тот факт, что интерес к одной из доступных профессий отмечается у всех учащихся, но мотивация к конкретному выбранному виду профессиональной деятельности недостаточно сформирована, что отражено в таблице 3.

Данные таблицы об уровне мотивации к трудовой деятельности учащихся старших классов школ для детей с нарушением интеллекта полностью подтверждают результаты экспериментальных бесед.

Результаты проведенных исследований дают нам основание сделать выводы о том, что у детей с нарушением познавательной сферы мотивы осуществления

профессионально-трудовой деятельности незрелы, характеризуются нестабильностью, малой устойчивостью, недостаточной осознанностью, у них практически отсутствует или слабо выражена профессиональная направленность, мотивация к осуществлению трудовой деятельности практически не сформирована. У учащихся коррекционных школ при низком уровне трудовой мотивации в основном преобладают интересы к отдельным, часто внешним качествам профессии над профессиональными интересами, следовательно, существует необходимость целенаправленной психолого-педагогической работы по формированию мотивации к трудовой деятельности на протяжении всего периода обучения подростков с отклонениями в интеллектуальном развитии.

Таблица 3

Выраженность профессиональных интересов и мотивов у подростков с нарушением интеллектуальной сферы

<i>Профессии</i>	<i>Профессиональные интересы (названные)</i>	<i>Профессиональные мотивы (действительно существующие)</i>
Столяр	48	3 (1%)
Швея	58	6 (2%)
Штукатур-маляр	56	9 (3%)
Сапожник	23	1 (0,1%)
Повар	25	-
Токарь	18	-
Переплетчик	6	-
Слесарь (автослесарь)	66	12 (4%)
Всего:	300	31 (10, 1%)

Литература

1. Божович, Л. И. Изучение мотивации поведения детей и подростков [Текст] / Л. И. Божович. – М., 1972. – 286 с.
2. Егоршин, А. П. Мотивация трудовой деятельности (учебное пособие) [Текст] / А. П. Егоршин – М.: Инфра-М, 2006. – 464 с.
3. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения: уч. пособие [Текст] / Е. А. Климов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
4. Пряхников, Н. С. Профориентация в школе: игры, упражнения, опросники (8 – 11 классы) [Текст] / Н. С. Пряхников. – М.: Вако, 2005. – 288 с.
5. Сидорова, М. М. Трудовая адаптация учащихся с нарушениями развития в рамках школьного трудового центра / М. М. Сидорова // Дефектология. – 2004. – № 3.
6. Современная психология мотивации / ред. Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2002. – 344 с.
7. Хохлина, Е. П. Исследование психолого-педагогических основ коррекционной направленности трудового обучения учащихся с ограниченными умственными возможностями / Е. П. Хохлина // Дефектология. – 2003. – № 2.

Информация об авторе:

Ланина Екатерина Михайловна – аспирант кафедры СПиПСТ, КемГУ, ekaterina-lanin@mail.ru.

Lanina Ekaterina Mikhailovna – post-graduate student at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies of KemSU.

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ КОМПОНЕНТОВ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗА, ВОСПИТЫВАВШИХСЯ ВНЕ РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ

М. А. Ляхова

VALUE COMPONENT PECULIARITIES OF LIFE STRATEGIES OF UNIVERSITY STUDENTS RAISED WITHOUT PARENTS' FAMILY

M. A. Lyakhova

Статья посвящена исследованию ценностных компонентов жизненных стратегий студентов вуза. Рассмотрены ценностные компоненты фаталистической, конформистской, целеустремленной жизненных стратегий личности студентов вуза, дана их психологическая характеристика. Проведен сравнительный анализ ценностных компонентов жизненных стратегий студентов вуза в зависимости от условий воспитания (полная семья, неполная семья, студенты-сироты, воспитывавшиеся в интернатном учреждении, студенты-сироты, воспитывавшиеся опекунами).

This article is devoted to the exploration of value components of life strategies for university students. Value components of students' fatalistic, conformist and purposeful life strategies are considered, their psychological characteristics are provided. Comparative analysis of value components of university students' life strategies based on conditions (full family, single parent family, orphan students in boarding institutions, orphans students raised by guardians).

Ключевые слова: ценностные ориентации, ценностный компонент, жизненные стратегии, студенты-сироты.

Keywords: value orientation, value component, life strategies, orphan students.

Значимыми характеристиками постмодернистского социума становятся трансформационные процессы сфер общественной жизни, следствием которых является изменение ценностных ориентаций, появление новых социальных норм, правил и образцов социального поведения, изменяются социальные представления, отношения, ожидания и идеалы, на которые начинают ориентироваться личность и разные социальные группы [3; 19; 11; 17; 20, с. 37 – 44]. Закономерно, что в постнеклассической науке все большее внимание уделяется проблемам трансформации ценностного сознания. Сегодня ценности рассматриваются как ориентиры, составляющие своего рода «культурную матрицу», нечто вроде генома культуры, который обеспечивает воспроизводство и развитие социальной жизни на определенных основаниях. Данный подход предполагает соотношение получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами [23].

Ценностные ориентации являются одной из характеристик личности, определяющих ее мировоззрение, жизненную направленность, общественное поведение, основные тенденции развития [11]. Одновременно ценностные ориентации являются важнейшим компонентом жизненной стратегии личности. Личность формирует жизненную стратегию в соответствии с иерархией своих ценностных ориентаций [6; 12; 13]. Обращение к жизненным стратегиям приобретает особую актуальность в обществе, находящемся в состоянии перехода от одной системы общественных отношений к другой, поскольку в условиях отсутствия единых мировоззренческих позиций важным фактором, определяющим успешность личности, становится повышение роли субъективного начала в выборе жизненных стратегий [5, с. 93 – 103; 22, с. 129 – 14]. Социальная ситуация развития, разрушая привычные способы жизни, изменяя систему индивидуальных приоритетов и ценностей человека, стиль его жизни, приводя к исчезновению одних и появлению других форм деятельности, создает возможности превращения человека из субъекта деятельности в субъекта жизни, творца своего жизненного пути и собственной судьбы [9].

В современных исследованиях (В. В. Барабанова, О. С. Васильева, О. А. Воронина, Е. А. Демченко,

М. Е. Зеленова, Д. А. Леонтьев, Е. В. Шелобанова и др.) отмечается, что способность к построению и выбору жизненной стратегии приобретает особую значимость в юношеском возрасте, поскольку стартовые позиции, достигнутые в самом начале жизненного пути, являются предпосылкой для дальнейшей самореализации молодых людей. Однако, несмотря на то, что в юношеском возрасте есть все необходимые предпосылки для формирования жизненной стратегии личности, самостоятельное планирование, структурирование будущего происходит недостаточно эффективно [5, с. 93 – 103]. События последних двадцати лет в России привели к тому, что у большинства молодежи выявляется отсутствие какой-либо более или менее четкой картины мира, системы ценностей, норм и установок [20, с. 37 – 44].

Переход к постмодернистскому обществу характеризуется существенными изменениями в сфере семейных отношений, происходит снижение значимости семьи как агента социализации. Следствием является трансформация процесса социализации, перенос основных социализирующих функций с родителей на другие агенты социализации [30, с. 9 – 22]. Одним из таких агентов выступает воспитательно-образовательная среда вуза. Образовательный процесс вуза направлен на создание условий для индивидуального развития, воспитания самостоятельности, личной ответственности, становление личности студента.

В этой связи особую актуальность приобретает изучение жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи, поскольку в ситуации утраты семьи самостоятельное построение жизненной стратегии является малоэффективным.

Обращаясь к данному аспекту, исследователи в основном ограничиваются периодом детства и отрочества (М. Б. Богатырева, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых, Л. М. Шипицына, И. И. Шурыгина, А. С. Шубина). Существует ограниченное количество работ, посвященных жизненным стратегиям студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи (М. С. Астоянц и О. А. Троицкая, О. Н. Вендина, Л. В. Гаращенко, Л. А. Жилина, И. А. Подольская, Н. В. Присяжная), в которых рассматриваются в основном вопросы материальных выплат студентам-сиротам. Психологические аспекты проблемы жизненных стратегий студентов ву-

за, воспитывавшихся вне родительской семьи, фактически остаются вне поля зрения исследователей.

Очевидно, компенсировать дефекты семейного воспитания может воспитательно-образовательный процесс вуза, одним из направлений которого должна стать помощь в интеграции в самостоятельную жизнь студентов, воспитывавшихся вне родительской семьи. Актуальность исследуемой проблемы, ее недостаточная разработанность, дефицит эмпирических исследований в данной области определили выбор темы, объекта и предмета исследования.

Цель исследования: раскрытие ценностных компонентов жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи.

Гипотеза исследования

1. Ценностные компоненты жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи, имеют свои особенности, которые заключаются в несформированности ценностей социальных отношений.

2. Специально разработанная программа психолого-педагогической поддержки, направленная на интернализацию ценностных компонентов жизненных стратегий личности, позволяет оптимизировать процесс формирования жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи.

В соответствии с поставленной целью и гипотезой были сформулированы следующие задачи:

1. Проанализировать теоретические подходы к изучению проблемы жизненных стратегий личности; описать ценностные компоненты в структуре жизненной стратегии личности; выявить психолого-педагогические факторы, влияющие на их формирование и развитие.

2. Охарактеризовать основные жизненные стратегии студентов вуза и выделить их ценностные компоненты.

3. Выявить особенности ценностных компонентов жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи.

4. Разработать и апробировать программу психолого-педагогической поддержки формирования ценностных компонентов жизненной стратегии личности в процессе обучения в вузе.

Общей теоретической основой исследования явились положения, изложенные в трудах К. А. Абульхановой-Славской, обозначившей стратегию жизни как понятие, объединяющее основные психологические аспекты жизни человека – его личные и профессиональные интересы, его требования и притязания, оценки своих достижений, отстаивание своей индивидуальности.

Конкретными методологическими основаниями исследования выступили следующие концепции:

– субъектно-деятельностный подход, связанный с категорией субъекта и его становлением (К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, Т. Н. Березина, А. В. Брушлинский, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев и др.);

– событийно-онтогенетический подход, раскрывающий основные этапы жизни с этапами онтогенеза и значимыми событиями, происходящими в прошлом, настоящем и будущем конкретной личности (Б. Г. Ананьев, Ш. Бюлер, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, Е. Ю. Коржова);

– представления о влиянии учебно-воспитательной среды на развитие личности (В. В. Давыдов, Д. И. Фельдштейн, Д. Б. Эльконин);

– представления о ценностно-смысловой сфере личности, общих закономерностях ее формирования и функционирования, психолого-педагогических технологиях оптимизации ее развития (А. В. Серый, М. С. Яницкий).

Методы исследования

На различных этапах работы и при решении отдельных задач, поставленных в исследовании, применялся широкий спектр конкретных методов сбора фактического материала и его обработки. В качестве конкретных психодиагностических методик использовались: методика ценностных ориентаций М. Рокича, адаптированная А. А. Гоштаутасом, А. А. Семеновым и В. А. Ядовым и модифицированная Д. А. Леонтьевым; методика Ш. Шварца; методика смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева (СЖО), модифицированная А. В. Серым; методика Р. Инглхарта, модифицированная М. С. Яницким; автобиография будущего, предложенная Г. Оллпортом и Дж. Гиллеспей; анкетный опрос.

При математической обработке экспериментальных данных использовались кластерный анализ, корреляционный анализ и сравнительный анализ с использованием критерия различия средних Стьюдента.

База исследования

Основной экспериментальной базой исследования явился ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (КемГУ). В исследовании приняли участие студенты с 1 по 5 курс в количестве 240 человек, средний возраст испытуемых составил 20 полных лет. Среди испытуемых – 13 % респондентов мужского пола и 87 % – женского. Из них экспериментальную группу составили 62 человека, имеющие статус сироты, и контрольную – 178 человек, воспитывавшихся в родительской семье. Исследование проводилось в период с 2005 по 2011 гг.

В контексте нашей работы, опираясь на Федеральный закон РФ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», под категорией «сирота» мы понимаем лиц в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель, а также лиц, в возрасте от 18 до 23 лет, у которых, когда они находились в возрасте до 18 лет, умерли оба или единственный родитель. Респонденты были разделены на экспериментальную и контрольную группы. Экспериментальная включала 2 подгруппы: первая (ЭГ1) – респонденты, имеющие статус сироты, воспитывавшиеся в интернатном учреждении (n = 25), и вторая (ЭГ2) – респонденты, имеющие статус сироты, воспитывавшиеся опекунами, (n = 37). В контрольной группе выделено 2 подгруппы: первая (КГ1) – респонденты, воспитывавшиеся в полной семье (n = 133), и вторая (КГ2) – респонденты, воспитывавшиеся в неполной семье (n = 45).

Процедура исследования состояла из нескольких этапов. На первом этапе для определения специфики жизненной стратегии на основе кластерного анализа (данные методик М. Рокич, Ш. Шварц, СЖО) нами были выделены три типа жизненной стратегии, которые мы, опираясь на типологическую модель В. Е. Купченко, обозначили как фаталистический, конформистский и целеустремленный. Сравнительный и содержа-

тельный анализ выделенных жизненных стратегий (t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ, количественно-качественный) позволил дать им детальную психологическую характеристику:

1. Первая группа (27,92 %) в большей степени (или в большинстве значимых жизненных ситуаций) ориентирована на *фаталистический тип* стратегии. Данная группа характеризуется невысоким уровнем целеполагания (основные жизненные цели субъекта не сформированы), низкой степенью осмысленности жизни, преобладанием частично конкретизированного образа будущего. Представители данной стратегии убеждены в том, что жизнь не поддается сознательному контролю, что свобода выбора иллюзорна и нет смысла что-то загадывать на будущее, в большинстве ситуаций они подвержены внешнему влиянию, преобладает неверие в способность контролировать события собственной жизни. Процесс жизни взаимосвязан с ценностями безопасности, стимуляции, общественного признания, жизнерадостности. Уверенность в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, связана с высокой значимостью ценностей стимуляции и терпимости. Предпочитаемыми терминальными ценностями являются материально обеспеченная жизнь, здоровье, уверенность в себе, активная деятельная жизнь, любовь, счастливая семейная жизнь. При этом предпочитаемые ценности характеризуются низким уровнем реализованности, т. е. носят дефицитарный характер. Значимыми инструментальными ценностями являются «образованность», «независимость», «ответственность», «жизнерадостность», «эффективность в делах», «воспитанность».

2. Вторая группа (36,66 %) придерживается стратегии *конформистского типа*, такие студенты в большей степени подвержены влиянию со стороны социального окружения. Присутствует уверенность в способности контролировать свою жизнь, принимать решения и воплощать их в жизнь, присутствует удовлетворенность жизнью в целом, склонность оценивать пройденный этап жизни как плодотворный. В целом образ будущего конкретизирован, однако присутствует убежденность, что жизнь управляема, но не самой личностью, а кем-то другим. Осмысленность жизни, наличие целей в жизни взаимосвязаны с высокой значимостью самостоятельности, ответственности, безопасности, конформности и сдержанности. Способность управлять жизнью связана с высокой способностью к сдерживанию действий, которые могут навредить другим людям, не соответствует социальным стандартам. Следовательно, свойственна внешняя ответственность (социальная нормативность, чувство долга, обязательность). Предпочитаемыми терминальными ценностями являются индивидуальные ценности («любовь», «материально обеспеченная жизнь», «уверенность в себе») и ценности личной жизни («любовь», «здоровье», «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших и верных друзей»). Иерархия инструментальных ценностей представлена ценностями: «воспитанность», «образованность», «ответственность», «жизнерадостность», «аккуратность и чистоплотность» и «честность».

3. Третья группа (35,42 %) ориентирована на *целеустремленный тип* стратегии, поскольку в большинстве ситуаций выражена самостоятельность, характерны целеустремленность, склонность брать на себя ответственность, присутствует уверенность в способности кон-

тролировать события своей жизни, свободно принимать решения. Представители группы характеризуются достаточно высокой степенью осмысленности и удовлетворенности жизнью, позитивными ориентациями на будущее, отчетливыми представлениями о том, чего они хотят достичь в жизни и готовностью терпеть трудности и неудобства ради достижения своей цели. Образ будущего конкретизирован. Способность построить свою жизнь в соответствии со своими планами и способность управлять жизнью соответствуют высокой значимости самостоятельности и ответственности. Иерархия значимых терминальных ценностей представлена ценностями личной жизни («любовь», «здоровье», «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших и верных друзей») и индивидуальными ценностями («любовь», «уверенность в себе», «активная деятельная жизнь»). Предпочитаемыми инструментальными ценностями являются «жизнерадостность», «ответственность», «образованность», «независимость», «воспитанность», «аккуратность и чистоплотность». Осмысленность жизни взаимосвязана с общественным признанием, ответственностью. Цели в будущем взаимосвязаны с благополучием близких людей, общественным признанием. Пройденный отрезок жизни оценивается как положительный при высокой значимости общественного признания и широты взглядов.

На втором этапе для проверки гипотезы проведен анализ различий обеих экспериментальных и контрольных групп (t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ, количественно-качественный анализ). Студенты, имеющие статус сироты, воспитывавшиеся в интернатном учреждении, ориентированы на ценности «интересная работа» и «широта взглядов», при этом для них характерна исполнительность, доброта и конформность. Студенты, имеющие статус сироты, воспитывавшиеся опекунами, ориентированы на социальный статус, доминирование над людьми, жизненную мудрость, жизнерадостность, рационализм, но при этом у них присутствует неспособность к отстаиванию своего мнения. Для студентов, воспитывавшихся в полной семье, характерны целеустремленность, самостоятельность, ответственность, самоконтроль, смелость в отстаивании своего мнения, значимость ценностей развития и достижений. Студенты, воспитывавшиеся в неполной семье, демонстрируют значимость сохранения и поддержания благополучия близких людей, терпимости, чуткости, счастливой семейной жизни и ответственности.

Сравнительный анализ исследуемых групп позволил сделать вывод, что ценностные компоненты жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи, имеют свои особенности. Ситуация утраты семьи сказывается на меньшей значимости ценностей межличностных отношений (наличие хороших и верных друзей; различия ЭГ1 и КГ1 при $p < 0,03$; различия ЭГ1 и КГ2 при $p < 0,02$), счастливой семейной жизни (различия ЭГ1 и КГ при $p < 0,01$). В системе ценностей значимы только ценности профессиональной реализации, другие сферы жизни личности игнорируются. Студенты, воспитывавшиеся вне родительской семьи, относят к безразличным ценности «ответственность» и «воспитанность» (различия ЭГ1 и КГ1 при $p < 0,001$; различия ЭГ1 и КГ2 при $p < 0,02$), в отличие от других групп отвергают ценность «честность» (различия ЭГ1 и ЭГ2 при $p < 0,01$; различия ЭГ1 и КГ1 при

$p < 0,04$; различия ЭГ1 и КГ2 при $p < 0,004$). Результаты корреляционного анализа показали отсутствие положительной взаимосвязи между результативностью жизни и ценностью «ответственность», что говорит о том, что студенты, воспитывавшиеся в интернатном учреждении, не готовы брать на себя ответственность за принимаемые решения. Студенты, воспитывавшиеся вне родительской семьи, характеризуются низкой степенью осмысленности жизни, убежденностью, что жизнь неподвластна сознательному контролю. Для большинства характерна неудовлетворенность прожитой частью жизни, отсутствие жизненных перспектив, в поведении проявляется подчинение требованиям группы, выражена конформность и неспособность принятия стратегических решений. Образ будущих студентов, воспитывавшихся вне родительской семьи, практически не наполнен событиями.

Представленность описываемых жизненных стратегий в исследуемых группах отражена на рис. 1.

Большинство студентов, имеющих статус сироты, воспитывавшихся в интернатном учреждении, относятся к фаталистическому типу, который характеризуется предопределенностью жизни, неспособностью ею

управлять, отсутствием жизненных целей, низким уровнем удовлетворенности жизнью. Студенты, имеющие статус сироты, воспитывавшиеся опекунами и студенты, воспитывавшиеся в неполной семье, ориентированы на стратегию конформистского типа. У студентов, воспитывавшихся в полной семье, чаще наблюдается целеустремленный тип жизненной стратегии, характеризующийся самостоятельностью, склонностью брать ответственность за свои решения и поступки, способностью контролировать события своей жизни и свободно принимать решения.

Следовательно, отсутствие влияния семьи приводит к несформированности основных жизненных целей субъекта, низкой степени осмысленности жизни, убежденности, что жизнь неподвластна сознательному контролю. Присутствует убежденность, что жизнь управляема не самой личностью, а кем-то другим, выражена подверженность внешнему влиянию, преобладает неверие в способность стать субъектом своей жизни. Из этого следует, что студенты, воспитывавшиеся вне родительской семьи, нуждаются в особой психолого-педагогической поддержке.

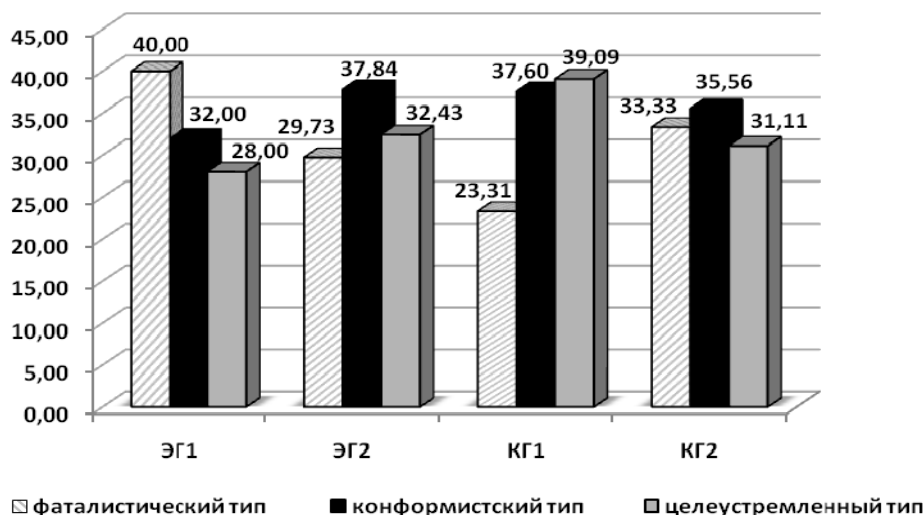

Рис. 1. Представленность жизненных стратегий в исследуемых группах (%)

Основываясь на модели обучения, предложенной А. В. Серым и М. С. Яницким, нами была разработана и реализована программа психолого-педагогической поддержки, направленная на интернализацию ценностных компонентов жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи. В процессе индивидуальной работы мы учитывали подход к личностному консультированию в русле постнеклассической психологии, предложенный А. В. Серым.

Реализация разработанной нами программы осуществлялась совместно с Психологической лабораторией

Управления социологического и психологического сопровождения и развития карьеры и Управлением социальной и воспитательной работы КемГУ. В данных мероприятиях приняли участие студенты экспериментальной группы, имеющие статус сироты ($n = 62$). Индивидуальные и групповые занятия проводились с периодичностью один раз в месяц в течение четырех лет. Результаты проведенных индивидуальных и групповых занятий позволили представить динамику жизненных стратегий студентов вуза (рис. 2 – 4).

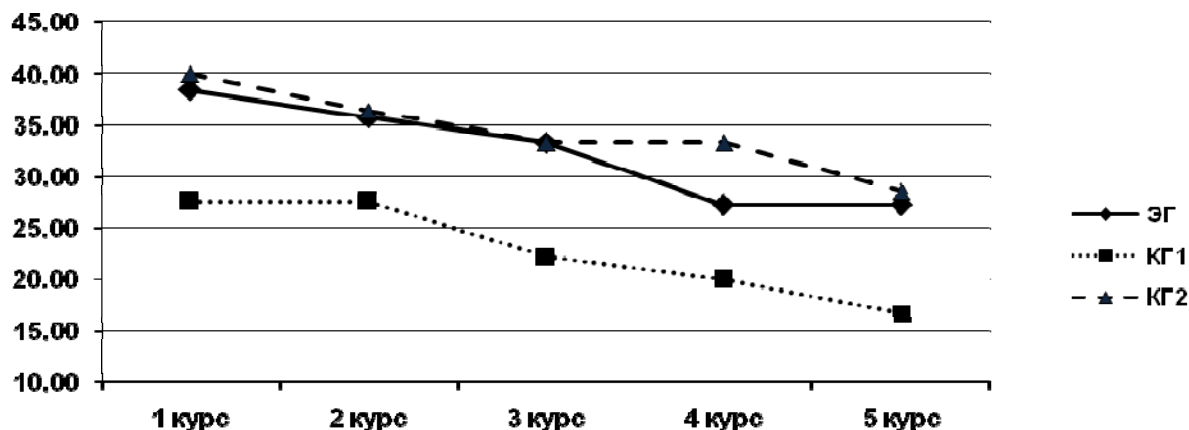

Рис. 2. Представленность фаталистического типа жизненной стратегии в зависимости от курса обучения (%)

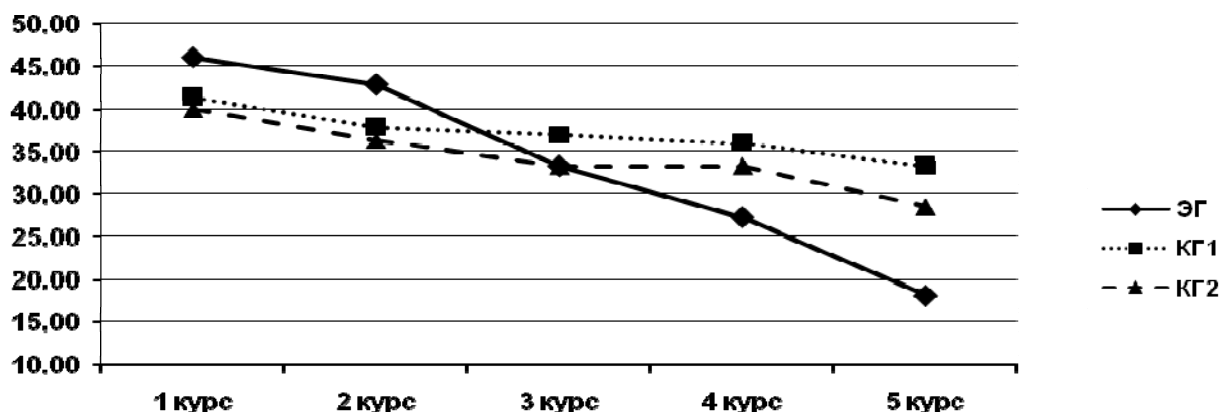

Рис. 3. Представленность конформистского типа жизненной стратегии в зависимости от курса обучения (%)

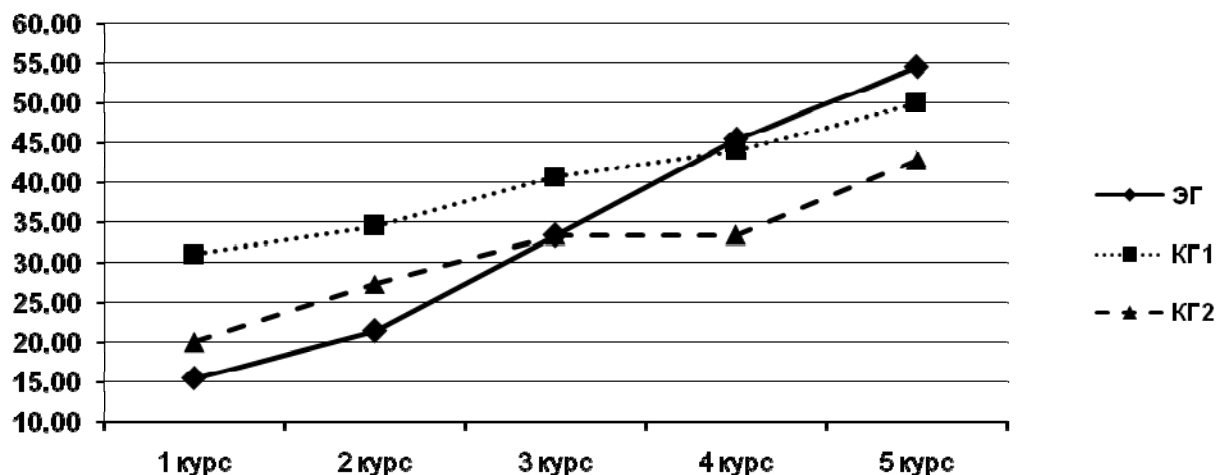

Рис. 4. Представленность целеустремленного типа жизненной стратегии в зависимости от курса обучения (%)

Как следует из приведенных данных, во всей выборке студентов произошли позитивные изменения в ценностных компонентах жизненной стратегии. При этом в ценностных компонентах жизненных стратегий студентов, воспитывавшихся вне родительской семьи, изменения оказались наиболее существенными. При поступлении на первый курс обучения преобладающими типами жизненной стратегии у них являлись конформистский и фаталистический. На втором курсе происходит снижение доли фаталистического и конформистского типов стратегий, при этом доля целеустремленного типа увеличивается. Тенденция уменьшения фаталистического и конформистского типов и увеличения целеустремленного типа отмечается и на третьем курсе. К четвертому курсу преобладающим типом жизненной стратегии становится целеустремленный, при этом доля фаталистического и конформистского типов заметно сокращается. К пятому курсу происходят дальнейшие изменения жизненной стратегии. Снижается доля студентов, ориентированных на конформистский

мистского типов стратегий, при этом доля целеустремленного типа увеличивается. Тенденция уменьшения фаталистического и конформистского типов и увеличения целеустремленного типа отмечается и на третьем курсе. К четвертому курсу преобладающим типом жизненной стратегии становится целеустремленный, при этом доля фаталистического и конформистского типов заметно сокращается. К пятому курсу происходят дальнейшие изменения жизненной стратегии. Снижается доля студентов, ориентированных на конформистский

тип жизненной стратегии. Отмечается преобладание студентов, ориентированных на целеустремленный тип жизненной стратегии, характеризующийся самостоятельностью, целеустремленностью, четким целеполаганием, способностью принимать решения и нести за них ответственность, уверенностью в способности контролировать события своей жизни, следовательно, быть субъектом собственной жизни. Важно заметить, что, несмотря на динамику увеличения целеустремленного типа жизненной стратегии в обеих контрольных группах, данные изменения не столь существенны по сравнению с группой студентов, воспитывавшихся вне родительской семьи, с которыми проводилась индивидуальная и групповая работа.

Таким образом, результаты апробации программы подтверждают ее эффективность и позволяют сделать вывод, что целенаправленная психолого-педагогическая поддержка в ходе реализации воспитательно-образовательного процесса вуза способствует переориентации на целеустремленный тип жизненной стратегии. В ходе реализованных нами мероприятий произошли заметные изменения в ценностных компонентах жизненной стратегии студентов, воспитывавшихся вне родительской семьи. Происходит развитие навыков, необходимых для саморазвития и самореализации, повышается способность к самостоятельному принятию решений в ситуации жизненного выбора и степень субъективной ответственности при принятии решений. Следовательно, образовательная среда вуза влияет на формирование ценностных компонентов жизненной стратегии студентов. Индивидуальные и групповые занятия в рамках учебно-воспитательной среды вуза, направленные на интернализацию ценностных компонентов жизненной стратегии личности, создают оптимальные условия для формирования жизненных стратегий личности.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Структура жизненной стратегии личности включает в качестве компонентов: ценностные ориентации личности, жизненные цели, средства и способы достижения целей (наличие/отсутствие), смысл жизни (наличие/отсутствие), представления о прошлом, настоящем и будущем, активность, самостоятельность, инициативность, ответственность, удовлетворенность жизнью. Основным в структуре жизненной стратегии является ценностный компонент, интегрирующий способность к целеполаганию, основные цели личности, средства и способы достижения поставленных целей, способность преодолевать трудности на пути достижения целей, а также совокупность представлений о прошлом, настоящем и будущем.

2. Основные жизненные стратегии студентов вуза различаются содержанием их ценностных компонентов:

- *Фаталистический тип* характеризуется несформированностью основных жизненных целей, низкой степенью осмысленности и удовлетворенности жизнью, преобладанием частично конкретизированного образа будущего. Отмечается подверженность внешнему влиянию, убежденность в неспособности контролировать свою жизнь. Предпочитаемыми терминальными ценностями являются материально обеспеченная жизнь, здоровье, уверенность в себе, активная деятельная жизнь, любовь и счастливая семейная жизнь. При

этом предпочитаемые ценности характеризуются низким уровнем реализованности, т. е. носят дефицитарный характер. Значимыми инструментальными ценностями являются «образованность», «независимость», «ответственность», «жизнерадостность», «эффективность в делах», «воспитанность».

- *Конформистский тип* подвержен влиянию социального окружения, отличается неуверенностью в способности контролировать свою жизнь и нести ответственность за свои решения. Отмечается достаточно высокая степень осмысленности и удовлетворенности жизнью в целом, склонность к позитивному планированию будущего, однако присутствует убежденность, что жизнь подвержена внешнему контролю. Данной группе студентов свойственна внешняя ответственность (социальная нормативность, чувство долга, обязательность). Предпочитаемые терминальные ценности представлены основными блоками: индивидуальные («любовь», «материально обеспеченная жизнь», «уверенность в себе») и ценности личной жизни («любовь», «здоровье», «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших и верных друзей»). Иерархия инструментальных ценностей представлена ценностями «воспитанность», «образованность», «ответственность», «жизнерадостность», «аккуратность и чистоплотность» и «честность».

- *Целеустремленный тип* – характеризуется убежденностью в способности контролировать свою жизнь, брать на себя ответственность за свои действия и поступки, проявлением самостоятельности, высокой степенью осмысленности и удовлетворенности жизнью, ощущением продуктивности прожитой жизни, удовлетворенности настоящим, позитивным видением будущего, которое четко планируется, способностью контролировать события своей жизни. Осмысленность жизни, наличие целей в будущем связаны с высокой значимостью ответственности и общественного признания. Иерархия значимых терминальных ценностей представлена блоками: личной жизни («любовь», «здоровье», «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших и верных друзей») и индивидуальных ценностей («любовь», «уверенность в себе», «активная деятельная жизнь»). Предпочитаемыми инструментальными ценностями являются «жизнерадостность», «ответственность», «образованность», «независимость», «воспитанность», «аккуратность и чистоплотность». Осмысленность жизни взаимосвязана с общественным признанием, ответственностью. Цели в будущем взаимосвязаны с благополучием близких людей, общественным признанием. Пройденный отрезок жизни оценивается как положительный при высокой значимости общественного признания и широты взглядов.

3. Ценностные компоненты жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи, имеют свои особенности. Студенты, имеющие статус сироты, воспитывавшиеся в интернатном учреждении, рассматривают ценности профессиональной самореализации как главные. В ситуации утраты семьи ценности межличностных отношений (наличие хороших и верных друзей), счастливой семейной жизни становятся незначимыми. Данная группа студентов относит к безразличным ценности «ответственность» и «воспитанность», отвергает ценность «честность». Для этих студентов характерна низкая степень осмысленности жизни, конформность, отсутствие жизненных перспектив, убежденность, что жизнь неподвластна созна-

тельному контролю, невысокий уровень целеполагания. Отсутствует взаимосвязь результативности жизни и ценности «ответственность», что говорит о том, что респонденты, воспитывавшиеся в интернатном учреждении, не способны брать на себя ответственность за принимаемые решения. Для студентов, воспитывавшихся в интернатном учреждении, основным является фаталистический тип жизненной стратегии, который характеризуется предопределенностью жизни, неспособностью ею управлять, отсутствием жизненных целей, низким уровнем удовлетворенности жизнью. Для студентов, имеющих статус сироты, воспитывавшихся опекунами, характерна целеустремленность, восприятие процесса жизни как эмоционально насыщенного, наполненного смыслом. Присутствует убежденность в способности построить свою жизнь в соответствии с собственными целями и планами, а также в возможности контролировать свою жизнь. Данной группе присуща ориентация на социальный статус, доминирование над людьми, жизненная мудрость, жизнерадостность, рационализм, но при этом присутствует неспособность к отстаиванию своего мнения. Эти студенты в большинстве случаев придерживаются стратегии конформистского типа.

4. Целеустремленный тип жизненной стратегии, характеризующийся самостоятельностью, склонностью брать ответственность за свои решения и поступки, способностью контролировать события своей жизни и свободно принимать решения, больше выражен у респондентов, воспитывавшихся в полной семье. Следовательно, отсутствие влияния семьи приводит к несформированности основных жизненных целей субъекта, низкой степени осмысленности жизни, убежденности, что жизнь неподвластна сознательному контролю. Присутствует убежденность, что жизнь управляема не самой личностью, а кем-то другим, выражена подверженность внешнему влиянию, преобладает неверие в способность стать субъектом своей жизни.

5. Психолого-педагогическая поддержка формирования ценностных компонентов жизненной стратегии личности в процессе обучения в вузе может осуществляться в рамках индивидуальных и групповых занятий. Психологическое тренинговое обучение в учебно-

воспитательной среде вуза способствует развитию субъективных качеств, созданию условий для саморазвития и самореализации личности, повышается способность к самостоятельному принятию решений в ситуации жизненного выбора, повышается степень ответственности при принятии решений, готовность стать субъектом собственной жизни. Также поддержка может осуществляться при помощи психологического просвещения, консультирования, групповой работы. В отдельную категорию следует выделять студентов, воспитывавшихся вне семьи, поскольку в ситуации утраты семьи самостоятельное построение жизненной стратегии затруднительно.

6. Основные результаты исследования могут быть использованы при организации воспитательно-образовательного процесса в вузе. Следует учитывать семейные условия, которые оказывают влияние на формирование ценностных компонентов жизненной стратегии личности. Как показало наше исследование, студенты, воспитывавшиеся вне родительской семьи, игнорируют ценности межличностных отношений. Помимо материальных выплат, оказываемых студентам, имеющим статус сироты, в первую очередь данной категории должна быть оказана психологическая поддержка. Компенсировать дефекты семейного воспитания может психологическая служба вуза, одним из основных направлений которой должна стать помощь в интеграции в самостоятельную жизнь студентов, воспитывавшихся вне родительской семьи, поскольку возможны затруднения самореализации в сфере межличностных отношений. Следовательно, работа должна быть направлена на выяснение представлений о различных сферах жизни, поскольку при субъективном ощущении невозможности повлиять на свою судьбу личность выбирает непродуктивные стратегии, оказывается неспособной противостоять трудностям, встречающимся на ее пути. Проведенное нами исследование не претендует на исчерпывающее решение рассматриваемой проблемы. Анализ ценностных компонентов жизненной стратегии личности, проведенный в данной работе, может служить дальнейшей предпосылкой изучения жизненного пути личности.

Литература

1. Абульханова, К. А. Время личности и время жизни [Текст] / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
2. Ананьев, Б. Г. Психология и проблемы человекознания: избранные психологические труды [Текст] / Б. Г. Ананьев; под. ред. А. А. Бодалева. – Москва; Воронеж, 2005. – 432 с.
3. Баева, Л. В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории [Текст] / Л. В. Баева: монография. – Астрахань, 2004. – 277 с.
4. Барабанова, В. В. Представления студентов о будущем как аспект их личностного и профессионального самоопределения [Текст] / В. В. Барабанова, М. Е. Зеленова // Психологическая наука и образование. – 2002. – № 2.
5. Белугина, М. А. Жизненные стратегии у современных студентов: опыт психологического исследования [Текст] / М. А. Белугина // Психология в вузе. – 2008. – № 6.
6. Васильева, О. С. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека [Текст] / О. С. Васильева, Е. А. Демченко // Вопросы психологии. – 2001. – Март-апрель.
7. Воронина, О. А. Жизненные стратегии как фактор отношения студентов к учебной деятельности [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / О. А. Воронина. – Курск, 2008. – 22 с.
8. Головаха, Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи [Текст] / Е. И. Головаха. – Киев: Наукова думка, 1988. – 142 с.
9. Гришина, Н. В. Психология жизненного пути [Текст] / Н. В. Гришина // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28. – № 5.
10. Давыдов, В. В. Теория развивающего обучения [Текст] / В. В. Давыдов. – М.: ИНТОР, 1996. – 554 с.

11. Журавлева, Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе [Текст] / Н. А. Журавлева. – М.: Институт психологии РАН, 2006. – 335 с.
12. Кодесс, П. Б. Особенности формирования жизненной стратегии старшеклассников: автореф. дис. ...канд. психол.наук / П. Б. Кодесс. – М., 2005. – 24 с.
13. Кормакова, В. Н. Проектирование жизненных стратегий как условие профессионально-личностного самоопределения старшеклассников [Текст] / В. Н. Кормакова // Образование и общество.– 2009. – № 1. – Режим доступа: <http://www.education.rekom.ru>.
14. Купченко, В. Е. Возрастные особенности типологии жизненных стратегий [Текст] / В. Е. Купченко // Психология человека в современном мире. – Т. 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15 – 16 октября 2009 г.) / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Барабанщиков, М. И. Воловикова. – М.: Институт психологии РАН, 2009.
15. Купченко, В. Е. Типологии жизненных стратегий [Электронный ресурс] / В. Е. Купченко.– Режим доступа: <http://www.el-history.ru/node/588>.
16. Леонтьев, Д. А. Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего [Текст] / Д. А. Леонтьев, Е. В. Шелобанова // Вопросы психологии. – 2001. – № 1.
17. Петров, А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений [Текст] / А. В. Петров // Социологические исследования. – 2008. – № 2 (286).
18. Прихожан, А. М. Психология сиротства [Текст] / А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2005. – 400 с.
19. Психология личностных проявлений в процессе жизнеосуществления человека [Текст]: монография / под ред. Л. Д. Деминой, И. А. Ральниковой, Д. В. Труевцева. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. – 359 с.
20. Семенов, В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи [Текст] / В. Е. Семенов // Социологические исследования. – 2007. – № 4 (276).
21. Серый, А. В. Работа со смыслами как сущностная основа личностного консультирования в постнеклассической психологии [Текст] / А. В. Серый // Постнеклассическая практическая психология: региональный опыт; коллективная монография / под ред. М. С. Яницкого, Ю. В. Пелеха. – Тернополь: Навчальна книга – Богдан, 2011.
22. Созонтов, А. Е. Жизненные стратегии современной студенческой молодежи большого города [Текст] / А. Е. Созонтов // Журнал практического психолога. – 2007. – № 5.
23. Степин, В. С. Теоретическое знание [Текст] / В. С. Степин. – М., 2000. – 774 с.
24. Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». – 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ (с изменениями от 8 февраля 1998 г., 7 августа 2000 г., 8 апреля 2002 г.).
25. Шипицына, Л. М. Психология детей-сирот [Текст]: учебное пособие / Л. М. Шипицына. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 628 с.
26. Шубина, А. С. Особенности формирования родительской сферы личности у детей, воспитывающихся в условиях детского дома [Текст] / А. С.Шубина // Перинатальная психология и психология родительства. – 2008. – № 1.
27. Шульга, Т. И. Смыслжизненные ориентации выпускников интернатных учреждений [Текст] / Т. И. Шульга // Вестник МГОУ. Психологические науки. – 2010. – № 1.
28. Эльконин, Д. Б. Избранные психологические труды [Текст] / Д. Б. Эльконин. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.
29. Яницкий, М. С. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности [Текст]: учебное пособие / М. С. Яницкий, А. В. Серый. – Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2010. – 102 с.
30. Яницкий, М. С. Психологические проблемы постмодернистского общества и постнеклассическая практическая психология [Текст] / М. С. Яницкий, М. С. Иванов // Постнеклассическая практическая психология: региональный опыт: коллективная монография /под ред. М. С. Яницкого, Ю. В. Пелеха. – Тернополь: Навчальна книга – Богдан, 2011.

Информация об авторе:

Ляхова Марина Анатольевна – ассистент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий, КемГУ, 8(384-2) 58-12-90.

Lyakhova Marina Anatolievna – Lecturer at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies of KemSU.

ХАРАКТЕР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЙ ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПО КОНТРАКТУ

Ю. Ю. Неяскина

PROFESSIONAL ACTIVITY TYPE AS A FORMATIVE FACTOR OF THE SERVICEMEN'S TIME PERSPECTIVE PECULIARITIES

Yu. Yu. Neyaskina

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант №12-06-90710-моб_ст.

В статье описана специфика временной перспективы личности и осмысленности компонентов временного континуума у военнослужащих-контрактников, проходящих службу на территории Камчатского края. Анализируются как общие закономерности восприятия времени собственной жизни военнослужащими по контракту, так и особенности, обусловленные влиянием характера профессиональной деятельности. Показано, что особенности отношения к настоящему не специфичны для военнослужащих – представителей разных профессиональных групп, в то время как отношение к будущему и характер его осмысления определяется непосредственными условиями несения воинской службы.

The article describes such psychological phenomena of Kamchatka region servicemen as some peculiarities of their time perspective and time continuum components realization. The author analyses both common patterns of the life-time perception among the servicemen and their peculiarities formed by the type of military professional activity. The results of the research show that the servicemen from different professional groups don't demonstrate any special attitude towards present time, but their attitude to the future is formed by the direct conditions of their military service.

Ключевые слова: временная перспектива личности, осмысленность будущего, удовлетворенность прошлым, эмоциональная насыщенность настоящего, сценарий отложенной жизни.

Keywords: temporal perspective, future time realisation, satisfaction of the past, emotional saturation of the present, delayed life scenario.

Временная перспектива военнослужащих по контракту представляет интерес как самостоятельный предмет психологического изучения. Сама по себе система контрактной службы предполагает, с одной стороны, жесткую регламентированность, нормативность жизни, строгие рамки жизнедеятельности, с другой – определенную временность такой регламентированности (знание о том, что с момента окончания службы по контракту жизнь неминуемо изменится). Многие «жизненные» проблемы, с которыми сталкивается военнослужащий, решаются им исходя из «навязанного» профессиональным статусом отношения ко времени своей жизни в контексте соотношения настоящего и будущего. Военная пенсия, как инвариантное событие временной перспективы военнослужащего, часто разделяет жизнь на «до» и «после», дифференцируя жизненные планы военнослужащих по этому критерию.

Эмпирическое изучение любых профессиональных выборок неминуемо порождает сомнения корректности подбора контрольной группы, которая, как правило, формируется по принципу «иной вид деятельности». В ситуации изучения психологических особенностей профессиональных военнослужащих вопрос подбора контрольной группы имеет, на первый взгляд, достаточно формализованное решение: очевидно, что основополагающим становится критерий «принадлежность к гражданским профессиям», сама по себе профессиональная причастность к тому или иному типу и роду деятельности (по предмету этой деятельности) отступает на второй план. Вместе с тем вопрос корректности сравнения лиц, не причастных к системе воинской службы, и военнослужащих остается открытым ввиду того, что профессиональная деятельность последних выходит за пределы собственно «деятельности в профессии», накладывая существенный отпечаток на сам образ жизни представителей военной структуры. Мы

полагаем, что сравнение военнослужащих и представителей т. н. «гражданского» населения позволит выявить лишь некоторые отличительные механизмы построения временной перспективы и осмысления прошлого, настоящего и будущего респондентами обеих групп, однако для более детального описания специфики протекания жизни в контексте временного континуума необходимо сравнение между собой различных профессиональных подгрупп представителей военной профессии.

На первом этапе исследования проверялась гипотеза о наличии симптоматики сценария отложенной жизни (феномен отложенной жизни описан В. П. Серкиным) у военнослужащих, проявляющегося в доминирующей ориентации на будущее и противоречивом отношении к настоящему (с одной стороны, стабильность денежного содержания снижает остроту бытовых и финансовых проблем, с другой – присутствует определенная неудовлетворенность своей жизнью в настоящем, недостаточность интереса к текущему процессу жизни и низкая эмоциональная насыщенность настоящего момента жизни) [3, с. 234 – 238]. Следует отметить, что данная гипотеза находила свое подтверждение при проведении пилотных исследований на отдельных профессиональных выборках военнослужащих по контракту. Для проверки гипотезы осуществлялось сравнение объединенной выборки военнослужащих по контракту (представители разных частей и родов войск, всего 145 человек) и контрольной группы (гражданские лица, мужчины в возрасте от 26 до 40 лет, всего 56 человек).

Единственным параметром временной перспективы, по которой группы значительно различаются, оказалась шкала «Будущее» методики временных ориентаций Ф. Зимбардо (в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной). Различия, однако, носят противоположный нашему первичному предположению харак-

тер: позитивные установки на будущее у представителей экспериментальной группы («военнослужащие по контракту») оказались менее выраженными ($t = 3,8^{**}$).

Более низкий уровень позитивных установок на будущее у военнослужащих с определенной долей вероятности можно объяснить тем фактом, что неминуемо (рано или поздно) предстоящая война-контрактикам «гражданская» жизнь в данный момент времени субъективно оценивается ими как неизвестная (другая, строящаяся по иным правилам и требующая для полноценного функционирования иных умений и навыков, в том числе профессиональных). Пребывание в пролонгированном состоянии профессиональной и жизненной

определенности (жизнь военнослужащего высоко регламентирована не только в части должностных обязанностей, но и в плане житейских организационных вопросов – служебное жилье, паёк, оплачиваемый отпуск и т. д.) формирует невротичное отношение к будущему, усиливая и без того присущую любой личности тревогу по отношению к ситуации неопределенности.

Сравнение групп по методике смысложизненных ориентаций позволяет говорить о значимых различиях по всем шкалам, за исключением параметра «локус-контроля – Жизнь» (табл. 1).

Таблица 1

Параметры осмысленности жизни в группах военнослужащих по контракту и представителей гражданских профессий (мужчины)

	<i>Военнослужащие (n = 145)</i>	<i>Гражданские (n = 56)</i>	t
Цели	35,3	37,5	$t_{1,2} = 2,7^{**}$
Процесс	32,1	33,9	$t_{1,2} = 2,36^*$
Результат	26,3	27,8	$t_{1,2} = 2,26^*$
Локус-контроля – Я	25,2	26,7	$t_{1,2} = 2,38^*$
Локус-контроля - Жизнь	31,8	30,3	$t_{1,2} = 1,77$
Общая осмысленность жизни	110,48	132,8	$t_{1,2} = 6,63^{**}$

* - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$

Служащие по контракту демонстрируют меньшую удовлетворенность самореализацией и прожитой частью жизни, менее простроенную на уровне смысловой определенности перспективу. Им также не хватает интереса к собственному процессу жизни (ее «настоящему моменту») и эмоциональной насыщенности жизни. С одной стороны, данный факт может быть объяснен формальными ограничениями, присущими военной службе, такими как необходимость заниматься определенным родом деятельности и при этом мириться с теми условиями жизни, которые созданы в конкретной части. С другой стороны, нацеленность в будущее (преобладание показателя «цели» в соотношении со шкалами «процесс» и «результат») снижают у военнослужащих эмоциональную насыщенность жизни в настоящем. С такими выводами согласуются сравнительно низкие значения по шкале «локус-контроля – Я», которые характеризуют военнослужащих как людей, обладающих недостаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими

пожеланиями. Прослеживается определенное неверие респондентов в свои способности контролировать большинство событий собственной жизни. Действительно, многие вещи военнослужащие могут изменить лишь с определенной долей условности (например бытовые условия, коллектив и непосредственно место службы).

Таким образом, гипотеза о том, что специфика временных ориентаций военнослужащих по контракту соотносится с симптоматикой сценария отложенной жизни, была подтверждена лишь частично (в части «неприсутствия» личности в своем «настоящем»). Специфическое отношение военнослужащих к настоящему моменту жизни подтвердили также результаты факторного анализа, проведенного нами для изучения структуры взаимосвязей между параметрами осмысленности жизни и компонентами временной перспективы военнослужащих и представителей гражданских профессий (таблица 2).

Структура взаимосвязи параметров временной перспективы и показателей осмысленности жизни в группах военнослужащих по контракту и гражданских лиц

<i>Военнослужащие по контракту (n = 145) 62,48 % суммарной дисперсии</i>	<i>Гражданские лица (n = 56) 70,99 % суммарной дисперсии</i>
ФАКТОР 1 (37,8 %) – Локус-контроля – Жизнь (0,8) – Локус-контроля – Я (0,76) – Цели (0,73) – Результат (0,68) – Негативное прошлое (-0,4)	ФАКТОР 1 (25,7 %) – ОЖ (0,89) – Будущее (0,71) – Процесс (0,69) – Фаталистическое настоящее (-0,58)
ФАКТОР 2 (14,2 %) – Гедонистическое настоящее (0,79) – Будущее (-0,72) – Позитивное прошлое (-0,64) – Фаталистическое настоящее (0,58)	ФАКТОР 2 (22,4 %) – Локус-контроля – Я (0,8) – Цели (0,77) – Локус-контроля – Жизнь (0,76) – Результат (0,47)
ФАКТОР 3 (10,37 %) – Процесс (0,87) – ОЖ (0,64)	ФАКТОР 3 (12,7 %) – Позитивное прошлое (0,83) – Гедонистическое настоящее (0,56)
	ФАКТОР 4 (11,76 %) – Негативное прошлое (0,89)

Так, в группе военнослужащих по контракту была получена трехфакторная структура (62 % совокупной дисперсии), состоящая из неравномерно нагруженных факторов. Первый фактор включил в себя большинство параметров осмысленности жизни («цель», «результат», «локус-контроля – Жизнь», «локус-контроля – Я») и шкалу «негативное прошлое» с обратным знаком. Второй фактор объединил гедонистическое и фаталистическое настоящее, обратно взаимосвязанные с будущим и позитивным прошлым. Третий компонент структуры включил в себя шкалу «процесс» и общую осмысленность жизни. Таким образом, для военнослужащих прошлое и будущее представляются компонентами временного континуума, взаимосвязанными с управляемостью жизни как таковой и собственными интернальными установками, а будущее видится прямым следствием положительного прошлого опыта и своеобразного «аскетизма» в настоящем (неподверженности гедонистическим стремлениям и фаталистическим тенденциям). Сам по себе процесс жизни, ее эмоциональная насыщенность, субъективно-временное проживание в настоящем времени оказывается как бы вырванным из общего контекста смысловых локусов во временной перспективе военнослужащих по контракту. Процесс жизни является для них своего рода «отдельной историей», не определяющей напрямую установок на будущее.

Факторная структура, отражающая взаимосвязь компонентов временного континуума и параметров осмысленности жизни в контрольной группе, включила в себя 4 фактора (71 % суммарной дисперсии). Сразу отметим, что последним, наименее нагруженным фактором выступило «негативное прошлое». «Позитивное прошлое» и «гедонистическое настоящее» (фактор 3) также оказались оторванными от временных ориентаций гражданских лиц на будущее. Первые два фактора структуры (практически равновесные по нагрузке) объединили в себя следующие переменные: фактор 1 – «осмысленность жизни», «будущее», «процесс», «фата-

листическое настоящее»; фактор 2 – «локус-контроля – Я», «локус-контроля – Жизнь», «цели», «результат». Очевидно, что будущее включено в структуру временной перспективы, взаимосвязано и с прошлым опытом, и с настоящим переживанием жизни, что свидетельствует о большей непрерывности (недисcretности) временной перспективы гражданских лиц.

Корреляционный анализ параметров методики смысловых ориентаций и методики временной перспективы Ф. Зимбардо позволил выявить следующие закономерности (см. таблицы 3.1, 3.2).

В группе военнослужащих-контрактников общее число значимых корреляционных связей оказалось существенно выше (оценивались взаимосвязи между шкалами разных методик), что теоретически может быть косвенным свидетельством большей интегрированности частных параметров в одну структуру (назовем ее непрерывная и осмысленная временная перспектива). Однако очевидно, что большинство значимых корреляционных связей носят характер обратной взаимосвязи. Параметр «будущее» оказывается обратно связан с процессом жизни и ее результатом, а также со способностью субъекта выступать в роли активного хозяина жизни. Параметр «цели» также обратно связан с позитивным опытом прошлого (и при этом напрямую согласуется с фаталистическим настоящим). Картина корреляционных связей, полученных в группе представителей гражданских профессий, оказалась принципиально иной (см. таблицу 3.2.). Сразу обращает на себя внимание существенно меньшее количество значимых взаимосвязей, на фоне чего отчетливо выделяется единственный параметр, коррелирующий с остальными более или менее системно – это параметр «будущее» (из пяти значимых коэффициентов четыре свидетельствуют о согласованности оценок по шкале «будущее» с другими параметрами: «процесс» и «общая осмысленность жизни» – прямые связи, «локус-контроля – Я» и «локус-контроля – Жизнь» – обратные).

Таблица 3.1

**Корреляционные связи параметров временной перспективы
и показателей осмысленности жизни (в группе военнослужащих по контракту, n = 145)**

	<i>Цели</i>	<i>Процесс</i>	<i>Результат</i>	<i>Локус-контроля – Я</i>	<i>Локус-контроля – Жизнь</i>	<i>ОЖ</i>
Негативное прошлое	-0,05922	-0,04249	-0,2411660**	-0,2566393**	-0,21652*	-0,26119**
Гедонистическое настоящее	0,048738	0,218684*	0,1814388*	0,23606056**	0,109839	0,142794
Будущее	-0,1172	-0,18522*	-0,240387**	-0,2722449**	-0,07991	-0,15978
Позитивное будущее	-0,21777*	-0,17892*	-0,3841225**	-0,4944102**	-0,33734**	-0,22118*
Фаталистическое настоящее	0,1745156*	0,023163	0,391188**	0,3666672**	0,345611**	0,186339*

* - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$.

Таблица 3.2

**Корреляционные связи параметров временной перспективы
и показателей осмысленности жизни (в группе гражданских лиц, n = 56)**

	<i>Цели</i>	<i>Процесс</i>	<i>Результат</i>	<i>Локус-контроля – Я</i>	<i>Локус-контроля – Жизнь</i>	<i>ОЖ</i>
Негативное прошлое	-0,02312	0,056661	-0,19315	0,0602402	-0,1659	0,058052
Гедонистическое настоящее	0,052199	-0,06243	0,0102499	0,1326357	0,252031	-0,3298659
Будущее	-0,01413	0,286411*	-0,080949	-0,390919**	-0,35274**	0,5671145**
Позитивное будущее	0,030861	0,055665	-0,246192	-0,043621	-0,15112	0,1039992
Фаталистическое настоящее	0,014556	-0,23242	0,0701372	0,2319806	0,25699	-0,351288**

* - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$.

Таким образом, не вызывает сомнения различный характер встроения смысловых установок на будущее в общую картину смысловых и временных ориентиров представителей военных и гражданских профессий (и большая интегрированность будущего во временную перспективу личности у представителей гражданских профессий по сравнению с военнослужащими).

Закономерности, полученные на объединенной выборке военнослужащих, в сочетании с результатами проведенных нами ранее исследований, указывают на необходимость дифференциации выборок по различным основаниям для более точного описания временных ориентаций представителей военной профессии. При постановке гипотезы мы опираемся на позицию Ю. К. Стрелкова, который отмечает, что время необходимо рассматривать как форму организации, упорядочивания движений человека (его практической деятельности) в соответствии с особенностями окружения и действий других людей, что «условия, обстоятельства, требования, возможности, реальное осуществление – все имеет временную координату» [5].

На втором этапе исследования проверялась гипотеза о том, что на специфику временной перспективы личности оказывает влияние не только сам по себе факт пребывания в статусе военнослужащего-контрактника, но и (в большей степени) характер профессиональной

деятельности военнослужащего (непосредственные условия службы и специфика ее прохождения).

В качестве базы исследования для проверки гипотезы были выбраны 3 модельные группы, демонстрирующие разный характер профессиональной деятельности военнослужащих по контракту: летчики-истребители – члены гвардейской авиационной эскадрильи (30 человек), береговая охрана (60 человек), представители воинской части связи и радиотехнического обеспечения (30 человек). Предваряя изложение полученных нами результатов исследования, для более полного понимания выявленных закономерностей остановимся кратко на описании характера профессиональной деятельности каждой экспериментальной группы (описывая преимущественно те особенности, которые могут накладывать отпечаток на восприятие физического времени респондентами).

Модельная группа 1. Профессиональная деятельность гвардейской авиационной эскадрильи (далее «летчики») заключается в круглосуточном боевом дежурстве экипажей самолетов-истребителей, готовых вылететь на боевое задание (на защиту охраняемых территорий) в течение нескольких минут после получения соответствующего распоряжения. Условия профессиональной деятельности таковы, что в ряде полетных ситуаций летчик практически не может ни ускорить, ни замедлить темп развития событий. При обязательности и строгой последовательности выполнения рабочих

операций темп их выполнения летчиком диктуется ходом развития полетов, т. е. в ряде случаев летчик выполняет действия в навязанном темпе. Кроме того, скорость выполнения летчиком рабочих операций может приближаться к предельно возможной (предпосылка возникновения у летчиков и эмоциональной, и операционной напряженности). Одной из характерных особенностей летного труда является возможность внезапного возникновения опасных, чрезвычайных ситуаций в полете, так называемых «особых случаев» полета, требующих четких скоординированных действий членов экипажа в момент «здесь и сейчас» и высокого уровня личной ответственности. Таким образом, данная профессиональная группа представляет собой модель четких действий в условиях строгой временной регламентации, повышенной эмоционально-психической напряженности и высокой личной ответственности.

Модельная группа 2. Экипаж пограничного сторожевого корабля (далее «береговая охрана») несет воинскую службу (непосредственно выход в море) четыре раза в год, плавание длится около 60 суток. Традиционное место прохождения службы – Охотское и Берингово моря, Курильские и Командорские острова, Восточная Арктика (Чукотское море), Северный Ледовитый океан. Функционал: охрана границы, изучение района службы, задержка судов, нарушивших государственную границу Российской Федерации, осмотр судов. Находясь в море, каждый член экипажа несет 4-х часовую вахту через 4 – 6 – 8 часов (в зависимости от количества людей на судне). Пребывание в море сопряжено для личности с условиями монотонности деятельности, резким сужением социальных связей, ограничением пространства, повышением опасности возникновения аварийных ситуаций. Находясь на суше, экипаж продолжает работу в режиме 8-часового рабочего дня (устраняются поломки механизмов после похода). Рабочий день на базе начинается с построения экипажа и поднятия флага. Члены экипажа несут суточную вахту (24 часа, промежуток между вахтами от трех до шести дней, в

зависимости от количества людей), 5-дневный график, наличие выходных.

Таким образом, данная профессиональная группа являет собой модель функционирования личности в режиме цикла «море – берег». Физическое время респондентами данной группы воспринимается через призму актуального пребывания в той или иной фазе цикла. При этом переход в новую фазу цикла оказывает влияние не только на объективно иное восприятие времени (временная регламентированность деятельности в фазе «море» существенно выше), но и на субъективную оценку времени (так, например, в период, непосредственно предшествующий возвращению домой, физическое время приобретает для респондентов иной характер, воспринимается на аффективном уровне через призму предстоящей встречи с родными и близкими и предстоящего перехода к жизни («в другом формате»).

Модельная группа 3. Профессиональная деятельность личного состава воинской части связи и радиотехнического обеспечения (далее «РТО») заключается в обеспечении качества работы средств РТО полетов, участвующих в обеспечении полетов и перелетов летательных аппаратов. Личный состав воинской части несет круглосуточное боевое дежурство, вахты распределяются по объектам в соответствии с приказами командира части (сутки через трое, 6 часов через 6 на 12 часов, 12 часов через 2 суток в зависимости от объектов). Данная профессиональная группа представляет собой модель размеренного выполнения профессиональной деятельности (которая, по всей видимости, в меньшей степени определяет специфику восприятия личностью физического времени) по предопределенным правилам.

При сравнении параметров временной перспективы в трех экспериментальных группах по методике Ф. Зимбардо получены следующие результаты (см. таблицу 4).

Таблица 4

Параметры временной перспективы в группах военнослужащих по контракту

	<i>Летчики-истребители</i> (n = 30)	<i>Береговая охрана</i> (n = 60)	<i>Часть РТО</i> (n = 30)	<i>t (представлены только значимые различия)</i>
	1	2	3	
Негативное прошлое	2,3	2,6	2,67	$t_{1,2} = 2,2^*$, $t_{1,3} = 1,8$
Будущее	3,7	3,4	3,36	$t_{1,2} = 2,44^*$, $t_{1,3} = 2,68^{**}$
Позитивное прошлое	3,9	3,2	3,6	$t_{1,2} = 5,2^{**}$, $t_{1,3} = 2,22^*$, $t_{2,3} = 2,5^*$

*- $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$.

Обращает на себя внимание более выраженная по сравнению с другими группами установка летчиков-истребителей на позитивное будущее. В контексте специфики профессиональной деятельности летчиков данный факт может объясняться наличием своего рода механизма совладания с ситуацией постоянного повышенного эмоционального напряжения – стратегией «оптимистичного взгляда на будущее» относительно самой ближайшей перспективы (ближайшего полета, предстоящего боевого задания). Так, например, известный факт отсутствия в лексиконе летчиков термина «последний» («крайний раз», «крайний вылет») иллюстрирует использование профессионалами некоторых

ритуальных действий, поведенческих шаблонов и т. п., работающих на «оптимистическую гипотезу будущего» («все будет хорошо»). Более высокий показатель по фактору «позитивное прошлое» также может быть следствием стратегии положительной реконструкции прошлого в контексте той же самой «оптимистической гипотезы» (в прошлом все было хорошо, в прошлом все завершалось благополучно – значит и в будущем все будет хорошо).

Вместе с тем при анализе результатов методики временной перспективы в сочетании с показателями осмысленности жизни военнослужащих обращает на себя внимание следующая закономерность: при более

выраженной позитивной ориентации на будущее, осмысленность будущего у группы летчиков значимо ниже, чем у представителей береговой охраны (шкала «цели», методика СЖО). Аналогично: при более положительной реконструкции прошлого (выше параметр

«позитивного прошлого», ниже показатель «негативного прошлого»), удовлетворенность прошлым, его осмысленностью личностью также ниже (шкала «результат» методики СЖО) (см. таблицу 5).

Таблица 5

Параметры осмысленности жизни в группах военнослужащих по контракту

	<i>Летчики-истребители (n = 30)</i>	<i>Береговая охрана (n = 60)</i>	<i>Часть РТО (n = 30)</i>	<i>t (представлены только значимые различия)</i>
	1	2	3	
Цели	31,3	39,6	30,06	$t_{1,2} = 7,08^{**}$, $t_{2,3} = 11,68^{**}$
Процесс	30,23	31,5	33,23	$t_{1,3} = 2,86^{**}$
Результат	23,9	26,7	24,9	$t_{1,2} = 4,08^{**}$, $t_{2,3} = 2,67^{**}$
Локус-контроля – Я	21,9	26,6	21,36	$t_{1,2} = 5,8^{**}$
Локус-контроля – Жизнь	29,8	33,45	27,1	$t_{1,2} = 3,34^{**}$, $t_{1,3} = 2,4^*$, $t_{2,3} = 8,1^{**}$

* - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$;

Можно предположить, что смысловые аспекты позитивных установок на прошлое и будущее у представителей авиационной эскадрильи не интернализированы, не переведены «в плоскость смыслов». При общей положительной тенденции оценки будущего реальные цели на будущее не осмыслены, нечетко простроены – не происходит т. н. «принятия» целей. Данный феномен, по мнению А. В. Серого, наблюдается в ситуациях, когда личностные смыслы индивидуальной системы носят адаптационный характер. «Человек, осознанно или нет, прибегает к различным формам психологической защиты и воспринимает действительность сквозь призму либо прошлого опыта, либо своих представлений относительно будущего, либо его поведение становится респондентным (ситуативным). Иными словами, он не извлекает смысла из ситуации, обобщая и генерализуя смыслы своего опыта и цели, а наделяет ее (атрибутирует) отдельными смыслами-значениями, находящимися в жестко локализованных временных регионах субъективного смыслового поля» [4, с. 48]. При этом в оценке процесса жизни как такового существенной разницы не выявлено ни на уровне актуальных установок (фаталистичность восприятия жизни или гедонистическая ориентация), ни на уровне осмысленности настоящего (шкала «процесс» методики СЖО). Последний факт согласуется с описанными выше на основании анализа объединенной выборки особенностями отношения военнослужащих к настоящему.

Обращает на себя внимание существенное повышение показателя осмысленности будущего (шкала «цели») у представителей второй модельной группы (береговая охрана) – как по сравнению с остальными группами, так и по отношению к показателям осмысленности двух других компонентов временного континуума самими военными моряками. Жизнь представителей временной охраны подчиняется закону циклического продвижения по т. н. временной орбите «море – берег». Описывая специфику адаптации моряков рыбопромыслового (гражданского) флота к условиям профессиональной деятельности, Е. В. Михайленко предлагает модель цикла адаптации-реадаптации личности к измененным условиям жизнедеятельности, представляя временную орбиту в виде эллипса с полюсами «берег»,

«море». Автор отмечает, что движение по линии окружности циклично, при этом текущая актуальная фаза цикла субъективно всегда менее значима, чем перспективная (мысли в море – о жизни на берегу, на берегу – о жизни и работе в море) [2]. Мы полагаем, что данная модель вполне закономерно может быть применима и для интерпретации временных ориентаций (в частности, устремленности на будущее, выражающейся в высоком уровне осмысленности перспективных целей) представителей второй модельной группы (береговая охрана), с той лишь разницей, что специфика отношений служащих береговой охраны к процессу жизни как таковому складывается из большего числа компонентов, чем у моряков гражданского флота (накладывается типичное для военнослужащих по контракту нивелирование настоящего, «не присутствие» в нем).

Профессиональная жизнь представителей третьей модельной группы – подразделения связи и радиотехнического обеспечения – не связана с непосредственным выполнением «боевого задания», а также предполагает иной характер «экстремальности», нежели деятельность летчиков или служащих береговой охраны. Если в двух последних случаях внешние условия выполнения боевого задания сами по себе являются экстремальными и в той или иной степени предполагают условия риска, то в первом экстремальность присутствует, скорее, на уровне осознания личностью высокой степени ответственности (возможно, сопровождающейся переживанием за чужую, а не свою собственную жизнь). Кроме того, специфика несения службы представителями части РТО предполагает выполнение достаточно традиционных, отработанных действий и редко оказывается связанной с решением новых задач, а ежедневная жизнь связана с большим разнообразием объективных жизненных ситуаций (как, например, жизнь на берегу у военных моряков по сравнению с их жизнью в море). Из таблицы 5 следует, что смысловой локус представителей данной группы сосредоточен в настоящем (шкала «процесс» методики СЖО) – это отличает представителей части РТО от описанных нами ранее групп контрактников. Дополнительное подтверждение данному факту находим и при анализе данных семантического дифференциала: военнослужащие час-

ти РТО видят себя в настоящем, оценивая его как «близкое» (значимые различия при сравнении с группой летчиков-истребителей).

Кроме того, в группе зафиксированы самые низкие показатели как контролируемости жизни, так и интернальных установок в отношении к собственной жизни. Отметим, что около половины военнослужащих (45 %) данной группы не получали специального военного образования, оставшись служить по контракту после прохождения срочной службы, что отчасти иллюстрирует стратегию «движения по течению».

В заключение отметим, что наличие статистически значимых различий между всеми группами военнослужащих по параметру «локус-контроля – Жизнь» в сочетании в описанном ранее фактом отсутствия различий по данной шкале с выборкой представителей гражданских профессий, приводит нас к предположению о том, что данный показатель в большей степени обусловлен индивидуально-типологическими особенностями личности, нежели фактом ее профессиональной принадлежности.

Таким образом, обобщение описанных результатов позволяет сделать следующие *выводы*:

1. Временная перспектива и осмысленность компонентов временного континуума у военнослужащих по контракту подчиняется некоторым общим закономерностям, однако, в значительной степени определяется характером собственно профессиональной деятельности воина-контрактника.

2. Военнослужащие по контракту и представители «гражданских» профессий демонстрируют различный характер встроенности смысловых установок на будущее в общую картину смысложизненных и временных ориентиров личности. Военнослужащие характеризуются меньшей интегрированностью будущего во временную транспективу личности по сравнению с представителями гражданских профессий и меньшую тенденцию «присутствия» в настоящем времени (меньший интерес к собственно процессу жизни, более низкую эмоциональную насыщенность жизни).

3. В числе характеристик профессиональной деятельности военнослужащего на особенности его временной перспективы могут оказывать влияние такие факторы, как организация деятельности (вахтовый режим, традиционный рабочий график), социальное окружение (нахождение в изолированной группе людей в особых условиях, широта коммуникационных связей), условия деятельности (монотонность, психоэмоциональная нагрузка, личностная активность и ответственность) и др.

4. Профессиональные условия военной службы, сопряженные с высокой регламентированностью деятельности в режиме настоящего времени и требующие высокой степени «присутствия» личности в момент «здесь и сейчас» ввиду высокой экстремальности деятельности, обуславливают общую «позитивную гипотезу» жизни военнослужащего, приводят к повышению позитивных установок на будущее и позитивной реконструкции прошлого как механизмам совладания с ситуацией высокого нервно-психического и операционного напряжения. При этом смысловые аспекты позитивных установок на прошлое и будущее остаются не интернализированными, не переводятся личностью «в плоскость смыслов».

5. Характер профессиональной деятельности военнослужащих, связанный с пребыванием личности в ситуации необходимости постоянной смены стратегий функционирования (цикл «море – берег») определяет локализацию смысловых локусов в будущем (каждая фаза цикла несет в себе ожидание скорого переключения в следующую фазу: так, в море человек ждет возвращения на берег, на берегу – готовится к выходу в море).

6. Отношение к настоящему у военнослужащих (тенденция гедонистических ориентаций или фаталистических установок) не обусловлено спецификой условий профессиональной деятельности. При этом осмысленность настоящего тем выше, чем менее специфична (более приближена к «гражданским» видам деятельности) профессиональная деятельность военнослужащего.

Литература

1. Леонтьев, Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д. А. Леонтьев. – 2-е изд. – М.: Смысл, 2006.
2. Михайленко, Е. В. Личностные ресурсы как фактор адаптации-реадаптации моряков рыбопромыслового флота к измененным условиям жизнедеятельности: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.03 / Е. В. Михайленко. – Петропавловск-Камчатский, 2007. – 174 с.
3. Серкин, В. П. Неврозы отложенной жизни (НОЖ) / В. П. Серкин // Человек. Власть. Общество: научные труды III Азиатско-Тихоокеанского Международного конгресса психологов 15 – 17 мая 2004 г. – Хабаровск: Дальневосточный центр «Психология»: МАПН, 2004.
4. Серый, А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / А. В. Серый; науч. ред. М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 272 с.
5. Стрелков, Ю. К. Инженерная и профессиональная психология: учебное пособие для студ. высш. уч. заведений. – М.: Академия: Высшая школа, 2001. – 360 с.
6. Сырцова, А. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо / А. Сырцова, Е. Т. Соколова, О. В. Митина // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 3.

Информация об авторе:

Неяскина Юлия Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии, Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, Петропавловск-Камчатский, 8-962-282-20-03, nevaskinaju@yandex.ru.

Neyaskina Yulia Yurievna – Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Psychology of V. Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОТИВАЦИИ УЧЕБНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ

Н. М. Опарина

PSYCHOLOGICAL BASIS OF ACADEMIC ACHIEVEMENT MOTIVATION

N. M. Oparina

Центральной проблемой высшей школы является проблема подготовки выпускников, способных самостоятельно добывать знания. Дан краткий обзор исторических и современных подходов в изучении мотивации. В статье рассматриваются вопросы формирования мотивации учебных достижений на основе глубинных психологических процессов. Рассмотрены понятия личностных детерминант «стандарта», «аффективной самооценки», восприятия «собственной эффективности» и цели. Выявлена функциональная взаимосвязь между механизмами саморегуляции – стандартами, аффективными самооценками, восприятием самоэффективности и целями.

Рассмотрены факторы влияния личностного восприятия самоэффективности на мотивацию учебных достижений. Приведены примеры факторов, оказывающих преимущественное воздействие целей на мотивацию поведения: когнитивной сложности задания и наличие обратной связи. Описана задача самомотивации.

Описаны механизмы влияния внешних и личностных факторов на поведенческие мотивы. Продемонстрировано, как внешние поведенческие тенденции можно объяснить через систему механизмов саморегуляции.

Рассмотрены методы и способы развития у обучаемых мотивации учебных достижений, которые помогли бы обучаемым мотивировать себя, регулировать свой психический опыт и тем самым максимизировать свой потенциал.

Teaching university graduates to obtain new knowledge by themselves is a major problem of higher education. This article provides a brief review of historical and contemporary approaches to the study of motivation. The article deals with the formation of academic achievement motivation based on the underlying psychological processes. The concepts of personal determinants of "standard", "affective self-assessment", as well as the perception of "self-efficacy" and the goal are discussed. The functional connection between the mechanisms of self-regulation – standards, affective self-assessment, self-efficacy perceptions and goals – is revealed.

The factors of self-efficacy perception influencing academic achievement motivation have been considered. Examples of the factors that have a predominant influence on behavior motivation (cognitive complexity of tasks and feedback) are provided. The task of self-motivation is described.

The methods and means of developing students' academic achievement motivation, which would help learners to motivate themselves, manage their psychic experience, and thereby maximize their potential, are suggested.

Ключевые слова: личностные детерминанты, механизмы саморегуляции, мотивация учебных достижений, самомотивация, самоэффективность.

Keywords: personal determinants, mechanisms of self-regulation, academic achievement motivation, self-motivation, self-efficacy.

Современный процесс совершенствования системы обучения, стимулируемый социальным заказом общества, постоянно усложняет требования к профессиональному и психологическому развитию выпускников высшей школы. В настоящее время недостаточно только овладеть определенной суммой знаний, важное значение придается задаче научить учиться, а психологически это означает – научить обучаемых хотеть учиться.

Именно поэтому одной из центральных проблем современной высшей школы, является грамотное формирование мотивации учения. Её актуальность обусловлена обновлением государственного стандарта содержания обучения, постановкой задач формирования у обучаемых приемов самостоятельного приобретения знаний и познавательных интересов, выработки у индивидов активной жизненной позиции. В связи с этим среди основных задач, стоящих перед каждым преподавателем, нет другой, более важной и в то же время более сложной, чем задача формирования у обучаемых положительной устойчивой мотивации к учебной деятельности, такой мотивации, которая постоянно побуждала бы их к упорной, систематической учебной работе. Вполне очевидно, что без такой мотивации деятельность студента в учебно-воспитательном процессе будет неэффективной.

Следует отметить, что мотивационная сфера более динамична, чем познавательная, интеллектуальная. Из-

менения в мотивации происходят быстро. Но подвижность, динамичность мотивов таит в себе опасность, так как, если не управлять мотивацией, может произойти регресс, снижение ее уровня, мотивы могут потерять действительность, как это и случается нередко там, где нет целенаправленного управления этой стороной познавательного процесса. Если процесс формирования учебных мотивов развивается спонтанно, а не произвольно, уровень учебных мотивов снижается. Подтверждают это и результаты психодиагностики.

Научное исследование психологических разработок по мотивации показало, что формирование мотивации подчас идет стихийно, являясь, скорее, результатом достижения отдельных передовых преподавателей, чем предметом целенаправленной систематической работы. Успешная учебная мотивация в рамках образовательного учреждения возможна, прежде всего при действии единой вузовской системы активного воздействия на мотивы обучения студентов. Основопологающим компонентом мотивации учебной деятельности индивидов является изменение структуры учебного процесса, введение новых технологий управления познавательным процессом с учетом психологических особенностей личности обучаемого.

Каждый преподаватель хочет, чтобы его студенты хорошо учились, с интересом и желанием занимались в вузе. В этом заинтересованы и работодатели будущих выпускников. Если студенты сами стремятся к получе-

нию хороших результатов на занятиях, то они не нуждаются в помощи. Но часто преподавателям приходится с сожалением констатировать: «не хочет учиться», «мог бы прекрасно заниматься, а желания нет». В этих случаях мы встречаемся с тем, что у студента не сформировались потребности в знаниях, нет интереса к учению [6].

В чем сущность потребности в знаниях? Как она возникает, формируется и функционирует? Как она развивается? Какие психологические средства можно использовать для формирования у обучающихся мотивации к получению знаний? Эти вопросы волнуют многих педагогов и психологов.

Понятие «мотивация» было введено А. Шопенгауэром.

Мотивация (от лат. *movere*) – побуждение к действию; динамический процесс психофизиологического плана, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость; способность человека деятельно удовлетворять свои потребности [2].

Мотивация достижений – стремление человека к успехам в различных видах деятельности. В статье рассматривается мотивация достижений в учебной деятельности.

Главными конструктами, применяемыми для объяснения мотивации в конце XIX века служили понятия «инстинкт» или «влечение». Такой точки зрения придерживались Джемс, Мак-Дугалл, Фрейд, Халл. В начале XX века психологи истолковывали мотивационные состояния преимущественно потребностями, (Мюррей, Маслоу, Мак-Клелланд и Аткинсон) [5]. Понятие «мотив достижения» впервые выделил в своих работах Мак-Клелланд, сформулировав теорию на основе трех базовых мотивов: мотив достижения, принадлежности и власти. Сегодня большинство исследователей объясняют человеческую мотивацию процессами мышления. Среди современных теорий мотивации следует выделить теорию атрибуции Вайнера, теорию контроля Карвера и Шейера, социально-когнитивные теории, теорию планируемого поведения, теорию целеполагания [3].

Абсолютную уникальность человека по отношению к мотивации определяют два фактора: способность оценивать действия, сравнивая их с определенными стандартами, и способность анализировать свои возможности при выполнении тех или иных действий. Данные процессы, связанные с представлением о себе, функционируют совместно, как часть когнитивно-аффективной системы, посредством которой человек осуществляет саморегуляцию. В этой системе выделяют четыре главных элемента: стандарты, аффективную самооценку, восприятие собственной эффективности и цели.

Человеческая склонность оценивать поведение в соответствии с некоторыми критериями, является главной личностной детерминантой действий. Человек не может наблюдать пассивно и отстраненно свои и чужие действия – он выносит суждение о том, подобающи ли, желательны ли и достойны ли похвалы эти действия, сравнивая эти действия с внутренними критериями, представляющими приемлемое или неприемлемое поведение. Эти критерии называются стандартами, которые имеют мотивационный эффект и выступают в качестве ориентиров для поведения. Большинство

исследователей мотивации и личности считают стандарты центральным механизмом человеческой мотивации [4].

Концептуализация человеческой сущности зависит от того, как мы понимаем роль личных стандартов, представленных в когнитивной сфере, в мотивации. Стандарты – это психические репрезентации критериев, обуславливающие желательные или нежелательные результаты. Но влияние стандартов на мотивацию связано как с когнитивными, так и с аффективными процессами: человек доволен (или не доволен) собой, если его поведение соответствует (не соответствует) его стандартам. Человек удовлетворен собой, если достигает значительных результатов и предпринимает действия, направленные на достижение удовлетворенности собой и избегание негативных реакций на самого себя. Поэтому аффективные самооценочные реакции выступают как второй существенный источник мотивации. Таким образом, мотивация частично определяется стремлениями, направленными на получение положительных чувств в отношении себя от самого себя. Человек стремится к таким целям, достижение которых, по его мнению, принесет ему удовлетворенность собой.

Однако самооценочные реакции и личные стандарты лишь частично истолковывают мотивацию. Человек не склонен предпринимать действия, не будучи уверен, что ему удастся осуществить их достаточно хорошо, несмотря на то, что он считает, что эти действия могут привести к позитивной удовлетворенности собой и уважению со стороны других людей или осязаемым наградам. Мотивация строго регулируется субъективной оценкой, – то есть, контролируем ли мы исход, и есть ли возможность осуществить действия, необходимые для контроля событий – иначе называемой оценкой самоэффективности.

Понятие «самоэффективность» значимо для психологии мотивации по трем причинам:

- восприятие собственной эффективности напрямую влияет на решения, действия и переживания. Те, кто сомневаются в своей эффективности, стараются избегать трудностей, бросают дело, встретившись с проблемами, и испытывают тревогу;

- представления о самоэффективности влияют на те когнитивные и эмоциональные факторы, которые воздействуют на уровень достижений и поведение. У людей, убежденных в собственной эффективности, выше притязания, они более настойчивы в достижении целей. Восприятие эффективности влияет на каузальные атрибуции. Люди с развитым чувством самоэффективности склонны объяснять результаты стабильными, контролируемыми факторами. Получая обратную связь, не согласующуюся с ощущением самоэффективности, человек склонен объяснять ситуацию внешними, а не личными причинами;

- восприятие самоэффективности может опосредовать влияние других факторов, способных повысить уровень достижения. Освоение навыков и приобретение знаний повышает уровень достижения, но лишь тогда, когда человек не сомневается в своих возможностях.

Следует отметить, что восприятие собственной эффективности сказывается на выборе вида деятельности. Человек берется за те дела, которые, по его мнению, ему по силам, и сторонится дел, с которыми, с его точки зрения, ему не справиться.

Восприятие самооэффективности влияет на усердие и настойчивость, если выполнение действия уже начато. Решение о том, как долго пытаться выполнить поставленную задачу, частично зависит от оценки собственных способностей. Те, кто сомневается в своей эффективности, намерены прилагать все меньше и меньше усилий и сдаваться; те же, кто уверен в своей эффективности, более настойчивы. Значение этой связи между субъективным самовосприятием и поведенческой настойчивостью объясняет феномен: чтобы чего-то добиться в жизни, необходимо упорство и терпение.

Оценка собственной эффективности влияет и на эмоциональный настрой. Лица, уверенные в своей эффективности, меньше беспокоятся о допустимо угрожающих событиях, в то время как неуверенные в собственной способности решить важнейшие жизненные задачи впадают в депрессию. Неуверенность в своей академической эффективности увеличивает риск депрессии у молодых людей.

Вместе с тем представления об эффективности влияют на качество выполнения сложных когнитивных заданий. При выполнении сложных заданий, требующих особых знаний и выработки оптимальных стратегий, лица, уверенные в своей эффективности, разрабатывают и проверяют стратегии более грамотно с аналитической точки зрения. А неуверенность в собственной эффективности может заставлять человека фиксировать внимание не на задании, а на самом себе. Такое отвлечение от поставленной задачи мешает ее выполнению.

Напротив, уверенность в собственной эффективности обычно способствует высоким достижениям, влияя на принятие трудностей, настойчивость, несмотря на неудачи, осуществление сложных когнитивных стратегий. Однако в некоторых случаях слишком сильная уверенность в своей эффективности может помешать. Человек, чрезвычайно уверенный в своей эффективности, может, к примеру, быть чрезвычайно настойчивым в своих попытках выполнить невыполнимые задания.

Рассмотренные выше детерминанты – личные стандарты, самооценочные реакции и восприятие самооэффективности – взаимосвязаны, поскольку являются элементами интегрированной системы саморегуляции. Для более полного описания и понимания различных аспектов Я-системы необходимо рассмотреть еще одну детерминанту мотивации – цель.

Под целью понимают представление о конечном результате действий. Имея возможность к предвидению, человек представляет будущие результаты и направляет свои действия на их достижение. При этом образ будущего достижения именуется целью только тогда, когда человек хотя бы в минимальной степени проявляет настойчивость в ее достижении. Мы можем вообразить себя кем угодно, но эти полеты фантазии нельзя считать целями, если мы не направляем или не намереваемся направить усилия на их достижение.

Перечисленные механизмы саморегуляции – стандарты, аффективные самооценки, восприятие самооэффективности и цели – функционально взаимосвязаны и влияют на поведение не как самостоятельные факторы, а как части скоординированной психической системы. Между механизмами саморегуляции существует множество функциональных взаимосвязей: представления о собственной эффективности влияют на цели и эмоциональное возбуждение; цели обычно служат стандартами, с которыми человек сравнивает свое поведение и

свои достижения. Разнообразные внешние мотивационные феномены объясняются базовыми механизмами, основанными на когнитивных связях между целями и средствами.

Психология личности должна исследовать не только роль представлений о мотивации достижений, но и процессы, посредством которых возможно развивать в человеке мотивацию. Например, если для мотивации достижений фактор уверенности в собственной эффективности имеет огромное значение, то как выработать ощущение эффективности у тех, кто сомневается в своей способности преодолевать жизненные препятствия?

Преподаватель, знакомый с основами психологии, должен понимать, что внушить ощущение собственной эффективности обучаемому непросто. При этом ободрение и похвала могут улучшить оценку индивидом своих способностей, но результаты их действия недолговечны, если в ближайшее время старания обучаемого не увенчиваются успехом. Самый надежный способ приобретения уверенности в себе – это личный опыт успеха, который трудно отрицать даже тем, кто обычно сомневается в своих способностях [1].

Само по себе успешное выполнение поставленной задачи не приводит автоматически к уверенности в себе. Преподаватель, постепенно усложняя задания, должен убедиться, что обучаемый объясняет свой успех собственными усилиями и навыками. Для этого помощь со стороны преподавателя при выполнении задания постепенно сокращается, и обучаемый получает возможность справиться с ситуацией самостоятельно. Подобная методика способствует значительным поведенческим изменениям и повышению внутренней мотивации достижений. Замечено, что обучаемые через некоторое время выполняют целый ряд заданий, которые изначально они не были в состоянии осуществить.

Студенты должны мотивировать себя к учебе, чтобы сдать экзамены, которые предстоят лишь через несколько месяцев. Они должны заранее выбрать тему дипломного проектирования. Задача, с которой они сталкиваются, – это самомотивация, то есть начало и продолжение действий при отсутствии непосредственных внешних побудителей. Для решения ее потребуются правильно поставить цель.

Эта цель должна быть реальной для решения поставленной задачи. Еще до того как начать работать над задачей, мысленно разбив ее на подзадачи, обучаемый начинает рассматривать ее как более достижимую. Подцели повышают самооэффективность и самооценочные реакции, помогая определять успешность каждого шага на пути к поставленной цели. При отсутствии ближайших целей промежуточные результаты могут показаться небольшими. Когда те же результаты являются достижением определенной ближайшей цели, они приобретают гораздо большее личное значение. Даже среди людей, достигших объективно одинаковых целей, те, кто ставил перед собой ближайшие цели, позитивнее оценивают свою эффективность и свои результаты.

Влияние целей на мотивацию поведения можно объяснить двумя факторами: когнитивной сложностью задания и наличием обратной связи.

Наличие цели способствует приложению усилий при выполнении легких и когнитивных заданий, что, в свою очередь, улучшает качество учебной деятельности. Но при выполнении сложных заданий применен-

ных усилий может оказаться недостаточно и может потребоваться, к примеру, разработка и проверка новых подходов решения. При выполнении сложных заданий обучаемый может прилагать максимум усилий, но так и не достичь спокойствия и аналитического настроя, необходимого для успеха.

Следующий фактор – это обратная связь. Трудные цели увеличивают мотивацию до тех пор, пока действия человека остаются подконтрольными в отношении степени успешности этих действий. Этому контролю могут препятствовать два условия: отсутствие полной информации и невнимание к обратной связи. Например, студенту, пытающемуся впервые начать выполнение неспецифического когнитивного задания, может мешать не только неопределенность целей, но и отсутствие обратной связи об успешности его действий со стороны преподавателя. При отсутствии обратной связи постановка трудных целей не всегда способствует успешности деятельности.

Второе условие связано с тем, что обучаемый может просто не обращать внимания на предоставляемую обратную связь. Согласно теории контроля, мотивация и саморегуляция – это процессы контроля обратной связи. Иными словами, когда внимание индивида сосредоточено на себе, он стремится получить обратную связь относительно своего поведения, чтобы соотнести ее с личными стандартами. Таким образом, сосредоточен-

ность на себе расширяет возможности регуляции не только поведения, но и когнитивных процессов.

Способность сравнивать обратную связь в отношении собственных действий с четкими целями важна не только для успешности учебной деятельности, но и для получения удовольствия от нее. Обучаемый чувствует себя более жизнерадостным и удовлетворенным своей учебной деятельностью, если он успешно выполняет трудные задачи, позволяющие получать ясную обратную связь, а также, если он считает, что способен решить эти задачи.

Таким образом, процессы саморегуляции не только влияют на мотивацию достижений и успешность учебной деятельности, но функционируют и дифференцированно активируют Я-систему. В свою очередь, мотивационные механизмы влияют на психическое благополучие и личностную согласованность. Исследования способности человека контролировать побуждения, имеющие аффективную основу, демонстрируют как устойчивые индивидуальные различия, так и специфические психические процессы в самоконтроле. Рассмотренные теоретические результаты и исследования обеспечивают основу для их практического применения, которые помогли бы обучаемым мотивировать себя, регулировать свой психический опыт и тем самым максимизировать свой потенциал.

Литература

1. Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура. – СПб.: Евразия, 2004.
2. Большой психологический словарь / Мещеряков Б., Зинченко В. – М.: Олма-пресс, 2004.
3. Вилюнас, В. Психология развития мотивации / В. Вилюнас. – СПб., 2006.
4. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы и эмоции / А. Н. Леонтьев // Психология мотивации и эмоций. – М., 2002.
5. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999.
6. Опарина, Н. М. Современные и исторические аспекты мотивации использования тестовых технологий для обучения работников транспорта / Н. М. Опарина. – Хабаровск: ДВГУПС, 2008.

Информация об авторе:

Опарина Надежда Михайловна – доктор технических наук, профессор кафедры психологии, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, +79147762140, nd59@mail.ru.

Oparina Nadezhda Mikhailovna – Doctor of Technical Science, Professor at the Department of Psychology of Far Eastern State Transport University.

УДК 159.922

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫХ ТИПОВ О. А. Проконич, М. С. Яницкий, О. А. Браун

PECULIARITIES OF TEMPORAL PERSPECTIVE OF DIFFERENT CULTURAL AND VALUES TYPES O. A. Prokonich, M. S. Yanitskiy, O. A. Braun

В статье рассматриваются различные модели типологии культурно-ценностных систем, излагаются результаты исследования временной перспективы представителей отдельных культурно-ценностных типов.

The article the different models of the typology of cultural and value systems examines, the results of investigation of temporal perspective of individual cultural and value types outlines.

Ключевые слова: культура, ценности, культурно-ценностные типы, временная перспектива личности.

Keywords: culture, values, cultural and value types, temporary perspective of a person.

Жизнь человека ограничена временем и то, насколько она окажется насыщенной, каким содержанием

человек наполнит свое существование, какие цели будут им поставлены и какие из них будут в большей или

меньшей мере приоритетны, во многом определяется типом культуры и свойственной ему системой ценностей. Говоря о типах культуры и соответствующих им системах ценностей, большинство исследователей оперируют в рамках исторической синтагмы «премодерн-модерн-постмодерн», описывая социально-психологические особенности традиционного, современного (модернистского) и постмодернистского обществ и аналогичные им типы культуры. Принято считать, что традиционное общество обладает широким кругом институтов и агентов социализации, в качестве которых выступает расширенная многопоколенная семья, соседи, друзья и т. д. Формируемая и поддерживаемая данными институтами система консервативных ценностей включает в себя уважение к старшим, коллективизм, чувство долга и т. п. Современному обществу свойственно существенное сокращение размера семьи, соответственно – уменьшение числа агентов семейной социализации, возрастание роли сверстников, школы. Характерна переориентация на современные или же либеральные ценности – независимость, индивидуальное благополучие, самореализацию, достижения, ответственность. Наконец, постмодернистскому обществу присуща дальнейшая трансформация процесса социализации, возрастающее влияние средств массовой коммуникации, прежде всего интернета, формирующего фрагментарную картину мира, мозаичное сознание. Система ценностей при этом в определенной степени размывается, исчезают авторитеты, критерии «правильности» систем ценностей, этические стандарты ставятся под сомнение.

Подобная типология культур Дж. Таусенда основана на представлении о существовании традиционного, современного и динамически развивающегося культурно-ценностных типов, различающихся по временной направленности. Традиционная культура характеризуется ориентацией людей на прошлое. Не допускается внутренняя свобода человека, его деятельность строго регламентирована традициями, за мыслями и поступками осуществляется строгий постоянный надзор со стороны ближайшего социального окружения. Современная культура отличается ориентацией людей на настоящее. Отношения между людьми определяются их статусом и ролью в социальной системе. Общество стремится регулировать поведение человека посредством морали, этических норм и правил. Динамически развивающаяся культура характеризуется ориентацией людей на будущее. Культивируется самостоятельность, независимость от социального окружения, признается значимость индивидуальных интересов и ценностей. Основу социального контроля составляет не мораль, а законность [7].

В концепции М. Мид также выделяется три типа культур – постфигуративная, кофигуративная и префигуративная, которые различаются, как и в модели Дж. Таусенда, ориентацией на прошлое, настоящее или будущее. При этом акцент делается на роли отдельных поколений в трансляции ценностей и других составляющих данных типов культуры. Постфигуративная культура отличается ориентацией на традиции и старшее поколение, кофигуративная – на современность и сверстников, префигуративная – на будущее и на молодежь, которая выступает моделью поведения для старшего поколения [8].

Таким образом, описанные культурно-ценностные типы обнаруживают очевидную зависимость от того или иного временного локуса и имеют неодинаковое отношение к прошлому, настоящему и будущему. Очевидно, что каждая культура создает свой образ времени в его соотношении с Вечностью и с мгновением настоящего. Этот образ обуславливает специфику ее менталитета и культурной идентичности, во многом предопределяя ее судьбу. Для постмодерна характерно увеличение скорости и темпов жизни, что сказывается и на восприятии времени. Сегодня в результате предельного расширения пространства культуры (глобализации) и образования общего времени образуется новая культурная идентичность. Новая ситуация порождает структурные изменения в культурах мира, которые перестают выполнять свою основную этнодифференцирующую функцию и превращаются в открытые системы с диффузными ценностями [5]. Однако эти изменения протекают специфично у различных культур. В этой связи закономерный интерес представляет исследование временной перспективы личности и ее особенностей у представителей различных культурно-ценностных типов.

На сегодняшний день существует множество подходов к изучению временной перспективы. Центром внимания одних из них является доминирование определенной временной ориентации, других – эмоциональная валентность прошлого или будущего, третьих – непрерывность между прошлым, настоящим и будущим и т. д.

К. Левин, в своей пространственно-временной модели, рассматривал сознание и поведение человека сквозь призму временной и пространственной перспективы. Во временной перспективе он выделял зоны настоящего, ближайшего и отдаленного прошлого и будущего, а в пространственной перспективе – уровни реального и ирреального. Ученый считал, что онтогенетическое развитие временной перспективы происходит следующим образом: жизненное пространство новорожденных не включает временного измерения; в дошкольном возрасте происходит разведение различных аспектов психологического времени без дифференциации уровней реального и ирреального; в более зрелом возрасте происходит более глубокая дифференциация ближайших и отдаленных зон прошлого и будущего на всех уровнях реальности [4].

Ж. Нюттен заложил направление изучения временной перспективы как мотивационного образования. Он сделал акцент на будущем времени, представляющем потребностно-мотивационную сферу личности, положив в основу его изучения взаимосвязь будущего времени и когнитивно переработанной мотивации. Он понимал под временной перспективой последовательность событий с определенными интервалами между ними, представленными в сознании человека в некоторый конкретный момент времени. Ж. Нюттен выделяет следующие ее характеристики или параметры: протяженность, или глубина; насыщенность распределения объектов в различные периоды (прошлое и будущее); степень структурированности этих объектов; степень яркости и реалистичности восприятия субъектом объектов. Во временную перспективу, согласно автору, включаются планы, задачи, намерения и иерархия целей личности, представляющие ее мотивационно-потребностную сферу и учитывающие временной по-

рядок ожидаемых событий. Временная перспектива задается локализованными во времени объектами, которые играют роль детерминант, регулирующих поведение [6].

Проблема преобладания тех или иных временных ориентаций человека изучалась Т. Коттлом. Он связывал будущую временную перспективу личности с ее способностью действовать в настоящем, соотнося свои действия со сравнительно отдаленными будущими событиями. В своих исследованиях он выявил следующие временные измерения перспективы личности: временная ориентация на прошлое, настоящее или будущее; временная интеграция или дезинтеграция, т.е. связь или отсутствие связи между прошлым, настоящим и будущим человека; восприятие течения времени; предвидение будущего человека, которое состоит из ожидания, планирования, фантазий и стремления предсказывать будущее. Т. Коттл выделял две основные временные концепции, интегрирующие временные переживания человека: линейную концепцию (переживание чистой длительности) и пространственную концепцию (переживание времени в трех измерениях, пересекающихся в индивидуальном сознании) [3].

Л. К. Франк указал на взаимосвязь и взаимообуславливание прошлого, настоящего и будущего в сознании и поведении человека. По его мнению, временная перспектива культурно детерминирована: человек учится в процессе обучения и воспитания учитывать влияние временной перспективы на свою жизнь, опираясь при этом на принятые ценности того или иного общества [4].

Ф. Зимбардо и коллеги выделяют два аспекта отношения к прошлому: негативное (оно видится неприятным и вызывающим отвращение); положительное (прошлые опыт и времена видятся приятными, «через розовые очки», с ноткой ностальгии). Авторы также выделяют два аспекта отношения к настоящему: гедонистический – когда ценится наслаждение настоящим моментом, без сожаления о дальнейших последствиях поведения и совершенных поступков; фаталистический – когда люди верят в судьбу и подчиняются ей, полагая изменения невозможными. В отношении будущего отмечается только один аспект – общая ориентация на будущее, которая характеризуется наличием целей и планов, а также поведением, направленным на их осуществление. Временная перспектива рассматривается, с одной стороны, как ситуационно-детерминированный, а с другой – как относительно стабильный процесс, т.е. как черта личности. Чрезмерная концентрация на одном из времен определяется культурными, образовательными, религиозными факторами, принадлежностью к социальному классу и др. Временная перспектива образует фундамент, на котором основываются многие другие процессы, например, достижение, постановка целей, рисковое поведение, поиск новых ощущений, различные зависимости, переживание вины и др. [9].

Ф. Зимбардо и Дж. Бойд также выделяют сбалансированную, гибкую временную перспективу, которая позволяет выбирать подходящую временную ориентацию для каждой конкретной ситуации. Такая временная ориентация является наиболее оптимальной для функционирования человека в обществе. По их мнению, профилем такой временной перспективы является следующий: высокий уровень временной перспективы «Позитивное прошлое»; умеренно высокий уровень

временной перспективы «Будущее», умеренно высокий уровень временной перспективы «Гедонистическое настоящее»; низкий уровень временной перспективы «Негативное прошлое»; низкий уровень временной перспективы «Фаталистическое настоящее» [2].

Таким образом, указание на взаимосвязь субъективного восприятия времени с культурой или особенностями общества встречается у различных авторов. Исходя из этого, целью нашего исследования являлся анализ особенностей временной перспективы личности у представителей различных культурно-ценностных типов. Для диагностики принадлежности исследуемых к конкретному типу культуры использовался тест культурно-ценностных ориентаций Дж. Таусенда в модификации Л. Г. Почебут [7], а также специально разработанный по аналогии с ним опросник, основанный на концепции М. Мид. Для диагностики временной перспективы личности использовалась методика Ф. Зимбардо по временной перспективе ([Zimbardo Time Perspective Inventory — ZTPI](#)), модификация А. Сырцов, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной [9], а также методика «Семантический дифференциал времени» (СДВ) Л. И. Вассермана, Е. А. Трифионовой, К. Р. Червинской [1]. При статистической обработке данных был использован t-критерий Стьюдента. Обработка данных проводилась с помощью программного пакета STATISTICA V6.1.

В исследовании, которое осуществлялось посредством интернет-тестирования, приняли участие 249 человек в возрасте от 18 до 30 лет обоего пола, выросших как в сельской местности, так и в малых и средних городах. В состав исследуемой группы были включены представители следующих этнокультурных общностей: русские, украинцы, татары, буряты, тувинцы, алтайцы, телеуты, таджики, чеченцы, аварцы, армяне, греки, марийцы, мордвы. В данном случае мы не стремились достичь репрезентативности выборки или же равной представленности этнических групп, этнокультурная неоднородность испытуемых имела целью обеспечить максимальное разнообразие культурных типов.

Анализ полученных данных выявил наличие большого числа респондентов, относящих культуру своего общества к промежуточному типу культур как по методике Дж. Таусенда, так и по разработанной нами методике на основе классификации М. Мид. Причиной наличия подобных неописанных типов может служить, во-первых, расширение пространства культур и тенденция к их ценностной диффузности, о котором говорилось ранее, во-вторых, недостатки используемых нами методов выделения культурных типов, и в-третьих, ситуация «перехода» общества от одного культурного типа к другому. Подобные «переходные» типы не описаны ни у Дж. Таусенда, ни у М. Мид, однако, на наш взгляд, вполне правомерно предположить их наличие, поскольку культура, как и общество в целом подвержена изменениям. Так или иначе, явление это выходит за рамки темы данной статьи и требует более детальной проработки в дальнейшем, поэтому подробное описание особенности временной перспективы таких «промежуточных» типов мы не приводим.

Результаты по факторам ZTPI у культурно-ценностных типов по Дж. Таусенду приведены в таблице 1. Как видно из представленных результатов, по шкале «Негативное прошлое» наивысшие показатели отмечаются у испытуемых, принадлежащих к совре-

менному типу культуры, наименьшие – к традиционному, что говорит о большем количестве пессимистических воспоминаний о своем прошлом у первых и меньшем у вторых. В целом, это вполне согласуется с тенденцией традиционных культур воспринимать прошлое как ценность, ориентироваться на него и рассматривать его как ресурс для развития. Что же касается культур современного типа, то здесь главными ценностями являются настоящее и отчасти будущее, прошлое же рассматривается в первую очередь с позиций препятствий для нового. Вполне вероятно, что подобная культурная ценность отражается на субъективном уровне в степени пессимизма в оценке личностью своего прошлого. По шкале «Позитивное прошлое» наибольшие показатели обнаруживаются у динамически развивающегося типа культуры, наименьшие – у традиционного. Таким образом, у представителей динамически-развивающегося типа культуры чаще доминируют радужные впечатления о своем прошлом, чем у других типов культур. С позиции культурной обусловленности подобный оптимизм может объясняться с одной стороны, «укорачиванием» временной перспективы со стороны прошлого (для представителей данного типа культуры характерна нацеленность на быстрый результат и краткосрочные планы), и с другой стороны фиксацией на будущем, при которой весь негативный опыт отбрасывается, как мешающий достижению цели. В целом, при сравнении значений по временным перспекти-

вам прошлого видно, что у всех типов культур преобладает позитивное отношение к своему прошлому.

По шкале «Гедонистическое настоящее» (также как и по шкале «Фаталистическое настоящее») наивысшие значения отмечаются у современного типа культуры, а самые низкие у – традиционного типа. Подобное восприятие настоящего возможно связано с большей ориентацией на него представителей современных культур. Утрируя, можно сказать, что представители традиционных культур ориентированы на прошлое, динамически развивающихся – устремлены в будущее, а представители культур современного типа живут настоящим, рассматривая его как вполне комфортное или заранее предопределенное. Что же касается самых низких показателей по шкале «Фаталистическое настоящее» представителей динамически-развивающегося типа культуры, то эта ситуация вполне объяснима. Люди, живущие в системе интернальных ценностей, таких как «сделай себя сам», по определению не могут быть фаталистами.

Также обстоит дело и с самыми низкими показателями по шкале «Будущее» у традиционного типа культуры. Когда прошлое рассматривается как ценность, будущее с большой долей вероятности начинает восприниматься как угроза стабильности, по принципу «лучшее враг хорошего» или «лучше синица в руках, чем журавль в небе».

Таблица 1

Данные по факторам ZTPИ у типов культуры по Дж. Таусенду

Факторы ZTPИ	Тип культуры						Различия при $p < 0,05$ в парах
	1	2	3	4	5	6	
Негативное прошлое	2,53	2,87	2,84	2,79	2,81	2,72	1-2
Позитивное прошлое	3,49	3,72	3,81	3,61	3,56	3,61	
Гедонистическое настоящее	3,19	3,30	3,21	3,04	3,26	3,30	2-4
Фаталистическое настоящее	2,54	2,84	2,43	2,62	2,75	2,53	1-2; 2-3; 2-6
Будущее	3,24	3,53	3,53	3,61	3,23	3,40	1-2; 1-4; 4-5
Примечание: 1 – традиционная, 2 – современная, 3 – динамически развивающаяся, 4 – традиционна/современная, 5 – традиционная/динамически-развивающаяся, 6 – современная/ динамически-развивающаяся.							

Таким образом, результаты по методике ZTPИ свидетельствуют о том, что, в целом, представители всех типов культур в большей степени ориентированы на позитивное прошлое, гедонистическое настоящее и будущее. При сравнении результатов представителей каждого типа видно, что традиционному типу культуры в меньшей степени свойственны негативные размышления о своем прошлом и более характерно позитивное его восприятие; свойственны гедонистическое и беспечное отношение к настоящему и некоторая ориентация на будущее.

У респондентов, отнесших свою культуру к современному типу, по сравнению с остальными, более выражено негативное восприятие прошлого наряду с гедонистическим и беззаботным отношением к настоящему. Максимальные, по сравнению с другими

типами культур, значения по шкале «Фаталистическое настоящее» возможно являются последствием четкой формализации взаимоотношений внутри социума, свойственной культурам данного типа, при которой, принятие индивидуальных решений и планов на будущее согласуется с группой, семьей, трудовым коллективом. Такая «социальная» ориентированность вполне может привести к ощущению, что реализация жизненных целей зависит не только от человека, т. е. к более «беспомощному» отношению к будущему.

Динамически-развивающемуся типу культуры в большей степени свойственна позитивная репрезентация своего прошлого. Ориентация на будущее подкрепляется уверенностью в настоящем и в возможности достичь целей в будущем своими силами.

Данные по факторам СДВ у типов культуры по Дж. Таусенду

Факторы СДВ	Тип культуры						Различия при $p<0,05$ в парах
	1	2	3	4	5	6	
Настоящее							
Активность времени	6,24	3,73	3,67	2,63	3,50	5,90	1-2; 1-4; 4-6
Эмоциональная окраска времени	7,59	7,75	7,71	6,77	5,07	8,81	5-6
Величина времени	6,24	7,10	7,67	6,84	4,14	6,87	2-5; 3-5; 5-6
Структура времени	3,76	4,75	4,96	3,70	0,86	4,71	2-5; 3-5; 5-6
Ощущаемость времени	6,55	5,48	4,63	4,74	4,21	5,00	
Средняя величина оценки времени	6,08	5,76	5,73	4,93	3,56	6,26	1-5; 2-5; 3-5; 5-6;
Прошлое							
Активность времени	3,76	0,99	-0,25	2,98	1,93	2,32	1-2; 1-3
Эмоциональная окраска времени	3,41	6,28	6,08	6,26	3,64	3,68	
Величина времени	5,59	5,32	6,63	4,84	4,00	6,39	
Структура времени	1,31	2,17	2,75	1,65	-0,14	2,23	
Ощущаемость времени	0,86	1,48	1,17	2,72	1,43	0,65	
Средняя величина оценки времени	2,99	3,25	3,28	3,69	2,17	3,05	
Будущее							
Активность времени	1,72	1,86	5,58	2,98	2,64	2,90	2-3
Эмоциональная окраска времени	11,28	10,12	9,42	9,67	7,93	7,48	1-6; 2-6
Величина времени	12,07	10,18	10,71	9,70	10,00	9,29	1-4; 1-6
Структура времени	6,17	6,67	7,79	6,49	4,21	4,03	2-6; 3-6
Ощущаемость времени	5,55	4,95	4,13	3,16	2,43	2,35	1-6; 2-6
Средняя величина оценки времени	7,36	6,76	7,53	6,40	5,44	5,21	1-5; 1-6; 2-6; 3-5; 3-6;

Примечание: 1 – традиционная, 2 – современная, 3 – динамически развивающаяся, 4 – традиционна/современная, 5 – традиционная/динамически-развивающаяся, 6 – современная/ динамически-развивающаяся.

По результатам методики СДВ у представителей различных типов культур Дж. Таусенда получены следующие данные (таблица 2). По отношению к настоящему времени по всем факторам у всех типов культур доминируют положительные значения, но все же существуют и определенные особенности. Так, например, обнаружены статистически значимые различия по фактору «Активность времени» у традиционного и современного типов культур. Причем более активным настоящее воспринимается именно представителями традиционной культуры. Возможно, это связано с тем, что представителями современных культур время, в котором они живут, воспринимается как вполне органичное, так что его активность не ощущается как нечто особенное. В целом, средняя величина оценки настоящего выше, чем у других, у традиционного типа и ниже – у динамически-развивающегося.

По отношению к прошлому в целом у всех типов культур получены более низкие показатели по сравнению с другими временными локусами, при этом эти показатели разнятся и по отдельным факторам. Так, наиболее высокие показатели по фактору «активность времени» при оценке прошлого представителями тра-

диционной культуры вполне предсказуемы и объяснимы, с точки зрения культурных особенностей, описанных

Дж. Таусендом. В то же время, самая высокая средняя величина оценки прошлого у представителей динамически-развивающегося типа, наряду с максимальными (по сравнению с другими типами) значениями по факторам «Величина времени» и «Структура времени» стали для нас неожиданностью.

Средняя величина оценки будущего времени выше у динамически-развивающегося типа культуры, что вполне согласуется с его культурными особенностями. Выше, чем у других, у этого типа и значения по факторам «Активность времени» и «Структура времени». Это свидетельствует о наличии разработанных планов в отношении будущего и намерении их реализовать, что вполне характерно для представителей данного типа культуры. Этот тип культуры также характеризуются самыми низкими значениями по факторам «Эмоциональная окраска времени» и «Ощущаемость времени». Обратная ситуация в отношении будущего времени наблюдается у традиционного типа.

Таким образом, особенности восприятия времени представителями культур различных типов в целом вполне согласуются с общими характеристиками этих культур, описанными Дж. Таусендом и его последователями Ф. Клакхон и Ф. Строббеком.

Следующим этапом нашего исследования стало рассмотрение особенностей восприятия времени представителями культур различных типов, описанных М. Мид. Как мы уже упоминали, эти классификации

имеют ряд общих характеристик. Но в то же время они не идентичны. В основе классификации Дж. Таусенда, Ф. Клакхон и Ф. Строббека лежат особенности культурных ценностных ориентаций по отношению ко времени, природе, человеческой натуре, другим людям и деятельности, а в основе классификации М. Мид - специфика социализации и межпоколенных отношений.

Таблица 3

Данные по факторам ZTP1 у типов культуры по М. Мид

Факторы ZTP1	Тип культуры							Различия при $p < 0,05$ в парах
	1	2	3	4	5	6	7	
Негативное прошлое	2,87	2,76	2,85	2,79	2,36	2,09	3,03	
Позитивное прошлое	3,70	3,63	3,31	3,99	4,06	3,89	3,61	2-4; 3-4
Гедонистическое настоящее	3,08	3,30	2,98	3,27	3,12	3,94	3,30	1-2; 2-3
Фаталистическое настоящее	2,73	2,66	2,91	2,59	3,06	2,89	2,54	
Будущее	3,55	3,45	3,17	3,59	3,58	3,62	3,62	
Примечание: типы культуры: 1 – постфигуративная, 2 – кофигуративная, 3 – префигуративная, 4 – постфигуративная/кофигуративная, 5 – постфигуративная/ префигуративная, 6 – кофигуративная/префигуративная, 7 – постфигуративная/кофигуративная /префигуративная.								

Результаты по факторам ZTP1 у типов культуры по М. Мид (таблица 3) свидетельствуют о тенденции к ориентации всех типов на позитивное прошлое, гедонистическое настоящее и будущее. Здесь между представителями разных культурных типов выявлено меньше отличий, поскольку отношение ко времени не является определяющим признаком культурных типов, однако некоторые различия по отдельным факторам все же встречаются. Так, оценки по фактору «Гедонистическое настоящее» у представителей кофигуративного типа культуры значимо отличаются от респондентов, отнесших свою культуру к другим типам. Для кофигуративного типа культуры характерна ориентация на современников, то есть на настоящее, с этим, видимо, связаны и выявленные нами отличия.

Вполне объяснима, в контексте описанных выше общих культурных особенностей, и более высокая оценка «Позитивного прошлого» у представителей постфигуративных культур», ориентированных на старшее поколение и традиции (кстати, эта оценка максимальная из всех полученных), а вот сделанные ими самые высокие оценки будущего стали для нас неожиданностью. Возможно, здесь речь идет об уверенности в будущем, которое дают опора на традиции и ощущение неизменности общества, свойственные представителям культур данного типа, когда прошлое взрослых является вполне пригодной схемой будущего для их детей.

Практически по всем факторам СДВ у всех типов культур, выделенных М. Мид, в отношении настоящего, прошлого и будущего получены положительные значения (за исключением параметра «Ощущаемость времени» при оценке прошлого у представителей префигуративной культуры) (таблица 4). Статистически значимые различия выявлены по параметру «Активность времени» в оценке настоящего представителями постфигуративных и кофигуративных культур (2,47 и 4,42 соответственно), что вполне объясняется более выраженной ориентацией последних на современность. В то же время представители постфигуративных культур

имеют наиболее высокие средние оценки будущего и настоящего, а вот в оценке прошлого по всем параметрам баллы выше у представителей кофигуративных культур. Выше нами уже высказывалось предположение, объясняющее высокую оценку будущего представителями постфигуративных культур. Полагаем, оно вполне применимо и к настоящему. Что же касается более высоких оценок прошлого представителями культур кофигуративного типа, то в качестве возможного объяснения следует рассматривать особенности классификации культур М. Мид, когда культурные типы выделяются не столько на основе ориентации на прошлое, настоящее или будущее, сколько по признаку значения для моделирования жизненного пути предков, сверстников и потомков. Одной из парадоксальных особенностей кофигуративного типа культуры является снижение значения родителей в выборе жизненного пути, но при этом усиление роли бабушек и дедушек, поскольку связь с ними носит эмоциональный характер. Грубо говоря, проживающие отдельно представители старшего поколения не пытаются привить внукам свое отношение к жизни, свой стиль поведения, поэтому эмоциональные связи с ними не нарушаются. То есть, в качестве гипотезы, мы можем предположить, что в высоких оценках прошлого представителями кофигуративных культур нашло свое отражение их отношение к собственным предкам.

В целом, обобщая полученные результаты, мы можем сказать, что существует взаимосвязь типа культуры и специфики субъективного восприятия времени, особенно если типология культур составлена с учетом такого параметра как отношение ко времени (ценность времени и т. п.).

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать следующие предварительные выводы:

- 1) отношение ко времени является одной из базовых характеристик культуры;
- 2) если в качестве отличительного признака (или одного из признаков) для типологизации культур брать

отношение ко времени, то можно проследить, как культурная ценность времени преломляется в субъективном сознании;

3) влияние культурно-ценностных типов на временную перспективу личности связано со специфиче-

скими условиями социализации в соответствующей культурной среде, и неодинаковыми условиями для выбора жизненной стратегии и самоосуществления.

Таблица 4

Данные по факторам СДВ у типов культуры по М. Мид

Факторы СДВ	Тип культуры							Различия при $p<0,05$ в парах
	1	2	3	4	5	6	7	
Настоящее								
Активность времени	2,47	4,42	4,46	5,53	-5,50	15,00	7,50	1-2; 1-6; 1-7; 2-5; 3-5; 3-6; 4-5; 5-7; 6-7
Эмоциональная окраска времени	8,25	7,25	6,15	8,26	9,00	4,00	8,50	
Величина времени	7,03	6,74	5,08	8,00	13,50	3,00	5,00	2-5
Структура времени	5,14	4,04	2,62	5,47	2,00	-7,00	3,00	1-6; 2-6
Ощущаемость времени	5,81	5,16	5,62	4,37	3,50	3,00	5,50	
Средняя величина оценки времени	5,74	5,52	4,78	6,33	4,50	3,60	5,90	
Прошлое								
Активность времени	0,61	1,99	2,15	2,58	7,50	3,00	1,67	
Эмоциональная окраска времени	4,59	6,00	2,38	6,26	6,50	13,00	2,67	
Величина времени	4,31	6,18	4,38	5,79	3,50	8,00	0,17	2-7
Структура времени	1,07	2,53	0,38	1,58	2,00	0,00	-0,50	
Ощущаемость времени	1,41	1,89	-0,85	0,00	3,50	-4,00	2,17	
Средняя величина оценки времени	2,40	3,72	1,69	3,24	4,60	4,00	1,23	1-2
Будущее								
Активность времени	1,42	2,77	1,31	4,63	2,00	12,00	3,67	
Эмоциональная окраска времени	11,08	9,54	6,85	10,32	7,00	4,00	4,50	1-2; 1-3; 1-7; 2-7; 4-6; 4-7
Величина времени	10,19	10,27	9,08	11,74	11,50	12,00	7,33	
Структура времени	6,56	6,44	5,00	5,58	4,50	0,00	3,83	
Ощущаемость времени	5,51	3,55	5,69	4,11	5,00	-3,00	4,17	1-2
Средняя величина оценки времени	6,95	6,51	5,58	7,27	6,00	5,00	4,70	
Примечание: типы культуры: 1 – постфигуративная, 2 – кофигуративная, 3 – префигуративная, 4 – постфигу- ративная/кофигуративная, 5 – постфигуративная/ префигуративная, 6 – кофигуративная/префигуративная, 7 – постфигуративная/кофигуративная /префигуративная								

Литература

1. Вассерман, Л. И. Семантический дифференциал времени: экспертная психодиагностическая система в медицинской психологии: пособие для врачей и медицинских психологов / Л. И. Вассерман, Е. А. Трифонова, К. Р. Червинская. – СПб., 2009. – 44 с.
2. Зимбардо, Ф. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. – СПб.: Речь, 2010. – 352 с.
3. Кроник, А. А. Психологический возраст личности / А. А. Кроник, Е. И. Головаха // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2000.
4. Мандрикова, Е. Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности / Е. Ю. Мандрикова // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 4.

5. Мажуль, Л. А. Многоликость времени: психологические и культурные аспекты / Л. А. Мажуль // Мир психологии. – 2011. – № 23.
6. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен; под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
7. Сонин, В. А. Тест культурно-ценностных ориентаций (Дж. Таусенд, вариант Л. Г. Почебут) / В. А. Сонин // Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. – СПб., 2004.
8. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / Т. Г. Стефаненко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 368 с.
9. Сырцова, А. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе / А. Сырцова, Е. Т. Соколова, О. В. Митина // Психологическая диагностика. – 2007. – № 1.

Информация об авторах:

Прокопич Олег Александрович – аспирант кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий, КемГУ

Prokonich Oleg Aleksandrovich – post-graduate student of the Department of social psychology and psychological and social technologies of KemSU.

Яницкий Михаил Сергеевич – доктор психологических наук, профессор, декан социально-психологического факультета, КемГУ.

Yanitskiy Mikhail Sergeyevich – doctor of psychological Sciences, Professor, Dean of the social and psychological faculty of KemSU.

Браун Ольга Артуровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий, КемГУ

Braun Olga Arturovna – candidate of psychological Sciences, associate Professor of the Department of social psychology and psychological and social technologies of KemSU.

ФИЗИКА

УДК 371.134:316.477 + 371.263

СРАВНЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ И ОБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК КОМПЬЮТЕРНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ

О. Г. Альтишлер, О. М. Колесников, Т. Ю. Павлова

A COMPARISON OF SUBJECTIVE AND OBJECTIVE ASSESSMENT OF COMPUTER TESTING

O. G. Altshuler, O. M. Kolesnikov, T. Yu. Pavlova

В данной работе проанализированы результаты анкетирования студентов по вопросам применения компьютерного тестирования для итоговой оценки знаний и статистические характеристики проведенного тестирования. При общем положительном отношении к тестированию студенты считают, что результаты тестирования не должны быть единственным критерием итоговой оценки. В то же время перед применением созданного накопителя тестовых заданий для проведения нормативно-ориентированного теста, качество накопителя должно оцениваться с точки зрения выявления и удаления заданий с низкой степенью дискриминативности.

In this paper we analyzed the survey results of students in the use of computer-based testing for the final assessment of knowledge and the statistical properties of testing. With the overall positive attitude toward testing, students feel that the test results should not be the sole criterion of the final grade. At the same time, before using the test items base created for regulatory-based test, the quality of the base must be assessed in terms of identifying and removing the items with the low discriminative.

Ключевые слова: тестирование, компьютерное тестирование, сложность тестовых заданий.

Keywords: testing, computer testing, test items complexity.

О роли компьютерного тестирования в организации учебного процесса вуза

В настоящее время одной из популярных форм контроля знаний студента является компьютерное тестирование. Достоинства этого метода несомненны: оперативность и стандартизация процедуры, отсутствие

субъективизма со стороны преподавателя, быстрота обработки результатов тестирования.

Однако внедрение тестирования требует трудоемкой работы по созданию тестов, оценке качества разработанного накопителя тестовых заданий (НТЗ), степени трудности предъявляемых студентам заданий, валидности тестов. Нужно выявить и удалить из накопителя не-

корректные тестовые задания. Кроме того, существуют задания, на которые практически все обучающиеся отвечают правильно или все – неправильно. Согласно теории тестирования [1, с. 65 – 96], такие задания обладают низкой степенью дискриминативности, то есть не позволяют разделять испытуемых по уровню выполнения теста и должны быть исключены из НТЗ. Необходимо помнить также о том, что при тестировании по нескольким темам или по курсу в целом материал отдельных тем может иметь объективно неодинаковую сложность.

С другой стороны, нельзя забывать, что на результаты тестирования заметное влияние оказывает субъективное отношение обучающихся к процедуре тестирования. Целью данной работы было оценить созданный НТЗ с помощью объективных статистических характеристик и субъективных оценок обучающихся, выявленных с помощью анкетирования.

Авторами был сформирован банк из 223 тестовых заданий, на основе которого создан тест. Данный тест использовался при оценке знаний студентов химического факультета по разделу «Электричество и магнетизм» курса «Физика».

Оценка студентами процедуры и результатов компьютерного тестирования

Раздел «Электричество и магнетизм» является составной частью дисциплины «Физика» и изучается студентами 2 курса химического факультета в течение 3 семестра. Программа семестрового курса включает в себя 34 часа лекций, 17 часов практических и 34 часа лабораторных занятий.

Для контроля усвоения программного материала после изучения очередного блока проводилось промежуточное компьютерное тестирование с рейтинговой формой оценивания. Для оценки уровня освоения Государственного образовательного стандарта на экзамене проводилось итоговое компьютерное тестирование.

Если студент освоил данную дидактическую единицу (в качестве критерия берется правильное выполнение 60 % заданий из их общего числа), это значит, что он может получить по изучаемой дисциплине оценку «удовлетворительно». Для получения оценки «хорошо» и «отлично» необходимо показать более глубокое знание предмета, которое должно быть продемонстрировано при устном ответе на экзаменационные вопросы.

После сдачи экзамена 45 студентам было предложено ответить на вопросы анкеты, которая призвана оценить их отношение к тестированию, а также определить наиболее сложные, по их мнению, разделы курса. В обработку поступило 38 анкет.

Целью анкетирования было выяснение отношения студентов к оценке знаний с помощью компьютерного тестирования, методики подготовки их к тестированию, выполнения тестового задания. Вторая часть анкеты касалась содержания курса: какая из тем, приведенных вопросов является самой сложной.

Половина опрошенных (рис. 1) предпочитают компьютерное тестирование устному экзамену из-за сложности общения с преподавателем, треть думают о будущем и рассматривают его как тренинг ФЭПО, и только четверо из опрошенных отрицательно относятся к тестированию.

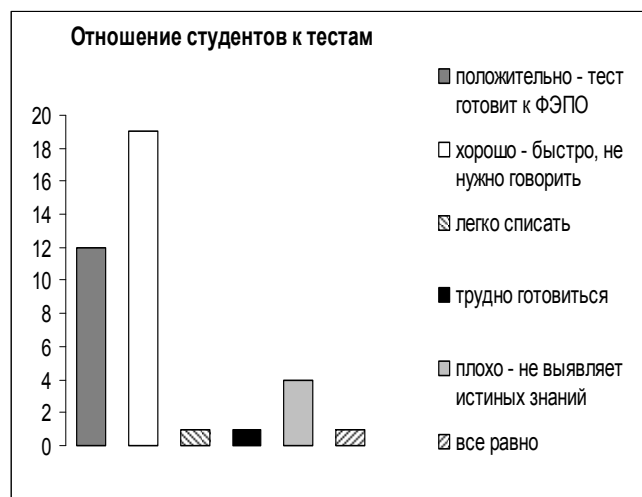

Рис. 1. Распределение ответов студентов на вопрос об их отношении к процедуре тестирования

Рис. 2. Распределение ответов студентов на вопрос по количеству попыток сдачи теста

Второй рисунок иллюстрирует печальный факт, что почти половина опрошенных с первой попытки тест не сдали. Ответы на следующий вопрос (рис. 3) проливают свет на причины данного факта. Почти половина тестируемых признаются в невнимательности. Треть признаются в слабой подготовленности, остальные винят себя в невнимании к пробному тестированию или незнании арифметики, однако находятся и такие, кто видит причину в излишней сложности тестовых заданий.

Рейтинг источников знаний для студентов (при их подготовке к экзамену) показывает рис. 4. Безусловными лидерами являются конспекты лекций и семинарских занятий, которые используются при повторном рассмотрении задач, решенных в течение семестра. На третьем месте находятся учебники и на четвертом – пробные тесты. В принципе результат предсказуемый. Данные рис. 5 с ним полностью согласуются.

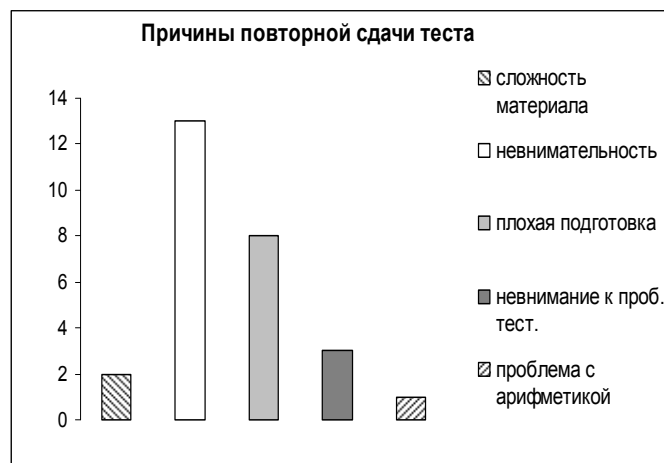

Рис. 3. Мнения студентов о причинах повторной сдачи тестов

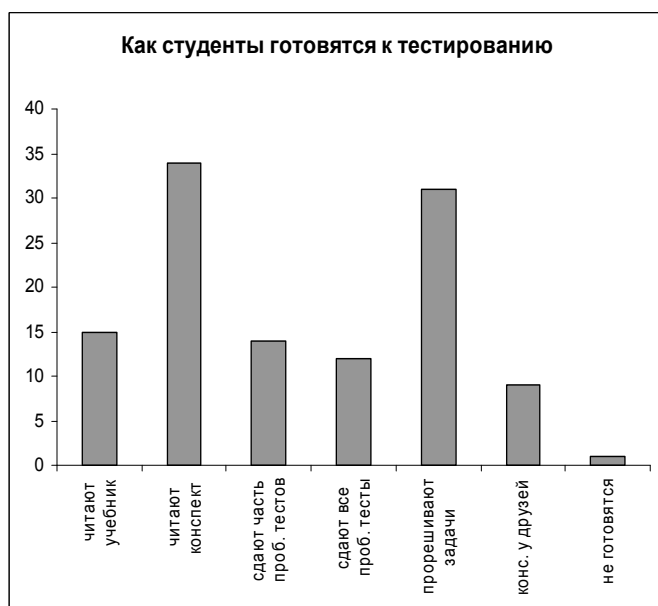

Рис. 4. Рейтинг способов подготовки к тестированию

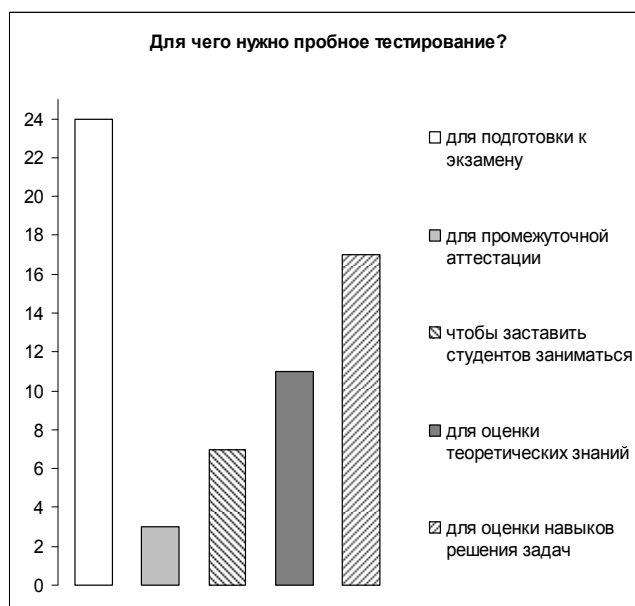

Рис. 5. Оценка студентами целей пробного тестирования

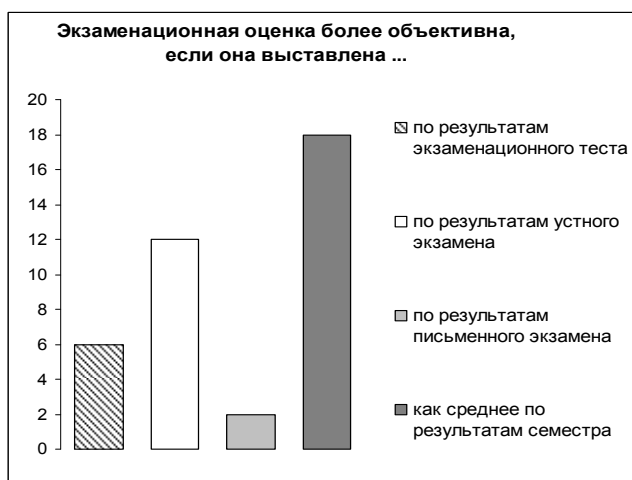

Рис. 6. Мнения студентов о процедуре получения итоговой оценки по учебному курсу

Рис. 7. Частотная диаграмма предъявления тестовых заданий

В основном студенты считают, что промежуточное тестирование предназначено для подготовки к экзамену и оценки навыков решения задач.

Результаты опроса, представленные на рис. 6, раскрывают психологическое восприятие тестовой формы оценки знаний студентами. Так, большинство опрошенных опасаются делать ставку только на результат тестирования, они не хотят, чтобы их семестровые усилия пропали даром; тем более, треть опрошенных считают, что они сильны в устном изложении своих знаний.

Статистика результатов компьютерного тестирования

Тестирование студентов проводилось с помощью накопителя, содержащего 223 тестовых заданий, разбитых на четыре темы. При настройке теста был выбран режим случайной выборки тестовых заданий (вопросов). Всего тестовые задания были предъявлены 2120 раз. Выбор такого режима тестирования приводит к тому, что задания предъявляются разное число раз. Частотная диаграмма выбора заданий приведена на рис. 7. Следует отметить, что 12 заданий не были включены в итоговый тест, так как при проведении предварительного тестирования более 70 % студентов ответили на них неправильно. В среднем одно задание предъявлялось 9,5 раз, несколько вопросов были использованы по 19 – 22 раза. В целом частотная диаграмма напоминает колокол нормального распределения, теоретически соответствующего случайной выборке, хотя имеющиеся отклонения свидетельствуют о не очень хорошем качестве генератора случайных чисел в системе АСТ.

Внедрение процедуры тестирования требует трудоемкой работы по созданию тестов, однако даже высокий профессионализм преподавателя, разработавшего тестовые задания, не гарантирует высокого качества созданного НТЗ (накопителя тестовых заданий). Речь идет не просто о некорректных формулировках или о закраившихся ошибках в тестовых заданиях. В литературе [1, 2] существует общепринятое определение степени трудности задания, как отношения числа правильных ответов к числу предъявлений задания p_i (i – номер задания). В таком определении кроется некоторая про-

тиворечивость, ведь, чем больше p_i , тем больше тестируемых ответили правильно и тем легче задание, однако мы будем придерживаться этого классического определения.

На практике считается, что тестовые задания, степень трудности которых менее 0,2 или более 0,8 (т. е. на которые неправильно отвечают менее 20 % или более 80 % студентов), необходимо изъять из НТЗ или переработать. Однако степень трудности задания p_i должна быть рассчитана при предъявлении этого задания более 200 раз. В этом и заключается основная сложность объективной оценки трудности задания, так как в небольших вузах курсовой поток студентов 70 – 200 человек, что при случайной выборке заданий дает в среднем не более 30 предъявлений вопроса при тестировании потока студентов, а в нашем случае, как уже упоминалось, только 9,5. Более того, обычно за одну процедуру тестируется группа порядка 25 человек и многие задания вовсе не предъявляются.

Как же преподавателю оценить качество заданий теста? На рис. 8 представлены зависимости трудности задания p_i (выражена в %) от числа его предъявлений: а – для заданий средней трудности, б – для сложных заданий. На каждом графике представлено изменение величины p_i для трех заданий, p_i , соответствующая одному заданию на графике, представлена одним значком. График на рис. 8(а) соответствует трем заданиям, трудность которых при 18 – 22 предъявлениях стала порядка 0,6 (60 %). Будем считать такие задания заданиями средней сложности. Виден большой разброс величины p_i при малом числе предъявлений задания, так что оценить качество этого задания в таком случае невозможно. Совсем другое поведение демонстрирует p_i в случае сложного задания (рис. 8(б)). Даже при малом числе предъявлений она мала и разброс ее значений при малом количестве предъявлений невелик. Такое же поведение демонстрирует p_i для легких тестовых заданий. Следовательно, если при тестировании при 5 – 10 предъявлениях задания величина p_i меньше 0,2 или больше 0,8, задание обладает низкой степенью дискриминативности и его лучше переработать.

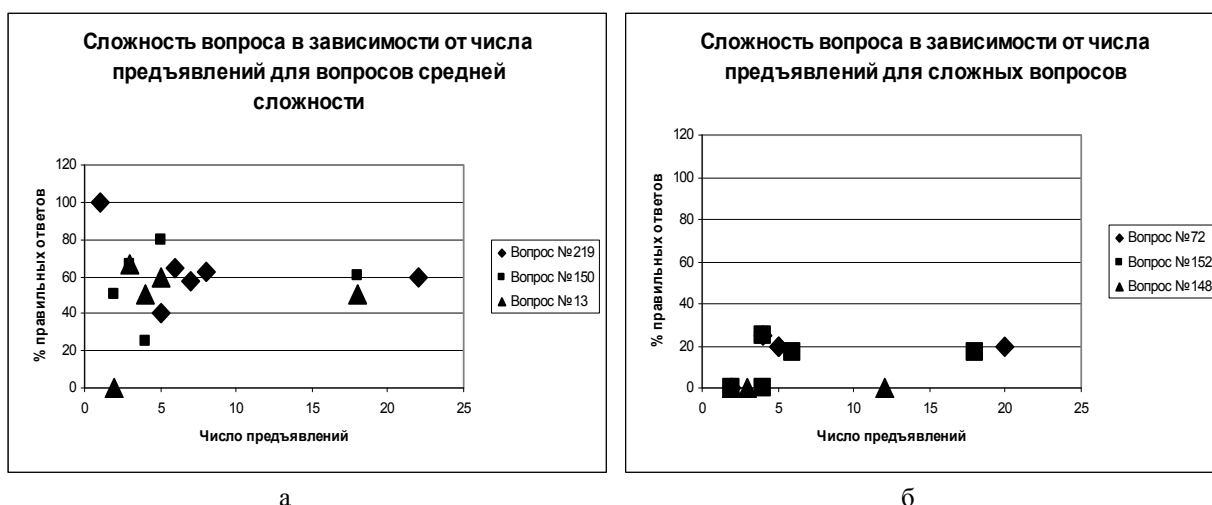

Рис. 8. Зависимость трудности задания p_i (выражена в %) от числа его предъявлений: а – для заданий средней трудности, б – для сложных заданий

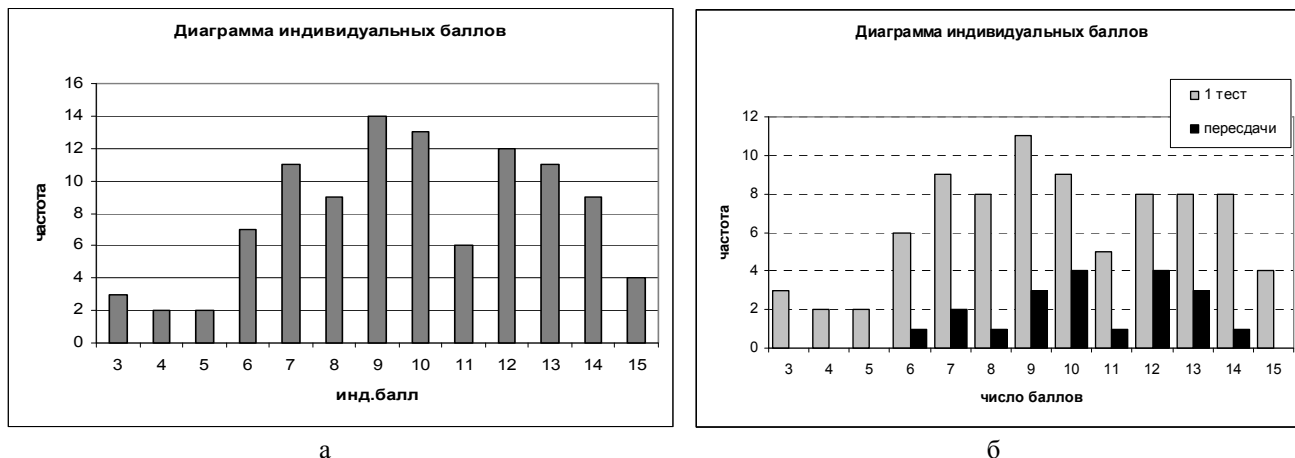

Рис. 9. Диаграмма распределения индивидуальных баллов студентов, набранных при тестировании: а – в целом по всем результатам тестирования, б – отдельно, по результатам первого тестирования и по результатам пересдач

Качественную оценку теста в целом можно произвести, анализируя баллы студентов, набранные во время тестирования. Индивидуальный балл каждого студента рассчитывается как число заданий, на которые он дал правильные ответы. Средний балл студентов по результатам всех попыток тестирования равен 9,8. На рис. 9 (а) представлена частотная диаграмма индивидуальных баллов (число студентов с данной величиной индивидуального балла). Серединой интервала разброса индивидуальных баллов (0 – 15) является 7,5. Из рисунка видно, что частотная кривая имеет вид нормального распределения (за исключением провала в области 11 баллов), среднее которого (9,8) сдвинуто относительно центра интервала вправо. В теории тестирования такой сдвиг частотной кривой расценивается как легкий тест.

С другой стороны, если построить частотную диаграмму индивидуальных баллов, набранных студентами во время первого тестирования, становится очевидным, что провал в районе 11 баллов на диаграмме 9 (а) не случаен. На рис. 9 (б) четко видно, что студенты делятся на группы: «сильных» (средний балл порядка 13), «слабых» (средний балл 8,5) и неготовых к тестированию (баллы до 6). Для группы «сильных», хорошо подготовленных студентов тест действительно был легким. При пересдаче, часть хорошо подготовившихся к тесту студентов присоединились к группе «сильных».

Преподаватели обычно практикуют нормативно-ориентированные тесты, позволяющие сравнивать учебные достижения отдельных испытуемых друг с другом. Однако те же результаты можно рассматривать в критериально-ориентированном плане, когда оценивается, в какой степени испытуемые овладели необходимым учебным материалом. Для этого сравним результаты тестирования, показанные студентами при выполнении заданий, соответствующих разным темам курса.

На рис. 10 представлены результаты тестирования по заданиям разных трех курса: «Электростатика», «Магнитостатика» и «Уравнения Максвелла». Объективными характеристиками, по которым можно сравнить степень освоения учебного материала, являются средняя трудность тестовых заданий, доли очень легких и очень трудных заданий. Очевидно, что наиболее трудной для студентов была тема «Уравнения Максвелла», т. к. средняя трудность заданий (доля правильных ответов) для

нее наименьшая. С этим результатом коррелируют и доли легких ($p_i > 0,8$) и сложных ($p_i < 0,2$) вопросов. Если рассматривать тест как критериально-ориентированный, то сложные для студентов вопросы либо отражают объективную сложность учебного материала, либо недостатки в методике его подачи, что для преподавателя является достаточно ценной информацией.

Сравнение субъективных и объективных результатов тестирования

В результате анкетирования выявлено, что два раздела «Магнитостатика» и «Уравнения Максвелла» студенты считают сложными, а раздел «Электростатика» – простым для изучения. Однако среднее число правильных ответов при тестировании по первой и третьей темам примерно одинаково: 52 % и 49 % соответственно, так что оценки студентов субъективны. «Уравнения Максвелла» действительно вызывают затруднения, среднее число правильных ответов на вопросы этой темы – всего 35 %.

Удивительно противоречиво студенты оценивают трудность задания. В анкете студентов просили указать, какой из трех приведенных вопросов является самым трудным, а какой – самым легким. В результате, первый вопрос признали самым сложным (самым легким) 42 % (34 %), второй – 29 % (24 %), третий – 24 % (39 %). Процент правильных ответов при тестировании составил 75 %, 42 % и 100 % соответственно.

Заключение

Анкетирование студентов наряду со статистической обработкой результатов тестирования по разделу «Электричество и магнетизм» курса «Физика» для студентов химического факультета, проведенные в данной работе, показывает, что при общем положительном отношении к тестированию студенты не могут адекватно оценить свои знания и предсказать результат тестирования. При разработке накопителя тестовых заданий для нормативно-ориентированных тестов необходимо провести предварительное тестирование для оценки качества НТЗ и лишь затем, использовать данный накопитель для оценки знаний студентов. Сравнение результатов тестирования студентов по разным темам курса позволяет оценить объективную сложность материала и выявить недостатки в методике его подачи.

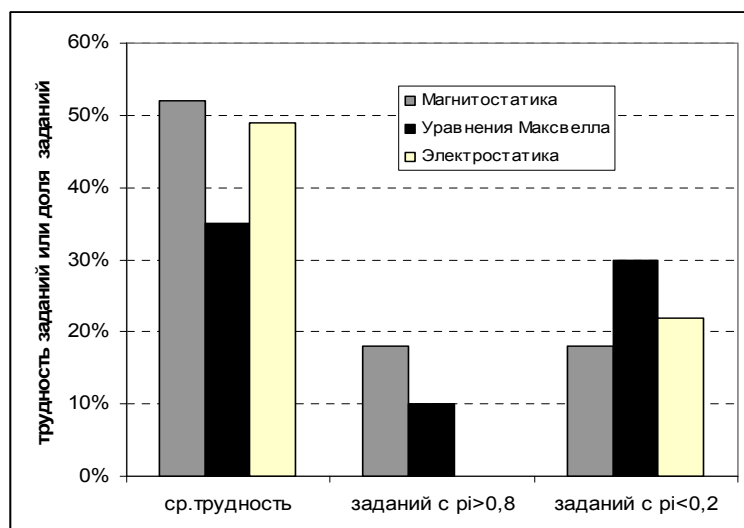

Рис. 10. Сравнение результатов тестирования по заданиям разных тем курса: средней трудности заданий, доли очень легких заданий и доли очень трудных заданий

Литература

1. Потеев, М. И. Основы теории тестирования. Основы аналитической дидактики: уч. пособие / М. И. Потеев. – СПб., 1992.
2. Чельшкова, М. Б. Теория и практика конструирования педагогических тестов / М. Б. Чельшкова. – М.: Логос, 2002.

Информация об авторах:

Альтшулер Ольга Генриховна – кандидат химических наук, доцент кафедры информационных технологий в образовании, КемГУ, 8(3842) 58-31-95, alt_og@bk.

Altshuler Olga Heinrichovna – Candidate of Chemistry., Associate Professor at the Department of IT in Education of KemSU.

Колесников Олег Михайлович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информационных технологий в образовании, КемГУ, 8(3842) 58-31-95, colo@list.ru.

Kolesnikov Oleg Mikhailovich – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor at the Department of IT in Education of KemSU.

Павлова Татьяна Юрьевна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информационных технологий в образовании, КемГУ, 8(3842) 58-31-95, pavlova@kemsu.ru.

Pavlova Tatiana Jurievna – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor at the Department of IT in Education of KemSU.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'374.3

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА КАК ДОСТОЯНИЕ ИНДИВИДА (на примере этически значимых лексем *правда* / *ложь*)

Л. О. Бутакова

WORD MEANING AS PROPERTY OF THE INDIVIDUAL (an analysis of the ethically significant words *truth* / *lie*)

L. O. Butakova

В статье рассматривается слово и его значение как достояние сознания носителя языка. В русле концепции слова как «живого знания» производится описание семантика слов, важных в этическом отношении, но обладающих абстрактными значениями, – правда / ложь. Их ассоциативное, психологическое и эмотивно-чувственные значения моделируются на основе проведенных автором экспериментов.

In the article the word and its meaning as a property of consciousness of native speakers is considered. In the tideway of the word concept as «live knowledge» the description semantics of words, important in the ethical relation, but possessing abstract values, - truth / lie - is made. Their associative, psychological and emotional-sensual meanings are modeled on the basis of the experiments carried out by the author.

Ключевые слова: речевая деятельность, психологическое значение, смысл, ассоциативный эксперимент, семантический эксперимент, семантический дифференциал, языковое сознание.

Keywords: speech activity, psychological significance, meaning, associative experiment, semantic experiment, semantic differential, linguistic consciousness.

Слово и его значение остается объектом пристального внимания лингвистов. Психологический подход к языковому знаку характеризуется неразрывностью связи мышления: языка – речи – сознания. Этот подход унаследовала современная психолингвистика, переведя решение проблемы значения в плоскость значения как образующей сознания, а самого слова – как средства доступа к его содержанию.

А. Н. Леонтьев трактует сознание как функциональную, деятельную, интерпретативную категорию – открывающуюся субъекту картину мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния» [9, с. 125]. Значение, по мнению ученого, одновременно является субъектной и интерсубъектной, деятельностной величиной – «ставшее достоянием моего сознания (в большей или меньшей своей полноте и многогранности) обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже в форме умения как «обобщенного образа действия», «нормы поведения» [14] и оценку этого [16, с. 9].

Аналогичная трактовка развернута в теории слова как «живого знания» А. А. Залевской [4, 5 и др.]. Ученым подчеркивается операционалистская сущность интерпретации значения, при котором последнее понимается как феномен, имеющий *психологическую структуру*, а не формально-логическую (денотативную) и прагматическую (коннотативную). Акцентирование психологического характера значения позволяет квалифицировать процессы речевой деятельности как многофункциональные познавательные процессы.

Концепция «слова как живого знания» отражает центральное положение в сознании человека *значения слова*, процесс идентификации описывает как включение индивидом «идентифицируемого слова в многоас-

пектный **внутренний** (*перцептивный, когнитивный, аффективный*) контекст во взаимодействии с **внешним** (*вербальным, ситуативным*) контекстом» [5, с. 232]. В данной концепции важны принцип функционирования индивидуального знания как психического феномена (неразрывности процессов памяти, мышления, речи, протекания таких процессов на различных уровнях осознаваемости и т. п.); разнообразие функций слова в лексиконе человека; двойная жизнь значения слова, «обращенного одной своей ипостасью к социуму, а другой – к личности» [4, с. 29]. Признается, что сложная разнонаправленная психическая деятельность осуществляется в процессе переживания носителем языка значения слова как слитого «с образом именуемого слова объекта...» [4, с. 27]. Слово «живо», когда оно переживается, будучи слитым с продуктами переработки многообразного опыта, включено во множество связей и отношений, действующих «в едином ансамбле». Акт идентификации слова «представляет собой не актуальное сознание индивидом всего того, что принято описывать как лексическое значение слова, а лишь *переживание* им готовности оперировать совокупностью продуктов разностороннего предшествующего опыта, закрепленной за словом как средством доступа к единому информационному тезаурусу человека» [4, с. 44].

Известным средством выхода на содержание сознания носителя языка является ассоциативный эксперимент [1; 2; 9, с. 5 – 16; 10; 11, с. 7 – 27; 12, с. 46 – 73; 13;]. Сконструированное по его результатам ассоциативное поле (АП) признается российскими психолингвистами не только фрагментом вербальной памяти (знаний) человека, системы семантических и грамматических отношений, но и фрагментом «образов сознания, мотивов и оценок русских» [18, с. 6]. Стратегии

свободного ассоциирования – специфическая речевая деятельность индивида, в которой стимул и реакция связаны регулярными смысловыми отношениями.

Семантический эксперимент имеет разные варианты в зависимости от целей исследования, например: эксперимент по экспликации субъективного содержания (А. А. Леонтьев); метод прямого толкования слова (В. П. Белянин); лингвистический эксперимент по составлению словарной дефиниции анализируемого слова (Е. В. Лукашевич). В данной работе использован вариант экспликации субъективного содержания, задающий для реципиента необходимость реализовывать предикативное расширение стимула.

Семантический эксперимент на восприятие слов-стимулов (в виде семантического дифференциала) направлен в психосемантических и психолингвистических исследованиях на определение эмоционального веса слова [16; 17], эмоционально-чувственного значения [15].

Все указанные типы экспериментов создают условия для описания содержания языкового сознания в «трехмерном пространстве». Имеем в виду выявление ассоциативного значения слова-стимула с помощью АЭ, психологического значения с помощью СЭ, эмоционально-чувственного значения с помощью семантического дифференциала. Объем выявленных смысловых и семантических структур сознания определяется последовательностью проведения с участием одних и тех же реципиентов ассоциативного и разного вида семантических экспериментов с использованием одного и того же стимульного списка. Разные стратегии оперирования с языковым знаком задаются разными типами экспериментов, заставляя реципиента выводить на поверхность разные продукты предшествующего опыта и образы сознания, связанные с одним и тем же словом.

Описываемый в данной статье эксперимент был проведен в 2009 – 2010 гг. в г. Омске и районах Омской области. Информантами были учащиеся школ, гимназий, лицеев, колледжей, техникумов от 10 – 12 до 17 – 18 лет, студенты разных вузов города от 18 до 25 лет. Возрастные, гендерные и социальные группы соответствовали принятым в социолингвистике и психолингвистике нормативам: распределение информантов учитывалось по формуле 4:1:1 (число гимназий, лицеев, общеобразовательных школ, колледжей, техникумов; вузов гуманитарного, технического, естественного профилей).

Стимульный список был одинаков для всех участников эксперимента, включал сорок общелитературных слов (имен существительных и прилагательных), маркирующих базовые этические, эстетические, ценностные концепты: *дом, жизнь, красота, любовь, деньги, воля, надежда, прощение, грех, ложь, слава, страсть, разочарование, сострадание, вина, щедрость, верность* и т. п.

Анкеты всех этапов эксперимента заполнялись письменно, указывался возраст, учебное заведение, курс (класс для школьников), специальность, будущая профессия испытуемых (школьники указывали по желанию). Объем выборки ассоциативного эксперимента, представленного в статье, около 500 ассоциатов на каждый стимул. Объем выборки семантического (дефиниционного) и рецептивного экспериментов, описываемых в статье, около 400 ассоциаций на каждый стимул.

На основе массива реакций, полученных в прямом ассоциативном эксперименте, были составлены ассоциативные поля (АП) слов-стимулов. Из развернутых предикаций, явившихся результатом дефиниционного семантического эксперимента (ответы давались по формуле «X – это...»), были сформированы семантические поля (СП).

Ассоциативное поле (АП) стимула структурировано традиционно – от стимула к реакции с фиксацией сначала ядра (наиболее частотных реакций), потом – периферии АП (малочастотных и единичных). По этому же принципу производились идентификация и толкование значения слов. Основными компонентами семантической модели считались «семантические множители»: полноточные слова, использованные в правой части толкований (дефиниций), полученных от испытуемых в семантическом эксперименте [7, с. 6]. Кроме семантических множителей, в модели содержатся *конкретизаторы* – слова, словосочетания, отдельные сегменты высказываний и целые высказывания. Наличие, разнообразие и частотность использования конкретизаторов зависит как от стратегий толкования, выбранных реципиентами, так и от семантики самого стимула. Цифры, указанные около каждого семантического множителя, соответствуют количеству испытуемых, которые использовали данное слово в своих толкованиях. Эти цифры дают возможность оценивать частотность и стереотипность указанных семантических множителей.

Индексы шкалирования, полученные по методике семантического дифференциала, отражают эмоционально-чувственное значение слов-стимулов с нагрузкой по четырем факторам и доказывают роль аффективно-перцептивного опыта в формировании семантики языкового знака.

В анализе полученного материала важны были следующие теоретические положения:

1) «на позицию смыслового центра слова влияет возрастное членение языка (центр смещается по мере перехода носителя языка из одной возрастной группы в другую)» [8, с. 158];

2) «идентификация исходного слова в условиях свободного ассоциативного эксперимента, как и идентификация первого слова нового сообщения в условиях коммуникации (при условии отсутствия контекста и ситуации), представляет собой актуализацию наиболее вероятного для данного испытуемого (или слушателя) соответствия между предъявляемой ему словоформой и одной из единиц глубинного яруса лексикона» [5, с. 92];

3) лексико-семантические варианты многозначных слов хранятся раздельно в сознании индивида: «каждый лексико-семантический вариант идентифицируется индивидом по отдельности; имеет место непосредственная связь омонимичных словоформ с соответствующими единицами глубинного яруса лексикона» [5, с. 91].

Многозначные слова в ассоциативном эксперименте вели себя так же, как однозначные, подтверждая базовую ассоциативную тенденцию: при свободном ассоциировании актуализируется только одно значение, стремления у реципиентов давать одновременно несколько дефиниций не возникает. Добавим: при развертывании предикации такое стремление возникает редко.

Проследим трехмерный объем семантики языкового знака в сознании носителей языка на примере лексем с абстрактными значениями, являющихся значимыми в

этическом отношении, *правда* / *ложь*. Для удобства описания мы выделили ряд параметров, по которым анализировались полученные результаты.

Анализ свободного ассоциативного эксперимента и семантического (дефиниционного) эксперимента выявили следующие тенденции:

1. Параметр “*активность и широта процессов смысловой актуализации*”. Процессы прямого ассоциирования и дефиниционной семантизации на стимулы *ложь*, *правда* проходили у студентов более активно, что привело к большему объему АП и СП студентов, меньшей величине АП школьников и большей стереотипизации реакций ядерной части полей, что объясняется возрастной спецификой смыслообразования.

2. Параметр “*качество отношений в ассоциативно-вербальной сети (АВС)*”. Процессы свободного ассоциирования и дефиниционной семантизации в языковом сознании студентов и школьников асимметричны: стимул *ложь* имеет менее объемные и сложные связи, чем стимул *правда*, что выразилось в большем объеме АП и СП, многообразии семантических множителей и конкретизаторов к ним, большей сложности отношений между стимулом и реакциями и самими реакциями в АВС, сложности когнитивного сценария стимула *правда*.

3. Параметр “*стабильность / подвижность отношений стимула – реакции*”. Отношения стимулов *правда* / *ложь* с реакциями-оппозитами (*ложь* → *правда* ← *ложь*) отличаются стабильным характером в процессах ассоциирования, образуя обратимые пары, имеющие достаточно высокие, но неравные ранги в составе ядер всех АП, отличаются большей стереотипностью в языковом сознании школьников (*ложь* → *правда* (12) / *правда* → *ложь* (63) в АП студентов; *ложь* → *правда* (42) / *правда* → *ложь* (116) в АП школьников).

4. Параметр “*тип семантических отношений*”. Отношения стимулов *ложь* / *правда* со словами-симилярами и оппозитами характеризуются высоким уровнем стабильности у всех категорий информантов как при прямом ассоциировании, так и дефиниционной семантизации, отличаются градационным характером смысловой области *правды* в языковом сознании студентов и смысловой области *лжи* в языковом сознании школьников (*ложь* → *неправда* → *обман* → *вранье* → *предательство*; *ложь* → *правда* у студентов в АП и СП; *ложь* → *неправда* → *вранье* → *обман* в АП и СП школьников; *правда* → *честность* → *искренность*; *правда* → *ложь* в АП студентов; *правда* → *истина* → *неложь* в СП студентов; *правда* → *честность* → *не-*

ложь → *искренность*; *правда* → *ложь* в АП школьников; *правда* → *ложь* → *неправда* → *кривда*; *правда* → *неложь* → *истина* → *честность* → *необман* → *не врать* в СП школьников).

5. Параметр “*актуализируемая семантическая область*”. Подавляющее большинство ядерных и периферийных реакций на оба стимула в АЭ и семантических множителей в СЭ у всех категорий информантов передают квалификацию позитивных / негативных поступков человека, нравственных / безнравственных качеств, позитивных / негативных отношений с окружающими людьми, ощущений (преобладающим в обоих случаях является *боль*, *страх*, *обида*); морально значимых оценок (кваликативное значение представлено широко в ядре и на периферии).

6. Параметр “*тип реакции*” (см. таблицу 1). Уточним выделенные типы реакций. Собственно семантические реакции (симиляры, оппозиты) – результат «пропозициональной» тактики, когда стимул и реакция образуют пропозицию, восходящую к прототипическому для продуцента тексту [1, с. 213; 3, с. 74 – 75; 7, с. 123]; реакции развертывания – реакции, дополняющие слово до некоторой структуры [2; 3, с. 72 – 74]; собственно ассоциативные – реакции, в которых прослеживается смысловая связь между стимулом и вызванным им представлением [1, с. 213; 3, с. 74].

В ядре семантического поля *ложь* студентов преобладают семантические типы реагирования (лидируют стратегии определения значения через симиляры – *неправда*, *обман*, *вранье*); периферия сформирована оценочными, ассоциативными стратегиями и стратегией развертывания. Состав семантических множителей ядра ограничен, количество конкретизаторов невелико, конкретизаторы имеют краткую форму выражения (больших по объему речений, сложных высказываний нет). Конкретизаторы и множители актуализируют речевые сценарии, в которых важна сфера целеполагания говорящего (сказанная *во спасение*, *в собственных целях*, *с целью скрыть*, *служащий корысти*, *во благо*, *избежать наказания*); негативных эмоций (*страха*, *боли*); негативной оценки (*плохо*); негативного поступка (*предательство*). В ядре самой частотной реакцией является слово с приставкой *не-*, актуализирующее когнитивный сценарий отрицания, – *неправда*. Этот же сценарий неоднократно реализуется и на периферии – *неверность*, *неверно*, *недоверие*, *несоответствие действительности*; *неспособность говорить истинное положение вещей*; *неуважение*; *неумение говорить правду*; *чувство, которое ты не понимаешь*.

Таблица 1

Соотношение типов реакций разных категорий реципиентов

Тип поля	Тип реакции, в %				
	семантические	ассоциативные	развертывания	оценочные	отказы
АП ложь студенты	32,27	42	1,58	16,75	7,4
АП ложь школьники	32,2	44,16	5,6	9,17	8,9
АП правда студенты	17,76	29,15	38,74	10,32	4,06
АП правда школьники	36,7	38,7	11,2	7,3	6,1
СП ложь студенты	47,8	35,3	-	15	1,9

Продолжение таблицы

СП ложь школьники	43,29	16,95	-	11,76	28
СП правда студенты	55	31,4	-	6,4	7,2
СП правда школьники	39,9	38,75	1,25	5,9	14,2

Ядро СП *ложь* школьников невелико, практически лишено конкретизаторов. Как и студентов, в ядре и на периферии преобладают семантические стратегии реагирования (через симиляры – *неправда, вранье, обман, кривда, обманывать, гнать кому-то, врать, уметь врать*), причем круг симиляров значительно шире, чем у студентов. Негативная оценочная стратегия школьников связана с моральной стороной лжи (*грех*). Зафиксирован темпоральный сценарий (*когда ты врешь*), персонификация поступков (*а мама говорила: «обманывать плохо»!*; *человек врет и не краснеет, ты врешь*), персонификация качеств (*занудство и кривость человека, подлые люди*), чего не было у студентов.

Периферия СП *ложь* содержит речевые и неречевые сценарии, в которых актуализированы характер информации, эмоциональное переживание, намеренность поведения человека (*информация, которая не соответствует действительности; выдавание неправды за правду; намеренное отступление от правды; слабость сказать правду; слова, которые приносят много страданий!!!! За это кому-то бывает стыдно, а кому-то нет*). Как и у студентов, в ядре самым высоким рангом отличается реакция с приставкой *не-*, актуализирующая когнитивный сценарий отрицания, – *неправда*. Этот сценарий также частотен на периферии, но не отличается разнообразием – *не соответствует действительности, недоверие, недостаток правды, неискренность, неистинная правда; выдавание неправды за правду*.

СП *правда* студентов велико в ядерной и менее объемно в периферийной частях. Способы передачи семантики, образующие ядро поля, отличаются сложным оформлением высказываний. Периферия, наоборот, содержит краткие простые предложения, отдельные слова. В ядре преобладают секторы понятийной квалификации, реализованные с помощью сложно структурированных экзистенциальных (*то, что происходило на самом деле; то, что существует в действительности; чего нет в действительности*), экспериментных (*что можно / нельзя проверить*); перцептивных (*можно увидеть; можно почувствовать*) пропозиций. Частотен темпоральный сценарий, отражающий речевую ситуацию с участием субъекта, вводимый наречием *когда* (*когда не врут; не обманывают; люди говорят неискаженные факты; говоришь то, что думаешь*).

Стратегическая характеристика ядра СП *правда* такова: преобладают способы реагирования с помощью симиляров, употребленных в высказываниях с объектом человеком (*истина для каждого человека, которую нужно говорить людям в лицо; искренность по отношению к другому человеку*); отрицания оппозиции (*не ложь; антоним лжи; отсутствие лжи*); отождествления с речевой единицей (*высказывание истинное, достоверное*); соотнесения с индивидом и действительностью (*у каждого своя; реальность; жизнь; факт*).

На периферии также преобладает понятийная квалификация стимула. Сфера вкусовой перцепции актуа-

лизована единично, реализует стереотип (*горькая истина*).

СП *правда* школьников меньше по объему, чем аналогичное поле студентов. Семантических множителей немного, конкретизаторов к ним мало, в ядре преобладают стратегии описания значения стимула через оппозиции (*ложь, неправда, кривда*), симиляры (*истина, честность*), отрицание симиляров и оппозиций (*не ложь; отсутствие лжи; неправда, не обман, не врать, не обманывать*). Когнитивный сценарий отрицания сконцентрирован в ядре поля, выражен приставками в составе слов – семантических множителей, отрицательными частицами при именах, глаголах речи, психических состояний, категории состояния (*не ложь, не обман, не врать, не обманывать, не врешь и веришь; врешь и не краснеешь, не нравится всем; за что не стыдно*).

Сектор понятийной квалификации смещен к околоядерной части (структура *то что* с конкретизаторами встретила 28 раз у школьников и 129 – у студентов). Он заполнен высказываниями, оформленными экзистенциальными (*то, что есть на самом деле*), оценочными (*не нравится всем, за что не стыдно*); (*подтверждено многими; известно всем*) пропозициями. Темпоральный сценарий, отражающий речевую ситуацию с участием активного субъекта, вводимый наречием *когда* (*когда человек не врёт другим; никто не врёт; ты не врешь и веришь; врешь и не краснеешь; человек врёт и не краснеет; говорит себе только правду*), встречается примерно с такой же частотностью, что и в ответах школьников.

Периферия охватывает разнообразные интерпретации стимула – от понятийной квалификации самого общего (размытое понятие, отвечающее представлениям каждой личности), конкретного (прямой ответ на вопрос без попытки извратить его); оценочного (такая тщета, люблю правду, класс, круто), интертекстуального (глаза колет) типа.

7. Параметр «отношение к литературной норме». Преобладающими во всех типах экспериментов были реакции – общелитературные слова, словосочетания, предложения. Реакции необщелитературного типа редки, делятся на три разряда: разговорно-просторечные, жаргонные (*фигня, клево, класс, круто, негатив, гнать кому-то, пиздеж*); окказиональные образования (*дуристика, квазиистика, расстроенность, кривость, кажество*); графические знаки, отражающие процентное содержание (10 %, 30 %).

8. Параметр «свето-цветовая и перцептивная интерпретация». Слово *ложь* ассоциируется у студентов с болью, сладостью, страхом, темнотой, серым цветом и холодом (*боль, сладкая, темная, холод, серый*); у школьников – со сладостью, болью, страхом, тяжестью и яростью (*сладкая, больно, сладость, то, что вызывает страх; счастье, ярость*). Слово *правда* ассоциируется у студентов с горечью, краснотой, светом, чистотой, страхом (*горькая, горечь, чистая, свет, боль*,

краснеть, страх); у школьников – с горечью, жжением, весельем, белым цветом, чистотой, тяжестью, стыдом (*горький, горечь, весело, белый цвет, чистота, жжет глаза, тяжело, стыд*); характеристика стимула *правда* через вкусовую перцепцию (вкусовой предикат *горькая* встречается 21 раз в реакциях студентов и 20 раз в реакциях школьников) высокочастотна, находится в ядре АП школьников и студентов, образует в языковом сознании смысловую область «вкусового стереотипа».

Анализ параметров эмоционально-чувственного значения слова *ложь* показал незначительную разницу восприятия мужчин и женщин по всем типам шкал. Школьники и студенты воспринимают это слово как интенсивно плохое, темное (-3, -2,1 / -3; -2,6 / -2,3; -2,6), достаточно интенсивно – как грустное (-1,8 / -1; -1,8) и пустое (-1,2 / -0,8; -1,2). Нагрузка по шкале «хороший / плохой» – самая большая (-3), нагрузка по остальным шкалам колеблется от -0,8 по шкале «полный / пустой» у мужчин до -2,6 по шкале «светлый / темный» у женщин и школьников, хотя можно было ожидать одинаково сильного переживания всех сторон семантики знака. Слово *правда* по всем шкалам было оценено как положительное, но степень интенсивности переживания оказалась не столь высока. Параметр «хороший / плохой» оказался выраженным наиболее сильно (1,7 / 1,5; 1,8). Средней выраженностью отличается параметр «полный / пустой» (1,357 / 1,6; 1,4), слабой выраженностью – параметры «веселый / грустный» (0,3 / 0,58), «светлый / темный» (0,846 / 1,6; 0,928).

Итоги

Первичный анализ результатов экспериментов трех видов выявил следующие тенденции:

1. В области прямого ассоциирования – симметричности процессов формирования ассоциативного значения этически значимых слов *правда* / *ложь*, высокого

уровня стереотипизации образов сознания у всех категорий информантов, взаимообратимости смысловых областей стимулов; большей активности смыслообразования студентов; преобладания семантических (с помощью оппозитивов и симилий) и ассоциативных способов реагирования; стратегии развертывания преобладают только в АП *правда*; оценочные секторы невелики.

2. В области дефиниционной семантизации – асимметричности семантических областей стимулов в сознании реципиентов: когнитивное пространство *лжи* меньше и проще организовано, чем когнитивное пространство *правды*; в нем значительное место занимают когнитивные сценарии отрицания; актуальны компоненты целеполагания субъекта; когнитивные сценарии *правды* сложно структурированы, особенно в языковом сознании студентов; в ядре и на периферии преобладает понятийная квалификация стимула у студентов с помощью экзистенциальной, рецептивной, речевой пропозиций, сценарии отрицания – у школьников.

3. В области эмоционально-чувственного восприятия проявился разный характер эмоциональной нагрузки стимулов: степень негативной интенсивности переживания стимула *ложь* высока у всех категорий информантов; степень позитивного переживания стимула *правда* оказалась средней или слабой у всех категорий информантов.

4. Жизнь «живого слова», обладающего абстрактным значением, связанного с этическими ценностями, в сознании школьников и студентов отличается сходным характером, большая сложность структурной организации когнитивного пространства *правды* в языковом сознании студентов, выраженный характер понятийной интерпретации в их анкетах связаны с формированием рефлексии и философского отношения к жизни.

Литература

1. Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошко. – Харьков; Москва: РА-Каравелла, 2001а. – 320 с.
2. Горошко, Е. И. Языковое сознание: ассоциативная парадигма / Е. И. Горошко: дис...д-ра филол. наук. – М., 2001б.
3. Гуц, Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка / Е. Н. Гуц. – Омск: ОмГУ: Вариант-Омск, 2001. – 260 с.
4. Залевская, А. А. Значение слова через призму эксперимента / А. А. Залевская. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. – 240 с.
5. Залевская, А. А. Слово. Текст. Избранные труды / А. А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 542 с.
6. Караулов, Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1980. – 207 с.
7. Караулов, Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. – М.: ИЯ РАН, 1999. – 180 с.
8. Левицкий, В. В. Экспериментальные данные к проблеме смысловой структуры слова / В. В. Левицкий // Семантическая структура слова. – М.: Наука, 1971.
9. Леонтьев, А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А. А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1977.
10. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл; СПб: Лань, 2003. – 288 с.
11. Леонтьев, А. А. Психолингвистическая структура значений / А. А. Леонтьев // Семантическая структура слова. – М.: Наука, 1971.
12. Леонтьев, А. А. Психолингвистический аспект языкового значения / А. А. Леонтьев // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976.
13. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности: некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – М.: Едиториал УРСС, 2003б. – 248 с.
14. Леонтьев, А. А. Избранные психологические произведения: в 2-х т. / А. А. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983.
15. Мягкова, Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова / Е. Ю. Мягкова. – Курск: Изд-во КГПУ, 2000. – 112 с.

16. Петренко, В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании / В. Ф. Петренко. – М: МГУ, 1983. – 175 с.
17. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики. – 2-е изд доп. / В. Ф. Петренко. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
18. Русский ассоциативный словарь/ Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин [и др.]. – Ч. I, Ч. II, Ч. III – М.: Помовский и партнеры, 1994 – 1998.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

*Ассоциативные и семантические поля стимулов
ЛОЖЬ / ПРАВДА*

АП СТУДЕНТОВ

ЛОЖЬ – неправда (63); обман (57); враньё (48); предательство (42); грех (24); плохо (18); измена, обида, правда (12); недоверие, спасение (9); боль, во благо, зло, клевета, необходимость, поступок, разочарование, страдание (6); бывает, бывает во благо, верность, во спасение, врать, врешь, всегда присутствует, все люди лгут друг другу, глупость, горе, грубая, грязь, добро и зло одновременно, доверие, друзья, *дуристика*, жизнь, зависть, иногда сладкая ложь, чем горькая правда, искажение, *квазиистика*, класть, коварство, когда один обманывает другого, красивая, красота, лживый, лезть, лиса, любимого, медвежья услуга, мелко, мерзость, мимика, негатив, не прощение, неуверенность, нечестность, обрыв, огорчение, печаль, плохо для женщины, повсюду, порок, презрение, преступление, проблемы, ревность, секс, сериал «Теория лжи», серый, скверно, сладкая, совесть, страх, стыд, тёмная, тупик, хитрость, холод, эмоциональная неполноценность, которая аккуратно замаскирована, это желание изменит действительность (1). 525 + 42

АП ШКОЛЬНИКОВ

ЛОЖЬ – неправда (54); правда (42); враньё (36); грех, обман (18); плохо (15); врать (9); вода, вун, горе, месть, предательство, сладкая, слова (6); больница, больно, во имя добра, враньё ... в глаза, детектор лжи, доска, друзья, жалость, жизнь, злая, клоун, лгун, лгут, лживый, лиса, лошадь, любимое занятие, исповедь, Катя, *клёво*, мальчик бука, наглая, не важно, неверие, не верить, не лгать, не люблю, нечестность, никогда, обманщик, плох, плохая, плохо очень, плохой человек, почему?, презрение, *расстроенность*, синий фломастер, сладость, страдание, стыд, счастье, творог, то, что вызывает страх, тяжело, форум, чёрный плащ, это сладко, Юра, я, ярость, 10%, 30% *фигня* (1). 484 + 51

СП СТУДЕНТОВ

ЛОЖЬ

Неправда (60)

сказанная (8) во спасение (4) порой (4); в своих собственных целях (1); с целью скрыть что-то (3)

Обман (36) служащий корысти, либо во благо (4)

Враньё (24) во избежание наказания (3)

Искажение (16)

положения вещей (2); информации (3) конкретной (1); правды (3) иногда во спасение (3); реальности (1) намеренное (2)

Плохо (16) иногда (3)

Высказывание (8)

противоречивое (3); не имеющее под собой правдивого основания (1)

Желание (8)

скрыть правду (3); избежать наказания (2)

Страх (8)

перед правдой (1), реальностью (1); перед самим собой (1)

Предательство (8)

Безразличие; боль; **боязнь** сказать правду; **вещь** губительная для души; **выдача** желаемого за действительное; грех; грязь; **иллюзия** человеческих слов, мыслей; **кажесство**, помогающее замещать серость будней, увиливать от точного ответа; неверность; недоверие; **несоответствие** действительности; **неспособность** говорить истинное положение вещей; неуважение; **неумение** сказать правду; **обратная сторона** правды; поддержка; **попытка** оправдаться; **придумывание** какое-либо; самообман; слабость; неверно, искажённо сказанный **факт**; **изложение** фальсифицированных данных; **что** противоречит правде; **чувство**, которое ты не понимаешь, зачем совершил; везде; противно; зло; (1)

Отказ (6) 313 + 6

СП ШКОЛЬНИКОВ

ЛОЖЬ

Неправда (69)

Враньё (52)

Обман (38)

а мама говорила: "обманывать плохо!" (1)

Когда (16)

врешь (14) ты (5)

человек врёт и не краснеет (2)

Грех (14)

Занудство и *кривость* человека; информация, которая не соответствует действительности; добровольное искривление правды; кривда; лицемерие; подлые люди, это их прерогатива; недоверие; недостаток правды; неискренность; неистинная правда; выдавание неправды за правду; намеренное отступление от правды; *тиздёж*; плоды фантазии; слабость сказать правду; слова, которые приносят много страданий!!! скрывая, превращаясь в ложь; вторая характеристика общества; обязательная часть жизни; самое низкое чувство; обманывать; гнать кому-то; за это кому-то бывает стыдно, а кому-то нет, при этом надо много напоминать; нужно уметь врать; врать; ненавижу её; лжёшь кому-то; всё скроется со временем, *нах* врать; зачем?; нужна; это очень плохо, меня это бесит; во спасение; везде; мужской род от слова «ложка» (1)

Отказ (119) 306 + 119

Эмотивно-чувственное значение ЛОЖЬ

Студенты	Индекс Ж	Индекс М	Школьники	Индекс
Весёлый / грустный	-1,8	-1	Весёлый / грустный	-1,8
Хороший / плохой	-3	-2,111111	Хороший / плохой	-3
Полный / пустой	-1,2	-0,888888	Полный / пустой	-1,2
Светлый / темный	-2,6	-2,333333	Светлый / темный	-2,6

АП СТУДЕНТОВ

ПРАВДА – честность (81); **ложь** (63); **искренность** (36); **истина** (24); **горькая**, **доверие** (21); **справедливость** (15); **хорошо** (12); **газета**, **откровенность**, **свет**, **чистая** (9); **боль**, **горечь**, **кривда**, **не ложь**, **ответственность**, **откровение**, **отношения**, **правдивый**, **редко**, **страх**, **точность** (6); всегда говорить правду, всегда нужна, где-то рядом, глаз колит, глаза колит, глубоко, голова, долг, друг, дружба, ее редко говорят, жизненная необходимость, жизни, жизнь, закон, зеленый, искать, и только и правда, краснеть, крепкая, крепкие кости, люди, мораль, настоящая, не всегда приятна, независимость, не лгать, не лживый, не ложь, не обман, нету, никогда не врать, нож, норма жизни, объективность, победа, понимание, порядок, правда, правда жизни, правота, прямота, реальность, редкая, редко, светлая, секрет, сила, сила воли, сила в правде, и тот сильный, у кого ее больше, синий, сладкая ложь, совесть, только чистая, трудно, уголовный кодекс РФ, успех во всем, часто это нельзя говорить вслух, честная, честно, честь, шило в мешке не утаишь, штык, это сила, это хорошо, я в это не верю (1); 567 + 24.

АП ШКОЛЬНИКОВ

ПРАВДА – **ложь** (116); **честность** (64); **горькая** (20); **не ложь**, **слова** (16); **верность**, **честь** (12); **вера**, **верность**, **искренность**, **подруга**, **правосудие**, **слово**, **хорошо** (8); **белый цвет**, **верить**, **весело**, **вина**, **вода**, **вранье**, **врать**, **всегда**, **газета**, **горький шоколад**, **горечь**, **детектор лжи**, **добрый человек**, **достаточно честно**, **жизни**, **друг**, **душа**, **есть**, **жестокая**, **жжёт глаза**, **жизнь**, **истина**, **когда не врёт**, **листочек**, **мечь**, **настоящая**, **не говорить ложь**, **не правда**, **но не ложь**, **ответ**, **оценка**, **оценки**, **правда**, **правильная**, **правильно**, **преданность**, **рассказ**, **редко её слышу**, **редкость**, **ручей**, **сила**, **сказать**, **стыд**, *то, что есть*, **тупо**, **тяжело** ... **но неправильно**, **умею**, **ученик**, **учитель**, **цветок**, **чистая**, **чистосердечное признание**, **чистота**, **это горько**, **это доверие**, **это правда**, **это я**, **я не знаю, что это такое**, **я счастлива** (1); 552 + 36.

СП СТУДЕНТОВ

ПРАВДА

То, что и т. п. (129)

то, что (89) **есть** (23) / происходило (5) на самом деле (22), действительно (6); на самом деле (12); неизменно (3); режет обман (1); существует в действительности (15); лучше не знать (3) иногда (1); скрывают (4) тщательно (2); нельзя опровергнуть (13) / потрогать, увидеть, можно лишь почувствовать, знать (1); желает знать каждый (6); не считают ложью (3)

что (24) можно проверить (23); говорят нам близкие люди (1)

во что я верю (14)

то, когда не обманывают, честны (1)

то, чего почти нет. Кстати, её можно купить (1)

Истина (54)

для каждого человека (7) конкретного (2); которую нужно говорить людям в лицо (1); которая иногда может быть горькой (1)

Через «ложь» (42)

не ложь (23)

отсутствие лжи (17)

антоним лжи (2)

Когда (39)

не врут (17); не обманывают (14) друг друга (4); говоришь то, что думаешь (6); люди ничего не смеют скрывать, говорят неискажённые факты (1); говорят то, что есть на самом деле (1)

Честность (37)

Верность (28)

между людьми (1)

Искренность (25)

по отношению к другому человеку (2); во всём (5); а главное – перед собой (1)

Высказывание (23)

истинное (16); достоверное (6); не несущее за собой ложных сведений (1)

Умение (19)

не лгать (16); правильно поступать (3) и говорить (1)

У каждого своя (17)

правда, она одна, **своя у каждого человека** (1)

у каждого своя правда (1)

Реальность (9)

Жизнь (7)

Факт (5)

Способность называть вещь своими именами (3)

Правда, хорошо, говорить правду, правильно (2)

Бескорыстность; **нужная вещь**; объективное **восприятие** происходящего; **доверие**; **душа человека**; **жизнь**; **клинок разума**; **невинность**; **ответственность** за свои поступки; **открытость** самому себе; **истинное положение вещей** для конкретного индивида; **понятие**, которое не несёт в себе негативной нагрузки, обижает, потому что истина; объективная **правильность** человека, верящего в то, что он всё делает правильно; **рассказ** о действительности без преувеличений; **реальность**; **достоверное утверждение**; **способ** познавать; тоже редкость; **сложно**; **больно**; все хотят её услышать (1)

Отказ (36) **всего 500**

СП ШКОЛЬНИКОВ

ПРАВДА

Через «ложь» и антонимы (90)

не ложь (26)

ложь (21), хорошо построенная (2)

отсутствие лжи (17)

неправда (9)

не обман (8)

кривда (4)

не врать (3)

неотъемлемая часть лжи (1)

не обманывать (1)

Честность (41)

Истина (38)

высказанная (5); горькая (4); относительная, показывающая истинное положение дел (1)

Когда (29)

человек не врёт другим (14) говорит себе только правду (1)

никто не врёт (6); ты не врешь и веришь (5); врешь и не краснеешь (2); человек врёт и не краснеет (1); я сказала маме, что курю (1)

То, что, что (28)

есть (13) на самом деле (5)

является настоящим (6); известно всем (3); не нравится всем (2); **то**, за **что** не стыдно (2); хочет слышать каждый (1); подтверждено многими людьми, определёнными фактами (1)

Всё; всё как есть; **дар**, который можно использовать не всегда; доверие; искренность; откровенность; размытое **понятие**, отвечающее представлениям каждой личности; правда; честное, чистосердечное **признание**; реальность; такая **тщета**; честь; смотря где; *круто*; глаза не колет; люблю правду; всегда; *класс*; прямой **ответ** на вопрос без попытки извратить его; она одна; нет (1)

Отказ (79) 477 + 79

Эмотивно-чувственное значение ПРАВДА

Студенты	Индекс Ж	Индекс М	Школьники	Индекс
Весёлый / грустный	0,30769230	0,583333	Весёлый / грустный	0,42857
Хороший / плохой	1,733333333	1,5	Хороший / плохой	1,8125
Полный / пустой	1,35714285	1,666666	Полный / пустой	1,4
Светлый / темный	0,84615384	1,666666	Светлый / темный	0,92857

Информация об авторе:

Бутакова Лариса Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 8-913-651-90-82, larisabut@rambler.ru.

Butakova Larisa Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department of F. M. Dostoevsky Omsk State University.

УДК: 81'373.61

СТАТУС И МЕСТО АСЕМАНТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В MORFODERIVACIONНОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА. СТАТЬЯ 2. СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ, ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОРЫ

Н. Д. Голев

NON-SEMANTIC ELEMENTS' STATUS AND RANK IN THE MORPHODERIVATIONAL WORD STRUCTURE PAPER 2: SYSTEMIC AND STRUCTURAL, FUNCTIONAL AND GENETIC FACTORS *N. D. Golev*

Статья является второй частью цикла публикаций автора, посвященных изучению вопроса о статусе и месте асемантических элементов в морфодеривационной структуре слова. В статье сделан акцент на синхронных структурно-семантических, структурно-генетических и функциональных факторах. Обсуждаются различные решения данного вопроса в зависимости от подхода к нему: морфемного (структурно-семантического) или деривационного (структурно-функционального), лексического или системно-словообразовательного, синхронного или генетического.

This paper is the second part of the author's publications cycle dealing with non-semantic elements' status and rank in the morphoderivational word structure. The paper highlights synchronic structure-semantic, structure-genetic and functional factors. Depending on the approach chosen: morphemic (structure-semantic) or derivational (structure-functional), lexical or systemic formative, synchronic or genitive, various resolutions are discussed.

Ключевые слова: словообразовательная структура слова, словообразовательная модель, морфемная структура слова, асемантические элементы, субморфы, интерфиксы, наращения.

Keywords: derivational word structure, derivational pattern, morphemic word structure, non-semantic elements, submorphs, interfixes, expanded forms.

В первой статье данного цикла (статья «Статус и место асемантических элементов в морфодеривационной структуре слова. Статья 1: роль фактора регулярности» опубликована в журнале «Вестник КемГУ», 2012, № 2) проблема места и статуса спорных морфемных отрезков в структуре слова была в основном рассмотрена

а в аспекте фактора регулярности воспроизведения такого рода отрезков и продуктивности модели, в которую они включены или имеют тенденцию быть включенными, хотя так или иначе в ней затрагивались и другие факторы. В данной статье акцент сделан на смежных факторах: синхронных структурно-семанти-

ческих, функциональных и генетических детерминантах. Сложность вопроса о месте несемантических элементов в структуре слова заключается не только в том, что сам по себе критерий регулярности-нерегулярности (и тем более функциональности) практически во многих случаях трудно использовать в силу онтологической скрытости причин, но и в том, что этот критерий далеко не единственный. К серьезному осложнению приводит также то обстоятельство, что решение поставленного вопроса находится в тесной зависимости от гносеологического подхода к нему: морфемного (структурно-семантического) или деривационного (структурно-функционального), лексического или системно-словообразовательного, синхронного или генетического. В силу гносеологического фактора исследователь ставится перед методологической дилеммой – выбором варианта анализа на основе либо «комплексности» подходов, либо сохранением его «чистоты» и логической последовательности в реализации одного подхода.

1. Разнообразие факторов, влияющих на статус «спорного» отрезка

1. Необходимо учитывать тип присоединений к данной основе морфемы. Если это флексия (парадигма флексий), то «спорный» отрезок со всей очевидностью должен испытывать тяготение к основе: *воп(ль)*, *се(в)*, *оде(н)-у*, *рудозна(т)*, *англичан(ин)-а*. Флексии более жестко выкристаллизовались как системные единицы, обладающие признаками обязательности, регулярности и стандартности выражения, менее склонны к материальной вариативности, в том числе линейного типа (о линейной вариативности во флективной сфере можно говорить лишь в редких случаях типа *весн-ой /весно-ю, дв-уля /тремя*. Имеются трактовки окончаний первого и второго спряжений глаголов, как *-шь, -т, -м, -те*, а предшествующие им гласные – как тематические гласные (типа интерфиксов, по Е. А. Земской) или вариантообразующих наращений к окончаниям. Эту трактовку поддерживают окончания типа *-шь* в *да-шь, е-шь*, где окончания представлены без наращений (тематических гласных). Однако в силу того, что архаические *-шь, -ст* и пр. представлены в явно единичных глаголах, именно их в синхронии следует считать усеченными вариантами. Сложившаяся система не поддерживает такую трактовку прежде всего потому, что окончания третьего лица единственного и множественного числа противопоставлены именно комплексами «гласный – согласный»: *-ем/-им – -ут /-ат*. В суффиксальном формообразовании линейная вариативность представлена несколько шире: *-е/-ей* в сравнительной степени, *-в/-виш* в деепричастиях, *-ти / -ть* в инфинитиве, но только в *-нн-/-енн-* в причастиях линейное изменение связано с организацией морфемного шва). Можно сказать, что между флексиями и основой отношения давно отрегулированы таким образом, что переменной (приспосабливаемой) величиной выступает основа. А, к примеру, префиксы свободнее включают в свой состав регулярные наращенные: *де(з)-информация, под(о)грать*. Нерегулярные отрезки между префиксом и корнем (например, *-н-* в слове *вз(н)-уздать* так же, как и во всех других случаях, ближе к корню. При соединении двух основ наблюдается иная тенденция к развитию – от флексии к регулярной морфеме (этот статус отражает термин «соединительная гласная») и далее – к самостоятельному форманту, называемому в

«Русской грамматике» интерфиксом [10, с. 139]. Однако важно подчеркнуть при этом, что этот процесс не завершен и существует некоторое тяготение интерфикса к первой основе, что обусловлено исторически синхронно, ср.: *нефт(е)* – и *газодобыча*; «земля, исполосованная *электр(о)* и всякими другими линиями» (Астафьев В. Посох памяти).

Движение знаменательных морфем к аффиксальным, вследствие высокой воспроизводимости последних, связано с определённой «переориентацией» промежуточных отрезков от первой основы ко второй основе – аффиксоиду: *гидроним, зооним* и т. д., породившие термин *оним*; *платиноид, зебroid* – в которых ясно ощущается целостный суффиксоид – *oid*; вероятно, определённые колебания испытывает и субморф *-о-* в словах на *-одром, -отека, -олог, -ология* (ср. *болтология*), *пол(у)* (функционально *полу-* уже самостоятельный аффикс, поэтому, к примеру, *пол-круга* и *полукруг* – разные слова, образованные разными способами словообразования – сложением и префиксацией-, по-разному склоняющиеся (в ряде учебников *пол-круга* предлагают склонять следующим образом: род. *полкруга*, дат. *полукругу*, творю *полукругом* и т. д., что, на наш взгляд, неправомерно, поскольку приведенные косвенные словоформы принадлежат только лексеме *полукруг*, а *пол-круга* в литературном языке косвенных форм не имеет). Впрочем, для *полчаса* склонение по типу *полчас* уже не столь отчетливо неприемлемо, возможно, потому, что существительное *полчас* в русском языке отсутствует.

2. Необходим учёт природы, генезиса интерфиксов-наращений: в одних случаях они «восходят» к фонетическим явлениям, порождённым спецификой основы (*шоссейный, киевлянин, суждение, чуждый, киношный*) и поэтому к основе примыкающим, в других же случаях они «этимологизируются» через аффиксы и другие части основ (*шип-ов-ник, зл -(ост)-н/ый/*) и характеризуются поэтому развитием от основы к интерфиксу и далее к аффиксу. Таким образом, в словах типа *муссолини-(j)-евский* отрезок *-j-* ближе к основе, а *-ов-* к суффиксу. Отличие фонетических элементов от других заключается в их относительной обязательности, в обусловленности артикуляцией, хотя и здесь нет жёстких закономерностей, ср.: *де(з)информация* и *деэтимологизация, контр(а)-пункт* и *контр-встреча, модель(я)-эр* и *интервью-эр* и т. д. Вероятно, парадигматические требования (за которыми стоят аналогия и регулярность воспроизведения) оказываются сильнее синтагматических.

3. Следует учитывать и регулярность наличия наращений при определённом корне. Было бы нелогичным считать отрезки типа *-т-* при глагольной основе *жи-* (*житница, житуха*) частью суффикса, если этот отрезок регулярно обслуживает данную основу во многих производных. Аналогичен отрезок *-в-* при корне *пе-* (*певец, нараспев, певучий*) или *би-* (*бивень, перебив*) и др. Теоретический интерес вызывает возможность чередований «закрывающих», консонантизирующих согласных: *да(т)-чик, да(ч)-а, прода(в)-ец, прода(ж)-а, рудозна(т), зна(т)-ок, незна(я)-ка, би(т)-а, уби(я)-ство, разби(в)-ка, би(в)-ень, оде(н)-у, оде(я)-ало, подде(в)-ка, ветроду(я), стеклоду(в), ста(н), ледоста(в), мя(т)-а, глиномя(л).*

Вероятно, в эту же группу входит отрезок -к- в словах типа *истори(к)*, *траги(к)омический*, с той особенностью, что здесь присутствует фактор наложения.

4. Несомненно, что на место спорного отрезка влияет и степень его мотивированности / идиоматичности в структуре образования, и соответственно, степень семантизирующей основы. Сравним слова *дармовщина*, *групповщина*, *поножовщина*. Связь с прилагательными на -*ов/ый*/ вполне реальна в первом случае, менее реальна – во втором и проблематична в третьем. Максимального отрыва от основы достигают «реликтовые» отрезки – остатки прежних состояний, итог каких-то исторических процессов в формальном или формально-семантическом планах. Такие отрезки создают формальную идиоматичность структуры, они вообще лишены как приспособляемостной функции (случайны по отношению к валентности), так и интегрирующей (нерегулярны): *ин-(д)-еветь*, *черт(ых)-а/ть/ся*, *мерз-(ав)-ец*, *худ-(ош)-ав/ый*/ (исторически от *худость*, ср. *молож-ав /ый*/, *пер-(н)-ат/ый*/ (исторически от *перно*, ср. *крыл-ат/ый*/; *боя-(з)-лив/ый*/, *нов-(ш)-еств/о*/, *меж(ду)-правительственный* и т. д. Подобные отрезки по функции нельзя отнести ни к основе, ни к аффиксу, поскольку они пока не проявляют своей функциональности, и в этом плане их можно трактовать как принадлежащие всей лексеме в целом. На наш лексико-структурный взгляд на такие спорные отрезки, когда словообразовательная структура выводится из лексических отношений, и делается акцент на мотивирующей основе как главном структурообразующем компоненте (подробнее об этой проблеме см. в наших статьях [1, с. 117 – 124; 2, с. 30 – 47; 3, с. 58 – 65]. Функционализация отношений в словообразовательном смысле переводит акценты на аффикс и словообразовательную модель, им образующую, поэтому даже мысленная актуализация модели – аналогии типа *худощавый* / «толстощавый», говорят о потенциале их развития в сторону образования «удлиненных вариантов» суффикса. С лексико-мотивационной точки зрения, отсутствие семантической связи с основой не позволяет считать иноязычные вставки типа -*ат*- в словах *драматический*, *схематический*, *симптоматический*, принадлежностью именно основы, как предлагает В. В. Лопатин [5, с. 47] (*дипломатический*, тем более, *ароматический* имеют такие основания). Тем не менее общая тенденция движет их в сторону образования удлиненных вариантов суффикса, особенно если дериваты появляются не как русифицированное оформление-заимствование, а в собственно русской деривационной среде, возможно, именно в ней образовались (*травм-атический*, *плазм-атический*, *магм-атический*, *спазм-атический*) (дальнейшее движение в этом направлении – различное функционально-семантическое наполнение формальных вариантов, территориальная дифференциация [4]. Об этом мы намерены сказать в одной из следующих статей данного цикла). Аналогичный критерий может быть применён и по отношению к таким отрезкам как, -*а*-, -*и*-, -*е*-, -*ух*-, ср.: *однажды*, *трижды*, *двенадцать*, *треухий* – здесь эти отрезки немотивированы, *двухлетний*, *пятиэтажный* – мотивированы. В слове *двойка* (например, *двойка загребных*) отрезок -*ой*- мотивированный (от *двој/е/*), а в *двойка* (по физике) отрезок -*ој* – немотивированный, из чего следует, что в первом случае есть основания считать отрезок -*ой* частью производящей основы, а во

втором – суффикса. Слова типа *однерка* сигнализируют о том, что статус суффикса -(*ер*)к- уже оформился и для его употребления уже не требуется смысловая мотивация собирательным числительным (так же, как, например, не требуется собирательного числительного *тысячеро* для глагола *утысячерить*).

С лексико-мотивационной точки зрения, сложным является вопрос о словах типа *зlostный*, *экзаменацiонный*, которые формально мотивируются словами *зlostь* и *экзаменацiя*, но семантически и функционально мотивируются словами *зло*, *экзамен*, отрезки -*ость*- и -*аци*-, в силу этого, здесь лексически не мотивированы, они отрываются от основы. Аналогично обстоит дело с «пустыми» приставками типа *по-* (*поход*, *подруга*, *погоня*), *вс-* (*вспомогательный*), *о-* (*одуванчик*, *охота*). Степень их отрыва от основы также неодинакова, ср.: *похлебка*, *погоня* (связь с глаголами *похлебать*, *погнаться* достаточно ощутима), *поплавок*, *полет*, *победа* (связь с соответствующими глаголами ощутимо слаба), *поход*, *подвижный* (связь отсутствует). Системная дериватизация отрезков типа -*аци*-, на наш взгляд, вполне вероятна, что же касается «пустых» приставок, то здесь вопрос о их «оживлении» обстоит сложнее, поскольку не видно примеров новообразования

5. Со всем сказанным органически связан фактор взаимодействия планов создания и воспроизведения по отношению к тем или иным морфонологическим явлениям. Диалектика соотношения создания и воспроизведения актуальна не только на уровне слов, но и на уровне морфем, употребляемых в порождающей функции, прежде всего в области морфонологии, взаимоприспособления морфем. Явление морфонологии можно рассматривать как результат «строительства», в ходе которого форманты в целях приспособления так или иначе «обрабатываются», «подгоняются» друг к другу на морфемном шве посредством качественного видоизменения звуковой оболочки (чередование), усечения «лишнего»; вставок (интерфиксация), удлинения морфем (наращение) и др., например: *киевлянин*, *кофейник*, *ручка*, *синеватый* (ср. *беловатый*), *дезинформация*, *лесостепь* и т. д.). Однако возможна и другая постановка вопроса: для получения приемлемого целого из системы морфем языка подбираются уже готовые, подходящие для данной цели, то есть хорошо сочетающиеся по форме варианты или синонимы основ и аффиксов. Имеем ли мы здесь дело с разными аспектами одного и того же явления, например, порождающего, или функционального в противовес структурно-системному, или формально-семантическому, или объективно разными явлениями, не сводимыми друг к другу? Не отрицая предпочтительности какой-либо из этих трактовок для того или иного подхода, мы тем не менее считаем правомерными попытки отыскания линии объективного противопоставления плана создания и плана воспроизведения производного слова. Естественно признать такой линией регулярность данного морфонологического средства. Однако конкретная реализация данного принципа оказывается неоднозначной во многих решениях.

Во-первых, различается обоюдное приспособление сочетающихся морфем, ср. *купеч+еск/ий*/ (в первом случае целесообразно видеть «создание» варианта основы, а во втором – выбор варианта аффикса) и приспособление основ к аффиксам, ср.: *лж+ец* и *лж+ун*, *опен+ок* и *пн+ищ/е* или аффиксов к основе:

под+бежать и *подо+йти*, *перепис+чик* и *пил+щик*, *пил+чик* и *пили+льщик* и т. п. Соединительная гласная скорее средство присоединения первой основы ко второй, чем средство взаимоприспособления, так как наличие-отсутствие соединительной гласной не зависит от характера начала второй основы (*взрывоопасный* и *новориспеченный*), тогда как зависимость отсутствия соединительной морфемы от конца первой основы очевидна: *менюсоставление*, *кофеварка* в силу вокальной финали основы не нуждаются в дополнительной вокализации.

Во-вторых, разные морфонологические средства тяготеют к различным в данном отношении типам приспособления. Так, чередования и усечения более мобильны, тогда как наращенные тяготеют к статическому воспроизведению. При этом, как было сказано, направление такого тяготения при суффиксальном слово- и формообразовании – от основы к аффиксу основы уникальны, поэтому именно в них заложена причина разнообразия аффиксов. Аффиксы, образуя варианты, как бы вбирают в себя специфичность основы и средств приспособления к ней, типизируют ее и обслуживают этот тип. При флективном формообразовании "тяжесть" наращений переносится на основу, что нередко является причиной образования их устойчивых вариантов. Так, основы настоящего и прошедшего времени у глаголов, субстантивные основы с наращением (*-ер-*), (*-ен-*), (*-ин-*), основы собирательных числительных с наращенными (*-ой-*), (*-ер-*) сохраняют свой статус и при образовании новых суффиксальных производных (ср.: *пил(и)+(ль)щик* и *пиль+щик*, *мат(ер)+инск/ий/* и *мат+(уш)к/а/*, *врем+ечк/о/* и *врем(ен)+н/ый/*, *пят+ак* и *пят(ер)к/а/*).

В-третьих, диахронический и типологический аспекты предполагают наличие морфонологических явлений промежуточного характера, разной степени приближенности к тому или иному морфонологическому типу. Например, «закрывающие», «консонантизирующие» субморфы типа *-и-* (*киношный*) или *-j-* (*кофе́жный*) не стали еще, на наш взгляд, тем элементом, который принадлежит суффиксу (*-ин-* или *-jn-*), больше оснований видеть в них или соединительный элемент (интерфикс, по Е. А. Земской), но с функциональной точки зрения предпочтительнее выглядит их трактовка как части основы: *се(в)-#*, *глиномя(л)-#*. Некоторые элементы занимают промежуточное положение между морфонологией и суффиксальной или интерфиксальной деривацией: *завкафедрой*, *трёхтонный*, ср. *двушник*, *трёшник* (скорее всего, генетически они восходят к прилагательным *двухкопеечный*, *трёхкопеечный*); *дважды*, где аналогичные компоненты – субморфы, в разной мере тяготеющие к суффиксу; *дома*, *во-первых*, *подчистую* эти компоненты – самостоятельные морфы или части формантов.

В-четвертых, соотношение производства / воспроизводства в морфах каждого конкретного слова непосредственно зависит от соотношения категорий в данном слове в целом: чем далее отходит слово от плана создания, тем более воспроизводимыми (в составе целого) становятся принадлежащие ему морфы. При этом меняется характер зависимости. Уникальность морфа или морфонологического средства в готовом каноническом слове делает его максимально воспроизводимым и его нужно просто запоминать, например: *пер-н-ат/ый/* (ср. *рог-ат/ый/*), *жест-икул-ирова/ть/*, *гену-эз-ск/ий/*,

убра-н-ство, *илёпа-н-ц/ы/*, *уф-им-ск/ий*, *балер-ин/а/*, *сахар-и-метр*, *женит-ь-б/а/* (ср. *жень-б/а/*) и т. п. Такое явление ярко иллюстрирует формальную идиоматичность структуры слова.

2. Функциональный фактор в квалификации места «спорного» отрезка в морфодеривационной структуре слова

Разработка непротиворечивой методики определения статуса асемантических отрезков – дело будущего. В соответствии со всем сказанным выше мы предлагаем в формально-семантическом аспекте считать их в основном относительно самостоятельными, дискретными единицами – интерфиксами, обладающими формой, но лишенными семантики. С функциональной точки зрения, основной в данном отношении, некоторые из таких интерфиксов, обнаруживающих интегральную функцию или просто регулярность, логично включать в состав аффикса. Также в состав аффикса должны включаться средства приспособления аффиксов к основе (ср.: *-чик* и *-щик*; *-оват-* и *-еват-*). Напротив, средства приспособления основ к аффиксам целесообразно оставлять в составе основ (*ко-фе(й)-ный*, *поня(т)-ливый*). Средства же взаимоприспособления (соединительные гласные) следует относить к интерфиксам. Таким образом, с функциональной точки зрения, «спорные» отрезки, обнаруживающие «функциональность», тяготеют к единицам более высокого порядка в зависимости от того, что и как они обслуживают; нефункциональные отрезки в этом смысле индифферентны.

Следует заметить, что с позиций единиц более высокого порядка вопрос о месте морфонологических прокладок мало существен. Это можно проиллюстрировать примерами из обывденной жизни. Шайба, например, будучи прокладкой между болтом и деталью, относится скорее к болту (с ним и продается). Решетка, закрывающая пламя газовой горелки, скорее часть плитки, нежели сковороды. Так же соединительная гласная ближе к первой, чем ко второй основе. Ясно, однако, что такие решения не являются строгими: критерии, по которым они осуществляются, расположены на уровне внешних признаков. Проблема места субморфов заключается в том, что функтивы-морфы и функтивы-субморфы (как единицы структурно-семантического плана [9]) выполняют разную по качеству функцию. И нет ничего противоречивого в том, что с позиций функции субморфа, он должен быть отнесен ко всей структуре в целом, ко всей единице, а не к ее отдельным частям. А распределение его внутри структуры – вопрос частный.

В практическом плане сложность определения статуса асемантических отрезков в структуре слов связана с противоречием метода и объекта. Объект – явление функционального плана (функтив), адекватным методом изучения которого является словообразовательный анализ, между тем его выделение осуществляется по принципам формально-семантического (морфемного) анализа. Например, с позиций мотивации мы выделяем в слове *дезинформация* мотивирующую базу *информация* и формант *дез-*; выделение же в форманте наращенного *-з-* возможно только при использовании принципов дифференциации и отождествления. Поэтому в рамках единого морфемно-словообразовательного анализа целесообразно, на наш взгляд, ввести еще один дополнительный прием-этап – "проверку" выделенных

отрезков на функциональность, в соответствии с которой определять место отрезка в структуре. Например, в слове *взя-т-о-ч-нич-е-ств-о* субморфы *-т-*, *-е-* и *-о-* следует определить как принадлежность соответственно корня *взя(т)* и суффиксов *-(е)ств-* и *-(о)ч-*, после чего морфодеривационная структура будет выглядеть так: *взя(т)-(о)ч-нич-(е)ств/o/*. Такому целостному представлению структуры соответствует предложенный Г. О. Винокуром и развитый Н. М. Шанским принцип скобочной записи, например: $\langle \{ / \text{взя-}(т) + (о)ч / + \text{нич} \} + (е)ств \rangle o$. По отношению к субморфам этот принцип особенно важен, так как они принадлежат чаще всего единицам функционального уровня, нередко составным. По локальному же критерию их следовало бы отнести к одной из близлежащих составных частей, скажем, *-й* в глагольных основах – часть основы, но не суффиксов *-а-* или *-е-* в *листаю* и *плешивею*: $\{ / (лист) + а / - (й) \} y$, $\langle \{ / (плеш) + ив / + е \} - (й) \rangle y$.

В связи с обсуждаемым вопросом немалый интерес представляет статья И. Г. Милославского «Сложение семантических элементов в структуре русского слова» [5, 6], в которой автор, справедливо полагая, что для структуры русских слов типична деактуализация значения каких-то предшествующих звеньев (например в словах *вытalkingать* или *сжигать* значение совершенного вида, заключенное в префиксе, неактуально в данных глаголах несовершенного вида), делает вывод о том, что такое же погашение значения имеет место и в случаях типа *ялтинский*, *орловский*, *американский* (это же значение наличествует, по И. Г. Милославскому, в словах *тополинный*, *ежовый*, *песчаный*); *целёбный* (*хвальба*), *медвежатина* (*бородатый*), *спортивный* (*спесивый*); *бомбёжка* (*галдёж*). В словах *аналогический* и *извинительный* в такой же мере выделяются суффиксы *-ик-* / *-ич* и *-тель*, как и в словах *аналитический* и *утешительный*, несмотря на то, что в последних можно усмотреть мотивирующие основы *аналитик-* и *утешитель-*. Основания для таких утверждений автор видит в разнице морфемного анализа, в аспекте которого им и проводится обсуждение, и анализа словообразовательного. «Для морфемного анализа, как известно, – пишет И. Г. Милославский, – существенно установить не связи между существующими в языке словами, а расчленив слова на мельчайшие по форме членимые единицы. При таком членении важно лишь то, можно ли приписать вычленяемому отрезку некоторое значение. При этом несущественно, выступает ли данный отрезок в пределах данного словообразовательного гнезда или нет» [6, с. 79 – 80].

По поводу приведенных положений можно поставить ряд принципиальных вопросов:

1. Релевантен ли собственно морфемный (формально-семантический) анализ при описании структуры слова без опоры на словообразовательный (функциональный) анализ? Определимо ли значение единицы без опоры на ее функцию? Допустим, в слове *приспособляемостный* аннулирует ли признаковый суффикс *-н-* значение отвлеченной предметности, выраженной в суффиксе мотивирующего существительного *-ость*? Ведь *-н-* указывает на признаковость не только как таковую, но и на признаковость по отношению к отвлеченному существительному; последнее, в свою очередь, субстантивирует процессуальный признак и т. д. То же самое можно сказать и об аннулировании значения

предметности в анализируемых И. Г. Милославским словах частотность и жалостливость [6, с. 76].

2. На каком уровне происходит «расчленение слова на мельчайшие по форме единицы»: морфемном или морфемном? Аксиоматично, что слова и тем более словоформы, – совокупность не морфем, а морфов. В статье И. Г. Милославского, на наш взгляд, предлагается в конечном итоге вычленять из анализируемых конкретных единиц именно морфемы как абстрактные виртуальные языковые единицы вне зависимости от способа их функционирования в данных словах. В связи с этим допустим вопрос, имеют ли суффиксы *-ик-* и *-тель-* в словах *аналогический*, *аналитический* или *извинительный*, *утешительный* значение лица, если мотивационно или функционально данные прилагательные с семей «лицо» не связаны? По существу, они связаны с абстрактными понятиями, выражаемыми словами *аналогия* и *анализ* («относящихся к аналогии, анализу») или с действиями, выражаемыми глаголами *извинить*, *утешить* (*утешительный* – обладающий способностью к действию «утешать»), в отличие от *утешительский* – «относящийся к утешителю»). Понятно, что с позиций функционального морфемно-словообразовательного анализа, который представляется определяющим по отношению к структурному плану слов, в данных словах целесообразнее выделять суффиксы-функтивы *-тельн-* и *-ическ-*. На несемантичность *-тель-* и *-ич-* указывает их вариантообразующее участие в морфонологических процессах (*кури-тельн-ый* и *кури-льн-ый*, *турист-ск-ий* и *турист-ическ-ий*). Но и в том случае, если анализ ведется на уровне морфем как структурно-семантических единиц, при этом остаются неясными многие моменты, связанные с необходимостью «приписать вычленяемому отрезку некоторое значение».

Каковы должны быть правила структурно-семантического отождествления морфов без привлечения функциональных критериев? С одной стороны, вызывает сомнение объединение в одной морфеме таких морфов, как *-ив-* в словах *спортивный* и *спесивый* (ср. более естественное объединение: *номинатив* и *номинативный*); или *-ат-* в *медвежатина* и *бородатый* (ср. *телята* – *телятина*), *-ин-* в *льдина* (значение дискретности) и *крестьянин* (значение единичности) и др. Отождествление незначимых (в структуре данного слова) морфов, то есть объединение субморфов в «субморфемы», осложняется тем обстоятельством, что они часто употребляются в разнообразных позициях с формально и семантически разными типами основ и аффиксов, ср., например, употребление субморфа *-ов/-ев-*: *орловский*, *отцовский*, *сыновий*, *постепеновец*, *королевство*, *растиловка*, *забегаловка*, *уравниловка*, *толстовка*, *шиповник*, *гнездовье*, *старьевщик*, *суковатый*, *зубовный*, *сановный*, *царевна*, *чиновник*, *пороховница*, *чаевничать*, *чертовщина*, *юрьевич*, *мешковина*, *чепуховина*, *луковица*, *свекловичный*, *корневище*, *безотцовщина*, *котлован*, *жениховство*.

По происхождению субморфы восходят к явлениям разного языкового статуса, причины их деактуализации также разнообразны. В порождающем плане их образование нередко связано с формальной аналогией, малообусловленной значением и фонетической позицией, ср. отрезок *ат-* в *бредятина* (Наш современник, 1979, № 1) или *журавлятник* (Комсомольская правда, 1980, 25 января); *-ов-* в слове *следовик*: «...он называет кам-

ни с древними знаками *следовиками*» (Комсомольская правда, 1980, 7 января).

В этом ряду вопросов возникает также вопрос о том, какое значение и функцию нужно приписывать уникальным или трудноотождествляемым спорным отрезкам: *черт-ых-аться*, *ин-д-ев-ть* (*враж-д-а-?*), *жени-ть-ба*, *пер-н-атый*, *нов-щ-е-ство*, *боя-з-ливый*, *нито-ж-ный*, *уф-им-ский* (*люб-им-ый-?*), *выговор-ёш-ник* («А там мы ему ещё прогульчик соорудим, а там **выгово-рёшник** за прогульчики влечим», *раздух-ар-иться*, *мут-ор-н-ый*. Этой проблеме мы намерены посвятить следующую статью настоящего цикла статей.

С другой стороны, – и это более существенно – не ясно, следует ли считать здесь одной морфемой значимые и опустошённые морфы? Справедливо положение Аристотеля: «...все вещи определяются способностью к определённой работе..., если этой (способностью) они уже не обладают, то нельзя говорить, что это та самая вещь, но это (другая вещь), обладающая тем же самым названием» (цит по: [8, с. 43]). Применительно к морфемам, исходя из аристотелевского тезиса, можно говорить лишь об омонимии значимых и опустошённых морфов, например, омонимичны отрезки *по-* со значением временной ограниченности действия в слове *почитать* и *по-* в слове *поезд*, где это значение, если оно и было, полностью утрачено (сейчас *поезд* не мотивируется глаголом *поездить*), или «с» в словах *спокойный* и словоформах *со снегом*, *с железом*?

Думается, что инвариантом несемантических отрезков (субморфов) должен быть именно формальный инвариант с обязательным учетом функции. Вопрос о том, каким должно быть соотношение этих величин – это центральный вопрос в данной сложной и интересной теме.

3. Тождественны ли явления полной незначимости морфа в структуре слов *поезд*, *вспомогательный*, *спокойный*, *утешительный*, *медвежати́на* и т. п. и явления нейтрализации семантики на определенных ступенях словообразовательной цепи (*выталкивать*)? Действительно, чисто механическое суммирование морфов может привести к выводу об их тождестве. Но как только мы перейдем к «функциональному сложению» – а оно заключается в восстановлении мотивационно-словообразовательной цепи, – так сразу становится ясным их различие: «опустошённые» морфы (субморфы) не актуализируются ни в одном звене, нейтрализованные же рано или поздно должны выявить свою функционально-семантическую наполненность и, следовательно, релевантность в общей морфодеривационной структуре данного слова (словоформы).

Особый характер имеет затухание роли морфемы в структуре слова в отрезках типа *-ост-*, *-аци-*, *про-*, *по-*

за- и подобные в словах *злостный*, *экзаменацонный*, *спросонья*, *спозаранку*, которые содержат в себе значение, но не являются функциональными.

По отношению к таким, редким в русском языке, единицам принципы морфемно-семантического анализа, предлагаемые И. Г. Милославским, вполне обоснованны. Хотя и здесь обращает на себя внимание факт давления на подобные единицы мотивационно-словообразовательных принципов. Так, например, слово *вскорости* содержит отрезок *-ост-*, никак не относящейся к слову *скорость*, хотя значение отвлеченной субстанции в какой-то мере ему присуще (ср.: *поблизости* от *близость*, *по малости* от *малость* и др.). В то же время непосредственная мотивация словом *скорость* позволяет «видеть» в слове *вскорости* конфикс-функтив *в--ости* (ср.: *вскоре*, *вблизи*, где выявляется конфиксы *в---е* и *в---и*), точно так же, как *-к-* с исконно субстантивным значением отходит к конфиксу *в---ку* в словах типа *вразбивку*, *вприкуску* и т. п. Подобным же образом в глаголах типа *взорлеть*, *взвихреть*, *приохотить*, *расцедриться*, *прикарманить* выделяются составные форманты (смешанные способы словообразования) по причине отсутствия, возможно, случайного и временного, более простых глаголов типа *орлить*, *рыбить*, *карманить* (ср.: *положить* при «отсутствии» *ложить*). Последний пример ярко оттеняет то обстоятельство, что представленная логика является справедливой только при лексико-центристской трактовке словообразовательной структуры, при которой она детерминируется лексическими отношениями, в том числе в нормативно-узуальной плоскости.

Феномен нейтрализации «сем» представляет собой типовой случай в синхронии языка, он проявляется, например, при образовании лексико-семантических вариантов, где нейтрализация касается как выраженных, так и невыраженных (в отдельных морфемах) признаков, например, семантический признак «желтый», присущий значению слова *золотой* в его основном значении, нейтрализуется в его варианте *золотой* (характер, ребенок и т. д.), признак «петь» выраженный во внутренней форме слова *петух* неактуален в его производных: *петух* (о человеке), *петунья* (растение), *петушком* (нарекание) и подпредметность суффикса *-нищ-* исчезает в абстрактном термине (*ножницы* как экономическое понятие), абстрактность *-ние* или *-ость* в *здание* или *жидкость*. Аналогичные процессы происходят при изменении части речи, в частности, таково затухание признаков времени и залога при адъективации причастий или признака определенности количества при адъективации числительных.

Литература

1. Голев, Н. Д. К соотношению лексической и словообразовательной мотивации (функциональный аспект) / Н. Д. Голев // Актуальные проблемы русского словообразования: сб. науч. статей. – Ташкент: Укитувчи, 1985.
2. Голев, Н. Д. Мотивация и словообразование / Н. Д. Голев // Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке: межвузовский сборник / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: АГУ, 1986.
3. Голев, Н. Д. О некоторых факторах словообразовательной мотивации в русском языке и принципах их взаимодействия / Н. Д. Голев // Языковые и речевые единицы в лексике и фразеологии русского языка: межвузовский сборник научных трудов. – Курск: Изд-во Кур ПИ, 1986.
4. Голев, Н. Д. Опыт описания региональных адъектонимических систем: лексико-семантический аспект мотивации (на материале русских адъектонимов Алтайского края) / Н. Д. Голев // Сибирские русские говоры: сб. статей / под ред. В. В. Палагиной. – Томск: ТГУ, 1984.

5. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания / В. В. Лопатин. – М.: Наука, 1977.
6. Милославский, И. Г. Сложение семантических элементов различных типов в структуре русского слова / И. Г. Милославский // Вопросы языкознания. – 1979. – № 6.
7. Милославский, И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский. – М.: МГУ, 1982.
8. Пазухин, Р. В. Язык, функция, коммуникация / Р. В. Пазухин // Вопросы языкознания. – 1979. – № 6.
9. Пастушенков, Г. А. Некоторые проблемы структуры слова (единицы структурно-семантического плана) / Г. А. Пастушенков. – Калинин, 1977.
10. Русская грамматика. Т. 1. – М., 1980.

Информация об авторе:

Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, КемГУ, 8(3842) 31-84-26, ngolevd@mail.ru.

Golev Nikolay Danilovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of the Russian Language or KemSU.

УДК 811.161.1'355

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СИНОНИМИИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

Н. В. Гришина

SOME SPECIAL FEATURES OF DERIVATIVES SYNONYMY

N. V. Grishina

Статья посвящена описанию различных видов словообразовательной синонимии в пределах двух словообразовательных ниш и фреймовой природе словообразовательно-пропозициональной синонимии. Словообразовательная синонимия в пределах рассматриваемых ниш проявляется преимущественно в именах лиц и артефактов.

The article is devoted to the description of different kinds of word-formation synonymy in two word-formation niches and to the frame nature of propositional synonymy. Word-formation synonymy in considered niches shows itself in the names of persons and things.

Ключевые слова: словообразовательная ниша, словообразовательная синонимия, пропозиция, фрейм.

Keywords: word-formation niche, word-formation synonymy, proposition, frame.

Язык отличается стремлением создать несколько форм для обозначения одного понятия, что необходимо для наиболее полного выражения мысли, реализации ее малейших нюансов. По словам В. Гумбольдта, «языко-творческая сила в человечестве будет действовать до тех пор, пока ... она не создаст таких форм, которые всего полнее и совершеннее смогут удовлетворить предъявляемым требованиям» [3, с. 51]. Как одно из отражений этого стремления в языке возникают синонимы.

Каждый предмет или явление материального мира обладает рядом свойств, признаков, и при номинации выбирается наиболее значимый аспект для определенной речевой ситуации. В иной ситуации тот же объект может быть именован по другому свойству или признаку. Это определяется иконичностью языкового знака, стремлением нового содержания соответствовать новой форме. «Возможность пользоваться разными именами для обозначения одного и того же конкретного предмета – считает Н. Д. Арутюнова – создает ситуации, которые можно назвать гетерономинативными. Гетерономинативность может быть следствием предидирующих возможностей номинаций, пользуясь которыми говорящий одновременно идентифицирует предмет речи для собеседника, сообщает о нем дополнительные сведения, и дает ему оценку» [2, с. 97].

В отличие от синонимии лексической, возникновение словообразовательной синонимии обусловлено деривационными процессами. Выделяют три типа словообразовательных синонимов: однокоренные, отраженные и словообразовательно-пропозициональные, все

они прослеживаются в рассматриваемых словообразовательных нишах (источниками для извлечения необходимой лексики послужили толковые словари русского литературного языка, а также «Словарь современного русского города» под редакцией Б. И. Осипова. Источники указаны в конце статьи).

Традиционно именно **однокоренная синонимия** рассматривалась как словообразовательная. Данный вид словообразовательной синонимии находится в постоянном развитии. По мнению Л. А. Араевой: «Сущностное свойство однокоренной синонимии ... состоит в том, чтобы на какое-то (иногда довольно протяженное) время установить относительное равновесие в неравновесной, динамически развивающейся деривационной системе. Появление однокоренной синонимии – свидетельство того, что во взаимодействующих словообразовательных типах происходят под влиянием их пропозиционально-семантического устройства... некие, пока явно не выраженные синергетические процессы, приводящие к модификации отдельных участков деривационной системы, что влечет за собой формально-семантические изменения в словообразовании в целом» [1, с. 181].

Полноценные однокоренные синонимы в словообразовательных нишах с суффиксами -ник и -ниц(а) более всего функционируют среди производных артефактов. Анализируя производные имена артефактов в функциональном аспекте, мы отметили пересечение словообразовательных ниш с суффиксами -ник и -ниц(а) во многих ЛСЗ, что, соответственно, проявляется в появлении однокоренных синонимов. В первую

очередь, это дериваты со значением «посуда для подачи пищи на стол»: *сметанник* – *сметанница*, *салатник* – *салатница*, *уксусник* – *уксусница*, *супник* – *супница*. Кроме того, однокоренными синонимами являются производные с лексико-словообразовательным значением «емкость для хранения предметов быта»: *булавочник* – *булавочница*, *игольник* – *игольница*, *брусочник* – *брусочница*. Оба синонима в паре равно употребляются в современном русском языке, но все же существует тенденция закрепления данных ЛСЗ за СН с суффиксом -ниц(а), возможно, синонимы с суффиксом -ник в будущем выйдут из употребления. Об этом свидетельствует и проведенный нами эксперимент. Так, в парах однокоренных синонимов со значением «посуда для подачи пищи на стол» *салатник* – *салатница*, *супник* – *супница* предпочтение испытуемых отдавалось дериватам с -ниц(а). Для производных с -ник назывались другие значения (например, *салатник* – повар по салатам, любитель есть салаты, растение; *супник* – любитель есть суп, поварешка для супа).

Некоторые дериваты с суффиксом -ник с ЛСЗ «помещение для определенных животных» также имеют однокоренные синонимы с формантом -ниц(а): *скотник* – *скотница* (помещение для скота), *скворечник* – *скворечница*. Также можно говорить об однокоренных синонимах со значением «помещение по времени использования»: *зимник* – *зимница* и «помещение для хранения чего-либо»: *сенник* – *сенница*.

Среди девербативов можно отметить лишь однокоренные синонимы *дойник* – *дойница*, *доильник* – *доильница*.

Однокоренная синонимия производных с суффиксами -ник и -ниц(а) со значением лица отличается некоторыми особенностями. Ее проявление прежде всего обусловлено внутрисловной гендерной многозначностью производных с суффиксом -ник, их способностью называть (в основном в функциональном аспекте) лиц как мужского, так и женского пола. Например, в парах *чертежник* – *чертежница*, *работник* – *работница* и др. оба слова могут называть лицо женского пола, то есть, являются синонимами (*Ее приняли на завод чертежником. Из Ларисы получилась хорошая чертежница*). В паре *умник* – *умница*, напротив, производное с -ниц(а) обозначает лицо как мужского, так и женского пола, в то время как *умник* – только лицо мужского пола (*Он такой умник!* и *Все говорят, что он просто умница*). Ср. также название известной телепередачи «*Умники и умницы*»). Следует отметить, что такого рода однокоренные синонимы все же обладают различными оттенками значения, несколько отличающейся сферой употребления. Так, такие слова как, *чертежник*, *работник* употребляются в отношении женщины в большей степени в официальной речи, *работница*, *чертежница* – в разговорной речи, часто в публицистике, художественной литературе. В паре *умник* – *умница* первое слово отличается от второго более сниженной коннотацией. Участники проведенного эксперимента отмечают, что слово *умница*, среди прочего, является оценочным словом, похвалой для лица как женского, так и мужского пола, в то время как *умник* – тот, кто все знает и всем демонстрирует свои знания.

Что касается производных имен натурфактов с суффиксами -ник и -ниц(а), они, даже имея в основе одинаковые пропозиции и одно лексико-словообразовательное значение, не являются однокоренными

синонимами, так как именуют разные растения, природные явления или животных (например, ЛСЗ «представитель животного мира по продукту питания»: *цыплятник* – коршун и *цыплятница* – лиса; *капустник* – червь и *капустница* – бабочка; ЛСЗ «представитель животного мира по времени активности»: *сумеречник* – зверек и *сумеречница* – ночная бабочка). Но, как правило, в основе дериватов с суффиксами -ник и -ниц(а) лежат разные пропозиции, и они не совпадают даже в ЛСЗ (сравним: *крапивник* – птица по месту обитания и *крапивница* – бабочка по объекту питания; *чесночник* – растение по запаху и *чесночница* – лягушка по запаху; *овсяник* – медведь и *овсяница* – растение и др.). То есть, такой вид словообразовательной синонимии не свойствен производным с суффиксами -ник и -ниц(а) со значением натурфакта.

Отраженная синонимия находится на границе взаимодействия лексических и словообразовательных процессов, поскольку, с одной стороны, является следствием синонимии мотивирующих, а с другой стороны, проявляется в дериватах. При этом производные синонимы могут относиться как к одной и той же словообразовательной нише (например, *корсажница* – *корсетница*, *камешник* – *галечник*), так и к разным СН (*пьяница* – *кирюшник*).

Отраженные синонимы функционируют более всего среди производных со значением лица, они могут быть мотивированы практически всеми частями речи: преобладают отсубстантивы, но наравне с ними мы отмечаем девербативы и отадективы.

Отсубстантивы:

– *булочник* – *хлебник*, *булочница* – *хлебница* (синонимия проявляется как в значении «кулинар по изготавливаемому продукту», так и в ЛСЗ «торговец определенным товаром»);

– *тряпичник* – *ветошник*, *тряпичница* – *ветошница* (данные производные синонимичны в ЛСЗ «торговец определенным товаром. Мотивирующие *тряпки*, *ветошь* являются синонимами для обозначения поношенной одежды);

– *квартирница* – *домушница* (в значении «надомная работница», ЛСЗ «женщина по месту работы»);

– *пятерочник* – *отличник*, *пятерочница* – *отличница* (поскольку в российской системе школьных отметок «пятерка» соотносится с оценкой «отлично»);

– *бабник* – *юбочник* (в данном случае под словом «юбка» подразумевается «женщина», то есть мужчина – любитель женского пола);

– *колпажник* – *наперсточник* (мошенническая игра «в наперстки» = игра «в колпачки»);

– *каторжник* – *лагерник* (как обозначение отбывающего наказание; старое понятие «каторга» заменено теперь словом «лагерь», дериват *каторжник* в современном русском языке обладает экспрессивной окраской);

– а также отраженные синонимы *байдарочник* – *лодочник*, *байдарочница* – *лодочница*, *невольник* – *пленник*, *стачечник* – *мятежник*, *клязник* – *ябедник*, *сумеречник* – *полуночник* и др.

Девербативы:

– *пьяница* – *кирюшник* («любитель выпить», мотивированы синонимами «*пить*» – «*кирять*», второе слово сохраняет экспрессивную, сниженную окраску мотивирующего);

– *вскормленница* – *воспитанница*, *угодник* – *служебник*, *стражник* – *охранник*.

Отадъективы:

– *отличник* – *ударник*.

Проявление отраженной синонимии у производных артефактов также достаточно разнообразно.

Отсубстантивы:

– *утятница* – *гусятница* (в значении «посуда», не смотря на то, что мотивирующие *утка* и *гусь* являются скорее когипонимами, в данном случае они выступают как синонимы в значении «мясо птицы»);

– *сенник* – *соломенник* (в значении «матрац, набитый сухим растительным материалом»),

– *молитвенник* – *требник*, *творожник* – *сырник*, *алтынник* – *трешник* и др.;

Девербативы:

– *заварник* – *запарник*, *холодильник* – *морозильник*, *лечебник* – *врачебник*;

Среди производных натурфактов отраженная синонимия наблюдается в основном среди отсубстантивов: *раститник* – *ильмовник*, *галечник* – *камешиник*, *змеюшник* – *гадюшник*, *палочник* – *жердинник* – *хворостинник*. Отметим лишь пару синонимов – девербативов: *заказник* – *заповедник*.

Следует оговорить, что мотивирующие у отраженных синонимов не всегда являются синонимами, часто их связывают отношения гипо-гиперонимии, или же они могут быть когипонимами. Например, в приведенном выше примере *палочник* – *жердинник* – *хворостинник* (мелкий лес) мотивирующие (палка, жердь, хворостина) являются когипонимами, общее у которых «нечто деревянное, тонкое, длинное». Производные же являются полноценными синонимами, характеризуя мелкий, ни на что серьезное не пригодный лес.

Мотивирующие отраженных синонимов *змеюшник* – *гадюшник* (змея – гадюка) находятся в отношениях гипо-гиперонимии, однако производные являются полноценными синонимами. Это может быть обусловлено экстралингвистическими факторами, ведь в средней полосе России гадюка – практически единственная ядовитая змея, и для носителей русского языка слова *змея* и *гадюка* являются действительно синонимами.

Это проявляется и в отраженной синонимии производных со значением лица. Например, мотивирующие синонимы *алтынник* – *копеечник* по сути своей являются не лексическими синонимами, но когипонимами, объединенными общим значением «мелкая монета», что и является основным в определении значения синонимов «мелочный, жадный человек».

Мотивирующие производных *пальтошница* – *верхняя одежда* – *пальто*), мотивирующие дериватов *сапожник* – *башмачник* – когипонимы. Тем не менее производные являются отраженными синонимами.

Но в некоторых случаях мы можем говорить лишь о частичной синонимии производных, мотивированных гипонимами – гиперонимами или когипонимами. Так, например, такие производные, как *курортник* – *санаторник*, *оружейник* – *ружейник*, *птичник* – *перепелятник* (охотник), *ягодник* – *клюквенник* (напиток), *птичник* – *курятник* в определенных ситуациях могут

функционировать как синонимы, но по большому счету эти дериваты сохраняют отношения гипо-гиперонимии.

Так, *оружейник* может изготавливать самое разнообразное *оружие*, в том числе и *ружья*, как *ружейник*. *Птичник* охотится на разнообразных *птиц*, а не только на *перепелов*, как *перепелятник*. Напиток *ягодник* может быть изготовлен из различных *ягод*, в том числе и из *клюквы*, как *клюквенник*. *Курортники* могут отдыхать на *курорте* не только в *санатории*, как *санаторники*, но и, например, *дикарями*.

Синонимы *овсяник* – *малинник* (медведь) мы рассматриваем как отраженные, хотя мотивирующие (*овес*, *малина*) не являются, по большому счету, не только синонимами, но даже и когипонимами. Но в основе рассматриваемых дериватов лежит одна и та же пропозиция, и мы можем выделить общее у мотивирующих: «то, чем питается медведь».

Таким образом, для образования отраженных синонимов определяющим является не столько синонимия мотивирующих, сколько выделение общего признака, на основании которого производное слово входит в тот или иной синонимический ряд.

В последние годы активно разрабатывается пропозициональный аспект словообразования, связанный прежде всего с именами Е. С. Кубряковой, М. Н. Яценецкой, Л. А. Араевой, что позволило говорить о таком виде синонимии, как словообразовательно-пропозициональная (Араева, 2009, Шумилова, 2010 и др.).

«В семантике производного слова пропозиция представлена в свернутом виде с реализацией либо минимальной, либо максимальной многоместной структурно-логической схемы» [4, с.19]. Если в рассмотренных выше типах синонимов в основе синонимичных дериватов лежит одинаковая пропозиция, они, как правило, обладают одинаковыми лексико-словообразовательными значениями, то в основе **словообразовательно-пропозициональных синонимов** – различные пропозиции. Пропозициональные синонимы объединены тождеством лексического значения, но различаются на уровне глубинных структур.

«В основе номинаций предметов, действий, признаков положены одни и те же структурно-логические схемы, которые реализуются разной компоновкой составляющих эту схему актантов. Перестановка членов пропозиции связана с грамматическими показателями, частеречной семантикой. Значимым становится способность каждого члена пропозиции указывать на весь пропозициональный комплекс, мотивироваться им, ... совокупность пропозициональных моделей формирует стереотипную ситуацию» [5, с. 63]. Таким образом, «...можно говорить о фреймовой природе словообразовательно-пропозициональной синонимии» [там же].

Приведем примеры фреймов в рамках СН с суффиксами -ник и -ниц(а).

В первую очередь, это наименования лиц.

– Человек что делает? (действие) – охотится. Охотится на кого? (объект) – на медведя, соболя, русака, лося, волка, птиц, перепелов. Охотится с помощью каких животных? (средство) – гончие, борзые, сокол. Охотится где? (место) – в тайге. Производные объединяются фреймом «**ОХОТНИК**»: *охотник* – *медвежатник*, *соболятник*, *русачник*, *лосятник*, *волчатник*, *птичник*, *перепелятник* – *гончатник*, *борзятник*, *соколятник* – *таежник*.

– Человек что делает? (действие) – учится. Учится где? (место) – школа, ПТУ, ремесленное училище, «ракушка» (речное училище, г. Омск). Получает какие отметки? (объект) – пятерка, отлично, тройка. Производные объединены фреймом **«учащийся»**: *ученик – школьник, пэтэушник, ремесленник, ракушник – пятерочник, отличник, троечник*.

– Женщина изготавливает что? – пальто, верхнюю одежду, корсажи, корсеты, юбки и т. д. Работает чем? (средство) – руками. Работает где? (место) – дом, квартира. Получает оплату за что? (объект) – за штуку. Фрейм **«швея»** пополняют производные *пальточница, верхница, корсажница, корсетница, юбочница* и т. д. – *ручница – домушница, квартирница – штучница*.

Следует отметить, что такие производные, как *ручница, домушница, квартирница, штучница* могут входить и в другие фреймы.

– Человек что делает? (действие) – пьет, киряет. Пьет что? (объект) – брагу. В результате приобретает какой цвет кожи? (признак) – синий. Производные можно объединить во фрейм **«пьяница»**: *пьяница, кирюшник – бражник – синюшник*.

– Человек ворует где? (место) – карман, дом; каким образом? – по верхам; подобно какому животному? (объект) – медведю. Производные *карманник, домушник, верхушник – медвежатник* (взломщик сейфов) входят во фрейм **«вор»**.

Производные-артефакты также объединяются во фреймы.

– Напиток приготовлен из чего? (средство) – травы, ягоды, клюква, хлеб. Напиток характеризуется чем? (результат) – пена. Во фрейм **«напиток»** включаются производные *травник, ягодник, клюквенник, хлебник – пенник*.

– Сооружение утеплено чем? (средство) – мох. Предназначено для использования в какой период? (время) – зима. Предназначено для кого? (объект) – пчелы. Дериваты *омшаник – зимник, зимница – пчельник* объединяются во фрейм **«зимнее помещение для пчел»**.

– Судно перемещается с помощью чего? (средство) – парус. Приписано где? (место) – запад. Предназначено для чего? (объект) – каботаж (внутреннее плавание). Добывает и перевозит что? (объект) – рыбу. Производные *парусник – западник – каботажник – рыбница* войдут во фрейм **«судно»**.

– Праздник состоится когда? (время) – утром, вечером; в нем участвует кто? (субъект) – девицы, мальчишки; во время него едят что? (объект) – капусту, масло. Производные можно объединить во фрейм **«праздник»**: *утренник, вечерница – девичник, мальчишник – капустник, масленица*.

Это свойственно и производным-натурфактам.

– Лес состоит из каких растений? (объект) – березы, кедр, осины, орех, пихта и т. д. Какие птицы там обитают? (объект) – грачи. Пригоден для чего? (результат) – дрова, жерди, палки, фашины и т. д. Во фрейм **«лес»** можно включить производные *березник, кедровник, осинник, орешник, пихтарник* и т. д. – *грачовник – дровяник, жердинник, палочник, фашинник* и т. д.

– Бабочка питается чем? (объект) – крапива, капуста, древесина, брюква, боярышник, брага. По виду подобна чему? (объект) – стекло. По размеру подобна чему? (объект) – парус. По расцветке подобна чему? (объект) – лимон, траур, шашки, радуга, лента. Активна

когда? (время) – ночь. Производные объединяются фреймом **«бабочка»**: *крапивница, капустница, древесница, брюквенница, боярышница, бражник – стекляница – парусник – лимонница, траурница, шашечница, радужница, ленточница – ночница*.

Следует обратить внимание, что фреймы включают также однокоренные и отраженные синонимы, которые рассматривались выше, соответственно они соотносятся с другими производными в пределах фреймов уже в качестве словообразовательно-пропозициональных синонимов.

В рамках фреймов возникают парадигматические отношения различного типа: как вертикальные (гипогиперонимия), так и горизонтальные (синонимия). В пределах одного фрейма может быть выделено несколько синонимических рядов, слова в которых могут обладать «общими, пересекающимися семами с членами других синонимических рядов и, благодаря функционированию в пределах общего мотивационного пространства, семиосферы и ситуации общения, благодаря богатому ассоциативному фону и категоризационным способностям мышления, могут синонимизироваться в различных ситуациях, выстраивая вместо ряда синонимическую сеть» [5, с. 6].

Более всего словообразовательно-пропозициональная синонимия проявляется при номинации лиц, поскольку «потенциальная вариативность речевых номинаций особенно велика по отношению к объекту-лицу в силу его полифункциональности» [2, с. 98].

Так, работник может именоваться по месту трудовой деятельности и по животным, за которыми он ухаживает: *пчельник – пасечник*; по месту работы и по выполняемому функциональному действию: *вратник – стражник, охранник*; по средству труда и по сфере приложения усилий: *топорник – пожарник*.

Торговец может быть именован по объекту торговли и по получаемому доходу: *лошадник – барышник*; по объекту торговли и по месту торговли: *книжник – киосчник, хлебник – ларечник* и т. п.

В основу номинации может быть положено как место учебы, так и само функциональное действие: *школьник – ученик, школьница – ученица*.

Больной может быть назван как по больному органу, так и по заболеванию: *легочник – туберкулезник, легочница – туберкулезница, желудочник – язвенник*. Также больного называют по больному органу и по средству передвижения в результате заболевания: *опорник – колясочник*.

Человек, склонный к вредным привычкам, в народе может быть охарактеризован различным образом: по характерному действию, по предпочитаемому напитку, по цвету, который приобретает из-за вредной привычки: *пьяница, кирюшник – бражник – синюшник*. Столь же многообразны характеристики для «представительницы древнейшей профессии»: по роду занятий, по месту «работы», по получаемой оплате: *блудница – стрелочница – валютница*.

Человек может называться по действию, которому он подвергается или по времени совершения этого действия: *призывник – весенник*.

Совершенно особый случай представляет собой пара синонимов *цветник – малинник*, обозначающих чисто женский коллектив. С одной стороны, в их номинации лежит одна и та же пропозиция – наименование по схожести с определенным растением. Но тем не менее

сравнение здесь происходит по различным основаниям, сравнение с цветами происходит по красоте, а с малиной – по сладкому вкусу, поэтому можно утверждать, что здесь мы имеем дело также с пропозициональной синонимией.

Пропозициональная синонимия ярко проявляется и в наименованиях артефактов.

Так, например, учреждение может быть названо по функциональному действию-назначению и по лицам, для которых данное помещение предназначено: *лечебница – больница*.

Помещение может быть названо по времени использования, но также и по утепляющему материалу и по представителям животного мира, для которых оно предназначено: *зимник – омишник – пчельник*, или же сооружение может именоваться по функциональному действию-назначению и по объекту назначения: *парник – огуречница*.

Предмет быта может быть назван по функциональному действию, но также по времени использования: *светильник – ночник*. По материалу изготовления и по объекту назначения может быть именована одежда: *парусинник – пыльник*. Название напитка может быть мотивировано продуктом изготовления или побочным результатом: *ягодник, хлебник – пенник*. Праздник может быть назван по времени проведения и по лицам-участникам: *вечерница – девичник* или же по времени проведения и по употребляемому во время него продукту: *вечерница – капустник*.

Среди производных-натурфактов с суффиксами –ник и –ниц(а) сложно выделить словообразовательно-пропозициональные синонимы. Гораздо чаще организованные во фреймы слова, называющие представителей животного мира, растения, природные объекты и т. д., являются когипонимами. Например, фрейм «змея»: *гремучник, медяница, веретеница*. Все это разные наименования змей, и мы не можем их рассматривать как синонимы.

Тем не менее в определенных ситуациях может быть назван по разным основаниям лес: по произрастающим в нем деревьям и по обитающим там представителям животного мира: *березник – грачевник* или по произрастающим в нем деревьям и по пригодности для хозяйственного использования: *осинник – дровяник, орешник – фашишник* и т. д.

Таким образом, наиболее значимым для функционирования всех видов словообразовательных синонимов является ситуация, в которой они могут быть реализованы. Значимость определенного фрейма для человека, его хозяйственной деятельности и взаимоотношений с окружающими определяет разнообразие возникающих в пределах фрейма словообразовательных синонимов различного типа. Следствием этого является то, что производные со значением лица и со значением артефакта могут быть связаны разнообразными синонимическими отношениями, в то время как словообразовательная синонимия дериватов со значением натурфакта проявляется не столь широко.

Литература

1. Араева, Л. А. Словообразовательный тип [Текст] / Л. А. Араева. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 272 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки культуры, 1999. – 896 с.
3. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / Вильгельм фон Гумбольдт. – М., 1984. – 369 с.
4. Катышев, П. А. Мотивационная многомерность словообразовательной формы [Текст] / П. А. Катышев. – Томск, 2001. – 128 с.
5. Шумилова, А. А. Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка): монография. [Текст] / А. А. Шумилова. – Кемерово, 2010. – 200 с.
6. Ожегов, В. И. Толковый словарь русского языка / В. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997.
7. Словарь русского языка: в 20 т. – М.: Русский язык, 2000.
8. Словарь современного русского города / под ред. Б. И. Осипова. – М., 2003.

Информация об авторе:

Гришина Надежда Викторовна – соискатель кафедры стилистики и риторики КемГУ, старший преподаватель каф. русского и иностранных языков, филиал ОмГПУ в г. Таре, 8-905-098-58-65, grishinanv@rambler.ru.

Grishina Nadezhda Viktorovna – postgraduate student at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU, Senior Lecturer at the Department Russian and Foreign Languages of the Tara branch of Omsk State Pedagogical University.

УДК 81'42+81'373.2(045)

ТЕКСТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАИМЕНОВАНИЙ ГОРОДСКИХ ТОРГОВЫХ ОБЪЕКТОВ

Т. А. Кадоло

TEXTUALITY OF THE NAMES OF CITY TRADING OBJECTS

Т. А. Kadolo

Исследование выполнено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Государственный контракт № 02.740.11.0374).

Статья посвящена рассмотрению текстуальных характеристик наименований городских торговых объектов (эмпоронимов). Данные номинации обладают такими признаками, как членимость, когезия, когерентность, интен-

циональность, воспринимаемость, информативность, ситуативность, интертекстуальность, что дает возможность рассматривать эмпоронимы как микротексты.

In the article the names of city trading objects are considered as microtexts. The author describes the standards of textuality of emporonyms: segmentation, cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informativity, situationality, intertextuality.

Ключевые слова: текст, текстуальность, эмпороним, когезия, когерентность, интенциональность, воспринимаемость, информативность, ситуативность, интертекстуальность.

Keywords: text, textuality, emporonym, cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informativity, situationality, intertextuality.

Во второй половине XX века приобретает актуальность проблема текста – его определения, классификации, описания с точки зрения различных подходов, анализа отдельных его уровней. Текст становится объектом многих гуманитарных наук: не только лингвистики и литературоведения, но и культурологии, семиотики, философии, социологии, антропологии, урбанистики и др. Несмотря на обилие монографий, статей и диссертационных исследований в области лингвистики текста, до сих пор отсутствует универсальное определение текста, что обусловлено разнообразием текстов, сложностью их как феноменов и множеством подходов к изучению их природы.

Все толкования термина «текст» рассредоточены между двух полюсов – между очень узким и очень широким пониманием текста. В работах структуралистского толка под текстом понимается, как правило, озаглавленная и завершенная последовательность сверхфразовых единств. См., например, определение текста, сформулированное И. Р. Гальпериным: «Текст – произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [2, с. 18]. Такая дефиниция уже ограничивает количество речевых произведений, которые могут быть отнесены к текстам, на что указывает Е. С. Кубрякова: «Не все тексты могут быть представлены в виде последовательности сверхфразовых единств – во всяком случае, если признавать, что и надписи типа «Вход воспрещен» или «Рвать цветы категорически запрещается» тоже являют собой особые тексты» [5, с. 72].

Понимание текста в широком смысле характерно для семиотики, представители которой характеризуют как текст любую осмысленную совокупность знаков разного типа, любую форму коммуникации, в том числе и невербальной: музыкальные произведения, ритуалы, произведения живописи и кинематографа, танец, географические карты и т. д. В частности, Ролан Барт понимает под текстом «ненаглядное, незримое, социальное, многомерное пространство» [1, с. 414 – 415], Ю. М. Лотман дает следующее определение: «Текст представляет собой устройство, образованное как система разнородных семиотических пространств, в континууме которых циркулирует некоторое исходное сообщение» [8, с. 7].

Восприятие текста как пространства дает возможность описать в терминах текстуальности нелингвистические макрообъекты, такие, как город. Традиция описания городского пространства в семиотическом аспекте восходит к идеям Ю. М. Лотмана, определив-

шего город как «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих к разным языкам и уровням» [9, с. 325]. В. Н. Топоров полагает, что город «может быть понят, как гетерогенный текст, которому приписывается некий определенный смысл и на основании которого может быть реконструирована система знаков, реализуемая в тексте» [12, с. 227]. Уподобление города тексту наблюдается и в работах М. де Серто, создателя метафоры «walking in the city/прогулка по городу» [14], отсылающей к понятию Р. Барта «прогулка по тексту».

В своем исследовании мы рассматриваем часть повседневного городского пространства – наименования городских торговых объектов (эмпоронимы). Особенностью работы является восприятие их как семиотической сущности, что предполагает использование таких понятий, как *знак, система, текст*, в отношении наименований. В последние десятилетия при описании понятия «текст» акцент делается в большей степени на коммуникативных (семантических, прагматических), а не формальных (структурных) характеристиках. Именно такой подход позволяет нам рассмотреть эмпоронимы как текст.

Не все исследователи допускают рассмотрение номинаций в качестве текстов. Например, Ю. А. Левицкий относит вывески на зданиях к псевдотекстам [6, с. 181 – 182]. Мы же опираемся на идеи А. Е. Кибрика, сказавшего, что, «с описательной точки зрения, даже отдельно взятое слово является не элементарным атомом, а целым космосом, требующим своего поэлементарного анализа» [4, с. 103] и Л. В. Сахарного, относящего вывески к текстам-примитивам [11]. Эмпоронимы, как и другие тексты-примитивы, например рекламные слоганы, наборы ключевых слов, заголовки книг, фильмов, спектаклей, наделены «цельностью (и потому входят в соответствующую парадигму текстов) и максимально простым комплексом средств связности» [11, с. 223].

Р.-А. де Богранд и В. У. Дресслер определили текст как коммуникативное событие, в котором реализуются семь критериев текстуальности: Kohäsion (когезия, сцепление), Kohärenz (когерентность, связь), Intentionalität (интенциональность), Akzeptabilität (акцептабельность, воспринимаемость), Situationalität (ситуативность), Informativität (информативность) и Intertextualität (интертекстуальность). Текст не будет считаться коммуникативным, если отсутствует хотя бы один из указанных признаков [13]. Данные параметры считаются классическим набором признаков текстуальности, сходные характеристики текста были разработаны и в российской лингвистике под другими названиями: связность, структурность (членимость на единицы), целостность (текст представляет собой тематическое, стилистическое и структурное единство, обладает внешней оформленностью, смысловой завершенностью), на-

правленность на адресата, содержательность (текст имеет смысловое наполнение) и др.

Рассмотрим критерии текстуальности, применимые к наименованиям городских торговых объектов и позволяющие описать их как микротексты.

1. **Членимость** (Л. П. Добраев, Т. М. Дридзе, И. Р. Гальперин) как формально-структурный критерий предполагает способность текста члениться на составные элементы, связанные различными способами. Эмпороним как микротекст тоже членим на компоненты, соединяющиеся разными типами связи: языковые единицы – слова, морфемы, фонемы/звуки, смысловые единицы – семы, культурные смыслы. Членение возможно и на паралингвистическом уровне плана выражения: значительную роль в создании эмпоронима играет его оформление, в котором используются графические знаки – буквы, пиктограммы, выделение цветом. Такое свойство дает возможность для выражения дополнительных смыслов в наименовании, например, при помощи соединения кириллицы и латиницы («Cherchez Ля Фам», «EXTAZu», «EuroДом»). Подобные названия состоят из графических единиц разного типа, целостность им придает фонетическое оформление. Членимость текста тесно связана со следующим критерием текстуальности.

2. Термин **когезия** был введен М. А. К. Halliday и R. Hasan, в российской лингвистике определяется как формальная связность, структурная целостность (А. А. Брудный, Ю. А. Жлуктенко, А. А. Леонтьев, Л. Н. Мурзин, А. И. Новиков, Ю. А. Сорокин). Данная характеристика касается поверхностной структуры текста, грамматических отношений между единицами, составляющими текст. К средствам реализации когезии в тексте Р.-А. де Богранд и В. У. Дресслер относят повторы, параллелизм, парафразы, эллипсис, временные и видовые формы, союзы разного типа соединения (конъюнкция, дизъюнкция, контраюнкция и подчинение), модальные слова [13, с. 58 – 83]. Естественно, в области эмпоронимики данные формы не могут быть использованы в силу минимального размера текстов.

Грамматические отношения реализованы в двух-, трехсложных наименованиях торговых объектов, основным грамматическим средством в них выступают окончания существительных и прилагательных, демонстрирующие разные виды синтаксической связи лексических единиц в составе эмпоронима. Так, окончания с одинаковым грамматическим значением отражают сочинение («Купи-продай», «Винтик-Шпунтик») или согласование («Новая волна», «Золотое руно», «Аварийный комиссар», «Деловой контакт», «Северная корона», «Ваше право»). Определенная форма зависимого слова, не совпадающая с формой главного, обусловлена таким видом подчинительной связи, как управление («Водопад Хакасии», «Территория выбора», «Регион знакомств», «Птица счастья», «Сады мечты», «Роза ветров», «Геология Сибири», «Одеваем пузики»). Отсутствие словоизменения в сочетаниях слов характерно для примыкания, в области эмпоронимики оно используется в случаях соединения двух иноязычных элементов («Бэби Бум», «New men», «Sweet Mama», «Bostob Club») или русскоязычного с иноязычным («Llumar центр», «Интер Холод», «Master Land»), что является проявлением тенденции к аналитизму.

3. **Когерентность** (целостность текста) (Е. Р. Корниенко, А. А. Леонтьев, О. И. Москальская, Л. Н. Мурзин,

А. И. Новиков, Л. В. Сахарный, А. С. Штерн), тематическое единство) относится к глубинному уровню текста, охватывает его содержание, представляет собой некую смысловую непрерывность текста.

Наименования городских торговых объектов выражают законченную мысль, передают какой-либо семантический признак, обусловленный спецификой заведения, оказываемой услугой, продаваемым товаром и другими факторами. На вывеске данный семантический признак может быть закреплён в паралингвистических и экстралингвистических элементах. Так, название магазина семян «Флора» сопровождается изображением садовника с цветами и овощами, что позволяет закрепить предметно-понятийное значение эмпоронима «Флора» и классификатора «Магазин семян» и придать ему экспрессивность. Исходя из этого, мы полагаем, что тематическое единство эмпоронимов можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, тематическое единство эмпоронима как такового и, во-вторых, содержательное единство наименования и номинируемого объекта. Анализ наименований городских торговых объектов показывает, что эмпоронимы не обладают информационной самодостаточностью в чистом виде, их содержательность следует рассматривать в связи с номинируемым объектом, вывеска выступает в роли заголовка к тексту, которым в данном случае является названное заведение. Часто именно обозначаемый объект «диктует» название-заголовок.

Проведенный нами опрос показал, что часто названия, воспринятые сами по себе, отмечаются как удачные в силу их благозвучности; восприняв те же самые названия с пояснением о номинируемом объекте, реципиенты отмечают их как неудачные из-за нарушения смыслового единства. Например, одни и те же опрашиваемые сочли удачными, красивыми, солидными названия «Megagon», «Греми», «Реверс», «Полиграф», «Норма», но, узнав, что первое является наименованием салона красоты, второе – магазина товаров для детей, третье – ателье, четвертое – агентства кадровой безопасности, пятое – мебельного магазина, обозначили их как неудачные, не соответствующие обозначаемому объекту, абсурдные и примитивные.

4. **Интенциональность** (намеренность), по Р.-А. де Богранду и В. У. Дресслеру, – это намерение автора произвести связный и целостный текст, ср. с определением Д. С. Лихачева: «Текст – это языковое выражение замысла его создателя» [7, с. 8]. Наименования городских торговых объектов обладают адресатностью, они создаются с целью привлечь реципиента, вызвать положительные эмоции и желание воспользоваться товаром и услугами, заявляемыми вывеской.

Рассмотрение эмпоронима с этой точки зрения дает возможность для восприятия его в качестве речевого акта. Создавая наименование торгового объекта, его автор закладывает в него некие смыслы, намерения, воплощая тем самым иллюкутивный аспект речевого акта. Перлокутивной стороной речевого акта является присутствие в нем намеренного воздействия на адресата, направленности на достижение результата: автор номинации желает, чтобы потребитель сделал выбор в пользу определенного объекта (магазина, парикмахерской), в связи с чем он стремится посредством ее оказать суггестивное воздействие через разные составляющие эмпоронима. Используются различные средства создания перлокутивности: воздействие через само слово, этому

способствуют различные тропы, реализуемые в эмпоронимах (гипербола, эпитет, метонимия); воздействие через ассоциации (культурные смыслы) – осуществляется при помощи обращения к прецедентным именам и текстам (реминисценция, антономасия, аллегория); воздействие через графический облик наименования – обеспечивается использованием определенного шрифта, графических и пиктографических элементов.

5. **Восприимчивость** – acceptability (приемлемость, интерпретируемость) – ожидание реципиента получить связный и содержательный текст.

Как правило, автор номинации рассчитывает на однозначное прочтение эмпоронима, потребители-реципиенты могут интерпретировать его по-разному. Часто название вызывает эмоции, прямо противоположные ожидаемым его автором. Например, экспериментальное исследование восприятия эмпоронимов показало, что названия магазина одежды «Amnesia», магазина мебели «Ангстрем», аптеки «Оидис», мыловаренной фабрики «Стендера» отмечаются реципиентами как неудачные, несоответствующие обозначаемому объекту и вызывающие негативные эмоции (недоумение, раздражение), сомнительно, что авторы номинации предполагали подобную реакцию.

Еще одним ярким примером является название магазина продуктов «Медея», часто интерпретируемое реципиентами как неудачное, хотя создатели не вкладывали в него никаких дополнительных смыслов, поставив цель придумать красивое, благозвучное наименование. При восприятии данной вывески в сознании образованного человека активизируются определённые культурные знания: данное имя является прецедентным и ассоциируется с древнегреческим мифом о женщине – волшебнице, жене Ясона, которая, согласно интерпретации предания в произведениях Еврипида и Сенеки, убила своих детей, для того, чтобы причинить душевную боль мужу. Такого рода ассоциации вступают в конфликт с интенциями автора номинации, предполагающего положительное прочтение вывески, и вызывают комический эффект или негативные эмоциональные реакции.

6. Под **ситуативностью** понимаются «факторы, которые делают текст релевантным для актуальной или реконструируемой коммуникативной ситуации» [13, с. 169]. Утверждение о том, что текст всегда несет в себе отпечаток той ситуации, в которой он возникает и используется, актуально и для наименований городских торговых объектов. Номинации фиксируют указание на продаваемый товар, вид оказываемой услуги, то есть тесно связаны с экстралингвистической ситуацией. Это проявляется в выборе мотивационного признака номинации: так, детерминантными признаками для наименований автосервисов являются «автомобиль», «техническое обслуживание», «запчасти» («Автокар», «Автомаркет», «Автоплюс», «Автосервис «Гараж», «СТО «Боксмастер», «Автозапчасти – Сеть магазинов «Самара»); для наименований стоматологий – «зубы», «доктор» («Жемчужина», «Улыбка», «Доктор Дент», «Ваш доктор»); для наименований продуктовых магазинов – «продукты» («Мяско», «Морепродукты», «Апельсин») и т. п.

7. **Информативность** как одну из важнейших характеристик текста описывают многие лингвисты (И. Р. Гальперин, О. П. Воробьева, Т. М. Дридзе, А. Н. Мороховский, З. Я. Тураева, Р.-А. де Богранд,

В. У. Дресслер и др.). Наименования городских торговых объектов способствуют «устранению неизвестности», передавая информацию разного типа: о специфике заведения, товарах/услугах («Автосалон», «Автомаркет», «Головные уборы», «Женская одежда»), месте расположения торгового объекта («Абаканский рынок», «Заречный», «Перекресток», «МиниМаркет на Возкальной»), о личности владельца («Нинель», «Тамара», «Юлия», «Полина», «Виржес» (от Виктор, Раиса, Женя, Саша), «Милютинский»).

Эмпороним не всегда несет информацию о номинируемом объекте: наименование может быть «условно-символическим» [3], может нести информацию об интенциях, культурах, транслируемых вывеской и т. п. Например, в названии «Сакура моторс» использован лексический элемент, вызывающий ассоциации с японской культурой, тем самым подчеркивается, что в автосервисе обслуживают японские автомобили и продают запчасти к ним. Наименование может быть частью имиджа заведения, например название кафе «Блиндаж» несет информацию как об основном блюде, подаваемом в этой закусочной (блины), так и об оформлении зала, стилизованного под военное укрепление.

Такие примеры говорят о том, что эмпоронимы передают широкий спектр информации разного типа: не только сообщают о специфике заведения, но и содержат общекультурные смыслы, кодируемые в определенные образы, символы, архетипы как на лингвистическом, так и на экстралингвистическом уровнях. Все это делает наименование торгового объекта интертекстуальным.

8. **Интертекстуальность** трактуется Р.-А. де Бограндом и В. У. Дресслером как соотнесенность конкретного текста (Textexemplar) с определенным типом текста (Textsorte) и как его соотнесенность с другими текстами [13]. Е. В. Михайлова рассматривает ее как системообразующую, конститутивную категорию текста: «Речетворческое произведение, в котором полностью отсутствуют интертекстуальные связи, нельзя назвать текстом, так как оно не будет понято. У адресата не возникнет никаких ассоциаций с прошлым словесным опытом, не наступит узнавание понятий, не появится понимание ситуаций, то есть цель общения не будет достигнута» [10, с. 44]. В данном случае под интертекстуальностью подразумевается связь текста с предшествующими произведениями, элементами других текстов. Проведенный нами опрос показал, что большинство реципиентов сочли неудачными номинации, которые не отсылали к другим текстам: «Ангстрем» (мебель), «Гута» (металлообработка), «Киасофт» (информационные технологии), «Стендера» (мыловаренная фабрика), в анкетах так и отмечалось – *не вызывает никаких ассоциаций*.

Интертекстуальность в эмпоронимах создает использование прецедентных фраз и имен. Так, источниками прецедентности в эмпоронимах Абакана становятся произведения художественной литературы («Алые паруса», «Мальвина», «Филиппок», «12 стульев», «Наutilus», «SimSim»), кинофильмы и мультфильмы («Летучая мышь», «TrinitY», «Водный мир», «Умка»), географические названия («Ергаки», «Саяны», «Malibu», «Palermo», «Бермуды», «Колизей», «Эверест»), персонажи античной мифологии («Афродита», «Веста», «Nica», «Меркурий», «Прометей», «Венера», «Фортуна»), исторические персонажи и события («Ав-

рора», «Казанова», «Монро», «Сальвадор», «Чарли», «Эль Греко»), идиомы («Cherchez Ля Фам», «Алло, гараж!», «Статус-кво») и др.

Интертекстуальность делает эмпоронимы полиреферентным явлением, позволяет им соответствовать характеристике, сформулированной Е. С. Кубряковой: «текст существует как источник излучения, как источник возбуждения в нашем сознании многочисленных ассоциаций и когнитивных структур (от простых фрей-

мов до гораздо более сложных ментальных пространств и возможных миров)» [5, с. 80].

Таким образом, анализ наименований торговых объектов Абакана показал, что эмпоронимы могут быть описаны по следующим параметрам: членимость, когезия, когерентность, интенциональность, воспринимаемость, информативность, ситуативность, интертекстуальность, это дает возможность рассматривать их как микротексты и проводить дальнейший семиотический анализ.

Литература

1. Барт, Р. От произведения к тексту [Текст] / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: [пер. с фр.] / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М., 1981. – 138 с.
3. Голев, Н. Д. Заметки об условно-символической номинации в русском языке [Текст] / Н. Д. Голев // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Вып. 9. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1980.
4. Кибрик, А. Е. Константы и переменные языка [Текст] / А. Е. Кибрик. – СПб.: Алетейя, 2003. – 720 с.
5. Кубрякова, Е. С. О тексте и критериях его определения [Текст] / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. – Т. 1. – М., 2001.
6. Левицкий, Ю. А. Лингвистика текста [Текст] / Ю. А. Левицкий. – М., 2006. – 370 с.
7. Лихачев, Д. С. Текстология: краткий очерк [Текст] / Д. С. Лихачев. – М., 1964. – 102 с.
8. Лотман, Ю. М. Текст в тексте [Текст] / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. – Вы. XIV. – Тарту, 1981.
9. Лотман, Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб., 2000. – 704 с.
10. Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей) / Е. В. Михайлова: дис... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 214 с.
11. Сахарный, Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения [Текст] / Л. В. Сахарный // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991.
12. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. Избранное [Текст] / В. Н. Топоров. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – 624 с.
13. Beaugrande, de R.-A. Einführung in die Textlinguistik [Text] / R. A. de Beaugrande, W. U. Dressler. – Tübingen: Niemeyer, 1981. – 290 S.
14. Certeau de, M. The Practice of Everyday Life [Text] / M. de Certeau, trans. Steven Rendall. – Berkeley: University of California Press, 1984. – 260 p.

Информация об авторе:

Кадоло Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии и журналистики, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 8(3902) 22-60-21, lacriza@list.ru.

Kadolo Tatyana Alexandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Stylistics and Journalism of the Institute of Philology and Journalism of Katanov Khakass State University.

УДК 801.73:811, 162.3:811.111

ДОСТОВЕРНОСТЬ ФИКЦИОНАЛЬНОГО МИРА СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ АНГЛИЙСКОЙ СКАЗКИ В. Ю. Клейменова

FICTIONAL WORLD OF MODERN ENGLISH ART FAIRY TALE AS TRUSTWORTHY ISSUE V. Yu. Kleimenova

Достоверность фикционального мира современной английской литературной сказки представляет собой инвариантную характеристику данного текстотипа. Мы выделяем две разновидности этого признака: правдоподобие и собственно достоверность, которые коррелируют с двумя типами литературной коммуникации и обеспечивают реализацию социально-коммуникативной функции сказки.

We treat the fictional world of modern English art fairy tale as a trustworthy issue. It is a compulsory characteristic of any text belonging to this genre. We distinguish between true to life fictional world and trustworthy fictional world proper. These types correlate with two varieties of literary communication (fictional and real) and a text of an English art fairy tale fails to cope with its social task unless it can be called trustworthy.

Ключевые слова: достоверность, двойственная природа достоверности, правдоподобие, маркеры достоверности, изоморфизм и изофункциональность фикционального мира.

Keywords: trustworthiness, types of trustworthiness, true to life, markers of trustworthiness, isomorphous and isofunctional fictional world.

Достоверность как философская и коммуникативная категория рассматривалась в ряде классических и современных исследований (Бартко, 1987; Вышегородцева, 2000; Гадамер, 1967; Гаспаров, 2002; Д. Локк, 1975; Панченко, 2008, 2010; Степанов, 2002; Фуко, 1977; Яхонтов, 1981). Несмотря на то, что в центре внимания философов находится проблема достоверности научного знания, а также его обоснованность и истинность, результаты таких исследований могут оказать существенную помощь в понимании природы фикционального мира, то есть созданного воображением автора насыщенного художественными фикциями и материализованного в художественном тексте ментального конструкта. Художественные фикции мы определяем как вымышленные феномены, противоречащие внетекстовой действительности, но возможные в той модели мира, которая создана творческим сознанием автора на основании некоторого допущения. Это определение было сформулировано в русле теории фикциональности, идейными основоположниками которой являются Э. Ауэрбах, В. Изер, М. Риффатер [2, 7, 13]. Так как научное познание и художественное осмысление есть две формы духовного освоения действительности, следовательно, они могут предоставлять возможности для свершения открытий, для расширения знаний о мире. Более того, возможности художественных фикций, то есть могут быть более разнообразными, чем возможности научных фикций [6, с. 217; 11, с. 615]. Цель данной статьи – охарактеризовать категорию достоверности фикционального мира как условие выполнения текстом волшебной литературной сказки своей социально-коммуникативной функции. Достижение заявленной цели обеспечивается решением следующих задач: определением языковых маркеров реализации достоверности, установлением корреляции между типом литературной коммуникации и разновидностями указанной категории, установлением взаимосвязи между полнотой предоставляемой информации и коммуникативными интенциями персонажа.

В рамках философской концепции, разрабатываемой Б. А. Яхонтовым и А. Н. Бартко, гносеологическая категория достоверности определяется как феномен человеческого сознания, как специфическая форма субъективного отражения человеком объективной действительности, обеспечивающая неполное соответствие изображения объекта самому объекту [5, с. 12 – 16; 12, с. 76 – 82]. Применительно к тексту волшебной литературной сказки такая трактовка рассматриваемого понятия позволяет говорить об определяющей роли объекта (реального мира) по отношению к образу (фикциональному миру). Достоверность последнего достигается за счет воздействия объекта на сознание автора как на отражающую систему, которая в соответствии с результатами собственной, индивидуальной рефлексии осуществляет перенос структуры, специфических свойств и сторон объекта на его образ. «Мысль человека способна выходить за пределы сущего и «рисовать» картины, которые можно квалифицировать как «реальность нереального». То, насколько приближены эти картины к действительности, или насколько они отдалены от нее, определяется когнитивным опытом человека и человечества в целом» [3, с. 4].

Достоверность фикционального мира рассматривается в данной статье как сложное когнитивное образование, выявляющее соотношенность вымышленного конструкта и реальности на основе структурированной коммуникативно-значимой информации репрезентированной в тексте. Соответствие вымысла реальности нельзя представить в виде бинарной оппозиции «достоверно :: недостоверно», это величина градуируемая, и на шкале достоверности можно выделить несколько отметок: полная, частичная высокой/низкой степени достоверность, недостоверность.

В ходе процесса текстовосприятия достоверность, обеспечивает формирование в языковом сообществе представления о фикциональном мире определенного сказочного цикла. Этот процесс состоит из трех этапов, свойственных формированию любого социального представления и описанных в работе О. Е. Баксанского и Е. Н. Кучер:

- якорение (устойчивая фиксация внимания на незнакомом объекте или явлении);
- объектификация (установление ассоциативной связи между элементом «странного» и некоторой известной персоной (формулой, идеей) с формированием фигуративной схемы представления);
- онтологизация (приобретение формирующимся представлением онтологического статуса объективной реальности) [4, с. 62].

Эмоционально окрашенная и эстетически оформленная модель действительности, созданная сознанием автора на основе творчески переработанных впечатлений от реальности, представляет новый для читателя образ. Привлекательность текста для читателя и, следовательно, устойчивость его внимания определяются умением автора заинтересовать читателя описываемыми событиями, пробудить в нем эмпатию, а затем и симпатию к персонажам. Текст должен, с одной стороны, оправдывать ожидания читателя, которые сформированы его пресуппозицией, то есть соответствовать модели построения текста, соответствующей конкретному текстотипу, а с другой стороны, текст должен пробуждать когнитивные процессы. Читатель осуществляет совмещение имеющейся в его сознании матрицы социально приемлемых моделей поведения и новых данных, расширяющих границы вариативности поведения. Несмотря на свою «странность», порождения вымысла и фантазии обретают статус объективной реальности в силу того, что, во-первых, текст, в котором они материализованы, есть фрагмент такой реальности, а во-вторых, фрагменты вымышленной модели действительности переносятся читателями в реальность. Это относится прежде всего к системе морально-этических ценностей, которая в необычном, чудесном оформлении передается от поколения к поколению посредством текста литературной сказки. Кроме того, появляются туристические маршруты посвященные персонажам, читатели копируют предложенные модели поведения, например: после выхода в свет сказок о Гарри Поттере совы приобрели статус популярных домашних питомцев.

Мы выдвигаем постулат о двойственной природе достоверности фикционального мира литературной сказки. В связи с тем, что литературную коммуникацию

принято разделять на реальную (общение автора и читателя) и фиктивную или изображенную (диалоги между персонажами) [1, с. 263], мы говорим о ее корреляции с двумя типами достоверности.

В *реальной литературной коммуникации* при общении автора и читателя художественная достоверность может быть названа *правдоподобием*, которое представляет собой оценку результатов осмысления и сравнения двух миров: реального и вымышленного. Правдоподобие есть величина вариативная. «Степень правдоподобия варьируется в зависимости от сходства описываемого со своими референтами: чем ближе вымысел к реальности, тем более правдоподобно художественное повествование» [9, с. 13]. Таким образом, в фикциональном мире сказки можно установить корреляцию между типом вымысла, субмиром (подсистемой в рамках фикционального мира, выделяемой на основании типа вымысла, доминирующего при ее создании) и степенью правдоподобия, представив ее следующим образом:

Жизнеподобный вымысел	Нежизнеподобный вымысел
«как бы мир»	волшебный мир
максимальная степень правдоподобия	высокая степень правдо- подобия

Высокая степень правдоподобия волшебного субмира сказки в реальной литературной коммуникации достигается, по нашему мнению, за счет его структурного изоморфизма и содержательного изоморфизма (изофункциональности) миру реальному. Фикции, формирующие мир произведения, представлены читателю таким образом, чтобы сформировать у него иллюзию того, что все описанное могло существовать «на самом деле». Эффект достоверности достигается за счет сюжетной и логической мотивации событий, представления волшебства как нормы в пределах фикционального мира в целом и волшебного субмира в частности, создания системы образов персонажей, которые существуют в пространственно-временном континууме, оформленном с помощью как фактуальных деталей (фрагментов вымышленной действительности, имеющих изоморфные и изофункциональные аналоги в реальности), так и фикциональных (не имеющих таких аналогов).

Языковые маркеры достоверности фикционального мира мы разделяем на *маркеры полной достоверности*, *маркеры неполной достоверности* и *маркеры псевдодостоверности*. Первые можно назвать лексическими, так как к этой группе относятся лексические единицы, называющие фрагменты фикционального мира, находящиеся в модальном поле «возможное» и имеющие прямые аналоги за его пределами. Семантическая структура лексических единиц не подвергается модификациям, благодаря этому у читателя создается иллюзия полного правдоподобия, дистанция между волшебным и реальным мирами минимализируется. Например, чрезмерное употребление алкоголя вызывает проблемы с памятью. His mother thinks he's nine years old, but she has a poor memory that the drink has rotted; he might be eight or ten [P 1, с. 41]. Маркеры полной достоверности могут быть, по нашему мнению, отнесены к одному из следующих тематических полей:

– школьная жизнь “The whole class had been set a *holiday project* and, for once, she hadn't been able to get to grips with it. <...> Miss Hardbroom, their *extremely strict and exacting form mistress*, had given them a completely free rein and simply told them to come back with something unusual and interesting” [WW 6, с. 504];

– одежда и ее способность подчеркнуть те или иные особенности человеческой фигуры: “Miss Cackle short and wearing a *tight dress of grey satin which made her look very bulgy*, and Miss Hardbroom tall and extremely thin, wearing a *gown with black vertical stripes which made her look even taller*” [WW 2, с. 18];

– еда “Now they've all gone mad on *healthy school dinners* there's a bowl of *fruit and salad* stuff on every table and there's always loads left” [WW 6, с. 61];

психологическое состояние персонажей “They clung together *like survivors of a shipwreck*, shivering on a desolate coast” [P 1, с. 277];

– пространственная организация. Описание небогатого лондонского предместья, по которому перемещается главный персонаж, не содержит никаких указаний на его принадлежность к фикциональному миру и отличается реалистичностью: “Endless *streets* of little identical *brick houses*, with *gardens* only big enough for a *dustbin*; great gaunt *factories* behind *wire fences*, with one anbaric light glowing bleakly high up on a *wall* and a *night watchman* snoozing by his *brazier*; occasionally a *dismal oratory*, only distinguished from a *warehouse* by the *crucifix* outside” [P 1, с. 102];

– временной континуум. Авторы используют исключительно узуальные лексические средства членения временного континуума. “The school *year* at the academy was divided into two long *terms*, the first of these commencing in *September* and stretching right to the end of *January*. This was known as the *Winter Term* and was followed by a *month* of welcome holiday. The second session began in *March* and finished at the end of *July*, and this was called *Summer Term*, though in fact it was still extremely cold and wintry when term began” [WW 3, 7 – 8];

– социальная стратификация фикционального общества отражает неравенство общества реального. “Mrs. Coulter had said it was not really intended for *people of their class*” [P 1, с. 102];

– быт, например, традиция покупать детям одежду «на вырост»: “My mother buys everything with *growing room* because I'm so big” [WW 2, с. 50].

В рамках одного предложения используются несколько маркеров, зачастую относящихся к разным тематическим полям, причем их структурная организация в фикциональном мире аналогична организации в мире реальном. Например, в описании школьного утра и мерзнущих во дворе девочек использованы лексические единицы следующих групп: школьная жизнь, временной континуум, одежда, бытовые подробности (описание погодных условий, названия заболеваний). Кроме того, логические связи между событиями волшебного мира аналогичны логическим связям мира реального: дети топают ногами, чтобы согреться, они простывают от холода, потому что вынуждены проводить много времени на свежем воздухе. “For once she was early and there were only a handful of girls in the yard, all stamping their feet and huddling in their cloaks to keep out the bitter cold. It was always chilly at the school because the building was made of stone, rather like a castle, and was perched on the top-most peak of the mountain, surrounded by pine

trees which grew so close together that it was very damp and gloomy. In fact, the girls suffered permanently from colds and flu from all the time they were forced to spend in the freezing play-ground" [WW 3, 9 – 10].

Маркеры неполной достоверности также можно назвать лексическими, так как они представляют собой традиционные лексические единицы, семантическая структура которых претерпела ряд изменений, обусловленных нетрадиционным для реального мира, но допустимым с точки зрения волшебного мира минимальным контекстом. Например, глагол to ride имеет следующие значения: to sit on an animal, especially a horse, and control its movements as it moves along; to travel in a car, train, plane etc especially as a passenger; to take part in a race on a horse, bicycle, motorcycle; to float or appear to float, on water or in the air [McM, с. 1220]. Использование метлы в качестве транспортного средства, на котором сидят как на велосипеде или мотоцикле, добавляет к вышеперечисленным еще одно значение: летать. "Riding a broomstick was no easy matter, as I have mentioned before. First, you ordered the stick to hover, and it hovered lengthways above the ground. Then you sat on it, gave it a sharp tap, and away you flew. Once in the air you could make the stick do almost anything by saying, 'Right! Left! Stop! Down a bit!' and so on" [WW 1, с. 22 – 23]. Слово dust обозначает "very small pieces of dirt that cover surfaces inside buildings like powder" [McM, с. 433]. Автор расширяет семантическую структуру слова и дает собственную дефиницию неологизма: "Elementary particles that don't interact in any way with others – very hard to detect, but the extraordinary thing is that they seem to be attracted to human beings" [P1., с. 89]. Таким образом, пыль превращается в вымышленную субстанцию, частично сохраняющую характеристики реального аналога, и этот фрагмент вымышленного мира обретает сюжетообразующую функцию: изучение и поиски этой субстанции главная цель деятельности персонажей.

Маркеры псевдодостоверности можно назвать сюжетными, так как они представляют собой ссылки на фикциональные аналоги источников, считающихся авторитетными в реальном языковом сообществе. К сюжетным маркерам достоверности в современной сказке следует прежде всего отнести ссылки на авторитет «магической науки», которая активно развивается в фикциональных мирах и требует создания псевдотерминологических систем. В сказках Дж. Мерфи, Дж. Роулинг события происходят в специальных учебных заведениях (Miss Cackle's Academy for Witches, Hogwarts School of Witchcraft and Wizardry), в которых осуществляется передача магического знания. Результаты научной деятельности отражаются в специализированных изданиях, проверенное временем научное знание передается поколениям посредством учебной и научно-популярной литературы (The Popular Book of Spells). Создаются нормативные документы, которые регулируют жизнь волшебного сообщества, например: "However, as you will have noticed in the Witches' Code, rule number seven, paragraph two, it is not customary to practice such tricks on your fellows" [WW 1, с. 33 – 34]. Ссылки на авторитет предков и культурные традиции фикционального социума также воспринимаются как достоверные. "And where do you go to school, my dear?" said an elderly lady, inspecting Lyra through a lorgnette. <...> "I thought your mother would have sent you to her old school. A very nice place ..." [P 1, с. 88 – 89].

Кроме того, высокой степенью достоверности обладают ссылки на традиционные инфернальные источники (предсказания, вещие сны, священные книги) или порожденные фантазией автора объекты. Например, прибор-предсказатель, чтение которого требует от персонажа определенных навыков. "Only that I'd have to work out how to read it by myself. And he called it an alethiometer." – "What's that mean?" said John Faa, turning to his companion. "That's a Greek word. I reckon it's from *aletheia*, which means truth. It's a truth-measure. And have you worked out how to use it?" [P 1, с. 126].

Изоморфизм и изофункциональность компонентов, обеспечивающих достоверность фикционального мира литературной сказки, не позволяют применить к данному ментальному конструкту термин «аномальный художественный мир», предложенный С. Н. Плотниковой. По мнению исследователя, аномальный художественный мир «организован на основе других общеструктурных принципов, чем «наш» (обычный) мир; такой мир, который не характеризуется прямой проективностью и отражательностью» [10, с. 265]. В соответствии с ее концепцией, которая впоследствии разрабатывалась в исследовании М. Ф. Мисник [8], именно «аномальный художественный мир» представляет собой жанрообразующий концепт, определяющий инвариантную когнитивную структуру жанра фэнтези. Таким образом, именно изоморфизм и изофункциональность фикционального мира волшебной литературной сказки могут служить достаточно надежными критериями при определении текстотипологической принадлежности индивидуального цикла произведений.

В *фиктивной коммуникации*, то есть в диалогах персонажей, достоверность носит эпистемический характер, достоверными признаются те высказывания персонажей о вымышленной реальности, которые адекватны информации полученной персонажем и/или читателем в процессе познания фикционального мира, и истинность которых может быть верифицирована в пределах текста (цикла), фикциональный мир, с этой точки зрения, обладает *собственно достоверностью*. Этот тип художественной достоверности сближается с аналогичным понятием во внелитературной коммуникации и оказывается тесно связанным с понятием информативности. Высказывание персонажа может характеризоваться информативной недостаточностью или избыточностью, но в идеале оно должно стремиться к достаточности, то есть должно соответствовать форме классического коммуникативного постулата, сформулированного Г. П. Грайсом – no less and no more than required.

Информативная недостаточность проявляется в тавтологических ответах, в использовании неинформативных речевых формул вежливости или ответах, которые невозможно понять без расширенного контекста. "That was mean. You'll get them into trouble. Miss Cackle said she'd expel Mildred if she did anything else." – "Exactly," said Ethel triumphantly. [WW 2, с. 67].

Информативная избыточность, в свою очередь, проявляется в использовании вводных слов, в излишней детализации и многословии. Желая скрыть источник информации, говорящий излагает множество подробностей, которые невозможно проверить, но отвечает на заданный вопрос. "Where did you learn that from?" <...> "Just someone in Jordan," Lyra said vaguely. "I forget who. I think it was one of the Scholars." "Was it in one

of your lessons?" "Yes, it might have been. Or else it might've been just in passing. Yes. I think that was it. This Scholar, I think he was from New Denmark, he was talking to the Chaplain about Dust and I was just passing and it sounded interesting so I couldn't help stopping to listen. That's what it was." [P. 1, c. 84]. Вместо того, чтобы просто сделать замечание, учитель описывает провинившемуся его проступок, предоставляя ему возможность догадаться о том, что необходимо сделать. "What should you be doing, Mildred?" asked a chilling voice behind her. "Oh! Er – nothing, Miss Hardbroom," replied Mildred, for it was her form-mistress who had appeared from nowhere. "Nothing," echoed Miss Hardbroom frostily. "At this time of day? Why, I ask myself, should Mildred Hubble be hurtling around the corridors when everyone else is usefully employed in a lesson somewhere? And why, I ask myself, should Mildred Hubble's socks be trailing round her ankles?" [WW 2, c. 33 – 34].

Достоверность в рамках фиктивного межличностного взаимодействия зависит от коммуникативной интенции персонажей. Используя предложенную Н. Н. Панченко типологию причин использования приблизительной информации [9, с. 11], можно назвать следующие факторы снижения информативности высказывания в фиктивной коммуникации:

– степень уверенности говорящего в истинности именуемого/обозначаемого. Абсолютная убежденность говорящего в своей правоте выражается посредством использования наречий-усилителей, как в словах автора, так и в речи персонажа, модальных глаголов, восклицательного предложения. "Yes, they are!" Mildred insisted desperately. "I know it sounds a peculiar story, Miss Hardbroom, but you must believe me. Their broomsticks and cauldrons and things are still in the clearing where I found them, really". [WW 1, c. 88 – 89];

– отказ нести ответственность за сообщаемое. Не будучи уверенным в достоверности информации, персонаж предпочитает оформить ее как вопрос теологии и обращается к собеседнику за подтверждением своей

правоты. "We heard it's a theological matter. They're making an experiment, but what nature it is we don't know. To tell you all the truth, we don't even know whether any harm is a-coming to 'em. But whatever it is, good or bad, they got no right to reach out by night and pluck little children out of the hearts of their families. Yes, Raymond van Gerrit?" [P. 1, c. 135];

– сглаживание неприятной ситуации, резкой номинации. Вместо критики неудачного выступления группы школьников, которое испортило празднование Дня Всех Святых, главный волшебник ограничивается констатацией своих чувств. "Miss Cackle," said the chief magician sternly, "your pupils are the witches of the future. I shudder to think what that future will be like. <...> "However," continued the chief magician, "we shall forget that incident for the rest of the evening. Let us now begin the chanting" [WW 1, c. 68 – 70];

– намерение утаить точную информацию или предоставить заведомо ложную. "What's Dust?" she said, struggling to stand up after having been cramped for so long. "Nothing to do with you." [P 1, c. 28]

Суммируя вышеизложенное, отметим, что достоверность является обязательным условием выполнения литературной сказкой своей социально-коммуникативной функции, так как именно достоверное оценивается языковым сообществом как положительное, заслуживающее доверия и, следовательно, предложенная модель поведения признается достойной подражания. Правдоподобие и собственно достоверность представляют собой формы реализации рассматриваемой категории, и их использование определяется типом литературной коммуникации. Правдоподобие в рамках реальной литературной коммуникации достигается с помощью языковых маркеров. Достоверность в рамках фиктивного межличностного взаимодействия характеризуется вариативностью полноты предоставляемой информации, которая определяется коммуникативными интенциями персонажа.

Литература

1. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей / И. В. Арнольд. – СПб.: Изд-во С-Петербур. гос. ун-та, 1999. – 444 с.
2. Ауэрбах, Э. Изображение действительности в западно-европейской литературе / Э. Ауэрбах, Мимесис. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 511 с.
3. Бабушкин, А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 86 с.
4. Баксанский, О. Е. Методология науки: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / О. Е. Баксанский, Е. Н. Кучер. – М.: Альтекс, 2004. – 76 с.
5. Бартко, А. Н. Достоверность как специфическая форма субъективного отражения объективной действительности – АКД / А. Н. Бартко. – М., 1987. – 22 с.
6. Гудмен, Нельсон Способы создания миров / Нельсон, Гудмен; пер. с англ. А. Л. Никифорова, Е. Е. Ледникова, М. В. Лебедева, Т. А. Дмитриева. – М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. – 376 с.
7. Изер, В. Акты вымысла, или что фиктивно в фикциональном тексте / В. Изер // Немецкое философское литературоведение наших дней: антология. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2001.
8. Мисник, М. Ф. Лингвистические особенности аномального художественного мира произведений жанра фэнтези англоязычных авторов. – АКД / М. Ф. Мисник. – Иркутск, 2006. – 18 с.
9. Панченко, Н. Н. Достоверность коммуникативная категория / Н. Н. Панченко. – Волгоград: Перемена, 2010. – 304 с.
10. Плотникова, С. Н. Концептуальный стандарт жанра фэнтези / С. Н. Плотникова // Жанры речи: сборник научных статей. – Вып. 4. Жанр и концепт. – Саратов: Колледж, 2005.
11. Риффатер, М. Истина в диэгесисе / М. Раффатер // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 27.
12. Шилков, Ю. М. О природе фикционального дискурса / Ю. М. Шилков // Я. (А. Силин) и Мы: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Силина. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.

13. Яхонтов, Б. А. Адекватность отражения / Б. А. Яхонтов // Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. – София, 1981. – Т. 1.
14. Riffaterre, M. Fictional Truth. – Baltimore / M. Riffaterre. – London: The Johns Hopkins University Press, 1990. – 140 p.

Словари и источники примеров

1. McM – MacMillan English Dictionary. – Oxford, 2006.
2. P1 – Ph. Pullman Northern Lights. – UK, 2005. – 398 p.
3. WW 1- J. Murphy The Worst Witch. – London, 2001. – 108 p.
4. WW 2- J. Murphy The Worst Witch Strikes Again. – London, 2007. – 86 p.
5. WW 3- J. Murphy A Bad Spell for the Worst Witch Strikes Again. – London, 2007. – 86 p.
6. WW 6- J. Murphy The Worst Witch to the Rescue. – London, 2008. – 172 p.

Информация об авторе:

Клейменова Виктория Юрьевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры английской филологии, КемГУ, 8-811-255-42-66, victoria.kleimenova@yandex.ru.

Kleimenova Victoria Yurievna – Candidate of Philology, doctoral student at the Department of English Philology of KemSU.

УДК 811.161.1.1.

СИТУАТЕМА КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ, ПОЛИСИТУАТИВНАЯ И ПОЛИСОБЫТИЙНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Н. Б. Лебедева

SITUATEME AS A DYNAMIC, POLYSITUATIONAL AND POLYEVENTIVE VERBAL SEMANTICS STRUCTURE

N. B. Lebedeva

В статье семантическая структура глагола, именуемая ситуатемой, представлена как полипропозициональная структура со сложной архитектоникой, включающей лексикализованную и смежные с ней ситуации, которая может быть рассмотрена в различных масштабах – на уровне микроситуаций, лексикализованной ситуации и макроситуации. Идея динамизма ситуатемы вытекает из понимания глагольной семантики как пути из пункта А в пункт Б, в результате которого происходят определенные сдвиги в семантической структуре, описанные в статье как события.

The paper presents the semantic structure of the verb, named 'situateme', as a polypropositional structure with complex architectonics, including both lexicalized situation and those adjacent and related to it. Various scales can be used to consider this structure: those of microsituation, lexicalized situation and macrosituation. Understanding verbal semantics as an A→B way resulting in certain shifts in semantic structure described as events leads to the idea of situateme's dynamism.

Ключевые слова: глагольная семантика, полипропозициональность, динамизм, ситуатема.

Keywords: verbal semantics, polypropositionality, dynamism, situateme.

Как известно, в европейском языкознании со времен Й. Гердера и В. фон Гумбольдта нарастает тенденция замены статического взгляда на язык, на динамическую модель в русле общего переключения внимания «философов», логиков, а затем и лингвистов ... с предметно-пространственного аспекта мира на его событийно-временные характеристики и соответствующие им концепты" [1, с. 101]. Динамический аспект миропредставления предполагает событийную концептуализацию действительности, т. е. сегментирование потока происходящего на события, а не на предметы, с акцентом не столько на пространственные параметры, сколько на временные, на идею связей и отношений, а не на атомизм. Приходит понимание того, что "в реальности мир – не вещевой склад, на полках которого лежат рассортированные по классам предметы и признаки, и словарь не их инвентарная опись" [2, с. 141]. В первую очередь, этот мировоззренческий и методологический сдвиг проявился в усиленном интересе ко всему, что имеет отношение к действию. Один из крупнейших философов современности Г. фон Вригт пишет, что необходимость перейти к изучению "концептуальной структуры динамического мира, мира, находящегося в постоянном

изменении", привела к интересу "к человеческому действию". И он задает вопрос: "Но что такое действие? В простейшем случае – это переход (или превращение) из одного состояния в другое. Первый член отношения можно назвать "первоначальным состоянием", а второй – "конечным состоянием". Слова "первоначальный", "конечный" и "переход" предполагают темпоральный порядок" [3, с. 516]. "Темпоральный порядок" проявляется в интерпретации мира как переход одних событий и ситуаций в другие, как связь одних событий и ситуаций с другими.

Глагол – часть речи, наиболее приспособленная для номинирования динамических фрагментов мира, может быть рассмотрен именно в аспекте передачи смены одних состояний на другие, неся информацию и о первых, и о вторых. Таким образом, план содержания, соотносимый с глагольной формой, представляет собой полиситуативный, полисобытийный, полипропозициональный комплекс. Поэтому наш подход можно назвать ситуативно-событийно-пропозициональным. Ситуативный – т. к. он отражает наше видение динамического фрагмента мира как смену ситуаций. Событийный – т. к. в ситуации может быть несколько событий разного

масштаба. Так, например, в одной ситуации "*Иванов выиграл матч у Петрова*" два события: 1 – *Иванов выиграл у Петрова*, 2 – *Петров проиграл Иванову*. Происходит так называемое «умножение событий». Вводя это понятие, Н. Д. Арутюнова пишет: "То, что события локализируются относительно той или другой сферы жизни, отражается и на членении происходящего на отдельные события и на идентификации этих последних <...> "Умножение событий" происходит не только в результате распределения по разным жизненным сферам, но также вследствие выполнения в одной сфере разных функций или отнесенности к разным аспектам происходящего. Осуществляя одну и ту же акцию, можно быть участником разных событий" [1, с. 174]. Итак, Н. Д. Арутюнова выделяет следующие факторы "умножения событий" внутри одной ситуации:

а) распределение по разным сферам жизни (к примеру, человек спит, т. е. представлен в физиологической сфере, но в это же время он "распределен" в социальной сфере: ждет поезда);

б) выполнение разных функций в одной сфере (в социальной сфере может быть много функций: человек спит, но в это же время в социальной сфере он выполняет несколько функций – ждет поезда, едет в командировку, работает в университете, замещает заведующего кафедрой, участвует в шуточном соревновании по продолжительности сна);

в) участие в разных аспектах происходящего (человек спит, но в это же время он отдыхает, ворочается, храпит, давит массой своего тела окружающие предметы и пр.). Поэтому-то человек может *спать* и *проспать* поезд, занятия в университете, свою жизнь (например Обломов), участвовать в соревновании «кто кого *переспит*», *наспать* силы, *выспаться*, *отоспаться*, *заспать* ребенка.

И наконец, события и ситуации имеют пропозициональную структуру. Пропозиции бывают событийные и логические. Модусные и модальные смыслы также могут быть расписаны как пропозициональные структуры. Например, логическая пропозиция причинности связывает два события одной ситуации в высказывании: *Иванов выиграл, так как Петров ему проиграл*. Логические отношения причинности можно представить как пропозициональную структуру: P_1 так как P_2 . Обычно пропозиций больше, чем событий, а событий больше, чем ситуаций. Итак, денотативная семантика русского глагола является полиситуативной и полисобытийной, а основной способ ее описания – пропозициональное структурирование. Центральным носителем полипропозициональной структуры выступает ситуатема.

Ситуатема – единица плана содержания, объединяющая ряд ситуаций, соотносимых с одной глагольной формой. Ее содержательная структура включает конвенциональные и имплицативные компоненты, представленные в пропозициональной форме. Эта денотативная структура глагольной семантики репрезентирует принципиально нелимитируемое, подвижное образование, включающее ядерную, ассертивную ситуацию, а также – на ментальном уровне – имплицативно связанные с ней смежные конситуации (ближнюю, дальнюю и сверхдальнюю периферию).

Ситуатема позволяет рассматривать отраженный в сознании динамический фрагмент действительности в трех масштабах (планах): в масштабе лексикализован-

ной ситуации, в масштабе микроситуаций и в масштабе макроситуации.

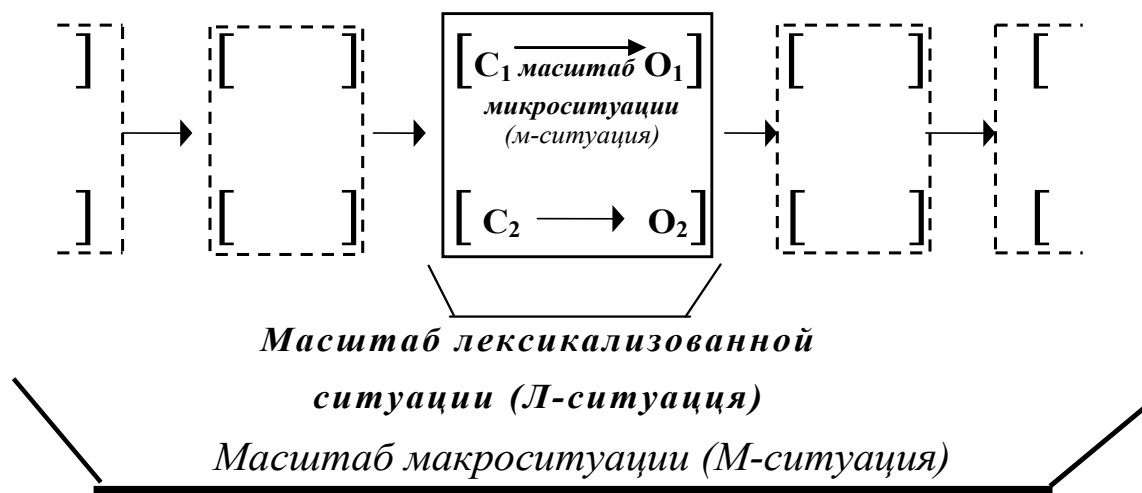
Первый – лексикализованный – масштаб включает рассмотрение того объема экстралингвистической реальности, который «попал в кадр», т. е. в коммуникативный фокус, и ассоциирован с данной лексемой. Он составляет ядро ситуатемы: "это масштаб, при котором одному событию соответствует закрепленная данной языковой нормой называющая его лексема-предикат" [4, с. 325]. Исследование актантно-предикатной структуры пропозиции обычно осуществляется на этом уровне. На втором уровне – в микромасштабе – в исследовательский фокус попадают микроситуации (фазы, "корпускулы", операциональные элементы, признаки фаз и элементов), из которых состоит денотативная структура лексикализованной ситуации. Методики А. Вежибицкой и Е. В. Падучевой исследуют глагольную семантику именно на этом микроуровне. Понятно, что степень дробления ситуации может быть различной. При выходе в макромасштаб в исследовательское внимание попадает не только лексикализованная ситуация, но и "около-ситуации" (смежные ситуации, конситуации), связанные с ней пространственными, хронологическими, логическими (причинно-следственными, целевыми), модально-модусными и другими отношениями. Многие из них являются имплицативными. В синтаксисе также замечена эта особенность языковых единиц – способность ассоциироваться с расширенной информацией, выходящей за грани эксплицированного значения: "<...> семантика высказывания дает нам знание не только о ситуации, непосредственно ею описываемой, но и некоторых других, тем или иным образом сопутствующих" [5, с. 80].

Таким образом, анализируемые денотативные структуры (ситуатемы) имеют многомерное измерение. Их архитектура представляет собой сложное системное образование полипропозиционального характера, скрепленное разными элементами. Такое образование имеет полевую структуру, ядро которой составляет лексикализованная ситуация, а в ней – элементы, попавшие в коммуникативный фокус. Периферия делится на ближнюю, дальнюю и сверхдальнюю, которую составляют смежные событийные пропозиции (ретроспективные, проспективные, параллельные) и связывающие их логические пропозиции.

Ретроспективные, проспективные и параллельные ситуации могут входить в ближнюю периферию, то есть непосредственно примыкающую к лексикализованной ситуации, в дальнюю – смежную с ближней, и в сверхдальнюю – смежную с дальней. Такое неопределенное и релятивистское определение в принципе соответствует полемому подходу к описанию языковых единиц и объясняется нелимитируемым, подвижным, текучим характером предикативного денотата, что проявляется в адаптивной приспособляемости глагольных единиц в синтагматическом бытовании, то есть в речевых условиях. В процессе составления синтагматических цепей "извлекаемые из памяти фрагменты языковой ткани модифицируются, адаптируясь друг к другу; они подвергаются всевозможным усечениям, наращиваниям, аналогическим подменам одних компонентов в их составе с другими, контаминациям, метатезам; они срастаются друг с другом, растекаются по разным точкам высказывания, редуцируются до едва намеченных, мерцающих намеков" [6, с. 14].

Ситуатема носит принципиально открытый характер. Открытость ситуатемы, таким образом, обусловлена, во-первых, полемым устройством ее структуры: наличествует ядро (в нем, в свою очередь, можно выделить свое ядро и свою периферию) и разветвленная периферия. Границы этой единицы "тонут в тумане" отраженной на уровне общего представления мало-предсказуемой экстралингвистической действительности, расплываются в вариативном пространстве «возможных миров». Чем дальше от ядра, тем детерминационная цепочка становится более разветвленной и неопределенной. Во-вторых, углубление "внутри" ситуации также нелимитируемо: микроситуации могут быть различной дробности, предел этого расщепления также может быть установлен интуитивно и также зависит от коммуникативных и исследовательско-методических задач. Такой подход можно определить как разномасштабное рассмотрение денотативной структуры глагольной семантики. Ниже предлагается схема типовой структуры ситуатемы.

При характеристике нашего подхода необходимо отметить следующие его **особенности**.

Важным моментом является акцент на взаимодействии лексикализованной ситуации со смежными ситуациями, в первую очередь – с ретроспективными и проспективными пропозициями, на детерминирование Л-ситуации ретроспективным планом и детерминирование проспективного плана Л-ситуацией и всем происходящим в ней. Но детерминирование имеет и более глубинное проявление, так как в результате "перетекания" процесса из "пункта А" в "пункт Б" могут происходить следующие события.

– Появляются дополнительные пропозиции – в результате взаимодействия Участников или как следствие внутренних, имманентных процессов, так "происходит своего рода мультипликация ситуаций" (Касевич), или "умножение событий". Появляются, кроме основных, дополнительные ролевые функции Участников, отражая "разную степень участия субъекта в ситуации и, соответственно, разную степень контролируемости процесса" [8, с. 222].

– Изменяются атрибуты Участников: а) состояния – ментальное, информационное, психологическое, волевое; б) интенции – мотивационные, телеологические и др.

Во-первых, ситуатема содержит энергетический центр – основное противоречие, несоответствие, из которого исходит импульс, дающий толчок к развитию всей ситуатемы. Это основная детерминанта всей ситуатемы, нередко имеющая конфликтную природу. Наше исследовательское внимание направлено на динамическое развитие ситуатемы, на сам переход всех структурных компонентов, так сказать, "из пункта А" (экспозиция) в "пункт Б" (результатирующее, итоговое состояние), на происходящие в них трансформационные процессы, развиваемые под влиянием импульса, исходящего из энергетического центра. "Многослойность языковых значений превращает их из статичных картин в динамично разворачивающиеся сценарии, разные фазы которых описывают разные этапы развития ситуации. Такое "сценарное" описание языковых значений – тоже недавнее завоевание теоретической семантики" [8, с. 50]. Поскольку "каждой фазе процесса соответствует некоторое состояние участвующего в нем объекта" [7, с. 16], в фокусе исследовательского внимания оказываются те изменения, которые происходят в самом протекании процесса, можно сопоставить его характеристики "на входе" и "на выходе".

– Изменяется (по сравнению с тем, каким он был бы, если бы не участие всех компонентов в Л-ситуации) проспективный план: открывается панорама новых "возможных миров".

– Изменяется и ретроспективный план, поскольку происходит изменение в актуализации компонентов ретроспективного плана, связанных с изменением всех структурных элементов в процессе протекания события.

Такой аспект рассмотрения назовем динамическим.

Во-вторых, существенной особенностью нашего подхода является то, что у всех Участников выявляется не одна функция, а гетерогенный набор ролевых функций, причем в динамическом аспекте: функции Участников появляются, развиваются, утрачиваются на протяжении протекания, развития, «разворачивания» всей ситуатемы.

В-третьих, ставится задача выявить сущностно необходимые, конституирующие, инвариантные элементы денотативной структуры со стороны возможного семантического развития глагола и переменные элементы, по которым "растекается" номинативный потенциал, создавая "бесконечность семантической ва-

лентности языкового знака" [10, с. 114 – 125]. У. Лабов называет эту антиномию как противопоставление "категорично действующих признаков" и "вероятностных, или "взвешенных", признаков". Этот аспект номинативной проблемы назовем семасиологическим (исследовательский взгляд идет от "тела" знака – к денотату). Семасиологический подход предполагает движение мысли от формы, "тела" знака к денотату, стремление ответить на вопрос: какие денотативные структуры по-

крываются "телом" такого знака, как, например, глагол *подговорить*, и чем определяются денотативные (референциальные) границы слова, то есть его экстенционал?

Подробнее изложенные в статье принципы анализа семантики русского глагола в аспекте полиситуативности представлены в нашей монографии «Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов)» [11] (см. также [12]).

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М., 1988.
2. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л., 1972.
3. Вригт, Г. Х. фон. Время, изменение и противоречие / Г. Х. фон Вригт // Логико-философские исследования. Избр. тр. – М., 1986.
4. Кибрик, А. Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках / А. Е. Кибрик // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1980. – № 4. – Т. 39.
5. Касевич, В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М., 1988.
6. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Каспаров. – М., 1996.
7. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М., 1996.
8. Апресян, Ю. Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия / Ю. Д. Апресян // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1999. – № 4. – Т. 58.
9. Циммерлинг, А. В. Субъект состояния и субъект оценки (типы предикатов и эпистемическая шкала) / А. В. Циммерлинг // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М., 1999.
10. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М., 1982.
11. Лебедева, Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов) / Н. Б. Лебедева. – Томск, 1999.
12. Лебедева, Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики. – Изд. 2-е, испр. и доп. / Н. Б. Лебедева. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010.

Информация об авторе:

Лебедева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и славяно-русского языкознания, КемГУ, 8-906-925-01-51, nlebedevab@yandex.ru.

Lebedeva Natalia Borisovna – Doctor of Philology, Professor at the Department of Language Theory and Slavonic and Russian Linguistics of KemSU

УДК 140.8(470+571) «19»

О БАЗОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЯХ ОБЫДЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

О. В. Тваржгинская

BASE PRESUMPTIONS OF ORDINARY INTERPRETATION OF THE POETIC TEXT

O. V. Tvarzhinskaya

Целью статьи является выявление и описание особенностей обыденной интерпретации поэтического текста путем ее сопоставления с профессиональной интерпретацией. В статье описываются результаты психолингвистического эксперимента, представленные в виде индивидуальных интерпретаций реципиентов – рядовых носителей языка, которые сопоставляются с трактовкой этих же текстов профессиональными литературоведами.

This article aims at revealing and describing the features of ordinary interpretation of the poetic text, by its comparison to professional interpretation. In the article the results of a psycholinguistic experiment are presented in the form of individual interpretations of recipients – ordinary native speakers which are compared with professional literary critics' reviews of the same texts described by.

Ключевые слова: лингвоперсонология, личность рядового носителя языка, профессиональная и обыденная интерпретация текста.

Keywords: linguistic personology, the person of the ordinary native speaker, professional and ordinary interpretation of the text.

Исследование процессов восприятия и интерпретации текстов читателем является одной из важнейших проблем современной лингвистики, в частности, такого направления, как лингвоперсонология [5]. Особую актуальность в этой связи приобретает область обыден-

ной интерпретации текста, так как она является, с одной стороны, наименее изученной, а с другой стороны, принципиально важной для понимания механизмов функционирования естественного языка. Объектом исследования обыденной герменевтики выступает языко-

вая личность рядового читателя, выявляющая себя в процессе восприятия художественного текста, в том числе в аспекте неоднозначности, «вариативности» его понимания [1, с. 41 – 46]. Говоря о последнем, уместно привести высказывание Н. И. Жинкина о том, что «объективное понимание текста, то есть одинаковое для разных людей чтение, невозможно вообще» [3, с. 307].

Проблема обыденной герменевтики в статье будет рассмотрена в лингвоперсонологическом ракурсе, так как представлены различные понимания одного текста, которые зависят от интерпретационных особенностей разных типов личности (обычной читательской и профессиональной) и разных индивидуальных языковых личностей.

В основу нашего лингвистического экспериментального исследования положена следующая гипотеза – причина разнообразия интерпретации текста заключается в разнообразии самой языковой личности (обычной Читательской и профессиональной), следовательно, есть зависимость типа интерпретации от типа языковой личности носителя русского языка.

Необходимость постановки таких целей и задач следует рассматривать в двух аспектах – профессиональном и обыденном. Профессиональная позиция достаточно хорошо известна из научного и школьного литературоведения и при интерпретации художественного текста она обычно выступает основополагающей. В науке есть определенные критерии, основываясь на которых, профессионал интерпретирует художественный текст. Однако науке практически не известны позиции, с которых рядовой читатель воспринимает и интерпретирует художественное произведение.

Базовые компоненты профессиональной интерпретации поэтических текстов А. А. Фета

В данном разделе рассмотрим профессиональный аспект интерпретации поэтических текстов А. А. Фета «Одним толчком согнать ладью живую...» и «Учись у них – у дуба, у березы» и проследим, на каких особенностях актуализируют внимание литературоведы.

Стихотворение «Одним толчком согнать ладью живую...» интерпретируется исследователями Ранчиным, Благим, Эйхенбаумом, и их подходы практически схожи. Профессионалы, интерпретируя стихотворение, руководствуются основными литературоведческими критериями, сосредоточивая внимание на следующих особенностях стихотворения: 1) мотивы, отраженные в стихотворении; 2) структура поэтического текста; 3) художественные приемы и образные средства стихотворения; 4) ключевые слова; 5) особенности метра и размера стихотворения.

В сфере мотивов профессионалы в стихотворении «Одним толчком согнать ладью живую...», в первую очередь, выделяют основной мотив – это устремление ввысь, в небо, полет, мотив отчуждения от повседневности, очищающего значения поэзии как средства выразить мучения, тягостные чувства – и этим освободиться от них: «дать сладость тайным мукам». Отражают исследователи и любимый Фетом мотив невыразимого: «избранный певец» способен «шепнуть о том, пред чем язык немеет». Многими из них отмечаются особенности синтаксической структуры стихотворения, в частности, то обстоятельство, что оно состоит из девяти инфинитивных предложений («сделать/ почувствовать что-то») и двух заключительных изъяснительных предложений традиционной структуры «под-

лежащее + сказуемое», вводимых посредством повторенной частицы «вот». («Вот в чем его и признак, и венец!»). В первом четверостишии три предложения, во втором – пять, в третьем – четыре. Благодаря такому построению текста, создается эффект ускорения, убыстрения темпа, и в финале достигается упорядочение поэтического порыва.

Особое внимание исследователи уделяют художественным приемам и образным средствам: метафора – «наглаженные» (ровные, невыразительные) «отливами пески»; поэт принадлежит двум мирам – реальному и идеальному. Именно эта идея порождает высказывание, построенное на логическом противоречии, на оксюмороне: «Упитья вдруг неведомым, родным», «Усилить бой бестрепетных», то есть не бьющихся, «сердец»; «Шепнуть о том, пред чем язык немеет» [6, с. 81]. Находит отражение в стихотворении прием антитезы «мир идеальный – мир земной», воплощенный посредством противопоставленных метафорических образов «этого» (его приметы – «наглаженные отливами пески»), и иного миров – «берегов» (его черты – принадлежность к «вышине», «цветение», «ветр», символизирующий веяние поэтического духа) [6, с. 81]. Повторы начальных слов в нескольких строках (анафоры), элементы синтаксического параллелизма, череду инфинитивных предложений – Б. Эйхенбаум объясняет установкой А. А. Фета на музыкальность стиха: «Естественно ожидать, что при своих тенденциях к построению музыкальных периодов, основанных не мелодическом нарастании, А. А. Фет должен избегать обычных логических форм и стремиться к образованию (интонационного) подъема ... лишь при помощи системы повторений и параллелизма. ... нарастание создается непрерывным синтаксическим параллелизмом, повторением формы «инфинитив + его дополнение» («одним толчком согнать – одной волной подняться»). В синтаксический параллелизм вносится разнообразие благодаря инверсии во второй строфе: «дать жизни вздох – дать сладость тайным мукам» [10, с. 191 – 192].

Как правило, исследователи указывают, что поэтический словарь стихотворения намеренно архаичен – «сон» как метафора жизни, «певец» в значении «поэт», «венец» в значении «венок», «ветр» вместо «ветер». Ориентация А. А. Фета на поэтический словарь этой традиции придает стилю стихотворения особые оттенки значения: одновременно «классичность» и «романтичность» [6, с. 82].

Заканчивая интерпретацию стихотворения, профессионалы акцентируют внимание на особенностях метра и ритма стихотворения. Стихотворение написано пятистопным ямбом с чередующимися женскими и мужскими окончаниями стихов. Во времена А. А. Фета пятистопный ямб преимущественно употреблялся в лирике с «элегической и смежной с ней тематикой» [9, с. 67]. Но от элегии в этом стихотворении осталось немного – мотивы тоски повседневного существования и отчуждения от жизни. Аналогично исследователи-профессионалы – Н. М. Шанский и А. Б. Бухштаб интерпретируют стихотворение А. А. Фета «Учись у них – у дуба, у березы», выделяя следующие особенности стихотворения: 1) структуру поэтического текста; 2) мотивы, отраженные в стихотворении; 3) художественные приемы, образные средства, образы – символы; 4) композицию стихотворения; 5) поэтический словарь

стихотворения (ключевые слова); 6) синтаксическую структуру стихотворения.

В первую очередь, исследователи-литературоведы выделяют структуру стихотворения. По своей структуре миниатюра распадается на две неравные, противопоставленные друг другу части; две строфы приказа выстоять и, не жалуясь, вытерпеть жестокую пору жизни, как это делают деревья, с одной стороны, и одна заключительная строфа призыва верить в лучшее: возрождение, тепло и свет, ясные дни новых открытий и свершений – с другой. Так как стихотворение структурно делится на две части, то исследователи выделяют и две разновидности основных мотивов: в первой части преобладают мотивы трагедии, тревоги и неустроенности в жизни, беспокойства, а во второй – мотивы надежды, веры в светлое будущее, красоты и гармонии.

Рассматривая особенности структуры и мотивов стихотворения, профессионалы акцентируют внимание на образных средствах и художественных приемах: метафорические образы – «напрасные застыли слезы», «за сердце хватает холод лютый»; эмоционально окрашенные эпитеты: «холод лютый», «жестокая пора», «скорбящая душа», инверсия «напрасные на них застыли слезы», во второй части сменяется и настроение эпитетов – «ясных дней», «новых откровений». Автор использует лексические повторы: «сердце рвет» – «за сердце хватает», «они молчат; молчи и ты». Этот прием усиливает ожидание развязки. Выделяют литературоведы в стихотворении и образы – символы: образ дуба – это символ стойкости, крепости, силы; образ березы – символ жизнеспособности, противостояния невзгодам, жизнелюбия; образ зимы – это символ невзгод, образ весны – это символ полнокровной свободной Жизни.

Как правило, исследователи отмечают композицию стихотворения «Учись у них – у дуба, у березы». «Композиционно стихотворение строится естественно и рационально. Двенадцать составляющих его строк семантически связаны в единое целое страстным призывом выстоять и стерпеть настоящее во имя лучшего будущего и твердой верой в то, что, как всякое будущее, оно обязательно будет» [9, с. 67].

Особое внимание профессионалы уделяют поэтическому словарю и синтаксису стихотворения. Так, Шанский отмечает: «Автор использует большое количество глагольных форм. Формы повелительного наклонения (учись – молчи – верь) как ключевые образуют анафорически-рамочную конструкцию (Учись у них... – Но верь весне...) всего стихотворения и кольцевое единство первой части (Учись у них... – как начало, и Молчи и ты – как ее конец)» [9, с. 67].

«Язык стихотворения прост и понятен рядовому читателю» [9, с. 67] – пишет литературовед Бухштаб. В стихотворении используются устаревшие падежные формы – «листь», «жизнию», «сжимаяся», «каждою» вместо («листья», «жизнью», «сжимаясь», «каждой»). Автор использует такие устаревшие формы для рифмовки, которые не играют никакой стилистической роли. Своим значением в стихотворении обращает на себя внимание существительное **гений**. В современном русском языке это слово имеет значение – «человек с высшей степенью творческой одаренности» [9, с. 67]. А у А. А. Фета слово «гений» является синонимом к слову «весна», как средство избежать тавтологии – «гений вёсны», то есть гений красоты, добра, тепла. Все остальные слова стихотворения являются либо обиход-

ными и стилистически немаркированными, либо взяты из разговорной речи: треснула кора, застыли слезы, все злей, хватает сердце, лютый холод, дыша теплом, сердито рвет, промчится, переболит, ясные дни и т. д.

Заканчивая интерпретацию стихотворения, исследователи акцентируют внимание на особенностях синтаксической структуры. В первой и третьей строфах используются преимущественно простые, простые осложненные предложения, назывные побудительные предложения, так как А. А. Фет стремился выразить всю сложность душевной жизни человека и природы. Вторая строфа имеет иную синтаксическую структуру, в ней закрывается кульминация в душе и в природе, поэтому представлено сложное бессоюзное предложение. Короткие, информативно-насыщенные предложения придают стихотворению динамику. В третьей строфе противительный союз меняет настроение лирического героя, и за картинами жестокой зимы чувствуется возрождение надежды.

Базовые компоненты обыденной интерпретации стихотворений «Одним толчком согнать ладью живую...» и «Учись у них – у дуба, у березы» А. А. Фета

В данном разделе остановимся на обыденном аспекте проблемы интерпретации текста. Для выявления языковых особенностей обыденной интерпретации поэтического текста и сопоставления с профессиональной интерпретацией этих же художественных произведений, был проведен психолингвистический эксперимент. Так как эксперимент, отмечает Сахарный, «становится... надежной эмпирической базой для доказательства справедливости выявленных закономерностей» [7, с. 8]. Он проводился путем предъявления художественного (в частности поэтического) текста, испытуемым, а затем анализа интерпретационного выхода! В эксперименте принимало участие 162 человека. Испытуемым предлагалось прочитать два поэтических текста А. А. Фета «Учись у них – у дуба, у березы!» и «Одним толчком согнать ладью живую», а затем ответить на вопросы, которые проясняют интересующие нас моменты обыденной интерпретации. Она выявлялась в двух вариантах. Первый вариант – это интерпретация с текстом: испытуемому предлагалось прочитать стихотворение, после прочтения текст оставался перед реципиентом, и ему предлагалось ответить на следующий вопрос: «В чем смысл стихотворения?» Такой тип вопроса предполагает, что испытуемые попытаются домыслить художественное произведение, добавив при объяснении смысла отсутствующие, не названные прямо, а возможно, и не предполагаемые текстом вообще в стихотворении детали, образы, определенные черты лирического героя и любого предмета. И второй вариант предполагает более осознанную интерпретацию, без текста, в этом случае реципиенту предлагалось ответить на вопрос: «Что Вам запомнилось из стихотворения?» Этот вопрос предполагает своеобразный отзыв, помогает обнаружить определенные зоны читательского интереса, актуализируемого по ходу непосредственного чтения: что показалось более интересным для читателя, что особо бросилось в глаза, какие детали текста запомнились. Вопрос такого плана позволяет не только увидеть особенности памяти испытуемого, но и определить то, что читающий актуализирует для себя в художественном тексте.

Систематизация полученного материала интерпретаций текстов рядовых читателей позволяет выделить

основные показатели, по которым следует рассматривать основные особенности языкового сознания рядового читателя, для того чтобы соотнести их с особенностями, выделяемыми профессионалами. Таковыми являются:

1. Показатель объема информации (объем и качество полученного в ходе интерпретации текста): **полные** по объему ответы содержат более трех предложений; **средние** – два-три предложения; **краткие** – предложение или несколько фраз.

2. Содержательный показатель (степень участия реципиента в интерпретации текста, пассивность или активность читателя при ответе на вопросы, особенности вторичного текста).

3. Варианты модальности в обращении с информацией (модус): (отношение реципиента к исходному тексту; то есть, от какого лица излагается ответ на вопрос; характер и способы оценки). Если отражается позиция от лица реципиента, то есть «от себя», то модус следует определять как **эгоцентрический**; если от лица автора – **автороцентрический**; от текста – **текстоцентрический**.

При интерпретации художественного текста, в частности поэтического, может доминировать и проявляться в большей степени одна из читательских позиций – активная или пассивная. Вслед за Н. Д. Голевым [2, с. 11], мы считаем, что данные механизмы доминирования одной из сторон действуют в двух форматах: лингвомнемическом и лингвокреативном. Данная оппозиция восходит к различным сторонам языковой способности: пассивной-лингвомнемической или активной – лингвокреативной. Лингвомнемическая сторона – это «языковая память как способность запоминать, хранить и извлекать из памяти готовые языковые единицы» [2, с. 11]; лингвокреативная сторона языковой способности проявляется «в умении использовать элементарные языковые единицы для создания и понимания более сложных речевых произведений как креативно-динамических структур» [2, с. 11]. Следовательно, полагаясь на данные положения, выделяются креативный и мнемический типы интерпретации. В рамках **креативного** типа можно выделить следующие подтипы: художественный – читатель перерабатывает поэтический текст и образует новый, вторичный текст при помощи ассоциаций и проявлении одной из мыслительных стратегий (повествования, описания, рассуждения), это своего рода творческий подтип. Второй подтип – **логический**, у читателей такого подтипа при ответе выстраивается определенный сюжет, содержится поучение. В рамках **логического типа** проявляется одна из основных интерпретационных моделей – **холистическая и элементаристская**, аналогично выделяются и одноименные подтипы. При использовании **холистической** стратегии «направление интерпретационной деятельности осуществляется от целого к составным элементам текста. Под целым понимается контекст речевого высказывания, включающий такие составляющие, как ... событийная ситуация, социальный и культурно-исторический контекст», [4, с. 160] реципиент при ответе на вопрос руководствуется своим жизненным опытом. Например: «Смыслом этого стихотворения является то, что как бы ни было плохо, надо терпеть и Ждать, когда будет хорошо», – краткий по внешним признакам ответ, реципиент при ответе на вопрос опирается на собственный жизненный

опыт; «Стихотворение об обращении к истокам мудрости природной. Сразу в голове возник образ Балконского, который обращал свои мысли к дубу; ... стихотворение о покорности судьбе, но в то же время и о том, что не нужно забывать о своих истинных чувствах (о весне); по-видимому здесь затрагивается проблема противопоставления – сердца и разума». Ответ по внешним признакам **полный** по объему, реципиент находит тесные связи стихотворения А. Фета и романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир», в частности сцены с дубом, то есть прослеживается культурно-исторический контекст. При использовании элементаристской стратегии «адресат-интерпретатор актуализирует отдельные элементы текста (мотив, идею, тему, образы, ключевые слова), осуществляя назначение текста из значений составляющих его единиц» [4, с. 160], позволяющих выявить смысл текста в целом: «Я считаю, что в стихотворении неизвестного для меня автора прослеживается тема терпения, а также мотивы ожидания и надежды. Для самых сложных жизненных задач, по мнению автора, найдутся ответы, которые помогут, и станет легче на душе» – полный по объему ответ, построен на выделении таких элементов, как тема и мотивы, модус – эгоцентрический.

В рамках **художественного** подтипа проявляются особые мыслительные стратегии, связанные с описанием, повествованием и рассуждением. **Повествование** – это рассказ о событиях, происшествии, действиях. Большая роль в этой форме принадлежит глаголам, в большей степени используются простые, реже сложные предложения: «Запомнилось, что зима холодная, что все спит и что скоро придет весна и все оттает, оживет». Ответ краткий по объему информации, модус выявить невозможно, так как использована безличная форма повествования. **Описание** – это словесное изображение какого-либо явления действительности путем перечисления его характерных признаков. В описании больше, чем в повествовании, слов, обозначающих качества, свойства предметов. В результате обработки результатов эксперимента анкет с отражением данной мыслительной стратегий не встретились. **Рассуждение** – это словесное доказательство, размышление (как быть; что делать). При рассуждении употребляются сложные предложения с обособленными оборотами, различными типами бессоюзной и союзной связи, абстрактной лексикой: «Мне показалось, что за строками стоит человек, который причисляет себя к творцам! Что именно такой человек способен подняться над обыденным, уловить неуловимое и привести другого человека и общество к правильному пути и научить их понять и осмыслить жизнь!» – полный по объему ответ, модус эгоцентрический;

Если рассматривать **мнемический тип** интерпретации, то в его рамках следует выделить подтипы: **цитирующий** – этот подтип основывается на цитировании строк или фраз стихотворения – «Учись у них – у дуба, у березы. Переболит скорбящая душа»; «Одной волной подняться в жизнь иную. Учуять ветр с цветущих берегов»; **пересказательный** – этот подтип основывается на пересказе отдельных событий отраженных в поэтическом тексте – «Учись у дуба, у березы. Лютый мороз. Сильный ветер срывает последние листья. Молчат они, молчи и ты. Зима, не верь весне. Все кругом замерзло, метель»; «Учись у них, у дуба и березы. Вокруг была зима. На сердце и душе было тоскливо. Человек пережива-

ет. За окном – снег замечает старые следы. Хочется тепла, любви». В данных анкетах невозможно определить модус повествования, так как используется цитирование строк текста или пересказ строк и фраз текста.

Встречаются анкеты, в которых отражаются смешанные типы интерпретаций: «Шепнуть о том, пред чем язык немеет. Бой бестрепетных сердец Начало жизни (взрослой). Зарождение любви». Читатель выборочно цитирует фразы из стихотворения, что отражает **мнемический цитирующий** тип интерпретации. И в конце ответа выделяет элементы – это мотивы любви, смысла жизни, что является показателем **креативного логического элементаристского** типа интерпретации. По внешним признакам ответ **средний** по объему. Таким образом, в статье представлены разные варианты типов интерпретаций в зависимости от языковой способности личности рядового носителя русского языка. Если рассматривать показатель объема информации, то преобладают средние по объему ответы – 37 %, на втором месте краткие – 32 %, на последнем полные – 29 %. По содержательному Показателю, степени участия реципиента: на первом месте по частотности – креативный художественный тип интерпретации с мыслительной стратегией рассуждения – 27 %; на втором – креативный логический элементаристский тип интерпретации – 26 %; на третьем – мнемический цитирующий тип – 16 %; на четвертом – креативный логический холистический тип интерпретации – 13 %; на пятом – смешанный тип интерпретации – 10 %; на шестом – анкеты, где невозможно определить тип интерпретации в силу определенных причин – краткости и непонятности

художественного текста для реципиента в ходе интерпретации – 6 %; на последнем месте мнемический пересказательный тип интерпретации – 2 %. По показателю модальности в обращении с информацией, по частотности преобладают ответы с текстоцентрическим модусом – 33 %, на втором месте ответы с эгоцентрическим модусом – 18 %, на последнем – с автороцентрическим модусом – 2 %. Анкеты, где модус определить невозможно составляют 47 %.

Выводы

Личность непрофессионального читателя является значимым и актуальным объектом лингвоперсонологии, лингвистической герменевтики, лингводидактики.

1. Механизмы читательской деятельности не изучены в когнитивной лингвистике в достаточной мере. Один из путей их познания – сопоставление с механизмами интерпретации читателя-профессионала (литературоведа или лингвиста).

2. Анализ показывает, что непрофессиональный интерпретатор актуализирует внимание на отдельных составляющих, выделяя частные элементы – мотив, тему, образы, ключевые слова, которые выделяет и профессионал, но редко достигает широких и глубинных обобщений, поскольку не соотносит их с соответствующими научными парадигмами.

3. В обыденной интерпретации доминирует субъективный, эгоцентрический модус повествования.

4. Структура и синтаксис стихотворения остаются за гранью внимания читателя.

Литература

1. Голев, Н. Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка / Н. Д. Голев // Известия Алтайского гос. ун-та. Серия: История, филология, философия и педагогика. – 2004. – № 4.
2. Голев, Н. Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности [Текст] / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. – Барнаул; Кемерово: Изд-во БГПУ, 2006. – 420 с.
3. Жинкин, Н. И. Язык. Речь. Творчество: исследования по семантике, психолингвистике, поэтике / Н. И. Жинкин. – М: Лабиринт, 1998. – 364 с.
4. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: монография / Л. Г. Ким.; науч. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – 260 с.
5. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение [Текст]: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. Б. Лебедевой, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул; Кемерово : БГПУ, 2006. – 420 с.
6. Ранчин, А. М. Анализ стихотворения А.Фета «Одним толчком согнать ладью живую...» / А. М. Ранчин, Б. Эйхенбаум, Д. Д. Благой // Вопросы литературы. – 1990. – № 2.
7. Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику: курс лекций / Л. В. Сахарный. – Л., 1989. – 184 с.
8. Славская, А. Н. Личность как субъект интерпретации / А. Н. Славская. – Дубна: Феникс +, 2002. – 204 с.
9. Шанский, Н. М. Одна из дидактических миниатюр А. Фета / Н. М. Шанский // Русский язык в школе. – 1993. – № 4.
10. Эйхенбаум, Б. Мелодика русского лирического стиха / Б. Эйхенбаум. – Петербург, 1922.

Информация об авторе:

Тваржинская Ольга Викторовна – аспирант, ассистент кафедры русского языка и литературы, Анжеро-Судженский филиал КемГУ, 8-909-522-39-89, [asffilfak\(a\).mail.ru](mailto:asffilfak(a).mail.ru).

Tvarzhinskaya Olga Viktorovna – post-graduate student, Lecturer at the Department of Russian Language and Literature of the Anzhero-Sudzhensk branch of KemsU.

СТЕРЕОТИПЫ О ГЕРМАНИИ В СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ
СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю. Н. Точилина

THE STEREOTYPES OF GERMANY IN THE CONSCIOUSNESS OF THE INHABITANTS
OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yu. N. Tochilina

Статья посвящена современным стереотипным представлениям о Германии и немцах, сложившихся у жителей Сибирского федерального округа.

The article is about the modern stereotypic conceptualization of Germany and the Germans in the consciousness of the inhabitants of the Siberian federal district of the Russian Federation.

Ключевые слова: стереотип, менталитет, диалог культур, нация, Германия, немцы.

Keywords: stereotype, mentality, dialogue of cultures, the nation, Germany, the Germans.

За последние годы значительного прогресса в исследовании этнической психологии в целом и национально-го характера в частности добились российские учёные. Изданные ими за последнее время учебники и монографические работы свидетельствуют о начале масштабного развёртывания исследований в этой области на базе лучших достижений отечественной и зарубежной науки. Актуальность темы вызвана интересом исследователей к вопросам взаимодействия языка, культуры, психологии народа. Феномен и понятие «стереотип» привлекает большое внимание исследователей.

Очень хорошо понятие «стереотип» описано в Философском словаре [2]: «Стереотипы – формы, в которых действия и мысли людей сводятся к простейшим схемам и реакциям. Подобно штампам, оставляющим отпечатки на множестве копий, С. закрепляют в людях элементарные связи поведенческих и мыслительных актов, сохраняют устойчивость этих связей в меняющихся ситуациях. Поскольку С. действуют как некие психические и поведенческие автоматизмы, они могут трактоваться как формы биологической наследственности (своего рода инстинкты) или как формы наследования социального (см. "Архетипы"). В широком смысле С. – это формы, определяющие поведение не только отдельных людей, но и групп, субкультур, этносов, обществ. В этом плане С. – элементы социальных связей, закрепляющие в психике людей определенные общественные формы и т. о. поддерживающие структурность социальных взаимодействий. С. становятся особой философской и научной проблемой именно тогда, когда они перестают выполнять функции автоматизмов человеческого мышления и поведения...».

Характеризуя стереотип как явление, В. А. Маслова отводит ему роль «представителя культуры» и «опоры личности в диалоге культур» [1, с. 108]. Стереотипы составляют основу менталитета любого народа, они помогают личности ориентироваться в окружающем мире.

Конечно, времена меняются, меняются и стереотипы. Люди становятся более открытыми, более смелыми. Но избавиться от такого феномена, как стереотип, полностью не могут.

Конец XX – начало XXI века ознаменовались кардинальными политическими и экономическими изменениями, произошедшими, в первую очередь, в европейских государствах, среди которых центральное положение занимает Германия, а также в России. Германия, являясь третьей в мире страной по величине экономики и находясь на втором месте по объему экспорта, оказывает огромное влияние не только на евро-

пейские страны, но также становится все более влиятельным политическим фактором международных отношений. Германия пережила за это время двух бундесканцлеров, Россия – двух президентов. Между двумя государствами в течение многих столетий развиваются особые отношения.

Основными источниками, формирующими способы восприятия немцев и русских друг о друге являются словари, справочные материалы, энциклопедии и т. д., которые содержат богатые комментариями статьи об этих странах, их географии, истории, политическом устройстве, культуре и т. д., где приводятся сведения об этих странах на современном этапе их развития, начиная с 1990 года (распад СССР и Wiedervereinigung Deutschlands (воссоединение Германии)).

Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера принадлежит к числу самых авторитетных этимологических словарей нашего времени. Согласно этому словарю: «Германия – германец, стар. германе мн. "германцы", XVII в., Плач о пл. Моск. (Гудзий, Хрест. 311). Книжное заимств. из ср.-лат. Germania, Germani».

В словаре русских синонимов выделены следующие синонимы слова Германия: неметчина, ФРГ, третий рейх.

Большая советская энциклопедия дает следующее описание Германии: «(Deutschland), Федеративная Республика Германия (ФРГ) (Bundesrepublik Deutschland), государство в Центр. Европе, омывается Северным и Балтийским морями. 357 тыс. км². Население 81,2 млн человек (1993); св. 90 % – немцы. Городское население св. 85 %. Официальный язык – немецкий. Среди верующих – протестанты (лютеране, св. 50 %) и католики. Германия – федерация, в ее составе 16 земель. Глава государства – президент; глава правительства – федеральный канцлер. Законодательный орган – бундестаг, органы представительства земель – бундесрат. Столица – Берлин, местопребывание президента; местопребывание правительства и бундестага – Бонн (в 1991 принято решение о переводе правительства и бундестага в Берлин до 2000). На севере – Северо-Германская низм. с холмами и озерами, южнее – возвышенности и средневысотные горы (Рейнские Сланцевые горы, Шварцвальд, Тюрингенский Лес, Гарц, Рудные горы), чередующиеся с плато и равнинами. На юге – отроги Альп высотой до 2963 м (г. Цугшпитце). Климат умеренный, переходный от морского к континентальному... Крупные реки – Рейн, Везер, Эльба, Одер. На юге – Боденское оз. Ок. 30 % территории занято лесами. Нацио-

нальные парки – Баварский Лес, Берхтесгаден; многочисленные резерваты, памятники природы. В древности на территории Германии жили германцы. Племенные союзы алеманнов, баваров, тюрингов, саксов и др. были включены в VI – VIII вв. во Франкское государство. В результате его раздела (843) было создано Восточно-Франкское королевство, на основе которого сформировалось в 10 в. раннефеодальное королевство Германии. В 962 г. с завоеванием германским королем Оттоном I Сев. и Ср. Италии, образовалась «Священная Римская империя» (до 1806)... В 1933 г. в Германии установлена фашистская диктатура во главе с Гитлером. Германия захватила Австрию (1938), Чехословакию (1938 – 39), развязала II мировую войну, 22 июня 1941 г. напала на СССР. 8 мая 1945 г. фашистская Германия, разгромленная антигитлеровской коалицией при решающей роли СССР, безоговорочно капитулировала. Территория Германии была разделена на советскую, американскую, английскую и французскую зоны оккупации. Принципы послевоенного устройства Германии – ее демилитаризация, денацификация, демократизация – были определены Берлинской конференцией 1945 г.. В сентябре 1949 г. было создано западногерманское государство – Федеративная Республика Германии. В октябре 1949 г. в восточной части Германии провозглашено создание Германской Демократической Республики... В соответствии с принятым Народной палатой ГДР (высший орган государственной власти) решением 3 октября 1990 г. ГДР присоединилась к ФРГ, в результате образовалось единое германское государство. У власти (с 1982 г.) коалиция партий ХДС/ХСС и Свободной демократической партии (СвДП). Германия – высокоразвитая индустриальная страна: добыча бурого (1-е место в мире) и каменного угля, нефти, природного газа, полиметаллических руд, калийной и поваренной солей. Производство электроэнергии, главным образом на теплоэлектростанциях (ок. 1/4 на АЭС). Черная и цветная металлургия, разнообразное машиностроение: станкостроение, электротехника и радиоэлектроника, приборо-, автомобиле-, судостроение и др. Мощная химическая и нефтехимическая промышленность. Развиты деревообрабатывающая, легкая, пищевкусовая промышленность, производство изделий из фарфора, музыкальных инструментов. Высокоинтенсивное сельское хозяйство с преобладанием отраслей животноводства (свиноводство и молочное животноводство). Растениеводство специализируется на производстве зерна (пшеницы, ячменя и др.), сахарной свеклы, картофеля. Хмелеводство. Виноделие. Рыболовство. Длина (1991 г., тыс. км) железных дорог 91,4, автодорог 496,6. Тоннаж морского торгового флота 5,6 млн т дедвейт (1992 г.). Главные морские порты: Гамбург, Бремен, Бремерхафен, Вильгельмсхафен, Любек, Росток – Варнемюнде. Экспорт: машины, оборудование, химические продукты, изделия легкой промышленности. Основные внешнеторговые партнеры – страны ЕЭС, США, Россия...».

Представления немцев и русских друг о друге после падения «железного занавеса» все еще носят отпечаток предрассудков и устаревших стереотипов. Эти стереотипы складывались веками. Начиная от поражения Наполеоновской армии под Москвой в 1812 г., при котором погибли также сотни тысяч немецких солдат из союзнических государств Рейнского Союза. Русские ненавидели немцев и после того, когда те в Первую мировую войну применили ядовитый газ на фронте. Но

наибольшее негативное впечатление о немцах у русских XXI века сформировала Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг., воспоминания о которой еще живы в наших сердцах, и нет такой семьи в России, которую бы не коснулась эта война. В русском человеке живут еще страх и отвращение при звуке немецкой речи – может, оставшиеся от бабушек и дедушек, переживших войну, может, от фильмов об этой войне, а может, это уже заложено генетически.

На первый взгляд немец являет собой самый простой из устойчивых национальных образов. Немец всегда прекрасно организован, мечтает о порядке, выполняет законы, в идеале живет в ритме военного марша. Немцев всегда выдает их речь, отрывистая, резкая, словно они общаются друг с другом приказами – даже не зная ни слова по-немецки, ее всегда отличишь от любой другой. Но за простой схемой-стереотипом скрывается нечто неопределенное и туманное, и попытки заглянуть глубже наталкиваются на большие сложности. Начать с того, что даже название обсуждаемого народа неустойчиво и звучит по-разному в разных языках. По-русски – «немец», по-английски – «German», по-французски – «allemande», по-итальянски – «tedesco», на своем языке – «Deutsche». Неустойчивость и неопределенность немецкого характера обуславливаются неопределенностью и неустойчивостью положения самого государства. Ведь Германия – страна, почти не имеющая естественных границ, зажата между другими европейскими государствами, на протяжении своей истории постоянно меняла свои очертания, то располагаясь почти на все европейское пространство, то сжимаясь до размеров маленьких княжеств. Подобное срединное положение действительно определило участие самых разных племен и народностей в формировании немецкой нации.

Сегодня среди самих немцев стало политически корректно разделять национальное и государственное: интернет-сайт немецкого посольства объясняет, что «немецкий – это язык, продукт, человек и тому подобное — все, что связано с национальностью; германский – это гимн, флаг, парламент и тому подобное – все, что связано с государственностью».

В 2009 – 2011 гг. д-р филол. наук, профессор М. В. Пименова проводила свободный ассоциативный эксперимент по ключевым концептам культуры, среди которых были выделены концепты *ГЕРМАНИЯ* и *НЕМЕЦ*. Опрос проводился в Сибирском Федеральном округе. Были опрошены 663 человека в возрасте от 17 до 60 лет. Опрос был проведен в Новосибирске, Кемерово, Красноярске, Новокузнецке, Гурьевске, Белово, Топках, Бийске, Ачинске, Бердске, Прокопьевске, Киселевске, Анжеро-Судженске, Ленинске-Кузнецком, Яшкино, Юрге и др. Среди опрошенных были студенты, экономисты, филологи, преподаватели, юристы, психологи, инженеры, врачи, операторы, менеджеры, заключенные колонии для несовершеннолетних. Некоторые респонденты привели в своих анкетах сразу несколько ассоциаций, а некоторые привели ассоциацию только к одному из данных концептов, в другом пункте затруднились ответить. В ходе анализа нами были выявлены следующие результаты (см. таблицу).

№	Ассоциации	ГЕРМАНИЯ	НЕМЕЦ	Общее количество %
1	немец (немцы)	103		103 (15,54%)
2	нация, народ	1	11	12 (1,8%)
3	германцы, германец	2	1	3(0,45%)
4	гражданин (Германии), гражданство, житель Германии	-	12	12 (1,81%)
5	коренной	-	1	1 (0,15%)
6	я	-	1	1 (0,15%)
7	Германия	-	107	107 (16,14%)
8	национальность	-	39	39 (5,88%)
9	люди	1		1 (0,15%)
10	человек	-	40	40 (6,03%)
11	заграница, западная страна, другая страна, Запад, рубеж	7	-	7 (1, 06%)
12	далеко	1	-	1 (0,15%)
13	иностранцы, иностранец, чужак, пришелец, чужестранец, чужой, незнакомец	1	47	48 (7,24%)
14	варвар	-	1	1 (0,15%)
15	чурка	-	3	3 (0,45%)
16	нерусский	-	10	10 (1,51%)
17	не наш	-	1	1 (0,15%)
18	гость	-	1	1 (0,15%)
19	фриц	-	11	11 (1,66%)
20	немка	-	5	5 (0,75%)
21	мужчина	-	4	4 (0,60%)
22	страна	192	1	193 (29,11%)
23	маленькая	2	-	2 (0,30%)
24	серость, серая	1	-	1 (0,15%)
25	государство	6	-	6 (0,90%)
26	сосед	1	-	1 (0,15%)
27	географическая карта	2	-	2 (0,30%)
28	ФРГ	3	-	3 (0,45%)
29	федеративная	1	-	1 (0,15%)
30	республика	1	-	1 (0,15%)
31	ГДР	4	-	4 (0,60%)
32	Россия	6	-	6 (0,90%)
33	русский	1	14	15 (2,26%)
34	СССР	2	-	2 (0,30%)
35	американец	-	1	1 (0,15%)
36	Китай	1	-	1 (0,15%)
37	Франция	2		2 (0,30%)
38	француз	-	1	1 (0,15%)
39	Австрия	1		1 (0,15%)
40	Англия	1		1 (0,15%)
41	англичанин	-	1	1 (0,15%)
42	Венгрия	1		1 (0,15%)
43	Европа, страна в Европе	10	3	13 (1,96%)
44	Бавария	2	-	2 (0,30%)
45	земля	1	-	1 (0,15%)
46	Берлин	32	6	38 (5,73%)
47	Бремен	1	-	1 (0,15%)
48	Мюнхен	5	-	5 (0,75%)
49	Манхейм	1	-	1 (0,15%)
50	Дрезден	3	-	3 (0,45%)
51	Франкфурт	1	-	1 (0,15%)
52	Потсдам	1	-	1 (0,15%)
53	город	12	-	12 (1,81%)
54	Альпы	1	-	1 (0,15%)
55	Рейн	2	-	2 (0,30%)
56	море	1	-	1 (0,15%)
57	родня, родственники	3	2	5 (0,75%)

№	Ассоциации	ГЕРМАНИЯ	НЕМЕЦ	Общее количество %
58	сестра	1	-	1 (0,15%)
59	отец, папа	-	2	2 (0,30%)
60	мама	-	2	2 (0,30%)
61	дядя	-	1	1 (0,15%)
62	дедушка	-	1	1 (0,15%)
63	муж	-	1	1 (0,15%)
64	дом, родина	2	-	2 (0,30%)
65	семья	1	-	1 (0,15%)
66	друзья, подруга	4	-	4 (0,60%)
67	посылка	1	-	1 (0,15%)
68	чистота, чистая, чистые улицы, чистые дороги	14	2	16 (2,41%)
69	красота домов, красиво	9	-	9 (1,36%)
70	культура	1	-	1 (0,15%)
71	архитектура	1	1	2 (0,30%)
72	элитные дома	1	-	1 (0,15%)
73	поезд	1	-	1 (0,15%)
74	замки	1	-	1 (0,15%)
75	порядок	6	5	11 (1,66%)
76	качество	6	2	8 (1,21%)
77	брусчатка	1	-	1 (0,15%)
78	дорога, автобан	2	-	2 (0,30%)
79	дорого	1	-	1 (0,15%)
80	давно	-	1	1 (0,15%)
81	круто	1	-	1 (0,15%)
82	благо	1	-	1 (0,15%)
83	мечта	1	-	1 (0,15%)
84	интерес	-	2	2 (0,30%)
85	комфорт	1	-	1 (0,15%)
86	путешествие, отдых	2	-	2 (0,30%)
87	съездила бы	1	-	1 (0,15%)
88	стажировка	1	-	1 (0,15%)
89	учеба	1	-	1 (0,15%)
90	стимул	1	-	1 (0,15%)
91	точность	-	5	5 (0,75%)
92	жесткость	-	2	2 (0,30%)
93	экономный	-	1	1 (0,15%)
94	практицизм	-	1	1 (0,15%)
95	жадный	-	2	2 (0,30%)
96	расчетливый	1	-	1 (0,15%)
97	приземленный	-	1	1 (0,15%)
98	пунктуальный, пунктуальность	1	9	10 (1,51%)
99	аккуратный, аккуратность	1	3	4 (0,60%)
100	разгильдяй	-	1	1 (0,15%)
101	переодетый	-	1	1 (0,15%)
102	дотошный	-	1	1 (0,15%)
103	догадливый	-	1	1 (0,15%)
104	дикий	-	1	1 (0,15%)
105	далекий	-	1	1 (0,15%)
106	четкий	-	1	1 (0,15%)
107	противный	-	1	1 (0,15%)
108	резкость	-	1	1 (0,15%)
109	медленный	-	1	1 (0,15%)
110	безалаберный	-	1	1 (0,15%)
111	доброжелательный	-	1	1 (0,15%)
112	вежливость, вежливый	1	-	1 (0,15%)
113	надежность	-	1	1 (0,15%)
114	гостеприимство	1	-	1 (0,15%)
115	педант, педантичный	-	9	9 (1,36%)
116	интеллигент	-	1	1 (0,15%)
117	порядочный	-	1	1 (0,15%)
118	благородный	-	1	1 (0,15%)
119	худой	-	2	2 (0,30%)

№	Ассоциации	ГЕРМАНИЯ	НЕМЕЦ	Общее количество %
120	толстый, полный	-	2	2 (0,30%)
121	строгий	-	5	5 (0,75%)
122	чопорный	-	1	1 (0,15%)
123	злой, злость	-	4	4 (0,60%)
124	плохой	-	2	2 (0,30%)
125	зажиточный	-	1	1 (0,15%)
126	рыжий	-	5	5 (0,75%)
127	русый	-	1	1 (0,15%)
128	блондин	-	1	1 (0,15%)
129	желтый	-	1	1 (0,15%)
130	красивый, симпатичный	-	2	2 (0,30%)
131	статность	-	1	1 (0,15%)
132	маленький рост	-	1	1 (0,15%)
133	высокий рост	-	1	1 (0,15%)
134	крестоносцы	1	-	1 (0,15%)
135	Август	1	-	1 (0,15%)
136	Бисмарк	1	-	1 (0,15%)
137	Гитлер	18	28	46 (6,94%)
138	война	25	22	47 (7,09%)
139	9 мая	1	-	1 (0,15%)
140	враг	6	19	25 (3,77%)
141	победа	2	2	4 (0,60%)
142	Третий рейх	1	-	1 (0,15%)
143	Рейх	1	-	1 (0,15%)
144	фашист (фашизм), нацист (нацизм)	25	104	129 (19,46%)
145	свастика	-	2	2 (0,30%)
146	ариец	-	1	1 (0,15%)
147	расса	-	1	1 (0,15%)
148	Вермахт	-	1	1 (0,15%)
149	скинхед	-	1	1 (0,15%)
150	убийца	-	1	1 (0,15%)
151	садист	-	1	1 (0,15%)
152	Ганс	-	1	1 (0,15%)
153	Ангела Меркель	2	-	2 (0,30%)
154	канцлер	2	-	2 (0,30%)
155	друг и враг	-	1	1 (0,15%)
156	Rammstein	2	-	2 (0,30%)
157	индастриал-рок	-	1	1 (0,15%)
158	Вагнер	-	1	1 (0,15%)
159	Генрих фон Офтердинген	1	-	1 (0,15%)
160	Гёте	1	-	1 (0,15%)
161	Брехт	-	2	2 (0,30%)
162	черт	-	1	1 (0,15%)
163	Воланд	-	1	1 (0,15%)
164	немецкий язык	4	9	13 (1,96%)
165	красивый язык	1	-	1 (0,15%)
166	некрасивый язык	1	-	1 (0,15%)
167	немой	-	1	1 (0,15%)
168	пиво	18	13	31 (4,68%)
169	(баварские) сосиски, колбаски	5	5	10 (1,51%)
170	гамбургеры	1	-	1 (0,15%)
171	орел	1	-	1 (0,15%)
172	флаг	3	1	4 (0,60%)
173	(Берлинская) стена	4	-	4 (0,60%)
174	собака	-	3	3 (0,45%)
175	охотник	-	1	1 (0,15%)
176	медведь	-	1	1 (0,15%)
177	прусак	-	1	1 (0,15%)
178	поросенок	-	1	1 (0,15%)
179	производительность	1	-	1 (0,15%)
180	техника	1	-	1 (0,15%)
181	машина, автомобиль	11	5	16 (2,41%)
182	BMW	7	4	11 (1,66%)

№	Ассоциации	ГЕРМАНИЯ	НЕМЕЦ	Общее количество %
183	Audi	3	-	3 (0,45%)
184	Mercedes	1	1	2 (0,30%)
185	стиральная машина	1	-	1 (0,15%)
186	каска	1	2	3 (0,45%)
187	кепка	-	1	1 (0,15%)
188	обувь	1	-	1 (0,15%)
189	таблетка	1	-	1 (0,15%)
190	деньги	1	-	1 (0,15%)
191	конфеты	1	-	1 (0,15%)
192	кукла	-	1	1 (0,15%)
193	порноиндустрия, порнография	1	1	2 (0,30%)
194	футбол, сборная по футболу	6	-	6 (0,90%)
195	биатлон	2	-	2 (0,30%)
196	железо	1	-	1 (0,15%)
197	дерево	1	-	1 (0,15%)
198	панда	1	-	1 (0,15%)
199	дробь	1	-	1 (0,15%)
200	винтовка	-	1	1 (0,15%)

В таблице приведены все ассоциации, полученные от респондентов в ходе опроса. Всего в ходе опроса было выделено 200 стереотипных представлений.

Поскольку концепт НЕМЕЦ является также одним из репрезентантов концепта ГЕРМАНИЯ, то нам представляется возможным обобщить данные, что отражено в последней колонке таблицы. Как видно из таблицы, доминирующими стереотипными представлениями о Германии у жителей Сибирского Федерального округа являются: Германия – западная (1,06 %) страна (29,11 %), в Европе (1,96 %), населенная немцами (15,54 %), со столицей Берлин (5,73 %). Здесь говорят на немецком языке (1,96 %). Это чистая страна, с чистыми улицами и дорогами (2,41 %). В Германии красиво (1,36 %). Немцы любят порядок (1,66 %). Все здесь качественно (1,21 %). Германия славится своими машинами (2,41 %), среди них BMW, по опросам (1,66 %) самая известная марка. В Германии развит такой вид спорта, как футбол (0,90 %). Нельзя сказать, чтобы пиво являлось национально специфичным напитком немцев. Многие народы пьют пиво. Но страсть к пиву и умение превосходно готовить его – характерная черта немцев. Германия ассоциируется с пивом у 4,68 % опрошенных. 1,51 % назвали в качестве пищевой ассоциации немецкие колбаски.

Респонденты выделили следующие стереотипы немецкого национального характера: пунктуальность (1,51 %), педантичность (1,36 %), строгость (0,75 %).

Отношение к немцам базируется в основном на информации, почерпнутой из книг, кино, средств массовой информации и в процессе личных контактов. Многие имеют там родственников или друзей. Это говорит о довольно высокой интенсивности международных контактов. Относительно интенсивная туристическая и деловая коммуникация не помогла полностью преодолеть исторические, культурные, ментальные барьеры, существующие на межличностном уровне. Возможно, сказывается и то обстоятельство, что многие контакты имели место еще в "другой" жизни – в период существования СССР и ГДР – и сегодня воспринимаются как не вполне искренние. Россияне в большинстве своем положительно оценивают достигнутый уровень межгосударственных отношений России и Германии и с оптимизмом смотрят на их перспективу. Отношение россиян к Германии как государству заметно лучше, чем

отношение россиян к немцам. Так, Германия ассоциируется с фашизмом меньше (25 ассоциаций), чем немец (104 ассоциации).

Несмотря на то, что в отношениях Германии и России в XXI веке произошли глубокие изменения, образ врага еще превалирует в русском сознании (3,77 %). В массовом сознании россиян образ Великой Отечественной войны все еще является определяющим фактором в отношении к Германии. Лишь немногим первым делом приходит на ум при слове «Германия» название немецких городов, фирм-производителей, высокая культура быта, великие германские мыслители или деятели культуры. В сознании жителей Сибирского федерального округа слово «Германия» связано с фашизмом и фашистами у 19,46 % опрошенных, непосредственно с Гитлером – у 6,94 %. Ход нашей общей истории наложил отпечаток на наши представления. Многие стереотипные представления были выявлены на фоне антонимии: Германия и немцы связываются с русскими у 2,26 % респондентов. Немцы – это нерусские (1,51 %). Немцы для нас чужие, иностранцы, чужаки (7,24 %).

Что касается непосредственно концепта НЕМЕЦ, то здесь выявились следующие доминирующие стереотипные представления: человек (6,03 %), национальность (5,88 %), житель, гражданин Германии (1,81 %). Немец – это Германия (16,14 %).

Если мы сравним выявленные представления о Германии с тем, как описывается эта страна в Большой советской энциклопедии, то выводы напрашиваются сами собой. Ассоциативный опрос показал, что жители Сибирского Федерального округа имеют в основном обобщенное представление о Германии, сложившееся у жителей России во второй половине XX века после Второй мировой войны. Наличие в таблице 200 ассоциативных представлений показывает, что изменение стереотипов о Германии и ее жителях все же происходит в сторону экономических и культурных приоритетов. Скорее всего, с течением времени роль негативных исторических факторов (война) будет и дальше ослабевать, что создаст благоприятный социально-психологический фон и общественный климат для углубления и развития многосторонних контактов и изменения стереотипов.

Германия сегодня – страна мощная, красивая, набирающая силу. Своим процветанием она, прежде всего,

обязана своему народу – трудолюбивому, преданному, простому, честному. Народу, в котором, несмотря на

многообразии, чувствуется национальное единство, которому есть, что дать человечеству.

Литература

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 532 с.
2. Стереотип социальный // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М., 1986.
3. <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-657>
4. <http://psyfactor.org/lybr74.htm>
5. http://mirslovarei.com/content_fil/stereotipy-5617.html
6. <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/718>
7. <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-2510.htm#synonyms>
8. [http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling24/ling_4\(24\)2008_koptiakova.pdf](http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling24/ling_4(24)2008_koptiakova.pdf)
9. <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/587>

Информация об авторе:

Точилина Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, КемГУ, 8 913 303 8562, totschilina-juli@mail.ru.

Tochilina Yulia Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages of the Faculty of History and International Relations of KemSU.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1: 316.752

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПОИСК ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О. И. Жукова, С. А. Пушненко

AXIOLOGICAL CRISIS AND SEARCH FOR UNIVERSAL VALUES IN THE ACTUAL SOCIAL AND CULTURAL SPACE

O. I. Zhukova, S. A. Pushnenkova

Статья посвящена современному аксиологическому кризису, а также попытке определить суть общечеловеческих ценностей в современном социокультурном пространстве. Главным результатом исследования является вывод о том, что общечеловеческие ценности имеют смысло-жизненное, экзистенциальное содержание, в котором сосредоточен глубинный опыт всего человечества и его устремления.

This paper is devoted to the actual axiological crisis, as well as to an attempt to define the substance of the universal values in the actual social and cultural space. The main result of this study is the conclusion that the universal values have a life-meaning existential content which is the concentration of the depth experience of all the humanity and of its aspirations.

Ключевые слова: аксиологический кризис, самоидентификация личности, общечеловеческие ценности, диалог культур, религиозные ценности, экзистенциальные ценности.

Keywords: axiological crisis, self-identification, universal values, interaction of cultures, religious values, existential values.

Духовный мир людей представляет собой богатое разнообразие культурных, религиозных, философских, политических, социальных взглядов и предпочтений. В обществе живут носители различных идеалов, культивируются и воспроизводятся различные системы ценностей. Существование устойчивой системы ценностей, согласно точке зрения П. Сорокина, является ключевым условием как внутреннего мира личности, так и мира международного. Однако ценностная устойчивость, неизменность не являются сущностными характеристиками современного общества. Процессы, происходящие в современности, свидетельствуют о разрывании глобального ценностного кризиса, включающего в себя изменение ценностного основания жизнедеятельности человека, смену системы ценностей.

В социальных и гуманитарных науках активно исследуются кризисные явления, ведущие к резкому изменению системы ценностей. Социолог Н. И. Лапин выделяет различные формы проявления ценностного кризиса в российской действительности. Так, например, социальный и культурный кризисы действуют в социуме одновременно и взаимодействуют друг с другом [6, с. 80].

Принимая во внимание парадигмальный подход к исследованию ценностей, проявление аксиологического кризиса является вполне закономерным и исторически обусловленным. Во-первых, с позиции аксиологического подхода, возникновение ценностного кризиса заключается в том, что у каждого субъекта, особенно во время обострения социальных противоречий в общест-

ве, возникает потребность противопоставить свои ценности ценностям других, которая реализуется в двух направлениях: в духовной консолидации и авторитарности ценностей своей группы, а также гетерономности в критическом восприятии ценностей других групп. Именно этот процесс является «движущей силой развития культуры» [5, с. 192].

Во-вторых, в современной социокультурной реальности происходит то, что Т. Кун называл «экстраординарный период». Человек, осознав, что живёт в несовершенном мире, в соответствии с несовершенной аксиологической парадигмой, ценой огромных усилий вырабатывает новую парадигму, прорывается в новую эпоху и строит жизнь в соответствии с новой формулой бытия. Происходит пересмотр ценностей и «перестройка» старых аксиологических приоритетов, сопровождающиеся изменением ценностной иерархии в аксиосфере культуры. Одновременно с этим, в процессе создания и актуализации новых ценностей, начинает создаваться новая система ценностей, с новой иерархией их взаимоотношений – вырабатывается новая аксиологическая парадигма. Экстраординарный период проходит неравномерно и болезненно для общества как совокупного субъекта ценностного отношения. Вскоре, однако, обнаруживаются утопичность и несовершенство этой новой парадигмы, наступает ценностный кризис и кризис эпохи.

Важнейшее значение в современных условиях приобретает проблема выявления *причин*, вызывающих кризисные явления. Любые социальные потрясения, тем более потрясения глобальные, которые так характерны сейчас для России, проходят через душу человека, оставляя в ней след и образуя какое-то новое начало в его духовной организации. Поэтому одной из основных причин современного ценностного кризиса является то, что процесс «спрессованных» во времени социокультурных перемен воспринимается каждым человеком как личная проблема. Испытываемое большинством населения России на протяжении ряда лет состояние постоянного психического напряжения, источники которого непосредственным образом связаны с неблагоприятными экономическими и социальными условиями, приводит к психическому и психологическому личностному дискомфорту, повышению уровня тревожности в обществе. Данные тенденции проявляются в психологической форме ценностного отношения, обусловленной эмоциональным переживанием на уровне обыденно-практического сознания. Процесс болезненного эмоционального восприятия действительности часто сопровождается разрушением ценностного мира личности, ломкой духовно-нравственных ориентиров, ценностной рассогласованностью внутреннего мира, представляющей собой самый опасный результат ценностного кризиса.

Следующей причиной современного ценностного кризиса можно считать то, что происходящее на настоящий момент изменение системы ценностей российского общества представляет собой «революционный этап в ценностной трансформации» [2, с. 72]. Революционный этап преобразования старой системы ценностей не всегда оканчивается созданием новой ценностной иерархии. Напротив, он может привести к архаизации – реанимации ценностей более раннего исторического периода, «обнажению старых, архаических пластов культурной жизни» [7, с. 34], которая мо-

жет обозначаться в двух видах: положительном и отрицательном. Процесс архаизации ценностей часто сопровождается разрушением ценностного мира личности, ломкой духовно-нравственных ориентиров, ценностной аномией, под которой понимается ценностная рассогласованность внутреннего мира и которая представляет собой «самый опасный результат революционной рекультуризации» [2, с. 73]. Отрицательные формы архаизации, выступающие как фактор социокультурной деградации социума, как «господство варварского сознания и ситуативной этики» [7], приобретают в социокультурной жизни различные уродливые формы и создают картину конфронтации и раскола общества.

Положительные формы архаизации в современном российском обществе проявляются в виде различных ритуалов и присутствуют в социокультурной жизни в качестве не только сакральных, но и секулярных ритуалов, являющихся своеобразным адаптивным механизмом в период кризисов. Одной из положительных форм архаизации ценностей, выступающей в виде сакрального ритуала, является возрастание уровня «ситуативной» религиозности населения (к верующим себя причисляет большая часть населения страны), выступающее своеобразным реабилитационным средством, позволяющим снизить уровень тревожности и неуверенности в завтрашнем дне.

Ещё одним фактором, оказывающим огромное влияние на изменение ценностных приоритетов российского общества, является напряжённая культурная самоидентификация человека. Духовность человека проявляется прежде всего в культурной самоидентификации, способности человека ответить на вопрос: «Кто я?», способности к усвоению ценностей определённой культуры. Проблема идентификации человека в различных социокультурных, исторических, групповых рамках становится одной из самых напряжённых. Российская идентичность в современных условиях расщепляется на несколько типов: общегосударственную, локально-региональную и этнонациональную. Каждый человек осознанно или неосознанно идентифицирует себя с нацией как целостностью: не только с её настоящим, но и прошлым. Наиболее важным представляется изменение национально-государственных рамок идентификации, выражающееся в укреплении тенденции самоутверждения «русского», равно как и социального содержания этого признака: «русское» вытесняет «советское» в качестве ведущей социальной детерминанты.

Разрушение «советских» рамок и стереотипов ценностных ориентаций сознания почти с неизбежностью привело к увеличению и даже гипертрофированности национальной идентичности, проявляющейся в бурном росте национального самосознания и взрыве национализма, которым придаётся религиозная и националистическая окраска. Рост национализма в России опасен тем, что Российская Федерация – одно из крупнейших в мире многонациональных государств, в нем проживает более ста этносов. Русские – доминирующее большинство в России, но и нерусские народы, составляющие более 18 % населения, образуют миллионные общности. Многие российские этносы связывают вековые духовные, социальные, человеческие связи с русской культурой и русским народом. Все этносы, что населяют нашу огромную страну, вложили свой

потенциал, свою культуру, свой дух в формирование менталитета, именуемого «русским». Благодаря этому «диалогу культур», в российской действительности появились парадоксальные словосочетания, отражающие двоящую идентичность представителей различных диаспор: «русский еврей», «русский татарин» и т. д. Характерной чертой общественного сознания в различные периоды исторического развития России было терпимое отношение к представителям другой национальности и вероисповедания, примечательно, что в России не было религиозных войн, а имевшие место случаи притеснения последователей той либо иной конфессии осуществлялись с подачи и ведома светской власти и высшей церковной иерархии. Поэтому фиксирующийся всплеск национально-религиозных предпочтений выступает одним из основополагающих факторов, определяющих направления изменения ценностей в обществе, и той силой, которая угрожает целостности нашего государства.

Следующим фактором, способствующим появлению аксиологического кризиса, выступает поколенческая идентификация. Вообще, для любого общества, для любой исторической эпохи характерно такое противоречие «отцов» и «детей», но по своему проявлению «разрыв между поколениями» всегда был более мягким, нежели в современной России, сглаживаясь в процессе передачи традиционных ценностей. Подрастающее поколение ранее готовили к жизни в обществе, которое в своих основных чертах будет похоже на то, в котором жили их родители.

В кризисные времена ценности предшествующих поколений, продолжая ещё сохранять свое господствующее положение, приходят в острое противоречие с измененной общественной реальностью и способствуют своеобразному сдвигу в ценностных приоритетах. В резко изменяющейся социокультурной ситуации, в условиях кризисного состояния общества самореализация и самоутверждение молодого человека происходит через отрицание опыта старших поколений, которое может приобретать как положительные, так и отрицательные формы. Несомненно, что положительной стороной является отрицание большинством молодежи устаревших, отживших отношений и ценностей, однако это повальное отрицание социального опыта и культурных традиций может привести к разрушению исторической приемлемости поколений и нарастанию конфликта «отцов» и «детей». Главное различие поколений состоит не в том, что ценностные системы «отцов» и «детей» несколько различаются, это закономерный, исторически и культурно обусловленный процесс.

Итак, аксиологический кризис общества – это та грань, то состояние, за которым могут последовать или общенациональная катастрофа, или же наступит возрождение общественной системы в новом качестве. Выход из ценностного кризиса возможен только путём образования новых ценностей на основе исторической преемственности, мобилизации механизмов культурной самозащиты общества, восприятия ценностей других культур. Вполне закономерным поэтому является принимаемый во всех областях гуманитарного познания поиск основополагающих ценностей – ориентиров дальнейшего развития общества, того стержня, на котором базируется весь внутренний мир человека и с ко-

торым связана устойчивость и стабильность общества в целом.

При попытке однозначно определить понятие «общечеловеческие ценности» явно выявляется противоречивый характер этого явления. Общечеловеческие ценности уже в самом своем названии содержат смысловое противоречие: с одной стороны, общечеловеческое – это понятия, представления и законы, имеющие всеобщий и абсолютный характер. С другой – ценности – культурообусловленный феномен, культуру можно представить как совокупность конкретных, разделяемых большинством её представителей ценностей, находящихся в определенной иерархии. Массовое внедрение общечеловеческих ценностей предполагает насаждение одной, одинаковой, общей культуры для всего человечества. Несомненно, что во многих культурах имеется что-то общее, но ценности разных культур несопоставимы и несоизмеримы, и среди всего многообразия разных культур не может существовать никаких эталонов или универсальных образцов, задаваемых одной из сторон. Понятие «общечеловеческие ценности» несет в себе огромную субъективную составляющую.

Из самого названия «общечеловеческие ценности» следует, что под такими ценностями понимаются ценности, которые присущи всему человечеству в целом, всем людям, в какую эпоху мировой истории они бы ни жили, и к какой культуре они бы ни относились. Сказанное свидетельствует о том, что общечеловеческие ценности – это понятие, имеющее максимальный объём, но, в соответствии с законом логики об обратном соотношении содержания и объёма понятия, содержание этих понятий будет минимальным. И поэтому под *общечеловеческими ценностями мы будем понимать те ценности, которые определяют сущностно-смысловые основания бытия человека: понятия добра, свободы, справедливости, уважения, мира, любви, процветания и т. п.* Призыв к таким ценностям фактически ничего не изменяет, потому что каждый народ, каждая культура и каждая эпоха наделяет их своеобразным смыслом, но именно это специфическое наполнение и исключается из рассмотрения, при переходе к общечеловеческим ценностям.

Проблему общечеловеческих ценностей невозможно представить как простую совокупность того сходного, что содержится по вопросам аксиологической проблематики в различных философских, культурологических и этических учениях. История показывает, что в каждом конкретно-историческом общественном образовании получает распространение определенный специфический набор ценностей, образующий систему, элементы которой взаимосвязаны и взаимозависимы. Будучи воплощением результатов материальной и духовной деятельности человека, система ценностей составляет важнейшую часть культуры. Эволюция исторического сознания ещё на рубеже XIX – XX вв. побуждала мыслителей усомниться в том, что какие-то из ценностно-нормативных представлений исторических обществ и личностей в состоянии претендовать на статус абсолютных, вечных и безусловных. Напротив, было очевидно, что все они в их конкретном содержании и применении демонстрируют собственную «неабсолютность» и «историчность», т. е. укорененность в историческом времени, в обстоятельствах эпохи и тем самым, свой изменчивый и преходящий характер. Культурно-исторический релятивизм (О. Шпенглер,

А. Тойнби, Н. Я. Данилевский) исходит из утверждения существования множественности культур, их принципиального различия и несводимости друг к другу, т. е. основным приемом являются идеи аксиологического плюрализма, доказывающие существование множества полноправных ценностно-культурных систем. Одной «подлинной» системы ценностей, также как и одной общей теории ценностей вне культурно-исторического контекста нет и быть не может. Невозможно также подразумевать под общечеловеческими ценностями и ценности большей части человеческого сообщества, при таком чисто арифметическом подходе явно не учитываются ценностные приоритеты разных общественных субъектов, не говоря уже о том, что общество – сложная, целостная система, имеющая внутренние особенности собственной структурной организации и функционирования, а не просто сумма отдельных индивидов и небольших локальных сообществ.

С начала 90-х гг. XX в., особенно интенсивно в первый президентский срок Б. Н. Ельцина, под именем «общечеловеческих ценностей» стала усиленно пропагандироваться так называемая «американская мечта», под которой имелось в виду построение общества потребления по типу американского общества, целью которого было стремление к материальному достатку и богатству. Каждый рядовой житель страны в то время хотел иметь известный набор предметов – «квартиру, машину, дачу». Именно такое стремление стало культивироваться в обществе с пошатнувшимися ценностями. Естественно, что в обществе с неблагоприятной экономикой высокий приоритет будет иметь материальное благополучие, обеспеченный образ жизни, имеющий прямую ассоциацию в российском общественном сознании с Западом. Такое манипулирование экономическими достижениями развитых стран и практически систематическое насильственное внедрение и насаждение чуждых российскому обществу ценностей через СМИ, общественные и религиозные организации, систему образования принесло свои негативные плоды – к середине 90-х гг. происходит разделение россиян практически на «две равные части по отношению к западному образу жизни и ассоциация в обыденном сознании общечеловеческих ценностей с западными культурными нормами» [1, с. 12].

Необходимо отметить, что российское государство и цивилизация исторически создавались на принципе взаимодействия и взаимопроникновения разных этнических культур, в ходе которого была выработана система ценностей и норм сосуществования различных культур. Идея «диалога культур» получила в России такое развитие, в котором наиболее ярко и самобытно проявилась уникальность российской культуры, и поэтому в отечественной философской традиции вопрос о безоговорочном принятии западно-европейских ценностей решался неоднозначно. Ещё в 30-е гг. XIX в. в качестве реакции против слепого подражания Западу, характерного для довольно широких кругов русского дворянства, стали закладываться первые основы критики Запада русскими мыслителями. Впервые систематическую критику Запада, западной культуры дал князь В. Ф. Одоевский, стоявший во главе так называемого общества Любомудров, осуждавшего Запад за царящие там «нравственную бухгалтерию», меркантильные заботы, вытесняющие искусство, убивающие поэзию жизни. Россия при всех своих недостатках выше Запа-

да; ей присущи «чувство общественного единения», «чистота» религиозных верований, она уже имеет свою богатую литературу.

Эта ключевая проблема в дальнейшем была развита крупнейшим русским мыслителями – П. Я. Чаадаевым, И. В. Киреевским, А. С. Хомяковым, К. С. Аксаковым и другими славянофилами. Представитель позднего славянофильства – Н. Я. Данилевский, автор книги «Россия и Европа», изданной в 1869 г., противопоставляет общечеловеческое и всечеловеческое, осуждая Запад за навязывание своей культуры под фиговым листком «общечеловеческих ценностей» другим народам. Общечеловеческое, по мысли Данилевского, есть нечто аморфное, бесцветное, неоригинальное, – словом, то, что принято называть общим местом. Каждый культурно-исторический тип привносит свой, по мере необходимости ограниченный вклад в многообразно единую цивилизационную жизнь человечества. Ни одна цивилизация (культурно-исторический тип) не может претендовать на выработку окончательных форм человеческого общежития. Европейская, германо-романская цивилизация так же ограничена, как и все остальные. Но каждая из цивилизаций недосыгаемо велика в чём-то одном, самобытно своём – в том, что касается её исторической судьбы, её духовного начала, её идеи. Великий русский мыслитель искренне стремился к тому, чтобы Россия отказалась от поверхностного подражательства и сохранилась как самостоятельная, самобытная страна и справедливо утверждал, что какие-либо попытки приблизить нашу цивилизацию к любой другой не должны вести к утрате её национальных начал и духовных ценностей.

Осмысление места России, её культуры и историко-культурных вопросов взаимоотношений Европы и Азии отражено в трудах представителей евразийства (П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский, Н. Н. Алексеев, Л. П. Карсавин и др.), которые отрицали идеальность, абсолютность западно-европейской культуры, правомерность «европоцентризма» в целом. Евразийство как идейное, философское течение подвергалось критике с разных позиций. В качестве оппозиции такой точке зрения выступал В. С. Соловьев, который писал, что Россия обладает великими самобытными духовными силами, но для их проявления ей нужно принять и деятельно усвоить те общечеловеческие формы жизни и знания, которые выработаны Западной Европой. Две противоположные тенденции, влияние Запада и Востока весьма существенно повлияли на формирование русского национального характера и на спектр ценностей, существующих в русской культуре.

Как считает М. С. Каган, философская мысль разных эпох активно искала обоснование общечеловеческих ценностей, но могла найти его только в Боге – ибо практическая жизнь человечества была нескончаемой войной, кровавым или идейным противоборством разных его частей; однако поиск онтологического основания ценностей – пресловутой триады «истина, добро и красота» – в Боге оказывался безуспешным, по той простой причине, что каждая религия имеет своего Бога и отвергает всех других, так же как, славянофильский идеал «соборности» имел национально-конфессиональные границы и не объединял не только православных русских с язычниками эскимосами, но даже сторонников православной ортодоксии с раскольниками и разного рода сектантами. Варфоломеевская ночь

и террор Великой французской революции, или же Октябрьская революция и недавняя война в Чечне достаточно отчётливо говорят об отсутствии общечеловеческих ценностей в реальном бытии популяции землян не только в первобытности и средневековье, но и в Новое время, и о неспособности религиозной философии доказать их наличие [3].

Представление о том, что общечеловеческие ценности есть религиозные, порождает ряд сложных проблем.

Во-первых, религия объединяет, сближает представителей одной конфессии одновременно и отталкивает от всех других, т. к. несовместимы различные представления, лежащие в основе того либо иного религиозного учения.

Во-вторых, появляется вопрос о том, примет ли ценности православия нехристианская часть российского общества и возможна ли в начале III тысячелетия, после активной, многолетней атеизации населения, переориентация россиян на религиозные ценности?

В-третьих, в современной России существуют особенности развития религиозности населения, проявляющиеся в одновременном существовании в религиозном сознании взаимоисключающих тенденций: синкретическое сочетание веры и безверие, объединение разных конфессиональных доктрин, ситуативность религиозности, «маятниковая реакция», широкое распространение нетрадиционных верований.

Однако, несмотря на данные проблемы, мы можем видеть, как религиозные ценности становятся конструирующим элементом общества и важным принципом его объединения, на что обращают внимание многие отечественные мыслители (С. Аверинцев, С. Хоружий и др.).

Нынешний этап философии отличается от всех предыдущих тем, что реальная жизнь предоставляет для теоретического осмысления такую практическую ситуацию, в которой выработка общечеловеческих ценностей становится условием выживания людей на Земле.

Общечеловеческие ценности не являются чистой идеализацией, их невозможно просто выдумать или навязать обществу, они создаются и осознаются людьми для того, чтобы их жизнь имела цель и приобрела смысл в повседневной жизни, и, таким образом, общечеловеческие ценности имеют экзистенциальную наполненность. Экзистенциальные ценности находят свое выражение в формировании смысложизненных позиций индивидуальным или совокупным субъектами. Своеобразие этих ценностей заключено не только в их содержании, но и в механизме их возникновения, так как они не даются личности от рождения, а являются итогом, результатом взаимодействия различных видов ценностей. Экзистенциальные ценности имеют свои специфические особенности: это интроспективно-диалогические и интегративные ценности, они расположены на другом уровне аксиосферы, нежели правовые, политические, нравственные и религиозные ценности,

им присуща интравертная ориентация. Для экзистенциальных ценностей характерна высокая динамичность, метаморфозность и трансформация, наряду с традиционным, им присущ и инновационный характер.

В особые исторические эпохи именно экзистенциальные ценности выступают основой общественного консенсуса, базисом культурной идентификации личности и общества, ядром осознания человеком своего реального места в мире, основой исторической памяти народа, необходимым компонентом поддержания стабильности общества, началом взаимопонимания и взаимодействия людей. Экзистенциальные ценности, выступая фактором интеграции и самоидентификации отдельных общественных субъектов, являются своеобразным критерием жизнеспособности и устойчивости общества как системы при фиксации в нем «определенной аксиологической гомогенности» [4, с. 50].

Экзистенциальные ценности выступают в качестве системообразующего фактора культуры, как своеобразный «код нации», проявление особой национальной идеи, цементирующее начало нации, своеобразное «лекарство» для духовно-нравственного оздоровления страны. Благодаря наличию в аксиосфере культуры экзистенциальных ценностей, происходит своего рода «сортировка» колоссального массива других видов ценностей, их трансляция от поколения к поколению и частичное изменение в соответствии с меняющейся социокультурной ситуацией. Очень важная особенность экзистенциальных ценностей как феномена культуры заключается в том, что в сознании одного человека могут совмещаться различные ценностные доминанты, могут присутствовать одновременно ценности и «антиценности». Среди экзистенциальных ценностей, влияющих на поведение людей в конкретных жизненных ситуациях, возможно, выделить традиционные ценности, т. е. ценности, ориентированные на сохранение и воспроизводство давно сложившихся культурных норм. К такому виду ценностей мы считаем возможным отнести ценности семьи, личностного общения, безопасности жизни и ценности современные, которые сформировались в общественном сознании сравнительно недавно, например, ценности плюрализма и диалога культур.

Таким образом, в аксиологическом плане ситуацию в современной России можно представить как единство противоположных ценностей, обусловленную ценностным кризисом. Современный ценностный кризис проявляется в двух формах: в кризисе национальной идентичности и в разрыве единого духовного пространства. Выход из этого кризиса возможен только путём образования новых ценностей, на основе исторической преемственности — общечеловеческих. Характер нынешнего исторического времени показывает, что общечеловеческие ценности имеют именно смысложизненное, экзистенциальное содержание, в них сосредоточен глубоко пережитый опыт человечества и его устремления.

Литература

1. Дилигенский, Г. Г. «Запад» в российском общественном сознании / Г. Г. Дилигенский // Общественные науки и современность. — 2008. — № 5.
2. Зубец, В. М. Два типа ценностных изменений / В. М. Зубец // Философские науки. — 2008. — № 4.
3. Каган, М. С. Человек как проблема современной философии [Электронный ресурс] / М. С. Каган. — Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/kagan/man.html>.

4. Каган, М. С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы / М. С. Каган // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 6.
5. Каган, М. С. Философская теория ценностей / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 2007. – 205 с.
6. Лапин, Н. И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2008. – № 6.
7. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. [пер. с нем.] / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.

Информация об авторах:

Жукова Ольга Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, КемГУ,
т.: 8-906-935-39-65, e-mail: Oizh@list.ru.
Zukova Olga Ivanovna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy of KemSU.

Пушненко Светлана Александровна – аспирант, Кемеровский университет культуры и искусств,
т.: 8-906-976-69-52, e-mail: pushnenkova@yandex.ru.
Pushnenkova Svetlana Aleksandrovna – post-graduate student at Kemerovo State University of Culture and Art.

УДК 316.624:316.323.2

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА О. С. Иванова

FORMS OF SOCIAL VIOLENCE IN THE PRIMITIVE SOCIETY O. S. Ivanova

В статье анализируются возникшие в первобытность формы социального насилия и их влияние на формирование первобытного общества.

The article provides an analysis of the forms of social violence in the primitive society and their influence on its formation.

Ключевые слова: социальное насилие, первобытное общество, родовая община, агрессия, табу.

Keywords: social violence, primitive society, tribal community, aggression, taboo.

До настоящего времени проблема социального насилия остается одной из самых острых проблем философии и других гуманитарных наук. Ее решение сейчас осуществляется в очень широком диапазоне концепций и подходов. Это, в свою очередь, находит выражение в многообразии определений понятия «социальное насилие», а также в различных типологиях этого явления. Систематизация разновидностей такого многомерного явления, как социальное насилие представляет большую сложность, хотя позволяет глубже проникнуть в его сущность. Она дает возможность упорядочить и обобщить знания о соответствующем предмете или явлении, способствует достижению большей терминологической ясности. Социальное насилие настолько изменчиво и синтетично, что четко классифицировать его на отдельные виды затруднительно. Кроме того, в истории нет четкой смены форм социального насилия, ранее существующие формы не вытесняются новыми формами, архаичные и вновь возникающие формы сосуществуют во взаимосвязи друг с другом. Множество существующих классификаций создано для зрелого общества с развитой государственностью. Классификация социального насилия первобытного общества остается недостаточно изученной. Это объяснимо, так как многие исследователи полагают, что социальное насилие появилось в рамках классового общества. Долгое время считалось, что социальное насилие появляется только в структурированном классовом обществе, а первобытное общество бесклассовое, а значит, социальное насилие в нем не существует. Но нельзя отрицать, что первобытное общество было неоднородным, в

нем существовало деление на половозрастные группы, и было естественное неравенство, в условиях которого существовало социальное насилие. Если же смотреть на социальное насилие шире, как на «применение или угрозу применения силы в прямой или косвенной форме с целью принуждения людей к определенному поведению, – господство одной воли над другой, чаще всего связанное с угрозой человеческой жизни» [6, с. 995]. То есть, если рассматривать социальное насилие не только как способ разрешения классовых противоречий, а как специфический, свойственный только человеку или группе способ воздействия на другого человека или группу людей, то некоторые формы социального насилия можно обнаружить в бесклассовом первобытном обществе. Социальное насилие является важнейшим элементом социальной системы, одним из регуляторов человеческого поведения. Ряд исследователей социального насилия (В. И. Красиков, П. Н. Шихирев, Р. Жирар, А. П. Назаретян) считают, что оно появилось в первобытном обществе. В процессе антропосоциогенеза биологическое насилие постепенно превращается в социальное. Возникшее социальное насилие не утрачивает биологической составляющей. Несмотря на то, что данные палеоантропологии, палеопсихологии, археологии, истории и этнографии носят косвенный характер, в совокупности они позволяют сделать некоторые общие суждения о формах социального насилия в первобытном обществе.

Цель данной статьи – охарактеризовать те формы социального насилия, которые появились в догосудар-

ственный период человеческой истории и оказали существенное влияние на процесс социогенеза.

Изначально антропогенез происходил в условиях существования только биологического насилия. Биологическое насилие основывается на инстинктах. Это всегда непосредственная реакция на угрозу. Смысл биологического насилия один – обеспечить выживание вида и его эволюцию. Биологическое насилие – один из важнейших механизмов естественного отбора. Социальное насилие основано на сочетании биологических и когнитивных способностей человека. Человек способен проявить агрессивные реакции без непосредственной угрозы. Так же социальное насилие отличается многообразием целей, и что характерно только для социального насилия – его целью может быть оно само. Социальное насилие направлено на подавление биологически обусловленных агрессивных импульсов, оно является мощным средством сдерживания агрессии. В процессе формирования человека разумного постепенно формировалось и социальное насилие, т. е. насилие, поставленное под контроль интересов всего первобытного коллектива. Изначальная неконтролируемая агрессия возникла в результате эволюции психики, она стала трансформироваться под влиянием функционирования второй сигнальной системы. А в связи с формированием когнитивных свойств, насилие стало накапливаться внутри человеческого сообщества и угрожать самому его существованию. И угрожать не только и не столько масштабно распространения, сколько изменением качества насильственных действий. И прежде всего эта уже изменившаяся агрессия разрушает систему доминирования, существующую у приматов. Эта система разрушается, когда под влиянием развития мышления, памяти, воображения изменяется, многократно усложняется поведение приматов. Казалось бы, повышение разумности должно привести к смягчению агрессивности и исчезновению насилия. Ведь «... страх перед опасным действием был теперь осознан» [7, с. 230]. Но, с другой стороны, развитие интеллекта (мышления и речи) приводит к появлению новых, все более изощренных форм насильственного поведения. И с развитием человека и общества появляются новые формы социального насилия. Именно на стадии австралопитека, под влиянием внутривидовой социополовой агрессии, насилие начинает приобретать социальные черты. На этот процесс повлияло формирование аморфного предсознания, логически организующим принципом которого были бинарные оппозиции. Выкристаллизовывалась система простейших понятий. Поведение австралопитека определялось не только инстинктами, но и зарождающимся интеллектом. Постепенно поведение усложнялось, возрастала способность копирования, передачи эмпирического опыта. Об этом свидетельствует развитие орудийной деятельности австралопитеков с использованием камня, кости, дерева. У человека не было природных средств агрессии (огромных зубов и когтей), он стал использовать для агрессивных действий созданные им орудия. «У первых людей не было биологических механизмов сдерживания агрессии в силу отсутствия врожденных органов нападения, но когда у человека появились искусственные органы нападения (острый камень, дубина, копье и другое оружие), то человек оказался перед угрозой самоуничтожения» [5, с. 61]. На данном этапе возникло только прямое физическое насилие. Но, так как интеллект у австралопите-

ков только начал формироваться и находился в зачаточном состоянии, у них господствовало существенно деформированное под влиянием формирующегося интеллекта биологическое насилие. Можно сказать, что это была переходная форма, свойственная высшим приматам. Изменения в характере насилия привели к разрушению структуры человеческого стада и к всплеску неконтролируемой агрессии. Вожаком утратил свою прежнюю роль. «Механизм «доминирования», полезный в стае, становится вредным и жизненно опасным в больших скоплениях» [2, с. 33]. Первая форма, возникшая в первобытном обществе – это прямое физическое насилие. Оно уже существенно отличается от биологического насилия. Во-первых, использованием орудий, а не природных средств агрессии, во-вторых, осознанием цели и результатов своих действий, в-третьих абстрактностью восприятия. Социальное насилие можно классифицировать по цели использования, выделив витальное и ритуальное. Витальное насилие необходимо для удовлетворения основных жизненных потребностей в питании и размножении. В условиях ограниченности ресурсов витальное насилие было направлено на слабых: больных, детей и стариков. На появление различных видов прямого физического насилия повлиял еще ряд факторов. И прежде всего, прочная биологическая составляющая жизни людей. Пока люди не создали своих правил общежития, они жили по эволюционным природным законам. Вот почему широкое распространение имело убийство слабых людей. Антропофагия существовала повсеместно. Витальное насилие в тех условиях оказало существенное воздействие на социогенез, так как выжить смогли только те группы, которые прекратили распространение такого насилия и поставили его под контроль организованной группы. Когда инстинктивное торможение перестало соответствовать искусственным возможностям смертоносной агрессии, сохраняющий баланс мог быть восстановлен только за счет внеприродных регуляторов поведения [8, с. 38]. Прекратить это можно было только введением запрета, т. е. табу на убийство своего соплеменника. Нарушение запрета каралось смертью. И сразу обнаруживается глубокое противоречие, характерное для прямого физического насилия. Оно само служит средством сдерживания, лежит в основе создания первой социальной организации. Внеприродные регуляторы, призванные сдерживать насилие, основаны на угрозе применения или использования насилия иного рода. Это строго регламентированное закреплённое в обычаях рода наказание за нарушение запрета. Не последнюю роль в создании механизмов сдерживания насилия сыграло возникшее мифическое сознание, создавшее ритуальное насилие в форме жертвоприношения. Жертвоприношение представляет собой коллективный перенос на жертву бед, вызванных внутренними напряжениями, обидами, соперничеством, всеми очагами взаимной агрессии в обществе [3, с. 17]. Ритуальное насилие стало первой подлинно человеческой формой насилия, в которой прослеживалась связь с природой и с духовным миром людей. Насилие именно в этой форме включается в социальный механизм для трансформации агрессивных импульсов, для обеспечения мирного сосуществования общинников, коллективное жертвоприношение сплачивало, обеспечивало равновесие и гармонию первобытного общества. Формирование мифичес-

кого сознания и ритуального насилия тесно взаимосвязано с появлением и развитием речи.

В процессе эволюции в человеческой психике появилась вторая сигнальная система. Эта нейрофизиологическая система взаимного торможения и побуждения тех или иных действий предшествует возможности возникновения общественных отношений и общества: «Суть этой системы в том, что она побуждает индивида делать что-либо, что не диктуется собственными сенсорными импульсами его организма» [9, с. 350]. На основе этой системы и появляется социальное насилие, которое может противоречить инстинктам человека. Переходная форма насилия заканчивает свое существование с появлением речи. С формированием речи возникает вербальная агрессия. Это серьезно дестабилизировало ситуацию, угрожая самому существованию людей, так как в тех условиях консолидация человеческой общности была тождественна выживанию. Именно тогда – 1,5 – 1,6 млн лет тому назад – вместе с появлением мышления и речи у питекантропов возникло подлинно социальное насилие. Оно сразу же стало очень опасно, потому что человек был вооружен не только острым камнем или дубиной, он был вооружен интеллектом и речью, мог устанавливать простейшие причинно-следственные связи, осознавать последствия своих действий. Человек обладал возможностями, вообще не свойственными животным. Таким образом, социальное насилие стало возникать в процессе антропогенеза. На этом этапе социальное насилие можно классифицировать по используемым средствам и выделить прямое физическое насилие и вербальное.

Выжить люди могли только вместе, сообща добывая пищу, поддерживая огонь и защищаясь от диких животных. Поэтому стал формироваться механизм сдерживания или трансформации такой агрессии. Это было жизненно важно. В основе создаваемого механизма было целенаправленное принуждение к несовершению каких-либо действий, с этого времени стало развиваться социальное насилие, сдерживающее природную агрессивность. Консолидирующую роль выполняли временные, а затем постоянные запреты (табу). Таким образом, социальное насилие начинает проявлять себя в двух формах: как механизм воздействия друг на друга, т. е. прямое физическое и вербальное насилие, и как основа для системы сдерживания, регуляции такого типа отношений. С формированием речевой функции в условиях изолированных коллективов стали формироваться языковые отличия. Это делало коллектив еще более сплоченным, стали формироваться понятия «мы» и «они». Скорее всего, с формированием языка, ставшего основным этнообразующим фактором, возникло противопоставление «свой» – «чужой», изначально агрессивное. Иными словами, дихотомия «свои – чужие» ориентирована, по сути, на деструктивные формы и способы разрешения возникших конфликтных ситуаций. «Насилие по отношению к «чужакам» считалось правомерным, на них никогда не распространялись нормы поведения, вырабатываемые для внутренней регуляции жизни первичного социума» [4, с. 508]. А значит, возникли условия для возникновения конфликтов между коллективами. «Осознание сходства в пределах языковой общности – мы, с одной стороны, и осознание отличий – они (и то, и другое осознавалось, очевидно, по-разному: сходство – как полное сходство во всем, различие – как различие, в первую очередь, в языке), с

другой – одновременно цементировало коллектив или группу коллективов изнутри и усиливало их противопоставление другим извне» [1, с. 243]. С появлением речи социальное насилие приобрело ту символическую форму, в которой оно могло успешно существовать и распространяться во времени и пространстве. Кроме того, локальное развитие человеческих праобщин привело к формированию понятий «мы» и «они». Делению мира на своих – тех, кто говорит с тобой на одном языке, и чужих, речь которых тебе не понятна. «Очень правдоподобно, что противопоставление своих чужим и осознание этого противопоставления было основой, на которой формировалась групповая психология» [1, с. 243]. На самой ранней ступени истории человечества, в ходе антропосоциогенеза происходил еще один очень важный процесс, – процесс возникновения социального насилия. И не важно, было ли социальное насилие широко распространено или существование пралюдей было относительно мирным. Главное, что формирование современного человека со всем доступным ему арсеналом когнитивных способностей изменило характер биологического насилия и привело постепенно к возникновению насилия социального, одновременно происходит формирование общества как саморегулирующейся системы, в которой созидание и разрушение являются взаимообусловленными программами развития. Процесс возникновения социального насилия очень важен, так как во многом социальное насилие обуславливает создание ценностно-мировоззренческой системы и иерархии в обществе. По сути, попытки ограничить социальное насилие, контролировать его, трансформировать в социально приемлемое поведение и приводят к созданию человеческой цивилизации. Неизменно важнейшим элементом общественной системы становится социальное насилие. Все элементы этой системы взаимозависимы. Обратим внимание на то, что социальное насилие привело к появлению предтечи морали (системы табу). На этапе праобщины система сдерживания и трансформации агрессии только стала складываться. Стали формироваться элементы общественной системы, в том числе и социальное насилие. То есть социальное насилие изначально было не только проявлением природы человека, но и элементом формирующейся социальной системы. Многие исследователи (К. М. Тахтарев, Л. А. Файнберг, П. И. Борисковский) даже в период господства трудовой теории К. Маркса и Ф. Энгельса писали о важнейшей роли социального насилия в социогенезе. Первые ростки социального насилия, угрожавшие существованию человеческого стада, привели к появлению первых насильственных и ненасильственных методов трансформации агрессии, ее сдерживания и вывода за пределы группы. Создание механизма сдерживания, трансформации и предупреждения агрессии в условиях праобщины было путем становления человеческого общества. Для сдерживания насилия использовалась угроза применения силы. Если на этапе праобщины мы имели дело только с элементами возникающего в ходе социогенеза общества, то в условиях родовой общины уже возникшее социальное насилие существует в устойчивой социальной системе. Скорее всего, с формированием языка, ставшего основным этнообразующим фактором, возникло противопоставление «свой» – «чужой» изначально агрессивное. Иными словами, дихотомия «свои – чужие» ориентирована, по сути, на деструктивные

формы и способы разрешения возникших конфликтных ситуаций. «Насилие по отношению к «чужакам» считалось правомерным, на них никогда не распространялись нормы поведения, вырабатываемые для внутренней регуляции жизни первичного социума» [4, с. 508]. Позже роль трансформатора внутренней агрессивности будут играть еще и набеги на соседние племена. Но на данном этапе они были невозможны или очень редки. В силу очень невысокой плотности расселения людей, а также огромных физических затрат на выживание. Но в ходе дальнейшего развития производительных сил межгрупповое физическое насилие стало преобладать. Это произошло в результате того, что уменьшается зависимость людей от природы, появляется непостоянный, но все же, прибавочный продукт, племена, занимавшиеся земледелием, стали вести оседлый образ жизни. Введение земледелия и скотоводства способствовало росту населения; человек мог теперь расширять источники существования, всё более эффективно используя освоенные земли. Вместе с тем развитие общинно-родового и родоплеменного строя, а в особенности сегментарной организации, способствовало начавшейся иерархизации органов коллективной власти. И в этих условиях конфликты имели не

столько внутригрупповой, сколько межгрупповой характер. И с разветвлением сегментарной организации они, естественно, учащались.

В заключение необходимо отметить, что первые формы социального насилия возникают в ходе антропосоциогенеза и оказывают значительное влияние на формирование первобытного общества. Под влиянием переходной формы насилия рушится система доминирования в стаде приматов. Эволюционные изменения приводят к появлению подлинно социального насилия, на ранней стадии проявляющегося в форме индивидуального физического насилия. Но угроза для выживания людей, которую несет в себе такое насилие, приводит к возникновению регулятивов человеческого поведения, что является важнейшей стороной социогенеза. Механизмы регуляции человеческого поведения включают в себя социальное насилие, применение или угроза применения которого обеспечивает мирное сосуществование людей в общине.

Все подлинно человеческое, необходимое и полезное, составляющее самую суть социального, как орудия труда, речь, коренным образом меняют агрессивное поведение и приводят к появлению различных форм социального насилия.

Литература

1. Алексеев, В. П. Становление человечества [Текст] / В. П. Алексеев. – М.: Политиздат, 1984. – 462 с.
2. Андреев, И. Л. Происхождение человека и общества [Текст] / И. Л. Андреев. – М.: Мысль, 1988. – 415 с.
3. Боброва, С. Н. Легитимирующая функция мифа и ритуала в ранних обществах [Текст] / Н. С. Боброва // Религия и право. – 2003. – № 1.
4. Бочаров, В. В. Антропология насилия [Текст] / В. В. Бочаров. – СПб.: Наука, 2001. – 533 с.
5. Всемирная энциклопедия. Философия [Текст]. – М.: АСТ 2001. – 1312 с.
6. Денисов, С. Ф. Библия об агрессивности допотопного человека [Текст] / С. Ф. Денисов // Социальная агрессивность. Третьи кузбасские философские чтения: материалы Международной конференции: в 2 ч. Ч. II. – Кемерово, 2004.
7. История первобытного общества. Проблемы антропосоциогенеза. – М.: Наука, 1983. – 432 с.
8. Назаретян, А. П. Насилие и терпимость: антропологическая ретроспектива [Текст] / А. П. Назаретян // Вопросы психологии. – 2005. – № 5.
9. Поршнев, Б. Ф. О начале человеческой истории [Текст] / Б. Ф. Поршнев. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.

Информация об авторе:

Иванова Ольга Сергеевна – преподаватель, Кемеровский кооперативный техникум, 8(3842)31-93-58, gnedd@yandex.ru.

Ivanova Olga Sergeevna – lecturer at Kemerovo Cooperative College

УДК 141.3+165.22

МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ИДЕАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИРОДЫ ИНФОРМАЦИИ

В. В. Корягин

MATERIAL AND IDEAL ASPECTS OF THE NATURE OF INFORMATION

V. V. Koryagin

В статье исследуются материальные и идеальные аспекты природы информации, рассматриваются концепции информации исходя из различения основных типов научной рациональности: диалектической и метафизической.

The article considers the material and ideal aspects of the nature of information and investigates the basic concepts of information based on distinguishing between the main types of scientific rationality: dialectic and metaphysic.

Ключевые слова: природа информации, концепции информации, типы научной рациональности, информационная реальность.

Keywords: nature of information, concepts of information, types of scientific rationality, information reality.

В отечественной философии дискуссия по вопросу о природе информации продолжалась с начала 60-х годов

XX в., около четверти века. Были предложены и рассмотрены многочисленные концепции и подходы, од-

нако единой точки зрения выработано не было. В настоящее время в вопросе о причинах невозможности достижения единой концепции ряд исследователей (Н. М. Чуринов, Н. А. Князев и др.) отмечают необходимость различения основных типов научной рациональности (диалектической и метафизической), которые в свою очередь основываются на соответствующих исторически сложившихся философских моделях мира.

Как пишет Н. М. Чуринов, «модель мира, модель человеческого жизнеустройства никем конкретно не изобретается. Она восстает, восходит от широкого эмпирического к теоретическому, от неосознанного к осознанному, от стихийного к сознательному, от неопределенного к определенному и т. д.» [8, с. 136].

Для метафизической модели мира – Универсума – основополагающими исторически явились принцип отвлечения от всеобщей связи явлений, принцип антропоцентризма, принцип дуализма, скептицизма, агностицизма и пр. Римские и средневековые учителя Запада, следуя стандартам агностицизма и скептицизма и, следовательно, реализуя принцип дуализма, развернули две соответствующие дуализму версии философского сущностного понимания действительности и две западные, соответствующие принципу дуализма версии сущностного исследовательского подхода: номиналистскую (неономиналистскую) и реалистскую (неореалистскую). Тем самым древними скептиками и агностиками были заданы основы теории познания как теории репрезентации, согласно которой сущность и существование (репрезентант и репрезентация) по принципу дуализма отделены друг от друга непреодолимой гранью [7, с. 25]. При этом в вопросе, что принимать за сущность, а что – за существование, выбор может быть произвольным, поскольку основополагающим в этом случае выступает другой принцип – принцип антропоцентризма, согласно которому первостепенным является то, как субъект может реализовать все необходимые для него степени свободы, чтобы удовлетворить все свои мнимые, действительные и текущие потребности.

Соответственно в вопросе изучения природы информации с позиций метафизического проекта науки первостепенное значение приобретает необходимость раскрытия ценности информации, исследования вопросов ее количества и измерения. Для этих целей применяются дедуктивные, индуктивные, догматические теории. Существование информации в этом случае может подвергаться сомнению, трактоваться с идеалистических либо материалистических позиций.

Так, в современной науке (основным, господствующим проектом которой исторически является метафизический проект) существуют скептические рассуждения по поводу реальности информации, агностические заявления о непознаваемости информации (информация – неопределяемое исходное понятие), наконец, нигилистическое отрицание объективности (онтологизации, физикализации) информации. Тем не менее ряд исследователей отмечают, что именно "онтологическое" понимание информации в настоящее время является господствующим. Так, А. В. Соколов пишет: «Вопреки очевидности, подавляющее большинство ученых, инженеров, просто носителей современного языка говорят и думают так, как будто бы информацию можно реально создать, получить, передать, сохранить» [3, с. 168].

Наряду с отрицанием реальности существования информации в метафизическом проекте науки существуют догматические суждения о ее природе. Так, в неотоцизме – направлении неосхоластики, видящем в учении Фомы Аквинского наиболее совершенное выражение «вечной философии» (*philosophia perennis*) утверждается трансцендентная, сверхъестественная природа информации.

В случае рассмотрения природы информации с идеалистических позиций информация выступает продуктом сознания, познавательным инструментом, абстрактной фикцией, искусственно созданной людьми. Так, в неопозитивизме и экзистенциализме информация рассматривается как субъективный феномен. Примерами здесь могут являться также математические теории информации. В этом смысле математической абстракции понятие «информация» используется в теории информации (теории коммуникации), развитой в конце 40-х годов американским математиком Клодом Шенноном. Исследуя проблему рациональной передачи информации через зашумлённый коммуникационный канал, Клод Шеннон в своей статье «A Mathematical Theory of Communication», опубликованной в двух частях в *Bell System Technical Journal* в 1948 году, предложил вероятностный подход к пониманию коммуникаций. Уточняя формулу количества информации Р. Хартли (как логарифма возможного множества различных сообщений) в вероятностной теории информации [4, с. 11], К. Шеннон дал новую интерпретацию информации как снимаемой, уничтожаемой неопределенности [9, с. 261]. В этой теории понятие «информация» служит для решения практических задач, с которыми сталкиваются инженеры-связисты: оптимизация кодирования сообщений, повышение помехоустойчивости, распознавание сигналов на фоне шумов, расчет пропускной способности каналов связи и т. п.

Вероятностно-статистическая теория информации не стала единственной, появились и другие математические варианты определения понятия «количество информации». Н. П. Рашевский предложил топологический подход для измерения количества информации в топологических комплексах-графах (предложение Н. П. Рашевского развили его ученики Г. Карреман, Э. Тракко). Количество информации в этом подходе измеряется в зависимости от количества топологических различий вершин графов. Широкое распространение получил комбинаторный подход (А. Н. Колмогоров, В. М. Тихомиров, А. Г. Витушкин и др.), идея которого содержалась еще в формуле количества информации, предложенной Р. Хартли. Появились работы, в которых понятие «количество информации» применяется и для характеристики динамических систем (работы В. А. Рохлина, Я. Г. Синая и др.). В данных работах динамические системы принимались как противоположность статистическим. В 1965 г. А. Н. Колмогоров предложил алгоритмический подход, в котором количество информации определяется как минимальная длина программы, позволяющая однозначно преобразовать один объект в другой [2, с. 242].

Ограниченность математических теорий информации заключается в том, что они полностью абстрагируются от осмысленности информации. Например, Л. Бриллюэн даже отмечал, что в вероятностно-статистической теории информации "совокупность 100 букв, выбранных случайным образом, фразы

в 100 букв из газеты, из пьесы Шекспира или теоремы Эйнштейна имеют в точности одинаковое количество информации" [1, с. 29]. В математических теориях понятие «информация» не связано ни с формой, ни с содержанием сообщений (сигналов, передаваемых по каналу связи). Информация, точнее количество информации, есть абстрактная фикция, умственный конструкт; она не существует в физической реальности, как не существуют логарифмы или мнимые числа [3, с. 164]. Таким образом, информация в данных случаях рассматривается как абстракция для достижения частных практических целей.

Попытки раскрытия природы информации как материального явления были предприняты философами-материалистами во второй половине XX в. Связывая отражение и информацию, философы-материалисты превратили информацию в физический феномен. Наиболее авторитетными здесь явились атрибутивная и функциональная концепции. Обе концепции утверждают, что информация существует в объективной действительности, но расходятся по поводу наличия ее в неживой природе. Согласно первой из них (В. С. Готт, А. Д. Урсул, а также И. А. Акчурин, Б. В. Ахлибининский, Л. Б. Баженов, Б. В. Бирюков, Д. А. Гуцин и др.), информация рассматривается как отраженное разнообразие, разнообразие отражения. Информация определяется как свойство всей материи, поскольку отражение является свойством всей материи, всех уровней ее развития [6, с. 138]. Согласно же функциональной концепции (Д. И. Дубровский, В. В. Вержбицкий, Г. Г. Вдовиченко, И. И. Гришкин, Н. И. Жуков, А. М. Коршунов и др.), общим является истолкование информации на базе процессов отражения в самоуправляемой, самоорганизующейся системе, определение информации как вида отражения, функции, кода. Таким образом, обе концепции являются существенным вкладом в развитие теории отражения, однако единую точку зрения о природе информации выработать не позволяют.

Подводя предварительный итог, можно отметить, что в рамках метафизического проекта науки в настоящее время сформулировано множество концепций и подходов, раскрывающих природу информации как с идеалистических, так и с материалистических позиций. Представленные концепции и подходы являются полностью обоснованными и непротиворечивыми, а следовательно, имеют право на существование. Можно также отметить, что в данных концепциях наряду с понятием «информация» используются также понятия «коинформация» (достояние дедуктивных и индуктивных теорий, где информация аксиоматизируется), «негинформация» (неопределенность в системе), «метаинформация» (информация об информации – иерархия обобщения). В то же время вопрос о раскрытии материальной и идеальной природы информации оказывается не решен.

В противоположность метафизической модели мира (Универсума) для диалектической модели мира (Космоса – Лада) развитой в трудах диалектиков древности: Анаксагора, Платона, Аристотеля, а в дальнейшем – их последователей, Византийских и Древнерусских философов, славянофилов, а позже русских философов-космистов, исторически основополагающими явились: принцип единства мира, совершенства всеобщей связи явлений, принцип отражения, принцип познаваемости действительности. В диалектической научной рациональности знание выступает как образ мира, имеющий свой прообраз – реально существующий мир, в то время как в метафизической научной рациональности знание выступает как репрезентация действительности – приведение в соответствие полученных фактов посредством аксиом и выдвигаемых исследователем теорий. В диалектической рациональности образ мира в научном знании есть результат его объективного отражения. По своей форме образ идеален, субъективен, по содержанию же он не имеет самостоятельного бытия вне отношения к объекту отражения, т. е. к прообразу. Мир движется и развивается за счет внутренне присущих ему источников.

Необходимо также отметить, что в результате развития исследований явления энтропии, а также статистических и динамических явлений развития и роста упорядоченности (работы Р. Клаузиуса, Л. Больцмана, Р. Хартли, К. Шеннона, Э. Шредингера, Л. Бриллюэна, Ст. Бира и др.), в диалектической научной рациональности в настоящее время основополагающим выступает негэнтропийный принцип информационной реальности. Принцип был сформулирован Н. М. Чуриновым в 1986 г.

1. Данный принцип предполагает понимание информационной реальности как содержание мира, диалектически находящего свое завершение, законченность в оформлении совершенства (космических оформлениях). При этом оформления совершенства (упорядоченность, системность, организованность, сложность и т. д.) выступают как характеристики законченности всеобщей связи явлений. Оформления же совершенства в качестве космических оформлений имеют отношение к диалектическому, космическому проектам науки.

2. Негэнтропийный принцип информационной реальности утверждает, что информационная реальность обладает онтологической модальностью, заключающейся в ее способности вносить отрицательный вклад в энтропию.

3. Отрицательный вклад в энтропию показывает, что онтологическая модальность информационной реальности задает векториальные свойства процессу разрешения диалектических противоречий.

4. Негэнтропийный принцип информационной реальности является обобщением негэнтропийного принципа информации и принципа имманентности организации, в полной мере учитывающим особенности действия статистических и динамических закономерностей, двух механизмов производства упорядоченности Э. Шредингера.

5. Данный принцип имеет в виду понятие «энтропия» в его широком, развитом значении, включающим понятия «информационная энтропия», «социальная энтропия» и т. д.

6. Данный принцип утверждает, что отрицательный вклад в энтропию представляет собой способ, которым информационная реальность обнаруживает свою определенность.

7. В обратном значении негэнтропийный принцип информационной реальности утверждает, что энтропия обладает своей собственной онтологической модальностью, заключающейся в том, что она (энтропия) может вносить отрицательный вклад в содержание негэнтропии [6, с. 92 – 93].

Таким образом, согласно диалектической модели мира, всеобщая связь явлений раскрывается единством, тождеством связей и отношений. В своей полноте она выступает как совершенство, из которого ничто не может быть произвольно изъято и вынесено за пределы всеобщей связи и ничто не может быть взято из-за пределов всеобщей связи и помещено в содержание всеобщей связи. И поскольку полнота совершенства неисчерпаема, многогранна, постольку данная полнота должна заключаться и в отдельном, и в общем. Полнота совершенства заключена в отдельном как в оформлении совершенства: в диалектическом противоречии, системности, организованности, упорядоченности, гармонии, красоте и т. д., в общем же – в совершенстве в целом и в единстве мира, в котором раскрывается неотделимость друг от друга всех оформлений совершенства, в их взаимопереходе и зависимости друг от друга [8, с. 144 – 145].

Соответственно диалектический проект науки в раскрытии сущности информации отвлекается от понятий ценности и количества, как ограничивающих факторов, и предполагает единство рационального и иррационального, материального и идеального. Каждое «оформление совершенства» всеобщей связи явлений рассматривается во всем многообразии и изменчивости проявляемых свойств, качеств, функций, характерных черт, атрибутов, особенностей и пр., составляющих определенность.

«Оформления совершенства» (Н. М. Чуринов), также иногда называемые «космическими оформлениями» (А. Ф. Лосев), являясь результатами реализации антиэнтропийных процессов, в сумме со свойственными им определениями представляют собой информационную реальность (в противоположность физической реальности).

Различение двух реальностей – физической и ин-

формационной, основывается на различении физической и информационной энтропии. Такое различение требует отказа от идеала физической реальности и соответствующих ему языка, принципов, методов и т. п. Н. М. Чуринов отмечает, что понятие «информационная энтропия» – это не более высокий уровень обобщения по сравнению с понятием «физическая энтропия»... Ни одно не может рассматриваться как частный случай другого; они принадлежат к различным идеалам научного познания. И если понятию «физическая энтропия» (мера необходимого рассеяния энергии) соответствует понятие «энергия» (мера движения энергии), а понятию «информационная энтропия» соответствует понятие информатива то, следовательно, понятие «информатив» также не может рассматриваться как частный случай понятия «энергия». Таким образом, мы имеем тождество энтропии и энергии, относящееся к физической реальности, в другом же случае – тождество информационной энтропии и информатива, относящееся к информационной реальности. Но каждое из двух тождеств по-своему раскрывает внутреннюю связь движения и развития [5, с. 167 – 168].

Таким образом, «космические оформления», «оформления совершенства» (организация, системность, сложность и пр.) – это своего рода состояния информатива в рамках информационной реальности. Энтропийные процессы интерпретируются как процессы диалектического снятия противоположности между материальным и идеальным аспектами информационной реальности. Материальное и идеальное не могут существовать отдельно. Соответственно – свойства, качества, функции, особенности, характерные черты и пр., составляющие определенность оформлений совершенства (системности, организованности, сложности, диалектического противоречия, гармонии, красоты и пр.), выступают как явления информации, коинформации, неинформации, метainформации и пр.

Литература

1. Бриллюэн, Л. Наука и теория информации / Л. Бриллюэн. – М., 1960.
2. Колмогоров, А. Н. Теория информации и теория алгоритмов / А. Н. Колмогоров. – М.: Наука, 1982.
3. Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации / А. В. Соколов. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002.
4. Хартли, Р. В. Л. Передача информации / Р. В. Л. Хартли // Теория информации и ее приложения. – М.: Физматгиз, 1959.
5. Чуринов, Н. М. Реальности: физическая и информационная / Н. М. Чуринов. – Красноярск: Сиб. аэрокосмич. акад., 1995.
6. Чуринов, Н. М. Совершенство и свобода. – изд. 3-е, доп. / Н. М. Чуринов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006.
7. Чуринов, Н. М. Общество совершенное и общество свободное / Н. М. Чуринов // Теория и история. – 2009. – № 1 (15).
8. Чуринов, Н. М. Русский исследовательский подход / Н. М. Чуринов // Теория и история – 2009. – № 1 (15).
9. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон. – М.: Иностран. лит., 1963.

Информация об авторе:

Корягин Валентин Викторович – аспирант кафедры философии, Сибирский государственный аэрокосмический университет им. академика М. Ф. Решетнева (СибГАУ), 8 913 588 38 93, koryagin.v.v@mail.ru.

Koryagin Valentin Viktorovich – post-graduate student at the Department of Philosophy of M. F. Reshetnev Siberian State Aerospace University.

ИНДИЙСКАЯ И КИТАЙСКАЯ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ

В. И. Красиков, Сандаг Энхтуяа

INDIAN AND CHINESE HISTORICAL-PHILOSOPHICAL SEQUENCES

V. I. Krasikov, Sandag Enkhtuya

В статье рассматривается специфика и общие закономерности возникновения и развития философии в Индоки-тае. Здесь сопоставляются условия генезиса философии в историко-культурном контексте двух различных вели-ких цивилизаций Востока. Авторы предлагают оригинальную периодизацию историко-философского процесса в Индии и Китае.

The article deals with the specifics and the general patterns of origin and development of philosophy in Indochi-na. It compares the conditions of the genesis of philosophy of the two different great civilizations of the East in historical and cultural context. The author offers an original periodization of the history of philosophy in India and China.

Ключевые слова: историко-культурный контекст и динамика развития индийской и китайской философии.

Keywords: historical-cultural context and the dynamics of Indian and Chinese philosophy.

Наш опыт и предшествующая традиция учат: все когда-то впервые появляется. Даже такое древнее зна-ние, как философия. Долгое время ученые спорили: "из чего" появляется философия – "из мифа", или же "из первичных практических знаний". Подобные объясне-ния следует признать тривиальными, т. к. ясно, что в обоих случаях философии предшествовало состояние мышления с низкой исходной абстрагирующе-рефлек-сивной основой. Значимым является определение усло-вий, при которых возможен прорыв к более высоким уровням абстракции-рефлексии, что и означало иско-мое рождение наперсницы Афины. Поразительная пе-рекличка между историей интеллектуальной жизни Эл-лады, Поднебесной и страной Вед свидетельствует о наличии как минимум двух условий – культурного и социально-политического старта философии:

1) изначальности текстов – сакральных или же хотя бы авторитетных, признаваемых большинством, над которыми становится возможна рефлексия и которые создают единое пространство интеллектуального вни-мания людей, становящихся профессионалами в работе с ними;

2) наличия, хотя бы временно, плюралистичной со-циально-политической среды, задаваемой децентрали-зацией и космополитизмом, определяющей – в отличие от Междуречья и Египта – формат состязательности, в котором оказывается возможным трансцендирующий прорыв на качественно новый уровень абстрагирова-ния-рефлексии.

Итак, философский Восток: Индия и Китай.

Индийская последовательность

Два обстоятельства наложили неизгладимый отпе-чаток на характер и эволюцию индийской философии:

– слабая централизованность Индии на протяжении всей ее истории – даже в те периоды, когда государства удерживали военный контроль над значительными тер-риториями, они были внутренне слабы в отношении власти над частными владениями и нормативно-правовой сферой; это способствовало поддержанию по-стоянного тонуса конкуренции в религиозно-мировоззренческой среде между многочисленными группами;

– приоритетность религиозных тем спасения и осво-бождения в духовных запросах индийцев привела к до-минированию в Индии *религиозно-философской после-довательности*, а интеллектуальное соперничество, за немногим исключением (чарвака), приняло вид борьбы

между религиями (между брахманистскими сектами, буддизмом, джайнизмом, индуистскими сектами), ко-торая стимулировала углубленное рассмотрение мета-физических и гносеологических вопросов в рамках конфессиональных картин мира.

Длительная духовная история Индии может быть представлена в виде непрерывного ожесточенного кон-фликта за души людей между разными религиозными традициями, развивавшими философскую аргумента-цию в качестве важнейшего ресурса в этой борьбе.

Первый период: старт развития философии в Индии связан с созданием корпуса текстов *Вед* (X – VI вв. до н. э.) и рефлексиями над ними.

Ранними интеллектуалами были брахманы, особое жреческое сословие, выполнявшее ритуальные функ-ции в социально-политической жизни многочисленных индийских племен. Они уже имели руководящие литур-гические тексты, включавшие гимны, молитвы, песно-пения и священные формулы: "Ригведу", "Самаведу", "Яджурведу" (черную и белую) и "Атхарваведу". Веди-ческие жрецы делились на пять фракций, объединяе-мых вокруг "своих" Вед. К V в. до н.э. они преодолева-ют разногласия, становясь хранителями традиционного знания, – ввиду появления общего врага, новых мудре-цов, критиковавших "Веды" и предлагавших свои но-вые религиозные идеи.

Второй период – интеллектуальное брожение и появ-ление антибрахманских направлений (V – IV вв. до н. э.).

Это и есть классическое "осевое время" в Индии. Приходят деятели нового типа, мудрецы-аскеты (шра-маны) – инакомыслящие, живущие на подаяния, отка-зывающиеся от дома и хозяйства. Если ранее главные вопросы, обсуждавшиеся в брахманских кругах, со-стояли в объяснении смысла церемоний и имен богов, то среди мудрецов упанишад (Уддалака, Яджнявалкья и др.) богов начинают понимать иносказательно, темы становятся более абстрактными: сколько первоначал, из которых состоит мир. Философов в это время было в переизбытке: сотни "учителей", сект, и "школ". Между ними шли настоящие интеллектуальные бои, в которых каждый хотел превзойти всех остальных. Причем новое знание подавалось как магическое, способное принести и практическую пользу, и даже бессмертие, впервые появляются размышления о жизни после смерти, пере-рождении, судьбе. Эти темы становятся центральными, в их разработке создавались тогда высшие интеллекту-альные репутации: Будды, Махавиры и Макххали Госа-

лы, основавших движения буддизма, джайнизма и адживики, претендовавших на преодоление кармы.

Гаутама Шакьямуни отрицал существование любых богов, материальной и духовной реальности. На деле "я" — просто результат скоплений духовных частиц, при рождении появляющихся, а при смерти распающихся. Также и материальный мир состоит из мимолетных скоплений (агрегатов) материальных частиц. Все, что мы наблюдаем, и мы сами — это поток мгновенно вспыхивающих элементов существования, дхарм, сменяющих друг друга настолько быстро, что нам кажется будто мы и окружающие нас вещи неизменны. Тем самым в самой основе бытия нет прочности, основы, все эфемерно и в конечном счете есть иллюзия. Всеобщая изменчивость вызывает страдания всего живого, скованного двенадцатеричной цепью причинности. Она начинается с невежества, ведет к рождению, старости и смерти. Постигая и обращая вспять эту цепь в своем размышлении (медитации), можно вернуться к истоку и достигнуть освобождения. Исток — то, что лежит вне бытия, синонимичного иллюзии и страданию — отсутствие желаний и перерождений, нирвана ("угасание", "затухание"). Угасают страсти, привязанности, омрачения, а с исчезновением причины страдания исчезает и само страдание.

Космическое время циклично и безначально, а мир никем не создан. Причина существования миров — энергия совокупной кармы живых существ предыдущего мирового цикла. Количество мирозданий бесконечно. Их больше, чем капель в океане или песчинок в Ганге. Каждый из миров возникает, развивается и разрушается в течение одной махакальпы (миллиарды лет), разделенной на четыре калпы. Только та калпа удачна, в которой появляется будда, число которых также неисчислимо. Будды просто просветленные, не боги, не обладают демиургическими или же судебными функциями. В буддистских вселенных нет провидения, судьба человека зависит от его же усилий.

Мир в учении *Джисны* вполне реален, состоит из множества живых существ (душ) и неодушевленных предметов. В своей свободной, т. е. чисто идеалистической форме (а *la* Атман), души всеведущи и всемогущи, однако в большинстве своем они связаны — закабалены, загрязнены частицами тонкой кармической материи — вследствие их прежних поступков и побуждений. Концепция представляет собой, т. о., вариант объективного идеализма: мысль, душевное — полюс чистоты, свободы, гармонии и единого, вечности и блаженства; вещественное — полюс грязи, судьбы, противоречивости и разорванности, бренности и страданий. Борьба с материей и кармой идет через правильные воззрения, познание и самоограничивающее поведение.

Все это бесполезно, говорил настроенный жестко фаталистически *Госала* — необходимо пройти через громадное число существований (миллиарды миллиардов лет), прежде чем может быть достигнуто финальное автоматическое освобождение. Усилия человека в общем-то бесполезны, все идет согласно своей судьбе. Казалось бы, к чему тогда вообще какая-либо активность, тем более, дисциплина и ограничения? Однако сторонники адживики верили: посвящение в их орден является верным знаком финала сансары — отсюда и радость от предвкушения освобождения и желание ее приближения через радикальный аскетизм.

Новые религиозные лидеры оказались в конечном счете победителями: и брахманов с их родовым землевладением и властью в общине, и харизматиков-шраманов с их лично преданными учениками. Они создали монашеские организации, активно искавшие светской политической поддержки, занимавшиеся активным миссионерством, дававшим и мирянам простую гуманистическую мораль. Это предопределило их безоговорочную победу над брахманизмом (ведизмом) и века господства в духовной жизни Индии.

Третий период — расцвет буддистской философии (III в. до н.э. — VII в. н.э.)

Всеобщее внимание и успех всегда привлекают много способных людей, стремящихся удовлетворить свои амбиции за счет основания своего направления. Так и буддизм раскалывается сначала на множество фракций (18), из которых после отсеивания осталось небольшое число позиций, сохранившихся на протяжении длительного времени: две хинаянские школы — вайбхашика и саунтрантика, и две школы махаяны — мадхьямика и йогачара. Тысячелетнее пребывание буддизма в *alma mater* (с VIII в. теряет влияние и в XII в. вытеснен из Индии полностью) породило много выдающихся философов, самыми знаменитыми из которых стали: Нагарджуна и Васубандху.

Нагарджуна (I — II вв. н.э.) развил до логического конца классический буддистский тезис о взаимосвязанном возникновении — ничто не имеет собственной сущности, находящейся вне потока причинности; поэтому все есть пустота. Нет ни будущего, ни прошлого, ни какого-либо движения; все лишено субстанциональности. Однако Нагарджуна делает из своего "всеотрицания" диалектически-позитивные выводы: поскольку все есть пустота, то и нирвана не отличается от сансары, следовательно, сам по себе мир явлений является царством просветления. Необязательно покидать мирскую жизнь, трансцендировать в медитации или делать еще что-либо специально для достижения свободы от привязанностей. Мир явлений — часть космического Будды, который в конечном счете также является пустотой.

Васубандху (V в. н.э.) — великий систематизатор буддизма и метафизик, разработавший концепцию "сущего в рамках сознания". Сущее он описывает в виде трех уровней реальности. Первый — мир, как его видит обыватель: объективных вещей и самостоятельных людей, на поверку оказывающийся уровнем ментальных конструкций (и их овеществлений), некритического сознания и, по сути, миражом. Второй — видение мира как совокупности взаимосвязанных явлений, это уже не иллюзия, а некое позитивное относительное знание, возникающее благодаря критической установке. Третий — уровень совершенного знания, присущего буддам, т. е. некий недостижимый идеал. А в совокупности мир оказывается "только сознанием".

Четвертый период — реванш индуизма в борьбе с буддизмом: складывание его ортодоксальных школ (III — VIII вв.)

Это время, наряду с "осевым", признается самым творческим в Индии, т. к. породило наибольшее количество школ и великих имен. Творчество было инициировано ожесточенной интеллектуальной борьбой между буддистами и многими научившимися у них "новыми брахманами", сформировавшими известный нам индуизм.

Победа индуизма над буддизмом во многом была определена особенностями социально-политического развития Индии, утвердившими центробежные реалии многочисленных слабых государств и сложившегося к XI – XII вв. кастового строя, становым хребтом и нормативным образцом которого явилась идеология и деятельность касты брахманов. Полицентризм определил, как то было и во многих других случаях, взлеты креативности в литературе ("Махабхарата", "Рамаяна") и в философии.

Становление индуизма было сопряжено с интенсивной творческой работой по созданию множества "Упанишад" (около 100), продолжавшейся вплоть до XVI в. В данный период формируются основные индуистские религиозно-философские школы. Позднее утвердилась традиция их значительного удреждения и возведения к ранневедийскому периоду, однако многие индологи уверены, что до II – III вв. н. э. не имелось четких отдельных школ, а было синкретическое единство разных течений брахманизма в их противостоянии буддизму. Именно динамика интеллектуального конфликта с последователями Будды и постепенно выкристаллизовало в течение рассматриваемых веков четкие позиции знаменитых даршан.

Санкхья – философия дуалистического реализма, крупнейший представитель – Ишваракришна. Мир – объективен и достоверен, но имеет два основания. Это материя, пракрити и пуруша, вечное сознание, "я", их соединение и порождает вселенную. Хотя "я" – нерождаемый, свободный и бессмертный дух, по причине незнания он склонен отождествлять себя с телом, чувствами и умом. Как только мы научимся различать "я" и "не-я" – путем самоконтроля и глубинного познания себя – мы высказываем из мира суетности, мелочности и бренности, достигая бесстрастия-освобождения.

Вайшешика отличима своим учением об атомах и категориях, основатель – легендарный мудрец Канада. Неисчислимые атомы – несотворенные вечные элементы: и вещей, и пространства-времени, и нашей психики. Они входят в набор "субстанций" – качественных деятельных сил, образующих вкуче мироздание:

- физические, т. е. осязаемые субстанции: земля, вода, огонь и воздух;
- эфир, время и пространство – неосязаемые субстанции;
- манас (психическое: восприятие, эмоции, воля) и душа (сознание) – субстанции духовные.

Души наличествуют у людей, высшая же душа – у Бога, который и творит мир своей волей в соответствии с законом кармы. Конечная цель школы также индивидуальное освобождение.

Миманса – наиболее ортодоксальная школа индуизма, сделавшая сами тексты "Веды" единственной онтолого-сакральной реальностью. Различают две формы мимансы: пурва (ранняя) и утара "поздняя" или *веданта*. Как и санкхья, миманса – дуалистична, т. е. признается наличие двух миробразующих начал: единой материи и множества бессмертных душ. Если материя пассивна, то каждая из множества душ активна и самодетельна, имеет свою бесконечно-извилистую судьбу, или карму. Вселенная видимых вещей и явлений образует из материи под кармическим влиянием всех душ. Также кармические потоки множества душ образуют вкуче основной закон, управляющий вселенной, в которой нет никаких богов. Этот мировой Logos – закон

Кармы – средний вектор и баланс взаимосвязанной космической системы душ – зрим смертным через извечные символы и звуки, которые были восприняты и записаны в виде "Вед" наиболее мистически одаренными людьми. Потому все их идеи, гимны и ритуалы выражают невидимый вселенский строй, требуют потому неукоснительного соблюдения, вводя тем самым индивидуальную душу в гармонию с законом Кармы, обеспечивая благоприятное перерождение.

Также наличествовали и, так сказать, "технические" школы: *йога* – развитие психотехник, находившаяся под влиянием санкхьи, и *ньяя* – разработка логического инструментария, близкая вайшешике.

Особняком стоит школа *чарваков (локаята)* – материалистов, радикально выделяющихся в монохромном индийском религиозно-философском контексте. Они отрицали ведические традиции, брахманов с их богами, рассматривая все это как выдумки с целью эксплуатации («опиум для народа»). Есть лишь материальный, чувственно воспринимаемый мир, образовавшийся спонтанно из 4 первосубстанций: огня, воздуха, воды и земли. Соответственно, и все вещи имеют в себе свою самобытную причину, потому все в мире уже предопределено. Человек целиком состоит из материи, сознание – качество нашего тела, и с кончиной последнего также исчезает. Потому смысл жизни человека – чувственные наслаждения, к которым следует стремиться, минимизируя страдания.

Пятый период: "революция адвайты" или ведантистский период (IX в. – наше время)

В это время индуизм становится господствующим в интеллектуальном пространстве, а буддизм клонится к закату. Среди школ индуизма на первый план выдвигается *веданта*, благодаря успешному усвоению буддистской рефлексивной культуры мышления и организационного опыта в создании ордена монахов. Будучи наследницей идей пурвы-мимансы, она притязала на объединение-синтез всех ведических традиций и систематизацию философских идей упанишад. *Адвайта-веданта* создана знаменитым философом *Шанкарой* (VIII в.).

Как и Будда, он говорит о мире-иллюзии, однако за иллюзией все же находим мир истинный, и он не так уж и далеко, ибо наши души в их аутентичной форме – и есть истина, и есть Брахман. Однако частица Брахмана или человеческая душа, в отличие от аутентичной Большой Чистой Формы единственной абсолютной реальности, находима в теле. И таковых тел (и частиц Брахмана-душ в них) – множество. Это множество "малых" Брахманов (наши сознания) производит великую иллюзию, майю – образ мира как мы его видим: постоянно меняющимся, с обилием вещей, явлений и людей. Причем затем и сами иллюзорные объекты способны плодить вторичные иллюзии. Вселенная, т.о., имеет три уровня:

- подлинная, конечная реальность самосветящегося бесконечного чистого сознания (Брахмана);
- проявление, "отчасти реальность" – переплетение подлинного (наших "я") и иллюзии;
- майя, мировая иллюзия.

Вследствие незнания, причина которого неизвестна, душа связывает себя с телом, забывает свою подлинность и ведет себя как смертное образование. Так рождается карма и майя: грехи и иллюзии, которые, будучи произведены божественной, хотя и заблуждающейся

субстанцией, приобретают овеществлено-онтологический статус Проявления – мира, в котором мы живем. Смутность одурманенности души телом и майей, пребывание в тенетах тягостных перерождений могут быть преодолены лишь на путях познания Брахмана.

После XII в. в силу вошли вишнуитские секты в индуизме, также создавшие монашеские ордена. Здесь были свои известные философы (Рамануджа, Мадхва, Нимбарка, Чайтанья), выстраивавшие свои учения в полемике с Шанкарой, так и оставшемся крупнейшим индуистским философом. Все более усиливались настроения антиинтеллектуализма, доминирование обрядности и требования беспрекословной любви-почтительности верующих к своим религиозным лидерам (бхакти).

Позже, под давлением мусульманского и европейского завоеваний, ведантистские фракции пренебрегают своими философскими различиями и сплавляются в единый синкретический "пандиндуистский фронт". В XIX – XX вв. адвайта превратилась в своего рода "официальную" философию Индии, основанную на убежденности в национальном превосходстве индийской мысли над западной.

Специфика и динамика китайской философии

Время ее старта (V в до н.э.) – период радикальных внутренних изменений в Поднебесной. Здесь ранее никогда не было единого государства, однако произошли глобальные укрупнения, когда сотни самостоятельных княжеств превратились в 14 государств. Сложились предпосылки для складывания единого экономического, политического, культурного и интеллектуального пространства.

Китай, как самая изолированная из великих культур, имела свои особенности, наложившие свой отпечаток и на местную философию. Здесь на протяжении всей истории отсутствовала демократия, режимы были в той или иной степени авторитарными, поэтому интеллектуалы ориентировались не на демос и публичную политическую деятельность, как в Греции, а на поддержку родовитых покровителей. Это обусловило консерватизм китайской мысли, безусловную лояльность любой существующей власти и искреннюю преданность традиции древних текстов. Исходными в китайской философии стали сетования-размышления о политических беспорядках и религиозных переменах.

Натурфилософские и метафизические темы находились на втором плане, в сравнении с вопросами о природе человека: является ли она эгоистической и асоциальной или же, напротив, естественно благожелательной и тем самым социально ответственной, или же она изначально зла, а потому нуждается в ограничении законами и постоянном контроле?

Это определило развитие китайской философии в режиме *этико-философской последовательности*, что выразилось в доминировании в ее истории этических систем и этико-политических проектов, разрабатываемых "служилыми людьми", чиновниками. Подобная монохромность спорадически нарушалась религиозным импортом и метафизическими подъемами.

В философских произведениях традиционно царил литературная форма. По степени беллетризации китайская философия может быть сопоставлена с русской философией. Место логики в Китае занимала так называемая нумерология, т. е. формализованная теоретическая система исчисления, гадания, понимания.

В двухтысячелетнем развитии китайской философии можно выделить шесть периодов, отличавшихся разной степенью динамизма и остротой внутренней борьбы. Как правило, время творческих напряжений и взлетов философской мысли было связано с эпохами децентрализации страны, когда ослабевал государственно-административный контроль, либо со случавшейся автономией религиозно-философских сообществ.

I период: формирование китайской философии в V – IV вв. до н. э.

В Китае не было изначальной группы религиозных специалистов, культивировавших свои тексты и ритуалы, как в Индии. Корпус исходных письменных источников, необходимых для развертывания последующей рефлексии, имел либо фольклорное ("Ши Цзин"), либо практико-гадательное ("И Цзин") назначение. Изначальные интеллектуалы, жившие до рассматриваемого периода, находились среди чиновников-реформаторов, советников по проведению церемоний, странствующих ученых и дипломатов, ведущих переговоры между многочисленными китайскими государствами, где и обрело особую значимость само искусство аргументации. Известные фигуры прославились своей способностью убежденно отстаивать любую позицию в споре по любому вопросу; это умение считалось полезным с политической точки зрения.

Однако первым, как хорошо организованное течение с ясной теорией, появилось конфуцианство. Основные идеи Конфуция (551 – 479 гг. до н.э.) представлены в трактате "*Луньюй*".

– Идея мандата Неба. Жизнь людей подчинена "воле Неба" или "судьбе", которые программируют жизненный путь отдельного человека: "В 15 лет я посвятил себя учению, в 30 лет уже стоял твердо; в 40 лет избавился от сомнений; в 50 – постиг волю Неба; в 60 – внимал ей чутким ухом; а в 70 мог следовать велению сердца, не боясь нарушить норму".

– Идея Дао, "великого пути", высшего принципа поведения, воплощения истины и справедливости, должного и благородного. Конфуция интересует прежде всего Дао в людях, где оно – норма социальной справедливости и правильного поведения.

– Идея меритократии. Власть в государстве должна принадлежать лучшим, тем, кто, независимо от своего социального положения и происхождения, добродетелен и талантлив, желает учиться и самосовершенствоваться. Конфуций предложил систему экзаменов для замещения чиновничьих вакансий.

– Идея этической детерминанты в жизни общества: конструируется моральный стандарт цивилизованности ("вэнь"), основанный на самоограничении и самоконтроле, в отличие от необузданности и стихийности поведения варваров.

– Идея патернализма как гаранта социального порядка: стержни стабильности общества – отец и государь. Взаимообуславливаемость этих ролей позволяет создать систему эффективной администрации "снизу-доверху". Формулируются классические каноны успешной административной политики, действенные и в наши дни: а/ хорошо знать людей, их слабости и цели; б/ заботиться о них, иначе для чего они людям; в/ делить хорошее и плохое с народом, не обособляться привилегиями.

В скором времени последователи Конфуция раскололись примерно на полдюжины школ, различавшихся главным образом тем, с какой строгостью требовалось выполнение ритуальных формальностей. Конфуцианцы заняли нишу знатоков управления, реформ, образования и проведения церемоний, всегда претендовали на занятие административных постов.

Более радикальную альтернативу разработали моисты, последователи философа Мо-цзы (470 – 391 гг. до н. э.) – и на уровне доктрины, и в организационном отношении.

Церемонии, погребальные процессии, музыка и другие публичные действия – основной предмет заботы конфуцианцев – были осуждены как траты, обременяющие простых людей. Конфуцианский идеал этических обязательств по отношению к семье и правителю моисты заменили идеалом всеобщего альтруизма. В противоположность безличному культу Неба и Судьбы, Мо-цзы представил Небеса в виде божественной личности, награждающей праведных и карающей грешников. В то время как Конфуций старался держаться от духов подальше, моисты подчеркивали существование духов как мстителей за зло, причиненное в период их земной жизни.

Они учредили военно-религиозный орден на основе обязательств пожизненной верности, напоминающий орден рыцарей-крестоносцев в христианской Европе – для противостояния бедствиям периода Воюющих царств – с помощью чисто оборонительных военных действий, основанных на имеющемся опыте строительства фортификационных сооружений. Однако они не смогли выстоять во время кровавой централизации первого императора Цинь Шихуан-ди.

II период: расцвет древнекитайской философии – 335–235 гг. до н. э.

Он приходился на время тотального соперничества крупных государств между собой во всех областях жизни, в том числе и в интеллектуальной – в виде похвалы своими учеными-философами. Метафорически он обозначается как время "ста школ", более определенно насчитывали 10 направлений, среди которых главными были шесть, названные Сыма Танем "шестью школами": 1. *Школа служилых людей (жу цзя)* – конфуцианцы. 2. *Школа моистов (мо цзя)*. 3. *Школа даосов (дао цзя)*.

Даосизм имеет в качестве своего основного источника трактат "*Дао дэ цзин*", чьими авторами считаются либо Лао-Цзы, либо Чжуан-цзы. Трактат небольшой по объему, состоит из 81 краткого параграфа, каждый – из одной-трех афористических фраз. В нем явственны два "слоя": метафизико-натурфилософский и этико-дидактический, наполненный полезными советами в стиле традиционного древнекитайского практицизма. Центральная идея метафизической части – Дао. Известное ранее понятие здесь проинтерпретировано в новом духе, – как всеобщая субстанция, основа и начало мира. Это то, что Гегель называл "интеллектуальной субстанциальностью" – всеобщее идеальное начало, имманентная основа мира, которая рационально непостижима в своей аутентичной (субстанциальной) форме. С точки зрения бытия материальных вещей, имеющих фактуру, "наполняющих" пространство, Дао – пустота, небытие, так же, как "непространственна и нефизична" человеческая мысль. Постижимы лишь эманации Дао – дэ, вещи, явления, манифестации Дао в материальном мире. Мир

вещей, таким образом, создается Дао, подчинен его законам, вещи же, достигнув своего предела, возвращаются к своему началу. Значительное место здесь отведено идее вечного становления как постоянно возобновляемого круговорота и взаимопревращения вещей.

4. *Школа законников (легистов, фацзя)*. Основоположник учения – крупный чиновник, успешный реформатор Шан Ян – один из первых теоретиков тоталитарного государства. В своей "Книге правителя области Шан" ("Шан цзюнь шу") он являет себя "китайским Макиавелли", высказывая, впрочем, раньше на 18 веков циничные истины: о природной порочности человека, о пользе войн и агрессивной внешней политики, о круговой поруке и поощрении доношительства как действенных средствах профилактики преступлений, о желательности запрета инакомыслия, которое должно подавляться с отъявленной жестокостью. Вообще, Шан Ян говорил, что думал, без всяких экивоков и реверансов в стороны какого-либо гуманизма и политкорректности. Для государства ценность составляет только армия и заготовка зерна, учёность, музыка, литература являются паразитами, которые лишь отвлекают народные массы от единственно важного и значимого – той же заготовки зерна и войн. Впрочем, Шан Ян вводит социальные лифты: все равны перед законом и ценятся только по их заслугам, а не в соответствии с происхождением. Легисты прославились тем, что, когда они приходили к власти, то устанавливали крайне жестокие законы и наказания. Поздние последователи отказались от наиболее одиозных положений учения и, наполняя легизм моральным содержанием, сближали его с даосизмом и конфуцианством.

5. *Школа спорщиков (мин цзя)*. Подобные люди, прославившиеся своими способностями к спору и доказательствам "чего-угодно", утверждавшими о всеобщей относительности всего и вся, существовали во всех великих культурах древности (греческие софисты, брахманские казуисты). И всегда это были остроумные, пытливые люди, создававшие парадоксы, развивавшие и углублявшие интеллект. В Китае самыми известными из них были Хуэй Ши и Гунсунь Лун, возглавлявшими, соответственно, школы: "совпадения тождества и различия" и "отделения твердого от белого".

Как и можно ожидать от суперспорщика, Хуэй Ши учил об относительности различий между вещами и абсолютности "великого единства" космоса, всеобщей текучести-изменчивости: "Солнце, будучи в зените, уже заходит"; "рождаясь, вещь умирает" и т. п. Гунсунь Лун подметил, что слова повседневного языка и реалии, которые они обозначают, связаны не вполне верно. Так, если вдуматься, многие вещи и те их качества, которые могут выступать самостоятельными сущностями, начинают противоречить друг другу. Так, к примеру, он говорил: "белая лошадь не есть лошадь" – слово "лошадь" означает только определенную "телесную форму", тогда как слово "белая" – определенный цвет, "белизну", которая не является определяющим признаком общего понятия "лошадь". Другими словами, качество "белизны" сводит на нет качество "лошадности", потому и белая лошадь вроде как и не может быть полностью "лошадью". Имена и вещи должны точно соответствовать друг другу.

6. *Школа натурфилософов, сторонников учения об инь и ян (инь ян цзя)*. Школа "тёмного-и-светлого начал" интерпретировала вселенную исключительно в понятии

ях природных сил. Основная идея направления – универсальность дуализма сил инь-ян, лежащая в основании мироздания и цикличность взаимодействий порождённых ими пяти элементов: металла, дерева, воды, огня и земли. Все характеристики вещей и явлений соединяются также в группы по пять, образуя вкупе гармонию мира, где нарушение в группах ведет к дисгармонии. Цикличность "пяти элементов" распространяли и на исторические процессы, определяя этапы расцвета и упадка правящих династий. В школе выделялись две традиции: "небесная" (астрономо-астрологическая) и "земная" (хозяйственная). Наиболее видный представитель – Цзоу-янь.

Как полагают, эти шесть основных школ создали представители разных типов личности и образа жизни. Конфуцианство сформировали ученые-интеллектуалы, моизм – рыцари, т. е. странствующие воины, и ремесленники, даосизм – отшельники и затворники, "школу имен" – риторы-полемисты, "школу ин-ян" – оккультисты и нумерологи, легизм – политики и советники властителей.

III период: сосредоточение интеллектуальной жизни в имперском центре и формирование мейнстрима – официального конфуцианства (эпохи Цинь и Хань, II в. до н. э. – II в. н. э.)

Объединение Китая, власть императора потребовали создания и одной идеологии-философии. Лучшим кандидатом на эту роль оказалось конфуцианство. Был восстановлен культ Неба в составе священных дворцовых обрядов, позднее был обожествлен сам Конфуций как обладатель мандата Неба в качестве земного правителя. Соответственно ожидалось периодическое появление подобных ему мудрецов и конфуцианских правителей. Сами конфуцианцы превращались из "чжу", хранителей древних текстов, в чиновников, притязавших на официальные должности в правительстве. В 124 г. до н. э. был основан государственный "университет" для подготовки чиновников. Однако претензии конфуцианцев на идеологическую и административную монополии были скорее идеалом; реальность оказалась намного жестче. Только на начальном этапе чиновники-администраторы рекрутировались по принципам высокого образования и меритократии. Клановые и благородные семейства по-прежнему удерживали власть в провинциях, а при дворе оставались влиятельными политики, связанные между собою родством. В университет принимали не через экзамены на конкурсной основе, но при покровительстве знати.

Все остальные интеллектуальные фракции были разгромлены и забыты, философствование признавалось и осталось лишь в рамках конфуцианства, как и возникающие различия интерпретировались только в рамках одного признанного официального учения.

В это время существовали 2 школы: "древних" и "новых писем", первые тяготели более к превращению в религию обожествления Конфуция, вторые были скептиками и рационалистами. Основным предметом их споров было определение меры вмешательства ученых в политику, однако, несмотря ни на что, обе фракции активно участвовали в ней – с помощью различных пророчеств, основанных на оккультной нумерологии и знаменаниях.

IV период: вновь политическая децентрализация (III – IV вв. н. э.), расцвет светского "неодаосизма": движение "чистых бесед" и школа "учения о сокровенном"

"Философские даосы" (были еще простонародные и религиозные) появились в очередную сумеречную эпоху децентрализации Китая. Это были блестяще образованные, эстетически утонченные, рефлексивно мыслящие представители элиты того времени, которые в противовес господствующему конфуцианству культивировали гедонистические идеи индивидуалистического уклонения от общепринятых социальных обязанностей, метафизического мистицизма и недеяния (увэй). Сюда входили представители правящей аристократии, в том числе генералы, чиновники и родственники правящих семей.

В противоположность ортодоксальным даосам, которых интересовала религия, поиски бессмертия, воздержание и самоконтроль, "семь мудрецов из бамбуковой рощи" – как их потом называли, культивировали обильные возлияния, сексуальные приключения и остроумные беседы. Они встречались для того, чтобы выпить вина, заняться стихосложением и возрадоваться красоте их сельских поместий вдали от столицы в пренебрежение условностями придворной жизни. В следующем поколении молодые люди, бывшие в родстве с членами этой группы, образовали нудистский кружок, а также позволяли себе экстравагантные формы плотских наслаждений и развлекались интеллектуальными остроумиями.

"Семи мудрецам", ведшим "чистые беседы", противостояла в интеллектуальном отношении другая аристократическая группа – под брендом "учения о сокровенном знании". Это были не эстетски-богемные господа, а серьезные философы, разработавшие свою даосскую метафизику. Ван Би, самый знаменитый из них, развивал представление о Дао как едином исходном начале актуального множества вещей. Он выделял в нем два аспекта: порождающее и управляющее начало (принцип "ли") и изначальное бытие вне-и-до "ли" (бытия-в-становлении) – мыслимое как чистота, лишённая всех определений и признаков, или небытие.

V период: буддистский, начинается с IV в., в VI – VII вв. – расцвет, после 1000 г. – упадок

Буддизм появился в Китае при династии Хань, получив громадное распространение в период распада государства, соперничал с конфуцианством и даосизмом. Абстрактная философия развивалась в больших буддийских монастырях, представляя собой оригинальные местные модификации индийских учений. Самые известные из них – это учения *тяньтай* и *хуаянь*, с VIII в. появляется самобытный китайский продукт в буддизме – *дзэн*, или же *чань*.

Учение *тяньтай* появилось в великом монастыре Тяньтай. Оно позиционировало себя как синтез и завершение всех прежних направлений в буддизме, прежде всего хинаяны и махаяны. Несмотря на подобные притязания, оно все же строилось на основе индийских учений. Мыслители этой школы отрицали различие трансцендентального и феноменального, мистически постигаемого и чувственно воспринимаемого. Нет никакого ноуменального мира вне явлений, все вещи пусты, но в то же время все существует во времени, причем данные обстоятельства пронизывают друг друга: "в каждой частичке пыли, в каждом мгновении мысли со-

держится вся вселенная". Буддистская склонность к гигантизму в понимании количеств миров проявляется и здесь: в школе тяньтай насчитывали 100 царств реальности, которые в комбинации с метафизическими категориями превращались в итоговую архитектурно-космическую систему, состоящую уже из 3 тысяч миров.

Учение *хуаянь* разрабатывалось философом *Фацзаном* в опоре на священные индийские писания. Вселенная образуема из 2 метафизических уровней: мира вещей-явлений и пронизывающей его пустоты, чистого небытия. Всем им присущи одни и те же признаки видимости, непостоянства и изменения. Константно лишь одно – предельность изменения и взаимозависимость метафизических уровней: относительность и пустота не могли бы существовать без явлений как некой среды, мимолетность не может существовать вне времени. Для облегчения понимания Фацзан приводил такие метафоры: реальность – это зал с множеством зеркал, бесконечно отражающих друг друга; это такое сплетение драгоценностей, в котором каждый драгоценный камень отражает не только другой камень, но также все отражения в любом другом камне – бесконечность бесконечностей ("сеть Индры"), а кончик волоса Будды "содержит всю вселенную".

Суть революции *чань (дзэн)* в китайском буддизме – замене учения о стадиях постепенного просветления – просветлением мгновенным. Просветление всегда было целью жизни монаха. Нужно было пройти многолетний путь через 10 рангов, чтобы при удаче и долголетьи стать самому учителем-наставителем. Учителя дзэн отказались от интеллектуальных занятий и литургии, даже критиковали продолжительные упражнения в медитации, заменяя их испытаниями в виде драматических и парадоксальных озарений. Это резко увеличило популярность учения, ибо демократизация просветления привлекла много молодых амбициозных послушников.

Появились знаменитые "мастера" дзэн: Мацзу стал учить с помощью парадоксальных высказываний, Дэшань "вбивал" в учеников просветление ударами своего посоха, Линьцзи известен своими внезапными возгласами. Став зрелым и популярным, дзэн приобрел резко антиинтеллектуальный и антилитургический характер: изучение священных писаний – а тем более, философских сочинений – полностью отвергалось. Даже будды и бодхисаттвы рассматривались как препятствия внезапному просветлению: "Если встретишь Будду – убей Будду!"

VI период: неоконфуцианский – XI – XVII вв.

Сами китайцы создали культ авторитетов, доминантными формами творчества здесь стали комментаторство и экзегеза древних классических произведений.

Информация об авторе:

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, КемГУ, 8(3842) 58-32-31, krasikov1958@yahoo.com.

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy of KemSU.

Сандаг Энхтуяа – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, КемГУ, 8(3842) 58-32-31.

Sandag Enkhtuya – Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy of KemSU.

Даже самые смелые новаторы стремились выглядеть всего лишь истолкователями или восстановителями старинной идеологической ортодоксии. На деле же неоконфуцианцы создавали оригинальные метафизические концепции на руинах распавшихся систем элитарного буддизма и даосизма.

Неоконфуцианство появилось в условиях значительного роста чиновничества и экзаменационной системы для их отбора. Растущее число студентов, требовало увеличения преподавателей и открытия многочисленных частных школ, т. е. роста сословия образованных людей на службе. Неоконфуцианцев было много, но ортодоксальным стало учение *школы Чэн-Чжу*, добившееся официального господства и принятого в качестве обязательной учебной программы для экзаменационной системы.

Братья Чэн учили, что в основе разумной и одухотворенной природы находятся два начала: субстанция *ци* (материальный и ментальный миры) и управляющий принцип *ли* (закон, Дао), причем происходит постоянное динамичное обновление субстанции. Новое *ци* постоянно создается по мере выгорания старого *ци*: «Вселенная – это обширный очаг».

Вплоть до отмены экзаменов на занятие административных постов в 1905 г. в Китае сохранялось ритуальное и интеллектуальное господство неоконфуцианцев.

Однако настала пора подвести итоги. Эволюции философии в Индокитае, демонстрируют поражающую временную слаженность в протекании сходных процессов: а) появление собраний фундаментальных материалов (фольклорных, магических, литургических, литературных и пр.) в качестве поля становления последующей разнохарактерной рефлексии: "Ши Цзин", "И Цзин", "Вед" в районе до и после X в. до н. э.; б) неперенный период интенсивной борьбы многочисленных соперничающих интеллектуальных групп, следствием которого является основание фундаментальных традиций в философии и религии – от V – IV вв. до н. э.; в) каждая из великих философских цивилизаций многоколейна в своем развитии, использует, в разное время, все возможное тематическое поле мыслительности, однако имеет все же свой специфически-доминирующий профиль: религиозно-философский и этико-философский; г) обе эти историко-философские последовательности создали себе представление о собственной неизменности и особой духовности – чем-то очень схожее с отечественной мифологемой "русского пути"; в одном случае это стала веданта, в другом – неоконфуцианство, и всякий раз это было реакцией на агрессивную вестернизацию.

ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А. В. Черненко

THE PROBLEM OF INDIVIDUAL AND PUBLIC HEALTH IN THE ASPECT OF SOCIAL RESPONSIBILITY

A. V. Chernenkova

Статья раскрывает проблему индивидуального и общественного здоровья. Раскрывает субъектно-объектное содержание такого социального феномена, как здоровый образ жизни. Рассматривает проблему индивидуального и общественного здоровья в аспекте социальной ответственности. Раскрывает понятие «социальная ответственность», как категорию социальной философии.

This article deals with the problem of individual and public health. The subjective and objective significance of such a social phenomenon as a healthy lifestyle is exposed in it. The problem of individual and public health is considered in the aspect of social responsibility. We define the concept of social responsibility as a category of social philosophy.

Ключевые слова: индивидуальное здоровье, общественное здоровье, здоровый образ жизни, социальная ответственность.

Keywords: individual health, public health, healthy lifestyle, social responsibility.

Проблема здоровья человека на сегодняшний день является одной из наиболее сложных и актуальных. Сложные перемены в духовной, экономической, социально-политической, культурной и экологической сферах жизнедеятельности человека оказывают негативное влияние на здоровье людей, следствием этого является процесс снижения рождаемости на фоне увеличения смертности, характерный для современной России.

Проблема здоровья человека давно вышла за пределы медико-практической направленности и не может рассматриваться вне связи с негативными тенденциями общественного развития. Масштабы проблемы достигли того уровня, когда необходимо философское осмысление вопросов здоровья человека, рассмотрение данной проблемы в контексте политических, экономических, социокультурных и других факторов.

Усиление социально-философского интереса к здоровью объясняется тем, что наблюдающийся кризис индивидуального и популяционного здоровья находится в несомненной связи с кризисными явлениями экологического, культурного и духовно-нравственного характера [3, с. 5].

Проблема здоровья человека в современном мире характеризуется тем фактом, что в структуре заболеваемости и смертности превалирует патология, обусловленная нездоровым образом жизни. Это связано, в первую очередь, с тем, что, в условиях усложняющейся социальной жизни, изменения ее ритма, увеличивающемся темпе цивилизационных изменений, человек становится дезадаптированным, что оказывает негативное влияние на состояние индивидуального и общественного здоровья.

В данном контексте особую социальную значимость приобретают вопросы, связанные с устранением негативных тенденций в современном обществе, формированием ценностных ориентации и жизненных стилей, ориентированных на здоровый образ жизни.

Для понимания такого явления, как здоровый образ жизни, необходимо рассмотреть сам образ жизни как социальное явление. Большое внимание образу жизни как социальному феномену уделено в отечественной литературе 70 – 80-х гг., что связано с повышенным интересом к социалистическому образу жизни (А. М. Изуткин, Ю. П. Лисицын, Г. И. Царегородцев).

Философский словарь дает следующее определение понятию «образ жизни». Образ жизни – философско-социологическая категория, охватывающая совокупность типичных видов (способов) жизнедеятельности индивида, социальной группы, в том числе класса и нации, общества в целом, которая берется в единстве с условиями жизни, определяющими ее [7].

Если рассматривать структуру образа жизни, то можно выявить объективную и субъективную его стороны.

Объективная сторона образа жизни – это совокупность различных факторов: социально-политических, экологических, экономических, культурных, которые формируют определенную среду реализации индивидом своей жизнедеятельности. При этом большую роль в реализации образа жизни играют субъективно-личностные мотивации.

Субъективная сторона образа жизни представляет собой совокупность индивидуальных предпочтений индивида в выборе тех или иных форм поведения.

Объективные факторы образа жизни неразрывно связаны с субъективными: цели общения, мотивы деятельности, ценностные ориентиры. При одних и тех же социальных, природных, культурных условиях отдельные индивиды и целые социальные группы могут вести различный образ жизни, тот или иной образ жизни создают и творят люди в соответствии со своими потребностями, интересами, впечатлениями [1, с. 43].

Исходя из вышесказанного, логичным является утверждение, что под здоровым образом жизни понимается образ жизни, направленный на поддержание и укрепление здоровья. При этом, с точки зрения структуры образа жизни, субъективная сторона здорового образа жизни представляет собой совокупность форм поведения индивида, ценностным ориентиром которых является поддержание и укрепление здоровья. А под объективной стороной здорового образа жизни понимается среда жизнедеятельности индивида, представляющая собой совокупность социокультурных, политических, экономических, экологических факторов, рассматриваемая с точки зрения реализации в данной среде концепции здоровья.

Следовательно, для реализации индивидом здорового образа жизни необходимым условием является наличие благоприятной объективной среды. Если рассмот-

реть структуру объективной стороны образа жизни индивида, то становится очевидным, что во всех ее сферах преобразующим элементом является общество. Общество формирует и преобразует политическую, социокультурную, экономическую, экологическую среду. Формирующая образ жизни объективная среда – это общество в целом, во всех его материальных и духовных проявлениях.

Общество – центральная категория социальной философии. Ее можно определить как жизнедеятельность человека вообще, за действиями общества, всех его компонентов стоит человек. Общество представляет собой совокупность людей во всех формах их взаимодействия. Таким образом, если вернуться к структуре образа жизни, то можно определить, что человек – является той активной преобразующей единицей, которая формирует объективную сторону образа жизни.

Человек, определяя ту или иную форму своего поведения, определяя свой жизненный стиль, реализуя свой образ жизни, не ограничивается отношениями зависимости от определенных условий объективной среды и свободы формирования субъективной стороны образа жизни. Образ жизни конкретного человека, формы его поведения, могут стать импульсом для формирования определенного типа образа жизни или формы поведения другого человека.

Это обусловлено тем, что человеческая жизнедеятельность сопровождается постоянным взаимодействием с другими членами общества. Результатом этого взаимодействия является система межличностных отношений, структура симпатий и антипатий человека.

В данном контексте особую значимость приобретает вопрос о социальной ответственности человека в формировании общественного здоровья.

Социальная ответственность является многоаспектным феноменом, который не может смещаться на индивидуальный уровень ответственности. Социальная ответственность политических, социокультурных, воспитательных институтов в аспекте индивидуального и общественного здоровья не утрачивает своей значимости. Реализация принципа социальной ответственности различными социальными институтами способствует, во-первых, формированию благоприятной объективной среды образа жизни, во-вторых, повышает уровень социальной ответственности человека.

Соотношение векторов индивидуальной ответственности и ответственности социальных институтов неизбежно поднимает вопрос о том, кто является главной движущей силой в тандеме общества и человека. Данный вопрос очень многогранен, и в разных исторических, социокультурных условиях в ответе на этот вопрос ставятся разные акценты. Тем не менее в контексте соотношения социальной ответственности человека и социальных институтов в аспекте индивидуального и общественного здоровья необходимо подчеркнуть особую важность и определяющую роль человека. Сама категория здоровья предполагает некую характеристику психофизиологического состояния, что не имеет социальной природы. Однако образ жизни и определенные формы поведения людей отчасти социально детерминированы, обусловлены объективной средой. Но, если говорить о той реальной силе, которая способна повлиять на концептуальные основы индивидуального и общественного здоровья, то это непосредственная жизнедеятельность человека.

Если рассматривать социальную ответственность на индивидуальном уровне как категорию социальной философии, то можно прийти к выводу, что социальная ответственность есть определенная форма взаимодействия индивида и общества. Эта форма взаимодействия носит ряд характерных для нее черт.

Во-первых, понятие «ответственность» неизбежно ставит вечный философский вопрос о соотношении свободы и необходимости в жизни человека. С одной стороны, наличие отношений ответственности диктует ограничение свободы, регламентируя определенные формы поведения человека. С другой стороны, понятие «социальная ответственность» актуально тогда, когда есть свобода выбора, когда человек сталкивается с наличием альтернативных форм своего поведения и осознает последствия выбора тех или иных форм.

Во-вторых, социальная ответственность, как форма взаимодействия индивида и общества, отражает определенное отношение индивида к обществу. Такое отношение находит выражение при выборе тех или иных форм поведения индивида. Следовательно, существует определенная зависимость между степенью социальной ориентированности поведения, которую реализует индивид в своей жизнедеятельности, и субъективной оценкой общества индивидом. Данное отношение формируется из различных факторов, которые можно разделить на объективные и субъективные. К первым относится характеристика общества с точки зрения исторических, политических, культурных, экономических факторов: исторически-сложившиеся общественные нормы, устои, культурные традиции, способ производства, характерный для данного общества, специфически сложившаяся система политических институтов и другое, то есть объективная оценка общества. Ко вторым относится ряд факторов, характеризующих индивида: степень его социализации, личностные качества индивида, форма и характер взаимоотношений с другими членами общества, форма его трудовой деятельности, политическая самоидентификация индивида, его морально-нравственные качества и этические принципы, ценностные ориентиры.

В-третьих, социальная ответственность предполагает наличие определенных требований со стороны общества и оценку поведения индивида на основе предъявляемых требований. То есть, индивид может не осознавать наличия позитивных или негативных последствий своего поведения для общества. Социальная ответственность как социальный феномен может быть реализуема тогда, когда сформулированы требования общества, учитывающие его интересы. При этом, в качестве мотивирующего фактора для индивида выступает оценка его поведения обществом.

Рассмотрение проблемы индивидуального и общественного здоровья в аспекте социальной ответственности позволяет проанализировать данную проблему через призму взаимоотношений индивида и общества, что позволяет по-новому сформулировать проблемную область и, как следствие, задать новый вектор решения данной проблемы. Положения статьи показывают, что социальная ответственность человека действительно является важным фактором, влияющим на индивидуальное и общественное здоровье. Понятие «социальная ответственность» человека в аспекте индивидуального и общественного здоровья обширно, и обозначенная в статье проблема требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Изуткин, Д. А. Концептуальные основы взаимосвязи образа жизни и здоровья: дис. ... д-ра филос. наук / Д. А. Изуткин. – Н.Новгород, 2005.
2. Карпухин, С. В. Социальная ответственность как философская проблема: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / С. В. Карпухин. – СПб, 2001.
3. Ковалевская, А. Ф. Формирование ценностного отношения к здоровью человека: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. Ф. Ковалевская. – Чита, 2007.
4. Ларионова, И. С. Здоровье как социальная ценность: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / И. С. Ларионова. – М., 2004.
5. Лисеев, И. К. Философия здоровья / И. К. Лисеев. – М.: ИФ РАН, 2001.
6. Лисицын, Ю. П. Общественное здоровье и здравоохранение / Ю. П. Лисицын. – М.: ГЭОТАР-Мед, 2002.
7. Тюрина, И. Ю. Валеологический потенциал семьи – важнейший фактор формирования культуры здоровья ребенка / И. Ю. Тюрина // Социальные и гуманитарные знания. – 2012. – № 1.
8. Философский словарь. Электронные толковые словари [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovar.plib.ru/dictionarvld39/870.html>.

Информация об авторе:

Черненко Александра Валерьевна – аспирант кафедры философии, ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, 8(3412) 58-44-05, [chernenkova\(a\)yandex.ru](mailto:chernenkova(a)yandex.ru).

Chernenkova Aleksandra Valrievna – post-graduate student at the Department of Philosophy of Izhevsk State Technical University.

УДК 165.43

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЕРЫ

А. И. Шафоростов

THE ONTOLOGIC ASPECT OF BELIEF

A. I. Shaforostov

Рассматривается онтологическое основание веры, исходя из обращения к внутренней очевидности и связи человека с целостным бытием. Анализируется предметный характер веры, ее трансцендентная направленность. Предлагается понимание веры как принятия реальности.

The paper deals with the ontologic basis of belief with reference to internal evidence and a person's interaction with the integrity of existence. Subject character of belief and its transcendental orientation are analyzed. The understanding of belief as reality acceptance is offered.

Ключевые слова: вера, реальность, вероятность, очевидность, трансцендентное.

Keywords: belief, reality, probability, evidence, transcendental.

Обращение к онтологическому аспекту веры призвано восполнить определенную «однобокость» рассмотрения веры, когда для ее понимания используется в основном гносеологический подход, заключающийся в обнаружении ее связи с процессом познания. Отметим, что гносеологический подход был приоритетным потому, что для длительной философской традиции, находящейся под сильным влиянием религии, могло быть вообще только два подхода к пониманию веры. Первый – *гносеологический*, основой которого является возможность сравнения веры и знания через нахождение каких-то общих черт, причем эти черты именно *феноменальны*, относятся не к сущности веры, а к ее проявлениям в сознании человека, точнее – в процессе познания. Рассмотрение же *сущности* веры составляло прерогативу второго – *теологического* подхода, так как понимание сущности веры может быть уяснено не путем ее сравнения с разумом, познанием, но через обращение к той реальности, которую вера выражает. А так как это реальность божественного мира, то и исследовать ее должна теология, предметом же философского рассмотрения должны быть *проявления* веры. Выделение нерелигиозной веры в качестве самостоятельного

предмета веры не сопровождалось разработкой принципиально иного подхода, отсюда и чрезмерная гносеологизация веры.

Принимая, что вера представляет собой феномен, выражающий связь человека с целостным бытием, мы стремимся выдвинуть на первое место в исследовании феномена нерелигиозной веры именно онтологический аспект, что предполагает выявление оснований, содержания и направленности веры. Исходным является признание того, что включенность человека в мир должна пониматься в контексте информационного подхода, согласно которому фундаментальным условием становления бытия является получение, накопление и обработка информации в процессе отражения мира. Обращение к процессу отражения и позволяет говорить об онтологической, а не только психологической, природе веры.

Почему вопрос о том, что является онтологическим основанием веры, – вопрос, который имеет, на наш взгляд, принципиальное значение для понимания природы веры, – оказался отодвинутым в тень? Причины такого положения видятся в следующем.

Во-первых, серьезное влияние на рассмотрение этого вопроса оказала длительная традиция европейской философии сведения веры только к ее религиозной форме. Собственно *онтологической* проблематики в этом случае не возникает, так как связь верующего с Богом понимается как *сверх-бытийственная* и исходящая от Бога. Во-вторых, в отношении нерелигиозной веры вопрос о ее основании переводился в плоскость нахождения внутренней основы, понимаемой преимущественно *психологически*. Вера в этом случае понимается как акт сознания, направленный на достижение целостности внутреннего мира, восполнения отсутствующей информации.

Признание веры фундаментальным свойством человеческого бытия означает не только понимание веры как *выхода* человека за пределы определенной реальности, что достаточно традиционно. Не менее важно обращение к пониманию веры и как *принятия* реальности, открываемой в результате такого выхода. «Вера как принятие» отличается от «веры как выхода»: принятие предполагает сохранение местоположения, той сферы, *куда* и *где* принимается содержание веровательного акта. «Куда» можно обозначить как соответствие внутреннему аспекту акта принятия реальности, «где» – внешнему. Вера специфична тем, что она несет в себе не столько информационное содержание (*информация* для веры вторична), сколько *чувство реальности*, определяющее принятие информации в качестве достоверной. Именно чувство реальности является ядром внутреннего чувства.

Рассмотрение природы веры напрямую зависит от того, как понимается опыт веры. Возможно понимание опыта веры как особого, не зависящего от чувственно воспринимаемой информации и не попадающего в рефлексивное поле сознания. Вера предстает как особое восприятие, она способна видеть то, что недоступно внешним чувствам человека. В этом случае определенные эмоциональные состояния, волевые акты, установки, размышление, транс становятся содержанием опыта, как предполагается, без определяющего участия органов чувств. Кратко такой опыт можно определить как *сверхчувственный*. Такое понимание опыта веры присуще, в первую очередь, религиозно-мистической традиции, и рассматривать его если и можно, то только в отношении религиозной веры.

Но признание реальности предполагает проверку. Если мы говорим о реальности веры, то должны указать на такую проверку. В качестве одного из критериев реальности выступает оказываемое этой реальностью сопротивление. В отношении веры это значит, что, принимая на веру все, что угодно, и не встречая никакого сопротивления, вряд ли можно говорить о реальности содержания такой веры.

В отношении веры можно говорить о двух формах сопротивления: логическом и внутреннем чувстве. Выделение этих двух форм прямо связано с выделением двух типов веры: веры-вероятности и веры-очевидности. Вера-вероятность возникает в ситуации неопределенности, она призвана всего лишь восполнить недостаток знания в ситуации, когда необходимо принять оценочное решение и невозможно тщательно проанализировать все обстоятельства. В отношении веры-вероятности речь будет идти о логическом сопротивлении или чувстве неправдоподобия, что связано с обязательным присутствием сомнения. Вера-очевид-

ность – это вера, покоящаяся на *внутренней очевидности*. Такая ситуация типична в тех случаях, когда речь идет о «предмете», в принципе недоступном для познания в обычном смысле слова. В таком случае о вере можно говорить, что она *исповедуется*, так как основанием для ее принятия в качестве не просто логически истинной, но и должной, обязательной к реализации, является единственно лишь внутренняя субъективная убежденность человека в правоте своей веры.

Так как сомнение присуще обеим формам веры – вероятностной и очевидности, то необходимо провести различие между:

1) сомнением как непосредственным переживанием, связанным с включением человека в «живую» реальность;

2) сомнением как методологическим приемом.

В случае веры возможны оба сомнения, но не одновременно. В отношении своей веры человек вполне может допускать рациональное сомнение в отношении как содержания, так и степени отчетливости, выразимости своей веры. Такое сомнение важно для осмысления своей веры. Но это не то же самое, как если другой человек будет сомневаться (переживать) в отношении моей веры – действительно ли я верю? Тем самым можно допустить, что любая рационализация веры возможна только в границах рационального сомнения.

К теме сомнения неоднократно обращались различные мыслители, но особый интерес представляют идеи Декарта и Ясперса. Первый известен как автор метода радикального сомнения, второй – как автор концепции философской веры. У Ясперса философская вера как бы поднимается над полярностью рационального (воплощенного в науке) и иррационального (воплощенного в религии). Область веры – это сфера трансцендирующего мышления, которое, благодаря методу научному по своему характеру, но вместе с тем из-за исчезновения определенного предмета иное, чем научное познание [1, с. 434]. Фактически Ясперс не только защищает философскую веру как веру мыслящего человека, но и раскрывает экзистенциальную природу веры. В отношении проблемы рационализации веры Ясперс отмечает главное – это придание скептицизму функционально положительного предназначения: указывать не на ничто, что привело бы к нигилизму, против которого Ясперс резко восстает, но указать на нечто, хотя оно и непостижимо рационально. Сравнивая это положение с высказыванием Декарта о том, что рациональная вера – это ситуация, когда мы верим, что предмет не может быть иным, чем он есть [2, с. 472], можно заметить коренное отличие в понимании веры у Декарта и Ясперса. Для Декарта вера заключается в отрицании каких-либо других возможностей бытия познаваемого предмета по сравнению с тем, «как он есть», т. е. такая вера *отрицательна* по своей сути, она ограничивает предмет познания и не более того. У Ясперса же вера направлена за пределы рационально-познаваемого предмета и *положительна* тем, что утверждает «нечто, рационально непостижимое».

Внутреннее сопротивление возникает на основе и в форме переживания нашего внутреннего чувства. К этому следует добавить, что в случае, когда речь идет не о личностной вере, а вере или коллективной или индивидуальной вере другого человека, ее только словесное выражение оказывается недостаточным. Необходимо та встреча лицом-к-лицу, которая позволяет мне

именно увидеть, непосредственно пережить телесно выражаемое другим человеком верование, т. е. соотношение его телесного сопротивления или принятия того, во что он верит.

Но только сопротивления со стороны внутреннего чувства недостаточно для принятия содержания личностной веры в качестве реального. Должно быть более глубокое основание в виде внутренней потребности. Эта внутренняя потребность связана с основополагающим переживанием, присущего каждому человек, и выражающемся в мысли о том, что я знаю, что я умру, и боюсь умереть. Это базисное переживание, связанное с переживанием индивидом своей смертности и тем самым строящее личностную идентичность, называется по-разному – «фундаментальная тревога» [3, с. 422] или «первоимпульс неприятия смерти» [4, с. 41].

Обобщая, выскажем предположение о допустимости особой логики веры. Что имеется в виду? Противопоставление слепой веры и осмысленной веры предполагает возможность выявления каких-то логических основ веры, определяющих ее смысл (логику). Вера как осмысленное действие предполагает выбор из какого-то числа альтернатив, выбор именно предпочтительного варианта. Ключевым в данном случае является именно «альтернатива», так как сознательный выбор между альтернативами задействует рефлексию, волеизъявление и предпочтение. Предпочтительность же определяется жизненно значимыми целями, составляющими содержание веры. Осмысление веры – это не столько стремление рационализировать веру, сколько признание альтернативности ее содержания и осуществление выбора путем «обхождения» или «умолчания» фактов. Такое осмысление есть результат особой онтологичности веры: вера занимает пограничное состояние между действительным и невозможным, и обращена к «невидимости».

Это та «невидимость», о которой говорил еще ап. Павел: «Вера есть обличение вещей невидимых» (Евр. 11, 1). Не затрагивая сейчас проблему «обличения», т. е. выражения веры, обратимся к «невидимым вещам», символизирующим открывающуюся в акте веры реальность. Сама по себе «невидимость» может пониматься по-разному. Во-первых, невидимость как недоступность зрению. При этом следует учитывать изменение и усложнение природы зрения как переход от физического к духовному. Еще на ранних ступенях развития человеческой культуры происходит усложнение понимания природы зрения, выделяется «внутреннее» зрение – соотносимое с магическими способностями человека. В дальнейшем оно дополняется эстетическим зрением. В античности утверждается еще один вид зрения – умозрение. Тем самым то, что недоступно физическому зрению, может быть доступно магическому или умственному зрению. Во-вторых, социокультурно – что вообще можно и что нельзя «увидеть» человеку как представителю определенной культуры (воспитанный человек «не видит» многих вещей). Это своеобразная система – «система табу», нацеленная на жесткое отделение доступного познанию от недоступного по аналогии с делением на «свое» и «чужое».

Поясним различие: если невидимость в первом смысле – как недоступность зрению – была связана с особенностями индивида, то невидимость во втором смысле – социокультурном – имела запретительный характер и связывалась с особенностями организации со-

циума (выделением различных групп, организацией власти и т. п.). Невидимость социокультурного характера имеет прямое отношение к построению картины мира. «Можно» и «нельзя» в отношении картины мира предстают как характеристика ее модальности. Именно от веры зависит – что именно «нельзя» увидеть.

Сложный характер той реальности, на которую направлен акт веры, проявляется также и в словесном оформлении веры: «я верю, что...» включает в себя определенную отделенность субъекта веры от той реальности, которая заключена в этом «что». С другой стороны, «я верю в...» несет в себе момент связанности, причастности субъекта веры с тем, во что он верит. Исходя из внутренней потребности, человек отмечает как *данность* реальности, так и, что важнее именно для ситуации веры, *отсутствие* необходимой ему реальности. Различие веры-вероятности и веры-очевидности – это различие модальностей бытия «*что есть*» и «*что должно быть*» (независимо от наличия возможностей). Вера-вероятность выступает как одно из необходимых условий осмысления мира и соотносима с системой ожиданий, которая, как показал Д. Юм, формируется у человека на основе переноса на будущее его прошлого опыта. Специфика веры-очевидности по отношению к вере-вероятности предстает как обращенность именно к сфере возможного, включающего в себя сферу «долженствования», несводимого к вероятному: это ситуация веры в то, что должно быть, хотя оснований для этого нет (то, что невероятно).

Сфера возможного, точнее, то, как ее видит человек, является важнейшим элементом картины мира. Картина мира составляется человеком на основе включения его (человека) в самые разнообразные связи с целостным миром. Понимая человека как единство телесности и социальности, можно заключить, что объемлющее (термин Ясперса) являет себя не только в качестве светового потока, несущего информацию об окружающем человека мире. Световой поток предстает только как часть гораздо более сложного и объемного информационного потока, в организации которого участвуют как физические (природные) структуры, так и социальные: положение Гибсона о том, что мир задан в структуре приходящего нам света [5, с. 105], можно расширить и сказать, что мир задан в структуре приходящего нам информационного потока.

Но что влияет на веру? Можно выделить как минимум два фактора: 1) «видение» глазами коллектива (верования, убеждения, предрассудки, свойственные определенной эпохе и культуре) и 2) «взгляд изнутри», исходя из внутреннего мира человека. Собственно вера (не верование) формируется во внутреннем мире, но она должна быть соотносена с социальностью: вообще, вера в строгом смысле слова может быть только личностной, так как вера – это *ответственное* принятие личностью какого-либо положения в качестве сущностно значимого и очевидного, при этом вера не может иметь внешних по отношению к личности гарантий. Все остальное, что иногда называют верой, относимо к сфере *верований*, так как они существуют вне сферы внутренней очевидности, вне личностного принятия и ответственности. Вменяемость по отношению к вере заключается, во-первых, в стремлении понять ее основу – почему я верю именно так, а не иначе; во-вторых, в принятии на себя ответственности за те последствия, которые проистекают из принятия веры в качестве под-

линей, выражающей реальность бытия личности. Чтобы быть вменяемым по отношению к своей вере, прежде всего, необходимо ее адекватно *выразить*. Выражение веры есть одновременно ее осмысление и интерпретация в тех категориях, которые составляют основу мировоззренческих взглядов и отношений личности.

Предметом личностной веры становится только та часть реальности, которая открывается только мне. Можно ли в таком случае провести грань между личностной и индивидуальной верой? Выскажем в качестве предположения: предмет *индивидуальной* веры – та часть реальности, которая видится и мной, и другими. Предмет *личностной* веры – то, что открыто только мне. Коллективная вера – ее содержанием является то, что видится (дается) Другим (Другому), но не мне лично. То есть индивидуальная вера есть пограничное состояние между коллективной и личностной верой.

Итак, вера есть принятие в качестве реально-возможного того, что по своей природе выходит за пределы как актуально, так и потенциально данного. При этом следует различать «потенциально данное» и потенциальную бесконечность мира. «Потенциально данное» всегда привязано к определенному срезу реальности, отражающемся в определенном пространственно-временном «здесь и теперь» конкретного человека.

Здесь мы вплотную подошли к такому сложному пункту исследования веры в ее онтологическом аспекте, как понимание трансцендентной направленности веры. Сложность в том, что используемые понятия – трансценденция, трансцендентное, не имеют строго определенного понимания, и оно в значительной степени определяется контекстом применения названных понятий. Соответственно, наша задача заключается в том, чтобы, во-первых, определить смысловые границы данных понятий в контексте исследования природы и роли личностной веры и, во-вторых, попытаться через использование этих понятий приблизиться к пониманию содержания веры.

В современной философии понятие «трансцендентное» является одним из наиболее часто употребляемых и в то же время одним из самых расплывчатых в смысловом отношении. Раскрытие содержания понятия «трансцендентное» может быть достигнуто при решении следующих задач прояснение:

- 1) понятийного;
- 2) онтологического статуса «трансцендентного»;
- 3) выяснения направленности трансценденции.

Трудность использования «трансцендентного» как понятия видится нам в его *отрицательном* значении, если обращаться к традиционному истолкованию трансцендентного как «запредельного». В этом случае о самом содержании данного понятия речь не идет, указывается только его основной признак – «*выходящее за пределы*», и если подходить строго, то неясно, можно ли говорить о трансцендентном как *находящемся* за пределами земной реальности. Но это уже вопрос онтологического содержания (статуса) «трансцендентного». В отношении же понятийного статуса следует обратиться к рассмотрению вопроса «*за пределами чего?*» И здесь возможны два варианта.

Первый, восходящий к Канту, можно кратко выразить как находящийся «*за пределами чувственного опыта*». Второй – «за пределами земной реальности». Различие между ними весьма существенно и, более то-

го, имеет принципиальное значение для понимания веры, так как субъект веры – это человек, пребывающий телесно в пределах земной реальности. Речь, таким образом, идет о том, что феномен веры в своем *основании* выходит за пределы чувственного опыта человека в его индивидуальной и социальной наполненности, *выражать* же он может не только запредельную реальность, но и (как в случае веры в свободу воли человека) ту реальность, в которую включен человек в своем земном бытии.

Если исходить из понимания трансцендентности веры как выходе за пределы доступной человеку реальности, то здесь возникает столько сложностей, связанных с религиозной традицией понимания веры (в том числе и как трансцендентного акта), что говорить о философском анализе веры вряд ли возможно, если не выполнить одно условие. А именно – признавать не только выход за пределы наличного бытия, но и *имманентную* данность трансцендентной реальности человеку. Соответственно, признавая, что трансцендентное есть выражение какой-то иной по отношению к земной действительности реальности, тем не менее следует четко оговорить, что и трансцендентная, и земная реальность имеют какие-то общие признаки, как минимум – это принадлежность к целостности бытия. Поэтому вполне уместно переводить термин «трансцендентное» как «превосходящее», выделяя тем самым несводимость трансцендентного к земному и в то же время сохраняя включение этой реальности в мировую целостность.

Подводя итог краткому рассмотрению *понятийного* содержания трансцендентного, отметим главное: смысл этого понятия может быть определен как *превосхождение* границы, проходящей между опытом наличного бытия человека и «безусловно Другим». Чтобы это понятие не «повисло в воздухе» из-за неопределенности «безусловно Другого», мы должны обратиться к *онтологическому* содержанию понятия «трансцендентного».

Вполне очевидно, что содержательная характеристика трансцендентного не может быть получена в результате прямого анализа этого уровня реальности, и здесь вновь проявляется «отрицательность» понимания трансцендентного: через отказ приписывать ему характеристики земного бытия. Вопрос в том, о какой форме «земного бытия» идет речь – о чувственной природе человека или же о мышлении. В целом же обе формы земного бытия имеют отношение к вере, но в неодинаковой степени: не отрицая определенную связанность веры с умом (что выражается в родственном вере феномене сомнения), необходимо все-таки отнести веру прежде всего к чувственной сфере человеческого опыта.

Авторитет Канта, который ввел понимание трансцендентного как запредельного по отношению к миру явлений и недоступного теоретическому познанию, но доступного вере, – во многом повлиял на понимание трансцендентного как *отрицательного* (в логическом смысле) понятия. Как нам представляется, раскрытие трансцендентного как положительного понятия фактически содержится в учении Лейбница о монадах, в частности, в положении о том, что каждая монада в целом выражает один и тот же мир. Обращение к наследию Лейбница важно тем, что монада, интерпретируемая как человеческая индивидуальность, содержит в себе весь *целостный* мир, разделенный на закрытую сферу (трансцендентную) и «высвечиваемую» душой монады.

Таким образом, трансцендентное по-своему онтологическому содержание есть целостный мир, в который включен человек. Это только первый шаг к прояснению содержания трансцендентного, так как важно понять: что объединяется в этой целостности?

Здесь мы затрагиваем одну из сложнейших тем в философии – *понимание мира как Целого*. Сложность в том, что понятие Целого оказывается во многом зависящим от осмысления предшествующего ему понятия *Абсолюта* и оказывается *метафизическим* по своей природе. Если же отойти от метафизического истолкования Целого и принять целостность мира как *актуальную бесконечность*, характеризующую через бесконечность и одновременную завершенность, то основа понимания онтологического содержания трансцендентного будет выводиться из соединения в человеке конечного и бесконечного. Трансценденция, таким образом, является отрицанием конечности человека, выходом за пределы самого себя, реализацией актуальной бесконечности в наличном бытии. Трансцендентное же предстает как превосхождение тех возможностей, которые определяются сферой наличного существования человека.

В итоге, суммируя выделение сферы возможности и исходя из понимания трансцендентного как обращенности человека к этой сфере, в качестве предположения выскажем следующее. Вера может пониматься как признание возможным (подчеркнем – реально-возможным в противовес формальным или абсурдным возможностям) того, что по своей природе выходит за пределы как актуально (наличным образом), так и потенциально данного. При этом следует различать «потенциально данное» и потенциальную бесконечность мира, потенциально данное всегда привязано к определенному срезу реальности, к определенному пространственно-временному «здесь и теперь». В акте веры определенные возможности не просто выделяются из широчайшего спектра «Возможно все!», но и становятся референтами «я» человека, именно с этими возможностями он соотносит то «Свое», что коренится в его внутреннем мире.

Итак, в онтологическом плане содержание понятия трансцендентного в общем виде может быть понято как обращенность к сфере целостной мировой реальности. Эта сфера превосходит доступные человеку уровни реальности, но существует она не в качестве какой-то бытийственной исключительности и замкнутости, а *проникает* сквозь различные уровни реальности бытия, оставаясь тем не менее сферой «безусловно Другого», в том смысле, что не сводима к тем структурам бытия, в которых имманентно присутствует, – в этом смысле можно говорить о сверх-структурности трансцендентного. Подчеркнем, что онтологическое содержание

трансцендентного в данном случае понимается не как сама по себе мировая реальность – тогда возникло бы смешение понятий «мир» и «трансцендентное», но *направленность* на целостность мира.

В какой же форме осуществляется трансценденция? Необходимо пояснить, что нас не интересуют все возможные формы трансценденции, но только те формы, которые имеют прямое отношение к вере. Принимая, что трансценденция выступает одной из форм отношения «Человек – Мир», которое захватывает *всего* человека, а не только его рациональное мышление, следует признать именно *ощущение* основной формой трансценденции.

Таким образом, принципиальным при рассмотрении содержания трансцендентного представляется принцип «видения» трансцендентного определенным *субъектом*. Как отмечалось выше, «трансцендентного вообще», как отдельной, самостоятельно существующей сферы бытия нет, есть «трансцендентное для кого-то». Рассмотрение феномена нерелигиозной веры возможно только при однозначном истолковании субъекта трансцендентного как земного человека, причем человека современного. Вряд ли возможно говорить о нерелигиозной вере как проявлении трансцендентного в отношении представителя архаического (мифического мировоззрения) или же в отношении представителя средневековья (для которого характерно религиозное понимание трансценденности).

Таким образом, сфера трансцендентного не существует как некая абсолютная реальность, но предстает как часть единой мировой целостности, выходящая за пределы наличного бытия конкретного человека, его «здесь и сейчас». Трансцендентное оказывается субъективным в том смысле, что для определенного человека существует свое видение, своя связь с трансцендентным, обусловленная внутренним бытием личности. Трансцендентный характер веры тем самым понимается как связь имманентного и трансцендентного во внутреннем бытии человека, в разрывании и осуществлении его энергетических потенциалов.

В целом же рассмотрение веры в ее онтологическом аспекте требует учитывать необходимость проведения различия между 1) функциональностью веры как акта принятия и полагания реальности, и 2) содержанием верований, которые включены в картину мира и которые характеризуются теми чертами, которые обеспечивают видение целостности бытия. Вера предстает как способность человека выбирать и принимать в качестве реального (очевидного) те или иные возможности, выходящие за пределы наличного бытия субъекта веры (трансцендентные ему).

Литература

1. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Изд-во полит. лит., 1991. – 527 с.
2. Декарт, Р. Собрание сочинений: в 2-х т. / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – 654 с.
3. Шюц, А. Избранное: мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
4. Хоружий, С. С. Человек и его три дальних удела / С. С. Хоружий // Вопросы философии. – 2003. – № 1.
5. Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон. – М.: Прогресс, 1988. – 464 с.

Информация об авторе:

Шафоростов Александр Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Иркутский государственный технический университет, 8(3952)-40-51-87, ashafor@rambler.ru.

Shafarostov Aleksander Ivanovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Department of History and Philosophy of Irkutsk State Technical University.

ХИМИЯ

УДК 544.228

ВЛИЯНИЕ ТЕМПЕРАТУРЫ ПРОЦЕССА ВОССТАНОВЛЕНИЯ КАРБОНАТА НИКЕЛЯ НА ХАРАКТЕРИСТИКИ УЛЬТРАДИСПЕРСНОГО НИКЕЛЯ

Е. И. Казакин, П. В. Лапсина, В. Г. Додонов, В. М. Пугачев

THE INFLUENCE OF THE TEMPERATURE OF NICKEL CARBONATE REDUCTION PROCESS ON THE CHARACTERISTICS OF ULTRADISPERSE NICKEL

E. I. Kagakin, P. V. Lapsina, V. G. Dodonov, V. M. Pugachev

Исследование выполнено в Кемеровском государственном университете.

Рассмотрен один из химических способов получения ультрадисперсного порошка никеля путем восстановления кристаллической соли карбоната никеля водным раствором гидразина. Изучено влияние температуры на скорость процесса восстановления и формо-размерные характеристики металлического никеля.

One of the chemical methods of receiving an ultradisperse powder of nickel by reduction of crystal salt of nickel carbonate with hydrazine water solution is considered in the paper. The influence of temperature on the speed of the reduction process and the dimensional characteristics of metal nickel is studied.

Ключевые слова: никель, наночастица, гидразин, восстановление, кристаллическая соль.

Keywords: nickel, nanoparticle, hydrazine, reduction, crystal salt.

Введение

Наночастицы и кластеры металлов – важное состояние конденсированной фазы. Металлические наночастицы занимают промежуточное положение между отдельными атомами и «массивным» металлом. Переход от макрообъектов к наноразмерным частицам приводит к качественным изменениям в их физико-химических свойствах, в частности, их реакционной способности. Наночастицы металлов являются системами, обладающими избыточной энергией и высокой химической активностью. И благодаря ряду особенностей, связанных с их размерами и внутренним строением, они обладают уникальным сочетанием электрических, магнитных, оптических, каталитических и других свойств, не характерных для «массивных» металлов.

Разработанные к настоящему времени методы получения ультрадисперсных материалов весьма разнообразны. Однако химические методы получения наноматериалов, сочетающие в себе подходы неорганического, металлоорганического и органического синтеза с процессами гетерогенного фазообразования в коллоидных системах, располагают большим числом возможностей для контроля над формо-размерными характеристиками, структурой, составом, процессами самоорганизации, а также физическими свойствами получаемых наночастиц.

Основополагающим принципом химического синтеза наночастиц является инициация химической реакции с последующим контролем над процессами нуклеации и роста получаемого продукта.

Наиболее широко химическое восстановление распространено в жидкой фазе, в водных и неводных средах. В качестве соединений металлов обычно используют их соли, в качестве восстановителей – гидразин,

алюмогидриды, борогидриды, гипохлориты, формальдегид, соли щавелевой и винной кислот.

Широкое распространение метода связано с его простотой и доступностью. Химическое восстановление является многофакторным процессом. Оно зависит от подбора пары окислитель-восстановитель и их концентрации. Также существенное влияние на процесс оказывают температура, pH среды, диффузионные и сорбционные характеристики.

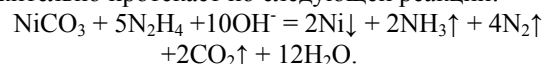
До настоящего времени химические способы получения наночастиц металлов ограничивались восстановлением водорастворимых солей. Установление возможности получения наночастиц металлов, минуя стадию растворения, открывает новые возможности в химии и технологии металлических наноструктур (учитывая тот факт, что номенклатура водонерастворимых соединений металлов, особенно природного происхождения, значительно шире, чем водорастворимых).

Большой интерес представляет получение наночастиц переходных металлов, в частности, никеля из малорастворимых или практически нерастворимых фаз. Перед ним открываются широкие перспективы использования в катализе, электронике, информатике и т. д.

Экспериментальная часть

Ультродисперсный металлический порошок никеля получали восстановлением кристаллического карбоната никеля 3 %-ным раствором гидразингидрата, взятого в избытке.

Восстановление кристаллического карбоната предположительно протекает по следующей реакции:

Синтез проводили при нагревании в диапазоне температур от 30°C до 95°C. Полученные металлические

порошки промывали декантацией дистиллированной водой, сушили при комнатной температуре и хранили в герметичных полиэтиленовых пакетиках.

Фазовый состав и структуру полученных образцов исследовали методами малоугловой и широкоугловой рентгенографии. На установке КРМ-1 «на просвет» в железном характеристическом излучении ($\lambda_{Fe} = 1.973 \text{ \AA}$) были получены кривые интенсивности малоуглового рассеяния. Профили дифракционных пиков никеля получены на дифрактометре ДРОН-2.0 в медном излучении ($Cu K\alpha$, Ni-фильтр, $\lambda_{K\alpha} = 1.5418 \text{ \AA}$). Измерение проводили путем подсчета импульсов в отдельных точках. Полученные экспериментальные данные были нормированы на интенсивность падающего пучка с поправкой на коллимационные искажения. По кривым малоуглового рассеяния были рассчитаны массовые функции распределения неоднородностей по размерам в приближении однородных сфер. Для обработки данных широкоугловой и малоугловой рентгенографии использовалось программное обеспечение, разработанное авторами [1, с.102; 2, с.153].

В центре коллективного пользования кемеровского научного центра СОРАН методом растровой электронной микроскопии (РЭМ) на сканирующем микроскопе JEOL JSM6390 SEM получена информация о строении поверхности частиц никеля, формах и размерах агломератов.

Удельную поверхность дисперсных порошков определяли на анализаторе «Сорбтометр-М» методом Брунауэра-Эммета-Тейлора (БЭТ). Сущность метода заключается в определении объема газа сначала предварительно адсорбированного на поверхности анализируемых образцов из потока газовой смеси (азотно-гелиевой) при температуре жидкого азота, затем десорбированного с поверхности при повышении температуры [3].

Результаты и обсуждение

Установлено, что скорость процесса восстановления кристаллического карбоната никеля до металлического никеля в значительной степени зависит от температуры. При температуре 30°C восстановление кристаллической соли протекает чрезвычайно медленно (в течение нескольких суток). Повышение температуры до 95° приводит к резкому повышению скорости процесса, и в этом случае время полного восстановления составляет около 40 мин.

Также было установлено, что температура оказывает влияние и на формомерные характеристики ультрадисперсного никеля, полученного из кристаллической соли. Согласно результатам рентгенофазового анализа (РФА), все образцы, полученные при различных температурах, представляют собой рентгенографически чистый никель. По данным растровой электронной микроскопии, частицы никеля представляют собой сложные агломераты, преимущественно сферической формы с диаметром от 0,5 мкм до 10 мкм и более, состоящие из «выпуклых» структур нанометрового размера. Повышение температуры от 30°C до 95°C приводит к уменьшению размера частиц металлического никеля примерно в 20 раз (рис. 1). Рентгенофлуоресцентный анализ (РФЛА) показал высокую чистоту ультрадисперсных порошков, однако было обнаружено наличие примеси кислорода (0,7 – 2,5 масс. %), очевидно, адсорбированного на поверхности частиц, т. к. все эксперименты проводились на воздухе. При повышении температуры с 60°C до 95°C наблюдается увеличение площади удельной поверхности, определенной методом БЭТ, примерно в 3 раза (с 0,422 до $1,391 \text{ м}^2/\text{г}$), что согласуется с данными по РЭМ.

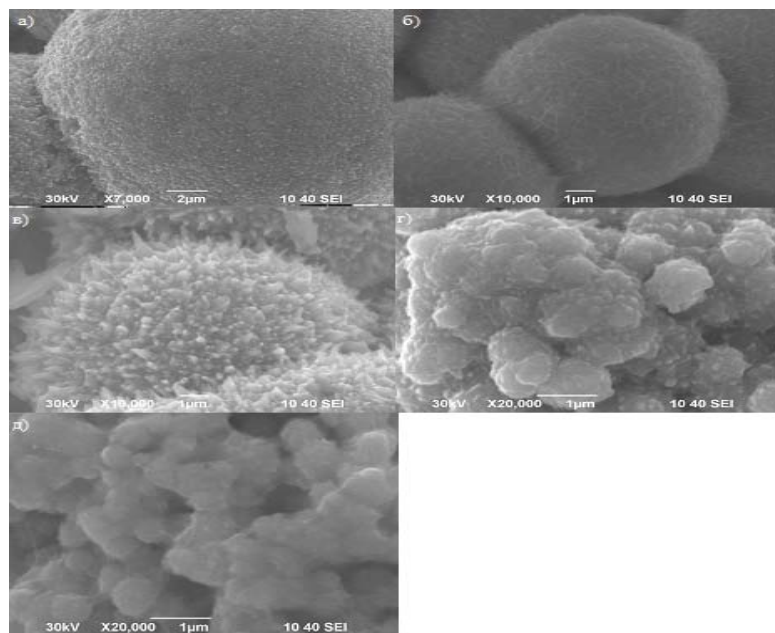

Рис. 1. Растровые электронные микрофотографии металлических частиц никеля, полученных при различных температурах: а) 30°C ; б) 40°C ; в) 60°C ; г) 80°C ; д) 95°C

Полученные по кривым интенсивности МУР массовые функции распределения для порошков никеля, синтезированных при различных температурах, имеют би-

модальное распределение (рис. 2). Первый максимум (рис. 2б), предположительно соответствующий отдельным нанокристаллитам, с повышением температуры

становится уже и явно смещается в сторону меньших размеров, при этом средний размер нанокристаллитов уменьшается ориентировочно в 2.5 раза. Второй максимум более широкий и пологий, находящийся в области 150 – 700 нм, вероятнее всего, имеет агрегационную

природу и характеризует размеры агломератов. При повышении температуры также наблюдается смещение второго максимума в сторону меньших размеров, хотя и незначительное (рис. 2а).

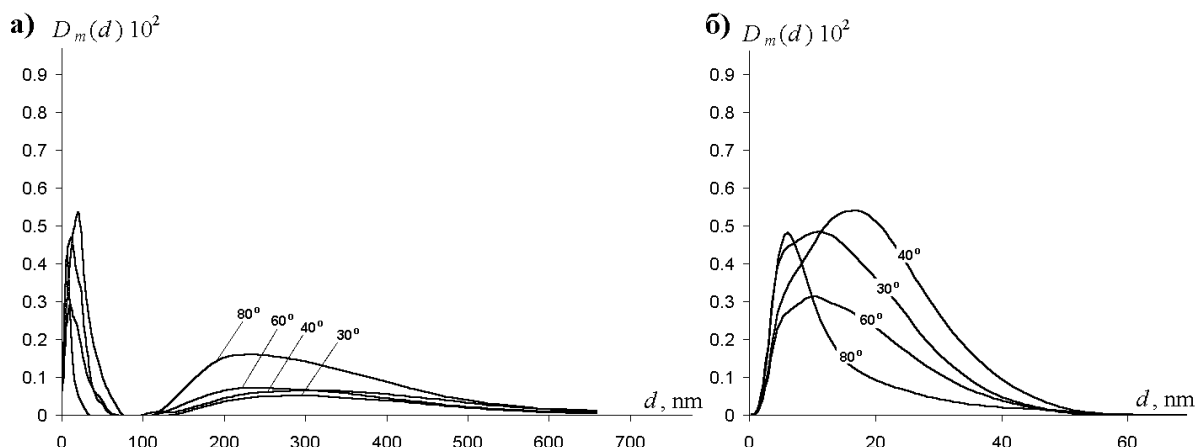

Рис. 2. Массовые функции распределения металлических частиц никеля по размерам, полученных при разных температурах: а) общий вид функции распределения для образцов; б) частный вид функции распределения этих же образцов в области малых размеров, характеризующий отдельные кристаллиты

Морфология частиц никеля, полученных при восстановлении водных растворов солей никеля (в частности хлоридов) гидразингидратом описывается в рамках трехуровневой (по размерам частиц) модели [4, с.137 – 140]. Сопоставляя результаты МУР и РЭМ, можно предположить, что данная модель может быть применима и к частицам никеля, полученным из кристаллической соли при различных температурах. Фракция 7-18 нм (рис. 2) составлена из нанокристаллитов, которые слагаются в агрегаты 150 – 700 нм (I уровня). Эти агрегаты, в свою очередь, могут блокироваться в более крупные ассоциаты (II уровня) преимущественно сферической формы. А образцы, полученные при более низких температурах, вероятнее всего, могут быть описаны в рамках четырехуровневой модели с образованием рыхлых агломератов III уровня, имеющих микронные размеры. Однако для окончательных и

достоверных выводов необходимо провести дополнительные исследования по изучению поверхности образцов, определению пористости и сопоставить данные, полученные разными методами.

Заключение

Показано влияние температуры процесса восстановления кристаллической соли на характеристики ультрадисперсного никеля. Установлено, что скорость процесса восстановления, а также формо-размерные характеристики зависят от температуры. При увеличении температуры от 30°C до 95°C скорость восстановления сокращается от нескольких суток до 40 мин, при этом наблюдается заметное уменьшение размера частиц никеля (как нанокристаллитов, так и агломератов). Также наблюдается увеличение площади удельной поверхности с повышением температуры.

Литература

1. Dodonov, V. G. The improved method of particle size distribution analysis from the small-angle X-ray scattering data / V. G. Dodonov // Z. Kristallogr. Suppl. issue. – 1991. – № 4.
2. Додонов, В. Г. Использование ненулевых дифракционных рефлексов для анализа дисперсности продуктов твердофазных реакций / В. Г. Додонов, В. М. Пугачев // VI Международная конференция «Радиационные гетерогенные процессы»: тез. докл. – Кемерово, 1995. – Т. 2.
3. ГОСТ 23401-90. Порошки металлические. Катализаторы и носители. Определение удельной поверхности.
4. Захаров, Ю. А. Получение наноразмерных порошков никеля и кобальта для современной промышленности / Ю. А. Захаров, Р. П. Колмыков // Ползуновский вестник. – 2008. – № 3.

Информация об авторах:

Казакин Евгений Иванович – доктор химических наук, профессор кафедры физической химии, КемГУ, kei.htf@kuzstu.ru.

Kagakin Evgeniy Ivanovich – Doctor of Chemistry, Professor at the Department of Physical Chemistry of KemSU.

Лапсина Полина Валентиновна – аспирант кафедры физической химии, КемГУ, 8-923-608-02-71, LPV110185@rambler.ru.

Lapsina Polina Valentinovna – post-graduate student at the Department of Physical Chemistry of KemSU.

Додонов Вадим Георгиевич – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры химии твердого тела, КемГУ, 233191@mail.ru.

Dodonov Vadim Georgievich – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor at the Department of Chemistry of Solids of KemSU.

Пугачев Валерий Михайлович – кандидат химических наук, доцент кафедры химии твердого тела, КемГУ.

Pugachev Valeriy Mikhailovich – Candidate of Chemistry, Associate Professor at the Department of Chemistry of Solids of KemSU.

УДК 544.228

ПОЛУЧЕНИЕ УЛЬТРАДИСПЕРСНОГО КОБАЛЬТА ВОССТАНОВЛЕНИЕМ КРИСТАЛЛИЧЕСКОГО КАРБОНАТА КОБАЛЬТА

П. В. Лапсина, В. Г. Додонов, В. М. Пугачев, Е. И. Казакин

RECEIVING ULTRADISPERSE COBALT BY REDUCTION OF CRYSTAL COBALT CARBONATE

P. V. Lapsina, V. G. Dodonov, V. M. Pugachev, E. I. Kagakin

Исследование выполнено в Кемеровском государственном университете.

Рассмотрен один из химических способов получения ультрадисперсного порошка кобальта путем восстановления кристаллической соли карбоната кобальта водным раствором гидразина. Получены частицы различных размеров и форм. Исследованы температурные и концентрационные факторы, влияющие на форморазмерные характеристики металлического кобальта.

One of the chemical methods of receiving an ultradisperse powder of cobalt by reduction of crystal salt of cobalt carbonate with hydrazine water solution is considered in the paper. Particles of the various sizes and forms have been received. The temperature and concentration factors influencing dimensional characteristics of metal cobalt are studied.

Ключевые слова: кобальт, наночастица, восстановление, гидразин, кристаллическая соль.

Keywords: cobalt, nanoparticle, reduction, hydrazine, crystal salt.

Введение

Получение и исследование свойств наноразмерных порошков различных металлов является перспективным направлением в современной науке и материаловедении. Это связано с тем, что ультрадисперсные порошки металлов зачастую характеризуются новыми свойствами (каталитическими, магнитными, механическими, электрическими и др.), нехарактерными для массивных металлов [2].

Благодаря своим уникальным свойствам, нанопорошки металлов нашли широкое применение во многих отраслях: в катализе, электронике, медицине, машиностроении, химической и нефтяной промышленности, космической и авиационной технике. В настоящее время сферы применения ультрадисперсных материалов, в частности, и металлических нанопорошков, продолжают расширяться. Основные области использования конкретных материалов обуславливаются особенностями их свойств, в свою очередь, определяемых высокой дисперсностью, составом и структурой [3].

К настоящему времени разработаны многочисленные методы получения наноразмерных металлов. Однако перспективными являются химические методы получения. Несмотря на многостадийность, данный класс методов характеризуется технологической простотой и экономичностью, а также способностью регулирования процесса на каждой стадии путем изменения условий синтеза (в частности, температуры, pH, концентраций реагентов и т. п.) с целью получения конечного продукта заданного фазового состава, дисперсности и морфологии.

Наноразмерные порошки кобальта могут быть получены путем осаждения гидроксида кобальта из вод-

ного раствора соли кобальта щелочью с последующим восстановлением водородом при нагревании. Недостатком этого метода является многостадийность процесса, и как результат этого – неоднородность частиц по размерам. А также такой метод требует соблюдения техники безопасности при работе с взрывоопасными веществами (водородом).

Нанопорошки кобальта можно получить при восстановлении водных растворов солей кобальта водным раствором боргидрида калия (KBH_4). Однако и этот способ не позволяет производительно вести процесс и в широких пределах варьировать размеры частиц, например получать частицы размером более 50 нм. К тому же сопутствующие соли примеси, не удаляемые в процессе получения, могут загрязнять конечный продукт или переходить в промывные воды, создавая сложности в экологическом плане.

Также известен еще один химический способ получения нанопорошка кобальта, заключающийся в том, что из растворов хлоридов металлов получают промежуточные соли галоидов и далее производят разложение этих солей в закрытом реакторе в среде аргона при абсолютном давлении 2 атм. и температуре $\sim 600^\circ\text{C}$. Промежуточными солями могут быть, например, фторид кобальта двойного аммония $(\text{NH}_4)_2\text{CoF}_4$. После разложения соли и термохимического восстановления реактор опорожняют и заполняют новой порцией аргона с целью предупреждения протекания обратных реакций в процессе охлаждения. Порошок получается слабоагломерированным. Частицы полученных порошков имеют неправильную форму размером 2 мкм и более. Однако указанный способ не позволяет получать ультрадисперсные порошки ввиду того, что при термохимическом восстановлении при высоких температурах

(~ 600°C) одновременно с образованием частиц протекает процесс спекания последних, требует специального оборудования. Кроме того, использование в процессе фторидов требует специальных мер безопасности и создает определенные проблемы в экологическом плане.

Данная работа посвящена разработке химического метода получения металлического кобальта путем восстановления кристаллического карбоната кобальта. Данный способ безопасен и прост в использовании, т. к. не требует использования специального дорогостоящего оборудования и реактивов.

Экспериментальная часть

Наноразмерный металлический кобальт получали восстановлением кристаллического карбоната кобальта с добавлением водного раствора хлорида кобальта. Мольное соотношение количеств добавляемой соли хлорида кобальта к исходной кристаллической соли карбоната составило 10^{-4} . В качестве восстановителя использовали водный раствор гидразин-гидрата, взятого в сверхстехиометричном соотношении по сравнению к исходной соли. В процессе синтеза варьировалась концентрация восстановителя, температура. Концентрация гидразина в водном растворе изменялась в интервале от 7 % до 64 %, при мольном отношении гидразина к карбонату кобальта от 7.8 до 71.4. Температурный диапазон изменялся в интервале 60 – 95°C.

Полученный металлический порошок кобальта промывали дистиллированной водой путем декантации, сушили и хранили в полиэтиленовых пакетиках.

Металлический кобальт, полученный таким способом, представляет собой нанодисперсный порошок от серого до черно-серого цвета, имеющий характерный металлический блеск, с содержанием кобальта ≥ 90 масс. %, остальная доля приходится на кислород, по-видимому, адсорбированный на поверхности частиц в процессе подготовки образцов. Выход продукта составляет более 80 %.

Информация о рельефе поверхности, размерах и форме агломератов получена при помощи растровой

электронной микроскопии на сканирующем электронном микроскопе JEOL JSM6390 SEM с приставкой для микроанализа JED 2300 в центре коллективного пользования Кемеровского научного центра СОРАН.

Фазовый состав и нанокристаллическую структуру образцов исследовали на кафедре ХТТ КемГУ методами малоугловой и широкоугловой рентгенографии. Кривые интенсивности малоуглового рассеяния рентгеновских лучей выполнены на установке КРМ–1 в железном характеристическом излучении. Измерения выполнены при одинаковой (в пределах 5 %) интенсивности первичного пучка рентгеновского излучения. По кривым малоуглового рассеяния рассчитаны функции распределения частиц по размерам $D_m(d)$ в приближении однородных сфер. Профили дифракционных пиков кобальта получены на дифрактометре ДРОН–3.0 в железном излучении. Для обработки данных (учет инструментальных искажений, расчет функций распределения, интегральных параметров и удельных поверхностей дисперсной фазы) использовалось программное обеспечение, разработанное авторами [1, с. 153; 4, с. 102].

Результаты и обсуждение

Установлено, что скорость процесса восстановления кристаллического карбоната кобальта гидразин-гидратом в естественной щелочной среде зависит как от температуры, так и от концентрации восстановителя.

При комнатной температуре процесс восстановления до металлического кобальта протекает чрезвычайно медленно (в течение нескольких суток) и неполно. Повышение температуры до 95°C сказывается на эффективности процесса и временном интервале восстановления, который в зависимости от концентрации восстановителя в среднем сокращается до 1 часа.

Согласно результатам сканирующей электронной микроскопии, все исследуемые образцы кобальта, полученные в интервале температур 60° – 95°C, представляют собой сложные агломераты диаметром, в среднем, от 15 до 30 мкм, состоящие из более мелких фрагментов (рис. 1).

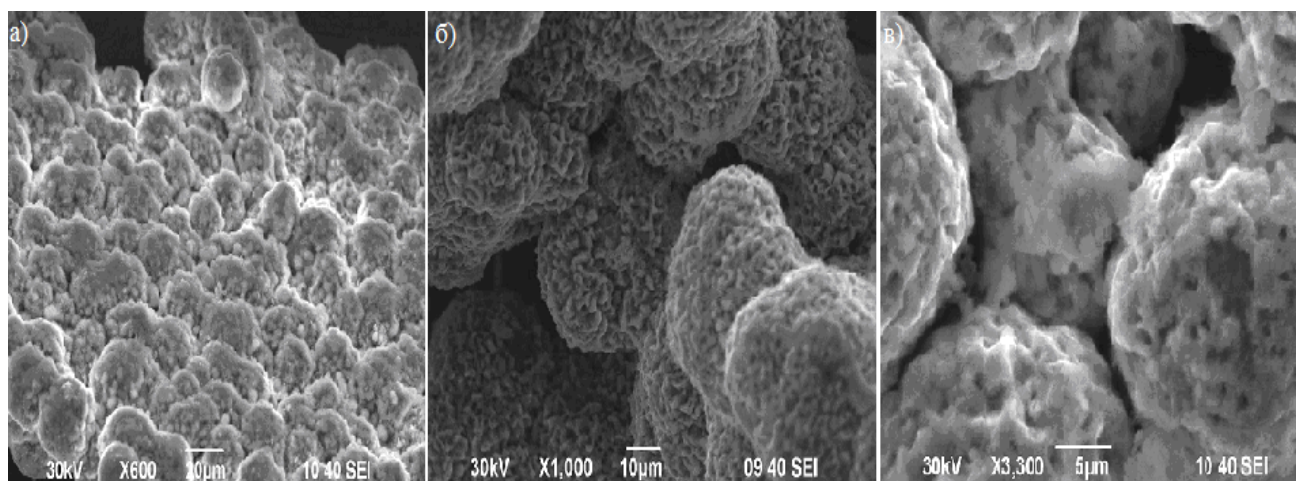

Рис. 1. Растровые электронные микрофотографии металлических частиц кобальта, полученных при различных температурах: а) 60°C; б) 80°C; в) 95°C

Порошки кобальта характеризуются бимодальными функциями распределения, полученными по кривым интенсивности МУР (рис. 2). Средневзвешенный размер

частиц $\langle d \rangle$, рассчитанный по всей функции $D_m(d)$, с ростом температуры уменьшается незначительно – с 674 нм до 658 нм, в то время как средний размер частиц

$\langle d_0 \rangle$, рассчитанный только по первому максимуму функции $D_m(d)$, который предположительно соответствует отдельным нанокристаллитам, в том же ряду явно не изменяется и находится в интервале от 13.6 до 14.8 нм.

Оптимальная концентрация гидразина определена равной 24 %. При этом происходит полное восстановление соли до металлического кобальта. Уменьшение концентрации восстановителя ($< 24\%$) приводит к значительному замедлению процесса образования кобальта и неполному восстановлению исходной соли. Увеличение же концентрации до 64 % не приводит к

значительному увеличению эффективности процесса (как по полноте протекания, так и по скорости). Образцы металлического кобальта, полученного при обработке карбоната кобальта восстановителем различной концентрации, также характеризуются бимодальными функциями распределения неоднородностей по размерам (рис. 3). Максимум в области 0.4 – 0.6 мкм – очевидно агломерационный. Первый асимметричный максимум (4 – 6 нм), вероятно, относится к неоднородностям внутренней структуры агломератов или соответствует отдельным нанокристаллитам.

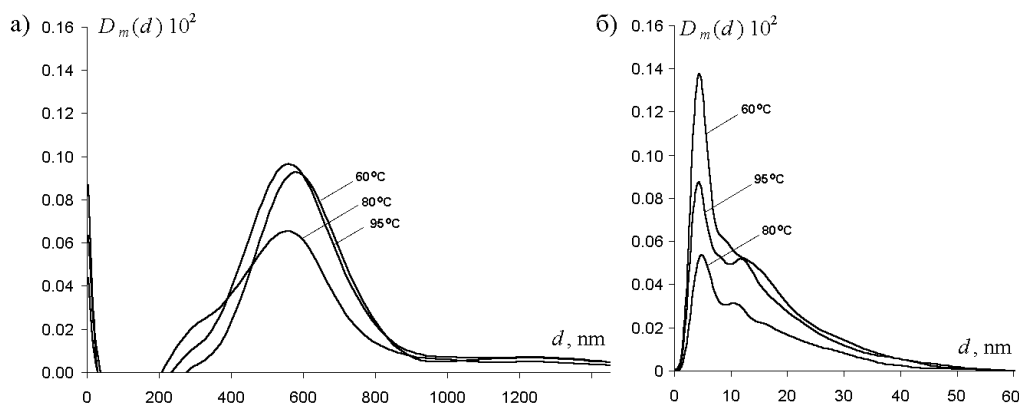

Рис. 2. Массовые функции распределения неоднородностей по размерам для образцов ультрадисперсного кобальта при различных температурах: а) общий вид функции распределения для образцов, полученных при различных температурах; б) частный вид функции распределения этих же образцов в области малых размеров, характеризующий отдельные кристаллиты

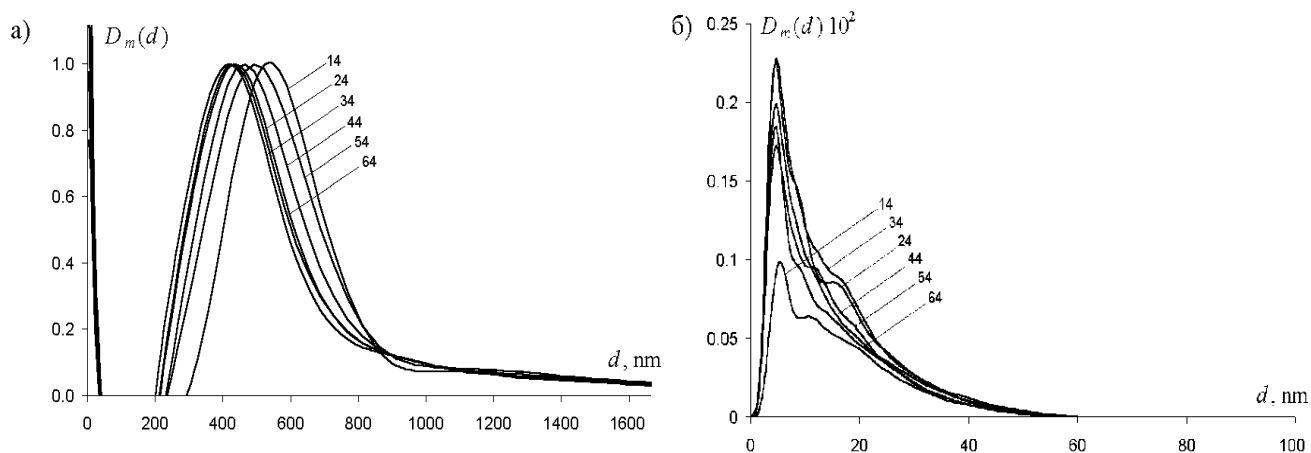

Рис. 3. Массовые функции распределения неоднородностей по размерам для образцов ультрадисперсного в зависимости от концентрации гидразина (%): а) область максимальных размеров неоднородностей; б) область наименьших размеров неоднородностей

Характерные отрицательные участки функций $D_m(d)$ в области до 200 нм являются результатом отклонения хода кривых МУР от асимптотики Порода [5, с. 70 – 73] и позволяют предполагать, что в исследуемых агломератах есть тенденция к снижению плотности по направлению к поверхности (или, что то же самое, уплотнение к центру). Возможно, в данном случае первый максимум функции распределения как раз и обусловлен преимущественно более рыхлой структурой приповерхностной зоны агломератов. Эта приповерхностная область не имеет четкой границы, протяженность ее может быть порядка 100 нм или больше.

Возрастающая зависимость отношения Q/σ от количества N_2H_4 (рис. 4) указывает на некоторое увеличение

доли дисперсной компоненты, «видимой» в МУР. Однако в любом случае все исследуемые образцы могут содержать значительное количество частиц, размеры которых лежат за пределами метода (т. е. гораздо больше, чем 0.5 мкм).

Оценки удельной поверхности раздела фаз, сделанные двумя способами – по интенсивности МУР и по функциям распределения (S_0 и S_0^* соответственно) для всех образцов дисперсного кобальта систематически, причем довольно сильно, различаются (на 40 – 60 %). Причина этого не вполне понятна (рис. 4).

Согласно результатам РФА, исследуемые образцы содержат металлический кобальт в гексагональной модификации (ГП-упаковка). Следует отметить зависи-

мость (хотя и слабо выраженную) профиля дифракционной линии (101) от количества гидразина при практически неизменной (001), что может быть результатом нарушения правильного чередования слоев в двухслойной плотнейшей упаковке (AB) вследствие возможного случайного внедрения слоев типа «С».

Заключение

Реализована методика получения ультрадисперсного порошка кобальта из кристаллического карбоната

кобальта. Определена оптимальная концентрация восстановителя, которая составила 24 %. Согласно результатам РФЛА, содержание кобальта, полученного данным способом, оценивается ≥ 90 масс. %. Установлено, что эффективность процесса восстановления, а также размерные характеристики кобальта зависят как от температуры процесса, так и от концентрации восстановителя.

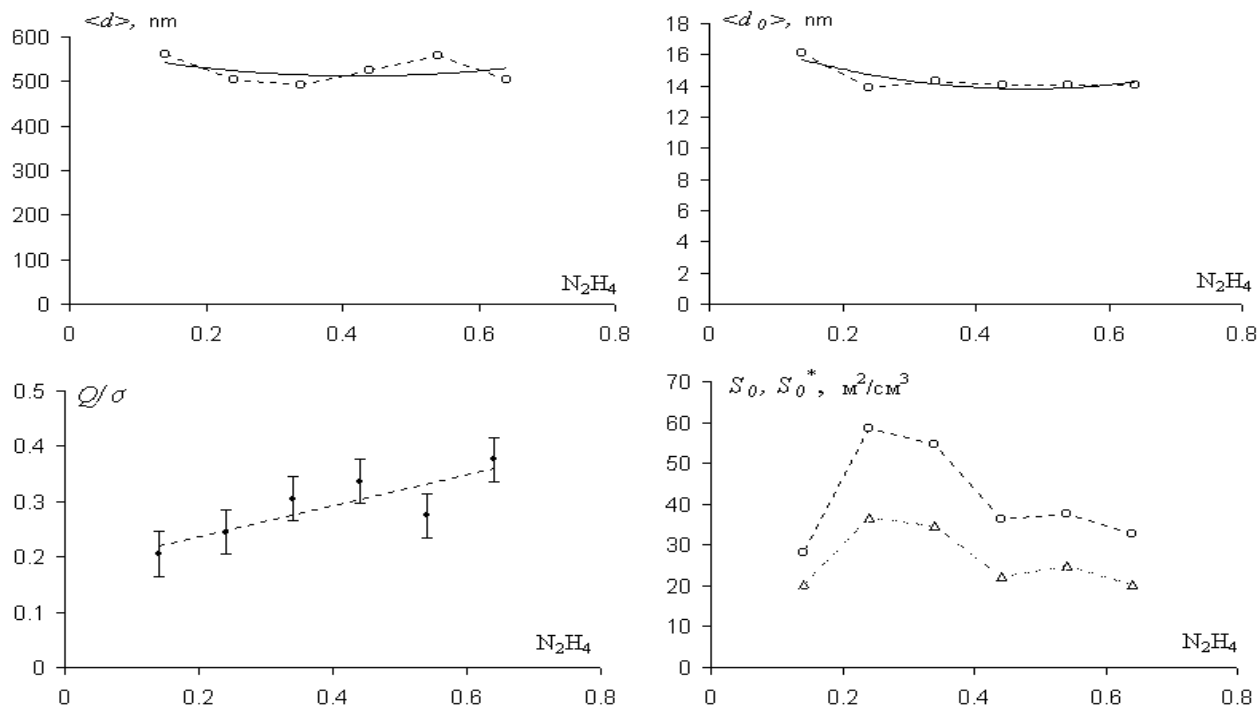

Рис. 4. Некоторые параметры дисперсной структуры, рассчитанные по кривым малоуглового рассеяния и функциям распределения для образцов ультрадисперсного кобальта: d – средневзвешенный размер, рассчитанный по всей кривой $D_m(d)$; d_0 – средневзвешенный размер частиц, рассчитанный по первому максимуму функции $D_m(d)$; Q – интегральная интенсивность малоуглового рассеяния, σ – поверхностная плотность образцов; удельная поверхность (S_0 – (o) по отношению интегральных моментов $I(s)$, S_0^* – (Δ) по отношению моментов функции распределения по размерам)

Литература

1. Додонов, В. Г. Использование ненулевых дифракционных рефлексов для анализа дисперсности продуктов твердофазных реакций / В. Г. Додонов, В. М. Пугачев // VI Международная конференция «Радиационные гетерогенные процессы»: тез. докл. – Кемерово, 1995. – Т. 2.
2. Рыжонков, Д. И. Ультрадисперсные системы: получение, свойства, применение: учебное пособие / Д. И. Рыжонков, В. В. Левина, Э. Л. Дзидзигури. – М.: МИСиС, 2003.
3. Чиганова, Г. А. Физико-химические свойства ультрадисперсных материалов: конспект лекций / Г. А. Чиганова. – Красноярск: ИПК СФУ, 2008.
4. Dodonov, V. G. The improved method of particle size distribution analysis from the small-angle X-ray scattering data / V. G. Dodonov // Z. Kristallogr. Suppl. issue. – 1991. – № 4.
5. Ruland, W. Small-angle scattering of two-phase systems: determination and significance of systematic deviations from Porod's law / W. Ruland // J. Appl. Cryst. – 1971. – V. 4.

Информация об авторах:

Лапсина Полина Валентиновна – аспирант кафедры физической химии, КемГУ, 8-923-608-02-71, LPV110185@rambler.ru.

Lapsina Polina Valentinovna – post-graduate student at the Department of Physical Chemistry of KemSU.

Додонов Вадим Георгиевич – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры химии твердого тела, КемГУ, 233191@mail.ru.

Dodonov Vadim Georgievich – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor at the Department of Chemistry of Solids of KemSU.

Пугачев Валерий Михайлович – кандидат химических наук, доцент кафедры химии твердого тела, КемГУ.

Pugachev Valeriy Mikhailovich – Candidate of Chemistry, Associate Professor at the Department of Chemistry of Solids of KemSU.

Кагакин Евгений Иванович – доктор химических наук, профессор кафедры физической химии, КемГУ, kei.htf@kuzstu.ru.

Kagakin Evgeniy Ivanovich – Doctor of Chemistry, Professor at the Department of Physical Chemistry of KemSU.

УДК 621.582: 536.24

СТАБИЛИЗАЦИЯ КАРКАСА В СЛОЕ ЛЕДЯНЫХ ГРАНУЛ

П. В. Мирошников, В. В. Рагулин, В. И. Полтавцев

STABILIZATION OF THE FRAME IN THE LAYER OF ICE PELLETS

P. V. Miroshnikov, V. V. Ragulin, V. I. Poltavtsev

Круглый ледяной гранулят служит перспективным материалом с широким спектром применения – как высоко-теплоемкий материал с постоянной температурой охлаждения химических реакторов, как средство в медицине и косметике, в пищевой технологии и т. д. Дозированное орошение слоя гранулята водой быстро превращает его в прочный ледяной каркас. В статье отражены результаты экспериментального обоснования выбора математической модели, приведены аналитическое ее решение и расчет минимального объема воды орошения.

Round ice granulate is perspective material in large field of applications – as a high-thermal material for constant temperature's cooling of chemical reactors, as a means in medicine and cosmetics, for a food industry etc. Limited sprinkle a layer of pellets with water quickly convert it into stable ice frame. In the article reflected some results of experimental basing of select of mathematic model, realized it's analytic solution and calculation of minimum quantity of the water for a sprinkle of the granulate.

Ключевые слова: каркас из круглого ледяного гранулята, объем воды орошения, математическая модель процесса.

Keywords: frame of round ice granulate, volume of the sprinkle's water, mathematic model of the process.

Преимущества использования гранулированного льда в строительстве ледовых переправ, льдохолодильников Крылова, льдобунтов и ледяных глыб в энергетике отражены в работе [1, с. 208 – 210]. Создание прочного каркаса из гранулированного льда обусловлено жгутообразованием - сцеплением соприкасающихся гранул при орошении плотно упакованного гранулята водой в дозированном объеме в результате протекающих в нем теплообменных процессов [2, с. 42 – 45]. Предварительная стабилизация каркаса необходима для предотвращения всплытия и нарушения плотной структуры гранулята.

Для стабилизации каркаса (скелета) из гранул достаточно равномерно оросить его небольшим объемом воды (далее именуется как «минимальный объем»), определяемым экспериментально, либо расчетом.

Ниже иллюстрируются фрагменты экспериментального определения минимального объема воды орошения для быстрого создания прочного ледяного каркаса как ступени сравнения минимальных объемов орошения для гранулята и плоской ледяной плиты для обоснования выбора математической модели.

На рис. 1 изображен фрагмент эксперимента по получению (стабилизации) каркаса в слое ледяных гранул в виде композитных блоков при орошении их водой, на рис. 2 – орошение вертикальной «стенки» из гранул в один вертикальный слой («в один кирпич»). Стекающая вода подкрашена черной тушью. На рис. 3 – фрагмент орошения плоской плиты.

Рис. 1. Орошаемый гранулят льда

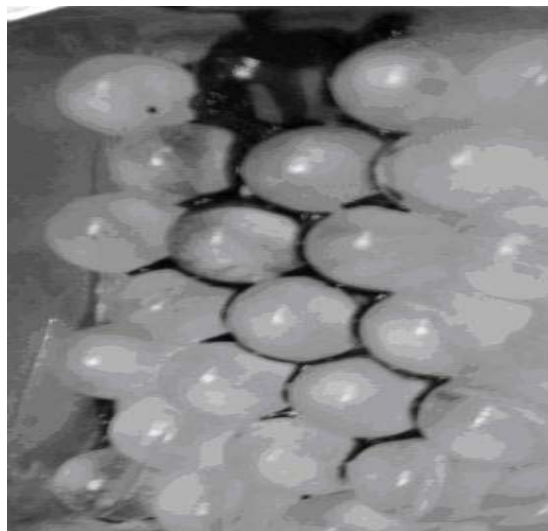

Рис. 2. Орошение вертикальной «стенки» гранул

Поскольку на практике единственный интересующий нас параметр – минимальный объем воды орошения, то многократное сравнительное повторение эксперимента позволило в первом приближении заменить реальный массив плоской вертикальной плитой с высотой, равной высоте слоя гранулята (блока) и толщиной около 70 % диаметра гранул (рис. 3). Итоговое расхождение (уменьшение) значений минимального объема орошающей воды для «стенки» в сравнении с блоком по результатам эксперимента составило 15 – 16 %, а для плоской плиты – не более 26 – 29 %.

Описание теплообменного процесса при орошении гранулята наталкивается на значительные математические трудности: в настоящее время существует лишь весьма узкий круг задач теплопроводности, допускающих аналитическое решение (цилиндр, пластина, шар, стержень и др.) [3]. Поэтому, в качестве первого приближения принята модель плоской пластины (вертикальное сечение гранулята).

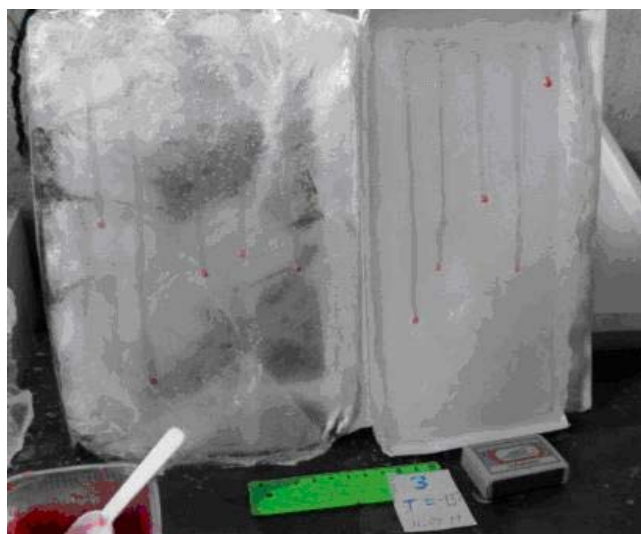

Рис. 3. Орошение плоской плиты

На рис. 4 изображена схема вертикального сечения плиты – пластины Ω (прямоугольник $H \times \delta$) со стекающей по ней водой (по оси ОУ).

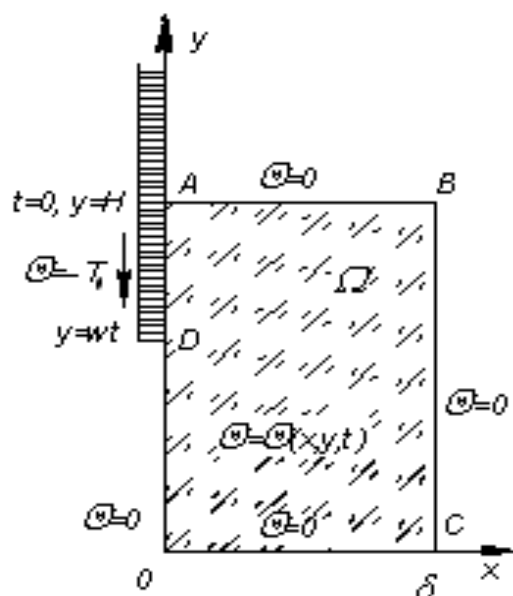

Рис. 4. Схема двухмерной модели. $\equiv$ – вода, /// – лед; $y=H-wt$ – координата фронта стекающей воды (точка D); $y=H$ – верхняя (при $t=0$) и $y=0$ – нижняя точки смачивания льда водой, t – время

Экспериментальное обоснование позволило математически смоделировать происходящий теплообменный процесс в следующем виде.

Пусть $T(x,y,t)$ – температурное поле в пластине, T_0 – температура среды (и начальная температура льда). Для удобства записи граничных условий введено обозначение:

$$T(x, y, t) = \theta(x, y, t) + T_0. \quad (1)$$

С допущением постоянства скорости движения фронта воды w решается следующая начально-краевая задача (задача Коши):

$$\frac{\partial \theta}{\partial t} = a \left(\frac{\partial^2 \theta}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 \theta}{\partial y^2} \right), \quad (2)$$

$$(t > 0; 0 \leq x \leq \delta; 0 \leq y \leq H),$$

где начальное условие

$$\theta(x, y, 0) = f(x, y) = 0 \quad (3)$$

и граничные условия:

$$\theta(0, y, t) = \varphi(y, t) - T_0; \quad (4)$$

$$\theta(x, 0, t) = 0; \theta(x, H, t) = 0. \quad (5)$$

Здесь $\varphi(y, t)$ – кусочно-постоянная функция,

$$\varphi(y, t) = \begin{cases} -T_0, & H-wt < y < H \\ 0, & 0 < y < H-wt \end{cases}. \quad (6)$$

При условии постоянства коэффициентов теплоемкости и теплопроводности и плотности льда задача (2) – (6) решается аналитически путем совместного применения конечного синус – преобразования Фурье и формулы обращения [3], в которых учтено кусочное постоянство функции (6).

В результате для температурного поля в двумерной пластине получим выражение:

$$\begin{aligned} \theta(x, y, t) &= -\frac{4T_0}{\delta H} \sum_{m=1}^{\infty} \sum_{n=1}^{\infty} e^{-a\sigma t} \sin \frac{m\pi x}{\delta} \sin \frac{n\pi y}{H} \int_0^t \int_{H-wt}^H e^{a\sigma t} \sin \frac{n\pi y}{H} dy dt = \\ &= -\frac{4T_0 a}{\delta^2} \sum_{m=1}^{\infty} \sum_{n=1}^{\infty} \frac{m}{n} e^{-a\sigma t} \sin \frac{m\pi x}{\delta} \sin \frac{n\pi y}{H} \int_0^t \left[(-1)^n - \cos \left(\frac{n\pi(H-wt)}{H} \right) \right] e^{a\sigma t} dt. \end{aligned} \quad (7)$$

Опуская выкладки по вычислению последнего интеграла в (7) запишем окончательно:

$$\begin{aligned} \theta(x, y, t) &= \frac{4aHT_0}{\delta^2} \sum_{m=1}^{\infty} \sum_{n=1}^{\infty} \frac{(-1)^n m}{n} e^{-a\sigma t} \sin \frac{m\pi x}{\delta} \sin \frac{n\pi y}{H} \times \\ &\times \left\{ H^2 \frac{e^{a\sigma t} \left[a\sigma \cos \left(\frac{n\pi w}{H} t \right) + \frac{n\pi w}{H} \sin \left(\frac{n\pi w}{H} t \right) \right] - a\sigma}{a^2 \sigma^2 H^2 + n^2 \pi^2 w^2} - \frac{e^{a\sigma t} - 1}{a\sigma} \right\}, \end{aligned} \quad (8)$$

$$\text{где } \sigma = a\pi^2 \left(\frac{m^2}{\delta^2} + \frac{n^2}{H^2} \right).$$

Переход к реальным значениям температур осуществляется с помощью соотношения (1).

Зная температурное поле (8) определяем тепловой поток и минимальный объем воды, необходимый для замораживания воды орошения с образованием перемычек сцепления гранул, ледяных жгутов и жесткого каркаса.

Тепловой поток находим из соотношения:

$$\begin{aligned} 1/(\rho c) * q|_{x=0} &= -aT_x|_{x=0} = \frac{4T_0 a^2 H}{\delta^2} \sum_{m=1}^{\infty} \sum_{n=1}^{\infty} \frac{\delta}{n\pi} e^{-a\sigma t} \cos \frac{m\pi x}{\delta} \sin \frac{n\pi y}{H} (-1)^n R|_{x=0} = \\ &= \frac{4T_0 a^2 H}{\delta} \sum_{m=1}^{\infty} \sum_{n=1}^{\infty} \frac{(-1)^n}{n\pi} e^{-a\sigma t} \sin \frac{n\pi y}{H} R, \end{aligned}$$

где

$$R = \frac{e^{a\sigma t} - 1}{a\sigma} - H^2 \frac{e^{a\sigma t} \left(a\sigma \cos \left(\frac{n\pi w}{H} t \right) + \frac{n\pi w}{H} \sin \left(\frac{n\pi w}{H} t \right) \right) - a\sigma}{a^2 \sigma^2 H^2 + n^2 \pi^2 w^2}. \quad (9)$$

Двухмерный поток через левую границу ОА (рис. 4) также найдем из соотношения:

$$\begin{aligned} 1/(\rho c) * Q(t) &= \int_0^H q|_{x=0} dy = \frac{4T_0 a^2 H}{\delta \pi} \sum_{m=1}^{\infty} \sum_{n=1}^{\infty} \frac{(-1)^n}{n} e^{-a\sigma t} \frac{H}{n\pi} (1 - (-1)^n) R = \\ &= \frac{4T_0 a^2 H^2}{\delta \pi^2} \sum_{m=1}^{\infty} \sum_{n=1}^{\infty} \frac{(-1)^n (1 - (-1)^n)}{n^2} e^{-a\sigma t} R = \frac{4T_0 a^2 H^2}{\delta \pi^2} \sum_{m=1}^{\infty} \sum_{n=1}^{\infty} \frac{(-1)^n - 1}{n^2} e^{-a\sigma t} R, \end{aligned}$$

где R определено выражением (9).

Количество тепла (холода) $Q(t_*)$, необходимое для замораживания воды на границе ОА при среднестатистическом $t_* = 1$ с. (время пробега по ней фронта воды в эксперименте 0,7 – 1,0 с.) равно:

$$Q(t_*) = \rho c \int_0^1 Q(t) dt = \frac{4T_o a^2 H^2}{\delta \pi^2} \rho c \sum_{m=1}^{\infty} \sum_{n=1}^{\infty} \frac{(-1)^n - 1}{n^2} \times \\ \times \int_0^1 \left[\frac{1}{a\sigma} - \frac{e^{-a\sigma t}}{a\sigma} - \frac{H^2}{P_n} (a\sigma \cos(\varphi t) + \varphi \sin(\varphi t)) + \frac{H^2}{P_n} a\sigma e^{-a\sigma t} \right] dt.$$

Вычисляя этот интеграл, получим:

$$Q(t_*) = \frac{4T_o a^2 H^2}{\delta \pi^2} \rho c \sum_{m=1}^{\infty} \sum_{n=1}^{\infty} \frac{(-1)^n - 1}{n^2} \left[\frac{1}{a\sigma} + \frac{e^{-a\sigma} - 1}{a^2 \sigma^2} - \frac{H^2}{P_n} \left(\frac{a\sigma \sin \varphi}{\varphi} - \cos \varphi + 1 \right) - \frac{H^2}{P_n} (e^{-a\sigma} - 1) \right] = \\ = \frac{4T_o a^2 H^2}{\delta \pi^2} \rho c \sum_{m=1}^{\infty} \sum_{n=1}^{\infty} \frac{(-1)^n - 1}{n^2} \left[\frac{1}{a\sigma} - \frac{1 - e^{-a\sigma}}{a^2 \sigma^2} - \frac{H^2}{P_n} \left(\frac{a\sigma \sin \varphi}{\varphi} - \cos \varphi + e^{-a\sigma} \right) \right].$$

Тогда минимальный объем воды, необходимый для сцепления гранул в каркас:

$$V_{\min} = \frac{Q(t_*)}{\lambda} = \frac{4T_o a^2 H^2}{\lambda \delta \pi^2} \rho c \sum_{m=1}^{\infty} \sum_{n=1}^{\infty} \frac{(-1)^n - 1}{n^2} \left[\frac{1}{\psi} - \frac{1 - e^{-\psi}}{\psi^2} - \frac{H^2}{P_n} \left(\frac{\psi \sin \varphi}{\varphi} - \cos \varphi + e^{-\psi} \right) \right], \\ P_n = a^2 \sigma^2 H^2 + n^2 \pi^2 w^2, \quad \sigma = \pi^2 \left(\frac{m^2}{\delta^2} + \frac{n^2}{H^2} \right), \quad \varphi = \frac{n \pi w}{H}, \quad \psi = a \sigma.$$

Здесь $V_{\min}$ – минимальный объем воды (м^3) на единицу площади орошаемой поверхности (м^2),

t_* – среднестатистическое время движения фронта воды орошения по оси Oy от $y = H$, до $y = 0$, с. (рис. 4),

w – усредненная его скорость на этом участке, м/с,

H – путь (полный пробег) фронта воды до подложки (высота вертикального жгута) гранулята, м,

a – коэффициент температуропроводности, Дж/кг ,

λ – удельная теплота кристаллизации, Дж/кг ,

δ – толщина плиты, м; $\delta = 70\%$ диаметра гранул,

ρ – плотность льда, кг/м^3 ,

c – теплоемкость льда, Дж/(кг K) .

Составлена вычислительная программа. Числовые входные данные для расчетного примера приняты следующие: $t_* = 1$; $H = 0,1$; $w = 0,1$; $a = 1,33 \cdot 10^{-6}$; $\delta = 0,02$; $\lambda = 334 \cdot 10^3$; $\pi = 3,14$; $e = 2,72$; $\rho = 916$; $c = 2100$; $T_0 = -24$.

Сравнение результатов экспериментального и расчетного объемов воды показало удовлетворительную их сходимость. При температуре льда -24°C для образования прочного ледяного каркаса при равномерном орошении гранулята потребовался объем воды, равный приблизительно 30 % объема межгранульного пространства, то есть около 10 % объема сухого гранулята при его плотной блочной упаковке (рис. 1).

Литература

1. Мирошников, П. В. Ледовый гранулят для речных переправ / П. В. Мирошников, В. В. Рагулин, В. И. Полтавцев // Современные проблемы и инновационные тенденции развития аграрной науки. Сб. докладов Международной научно-практической конференции (г. Якутск, 10 ноября 2010 г.). – Якутск: Сфера, 2010.
2. Мирошников, П. В. Бимерное адиабатическое смерзание сферических гранул льда / П. В. Мирошников, В. И. Полтавцев, В. В. Рагулин // Вестник международной академии холода. – СПб.; М., 2008. – Вып. 4.
3. Лыков, А. В. Теория теплопроводности / А. В. Лыков. – М.: Высш. шк., 1967. – 672 с.

Информация об авторах:

Мирошников Петр Владимирович – старший преподаватель кафедры прикладной механики, КемГСХИ, 8(3842)33-18-01, mir.pvv@mail.ru.

Miroshnikov Peter Vladimirovich – Senior Lecturer at the Department of Applied Mechanics of Kemerovo State Agricultural Institute.

Рагулин Владимир Васильевич – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры дифференциальных уравнений, КемГУ, 8-904-378-16-48, ragulin@ngs.ru.

Ragulin Vladimir Vaciliavich – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor at the Department of Differential Equations of KemSU.

Полтавцев Владимир Иванович – доктор технических наук, профессор кафедры прикладной механики, КемГСХИ, 8-913-402-56-71, determinism@rambler.ru.

Poltavtsev Vladimir Ivanovich – Doctor of Technical Science, Professor at the Department of Applied Mechanics of Kemerovo State Agricultural Institute.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СТРУКТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА ОСТРУЮ ТОКСИЧНОСТЬ ОРГАНИЧЕСКИХ КИСЛОТ И ИХ ПРОИЗВОДНЫХ

О. В. Тиньков, П. Г. Полищук, А. Г. Артеменко, Л. Н. Огнichenко, В. Е. Кузьмин

THE ANALYSIS OF STRUCTURAL FACTORS INFLUENCE ON THE ACUTE TOXICITY OF ORGANIC ACIDS AND THEIR DERIVATIVES

O. V. Tinkov, P. G. Polishchuk, A. G. Artemenko, L. N. Ognichenko, V. E. Kuz'min

Исследование выполнено в Приднестровском государственном университете им. Т.Г. Шевченко.

На сегодняшний день загрязнение окружающей среды является глобальной проблемой. Основным фактором загрязнения нашей планеты являются химические соединения.

Цель исследования состоит в анализе зависимости между структурой и острой токсичностью органических кислот и их производных. Исследовано влияние молекулярной структуры органических кислот на острую токсичность при помощи 2D симплексного представления молекулярной структуры и метода Partial Least Squares. Были получены адекватные QSAR (Количественное соотношение структура-свойство) модели. На основе полученных моделей выявлены структурные фрагменты, повышающие токсичность. Кроме этого, относительное влияние некоторых физико-химических факторов на изменение острой токсичности было оценено на основе QSAR-моделей.

Nowadays the pollution of the environment is a global problem. The main factor of pollution is different chemical compounds.

The aim of the study is to determine the interdependence between the chemical structure and the acute toxicity of organic acids. The investigation of influence of the molecular structure of organic acids on their acute toxicity has been carried out by 2D simplex representation of molecular structure with the help of the method of Partial Least Squares. The quite satisfactory QSAR (Quantitative Structure Activity Relationship) models have been obtained. On the basis of the obtained models the structural fragments raising toxicity are revealed. In addition relative influence of some physical-chemical factors on variation of acute toxicity has been estimated on the base of QSAR models.

Ключевые слова: острая токсичность, органические кислоты и их производные, моделирование.

Keywords: acute toxicity, organic acids and their derivatives, modeling.

Введение

В связи с современными требованиями экологической безопасности перед учёными различных специальностей – химиками, биологами, фармакологами стоит задача разработки биологически активных препаратов, обладающих, наряду с эффективным целевым действием, минимальной опасностью для человека и окружающей среды. Реализация европейского технического регламента «Регистрация, оценка и санкционирование химикатов (Registration, Evaluation and Authorisation of Chemicals – REACH) предусматривает в 2009 – 2018 гг. тестирование токсичности около 30000 химических веществ. Уже сейчас к исключению из оборота представлено около 9 тыс. веществ [4].

Одним из важнейших классов органических соединений являются органические кислоты. Они используются почти во всех видах химических производств. Так, органические кислоты применяются при производстве пластмасс, в текстильной, бумажной, металлургической, фармацевтической, пищевой и косметической отраслях промышленности. Органические кислоты содержатся также в духах, гербицидах, красках, в смазке и моющих средствах.

Создание новых препаратов требует значительных финансовых и временных затрат, проведения множества экспериментов по оценке биологических свойств. Подавляющее большинство синтезированных тестируемых соединений не проявляют активности или их токсичность исключает возможность практического применения. Решение проблемы возможно, если до стадии синтеза будут выявлены молекулярные фрагменты, оказывающие влияние на проявление активности и токсичности. Поэтому актуальными являются ис-

следования на основе методов QSAR (Количественное соотношение структура – свойства).

В связи с этим задачами данной работы являются:

1. Построение математических моделей прогноза острой токсичности при различных способах введения органических кислот;
2. Исследование влияния структурных фрагментов на острую токсичность органических кислот.

Материалы и методы

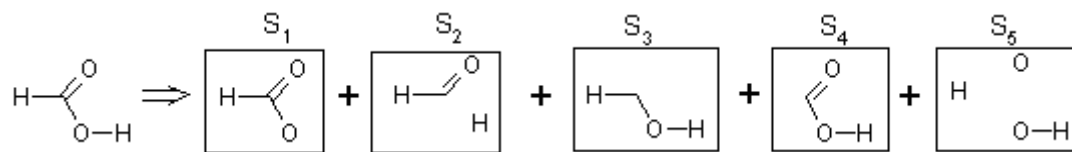
Информация по острой токсичности и химической структуре органических кислот и их производных для построения математических моделей была получена обработкой электронной системы управления базами данных «Toxic v.1.1.5» [9, с. 112 – 118]. В выборки изучаемых соединений входят органические кислоты, их производные, в том числе амиды и нитрилы органических кислот, производные карбаминовой кислоты, мочевины, тиомочевины и др.

Степень токсичности вещества характеризуется величиной токсической дозы – количеством вещества (отнесенным, как правило, к единице массы животного или человека), вызывающим определенный токсический эффект. Чем меньше токсическая доза, тем выше токсичность. Различают среднесмертельные дозы (LD_{50}), абсолютно смертельные (LD_{90-100}), минимально смертельные (LD_{0-10}), среднееффективные (ED_{50}) – вызывающие определенные токсические эффекты, пороговые (PD_{50} , PD_{50}) и др. Цифры в индексе – вероятность в % появления определенного токсического эффекта – смерти, порогового действия и др. В данной работе использовали величину LD_{50} , которая статистически более достоверна по сравнению с другими [3].

Для описания молекулярной структуры были использованы 2D симплексные дескрипторы, расчет ко-

торых реализован в программе «TheorChem» [5, с. 22 – 26]. В рамках симплексного представления молекулярной структуры молекула рассматривается как система различных симплексов – четырехатомных молекуляр-

ных фрагментов фиксированной структуры. Дескриптором в этом случае служит количество симплексов одного вида в соединении:

На 2D уровне атомы (вершины симплекса) дифференцируют не только по природе, «метке» атома, но и с учетом различных физико-химических свойств – парциального заряда на атоме, его липофильности, рефракции, способности выступать донором или акцептором водорода при образовании водородной связи.

В качестве статистического метода получения QSAR-моделей был выбран метод частичных наименьших квадратов (PLS-Partial Least Squares) [13, с. 111 – 125].

Адекватные QSAR-модели, использующиеся для предсказания активности еще не исследованных молекул, должны иметь высокие статистические характеристики. Однако хороший набор статистических характеристик еще не означает, что модель будет обладать высокой предсказывающей способностью. Для оценки такой способности используется метод формирования внешней тестовой выборки (test set – ts). В ходе этой

процедуры часть молекул (20 %) исключается из процесса построения модели, оставшиеся молекулы формируют обучающую выборку (work set – ws). После построения модель используется для прогноза активности соединений тестовой выборки.

Для оценки устойчивости получаемых моделей использовали процедуру скользящего контроля, в ходе которой каждое соединение исключается из выборки и для него предсказывается значение активности.

Подробное описание используемых QSAR-методов приведено в соответствующей литературе [11, с. 127 – 176; 12, с. 2481 – 2488].

Результаты и обсуждение

В ходе исследования был получен ряд адекватных QSAR-моделей при внутрибрюшинном способе введения органических кислот (таблица).

Таблица

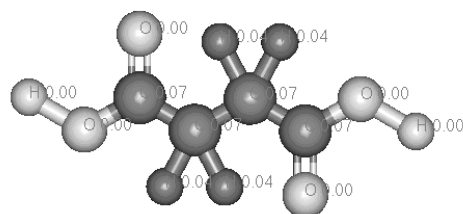
Статистические характеристики QSAR-моделей по острой токсичности

№	Организм	Кол-во молекул в выборке(ws/ts)	Кол-во латентных переменных	R^2	Q^2	R^2_{test}	S_{ws}	S_{cv}	S_{ts}
1	крысы	68(55/13)	3	0,840	0,743	0,762	0,395	0,504	0,447
2	мыши	88(71/17)	3	0,922	0,744	0,684	0,267	0,488	0,489

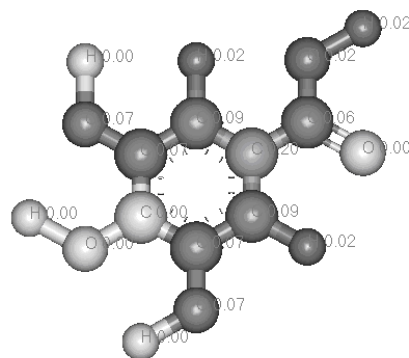
Где R^2 – коэффициент детерминации, Q^2 – коэффициент детерминации, вычисленный в рамках процедуры скользящего контроля, R^2_{test} – коэффициент детерминации для внешней тестовой выборки, S_{ws} – стандартная ошибка предсказания для рабочей выборки, S_{cv} – стандартная ошибка, вычисленная в рамках процедуры скользящего контроля, S_{ts} – стандартная ошибка предсказания для внешней тестовой выборки.

В программном комплексе «TheorChem» на основе полученных математических моделей существует воз-

можность цветового кодирования атомов, положительно или отрицательно влияющих на изучаемое свойство, что позволяет достаточно наглядно представить полученные результаты и визуально определить группы атомов, ответственные за проявление активности. В качестве примера на рис. 1 представлены соединения, для которых при внутрибрюшинном способе введения для мышей наиболее темные фрагменты способствуют понижению токсичности.

Бутандиеновая кислота

3,4,5-триоксибензойная кислота

Рис. 1. Пример описания фрагментов, кодированных цветом

Обобщая указанную выше информацию по полученным моделям, можно выделить фрагменты, определяющие проявление токсичности («токсофоры») и фрагменты, препятствующие проявлению токсичности («антитоксофоры») (рис. 2 и 3). В ходе проведенного анализа фрагменты были сгруппированы по структурным типам. Относительные вклады указанных фрагментов в исследуемую токсичность не приводятся, так как величины вкладов существенно зависят от положения в молекуле и структурного окружения. Приведенная информация позволит проводить предварительную селекцию потенциально опасных соединений.

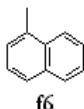
Моногалогенметильные фрагменты:

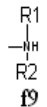
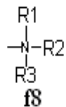
Углеводородные фрагменты:

Ароматические фрагменты:

Амины:

Фрагменты, содержащие гетероатомы:

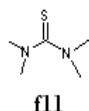
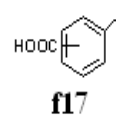
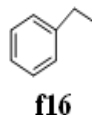

Рис. 2. Структурные фрагменты, повышающие острую токсичность при внутрибрюшинном введении для крыс и мышей. f-порядковый номер фрагмента

Углеводородные фрагменты:

Ароматические фрагменты:

Амины:

Фрагменты, содержащие гетероатомы:

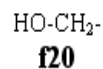
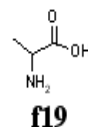

Рис. 3. Структурные фрагменты, понижающие острую токсичность при внутрибрюшинном введении для крыс и мышей. f-порядковый номер фрагмента

Полученные результаты, а именно – высокий вклад в острую токсичность моногалогенметильных фрагментов (f1, f2, f3), согласуются с данными [1], согласно которым монофторуксусная кислота и ее производные крайне токсичны. Ди- и трифторуксусные кислоты имеют более низкий уровень токсичности, чем монофторуксусная кислота. Биологический механизм, при отравлении монофторуксусной кислотой включает в себя “смертельный синтез” фторлимонной кислоты, которая, в свою очередь, блокирует цикл трикарбоновой кислоты, подавляя фермент аконитазу. Потеря энергии в результате остановки цикла Кребса сопровождается клеточной дисфункцией и смертью. Токсичность монофторуксусной кислоты и ее производных может быть связана с раздражающим эффектом, сила которого частично зависит от диссоциации кислоты.

Соединения нафталина, т. е. содержащие фрагмент f6, относятся к веществам, вызывающим первичный

или внутрисосудистый гемолиз, основным проявлением которого является разрушение эритроцитов. Конкретный механизм их действия заключается в первичной блокаде сульфгидрильных групп белков в мембранах эритроцитов. В результате происходят информационные изменения белковых структур мембраны, нарушаются их связи с липидами, вплоть до разрыва. В итоге повреждается оболочка эритроцитов. Как правило, наряду с блокадой SH-групп мембраны блокируются SH-группы молекулы гемоглобина и снижается уровень восстановленного глутатиона, который играет важную роль в поддержании стабильно состояния структуры мембраны эритроцитов [6].

Помимо этого, согласно полученным результатам, наличие циано-группы (f10) в органических кислотах также способствует проявлению токсичности, что связано с ингибирующим действием данных соединений на цепь дыхательных ферментов [7, с. 181 – 187].

Полученные результаты анализа влияния структурных фрагментов на острую токсичность кислот при внутривенном введении кислот для крыс и мышей указывают на высокую токсичность производных тиомочевина, содержащих фрагмент f11. Производные тиомочевина в фармакологии принято относить к анти-тиреоидным средствам. Данные средства ингибируют тиропероксидазу и таким образом препятствуют йодированию тирозиновых остатков тироглобулина и нарушают синтез трийодтиронина (Т3) и тироксин (Т4). Помимо этого, некоторые из производных тиомочевина нарушают превращение Т4 в Т3 на периферии [8]. Нарушение синтеза гормонов Т4 и Т3 приводит к серьезнейшим токсическим эффектам, так как данные гормоны регулируют значительную часть биохимических процессов в организме [10, с. 461 – 462].

На основании проведенного анализа вкладов фрагментов в острую токсичность при моделировании новых соединений, следует избегать присутствия остатков карбаминовой кислоты (фрагмент f12). Наличие карба-

миновой группы в соединениях инициирует проявление антихолинэстеразной активности [6].

В течение многих лет считалось, что карбаматы вызывают обратимое ингибирование холинэстеразы. В дальнейшем было показано, что вещества этого типа реагируют с холинэстеразой подобно фосфорорганическим соединениям — в две стадии с установлением ковалентной связи [2, с. 140].

Также результаты проведенного анализа позволяют предположить, что для органических кислот соединения, содержащие вторичные и третичные амины, более токсичны, чем соединения, содержащие первичные амины, при этом соединения, содержащие пропильную группу, токсичнее по сравнению с соединениями, содержащими изопропильную группу.

Заключение

Проведенные исследования позволили:

- получить ряд адекватных QSAR-моделей на основе 2D-симплексных дескрипторов с привлечением статистического метода обработки информации Partial Least Squares. Данные модели в целом обладают приемлемыми статистическими показателями и предсказывающей способностью;

- на основе полученных QSAR-моделей определить фрагменты, повышающие и понижающие токсичность, что может быть полезным при проведении молекулярного дизайна новых соединений с невысокой степенью токсичности. Для некоторых молекулярных фрагментов, повышающих токсичность, рассмотрены возможные механизмы токсического патогенеза.

Данная работа не претендует на исчерпывающее раскрытие вопроса, было бы целесообразно ее продолжение в направлении расширения выборок изучаемых соединений для построения QSAR моделей с целью выявления важнейших токсифоров.

Литература

1. Безопасный труд в мире: Энциклопедия международной организации труда. [Электронная версия русского издания энциклопедии]. – Режим доступа: <http://www.safework.ru/world/encyclopaedia/> (дата обращения: 29.02.2012).
2. Голиков, С. И. Холинэстеразы и антихолинэстеразные вещества / С. И. Голиков, В. И. Розенгард. – Л.: Медицина, 1964.
3. Елизарова, О. Н. Пособие по токсикологии для лаборантов / О. Н. Елизарова, Л. В. Жидкова, Т. А. Кочеткова. – М.: Медицина, 1974. – 14 с.
4. Кирлан, С. А. Моделирование и прогноз свойств биологически активных гетероциклических соединений на основе связи «структура-активность-токсичность»: автореф. дис. ... д-ра хим. наук / С. А. Кирлан. – Уфа, 2011. – 48 с.
5. Кузьмин, В. Е. Иерархическая система моделей QSAR (1D–4D) на базе симплексного представления молекулярной структуры / В. Е. Кузьмин, А. Г. Артеменко, В. А. Челомбитко и др. // Связь "структура-активность" биологически активных веществ: тр. науч. сем. – Гурзуф, 2002.
6. Курляндский, Б. А. Общая токсикология / Б. А. Курляндский, В. А. Филлов. – М.: Медицина, 2002. – 608 с.
7. Куценко, С. А. Военная токсикология, радиобиология и медицинская защита / С. А. Куценко. – СПб: ФОЛИАНТ, 2004.
8. Майский, В. В. Фармакология: учебное пособие. В 2-х ч. Часть 2 / В. В. Майский. – М.: ГЭОТАР-МЕД, 2003. – 49 с.
9. Тиньков, О. В. Электронная база данных по токсичности органических веществ «Toxic v.1.1.4» / О. В. Тиньков, Л. Н. Огниченко, В. Е. Кузьмин // Сборник докладов международной конференции «Бассейн реки Днестр: «Экологические проблемы и управление трансграничными природными ресурсами». – Тирасполь, 2011.
10. Филиппович, Ю. Б. Основы биохимии / Ю. Б. Филиппович. – М.: Флинта, 1999.
11. Kuz'min, V. E. Virtual screening and molecular design based on hierarchical QSAR technology / V. E. Kuz'min, A. G. Artemenko, E. N. Muratov and // Recent Advances in QSAR Studies. Eds. T. Puzyn, J. Leszczynski, M.T.D. Cronin. – London: Springer, 2010.

12. Polishchuk, P. G. Application of Random Forest Approach to QSAR Prediction of Aquatic Toxicity / P. G. Polishchuk, E. N. Muratov, A. G. Artemenko // J. Chem. Inf. Model. – 2009. – Vol. 49.
13. Rännar, S. A PLS Kernel Algorithm for Data Sets with Many Variables and Fewer objects. Part 1: Theory and Algorithm // Journal of Chemometrics / S. Rannar, F. Lindgren, P. Geladi, S. Wold. – 1994. – Vol. 8.

Информация об авторах:

Тиньков Олег Викторович – аспирант кафедры химии и МПХ, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, (80373)(777) 45829, tinkov84@mail.ru.

Tin'kov Oleg Viktorovich – post-graduate student at the Department of Chemistry and Methods of Teaching Chemistry of Pridnestrovian State University.

Полищук Павел Геннадьевич – кандидат химических наук, научный сотрудник лаборатории теоретической химии, Физико-химический институт им. А. В. Богатского НАН Украины, (8380)48-7662044, pavel_polishchuk@ukr.net.

Polishchuk Pavel Gennadievich – Candidate of Chemistry, researcher at the Laboratory for Theoretical Chemistry of the A. V. Bogatsky Physico-Chemical Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Артемченко Анатолий Григорьевич – кандидат химических наук, научный сотрудник лаборатории теоретической химии Физико-химического института им. А. В. Богатского НАН, Украина, (380)-48-7662044, artanat@ukr.net.

Artemenko Anatoly Grigorievich – Candidate of Chemistry, researcher at the Laboratory for Theoretical Chemistry of the A.V. Bogatsky Physico-Chemical Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Огниченко Людмила Николаевна – кандидат химических наук, научный сотрудник лаборатории теоретической химии, Физико-химический институт им. А. В. Богатского НАН Украины, +(380)-48-7662044, ogni@ukr.net.

Ognichenko Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Chemistry, researcher at the Laboratory for Theoretical Chemistry of the A. V. Bogatsky Physico-Chemical Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Кузьмин Виктор Евгеньевич – доктор химических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Физико-химический институт им. А. В. Богатского НАН Украины, +(380)-48-7662044, victor@farlep.net.

Kuzmin Victor Evgenievich – Doctor of Chemistry, Deputy Director for Science at the A.V. Bogatsky Physico-Chemical Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine.

ЭКОНОМИКА

УДК 330.15

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ РЫНОК» И ЕГО РОЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Д. Г. Вержицкий, С. Н. Часовников

THE FORMATION OF THE TERM 'ECOLOGICAL MARKET', AND ITS ROLE IN THE MODERN CONDITIONS

D. G. Verzhitsky, S. N. Chasovnikov

В статье рассматривается процесс формирования понятия «экологический рынок», основные подходы к его определению, приводится уточненное определение данного понятия. Акцентируется роль экологического рынка в экологизации современной экономики

The article is devoted to the formation of the term 'ecological market'. The major approaches to the definition of the term are analyzed. The term is being clarified. The role of the ecological market in the process of modern economy ecologization is accented.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экологизация экономики, экологическая политика, инструменты экологизации, экологический рынок, сегменты экологического рынка.

Keywords: sustainable development, economy ecologization, ecological policy, ecologization instruments, ecological market, segments of ecological market.

Основой экономического развития человечества на протяжении всего периода его существования являются природные ресурсы. Без их использования невозможны производственные процессы, являющиеся основой экономики любой страны. Увеличение потребления при-

родных ресурсов, которое является необходимым условием технологического прогресса и экономического роста, приводит к двум ключевым последствиям. С одной стороны, оно ведет к истощению запасов природных ресурсов, а с другой – к росту масштабов загрязне-

ний и деградации окружающей среды. Уже сейчас мировое сообщество обеспокоено проблемой истощения основных энергетических ресурсов: нефти, природного газа, угля. Параллельной ей является проблема деградации окружающей среды, вызываемая добычей и использованием природных ресурсов.

Вышеуказанные проблемы приобретают все большую актуальность на фоне факта ежегодного роста мировой экономики. Даже с учетом мирового финансового кризиса, замедлившего развитие мировой экономики (по оценкам МВФ темп прироста мирового ВВП в 2009 году составил – 1,1 %), дальнейший тренд развития мирового хозяйства – положительный. Таким образом, в перспективе проблема экологически устойчивого экономического развития остается актуальной для мирового сообщества в целом.

Понимание глобального противоречия существующей культуры потребления природных ресурсов и экологических возможностей окружающей среды привело к возникновению концепции устойчивого развития. Концепция (отлат. *conceptio* – понимание, система) – определенный способ понимания трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, основная точка зрения на предмет или явление, руководящая идея для их систематического освещения [1]. Таким образом, концепция устойчивого развития является своеобразной «отправной точкой» современных процессов экологизации, определяющей суть и тренды процессов трансформации мировой экономики. Вытекающим из концепции устойчивого развития понятием является термин «экологизация». На сегодняшний день однозначное толкование данного понятия в отечественной и зарубежной науке отсутствует. Дефиниции «экологизации» встречаются в трудах А. Е. Игнатьева, О. А. Веклич, Л. Г. Мельника, О. Ф. Балацкого, Б. В. Ященко. При этом экологизация определяется и как «процесс разрешения возникающих эколого-экономических противоречий взаимодействия общества и природы» [2] и как «процесс совершенствования организационно-экономических отношений, отношений собственности, а также развития производственных сил на экологической основе» [3]. Глоссарий научно-информационного портала ВИНТИ РАН содержит следующее определение: «экологизация – процесс последовательного внедрения идей сохранения природы и устойчивой окружающей среды в сферы законодательства, управления, разработки технологий, экономики, образования и т. д. Он означает не только внедрение ресурсосберегающих технологий, очистных систем, принципа «загрязняющий платит», но прежде всего осознание конечности нашей планеты, суши и океана, экологического пространства и естественной биоты и существование предела антропогенной деформации естественной окружающей среды, за которым наступает экологическая катастрофа и возникает проблема выживания человека как вида» [4].

Таким образом, термин «экологизация» несет в себе следующие ключевые аспекты. С одной стороны, речь идет о сохранении качества природной среды (так называемой экологичности, т. е. способности чего-либо существовать и функционировать, не причиняя или минимизируя негативное влияние на окружающую среду), а с другой – о повышении эффективности использования ресурсов (ресурсоэффективности). Подобный вывод совпадает со взглядами известных авторов работ об

экологическом менеджменте и, в первую очередь, с Г. С. Ферару, который определяет термин «экологизация менеджмента» как «инициативная и результативная деятельность экономических субъектов, направленная на достижение их собственных экологических целей, проектов и программ, разработанных на основе принципов экоэффективности и экосправедливости» [5].

Итак, одной из наиболее актуальных задач экономики государства является экологизация его экономической жизни для обеспечения устойчивого развития. В свою очередь, экологизация подразумевает сохранение, улучшение качества окружающей среды, и вместе с тем повышение ресурсоэффективности экономики. Дефиниция понятия «качество окружающей среды» содержится в ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Согласно этому нормативному источнику, «качество окружающей среды – состояние окружающей среды, которое характеризуется физическими, химическими, биологическими и иными показателями и (или) их совокупностью» [6]. Вместе с тем закон определяет понятие «благоприятная окружающая среда», под такой средой подразумевается «окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов» [6].

Достижение экологизации экономики государства является целью экологической политики. Представляя собой комплекс определенных мер, осуществляемых государством в лице компетентных органов, экологическая политика является сочетанием двух групп методов: административного и рыночного регулирования. С учетом тенденций глобализации, все более актуальными становятся вопросы создания условий для возникновения самоподдерживающейся рыночной системы, способствующей экологизации экономики государств.

Мировое сообщество с 90-х годов XX века пытается создать такие условия, в которых повышение экологичности бизнеса было бы выгодным для субъектов экономики. Формирование рыночного механизма, стимулирующего экологизацию деятельности предприятия, нашло отражение в понятии «экологический рынок». Необходимо отметить тот факт, что в современной экономической науке существуют различные определения указанного понятия. Как явление экологический рынок возник в зарубежных странах. В 90-х годах XX века наблюдался расцвет «инвайронментализма» в странах Европы, США, Японии, при этом в указанных регионах возникали не просто отдельные предприятия, занимающиеся экологическим предпринимательством, а происходило формирование целых отраслей национальной экономики, ориентировавших свою деятельность на производство и внедрение экологических инноваций.

В западных источниках широко используется термин «*environmental market*», что является эквивалентом русскоязычному понятию «экологический рынок». Первые упоминания о внедрении рыночных механизмов в процессы природопользования содержатся в трудах Т. Д. Крокера (США, 1966 г.), и Д. Х. Дэйлза (Канада, 1968 г.) [7, 8]. Оба автора указывали на возможность рыночного оборота прав на использование природных ресурсов, а также прав на выброс загрязняющих веществ. В 1972 году Д. Монтгомери (США) в своем труде доказал экономическую эффективность

предложенных вышеуказанными авторами инструментов эколого-экономического регулирования [9]. Проблема практического внедрения подобных рыночных механизмов была разработана Р. Ханом и Р. Ноллом (США, 1982 г.) [10]. Однако необходимо отметить тот факт, что все указанные авторы в своих трудах рассматривают в основном механизм рыночного распределения квот на выбросы веществ-загрязнителей.

Понимание экологического рынка как системы взаимосвязанных элементов, включающей ряд видов деятельности, способствующих экологизации хозяйственной жизни, сформировалось в 90-х годах XX века и связано с деятельностью международных организаций, таких, как ЮНКТАД, ВТО, ОЭСР. С середины 90-х годов указанные организации в своих статистических изданиях публикуют информацию о размерах «экологического сектора» («environmental sector, environmental industry»). Наиболее общее определение этого понятия дано в 1994 году Европейской комиссией: «экологические отрасли состоят из фирм, производящих товары и услуги, предназначенные для измерения, предотвращения, ограничения или устранения вреда, наносимого окружающей среде, такого, как загрязнение воды, воздуха, почвы, а также для решения проблем отходов и шумового загрязнения. Такие отрасли включают в себя чистые технологии, минимизирующие расход ресурсов и масштабы загрязнений» [11]. Подобным определением пользуются в своей деятельности ОЭСР и Евростат [12]. Министерство международной торговли и производства Японии использует термин «eco-business» и определяет его как «секторы экономики, потенциально способные помочь сокращению экологической напряженности» (1994 г.) [13]. ОЭСР в своем издании «The global environmental goods and services industry» (1995 г.) приводит статистику развития мирового экологического рынка (global environment market), отождествляя его с обращением активов, продуцируемых экологическим сектором [14].

Необходимо отметить тот факт, что к настоящему времени воззрения на сущность экологического рынка и сектора за рубежом не претерпели значительных изменений. Так, рейтинговое агентство Financial Times разработало серию индексов, характеризующих состояние экологического рынка (FTSE Environmental Markets Index Series) при этом, для целей составления индексов под участниками экологического рынка понимаются «компании, производящие продукцию и услуги, способствующие решению экологических проблем, включая экологические технологии, называемые также «чистыми технологиями» [15]. В указанную систему входят 12 индексов, 4 из которых являются региональными, а 8 иллюстрируют состояние отдельных сегментов экологического сектора.

С развитием экологического рынка, появлением новых объектов обращения происходит расширение самой трактовки исследуемого понятия. Так, современные ученые С. Гринхал, С. Уолкер, Б. Ли, Т. Стефенс, Р. Д. Синклар (Новая Зеландия, 2010 г.) трактуют экологический рынок как систему регулятивных и автономных рынков, на которых обращаются блага экологического назначения, включая множественные транзакции прав на выбросы и производных от них финансовых инструментов [16]. При этом авторы определения под регулятивным рынком понимают «рынки, создаваемые и регулируемые государством, служащие

для исполнения государственных функций», а под автономными рынками – «рынки, движимые предпочтениями потребителей, возникающие самостоятельно, без государственного вмешательства» [16]. Особенность указанного подхода заключается во включении в экологический рынок торговли квотами на выбросы веществ-загрязнителей.

Итак, обобщая приведенные выше подходы, можно констатировать факт того, что в зарубежных источниках экологический рынок трактуется прежде всего как сфера обмена продукцией экологического сектора, то есть такой отрасли экономики, которая производит товары и услуги, способствующие сокращению негативного антропогенного влияния на окружающую среду.

В условиях российской экономической реальности трудно говорить о существенных успехах в сфере экологизации. Лишь в последние годы вопросы экологически безопасного экономического развития признаются настолько актуальными, чтобы начать разработку практических механизмов их решения. Результатом этого является относительно неглубокая степень исследования таких вопросов в российской науке. Во многом именно этим фактом обосновывается чрезмерно широкая трактовка понятия «экологический рынок». Ряд авторов под этим термином понимает рынок экологически чистых товаров, произведенных в соответствии с мировыми стандартами охраны окружающей среды. Немногочисленная группа ученых, говоря об экологическом рынке, имеет в виду механизм, обеспечивающий обращение определенной категории экономических благ. Так, по мнению Н. Ф. Реймерса [17], экологический рынок – это подчиненная законам стоимости, спроса и предложения сфера трудового и товарно-денежного обращения, где свободно формируется спрос, предложение и цена на продукцию природоохранного назначения. Кроме того, наряду с термином «экологический рынок», имеет хождение понятие «рынок экологических услуг». В частности, редактор книги «Современные региональные рынки: теория, практика, инновации» А. Н. Маликов указывает на то, что «на рубеже XX и XXI вв. произошло интенсивное становление нового рынка – рынка экологических услуг, включающего в себя экологическое страхование, экологический аудит, торговлю правами на загрязнение и выбросы и т. п.» [18]. Автор серии статей «Предпринимательство и инновации», д-р техн. наук, профессор университета Российской академии образования А. И. Чулок, говоря о формировании экологического рынка, выделяет семь областей, в рамках которых проявляется это явление:

1. «научно-техническая (рынок интеллектуальной продукции в области создания и использования наукоемких и высокотехнологичных, экологически безопасных, малоотходных и безотходных, ресурсосберегающих технологий, производств, а также новых экологических товаров);
2. финансовая (развитие экологических банков, фондов, привлечение инвестиций в экологическую сферу и управление капиталом);
3. учетная (бухгалтерский, финансовый и управленческий экологический учет, отчетность по экологическим показателям);
4. аудиторская (при экологической экспертизе и приватизации предприятий; при экологической паспор-

тизации, сертификации и подготовке соглашений о разделе продукции; экоаудит недропользования и т. д.);

5. страховая (экологическое страхование ответственности предприятий и собственников, владельцев, пользователей - источников повышенной экологической опасности);

6. коммерческая (экологический маркетинг природных ресурсов и экологически чистой продукции; экологическая сертификация, стандартизация и учет);

7. организационно-административная (совершенствование структуры предприятия и оптимизация организационно-экономических методов природопользования)» [19].

Проанализировав вышеуказанные подходы к определению понятия «экологический рынок», можно отметить тот факт, что в зарубежных источниках указанное понятие используется давно (с 90-х годов XX века), причем его содержание частично закреплено в директивах и методических рекомендациях международных организаций, таких, как ОЭСР, Евростат. Вместе с тем в последнее время наметилась тенденция расширения содержания исследуемого понятия, связанная с развитием локальных и глобальных рынков квот на выбросы веществ-загрязнителей. В российской науке вопрос о сущности экологического рынка характеризуется относительно слабой степенью исследования. Одни российские авторы, говоря об экологическом рынке, имеют в виду рынок товаров (Н. Ф. Реймерс), другие трактуют экологический рынок как рынок услуг (А. Н. Маликов), третьи (А. И. Чулок) рассматривают его в наиболее общем ключе, говоря об областях или видах деятельности, которыми охватывается это явление. Все это говорит о слабости теоретического обоснования исследуемого феномена. При этом необходимо учитывать тот факт, что некоторые из указанных точек зрения сформировались достаточно давно (в 90-е годы), когда в российской экономике подобные виды деятельности либо отсутствовали вовсе, либо были настолько неразвиты, что не обладали должной степенью актуальности.

Исходя из вышесказанного, констатируем факт того, что введенное в экономический обиход определение понятия «экологический рынок» нуждается в уточнении.

Говоря об определении экологического рынка, принципиальным является вопрос определения круга объектов обращения. По нашему мнению, объектом обращения на экологическом рынке являются активы природоохранного назначения. При этом под активами природоохранного назначения мы понимаем технологии экологизации (которые являются объектом купли-продажи в виде объектов интеллектуальной собственности или воплощаются в конкретных товарах), товары экологизационного назначения (основные и оборотные средства предприятий, используемые для экологизации деятельности), экологические услуги (услугу понимаем как деятельность, направленную на удовлетворение потребностей других лиц, в процессе выполнения которой не создается новый материально-вещественный продукт), а также квоты на выбросы веществ загрязнителей (которые в зарубежной практике обращаются в виде производных ценных бумаг: фьючерсов и опционов на выбросы). При этом, квоты на осуществление выбросов веществ-загрязнителей нельзя отождествлять с товарами ввиду отсутствия у них материально-вещественной формы. Они также не являются услугами, ввиду того,

что их производство отделимо во времени от их потребления (услуга же потребляется непосредственно в момент ее оказания).

Таким образом, с нашей точки зрения, необходимо уточнить понятие «экологический рынок» и определить его следующим образом: *экологический рынок – механизм, обеспечивающий обращение объектов интеллектуальной собственности, товаров, услуг экологизационного назначения, а также прав на осуществление выбросов веществ-загрязнителей.* По нашему мнению, подобное уточнение термина способствует более четкому пониманию сути рассматриваемого экономического явления, а также характеризуется должной степенью «емкости».

Указанное определение экологического рынка позволяет осуществить его классификацию по объектам обращения. А. Л. Субботин определяет классификацию как «состоявшуюся систему знания, понятия которой означают упорядоченные группы, по которым распределены объекты некоторой предметной области на основании их сходства в определенных свойствах» [20]. Он также говорит о том, что «классификацию отличает от самого точного и совершенного описания наличие трех отчетливо обозначенных структурных элементов: множества установленных групп подобных объектов; оснований, по которым объекты объединяются в группы; принципа или закона, согласно которому все группы соединяются, организуются в единую систему» [20]. Исходя из приведенных выше методологических положений, *экологический рынок по объектам обращения можно классифицировать следующим образом:*

- рынок объектов интеллектуальной собственности экологизационного назначения;
- рынок товаров экологизационного назначения;
- рынок услуг экологизационного назначения;
- рынок прав на осуществление выбросов веществ-загрязнителей.

Отметим тот факт, что предлагаемая нами классификация частично соотносится с элементами экологического сектора, выделяемыми в статистической отчетности ОЭСР и Евростата. Отличительной особенностью предлагаемой классификации является включение рынка прав на осуществление выбросов веществ-загрязнителей в структуру экологического рынка. Отсутствие данного элемента в статистике ОЭСР и Евростата объясняется тем, что рынки квот на выбросы функционируют не во всех странах, а некоторые из них основаны на международных соглашениях с ограниченным сроком действия (например, Киотском протоколе), таким образом, включение их в отчетность неоправданно.

Понятие «экологический рынок» – новелла современной экономики, однако частота и сфера его применения неуклонно расширяются. Спрос на экологическом рынке формируют предприятия, осуществляющие экологизацию собственной деятельности. Мотивы экологизации могут быть различными: необходимость соответствовать установленным законом стандартам (ПДК, ПДВ), стремление получить положительный экономический эффект от сокращения потребления ресурсов, желание повысить имидж компании, возможность реализации полученных сокращений выбросов на рынке квот. Таким образом, экологический рынок – механизм, обеспечивающий максимально экономически

выгодную экологизацию экономики страны, региона, отдельной фирмы.

Понимание экологического рынка как автономного экономического института, применение к нему системного подхода позволяют на практике сформировать механизм экологизации экономики, который включает в себя стимулы к ресурсосбережению и средства достижения положительного эколого-экономического эффекта. Применение отдельных инструментов государственного эколого-экономического регулирования (платности природопользования, института юридической ответственности за нанесение ущерба окружающей среде) в условиях реальной экономической действительности не может оказаться эффективным. Создавая стимулы экологизации, необходимо предложить участникам рынка экономически приемлемый способ их реализации. Именно таким механизмом и является экологический рынок. Указанная выше дефиниция данного термина позволяет сформировать систему эколого-экономических отношений по распределению экологических активов, основанную на рыночных принципах и свободной конкуренции, а значит, сделать процесс экологизации реальным и эффективным.

Развитие экологического рынка в стране или отдельно взятом регионе способствует решению многих проблем в сфере рационализации природопользования. На сегодняшний день в России отсутствует система критериев, позволяющая судить об экологичности того или иного предприятия. Существующий механизм экологической экспертизы (как государственной, так и общественной) также не является эталоном эффективности. Экологический рынок в своем развитии способствует решению этих проблем. Результатом появления рыночного механизма, в рамках которого происходит обращение активов природоохранного назначения, является развитие системы экологического мониторинга (верификации), основанной на рыночных началах. В условиях, когда предприятия заинтересованы в экологизации своей деятельности, они заинтересованы и в корректном измерении параметров своего влияния на окружающую среду.

Приходится признать, что применяемые на сегодняшний день в России меры эколого-экономического регулирования не всегда являются эффективными. Увеличение расходов бюджета на охрану окружающей среды не обеспечивает тотального улучшения ее качества в долгосрочной перспективе. Отсутствие рыночных механизмов стимулирования процессов экологизации бизнеса приводит не только к деградации окружающей природной среды, но и к увеличению расходов на ее восстановление. Причем эффект от подобных ассигнований зачастую невелик. Именно формирование единой системы взаимосвязанных сегментов, в рамках которой должен происходить процесс обра-

щения экологических активов, является залогом кардинального повышения экологичности производства.

В итоге можно проследить весь процесс генерации института экологического рынка. Основой своей рассматриваемое понятие имеет концепцию устойчивого развития, которая содержит в себе основные тезисы, определяет тренды развития мировой экономической системы, формулирует принципы и основы экологически безопасного экономического развития. Суть концепции устойчивого развития наиболее полно отражается в термине «экологизация», который представляет собой процесс последовательного внедрения идей сохранения природы и устойчивой окружающей среды в сферы законодательства, управления, разработки технологий, экономики, образования и иные сферы общественной жизни и в конечном итоге, касательно экономики, включает в себя два аспекта: поддержание экологичности и повышение ресурсоэффективности. Экологичность – способность чего-либо существовать и функционировать не причиняя или минимизируя негативное влияние на окружающую среду, результатом которой является поддержание качества окружающей природной среды. Средством достижения экологизации для экономических субъектов является повышение ресурсоэффективности – процесс увеличения отдачи от использования ресурсов, результатом которого является двойной экономический эффект: с одной стороны, происходит сокращение удельного потребления ресурсов (что положительно влияет на себестоимость единицы конечного продукта), с другой стороны – происходит минимизация экологических издержек предприятия (затрат, связанных с поддержанием, восстановлением качества окружающей среды). Повышение ресурсоэффективности может стимулироваться либо административными методами государства (лицензирование, внедрение норм ПДК, ПДВ, ответственность за нарушение экологического законодательства), либо методами экономического стимулирования, которые заключаются в создании условий, при которых хозяйствующие субъекты сами заинтересованы в экологизации и имеют реальные возможности ее осуществления. Формирование рыночного механизма, стимулирующего экологизацию деятельности предприятия, нашло отражение в понятии «экологический рынок». Нами был произведен анализ существующих подходов к определению этого понятия, отмечены их недостатки и предложено уточненное определение экологического рынка. По нашему мнению, экологический рынок – механизм, обеспечивающий обращение объектов интеллектуальной собственности, товаров, услуг экологизационного назначения, а также прав на осуществление выбросов веществ-загрязнителей. Подобное понимание экологического рынка позволяет осуществить четкую классификацию экологического рынка по объектам обращения.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь / под. ред. Л. Ф. Ильичёва, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалёва, В. Г. Панова. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
2. Веклич, О. А. Эколого-экономические противоречия / О. А. Веклич. – К.: Наукова думка, 1991.
3. Мишенина, Н. В. Методические основы оценки и регулирования эколого-экономического уровня производства: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.08.01 / Н. В. Мишенина. – Сумы, 1996.
4. Научно-информационный портал ВИНТИ РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://science.viniti.ru/index.php?option=com_content&task=view&Itemid=139&Section=&id=316&id_art=X000555.

5. Ферару, Г. С. Экологический менеджмент: учебное пособие / Г. С. Ферару. – М.; Архангельск: Юпитер: Междунар. ин-т управления, 2006.
6. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».
7. Crocker, T. D. The structuring of atmospheric pollution control systems / T. D. Crocker // The Economics of air pollution. – 1966.
8. Dales, J. H. Land, water, and ownership / J. H. Dales // The Canadian Journal of Economics. – 1968. – № 1 (4).
9. Montgomery, D. Markers in Licenses and Efficient Pollution Control Programs / D. Montgomery // Journal of Economic Theory. – 1972. – № 5.
10. Hahn, R. Designing a Market for Tradeable Permits, in: W. Magat, ed. Reform of Environmental Regulation / R. Hahn, R. Noll. – Cambridge: MA, 1972.
11. European commission. Eco-industries in the EC, ill Panorama of EU Industry. – Brussels, 1994.
12. OECD. Draft Synthesis Document for a Common Definition and Classification of the Environment Industry for Data Collection, paper presented at the meeting of the OECD / Eurostat Informal Working Group on the Environment Industry. – Luxembourg, 1995.
13. MITI. Environment Industry Vision (Sangyo kankyo vision ni tsuite). – Tokyo, 1994.
14. OECD. The global environmental goods and services industry. – Luxembourg, 1995.
15. FTSE Environmental Markets Classification Systems. – London, 2009.
16. Suzie, Greenhalgh. Environmental markets for New Zealand: the barriers and opportunities / Suzie Greenhalgh, Susan Walker, Bill Lee, Theo Stephens, Robyn Jean Sinclair. – Lincoln: Canterbury, 2010.
17. Реймерс, Н. Ф. Экологический рынок / Н. Ф. Реймерс // Зеленый мир. – 1996. – № 6.
18. Савченко, Н. Региональный рынок экологических услуг: формирование и развитие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dopfo.ru/?num=1&id=36>.
19. Чулок, А. И. Предпринимательство и инновации: инновации и предпринимательство в области экологического менеджмента и аудита // Российское предпринимательство. – 2000. – № 6. – Режим доступа: <http://www.creativeconomy.ru/library/prd511.php>.
20. Субботин, А. Л. Классификация / А. Л. Субботин. – М.: ИФ РАН, 2001.

Информация об авторе:

Верзицкий Данил Григорьевич – аспирант кафедры экономической теории КемГУ, 8-913-313-34-83, daniilve@rambler.ru.

Verzhitsky Danil Grigorievich – post-graduate student at the Department of Economics of KemSU.

Часовников Сергей Николаевич – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории, Новокузнецкий филиал-институт КемГУ, chsergey@yandex.ru.

Chasovnikov Sergey Nikolaevich – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics of the Novokuznetsk branch of KemSU.

УДК 330.126:37.014

РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ И ЕГО РЕГУЛИРОВАНИЕ

Л. С. Драганчук

EDUCATIONAL SERVICES MARKET AND ITS REGULATION

L. S. Draganchuk

Обосновывается актуальность исследования экономических проблем в сфере образования в условиях его модернизации. Раскрывается сущность понятий «образовательные услуги», «услуги сферы образования», «рынок образовательных услуг». Выявляется структура рынка образовательных услуг, специфика его взаимодействия с рынком труда. Показываются особенности «провалов» рынка в сфере оказания образовательных услуг, рассматриваются направления государственного регулирования рыночных отношений в данной сфере.

The need for studying economic problems in education in terms of its modernization is demonstrated. The approaches to defining the essence of educational service, related services in the educational field and educational services market were analyzed. The structure of the education market, the specificity of its interaction with the labor market is revealed. The nature of “market failures” in rendering educational services, the directions of state regulations in the field are shown.

Ключевые слова: образовательная услуга, услуги сферы образования, рынок образовательных услуг, субъекты рынка образовательных услуг, «провалы» рынка, регулирование рыночных отношений в образовательном секторе.

Keywords: educational service, related services in the sphere of education, educational services market, actors of the educational services market, “market failures”, state regulation of market relations in the education sector.

Создание современной системы образования, отвечающей потребностям постиндустриального общества и его основы – информационной экономики, является предметом пристального внимания со стороны государства.

В сфере образования осуществляются основные инвестиции в человека. По расчетам Всемирного банка, в составе национального богатства США основные производственные фонды (здания, сооружения, машины и оборудование) занимают всего 19 %, природные ресурсы

сы – 5 %, а человеческий капитал – 76 %. В Западной Европе соответствующие показатели составляют – 23 %, 2 % и 75 %, а в России – 10 %, 40 % и 50 % [12, с. 141 – 142].

Стратегическое значение знаний в информационной экономике выдвигает как одну из приоритетных задачу достижения лидирующих позиций в образовании. Ее решение требует модернизации существующей образовательной системы, которая во многом определяется становлением рынка образовательных услуг. Незрелость рыночных отношений обостряет проблемы образовательного сектора, в числе которых – снижение качества и конкурентоспособности образования на глобальном рынке, диспропорции рынков труда и образовательных услуг, недостаток высококвалифицированных кадров, обеспечивающих запросы экономики, низкий уровень ресурсной обеспеченности.

Изменения, происходящие в процессе перехода от плановой к открытой рыночной экономике в образовательном секторе, являются предметом острых дискуссий. Уточнение используемого понятийного аппарата позволит повысить эффективность мероприятий, направленных на модернизацию, и тем самым ускорить процесс создания современной системы образования.

Анализ литературы показал, что понятие образовательная услуга до сих пор является дискуссионным. Автор определяет понятие образовательная услуга как процесс предоставления образования, удовлетворяющего потребности субъектов. Образовательная услуга создается «живым трудом» преподавателей и подлежит дальнейшим преобразованиям. Мы согласны с мнением тех авторов, которые считают, что фаза процесса образования, связанная с собственно освоением нового материала (самообразование), «образовательной услугой не является и не может быть таковой по своей природе» [3, с. 49].

Иногда образовательную услугу отождествляют с услугами средств передачи знаний. Например, Э. И. Скоблева отмечает, «образовательные программы предлагают многие вузы, так что у потребителей есть возможность выбирать вуз, а вузы, в свою очередь, оказываются конкурентами на рынке образовательных услуг» [11, с. 136]. Содержанием образовательной услуги является собственно образовательный процесс, который заключается в предоставлении и организации освоения нового теоретического материала «живым» трудом преподавателей, в творческом взаимодействии с обучающимися. Учебники, учебные пособия, программы и другие методические материалы – средства передачи знаний. Они вносят свой вклад в процесс образовательного производства как услуги, которую они предоставляют.

Следует различать понятия «образовательные услуги» и «услуги в сфере образования». Последние представляют собой совокупность услуг, которые обеспечивают образовательные процессы, не являясь их содержательной частью (например коммунальные, консультационные и т. п.).

В современной научной литературе образовательную услугу часто характеризуют как общественное благо [2, с. 11; 15, с. 85 и др.]. В экономической теории общественными благами называют такие, для которых характерны два свойства – неконкурентность и неисключаемость. Для образовательных услуг свойство неисключаемости не выполняется, поскольку нетрудно

исключить некоторых индивидов из потребления образовательных услуг (назначение платы за обучение, конкурсный отбор абитуриентов). При потреблении образовательных услуг появляется конкуренция между потребителями. Предельные издержки для одного дополнительного обучающегося будут положительными, поскольку с увеличением количества обучающихся в группе другим будет уделяться меньше внимания. На наш взгляд, образовательные услуги в терминах экономической теории относятся к числу чистых частных благ, поскольку их потребление может сопровождаться конкурентностью и исключаемостью из этого процесса отдельных субъектов. Вместе с тем образовательные услуги имеют или могут иметь значительный положительный внешний эффект, поэтому они относятся к социально значимым частным благам.

В экономической литературе рынок образовательных услуг рассматривается как вполне сложившееся общеупотребительное выражение, как вид рынка. Однако сегодня ученые далеки от единого понимания сущности рынка, его определения сильно различаются. Используя методологический подход, в рамках которого рынок рассматривается как аналитическая модель, автор определяет рынок образовательных услуг как механизм взаимодействия различных субъектов по поводу купли - продажи образовательных услуг.

К субъектам рынка образовательных услуг относятся:

- производители (образовательные организации и индивидуальные предприниматели), которые выходят на рынок с дифференцированным предложением;
- потребители (обучающиеся – непосредственные потребители), которые выражают свои желания покупателям, выходящим на рынок. Желание – потребность, принявшая конкретную форму в соответствии с уровнем культуры и индивидуальностью индивида.
- покупатели (домохозяйства, организации, государство), предъявляющие спрос на рынке.

В процессе оказания образовательных услуг, который одновременно является и процессом их потребления, обучающимся (непосредственным потребителям) принадлежит особая роль. Эффективность образовательных услуг во многом зависит от активного включения обучающихся в процесс их оказания, который носит персонифицированный характер. По сути, обучающиеся являются сопроизводителями образовательных услуг.

На экономическом пространстве рынка образовательных услуг, как и других видов рынков, формируются спрос, предложение и цена. Применение данных определений к сфере образования требует учета ее особенностей.

Во-первых, следует отметить, что спрос на рынке образовательных услуг характеризуется неопределенностью, особенно на новые образовательные услуги. Поэтому выведение на рынок подобного рода услуг сопряжено с большим риском и не всегда может быть оправдано.

Во-вторых, предложение образовательных услуг отличается неэластичностью по цене, поскольку образовательный сектор не может быстро реагировать на изменения цены. Например, для увеличения предложения образовательных услуг необходимо дополнительное финансирование, подбор квалифицированного персонала, расширение аудиторного фонда и т. д.

В-третьих, образовательные услуги относятся к дорогостоящим товарам, имеющим высокие цены, которые «в значительной степени связаны с их предельной полезностью, уникальностью» [15, с. 114].

В экономической литературе встречается точка зрения, согласно которой образовательные услуги, которые оказываются на платной основе, рассматриваются как рыночные, а бесплатные как нерыночные [5, с. 39 – 52; 6, с. 3 – 8; 8, с. 43 – 49]. Однако и бесплатное, и платное образование являются сторонами одного целого. Процесс купли-продажи образовательных услуг имеет место и в платном, и в бесплатном образовании.

Бесплатными образовательные услуги являются лишь для непосредственных потребителей. Возмещение затрат на их оказание осуществляется за счет государственных средств. Продажа образовательных услуг имеет место и в платном, и в бесплатном образовании. Поэтому бесплатные образовательные услуги следует трактовать как разновидность рыночных услуг, а рынок бесплатных образовательных услуг как сектор рынка образовательных услуг.

В СССР рыночный характер образовательных услуг в официальной идеологии отвергался, однако реальная деятельность образовательных организаций по оказанию таких услуг финансировалась вполне реальными, а не мифическими денежными средствами; реальные же учебные заведения выплачивали зарплату и стипендии, возмещали затраты, покупали оборудование. Декларативно нерыночная советская экономика на деле представляла собой феномен, в котором можно увидеть отнюдь не отсутствие рынка как такового, а наличие рынка особого рода – иррационального. Рынок функционировал как квазирынок [10, с. 38].

В структуре российского рынка образовательных услуг преобладающим остается сектор бесплатных образовательных услуг, которые оказываются потребителям без денежной компенсации. При этом характерной

чертой современного развития российского рынка образовательных услуг является устойчивый рост сектора платных образовательных услуг. Так, если в 1998 г. объем платных образовательных услуг составлял 17,1 млрд руб. в год, то уже в 2000 г. он вырос в 2,41 раза, а в 2009 г. в 18,1 раз, что составило 41,5 млрд руб. и 310,2 млрд руб. в год соответственно [7, с. 17; 9, с. 550].

Выборочные обследования бюджетов домашних хозяйств в России показали, что в расчете на 1 члена домохозяйства расходы на оплату услуг образования в год составляли в 1995 г. 1 руб., в 2000 г. – 137 руб., а в 2006 г. увеличились до 1206 руб. [7, с. 86].

Основные макроэкономические показатели образовательной деятельности свидетельствуют о неравномерности развития различных секторов рынка образовательных услуг: государственных организаций, нефинансовых корпораций, домашних хозяйств и некоммерческих организаций (табл. 1).

В структуре валовой добавленной стоимости, создаваемой в образовательной сфере, наибольшая доля принадлежит государственным организациям: в 2003 г. она составила 78,7 %, в 2008 г. – 81,0 %. Нефинансовые корпорации, возмещающие затраты из выручки от реализации (курсы повышения квалификации, тренинги и т. п.), обеспечивали в 2003 г. 15,9 % валовой добавленной стоимости, в 2008 г. – 16,3 %, домашние хозяйства (частные преподаватели, репетиторство) – 2,7 % и 2,3 % соответственно, некоммерческие организации – 2,6 % и 0,4 % соответственно. Следовательно, большая часть создаваемой в российском образовании валовой добавленной стоимости приходится на бесплатные рыночные услуги, финансируемые за счет государственных средств.

Структура доходов по виду экономической деятельности «Образование в РФ» представлена в табл. 2.

Таблица 1

Структура валовой добавленной стоимости по секторам по виду экономической деятельности «Образование» в РФ в 2003 – 2008 гг. (%)

Годы	Государственное управление	Нефинансовые корпорации	Домашние хозяйства	Некоммерческие организации
2003	78,7	15,9	2,7	2,7
2005	79,5	16,3	2,9	1,2
2006	78,2	17,6	3,1	1,1
2007	80,0	16,3	3,1	0,6
2008	81,0	16,3	2,3	0,4

Рассчитано по: [9, с. 327 – 328].

Таблица 2

Структура доходов по виду экономической деятельности «Образование» в РФ в 2003 – 2009 гг. (%)

Годы	Ресурсы	Использование		
	валовая добавленная стоимость	оплата труда наемных работников	другие чистые налоги на производство	валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы
2003	100	90,3	0,1	9,6
2005	100	88,0	0,1	11,9
2006	100	89,8	0,1	10,1
2007	100	90,0	0,1	9,9
2008	100	90,7	0,1	9,3
2009	100	92,2	0,1	7,7

Рассчитано по: [9, с. 331 – 332].

Как видно из табл. 2, в 2003 – 2009 гг. в структуре валовой добавленной стоимости произошли следующие изменения:

– выросла доля оплаты труда занятых в сфере образования с 90,3 % в 2003 г. до 92,2 % в 2009 г.;

– доля чистых налогов на производство не изменилась (0,1 %);

– снизилась валовая прибыль экономики и другие смешанные доходы с 9,6 % в 2003 г. до 7,7 % в 2009 г. Следовательно, экономическая деятельность в сфере образования сокращает свой вклад в валовую прибыль экономики и валовые смешанные доходы.

Одной из причин замедления роста вклада образовательной сферы в валовую прибыль экономики является несоответствие предложения квалифицированных специалистов и спроса на них как в количественном, так и в качественном выражении.

В краткосрочном периоде предложение квалифицированных специалистов, удовлетворяющих актуальные потребности информационной экономики, является абсолютно неэластичным, поскольку за короткий срок образовательные организации не в состоянии отреагировать должным образом на возрастание спроса. Им требуется время для подготовки необходимых образовательных программ, методических материалов, их согласования и утверждения. Потенциальным абитуриентам также требуется время и информация для оценки будущей востребованности новых профессий.

В долгосрочном периоде возникновение новых потребностей, изменение спроса на те или иные виды профессий приводит к увеличению приема на новые специальности. Рынок образовательных услуг всегда с опозданием реагирует на спрос, поэтому образовательные услуги уже могут стать не актуальными и перейти в разряд традиционных. Через некоторый промежуток времени предложение удовлетворит возникший спрос, однако равновесие будет быстро нарушено, поскольку по инерции предложение будет расти и переполнять определенный сектор рынка труда. Вместе с тем появление за этот период новых потребностей приведет к недостатку квалифицированных работников новых актуальных специальностей и избытку квалифицированных работников специальностей, актуальность которых была несколько лет назад.

В условиях информационной экономики требуются специалисты широкого профиля, готовые быстро адаптироваться к новым условиям труда, менять технологии, уметь быстро обучаться. Для подготовки таких специалистов образовательные организации должны становиться мобильными, способными быстро переориентироваться, а государство активно использовать инструменты регулирования для обеспечения взаимодействия разнообразных субъектов спроса и предложения образования и их стимулирования.

Современный российский рынок образовательных услуг представляет собой рынок несовершенной конкуренции. Он характеризуется неоднородностью образовательных услуг, существенными различиями долей рынка, которые занимают производители образовательных услуг (от крупных университетов – федеральных, национальных исследовательских до небольших по размеру техникумов, колледжей), наличием входных барьеров, поскольку для входа в образовательный сектор в большинстве случаев необходимо получение лицензии.

Рынок образовательных услуг, являясь конкурентным рынком, имеет как свои достоинства, так и недостатки, поскольку не всегда может полноценно выполнять свои функции, что требует вмешательства государства. Обычно выделяют четыре типа неэффективных ситуаций, свидетельствующих о «провалах» рынка:

- 1) монополия;
- 2) несовершенная (асимметричная) информация;
- 3) внешние эффекты;
- 4) общественные блага.

Рынку образовательных услуг свойственны в большей или меньшей степени все «провалы» рынка, кроме последнего, поскольку образовательные услуги являются социально значимыми частными благами, а не общественными.

Монополия. Существующий в настоящее время рынок образовательных услуг можно охарактеризовать как локальный рынок, имеющий нередко монопольный характер, что приводит к неоптимальному использованию ресурсов и вызывает необходимость регулирования.

Монопольный характер рынка образовательных услуг может возникнуть в ряде случаев:

1. Каждая образовательная организация расположена в конкретном месте, где образовательные услуги, не поддающиеся транспортировке, в большинстве случаев могут реализовываться лишь тем потребителям, которые находятся в данном месте и в непосредственном контакте с производителем, что неизбежно порождает те или иные формы монополии. Степень монополизации локального рынка зависит от ограниченности как спроса, так и предложения, а следовательно, и доступности образовательных услуг, которая до настоящего времени сохраняется в России низкой в силу высоких транспортных издержек и медленно растущей территориальной мобильности населения.

2. Размещение в конкретном населенном пункте, районе города обеспечивает дополнительное преимущество и позволяет получить «ренту местоположения» за счет концентрации в данном месте квалифицированных кадров, наличия развитой инфраструктуры, коммуникационных каналов, современных маркетинговых технологий, что вызывает монопольный эффект местоположения.

3. Монопольный характер проявляется в большом разнообразии предложения образовательных услуг со стороны производителей, каждая из которых может создавать собственный локальный рынок, имеющий монопольный характер. Образовательные организации предлагают разные наборы услуг, которые имеют реальные различия. Например, вузы в г. Красноярске оказывают образовательные услуги, существенно отличающиеся по своему содержанию, форме, структуре и представляющие различные образовательные культуры. Более того, выпускники вузов, даже имеющие одинаковую квалификацию, например «менеджер», и диплом государственного образца, подготовлены преподавателями, которые используют авторские программы, различные образовательные технологии, представляют разные научные школы. Бессмысленно говорить о конкуренции «на рынке продукции» между такими вузами, поскольку они производят разных специалистов [4, с. 40 – 49].

4. На локальном рынке образовательных услуг взаимодействуют субъекты как со стороны спроса, так и со стороны предложения. В то же время преобладание на определенной территории одного субъекта рынка – производителя, возмещающего затраты из государственного бюджета, приводит к модификации локальных рыночных структур и к их монополизации.

Ряд авторов, исследующих проблемы современного образования, высказывают мнение о том, что с развитием дистанционных форм обучения рынок образовательных услуг постепенно теряет монопольный характер [1, с. 88].

Прежде всего заметим, что необходимо различать такие понятия, как «образовательные услуги» и «услуги средств передачи знаний». Образовательные услуги создаются «живым трудом» преподавателей. В процессе образовательной деятельности, наряду с образовательными услугами используются различные средства передачи знаний в форме учебников, учебных пособий, программ, дистанционных методов и т. п., которые находятся на электронных и бумажных носителях. Они вносят свой вклад в процесс образовательного производства не в форме вещи, а как услуги, которую они предоставляют. Такого рода услуги необходимы для самообразования и саморазвития обучающихся. «По мере развития ИК-технологий, особенно в режиме дистанционного образования, «живой труд» преподавателя все в большей мере заменяется «овеществленным трудом», воплощенным в учебно-методических комплексах» [3, с. 50]. При этом образовательные услуги не теряют своих свойств, хотя существенно изменяется содержание образовательного процесса. К тому же образовательные услуги и дистанционные технологии реализуются на двух разных типах рынков – на рынке образовательных услуг и на рынке услуг средств передачи знаний. В условиях, когда последний расширяется, рынок образовательных услуг не утрачивает своего монопольного характера.

Несовершенная (асимметричная) информация. Формирование рынка во многом зависит от того, насколько его участники владеют информацией о потребительских свойствах товаров и услуг, альтернативных возможностях их производства и покупки, а также о тенденциях изменения конъюнктуры. Неполнота информации ограничивает возможности эффективного использования ресурсов, обуславливая неоптимальное поведение продавцов и покупателей.

Процесс принятия решения потребителем о качестве и объеме покупки образовательных услуг тесно связан с информационными характеристиками. Заинтересовавшийся образовательной услугой потребитель занимается активным поиском информации. Однако рыночные сделки нередко совершаются в условиях, когда одна из сторон располагает важной информацией, а другая – нет. Эта ситуация характеризуется как информационная асимметрия. Она имеет место в значительной степени на рынках доверительных благ, достоверные сведения о которых становятся доступными обычно лишь спустя значительное время после их потребления. Образовательная услуга представляет собой типичное доверительное благо с отсроченным периодом проверки на доверие, который не вполне определен.

Производитель предлагаемых образовательных услуг заведомо лучше знает их характеристики, чем по-

купатель. Поэтому представления потребителей о качестве и содержании образовательных услуг оказываются размытыми и характеризуются высоким уровнем неопределенности, особенно если речь идет о долгосрочном участии в образовательном процессе. Точная оценка услуг, которые еще не куплены, не представляется возможной. Оценка строится на основе предположений, при этом может использоваться личный опыт, рекомендации родственников, друзей и знакомых, информация, представленная в рекламе, мнения выпускников, цены образовательных продуктов.

В случае, когда каждый субъект рынка обладает лишь незначительной долей совокупной информации, т. е. его знания либо слишком малы, либо не представляют особой важности для остальных, то его потери, связанные с выбором конкурентного поведения, незначительны. С другой стороны, если он обладает большой долей информации, у него может возникнуть стимул к неконкурентному поведению.

Внешние эффекты. Образовательные услуги имеют или могут иметь положительный внешний эффект, что и заставляет государство принимать участие в финансировании образовательной сферы, брать на себя оплату полностью или частично их предоставления населению, законодательно регламентировать субъектов рынка образовательных услуг и осуществлять их контроль.

Следует заметить, что важной особенностью создаваемых (положительных) внешних эффектов является зависимость их масштаба от характеристик той среды, в которой они производятся и потребляются. «Если общество (государство, бизнес) не в состоянии интернализировать внешние эффекты, создаваемые производством и потреблением некоторого частного, но (потенциально) социально значимого блага, то есть получить прямую выгоду от этих процессов, у него не возникнут стимулы как-то влиять на масштабы производства и потребления этого блага» [13, с. 8].

Можно ли исправить несостоятельность рынка? Многие исследователи считают, что в общем случае несостоятельность рынка трудно исправить без вмешательства в рыночный механизм. Некоторые авторы считают, что сам институт правительства также является монополией. Если это действительно так, имеет место парадоксальная ситуация, когда государственная политика состоит в том, что монополия в целом регулируется или управляется учреждением, которое само есть монополия [14, с. 585 – 593].

Государственное воздействие на рыночные процессы для поддержания деятельности образовательных организаций и повышения благосостояния субъектов предполагает осуществление ряда мер и действий, к числу наиболее значимых можно отнести следующие:

- разработка требований к содержанию подготовки по направлениям (специальностям) с учетом стратегии развития информационной экономики;

- формирование государственного заказа на подготовку специалистов высокой квалификации с учетом перспективных потребностей формирующейся информационной экономики;

- создание системы непрерывного образования. Обучение в течение всей жизни становится все более значимым элементом современных образовательных систем. Повышение уровня своих знаний и навыков или освоение новых позволяет сохранять конкуренто-

способность при изменениях в сфере деятельности, а также повышать мобильность в смене рода занятий;

– разработка долгосрочных прогнозов динамики изменения потребностей в образовательных услугах как основы для формирования стратегических программ социально-экономического развития;

– широкое применение маркетинговых инструментов с целью стимулирования спроса и продвижения профессий в интересах развития информационной экономики (публикации в специализированных изданиях, ярмарки вакансий, выставки, создание благоприятного общественного мнения о регионально значимых направлениях подготовки);

– создание национальных образовательных порталов с предоставлением полной информации о деятельности и ресурсах образовательных организаций;

– совершенствование существующей системы финансирования с целью более гибкого сочетания источников средств и стимулирования спроса на образовательные услуги;

– расширение активности государства в обеспечении эффективного взаимодействия субъектов спроса и предложения образовательного рынка.

В целом проведенный анализ современного рынка образовательных услуг – его сущности, структуры, особенностей взаимодействия с рынком труда, «провадов» – позволяет более обоснованно определять инструменты и степень вмешательства государства в рыночный механизм образовательной сферы, выбирать формы и методы освоения рыночных отношений, что будет способствовать более успешному решению проблем модернизации образовательного сектора.

Литература

1. Баженова, В. С. Непрерывное образование в условиях трансформации экономической системы / В. С. Баженова. – М.: Изд-во Рос. экон. акад., 2000. – 330 с.
2. Гневашева, В. А. Образование как фактор производства в информационном обществе / В. А. Гневашева // Вестник высшей школы. – 2009. – № 4.
3. Гребнев, Л. С. Образование: рынок «медвежьих» услуг / Л. С. Гребнев // Мир России. – 2005. – № 2.
4. Гребнев, Л. С. Рынок, услуги и образование: между экономикой и правом / Л. С. Гребнев // Высшее образование в России. – 2011. – № 5.
5. Ильинский, И. Об экономической природе современного отечественного образования / И. Ильинский // Высшее образование в России. – 2004. – № 9.
6. Колесов, В. Рынок образовательных услуг и ценности образования (между ВТО и Болонским процессом) / В. Колесов // Высшее образование в России. – 2006. – № 2.
7. Образование в Российской Федерации: 2007. Стат. ежегодник. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – 484 с.
8. Попов, Е. Услуги образования и рынок / Е. Попов // Российский экономический журнал. – 1992. – № 2.
9. Российский статистический ежегодник. 2010. Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 813 с.
10. Рубин, Ю. Б. Рынок образовательных услуг: от качества к конкурентоспособным бизнес-моделям / Ю. Б. Рубин // Высшее образование в России. – 2011. – № 4.
11. Скоблева, Э. И. Рынок в системе высшего профессионального образования / Э. Скоблева // Вестник ИНЖЭКОНА. – 2009. – № 3.
12. Степанова, Т. Е. Экономика, основанная на знаниях (теория и практика): учеб. пособие / Т. Е. Степанова, Н. В. Манохина. – М.: Гардарики, 2008. – 238 с.
13. Тамбовцев, В. Реформы российского образования и экономическая теория / В. Тамбовцев // Вопросы экономики. – 2005. – № 3.
14. Уэст, Э. Монополия: [пер. с англ.] / Э. Уэст // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. – М.: ИНФРА-М, 2004.
15. Щетинин, В. П. Экономика образования: учеб. пособие / В. П. Щетинин, Н. А. Хроменков, Б. С. Рябушкин. – М.: Рос. пед. агентство, 1998. – 306 с.

Информация об авторе:

Драганчук Людмила Стратоновна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Института экономики, управления и природопользования, Сибирский федеральный университет, 8-962-083-8920, draganchuk07@mail.ru.

Draganchuk Lyudmila Stratonovna – Candidate of Economics, Associate Professor at the Department of Management of the Institute of Economics, Management and Environmental Studies of Siberian Federal University.

СОДЕРЖАНИЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
ЭКОНОМИКИ РОССИИ

С. А. Жиронкин

THE CONTENT OF RUSSIAN ECONOMY'S STRUCTURAL REGULATION

S. A. Zhironkin

Структура российской экономики, зависящая от индустриального технологического уклада и незрелого состояния конкурентной среды, предопределяет продолжение сырьевого варианта развития. Поэтому сегодня требуется теоретическое осмысление регулирования структурных преобразований экономики, определения его объекта, субъектов и инструментов. С этой целью в статье анализируются уровни регулирования структурных преобразований экономики, субъекты.

The structure of Russian economy depends on industrial mode and undeveloped rivalry. It predetermines the continuation of the raw-material way of development. Thus, today the theoretical explanation economy's structural regulation as well as the definition of its object, actors and instruments are required. To achieve this purpose the levels and agents of economy's structural regulation are analysed in the paper.

Ключевые слова: экономика, структура, преобразования, регулирование, объект, субъекты, уровни.

Keywords: economy, structure, changes, regulation, object, agents, levels.

Возрастание потребности в регулировании структурных преобразований российской экономики обусловлено как кризисными процессами последних лет, так и той сдерживающей ролью, которую играют структурные проблемы в продвижении рыночных реформ, в становлении новейшего технологического уклада, в повышении уровня жизни. Не случайно Президент РФ Д. А. Медведев связал текущий кризис отечественной экономики с диспропорциями в ее структуре, отметив, что «... кризис поставил нас в такие условия, когда мы должны будем принять решение по изменению структуры экономики. Иначе у нашей экономики нет будущего» [1]. Тесную связь между структурными проблемами экономики и успехом рыночных реформ подчеркивает и Я. Корнай: «Переменам препятствует отраслевая структура, сложившаяся при старой экономической системе и не соответствующая спросу» [2, с. 32].

При определении содержания регулирования структурных преобразований экономики мы будем руководствоваться следующими понятиями:

– структурные преобразования – изменение структуры экономики под воздействием определенных сил, которые могут иметь как рыночное, так и нерыночное происхождение. Осуществление регулируемых структурных преобразований ведет к изменению структуры без ее коренной ломки, в рамках эволюционирования от старых укладов к новым, от менее эффективных форм воспроизводства к более эффективным, от отраслевых пропорций, сдерживающих экономический рост в долгосрочной перспективе, к ускоряющим его и т. п.;

– структурная перестройка – сознательно осуществляемые государством глубокие и всесторонние изменения структуры национальной экономики, с целью приведения ее в соответствие с выбранным направлением развития всей экономической системы;

– структурное реформирование – более узкое понятие, отражающее характер государственного воздействия на структуру экономики – через централизованное распределение разного рода ресурсов в приоритетные секторы и отрасли экономики, либо через создание условий развития в них предпринимательства;

– регулирование (от лат. regula – норма, правило): с одной стороны, направление движения, развития объекта с целью упорядочивания, систематизации; с дру-

гой стороны – воздействие на объект для достижения желаемых целей;

– регулирование экономики в целом – государственное воздействие на экономические отношения, субъекты и институты (альтернатива рыночному саморегулированию). Конечной целью регулирования выступает придание экономическим процессам организованного, упорядоченного вида, обеспечение соблюдения законов, государственных и общественных интересов;

– регулирование структурных преобразований экономики: с одной стороны, целенаправленное воздействие на структуру экономики с целью приведения ее изменений в соответствие с макроэкономическими ориентирами, с другой – упорядочивание развития производительных сил, экономических отношений, институтов; приведение хозяйственного механизма в соответствие с новыми технологическими укладами. В регулировании структурных преобразований должны сочетаться как механизмы государственного регулирования, так и рыночного саморегулирования.

Также в экономической литературе широкое распространение получил термин «структурная политика», зачастую используемый в качестве синонима регулирования макроэкономической динамики. В общем виде структурная политика, по словам одного из первых ее исследователей, – Ф. Перру, означает совокупность действий правительства по установлению желаемых темпов экономического роста [3, с. 56]. По его мнению, сбалансированный экономический рост неосуществим, и структурная политика должна осуществляться избирательно, преобразуя структуру производства и потребления в желаемом направлении.

Мы полагаем, что полностью отождествлять структурную политику государства и регулирование структуры экономики некорректно.

Во-первых, структурная политика чаще всего ассоциируется с отраслевой, инновационно-технологической или секторной структурой экономики, что не охватывает весь сложный комплекс последней.

Во-вторых, структурная политика широко понимается исключительно как прерогатива государства по централизованному распределению ресурсов (в основном финансовых), в которой практически нет места ни

рыночному саморегулированию, ни взаимодействию рынка и государства.

В-третьих, структурная политика субъективна, в зависимости от конкретного направления и исполняющих ее органов власти.

Наконец, в-четвертых, структурная политика по определению предполагает использование преимущественно директивных, административных мер по решению наиболее злободневных текущих проблем, способных иметь катастрофический характер (связанный с разрушением или дисфункцией элементов структуры – отраслей, регионов, целых сфер экономики).

Напротив, регулирование структурных преобразований должно иметь универсальный характер и осуществляться перманентно, в ходе последовательного анализа проблем, постановки целей и их своевременного решения. В этом процессе директивные меры не должны подменять собой экономическое воздействие и стимулирующее влияние на саморегулируемые процессы рынка. Поэтому место регулирования структурных преобразований в системе государственного воздействия на экономику можно определить как «интегратор» долгосрочных целей и инструментов инвестиционной, денежно-кредитной, научно-технической, рыночно-конкурентной, социальной политики, реализация которых позволит придать структурным изменениям прогнозируемый, управляемый характер.

Таким образом, регулирование структурных преобразований имеет сложную цель, в которой увязаны воздействия на структуру в соответствии с общеэкономическими императивами развития, многоаспектность, глубина и эволюционность управляемого изменения структуры экономики, приоритетная роль государства в этом процессе.

Содержание регулирования структурных преобразований экономики целесообразно раскрыть через его объект, субъекты и предмет – порядок их взаимодействия.

Субъектами могут быть государство – управляющая подсистема национальной экономики, а также рынок – саморегулируемый механизм со своими особыми элементами. Специфика и характер их воздействия на структуру экономики образуют предмет регулирования структурных преобразований.

Объектом регулирования структурных преобразований выступает сама структура экономики. Необходимо учитывать ее двойственную природу: с одной стороны, структура является дискретным образованием (т. е. совокупностью отдельных элементов системы национальной экономики и связей между ними). В этом проявляется *функциональность* структуры экономики – ее свойство фиксировать и связывать различные экономические отношения, субъекты и явления. С другой стороны, структура экономики есть целостный блок и является самостоятельной категорией. Целостность структуры экономики обуславливает ее свойство *регулируемости*, то есть способность воспринимать воздействие, изменяться в соответствии с его направленностью и переносить изменения на составляющие ее элементы и связи между ними. Поэтому необходимо определить иерархию, типологию структуры экономики, выделить межструктурные связи и уровни их реализации. А выделив уровни структуры национальной экономики, объект регулирования можно сузить, поскольку, концентрируя воздействие на верхних уровнях

структуры; изменение нижних уровней можно только корректировать.

Первый уровень – структура производительных сил и экономических отношений. Последние, в свою очередь, включают в себя организационно-экономические (разделение, специализацию, кооперацию труда и пр.), а также социально-экономические отношения, главными из которых являются отношения собственности (базисные).

Второй уровень структуры национальной экономики отражает первоначальную детализацию структуры первого уровня и включает, во-первых, воспроизводственную (пропорции между накоплением капитала, потреблением, сбережениями и инвестициями; между производством средств производства и предметами потребления) и факторную (пропорции использования факторов производства и соотношение их эффективности) структуры. Связь между ними и структурой первого уровня заключается в разделении производительных сил по факторам производства. Во-вторых, второй уровень структуры экономики содержит сегментную (пропорции между сферами производства и обращения, между реальным и финансовым секторами, между легальной и теневой экономикой), институциональную (комплекс «правил игры», механизмов принуждения и достижения коллективных целей), а также структуру отношений собственности. Последняя характеризует распределение прав владения, распоряжения и пользования между государством, корпорациями, частно-предпринимательским сектором, а также между предпринимателями-собственниками средств производства и наемными работниками (классовая структура). Связи между этими структурами и структурой первого уровня имеют форму базиса и надстройки, выделения теневой и легальной экономики, а также различных ее секторов.

Третий уровень – более детальный. Он представляет собой, во-первых, ряд структур, связанных со структурами второго уровня разделением труда: территориальная (пропорции межрегиональной дифференциации инвестиций, производства национального продукта, занятости, кластеров конкурентоспособных производств), отраслевая (народнохозяйственные пропорции объемов выпуска, инвестиций, занятости, доходов между отраслями), инновационно-технологическая (пропорции между различными технологическими укладами и соответствующими им способами производства). Во-вторых, третий уровень включает в себя структуры, соединенные со вторым уровнем связями, характеризующими порядок обмена и распределения благ – рыночную (пропорции совокупного спроса и совокупного потребления, структура конкуренции на национальном рынке), а также социальную (пропорции перераспределения доходов, уровня жизни различных групп населения).

Четвертый уровень представляет собой инфраструктуру как наиболее детализированную структуру национальной экономики (региональную, промышленную, финансовую, инновационную, рыночную, социальную). В инфраструктуру входят группы фирм, обеспечивающие функционирование структур третьего уровня.

Таким образом, представление структуры национальной экономики – объекта регулирования структурных преобразований, в виде многоуровневой иерархии позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в конечном итоге структура экономики определяется пропорциями и особенностями развития производительных сил – факторов производства, их воспроизводством. Во взаимосвязи с ними находится структура отношений собственности, институтов, других социально-экономических отношений. Поэтому на втором уровне структуры национальной экономики мы имеем самые глубокие народнохозяйственные пропорции: между накоплением капитала и потреблением, между сбережениями и инвестициями, между различной эффективностью использования факторов производства, между реальным, финансовым секторами и сферой потребительских услуг, между разными формами собственности, между производством и обращением, между производством средств производства и предметами потребления. Следовательно, структурные изменения на втором уровне затрагивают весь народнохозяйственный комплекс, поэтому требуют значительного времени, регулирующих усилий и институциональных решений. А любые просчеты в регулирующем воздействии здесь приведут к нежелательным результатам, значимым для всей системы национальной экономики и широко проявляющимися на нижних уровнях ее структуры.

Во-вторых, третий уровень структуры экономики связан с развитием социально-экономических отношений разделения труда, распределения и обмена, перераспределения благ. Поэтому структурные изменения здесь более детальные и затрагивают отраслевые, территориальные пропорции, конкурентную структуру рынка, структуру уровня жизни. Воздействие на них дает более быстрый эффект и требует меньше времени для получения результата. Главным условием эффективного регулирования структуры экономики на третьем уровне является комплексность, то есть необходимость параллельного воздействия на территориальную, отраслевую, инновационно-технологическую, рыночно-конкурентную, социальную структуры. При этом принимаемые меры регулирования структурных преобразований на третьем уровне должны быть согласованы с регулированием экономических институтов и отношений собственности (второй уровень).

В-третьих, конечная детализация регулирования структуры третьего уровня означает развитие различных видов инфраструктуры (четвертый уровень структуры национальной экономики). Воздействие на нее означает создание условий для закрепления структурных преобразований третьего уровня, повышение их устойчивости во времени и в рамках структуры третьего уровня.

Важнейшим принципом регулирования структурных преобразований национальной экономики является соответствие уровней структуры и уровней субъектов воздействия на нее. Использование данного принципа позволяет сформировать логическую цепь: «уровни структуры экономики – уровни субъектов ее регулирования – уровни воздействия на нее». Реализация данной цепи в формировании теоретических основ регулирования структурных преобразований экономики выглядит следующим образом.

На первом уровне должно осуществляться аналитическо-прогностическое воздействие на взаимосвязанное развитие в ней производительных сил и экономических отношений. Субъекты первого уровня («флагманы» регулирования структурных преобразований экономики,

формирующие ее научные основы) должны включать в себя академические институты в сфере экономики, экономические научные школы университетов, социально-экономические научные лаборатории и пр. В свою очередь, предметная основа первого уровня должна включать в себя проведение теоретических исследований структурных изменений экономики, анализ проблем ее структурного развития, разработку рекомендаций по их преодолению, формирование прогнозов долгосрочных изменений структуры и их реализации в хозяйственной жизни.

На втором уровне регулирования структурных преобразований экономики должно разрабатываться и осуществляться воздействие на процессы накопления капитала и потребления, на образование сбережений и их инвестирование; на формирование пропорций между реальным и финансовым секторами, между промышленным производством и сферой обращения, между выпуском инвестиционных и потребительских товаров; на отношения собственности и экономических институтов. Базисный, фундаментальный характер регулирования структуры экономики на ее втором уровне требует сформировать круг субъектов, наделенных максимальными полномочиями в сфере экономики и максимальной ответственностью за предпринимаемые шаги. К таковым мы относим следующие:

1. Президент и правительство – высший исполнительный орган. Предмет их деятельности в сфере регулирования структуры экономики на втором уровне заключается в детализации и структурировании макроэкономических ориентиров развития – нормы накопления капитала и темпов обновления средств производства, нормы сбережения, соотношения внутренних и иностранных инвестиций и пр. Регуляторы, которые должна использовать высшая исполнительная власть при регулировании второго уровня структуры национальной экономики, должны быть по преимуществу косвенными (за исключением указов Президента): нормы амортизации, макропланирование и прогнозирование, акценты налогообложения факторов производства, общий уровень таможенных пошлин и т. п.

2. Центральный банк – высшая денежная власть. Его роль в регулировании второго уровня структуры национальной экономики заключается в регулировании структуры денежного спроса и предложения и через это – в воздействии на соотношение инвестиционного и потребительского спроса, на уровень финансовых спекуляций и акционерных инвестиций, на привлекательность экономики для иностранного или национального капитала. К регуляторам, применение которых Центральным банком может оказывать влияние на факторную, воспроизводственную и сегментную структур национальной экономики относятся учетная ставка, валютные курсы, доходность государственных обязательств, объемы банковского рефинансирования.

3. Верховные законодательные (в России – Федеральное собрание) и судебные органы власти (Конституционный, Высший арбитражный суды). Как субъекты регулирования второго уровня структуры экономики, их деятельность связана с прямым регулированием – с законодательным закреплением прав собственности и их движением (в ходе приватизации, национализации), с установлением норм и правил, на основе которых формируется структура формальных институтов. Также законодательные и судебные органы формируют сис-

тему механизмов принуждения к исполнению формальных правил, от которой в конечном итоге зависят структура транзакционных издержек, соотношение легального и теневого сегментов экономики.

На третьем уровне регулирования структурных преобразований экономики находятся субъекты воздействия на отраслевую, территориальную, инновационно-технологическую, рыночно-конкурентную, социальную структуры. Также третий уровень регулирования должен включать субъекты рыночной саморегуляции. К субъектам третьего уровня относятся:

1. Отраслевые министерства социально-экономического блока (в России – Министерства природных ресурсов и экологии, регионального развития, сельского хозяйства, транспорта, социального развития, связи, энергетики, финансов, экономического развития) и входящие в их состав федеральные агентства и службы (антимонопольная, налоговая, по контролю над финансовым рынком и пр.). Их роль заключается в распределении бюджетных ассигнований, государственных гарантий для стимулирования инвестиционной и инновационной активности в различных отраслях экономики; в согласовании отраслевых приоритетов инновационно-технологического развития; в регулировании конкурентной структуры отраслевых рынков и пропорций между частным, корпоративным и государственным предпринимательством; в воздействии на структурные занятости и распределения доходов.

Регуляторы, используемые данными субъектами регулирования структурных преобразований, включают в себя бюджетные ассигнования, регуляторы материальных потоков (госзаказ, лицензии, квоты), налоговые льготы и пр.

2. Региональные органы законодательной и исполнительной власти, участие которых в регулировании третьего уровня структуры подразумевает выравнивание внутри- и межрегиональных пропорций инвестирования, производства и распределения доходов, размещения конкурентоспособных производств. К регуляторам, которыми располагают данные субъекты, относятся региональные законы и нормативные акты, региональный заказ, инвестиции, поддерживающие предпринимательство в приоритетных для структурной перестройки отраслях. Характер применения таких регуляторов региональными субъектами третьего уровня должен иметь вид восполнения пробелов в деятельности федерального законодательного собрания и правительства по изменению структуры экономики, связанных с межрегиональными особенностями экономического развития.

3. Государственные корпорации (в России – Внешэкономбанк, Ростехнологии, Российская корпорация нанотехнологий, Фонд содействия реформированию ЖКХ, Государственная корпорация по атомной энергии, Росавтодор и др.). Их основная роль – стимулирование «прорывных зон» изменения структуры экономики с целью повышения эффективности государственных капиталовложений, применительно к задачам структурной перестройки. Поэтому используемые ими

регуляторы должны включать государственные инвестиции, государственное предпринимательство.

4. Отраслевые союзы и ассоциации предпринимателей, которые должны взаимодействовать с субъектом второго уровня – законодательной властью, – с целью формирования законодательной инициативы структурных преобразований, а также с различными министерствами по поводу согласования регулирующего воздействия с интересами бизнеса. В этом воздействии в определенной мере проявляется рыночная саморегуляция структуры национальной экономики – через взаимное согласование интересов отраслевых субъектов в рамках банковских, промышленных, предпринимательских ассоциаций, приведение их в соответствие с целями структурных преобразований национальной экономики.

5. Крупные национальные корпорации, подчас олицетворяющие собой целые отрасли (типичным примером могут служить российские компании ОАО «Газпром», РАО «ЕЭС», ОАО «Базовый элемент», ОАО «Лукойл», а также высокотехнологичные компании «1С», ОАО «Вымпелком» и пр.). Именно они в значительной степени определяют технологическую структуру национальной экономики, состояние основных производственных фондов, структуру национального экспорта. Следовательно, их место в осуществлении регулирования структурных преобразований определяется реализацией совместно с отраслевыми министерствами инновационных, инвестиционных проектов, программ территориального развития.

Наконец, четвертый уровень регулирования структурных преобразований экономики заключается в развитии поддерживающей инфраструктуры таким образом, чтобы усилить действие регуляторов третьего уровня. Субъектами регулирования здесь являются, во-первых, заинтересованные министерства, фонды поддержки предпринимательства (применительно к развитию рыночной инфраструктуры бизнеса, социальной инфраструктуры), государственные агентства, региональные органы власти (в части регулирования региональной и промышленной инфраструктуры).

Регуляторы, которыми располагают эти субъекты, включают в себя предоставление государственной поддержки фирмам инфраструктуры, государственный заказ, налоговые льготы, бюджетные ассигнования. Во-вторых, фирмы инновационно-технологической, финансовой инфраструктуры экономики могут являться субъектами рыночного саморегулирования. Необходимость в этом продиктована важностью развития конкуренции на финансовом рынке, в инновационной сфере.

Таким образом, регулирование структурных преобразований экономики не должно ограничиваться воздействием на межотраслевое распределение инвестиций, инноваций и объемов выпуска. Оно представляет собой многоуровневый и многосубъектный комплекс, элементы которого имеют четкую иерархию. Только системное, комплексное регулирование структурных преобразований российской экономики способно обеспечить ее поступательное развитие, стабилизировать макроэкономические процессы.

Литература

1. Выступление Президента РФ Д. А. Медведева перед лидерами думских фракций: «У нынешней российской экономики нет будущего» // Новости, бизнес, финансы. – 10.08.2009.

2. Корнаи, Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма: [пер. с англ.] / Я. Корнаи // Вопросы экономики. – М., 2000. – 672 с.
3. Перру, Ф. Экономика XX века / Ф. Перру. – М.: Экономика, 2000. – 326 с.

Информация об авторе:

Жиронкин Сергей Александрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, КузГТУ.

Zhironkin Sergey Alexandrovich – Candidate of Economics, Associate Professor at the Department of Economics of Kuzbass State Technical University

УДК 330.101.541

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СТИМУЛИРОВАНИЯ БОГАТСТВА НАСЕЛЕНИЯ

А. И. Кочнев

TAXATION AS A METHOD OF PEOPLE'S WEALTH STIMULATION

A. I. Kochnev

Статья посвящена рассмотрению вопросов стимулирования богатства населения посредством налоговой политики государства.

This article deals with stimulating individuals' wealth through state tax policy.

Ключевые слова: налогообложение, богатство населения, прогрессивная шкала налогообложения.

Keywords: taxation, people's wealth, progressive scale of taxation.

Многие сегодня задаются вопросом о справедливости перемен, которые произошли в России в 1990-х годах. Можно много рассуждать, справедливо ли проведена приватизация, справедливый ли установился уровень оплаты труда в результате действия рыночных сил, справедлив ли уровень богатства успешных людей. Однако всегда нужно помнить, что страна, государство – это прежде всего люди, – люди, которые создают правила совместного проживания и труда на одной территории. Чем богаче люди, проживающие в стране, тем богаче страна, а значит, в бюджет поступает больше налогов, соответственно умножается не только личное богатство, но и общественное богатство в форме увеличения общественных благ: количество и качество дорог общего пользования, развивается наука, образование, совершенствуется оборона, которая обеспечивает неприкосновенность образа жизни и т. д.

В истории можно найти множество примеров, которые свидетельствуют, что общества, создавшие работающие нормы, стимулирующие накопление богатства, добились закономерного исторического успеха. Такими примерами могут быть: Древний Рим, который включил в состав своей империи огромные территории; колонизация Америки, которая привела к тому, что общества, нормы которых не позволяли накапливать богатство, просто исчезли; аналогичных примеров можно привести великое множество. Именно индивидуальное богатство, распространённое повсеместно на территории страны, превращает страну в сильное и мощное государство, которое в состоянии отстаивать интересы своих граждан.

Современный уровень развития позволяет в достижении богатства не полагаться на случайное стечение обстоятельств. Государство может стимулировать своей политикой рост богатства населения. В движении к богатому обществу есть два этапа. Первый этап – принципиальное признание права отдельного индивида на богатство. Второй этап – стимулирование государством увеличения богатства каждого индивида в отдельности,

что приводит к росту богатства и силы государства в целом до тех пор, пока в силу каких-либо обстоятельств не будут приняты нормы, ограничивающие рост индивидуального богатства.

Россия успешно прошла первый этап, российским обществом было признано, что каждый член общества может владеть частной собственностью. Право частной собственности охраняется законом. Принудительный труд запрещён, а максимальный размер вознаграждения не ограничен. Указанные нормы закреплёны в Конституции РФ и Трудовом кодексе РФ. Однако нужно понимать, что сделать первый шаг, не означает пройти весь путь до конца. России ещё только предстоит пройти второй этап.

Признание богатства обществом не означает, что в обществе уже сформировались нормы и институты, которые эффективно обеспечивают накопление индивидуального богатства. У современной России есть два варианта развития: первый – это надеяться, что необходимые институты сформируются стихийно, или же государство может проводить осознанную политику, нацеленную на то, чтобы формировать институты эффективного накопления богатства населением. Накопление индивидуального богатства даёт экономике государства неоспоримые преимущества: развивается внутренний рынок как в смысле величины рынка, так и в смысле качества требуемой продукции внутренним рынком; увеличивается бюджет государства; население получает возможность самостоятельно приобретать товары и услуги нужного качества, а не потреблять набор товаров и услуг, предусмотренный программами социальной поддержки; востребованность программ социальной поддержки населения естественным образом снижается или же пропадает вовсе.

Таким образом, на современном этапе важно сформировать и проводить в жизнь политику стимулирования накопления индивидуального богатства. Отдельные мероприятия в данном направлении мы уже можем видеть, например монетизация льгот. Монетизация льгот

предоставляет возможность гражданам по собственному усмотрению распорядиться теми средствами, которые государство тратило без учёта их мнения. Возможно кто-то сочтёт, что средства, получаемые от государства, лучше использовать как капитал, а кто-то всё же будет использовать полученные от государства средства для приобретения потребительских товаров, т. е. попросту проесть.

Монетизация льгот фактически расширила свободу накопления гражданами индивидуального богатства. Однако отдельные мероприятия не могут создать систему стимулирования индивидуального богатства, а значит, индивидуальное богатство ещё долго не получит повсеместного распространения. Эту тенденцию можно переломить, если в основу системы мероприятий по стимулированию индивидуального богатства граждан РФ положить налоги. Налоги затрагивают интересы каждого, каждое лицо (физическое или юридическое) обязано уплачивать налоги на зарабатываемые и получаемые доходы, а значит, именно налоги должны лечь в основу системы стимулирования индивидуального богатства населения, прочие меры (монетизация льгот, поощрение найма, приватизация и т. д.) должны быть на современном этапе развития РФ только вспомогательными и тем не менее необходимыми мерами.

В основе использования налогов в качестве инструмента стимулирования индивидуального богатства населения лежит их влияние на распределение доходов внутри общества, а также зависимость уплачиваемых налогов от базы исчисления: чем больше налогооблагаемая база, тем больше налогов поступает в бюджет.

Никто не спорит, что, чем выше уровень налогообложения, тем ниже фактическая собираемость налогов. Вопрос состоит в том, чтобы найти баланс государственных, общественных и индивидуальных интересов, который достигается при установлении такого уровня налогообложения доходов, который обеспечивает оптимальную собираемость налогов, т. е. установлении такого налога на доходы, что индивиды не считают выгодным скрывать доходы и добровольно делают необходимые налоговые платежи.

Данный подход может показаться панацеей от неуплаты налогов, но, к сожалению проблема неуплаты налогов всегда актуальна, и это доказывает, что стандартизированный подход не работоспособен в полной мере. Кроме того, стандартная налоговая ставка не мотивирует индивидов добиваться богатства, увеличивать своё индивидуальное богатство, тем самым укрепляя экономический и политический суверенитет страны. Более совершенным подходом является установление прогрессивной шкалы налогообложения, когда уровень налогообложения зависит от уровня дохода индивидов.

Не является секретом, что всё население страны можно сгруппировать по уровням доходов. Можно установить, какой процент населения имеет средний уровень доходов, какой – ниже среднего уровня и какая часть населения имеет доходы выше среднего уровня. Каждая из этих групп населения приложила определённые усилия для того, чтобы добиться того уровня доходов, который имеет на текущий момент, а значит, индивид, имеющий более высокий уровень доходов, вправе рассчитывать на поощрение, на вознаграждение своих усилий.

Традиционный подход в налогообложении доходов состоит в том, чтобы большую налоговую нагрузку не-

сли более состоятельные граждане. Но такой подход фактически демотивирует население, не поощряет население достигать богатства. У более богатых сограждан возникает вполне резонный вопрос: почему более богатые должны платить повышенный или такой же налог на доходы, как и те, кто не приложил серьёзных усилий для того, чтобы зарабатывать больше? И этот вопрос даже более чем справедлив, ведь вклад богатых в доходы государства гораздо больше, чем вклад граждан, которые даже не стремятся стать более состоятельными.

Приведём пример. Предположим, что уровень стандартного налога на доходы составляет 10 %; тогда индивид, зарабатывающий 10 000 денежных единиц (далее – д. е.), уплатит в качестве налогов всего 1 000 д. е. ($10\,000 \cdot 10\% / 100$); а индивид, зарабатывающий 1 000 000 д. е., уплатит 100 000 д. е. ($1\,000\,000 \cdot 10\% / 100$), т. е. вклад второго индивида в доходы государства в 100 раз больше, чем вклад первого индивида; что, безусловно, является несправедливым. Эта несправедливость вызывает естественное желание скрыть часть своих доходов, чтобы хоть как-то компенсировать несправедливость сложившейся налоговой системы, но даже с учётом сокрытия части доходов вклад второго индивида всё равно окажется гораздо выше, чем вклад первого индивида.

Предположим, второму индивиду удалось укрыть от налогообложения 20 % своего дохода, т. е. налоги будут уплачены всего с 800 000 д. е. и составят 80 000 д. е., т. е. вклад второго индивида будет выше в 80 раз, чем у первого индивида.

Рассмотренные проблемы (сокрытия доходов, несправедливости распределения налогового бремени между различными группами населения) успешно решаются системой налогообложения, стимулирующей богатство, преимущества которой мы рассмотрим в сравнении с другими подходами налогообложения доходов: фиксированным налогом и «справедливой» шкалой налогообложения.

Предположим, существует страна с населением 100 млн человек, при этом 50 % населения зарабатывает в среднем 20 000 д. е., 40 % населения – 50 000 д. е., 10 % населения – 100 000 д. е. Общий доход первой группы населения составит 1 трлн. д. е., общий доход второй группы населения составит 2 трлн. д. е., общий доход третьей группы составит 1 трлн. д. е.

Конечно, население страны имеет некоторую склонность к сокрытию своих доходов от налогообложения, которое зависит от уровня налогов. Коэффициент сокрытия доходов (далее – коэффициент) подчиняется следующей зависимости при ставке налога на доходы (далее – налог): от 0 % до 10 % коэффициент составляет 0 % от дохода; при ставке налога от 11 % до 20 % коэффициент составляет 10 %; при ставке налога от 21 % до 50 % коэффициент составляет 20 %; при ставке налога от 51 % до 70 % коэффициент составляет 50 %; при ставке налога от 71 % до 100 % коэффициент составляет 100 %.

Предположим, государство в этой стране решило минимизировать свои потери от сокрытия доходов налогоплательщиками и установило единую ставку налогообложения независимо от уровня доходов (стандартный налог на доходы), тогда уровень государственных доходов составит 0,4 трлн. д. е., при совокупном доходе всего населения 4 трлн. д. е. (таблица 1).

Установление стандартного налога для всех групп населения является оптимальным только в целях минимизации сокрытия доходов населением. Однако данный подход обладает двумя главными недостатками: 1) не обеспечивает максимизацию доходов государства; 2) не стимулирует население на переход в группы с более

высоким уровнем доходов, хотя при этом и не дестимулирует.

Рассмотрим случай, когда государство устанавливает «справедливую» шкалу налогообложения, т. е. такую шкалу, которая предусматривает более высокий уровень налогов тем налогоплательщикам, которые имеют более высокий уровень дохода (таблица 2).

Таблица 1

Расчёт уровня уплаты налогов в случае установления государством стандартного налога на доходы населения

<i>Средний доход, тыс. д. е.</i>	<i>Численность, групп населения млн. чел.</i>	<i>Общий доход, трлн. д. е.</i>	<i>Общий сокрытый доход, трлн. д. е.</i>	<i>Общий доход, показанный для налогообложения, трлн. д. е.</i>	<i>Ставка налога, %</i>	<i>Сумма налога, трлн. д. е.</i>	<i>Вклад в доходы государства, %</i>
100	10	1	0	1	10	0,1	25
50	40	2	0	2	10	0,2	50
20	50	1	0	1	10	0,1	25
ИТОГО:	100	4	0	4		0,4	100

Таблица 2

Расчёт уровня уплаты налогов в случае установления государством «справедливой» шкалы налога на доходы населения

<i>Средний доход, тыс. д. е.</i>	<i>Численность, групп населения млн. чел.</i>	<i>Общий доход, трлн. д. е.</i>	<i>Общий сокрытый доход, трлн. д. е.</i>	<i>Общий доход, показанный для налогообложения, трлн. д. е.</i>	<i>Ставка налога, %</i>	<i>Сумма налога, трлн. д. е.</i>	<i>Вклад в доходы государства, %</i>
100	10	1	0,1	0,9	20	0,18	32,7
50	40	2	0,2	1,8	15	0,27	49,1
20	50	1	0,0	1,0	10	0,1	18,2
ИТОГО:	100	4,0	0,3	3,7		0,55	100

Как мы видим из таблицы 2, в случае установления «справедливой» шкалы налога на доходы, общий доход государства увеличивается даже с учётом того, что население начинает укрывать значительную часть доходов от налогообложения. Прирост государственных доходов составляет 37,5 %. Необходимо отметить, что налоговая нагрузка на часть населения, которая зарабатывает 20 тыс. д. е., не меняется, одновременно с этим налоговая нагрузка на оставшиеся две группы населения увеличивается.

Обязательно нужно отметить, что налоговая нагрузка каждого в отдельности налогоплательщика при переходе в более высокооплачиваемые группы населения существенно возрастает. При переходе из группы со средней оплатой труда 20 тыс. д. е. в группу со средней оплатой труда в 50 тыс. д. е. налоговая нагрузка на каждый рубль полученного дохода возрастает с 0,1 д. е. до 0,15 д. е. (т.е. в 1,5 раза). При переходе из группы со средним доходом в 50 тыс. д. е. в группу со средним уровнем оплаты в 100 тыс. д. е. налоговая нагрузка продолжает увеличиваться на каждый рубль доходов с 0,15 д. е. до 0,2 д. е. (т. е. в 1,33 раза). Совокупное увеличение налоговой нагрузки происходит в 2 раза. Такое существенное увеличение налоговой нагрузки на более

богатую часть населения является фактором, который дестимулирует население зарабатывать больше.

Если человек зарабатывал 20 тыс. д. е., он был вынужден уплачивать всего 10 % своего дохода, если человек начинает зарабатывать 50 тыс. его налоговая нагрузка увеличивается до 15 %, что составит дополнительно 2,5 тыс. д. е. к 5,0 тыс. д. е. стандартного налога в 10 %. Получается парадоксальная ситуация: решил заработать больше – заплати «входной билет» в виде дополнительных налогов.

Таким образом, «справедливая» шкала налогов на доходы обладает одним несомненным преимуществом – увеличиваются доходы государства и одним существенным минусом – взимание платы с населения при увеличении доходов, что консервирует не благоприятную для государства социальную структуру.

Закономерен вопрос – возможно ли решить проблему наполнения государственного бюджета и одновременно избежать негативных социальных последствий «справедливой» шкалы налогообложения. На этот вопрос можно уверенно дать положительный ответ. Решением является применение шкалы налогообложения, которая стимулирует богатство (таблица 3).

Таблица 3

Расчёт уровня уплаты налогов в случае установления государством шкалы налога на доходы населения, стимулирующей богатство

<i>Средний доход, тыс. д. е.</i>	<i>Численность, групп населения млн чел.</i>	<i>Общий доход, трлн д. е.</i>	<i>Общий сокрытый доход, трлн д. е.</i>	<i>Общий доход, показанный для налогообложения, трлн д. е.</i>	<i>Ставка налога, %</i>	<i>Сумма налога, трлн д. е.</i>	<i>Вклад в доходы государства, %</i>
100	10	1	0,0	1,0	10	0,1	18,2
50	40	2	0,2	1,8	15	0,27	49,1
20	50	1	0,1	0,9	20	0,18	32,7
ИТОГО:	100	4,0	0,3	3,7		0,55	100

Из таблицы 3 видно, что применение прогрессивной шкалы налогообложения, стимулирующей богатство, позволяет государству получить точно такой же доход, как и в случае применения «справедливой» шкалы налогообложения, даже с учётом сокрытия налогоплательщиками части доходов, а это означает, что снижение относительной налоговой нагрузки на наиболее богатую часть населения не приводит к дефициту бюджета. Кроме того, последовательное снижение уплачиваемых налогов на один рубль дохода стимулирует население переходить из менее богатых групп населения в более богатые группы населения, что обеспечит дальнейшее увеличение государственных доходов за счёт роста налогооблагаемой базы. Со временем значение более высоких ставок налогообложения будет закономерно снижаться из-за роста доходов населения. Более того, поскольку у наиболее богатой группы населения исчезает мотивация сокрытия доходов, то государство будет экономить на затратах по взысканию неуплаченных налогов этой группы населения.

Поскольку при применении шкалы налогообложения, стимулирующей богатство, мотив сокрытия доходов перемещается в наименее богатую часть населения, государство может вместо поиска сокрытой части доходов и последующего взыскания налогов установить для этой группы населения налоговый вычет на сумму скрываемой части доходов. Таким образом будет введена мера социальной поддержки беднейших слоёв населения, и государство сможет дополнительно эконо-

мить на затратах по взысканию налогов со скрываемых доходов. Применение такой же меры в рамках «справедливой» шкалы налогообложения, напротив, приведёт к снижению доходов государства, т. к. наименее богатая часть населения уплачивает налоги на весь свой доход, соответственно предоставление этой группе населения налоговых вычетов будет приводить к соответствующему снижению доходов государства.

Таким образом, применение налоговой шкалы, стимулирующей богатство, является не только оправданно, но и необходимо, потому что данная шкала:

1. Обеспечивает максимизацию доходов государства от уплаты налогов с доходов населения даже с учётом вероятного сокрытия доходов от налогообложения.

2. Стимулирует переход населения из менее богатых в более богатые группы путём снижения налоговой нагрузки.

3. Увеличении доходов индивида мотивирует его показывать все доходы, поскольку, чем больше доходов будет показано индивидом, тем большая налоговая скидка ему будет предоставлена.

4. Приводит к росту доходов государства от уплаты налогов с доходов населения по причине постоянного роста налогооблагаемой базы (доходов населения).

5. Позволяет без дополнительных потерь доходов государства от уплаты налогов на доходы населения предоставлять социальную поддержку в форме налоговых вычетов для населения, имеющего наименьшие доходы.

Литература

1. Кларк, Дж. Б. Распределение дохода / Дж. Б. Кларк. – М.: Экономика, 1992.
2. Конституция РФ от 12.12.1993 // СПС Консультант плюс.
3. Трудовой кодекс РФ, Федеральный закон №197-ФЗ от 30.12.2001 // СПС Консультант плюс.
4. Эрхард, Л. Благосостояние для всех: пер с нем. / Л. Эрхард. – М.: Начала-пресс, 1991.

Информация об авторе:

Кочнев Антон Иванович – кандидат экономических наук, ведущий инженер социологической лаборатории Управления развития карьеры и мониторинга КемГУ, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления Юргинского технологического института, Томского политехнического университета, доцент кафедры финансы и кредит Кемеровского государственного сельскохозяйственного института, 8-905-900-2634, aikochnev@ngs.ru.

Kochnev Anton Ivanovich – Candidate of Economics, Senior Engineer at the Sociological Laboratory of the Department of Career Development and Monitoring of Kemerovo State University; Associate Professor at the Department of Economic and Automated Control Systems of Yurga Institute of Technology of National Research Tomsk Polytechnic University; Associate Professor at the Department of Finance and Credit of Kemerovo State Agricultural Institute.

**ПОСТРОЕНИЕ ПРОГРАММНОЙ СИСТЕМЫ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ РЕГИОНА***М. А. Метелева***CREATING PROGRAMS SYSTEM AS THE WAY TO INCREASE THE EFFICIENCY
OF REGIONAL ECONOMY MANAGEMENT***М. А. Meteleva*

В статье анализируются суть программно-целевого метода управления экономикой и возможности повышения эффективности его применения с помощью построения региональной программной системы. В качестве примера предлагается построение горизонтально-интегрированной рынокоориентированной программной системы Кемеровской области для оценки интенсивности решения проблемы моногородов. Рассматриваются возможные принципы построения системы.

The paper analyzes the essence of program management method and the possibilities to improve its efficiency through creation of regional program system. The construction of a horizontally integrated market program system of the Kemerovo region for analysiing the efficiency Monocities is offered. Possible principles of system creation are considered.

Ключевые слова: программно-целевой метод, региональная программная система, область влияния программы, карта-схема региональной программной системы, рынокоориентированная горизонтально интегрированная программная система, моногорода, полигорода.

Keywords: Method of target programs, regional program system, area of influence of the program, a branch card of regional program system, a market card of horizontally integrated program system, Monocity, Policity.

В российской и зарубежной практике управления накоплен большой опыт разработки и использования программ для регулирования развития национальных хозяйственных систем различных уровней. Причем в отечественной практике этот опыт включает в себя генезис и развитие метода в условиях разных экономических систем: административно-командной экономики, экономики переходного периода и рыночной экономики. Разные принципы хозяйствования оказывают влияние на понимание и возможности применения программно-целевого метода. В настоящее время в связи с изменившимися экономическими условиями эти параметры нуждаются в обновлении понимания, установлении новых взглядов. Тем более, что с начала 2000-х годов, по сравнению с предыдущими периодами, роль программ в государственном управлении экономическим развитием усилилась. Сегодня ситуация характеризуется как «рецидив увлечения программами, их «второе пришествие» [4, с. 295].

Целевое программирование – это не только инструмент решения народнохозяйственных проблем через формирование и реализацию целевых программ. В более широком понимании – это программно-целевая деятельность, которая включает: «Все формы, виды деятельности, охватывающие планирование, прогнозирование, организацию, координацию на программно-целевой основе, использующие общую методологию, называемую программно-целевым подходом, или программно-целевым методом. Это одна из форм приложения комплексного, системного подхода к процессам управления объектами, процессами, отношениями различной природы и содержания» [7, с. 7, 11].

Характеристиками метода, которые формируют его отличительные особенности, являются следующие: эффективность метода при решении проблемных ситуаций, когда текущие методы не действенны; метод обеспечивает комплексность решаемой проблемы – сбалансированный подход ко всем отраслям территориально-производственного комплекса; обеспечение комплексности использования ресурсов; проработанность всего пути реализации проблемы от постановки цели, до разработки конкретных мероприятий по ее достиже-

нию с определением исполнителей, сроков и ресурсного обеспечения.

Несмотря на то, что программно-целевой метод признан эффективным инструментом управления развитием народного хозяйства, практически всегда поднимался вопрос о том, что используются не все его возможности, что эффективность от его применения меньше имеющегося потенциала. Один из способов повышения эффективности исследователи метода видели в создании некой системы, структурирующей программную деятельность.

О необходимости формирования системы заданий внутри крупной экономической программы говорит В. Красовский, анализируя эффективность планирования капитальных вложений. Он отмечает увеличение эффективности управления экономической программой, если все ее участники будут объединены в соответствии со своими функциями (заданиями) по типу производственного объединения. В этом случае: «Более полно и правильно учитываются все сопряженные, связанные и сопутствующие капитальные вложения, направленные на осуществление программы. Итоговые данные программы точнее отражают результаты деятельности всех участников, связанных с реализацией программы. В рамках подобной управленческой организации легче достигается синхронизация деятельности отдельных звеньев, ускоряется оборот материальных потоков, сокращается продолжительность строительства. Полнее реализуются социальные аспекты программ» [2, с. 43]. Также он отмечает необходимость формирования «схем сопряжения», «схем сопряженных капитальных затрат». С помощью этих схем определяется круг отраслей, связанных с построением производственного комплекса, перечень и взаимосвязи производств и инвестиционных объектов.

Целесообразность формирования программы развития территориально-производственных комплексов как единой системы мероприятий с сопряженными связями обосновывается А. П. Дубновым, А. А. Кином, Б. П. Орловым. Они пишут, что «система целей комплекса с фиксированной структурой может служить основным документом для построения программ форми-

рования комплекса и определения потребностей в ресурсах» [1, с. 22]. Систему программ можно формировать в виде схемы, основой которой являются сопряженные цели программ различных уровней. «Сформулированные высшими органами управления народнохозяйственные или генеральные цели стоят на «входе» системы ТПК, далее на основе метода построения «дерева целей» разветвляется декомпозиция целей – последовательное, многоступенчатое разделение более общей цели на частные подцели и перемещение («эстафету») их, как соподчиненных, «сверху вниз», исходя из логической взаимосвязи соответствующих действий» [1, с. 19].

В свою очередь, и Лексин В. Н. отмечает: «На территории субъектов федерации, где реализуются программы, отнесенные к собственно региональным, одновременно и по тем же основаниям финансируются близкие по проблематике задания других программ. В этой связи целесообразно при разработке и реализации каждой региональной программы осуществлять меры по межпрограммной координации» [3, с. 8]. Для организации межпрограммной координации В. Н. Лексин предлагает при разработке крупной программы анализировать ее задания и определять: возможно ли эффективное выполнение каких-либо из заданий в рамках других, близких по теме программ; и в обратном порядке анализировать задания других программ на предмет наличия в них заданий, результаты реализации которых могут быть использованы для реализации целей разрабатываемой программы. «Желательно выделить отдельные группы предложений, которые можно назвать «рекомендуемые задания для включения в состав других федеральных и межгосударственных программ и задания других программ, выполнение которых представляет особый интерес для данной программы» [3, с. 8].

Р. И. Шнипер в своей работе [7, с. 5] применял термин «система региональных комплексных программ», понимая под этим следующее. Он выделяет в процессе территориального программного планирования три уровня: 1) «глобальный» – обеспечивает решение крупных народнохозяйственных проблем; 2) региональный – решение проблемы формирования отдельных территориально-производственных комплексов; 3) локальный – решение межотраслевых проблем в рамках территориально-административного образования.

При этом Р. И. Шнипер отмечает, что эти уровни органически связаны между собой. Программы второго уровня формируются путем выделения из конечной цели программы первого уровня промежуточных целей, решение которых целесообразно делегировать конкретному региону. В локальной программе, в свою очередь, должна учитываться социально-экономическая и производственно-техническая нагрузка, которая возникает в результате участия территориально-административного образования в региональной программе. Целевые задания программ второго уровня согласовываются с общими параметрами экономического и социального развития территориального образования. Эти три органически связанных между собой уровня программного планирования Р. И. Шнипер рассматривает как единую систему региональных комплексных программ.

Вместе с тем в предложении В. Красовского речь идет только о системе в рамках одной программы.

А. П. Дубнов, А. А. Кин, Б. П. Орлов отмечают сложность составления предложенной ими системы. «Если на первом ранге всего три элемента, то на седьмом количество элементов может достигнуть нескольких тысяч. Экономико-математические модели могут быть использованы только для оптимизации отдельных целей системы, а методы оптимизации системы в целом пока не найдены» [1, с. 20 – 21].

В. Н. Лексин говорит о том, что в случае реализации его предложений, усилится отраслевая конкуренция между участниками программ, которые будут стремиться либо максимально «избавиться» от невыгодных мероприятий, переложив их решение на другие программы, либо максимально взять на себя решение выгодных или наиболее полно финансируемых из бюджета мероприятий.

Система региональных комплексных программ Р. И. Шнипера – система, характерная для того периода, когда программы использовались в основном для развития народного хозяйства через комплексное освоение ресурсов обширных территорий страны. Программы создания территориально-производственных комплексов можно было структурировать в соответствии с их вертикальной интеграцией, межуровневым взаимодействием. В настоящее время, когда велико количество программ на каждом уровне управления, требуется иной подход к их систематизации.

Объединение большого множества программ, работающих на территории региона, в единую систему является действенным способом повышения эффективности их применения, так как анализ совокупности структурированных элементов позволяет:

1. Получить наглядную карту учета работающих на территории региона программ и программных документов, что позволит принимать обоснованные решения о распределении ресурсов для вновь разрабатываемых программ, корректировке ресурсного обеспечения действующих или о перераспределении ресурсов при досрочном закрытии программ.

2. Исключить дублирование ресурсного обеспечения мероприятий, если они лежат на пересечении нескольких программ.

3. Оценить набор мероприятий различных программ, направленных на решение одной проблемы, что позволит избежать обесценивания принципа комплексности.

4. Более точно оценить мероприятия, направленные на развитие инфраструктурных объектов.

5. Учитывать синергетический эффект всей системы от взаимовлияния программ или сопряженности действий участников.

6. Изучать поведение и особенности региональной программной системы с точки зрения фундаментальных положений общей теории систем.

На территории каждого региона работают одновременно программы разных уровней: федерального, регионального, локального. Кроме того, как уже отмечалось, количество программных документов каждого уровня измеряется сегодня десятками. В данной работе предлагается рассмотреть возможности формирования региональной программной системы пока для одного уровня – регионального, где элементами будут программные документы, разработанные и принятые только областными органами власти.

Прежде всего необходимо найти общий признак, который позволит объединить программы, направленные

ные на решение разнообразных социально-экономических проблем в рамках единой системы.

Основной проблемой построения этой системы является поиск принципа, в соответствии с которым будет определяться место программ и программных мероприятий в экономике региона. Так как «каждая программа выполняет определенную задачу по формированию важнейших зависимостей и пропорций внутрирегиональной системы» [8, с. 248], то для решения этой проблемы предлагается использовать понятие «область влияния (приложения) программы». Область влияния программы – это фаза внутрирегионального воспроизводственного процесса, на которую осуществляется воздействие в процессе реализации целей программы или задач отдельных программных мероприятий, количественное или качественное изменение которой необходимо для достижения цели программы. Нами предлагается рассматривать место программ в системе через призму их влияния на фазу обмена регионального воспроизводственного процесса, и, в частности, на систему региональных рынков. Система региональных рынков, изучаемая в течение нескольких десятилетий на основе системного подхода, представляет собой стройную карту региональных рынков, с указанием взаимосвязей и взаимовлияния между ними. «Система региональных рынков – это взаимосвязанная совокупность рынков различного типа; их главная цель – обеспечить эффективное развитие региональной экономики. Входящие в систему региональные рынки различного типа функционально связаны взаимодействием субъектов рыночных отношений и элементов производительных сил, воспроизводство которых происходит под влиянием региональных факторов и предпосылок» [5, с. 20 – 22]. Система региональных рынков отображает особенности региональных экономических, социальных и политических процессов. Анализ влияния программного метода на такую систему позволит сформировать ситуационно наиболее реальную программную систему. Именно на стадии «обмен» воспроизводственного процесса формируется результат стадии «производство», оценивается эффективность мероприятий по его организации. На стадии обмена формируется показатель уровня удовлетворения потребностей общества. «На региональном рынке происходит согласование интересов хозяйствующих субъектов (производителей, посредников и потребителей). Эти интересы затрагивают всю систему условий развития экономики региона» [5, с. 378]. Кроме того, классификация рынков по различным признакам дает возможность конструировать различные рыночно-программные структуры. Для целей нашего исследования примечательно, что между элементами системы региональных рынков возможно установить весьма четкие взаимосвязи. Также подчеркнем, что региональные программы – это система мероприятий с конкретным описанием работ, места проведения работ и суммы инвестиций в них.

Распределив в соответствии с этими данными программные мероприятия – в зависимости от области их влияния на региональную рыночную систему по соответствующим рынкам, получим карту рынокоориентированной программной системы области.

Например, нас интересует интенсивность внимания местных органов власти к решению проблемы моногородов.

Межведомственной рабочей группой по вопросам снижения негативного воздействия финансового кризиса на социально-экономическое развитие монопрофильных городов в субъектах Российской Федерации были одобрены следующие признаки моногородов [11].

Во-первых, это наличие предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, на котором занято на основной работе более 25 % экономически активного населения.

Во-вторых, это наличие в населенном пункте предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, на долю которых приходится более 50 % объема промышленного производства.

В качестве дополнительного критерия отнесения населенных пунктов к категории монопрофильных была предложена доля налогов и сборов, поступающих в бюджет муниципального образования от предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, расположенных в населенном пункте. Если данная доля составляет не менее 20 % от общего объема налогов и сборов, поступающих в бюджет муниципального образования от всех организаций и предприятий, населенный пункт может быть признан моногородом.

Для решения поставленной нами задачи территорию области предлагается разбить на рынки моногородов и полигородов. Моногородами в Кемеровской области фактически являются: Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, Таштагол, Анжеро-Судженск, Белово, Березовский, Гурьевск, Калтан, Киселевск, Красnobродский, Междуреченск, Новокузнецк, Осинники, Полысаево, Тайга, Топки, Юрга [10]. Рынки муниципальных образований разделим каждый на шесть основных типов – потребительский, недвижимости, труда, информации, средств производства, финансовый и, дополнительно, – рыночную инфраструктуру. [5, с. 82]. В качестве примера покажем принцип распределения программных мероприятий двух из шестнадцати областных программ, принятых в 2010 году в соответствии с областями их влияния на рынки моногородов и полигородов области.

Постановлением Коллегии АКО от 28.05.2010 № 226 принята «Региональная адресная программа «Переселение граждан из многоквартирных домов, признанных до 1 января 2007 г. в установленном порядке аварийными и подлежащими сносу» на 2010 – 2011 годы. Задачи программы – приобретение у застройщиков жилых помещений в многоквартирных домах и строительство многоквартирных домов [12].

Долгосрочная целевая Программа «Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Прокопьевска» на 2010 – 2012 годы, утверждена постановлением Коллегии АКО от 20.10.2010 № 459 [13]. Общий объем инвестиций по двум программам составляет 22 млрд. рублей.

**Распределение программных мероприятий по областям влияния
на территорию региона и типы рынков**

Распределение программных мероприятий по области влияния на территории региона, тыс. руб.	Типы рынков							Всего
	потребитель- сель- ский	недви- дви- жимо- сти	труда	ин фор- ма- ции	средств производ- ства	фи- нан- со- вый	инфра- струк- тура	
Муниципальное образование "Прокопьевский городской округ".								
Региональная адресная программа «Переселение» на 2010-2011 гг.								
Переселение граждан из аварийных многоквартирных домов муниципального фонда.		27258						27258
«Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Прокопьевска» на 2010 – 2012 гг.								
Опережающее профессиональное обучение работников, находящихся под угрозой увольнения.			3201,06					3201,06
Организация общественных работ, временного трудоустройства граждан, находящихся под угрозой увольнения.			9332,45					9332,45
ООО «Разрез «Березовский». Строительство обогатительной фабрики «Матюшинская».					3198000			3198000
ООО «Газпром добыча Кузнецк». Добыча метана из угольных пластов.					12152040			12152040
Строительство торгового центра «Ясная Поляна».							55000	55000
ООО «Интурист «Новая заря». Организация туризма и отдыха «Парк – отель «Зенковский».	300000							300000
Итого:	300000	27258	12533		15350040		55000	15744831
Соотношение инвестиций по муниципальным образованиям и типам рынков, %	1,90	0,18	0,08	0	97,5	0	0,35	62,48
Муниципальное образование «Город Кемерово»								
«Региональная адресная программа «Переселение» на 2010-2011 гг.								
Переселение граждан из аварийных многоквартирных домов муниципального фонда		64245						64245
Итого:		64245						64245
Соотношение инвестиций по муниципальным образованиям и типам рынков, %		100						0,3

Приведенный в таблице 1. пример дает представление о принципах построения предложенной рынокоориентированной программной системы региона, в частности, для целей анализа интенсивности государственной поддержки проблемы моногородов. Так, из таблицы 1 видно, что из совокупности инвестиций по двум вы-

бранным областным программам на долю муниципального образования «Город Кемерово» приходится 0,3 % программной поддержки, и все инвестиции осуществляются в развитие рынка недвижимости муниципального образования. Иная ситуация по прокопьевскому

городскому округу, куда направлено 62,48 % от суммы программной поддержки.

Как видим, распределение программных мероприятий совокупности региональных программ в соответствии с их влиянием на рынки моногородов и полигородов позволяет наглядно оценить:

1. Доли инвестиций бюджетных средств в рынки моногородов и полигородов в общем объеме программных инвестиций.

2. Типы рынков, на развитие которых оказывают влияние программные инвестиции.

Наглядная картина того, на поддержку каких рынков направлена программная деятельность, позволит увидеть, соответствует ли она прогнозам и концепции развития региона.

Здесь необходимо заметить, что инвестиции в конкретный рынок оказывают влияние и на развитие некоторых других рынков. Так, например, строительство обогатительной фабрики в г. Прокопьевске, помимо прямого влияния на рынок средств производства, оказывает косвенное влияние на развитие рынка труда. Определение принципов расчета коэффициентов этого косвенного влияния является задачей дальнейшего исследования.

Если данные по всем муниципальным образованиям области свести к формату таблицы 1 и наложить на географическую карту Кемеровской области, мы получим карту-схему программного воздействия на развитие региональной рыночной системы.

Кроме того, региональная горизонтально интегрированная рынокоориентированная программная система дает основание для того, чтобы представить эффективность программного управления экономикой области как сумму эффективностей программного воздействия

на совокупность рынков крупных торговых центров, рынков моногородов и рыночную инфраструктуру:

$$Eijt = Kit \sum_{i=1}^n \frac{Mit}{lit} + Ljt \sum_{j=1}^n \frac{Pjt}{ljt}, \quad (1)$$

где $Eijt$ – эффективность государственного решения проблемы моногородов в регионе в период времени t . Совокупная эффективность равна сумме эффективностей инвестиций в рынки моногородов (i) и полигородов (j); Mit – эффект от государственной поддержки рынков моногородов; lit – сумма государственной поддержки рынков моногородов; Kit – коэффициент влияния инвестиций в инфраструктуру моногородов на их основные рынки; Pjt – эффект от государственной поддержки рынков полигородов; ljt – сумма государственной поддержки рынков полигородов; Ljt – коэффициент влияния инвестиций в инфраструктуру полигородов на их основные рынки.

Определить эффект государственного инвестирования в различные типы рынков полигородов и моногородов, а также степень влияния инвестиций в инфраструктуру на каждый из типов рынка довольно сложно. Для этого можно применить метод анализа «входов – выходов» системного подхода.

Более просто оценить взаимовлияние рынков и, следовательно, определить коэффициенты влияния инвестиций в один рынок на развитие другого, равно как и инвестиций в рыночную инфраструктуру. Тогда изменение эффективности программного управления проблемой в зависимости от изменений на рынках можно представить:

$$Eijt = Kit \sum_{i=1}^n \frac{\Delta CMit \Delta EMit \Delta LMit \Delta IMit \Delta MPMit \Delta FMit}{lit} + Ljt \sum_{j=1}^n \frac{\Delta CPjt \Delta EPjt \Delta LPjt \Delta IPjt \Delta MPjt \Delta FPjt}{ljt}. \quad (2)$$

$\Delta CMit$ – изменения на потребительском рынке моногорода, $\Delta EMit$ – изменения на рынке недвижимости моногорода, $\Delta LMit$ – изменения на рынке труда моногорода, $\Delta IMit$ – изменения на рынке информации моногорода, $\Delta MPMit$ – изменения на рынке средств производства моногорода, $\Delta FMit$ – изменения на финансовом рынке моногорода. Аналогично для рынков полигорода.

Таким образом, для определения эффективности государственного управления развитием региона программным методом, предлагается построение региональной программной системы, основными принципами которой являются:

- горизонтальная интеграция программных мероприятий в рамках конкретного региона;
- принятие за основу для определения области влияния программных мероприятий на развитие экономики региона структуры региональных рынков;

Литература

1. Дубнов, А. П. Программный подход к освоению природных ресурсов региона / А. П. Дубнов, А. А. Кин, Б. П. Орлов // ЭКО. – 1972. – № 2.
2. Красовский, В. Эффективность целевых экономических программ / В. Красовский // Вопросы экономики. – 1976. – № 12.

– построение карты-схемы на основе данных о распределении программной поддержки и географической карты области.

Система может строиться в зависимости от того, решение какой проблемы с помощью программного метода нас интересует. Для этого необходимо определить структуру региональных рынков, влияние программных мероприятий на которую и будет рассматриваться. Например, региональный рынок (территорию региона) можно представить как совокупность отраслевых рынков и их инфраструктуры; или как совокупность рынков основных типов – потребительского, недвижимости, труда, информации, средств производства, финансового или, в соответствии с классификацией по ареалам рынков: поселенческих, сельской местности, городских, областных [9, с. 10], либо в соответствии с другими классификационными признаками.

3. Лексин, В. Н. Программы решения региональных проблем. Предложения по упорядочению разработки и реализации / В. Н. Лексин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ieie.nsc.ru/~tacis/index.html>.
4. Лексин, В. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов. – М.: Либроком, 2009. – 368 с.
5. Новоселов, А. С. Теория региональных рынков: учебник / А. С. Новоселов. – Ростов-на-Дону: Феникс; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2002. – 448 с.
6. Шнипер, Р. И. Вопросы управления и эффективность внутриобластных программ [Приложение № 5] / Р. И. Шнипер, А. С. Новоселов, М. К. Перминова // Локальные комплексные программы / отв. ред. М. К. Бандман. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1984.
7. Шнипер, Р. И. Вопросы разработки и классификации региональных комплексных программ / Р. И. Шнипер // Известия СО АН СССР. – 1980. – № 1.
8. Шнипер, Р. И. Важнейшие черты внутриобластных программ / Р. И. Шнипер // Локальные комплексные программы / отв. ред. М. К. Бандман; ИЭОПП СО АН СССР. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1984.
9. Шнипер, Р. И. Региональные проблемы рынокообразования / Р. И. Шнипер // Регион: экономика и социология. – 1993. – Вып. 1.
10. Моногорода Кемеровской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://monogorod.kemobl.ru>.
11. Моногорода: закон и практика. Tenzor Consulting Group [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.monocityforum.ru/news/news_31.html.
12. Постановление коллегии АКО от 28.05.2010 № 226 об утверждении региональной адресной программы «Переселение граждан из многоквартирных домов, признанных до 1 января 2007 г. в установленном порядке аварийными и подлежащими сносу» на 2010 – 2011 годы // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
13. Постановление Коллегии АКО от 20.10.2010 № 459 « Об утверждении долгосрочной целевой программы «Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Прокопьевска» на 2010 – 2012 годы // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

Информация об авторе:

Метелева Марина Анатольевна – соискатель кафедры менеджмента, Кемеровский институт Российского государственного торгово-экономического университета, экономист ООО «ФПС «Сибконкорд», 8-923-618-2898, MetelevaMarina@yandex.ru

Metelleva Marina Anatolievna – post-graduate student at the Department of Management of Kemerovo Institute of the Russian State University of Trade and Economy; economist at ООО “FPU “Sibkonkord”

УДК 338.2

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

А. В. Мухачёва

QUALITY OF LIFE AS A SCIENTIFIC CATEGORY: THEORETICAL APPROACHES TO DETERMINING

A. V. Muhacheva

Статья написана при поддержке гранта РГНФ №11-13-42001 а/Т.

Статья посвящена рассмотрению многообразия теоретических подходов к определению такого объемного междисциплинарного понятия, как качество жизни населения. Представлена их классификация, произведено разграничение смежных с анализируемым понятием, таких, как счастье, удовлетворенность жизнью, уровень, условия жизни, интересы, потребности, ценности, сформирована теоретическая модель качества жизни.

The article analyzes the theoretical approaches to defining the quality of life as an interdisciplinary concept. The author provides the classification of these approaches and distinguishes the concepts of happiness, life satisfaction, level of life, living conditions, interests, needs, values. A theoretical model of quality of life is suggested.

Ключевые слова: уровень жизни, качество жизни, удовлетворенность жизнью, потребности, интересы.

Keywords: level of life, quality of life, life satisfaction, needs and interests.

Большинство исследователей качества жизни населения отмечают отсутствие общепринятого понимания сущности данного понятия и подходов к его определению, а также то, что именно междисциплинарный характер категории «качество жизни» обуславливает возникновение существенных проблем при его интерпретации: представители различных наук тяготеют к сужению сфер общественной и индивидуальной

жизни, охватываемых данным понятием, ограничиваясь лишь теми, что лежат в пространстве отдельной науки. Это неминуемо приводит к «однобокости» в понимании сущности качества жизни.

В вопросе качества жизни сталкиваются такие науки, как социология (изучает общественный характер качества жизни), психология (специализируется на анализе «ощущаемого качества жизни» и его компонен-

тов), экономика (пытается выявить значимые объективные экономические предпосылки для повышения качества жизни), политика (анализирует институциональные основы и механизмы управления качеством жизни населения определенной территории), философия (пытается интерпретировать качество жизни в рамках онтогенеза и коллективных форм бытия), медицина (занимается изучением качества жизни пациентов с различными заболеваниями) и др.

Создаваемая веками система научных направлений, призванная усовершенствовать процесс научного познания и структурировать научные результаты, к сожалению, терпит «крах» при изучении многомерных объектов междисциплинарного характера: здесь зарождается всем известный «спор физиков и лириков». Наряду с научной дифференциацией объектов исследований различных наук существует также тенденция к их интеграции, по мере роста численности междисциплинарных вопросов увеличивается потребность в синтезе научных подходов.

Но что делать, если такой емкий по своему содержанию и структуре вопрос, как качество жизни населения, лежит в плоскостях пересечения более десяти самостоятельных наук? В этой связи необходимо решение достаточно сложной задачи – создания некоторого синтетического научного направления на дефиниционной, методической и методологической базе широкого ряда наук, некое мультинаучное течение. Исследователи различного профиля смогут привнести свой вклад в создание комплексной модели качества жизни, исследовав отдельные его стороны, в результате чего теоретическая модель качества жизни, подобно ограненному камню, приобретет четкость и ясность форм.

Что же служит отправной точкой при рассмотрении такой противоречивой категории, как качество жизни? Что должно лежать в основе его определения? Даже при поверхностном его анализе на интуитивном уровне любому исследователю представляется очевидным, что базовым понятием, наиболее близким по смыслу, синонимичным качеству жизни человека является удовлетворенность человека жизнью – как степень соответствия действительных параметров и условий жизни ожиданиям человека. В этом мнения большинства исследователей достигают относительного единства. Само понятие «качество» определяет именно отношения соответствия жизни некоторым показателям, значение которых позволяет говорить о высоком или низком его уровне.

Также многие западные исследователи в области психологии считают близким по значению качеству жизни понятия «счастье» – подобное сравнение можно встретить в работах «Психология счастья» М. Аргайл М., «Представление о счастье в российском менталитете» И. А. Джидарьян И. А., «Независимость позитивных и негативных влияний» Е. Динера и Р. А. Эммонса. Действительно, вопрос о качестве жизни человека в значительной степени близок вопросу о счастье. Однако понятие «счастье» не принято использовать в научном обороте ввиду некоторой его эфемерности, недоступности для анализа. Кроме того, счастье не поддается дифференцированному измерению, т. к. означает высшую ступень удовлетворенности жизнью (относительно счастья принято использовать, скорее, характеристики «наличие-отсутствие», чем «больше-меньше»). В

то время как удовлетворенность жизнью можно разделить на определенное количество уровней, измерить по некоторой шкале (допустимо говорить о более высокой или более низкой удовлетворенности жизнью). Поэтому качество жизни целесообразнее всего сопоставлять именно с удовлетворенностью жизнью, и только высокое качество жизни неизменно будет иметь в качестве постоянного спутника счастье.

Тем не менее термин «удовлетворенность жизнью» имеет определенную дефиниционную неполноту, неточность, размытость. Возникает правомерный вопрос: чем именно должен быть удовлетворен человек? В зависимости от предлагаемого различными исследователями ответа на данный вопрос можно классифицировать теоретические модели качества жизни населения.

Так, например, некоторые ученые считают, что качество жизни человека – это степень удовлетворенности его потребностей. Представители Всероссийского центра изучения уровня жизни (ВЦИУЖ) Баженов С. А. и Маликов Н. С. указывают, что «потребности человека рассматриваются как внутренняя причина его жизнедеятельности», а качество жизни определяется как «уровень и степень удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей» [1, с. 3]. Схожую формулировку определения качества жизни предлагает Матвеева Т. Ф., утверждая, что «неудовлетворенные по различным причинам [потребности] служат предпосылкой к возникновению различного рода суждений о качестве бытия» [8, с. 9]. Глушакова О. В. отмечает существование не только прямой, но и обратной зависимости потребностей человека и качества его жизни, утверждая, что «система потребностей отдельно взятого индивида зависит от ... условий его жизнедеятельности» [4, с. 12].

Согласно общепринятому подходу, потребности представляют собой необходимость, нужду или недостаток в чем-либо для поддержания жизнедеятельности организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом [1]. Разнообразие предметов потребностей человека (того, в чем именно ощущается человеком нужда, недостаток), требует упорядочивания и структурирования последних. В настоящее время в рамках общего подхода к качеству жизни как степени удовлетворения потребностей человека имеются различия в частных подходах к качеству жизни в зависимости от классификации потребностей.

Зачастую исследователи при трактовке качества жизни и разработке показателей для его измерения излишне акцентируют внимание на одних группах человеческих потребностей, игнорируя другие. Обычно характер подобного акцентирования зависит от профиля научной деятельности исследователя. Как уже упоминалось выше, ученые-экономисты при рассмотрении качества жизни заостряют особое внимание на материальных потребностях, психологи – на потребностях личностного развития, социологи – на общественных потребностях, философы – на духовных потребностях. При этом «экономическая» трактовка преобладает над остальными ввиду того, что материальные потребности более универсальны и легко измеримы, а также потому, что термин «качество жизни» впервые появился именно в экономике – его ввел в 60-х гг. экономист Дж. Гэлбрейт, в дальнейшем ученые использовали данный термин «для числового выражения особенностей социально-экономической среды жизни людей» [12, с. 3].

Широко известные классификации потребностей были предложены К. Алдерфером (в существовании, во взаимосвязях, в росте), Д. Макклелландом (в достижении, в присоединении, во власти), Ф. Герцбергом (гигиенические и факторы-мотиваторы), классиками марксизма-ленинизма (естественные потребности и созданные обществом), Махнырыловым В. П. (физиологические, социальные), Барановой Л. Я. (материальные, духовные), Рофе А. И. (физические, духовные, социальные), Тарасенко В. И. (существования и развития), Подмаровым В. Г. (обеспечения, призвания, престижа), Завельским М. Г. (желание обладать благами, приносящими комфорт и наслаждение, потребности, связанные с реализацией способностей человека), Генкиным Б. М. (потребности существования, потребности достижения цели в жизни) [8].

Для достижения единства в подходе к качеству жизни необходимо обеспечение единства в классификации потребностей. Согласно наиболее общему подходу, потребности можно условно разделить на жизнеобеспечивающие (включая материальные потребности, потребности в благоприятной среде обитания), социальные (общественные, в т. ч. политические и статусные) и духовные (включая все разновидности потребностей в развитии, познании и самоопределении). Данная типология потребностей успешно согласуется с большинством классификаций.

Примечательно использование термина «жизнеобеспечивающие» потребности вместо привычного «материальные», что объясняется более широким смысловым значением первых и неполной материальной обусловленностью условий существования человека. Так, например, такие характеристики среды обитания, как экологическая безопасность и развитие системы здравоохранения зависят не столько от материального обеспечения индивида, сколько от развития экономики, науки и техники, целевых действий органов власти – согласно предлагаемому подходу их следует включать в состав «жизнеобеспечивающих» потребностей.

Дальнейшее выделение классификационных групп может происходить бесконечно и зависит только от аналитических способностей и терпения исследователя, но в конечном итоге оно все же приводит к нежелательным противоречиям в классификации потребностей и, следовательно, в подходе к качеству жизни.

Помимо аналитической группировки человеческих потребностей, необходимо установление иерархических связей между ними. «Пальма первенства» в данном вопросе длительное время принадлежит Абрахаму Маслоу и его знаменитой «пирамиде потребностей», начиная снизу которой выстраиваются по приоритетам удовлетворения описанные выше группы потребностей: жизнеобеспечивающие (физиологические, в безопасности в интерпретации Маслоу), социальные (в принадлежности и любви, в уважении), духовные (познавательные, эстетические, в самоактуализации).

Несмотря на многочисленные попытки оспорить данную классификацию потребностей (действительно известно множество случаев инверсии потребностей), еще ни одному ученому не удалось предложить полноценный альтернативный вариант, отличающийся подобной универсальностью. Сама возможность создания интерперсональной теоретической модели качества жизни исходит из предположения А. Маслоу: «Люди

больше похожи друг на друга, чем это кажется на первый взгляд» [7, с. 49].

Первостепенной задачей при разработке понятия «качество жизни» в соответствии с научными дефиниционными и классификационными принципами является установление признаков сходства и различия с прочими родственными категориями – необходимо разграничение понятий «уровень жизни», «образ жизни», «качество жизни».

Большинство советских ученых рассматривало перечисленные категории как «характеристики общественного организма, которые лежат в разных плоскостях, частично пересекаясь, но не покрывая и не подменяя друг друга» [Римашевская]. Анализируя соотношение понятий «уровень жизни» и «качество жизни», большинство ученых солидарны друг с другом в признании второго более емким, поглощающим первое (имеются исключения: например, И. В. Бестужев-Лада считает, что категория "образ жизни" интегрирует такие понятия, как уровень жизни, качество жизни, стиль жизни, уклад жизни) [2].

Показательным с этой точки зрения является ситуация в СССР 60 – 70-х гг., когда качество жизни советского населения в целом было не ниже качества жизни населения ведущих западных стран, при том, что уровень жизни в СССР был примерно в 2 раза ниже. Существуют также другие примеры. Когда в бытность СССР эскимосов переселили из чумов в комфортабельные квартиры, уровень их жизни возрос, но уровень смертности резко повысился и, как сформулировал один из социологов, «они стали вымирать от тоски». В ГДР после присоединения к ФРГ материальные условия улучшились в 3 – 5 раз, однако уровни самоубийств, преступности и смертности резко выросли [3].

Таким образом, качество жизни является понятием, интегрирующим все значимые аспекты существования человека, в т. ч. уровень жизни. Образ жизни человека имеет несколько иное сущностное свойство – он является внешним проявлением выбираемых отдельным человеком способов удовлетворения своих потребностей, определяет их установленный порядок.

Соотношение понятий «уровень жизни» и «качество жизни» становится более ясным при рассмотрении его в рамках структуры человеческих потребностей. Если мы примем в качестве базовой классификации разделение потребностей на жизнеобеспечивающие, социальные и духовные, а качество жизни будем считать тождественным степени удовлетворенности всего набора человеческих потребностей, то несложно будем заметить, что понятие «уровень жизни» охватывает лишь первую классификационную группу потребностей.

Таким образом, уровень жизни – это степень удовлетворенности жизнеобеспечивающих потребностей, способствующих выживанию человечества как вида.

Потребность в экологической безопасности, развитии системы здравоохранения, правоохранительной защите и пр. многими учеными относятся не к уровню жизни, а ее условиям – такого рода суждения можно встретить в работах многих исследователей, например В. А. Шабашева, П. Д. Косинского, Т. Ф. Матвеевой, В. В. Гузырь, О. В. Глушаковой. Однако в контексте указанного выше определения, перечисленные потребности относятся к жизнеобеспечивающим, следовательно, их необходимо рассматривать в рамках уровня жизни. Можно сделать вывод, что все группы населения опре-

деленной территории имеют единую общую составляющую уровня жизни, характеризующуюся развитием образования, здравоохранения, состоянием экологии, правопорядка, уровень которой во многом определяется эффективностью деятельности органов власти.

Рассмотрим теперь другую группу подходов к качеству жизни, в центре которых оказываются ценности человека. Именно ценности выступают ключевым понятием, характеризующим удовлетворенность человека жизнью, в работах исследователей, сосредоточенных на психологическом аспекте качества жизни, приверженцев модели «ощущаемого качества жизни», сформированной в рамках субъективного подхода к его оценке.

Так, специалисты Всероссийского научно-исследовательского института технической эстетики (ВНИИ-ТЭ), такие, как Давыдова Е. Е., Давыдова А. А., Зарковский Г. М., Кузьмичев Л. А., Степанова Б. Г., под качеством жизни понимают совокупность жизненных ценностей, характеризующих созидательную деятельность, удовлетворение потребностей и развитие человека, удовлетворенность людей жизнью, социальными отношениями и окружающей средой [5]. Представители медицинских наук (Митчелос А. С, Бэйзер М.) предлагают определение качества жизни как восприятие индивидуумом его положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей. [9] Представители психологического направления в интерпретации качества жизни (Т. Н. Савченко и Г. М. Головина), концентрируясь на его восприятии индивидуумом, дают определение субъективного качества жизни как «степени соответствия реальных ценностных структур различного уровня идеальным в представлении респондентов» [12].

Таким образом, большинство ученых под ценностями в рамках разработки подхода к качеству жизни понимают некоторые установки индивида, позволяющие делать суждения об уровне их удовлетворенности жизнью. В этой связи на первый план выходит субъективная, «ощущаемая» сторона качества жизни человека.

И наконец, существует еще один подход к качеству жизни, согласно которому особое значение приобретают интересы индивида. Представители ВЦУЖ (Всероссийского центра изучения уровня жизни населения) Маликов Н. С. и Баженов С. А. разработали определение качества жизни как степени удовлетворения потребностей и реализации интересов социального субъекта. При этом указанные исследователи под интересами индивида понимают его потребности именно в социальной сфере, которые «перестают быть нуждой для физического существования человека» [6]. Таким образом, Маликов Н. С. и Баженов С. А. указывают на существенное различие между жизнеобеспечивающими потребностями и социальными, выдвигая для определения последних специальное понятие. Также указанные исследователи рассматривают ценности индивида как разновидность интересов, проявляющихся в духовной среде.

Для прояснения сущностных отличий подходов к качеству жизни в контексте человеческих потребностей, ценностей и интересов необходимо проанализировать соотношение данных понятий. Исходя из вышеприведенных определений различных авторов становится очевидно, что в основе интересов и ценностей индивида лежат его потребности. Поэтому, на наш взгляд, следует согласиться с первой группой исследо-

вателей, определяющей качество жизни через удовлетворение потребностей.

Несмотря на вышеизложенную точку зрения, предлагаемую Маликовым Н. С. и Баженовым С. А., согласно которой интересы индивида являются выражением его потребностей только в социальной и духовной сферах (в последней интересы рассматриваются как ценности), в современном обществе предполагается вполне возможным и приемлемым говорить и о материальных интересах индивида, охватывающих широкий спектр жизнеобеспечивающих потребностей. Это приводит к выводу, что интересы являются формой выражения не только социальной и духовной, а абсолютно всех групп человеческих потребностей.

В то же время утверждение о необходимости рассмотрения ценностей как интересов исключительно в духовной сфере также является спорным, т. к., несомненно, можно говорить о наличии и степени развития материальных ценностей человека, характеризующихся значимостью для него атрибутов физиологической жизни, а также о ценностях социального характера (ценностями различного рода отношений в социуме). Поэтому ценности в рамках теории качества жизни являются своего рода показателями, определяющими значимость для того или иного индивида или общества определенных потребностей. Ценности являются некоторым сознательным «фильтром» интересов человека как способов реализации этих потребностей на пути их трансформации в цели деятельности человека и общества. Если бы не было ценностей, человек бы подобно животному следовал за каждой внезапно возникшей на уровне инстинкта потребностью, не задумываясь о последствиях своих действий.

Также следует заметить, что некоторые ученые в определении качества жизни через уровень удовлетворения потребностей делают акцент на объективной (в основном, экономисты) или субъективной (в основном психологи) ее оценке. Однако большинство исследователей в настоящее время признают двойственность в определениях качества жизни, предполагающую одновременное существование обоих указанных аспектов.

Значительно сузив обширный перечень предлагаемых подходов к термину «качество жизни» требование его определения через удовлетворение потребностей и указания на двойственность оценки (наличие объективного и субъективного аспектов), выделим некоторые из приемлемых авторских интерпретаций качества жизни.

Качество жизни – комплексная характеристика уровня и условий жизнедеятельности людей, отражающих степень удовлетворения ими различных потребностей и субъективное восприятие жизни и ее отдельных аспектов [13].

В данном определении, помимо соответствия указанному выше критерию, также имеется структурное описание качества жизни как совокупности уровня жизни и ее условий, однако имеет значение содержание выделяемых условий жизни, т. к. некоторые из них (развитие системы здравоохранения, состояние экологии и пр.), как уже указывалось выше, относятся к жизнеобеспечивающим потребностям, а следовательно, входят в понятие «уровень жизни». Важной составляющей качества жизни является комплексность, как было отмечено в определении.

Качество жизни – степень развития и полнота удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей, проявляющаяся как в различных формах деятельности, так и в самом жизнеощущении [10].

Авторами в определении качества жизни используется термин «интересы» как форма выражения потребностей человека в соответствии с их интерпретацией последних, т. е. интересы – категория производная от потребностей, следовательно, удовлетворение интересов влечет за собой удовлетворение потребностей. В связи с этим употребление дополнительно к потребностям термина «интересы» является избыточным.

Таким образом, в широком смысле качество жизни можно интерпретировать как комплексную оценку степени удовлетворения жизнеобеспечивающих, социаль-

ных и духовных потребностей человека, определяемую объективно существующими в рамках действующей социально-экономической системы и субъективно ощущаемыми характеристиками его жизни.

Вряд ли в ближайшем будущем следует ожидать «затихания» исследовательских споров о сущности качества жизни и различных подходах к его определению, только создание междисциплинарного направления способствовало бы созданию единой дефиниционной концепции этой многогранной научной категории. И снова возникает аналогия категории «качества жизни» с понятием «счастье» – все о нем говорят, но никто не может однозначно обозначить его сущность.

Литература

1. Баженов, С. А. Качество жизни населения: теория и практика / С. А. Баженов, Н. С. Маликов // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 10.
2. Бестужев-Лада, И. В. Теоретические и методологические проблемы исследования образа жизни / И. В. Бестужев-Лада. – М., 1979.
3. Гундаров, И. А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России / И. А. Гундаров. – М.: Беловодье, 2003.
4. Глушакова, О. В. Управление воспринимаемым качеством жизни: теоретико-прикладные аспекты: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 07.12.2006 / О. В. Глушакова. – Кемерово: КемГУ, 2006.
5. Зараковский, Г. М. Социально-личностное благополучие в структуре качества жизни общества. Показатели и критерии / Г. М. Зараковский // Сборник докладов по качеству жизни. Критерии и оценки. – М.: ВНИИТЭ, 2003.
6. Маликов, Н. С. К вопросу о качестве жизни и его измерении / Н. С. Маликов // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 2.
7. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2007.
8. Матвеева, Т. Ф. Теоретико-методологические аспекты системного управления качеством жизни населения: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Т. Ф. Матвеева. – Кемерово: КузГТУ, 2005.
9. Митчелл, А. С. Смертность и заболеваемость и медицинская помощь (качество жизни в Канаде и США) / А. С. Митчелл. – 1976.
10. Мстиславский, П. С. Вопросы теории и методологии анализа качества жизни / П. С. Мстиславский // Уровень жизни населения России. – 2002. – № 2.
11. Римашевская, Н. М. Потребности, доходы, потребление / Н. М. Римашевская. – М.: Наука, 1979.
12. Савченко, Т. Н. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования / Т. Н. Савченко, Г. М. Головина. – М.: Институт психологии РАН, 2006.
13. Шабашев, В. А. К вопросу о толковании и измерении качества жизни / В. А. Шабашев, Е. А. Морозова // Вестник Кузбасского технического университета. – Кемерово, 2005.

Информация об авторе:

Мухачёва Анна Валентиновна – ассистент кафедры менеджмента КемГУ, 8-983-215-63-04.

Mukhacheva Anna Valentinovna – Lecturer at the Department of Management of KemSU.

УДК 658.5.011:669

ПЛАНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТОСПОСОБНОСТИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ Н. И. Новиков, Г. В. Новикова

PLANNING THE SYSTEM OF MAINTENING THE INDUSTRIAL-TECHNOLOGICAL WORKING CAPACITY OF A METALLURGICAL ENTERPRISE N. I. Novikov, G. V. Novikova

Выявлены причины низкой эффективности поддержания работоспособности оборудования. Изложены положения, являющиеся основой формирования системы поддержания работоспособности предприятия в современных условиях хозяйствования. Разработана концепция формирования системы производственно-технологического поддержания работоспособности металлургического предприятия.

The causes of low efficiency of maintaining equipment performance capacity have been identified. The basis of forming the system of maintaining equipment performance capacity in today's economic conditions is set. The conception of form-

ing a system of maintaining the industrial and technological working capacity of a metallurgic enterprise has been developed.

Ключевые слова: поддержание работоспособности, система, оборудование, формирование системы, инновации и инвестиции, ремонты, модернизация, эффективность

Keywords: maintaining performance capacity, system, equipment, system formation, innovation and investment, repairs, modernization, efficiency.

Планирование системы поддержания производственно-технологической работоспособности металлургического предприятия является одной из составляющих совершенствования стратегического управления его развитием. Подразумевается, что система поддержания основывается прежде всего на непрерывных инновационных процессах, включающих как собственно управление развитием, так и само развитие предприятия.

Принципиальной основой планирования системы поддержания работоспособности предприятия в современных условиях хозяйствования, на наш взгляд, должны стать следующие положения:

- поддержание стабильной работоспособности оборудования – первостепенная задача ремонтного производства;
- поддержание техники и технологии на мировом уровне – генеральная цель инновационной и инвестиционной политики;
- любое действие в системе поддержания работоспособности должно быть эффективно (экономически, социально, организационно, экологически, эргономически);
- основной ориентир – приоритет экономической, а не технической обоснованности ремонта или модернизации и обновления оборудования (как образно говорят специалисты – «техника – инструмент, а не памятник, ремонт – средство, а не цель»);
- постоянное соизмерение уровня затрат на содержание и ремонт оборудования с изменением стоимости основных фондов, а также с объемом производства продукции – для оценки экономически допустимого предела затрат на содержание и ремонт оборудования;
- поддержание рационального сочетания капитального ремонта с модернизацией и обновлением оборудования.

Для эффективного функционирования системы оборудования в работоспособном состоянии необходима определенная материальная база, включающая диагностическое оборудование, инструмент, спецприспособ-

ления, резерв запасных и быстроизнашивающихся частей оборудования, другие материалы.

Оборудование в процессе эксплуатации подвергается двум видам воздействия со стороны любых окружающих систем: отклоняющим (от состояния работоспособности) и корректирующим (до состояния работоспособности).

Отклоняющие воздействия:

- нагрузки на оборудование (соответствие технологическим регламентам определяет уровни износов);
- несоответствие используемых энергетических ресурсов проектным: качество топлива; качество охлаждения, температурные режимы;
- несоответствие режимов смазки оборудования нормативным;
- низкое качество выполнения своих обязанностей любыми категориями персонала.

Корректирующие воздействия направлены на нейтрализацию отклоняющих воздействий.

Оборудование имеет свои ресурсы эксплуатации до момента эксплуатации. Причем, как правило, элементы, составляющие оборудование, имеют разные ресурсы. Очень важно, чтобы документально зафиксированные ресурсы, которые являются ориентиром в планировании процессов поддержания и восстановления работоспособности, соответствовали фактическому состоянию. В противном случае, вероятность безотказной работы оборудования существенно снизится.

Важную роль в системе поддержания работоспособности оборудования играет структура взаимосвязей в ходе производственного процесса. Структура взаимосвязей в системе поддержания работоспособности оборудования представлена на рисунке 1.

Проанализировав структуру взаимосвязей в системе поддержания работоспособности оборудования, а также учитывая состояние оборудования предприятий чёрной металлургии, по мнению автора, можно сделать вывод, что существует целый ряд причин ее низкой эффективности (таблица 1).

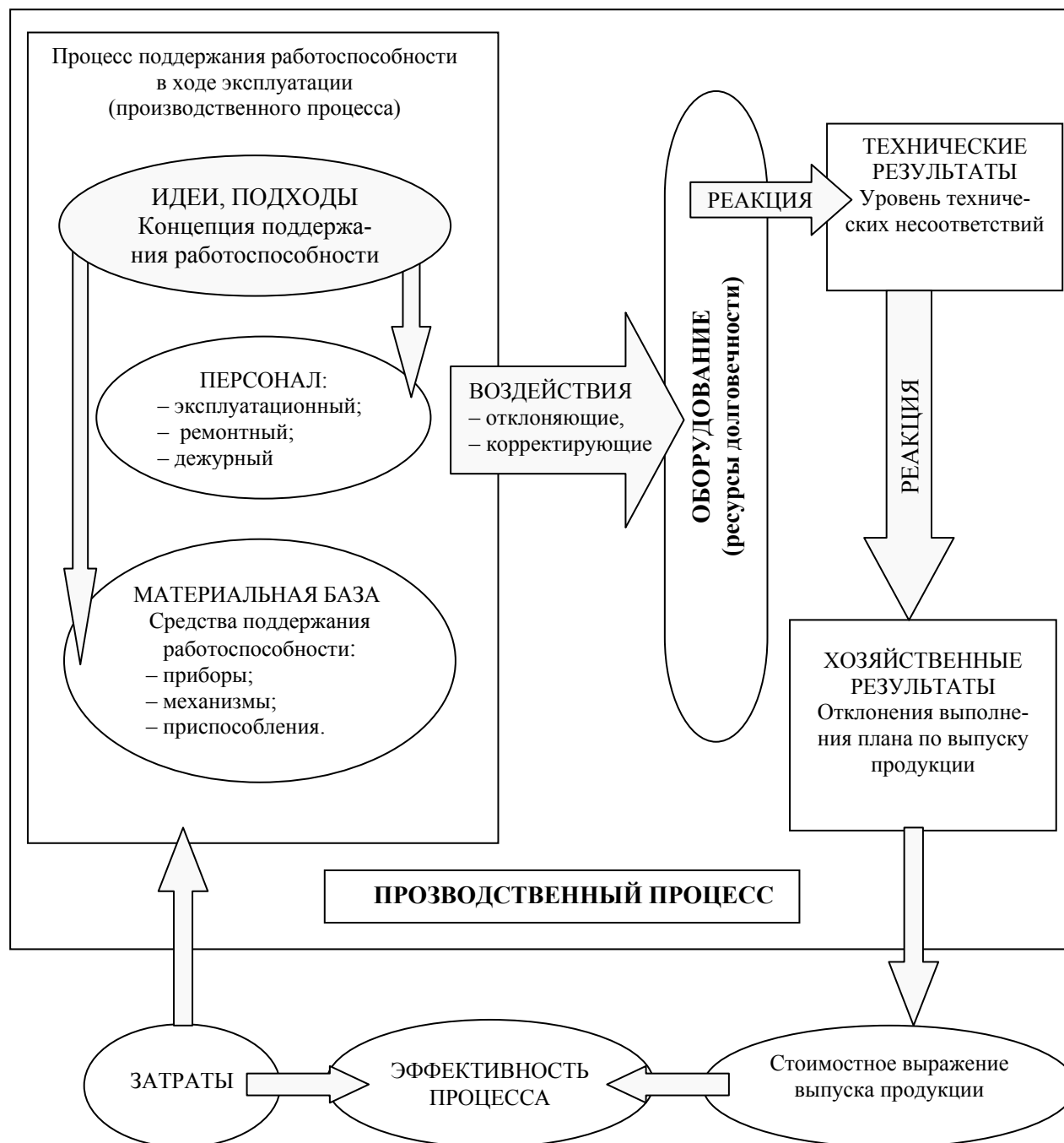

Рис. 1. Структура взаимосвязей в системе поддержания работоспособности оборудования

Таблица 1

Причины низкой эффективности системы поддержания работоспособности оборудования

Составляющие системы	Перечень причин
ОБОРУДОВАНИЕ	- высокий уровень износа активной части ОПФ; - новые требования современных технологий не вполне соответствуют возможностям оборудования.
ПЕРСОНАЛ	- общее снижение эффективной квалификации ремонтного персонала механослужбы; - отсутствие действенной внешней мотивации персонала всех категорий к качественному выполнению своих обязанностей.
МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА	- изменение подходов к финансированию деятельности ремонтных служб, а также рост цен на покупные запчасти и оборудование привел к усложнению ситуации со своевременным ритмичным снабжением з/частями, оборудованием и материалами; - отсутствие технической базы, соответствующей требованиям, предъявляемым к

Составляющие системы	Перечень причин
	качеству учета состояния оборудования, а также к качеству и скорости его восстановления.
ОРГАНИЗАЦИЯ	- недостаточная четкость в отношениях по поводу состояния оборудования между технологическим и ремонтным персоналами; - снижение дисциплины организационного порядка процедур восстановления и поддержания работоспособности оборудования; - отсутствие эффективной, четко организованной системы сбора, анализа, адекватной интерпретации информации о состоянии оборудования; - медленно внедряются стандарты качества в деятельность ремонтного и эксплуатационного персонала.

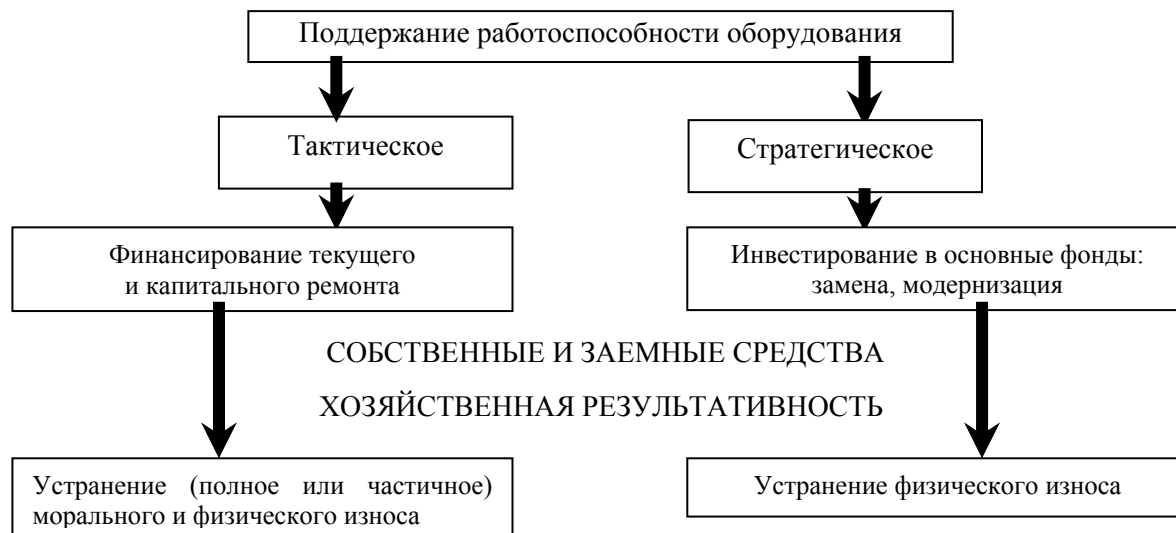

Рис. 2. Структура и результаты процесса поддержания работоспособности

Охарактеризуем составляющие системы.

Оборудование. Процесс поддержания необходимой работоспособности укрупненно разделим на стратегическую и тактическую составляющие (рисунок 2).

Как показывает практика, устаревшее оборудование требует гораздо больше средств на своё существование и функционирование, чем новое аналогичное, и в то же время дает меньший эффект. Это объясняется следующими причинами:

- техническая – удорожание ремонта и содержания;
- экономическая – альтернативные издержки, существование более эффективных технологий;
- экологическая – штрафы за выбросы в атмосферу вредных отходов производства постоянно растут.

Таким образом, чем старше оборудование, тем меньшей эффективностью характеризуется процесс поддержания его работоспособности.

Персонал. Важнейшей составляющей системы поддержания работоспособности оборудования является персонал, поскольку от его квалификации, отношения к делу, мотивации в значительной степени зависит успех дела. Численность ремонтного персонала должна соответствовать трудоемкости ремонтных работ, обеспечивающих систему поддержания работоспособности оборудования.

Материальная база и организация. Материальная база и организация по всем позициям должны быть таковы, чтобы в полной мере обеспечить эффективное функционирование системы.

Для обеспечения ритмичной устойчивой работы предприятия необходимо обеспечить следующее состояние производственной системы:

- постоянная эксплуатационная готовность оборудования к производству востребованных платежеспособным спросом рынка товаров и услуг, заключающаяся в постоянном исправном состоянии техники и соответствии её проектным характеристикам;
- существование действенного механизма планирования, учета и оценки эффективности расходования средств на поддержание оборудования в работоспособном состоянии.

Работоспособность оборудования на металлургических предприятиях обеспечивается в настоящее время системой технического обслуживания и ремонтов (ТОиР).

Главными направлениями повышения эффективности технического обслуживания оборудования металлургических предприятий являются: планирование и управление техническим обслуживанием на базе данных о техническом состоянии оборудования (диагностика состояния оборудования); совершенствование планирования и оптимизации управления запасами запчастей; оптимальное согласование технического обслуживания с общим ходом технологического процесса; оптимизация проведения ремонтов металлургических агрегатов (по срокам, затратам).

Планирование объема работ по техническому обслуживанию, сроков их проведения, а также определе-

ние вида ремонта производится на базе статистических данных о состоянии оборудования, прогноза его изменений и ожидаемых моментов отказа в планируемом периоде времени.

В процессе управления техническим обслуживанием важное значение имеет показатель динамики производительности оборудования. При этом в целях обеспечения нормального хода производственного процесса производительность в прогнозируемый момент времени ремонта $P(T_p)$ не должна быть ниже определенного минимального уровня P_{min} . Это, в первую очередь, относится к металлургическим печам. В том случае, если $P(T_p) < P_{min}$, экономически целесообразный срок остановки агрегата на ремонт соответствует моменту времени, когда $P_p = P_{min}$.

В процессе управления техническим обслуживанием конкретизируется перечень мероприятий, их объем и сроки проведения с учетом производственных условий и динамики состояния оборудования. Учет производственных условий в практике работы металлургических комбинатов Кузбасса находит отражение в согласовании производственных программ и оперативных графиков сопряженных цехов и предприятия в целом, в создании или наращивании буферных заделов, обеспечивая тем самым минимальные потери. Оптимум согласования с производством характеризуется минимальными потерями производства или максимальным его объемом.

Экономический эффект от совершенствования планирования и управления техническим обслуживанием достигается, таким образом, за счет прироста объема производства продукции по предприятию в целом. Вместе с тем планирование и оперативное регулирование, базирующиеся на данных о фактическом состоянии оборудования и его динамике, способствуют оптимизации движения ремонтных материалов и запчастей и, на этой основе, снижению затрат на производство продукции.

Обеспечение рационального потребления ремонтных материалов и эффективность их использования также тесно связаны с качеством планирования и управления техническим обслуживанием.

Определение оптимальной потребности в ремонтных материалах и запчастях должно быть положено в основу рациональной организации складского хозяйства и работы ремонтных цехов. Тем самым обеспечивается минимум материальных затрат на техническое обслуживание оборудования.

Как собственно техническое обслуживание, так и проведение ремонтов всех видов на металлургических предприятиях требуют согласования с общим ходом технологического процесса. В отличие от других мероприятий системы планово-предупредительных ремонтов (ППР), ремонты на металлургических предприятиях как относительно обособленного, так и взаимосвязанного производственным потоком оборудования проводятся всегда концентрированно в определенном отрезке времени.

Проведение ремонтов основного технологического и вспомогательного оборудования сопряжено не только с прямыми затратами, но и с затратами времени, приводящими к потерям основного производства [1]. Снижение потерь времени работы оборудования по причине ремонтов является одним из существенных резервов повышения эффективности производственно-хозяйст-

венной деятельности металлургических предприятий. Основной путь для установления и максимальной реализации этих резервов заключается в рациональной организации и оптимизации планирования проведения всех видов ремонтных работ.

Правильный выбор системы проведения ремонтов на металлургическом предприятии, а также определение их сроков и продолжительности с точки зрения согласованного хода производственного процесса предполагают минимизацию совокупных потерь, связанных с временной остановкой соответствующих единиц оборудования, а также с динамикой их производительности в межремонтном периоде.

Установление сроков и продолжительности проведения ремонтов металлургического оборудования в сопряженной цепи производственных подразделений является многовариантным процессом со множеством возможных решений, удовлетворяющих указанному критерию. Выбор конкретного варианта зависит от фактических условий в каждом конкретном случае, а именно: наличия запчастей и ремонтных материалов, возможности предварительной сборки узлов, возможного привлечения ремонтного персонала, изменяющихся условий производственного процесса. Поэтому выбранный вариант должен удовлетворять требованию наибольшей вероятности его точного осуществления в тесной связи с рациональной организацией ремонтных работ.

Управление и организацию ремонтных работ на металлургических предприятиях удобно осуществлять с помощью давно известного способа – сетевых графиков, отражающих оптимальный вариант сроков и последовательности осуществления всего объема необходимых работ.

Вершины графика в реальном масштабе времени характеризуют моменты времени всех очередных событий (операций) за период ремонта.

Эффективность технического обслуживания оборудования на металлургических предприятиях отражается непосредственно в показателях производственно-хозяйственной деятельности ремонтных подразделений и предприятия в целом.

В общем случае оценка эффективности системы поддержания работоспособности технологического оборудования не может быть дана по одному из критериев (эффективность работы ремонтных служб, взаимосвязь с технологическим процессом) или по одному из технико-экономических показателей (производительность оборудования, потери времени работы оборудования и т. п.).

Действительный оптимум системы поддержания работоспособности технологического оборудования производственной системы может быть определен только исходя из конечных результатов в производственно-хозяйственной деятельности предприятия с учетом имеющихся возможностей по мобилизации ремонтных мощностей, трудовых и материальных ресурсов.

Исследование существующей в настоящее время системы поддержания работоспособности металлургического оборудования и её элементов позволили сделать ряд выводов, которые легли в основу разработки концепции формирования системы производственно-технологического поддержания работоспособности металлургического предприятия. Обобщив эти выводы,

автор предлагает обновленную систему, содержанием которой является следующее:

- внутрисменное ТО и проведение диагностики состояния оборудования сменным персоналом с последующей автоматической или полуавтоматической кодификацией и сохранением полученной информации;
- прогнозирование будущих состояний оборудования и техники на основе накапливаемой информации о закономерностях её работы и интерпретации этой информации;
- отказ от практики принудительной остановки оборудования для проведения восстановительных операций согласно нормативам, постановка системы ремонтов по состоянию с системой гарантии качества;
- предупреждающие действия в межремонтный период и подготовка резервных узлов и деталей с гарантией качества;

- широкое привлечение персонала в процессы управления качеством через мотивацию деятельности;
- экономический анализ цикла работы оборудования для его своевременного обновления и проведения подготовительных мероприятий для этого.

Содержание предложенной системы поддержания работоспособности оборудования структурно представлено на рисунке 3.

Разработанная модифицированная система не исключает систему ТОиР. Скорее, она является развитием этой системы и внедрением соответствующих современным условиям методов и процедур поддержания работоспособности и в то же время устранением отживших из них. Принципиальные основы, оговоренные в ТОиР, соответствуют предлагаемой системе, за исключением формы восстановления за счет принудительных плановых остановок на ремонт.

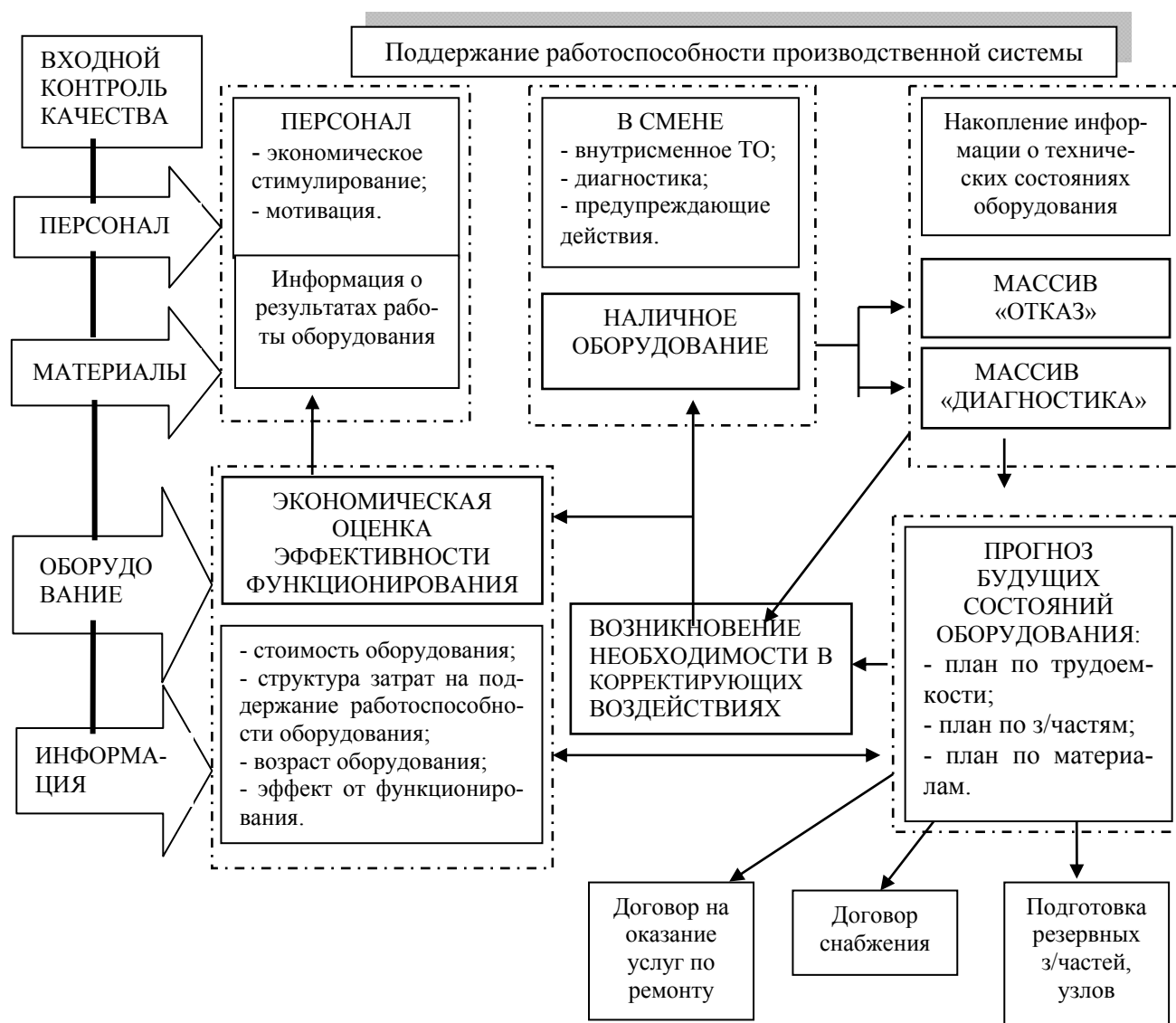

Рис. 3. Предлагаемая система поддержания работоспособности металлургического оборудования

Результатом внедрения усовершенствованной, по предложению автора, [2] системы поддержания работоспособности на предприятиях является следующее:

- эксплуатационные, предупреждающие и корректирующие воздействия на оборудование продиктованы и направлены на максимально высокую хозяйственную результативность;

- посредством системы сбора и учета информации о динамике состояний оборудования и динамике фактических затрат на обеспечение его работоспособности формируется конкретная структура затрат на поддержание работоспособности конкретной технологической цепочки (выделение цепочки происходит на основе продуктового признака) или агрегата;

– исключение формального выполнения персоналом своих обязанностей за счет высокого уровня самоконтроля, взаимной ответственности, коллективной формы организации работ и экономической заинтересованности;

– углубленная диагностика оборудования в ходе технологического процесса, которая является определяющим фактором при планировании времени и трудоемкости ремонтов;

– постоянное наличие качественно подготовленного, минимально-необходимого запаса запасных частей, узлов, материалов;

– обеспечение ремонтов и модернизации оборудования, организованное по системе «канбан»;

– минимальное время простоя оборудования в ремонте за счет использования метода рассредоточенного капитального ремонта и применения промышленных подходов в ремонтах;

– исключение капитальных ремонтов (приоритет принципиального изменения оборудования) в экономически обоснованных случаях, достигающееся совпадением пределов морального, физического старения оборудования и предела эффективной эксплуатации.

Литература

1. Лебедев, Ю. Г. Совершенствование ремонтного хозяйства чёрной металлургии [Текст] / Ю. Г. Лебедев. – М.: Металлургия, 1983. – 119 с.
2. Новиков, Н. И. Управление развитием металлургических предприятий Западно-Сибирского региона в условиях конкуренции [Текст] / Н. И. Новиков: монография. – Новосибирск: Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 2003. – 272 с.

Информация об авторах:

Новиков Николай Иннокентьевич – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики, Новокузнецкий филиал-институт КемГУ, 8 (3843) 74-64-05, economica@nkfi.ru.

Novikov Nikolay Innokentievich – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics of the Novokuznetsk branch of KemsU.

Новикова Галина Васильевна – доцент кафедры экономики, Новокузнецкий филиал-институт КемГУ, 8-905-058-50-70.

Novikova Galina Vasilievna – Associate Professor at the Department of Economics of the Novokuznetsk branch of KemsU.

УДК 378.014:378.095

ОСОБЕННОСТИ И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ВЫСШИМ УЧЕБНЫМ ЗАВЕДЕНИЕМ

С. Д. Резник, О. А. Сазыкина, Г. Б. Фомин

PECULIARITIES AND WAYS OF THE UNIVERSITY MANAGEMENT SYSTEM OPTIMISATION

S. D. Reznik, O. F. Sazykina, G. B. Fomin

Статья ориентирована, прежде всего, на государственное высшее учебное заведение, расположенное в региональном центре.

Система высшего профессионального образования России претерпевает значительные изменения. Ряд вузов объединены в федеральные университеты, определяются национальные исследовательские университеты.

Региональные вузы находятся сейчас в сложном положении. Многие из них сами должны находить средства для выживания. В этих условиях деятельность высших учебных заведений усложняется. К стандартным видам деятельности вуза – учебная и научная деятельность – добавляется управление стратегическим развитием, управление экономической деятельностью, управление информатизацией и инновационной деятельностью, управление внешними связями. Все это приводит к необходимости перестройки системы управления вузом и его организационной структуры.

В статье предлагается модель системы управления региональным высшим учебным заведением.

The Russian system of higher professional education is overcoming significant changes. Some universities are united into Federal universities, National research universities are defined.

Regional universities are in a difficult situation now. Many of them have to find the sources for survival by themselves. In these conditions the universities' activity is also complex. Strategic development management, economic management, informatization, innovation management and international management are added to the standard kinds of the university activities – educational and scientific. All this leads to the necessity to rebuild the university management system and its organizational structure.

The model of a regional university management system is provided in the paper.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, система управления, стратегическое развитие, учебная деятельность, научная деятельность, экономическая деятельность, информатизация, инновационная деятельность.

Keywords: university, management system, strategic development, educational activity, scientific activity, economic activity, informatization, innovative activity.

Современное российское высшее учебное заведение сопоставимо с серьезным производственным предприятием. Являясь крупной учебной, научной, социальной и хозяйственной структурой, вузы имеют достаточно сложные системы управления. Эффективное управление вузом в рыночных условиях не может осуществляться, если в системе управления нет обратных связей как внутри вуза, так и с внешней средой.

Особенностями высшего учебного заведения как сложной социально-экономической системы являются:

- Множественность целей деятельности вуза и сложность системы взаимосвязанных процессов. В состав вуза входят самые разнообразные образовательные, научные, конструкторские, производственные, социальные, хозяйственные и иные структурные подразделения, связанные с внешними организациями и предприятиями.

- Многоконтурность системы, множество каналов управления, тесная взаимосвязь управляемых процессов. Например, учебный процесс органически связан с научно-исследовательской работой. Международная, инновационная деятельность, информатизация охватывают все сферы деятельности вуза. Управление в вузе какой-то конкретной сферой деятельности необходимо рассматривать как многофункциональное управление, требующее тесной координации управленческих решений между различными направлениями деятельности. Это принципиальное отличие управления вузом в современных условиях, когда в управляемом процессе сливаются интересы разных должностных лиц и социальных групп.

- Управление с глобальной обратной связью, как правило, через внешнюю среду, в которой проявляются результаты деятельности вуза, формируется его репутация как образовательного, научного и культурного центра. Большая часть управляемых процессов начинается в вузе, а заканчивается далеко за его пределами.

Следовательно, управление вузом – это управление распределенной системой с отсутствием четких границ.

- Высокая инерционность вуза как системы. Результаты деятельности вуза, как правило, проявляются через достаточно большой интервал времени.

- Широкое использование информационных и инновационных технологий.

- Иерархическая структура целей, подцелей и задач, которые должен решать вуз в процессе своей деятельности, – все эти факторы должны учитываться при построении системы управления вузом.

Целью проведенного научного исследования является моделирование системы управления региональным высшим учебным заведением.

Мониторинг деятельности 140 ректоров подведомственных Рособразованию высших учебных заведений, выполненный Пензенским государственным университетом архитектуры и строительства в 2006 – 2008 гг. (программа Минобрнауки РФ, проект «Научно-методическое обеспечение системы управления высшим учебным заведением на основе мониторинга содержания деятельности и организации работы с руководящими кадрами высших учебных заведений № гос. рег. 012006036932) позволил выявить ряд особенностей, которые характеризуют систему управления вузами.

Например, анализ приоритетов деятельности ректоров показал, что первое место по важности занимает у них управление учебной работой, второе – экономические вопросы, далее – правление научной работой вуза (3 ранг), инновационная деятельность (4 ранг), информатизация (5 ранг), далее идет управление методической работой вуза (6 ранг), управление внешними связями, управление воспитательной работой, довузовская подготовка, общие вопросы (табл. 1)

Таблица 1

Приоритеты деятельности ректоров при управлении вузами

<i>Приоритеты личной деятельности при управлении вузами</i>	<i>Ранг</i>	<i>Удельный вес (значимость), (%)</i>
Управление учебной работой	1	15.8
Управление экономической работой	2	15.2
Управление научной работой	3	12.5
Инновационная деятельность	4	11.8
Управление информатизацией	5	8.6
Управление методической работой	6	8.0
Внешние связи	7	7.9
Воспитательная работа	8	7.6
Общие вопросы	9	6.3
Управление довузовской подготовкой	10	6.3
Итого:		100

Помимо выполнения основных должностных обязанностей ректора, 90,7 % опрошенных ректоров зани-

маются преподавательской деятельностью, 93,6 % – научной деятельностью, 65 % – методической работой.

Существенно возросшие возможности вариативности развития вузов, переход от административного управления к децентрализованным, гибким управленческим структурам предъявляют новые требования ко всей системе организации управления вузом. Модернизация системы управления вузом должна обеспечить адаптацию вуза к новым экономическим и социальным условиям, способствовать определению стратегических ориентиров его развития на перспективу.

Построение системы управления вузом в решающей степени зависит от принятой в вузе структуры, состава его функциональных звеньев и подсистем.

Для большинства вузов может быть принята схема, ориентированная на выделение следующих управле-

мых процессов: образовательная деятельность, включая управление качеством подготовки специалистов и воспитательным процессом; научно-исследовательская и инновационная деятельность; международная деятельность; финансово-экономическая деятельность; информатизация, административно-хозяйственная деятельность; развитие материально-технической и социальной базы; подбор, переподготовка и повышение квалификации кадров.

Такое выделение направлений деятельности вуза косвенно подтверждается результатами исследования состава проректорского корпуса высших учебных заведений (табл. 2).

Таблица 2

**Структура проректоров вузов, подведомственных Рособразованию
в динамике за 1998 и 2006 годы**

<i>Должности</i>	<i>Доля вузов, в которых функционируют проректоры по видам деятельности (%)</i>	
	<i>1998 г.</i>	<i>2006 г.</i>
2	5	6
Первые проректоры	45,7	59,2
Проректоры по учебной и методической работе (1)	109,5	107,6
Проректоры по научной работе	93,3	90,3
Проректоры по административно-хозяйственной, организационной работе и общим вопросам	84,5	93,8
Проректоры (без выделения направлений)	34,5	2,3
Проректоры по финансовой работе, экономическим вопросам и коммерческой деятельности	31,1	36,4
Проректоры по международным и внешним связям	25,6	36,7
Проректоры по капитальному строительству	24,4	24,9
Проректоры по заочному, вечернему, дополнительному обучению и экстернату	19,8	27,6
Проректоры по социальному развитию и воспитательной работе	19,5	54,5
Проректоры по безопасности и режиму	6,1	8,5
Проректоры по информатизации	5,8	28,7
Проректоры по до- и послевузовской подготовке	3,0	4,9
Проректоры по инновационной деятельности	0,6	9,4
Проректоры по развитию и качеству обучения	-	5,6
Проректоры по правовым вопросам	-	2,3
Проректоры по работе с филиалами	-	2,1
Проректоры по другим видам деятельности	7,6	7,0

Примечание: (1) Количество проректоров превышает 100 % в связи с тем, что в некоторых вузах имеются одновременно должности и проректоров по учебной работе, и по методической работе или по учебно-методической работе.

Главными направлениями деятельности проректоров в вузах остаются: управление учебной и методической работой (100 % вузов), научной работой (90,3 % вузов), административно-хозяйственной и организационной работой (93,8 % вузов).

За 8 лет (с 1998 по 2006 год) почти в три раза вырос удельный вес проректоров по социальному развитию и воспитательной работе (с 19,5 % до 54,5 %), что связано с необходимостью усиления внимания к человеческому фактору, необходимостью создания позитивных социально-психологических условий как для работы профессорско-преподавательского состава, так и для учебы студентов.

Увеличение удельного веса проректоров по финансовой работе и экономическим вопросам с 31,1 % до 36,4 % в общей численности проректоров вузов обусловлено сложностью и необходимостью решения проблем финансового обеспечения и внебюджетного финансирования деятельности вуза, переходом страны к рыночной экономике.

Необходимость интеграции России в международное образовательное сообщество, необходимость укрепления взаимодействия вузов с предприятиями и организациями – работодателями, органами местной и федеральной власти привело к увеличению в вузах удельного веса проректоров по международным и внешним связям до 36,7 %.

Широкое использование информационных технологий в деятельности вуза, оснащение вузов сложными техническими средствами, вычислительной техникой, необходимость их использования и обслуживания, а также всеобщая информатизация и компьютеризация послужило причиной кардинального увеличения удельного веса проректоров по информатизации более чем в пять раз.

В то же время, судя по составу проректоров, ряду важных направлений в деятельности вузов управленческим корпусом достаточного внимания пока не уделяется. Речь идет о:

- а) содействию экономической состоятельности, восприимчивости и трудоустройству выпускников;
- б) совершенствовании и повышении эффективности кадровой работы как с профессорско-преподавательским составом, так и с управленческими кадрами, в том числе совершенствование кадровой структуры управления вузами, подготовки кадрового резерва на руководящие должности в вузах;
- в) экономической работе и коммерциализации деятельности вуза;
- г) информатизации вузовских процессов;
- д) инновационном развитии вузов.

В системе управления современным вузом выделяются прежде всего два субъекта управления – ученый совет и ректор. "Исполнительская" структура управления вузом (ректорат) представлена целой иерархией должностей – от ректора, проректоров до начальников отделов, деканов и заведующих кафедрами. Усложнение организационной структуры вуза (например, создание в структуре университета институтов, академий, филиалов) включает в эту пирамиду и других действующих лиц – генеральных директоров, директоров, их заместителей и т. д. Высшим исполнительным руководителем является ректор. Он осуществляет общее руководство вузом и призван координировать деятельность всех нижестоящих руководителей и подразделений.

К руководителям вуза (ректорату) можно отнести еще ряд подчиненных ректору должностных лиц. Первый проректор руководит, как правило, работой начальников соответствующих управлений и отделов вуза. Проректоры по отдельным специализированным направлениям работы (учебной, научной, воспитательной, международной деятельности и т. д.) фактически являются экспертами при ректоре вуза, который может делегировать им часть своих прав по руководству отдельными направлениями и подразделениями.

На начало 2009/2010 учебного года в системе высшего профессионального образования было 1114 высших учебных заведений, в том числе 662 государственных и 452 негосударственных [7].

Существенно возросшие возможности вариативности развития вузов, переход от административного управления к децентрализованным, гибким управленческим структурам предъявляют новые требования ко всей системе организации управления вузом. Модернизация системы управления вузом должна обеспечить адаптацию вуза к новым экономическим и социальным условиям, определение стратегических ориентиров развития на перспективу.

Построение системы управления вузом в решающей степени зависит от принятой в вузе структуры, состава его функциональных звеньев и подсистем.

Для большинства вузов может быть принята система управления, ориентированная на выделение следующих управляемых процессов [8]:

образовательная деятельность, включая управление качеством подготовки специалистов и воспитательным процессом;

- научно-исследовательская и инновационная деятельность;
- международная деятельность;
- финансово-экономическая деятельность;
- административно-хозяйственная деятельность;
- развитие материально-технической и социальной базы;
- подбор, переподготовка и повышение квалификации кадров др.

Адаптируя систему управления региональным высшим учебным заведением к меняющимся социально-экономическим условиям современной России можно предложить модель системы управления, дополненную такими важными направлениями деятельности как управление стратегическим развитием, инновационной деятельностью и информатизацией (рис. 1).

Таким образом, наиболее характерными внешними факторами, оказывающими влияние на систему управления вузом, являются: конкуренция на рынке образовательных услуг; финансовая обеспеченность сферы образования; кадровая политика государства; приоритетные программы и проекты; внутренняя политика государства; демографическая ситуация и др.

Система управления вузом предполагает взаимодействие двух подсистем: управляющей и управляемой.

Субъектами управления (управляющей подсистемой) в данной системе являются:

- органы управления образованием: Правительство РФ; Министерство образования и науки РФ; Федеральные агентства и службы; Региональные органы управления образованием; Совет ректоров вузов региона;
- органы управления вузом, к которым относят: университетскую конференцию, ученый совет университета, ректорат, попечительский совет, органы студенческого самоуправления;
- управленческие кадры вуза: ректор, проректоры, заведующие научными и учебными подразделениями, деканы, заведующие кафедрами, зам. деканов, директора институтов, руководители служб.

В управляемой подсистеме – высшем учебном заведении – можно выделить ряд подсистем управления, каждая из которых включает в себя ряд функций, отражающих содержание подсистемы.

Подсистема управления стратегическим развитием высшего учебного заведения включает в себя следующие направления деятельности:

- стратегическое планирование и управление стратегией развития;
- разработка бизнес-планов проектов;
- организация структуры управления;
- управление маркетинговой деятельностью: маркетинговые исследования, коммуникации и др.;
- управление практической подготовкой студентов;
- изучение рынка образовательных услуг и др.

Подсистема управления учебной работой вуза охватывает:

- управление учебным процессом;
- управление методической работой;

- управление подготовкой учебного процесса;
- организация профориентационной работы;
- управление качеством образовательного процесса;
- управление лицензированием и аккредитацией;
- управление довузовской подготовкой и др.

Подсистема управления научной работой вуза представляет собой:

- планирование и организацию выполнения научно-исследовательских работ;
- организацию научной деятельности преподавателей, аспирантов и студентов;
- организацию повышения квалификации научно-педагогических кадров;
- управление подготовкой к осуществлению научной деятельности и др.

Подсистема управления экономической деятельностью вуза включает:

- управление финансами и бухгалтерским учетом;

- управление коммерческой деятельностью;
- оценка эффективности деятельности;
- управление ценообразованием;
- управление трудом и заработной платой и др.

Подсистема управления внешними связями вуза охватывает:

- управление международными связями;
- организацию сотрудничества с другими вузами, организациями, предприятиями и др.

Подсистема управления социальной и воспитательной работой включает:

- управление кадровой работой;
- управление персоналом вуза: подбор, оценка, расстановка, адаптация, мотивация и др.;
- управление социальным развитием: социальные блага, гарантии, обеспечение;
- управление культурно-воспитательной и спортивно-массовой работой со студентами и др.

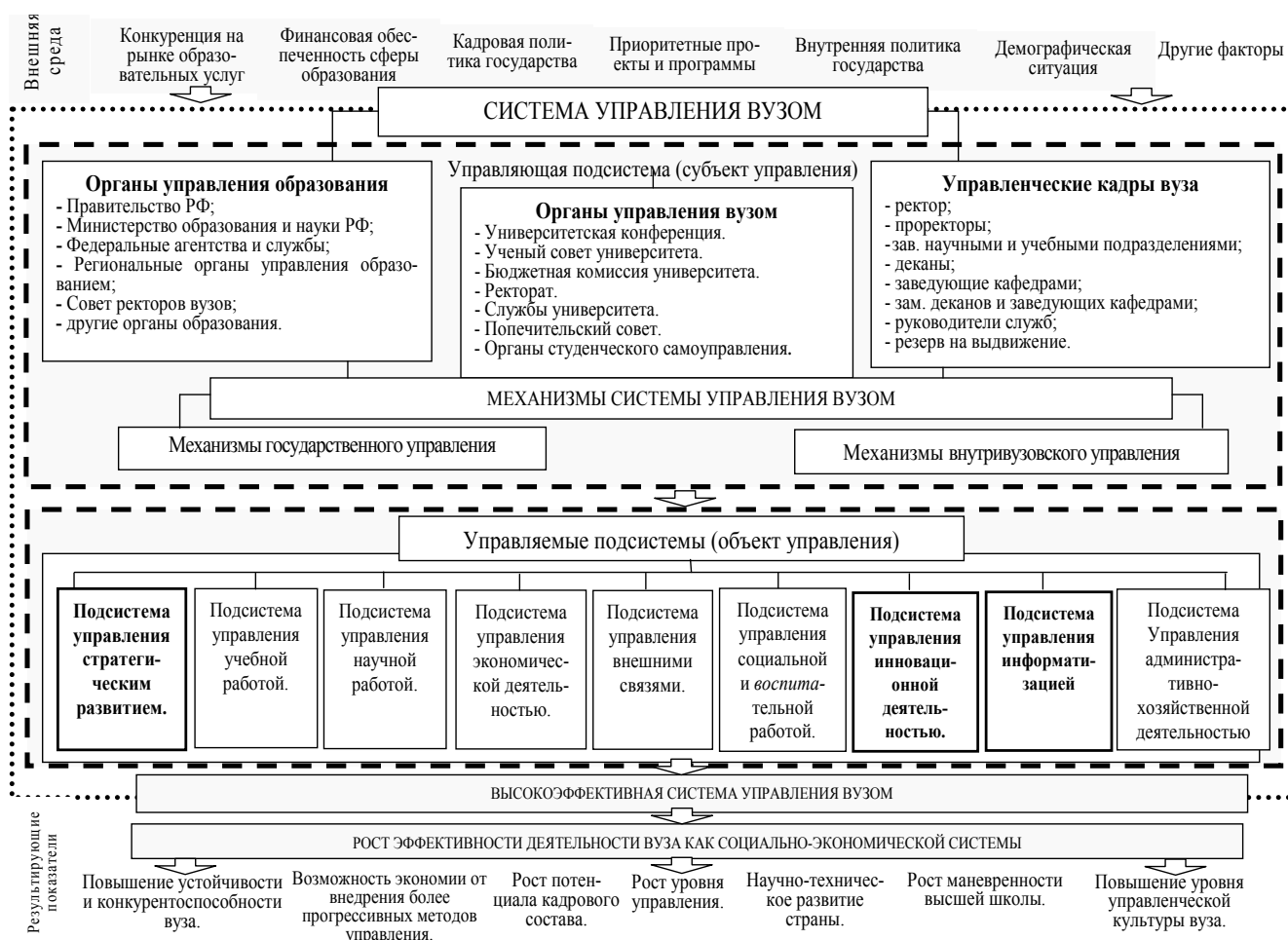

Рис. 1. Модель системы управления региональным высшим учебным заведением

Подсистема управления инновационной деятельностью включает:

- обеспечение единства образовательного, научного и инновационного процессов и их направленности на подготовку нового поколения высококвалифицированных специалистов;
- создание условий для вовлечения ученых, преподавателей, студентов и аспирантов в инновационный процесс;

- продвижение на рынок разработанных в вузе новых технологий на базе коммерциализации научных знаний и изобретений;
- создание и поддержка инновационных инфраструктур в вузах и др.

Подсистема управления информатизацией предполагает:

- управление единым информационным пространством вуза;
- использование систем автоматизированного планирования и управления ресурсами;

- использование информационных технологий в учебном процессе и научной деятельности;
- использование Интернет-технологий в управлении вузом и др.

И наконец, подсистема управления административно-хозяйственной деятельностью включает:

- управление материально-техническим снабжением;
- управление охраной труда и техникой безопасности;
- управление ремонтно-строительными работами;
- управление транспортом;
- управление обслуживающим хозяйством;
- управление издательской деятельностью и др.

Превращение высшего учебного заведения в устойчивую саморазвивающуюся систему является на сегодняшний день главной целью в сфере университетского управления. Достижение такой цели во многом зависит от эффективности механизмов управления, используе-

мых руководителем вуза. Основу таких механизмов управления высшим учебным заведением как социально-экономической системой должны составлять целеполагание и определение приоритетов в их достижении (т. е. система управления должна быть ориентирована на главную цель, в качестве которой для высшего учебного заведения является удовлетворение потребностей населения в образовательных услугах), а также согласованность целей и выбор методов и способов взаимодействия субъектов управления (федеральных и региональных органов управления образованием и высшим учебным заведением).

В целом формирование системы управления высшим учебным заведением как организационный механизм должен быть направлен на обеспечение высокой эффективности деятельности вуза и повышение его конкурентоспособности на рынке образовательных услуг.

Литература

1. Управление высшим учебным заведением: учебник / под ред. С. Д. Резника и В. М. Филиппова. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 768 с.
2. Инновационный механизм управления государственным вузом / Ю. В. Полянский, Е. М. Белый, И. Б. Романова; под ред. Ю. В. Полянского. – М.: Экономика, 2004. – 267 с.
3. Ректоры вузов России: система и механизмы управления профессиональной карьерой / Н. И. Аристер, С. Д. Резник, О. А. Сазыкина, Г. Б. Фомин и др.; под общ. ред. С. Д. Резника. – Пенза: ПГУАС, 2009. – 252 с.
4. Управление в высшей школе: опыт, тенденции, перспективы: аналитический доклад / рук. авт. кол-ва В. М. Филиппов. – М.: Логос, 2005. – 540 с.
5. Управление современным университетом: кол. монография / под общ. ред. проф. Г. И. Лазарева. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. – 324 с.
6. Управление современным государственным университетом на основе процессного подхода: монография / В. А. Мещеряков, Г. В. Суловицкая; под ред. В. И. Волчихина. – Пенза: ПензГУ, 2008. – 240 с.
7. Россия в цифрах 2010: крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 558 с.
8. Совершенствование управления вузом в современных условиях: материалы Всероссийского совещания (г. Новочеркасск, 28 – 30 октября 2002 г., Юж. рос. гос. техн. ун-т.). – Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2002. – 382 с.

Информация об авторах:

Резник Семен Давыдович – Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики и менеджмента Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, 8-927-645-54-25, disser@bk.ru.

Reznik Semyon Davidovich – honoured science worker of RF, d.SC. (Econ.), Professor, Director of Institute of Economics and management, Responsible State University of architecture and construction.

Сазыкина Ольга Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент» Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, 8-927-368-28-28, disser@bk.ru.

Sazykina Olga Anatolievna – candidate of economic sciences, Associate Professor, Associate Professor of management the Penza State University of architecture and construction.

Фомин Григорий Борисович – кандидат физико-математических наук, доцент, начальник отдела Минобрнауки России, 8-926-712-38-42, gb_fomin@mail.ru.

Fomin Grigoriy Borisovich – candidate of physical and mathematical sciences, Associate Professor, head of Department, Ministry of education and science of Russia.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЗЕРВА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

С. Д. Резник, Г. Б. Фомин

FORMING THE UNIVERSITY MANAGERIAL STAFF RESERVE

S. D. Reznik, G. B. Fomin

Статья подготовлена в рамках проекта «Методическое обеспечение формирования резерва руководящих кадров в высших учебных заведениях России, сопровождения и управления их профессиональным продвижением», выполняемого Пензенским государственным университетом архитектуры и строительства по федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы» (государственный контракт № 16.740.11.0101).

В статье представлены концептуальные подходы к созданию и функционированию резерва управленческих кадров высших учебных заведений. Основная цель работы по формированию резерва управленческих кадров заключается в осуществлении комплексной работы по подготовке специалистов для замещения руководящих должностей, а также обеспечение соответствия квалификации и профессиональных навыков требованиям, предъявляемым к руководителям вуза, исходя из изменений во внешней среде, внедрения новых технологий обучения студентов, направленных на поддержание конкурентоспособности и имиджа вуза на рынке образовательных учреждений.

The conceptual approaches to the creation and functioning of the university managerial staff reserve are provided in the paper. The main aim of forming managerial staff reserve lies in the integrative work on preparing specialists for top-management and also providing the qualification and professional skills corresponding to the requirements for the university managers taking into consideration the changes in the external environment and the adoption of new educational technologies directed maintaining the university's image and competitiveness on the educational market.

Ключевые слова: резерв кадров, управленческие кадры, высшее учебное заведение.

Keywords: staff reserve, managerial staff, university.

Происходящие в настоящее время в Российской Федерации фундаментальные изменения в экономической и социальной структуре общества, направленные на создание инновационной экономики, требуют появления новых лидеров, притока нового поколения высокопрофессиональных и мотивированных управленческих кадров во все сферы общественной жизни, в том числе и в сферу высшего образования.

Проблемы, с которыми сталкивается сегодняшнее управление в высших учебных заведениях, во многом связаны с острым дефицитом подготовленных на современном уровне управленческих кадров и недостатком управленческих знаний и навыков у значительной части руководителей как академических, так и административных подразделений. Традиции государственного управления образованием в нашей стране не предполагали до сих пор специальной профессиональной подготовки управленческого персонала и руководителей образовательных учреждений.

Сложившаяся ситуация в области вузовского управления в России характеризуется, с одной стороны, накоплением практического опыта работы на протяжении нескольких лет в рыночных условиях, а с другой стороны – отсутствием специальной системы подготовки управленческих кадров высших учебных заведений.

В этой связи одной из приоритетных задач является построение целостной системы работы с резервом, включающей подготовку и переподготовку, а также дальнейшее привлечение в систему внутривузовского управления наиболее квалифицированных, инициативных и перспективных представителей резерва.

Актуальность решения задач по формированию резерва управленческих кадров высших учебных заведений и организации работы с ним требует разработки и

внедрения эффективного инструментария по оценке профессионального потенциала лиц, включенных в резерв, определения стратегии их подготовки и переподготовки, выбора конкретных подходов и методик с использованием специализированных программ обучения, а также разработки механизмов управления профессиональным продвижением лиц, зачисленных в резерв кадров.

Таким образом, чтобы управленческие должности в высших учебных заведениях были заняты руководителями, способными принимать стратегические управленческие решения, нести личную ответственность за их последствия, выбирать оптимальную технологию управления в рамках конкретного высшего учебного заведения, необходимо создание стабильной внутривузовской системы отбора и работы с резервом на руководящие должности.

Для эффективного и непрерывного процесса управления высшим учебным заведением необходим резерв кадров для выдвижения на руководящие должности в вузе. Резерв – это потенциально активная, специально сформированная и подготовленная часть кадрового персонала вуза, способная и готовая замещать вышестоящие управленческие должности высшего учебного заведения.

Кадровый резерв рассматривается в качестве ресурса, не используемого в полной мере в текущем периоде времени, а предназначенного для удовлетворения спроса на него в будущем. Наличие кадрового резерва позволяет заранее, в плановом порядке, с использованием научно обоснованных программ готовить кандидатов на вновь создаваемые или подлежащие замещению вакантные должности, эффективно организовывать стажировку специалистов, включенных в резерв, в целях

их рационального использования на руководящем уровне по различным направлениям деятельности.

В целом работа с резервом обеспечивает совершенствование и развитие кадрового потенциала вуза, планомерное становление руководителей высших учебных заведений (заведующих кафедрами, деканов факультетов, проректоров и ректоров вузов), способных адекватно реагировать на социально-экономические изменения общественных отношений.

Основной целью внутривузовской системы формирования и обучения резерва кадров на выдвижение на руководящие должности является комплексная работа по подготовке специалистов для замещения руководящих должностей, а также обеспечение соответствия квалификации и профессиональных навыков требованиям, предъявляемым к руководителям вуза, исходя из изменений во внешней среде, внедрения новых технологий обучения студентов, направленных на поддержание конкурентоспособности и имиджа вуза на рынке образовательных учреждений.

Решением одной из важнейших задач по формированию резерва управленческих кадров является проведение целенаправленной работы по повышению профессионального уровня лиц, включенных в резерв.

Работа по созданию резерва кадров на выдвижение на руководящие должности в высших учебных заведениях направлена на решение следующих основных задач:

- полное и своевременное обеспечение потребности высших образовательных учреждений в компетентных управленческих кадрах;
- улучшение качественного состава руководителей высших уровней управления;
- создание реальной перспективы профессионального служебного продвижения работников, раскрытие и эффективное применение их творческих возможностей;
- сокращение периода адаптации в должности вновь назначенных руководителей;
- качественное выполнение руководителями текущих и стратегических задач, стоящих перед вузом.

Обучение рассматривается как один из важнейших элементов системы работы с кадровым резервом, тесно связанный с целями вуза и выстраиваемый как единая система. Под обучением резерва кадров на выдвижение на руководящие должности в высших учебных заведениях понимается комплекс мероприятий по осуществлению обучения в области менеджмента образования, то есть организация образовательного процесса, направленного на освоение новых для обучаемых теоретических знаний и практических навыков в области управления высшей школой, методов организации учебной, научной и индивидуальной творческой работы, обеспечения качественного выполнения задач и принятия эффективных управленческих решений, а также систематическое их обновление.

Создание резерва управленческих кадров высших учебных заведений – многоплановая работа, включающая четыре основных этапа (рис. 1).

Этап 1. Анализ потребности в резерве – составление прогноза и плана предполагаемых изменений в составе руководящих кадров вуза.

В результате становится возможным определить текущую и перспективную потребность вуза в резерве. Для определения оптимальной численности резерва кадров вуза необходимо установить:

- потребность вуза в кадрах управления на ближайшую или более длительную перспективу (до пяти лет);
- фактическую численность подготовленного в данный момент резерва каждого уровня;
- примерный процент выбытия из резерва кадров отдельных работников;
- число высвобождающихся в результате изменения структуры управления руководящих работников.

Эти вопросы необходимо держать на контроле в течение всего периода работы с кадровым резервом.

Этап 2. Составление списка резерва – подбор наиболее достойных кандидатов.

На данном этапе следует определить:

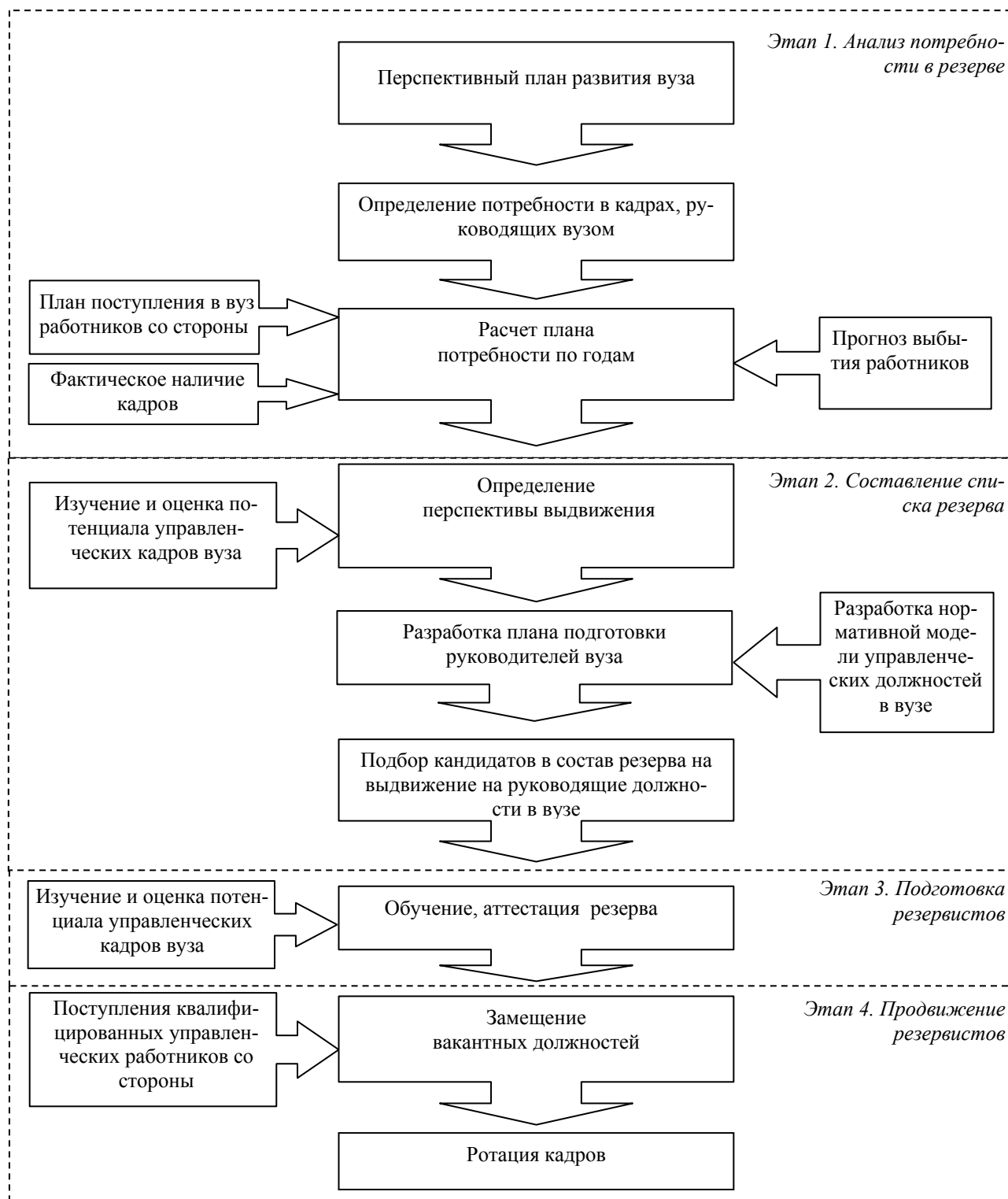
- кого можно и необходимо включить в списки кандидатов в резерв;
- кто из включенных в списки кандидатов в резерв должен пройти обучение;
- какую форму подготовки применить к каждому кандидату с учетом его индивидуальных особенностей и перспективы использования на руководящей должности.

Наиболее весомыми факторами и критериями, подлежащими учету при формировании системы качеств руководителя в резервируемой должности, являются:

- мотивация труда – интерес к профессиональным проблемам и творческому труду, стремление к расширению кругозора, ориентация на перспективу, успех и достижения, готовность к социальным конфликтам в интересах работников и дела, к обоснованному риску;
- профессионализм и компетентность – образовательный и возрастной цензы, стаж работы, уровень профессиональной подготовленности, самостоятельность в принятии решений и умение их реализовать, умение вести переговоры аргументировать свою позицию, отстаивать ее и др.;
- личностные качества и потенциальные возможности – высокая степень интеллигентности, внимательность, гибкость, доступность, авторитетность, тактичность, коммуникабельность, организаторские склонности, нервно-психическая и эмоциональная устойчивость, моторные характеристики и т. д.

По результатам оценки и сравнения кандидатов уточняется и корректируется предварительный список резерва.

В итоге, в состав резерва руководящих кадров высших учебных заведений должна входить целенаправленно сформированная на основе установленных критериев группа перспективных работников и управленцев различного уровня, владеющих необходимыми для выдвижения профессиональными, деловыми и нравственно-психологическими качествами, положительно проявивших себя и получивших необходимую подготовку для замещения вышестоящих должностей.

Этап 3. Подготовка резервистов – организация их индивидуальной подготовки и повышения квалификации, ежегодная оценка кандидатов.

В систему подготовки может включаться индивидуальное и групповое обучение и развитие кандидатов, стажировки, а также обучение в других высших учебных заведениях и на курсах повышения квалификации в зависимости от уровня планируемой управленческой деятельности.

Система обучения и развития слушателей группы резерва предполагает комплексную подготовку кандидатов по нескольким направлениям.

Программа общей подготовки. Цель: овладение необходимыми теоретическими знаниями в области управления вузом (его подразделением), пополнение знаний в области общего менеджмента, экономики и финансов, маркетинга и т. д.

Программа управленческой подготовки. Цель: раскрыть концептуальные и методологические основы работы с персоналом вуза, передать знания, выработать умения и навыки, необходимые для эффективного управления подчиненными.

Программа социально-психологической подготовки. Цель: развитие личностных качеств, значимых для эффективной управленческой деятельности в вузе; фор-

мирование управленческой позиции у будущих руководителей.

Программа специализированной подготовки. Цель: приобретение слушателями необходимых знаний умений и навыков в соответствии со спецификой деятельности подразделения вуза.

Организация и проведение стажировок. Цель: получение комплексного представления об особенностях деятельности высшего учебного заведения в целом; ознакомление с особенностями деятельности, проблемами и возможностями различных подразделений вуза; уяснение системы взаимосвязи подразделений; получение навыков практической деятельности на разных уровнях внутривузовской управленческой иерархии.

Защита проектов. В ходе проведения стажировок слушатели группы резерва руководителей выявляют направления деятельности подразделений вуза или вуза в целом (процессы, технологии, управление и т. д.), подлежащие, по их мнению, оптимизации и корректировке, и разрабатывают проект, защищаемый ими публично.

В самом процессе подготовки могут применяться как традиционные методы обучения кандидатов (лекции, семинары), так и методы активного обучения (тренинги, деловые игры, ролевое моделирование, разбор практических ситуаций, групповые дискуссии и т. д.). Программы обучения и развития кандидатов на руководящие должности должны различаться по объему, глубине и охвату учебного материала (в зависимости от уровня подготовки резерва – от конкретных специализированных программ с узкой направленностью учебного материала, до комплексных программ, основанных на принципе междисциплинарности).

Этап 4. Продвижение резервистов – организация планомерного горизонтального и вертикального продвижения по системе должностей.

Именно возможность внутреннего перемещения по служебной лестнице является для многих сотрудников мощным мотивирующим фактором. Создание кадрового резерва призвано сделать процесс внутривузовских перемещений плановым и управляемым.

В заключение следует отметить, что работа по формированию и подготовке группы резерва оказывается эффективной в том случае, когда она построена на основе системного планирования, учитывает реальные потребности вуза в руководящих кадрах, пользуется безусловной поддержкой руководства и постоянно корректируется и обновляется в зависимости от изменений условий внешней и внутривузовской среды.

В системе управления вузом резерв руководящих кадров выполняет функции развития, регулирования, стабилизации, непрерывности функционирования аппарата управления.

Основными принципами формирования резерва управленческих кадров высших учебных заведений являются:

1) целесообразность и достаточность (учет текущей и перспективной потребности в резерве управленческих кадров);

2) вертикальная и горизонтальная интеграция (возможность использования потенциала членов кадрового резерва во всех структурных подразделениях вуза);

3) равный доступ и добровольность участия в конкурсе для включения в резерв управленческих кадров. Возможность попасть в резерв должна сохраняться для

всех сотрудников, удовлетворяющих формальным критериям, в том числе для тех, кто не попал в него или был выведен из его состава в какой-то момент времени;

4) объективность и всесторонность оценки профессиональных и личностных качеств кандидатов в состав резерва управленческих кадров;

5) регулярная оценка профессиональных достижений, а также реализации индивидуальных планов подготовки членов резерва управленческих кадров;

6) перспективность кандидатов в состав резерва управленческих кадров – ориентация на профессиональный рост, требования к образованию, возрастной ценз, стаж работы в должности и динамичность карьеры в целом, состояние здоровья;

7) ответственность руководителей в процессе формирования и подготовки резерва управленческих кадров;

8) гласность, доступность информации о формировании и функционировании резерва управленческих кадров;

9) недопустимость к дискриминации по различным признакам (по полу, по национальному признаку, по семейному положению).

Организацию работы по формированию резерва можно условно разделить на четыре этапа и строить систему в соответствии с целями и задачами вуза, адаптируя или видоизменяя их в соответствии с конкретной ситуацией на рынке образовательных услуг, финансовыми возможностями вуза и стратегией его развития.

Одной из главных задач первого этапа при формировании кадрового резерва является построение эффективной системы работы с резервистами. Для ее решения необходимо определить потребности в замещении вакантных должностей на планируемый период времени и выработать принципы отбора резервистов.

На первом этапе для полноценной работы с кадровым резервом необходимо разработать Положение о формировании кадрового резерва, в котором закрепляются основные принципы и порядок формирования кадрового резерва, круг обязанностей должностных лиц, ответственных за формирование кадрового резерва. В этом документе также целесообразно отразить вопросы организации работы с кадровым резервом, порядок пополнения кадрового резерва и внесения изменений в количественный и качественный состав резервистов.

Параллельно с Положением о формировании кадрового резерва составляется Перечень должностей, подлежащих резервированию, и определяется конкретное количество резервистов для каждой должности. Оба эти локальных нормативных акта готовятся службой управления персоналом и утверждаются ректором вуза.

Помимо названных документов следует разработать и утвердить формы отчетности, установить периодичность сдачи отчетов, а также определить круг лиц, ответственных за их составление и обобщение. В этом же блоке работ разрабатывается форма списка кадрового резерва, План профессиональной подготовки и развития резервистов, Отчет о продвижении по служебной лестнице сотрудников, состоящих в резерве.

На втором этапе основная задача – это разработка системы конкурсного отбора кандидатов.

Сложность работы на данном этапе заключается в том, что необходимо заранее предвидеть, какие качества руководителя будут наиболее востребованы в бли-

жайшей и отдаленной перспективе, поэтому отбор претендентов – это целая система методов и процедур, способных обеспечить прогностическую оценку соответствия личности и занимаемой должности.

Для этого в Положении о формировании кадрового резерва необходимо предусмотреть механизмы конкурсного отбора специалистов. Для определения персонального состава резервистов могут использоваться как объективные данные (например, результаты работы), так и косвенные методы определения профессиональных и личностных качеств (например, интервью, деловые игры, экспертная оценка и др.).

На третьем этапе ставится задача развития профессиональных навыков и знаний резервистов, необходимых им для успешной работы в резервируемой должности и оценки эффективности работы с кадровым резервом.

Для ее решения в идеальном варианте разрабатывается программа внутривузовского образования, частью которой является подготовка специалистов кадрового резерва. Такая программа может включать тренинги и семинары, конференции и стажировки, а также второе высшее образование или обучение по специальным программам.

При разработке программ индивидуального развития работников следует максимально учитывать стаж работы каждого из них, их потребности и желание двигаться в предложенном направлении, индивидуальные и психологические особенности, наличие лидерских качеств.

Задача четвертого этапа – так называемая «обкатка резервистов», или построение системы приобретения резервистами практического опыта работы по резервируемой должности. Сюда входят замещение резервируемого сотрудника при отсутствии его на работе по различным причинам, приобретение резервистом опыта общения с подчиненными резервируемого. В идеальном варианте после прохождения цикла практической подготовки, срок которого определяется для каждой должности индивидуально, резервист должен уметь справляться с задачами резервируемого в течение продолжительного времени и выполнять весь комплекс работ по данной должности.

Четвертый этап служит для проверки знаний и навыков резервистов, а также для приобретения ими практического опыта работы по резервируемой должности. На данном этапе значительную роль играют не только приобретенные новые знания и возможность применить их на практике, но и воля руководства вуза к привлечению резервистов к активной работе.

В целом организация работы по формированию резерва управленческих кадров высших учебных заведений требует концентрации усилий на следующих направлениях: углубленная разработка методов и технологий объективной оценки возможностей и перспектив развития работников, включенных в резерв руководящих кадров; выявление потенциально доступной для каждого конкретного работника высшей должности; разработка механизмов и инструментов мотивирования

и стимулирования (морального и материального) профессионально пригодных и конкурентоспособных работников к управленческой деятельности более высокого ранга; формирование нормативно-правовой базы обеспечения работы с кадровым резервом.

Также необходимо обратить внимание, что внедрение лишь отдельных пунктов данной схемы без последнего построения целостной системы работы с кадровым резервом может не дать ожидаемого эффекта и привести впоследствии как к моральным, так и к материальным потерям для вуза.

Для оперативной работы с резервом на выдвижение в высшем учебном заведении разработана База данных для учета сотрудников, зачисленных в резерв на выдвижение в высшем учебном заведении. Для этого использована система управления базами данных (СУБД) Microsoft Access. База данных представляет собой совокупность сведений о сотрудниках, зачисленных в резерв на выдвижение, организованных таким образом, чтобы обеспечить удобное представление этой совокупности как в целом, так и любой ее части.

Microsoft Access является СУБД реляционного типа и представляет собой множество взаимосвязанных таблиц, каждая из которых содержит информацию о профессорско-преподавательском персонале, зачисленном в резерв на выдвижение на различные управленческие должности (ректор, проректоры, деканы факультетов, заведующие кафедрами, руководители управлений и отделов).

Информация на каждого сотрудника, зачисленного в резерв на выдвижение, заносится в специальную форму. Каждая строка таблицы включает данные об одном сотруднике вуза, а столбцы таблицы содержат различные характеристики этих сотрудников, а именно: фамилия, имя, отчество; должность в настоящее время; год рождения; образование; ученая степень и ученое звание; всего опубликованных работ, в том числе учебных, монографий; количество опубликованных работ за последние пять лет; общественная деятельность на кафедре, факультете, вузе; стаж научно-педагогической деятельности в вузе; общий стаж научно-педагогической деятельности; год зачисления в резерв.

Таким образом, очевидно, что современные инновационные преобразования высшей школы требуют реализации активной кадровой стратегии. Современные подходы к управлению кадровым ресурсом основаны на создании оптимальных условий для формирования кадрового потенциала и способах его эффективного использования. От нахождения правильного решения вопроса использования кадрового ресурса во многом зависит прогрессивный потенциал инновационного становления высшего профессионального образования.

Формирование в высших учебных заведениях резерва кадров на выдвижение позволяет достичь стабильной, осмысленной и прогнозируемой кадровой политики, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению позиций вузов на рынке образовательных услуг и повышению их конкурентоспособности.

Литература

1. Формирование кадрового резерва в вузе / А. Ю. Годымчук, Н. В. Козлова, Ю. В. Волков, О. Ю. Долматов // Университетское управление: практика и анализ. – 2008. – № 6.
2. Деканы России: социологический портрет, технологии и организация деятельности: монография / под ред. С. Д. Резника. – Пенза: ПГУАС, 2008. – 252 с.

3. Еремкин, А. И. Внутривузовская система формирования, обучения и развития управленческого персонала: учебное пособие / А. И. Еремкин, С. Д. Резник, О. А. Сазыкина. – Пенза: ПГУАС, 2006. – 208 с.
4. Еремкин, А. И. Укрепление управленческой вертикали в региональном вузе: опыт и перспективы / А. И. Еремкин, С. Д. Резник, О. А. Сазыкина // Университетское управление: практика и анализ. – 2008. – № 2.
5. Резник, С. Д. Подготовка и переподготовка управленческих кадров высших учебных заведений: монография / С. Д. Резник, О. А. Сазыкина, С. Н. Макарова. – Пенза: ПГУАС, 2010.
6. Резник, С. Д. Управление кафедрой: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / С. Д. Резник. – М.: Инфра-М, 2008. – 635 с.
7. Резник, С. Д. Формирование, обучение и развитие управленческого персонала высшего учебного заведения в условиях рыночной экономики : монография / С. Д. Резник, С. М. Васин, О. А. Сазыкина; под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. С. Д. Резника. – Пенза: ПГУАС. – 2003. – 452 с.
8. Резник, С. Д. Новые приоритеты деятельности и моделирование качеств руководящих кадров высших учебных заведений / С. Д. Резник, О. А. Сазыкина // Университетское управление: практика и анализ. – 2008. – № 6.
9. Управление в высшей школе: опыт, тенденции, перспективы / В. М. Филиппов и др. – 2-е изд. – М.: Логос, 2006. – 488 с.
10. Управление факультетом: учебник / колл. авторов; под общ. ред. С. Д. Резника. – М.: Инфра-М, 2008.
11. Управление высшим учебным заведением: учебник / под ред. С. Д. Резника и В. М. Филиппова. – М.: ИНФРА-М, 2009.
12. Федеральная программа «Подготовка и переподготовка резерва управленческих кадров (2010 – 2015 годы)». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2010 г. № 636-р.

Информация об авторах:

Резник Семен Давыдович – Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики и менеджмента Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, 8-927-645-54-25, disser@bk.ru.

Reznik Semyon Davidovich – honoured science worker of RF, d.SC. (Econ.), Professor, Director of Institute of Economics and management, Responsible State University of architecture and construction.

Фомин Григорий Борисович – кандидат физико-математических наук, доцент, начальник отдела Минобрнауки России, 8-926-712-38-42, gb_fomin@mail.ru.

Fomin Grigoriy Borisovich – candidate of physical and mathematical sciences, Associate Professor, head of Department, Ministry of education and science of Russia.

УДК 332.146:330.146.3.30.322

ИННОВАЦИОННОСТЬ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Л. Н. Старикова, Л. С. Саздеева

INNOVATIVENESS OF REGIONAL ECONOMY AS A PREREQUISITE FOR THE IMPROVEMENT OF HUMAN CAPITAL QUALITY

L. N. Starikova, L. S. Sagdeeva

В статье рассматриваются инновационные направления и проекты в соответствии с новыми требованиями модернизации и инновационного развития экономики Кемеровской области. Особое внимание уделено проектам тех отраслей, которые традиционно составляют основу валового регионального продукта (ВРП): угледобывающей, металлургической, химической. В статье показано несоответствие государственной системы подготовки кадров требуемым профессиям и компетенциям и выявлены причины этого несоответствия. Предложены новые направления подготовки специалистов высшего профессионального образования в связи с перспективами инновационного развития.

The article deals with innovative trends and projects in accordance with the new demands of modernization and innovative development of the Kemerovo region economy. Particular attention is given to projects of the industries which traditionally form the basis of the gross domestic product (GDP): coal mining, metallurgical and chemical industries. The article shows the discrepancy between the state system of training and the required professionals and competencies and suggests the causes of this discrepancy. New areas of training in higher education institutions in connection with the prospects of innovative development are proposed.

Ключевые слова: региональное развитие, инновационные проекты, система подготовки кадров, перспективные направления подготовки кадров.

Keywords: regional development, innovative projects, system of staff training, promising areas of staff training.

По экономическому потенциалу Кемеровская область – крупный территориально-производственный комплекс Российской Федерации, имеющий ярко выра-

женную производственную специализацию. Структура ВРП характеризуется преобладанием сырьевых отраслей и отраслей с низким переделом. Основной прирост

валового регионального продукта области в 2007 – 2009 гг. дала угледобыча (более 25 %), обрабатывающие производства (более 20 %) [19], что гораздо выше аналогичных показателей в среднем по СФО и РФ. При этом область в национальном и международном разделении труда специализируется на производстве сырья и продукции его первичной переработки (табл. 1) [Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011].

Отраслевую структуру ВРП Кемеровской области можно оценить как несбалансированную. Она характеризуется преобладанием отраслей топливно-энергетического комплекса (2009 г.: 46,8 % суммарного объема отгруженных товаров области). Доля остальных отрас-

лей: производство пищевых продуктов – 1,8 %, строительство – 4,2 %, торговля – 14,2 % и других незначительна.

Важной проблемой реального сектора экономики региона остается низкая инновационная активность предприятий: доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства области в 2009 году была немногим более 2,5 %. Проблема усугубляется отсутствием на территории области в достаточном количестве инновационной инфраструктуры (технопарки, венчурные фонды), которые бы обеспечивали коммерциализацию научных разработок, эффективную взаимосвязь науки и бизнеса.

Таблица 1

**Отраслевая структура ВРП по видам экономической деятельности (по ОКВЭД)
за 2005-2009 годы (в процентах)**

	Всего	по видам экономической деятельности															
		Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	Рыболовство, рыбоводство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Строительство	Оптовая и розничная торговля	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь	Финансовая деятельность	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	налогов, социальных и персональных услуг	
	2006 г.																
Российская Федерация	100	5,2	0,3	12,8	18,5	3,8	5,7	21,8	0,9	10,6	1,1	9	2,9	2,8	3,1	1,5	
Кемеровская обл.	100	3,3	0	27,1	16,9	6,2	5,3	13,8	1	9,4	0,4	5,9	2,8	3	3,8	1,1	
	2007 г.																
Российская Федерация	100	4,4	0,3	10,6	19,7	3,4	6,3	21,4	1	10,1	0,8	9,9	4,3	2,7	3,4	1,7	
Кемеровская обл.	100	3,1	0	23,7	21	5,5	4,7	14,9	1,1	7,1	0,2	5,9	4,5	3,1	4	1,2	
	2008 г.																
Российская Федерация	100	4,6	0,2	9,9	19,3	3,5	6,9	20,9	1,1	10	0,7	10,4	4,6	2,8	3,5	1,6	
Кемеровская обл.	100	3,4	0	28,4	19,9	4,3	4,6	13,7	1,2	6,4	0,2	6	4,4	2,8	3,7	1	
	2009 г.																
Российская Федерация	100	4,9	0,3	9,7	16,7	4,6	6,7	18,4	1,1	10,4	0,6	11,8	5,5	3,5	4,2	1,6	
Кемеровская обл.	100	3,5	0	25,3	16,3	5,2	4,2	14,2	0,9	8,5	0,2	7	5,5	3,4	4,7	1,1	

Простой количественный рост для Кемеровской области не может быть приоритетом развития на ближайшие десятилетия. Для национальной экономики в среднесрочный период будет характерно абсолютное уменьшение или снижение темпов роста потребления энергии ввиду перехода к энергосберегающим техноло-

гиям, уменьшения спроса на традиционные виды проката, стали и чугуна [8]. Значит, и для экономики Кемеровской области важнее должен быть не экстенсивный рост, а качество развития, степень его инновационности при опоре на радикально модернизируемые активы.

Вместе с тем законы инновационной динамики реализуются в пространстве мировой экономики по весьма сложным схемам, потому что полные циклы осуществления крупных научно-технологических нововведений крайне капиталоемки и неизбежна достаточно узкая специализация стран при выборе инновационных приоритетов [10]. Для нашей страны сохранится ориентация на развитие топливно-энергетического комплекса. В ближайшей перспективе прогнозируется значительное повышение роли угля в топливно-энергетическом балансе страны, что в первую очередь обусловлено крупными угольными запасами, в частности в Кузнецком угольном бассейне. В Энергетической стратегии России до 2030 г., утвержденной Правительством страны в 2009 г., декларируется необходимость увеличения добычи угля к 2030 г., по сравнению с 2008 г. на 31–44 % (с 326 до 427 – 470 млн тонн в год) [21]. Масштабное возвращение угольного топлива в энергетику должно сопровождаться применением новых технологий его переработки, которые позволят эффективно использовать его преимущества. Уголь – главная альтернатива газу – является реальным теплоносителем в электроэнергетике США и Китая, где доля применения угля составляет порядка 50 % и 80 % соответственно, а в Польше достигает 96 %. Такому соотношению способствовали внедрение и развитие целого ряда экологически чистых и эффективных технологий сжигания угольного топлива [3, с. 78].

Концепции развития отдельных отраслей промышленности страны позволяют выявить потребности экономики в исследованиях, технологических разработках, проектировании и инжиниринге, подготовке высококвалифицированных кадров, обладающих современными ключевыми компетенциями.

Инновационно-технологическая политика в *геологии и геологоразведке* в области предусматривает [4]:

- геолого-геофизическое изучение территорий и акваторий региона с целью выявления новых перспективных месторождений полезных ископаемых для формирования минерально-сырьевой базы на средне- и долгосрочную перспективу;
- повышение эффективности и рациональности использования минерально-сырьевых ресурсов для удовлетворения текущих и перспективных потребностей базовых отраслей экономики;
- разработка технологий, обеспечивающих качественный рост результативности геологоразведочных работ, создание информационных технологий изучения, воспроизводства и мониторинга минеральных ресурсов и мониторинга геологической среды и др.

В качестве крупных инвестиционных проектов геологоразведки в Кузбассе предполагается развитие Ерунаковского и Терсинского месторождений [4]. Следует также учитывать, что крупные компании Кузбасса создают собственные геологоразведочные подразделения («Южный Кузбасс», «Южкузбассуголь», «Белон»).

В сфере *добычи и переработки угля* задачами в области инновационно-технологической политики являются [22]: коренное техническое перевооружение угледобывающего производства, включая оснащение разрезов высокопроизводительной горно-транспортной техникой непрерывного и циклического действия; внедрение технологии глубокой переработки углей на основе мягкого пиролиза с получением жидких углеводородов и экологически чистого твердого топлива, угле-

родных нитей, сульфогугля, суперчистого энергоносителя; разработка и реализация программы создания конкурентоспособной отечественной горнодобывающей техники; разработка методов, технических средств и технологий освоения трудноизвлекаемых и нетрадиционных ресурсов газа в низконапорных коллекторах, газогидратных залежах и метана угольных бассейнов.

Инвестиционные проекты по модернизации оборудования, приобретение технологических линий осуществляются на шахтах «Распадская», «Заречная», «Котинская», «Шахта им. С. М. Кирова», в крупных угледобывающих компаниях ОАО УК «Кузбассразрез-уголь», ОАО «СУЭК Кузбасс», ЗАО «Распадская угольная компания», ОАО УК «Южный Кузбасс». В угольной отрасли, в уже заявленных проектах объемы капитальных вложений в долгосрочной перспективе превысят 109,2 млрд руб. Это, в том числе, проекты строительства 24 новых шахт и 9 разрезов (ввод новых мощностей по добыче 13,8 млн. т угля к 2015 году, 24,1 млн т – к 2020 году); создание к 2020 году мощностей по переработке 17,7 млн [16].

Машиностроительное обеспечение отрасли: заказ на горно-шахтное оборудование в регионе растет на 20 – 25% ежегодно, а в целом объем выпуска машиностроительной продукции растет с 1999 года на 7 – 8% в год. Вообще, угольная промышленность технологически отстает от лучших образцов мировой практики (уровень автоматизации, производительность оборудования, систем безопасности и проч.). В Кузбассе пришли крупные поставщики горно-шахтного оборудования – JOY (США/Брит.), DBT и Eickhoff (ФРГ), Glinik и Fazos (Польша) и др. Объем импорта машин и оборудования постоянно увеличивается: с 57 млн долл. (31,5 % в общем объеме импорта региона) в 2001 году до 343,2 млн долл. (54,7 %) в 2007 году [16].

Инновационно-технологическая политика в *металлургической и горнодобывающей промышленности* предусматривает [14]: ресурсосбережение и снижение экологического воздействия на фоне мирового повышения стоимости энергоресурсов и требований к охране окружающей среды; выход предприятий отрасли на IPO; реализацию инновационных проектов и научно-исследовательских разработок, имеющих особо важное государственное значение.

Наиболее крупные инвестиционные проекты связаны с реконструкцией и модернизацией производства крупнейших предприятий области: ОАО «Новокузнецкий металлургический комбинат», ОАО «Западно-Сибирский металлургический комбинат» с полным металлургическим циклом, ОАО «Гурьевский металлургический комбинат», ОАО «Кокс», ОАО «Кузнецкие ферросплавы». В ближайшие пять лет «Евраз» планирует вложить более 1 млрд 800 млн долл. в развитие прокатных мощностей. По итогам реализации инвестиционных проектов дополнительный объем поставок готового проката «Евраз» на российский рынок к 2012 году будет равняться более 3 млн тонн [11]. Кроме того, в Междуреченске «ЧЕК-СУ ВК» планирует строительство обогатительной фабрики с проектной мощностью 730 тыс. т марганцевых концентратов в год; ферросплавное производство, проектная производительность – 250 тыс. т марганцевых ферросплавов в год.

Главными задачами *химии* в инновационно-технологической политике являются [15]: комплексное техническое перевооружение химического комплекса, ус-

коренное внедрение технологических процессов по углублению переработки нефти, повышению качества нефтепродуктов, производству новейших катализаторов; разработка «прорывных» инновационных проектов, технологических процессов по выпуску конкурентоспособной продукции на базе экономически эффективных, экологически безопасных и ресурсосберегающих технологий; формирование крупных интегрированных научно-производственных структур, создание консалтинговых, лизинговых, венчурных, сертификационных и др. компаний с целью стимулирования инновационно-инвестиционной активности предприятий отрасли.

Наиболее крупные инвестиционные проекты связаны с совершенствованием технико-технологической базы КАО «Азот». В 2008 году выполнен большой комплекс работ по реконструкции и техническому перевооружению действующих цехов и производств. Объем финансирования инвестиционных проектов составил 1391 млн рублей [5].

Главными задачами *энергетики и энергетического машиностроения* в инновационно-технологической политике являются [22]:

- снижение энерготехнологической зависимости новых угольных ТЭС от конкретной марки угля;
- развитие новых технологий сжигания угля (пылевое сжигание в котлах; повышение параметров перегрева пара до сверхкритических значений; сжигание в кипящих слоях (ЦКС); газификация угля; низкотемпературная вихревая технология сжигания (ступенчатое сжигание угольной пыли, вихрь, нтв и т. д.); использование водно-угольного топлива);
- развитие технологий охраны окружающей среды, в т. ч. разработка природоохранного оборудования (технологические методы подавления оксидов азота, специальные серо- и азотоочистные установки, высокоэффективные золоуловители, передовые технологии обработки воды и переработки золошлаков в товарные продукты и пр.).

Совокупная мощность предусмотренных инвестиционной программой РАО «ЕЭС России» к вводу до 2020 года в Кемеровской области новых генерирующих мощностей составляет 2035 МВт. По планам развития энергосистемы Кузбасса, до 2015 г. предусмотрены инвестиции в объеме 1690 млн руб. в сетевое хозяйство, 3280,7 млн руб. – в строительство новых энергосетевых объектов, 421,4 млн руб. – в модернизацию существующих [16].

Инновационно-технологическая политика в области *экологии* предусматривает: внедрение ресурсосберегающих технологий и технологий снижения выбросов вредных веществ; рекультивация нарушенных земель; снижение выбросов парниковых газов при потреблении углеродного топлива.

Наиболее крупным инвестиционным проектом в Кузбассе является утилизация лежалых отходов, полученных при магнитном обогащении руд на Абагурской обогатительно-агломерационной фабрике. Практически все предприятия угольной отрасли имеют собственные экологические программы.

Строительный комплекс области представлен 1988 предприятиями, главным образом частной формы собственности (97 % от общего числа предприятий), которые формируют 5,3 % валового регионального продукта области [16].

Сегодня индустрия строительства переживает «Эпоху возрождения». Новые технологии помогают застройщикам значительно ускорить темпы возведения зданий, позволяют сделать дома более благоустроенными и комфортными. Кемеровская область вполне прогрессивна по внедрению инноваций в строительстве, не отстает от других регионов страны. Сегодня в Кемеровской области развивается как многоэтажное строительство, так и малоэтажное. Например, не так давно в Сибири возводят дома по технологии монолитного строительства, основам которой учились у немецких специалистов, но доработали согласно, нашим сибирским условиям. Технология строительства с использованием пенополистирольной несъемной опалубки прошла многолетнюю проверку в странах Европы, Канаде, США, Корее, Японии и уже более 10 лет используется в России [17].

Уровень развития технологий в малоэтажном строительстве, по мнению профессионалов, по всей стране еще очень низок. Ни в одном регионе нет опыта масштабного малоэтажного строительства, нет соответствующих институтов и специалистов. Это является серьезной преградой. В настоящее время недалеко от областного центра построен город-спутник «Лесная поляна», который олицетворяет идею «малоэтажного района». Причем как весь городок, так и каждый дом спроектированы и возведены при помощи новейших технологий. Строители столкнулись и с проблемой дефицита специализированной рабочей силы. Поэтому сейчас обсуждается вопрос о создании регионального центра малоэтажного домостроения, который будет готовить профессионалов в области современного домостроения. Перед началом реализации проекта города-спутника специалисты ОАО «Промстрой» организовали лабораторию, или технополигон, для изучения и отработки технологий, которые применяли при строительстве города-спутника [1].

Пилотными проектами можно считать создание специализированных **технопарков**, которые позволяют в кратчайшие сроки отобрать перспективные инновации, создать команды квалифицированных специалистов, в кратчайшие сроки найти инвесторов для внедрения инновационных проектов. В Кемеровской области создан специализированный технопарк [20] – национальный университет нового поколения, на базе которого планируется образовательную, научно-исследовательскую и производственную деятельность. Предполагается создание 4800 новых рабочих мест в высокотехнологических отраслях. Главными направлениями деятельности технопарка являются: глубокая переработка угля, извлечение метана из угольных пластов для повышения безопасности угольной отрасли, развитие горного машиностроения, решение экологических проблем.

Реализация в Кузбассе новых производственных проектов, расширение угольных разработок, предполагает создание новых рабочих мест. В 2008 – 2010 годах в Кузбассе реализовано 20 крупных инвестиционных проектов в угольной отрасли (7 новых шахт, 9 разрезов, 4 обогатительные фабрики), что потребовало создания не менее 8 тыс. рабочих мест. Следует учесть, что с 1999-го по 2007 годы было создано около 22 тыс. рабочих мест на новых угледобывающих предприятиях Кемеровской области [16].

Успешная реализация инновационной политики немыслима без квалифицированных кадров. Инновационность развития экономики приводит к внедрению принципиально новых подходов к образованию. Накопленные знания сами по себе не трансформируют экономику. Развитие промышленности и в целом региона требует опережающей системы образования, новых образовательных программ, формирования крупных образовательных центров, перестройки системы профессионального образования, создания полноценных систем подготовки кадров. Крупные корпорации решают эти проблемы самостоятельно и создают собственную систему образования – корпоративные учебные заведения. Сегодня практически каждая уважающая себя крупная фирма стремится обзавестись учебным центром, оснащая его всем необходимым оборудованием и приглашая высококвалифицированных преподавателей. Некоторые солидные компании идут еще дальше, создавая собственные корпоративные университеты или открывая корпоративные факультеты в известных государственных вузах. Плюсы создания подобных учебных заведений очевидны: непосредственное обучение сотрудников с учетом специфики деятельности компании, обобщение и передача опыта и знаний, накопленных корпорацией, формирование единой корпоративной культуры и уникальной системы ценностей. Внедрение в региональных компаниях, входящих в крупные холдинги, корпоративной культуры формирует запрос на новые технологии управления и на кадры, обладающие современными управленческими компетенциями. В корпоративные учебные центры обычно направляют не всех подряд, а тех, кого руководители рассматривают как перспективных сотрудников. Появились на рынке образовательных услуг и небольшие учебные центры по обучению работе с принципиально иным импортным технологическим оборудованием. Таким образом, с одной стороны, формируется новая образовательная платформа, которая может составить существенную конкуренцию традиционному профессиональному образованию, а с другой – вынуждает разворачиваться уже существующую образовательную систему в соответствии с перспективами развития экономики региона.

Вместе с тем анализ существующей системы образования в контексте инновационного развития региона приводит к выводу о наличии в ней большой инерционности процесса модернизации. К сильным сторонам существующей системы образования можно отнести сложившуюся специализацию ведущих вузов области: Кузбасского государственного технического университета в горнодобывающей промышленности и Сибирского государственного индустриального университета – в металлургической. Однако специалистов, готовых к работе в новых технологических условиях, пока нет. Слабым звеном в обеспечении области кадрами является отсутствие целенаправленной региональной кадровой политики, основанной на местных кадрах, подготовленных в региональных вузах из числа местных абитуриентов.

Система начального профессионального образования (НПО) имеет прямое влияние на экономику региона, дает быструю экономическую отдачу и рассматривается не только как образовательная подсистема, но и как составляющая экономики региона. Учитывая бесконкурсный характер зачисления в ОУ НПО, потребность

населения Кемеровской области в образовательных услугах НПО удовлетворяется на 100 %.

Вместе с тем качество подготовки квалифицированных рабочих и специалистов лишь частично соответствует актуальным и перспективным потребностям областного рынка труда, далеко не в полной мере отвечает требованиям работодателей, запросам других заказчиков и потребителей образовательных услуг. В системе ОУ НПО Кемеровской области осуществляется подготовка традиционно существующих рабочих профессий с большой долей дублирования по ряду специальностей. К числу наиболее дублируемых специальностей относятся следующие: сварщик – подготовка специалистов данного профиля ведется в 30 ОУ НПО, мастер отделочных строительных работ – в 19 ОУ НПО, продавец, контролер-кассир – в 16, оператор ЭВМ – в 15, слесарь по ремонту автомобилей – в 14, автомеханик – в 13, мастер общестроительных работ, электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования – в 12, повар-кондитер, ремонтник горного оборудования: электрослесарь подземный; электрослесарь (слесарь) дежурный и по ремонту оборудования – в 11, портной – в 10, повар, тракторист-машинист с/х производства, мастер столярно-плотничных и паркетных работ – в 9, машинист дорожных и строительных машин – в 8, бухгалтер, помощник машиниста локомотива, токарь универсал – в 7 ОУ НПО.

Выделим основные причины несоответствия качества подготовки квалифицированных рабочих потребностям рынка труда:

- несоответствие объемов ежегодного выпуска квалифицированных рабочих и НПО (35 % от общего числа выпускников ОУ НПО Кемеровской области) их доле в численном составе и профессионально-квалификационной структуре занятого населения Кемеровской области (54 % от общего числа работающих);

- сравнительно невысокая (в пределах 2,5 – 3,5 %) доля участия ОУ НПО Кемеровской области в осуществлении профессиональной переподготовки и повышения квалификации незанятых граждан;

- в регионе нет точного, научно обоснованного прогноза потребности экономики и социальной сферы в подготовке квалифицированных рабочих и специалистов на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Аналогичная ситуация наблюдается и в системе среднего профессионального образования (СПО) в Кемеровской области. Дублирование в подготовке кадров существует по ряду специальностей (направлений) среднего профессионального образования. Так, в частности, подготовка по специальности экономика, бухгалтерский учет (по отраслям) ведется в 21 ОУ СПО, техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям) – в 15, техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта – в 11, программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем – в 9, строительство и эксплуатация зданий и сооружений – в 8, правоведение – в 7, страховое дело – в 7, менеджмент (по отраслям) – в 8, маркетинг по отраслям – в 7, преподавание в начальных классах, подземная разработка месторождений полезных ископаемых, сестринское дело, документационное обеспечение управления и архивоведение, коммерция, лечебное дело – в 6 ОУ СПО.

Стабильное функционирование и устойчивое развитие системы СПО в Кемеровской области сегодня во

многое зависит от решения таких же проблем, как и в системе НПО. Однако в данной сфере возникает важная проблема, с точки зрения потери человеческого капитала – использование дипломированных специалистов на рабочих местах, не требующих профессионального образования данного уровня и соответствующей этому уровню квалификации. Система среднего профессионального образования тесно связана с потребностями экономики и социальной сферы Кемеровской области, так как исторически носила отраслевой характер, создавалась по заказу крупных предприятий и организаций, которые являлись основными потребителями выпускаемой образовательными учреждениями продукции – квалифицированных кадров. С ликвидацией/реорганизацией предприятий отраслей система среднего профессионального образования потеряла свою актуальность. Осознание необходимости возрождения этой системы приходит только в настоящее время. В 2010 г. в экономике Кемеровской области было занято более 27,1 % специалистов со средним профессиональным образованием. Краткосрочность и относительно невысокая стоимость подготовки специалистов со средним профессиональным образованием определяют его ведущее место в системе подготовки кадров для всех отраслей экономики Кемеровской области.

В сфере высшего образования явление массовизации привело не только к девальвации данной ступени, но и к существенным перекосам на рынке труда, а именно: «перекачки» кадров из традиционной индустрии в другие секторы экономики. Начиная с 1990 года, численность студентов вузов региона увеличилась в 2,5 раза (самый высокий показатель в Сибирском Федеральном округе). В России поступают в вузы до 90 % выпускников средних школ (в крупнейших городах почти 100 %). По доле специалистов с высшим образованием в экономически активном населении (22,3 %) Россия вышла на 3-е место в мире (после США и Норвегии), оставив далеко позади Великобританию (19,2 %), Японию (16,1 %), Германию (13,6 %), Францию (13 %) и Португалию (8,1 %) [2]. В Кемеровской области 70 % выпускников поступают в вузы, а потребности экономики на уровне – 25 – 30 % [5, с. 24 – 34].

С каждым годом проблема занятости выпускников ОУ ВПО в соответствии с полученной специальностью усиливается. Количество выпускников ОУ ВПО, устроившихся на работу по профилю их образовательной подготовки (полученной ими специальности) в Кемеровской области оценивается на уровне 50 % [с. 24]. Следовательно, происходит сужение сферы приложения полученных компетенций, где специалисты могут развивать качество человеческого капитала, переход их в профессиональные ниши, не требующие столь высокого уровня образования. Сегодня в регионе наблюдается неэффективное использование имеющихся кадров. На большинство вакансий со стороны работодателей требуется высшее образование (31 %). Например, требование высшего образования у работодателей в торговых предприятиях составляет 90 %. Причем высшее образование должно быть не только у руководящего звена, но и у продавцов-консультантов, охранников и обслуживающего персонала. Вместе с тем оплата труда этих работников не учитывает образовательный уровень.

Анализ перспектив развития инновационной экономики свидетельствует о необходимости предложений системы профессионального образования новых на-

правлений подготовки и переподготовки кадров. К наиболее перспективным направлениям, которые обусловлены инновационными проектами развития экономики региона, нужно отнести следующие: технология геологической разведки (технология и техника разведки месторождений полезных ископаемых, машиностроительные технологии и оборудование, проектирование технических и технологических комплексов, бытовые машины и приборы, материаловедение, технология материалов и покрытий, конструирование и производство изделий из композиционных материалов, гидравлическая, вакуумная и компрессорная техника, материаловедение и технология новых материалов, конструкторско-технологическое обеспечение автоматизированных машиностроительных производств, энергомашиностроение, холодильная, криогенная техника и кондиционирование, электрические машины и аппараты, электроизоляционная, кабельная и конденсаторная техника, природоохранное обустройство территорий, рациональное использование материальных и энергетических ресурсов, воспроизводство и переработка лесных ресурсов.

На наш взгляд, в качестве новых и перспективно развивающихся отраслей (в соответствии с ОКВЭД), по большинству из которых не ведется подготовка специалистов в регионе, выступают сегодня: строительство, в частности, девелопмент, транспорт и связь, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг, гостиницы и рестораны, экологическая экономика, логистика.

Развитие этих отраслей объективно обусловлено увеличением их доли в структуре валовой добавленной стоимости области (табл. 1) и ростом занятого населения (на 01.01.2010 года в строительстве было занято 6,1 % от численности работающего населения, в недвижимости – 8,2 %, на транспорте и в связи – 9,6 %, в коммунальных и прочих услугах – 4,3 %, гостиницы и рестораны – 1,9 %, что в совокупности немного превосходит количество занятых в обрабатывающих производствах и добыче полезных ископаемых в 2009 году – 26,52 %), а также структурными изменениями в реальном секторе экономики: развитием новых типов недвижимости (логистических, выставочных комплексов, отелей, офисных центров класса А, В, С); перепрофилированием или ревитализацией старых, выводимых из оборота промышленных зданий, комплексов и помещений; увеличением жилищного строительства, появление новых типов жилищных комплексов (города-спутники, специализированные микрорайоны, коттеджные поселки и пр.); реформированием системы ЖКХ; появлением новых уникальных объектов в культурно-досуговой сфере (горнолыжные курорты «Шерегеш», «Танай») и развитием существующих (горнолыжный комплекс в г. Междуреченск, Салаир, Гурьевск, Кемерово и др.).

По данным Управления стратегического развития администрации Кемеровской области, в 2010 году наибольшую потребность в кадрах испытывали 5 видов экономической деятельности: строительство – 26 178 чел, обрабатывающие производства – 23 021 чел, оптовая и розничная торговля – 19 544 чел, операции с недвижимостью – 15 663 чел, государственное управление, военная безопасность и социальное обеспечение – 12 840 чел. [5, с. 25].

В условиях перспективного развития инновационных технологий в Кузбассе требуется совершенно другое качество профессиональных кадров. Уже сегодня необходимо не просто переучивать на сложившиеся технологии, а нужно готовить задел для того, чтобы среднее и старшее поколения могли работать не только на новом технологическом оборудовании, но и в секторе услуг. Поэтому на сегодняшний момент проблема заключается и в современной подготовке молодого поко-

ления, способного работать в условиях инновационной экономики, и в переподготовке, т. е. важно повышать качество человеческого капитала. Современные профессиональные кадры должны отличаться новым мышлением, наличием не только знаний общего и специального характера, но и способностью оперативного реагирования на возникшую проблему с использованием творческих подходов.

Литература

1. Ассоциация строительных предприятий "Промстрой" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kemerovo-promstroy.ru/>.
 2. Бобков, В. Развитие образования и оплата педагогического труда [Текст] / В. Бобков, Н. Маликов // Человек и труд. – 2006. – № 5.
 3. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2009 г. / под. ред. С. Н. Бобылева. – М.: ПрООН, 2009.
 4. Долгосрочная государственная программа изучения недр и воспроизводства минерально-сырьевой базы России на основе баланса потребления и воспроизводства минерального сырья: утв. Приказом МПР РФ от 8 июня 2005 г. №160 [Электронный ресурс] // Правовая база Гарант.
 5. Как решить кадровый вопрос // Авант партнер: деловой альманах. – 2011. – № 2 (27).
 6. Кемеровский «Азот»: рост инвестиций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.azot-kuzbass.net/section/1295.html>.
 7. Красноярский технопарк будет создан на площадях завода «Красмаш» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.runtech.ru/node/1468>.
 8. Кузбасский технопарк. Характеристика Кемеровской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.technopark42.ru/article/5/>.
 9. Медведев, Д. Заседание Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://state.kremlin.ru/commission/20/news/10777>.
 10. Научно-технологический парк "Новосибирск" ("Технопарк") [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tpark.ict.nsc.ru/>.
 11. Примаков, Е. Россия перед выбором [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2010. – № 4 (5083). – 14 января. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/01/14/primakov.html>.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011**
12. Руководители «Евраз» обсудили пути развития бизнес «Сталь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zsmk.ru/shownews.jsp?id=8986>.
 13. Создание Технопарка в сфере высоких технологий Республики Татарстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tpidea.ru/>.
 14. Среднесрочная региональная целевая программа "Развитие профессионального образования в Кемеровской области" на 2006-2010 годы (с изменениями от 14 февраля, 27 декабря 2007 г.) [Электронный ресурс] // Правовая база Гарант.
 15. Стратегия развития металлургической промышленности Российской Федерации на период до 2015 года (утв. приказом Министерства промышленности и энергетики РФ от 29 мая 2007 г. № 177) [Электронный ресурс] // Правовая база Гарант.
 16. Стратегия развития химической и нефтехимической промышленности России на период до 2015 года (утверждена приказом Минпромэнерго РФ от 14.03.2008 г. № 119) [Электронный ресурс] // Правовая база Гарант.
 17. Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области на долгосрочную перспективу (Закон Кемеровской области от 09.07.2008г. № 74-03) [Электронный ресурс] // Правовая база Гарант.
 18. Технология монолитного строительства домов из несъемной опалубки из пенополистирола [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.divnograd.tomsk.ru/proizvodstvo/>.
 19. Технопарк в Республике Мордовия / Официальный сервер органов государственной власти Республики Мордовия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-mordovia.ru/main/news/detail.php?ID=3137>.
 20. Тулеев, А. Социально-экономический потенциал, итоги и основные цели развития Кемеровской области на среднесрочную перспективу [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации Кемеровской области. – Режим доступа: www.ako.ru.
 21. Тулеев, А. Г. О технопарке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.technopark42.ru/>.
 22. Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Кемеровской области на 2005 – 2012 гг.».
 23. Энергетическая стратегия России на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2003 г. № 1234-р) [Электронный ресурс] // Правовая база Гарант.

Информация об авторах:

Старикова Людмила Николаевна – доктор социологических наук, профессор кафедры общей и региональной экономики, КемГУ, 8-903-993-65-85, sln55@list.ru.

Starikova Lyudmila Nikolaevna – Doctor of Sociology, Professor at the Department of General and the Regional Economy of KemSU.

Саздеева Людмила Сергеевна – аспирант кафедры общей и региональной экономики, КемГУ, 8-905-969-24-70, slszmo@mail.ru.

Sagdeeva Lyudmila Sergeevna – post-graduate student at the Department of General and Regional Economics of Kemsu.

УДК: 332.14(571.17)

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

И. Г. Степанов, А. В. Шарнин

THE MAIN COMPONENTS OF THE MECHANISM FOR IMPLEMENTING THE STRATEGIC PLAN FOR THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE MUNICIPALITY

I. G. Stepanov, A. V. Sharnin

Рассмотрены элементы механизма реализации стратегического плана социально-экономического развития муниципального образования.

The elements of a mechanism for implementing the strategic plan of socio-economic development of the municipality are considered.

Ключевые слова: стратегический план, механизм реализации стратегического плана, комплексная программа, социальный норматив, инвестиционная привлекательность.

Keywords: strategic plan, the mechanism of the strategic plan realization, a comprehensive program, the social norm, the investment attractiveness.

Разработанные многими муниципальными образованиями (МО) стратегические планы (СП) требуют дальнейшего их продвижения, т. е. реализации. Однако механизм реализации СП в настоящее время не отработан, что негативно сказывается на самой идее стратегического планирования. В настоящей работе представлены основные компоненты такого механизма, представляющего собой совокупность взаимосвязанных действий администраций МО.

Окончание разработки комплексных программ социально-экономического развития муниципального образования (МО) определяет необходимость в реализации стратегического и разработанных на его основе среднесрочных планов (на 3 года). Данный этап включает в себя ряд последовательных действий администрации МО, совокупность которых представляет собой механизм реализации. Представленные ниже действия характерны для всех МО. Что же касается их последовательности, то она не является строго установленной и определяется спецификой МО. Остановимся на наиболее характерных для всех МО действиях, направленных на реализацию стратегического плана (СП).

Во-первых, цели и задачи СП необходимо конкретизировать программными документами в виде проектов, целевых программ. Программа социально-экономического развития МО является верхним звеном в системе документов стратегического и текущего планирования. Она систематизирует и упорядочивает в четкой иерархии все документы, касающиеся развития МО. Так, СП Новокузнецкого муниципального района предусмотрена разработка и реализация порядка 25 программ. К примеру, можно назвать такие программы, как развитие системы образования, здравоохранения, культуры, физкультуры и спорта, развития социальной сферы и ЖКХ, развитие транспортной инфраструктуры, обеспечение жильем и др. Эти программы направлены на повышение качества жизни МО, развитие инфраструктуры МО, повышение экономичности и качества работы муниципального хозяйства, повышение эффек-

тивности управления поселениями и районом в целом, улучшение состояния окружающей среды.

Во-вторых, необходима глубокая проработка совместно с бизнес-сообществом программ, направленных на развитие экономического потенциала МО, в частности, технического перевооружения предприятий базовых отраслей муниципального района, диверсификация экономики городов. Следует исходить из того, что развитие экономического потенциала является доминантной, наиболее важной стратегической целью развития любого МО, т. к. формирует платежеспособный спрос и занятость населения, обеспечивает приток в район денежных средств извне. На этапе разработки стратегических планов социально-экономического развития МО данная стратегическая цель была прописана довольно невятно в связи с отсутствием стратегий развития у большинства предприятий. Наиболее существенным риском реализации СП является несовпадение позиций собственников крупных предприятий и администраций МО, представляющих интересы населения. Компании, в состав которых входят металлургические и угольные предприятия МО, являются, по сути, транснациональными. С одной стороны, это обстоятельство может обеспечить активный приток современных технологий, высококвалифицированных менеджеров, современных методов управления. С другой стороны, имеют место опасения относительно роли и места предприятий, расположенных на нашей территории, в стратегии этих компаний. Им вполне может быть отведена роль сырьевых придатков, мест средоточия экологически грязных технологий.

С целью уменьшения данного риска, местным органами власти необходимо, во-первых, укреплять и развивать партнерские отношения с бизнес-сообществом в целом и с крупным бизнесом в частности, настраивая его на «волну» социальной ответственности, и, во-вторых, с целью поддержки инновационного развития территорий и стимулирования производства продукции с высокой добавленной стоимостью инициировать вве-

дение на федеральном уровне ограничений на экспорт сырья (в первую очередь, угля) посредством увеличения вывозной пошлины, а также на вывоз прибыли с территорий, где она создана (по оценкам некоторых аналитиков, одним из основных условий инновационного развития Сибири является реинвестирование на месте до 50 – 90% полученной прибыли).

В-третьих, с целью повышения инвестиционной привлекательности территорий и привлечения стратегических инвесторов в отрасли, развитие которых предусмотрено СП, необходима разработка местными органами власти комплекса соответствующих мер. В первую очередь, как нам представляется, следует разработать каталог инвестиционных предложений с краткой характеристикой инвестиционных проектов, реализация которых предусматривается на территории МО. Кроме того, необходимо указать преференции, которые готовы предоставить инвесторам местные органы власти и тем самым продемонстрировать свою заинтересованность в реализации данных инвестиционных проектов. Целесообразно также проведение массовой PR-компания по презентации инвестиционных предложений с выходом в другие регионы страны и зарубежье. Эти «сигналы», безусловно, получат положительную оценку бизнес-сообщества и будут способствовать привлечению инвестиций.

Заслуживает внимания и такой источник инвестиций, как федеральный бюджет. Правительство РФ в настоящее время активно участвует в софинансировании региональных и муниципальных инвестиционных проектов. Но для этого необходимо иметь разработанный проект, участие в конкурсе проектов и долевое финансирование из региональных и муниципальных бюджетов, а в случае коммерческих проектов – частным бизнесом. К примеру, в Новокузнецком районе таким проектом может стать проект развития транспортной инфраструктуры, включающий строительство и реконструкцию автодорог, мостов. Инвестиционная емкость этого проекта составляет порядка 5 млрд руб. На его реализацию только за счет средств районного бюджета потребуется несколько десятков лет. Для частного бизнеса этот проект не привлекателен. Таким образом, проблему внутрирайонных дорог можно решить только путем привлечения инвестиций областного и федерального бюджетов. Отмечу, что для Новокузнецкого района проблема такого рода не единственная.

В-четвертых, необходимо обеспечить преемственность между текущими (годовыми) и трехлетними планами и бюджетами, с одной стороны, и стратегическим планом и его производной – среднесрочным планом, с другой стороны. При этом, добиваясь большей эффективности реализуемых программ, следует избегать чрезмерной распыленности финансовых ресурсов, стремясь к разумной их концентрации по довольно узкому кругу реализуемых в определенном временном периоде программ.

В-пятых, для осуществления контроля за реализацией СП необходимо проведение мониторинга, посредством которого формируется база данных о выполнении СП. Полученная информация используется для расчета фактических значений индикаторов, отражающих цели и задачи СП, которые в ходе дальнейшего анализа сравниваются с их нормативными значениями. В качестве таковых целесообразно использовать установленные государством социальные нормативы; в сферах

деятельности, где они отсутствуют, нормативы могут устанавливаться самим МО в процессе разработки и корректировки СП. Примером социальных нормативов, установленных государством, являются обеспеченность местами в дошкольных и школьных учреждениях, удельное количество больничных коек, врачей, среднего медицинского персонала и др. Примером нормативов, устанавливаемых на местном уровне, являются ввод жилья в кв. м в расчете на одного жителя в год, естественный прирост населения в расчете на 1000 жителей, доля населения с доходами ниже прожиточного уровня и др. Достижение нормативных значений индикаторов целесообразно планировать на последний год периода, на который распространяется действие стратегического плана (2020 г.), а также планировать промежуточные плановые значения индикаторов на конец первого пятилетнего периода (2015 г.) и в текущих (годовых) планах МО. Так, к примеру, программа по созданию рынка доступного жилья и обеспечению комфортных условий проживания жителей Новокузнецкого района предусматривает достижение ввода жилья в расчете на одного жителя в год к 2020 г. – 0,9 кв. м, к 2015 г. – 0,85 кв. м при нынешнем значении этого индикатора 0,8 кв. м.

Использование системы индикаторов позволит:

- сделать планы всех уровней – от текущего до стратегического – более наглядными и взаимосвязанными;
- рационально распределять инвестиционные ресурсы как по временным периодам, так и между различными целевыми программами и проектами;
- упростить контроль за реализацией СП;
- осуществлять более глубокий анализ реальной ситуации;
- вырабатывать и осуществлять обоснованные корректировки СП.

В-шестых, для решения задач СП необходимо осуществить комплекс мероприятий организационного характера:

1. Разработать программу вовлечения в обсуждение и реализацию СП предпринимательских кругов и активной части населения района, которая должна включать: периодические встречи населения с руководителями Новокузнецкого района; опросы населения; использование возможностей местных средств массовой информации; меры по информированию населения о планах развития района и результатах их реализации; пропаганду среди широких слоев населения необходимости участия населения в решении вопросов социально-экономического развития района; поддержку гражданских инициатив, деятельности органов территориального общественного самоуправления, направленных на улучшение состояния конкретных домов, дворовых территорий, парков, водных объектов, способствующих развитию сельского сообщества, осознанию жителями района своей ответственности за его судьбу.

2. Организовать обучение работников администрации района и депутатов районного совета современным методам управления социально-экономическим развитием МО, используя кадровый потенциал местных вузов, осуществлять повышение квалификации муниципальных кадров не реже одного раза в три года.

3. Провести маркетинговые исследования территории района, в ходе которого могут быть, в частности,

выявлены: затраты потенциальных инвесторов, связанные с выбором и подготовкой площадок строительства, использованием местных строительных материалов, получение необходимой и достоверной информации и др.; наличие высвободившихся в результате сокращения производства зданий цехов предприятий района с транспортными подходами и инженерной инфраструктурой; должен быть составлен перечень таких зданий с техническими характеристиками и определены условия соглашений с их собственниками о возможном размещении в них новых производств; наличие использованных объектов незавершенного строительства, которые могут оказаться привлекательными для потенциальных инвесторов.

4. Обеспечить расширение возможностей использования средств населения и иных внебюджетных источников для финансирования жилищного и социально-культурного строительства.

5. Произвести ряд изменений в организационной структуре управления районом. В частности, необходимо создание подразделения стратегического планирования.

6. Для осуществления эффективного планирования СП целесообразно создание специального органа – дирекции программы. По опыту других МО, необходимо придание дирекции статуса юридического лица в форме

некоммерческой организации (например, агентства социально-экономического развития). Ее учредителями могут быть органы местного самоуправления, уполномоченные органы государственной власти области, крупные предприятия. Дирекция может быть наделена полномочиями главного распорядителя бюджетных средств, выделяемых на реализацию СП, и генеральным заказчиком отдельных проектов, финансирование которых осуществляется из нескольких источников. Другими задачами дирекции должны стать мониторинг реализации СП и своевременное внесение в него необходимых изменений, оказания содействия в привлечении инвестиций и др.

Другим координационным органом может быть общественный совет, в состав которого могут входить представители органов местного самоуправления, ученые, специалисты, лидеры общественных организаций, представители средств массовой информации. Такой совет мог бы осуществлять периодическую общественную экспертизу хода реализации СП, вносить в органы местного самоуправления и в дирекцию программы предложения по ее улучшению. В составе общественного совета целесообразно сформировать рабочие группы по отдельным проектам и тематические комиссии по отдельным программам.

Литература

1. Виханский, О. С. Стратегическое управление / О. С. Виханский. – М.: Гардарики, 2003.
2. Ансофф, И. Стратегическое управление / И. Ансофф – М.: Экономика, 1989.
3. Адиев, Р. В. Стратегическое планирование на предприятии / Р. В. Адиев // Деньги и кредит. – 2001. – № 7.
4. Рекомендации по разработке стратегических планов // НЭГ. – 2000. – № 27 – 29.
5. Ильин, А. И. Планирование на предприятии: учеб. пособие: в 2 ч. – Ч. 1: Стратегическое планирование / А. И. Ильин. – Мн.: Новое знание, 2000.
6. Клиланд, У. Стратегическое планирование в организациях / У. Клиланд. – М., 2000.

Информация об авторах:

Степанов Игорь Германович – профессор, доктор экономических наук, заведующий кафедры менеджмента и маркетинга, НФИ КемГУ, 89039417096, root@nkfi.ru.

Stepanov Igor Germanovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management and Marketing of the Novokuznetsk branch of KemSU.

Шарнин Андрей Валерьевич – соискатель кафедры менеджмента и маркетинга, КемГУ, заместитель главы Новокузнецкого района по социальным вопросам, 89059031919, sharnin2@mail.ru.

Sharnin Andrey Valer'evich – post-graduate student at the Department of Management and Marketing of KemSU, Deputy Head of the Novokuznetsk district for Social Affairs.

УДК: 332.14(571.17)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА

И. Г. Степанов, А. В. Шарнин

DEVELOPMENT STRATEGY OF THE MUNICIPAL SOCIAL SERVICES

I. G. Stepanov, A. V. Sharnin

Рассмотрен механизм использования социальных нормативов в качестве измерителей стратегических целей социального развития муниципального образования.

The mechanism of using social specifications as measuring instruments for the strategic targets of a municipal union's social development is considered.

Ключевые слова: стратегический план, социальный норматив, инвестиции социальная услуга, уровень достижения норматива.

Keywords: strategic plan, the social norm, investments, social service, the level of standards achievement.

В настоящее время муниципальные образования (МО) активизируют свою деятельность на разработке и применении стратегических планов. При этом они сталкиваются с рядом проблем, одной из которых является слабо разработанная методическая база стратегического планирования развития социальной сферы, являющейся областью ответственности и полномочий органов власти субъектов федерации и МО и финансируемой в основном за счет бюджетных средств.

В данной работе представлена разработанная авторами методика формирования стратегического плана социальной сферы МО. Количественную оценку стратегических целей предлагается осуществлять на основе социальных нормативов, установленных государством для большинства социальных показателей в здравоохранении, образовании, культуре и др. При отсутствии таковых или при их достижении, что случается не часто, нормативы могут быть установлены органами власти на уровне субъектов федерации или МО.

Указанная методика включает ряд этапов:

1. Вне зависимости от вида норматива (нормативы, как правило, выступают в двух видах: в виде абсолютного показателя на определенное количество жителей (норматив первого вида), когда они распространяются на все население страны (субъекта федерации, МО), и в относительном виде (норматив второго вида, в процентах) на определенную группу людей (страту), объединенных по общим социальным признакам), необходимо трансформировать его в абсолютную величину в расчете на все население муниципального образования или на его страту. Для этого используются следующие выражения.

Для норматива первого вида:

$$V_n = \frac{C_n}{C_{nn}} \times C_{на}, \quad (1)$$

где V_n – объем предоставленной услуги при достижении нормативного значения, ед.;

C_n – численность населения МО, чел.;

C_{nn} – численность населения, охватываемая социальным нормативом, чел.;

$C_{на}$ – значение социального норматива в абсолютном выражении, ед.

Для норматива второго вида:

$$V_n = C_n \times \frac{C_{н\%}}{100\%}, \quad (2)$$

где $C_{с}$ – численность страты, чел.;

$C_{но}$ – значение социального норматива, %.

Определение необходимого объема услуг (в абсолютном выражении) для достижения нормативного значения социальных нормативов (V_{gni}). С этой целью используется формула:

$$V_{gni} = V_{ni} - V_{fi}, \quad (3)$$

где V_{fi} – фактический объем i -ой предоставляемой услуги.

Если $V_{ghi} > 0$ – норматив по данной услуге не достигнут. При $V_{ghi} \leq 0$ – норматив по данной услуге достигнут, и при необходимости возможно введение нового значения норматива.

1. На данном этапе осмысливается значение V_{ghi} : анализируется и прогнозируется социально-экономическое, демографическое развитие МО и принимается решение о степени достижения (выполнения) каждого социального норматива, имеющего $V_{ghi} > 0$, на период действия стратегического плана. Это зависит как от приоритетности соответствующей сферы деятельности, так и возможностей (в первую очередь, финансовых) МО. В результате закрепляется планируемый объем по каждой услуге (V_{gni}) при соблюдении условия: $V_{gni} \leq V_{gni}$ и определяется плановый уровень достижения каждого норматива ($УД_i$) по формуле:

$$УД_i = \frac{V_{fi} + V_{gni}}{V_{ni}} \times 100\%, \quad (4)$$

где V_{gni} – включаемый в стратегический план прибавочный объем i -й услуги.

2. Распределение прибавочного объема услуг (включаемого в план) по временным периодам плана. Определяется исходя из анализа социально-экономического (в первую очередь, финансового) и демографического состояния МО.

Определение необходимого объема инвестиций через удельные капитальные вложения по формуле:

$$U_i = R_i \times V_{gni}, \quad (5)$$

где R_i – удельные капитальные затраты на единицу i -ой услуги.

Покажем применение данной методики на примере системы образования Новокузнецкого муниципального района Кемеровской области.

В таблице 1 представлены основные параметры данной сферы.

Таблица 1

Основные параметры системы образования Новокузнецкого муниципального района

Учреждения	Период		
	2008	2009	2010
1. Дневные общеобразовательные школы:			
– количество, ед.	40	25	24
– число мест, ед.	8362	7287	6937
– численность учащихся, чел.	4872	4705	4570
– наполняемость классов, чел.	12,2	14,4	15,4
2. Дошкольные образовательные учреждения:			
– количество, ед.	20	20	20
– число мест, ед.	2108	2164	2356
– число детей дошкольного возраста, чел.	3036	3270	3465

Продолжение таблицы

3. Дополнительного образования (детские школы искусств, дома детского творчества):			
– количество, ед.	13	13	13
– число мест, ед.	2817	2871	2949
– численность учащихся, чел.	4872	4705	4570

Как видно, произошло сокращение дневных общеобразовательных учреждений (ОУ) с 40 до 24, что связано с малокомплектностью ликвидируемых школ.

Судя по данным таблицы за 2010 год, число мест в школах значительно (в 1,5 раза) превышает число обучаемых. Однако при анализе ситуации в социальной сфере следует принимать во внимание такую особенность муниципальных районов, как наличие поселений в составе каждого из них. Так, в состав Новокузнецкого муниципального района входят 16 поселений, и ситуация с различными социальными объектами, в том числе и со школами, довольно неоднородна: в трех поселениях число мест в школах превышает число обучаемых в 2 и более раз, в двух – недостаток мест на 10 – 25 %.

Что касается дошкольных детских учреждений, то лишь в трех из 16 поселений выполняется социальный норматив, то есть число мест составляет не менее 80 % от числа детей дошкольного возраста. В целом же по району социальный норматив на 2010 год «освоен» на 68 %, с широкой степенью дифференциации по отдельным поселениям (от 0 до 100 %).

В дополнительном образовании при нормативе 60 % охвачено 65 % детей, но по отдельным поселениям картина также разнородная: в шести из них норматив не достигнут.

Используя представленную выше методику, определим недостающее количество мест, для достижения

норматива по каждому виду образовательных услуг для каждого поселения. В результате получаем: для выполнения социального норматива необходимы дополнительные места в общеобразовательных школах – 110 (в двух поселениях), в дошкольных образовательных учреждениях – 416 (в двенадцати поселениях) и учреждениях дополнительного образования – 179 (в шести поселениях). Однако полученные значения числа дополнительных мест не учитывают изменения численности рассматриваемых страт за период действия стратегического плана (10 лет). Прогнозируемая на этот период (с разбивкой по временным этапам) численность детей школьного и дошкольного возрастов была рассчитана для всех поселений района с использованием комбинированного метода прогнозирования (методы экстраполяции и экспертный) и представлена в табл. 2.

Примечание:

1) Ш – школьного возраста, Д – дошкольного возраста;

2) ОУ – дневные образовательные учреждения (школы);

ДОУ – дошкольные образовательные учреждения;

УДО – учреждения дополнительного образования;

3) рассчитывается на конец периода реализации СП при неизменном количестве мест в образовательном учреждении.

Таблица 2

**Прогнозируемая численность детей школьного и дошкольного возрастов
на период действия стратегического плана (2011 – 2020 гг.)**

Поселения Новокузнецкого муниципального района	Исходные данные на начало периода (2010 г.)									Прогнозируемая численность детей по этапам реализации СП								
	численность детей, чел.		количество мест, ед.			уровень выполнения соц. нормативов, %				2014		2017		2020		уровень выполнения соц. нормативов на момент окончания действия СП при неизменном числе		
	Ш	Д	ОУ	ДОУ	УДО	ОУ	ДОУ	УДО		Ш	Д	Ш	Д	Ш	Д	ОУ	ДОУ	УДО
1. Атамановское	432	395	560	276	318	130	87	123		474	457	573	440	525	425	106	81	100
2. Безруковское	200	270	380	178	123	190	82	103		220	320	265	300	250	285	152	78	82
3. Бунгурское	433	275	784	183	290	181	83	111		475	325	570	310	530	300	148	76	91

4.Елан-ское	225	208	320	137	146	142	82	108	246	240	293	220	280	200	114	86	87
5.Ильин-ское	373	290	752	210	297	201	91	133	408	322	490	310	455	290	165	91	109
6.Костен-ковское	185	197	320	105	73	173	67	65	202	240	240	230	235	205	136	64	52
7.Красу-линское	543	230	792	139	318	146	76	97	595	280	705	270	650	260	122	67	82
8.Кузде-евское	394	200	445	95	250	113	59	106	432	245	510	225	460	205	97	58	90
9.Курту-ковское	167	145	610	113	64	365	97	64	183	215	216	205	210	195	290	72	51
10.Мета-ллугов-ское	397	410	320	305	249	81	93	104	436	480	520	470	570	450	56	85	73
11.Орлов-ское			0														
12.Сары-Чумыш-ское	153	80	120	0	63	78	0	68	168	96	200	92	180	85	66	0	58
13.Сидо-ровское	225	130	320	126	85	142	121	63	246	172	300	165	305	145	105	109	46
14.Сос-новское	234	200	480	175	227	205	109	162	257	247	305	235	290	225	165	97	130
15.Тер-синское	104	31	195	65	44	187	260	71	114	40	140	35	145	35	134	232	51
16.Чисто-горское	504	404	664	249	402	132	77	133	552	460	670	450	640	435	104	72	105
В целом по рай-ону:	4570	3465	6937	2356	2949	152	85	107	5010	4139	5997	3957	5725	3740	133	79	86

Полученные результаты выглядят следующим образом: количество школ с дефицитом мест составило 3 (в трех поселениях из шестнадцати), дошкольных образовательных учреждений – 13, учреждений дополнительного образования – 11 (в одиннадцати поселениях).

В целом же по району дефицита мест в школах не будет, в дошкольных образовательных учреждениях дефицит мест составит 636 и в учреждениях дополнительного образования 498 мест при условии достижения социальных нормативов во всех поселениях.

При принятии решений о включении в стратегический план возведение новых объектов по оказанию образовательных услуг в качестве основного ограничения следует принимать прогнозируемые объемы инвестиций в данную сферу. Применительно к сфере образования рассматриваемого муниципального района он составляет 1,6 млрд руб. К примеру, за предшествующие три года среднегодовой объем инвестиций составлял 100 млн.руб. Кроме того, необходимо учитывать следующие обстоятельства:

1. Определенная часть инвестиций может быть направлена на возведение нового объекта взамен действующего в связи с физическим износом последнего, что может не вызвать роста числа мест. Например в п. Металлург школа находится в аварийном состоянии.

2. Часть школьников из поселений с дефицитом мест в образовательных учреждениях могут обучаться в соседних поселениях, расположенных на расстоянии не более 30 км и имеющих свободные места в своих образовательных учреждениях. При этом для их транспортировки должны быть выделены специальные автобусы.

Далее осмысливается необходимое количество мест, введение которых позволит достигнуть нормативов, а также анализируется и прогнозируется социально-экономическое, демографическое развитие МО и принимается решение о степени достижения каждого соци-

ального норматива на период действия стратегического плана.

Для достижения социальных нормативов, необходимо к 2021 году ввести в эксплуатацию: две школы на 720 мест, двенадцать дошкольных образовательных учреждений на 980 мест, открыть в одиннадцати поселениях района 498 мест дополнительного образования. Для достижения этих целей необходимо инвестиций в объеме 1,9 млрд руб.

Учитывая финансовые возможности муниципально-го образования (1,6 млрд руб.), определяем приоритетные направления развития системы образования Новокузнецкого района до 2021 года: строительство двух школ на 720 мест, детских садов на 720 мест и учреждений дополнительного образования на 200 мест, ввод которых обеспечит выполнение социальных нормативов с учетом демографического состояния района соответственно на 133, 103 и 91 %.

Так, предлагается с 2011 по 2020 годы ввести в эксплуатацию:

1. Школы:

– п. Металлург на 600 мест в 2011 – 2012 гг. (взамен выбывающих 320 мест);

– с. Сары – Чумышское на 120 мест в 2017 – 2018 гг.

2. Детские сады:

– с. Атаманово на 100 мест в 2013 – 2014 гг.;

– п. Металлург на 80 мест в 2015 – 2016 гг.

– п. Чистогорский на 100 мест в 2017 – 2018 гг.;

– с. Казанково на 80 мест в 2017 – 2018 гг.;

– п. Кузнецово на 80 мест в 2019 – 2020 гг.;

– п. Костенково на 80 мест в 2019 – 2020 гг.;

– п. Загорский на 80 мест в 2019 – 2020 гг.;

– с. Сары – Чумышское на 60 мест в 2015 – 2016 гг.

– с. Куртуково на 60 мест в 2017 – 2018 гг.;

3. Учреждения дополнительного образования:

– с. Костенково на 100 мест в 2015 – 2016 гг.;

– с. Красулино на 100 мест в 2019 – 2020 гг.

На следующем этапе определяем необходимый объем инвестиций на строительство образовательных учреждений через удельные капитальные вложения. Например: сметная стоимость строительства детского сада на 100 мест, исходя из $R_i = 1$ млн руб. в расчете на одно место составляет 100 млн руб., сметная стоимость школы на 600 мест, исходя из $R_i = 1,08$ млн руб. на одно место, 650 млн руб., учреждения дополнительного образования на 100 мест исходя из $R_i = 0,5$ млн руб. на одно место, 50 млн руб.

Объем необходимых инвестиций для достижения нормативов по обеспечению общеобразовательными и дошкольными учреждениями дополнительного образования составит 1597 млн руб., что составляет 99 % от прогнозируемого.

В результате проведенных мероприятий в Новокузнецком районе, к 2021 году уровень поэтапного выполнения социальных нормативов в 2014 и 2017 гг. и на момент окончания СП (2020 г.) представлен в табл. 3.

В 2021 году в Новокузнецком районе охват детей дошкольными учреждениями составит 82 %, (при нормативе 80 %), общеобразовательными учреждениями – 128 %, охват детей услугами дополнительного образования – 55 % (при нормативе 60 %).

В данной статье на примере Новокузнецкого муниципального района показано, как на основе достижения социальных нормативов можно планировать развитие социальной сферы муниципального образования на долгосрочный период.

Таблица 3

Уровень выполнения социальных нормативов с учетом предлагаемых мероприятий в СП, %

Поселения	Годы окончания временного этапа								
	2014			2017			2020		
	ОУ	ДОУ	УДО	ОУ	ДОУ	УДО	ОУ	ДОУ	УДО
1.Атамановское	118	99	111	97	107	92	106	110	100
2.Безруковское	172	69	93	143	74	77	152	78	82
3.Бунгурское	165	70	101	138	74	85	148	109	91
4.Еланское	130	71	99	109	78	83	114	86	87
5.Ильинское	184	81	121	153	85	101	165	91	109
6.Костенковское	158	55	60	133	57	90	136	113	92
7.Красулинское	133	62	89	112	64	75	122	105	107
8.Кузедеевское	103	48	96	87	52	81	97	106	90
9.Куртуковское	333	66	58	282	69	49	290	110	51
10.Металлурговское	137	79	95	115	102	80	105	107	73
11.Сары – Чумышское	71	0	63	60	81	53	133	88	58
12.Сидоровское	130	92	58	107	95	47	105	109	46
13.Сосновское	187	88	147	157	93	124	165	97	130
14.Терсинское	171	203	65	139	232	52	134	232	51
15.Чистогорское	120	68	121	99	69	100	133	100	86
В целом по району	144	74	98	120	82	82	128	102	91

Литература

1. Постановление правительства РФ «О социальных нормативах и нормах» № 1063-р от 3.07.1993г.
2. Закон Республики Башкортостан от 28.12.2006 № 402-з.
3. Закон Республики Карелия от 23 марта 2000 года.
4. Комплексная программа социально-экономического развития на период до 2025 года.

Информация об авторах:

Степанов Игорь Германович – профессор, доктор экономических наук, заведующий кафедры менеджмента и маркетинга, НФИ КемГУ, 89039417096, root@nkfi.ru.

Stepanov Igor Germanovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management and Marketing of the Novokuznetsk branch of KemSU.

Шарнин Андрей Валерьевич – соискатель кафедры менеджмента и маркетинга, КемГУ, заместитель главы Новокузнецкого района по социальным вопросам, 89059031919, sharnin2@mail.ru.

Sharnin Andrey Valer'evich – post-graduate student at the Department of Management and Marketing of KemSU, Deputy Head of the Novokuznetsk district for Social Affairs.

ЗДОРОВЬЕ – ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

В. В. Халиуллина, С. В. Шабашева

HEALTH AS THE IMPORTANT COMPONENT OF LABOR POTENTIAL

V. V. Khaliulina, S. V. Shabasheva

Рассматриваются понятия: рабочая сила, трудовые ресурсы, трудовой потенциал, человеческий фактор, человеческий капитал. Излагаются позиции некоторых авторов относительно данных понятий. Раскрываются составляющие трудового потенциала. Показана роль здоровья в повышении трудовых результатов.

The concepts of work force, labor potential, human factor and human capital are considered. Positions of some authors concerning the given concepts are stated. The components of labor potential are revealed. The role of health in increasing the labor results has been shown in this article.

Ключевые слова: трудовой потенциал работника, организации, его составные компоненты, психофизиологические составляющие трудового потенциала, здоровье.

Keywords: labor potential of the worker and the organization, its components, psychophysiological components of labor potential, health.

Эффективность работы любой организации во многом зависит от качества человеческих ресурсов, которыми эта организация обладает, от управления занятостью персонала. Наряду с рациональным использованием финансовых ресурсов, на первый план выступает также необходимость формирования и в дальнейшем эффективной активизации индивидуального трудового потенциала работников и коллектива организации. Встает вопрос об оптимальном распределении человеческих ресурсов внутри организации, предполагающее максимальное соответствие потенциала работника потенциалу рабочего места.

Существует несколько трактовок понятия «потенциал» работника: выделяют трудовой потенциал, кадровый, квалификационный потенциалы. Говоря о потенциале индивида или группы людей, зачастую употребляют такие термины, как «человеческий фактор», «человеческий капитал». Рассмотрим данные понятия.

Слово «потенциал» в общем смысле означает определенные источники, способности, средства, которые могут быть использованы для достижения определенной цели. Потенциал как экономическая категория представляет собой собирательную характеристику ресурсов в определенном времени и пространстве, т. е. источник возможностей, средств, запаса.

Самое первое понятие, вводимое для определения потенциала работника – это рабочая сила. Под ней традиционно понимают совокупность физических и духовных (интеллектуальных) способностей к труду. Некоторые ученые в понятие «рабочая сила» вкладывают такие компоненты, как здоровье, образование, профессионализм человека. Рабочая сила, не включенная в процесс производства – это потенциальная способность, которой обладает каждый человек. По отношению к труду она является функционирующей способностью. В связи с этим употребляется понятие «трудовые ресурсы», включающее трудоспособное население региона, общества в целом. Понятие «человеческий фактор» содержит более глубокий, качественный подход, по сравнению с обозначенными выше понятиями, предполагая, что человек выступает сознательным субъектом хозяйственной деятельности. Однако данное понятие получило распространение в период преобладания технократического подхода к организации и развитию производства. Работники при этом рассматриваются как некая движущая сила, фактор, а не

как самостоятельная творческая личность. Такой подход ограничивает роль работника в производственном процессе. Далее в экономической литературе и в практике появляется понятие «трудовой потенциал», который рассматривается как совокупность трудовых возможностей конкретного индивида, коллектива, общества в целом.

В конце двадцатого века вводится термин «человеческий капитал». Создатели основ теории человеческого капитала – американские ученые-экономисты Теодор Шульц и Гэри Беккер. На первых порах в это понятие включали знания и способности человека к труду. Человеческий капитал сквозь призму производительного фактора впервые был изучен Т. Шульцем. Он полагал, что человеческий капитал может рассматриваться как совокупность качеств, определяющих производительность, и которые могут стать источниками дохода для человека, семьи, предприятия и общества. Такими качествами обычно считают здоровье, природные способности, образование, профессионализм, мобильность. Основными результатами инвестиций в человека Т. Шульц считал накопление способностей людей к труду, их эффективную созидательную деятельность в обществе, поддержание здоровья и т. д. Человеческий капитал может накапливаться и воспроизводиться.

Г. Беккер одним из первых перенес понятие «человеческий капитал» на микроуровень. Человеческий капитал предприятия он определил как совокупность навыков, знаний и умений человека, в качестве инвестиций в них учел в основном затраты на образование и обучение. Г. Беккер оценил экономическую эффективность образования прежде всего, для самого работника. Дополнительный доход от высшего образования он определил следующим образом. Из доходов тех, кто окончил высшее учебное заведение, он вычитал доходы работников со средним общим образованием. Издержками образования считались как прямые затраты, так и альтернативные издержки – упущенный доход за время обучения.

Понятие кадровый потенциал, по нашему мнению, наиболее применимо к уровню организации, предприятия, компании. Что касается трудового потенциала, то это понятие имеет отношение и к личности, и к совокупности работников организации. Данный термин применим также на уровне региона, общества в целом. Авторы данной статьи в большей степени интересуется

соотношение понятий «кадровый» и «трудовой потенциал» на уровне организации.

Вопросам изучения трудового потенциала различного уровня посвящены труды многих ученых, однако в настоящее время нет однозначного подхода к определению этого понятия. В частности, Б. М. Генкин считает, что на формирование трудового потенциала индивида оказывает влияние базовый потенциал личности в целом и, в частности, уровень образования, воспитание, состояние здоровья, жизненный опыт человека, его способности [2, с. 97]. В работах других ученых делается попытка представить трудовой потенциал как обобщающую характеристику совокупных способностей к труду, определяющих потенциальные возможности как индивида, так и коллектива работников организации. На наш взгляд, более полно трудовой потенциал работника представлен позицией А. Я. Кибанова. Он, давая определение трудовому потенциалу, выделяет следующие его составляющие [7, с. 56]:

- квалификационная, предполагающая определенный уровень образования, совокупность знаний, навыков, интеллект, проявление творческих способностей, профессионализм работника, способности к инновациям;
- личностная составляющая, включающая дисциплинированность, активность, мотивированность работника, нравственность, ценностные ориентации, коммуникабельность, конфликтность, склонность к лидерству, социальную зрелость и другие качества;
- социально-демографическая, включающая такие параметры, как пол, возраст, семейное положение, общий стаж работы или стаж по данной профессии или специальности;
- психофизиологическая, отражающая состояние здоровья, работоспособность, тип нервной системы и др.

Необходимо также отметить, что трудовой потенциал не является статичным показателем, он меняется в зависимости от развития способностей, навыков, появления новых знаний, укрепления здоровья и т. д. В этом отношении проблематична оценка трудового потенциала. На практике используются разные методы измерения трудового потенциала работника, коллектива, однако к ним также нет однозначного подхода. Отметим лишь, что количественной (балльной) оценке потенциала конкретного работника поддаются такие факторы, как уровень образования, возраст, стаж, состояние здоровья. Данные факторы можно оценить по определенной шкале, встречаются 7 – 10-балльные шкалы.

Одним из возможных примеров взаимосвязи составляющих трудового потенциала является коэффициент «профессиональной перспективности» [6, с. 470], отражающий взаимосвязь и взаимовлияние таких важных параметров, как оценка уровня образования (принимается дифференцированно, например: 1 – для лиц с высшим образованием, 0,75 – для лиц со среднеспециальным и незаконченным высшим образованием; 0,6 – для лиц со средним образованием; 0,15 – для лиц, имеющих незаконченное среднее образование), стаж работы по специальности, возраст. Причем, с точки зрения взаимовлияния, показатели стажа и возраста делятся на значение «4» и «18» соответственно, так как по рекомендациям НИИ труда считается, что стаж в 4 раза меньше влияет на показатели работы, а возраст в 18 раз меньше, чем уровень образования. При этом верхний

предел возрастных значений ограничивается: для мужчин – 55 лет, для женщин – 50 лет. На основании вышеизложенного мы предлагаем следующее. С целью учета психофизиологической составляющей взять за основу данный коэффициент перспективности и увязать его основные компоненты с фактором «состояние здоровья» работника, провести апробирование возможных шкал определения «коэффициентов» здоровья и увязать с вышеописанными компонентами на предприятиях, где уже существуют различные подходы к оценке персонала. По результатам апробирования (пилотного проекта) принять решение о количественной мере влияния этой важной психофизиологической составляющей.

Возвращаясь к соотношению понятий «кадровый» и «трудовой потенциал», следует отметить, что в литературе нет четкого определения позиций исследователей в этой области. На наш взгляд, на уровне коллектива, организации в целом, эти понятия можно принять как равнозначные. Понятие «кадровый потенциал» корректнее использовать к коллективу организации, «трудовой потенциал» уместно применять как на уровне организации, так и для индивида.

Трудовой потенциал индивида на практике часто отождествляют с квалификацией работника (квалификационный потенциал). Это, на наш взгляд, не равнозначные понятия. Здесь следует учитывать, что уровень квалификации не находится в зависимости, во-первых, от состояния здоровья, во-вторых, от семейного положения, так как умения, навыки индивида не теряются, ограничивается лишь возможность выполнять определенную работу. В-третьих, на уровень квалификации не оказывают влияния личностные качества работника.

В составляющих трудового потенциала работника важное значение имеет психофизиологический компонент и, в частности, состояние здоровья работника. В настоящее время большинство работодателей стремятся расширять меры по профилактике заболеваний и стараются поддерживать здоровье своих сотрудников, так как для компаний, особенно промышленного комплекса, здоровье персонала становится одним из основных ресурсов развития. Следует также подчеркнуть, что в современных условиях тенденции роста «старения» населения, дефицита квалифицированных рабочих кадров эти вопросы приобретают все большую актуальность.

Понятие «здоровье» можно определить как сумму резервных мощностей основных функциональных систем человека, другими словами, это оценка физиологического потенциала индивида. Академик В. П. Казначеев считает, что «здоровье индивида – динамическое состояние (процесс) сохранения и развития биологических, физиологических и психических функций, оптимальной работоспособности и социальной активности при максимальной продолжительности жизни» [3, с. 70]. Проблемам оценки, поддержания и сохранения физиологического потенциала человека, его здоровья посвящены работы многих ученых. С точки зрения практической реализации данных вопросов, нужно отметить, что в последнее время наметилась тенденция все большей заботы о своем собственном здоровье большинства работников, их активность и желание проходить профилактические медосмотры. Однако пока этого недостаточно. В этом отношении следует подчеркнуть, что на снижение уровня здоровья наклады-

вают отпечаток не только экономико-политические, экологические и социальные факторы, но и не меньшее значение имеют личностные факторы. В этом направлении у некоторых людей наблюдается бездеятельное и безразличное (или даже негативное) отношение к созданию здорового образа жизни, который является важнейшим фактором сохранения и укрепления здоровья. Здоровый образ жизни, правильное питание, адекватная двигательная активность, целесообразный режим дня – не является пока привычным для большей части населения, профилактика заболеваний не осознаётся как составляющая общей культуры личности. Как показывают многие исследования физиологов, большая часть населения не владеет самыми элементарными знаниями по профилактике заболеваний и созданию здорового образа жизни.

Недостаточная физическая активность, психоэмоциональные стрессы, изменения ритма труда и отдыха, переход на летнее, зимнее время, быстрые перемещения на значительные расстояния, освоение человеком новых геоэкологических территорий – все это способствует нарушению естественных биологических ритмов функционирования организма. Высокая плотность населения, значительное увеличение социальных контактов приводит к ускоренному распространению респираторно-вирусных заболеваний, что снижает показатели здоровья и сказывается на трудоспособности населения. В условиях современного производства работники также подвергаются воздействию ряда факторов, таких, как неблагоприятный микроклимат, сменный режим труда, высокие требования к уровню исполнения, недопустимость ошибочных действий, обуславливающих значительное напряжение в нервнopsихической сфере и в системе регуляции основных функций организма. Как следствие, возникают затруднения физиологической адаптации организма, нарушения здоровья.

Социальная среда является одним из существенных экзогенных датчиков времени, оказывающих синхронизирующее воздействие на физиологические функции человека. У людей, занятых в течение многих лет постоянной нервно-эмоциональной работой, в связи с напряжением внимания, длительным сохранением статической позы, отмечается нарушение деятельности нервной и эндокринной систем. Необходимость систематического чередования работы днем, вечером и ночью у некоторых лиц приводит к расстройствам сна, прямым нарушениям здоровья, таким, как неврозы, гастриты, гипертонические заболевания.

В условиях прогрессивно ухудшающегося здоровья населения необходим поиск профилактических мер, позволяющих переломить эту неблагоприятную тенденцию. По нашему мнению, наиболее перспективным является формирование у человека новой иерархии ценностей, среди которых собственное здоровье должно рассматриваться как самая высшая ценность. Именно от него зависит успешность реализации всех биологических и социальных возможностей человека. В настоящее время убедительно доказано, что здоровье человека на 50 – 55 % обусловлено его образом, стилем жизни и в наименьшей степени, на 8 – 10 %, зависит от состояния и качества медицинского обслуживания. Поэтому сегодня медицина, при всей возможной вооруженности современным диагностическим оборудованием, методами лечения, арсеналом гигиенических

нормативов, не в состоянии гарантировать здоровье и благополучие человеческих ресурсов.

Постоянное отслеживание состояния здоровья, внедрение социально-гигиенического мониторинга, анализ распространенности преморбидных состояний, поиск различных профилактических средств и методов оздоровления населения сохраняет на сегодня социальную значимость. Среди основных направлений профилактики можно выделить два аспекта: первично создающие основу для оздоровления условий труда (техничко-экономические, технологические, санитарно-гигиенические и другие решения), а также паллиативные, временно обеспечивающие повышение устойчивости населения к воздействию окружающей среды, включая государственное регулирование, коллективное и индивидуальное поведение.

Каждая составляющая состояния физического тела (двигательный режим, дыхание, питание, водно-солевой обмен, личная гигиена, режим жизнедеятельности, внутренние и внешние механизмы очистки организма) может быть реализована множеством техник, подходов. Задача каждого человека, сообразуясь со своей индивидуальностью, выбрать необходимые компоненты и реализовать их на практике. Качественное использование любого из названных элементов уже приносит частичное и даже полное исцеление организма человека, о чем свидетельствуют многочисленные факты.

Важным профилактическим направлением в физиологии является использование различных средств физической культуры, которые рассматриваются как одно из естественных, немедикаментозных аспектов оздоровления населения. При этом в основе оздоровительного эффекта физических упражнений лежит функциональное свойство всего живого, а именно – способность к адаптации, к развитию приспособления к внешним воздействиям. Повышение физической подготовленности человека, материализуясь в высоком состоянии здоровья и низкой заболеваемости, детерминирует уровень реальной и потенциальной производительности труда. Для сохранения общей трудоспособности и снижения риска сердечно-сосудистых заболеваний специалисты рекомендуют взрослым людям умеренную ежедневную физическую нагрузку в объеме не менее 30 минут [5, с. 101]. Результаты исследований Н. И. Медведковой констатируют, что мышечные нагрузки существенно увеличивают элиминационный эффект (в частности, выведения свинца из организма), способствуют повышению эффективности работы сердечно – сосудистой системы, устойчивости организма к кислородному голоданию, повышению подвижности нервных процессов, скорости двигательных реакций [4, с. 118]. В этом плане рекомендуется возврат физкультурминут на предприятия, в учреждениях.

Говоря о паллиативных профилактических мероприятиях, можно отметить целенаправленное использование различных пищевых добавок в виде комплексов витаминов, макро- и микроэлементов, пищевых волокон, полиненасыщенных жирных кислот, сорбентов, пектинов, селена [1, с. 114]. Эти компоненты нормализуют метаболические процессы в организме, поддерживают оптимальный уровень функционирования детоксикационных органов и антиоксидантной защиты, а также способствуют адекватной адаптации к окружающей среде. В результате повышается работоспособность, сопротивляемость организма к инфекцион-

ным заболеваниям. Хотелось бы отметить ещё одну из рациональных мер – изменение сложившихся стереотипов питания в сторону снижения калорийности пищи, включения в пищевой рацион адаптогенов и увеличения природного разнообразия биологически значимых компонентов пищи.

Немаловажна необходимость оптимизации системы профотбора и профилактики заболеваемости трудящихся на основе биоритмологических принципов регламентации режимов труда и отдыха. Так, особое значение приобретает проблема временного соотношения ритма внешних воздействий с эндогенными суточными циклами, поскольку показано, что суточная кривая работоспособности человека далеко не универсальна и имеет значительные индивидуальные колебания, характер которых должен анализироваться с учетом биоритмологического профиля организма.

В этом плане можно рекомендовать обратить внимание работодателей на организацию соответствующего питания на предприятиях, регулярное проведение профилактических осмотров, особенно для работников вредных производств – химиков, угольщиков, металлургов, производителей стройматериалов и т. д. Так, например, в Кемеровской области, в ОАО «Угольная компания «Северный Кузбасс» подавляющее большинство (около 3 тысяч работников) трудятся в опасных и вредных производственных условиях. Почти весь персонал ООО ПО «Химпром» работает во вредных и опасных условиях труда. Наиболее высокая профзаболеваемость на предприятиях РУСАЛА (ОАО «Русал» – Новокузнецкий алюминиевый завод и ООО «Рус – Инжиниринг» – ремонт и сервис оборудования алюминиевого завода), на рудниках ОАО «Евразруда», далее идут основные предприятия черной металлургии [8, с. 6].

Здоровье индивида поддерживается не только творческой, интересной работой, но и отдыхом, выравнивающим ежедневные затраты организма в процессе трудовой деятельности. Данный тезис должны принимать во внимание руководители предприятий, профсоюзные деятели, определяющие интенсивность труда, контролирующие длительность рабочего дня, регулирующие распределение средств для финансирования социальных, оздоровительных программ. Чрезмерная интенсивность труда без соответствующего отдыха приводит к тому, что ресурсы организма начинают истощаться, проявляются психоэмоциональные срывы, конфликтные ситуации в коллективе, массовые простудные заболевания, снижается производительность труда. Популяционный уровень здоровья, в данном случае коллектива, неуклонно падает. Основной причиной обращения населения за медицинской помощью – простудная заболеваемость, которая составляет 60 – 65 % всех обращений среди взрослых людей. Тенденция повышения неспецифической заболеваемости, особенно по классу органов дыхания, ведет к потере «трудового» времени у населения.

Из сказанного следует, что необходимо одновременно с наращиванием производства, его модернизацией заботиться о развитии восстановительной (рекреационной), спортивно-оздоровительной системы для человека. Важно предусмотреть возможности активного отдыха после рабочего дня, рабочей недели, трудового года и организовать туристический, курортный режим восстановления здоровья трудящихся в период

отпусков. К тому же на каждом предприятии важно иметь систему, оценивающую уровень «утомления» коллектива. Нарастание утомления, снижение адаптивных резервов работников более чем на 30 – 40 % свидетельствуют о том, что люди трудятся на износ.

Трудовой потенциал работника, его психофизиологическая составляющая должны быть в центре объекта внимания работодателя. Необходимо развивать социальную ответственность бизнеса перед работниками предприятий, организаций. В этом отношении, по возможности, следует направлять больше средств на улучшение здоровья работников, на социальные программы. Председатель правления РСПП А. Шохин считает, что социальную активность бизнеса нужно стимулировать. По данным различных исследований, более 90 % крупных, около 80 % средних и более 50 % малых компаний в России реализуют социальные программы развития трудовых коллективов. При этом процент отчислений от прибыли крупных компаний на эти цели превышает аналогичные показатели зарубежных компаний. Необходимо сформировать более гибкую систему стимулирования для повышения уровня социальной ответственности компаний. При этом система должна базироваться на принципах добровольности, ответственности, взаимности и сбалансированности обязательств. А. Шохин предлагает стимулировать инвестиции в образование: вывести из-под налогообложения все имущественные и денежные вложения работодателей в профессиональное образование и обучение без разделения на «своих» и «чужих», предоставить ряд других стимулов. Также предлагает расширить возможности работодателей направлять средства на добровольное медицинское страхование (с 6 до 10 %) [9, с. 5].

С точки зрения социальной ответственности бизнеса, интересен пример ОАО УК «Кузбассразрезуголь»: в 2012 году планируется рост платежей в консолидированный бюджет Кемеровской области на 90 млн рублей. Около 100 млн рублей будет направлено на реализацию социальных программ области, 16,5 млн рублей – на софинансирование государственных проектов модернизации учреждений образования, здравоохранения и культуры. Компания расширяет социальный пакет для своих работников и пенсионеров. Различные выплаты планируется увеличить почти на 100 млн рублей – до 627 млн рублей, увеличить среднюю заработную плату на 15 % [8, с. 6].

Таким образом, здоровье является важной составляющей трудового потенциала, как индивида, так и коллектива организации в целом, оно оказывает влияние на результаты трудовой деятельности, и в этом отношении следует стимулировать заинтересованность работников и работодателей в сохранении и укреплении этого значимого психофизиологического компонента.

Литература

1. Бальсевич, В. К. Онтокинезиология человека / В. К. Бальсевич. – М.: Теория и практика физической культуры, 2000. – 275 с.
2. Генкин, Б. М. Основания экономической теории и методы организации эффективной работы / Б. М. Генкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2009. – 448 с.
3. Казначеев, В. П. Введение в проблемы общей валеологии (Лекция 1) / В. П. Казначеев // Валеология. – 1996. – № 4.
4. Медведкова, Н. И. Роль физических упражнений в оздоровлении дыхательной и сердечно-сосудистой систем / Н. И. Медведкова, В. Д. Медведков // Актуальные проблемы физической культуры. – Т. 5: Медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта: материалы региональной научно-практической конференции. – РГЭА, 1995.
5. Hardman, A. E. Physical activity and health / A. E. Hardman // BNF Nutr. – 1997. – № 91.
6. Управление персоналом: учебник для студ. вузов / В. А. Дятлов, А. Я. Кибанов, Ю. Г. Одегов, В. Т. Пихало. – М.: Академия, 2000. – 736 с.
7. Управление персоналом организации: учебник / под ред. А. Я. Кибанова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 638 с.
8. Авант-Партнер, 21 февраля, 2012.
9. Российская газета, 1 марта 2012. – № 44 (5717).

Информация об авторах:

Халиулина Валентина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, КемГУ, 8-906-931-92-30, gulia710@mail.ru.

Khaliulina Valentina Vladimirovna – Candidate of Economics, Associate Professor at the Department of Management of KemSU.

Шабашева Светлана Владимировна – кандидат биологических наук, доцент кафедры медико-биологических основ физического воспитания, легкой атлетики и спортивных игр, КемГУ, 8-9039094760, tin870@front.ru.

Shabasheva Svetlana Vladimirovna – Candidate of Biology, Associate Professor at the Department of Physical Education Medical and Biological Bases, Athletics and Sport Games of KemSU.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 340

СИБИРСКОЕ ПРАВОСУДИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

(на примере Томского губернского суда)

А. В. Гаврилова

SIBERIAN JUSTICE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

(the example of Tomsk provincial court)

A. V. Gavrilova

В статье анализируется общее состояние сибирского судопроизводства 1-й пол. XIX века, исследуются проблемы, осложнявшие деятельность судебных учреждений, обращается внимание на кадровое состояние Томского губернского суда.

The article is devoted to problems of the Siberian Justice in the first half of the XIX century. The difficult aspects of the legal practice and the staff of judges of the Tomsk provincial court are considered.

Ключевые слова: сибирское правосудие, Томский губернский суд.

Keywords: Siberian Justice, Tomsk provincial court.

Общее состояние сибирского правосудия с момента присоединения региона к Российской державе постоянно вызывало разного рода нарекания как со стороны центральных властей, так и местного населения.

Центром критики традиционно становились органы суда, а также административные органы, наделенные судебными полномочиями. Неоднократно отмечались всевозможные злоупотребления должностных лиц этих ведомств. Особо типичными они были для Сибири

XVIII столетия, когда, из-за отсутствия достаточного надзора со стороны столичных чиновников, большой отдаленности региона, здешнее «правосудие» характеризовалось полным произволом и беззаконием.

Впрочем, и в XIX веке в судебном управлении также имелись свои недостатки. Так, в отчетах М. М. Сперанского по результатам обследования региона отмечалось, что судопроизводство и следственная часть имеют «разные беспорядки и злоупотребле-

ния, в частности присутствие лихоимства во всех сферах деятельности» [3, с. 16 – 17].

В целях выправления создавшейся ситуации М. М. Сперанский предложил разработать особые положения по управлению Сибирью, итогом составления которых стало «Сибирского учреждения» (1822 г.) и «Устав об управлении инородцев» (1822 г.). Впрочем, само по себе, принятие новых законов не искоренило все недостатки сибирского суда, которые продолжали сказываться на протяжении всей первой половины XIX столетия.

Многие проблемы деятельности Томского губернского суда были связаны с плачевным состоянием делопроизводства последнего.

Так, к примеру, по результатам ревизии 1827 г. в деятельности Томского губернского суда были выявлены следующие недостатки [1, л. 99, 102 об., 103 об., 104]:

- несоответствие регистров регламенту, отдельным формам, произвольное и небрежное ведение книг и регистров;

- отсутствие однообразного ведения входящей и исходящей документации;

- небрежность в составлении форм судебных документов (частные определения зачастую не согласовывались с общими правилами, а иногда противоречили друг другу);

- отсутствие явочной книги, а также книги учета наложенных штрафов и других взысканий в соответствии с Генеральным Регламентом, Указами 1723, 1737, 1766 и 1773 гг. В результате, норма, предусматривавшая ужесточение наказания (увеличение суммы штрафа) в случае повторности проступка или преступления, де-факто не применялась;

- неправильное оформление приговоров суда, в которых отсутствовали указание на время и место его проведения и т. д.;

- чрезвычайная медлительность в ведении следственных дел и тем более гражданского судопроизводства.

С нашей точки зрения, все отмеченные недостатки в большей степени были вызваны объективными причинами: нехваткой канцелярских служащих, большим количеством дел, находящихся в производстве, частым отсутствием членов суда и другими подобными факторами.

Следует учитывать и чрезмерную бюрократизированность российской власти: по всем делам возникала достаточно продолжительная переписка: и по указам Правительствующего Сената, и по поводу предписаний местного начальства, и по частным бумагам к прошениям, поступающим в немалом количестве.

Кроме того, с учетом специфики губернского суда следует учитывать, что в Томский губернский суд поступали все дела, которые производились в других губернских присутственных местах – из Палат гражданских и уголовных дел, из совестного суда. Переизбыток поступающих дел объективно требовал увеличения штата суда, опытных следователей, улучшения материального обеспечения судебных инстанций и чиновников суда.

Как отмечалось выше, одним из главных недостатков Томского губернского суда, было медленное рассмотрение дел и производство по ним, в частности, в рассмотрении суда находились дела, поступившие еще

в 1805 г., т. е. практически с самого основания Томской губернии [1, л. 123]. Эта нерасторопность также имела в своем основании достаточно веские причины и, с нашей точки зрения, была просто неизбежна.

Многие дела были объемными и запутанными, требующими, тем самым, особого внимания и времени. Так в частности, председателем Томского губернского суда отмечалось в отношении поступивших исковых дел купцов Шумиловых с Карповым, что они «по многочисленности, обширности и запутанности требовали особенного рассмотрения, особой внимательности, продолжительного времени, чрезмерных усилий и трудов и опытных в этом деле сотрудников» [1, л. 124].

Кроме того, из года в год нарастал вал новых дел, которые, в силу возникшего ранее «затора», так же оставались без своевременного рассмотрения. Так, к примеру, на 1 октября 1827 г. в производстве Томского губернского суда находилось 177 гражданских дел, 2407 – уголовных (1230 из них были связаны с каторжниками), поступивших за последние четыре года. В то же время по состоянию на 1 октября 1827 г. в канцелярии суда оставалось 123 уголовных, 105 гражданских, 19 следственных дел, 1 дело секретного характера и 1 дело по ведомству совестного суда. Общее количество дел, накопившихся с прежних лет составляло, т. о., 258 [1, л. 124].

На медлительность производства влияла и занятость членов суда, которые много времени и внимания уделяли особым делам, поступающим по докладу, или сопровождавшимся настоятельными указаниями начальства, требовавшими скорого производства и неотложного решения. Вполне естественно, что судьи не имели при этом свободного времени для рассмотрения других дел, едва успевая их прочитывать.

Производство дел зачастую было продолжительным, потому что некоторые из них, как гражданские, так и первоначальные следственные уголовные дела, представлялись в губернский суд с существенными огрехами и упущениями следователей либо чиновников нижестоящих присутственных мест, в связи с чем губернский суд вынужден был отвлекаться от присущих ему функций и заниматься исправлением дел путем сбора необходимой, но отсутствовавшей в них информации: вызовом истцов и ответчиков, подсудимых и свидетелей, сбором с них объяснений, ответов, заслушиванием показаний, передопросами, проведением очных ставок по противоречивым показаниям.

Нередко случалось и так, что дело приходилось полностью «перелицовывать», поскольку некоторые из подсудимых преступников, особенно из ссыльных, во избежание суровой кары успели изменить свои показания. Многие из них утверждали, что прежние показания были получены путем пристрастного допроса, часто оговаривая из корыстных целей как своих соучастников, так и других, вполне невинных людей.

Нередко имела место и приостановка производства дел, связанная с необходимостью запроса в нижестоящие суды; ответы же на эти запросы доставлялись очень медленно, несмотря на неоднократные предписания и взыскания в отношении чиновников нижестоящих инстанций.

Очевидно, что такая перегруженность делами требовала постоянного пребывания членов губернского суда в предписанном им присутственном месте. Однако они очень часто по распоряжению губернского началь-

ства откомандировывались для исполнения разных поручений, не свойственных статусу и роду деятельности судей, к примеру [1, л. 126 об. – 127 об.]:

– старший советник Гуляев, судья Томского губернского суда, находился в командировке с 16 февраля по 31 мая 1823 г. для закупки на Боготомский и Красноречинский винокуренные заводы зерна. В дальнейшем этот чиновник также неоднократно привлекался в подобные командировки вплоть до 26 мая 1825 г. Более того, с 31 января 1827 г. Гуляев получил отставку и ушел со службы, оставив тем самым третье отделение, которое он возглавлял, без руководителя почти на пять месяцев, до 23 июня 1827 г. Заступивший на эту должность старший советник Гавриил Сергеев, работал вполсилы, поскольку в послеобеденное время занимался производством следствия, порученного ему начальством, а с началом 1828 г. от должности он был вообще отстранен;

– титулярный советник Сергеев, судья Томского губернского суда, находился в командировке в Нарыме и Омске в течение почти трех лет (с 28 ноября 1823 г. по 2 октября 1826 г.), а наконец вернувшись, по предписанию гражданского губернатора, занялся «окончанием расчетов по хлебным запасным оборотам Нарымского края», совмещая эту работу с должностью в губернском суде;

– Советник Стратиневич с 12 ноября 1824 г. был откомандирован в комиссию для ревизии деятельности Казенной палаты с тем, чтобы присутствовать в ней по три дня в неделю. Отметим, что Стратиневич при этом оставался руководителем гражданского отделения суда; ему же генерал-губернатором Западной Сибири было поручено для «скорейшего решения» 14 сложных следственных дел, которые, естественно, оставались без всякого движения;

– Советник, коллежский асессор Державин хотя и был определен 15 мая 1825 г. советником, но, по его прошению, получил 19 февраля 1826 г. на четыре месяца отпуск, а 9 июля того же года вообще был со службы уволен;

– Советник, коллежский асессор Сергиевский, член Томского губернского суда, был откомандирован с 21 октября 1827 г. по делам службы и отсутствовал в суде в течение года.

Отметим особо деятельность председателя Томского губернского суда. В качестве члена Совета общего управления Томской губернии два дня в неделю он присутствовал на его заседаниях. Помимо того, он занимался делами рекрутского присутствия, исполнял предписания Гражданского суда, осуществлял ревизию (с 21 марта по 30 апреля 1824 г.) Томского приказа общественного призрения и экспедиции о ссыльных, ревизию (с 6 по 17 апреля 1825 г.) производства дел в Томском губернском правлении, ревизию Томской казенной палаты (июнь 1826 г.) и т. д. и т. п. Времени на основную свою работу, вполне понятно, просто не оставалось.

Таким образом, многие члены суда постоянно находились в каких-либо командировках или же занимались иными поручениями, никак не связанными с деятельностью суда, а оставшиеся члены присутствия находились на работе почти непрерывно, без начальников отделений и производителей дел. Прикомандирование к ним чиновников со стороны дело не решало: те привлекались только к рассмотрению вновь поступивших дел,

им, кроме того, не хватало элементарных навыков и знаний, требовавшихся для рассмотрения дел более сложных.

Всю безысходность сложившейся ситуации понимали и сами судебные чиновники. Так, председатель Томского губернского суда в своем рапорте сенаторам, резюмировавшим его деятельность, отмечал следующие отрицательные последствия постоянных «отлучек» судей [1, л. 130 об.]: в связи с откомандированием члена губернского суда шестое отделение осталось без надлежащего присмотра, в связи с чем его деятельность ухудшилась: дела в нем рассматриваются медленно или вообще остаются без движения; труд и время, потраченные на рассмотрение дел, бесполезны в связи с постоянными командировками: они требуют постоянного присутствия и контроля, в противном случае, придется заново их изучать; поручение дел откомандированного члена суда другим служащим приводит к обременению других отделений и других членов суда, что также сказывается на времени и качестве рассмотрения дел; временное прикомандирование чиновников вместо отлучившихся по особо важным делам также не приносит положительных результатов, так как чиновникам приходится заново знакомиться с делами, а порой начинать заново производство дела, что способствует медлительности движения дел, нарушению очередности их рассмотрения и процессуальных сроков, установленных законом.

В качестве другого недостатка деятельности Томского губернского суда следует отметить чрезвычайно слабую канцелярскую часть. В суде ощущалась постоянная потребность в опытных канцелярских служащих, имеющих соответствующее образование.

Так, в 1827 г., в связи с упразднением вакансии второго секретаря по гражданской части и смертью штатного секретаря Максимова, Томский губернский суд нуждался в опытном служащем, который бы мог занять данную должность. В связи с отсутствием соответствующих этой должности чиновников суд в итоге был вынужден ограничиться прикомандированным канцелярским чиновником, который при всем своем старании оказался не способным в полной мере исполнять все возложенные на него обязанности в силу их громоздкости и крайне значительным количеством дел в суде [1, л. 130 об.].

Это положение еще более усугублялось в связи с постоянным расширением сети судебных учреждений, открытием новых присутственных мест в губернии, что очень часто сопровождалось утечкой кадров из судебных учреждений, созданных ранее.

Например, в рапорте Томского губернского суда по результатам ревизии в 1827 г. отмечалось, что со времени вновь открывшейся Енисейской губернии и, в соответствии с этим, выбытием некоторых канцелярских чиновников из губернского суда в связи с назначением их в губернию [1, л. 130 об.]: Томский губернский суд стал еще более нуждаться в опытных регистраторах, протоколистах, секретарях, писарях; по первому отделению, в котором производятся опекунские, частные исковые дела, остались лишь один столоначальник, один канцелярский служащий и малоопытный писарь; во втором отделении, следственном, в связи с выбытием столоначальника, его должность замещает канцелярский служащий, который осуществляет свою деятельность без помощника и писарей; в третьем

отделении (по предметам ведения совестного суда) один канцелярский служащий исполняет обязанности столоначальника, причем также без помощника и писарей; в четвертом уголовном отделении столоначальник и двое канцелярских служащих, без штатных писарей, исполняют, кроме своих непосредственных обязанностей, работу архивариуса и секретаря.

Этот явно наметившийся дефицит канцелярских служащих стал главной причиной нарушения порядка производства, постоянной путаницей в документации, а иногда и утраты документов.

Практическое же разрешение этой проблемы было практически неисполнимой задачей. С учетом геополитической положения Сибири, ее естественной удаленности от культурно-исторических центров империи, общий уровень грамотности населения региона оставлял желать лучшего – ощущалась явная нехватка грамотных людей. Не случайно Томский губернский суд неоднократно обращался с прошениями к генерал-губернатору и гражданскому губернатору относительно возможности нанимать в качестве писарей грамотных и с соответствующим образованием переселенцев, однако и этот вариант реализовать не удалось: приглашение опытных вольнонаемных служащих было просто невозможно в силу недостаточности денежных средств, которыми располагал Томский губернский суд.

В результате руководству суда оставалось лишь уповать на меры частного характера, которые, по сути, представляли собой элементарное «латание дыр».

Так, в 1827 г., председатель Томского губернского суда в своем рапорте на имя Правительствующего Сената просил [1, л. 132 – 135 об.]: предоставить одного опытного письмоводителя с достаточным количеством канцелярских служащих; не отрывать действующих членов суда по другим важным поручениям в целях безостановочного производств дел и их успешного течения; разрешить в связи с недостатком канцелярских сумм и опытных канцелярских служащих прием поселенцев, которые ранее занимали канцелярские должности, для исполнения хотя бы обязанностей писарей, а для решения этой проблемы уравнивать канцелярскую сумму Томского губернского суда с прочими губерnsкими присутственными местами.

Таким образом, основными причинами медлительности судопроизводства Томского губернского суда являлись: перегруженность судебных чиновников общим объемом дел, подлежащих рассмотрению, низкая квалификация следствия, дезорганизация канцелярской части и невозможность действующих членов суда одновременно заниматься рассмотрением судебных дел и выполнять административные поручения.

Следует сказать, что эти недостатки не являлись исключением из общего правила, поскольку и для других сибирских судебных присутственных мест, в том числе губерnsких судов (Иркутского и Тобольского), свойственны аналогичные проблемы. Система сибирского судопроизводства нуждалась в кардинальной реорганизации.

Литература

1. РГИА. Ф. 1376. Оп.1. Д.11.
2. Головачев, П. Сибирь в Екатерининской комиссии. Этнод по истории Сибири XVIII века / П. Головачев. – М., 1889.
3. Отчеты Сперанского в обозрении Сибири. – СПб., 1899.
4. Прутченко, С. М. Сибирские окраины / С. М. Прутченко. – СПб., 1899.

Информация об авторе:

Гаврилова Анжелика Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, КемГУ, 8(3842) 58-23-10, Angelika@kemsu.ru.

Gavrilova Anzhelika Vasilievna – Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Legal History of Kemsu

УДК 347.669

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ

И. А. Казанцев

THE PECULIARITIES OF ENTRUSTED PROPERTY MANAGEMENT CONTRACT

I. A. Kazantsev

В статье отмечается, что для доверительного управления наследственным имуществом характерно то, что в качестве учредителя управления выступает не собственник имущества, а нотариус или исполнитель завещания. Выгодоприобретателем является наследник, принявший наследство, договор заключается на непродолжительный срок. Учитывая интерес наследника не только в сохранности, но и приумножении наследственного имущества, предлагается предусмотреть возможность наследника выступать доверительным управляющим, если он является совершеннолетним и изъявляет на это желание.

The article shows the following peculiarities of entrusted property management contracts: the management promoter is not the owner of property, but the notary or the executor; the beneficiary party is the heir; contract is concluded for a short term. Considering the heir's interest in both preserving and increasing the inherited property, the article suggests providing the possibility for the heir to be the manager of the property, on condition they are adult and ready to do it.

Ключевые слова: наследство, наследник, доверительное управление, учредитель, управляющий, выгодоприобретатель, нотариус, исполнитель, договор, доля, акции, предприятие, выгода, условие.

Keywords: heir, inheritance, entrusted management, promoter, manager, beneficiary, notary, executor, contract, part, stock, enterprise, benefit, condition.

Договор доверительного управления наследственным имуществом является разновидностью договора доверительного управления, поэтому ему прежде всего присущи качества доверительного управления имуществом. По договору доверительного управления имуществом одна сторона (учредитель управления) передает другой стороне (доверительному управляющему) на определенный срок имущество в доверительное управление, а другая сторона обязуется осуществлять управление этим имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя). Договор доверительного управления имуществом характеризуется как реальный, возмездный, хотя в случаях, предусмотренных законом или договором, он может быть безвозмездным.

Спорным является вопрос о фидуциарности данного договора. Следует согласиться с мнением Е. А. Суханова [4, с. 244], В. А. Дозорцева, отрицающих доверительный характер договора доверительного управления имуществом, несмотря на его название. Как отмечает В. А. Дозорцев, «никакой «доверительности» в смысле фидуциарных отношений римского права или "права справедливости" английского права в них нет. О доверительности можно говорить лишь в том же смысле, что и применительно к договору поручения. Она имеет основное значение при установлении отношений, но не при их осуществлении. Употребление этого термина в достаточной мере условно» [3, с. 532].

Исходя из того, что доверительный управляющий наделяется большими полномочиями и может злоупотребить ими, делается вывод о фидуциарности договора доверительного управления имуществом [2, с. 6]. Однако современная практика свидетельствует, что при заключении любого договора существует опасность злоупотребления одной из сторон своими правами, но это не позволяет относить все договоры к фидуциарным. В связи с этим нельзя согласиться с отнесением данного договора к фидуциарным сделкам.

По договору доверительного управления наследственным имуществом одна сторона (нотариус, исполнитель завещания – учредитель управления) на определенный срок передает в доверительное управление другой стороне (доверительному управляющему) некоторые объекты, входящие в состав наследственного имущества, а другая сторона обязуется осуществлять управление этим имуществом в интересах наследников, принявших наследство (выгодоприобретателей).

Договор доверительного управления наследственным имуществом, являясь разновидностью договора доверительного управления имуществом, также является реальным, возмездным, взаимным. Размер платы за хранение наследственного имущества и управление им не может превышать 3 % стоимости наследственного имущества [6].

Особенностью договора доверительного управления наследственным имуществом является то, что учредителем управления выступает не собственник имущества и не управомоченное им лицо, а лица, уполномоченные на это законом, – нотариус или исполнитель завещания. Поскольку преобладает наследование по закону, а при

совершении завещаний исполнитель завещания назначается крайне редко, то учредителем управления в основном выступает нотариус. Нотариус заключает данный договор по заявлению наследника или нескольких наследников, исполнителя завещания, органа местного самоуправления, органа опеки и попечительства или других лиц, действующих в интересах сохранения наследственного имущества (п. 2 ст. 1171 ГК РФ), что также отличает данный договор от других договоров доверительного управления имуществом. Возможность заявить о необходимости передать наследственное имущество в доверительное управление большого круга лиц также отличает договор доверительного управления наследственным имуществом от других договоров доверительного управления имуществом, где инициатором может быть само управомоченное лицо (например орган опеки и попечительства).

Договор доверительного управления наследственным имуществом является краткосрочным, так как может заключаться на срок не более девяти месяцев. Он не может заключаться под условием. От иных договоров доверительного управления имуществом данный договор отличается отсутствием выбора выгодоприобретателя, потому что он может заключаться лишь в пользу наследников, принявших наследство, даже если в момент заключения договора они неизвестны.

Если обычный договор доверительного управления имуществом заключается с целью получения прибыли, то договор доверительного управления наследственным имуществом заключается с целью сохранения имущества, хотя, если в доверительное управление передается предприятие, то основной целью управления должна быть цель сохранения его в работающем состоянии, то есть управление предприятием и как субъектом права. Иначе управление предприятием может оказаться бессмысленным, просто обеспечить сохранность наследственного комплекса можно путем заключения договора хранения.

По условиям общих законоположений о договоре доверительного управления имуществом его существенным условием является состав имущества, передаваемого в доверительное управление. Применительно к договору доверительного управления наследственным имуществом определено, что в управление может передаваться имущество, связанное с коммерческой деятельностью (предприятие, доля в уставном (кладочном) капитале хозяйственного общества или товарищества, ценные бумаги, исключительные права и тому подобное) (ст. 1173 ГК РФ). Как правило, доверительное управление наследством учреждается, если умирает лицо, занимавшееся предпринимательской деятельностью. Имущество, передаваемое в доверительное управление, должно быть максимально индивидуализировано, то есть должна быть дана полная его характеристика с привязкой к земельному участку, если речь идет о недвижимом имуществе или с привязкой к коммерческой организации, участником которой являлся возможный наследодатель. Как сказано в одном из постановлений федерального арбитражного суда, поскольку представленный договор не содержит данных,

позволяющих определенно установить имущество (местонахождение объекта, его площадь), подлежащее передаче доверительному управляющему в качестве объекта доверительного управления, то при отсутствии этих данных в договоре доверительного управления договор считается незаключенным (пункт 1 статьи 1016 ГК РФ).

К существенным условиям договора доверительного управления относится наименование юридического лица или имя гражданина, в интересах которых осуществляется управление имуществом (учредителя управления или выгодоприобретателя). Как отмечалось, на момент заключения договора доверительного управления наследственным имуществом невозможно точно и поименно определить наследников, которые должны признаваться выгодоприобретателями. Даже если открывается наследование по завещанию и все имущество завещано конкретным лицам, то в момент открытия наследства нельзя однозначно утверждать, что они являются выгодоприобретателями заключаемого договора доверительного управления наследственным имуществом, поскольку они могут отказаться от принятия наследства, быть признаны недостойными наследниками или завещание может быть признано недействительным, однако, как справедливо отмечают М. И. Брагинский и В. В. Витрянский «одна из особенностей ст. 430 ГК состоит в том, что она допускает случаи, когда третье лицо прямо не названо в договоре. Имеется в виду отсутствие точного указания выгодоприобретателя к моменту заключения договора. Таким образом, можно утверждать, что выгодоприобретателем всегда должно быть лицо "определенное" или "определимое" [1, с. 201].

Наследники, принявшие наследство, всегда конкретно определены, поэтому при заключении договора доверительного управления наследственным имуществом выгодоприобретатели должны быть «определимы» как «наследники, принявшие наследство». При этом в самом договоре доверительного управления наследственным имуществом нет необходимости указывать их индивидуализирующие данные (фамилию, имя, отчество, место жительства и др.).

Существенным условием договора доверительного управления имуществом является размер и форма вознаграждения управляющему, если выплата вознаграждения предусмотрена договором. Договор доверительного управления наследственным имуществом предполагается возмездным, что вытекает из приводимого Постановления Правительства РФ "Об утверждении предельного размера вознаграждения по договору хранения наследственного имущества и договору доверительного управления наследственным имуществом". Поэтому учреждению договора доверительного управления наследственным имуществом должна предшествовать оценка всего имущества, входящего в состав наследства. Форма оплаты в данном случае может быть только денежная, хотя закон не устанавливает, за счет чего или чьих средств будет осуществляться оплата услуг доверительному управляющему. Нотариус как учредитель управления не обязан тратить собственные средства на это, реализовывать какое-то имущество, входящее в состав наследства, он не вправе, а управление имуществом может не приносить дохода. В договоре может быть предусмотрена оплата в кредит, хотя едва ли найдется управляющий, который согласится на

такое условие договора. В доктрине данный вопрос не обсуждается, поэтому можно предложить следующие варианты его решения.

Если в доверительном управлении нуждается предприятие и имеется его руководитель, назначенный возможным наследодателем – собственником предприятия, то договор должен заключаться с руководителем, за которым должна сохраняться прежняя заработная плата, которая будет ему выплачиваться за счет средств управляемого предприятия.

При передаче в доверительное управление доли в уставном капитале общества, то при выборе доверительного управляющего приоритет должен предоставляться пережившему супругу, собственнику 1/3 этой доли, а при его отсутствии – совершеннолетнему дееспособному наследнику, желающему самостоятельно управлять долей. В этом случае в договоре может быть предусмотрена его безвозмездность. Для таких случаев должно быть предусмотрено исключение из установленного ст. 11 ГК РФ правила о том, что выгодоприобретателем не может быть доверительный управляющий. Можно было бы предусмотреть создание для этих целей специального фонда, например, такими общественными организациями, как союз предпринимателей или союз работодателей и промышленников. Для чего необходимо законодательно урегулировать те отношения, которые будут возникать между нотариусом и такой организацией и между организацией и наследниками, принявшими наследство, которые должны будут компенсировать расходы по доверительному управлению наследственным имуществом за счет приобретенного наследства. Если в годы нэпа при отсутствии наследников забота о судьбе оставшегося после смерти собственника частного предприятия возлагалась на Губфинотдел, то в настоящее время такая забота может быть возложена на указанные общественные, а также саморегулируемые организации, которые в таких случаях должны оказывать помощь наследникам.

Одним из существенных договоров доверительного управления имуществом является срок действия договора. Для данного договора установлен предельный срок – 5 лет. Предельный срок для договора доверительного управления наследственным имуществом – девять месяцев. Согласно п. 4 ст. 1171 ГК РФ, нотариус осуществляет меры по охране наследства и управлению им в течение срока, определяемого нотариусом с учетом характера и ценности наследства, а также времени, необходимого наследникам для вступления во владение наследством, но не более, чем в течение шести месяцев, а в случаях, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 1154 и пунктом 2 статьи 1156 настоящего Кодекса, не более, чем в течение девяти месяцев со дня открытия наследства. Исполнитель завещания осуществляет меры по охране наследства и управлению им в течение срока, необходимого для исполнения завещания. Таким образом, закон по-разному определяет срок доверительного управления наследственным имуществом: для исполнителя завещания он конкретным периодом времени не ограничен. Нотариус же первоначально может заключить договор доверительного управления наследственным имуществом на шесть месяцев, то есть на срок принятия наследства наследниками, призванными к наследованию, и продлить его может при определенных условиях еще на три месяца.

Соответствует ли это положение правилам ст. 1154 ГК, к которым имеется отсылка в ст. 1171 ГК? Согласно п. 2 ст. 1154 ГК РФ, если право наследования возникает для других лиц вследствие отказа наследника от наследства или отстранения наследника по основаниям, установленным статьей 1117 настоящего Кодекса, такие лица могут принять наследство в течение шести месяцев со дня возникновения у них права наследования.

Наследник, призванный к наследованию, может отказаться от наследства в течение срока для принятия наследства (п. 2 ст. 1157 ГК РФ). Если, например, единственный наследник первой очереди откажется от наследства в последний день срока для принятия наследства, то для принятия наследства наследниками последующей очереди также устанавливается шестимесячный срок. В совокупности этот срок равен 12 месяцам со дня открытия наследства, но максимальный срок доверительного управления равен девяти месяцам, следовательно, доверительное управление наследственным имуществом может прекратиться ранее истечения срока на принятие наследства.

Согласно ст. 1117 ГК РФ, наследник может быть признан недостойным только по приговору или решению суда, вступивших в силу. Решение же вопроса о признании наследника недостойным может затянуться на годы. Например, К. умер 1 января 2005 г., а точка в споре о признании его единственной дочери недостойной наследницей была поставлена только 08.02.2011 г. [5]. Анализ опубликованной практики позволяет сде-

лать вывод, что дела о признании наследника недостойным в среднем рассматриваются в пределах двух лет. Но, если исходить из положений п. 4 ст. 1171 ГК РФ, при учреждении доверительного управления наследственным имуществом должно быть прекращено нотариусом по истечении шести месяцев, а в определенных случаях – девяти месяцев, что не обеспечивает защиту прав наследников.

Имеются определенные несоответствия между п. 2 и 3 ст. 1154 ГК РФ. Пункт 3 предусматривает, что лица, для которых право наследования возникает только вследствие непринятия наследства другим наследником, могут принять наследство в течение трех месяцев со дня окончания срока, указанного в пункте 1 настоящей статьи. Отказаться от наследства, как и не принять наследство, можно по общему правилу в течение шести месяцев со дня открытия наследства, но почему-то при отказе от наследства срок принятия наследства наследниками последующей очереди равен шести месяцам, при непринятии наследства этот срок равен трем месяцам. Трудно понять основания, которыми руководствовался законодатель, устанавливая разные сроки для отказа от наследства и для непринятия наследства.

Устанавливая максимальный девятимесячный срок доверительного управления наследственным имуществом, не учитывается и то, что опоздавший наследник может обратиться в суд с требованием о восстановлении срока на принятие наследства, что также потребует времени.

Литература

1. Брагинский, М. И. Договорное право. Общие положения (книга 1) / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2001.
2. Гришаев, С. П. Доверительное управление имуществом / С. П. Гришаев [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. – 2010.
3. Дозорцев, В. А. Доверительное управление имуществом / В. А. Дозорцев. – М., 1966.
4. Суханов, Е. А. Комментарий части второй Гражданского кодекса для предпринимателей / Е. А. Суханов. – М., 1996.
5. Определение Верховного Суда РФ от 08.02.2011 № 20-В10-9 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс
6. Постановление Правительства РФ от 27 мая 2002 г. № 350 "Об утверждении предельного размера вознаграждения по договору хранения наследственного имущества и договору доверительного управления наследственным имуществом" // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 22. – Ст. 2096.

Информация об авторе:

Казанцев Иван Александрович – аспирант кафедры гражданского права, Алтайский государственный университет, 8-963-536- 3333, 632750@mail.ru.

Kazantsev Ivan Aleksandrovich – post-graduate student at the Department of Civil Law of Altai State University.

УДК 347.65/.68

ВОЗМОЖНЫЕ НАСЛЕДНИКИ ПО ПРАВУ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

А. Е. Казанцева

POSSIBLE HEIRS BY RIGHT OF REPRESENTATION

А. Е. Kazantseva

Статья посвящена анализу вопросов наследования по праву представления. Действующее гражданское законодательство расширило круг родственников, наследующих по праву представления, установив при этом, что не наследуют по праву представления потомки наследника по закону, если он был лишен наследства или не имел бы права наследовать в силу недостойности. Эти запреты признаются несправедливыми, поскольку возлагают на по-

томка ответственность за деяния предка. Рассматриваются теоретические воззрения на понятие «наследование по праву представления».

The article is devoted to the analysis of the questions of inheritance by right of representation. The current civil legislation has expanded the number of relatives who inherit by right of representation defining that the descendants of those who would be disinherited or considered unworthy heirs should not inherit by right of representation. These restrictions are considered illegitimate because the descendant should not take the responsibility for his ancestry. The author discusses the de-finition «heirs on right of representation».

Ключевые слова: наследник, возможный, наследование, право, представление, замещение, самостоятельный, недостойный, лишение, наследство.

Keywords: heir, possible, unworthy, right, representation, substitution, substantive, deprivation, inheritance.

Право представления возникает при наследовании по закону. По праву представления потенциальными наследниками являются внуки и их потомки, племянники и племянницы, двоюродные братья и сестры наследодателя, которые наследуют, если ко времени открытия наследства нет в живых того из их предков, который был бы наследником, если бы он был жив.

Отношение к наследникам по праву представления было и остается неоднозначным. Цивилисты некоторых европейских стран считали, что наследование по праву представления возможно, если в свое время правопреемник наследовал от предшественника, поскольку наследство фиктивно переходило «через голову» умершего предшественника от наследодателя [2, с. 452]. Среди дореволюционных русских цивилистов не было единого мнения относительно наследников по праву представления. Д. И. Мейер отождествлял наследование по праву представления с поколенным разделом наследства, считая, что родственники дальнейших нисходящих степеней в совокупности как бы представляют собой родственника первой степени, от которого они происходят, почему они все вместе и получают то, что досталось бы этому родственнику, если бы к наследованию призвался он [11, с. 432].

Другие авторы исходили из того, что наследники по праву представления заступали место своего предка, который умер ранее наследодателя. «Право представления является законной фикцией, как право занять место при наследовании, которое принадлежало бы к восходящему в прямой линии родственнику, если бы он мог наследовать в момент открытия наследства» [13, с. 291; 6, с. 125 – 126].

Высказывалось мнение, что наследник по праву представления находится в непосредственном отношении с наследодателем, ему принадлежит не право его умершего представляемого предка, а мера прав, которая следовала бы ему, если бы он был жив. Мера прав есть не что иное, как доля в имуществе наследодателя [2, с. 1 – 24; 7, с. 256 – 257].

Среди советских цивилистов преобладающим было мнение о том, что наследники по праву представления замещают своих предков, умерших до открытия наследства [18, с. 28; 14, с. 82 – 83; 1, с. 130], хотя отмечалось, что понятие «право представления» является неудачным, так как может сложиться впечатление, что наследники по праву представления являются представителями своего умершего предка. На самом деле никакого представительства здесь нет, хотя бы в силу смерти самого представляемого» [14, с. 102].

Нет единства по данному вопросу и среди современных авторов, одни из которых стоят на позиции замещения [10, с. 18], другие считают, что наследники по праву представления наследуют долю в имуществе наследодателя не по праву, принадлежащему его умер-

шему восходящему родственнику, а по праву, принадлежащему ему самому в силу закона [8, с. 66].

Необходимо согласиться с Б. Л. Хаскельбергом, отмечавшем, что «наследование по праву представления – это определенный порядок призвания к наследованию потомков наследника, которого в день открытия наследства нет в живых и потому он не призван к наследованию» [17, с. 230].

Лица, наследующие по праву представления, «призываются к наследованию как самостоятельные наследники по закону, за которыми признается самостоятельное право наследования как родственниками наследодателя по нисходящей или боковой линии. Они никого ни юридически, ни фактически не представляют, кроме самих себя, а их наследственная доля определяется величиной доли умершего наследника. ... «представляющий наследник» приобретает права не от умершего наследника, а от наследодателя» [17, с. 230].

Некоторые авторы не исключают ситуации, когда одно и то же лицо является одновременно наследником по праву представления и необходимым наследником, в связи с чем возникает вопрос, по какому праву он будет наследовать. При этом указывается: «По смыслу п. 1 ст. 1148 конкуренции двух порядков наследования в рассматриваемом случае все-таки нет: входя в круг наследников, призываемых к наследованию в составе своей очереди, наследник по праву представления наследует именно по праву представления, а не как нетрудоспособный иждивенец наследодателя. Предпочтительнее, на наш взгляд, было бы предоставить наследнику при указанных обстоятельствах право выбора, в каком качестве он наследует по закону: как наследник по праву представления или как нетрудоспособный иждивенец наследодателя» [9, с. 72]. Такая постановка вопроса представляется некорректной, потому что в данном случае не может быть конкуренции оснований наследования. Необходимый наследник появляется тогда, когда открывается наследование по завещанию, но завещатель обошел в завещании кого-либо из своих нетрудоспособных нуждающихся иждивенцев. В этом случае необходимый наследник наследует обязательную долю. Если все имущество было завещано, то наследование по закону не открывается, поэтому не может быть наследника по праву представления и не возникает конкуренции основания наследования.

Если не все имущество завещано и открывается наследование по завещанию и по закону и при этом одно и то же лицо является наследником по двум основаниям (как необходимый наследник и как наследник по праву представления), также нет конкуренции основания наследования. Во-первых, право на обязательную долю в наследстве удовлетворяется из оставшейся не завещанной части наследственного имущества (п. 2 ст. 1149 ГК РФ). Во-вторых, если необходимый наслед-

ник будет иметь право наследовать и по праву представления, то причитающаяся ему по этому основанию доля наследства «поглощается» обязательной долей (п. 3 ст. 1149 ГК).

Для наследования наследников по праву представления не имеет значения срок, прошедший после смерти их предка. Это могут быть годы, а может быть и одновременное наступление смерти предка и потенциального наследодателя.

Однако в действующем законодательстве содержатся нормы, лишаящие наследственной правоспособности возможных наследников по праву представления в отношении конкретного их потенциального наследодателя. Так, согласно п. 2, 3 ст. 1146 ГК РФ, не наследуют по праву представления потомки наследника по закону, лишенного наследодателем наследства, а также потомки наследника, который умер до открытия наследства или одновременно с наследодателем и который не имел бы права наследовать в соответствии с п. 1 ст. 1117. Таким образом, наследственная правоспособность возможного наследника по праву представления поставлена в зависимость от поведения его предка, умершего ранее или одновременно с потенциальным наследодателем. Закон этим самым возлагает ответственность за «грехи» предка на его потомков, что никак нельзя назвать правильным и справедливым.

Для правильного решения данного вопроса интересно рассмотреть опыт законодательства зарубежных стран, также предусматривающего наследование по праву представления.

По ГК Украины, наследниками по праву представления являются внуки и правнуки, племянники и племянницы, двоюродные братья и сестры. Кроме того, к ним отнесены такие восходящие родственники, как прабабка и прадед.

ГК Грузии устанавливает 5 очередей наследников и в каждой очереди имеются наследники по праву представления. Как и по ГК Украины, такие восходящие, как прабабушка и прадедушка наследуют по праву представления.

Германское Гражданское уложение [3, с. 408] наследниками по праву представления признает нисходящих, но, в силу иного определения наследников отдельных очередей, круг наследников по праву представления иной. Так, наследниками первой очереди являются дети, а по праву представления наследуют внуки, правнуки и т. д. (ст. 1924). Во вторую очередь наследуют родители, а по праву представления их прямые нисходящие (ст. 1925). Третью очередь составляют дед и бабка, а по праву представления – их нисходящие. При отсутствии нисходящих наследство переходит к пережившему супругу, а если и супруга нет в живых, то к его нисходящим (ст. 1926). К четвертой очереди относятся прадеды и прабабки, а по праву представления их нисходящие (ст. 1928). Пятую и последующие очереди наследников составляют прапрадеды и прапрабабки и их прямые нисходящие. Таким образом, восходящие родственники по ГГУ не могут быть наследниками по праву представления, но один и тот же нисходящий

родственник может наследовать по праву представления сразу по нескольким основаниям.

Французский Гражданский кодекс [14, с. 495 – 497] право представления признает законной фикцией, действие которой заключается в том, что представители вступают на место, в степень и в права представляемого (ст. 739). Наследниками по праву представления признаются нисходящие без ограничения, племянники и племянницы (ст. 740 – 742).

ГК Квебека определяет право представления как предоставленную законом привилегию, в соответствии с которой родственник призывается к наследованию того имущества, которое должен был получить его восходящий, наименее удаленный от наследодателя родственник, но, будучи недостойным, умерев ранее наследодателя или одновременно с ним, не может получить его сам. Представление имеет место в прямой нисходящей линии без ограничения. По праву представления наследуют также племянники и племянницы. Представление по восходящей линии не имеет места (ст. ст. 660-665) [5, с. 124 – 126]. Таким образом, по ГК Квебека право представления имеет место, если прямой наследник является недостойным. Наследник по праву представления оттесняет, таким образом, недостойного своего предка даже при его жизни.

Лишение наследства по своей правовой природе является мерой гражданско-правовой ответственности, так как влечет определенные материальные последствия для наследника, призванного к наследованию. ГК РФ ограничивает, как отмечалось, наследственную правоспособность возможных наследников по праву представления, что также является гражданско-правовой ответственностью. Любая ответственность, включая гражданскую, наступает за противоправное, виновное, вредоносное деяние и возлагается на лицо, его совершившее. Ограничивая наследственную правоспособность возможных наследников по праву представления в отношении конкретного возможного наследодателя, закон наказывает ни в чем не повинных граждан, в число которых могут входить малолетние дети и недееспособные, которые вообще не могут привлекаться к ответственности. Такое положение является несправедливым и недостойным демократического государства. Жаль, что Конституционный суд РФ не нашел такого противоречия, считая, что п. 3 ст. 1146 ГК РФ соответствует Конституции РФ.

Наиболее правильным представляется решение вопроса о наследниках по праву представления, предусмотренное ГК Квебека. Наследование по праву представления при жизни потомков едва ли нормально будет воспринято в нашей стране, поэтому приведение ст. 1146 ГК РФ в соответствие с положениями об ответственности граждан можно путем исключения из нее 2 и 3 пунктов.

Таким образом, изложенное выше также показывает наличие в нормах наследственного права ошибочных и даже незаконных правил, которые нуждаются в изменении.

Литература

1. Антимонов, Б. С. Советское наследственное право / Б. С. Антимонов, К. А. Граве. – М.: Госюриздат, 1955. – 264 с.
2. Башмаков, А. А. Очерки права родового, наследственного и обычного / А. А. Башмаков. – СПб.: Русско-франц. тип, 1911. – 20 с.

3. Германское право. Ч. 1: Гражданское уложение / Исследовательский центр частного права; Германский фонд международного правового сотрудничества; науч. ред. В. В. Залесский; авт. введения В. Бергман, Е. А. Суханов; пер. с нем. А. А. Лизунов и др. – М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. – 552 с. – (Современное зарубежное и международное частное право).
4. Гордон, М. В. Наследование по закону и по завещанию /М. В. Гордон. – М.: Юридическая литература, 1967. – 120 с.
5. Гражданский кодекс Квебека. – М.: Статут, 1999. – 470 с. – (Современное зарубежное и международное частное право).
6. Кавелин, К. Д. Очерки юридических отношений, возникающих из наследования имущества / К. Д. Кавелин. – СПб.: тип. Правительствующего сената, 1885. – 130 с.
7. Кассо, Л. А. Преемство наследника в обязательствах наследодателя /Л. А. Кассо. – Юрьев: тип. Маттисена, 1885. – 299 с.
8. Комментарий Гражданского кодекса Российской Федерации: части третьей (постатейный) // под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светлановой. – М.: Юрайт, 2005. – 485 с.
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: части третьей (постатейный)/ под ред. Н. И. Марышевой, К. Б. Ярошенко. – М.: Контракт, 2004. – 577 с.
10. Лиманский, Г. С. Наследование по праву представления (идея квазипредставительства) / Г. С. Лиманский // Наследственное право. – 2006. – № 3.
11. Мейер, Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 2 / Д. И. Мейер. – М.: Статут, 1997. – 453 с. – (Классика российской цивилистики).
12. Никитюк, П. С. Наследственное право и наследственный процесс / П. С. Никитюк. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 258 с.
13. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права: в 3 т. Т. 2 / К. П. Победоносцев; под ред. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2002. – 641 с.
14. Серебровский, В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву / В. И. Серебровский. – М.: Статут, 1997. – 557 с. – (Классика российской цивилистики).
15. Синайский, В. И. Русское гражданское право / В. И. Синайский. – М.: Статут, 1997. – 637 с.
16. Французский гражданский кодекс / науч. ред. и авт. предис. к.ю.н Д. Г. Лаврова; пер. с фр. А. А. Жуковой, Г. А. Пашковской. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 1099 с.
17. Хаскельберг, Б. Л. Наследование по праву представления и переход права на принятие наследства / Б. Л. Хаскельберг // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр.: к 80-летию С. С. Алексеева – М.: Статут; Екатеринбург: Институт частного права, 2004. – Вып. 3.
18. Хитев, В. К. Вопросы наследственного права в судебной практике / В. К. Хитев // Социалистическая законность. – 1947. – № 7.
19. Шершеневич, Г. Ф. Курс гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – Тула: Автограф, 2001. – 719 с.

Информация об авторе:

Казанцева Александра Ефимовна – кандидат юридических наук, доцент, Алтайский государственный университет, 8-913-214-4394, 632750@mail.ru.

Kazantseva Aleksandra Efimovna – Candidate of Law, Associate Professor at Altai State university.

УДК 347.454.5:340.11.53:364-7

УСЛУГА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С КАТЕГОРИЕЙ «СОЦИАЛЬНАЯ УСЛУГА»

Д. Г. Попова

SERVICE AS A SUBJECT OF CIVIL RIGHTS AND ITS RELATIONSHIP WITH CATEGORY «SOCIAL SERVICES»

D. G. Popova

В статье освещаются отдельные теоретические проблемы, связанные с отсутствием единого доктринального и законодательного подхода к понятию гражданско-правовой услуги. Дается экономическая и правовая характеристика услуги. Услуга как объект гражданских прав соотносится с услугой социальной. Доказывается разноотраслевой характер отношений, возникающих в процессе оказания «социальных» услуг, которые являются бесплатными для услугополучателей, и платных услуг в сфере социального обслуживания населения. Делается вывод о том, что только платные услуги в сфере социального обслуживания населения, могут быть отнесены к сфере гражданско-правового регулирования.

The article deals with sanctified individual theoretical problems associated with lack of common doctrinal and legislative approach to the concept of civil legal services. Given the economic and legal description of services. Service as an object of civil rights related to social service. Proved difference nature of the «social» services (free services) and paid services in the field of social services. It is concluded that only a paid services in the field of social services, can be attributed to the sphere of civil regulation.

Ключевые слова: объект гражданских прав, работа, услуга, социальная услуга, платная услуга, бесплатная услуга, договор возмездного оказания услуг.

Keywords: the object of civil rights, work, service, social service, paid service, free service, the contract of compensated rendering of services.

Услуга как объект гражданских прав сосуществует рядом с другим самостоятельным объектом — работой. Однако до настоящего времени в учебной и научной литературе отсутствуют единые критерии разграничения работы и услуги. В отсутствие легального определения понятия «услуга» в него вкладывается «совершенно разное содержание — от самого широкого, когда им охватывается практически любая полезная деятельность, до предельно узкого, когда услуга сводится к предмету договора возмездного оказания услуг» [14, с. 278]. Сущность услуги как экономической категории раскрывалась в трудах К. Маркса как «полезное действие той или иной потребительной стоимости- товара ли, труда ли» [29, с. 203 — 204]. В экономической науке данное определение, получило двойное толкование. «Одни ученые рассматривали услугу как саму деятельность, специфическую форму труда, а другие под услугами понимали результат труда, полезный эффект деятельности» [36, с. 6]. Правовая наука также испытала на себе влияние марксистских взглядов на сущность услуги. По мнению Н. А. Барина, услуга представляет собой «экономическое отношение, возникающее по поводу результатов труда, создающего потребительские стоимости, проявляющиеся в форме полезного действия товара (вещи) или самой деятельности для удовлетворения конкретных, разумных потребностей человека» [4, с. 17]. В теории потребительной стоимости К. Маркса и Ф. Энгельса различалось два типа услуг. Одни услуги (потребительные стоимости) «воплощаются в товарах», т. е. имеют овеществленный результат, другие услуги, напротив, «не оставляют осязательных результатов, существующих отдельно от исполнителей этих услуг», а «результат их не есть пригодный для продажи товар» [30, с. 414]. Данный экономический подход послужил основой для классификации услуг на материальные и нематериальные, которая была воспринята советской научной мыслью и поддерживается отдельными современными исследователями [35, с. 42; 15, с. 632 — 633]. Весомый вклад в развитие правовой доктрины об услугах и опосредующих их гражданско-правовых обязательствах внесли С. С. Алексеев [1, с. 285 — 305], Н. А. Барин [2, 3, 4], В. П. Грибанов [42], О. С. Иоффе [19, с. 419, 488 — 490], А. Ю. Кабалкин [20, 21], О. А. Красавчиков [24, с. 42 — 43; 25, с. 303 — 306], А. Е. Шерстобитов [52], Е. Д. Шешенин [53, с. 151 — 193; 54, с. 346 — 352] и др. По характеру оказываемой в рамках договора услуги О. С. Иоффе было предложено разграничивать обязательства подрядного типа (по производству работ) и обязательства по оказанию услуг [19, с. 489; 16, с. 82]. Действующее законодательство различает овеществленные услуги, являющиеся объектом обязательств подрядного типа, и нематериальные услуги, выступающие объектом обязательств об оказании услуг. Нематериальная услуга, как указывает А. Е. Шерстобитов, «неотделима от личности услугодателя, т. к. потребляется услугополучателем в процессе ее оказания, т. е. самой деятельности услугодателя. В подрядных отношениях смысл обязательства состоит в том, чтобы передать полученный вещественный результат заказчику» [16, с. 84]. Те же особенности

«услуги» отмечает и Ю. В. Петровица, с той лишь разницей, что «действия и деятельность, относящиеся к услуге, необходимо считать работой» [16, с. 288]. По мнению М. И. Брагинского, противопоставление «работы» и «услуги» для целей разграничения гражданско-правовых договоров «оказывается безуспешным» и «представляет значительную сложность», поскольку для услугодателя соответствующее действие представляет собой работу, а для услугополучателя услугу. Таким образом, в отсутствие единых подходов к понятию «услуга» одни авторы рассматривают ее как разновидность работы, другие, напротив, считают работу видом услуги [10, с. 208 — 210]. Зачастую, услуга как экономическая категория смешивается с услугой как категорией гражданского права, не имея при этом «строго научного экономического или юридического содержания» [38, с. 28 — 32; 39, с. 50 — 51]. Нередко понятие «услуга» раскрывается через категорию «блага». Е. А. Суханов к материальным благам относит не только вещи, но и деятельность по созданию или улучшению вещей или оказанию иных материальных услуг, создающих полезный эффект материального, хотя и необязательно овеществленного характера. «Все эти объекты объединяет их экономическая природа как товаров, объективно требующих для себя гражданско-правового оформления (режима)» [13, с. 395]. А. В. Барков, указывает, что услуги, не являясь собственно имуществом, как любой объект гражданских прав имеют определенную имущественную ценность, то есть выступают в экономическом обороте как некое благо и обладают определенной потребительной стоимостью [7, с. 38]. Л. В. Санникова также считает подход к определению услуг через категорию «благо» довольно перспективным [36, с. 9 — 12]. При этом автором обосновывался вывод о том, что отношения по оказанию услуг могут быть опосредованы различными по своей правовой природе гражданско-правовыми обязательствами, а не только обязательствами по оказанию услуг. Поэтому при квалификации обязательства как обязательства по оказанию услуг надлежит исходить не из экономического характера регулируемых им общественных отношений, а из правовых критериев [37, с. 2 — 19]. *Представляется, что характеристика услуги как материального блага отражает ее экономическое содержание. Однако этого недостаточно для правовой характеристики услуги, поскольку то же экономическое содержание имеет и работа, являющаяся, согласно ст. 128 ГК РФ, самостоятельным объектом гражданских прав.*

Законодателем используются разные подходы к понятию услуги. Например, согласно ч. 4 — 5 ст. 38 НК РФ, работой для целей налогообложения признается деятельность, результаты которой имеют материальное выражение и могут быть реализованы для удовлетворения потребностей организации и (или) физических лиц. Услугой — деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности [56]. Совершенно другой подход к понятию услуга зафиксирован в акте регионального законодательства. Услуга — товар (имущество, предназначенное для реализации),

работа (деятельность предприятия, учреждения, результаты которой имеют материальное выражение и могут быть реализованы для удовлетворения потребностей организации и (или) физических лиц), а также деятельность предприятия, учреждения, результаты которых не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности [58]. Примером экономического подхода к пониманию услуги является ГОСТ 50646-94 [57], согласно которому услуги подразделяются на материальные, которые обеспечивают восстановление, изменение, сохранение потребительских свойств изделий или изготовление новых изделий по заказам граждан, а также перемещение грузов и людей, создание условий для потребления, и нематериальные (социально-культурные услуги) по удовлетворению духовных, интеллектуальных потребностей и поддержанию нормальной жизнедеятельности потребителя.

Правовое понятие услуги не должно подменяться экономическим понятием, на что уже обращалось внимание в научной литературе. Например, В. М. Манохин в правовом аспекте отграничивал услугу от работы. В процессе выполнения работ, по мнению автора, никакой услуги не оказывается, а значение имеет лишь завершение, результат работы, который не квалифицируется ни как продукция, ни как товар [28, с. 5 – 7]. Как отмечает П. В. Сокол, юридическое понимание услуги «базируется на необходимости разграничения товаров, работ и услуг как самостоятельных объектов гражданского права» [43, с. 50]. С последним утверждением можно согласиться. *Деление услуг на материальные и нематериальные основано на экономическом подходе к категории услуга. Гражданско-правовая форма материальной услуги – это работа, как объект гражданских прав, существующий в рамках конкретного обязательственного правоотношения (подрядного типа). Услуга как гражданско-правовая категория представляет собой самостоятельный объект гражданских прав, реализуемых в обязательственных правоотношениях, объектом которых выступают такие действия или деятельность обязанного лица, которые сами по себе, как процесс, представляют интерес для правообладателя, и не имеют овестьствленного результата.*

ГК РФ, выделяя работу и услугу в качестве самостоятельных объектов гражданских прав (ст. 128), во второй части ГК РФ не проводит четкого разграничения обязательств по выполнению работ и обязательств по оказанию услуг, что в какой-то мере обусловлено отсутствием единого доктринального цивилистического подхода к понятию работы и услуги, как объектов гражданских прав. В ч.1 ст. 779 ГК РФ главы 39 «Возмездное оказание услуг», услуга определяется как «действие» и «деятельность». Этого явно недостаточно для отграничения услуги от работы. Как следует из ч. 2 ст. 779 ГК РФ, нормы гл. 39 ГК РФ подлежат применению только к отдельным договорам оказания услуг, специально не урегулированным отдельными главами ГК РФ, и не применяются, в частности, к услугам, оказываемым по таким договорам как подряд, выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. В перечисленных случаях термин «услуга» употребляется в широком (экономическом) смысле, поскольку объектом гражданских прав в названных договорах выступает работа. *Представляется, что услуга, как объект гражданских прав, долж-*

на быть отграничена в гражданско-правовой науке от работы, которая в экономическом смысле представляет собой услугу материального характера, по тем признакам, которые уже выработаны правовой доктриной. Среди таковых можно назвать: отсутствие овестьствленного результата; наличие полезного эффекта услуги; тесную связь с личностью исполнителя; синхронность оказания и получения услуги; моментальность потребления, несохраняемость; невозможность гарантировать результат услуги [53, с. 177; 19, с. 419; 44, с. 16 – 17; 50 с. 13; 7, с. 33 – 37; 43, с. 52 – 53]. Выработка доктринального цивилистического понятия услуги позволит, в свою очередь, провести систематизацию гражданско-правовых обязательств, выделив среди них обязательства об оказании работ и обязательства об оказании услуг.

Поскольку данный вопрос находится только в стадии научной разработки, соотношение понятия услуга и «социальная услуга» представляет значительную сложность. Социальная услуга долгое время оставалась без должного внимания ученых-цивилистов, будучи противопоставленной услуге как объекту гражданских прав. Появление гл. 39 ГК РФ, правила которой, по смыслу ч. 2 ст. 779 ГК РФ, подлежат применению к договорам возмездного оказания услуг, специально не урегулированных Кодексом, а также введение Федеральным законом РФ «Об основах социального обслуживания населения в РФ» понятия «платной социальной услуги», позволили иначе взглянуть на вопрос об отраслевой принадлежности отношений по возмездному оказанию услуг в названной сфере, а также на понятие «социальной услуги». По мнению одних авторов, отсутствие в ГК РФ норм, регулирующих ряд договорных отношений в сфере образования, здравоохранения и других сферах, закрепление положений о них в других федеральных законах, ставит под сомнение гражданско-правовую природу этих отношений. По мнению других авторов, на возмездные отношения по оказанию услуг в названных сферах должны распространяться нормы гл. 39 ГК РФ. Как указывает профессор А. Е. Шерстобитов, нормы гл. 39 призваны урегулировать достаточно четкий круг фактических услуг, перечисляемых в ч. 2 ст. 779 ГК РФ. Одновременно из сферы действия гл. 39 исключаются услуги, оказываемые по договорам, специально урегулированным отдельными главами ГК РФ. К разновидностям гражданско-правового договора возмездного оказания услуг автор относит, в частности, договоры об оказании платных медицинских услуг, услуг социального характера, оказываемых полностью или частично за плату, платных услуг по обучению [16, с. 85, 96, 103 – 106]. М. И. Брагинский полагает, что гл. 39 ГК РФ объединяет все виды договоров возмездного оказания услуг, кроме некоторых их видов, выделенных в отдельные главы Кодекса. Автор не исключает наличие особенностей у ряда непоименованных в ГК РФ договоров, которые могут иметь специальное правовое регулирование. По отношению к таким договорам нормы гл. 39 ГК РФ обладают безусловным приоритетом. Специфика таких договоров является одной из причин самостоятельного регулирования «отдельных моделей договора услуг» актами, принятыми за пределами ГК РФ [10, с. 234, 236]. *Такая трактовка не препятствует отнесению платных услуг в сфере социального обслуживания населения к сфере гражданского права и применению к ним общих положений гл. 39 ГК РФ.* Совре-

менными исследователями к объектам гражданских прав отнесены и другие виды специализированных услуг [26; 41, с. 9; 47, с. 7], реализуемых в правоотношениях, отвечающих признакам, установленным в п. 1 ст. 2 ГК РФ. Из этого исходит и судебная практика. На гражданско-правовую природу отношений, возникающих в связи с оказанием платных медицинских услуг, и обоснованность применения к ним норм гражданского законодательства указал Конституционный Суд РФ в Определении от 06.06.2002 г. №115-О [59]. Отношения по предоставлению платных образовательных услуг многие современные исследователи также относят к области гражданско-правового регулирования. Такие отношения, как указывает Ю. М. Федорова, носят имущественно-стоимостной характер и основаны на юридическом равенстве сторон [48, с. 30]. Анализируя имеющиеся по данной проблеме точки зрения, автор приходит к выводу «о гражданско-правовой принадлежности отношений из договора возмездного оказания образовательных услуг и об административно-правовой природе отношений, основывающихся на безвозмездных началах» [49, с. 15]. В. В. Кванина также причисляет образовательные отношения к разновидности гражданско-правовых отношений, поскольку субъекты этих отношений обладают юридическим равенством, имущественно обособлены, обладают автономией воли [22, с. 273]. С гражданско-правовой природой договоров возмездного оказания образовательных услуг соглашаются М. Н. Малеина [27, с. 262 – 264], В. Э. Минаев [31, с. 15], М. Н. Суровцова [45, с. 106], Ю. М. Федорова [48, с. 30].

Услуга как объект гражданских прав существует в обязательственных гражданских правоотношениях. Властно-подчиненный характер отношений между услугодателем и услугополучателем исключает данные отношения из сферы гражданско-правового регулирования и не позволяет причислить услугу, оказываемую в рамках этих отношений, к объектам гражданских прав. Как можно заметить, сторонники распространения гл. 39 ГК РФ на правоотношения по оказанию услуг, прямо не урегулированных отдельными главами ГК РФ, исходят из того, что специализированные услуги реализуются в правоотношениях, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников. Так, по мнению Л. В. Санниковой, за рамками гражданско-правового регулирования остаются отношения по оказанию так называемых публичных (государственных, социальных услуг. Как указывает автор, публичные услуги опосредуют отношения, основанные на административном или ином властном подчинении одной стороны другой. Это, прежде всего, услуги, оказываемые государственными органами и органами местного самоуправления в рамках их компетенции, на безвозмездной основе или по регулируемым ценам. В качестве примера услуг публично-правового характера Л. В. Санниковой называются социальные услуги, оказываемые предприятиями и учреждениями, входящими в систему социальных служб, которые могут предоставляться как бесплатно, так и за плату [36, с. 72 – 85]. Для решения вопроса о правовой природе отношений по оказанию услуг автор предлагает в каждом случае исходить из признаков, установленных п.1 ст. 2 ГК РФ [37, с. 47 – 48]. Однако именно, исходя из этих признаков, как будет показано ниже, бесплатные и платные услуги в

сфере социального обслуживания населения имеют различный режим правового регулирования. Еще одним критерием, позволяющим отличить социальную услугу от услуги гражданско-правовой, по мнению ряда исследователей, выступает возмездный характер последней. Как указывает Е. Г. Шаблова, черта возмездности – это один из разграничительных признаков услуги как объекта гражданских прав и, так называемой «социальной услуги», которая предоставляется бесплатно или с частичной доплатой на основании реализации социальных программ [51, с. 89]. Автор выделяет и ряд других признаков социальной услуги, среди которых – финансирование затрат, связанных с оказанием социальных услуг, в основном за счет бюджетных средств и внебюджетных фондов. М. О. Буянова предлагает различать между собой понятия «обслуживание» и «услуга». «Если услуга, предоставляется независимо от степени нуждаемости, то обслуживание связывается с общественной необходимостью (нуждой). Соответственно «социальное обслуживание» предоставляется обществом нуждающимся (гражданам, испытывающим недостаток в необходимом) бесплатно или на условиях частичной оплаты» [11, с. 12]. К категории нуждающихся М. О. Буянова, М. Л. Захарова, Э. Г. Тучкова относят, в том числе и детей, причисляя отношения по предоставлению социальных услуг (обслуживанию) к сфере права социального обеспечения [11, с. 20 – 23; 33, с. 521]. А. В. Белозеров при анализе отношений, возникающих в процессе оказания образовательных услуг, оплачиваемых из бюджета, также полагает, что они должны быть отнесены к числу социально-обеспечительных правоотношений [8, с. 31]. Н. В. Путило рассматривает социальные услуги как разновидность публичных услуг в социальной сфере, «обусловленных социальными правами граждан», которые, как правило, «соответствуют видам социальных обязательств государства». Поэтому социальными являются все виды услуг в сфере реализации социальных прав полностью или частично оплачиваемых за счет бюджета или государственных внебюджетных фондов. По мнению автора, они регулируются нормами специальных законов, не имеющих «прописки» в гражданском законодательстве, образуя особый блок законодательства – социальное законодательство, в рамках которого можно объединить законодательство об образовании, здравоохранении, культуре, социальном обеспечении и др. Правовое регулирование социальных услуг характеризуется преобладанием императивного метода, характерного для публичного права, над диспозитивным [34, с. 19 – 20]. Отсюда можно заключить, что социальные услуги не относятся автором к сфере гражданского права. Л. К. Терещенко также относит социальные услуги к разновидности публичных услуг, выделяемых по сфере, в которой они реализуются. В основе социальной услуги лежат конституционные права граждан, реализация которых должна обеспечиваться государством [46, с. 17 – 18]. В отдельных работах высказывается мысль о необходимости разграничивать «бесплатность» и «безвозмездность» услуги [6, с. 52 – 53; 18, с. 333; 23, с. 31]. Будучи бесплатной для услугополучателя, для услугодателя она будет возмездной, т. к. последний получает встречное предоставление в виде платы за услугу. А. В. Нестеров полагает, что «безвозмездных услуг не может быть вообще, а бесплатные услуги могут быть. Даже если услуга бесплатна для услугополучате-

ля, она обязательно должна быть эквивалентно возмещена либо из ресурсов бюджета, либо страховой компании, либо спонсорской помощи» [32, с. 22 – 26]. На этом основании некоторые исследователи приходят к выводу о гражданско-правовом регулировании отношений по оказанию как платных, так и бесплатных социальных услуг [5, с. 16]. К аналогичному выводу приходит и Л. Б. Ситдикова применительно к медицинским услугам. По мнению автора, отличия правоотношений по оказанию медицинских услуг в государственных (муниципальных) учреждениях здравоохранения и в частных клиниках заключаются лишь в субъектах оплаты. Встречное предоставление в первом случае исходит от третьего лица, в соответствии со ст. 430 ГК РФ [40, с. 15].

По мнению А. В. Баркова, «определяющим критерием социальной услуги является субъектный состав, т. е. круг потребителей социальной услуги, независимо от того, кто оказывает или оплачивает данную услугу. Если услуга участвует в обороте, то она является, по мнению автора, объектом гражданского права и категорией рыночного товарооборота, требующей гражданско-правового режима правового регулирования [6, с. 52 – 54]. Таким образом, выдвинутая еще в восьмидесятых годах прошлого века теория имущественных потребностей Н. А. Барина [2, 3] сегодня получила свое дальнейшее теоретическое развитие применительно к социальной сфере и используется для обоснования гражданско-правового регулирования отношений по удовлетворению имущественных потребностей граждан в социальных услугах. Отношения по оказанию социальных услуг, исходя из предложенной А. В. Барковым концепции, входят в особый частно-правовой блок отношений социального сопровождения – так называемого «социального содействия», где государство выступает в роли законодателя и посредника, оказывает лицу, находящемуся в трудной жизненной ситуации, содействие, позволяющее гражданину мобилизовать внутренние силы для выхода из нее. Эти отношения, по мнению автора, построены на диспозитивных началах и входят в сферу гражданско-правового регулирования.

Представляется, что данный подход не в полной мере учитывает реальное положение дел в названной сфере. Отсутствие в законодательстве требования о заключении между учреждениями, входящими в систему социальных служб, и гражданами договоров на оказание бесплатных социальных услуг не случайно. *Характер отношений по оказанию бесплатных социальных услуг в настоящее время не позволяет распространить на них договорный режим правового регулирования.* Услуга как экономическая категория действительно имеет определенную имущественную ценность. Услуга как объект гражданских прав существует в рамках обязательственного гражданско-правового отношения. В обязательстве возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ) услугодатель вправе требовать от контрагента оплаты оказанной услуги. Здесь черта возмездности характеризует услугу как объект конкретного обязательства. Однако деятельность по оказанию услуг в социальных сферах имеет свои особенности. В ряде случаев, оплата такой услуги реализуется в рамках самостоятельного имущественного правоотношения, которое на основании п. 3 ст. 2 ГК РФ должно быть исключено из сферы гражданско-правового регулирования.

Основанием возникновения гражданско-правового обязательства возмездного оказания услуг является односторонний договор. Согласно ч. 1 ст. 423 ГК РФ возмездным является договор, «по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей». М. И. Брагинский к возмездным относит договоры, «которые предполагают получением каждой из сторон от ее контрагента определенной компенсации, ради которой заключается договор. Безвозмездными являются договоры, не предполагающие такой компенсации» [9, с. 308]. Если допустить, что между услугополучателем и учреждением, оказывающим социальную (бесплатную) услугу, существует гражданско-правовой договор, опосредующий указанные правоотношения, то он, очевидно, является безвозмездным, поскольку гражданин (контрагент) ничего учреждению не платит. Услуга оплачивается за счет средств другого лица, с которым учреждение также вступает в правоотношения. Возвращаясь к предложению Л. Б. Ситдиковой, попытаемся применить к отношениям по оказанию социальной услуги (услуги социального характера, оплачиваемой из бюджета) конструкцию договора в пользу третьего лица, регулирующую ст. 430 ГК РФ. Согласно ст. 430 ГК РФ таковым признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнение в свою пользу. В таком случае, кредитором в названном договоре будет публично-правовое образование, оплачивающее услугу, должником учреждение, на которое возложено оказание услуги, а третьим лицом гражданин-услугополучатель. Гражданско-правовой договор в пользу третьего лица может быть заключен только между равными субъектами на основании взаимного волеизъявления. Но характер отношений, возникающих между публично-правовым образованием (предполагаемым заказчиком и плательщиком социальной услуги) и учреждением (исполнителем социальной услуги) иной. Эти отношения императивно регулируются нормами отраслей публичного права. Социальные обязательства государства, закрепленные в Конституции РФ [55], реализуются государством через систему органов государственной (исполнительной) власти и местного самоуправления и создаваемых ими учреждений. Государство гарантирует гражданам получение бесплатного дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях, определенного объема бесплатной медицинской помощи, бесплатных услуг в сфере социального обслуживания населения посредством создания, наделения имуществом и финансирования за счет средств бюджета соответствующего уровня, государственных внебюджетных фондов, сети публичных учреждений. А учреждения, в свою очередь, обязаны оказывать социальные услуги в рамках осуществления ими своей основной деятельности в установленном государством объеме. Финансирование основной деятельности государственного (муниципального) учреждения, в которой заинтересован собственник, осуществляется в публично-правовом порядке и регулируется, прежде всего, нормами БК РФ. Следовательно, соответствующие отношения между учреждениями, оказывающими социальные услуги, и государством по вопросам финансирования социальных

услуг не являются гражданско-правовыми. Они строятся по вертикали, являются властно-подчиненными.

Согласно п. 3 ст. 2 ГК РФ к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым отношениям, гражданское законодательство не применяется. Как замечает М. И. Брагинский, «наличие между сторонами отношений власти и подчинения вообще исключает возможность применения не только гражданского законодательства, но и самой конструкции договора как такового» [9, с. 18]. Для оказания бесплатных медицинских услуг закон предусматривает создание посреднических организаций в системе ОМС (страховых медицинских организаций и фондов ОМС), аккумулирующих средства для оплаты гарантированных государством медицинских услуг и выполняющих функции контроля качества медицинских услуг в системе ОМС. Правоотношения, возникающие между указанными организациями и учреждениями, оказывающими медицинские услуги, императивно урегулированы законом. Они также не основаны на принципах равноправия сторон и автономии их воли, и, следовательно, не могут быть отнесены к сфере гражданско-правового регулирования. Правовая природа правоотношений по оказанию бесплатных медицинских услуг, как верно отмечает Ю. В. Данилочкина, своеобразна и «не соответствует ни одной правовой конструкции, предусмотренной гражданским законодательством, близка, скорее, не к договору в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ), а к обязанности третьего лица» [17, с. 25]. Данная обязанность, как представляется, реализуется в публично-правовых отношениях, что наиболее ярко проявляется на примере правоотношений, складывающихся в процессе оказания бесплатных образовательных услуг и бесплатных услуг в сфере социального обслуживания населения. Причем «обязанным» лицом выступает как государство, в лице соответствующих органов, которое должно оплачивать гарантированные бесплатные образовательные услуги и бесплатные услуги в сфере социального обслуживания населения, а также осуществлять контроль качества этих услуг, так и само учреждение, получающее целевое финансирование и реализующее при оказании подобных услуг возложенную на него государством социальную функцию.

Современная организация социального обслуживания населения построена на публично-правовых началах, выражающихся в планировании объема гарантированных социальных услуг, их видов, определении

нормативов финансирования учреждений, оказывающих социальные услуги, установлении стандартов качества социальных услуг, тарифов и уровня цен на социальные услуги, публичном контроле и надзоре за соблюдением названных требований. А нормы, регулирующие сферу социального обслуживания населения, представляют собой отдельный блок законодательства. К сфере гражданско-правового регулирования можно отнести только те имущественные отношения, которые основаны на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников (ч. 1 ст. 2 ГК РФ). Подобным образом строятся отношения между учреждением социального обслуживания населения и гражданином, не имеющим права на бесплатное получение «социальной» услуги, и опосредуемые договором на оказание платных «социальных» услуг. Другое дело, отношения по оказанию услуг в рамках государственного (муниципального) задания, обеспечиваемого за счет средств бюджета или внебюджетного фонда. Здесь отношения между учреждением, оказывающим социальную услугу, и гражданином строятся совершенно на иных принципах. Их можно причислить, к выделяемым А. В. Винницким, «отношениям зависимости одного лица от другого» или «взаимной заинтересованности, когда обе стороны подчиняются закону, который императивно устанавливает процедуру взаимодействия и объем встречных прав и обязанностей». Такого рода отношения, далекие от классического понимания отношений власти-подчинения, на наш взгляд, имеют публично-правовую природу, и в этой части мы соглашаемся с А. В. Винницким, который полагает, что указанные отношения не должны быть исключены из сферы публично-правового (административно-правового) регулирования [12, с. 84].

Таким образом, налицо разноотраслевой характер отношений, возникающих в процессе оказания «социальных» услуг, которые являются бесплатными для получателей, и платных услуг в сфере социального обслуживания населения. Отношения по оказанию бесплатных услуг в сфере социального обслуживания населения по действующему законодательству опосредуются нормами публично-правового характера и не могут быть отнесены к сфере гражданско-правового регулирования. Следовательно, оказываемая в рамках этих правоотношений социальная услуга не является объектом гражданских прав. Платные услуги в сфере социального обслуживания населения, должны быть отнесены к сфере гражданско-правового регулирования.

Литература

1. Алексеев, С. С. Об объекте права и правоотношения / С. С. Алексеев // Вопросы общей теории советского права: сб. статей / под ред. С. Н. Братуся. — М.: Госюриздат, 1960. — 406 с.
2. Баринов, Н. А. Имущественные потребности и гражданское право / Н. А. Баринов; под ред. Ю. Х. Калмыкова. — Саратов: Издательство Саратовского университета, 1987. — 192 с.
3. Баринов, Н. А. Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан: дис. ...д-ра юр. наук: 12.00.03 / Н. А. Баринов. — М., 1988. — 396 с.
4. Баринов, Н. А. Услуги (социально-правовой аспект) / Н. А. Баринов: монография. — Саратов: Стило, 2001. — 192 с.
5. Барков, А. В. Социальное обслуживание в условиях рыночной экономики: современные тенденции и перспективы развития / А. В. Барков // Трудовое право. — 2006. — № 9.
6. Барков, А. В. Социальные услуги и частное право / А. В. Барков // Цивилист. — 2007. — № 4.
7. Барков, А. В. Договор как средство правового регулирования рынка социальных услуг / А. В. Барков: монография. — М.: Юрист, 2008. — 291 с.

8. Белозеров, А. В. Понятие и содержание обязательства по возмездному оказанию образовательных услуг: дис... канд. юр. наук: 12.00.03 / А. В. Белозеров. – М., 2000.
9. Брагинский, М. И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 1998. – 682 с.
10. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга третья: договоры о выполнении работ и оказании услуг / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 2007. – 1055 с.
11. Буянова, М. О. Социальное обслуживание граждан России в условиях рыночной экономики (теоретико-правовой аспект): дис... д-ра юр. наук: 12.00.05 / М. О. Буянова. – М., 2003. – 325 с.
12. Винницкий, А. В. О необходимости законодательного закрепления института юридических лиц публичного права / А. В. Винницкий // Журнал российского права. – 2011. – № 5.
13. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. I: Общая часть / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 720 с. – (Классический университетский учебник).
14. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / Е. Д. Егоров, И. В. Елисеев [и др.]; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2006. – 784 с.
15. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2 / Е. Ю. Валявина, И. В. Елисеев и др.; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2006. – 848 с.
16. Гражданское право: учебник для студентов вузов обуч. по направлению 521400 «Юриспруденция»: в 4 т. Т. IV: Обязательственное право / В. В. Витрянский [и др.]; отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 816 с.
17. Данилочкина, Ю. В. О единообразии регулирования оказания медицинских услуг в Российской Федерации / Ю. В. Данилочкина // Медицинское право. – 2008. – № 2.
18. Жамкова, О. Е. Договор возмездного оказания медицинских услуг как гарантия соблюдения естественного права граждан на получение медицинской помощи / О. Е. Жамкова // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2006. – № 4.
19. Иоффе, О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. – М.: Юридическая литература, 1975. – 880 с.
20. Кабалкин, А. Ю. Сфера обслуживания: гражданско-правовое регулирование / А. Ю. Кабалкин. – М.: Наука, 1972. – 200 с.
21. Кабалкин, А. Ю. Гражданско-правовой договор в сфере обслуживания / А. Ю. Кабалкин. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
22. Кванина, В. В. Гражданское регулирование отношений в сфере высшего профессионального образования / В. В. Кванина. – М.: Готика, 2005. – 187 с.
23. Кванина, В. В. Договор на оказание вузом образовательных услуг / В. В. Кванина // Закон. – 2007. – № 4.
24. Красавчиков, О. С. Система отдельных видов обязательств / О. С. Красавчиков // Советская юстиция. – 1960. – № 5.
25. Красавчиков, О. С. Советская наука гражданского права (предмет, состав и система) / О. С. Красавчиков. – Свердловск, 1961. – 371 с.
26. Кратенко, М. В. Договор об оказании юридической помощи в современном гражданском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03 / М. В. Кратенко. – Томск, 2005. – 30 с.
27. Малеина, М. Н. Правовая природа и основание правоотношений «вуз-студент» / М. Н. Малеина // Правоведение. – 2002. – № 3.
28. Манохин, В. М. Хозяйственное обслуживание организаций и граждан (организационно-правовые вопросы) / В. М. Манохин. – М.: Юридическая литература, 1975. – 224 с.
29. Маркс, К. Соч.: в 50 т. – 2-е изд. – Т. 23 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы. – 1960. – 908 с.
30. Маркс, К. Соч.: в 50 т. 2-е изд. – Т. 26. Ч. I. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. – 477 с.
31. Минаев, В. Э. Договор возмездного оказания образовательных услуг: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03 / В. Э. Минаев. – М., 2009. – 222 с.
32. Нестеров, А. В. Понятие услуги государственной, общественной (социальной) и публичной / А. В. Нестеров // Государственная власть и местное самоуправление. – 2005. – № 11.
33. Право социального обеспечения России: учебник / М. О. Буянова, К. Н. Гусов и [др.]; отв. ред. К. Н. Гусов. 4-е изд., перераб и доп. – М.: Проспект, 2010. – 640 с.
34. Путило, Н. В. К вопросу о природе социальных услуг / Н. В. Путило // Журнал российского права. – 2006. – № 4.
35. Пучков, Е. А. Правовое регулирование договора возмездного оказания услуг: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03 / Е. А. Пучков. – М., 2006. – 146 с.
36. Санникова, Л. В. Услуги в гражданском праве России / Л. В. Санникова. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 160 с.
37. Санникова, Л. В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве / Л. В. Санникова. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 120 с.
38. Ситдикова, Л. Б. Теоретические основы услуг по законодательству РФ / Л. Б. Ситдикова // Юридическое образование и наука. – 2008. – № 1.
39. Ситдикова, Л. Б. К вопросу о трансформации правовой модели услуг в сферу обслуживания / Л. Б. Ситдикова // Юридический мир. – 2008. – № 2.
40. Ситдикова, Л. Б. Правовая природа медицинских услуг: гражданско-правовой аспект / Л. Б. Ситдикова // Российская юстиция. – 2010. – № 2.

41. Скорикова, Т. Н. Гражданско-правовое регулирование отношений по оказанию услуг сотовой связи : автореф. канд. юр. наук: 12.00.03 / Т. Н. Скорикова. – Томск, 2006. – 28 с.
42. Советское гражданское право: учебник: в 2-х т. Т. 2. / под ред. В. П. Грибанова и С. М. Корнеева. – М.: Юридическая литература, 1980. – 512 с.
43. Сокол, В. П. Проблемы понятия, правового регулирования и классификации гражданско-правовых услуг / В. П. Сокол // Журнал российского права. – 2009. – № 8.
44. Степанов, Д. Услуги как объект гражданских прав / Д. Степанов // Российская юстиция. – 2000. – № 2.
45. Суровцова, М. Н. Вуз как юридическое лицо / М. Н. Суровцова // Томский экономико-юридический институт. – Томск: ТГУ систем упр. и радиоэлектроники, 2005. – 152 с.
46. Терещенко, Л. К. Услуги: государственные, публичные, социальные / Л. К. Терещенко // Журнал российского права. – 2004. – № 10.
47. Третьякова, В. П. Обязательства возмездного оказания юридических услуг: автореф. дис. ...канд. юр. наук: 12.00.03 / В. П. Третьякова. – Томск, 2009. – 30 с.
48. Федорова, Ю. М. Возмездное оказание образовательных услуг в сфере высшего профессионального образования (гражданско-правовой аспект) / Ю. М. Федорова: монография; науч. ред. Р. П. Мананкова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. – 156 с.
49. Федорова, Ю. М. Договор возмездного оказания образовательных услуг в сфере высшего профессионального образования: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03 / Ю. М. Федорова. – Томск, 2010. – 26 с.
50. Шаблова, Е. Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг / Е. Г. Шаблова: автореф. дис. д-ра юр. наук: 12.00.03 / Е. Г. Шаблова. – Екатеринбург, 2003. – 45 с.
51. Шаблова, Е. Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: дис. ... д-ра юр. наук: 12.00.03 / Е. Г. Шаблова. – Екатеринбург, 2003.
52. Шерстобитов, А. Е. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере обслуживания / А. Е. Шерстобитов. – М., 1987. – 321 с.
53. Шешенин, Е. Д. Предмет обязательства по оказанию услуг / Е. Д. Шешенин // Сборник ученых трудов. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1964. – Вып. 3.
54. Шешенин, Е. Д. Общие проблемы обязательств по оказанию услуг / Е. Д. Шешенин // Антология уральской цивилистики: 1925-1989: сб. статей. – М.: Статут. – 2001.

Нормативно-правовые акты:

55. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Федеральными конституционными законами от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ // Российская газета. – 1993. – № 237. – 25 декабря; Российская газета. – 2009. – № 7. – 21 января.
56. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ: принят Государственной Думой 16 июля 1998 г.: одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г.: по состоянию на 3 декабря 2011 // Российская газета. – 1998. – № 148 – 149. – 6 августа.; Российская газета. – 2011. – № 278. – 9 декабря.
57. ГОСТ Р 50646-94. Услуги населению. Термины и определения: утв. Постановлением Госстандарта РФ от 21 февраля 1994 № 34 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант Плюс
58. Порядок принятия решений об установлении тарифов на услуги муниципальных предприятий и учреждений: утв. Постановлением Кемеровского городского Совета народных депутатов от 26 февраля 2006 № 323: по состоянию на 26 октября 2007 // Кемерово. – 2007. – № 40. – 5 октября. – Приложение «Официально»; Кемерово. – 2007. – № 44. – 2 ноября. – Приложение «Вестник».
59. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 779 и пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 06 июня 2002 № 115-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 1.

Информация об авторе:

Попова Диана Григорьевна – старший преподаватель кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса КемГУ, соискатель Юридического Института Национального исследовательского Томского государственного университета, 89043752508, popdi@rambler.ru.

Popova Diana Grigorievna – senior lecturer of Labor and Environmental Law and Civil procedure Dept. of Kemerovo State University, doctoral candidate of Law Institute (Tomsk state university).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Статьи принимаются в соответствии с перечнем научных направлений ВАК:

01.00.00	Физико-математические науки	10.00.00	Филологические науки
02.00.00	Химические науки	12.00.00	Юридические науки
03.00.00	Биологические науки	13.00.00	Педагогические науки
05.00.00	Технические науки	19.00.00	Психологические науки
07.00.00	Исторические науки и археология	22.00.00	Социологические науки
08.00.00	Экономические науки	23.00.00	Политология
09.00.00	Философские науки	25.00.00	Науки о земле

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.*

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов – через запятую).
5. Статья должна быть снабжена аннотацией на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2) i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2) j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24–28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках:** полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, редакция журнала «Вестник КемГУ»
Телефон: (3842) 58-13-01;
Факс: (3842) 58-38-85
Электронный адрес: vestnik@kemsu.ru
Адрес в Интернет: <http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

- Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год. Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).
- Подписка проводится через отделения связи по объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 42150, по каталогу российской прессы «Почта России» по индексу 51944.
- Стоимость подписки через подписные агентства указана в соответствующих каталогах.

Редакция журнала
приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

Подписано к печати 28.11.2012 г. Формат А 4.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 46,7. Уч.- изд. л. – 45,1.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. 40 лет Октября, 1б.